

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ
ИЗУЧЕНИЯ И ПРЕПОДАВАНИЯ
ИСТОРИИ, СОЦИАЛЬНО-
ГУМАНИТАРНЫХ ДИСЦИПЛИН
И ПРАВА

ВИТЕБСК
2018

Министерство образования Республики Беларусь
Учреждение образования «Витебский государственный
университет имени П.М. Машерова»

**АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ
ИЗУЧЕНИЯ И ПРЕПОДАВАНИЯ
ИСТОРИИ, СОЦИАЛЬНО-
ГУМАНИТАРНЫХ ДИСЦИПЛИН
И ПРАВА**

*Материалы международной
научно-практической конференции
к 100-летию исторического факультета
ВГУ имени П.М. Машерова*

Витебск,
26–28 апреля 2018 г.

*Витебск
ВГУ имени П.М. Машерова
2018*

УДК 378.147:[94+316.7+34](062)
ББК 74.484.0я431
А43

Печатается по решению научно-методического совета учреждения образования «Витебский государственный университет имени П.М. Машерова». Протокол № 3 от 28.02.2018 г.

Редакционная коллегия:

В.А. Космач (гл. ред.),
А.Н. Дулов (зам. гл. ред.), **Н.П. Никитина** (зам. гл. ред.), **С.В. Васильев** (зам. гл. ред.),
Н.В. Величко, А.Б. Демидов, В.Е. Егоров, Б.Б. Казак, А.П. Косов, С.Д. Лысых, И.В. Мандрик,
И.В. Николаева, Н.В. Попкова, С.П. Сидоров, И.С. Титенкова, Т.Г. Хришкевич

Рецензенты:

профессор кафедры истории Беларуси и славянских народов УО «БГПУ имени М. Танка» (Минск),
доктор исторических наук *А.М. Лютый*;
профессор кафедры социально-гуманитарных наук ВГУ имени П.М. Машерова (Витебск),
доктор философских наук *М.А. Слемнев*;
ведущий научный сотрудник Института всеобщей истории РАН (Москва),
кандидат исторических наук *Г.Н. Сапожникова*;
доцент кафедры правозащитной, правоохранительной деятельности, уголовного права и процесса
Псковского государственного университета (Псков),
кандидат юридических наук *И.В. Борисенко*

Актуальные вопросы изучения и преподавания истории, социально-гуманитарных дисциплин и права : материалы международной научно-практической конференции к 100-летию исторического факультета ВГУ имени П.М. Машерова, Витебск, 26–28 апреля 2018 г. / Витеб. гос. ун-т ; редкол.: В.А. Космач (гл. ред.) [и др.]. – Витебск : ВГУ имени П.М. Машерова, 2018. – 442 с.
ISBN 978-985-517-660-3.

Рассмотрен широкий круг проблем теории и методологии истории, источниковедения, историографии, всеобщей истории и истории Беларуси, международных отношений, правоведения и других социально-гуманитарных наук.
Данное научное издание может быть полезно историкам, юристам и другим специалистам в области общественных наук.
Материалы публикуются в авторской редакции.

УДК 378.147:[94+316.7+34](062)
ББК 74.484.0я431

ISBN 978-985-517-660-3

© ВГУ имени П.М. Машерова, 2018

ТЕОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ ИСТОРИИ. ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ

СОБЫТИЯ ИСТОРИЧЕСКОГО ПРОШЛОГО КАК ОБЪЕКТ СИМВОЛИЧЕСКОЙ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ

М.А. Слемнев (Витебск)

Историческое прошлое играет важную роль в организации жизнедеятельности людей в настоящем и выборе путей их движения в будущее. Основополагающими элементами социо-исторической реальности являются события той или иной общественной значимости.

Цель исследования – выявить специфику и раскрыть синергетические возможности символического представления событий исторического прошлого.

Историческое событие есть нечто уже случившееся, свершившееся, произошедшее в динамичной социальной реальности. Если воспользоваться языком М.Хайдеггера, это активная форма взаимодействия бытия сущего и времени, онтологически первичный, необратимый и неустраняемый акт их «взаимовручения» друг другу. Становясь постепенно историческим прошлым, конкретное событие может стать объектом пристального внимания со стороны как обыденного, так и научного сознания. Но оно может остаться незамеченным и предаться забвению. Многое здесь зависит от его влияния на функционирование и развитие общества. Однако в любом случае это не меняет бытийный статус случившегося: в социуме появился новый онтологический феномен, вошедший в топологически-темпоральный континуум в качестве устойчивого, безусловного, инвариантного компонента. Никакими субъективными усилиями отменить его нельзя, равно как и повторить в том же виде в новом хронотопе. Можно лишь попытаться создать его феноменальный или ноуменальный образы.

В решении этой необычайно трудной задачи решающую роль играет познавательная процедура, именуемая репрезентацией. Понятие «репрезентация» вследствие своей семантической многогранности не поддается однозначному определению. «Новейший философский словарь» предлагает в качестве рабочего варианта трактовать репрезентацию как «представление одного в другом и посредством другого» [1, с. 826]. Специфика рассматриваемого познавательного приема состоит в том, что «феномен репрезентации изначально задается как «запаздывающий» или вторичный относительно присутствия – презентации, то есть репрезентация возникает в силу отсутствия (в момент репрезентирования) объекта, который он репрезентирует» [1, с. 826]. Поскольку предъявить социальное прошлое настоящему в том виде, в котором оно пребывало в своей изначальной онтологической данности принципиально невозможно, то репрезентацию событий истории следует признать необходимым методологическим инструментом их познания.

Научная реконструкция исторического прошлого совершается в два этапа. На первом познавательные действия направлены на внешне-бытийную, феноменальную, явленную сторону исследуемых событий: фиксируются место и время их возникновения, обосновывается достоверность случившегося, указываются его топологические границы, продолжительность протекания, участники социальных действий и т.п. Описательно-информационная часть исследования проверяется и уточняется, в нее вносятся коррективы, включаются дополнительные, вновь обнаруженные сведения. При этом чем длиннее временная дистанция между прошлым и настоящим, тем более трудоемким оказывается процесс получения эмпирического знания об историческом событии.

Научно-исследовательская работа на анализируемой стадии исторического познания имеет множество нюансов. Но здесь не ставится задача поиска ноуменальной, сущностной стороны исторических явлений. Это компетенция интерпретационно-смысловой рефлексии, призванной обеспечить понимание исторического прошлого, выявление социальной сути произошедшего.

Для получения максимально полного концептуального слепок исторических событий необходим специальный научный язык. Вместе с тем, скрытый смысл событийного прошлого можно выразить при помощи семантически прозрачных символических образов, доступных для восприятия массовым сознанием. Ответственными за подобную репрезентацию, прежде всего, являются различные виды эпоса, художественная литература, кино, СМИ и, особенно, школьные учебники истории, с помощью которых закладываются стереотипные картины прошлого [2, с. 76-77].

Органическое слияние в исторических символах предметного образа и эксплицитного смысла, интуитивного и дискурсивного, чувственного и рационального приводит к тому, что они при наличии соответствующей информационно-пропагандистской и идеологической поддержке превращаются, как отмечал А.Ф.Лосев, в «знак, который волнует умы», становятся «не просто знанием, но конструктивно-техническим принципом для человеческих действий и волевой устремленности» [3, с. 30]. Не случайно, поэтому такие синергетические конструкты втягиваются в орбиту острых политических и этно-

конфессиональных батальи, подвергаясь не только мощному идеологическому давлению, но временами осквернению и даже физическому уничтожению.

Одна из характерных особенностей исторических символов состоит в том, что они имеют аксиологическую окраску. Большинство заметных событий прошлого является результатом взаимодействия социальных субъектов, пытающихся удовлетворить свои интересы и потребности. Последние соответствуют их жизненной правде, в соответствии с которой сущее всегда оценивается с позиции должного. Поэтому один и тот же интерпретируемый исторический факт следует проецировать на ценностные шкалы участников социальных действий. Это позволяет выявить смысловую, паратеоретическую раздвоенность исторического события: законное, правомерное, справедливое для одних не считается таковым для других. Выпячивание в политических целях какой-то одной из сторон и наделение ее с помощью новейших информационных технологий символической энергетикой чревато расколом общества. В целях консолидации различных социальных слоев необходимо искать исторические факты, которые имеют не узкосоциальное, а общенациональное звучание, символически объединяя разделенных пространством и временем многочисленные «Я» в целостное «Мы».

После распада СССР потребность поиска объединяющих «исторических аттракторов» остро встала практически перед всеми молодыми государствами, появившимися на постсоветском пространстве, в том числе и перед государством белорусским. Эпизоды исторического прошлого, способные стать синергетическим притягательным центром, должны соответствовать ряду требований. Основное среди них – быть выразителем ментального духа народа и, как следствие, приниматься как качество общезначимых символов если и не всеми, то, по меньшей мере, абсолютным большинством носителей исторического сознания. При этом очень важна их одинаковая привлекательность как для молодого, так и старшего поколения людей.

Социологические исследования, в том числе и проведенные кафедрой социально-гуманитарных наук ВГУ имени П.М.Машерова в рамках исследования состояния исторической памяти белорусов (БРФФИ, договор № Г 15-130 от 4 мая 2015 г.) свидетельствуют, что самым рейтинговым событием, которое вызывает чувство гордости за свой народ, является победа над фашизмом в Великой Отечественной войне. Оценочная память о ней среди жителей нашей страны (в отличие от таких важных событий в истории Беларуси как, например, Октябрьская революция 1917 года, образование БНР и БССР, принятие Декларации о Независимости и Конституции Республики Беларусь и др.) является достаточно целостной и не порождает противоречивых интерпретаций. В массовом сознании и старшего, и молодого поколения она выглядит как тяжелейшее испытание белорусского народа, который проявил в это время свои лучшие ментальные качества, чудеса стойкости и героизма. Самыми знаковыми персоналиями, внесшими наиболее весомый вклад в развитие белорусской культуры и государства, абсолютным большинством опрошенных признаны Франциск Скорина и Ефросинья Полоцкая. Научную и информационно-пропагандистскую работу по включению богатого прошлого страны в историко-символический мир белорусского народа надо проводить и дальше.

При исследовании состояния исторической памяти белорусов выявлено крайне слабое знание ими досоветского периода развития общества. И это касается не только старшего, но и молодого поколения, в том числе и студенческой молодежи. Это обстоятельство должно настораживать, ибо слабое «знание жителями Беларуси истории своей страны до начала XX века можно трактовать как «чистую доску», которая может быть заполнена сконструированной памятью...» [4, с. 98].

На пустом «историческом поле» в кризисные времена, может взойти весьма опасный «синергетический аттрактор». Наполнение его с помощью новейших информационных технологий деструктивной психологической энергией масс в состоянии круто изменить траекторию общественного развития. Яркий тому пример – события в соседней Украине, в которой за относительно короткое время с помощью переписанных учебников истории и активной работы СМИ удалось создать представление о России как о враге украинского народа во все времена его существования.

При конструировании символического образа своего исторического прошлого любой народ должен сегодня привлекать контекст если и не глобального, то смежного историко-дискурсивного пространства. В современном информационном мире любая локальная история пишется как бы на глазах всего человечества, по крайней мере, соседей. Утаить здесь ничего нельзя. Для создания позитивного международного имиджа страны и укрепления нравственного здоровья общества необходимо фокусировать массовое сознание не только на героических событиях и достижениях культуры прошлого, но и на тех эпизодах истории, которые порождают чувство горечи, а, нередко, и стыда за содеянное предшественниками (жестокое «раскулачивание» трудолюбивых крестьян, разгул антирелигиозного безумия с актами вандализма и др.). Это тоже «Мы» и перекладывать всю вину на внешних «Они», что часто делается, недопустимо. Реанимация памяти о «неудобных» исторических фактах – важное средство национального катарсиса.

1. Радионова, С.А. Репрезентация / С.А.Радионова // Новейший философский словарь: 2-е изд., перераб. и дополн. – Мн.: Интерпрессервис; Книжный Дом. – 2001. – 1280 с.
2. Табачков, А.С. Метатеоретическая репрезентация исторического прошлого / А.С.Табачков//– Минск: РИВШ. – 2009. – 242 с.
3. Лосев, А.Ф. Проблема символа и реалистическое искусство/ А.Ф.Лосев//– Москва: Искусство. – 1976. – 367 с.
4. Ластовский, А.Л. Специфика исторической памяти в Беларуси: между советским прошлым и национальной перспективой / А.Л. Ластовский // Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии. – 2009. – № 4(102). – С.88-99.

ЭПИСТЕМИЧЕСКИЕ КОНФИГУРАЦИИ ИСТОРИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ

А.П. Ждановский (Минск)

Принцип глобального эволюционизма выступает сегодня в качестве фундаментальной характеристики стиля научного мышления. Историческое знание как часть научной картины мира, занимающаяся исследованием сложноорганизованных социальных систем, само находится в постоянном процессе содержательных перестроек своих мировоззренческих оснований и аксиологических приоритетов. В его эволюции могут быть выделены философско-методологические программы (в лексиконе М.Фуко: «эпистемологические конфигурации знания», «эпистемы»), фокусирующиеся на вопросах природы исторического знания, специфики форм, методов познавательной деятельности, общественного призвания историка. Такие программы укоренены в мировоззрении исторической эпохи, входят в определенный резонанс с присущим ей типом переживания культуры.

Сущность просветительской эпистемы определяется тем, что сама позиция «современности» по сути отождествлялась с абсолютным разумом, надысторической инстанцией, откуда бытие обзревало в единстве своих временных измерений: прошлого, настоящего и возможного будущего: «общее высказывание требует всеобщего, или взаимозаменяемого, познающего субъекта. Общее высказывание и всеобщий, взаимозаменяемый субъект – это две стороны одной медали» [1, с. 142].

Пафос просвещенческой историографии – пафос критики. Критическому переосмыслению подвергаются труды античных авторов, средневековые источники. Получает распространение идея высшей социальной формы как цели исторического развития. И если бывали в прежней истории века, характеризовавшиеся расцветом ремесел и искусств, то просветители видели в них лишь редкие, скрытые начала благого, которые должны были исчезнуть, не получив сколько-нибудь развернутого воплощения.

Просвещенческая философско-историческая теория несла в себе определенный праксиологический потенциал. Историческое знание выступало как регулятор социально-практических преобразований, позволяя и государственному деятелю, и любому гражданину сравнивать законы и нравы разных государств, сопоставлять их с принятыми в собственной стране. Знание истории, как представлялось просветителям, помогает избегать ошибок и бедствий, имевшихся в прошлом и вызванных отступлениями от законов разума.

Стремясь раскрыть суть того или иного исторического периода, Просвещение прибегает к теории «единственного события», определяющего и сам факт наступления новой эпохи, и ее социокультурный облик. Реальная история как последовательная смена разнородных событий все более использовалась как «поставщик» эмпирических подтверждений тех или иных риторических фигур, обретая статус исторически-иллюстративного материала, значительно теряя при этом в своем «онтологическом наполнении». Постулируя истину как цель и регулятивный принцип познавательного процесса, Просвещение одновременно утрачивало интерес к проблеме достоверности исторического источника. Историческое знание, занимавшееся однократными событиями, эволюцией меняющихся нравов, устремлений, интересов, постепенно смещается на периферию философской картины мира, все более обращавшейся к законосообразному и всеобщему, составлявшему предмет математизированного естествознания. История «отлучается» от универсальной истины, превращаясь в источник познавательного скептицизма и релятивизма. Такая интенция Просвещения имела однако и определенные позитивные результаты. Просвещенческий разум, стараясь не теряться среди мелочей, обращается к значительным историческим фактам, к объективным обстоятельствам, породившим их. Соответственно, институализируются специальные исторические дисциплины, изучающие те или иные аспекты цивилизационной динамики: история нравов и литературы (Вольтер), история искусств (Винкельман), история промышленности и торговли (Герен). Освоение разнообразного этнокультурного материала, доставляемого исследователями, миссионерами, путешественниками из Индии, Китая, других стран Востока, вводит в научный оборот понятия «духа времени», «духа народов», которые при все своей семантической размытости способствовали в известной степени пониманию культурного многообразия мира, специфики развития разных этносов, определяемой особенностями климата, традиционно сложившихся политических систем, религиозных ценностей.

Историософская эпистема романтизма оперирует не столько понятием государства, сколько категориями нации, понимаемой как органическое единство, консолидированное духовными ценностями. На смену просвещенческому космополитизму и универсализму, фиксируемым понятиями «человечество», «свобода», приходят европеизм и национализм как единственно возможные, как представлялось романтикам, воплощения тотальности духа. Постигание исторического и культурного единства этноса оказывается возможным лишь в обращении к органической связи философских, художественных, правовых, морально-нравственных явлений соответствующей исторической эпохи. Утверждается синтетический идеал исторического познания, объединяющий в едином эпистемологическом комплексе историю литературы и быта, политики и философии, права и экономики.

Романтизм создает свою концепцию биографии, придавая особый статус творческой личности, обретающей свое значение в соотношении со всеобщим. Только в опыте творческой личности возможно индивидуализированное восприятие действующих в истории сил, ее духовных состояний, духа эпохи в их

неповторимой уникальности и значимости. Историческое познание преодолевает узкие рамки рационализма и выступает как фантазийно-творческое воссоздание прошлого для того, чтобы пережить его в настоящем. Романтизм актуализирует значение исторического документа, настаивая на объединении усилий философа и филолога. «От историка больше не требуется открывать и выражать общее знание, - он должен организовать его. Язык, используемый историком, больше не считается пассивным и неизменным посредником., он каждый раз адаптируется к обстоятельствам, в которых отдельный историк изображает или описывает фрагмент прошлого» [1, с. 144]. История предстает как единый процесс, как создание Бога, последовательное осуществление Божьего замысла в посюстороннем мире.

Постулируемое романтиками равновесие земного и трансцендентального, единичного и общего оказалось однако неустойчивым. Начавшийся еще в Просвещении и продолжавшийся позднее процесс рационализации философско-исторического мировоззрения, вытеснил имманентную установку познания в пользу трансцендентной, нацеливавшей исследователя на поиски надысторического замысла, воплощаемого реальной историей: «Отрицание априорного, неисторического масштаба, с которого начинается историческая наука., не свободно от метафизических предпосылок... Это можно показать на примере ведущих понятий указанного исторического мирозерцания. По своей общей устремленности такие понятия, правда, направлены на исправление предрешенности, присущей априористической конструкции истории. Но когда они полемически заостряются против идеалистического понятия духа, они остаются зависимы от него» [2, с. 249]. Такая ориентация независимо от воли ее адептов отделяла идею от факта, объяснение от конкретного события, цель от конкретного действия. «Под видом высшей философии в историю внедрялись тенденции, симпатии и антипатии историка как приверженца партии, церкви, представителя того или иного народа» [3, с. 170].

Романтическая эпистема, абсолютизовав холистический подход не могла не вызвать реакции противодействия, которая и не замедлила проявиться. Речь о представителях самой исторической науки, которые отталкиваясь от неприятия трансцендентальных принципов исторической эволюции, стремились сохранить связь общетеоретических обобщений с реальной историей стран и народов.

Идеальным результатом работы исследователя выступало составление компиляций исторических источников, включавших в себя все более широкие культурные ареалы. Низведением исторической теории на почву эмпирического знания занялись философы-позитивисты, замещая романтическое понятие цели понятием причины, отождествляя динамику истории с социальной физикой. Получил развитие процесс математизации исторического знания, подкрепленный возникнувшей практикой статистических исследований. Создавались предпосылки сближения истории и естественных наук, ширились возможности применения в историческом познании натуралистических методов, использования понятий-метафор, выработанных в науках о природе (раса, наследственность, вырождение, подражание и т.п.).

При всем содержательном несхождении романтической и позитивистской программ следует говорить о их принадлежности (вкупе с Просвещением) к одной духовной формации, воплощаемой в различных эпистемологических программах. Вместо составления картины случайных взлетов и падений государств, династий и т.п. романтизм стремится увидеть историческую эволюцию в ее целостности и развитии. Эволюционные представления представлены и в позитивистской эпистеме. Попытки периодизации истории принимаются романтиками (кругооборот циклов истории, концепция последовательного чередования форм духа или психологических форм), так и позитивистами (теория трех стадий Конта, восьми этапов Лампрехта, четырех политических периодов Брейзига). Общей характеристикой романтизма и позитивизма выступает их отход от социального атомизма, стремление оперировать культурными универсалиями («идеи», «дух», «нации» - романтизм; «массы», «расы», «общество», «техника», «наука», «экономика» - позитивизм). Романтическому стремлению установить органическую связь явлений соответствуют позитивистская ориентация на выявление взаимосвязи социальных факторов, попытки построения теорий цивилизаций и социальной истории, включающей эволюцию политики, литературы, философии, религии. Романтизм отказался от дидактическо-морализаторского образа истории, соответственно позитивизм стремился сделать ее наукой, строгим, обоснованным знанием.

В заключение следует отметить, что проанализированные эпистемы, подчиняя природу исторически развивающемуся разуму (Просвещение), жертвуя природой ради духа истории (романтизм), растворяя историю в природе (позитивизм), не пришли к системному видению развивающегося социо-природного целого. Однако сама фиксация внутренне противоречивых взаимодействий истории, духа, природы дала продуктивные импульсы развитию постклассического философско-исторического знания, обратившегося к выработке особых методов исторического познания (Дильтей, Риккерт, Виндельбанд), к построению всеобъемлющей картины исторической эволюции (школа Анналов) и ее пространственно-временной детализации (концепция микроистории).

1. Анкерсмит, Ф.Р. История и тропология: взлет и падение метафоры / Ф.Р.Анкерсмит. – М. : «Канон+», «Реабилитация», 2009. – 400 с.
2. Гадамер, Х.-Г. Истина и метод: Основы философской герменевтики / Х.-Г. Гадамер. – М. : Прогресс, 1988. – 704 с.
3. Кроче, Б. Теория и история историографии / Б.Кроче. – М. : Школа «Языки русской культуры», 1998. – 192 с.

ИНФОРМАЦИОННОЕ ПОЛЕ И ИСТОРИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ

Ю.А. Святец (Днепр, Украина)

Постановка проблемы. Историческое исследование опирается на информацию, извлеченную с материальных носителей, которые историки традиционно на протяжении нескольких столетий называют источниками. Это образ сосуда, из которого можно почерпнуть некоторую информацию, что утолит жажду знаний историка. Ожидается, что такая информация обязательно должна иметь отношение к такому симулякру [1], как прошлое, – нечто, случившееся в определенной мере отдаленное от нынешнего время. Однако, по моему мнению, возникает коллизия: если нечто происходило во времена, когда историк не жил и свидетелем чего не был, то как он может изучать это несуществующее нечто? И попутный вопрос: почему при субъективном выборе определенного объекта для познания историк не воспринимает именно его в качестве источника (информации), а отдает предпочтение медиаторам (посредникам), которые и признает истинными историческими источниками?

Целью данного исследования является формулирование и обсуждение рабочей гипотезы об информационном поле (далее – ИП) исторической науки.

Анализ научных исследований. Свойства информации возможно объяснить, опираясь на положения теории информационного поля (далее – ТИП), которые еще в 1970-х гг. разрабатывал А. А. Денисов. Эта теория позволяет с общих позиций описывать процессы в различных системах – технических, организационных, социальных, осуществлять анализ процессов управления общественными конгломератами (экономика, политика, наука, образование и т.п.) [12, с. 114]. Согласно со своей теорией А. А. Денисов рассматривал понятие «информация» как структуру материи, не зависящую от специфических особенностей последней [12, с. 115]. По его мнению именно структура как распределение материи в пространстве может быть охарактеризована количественно и является *собственно информацией* [12, с. 115]. Отражение ж структуры материи на качественно иных носителях или в нашем сознании выступает *информацией для нас* [12, с. 115]. Ученый утверждал, что собственно информация количественно превышает информацию для нас, хотя качественно эти две формы не разнятся [12, с. 116]. *Собственно информацию* А. А. Денисов рассматривал как сумму потоков информации от отдельных частей материального объекта или их совокупности, которые формируют информационное поле вблизи воспринимающего его измерителя (наблюдателя. – Ю. С.) [12, с. 116]. Кроме этой *информации восприятия* или *чувственной информации* автор ТИП указывал на *логическую информацию* или *информационный потенциал* [12, с. 115], характеризующий определенный класс в некотором смысле однородных объектов или свойств в силу семантического синтеза законов логики, правил функционирования системы и ее элементов [12, с. 117]. Пересечение информации восприятия и информационного потенциала ученый назвал *информационной сложностью* или *содержанием*, или *смыслом* [12, с. 115], т.е. произвольное распределение информации на фоне определенных для нее логических связей порождает определенный *смысл*. Обычно и в науке и в быту говорят, что некоторые ситуации обладают большим или меньшим смыслом с учетом определенных целей, и вследствие этого предполагается, что смысл ситуации возможно количественно измерить [12, с. 117].

По мнению Т. Ожерельевой [14, с. 22] и В. Цветкова [23] ИП обладает количественными и качественными характеристиками, т. е. информационным можно назвать такое поле, в каждой точке которого присутствует хотя бы один информационно определенный параметр [17, с. 179; 15, с. 23]. При измерении или наблюдении человек в ИП получает данные, служащие основой информации, информационных ресурсов, информационных моделей и знаний [14, с. 22]. По мнению В. Цветкова это следствие того, что объекты в ИП являются информационно ориентированными [17, с. 179]. ИП служит основой организации данных, обеспечивает интеграцию различных показателей в единую систему [17, с. 180], в силу того, что поле сохраняет и отражает свойство системности мира [17, с. 178]. Вместе с тем В. Цветков определил ИП как информационно определенное пространство с полевым параметром, т.е. ИП является некоторой проекцией информационного пространства [18, с. 10].

Некоторые социологи утверждают, что информационное пространство непосредственно связано с социальным, поскольку информационные процессы обеспечивают функционирование общества благодаря налаженным в нем каналам циркуляции информации, идей и научных представлений, распространения знаний. Информационное пространство стимулирует проектирование и внедрение новых технологий, изменение поведенческих стандартов, создание новых сфер труда и производства и т. п. [11, с. 4].

Т. Ожерельева вписывает ИП в информационное пространство, которое определяет как пассивное отражение окружающего мира [14, с. 22; 15, с. 22]. По ее убеждению в ИП обретаются реальные объекты, явления, процессы, тенденции [14, с. 22]. Отношения между ними трансформируются в информационные отношения [14, с. 22], т. е. ИП раскрывает характеристика и отношение информационного пространства [15, с. 24]. Поэтому не вполне логичным выглядит ее утверждение, что информационное пространство и ИП в равной степени имеют отношение ко всем объектам [15, с. 24], поскольку за ее же словами информационных полей может быть множество и каждое из них может существовать в ограниченной части информационного [15, с. 22].

Следует заметить, что ученые еще не договорились о консенсусе касательно сущности ИП. С лингвистических позиций, по мнению А. В. Болотнова, любое ИП (СМИ, текста, речевой личности) является вы-

раженный речевыми средствами концентрат информации (который автор ассоциирует со знаниями о мире) как результат первичной текстовой деятельности и объект вторичной текстовой деятельности [3, с. 29]. С другой стороны, А. В. Шевченко определяет ИП как совокупность всей сосредоточенной в данном объеме пространства-времени информации независимо от ее формы и состояния, от объекта отображения и субъекта восприятия [19]. Одно из наипростейших определений характеризует ИП как совокупность отражений информационной системы и одновременно как множество отражений множества значений информации [10, с. 216].

Похожие определения дают В. Я. Цветков и В. Г. Бондур, которые под ИП понимают отражение множества состояний реальных объектов, свойств, отношения которых со временем изменяются, что ведет к новым событиям [18, с. 10; 4, с. 108]. В. Г. Бондур считает понятие «информационное поле» общим. По его мнению мир в ИП предстает не только субстанционально (в виде информационных объектов, явлений, процессов, моделей), но и определяется средствами информационных отношений и форм, формообразования, самоорганизации и саморазвития [4, с. 109]. По утверждению автора ИП содержит отношения и связи, являющиеся результатом взаимодействия в реальном мире [4, с. 110]. Информационные отношения и связи обусловлены объективными отношениями и связями между объектами информационного поля. Информационные отношения отражают прямые, косвенные и вторичные отношения между реальными объектами и их частями [4, с. 111; 18, с. 11,12]. Именно ИП называют основой для формирования информационных моделей и реализации информационного моделирования [4, с. 110; 17, с. 180]. Информационной моделью В. Я. Цветков называет целенаправленное формализованное отражение существенных характеристик и отношений информационного объекта и информационного поля с помощью системы взаимосвязанных, идентифицируемых, информационно определяемых параметров [18, с. 11-12]. Исследователи обращают внимание на полисемии ИП [4, с. 110; 18, с. 11]. Разнообразие объектов и отношений отражается в отличных информационных описаниях, одним из вариантов которых В. Я. Цветков называет ИП [18, с. 10].

Поскольку история как наука изучает процессы, участниками которых являются люди, то можно говорить, что история изучает функционирование антропозосистем – систем, в которых происходит жизнедеятельность людей [8, с. 206]. Каждая такая система формирует ИП, которое, по идее украинских учёных, образуют информационные потоки трех уровней. Первый уровень охватывает культурные ценности, составляющие этническое самосознание людей и определяющие вхождение их в состав конкретного народа. Второй уровень образует система знаний и представлений как объект обмена и контактов. Третий уровень составляют конкретные профессиональные знания определенного коллектива или граждан [8, с. 207].

В связи с присутствием людей в информационном поле Р. Г. Болбаков выделил его субъект и объект [2]. Автор определяет ИП как реальный носитель, выявляющий, обрабатывающий и потребляющий информацию, обеспечивающий ее извлечение, транспортирование, хранение и визуализацию, а также сведения и знания, зафиксированные в различных формах, информационные продукты и изделия [2, с. 25]. ИП активно и исполняет роль описания смысла пространства внешнего мира [2, с. 27]. Для Р. Г. Болбакова ИП – атрибут социальной коммуникации, поскольку оно содержит объект и субъекта, способного к коммуникации и адаптации [2, с. 25]. Дефиниции «субъект» и «объект» ИП находятся в состоянии информационного взаимодействия. Объект информационного поля по Р. Г. Болбакову либо присутствует в ИП, либо его фиксируют на материальном носителе посредством искусственного (формального) языка [2, с. 27]. Субъекту автором отведена активная роль осуществления определенных операций над объектом ИП в силу обязательного условия, что субъект обладает свойством «интеллект» [2, с. 27]. Благодаря интеллекту субъект ИП формирует новые знания, проявляет отношения и закономерности в окружающем мире [2, с. 25], трансформирует неявные знания в явные на основе собственного и заимствованного опыта [2, с. 26].

Изложение основного материала. Ответ на поставленные при постановке проблемы вопросы имеет смысл искать в происхождении, природе и свойствах информации, универсальность и эластичность формы которой начали понимать со середины XX в. благодаря развитию компьютерных технологий и электронных коммуникаций. Историк отличается от прочих людей не только тем, что помнит даты и знает последовательности событий, но и обладает профессиональными навыками оперировать информацией, а именно – извлекать релевантную информацию со всего, что его окружает, с целью реконструкции явлений и событий прошлого. Если это так, то независимо от того, воспринял ли он некоторую информацию окружающего мира в данный момент, нельзя отрицать тот факт, что эту же информацию уже усвоил кто-то другой. Иначе, почему два историка, изучающие один и тот же объект, в общем дают отличные результаты освоения тождественной информации? Если отбросить такой фактор, как индивидуальный опыт каждого из историков, возможно сделать вывод, что информация о прошлом существует независимо от познающего субъекта, от его представлений, сознания, деятельности и т.п. Тогда информация не возникает из ничего и не исчезает бесследно, а преобразуется из одной формы в другую. Если это так, то информация о событиях и процессах в материальном мире и мире людей экзистенциальна. Она имманентна предметам материального мира людей и как вещество или энергия существует всегда. Материальный мир несет информацию (формирует ИП) благодаря своему полиморфизму. Представления об ИП согласуются с пониманием информации как меры снятой неопределенности (уменьшения энтропии).

Деятельность общества (людей) связывают с формированием культуры, в т. ч. и информационной. По одной из социологических концепций (*George Gerbner*) социальная информация возникает вследствие культурных коммуникаций. Для обеспечения таких коммуникаций люди создают различные знаковые системы, обуславливающие определенные контексты. По мнению С. В. Янковского социальная коммуникация структурируется информацией, элементы которой предполагают кодирование, трансмиссию и интерпретацию [20, с. 14]. С учетом информационной структуры социальная коммуникация представляет коммуникативный процесс, т.е. общение, обеспечение контактов и эффективного взаимодействия как членов сообщества, так и входящих в него социальных групп [20, с. 14]. Целью коммуникации является циркуляция информации в сообществе. Коммуникация становится возможной благодаря существованию определенных знаковых систем. С развитием общества знаковые системы усложняются и становятся более разнообразными. Люди изобретают широкий комплекс средств для «снятия» информации с ИП в виде знаковых систем. Ведь для того, чтобы получить и понять некоторую порцию информации реципиенту необходимо владение соответствующим кодом, на основе которого сконструирована знаковая система.

Знаковые системы раскрывают сущность информационной культуры [20, с. 15]. Сами же знаки обладают полисемией и не смотря на субъективное происхождение существуют объективно. Тема самым создается «реальность, существующая в виде знаков и знаковых систем, при этом семиотическая реальность от начала и до конца является плодом разума и рук человека» [13, с. 156]. Мир знаков модифицирует наши представления о реальном мире в коммуникационных процессах [13, с. 156]. По убеждению философа Н. А. Лукьяновой семиотическая реальность существует не независимо от нашего сознания и развивается по собственным законам, объективизируясь в форме зафиксированных в коммуникациях общественной традицией знаков и знаковых систем [13, с. 156]. Как утверждал семиотик Ч. С. Пирс мы мыслим исключительно с помощью знаков [16, с. 94]. Наши ментальные знаки обладают смешанной природой, а их символичные части называют концептами [16, с. 94]. Когда человек создает новый символ, то это происходит благодаря мыслям, содержащим концепты. Только из символов могут образовываться новые символы. Символ однажды появившись распространяется среди людей. В применении и опыте его значение возрастает [16, с. 94]. И наконец Ч.С. Пирс высказал важную для историков мысль: «Такие слова, как *сила, закон, богатство, свадьба*, означают для нас нечто вполне отличное от того, что они означали для наших диких предков» [16, с. 94].

Поскольку символы меняют и умножают свои значения, т.е. формируют полисемию, неминуемо встает проблема гносеологической неопределенности. По мнению А. М. Дорожкина и Д. Ю. Доронина ситуация неопределенности полисемична и метафорична, т.к. так называемые когнитивные метафоры и генерируют полисемию [9, с. 43]. Ученые обосновывают свой тезис наличием в методологии науки понимания моделирования как универсального когнитивного медиатора и ретранслятора информации от объекта к субъекту, как посредника познавательного процесса и как средства освоения сложными системами (а исторические явления и процессы принадлежат именно к таким), непосредственное изучение которых затруднено (например, вследствие разрушающей силы времени) или вообще не возможно на данном уровне научного познания [9, с. 42]. Трансляционная (интегративная) функция модели позволяет дать первичное описание еще не изученного явления не в имманентных ему терминах, поскольку язык интерпретации оригинала еще не сформировался и обычно недостаточно развит, а в терминах модельного аналога [9, с. 42]. Именно трансляционная функция моделирования, т.е. перенесения информации с известного на неизвестное, и порождает полисемию и метафоры, с которым историк вынужден прибегать в процессе исследования событий и явлений прошлого. «Метафора и полисемия являются когнитивными средствами и механизмами в ситуации неопределенности и решения проблемных ситуаций» [9, с. 43].

По гипотезе Ж. Фоконье и М. Тернера многозначность возникает вследствие когнитивной операции концептуальной интеграции [21]. «Полисемия распространена в языке и проявляется во многих формах. Это не просто несчастливый случай истории или синхронии, а скорее важное проявление гибкости, адаптивности и богатства потенциала смысла, заложенного в самом сердце того, что такое язык и зачем он необходим. Это также является симптомом (а не примитивной компонентой) того, в какой мере различные познавательные операции способствуют творчеству на многих уровнях» [22, р. 80]. Концептуальная интеграция представляет собой мгновенный процесс творческого соединения информативных элементов в системе ментальных пространств и реализуется в процессе динамического построения значения. Её смысл состоит в том, что структуры исходных (*input*) ментальных пространств проектируют на новое, конструируемое, ментальное пространство (*blend*). Бленд является целостным, компактным легко запоминаемым конструктом. Бленд не тождественен никакому из исходных пространств и не сводим к сумме их элементов [6, с. 82; 24, р. 13]. Основополагающую идею теории концептуальной интеграции формулируют как двуединую систему. С одной стороны, одной из основных особенностей человека, отличающей его от других биологических видов, является способность создавать новые смыслы на основе уже существующих. С другой стороны, одна из основных форм реализации этой способности, которая получает разнообразное применение в языке и культуре, заключается в порождении новых смыслов интегрального ментального пространства (*blending space*), или бленда, на основе нескольких базовых ментальных пространств (*input space*) [7].

Поскольку историки в профессиональной деятельности для представления результатов исследований используют естественные языки, то важно помнить, что полисемия является неотъемлемым свойством

таких языков. Многозначность, с одной стороны, является следствием собственно естественного языка, а, с другой, – характерной чертой функционирования сознания. Слова естественных языков предоставляют универсальную основу для развития полисемии [5, с. 20]. Естественные языки расширяют многозначность своих единиц, благодаря чему ограниченное их количество позволяет увеличивать число значений, тем самым достигая речевой экономии [5, с. 19].

Проблема выбора адекватного значения (смысла) неотделима от рассмотрения лексической многозначности. Такой выбор осуществляют в результате анализа фиксированного набора конвенциональных значений с учетом контекста. Во время выполнения операции выбора не только избирают адекватное значение из множества уже существующих, но и формируют новые значения соответственно контексту [5, с. 20].

Выводы. Объекты и события своей экзистенцией формируют неоднородность материального мира, что влечет за собой энтропийные процессы энергетического и информационного профилей. Материальный мир обладает информационным полем, существующим благодаря непрерывным коммуникационным процессам. Эта семиотическая реальность является результатом интеллектуальной деятельности людей. Знаки и символы существуют объективно. Они со временем приобретают дополнительные значения, т.е. становятся полисемичными. Историки для «завершения» коммуникации с прошлым выявляют в ИП знаки и символы, которые были созданы в минувшие времена, распространились в обществе, приобрели дополнительные значения и бытуют ныне. Полисемия порождает также когнитивную неопределенность в ходе исторического исследования. Поскольку знаки и символы полисемичны, то они формируют множественность ретроспективных сценариев исторических исследований на стадии постановки проблемы. На этапе же ее решения происходит активное взаимодействие историка с ИП, состоящее в верификации эмпирическими данными существующих научных гипотез. На этой стадии историк проводит эвристическую, аксиологическую и селекционную работу, результатом которой становится некий бленд – авторская версия историописания.

1. Бодриар, Ж. Симулякры и симуляция / Ж. Бодриар. - Тула : [б.н.], 2013.
2. Болбаков, Р. Г. Взаимодействие субъекта и объекта в информационном поле / Р. Г. Болбаков // Перспективы науки и образования. – 2017. – № 1(25). – С. 24–28.
3. Болотнов, А. В. Информационное поле и его типы в медиакommunikации : лингвистический аспект / А. В. Болотнов // Вестник Томского государственного педагогического университета. – 2015. – № 9(162). – С. 28–33.
4. Бондур, В. Г. Информационные поля в космических исследованиях / В. Г. Бондур // Образовательные ресурсы и технологии. – 2015. – № 2(10). – С. 107–113.
5. Боярская, Е. Л. Некоторые аспекты когнитивной теории многозначности / Е. Л. Боярская // Вестник Российского государственного университета им. И. Канта. – 2010. – № 2. – С. 19–27.
6. Боярская, Е. Л. Полисемия как результат концептуальной интеграции / Е. Л. Боярская // Вестник Российского государственного университета им. И. Канта. Филологические науки. – 2006. – № 2. – С. 81–86.
7. Глебкин, В. В. Теория концептуальной интеграции Ж. Фоконье и М. Тернера: опыт системного анализа / В. В. Глебкин // Вопросы философии. – 2013. – № 9. – С. 161–174.
8. Гринь, С. О. Інформаційне поле антропоєкосистеми та його проблеми / С. О. Гринь, П. В. Кузнєцов, М. І. Главчев // Вісник національного технічного університету «Харківський політехнічний університет». Серія : Інформатика та моделювання. – Х., 2005 р. – Вип. 56. – С. 206–209.
9. Дорожкин, А. М. Гносеологическая неопределённость в научной и мифологической рациональности / А. М. Дорожкин, Д. Ю. Доронин // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. – 2012. – № 1(3). – С. 35–46.
10. Дрюков, Н. Ю. Методы формирования информационного поля в информационной системе / Н. Ю. Дрюков, Ю. А. Гатчин // Научно-технический вестник информационных технологий, механики и оптики. – СПб., 2007. – Вып. 40. – С. 215–220.
11. Игнатов, В. С. Информационное пространство. Структура и функции / В. С. Игнатов, Д. В. Пименова // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. – 2007. – № 3. – С. 3–10.
12. Козлов, В. Теория информационного поля и информационный подход к анализу систем / В. Козлов // Прикладная информатика. – 2010. – № 3(27). – С. 113–128.
13. Лукьянова, Н. А. Семиотическая сборка субъекта в социальном конструировании / Н. А. Лукьянова // Вопросы социальной теории. – 2013–2014. – № 1-2. – Т. 7. – С. 155–167.
14. Ожерельева, Т. А. Модели отношений данных в информационном поле / Т. А. Ожерельева // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. – 2015. – № 2. – С. 22–24.
15. Ожерельева, Т. А. Об отношении понятий информационное пространство, информационное поле, информационная среда и семантическое окружение / Т. А. Ожерельева // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. – 2014. – № 10. – С. 21–24.
16. Пирс, Ч. С. Что такое знак? / Ч. С. Пирс // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. – 2009. – № 3(7). – С. 88–95.
17. Цветков, В. Я. Естественное и искусственное информационное поле / В. Я. Цветков // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. – 2014. – № 5. – С. 178–180.
18. Цветков, В. Я. Информационное описание картины мира / В. Я. Цветков // Перспективы науки и образования. – 2014. – № 5(11). – С. 9–13.
19. Шевченко, А. В. Проблемы формирования психосемантического поля информационного пространства / А. В. Шевченко // Государственная информационная политика : концепции и перспективы. - М.: [б.н.], 2001.
20. Янковский, С. В. Моделі соціальних комунікацій / С. В. Янковський // Вісник Маріупольського державного університету. Серія : Філософія, культурологія, соціологія. – Маріуполь, 2011. – № 1. – С. 12–19.
21. Fauconnier, G. Polysemy and conceptual blending / G. Fauconnier, M. Turner // Trends in Linguistics. Studies and Monographs. – Mouton De Gruyter. – Vol. 142. – P. 77–93.
22. Fauconnier, G. Polysemy and Conceptual Blending / G. Fauconnier, M. Turner // Polysemy: Flexible Patterns of Meaning in Mind and Language / ed. by B. Nerlich, V. Herman, Z. Todd, D. Clarke. – Berlin; New York : Mouton de Gruyter, 2003.
23. Tsvetkov, V. Y. Information field / V. Y. Tsvetkov // Life Science Journal. – 2014. – № 11(5). – P. 551–554.
24. Turner, M. Frame Blending / M. Turner // Frames, Corpora, and Knowledge Representation / ed. F. R. Rossini. – Bologna : Bononia University Press, 2008. – P. 13–32.

ИСТОРИЧЕСКАЯ НАУКА В СОВРЕМЕННОМ ГЛОБАЛИЗАЦИОННОМ КОНТЕКСТЕ

Е.М. Михайлова (Чебоксары, Россия)

В принятом в 2012 г. Федеральном законе РФ «Об образовании в Российской Федерации» в ст. 3 «Основные принципы государственной политики и правового регулирования отношений в сфере образования» одними из принципов государственной политики в сфере образования выделены «гуманистический характер образования, приоритет жизни и здоровья человека, прав и свобод личности, свободного развития личности, воспитание взаимоуважения, трудолюбия, гражданственности, патриотизма, ответственности, правовой культуры, бережного отношения к природе и окружающей среде, рационального природопользования», «защита и развитие этнокультурных особенностей и традиций народов Российской Федерации» [7]. Данный концептуальный подход актуален не только для российского образования, но и других национальных образовательных систем. В частности, ст. 2 «Основы государственной политики в сфере образования» Кодекса Республики Беларусь об образовании предусматривает сохранение и развитие традиций национальной системы образования при интеграции в мировое образовательное пространство, «обеспечение деятельности учреждений образования по осуществлению воспитания, в том числе по формированию у граждан духовно-нравственных ценностей, здорового образа жизни, гражданственности, патриотизма, ответственности, трудолюбия» [2]. В реализации этих стоящих перед системой образования задач особое место занимает историческое образование.

Говоря об истории, надо иметь в виду две основополагающие ее ипостаси – как науки и как образования. Кратко остановимся на проблемных аспектах этих обеих сторон исторической науки.

Тенденция глобализации, охватывающая практически все стороны общественной жизни, не оставила в стороне и систему образования, актуализируя необходимость инкорпорации национальных моделей образования в мировое образовательное пространство, достижения их соответствия мировым стандартам. Несомненно, что подобные тенденции несут немало положительных моментов, в частности, расширение информационного пространства и возможностей межкультурного диалога, активное внедрение в историческую науку инновационных методов, компетентностная методология, ориентированная на функциональные компетенции и т.п. [4, с. 22].

Позитивным является и то, что методологические достижения мировой исторической науки становятся предметом взаимного обогащения исследователей-историков. В последние десятилетия российская историческая наука обогатилась новыми идеями, получившими довольно глубокую проработку в мировой историографии – социальная антропология, гендерная история, постмодернизм и т.д. Предметное поле исторического исследования расширяется обращением к мемориальной парадигме. В исследовательский процесс активно внедряются казуальная история, рассмотрение роли особенного, специфического в истории, проявляется заметный интерес к частным фактам и явлениям, истории повседневности, к психоэмоциональной реакции индивида на происходящие события.

Надо признать, что такие методологии, безусловно, несут новый значимый потенциал в исследовательский процесс, однако не могут, на наш взгляд, заменить сформированные в национальных исторических науках концептуальных, фундаментальных методологий. В свете общественно-политических трансформаций в последней четверти века формационная концепция и превалирование социального подхода в изучении истории показали свою недостаточность и ограниченность. Но признать их полную несостоятельность тоже было бы неверно. Речь должна идти, скорее всего, о комбинации новых методов с системно-структурным целостным методологическим контентом. Как отметил в одном из своих выступлений президент исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова С.П. Карпов, «у нас подчас не хватает смелости открыто сказать, что не все забытое старое плохо, что многие традиционные приоритеты не утрачивают своего значения и ныне, когда каждое поколение историков создает свою историю. Есть вечные ценности и универсальные истины. Отказ от них – регресс. Традиция и новация не противопоставление, а необходимое взаимодополнение» [1].

На наш взгляд, рассматривая методологические стороны истории как научной школы, надо исходить из целесообразности многофакторной основы исследовательского процесса. Выработанные в отечественной исторической науке такие концептуальные методологические принципы, как историзм, объективизм, системность, социальный подход и другие, при всей бесспорной значимости частно-фактологических и казуальных методов, остаются именно теми принципами, которые определяют научную достоверность, добротность, академизм и качество исторического исследования.

Следующий проблемный аспект, на который хотелось бы обратить внимание – социокультурная и государствоведческая составляющая истории.

Выполняя, прежде всего, мировоззренческо-воспитательную функцию, историческая наука выступает важнейшим фактором формирования личности и гражданина, фактором консолидации общества, несущим в себе потенциал духовно-нравственной и социокультурной скрепы общества, воспитание национального характера, социальной и национальной ответственности, осмысления национальных корней, осознания своего государственного и гражданского долга [3, с. 35]. Эти краеугольные задачи исторической науки яв-

ляются доминантными независимо от меняющихся эпох. Данное предназначение исторического образования сохраняет свою актуальность и в контексте современных глобализационных процессов.

В реалиях общественной жизни мы сегодня наблюдаем не только позитивные стороны глобализационного процесса, охватившего мир. Широкие возможности общения, технологический комфорт, расширение товарного обмена и другие положительные последствия глобализации налицо. Но, с другой стороны, глобализационная модернизация сопровождается нивелированием духовно-идейных концептов, заменой их потребительскими стандартами. Рыночная система и индивидуалистическая парадигма общественных отношений продуцируют новую ценностную матрицу, основанную на приоритете личной свободы и частного интереса. Происходящие сегодня в общественном сознании подобные трансформации необходимо учитывать в образовательной системе. Игнорирование наработанного национальной моделью образования опыта в попытках универсализации системы образования чревато опасными тенденциями ценностной дезориентации общества. Размывая национальную самобытность и социокультурный ценностный код, современная массовая культура выхолащивает историческое и культурное богатство народа. Унификация и стандартизация способны размывать историческую национальную субъектность. Некритическое копирование западных моделей и стандартов несут небезопасный для государства и общества удар по духовно-ценностной скрепе. В данной плоскости социально-политической жизни оправдано оптимальное сочетание внедряемых новаций и доказавших свое жизнеутверждающее начало традиций. Подобный оптимум конструктивного синтеза традиционных констант и методологических новаций представляется более целесообразным и в историческом образовании.

В стремлении найти алгоритм компетентностных умений и навыков в современную систему образования внедряются новые технические критерии оценки исторических знаний. Но надо признать, что подобные критерии в виде пресловутого ЕГЭ не позволяют проверить системность и целостность знаний, тем более умение анализировать исторические события и явления, проследить их причинно-следственную обусловленность. Сокращение часов на историю как на учебную дисциплину, внедрение за ее счет других «наук о человеке» в совокупности с вышеотмеченными проблемами размывают фундаментальность исторических знаний и системность исторических представлений молодых людей.

К сожалению, уровень исторической грамотности молодежи на современном этапе оставляет желать лучшего, и это не может не вызывать тревогу. Кстати, эта проблема не нова, о подобных проявлениях представители интеллектуальной и политической мысли российского общества говорили еще в начале XX в. В частности, на проходившем в ноябре 1908 г. Волжско-Камском областном патриотическом съезде отмечалось следующее: «Наши дети знают историю не только Греции и Рима, но даже Ассирии и Вавилонии; они осведомлены о достопримечательностях Австралии, Новой Зеландии и Южной Америки; им известны флора и фауна африканских пустынь и Полинезийских островов... Но России они не знают!» [5, с. 15]. Данный вопрос поднимался и политическими партиями. Например, в решениях проходившего в ноябре 1915 г. в Нижнем Новгороде Всероссийского монархического совещания правых партий и организаций относительно системы образования подчеркивалось: «Для усиления воспитательных начал ввести обязательные собеседования на религиозно-нравственные и патриотические темы, возложив это на обязанность законоучителей, инспекторов и классных наставников, дав этим лицам широкий простор в организации этих чисто национально-русских собеседований» [6, с. 64].

Историческое образование выполняет консолидирующую общество функцию, оно призвано формировать духовно-нравственные ориентиры, воспитывать чувство единства народа, его сопричастности к истории страны. На историческом образовании лежит задача воспитания человека, гражданина, патриота, формирования ценностной координаты, уважительного отношения к традициям, друг к другу. Без понимания необходимости фундаментального исторического образования, бережного отношения к апробированным системным концептуальным методологиям с опорой на имеющийся в национальной образовательной системе опыт и, конечно же, с учетом достижений мировой исторической науки и образования, невозможен научный и духовный прогресс общества.

1. Карпов, С.П. Историческая наука на современном этапе: состояние и перспективы развития. – Режим доступа: <http://www.hist.msu.ru/Science/History/karpov2009.htm> - Дата обращения: 20.02.2018.
2. Кодекс Республики Беларусь об образовании. – Режим доступа: // <http://pravo.levonevsky.org/kodeksby/krboo/20160905.htm>. - Дата обращения: 20.02.2018.
3. Михайлова, Е.М. Консервативные традиции и современные проблемы образовательной политики //Актуальные проблемы современного образования: теория и практик: сборник материалов международной заочной научно-практической конференции. - Чебоксары: ЧКИ РУК, 2013. - 276 с. С. 33-37.
4. Михайлова, Е.М. Новации и консервативная парадигма в современной исторической науке // Найновите научни постижения – 2014: материали за X международна научна практична конференция (17-25 марта 2014). Т. 15. История. - София: «Бял ГРАД-БГ» ООД, 2014. - 88 с. С. 21-23.
5. Первый Волжско-Камский областной патриотический съезд. - Харьков: Мирный труд, 1909. - 37 с.
6. Труды Всероссийского совещания в г. Нижнем Новгороде уполномоченных правых организаций с 26 по 29 ноября 1915 г. - Петроград, 1916. - 68 с.
7. Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» № 273-ФЗ от 29 декабря 2012 года с изменениями 2018 года. – Режим доступа: <http://zakon-ob-obrazovanii.ru/>. - Дата обращения: 20.02.2018.

ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЙ ПОДХОД В ИССЛЕДОВАНИИ ИСТОРИИ РОССИИ: ВОЗМОЖНОСТИ ПРИМЕНЕНИЯ

А.В. Баранов (Краснодар, Россия)

Статья посвящена актуальной теме эвристических возможностей исследований российской цивилизации в исторической науке. Цель статьи – определить возможности исследования российской цивилизации в современной исторической науке.

Тема уже привлекала внимание исследователей (А.С. Ахиезера [1], Л.И. Семенниковой [2], И.Г. Яковенко [3], Б.С. Ерасова [4]). Но цивилизационный подход трактуется противоположно в идейных направлениях либерально-западнической и консервативно-россиецентричной историософии.

Цивилизация – это общественная макросистема, объединяющая индивидов, социальные группы и территориальные сообщества на основе мировоззрения («духовного ядра»). «Духовное ядро» составляет структурообразующий компонент цивилизации. От него зависят способы взаимодействия общества с природой, экономическая, социальная, политическая, социокультурная подсистемы социума. Самобытность – явление историческое, подверженное изменениям. Но «духовное ядро» остается устойчивым, сообщает преемственность, устойчивость подсистемам общества.

«Духовное ядро» включает в себя, по Э. Шилзу, компоненты: «картину мира»; смысловую трактовку жизни и смерти, добра и зла, успеха и неуспеха; религиозные ценности; осмысление власти и права; понимание соотношения «индивид – группа – общество – человечество». На основе «центральной», осевой системы ценностей исторически складываются и передаются от поколения к поколению социокультурные традиции. Они проявляются повседневно в форме установок и стереотипов деятельности [5, с. 171-176].

«Ядро» цивилизации связано с «периферийными» подсистемами ценностей, которые обеспечивают возникновение и адаптацию новшеств в рамках традиции. «Ядро» цивилизации исторически изменчиво, в каждом случае оно имеет своеобразное содержание и степень однородности. «Духовное ядро» цивилизации выполняет такие функции, как воспроизводство самобытной традиции; интеграция и структурирование общества; адаптация новшеств.

Другой актуальный вопрос: сводится ли «палитра» обществ к противопоставлениям «Восток – Запад» и таких дихотомических качеств, как застой – динамика, сакральность – секулярность, коллективизм – индивидуализм, бесправие – законность? Или существует сложное множество цивилизаций, проявления которых не сводимы к бинарной оппозиции «Восток – Запад»? Некоторые цивилизации имеют «мозаичное» и расколотое ядро базовых ценностей, что аргументировано на российском материале А.С. Ахиезером [1, т. 1, с. 141-142].

Парадигма исследования основана на принципах преемственности исторического пути страны, выявления смыслов национальной идентичности, осмысления России как исторической закономерности евразийского пространства, «страны – континента» [6, с. 64; 7, с. 195]. Традиция России – надэтническая (на основе симбиоза этнических и конфессиональных традиций, с ключевой ролью русского ядра) [8, с. 47]. И.Б. Орлова называет российскую цивилизацию евразийской, сложившейся в итоге более чем тысячелетнего взаимодействия народов «срединного континента» от Китая до Европы. Она обладает цивилизационной идентичностью, не уничтожающей этническое, религиозное, территориальное самосознание [9, с. 109, 112].

На наш взгляд, надэтническая парадигма «страны – континента» с признанием консолидирующей роли православного ядра корректно осмысливает историческую специфику нашего цивилизационного ареала. В противоположность западной цивилизации, российская не ассимилировала этнические и конфессиональные меньшинства, а интегрировала их в имперскую систему. Славянское большинство населения при этом несло на себе повышенную налоговую, административную и военную нагрузку [10, с. 566–567].

«Матрица» российского общества исторически включает в себя систему идей и ценностей, выросших на почве православного мировоззрения: соборность, единство духовной и светской власти (симфонию), морализм права, «добротолубие». В исследованиях Л.В. Милова и Б.Н. Миронова доказано, что такой выбор не был случайностью, а диктовался природными – крайне суровыми условиями жизни в Северной Евразии [10; 11]. По истокам «матрица» России близка традиционалистскому восточному типу. В основе политической системы до 1861 г. было не самоорганизованное гражданское общество, как на Западе, а идеократическое «государство правды», контролирующее потоки власти и собственности. Такая система обеспечивала самостоятельность России в системе государств Европы, создавала условия выживания и интеграции общества [12, с. 33, 54, 69-70].

Но такое государство сохранялось и воспроизводилось не автоматически, а вследствие эффективности, соответствия экономическим и политическим, международным вызовам своего времени. Буржуазные реформы 1860-х –1870-х гг. и 1905–1911 гг. по идеологии и институциональным формам были западническими, они подрывали традиционное общественное и государственное устройство.

Обратим внимание на «переходное общество», которое способно долго сохранять самобытные механизмы регуляции в ходе навязанных «извне» реформ. Опыт России и стран Востока доказывает, что подобное состояние может длиться веками [15, с. 173]. Этот вывод коррелирует с обоснованной в исследованиях истории

XX века теорией многоукладности. Россия переживает модернизацию с начала XVIII в. по настоящее время. Но навязанные в ходе «неорганичного импорта» институты, общественные отношения, идентичности и общественные доктрины, если они выживают в России, то получают адаптированную к национальным условиям форму. Модернизация России всегда была фрагментарной, проводилась усилиями правящих элит «сверху», а не вызревала в замыслах институций гражданского общества. Целью такой модернизации было достичь экономической, технологической и военно-дипломатической конкурентоспособности, сохранив при этом имперскую политическую и традиционную религиозную системы общества.

Сделаем выводы о сфере применения и эвристическом потенциале цивилизационного подхода в исторической науке России. Цивилизация трактуется как социокультурная макросистема, присущая надэтническому и надгосударственному сообществу в силу самобытности его мировоззрения. Ценности и ориентации культуры входят как неотъемлемый компонент в «духовное ядро» цивилизации. Этим определяется соотношение цивилизационного подхода с другими исследовательскими стратегиями: историко-нарративной, политической, правовой, социологической, культурологической. Цивилизационный подход позволяет выявить «черты вечного» в краткосрочном историческом процессе; дает возможность сравнить проявления преемственности и новшеств в текущих фактах и явлениях.

Цивилизационный подход применим во всех отраслях и на всех уровнях исторических исследований. Обозначим отрасли науки, в которых цивилизационный подход дал зримые результаты либо вызвал актуальные дискуссии. Это – цивилизационная компонента политических учений и идентичности; социокультурный контекст законодательства и политических идеологий; анализ типологии власти и политических систем; осмысление диалектики имперского и этноконфессионального принципов в государственном строительстве; центр-периферийное взаимодействие; внутригосударственные факторы участия России в международных отношениях.

Российская цивилизация трактуется как самобытная, развивающаяся циклически, связанная с континентальным пространством Евразии. Ядро ценностей российской цивилизации определяется православием и русскими этническими традициями, но данная социокультурная система полиэтнична и поликонфессиональна. Она секулярна в своих проявлениях после 1917 г.

Сделан вывод о разрыве между конкретно-историческими, специальными исследованиями и историософской традицией. Это состояние профессиональной исторической науки затрудняет выполнение её идеологических и воспитательных задач в российском обществе. Перспективным для осмысления российской истории как выражения цивилизационных качеств становится обновленное евразийство.

1. Ахиезер, А. С. Россия: Критика исторического опыта / А. С. Ахиезер. – М.: Философское общество СССР, 1991. – Т. 1. – 319 с.
2. Семенникова, Л. И. Цивилизационные парадигмы в истории России / Л. И. Семенникова // Общественные науки и современность. – М., 1996. – № 6. – С. 44–57.
3. Яковенко, И. Г. Познание России: Цивилизационный анализ / И. Г. Яковенко. – 2-е изд., перераб. и доп. М.: РОССПЭН, 2012. – 671 с.
4. Ерасов, Б. С. Цивилизации: Универсалии и самобытность / Б. С. Ерасов. – М.: Наука, 2002. – 524 с.
5. Шилз, Э. О соотношении центра и периферии / Э. Шилз // Сравнительное изучение цивилизаций: Хрестоматия / сост. Б. С. Ерасов. – М.: Аспект Пресс, 1998. – С. 171–176.
6. Ерасов, Б. С. Социокультурные и геополитические принципы евразийства / Б. С. Ерасов // Полис. – М., 2001. – № 5. – С. 65–74.
7. Цымбурский, В. Л. Сколько цивилизаций? (С Ламанским, Шпенглером и Тойнби над картой XXI века) / В. Л. Цымбурский // Pro et contra. – М., 2000. – Т. 5, № 3. – С. 173–197.
8. Каспэ, С. И. Империя и модернизация: Общая модель и российская специфика / С. И. Каспэ. – М.: РОССПЭН, 2001. – 256 с.
9. Орлова, И. Б. Евразийская цивилизация: Социально-историческая ретроспектива и перспектива / И. Б. Орлова. – М.: Норма, 1998. – 280 с.
10. Милов, Л. В. Великорусский пахарь и особенности исторического процесса / Л. В. Милов. – М.: РОССПЭН, 2001. – 571 с.
11. Миронов, Б. Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.): Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства / Б. Н. Миронов. – 3-е изд. – В 2 т. – СПб.: Дмитрий Буланин, 2003. – Т. 2. – 583 с.
12. Мошелков, Е. Н. Переходные процессы в России: Опыт ретроспективно-компаративного анализа социальной и политической динамики / Е. Н. Мошелков. – М.: Изд-во Московского государственного университета, 1996. – 168 с.
13. Лурье, С. В. Историческая этнология / С. В. Лурье. – М.: Аспект Пресс, 1997. – 448 с.

ИСТОРИЯ ПРАВОСЛАВНОЙ КУЛЬТУРЫ НА БЕЛОРУССКИХ ЗЕМЛЯХ В X–XVIII ВЕКАХ: К ПРОБЛЕМЕ СООТНОШЕНИЯ ИСТОРИОГРАФИЧЕСКОЙ И КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОЙ ПЕРИОДИЗАЦИЙ

Л.В. Левшун (Минск, Беларусь)

Периодизацию – выявление по определенным признакам в цельном течении бытия отдельных периодов – в историографии принято рассматривать как логическую операцию или формально-логический прием, в результате которого мы получаем условную схему развития того или иного явления, представленную совокупностью периодов, то есть промежутков времени, ограничивающих некие законченные процессы.

Формальная логика и принцип «научной объективности» требуют, чтобы периодизация была выстроена по одному основанию, то есть явления и факты, определяющие «границы» неких законченных процессов, должны быть однотипными. Однако, как показывает исследовательский опыт, чаще всего (если не всегда) такая, строго формальная и «объективная», периодизация не отражает сложности и полноты бытия в его развитии. На это есть несколько причин.

Во-первых, само понятие факт (событие) на поверку оказывается весьма неопределенным. По большому счету (и это отмечалось неоднократно, например, в известной концепции Марка Блока [1, с. 9, 18, 83, 98 и др.]) историк имеет дело не столько с фактом как таковым, сколько с его интерпретацией, или даже многими и противоречащими друг другу интерпретациями, из которых он вынужден выбирать при невозможности как-то эти интерпретации примирить. (В так называемую «научную объективность» я не верю еще и потому, что ни один человек – а ученый ведь тоже человек – не в состоянии «прыгнуть выше головы», преодолеть – вот тут уже объективные! – шоры своего мировосприятия и предубеждений).

Во-вторых, каждая эпоха (период) порождается своим комплексом причин, из которых можно выделить главную и сопутствующие ей. При этом история не следует формальной логике, а потому причины, порождающие разные эпохи, могут быть вовсе не однотипными. И в этом случае пойти на поводу формальной логики значит изменить научности.

В-третьих, «ряд проблем, с которыми сталкивается исследователь истории, коренится не столько в неоднородности фактического материала, сколько в принципах взаимного соотношения тех или иных явлений...» и именно «определение принципов субординации и координации исторических элементов решает вопрос о возможном “порядке частей”» [2], о характере «пограничных» событий и о протяженности того или иного периода.

Наконец, о чем, собственно, и пойдет речь, каждая периодизация (даже если она касается одного и того же хронологического промежутка) имеет свой предмет и свою цель, и, думается, именно предмет и цель периодизации определяют, какие события и явления могут быть признаны пограничными, какие причины, их порождающие, могут быть признаны главными, а какие сопутствующими.

Итак, *периодизация* не прием, не инструмент, не логическая операция, не тезис, который нужно доказать, и не критерий, которому должно следовать, а *итог* проведенного исследования.

А исследование со всей очевидностью показывает, что этапы политического и экономического развития страны не совпадают с культурными эпохами. Еще К. Маркс заметил: «сравнительно легко показать, как определенный базис, определенные условия создают произведения искусства, но трудно понять, почему произведения искусства переживают ту обстановку, которая их создала»¹.

Все сказанное безусловно относится и к периодизации истории Православия на белорусских землях. Бытие православной культуры не вписывается точно в историко-церковную периодизацию, а главное, – не объясняется ею, что ставит перед необходимостью выявления особой, культурологической периодизации развития православной культуры белорусов. *Предметом* такой периодизации должна быть, скажем так, *осознаваемая ее носителями самоидентичность культуры* с четкими критериями различения (не обязательно враждебного!) «своего» и «чужого». А *целью*, соответственно, – показание «пограничных событий», которые отмечают, скажем так, *смену условий для сохранения этой культурной самоидентичности*.

Речь идет, таким образом, о такой периодизации, которая учитывала бы **а)** признаки, факторы и явления, определяющие и/или обеспечивающие возможность (или даже неизбежность) процессов культурной метисации и миксации и влияющие на их интенсивность, **б)** а также их составляющие – количество вступивших во взаимодействие субстратов и суперстратов и их характер.

При таком подходе выявляется специфическая периодизация истории культуры, впрочем не противоречащая церковно-исторической, а скорее ее дополняющая и уточняющая.

1) Первый этап нижней границей имеет, разумеется, Крещение Руси, когда на культурный субстрат *slavia orientalis* наложился суперстрат византийской христианской культуры, резко изменив критерии культурной самоидентификации восточных славян. Для белорусских земель севернее Припяти этот процесс был осложнен активной славянизацией балтского населения и связанными с этим явлениями метисации.

Верхняя граница первого периода – третья четверть 13 в. – отмечается событием типологически отличным от крещения Руси, но несомненно повлиявшим на характер культурной самоидентификации русов. Речь идет о вхождении земель нынешней Беларуси в состав Великого княжества Литовского, во главе которого оказались князья-язычники, для кого Православие было не религией спасения, а одним из признаков культуры славянской части населения и политическим фактором и/или инструментом при выстраивании отношений с прочей «русью».

2) Второй период, начавшийся с литовской оккупации западнорусских² земель, заканчивается Кревской унией (1385/6), когда к «языческому фактору» в метисационном и миксационном процессах прибавился фактор «католический»: во-первых, противостояние язычества и христианства усложнилось

¹ Фрагмент из «Введения к “Критике политической экономии” К. Маркса пересказывает, соглашаясь с трудноразрешимостью указанной проблемы, В.Б. Шкловский [3, с. 77].

² Термины «западнорусский» и «западная Русь» используются в данной работе исключительно как указания на географическое положение в восточнославянском ареале.

внутренним противостоянием двух христианских культурных парадигм – Католицизма и Православия; во-вторых, очень медленная и мирная (в силу специфики православного миссионерства) конфессиональная ассимиляция язычников-балтов сменилась стремительной насильственной их христианизацией по католическому обряду, что создало почву для так называемого языческо-христианского двоеверия и вместе с тем – религиозной индифферентности. А начавшаяся дискриминация граждан Великого княжества Литовского по конфессиональному признаку сильно затруднила бытие Православной Церкви на западнорусских землях и нормальное развитие здесь православной культуры.

Наряду с этим складывание единого сообщества граждан Великого княжества Литовского и формирование государственного патриотизма в условиях начавшегося противостояния Литовской и Московской руси явилось еще одним фактором, серьезно усложнившим для западнорусов культурную самоидентификацию. Долгий процесс разделения Русской митрополии на Московскую и Литовскую, сопровождавшийся разрушением традиционных мировоззренческих стереотипов и усилением когнитивного диссонанса в сознании православных, теперь мало того, что живущих в разных и перманентно враждующих государствах, Великом княжестве Литовском и Великом княжестве Московском, но ещё и подчинённых разным институтам со схожей, однако, титулатурой: соответственно – митрополии Киевской, Галицкой и *всяя Руси*, и митрополии (с 1589 г. – патриархии) Московской и *всяя Руси*.

3) Третий этап, начавшийся с заключения династической Кревской унии, верхней границей имеет раскол в 1458 году единой Русской митрополии на две. Разъединение некогда единого восточнославянского этноса по двум государствам с разными конфессиональными приоритетами, само по себе сильно усложнившее культурную самоидентификацию западных русов, теперь усугубилось тем, что из западнорусского культурогенеза был официально исключен фактор церковно-культурного воздействия со стороны северо-восточнорусского (Московского) Православия, что неизбежно повлекло расхождение как в обрядовой жизни, так и, под воздействием Католицизма, в области устава и вероучения. К тому же возраставшие сомнения православных Литовской и Московской Руси в правоверности друг друга еще более усложняли культурную самоидентификацию этносов, возросших на субстрате древнерусской народности. Этот раскол, поставивший православных русинов³ Великого княжества Литовского в абсолютную зависимость от католической госадминистрации с её политикой конфессиональной дискриминации, немало способствовал искажению и/или утрате культурной традиции *slavia orthodoxa*.

4) Четвертый этап, нижней границей которого был раскол единой Русской митрополии, завершился официальным запрещением Православной Церкви в 1596 году (Брестская церковная уния). Он имеет внутреннюю, промежуточную, веху – Люблинскую унию (1569 г.), когда православные перестали количественно преобладать в новосозданной Речи Посполитой и Православие из религии большинства превратилось в одну из наименее терпимых в польско-католическом государстве религий, а приверженность Православию, соответственно, – из традиционной нормы и признака достоинства – в выбор, неизбежно связанный с серьёзным ущербом, как в экономическом, так и в политическом бытии.

Этап характеризуется тем, что западнорусская элита – носитель «высокой» культуры и хранитель принципов культурной самоидентификации – начала изменять традициям предков и переходить в лоно польской (а через нее – западноевропейской) католической культуры. В культурно-идентификационной парадигме православных русинов, таким образом, а) усилился фактор «псевдогенеалогичекый» (влияние польского сарматизма) и политический (гражданство в Речи Посполитой); б) социальный состав тех, кто продолжал относить себя к православным, не отражал уже всей структуры социума, а все более ограничивался в основном мещанским сословием (церковные братства) и совершенно бесправным крестьянством.

5) Пятый этап охватывает бытие Церкви на землях Беларуси в экстремальных условиях состояния вне закона (1596 – 1632 годы) и включает вызванное этими экстремальными условиями краткое, но чрезвычайно интенсивное «православное возрождение». Это эпоха сознательной целенаправленной и весьма интенсивной выработки новых четких критериев культурной самоидентификации на преимущественно конфессиональной основе. Принадлежность Православной Церкви, исповедание (вплоть до мученической смерти) православного вероучения, соблюдение православных обрядов, использование в богослужении церковнославянского языка как традиционного для русского Православия и т.д. осознанно кладутся русинами в основание культурной самоидентификации и всеми силами развиваются. Создание учебников для братских церковных школ, христианско-просветительские издания православных братских типографий, проповедническая деятельность братских «казнодеев», апологетические творения богословов и т.п. образуют основу для четкой культурной самоидентификации, которая отличается уже не только от польско-католической, но и от «правоверно-московской».

6) Шестой этап, начавшись с опубликования «статей примирения» и возвращения Православной Церкви законного статуса (1632 г.) продолжается, на мой взгляд, до последнего раздела Речи Посполитой 1795 г., когда белорусские земли вошли в состав Российской империи. Это эпоха постепенного угасания «православного возрождения»; почти полного отсутствия культурной элиты и вытеснения православной

³ Не вступая в обсуждение тех многих значений, которые понятие «русины» имело в культуре западной Руси XV-XVII веков, я употребляю это именование как термин, означающий восточных славян, проживавших на западнорусских землях и исповедующих Православие.

культуры на этнографический уровень (утрата письменного языка, диффузия веручительной и обрядовой сторон богослужения ввиду безграмотности священства и под воздействием католической и фольклорной традиций и т.д.).

Ко времени разделов Речи Посполитой её русское (в этническом отношении) население окончательно утратило основные идентификационные признаки и механизмы, «растворившись» в польской культурной среде. Этнографические «реликты» русской культуры, оставшись лишь в крестьянском обиходе, стали настолько фрагментарны и настолько пропитаны стихийным в народе язычеством и обрядоверием, настолько искажены католическим и протестантским влияниями, что в известной степени растожествились и уже никак не могли служить основой для этнокультурного самоопределения. Поэтому в этот период в самоидентификационной парадигме западнорусов ослабевает конфессиональная составляющая и усиливается этнологическая.

Итак, события, размежёвывающие отдельные периоды бытия православной культуры на белорусских землях, отнюдь не однотипны и не могут быть приведены к единому основанию; тем не менее, выстроенная на их основе периодизация не только адекватно очерчивает этапы формирования культурно-самоидентификационной парадигмы нынешних белорусов, но и во многом объясняет специфику современной белорусской культуры.

1. Блок, М. Апология истории, или Ремесло историка / М. Блок. – М.: Наука, 1986. – 253 с.
2. Шильман М. Абстракции в хронологии и периодизации истории [Электронный ресурс] // Периодизация. – режим доступа: <http://abuss.narod.ru/texthtml/Periodization.htm>. – Дата доступа: 20.02.2018.
3. Шкловский, В.Б. Энергия заблуждения / В.Б. Шкловский. – Москва: Советский писатель, 1981. – 351 с.

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЙ ПОДХОД В ИЗУЧЕНИИ КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КООПЕРАЦИИ (ПЕРВАЯ ТРЕТЬ XX ВЕКА)

Е.В. Дианова (Петрозаводск, Россия)

В исторической науке в процессе пересмотра базовых методологических установок на смену марксистско-ленинскому идеологическому принципу пришли иные сциентистские позиции. Изменение исходных концептуальных схем и моделей в постановке наиболее острых и значимых проблем привело к интенсивному поиску новых научных и методологических подходов и методов их решения. В историко-антропологических исследованиях «на первый план вышли социально-культурная практика и социальная мотивация человеческого поведения» [7, с. 26], в том числе участие в общественных организациях, обеспечивавших удовлетворение материальных и духовных потребностей. Отход от односторонней схемы изучения исторических событий, процессов и явлений благотворно сказался на изучении многих социальных институтов, в том числе кооперации и кооперативного движения, и позволил ученым значительно расширить их методологическую базу исследований.

Современная научная парадигма позволяет рассматривать исторические явления с точки зрения междисциплинарного познания исторических фактов, событий и процессов. Междисциплинарный подход предложили основатели школы «Аналлов» Марк Блок и Люсьен Февр. Они «придавали особое значение преодолению перегородок между разными сферами интеллектуального труда и призывали каждого специалиста пользоваться опытом смежных дисциплин». М. Блок и Л. Февр «видели в полидисциплинарном подходе к прошлому один из важнейших элементов всей научной стратегии» [8, с. 8].

На базе интегрального междисциплинарного подхода появилась «новая историческая наука». Ее представитель Фернан Бродель, признанный лидер школы «Аналлов», отмечал, что «материальная цивилизация» зависит от многих факторов, связанных с «духовной жизнью и разумом» людей. В структуры повседневности входит как материальная, так и духовная культура.

Среди историков также все большее признание получает представление о том, что «все сферы общественной жизни (экономическая, социальная, политическая), социальные структуры и процессы имеют культурно-историческую обусловленность». Сейчас вектор исторической антропологии направлен в сторону культурологической истории, «новой культурной истории» [5, с. 185]. В рамках «новой культурной истории» социальные, экономические и даже политические процессы изучаются за пределами собственно истории культуры. Дело дошло до того, что западные историки «приучились использовать термин “культура” в его расширенном смысле». Расширение границ культуры привело к тому, что экономические и политические явления «все чаще объясняют в терминах культуры [cultural explanation]» [2, с. 64-65].

Данный комплексный подход, при котором понятия экономики и культуры рассматриваются во взаимосвязи, был заложен основоположниками русской кооперативной мысли. Так, А. А. Николаев, лектор по кооперации университета А. Л. Шанявского, заявлял: «Кооперация и культура неразрывно связаны друг с другом уже по одному тому, что сама кооперация, как новое явление народно-хозяйственной жизни, становится возможной при условии известной материальной и духовной культуры страны» [6, с. 19].

При осуществлении междисциплинарных связей важным элементом выступает соотношение культуры и исторической психологии, поскольку «изучение духовной жизни общества с необходимостью включает выявление психологических характеристик, условий формирования сознания, ценностных ориентиров, идеалов, определяющих поведение и поступки участников исторических событий. Методология междисциплинарных исследований позволяет понять психологические, социальные и духовные явления общества в их развитии и взаимосвязи. Комплексный подход предполагает всесторонне изучение исторического явления на основе сочетания различных письменных, этнографических, лингвистических, фольклорных источников, ономастики и сведений из сопредельных гуманитарных наук.

Междисциплинарный подход, основанный на заимствовании теорий и методов истории, культурологии, искусствоведения, филологии, педагогики и психологии является весьма эффективным для выявления и описания различных направлений культурно-просветительной деятельности кооперации.

Основным содержанием культурно-просветительной деятельности кооперативов являлось кооперативное просвещение, что подразумевало воспитание и формирование кооперативной психологии (менталитета) путем усвоения главных кооперативных принципов (взаимопомощь, справедливость, солидарность, демократия, равенство). Кооперативные нравственные ценности как основа кооперативного сознания были сформулированы еще в момент зарождения кооперации в России и Западной Европе. Кооперативное сознание было одной из форм общественного сознания населения первых десятилетий XX в. и отражало масштабы кооперативного движения в стране.

Изучение кооперативной психологии или кооперативного менталитета осуществляется в рамках историко-антропологических исследований на основе междисциплинарного синтеза таких гуманитарных наук, как политическая, социальная, историческая и экономическая психология. Если принять во внимание высказывание М. А. Барга, согласно которому «во всех проявлениях общественного сознания так или иначе отражается движение социальной природы человека», то следует сделать вывод о том, что кооперативное сознание отражало социальную сущность кооперации. В то же время это была форма «духовного самовыражения» социальной общности, объединявшей участников кооперативного движения, в рамках конкретной исторической эпохи. Она была отмечена «печатью одной и той же ментальности, т.е. одними и теми же «ключевыми» представлениями, которые, образуя ядро господствующей идеологии, вместе с тем с помощью доступных данной эпохе средств распространения информации внедряются в массовое сознание и превращаются в повседневные представления» [1, с. 7, 15].

Изучение эволюции кооперативного движения дает возможность выявить влияние кооперативных идей на сознание определенных групп населения, в том числе интеллигенции, ставшей инициатором создания кооперативных обществ среди крестьянства. «Культурологический» поворот и сформировавшийся на его основе социокультурный подход позволяют раскрыть не только механизм взаимодействия кооперативных объединений с различными социальными стратами в процессе их деятельности в области культуры и просвещения, но и обнаружить результат воздействия кооперативных идей на рядовых членов кооперативов и воплощение их в наименовании обществ и артелей.

В историко-антропологических исследованиях применяются методы семиотики, предметом которой являются знак и знаковые системы, в которых закреплены социокультурные представления, ценности, принципы, нормы. «Знаки выполняют роль символов, в которых кодируется информация о мироустройстве в его человеческом восприятии. Благодаря существованию знаковых систем осуществляется трансляция культурного опыта, социальное и культурное взаимодействие в обществе» [7, с. 53].

Расширение предметного поля исторических исследований допускает использование данных лингвистики и ономастики для изучения эргонимов, наименований артелей и товариществ. Название кооператива выступало как конкретный символ, знак, в котором были закодированы идеи кооперации и значение кооперативного объединения для его членов, поскольку «у каждого небольшого профессионального коллектива, у каждой группы со своей культурой или судьбой есть особая система выражения» [3, с. 90].

Междисциплинарный подход оказался востребованным при изучении сценической деятельности кооперативных драматических кружков, для чего привлекались исследования по искусствоведению, истории театра и народного театрального творчества. В первой трети XX в. среди различных способов и форм организации разумных развлечений, пропаганды кооперативных и агрономических знаний большое внимание уделялось кинематографу. Кооперативный кинематограф неотделим от истории кино в целом, историческая реконструкция работы кооперации по кинофикации городов и сельской местности осуществляется на основе истории кино и киноискусства.

Изучение создания и функционирования кооперативных библиотек будет наиболее эффективным при интеграции общих сведений по истории библиотек и библиотечного дела, а исследование кооперативной периодики и издательской деятельности кооперации должно происходить с учетом развития отечественной журналистики, истории цензуры, книгоиздательства. В рамках «новой культурной истории» и культурно-исторической антропологии при изучении кооперативных библиотек вполне уместно обратиться к изучению истории чтения как одной из культурных практик вообще. В России существовала традиция организации народных чтений и громких чток газет, художественной литературы и научно-популярных изданий.

Антропологический и «культурологический» повороты затронули и историю экономики, при этом «история общественно-экономических формаций и производства трансформировалась в историю предпринимательства и предпринимателей» [4, с. 79]. В настоящее время значительно расширилось применение биографического метода, когда наряду с обращением к жизни и деятельности «сильных мира сего» – императоров, царей, великих князей, известных ученых, «растет число индивидуальных жизнеописаний людей, которых никак не назовешь выдающимися историческими деятелями» [9, с. 263].

К ним относятся работники кооперативных организаций, представители демократической интеллигенции, которые в ходе своей кропотливой и подчас незаметной работы в области культуры и просвещения выполняли важную просветительскую миссию. Выявление активных участников кооперативного движения, представителей различных социальных групп общества, изучение их роли в повышении культурного и образовательного уровня кооперированного населения вносит немалый вклад в историю культуры российской провинции.

Культурно-просветительную деятельность кооперации нельзя изучать без применения методов новой локальной истории, краеведения, регионоведения, регионалистики и региональной истории. Все события, происходившие в кооперативных организациях на местах, отражали общие процессы в кооперативном движении страны, что было обусловлено государственным регулированием и законодательным обеспечением работы кооперативов в области культуры и просвещения в первой трети XX века.

Таким образом, междисциплинарный подход в познании конкретного исторического явления, к которому относится непосредственная работа кооперативных организаций в области культуры и просвещения, позволяет решать научно-исследовательские задачи на стыке истории и других научных дисциплин. В данном случае прошлое рассматривается как целостная историческая реальность, за счет интеграции знаний предметного характера достигается его полное описание, объяснение и понимание.

1. Барг М. А. Эпохи и идеи: Становление историзма / М. А. Барг. – Москва: Мысль, 1987. – 348 с.
2. Берк П. Историческая антропология и новая культурная история / П. Берк // Новое литературное обозрение. – 2005. – № 75. – С. 64–91.
3. Блок М. Апология истории или ремесло историка / М. Блок. – Москва: Наука, 1986. – 254 с.
4. Керов В. В. «Антропологический поворот» экономической истории России в исследованиях Ю. А. Петрова / В. В. Керов // Российская история. – 2015. – № 3. – С. 78–89.
5. Кром М. М. Историческая антропология / М. М. Кром. – Санкт-Петербург, Москва, 2010. – 214 с.
6. Николаев А. А. Кооперация и культура / А. А. Николаев // Кооперативная жизнь. – 1918. – № 1. – С. 19.
7. Поршнева О. С. Междисциплинарные методы в историко-антропологических исследованиях / О. С. Поршнева. – Екатеринбург, 2005. – 136 с.
8. Репина Л. П. Интердисциплинарная история вчера, сегодня, завтра ... / Л. П. Репина // Междисциплинарные подходы к изучению прошлого / Под ред. Л. П. Репиной. – Москва: Аспект Пресс, 2003. – С. 5–18.
9. Репина Л. П. История исторического знания / Л. П. Репина, В. В. Зверева, М. Ю. Парамонова. – Москва: Дрофа, 2006. – 288 с.

ЛИЧНОСТНЫЙ ФАКТОР ВО ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ США: СПЕЦИФИКА ИССЛЕДОВАНИЯ

С.М. Пик (Львов, Украина)

Международные отношения во многом определяются личностными характеристиками лидеров государств, которые осуществляют внешнюю политику своих стран на международной арене. И чем выше позиция государства в международной иерархии, тем внимательнее к мнению его главы прислушивается сообщество. Например, высказывания президента США Д. Трампа по многим актуальным вопросам международных отношений вызывают если не резонанс, то по крайней мере дают почву для размышлений в среде экспертов. Разумеется, высказывания президента и проводимый государственным департаментом США внешнеполитический курс – вещи не совсем тождественные, все же влияние президента на внешнюю политику остается огромнейшим. В этом контексте интересно узнать, как личностные характеристики главы государства влияют на процесс принятия внешнеполитических решений.

Исследования такого рода носят междисциплинарный характер: анализ внешней политики и история международных отношений дают понимание обстоятельств, в рамках которых принимались внешнеполитические решения, а психология помогает определить роль личностного фактора в принятии этих решений.

В основе методологии исследования – антропологический и бихевиористский подходы к восприятию международных отношений сквозь призму поведения личности, пребывающей у власти. Использование общих философских и исторических методов конкретизируется с помощью методов анализа: дескриптивного и сравнительного анализа, анализа иерархических процессов, анализа принятия политических решений. Что касается личностного фактора, то для определения его влияния наиболее уместна пятифакторная модель (англ. Five Factor Model), разработанная во второй половине 1980-х гг. американскими психологами Полем Коста (P. T. Costa, jr.) и Робертом МакКре (R. R. McCrae) [5]. Модель сводит личностные характеристики индивида в пять основных факторов: *открытость опыту, сознательность, экстраверсию, доброжелательность, невротизм* (англ. Openness to Experience, Conscientiousness, Extroversion, Agreeableness, Neuroticism – OCEAN). Каждый фактор представляет собой абстрактное ото-

бражение суммы соответствующих личностных характеристик, полученных в процессе исследования биографии индивида, персонального тестирования и опроса его ближайшего окружения, специализированного тестирования определенных черт характера индивида. Тут преобладает биологический (генетический) подход, сторонники которого утверждают, что основные черты характера индивида не зависят от жизненных обстоятельств, а, напротив, влияют и даже определяют его поведение в различных ситуациях.

Параллельно с пятифакторной моделью П. Косты и Р. МакКре “работает” предложенная в 1981 г. американским психологом Льюисом Голдбергом (Lewis R. Goldberg) модель с оригинальным названием “The Big Five”. Ее отличие от Five Factor Model состоит в несколько иной интерпретации основных факторов, например, *экстраверсию* здесь называют импульсивностью и даже агрессивной активностью (англ. Surgency), *открытость опыту* – интеллектом, интеллигентностью (англ. Intellect), а *невротизм* – эмоциональной стабильностью (англ. Emotional Stability). Кроме того, если обратить внимание на взаимодействие и корреляции личностных характеристик, которые являются “наполнением” пяти основных факторов, то можно заметить присутствие одних и тех же черт характера в наполнении разных факторов. К примеру, энтузиазм, воодушевленность, энергичность относятся как к абстрактной импульсивности, так и к доброжелательности; организованность, систематичность, точность характеризуют сознательность и в то же время выступают практически антиподом импульсивности; умиротворенность, толерантность, благородство характеризуют как доброжелательность, так и эмоциональную стабильность. В этой связи проявляется разница между Five Factor Model и The Big Five: первая построена по иерархическому принципу – прямой зависимости личностных характеристик низшего порядка основным пяти факторам, а вторая предусматривает циклическую связь между факторами и секторальное наличие соответствующих личностных характеристик, указывающих на силу или слабость того или иного фактора [2, с. 169–180].

Можно сказать, что Five Factor Model и The Big Five если не дополняют друг друга, то существенно выступают в поддержку подхода к изучению личности на основе пяти факторов. Эти модели с конца 1990-х гг. постепенно вытеснили предшествующие модели, например, 16-ти факторную модель британского психолога Раймонда Кеттелла (R. Cattell) и PEN Model британского психолога Ганса Айзенка (H. J. Eysenck) и на сегодняшний день являются наиболее оптимальным инструментом познания личности. К пяти абстрактным факторам (четырем “темпераментным” и одному “интеллектуальному”) возможно будут добавлены шестой – *честность* или *скромность* (англ. Honesty, Humility) и седьмой – *личная привлекательность* (англ. Personal Attractiveness), но пока эти предложения обновления пятифакторной модели остаются на уровне идеи [1].

Изучая личность на основании пятифакторной модели, можно определить доминирующий фактор, который влияет на выбор окружения и стиль поведения индивида. Тот же доминирующий фактор личности главы государства играет решающую роль в процессе реализации внешней политики и в характере принимаемых внешнеполитических решений. Например, высокие индексы *открытости опыту* указывают на широту взглядов, интересов индивида, склонность к нестандартному мышлению и философствованию, отличные интеллектуальные способности, восприимчивость к эстетике и творческим впечатлениям. Уровень *сознательности* говорит о том, насколько индивид склонен учитывать мнение окружающих при принятии решений, как хорошо (или плохо) он организован и целеустремлен. *Экстраверсия* ассоциируется с энтузиазмом, оптимизмом, энергичностью, позитивной эмоциональностью, социальной активностью, а также доминированием. В некоторой степени от уровня *экстраверсии* зависит и уровень *доброжелательности*, а это дружелюбие, внимание и заботливость, эмоциональная поддержка, доверительность, доброта и даже альтруизм. *Невротизм* показывает индивидуальные различия в восприятии стрессовых ситуаций. Личности с высокими показателями этого фактора часто пребывают в нервном напряжении или депрессивном состоянии, испытывают чувство фрустрации и даже вины, у них низкая самооценка, склонность к неконтролируемой импульсивности, а также к иррациональному мышлению. Помимо этого, интересно наблюдать взаимодействие двух доминирующих личностных факторов, а именно корреляции *открытости опыту* и *сознательности*, *сознательности* и *доброжелательности*, *экстраверсии* и *невротизма* [5, с. 195–198].

Характер влияния личностного фактора во внешней политике можно дополнительно определить ретроспективно, полагаясь на исторические материалы. Известный феномен “особых отношений” между США и Великобританией невозможно себе представить без личного вклада в их развитие президента Ф. Рузвельта (и, конечно, премьер-министра У. Черчилля). Волевым решением президента Г. Трумена осуществить ядерные бомбардировки Японии было принято вопреки коллективному мнению большинства работников этого смертоносного оружия. Налаживание дипломатических отношений США с КНР в 1970-х гг. состоялось благодаря непоколебимой уверенности президента Р. Никсона в том, что это было политически выгодно Соединенным Штатам. В свое время президент Р. Рейган занимал достаточно жесткую позицию на переговорах с руководством СССР по вопросам разоружения и это диктовалось не только объективными соображениями. Военные интервенции США в Афганистан 2001 г. и Ирак 2003 г.

начались после соответствующих решений, принятых в администрации президента Дж. У. Буша, хотя, будь на его месте президент У. Клинтон, вряд ли стоило бы ожидать похожей реакции на угрозу национальной безопасности США.

Сегодня много вопросов вызывает поведение президента Д. Трампа, особенно в области внешней политики США. Непредсказуемость и склонность к сенсационным заявлениям наводят на мысль о преобладании *невротизма* и *экстраверсии* в характере президента с низким индексом *сознательности*. Отсюда вывод психологов о нарциссизме Д. Трампа, который своими действиями – отнюдь не рациональными с точки зрения здравого смысла, умышленно (или нет) создает для своих оппонентов стрессовые ситуации, правда выходя из них (пока) победителем [4]. Однако в отношении ядерной политики КНДР ситуация настолько накалена, что лидерам обоих государств придется приложить максимум усилий, если они хотят избежать катастрофы и сохранить мир. Ведь Ким Чен Ын – личность не менее противоречивая, чем Д. Трамп.

1. Fehring, H. M. Contributions and Limitations of Cattell's Sixteen Personality Factor Model / H. M. Fehring [Electronic resource]. – Mode of access: <http://www.personalityresearch.org/papers/fehriinger.html>. – Date of access: 18.01.2018.
2. Goldberg, L. R. The Structure of Personality Traits: Vertical and Horizontal Aspects. – Studying Lives Through Time: Personality and Development / Ed. by D. C. Funder, R. D. Parke, C. Tomlinson-Keasey, K. Widaman. – Washington, D. C.: American Psychological Association, 1993. – P. 169–188.
3. Kahl, C. The United States Should Resolve to Avoid War With North Korea in 2018 / Colin Kahl // Foreign Policy. – 2017. – Dec., 27 [Electronic resource]. – Mode of access: http://foreignpolicy.com/2017/12/27/the-united-states-should-resolve-to-avoid-war-with-north-korea-in-2018/?utm_content. – Date of access: 18.01.2018.
4. Marano, H. E. Shrinks Battle Over Diagnosing Donald Trump. Chaos in the White House fuels discord amongst the experts / Hara Estroff Marano. – 2017. – Jan., 31 [Electronic resource]. – Mode of access: <http://www.psychologytoday.com/blog/brasinstorm/201701/shrinks-battle-over-diagnosing-donald-trump>. – Date of access: 18.01.2018.
5. McCrae, R. R., John, O. P. An Introduction to the Five Factor Model and Its Applications / R. R. McCrae, O. P. John // Journal of Personality. – 1992. – N 60. – P. 175–215.

КАКИЕ НАУЧНЫЕ ТЕРМИНЫ НУЖНО ПРИМЕНЯТЬ?

Э.Г. Иоффе (Минск, Беларусь)

За последние 25 лет белорусская историческая наука достигла немалых успехов в освещении неизвестных и малоизвестных страниц истории Белоруссии в годы Великой Отечественной войны, в исследовании «белых пятен» в историографии и источниковедении истории этого судьбоносного периода в истории белорусского народа.

В то же время в работах историков этой важной проблемы наблюдается разноречивость в использовании научных терминов, который очень вредит объективности и правдивости изучения истории Беларуси в 1941-1945 годах.

Так, в издании «Памяць Беларусі: Рэспубліканская кніга» есть такие строки: «З першых дзён фашыскай акупацыі на тэрыторыі Беларусі быў устаноўлены крываваы акупацыйны рэжым, які ажыццяўляўся войскамі вермахта, нямецка-фашыскай акупацыйнай адміністрацыяй, службамі СД і СС, ваенна-палявымі і мясцовымі камендатурамі, паліцыяй і жандармерыяй. Маючы на мэце ліквідацыю нацыянальнай дзяржаўнасці Беларусі і пераўтварэнне яе ў калонію Германіі, фашысты расчлінілі тэрыторыю Беларускай ССР...» [7, с.22-23]. Термины «нямецка-фашысцкі апарат», «антыфашысцкая барацьба», «антыфашысцкі рух», «нямецка-фашысцкімі войскамі» можно найти в пятом томе шеститомника «Гісторыя Беларусі» под редакцией академика М.Костюка [3, с.487, 490, 550, 590].

Дело в том, что термины «фашизм», «фашисты» стали стереотипами со времён Великой Отечественной войны и не отражают всей сущности режима, который сложился в Германии в 1933-1945 годах, его проводников и сторонников. Частично это объясняется сходством многих черт политического режима в СССР времён Сталина и Германии времён Гитлера и то, что единственной правящей партией Германии была Национал-социалистическая рабочая партия Германии, а в СССР – Всесоюзная Коммунистическая партия (большевиков), в построении которых было немало общего. Советская пропаганда делала всё, чтобы рядовые граждане не видели никаких проявлений общности и подобия нацизма и сталинизма. И тогда по воле «великого вождя народов» было принято решение вместо термина «нацизм» преимущественно использовать термин «фашизм».

Дело дошло до того, что термин «нацизм» исчез в большинстве энциклопедических изданий, включая «Военный энциклопедический словарь» (М., 1983), «Великая Отечественная война: энциклопедия» (М., 1985), «Беларусь у Вялікай Айчыннай вайне 1941-1945 гг. Энцыклапедыя» (Мінск, 1990). Вы не найдёте этого термина во «Всемирном энциклопедическом словаре» на 60 тысяч словарных статей и 1640 страниц (Минск, 2003), в пятом томе энциклопедии «Республика Беларусь» (Минск, 2007), в «Военной энциклопедии Беларуси», вышедшей в свет в Минске в 2010 году..

Фашизм (от латинского. *fascio*, итальянского *fascismo* - пучёк, связка, объединение) – правозэкстремистское политическое движение, возникшее в обстановке революционных процессов, охвативших страны Западной Европы после Первой мировой войны и победы революции в России. Родиной фашизма являются Италия и Германия, где возникли первые фашистские организации и партии.

Идеология фашизма – это воинствующий антидемократизм и антимарксизм, расизм и шовинизм, доведенный до истерии, возвеличивание тоталитарного государства, несущего ответственность как в физическом, так и в духовном смысле за индивидуальные судьбы и боровшегося за единство нации. В идеологии фашизма особое место занимала концепция нации как высшей и вечной реальности, основанной на общности крови. Отсюда вытекала задача сохранения чистоты крови и расы. Нации при этом делились на высшие и низшие. В фашистском обществе высшие нации должны были господствовать над низшими, беспощадно подавляя попытки сопротивления с их стороны.

Впервые термин “нацизм” в энциклопедической литературе Республики Беларусь в появился в 2000-м году в 11-м томе 18-томной “Беларускай энцыклапедыі”. В материале “Нацизм” отмечается: “Нацызм, нацыянал-сацыялізм, германская разнавіднасць фашызму, паліт. рух, ідэалогія і дзярж. рэжым Германіі ў 1933-1945.... З канца 1930-х г. фаш. агрэсія прывяла да распаўсюджвання нацысцкіх парадкаў і дзейнасці рэпрэсіўнага апарата на акупіраваныя краіны. Паражэнне фаш. Германіі ў 2-й сусв. вайне (1945) паклала канец панаванню Н.”[1, с.220].

Если «Новейший энциклопедический словарь» (М., 2006) даёт определение нацизма как идейно-политического течения ультраправого толка, разновидность фашизма, отличительной чертой которой является ведущая роль теории превосходства биологически «избранной расы», то третье издание «Большого иллюстрированного энциклопедического словаря» (М., 2009) подчёркивает: «Национал-социализм (нацизм), доктрина национал-социалистской рабочей партии Германии 1921-1945 гг. Основана на принципах превосходства арийской расы и биологического расизма, включающего антисемитизм, национализм, антикоммунизм, антидемократизм и ограничение интеллектуального развития».

Сходство обоих движений проявляется в духовной сфере, в символике, в социальной ориентации и в государственных структурах, которые они пытались создать.

Таким образом, в большинстве случаев при исследовании истории Белоруссии 1941-1945 годов вместо использования терминов “фашизм”, “фашисты”, “фашистский”, “фашистская” более целесообразнее и объективнее использовать термины “нацизм”, “нацисты”, “нацистский”, “нацистская”.

До настоящего времени почти во всех школьных и вузовских учебниках по истории Беларуси, в подавляющем большинстве официально изданных публикациях подчёркивается, что партизанское движение в Белоруссии в годы Великой Отечественной войны носило «всенародный характер». Речь идёт о стереотипе, который долгие годы внедрялся в сознание советских людей, а сегодня внедряется в сознание жителей Беларуси, особенно молодёжи нашей республики.

В нашей республике термин “всенародная партизанская война” вошёл в научный оборот в 1949 году после выхода в свет первой части книги министра государственной безопасности БССР Л.Ф.Цанавы “Всенародная партизанская война в Белоруссии против фашистских захватчиков”. Пик распространения термина о “всенародном характере” партизанского движения на белорусской земле пришёлся на 1983-1985 годы, когда в БССР вышел в свет трёхтомник “Всенародная борьба в Белоруссии против немецко-фашистских захватчиков в годы Великой Отечественной войны”.

В действительности, партизанское движение в Белоруссии, как и на всей оккупированной территории СССР, в 1941-1944 годах никогда не носило «всенародного характера». Оно носило «народный характер» и то только в 1943-1944 годах. Такой же «народный характер» партизанское движение на территории БССР носило по формам и методам борьбы с нацистами и их пособниками.

По каким же основным критериям следует оценивать характер партизанского движения на белорусской земле в годы Великой Отечественной войны? Во-первых, по соотношению количества коллаборационистов и партизан. Во-вторых, по степени и размаху партизанского движения на территории Западной Белоруссии в 1941-1942-х и в 1943-1944 годах.

Горькая правда состоит в том, что во многих регионах Белоруссии в начальный период Великой Отечественной войны коллаборационистов было значительно больше, чем партизан. Так, за июль-сентябрь 1941 года в централизованном порядке было сформировано свыше 430 партизанских отрядов и организационных групп, в которых насчитывалось более 8300 человек [6, с.284]. В то же время исследователь германского оккупационного режима в Белоруссии в 1941-1944 годах К.И. Козак, характеризуя нацистскую службу порядка, отмечает: «Наиболее массовыми формированиями являлись вспомогательные полицейские подразделения, организованные в соответствии с распоряжением от 7 июля 1941 г. для обеспечения безопасности, охраны военных и других объектов, ведения борьбы с партизанами, выполнения широкого круга военно-экономических мероприятий. В первый период они формировались из местного населения на добровольных началах. В итоге местная полиция действовала под началом германского военного командования. Проведённый подсчёт позволил определить их во всех районах в составе более 300 гарнизонов не менее 30 тыс., при этом около половины составил местный

элемент. Как правило, гарнизон находился в крупных населённых пунктах, на железнодорожных станциях. Там же были созданы полицейские участки и опорные пункты, в каждой волости – полицейские посты (10-50 человек)» [2, с.102].

По мнению белорусского историка З.Шибeko, “в конце 1941 г. 12 тысячам партизан противостояло до 16 тысяч полицейских, которые в составе немецких воинских соединений участвовали в борьбе со “сталинскими бандитами” и в репрессиях против евреев”[9, с.316].

Значительный рост численности партизан Белоруссии начался со второй половины 1942 года, когда их количество начало превышать количество коллаборационистов всех мастей на белорусской земле. Именно тогда начался переход к партизанской войне, которая к началу 1943 года приобрела “народный характер”.

Следует заметить, что в западных областях БССР партизанское движение в 1941-1942 годах развивалось значительно медленнее, чем в восточных областях республики. В начале войны в этих районах значительная часть местных жителей вела себя пассивно, занимала нейтральную выжидательную позицию по отношению к оккупационной администрации и войскам вермахта. Определённая часть населения Западной Белоруссии враждебно реагировала на действия партизан и даже помогала нацистам бороться с патриотами. И это не случайно. Многие жители этого региона были недовольны предвоенной политикой Советского правительства, которая допускала перегибы при проведении коллективизации, широко применяла репрессии, аресты. Сотни крестьянских семей, не пожелавшие вступать в колхозы, выселялись на Урал, в Сибирь и другие отдалённые районы СССР.

В 1943 году Центральный Комитет Компартии Белоруссии и Белорусский штаб партизанского движения разработали планы перераспределения партизанских сил как внутри зон и областей республики, так и между ними путём перемещения отдельных групп, отрядов и бригад из районов относительно большого их сосредоточения в те места, где таких формирований было значительно меньше. Особое внимание при этом уделялось переходу отрядов и бригад из восточных в западные области Белоруссии. Все это нашло отражение в постановлении ЦК КП(б)Б от 22 июня 1943 года “О дальнейшем развёртывании партизанского движения в западных областях Белоруссии”.

В мемуарах начальника БШПД П.З.Калинина есть такие строки: “22 июня 1943 года состоялось очередное заседание бюро ЦК КП(б)Б под председательством П.К.Пономаренко. В повестке дня заседания был единственный вопрос: “О мероприятиях по дальнейшему развёртыванию партизанского движения в западных областях Белоруссии”. Обсуждался заранее написанный текст письма ЦК подпольным обкомам и райкомам партии “О военно-политических задачах работы в западных областях БССР”

...Нашему штабу предлагалось передислоцировать из восточных областей БССР в Брестскую и Белостокскую области сорок партизанских отрядов – по одному на каждый район, а также форсировать создание новых партизанских отрядов из местного населения...

Дальнейшее развитие партизанского движения на западе БССР..., говорил на заседании бюро первый секретарь ЦК П.К.Пономаренко. – Речь идёт не только о практической помощи партизан западных областей республики Красной Армии. Не менее важно и в политическом отношении, чтобы белорусы и поляки, проживающие в западных областях, дружно поднялись на совместную борьбу с общим врагом – немецким фашизмом, на практике убедились в необходимости совместных усилий для окончательного разгрома гитлеровских войск” [5, с.308-309].

Когда в партизанские отряды и бригады, прибывшие из восточных областей и в новые, формирующиеся отряды стало вступать немалое количество жителей Западной Белоруссии, появились основания считать, что партизанское движение и в этом регионе также приобрело народный характер.

Таким образом, если действовать по принципу “Платон мне друг, но истина дороже”, необходимо использовать термин “народный характер партизанского движения в Белоруссии в 1943-1944 годах”, а не термин “всенародный характер партизанского движения в Белоруссии в 1941-1944 годах”.

Во многих исследованиях белорусских историков о Великой Отечественной войне на территории БССР до настоящего времени употребляется термин “гестапо”, “гестаповцы”, “гестаповский” и производные от них. Белорусский историк Г.Д.Кнатко даже пытается аргументировать применение этих терминов. Рассматривая деятельность полиции безопасности и СД в Минске в годы войны, она подчёркивает: “Аддзел IV займаўся непасрэднай расправай з праціўнікамі рэжыму. Узначальваў яго крымінальны саветнік оберштурмфюрэр СС Г.Хойзер, які лічыўся намеснікам Э.Штрауха (начальника полиции безопасности и СД генерального округа “Белоруссия” оберштурмбанфюрера СС –Э.И.). І хоць нідзе не згадвалася слова “гестапа” (тайная дзяржаўная паліцыя), менавіта так супрацоўнікі ведамства называлі гэты аддзел. Усіх, хто насіў форму з чэрапам на фуражцы, насельніцтва называла гестапаўцамі”[8, с.62].

Употребление термина “гестапо” неправильно. Дело в том, что Главное Управление Имперской Безопасности первоначально состояло из семи, а с 1944 года – из восьми управлений. Ко времени окончания Второй мировой войны в Германии имелись следующие полицейские службы: Полиция безопасности – «Зипо». Полиция порядка – «Орпо». В состав полиции безопасности (СД) входили тайная

государственная полиция (Гестапо) и уголовная полиция. Они работали самостоятельно, но в тесном контакте друг с другом. На оккупированной территории СССР гестапо как самостоятельное учреждение не функционировало [4, с.81]. Гестапо вело борьбу с политическими противниками нацистского режима. Его начальником был группенфюрер СС и генерал-лейтенант полиции Генрих Мюллер.

До сих пор в ряде официальных изданий утверждается, что “белорусский народ на борьбу с немецкими оккупантами подняла Коммунистическая партия Советского Союза и ее составная часть – Коммунистическая партия Белоруссии”. Правда состоит в том, что во многих населённых пунктах Беларуси народ поднялся на борьбу стихийно, а в других местах его подняли на борьбу с нацистами партийные, комсомольские и советские органы, особенно органы НКГБ и НКВД. Уже позже эту борьбу возглавила Всесоюзная Коммунистическая партия (большевиков) и её составная часть Коммунистическая партия (большевиков) Белоруссии.

В 2009 году в издательстве “Беларусь” впервые в нашей республике вышел в свет справочник “Высшее партизанское командование Белоруссии. 1941-1944” под общей редакцией автора этих строк. Я предлагал в названии этого справочника другой, более объективный и более правдивый термин: “Высшее советское партизанское командование Белоруссии. 1941-1944”, аргументируя это тем, что в годы войны, кроме советских партизан, подчинявшихся ЦШПД и БШПД, на территории нашей республики воевали части Армии Крайовой, ОУН-УПА и националистических партизан, которые не подчинялись ни ЦШПД, ни БШПД, ни подпольным обкомам и райкомам партии. Но главный редактор издательства не согласился с моими аргументами. До сих пор продолжаю считать, что более объективным и более правдивым названием справочника было бы “Высшее советское партизанское командование Белоруссии. 1941-1944”.

В справочных и энциклопедических изданиях БССР и Республики Беларусь до сих пор используется неточный термин “Северо-Западная оперативная группа ЦК КП(б)Б”. Эта группа была создана 20 марта 1942 года и была расформирована в сентябре 1942 года в связи с созданием Белорусского штаба партизанского движения. В действительности, точным, правильным термином, который необходимо использовать в научном обороте, является термин “Северо-Западная оперативная группа ЦК КП(б)Б и СНК БССР”.

К сожалению, в работах ряда белорусских исследователей по истории Белоруссии 1941-1945 годов, особенно в работах ряда гродненских историков, опубликованных на белорусском языке, вместо терминов “яўрэй”, “яўрэі” используются термины “габрэй”, “габрэі”, “жыд”, “жыды”. Если термины «габрэй», габрэі» очень хитрые, тонко продуманные, искусственно придуманные скрытыми врагами еврейского народа и являются проявлениями скрытого антисемитизма, хотя на первый взгляд носят нейтральный характер, то термины “жыд”, “жыды” носят оскорбительный для белорусских евреев, всего еврейского народа характер, являются неприкрытым проявлением антисемитизма и способствуют разжиганию межнациональной розни, не говоря уже о возможности привлечения таких “исследователей” к уголовной ответственности.

Причем отдельные исследователи ссылаются на написание этого термина в польском языке. Но мы говорим о белорусском языке, а не о польском. Конечно, это не касается использования данных терминов из исторических источников, в которых как написано, так и надо публиковать.

К сожалению, многие исследователи истории Беларуси в период Великой Отечественной войны не придают должного внимания используемым научным терминам, что в той или иной степени влияет на объективность и правдивость освещения этой проблемы и в той или иной мере тормозит развитие исторической науки.

1. Беларуская энцыклапедыя. У 18 т. Т.11. Мінск, 2000.
2. Беларусь, 22 июня 1941 года: Говорят архивы...Минск, 2001.
3. Гісторыя Беларусі. У 6 т. Т.5. Мінск, 2007.
4. Гладков Т.К. В дебрях нацистских спецслужб // Битвы разведок. 1941-1945. М., 2005.
1. 5. Калинин П.З. Партизанская республика. Второе, испр. и доп. изд. Минск, 1968.
5. Нарысы гісторыі Беларусі. У 2 ч. Ч.2. Мінск, ”, 1995.
6. Памяць Беларусі. Рэспубліканская кніга. Мінск, 2005.
7. Памяць: Гіст.-дакум. хроніка Мінска. У 4 кн. Кн.4. Мінск, 2005.
8. Шыбека З. Нарыс гісторыі Беларусі.Мінск, 2003.

КРИТИКА И ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ИСТОРИЧЕСКОГО ИСТОЧНИКА: СООТНОШЕНИЕ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИХ ПРОЦЕДУР

М.Ф. Румянцева (Москва, Россия)

Источниковедческий анализ – комплекс исследовательских процедур, имеющий системный характер [6, с. 210]. Это означает, что корректный результат может быть получен только при соблюдении последовательности/логики работы с историческим источником. Необходимо также подчеркнуть, что рефлексия метода – основной из возможных способов верификации полученного в научном историческом познании результата.

Вероятно, не будет слишком смелым утверждение, что система источниковедческого анализа разработана сравнительно хорошо [3, с. 565-587], но все же есть проблема, которая, на мой взгляд, еще далека от своего решения. Это – проблема соотношения двух основных исследовательских процедур: так называемой «критики» исторического источника и его интерпретации.

Для прояснения этого вопроса обратимся к эпистемологическим поискам рубежа XIX-XX вв.: именно в этот период, – сначала на волне позитивизма, а затем и его критики, – ведутся напряженные поиски строгого метода анализа исторических источников. Впоследствии, в течение XX в., в европейской/западной науке акцент сместится в область лингвистического анализа текстов на основе неопозитивизма и аналитической философии. Российская/советская историческая наука пошла по пути конституализации источниковедения в самостоятельную субдисциплину исторической науки, в методологии которой проблема интерпретации присутствовала, но во многом имплицитно, будучи скрытой за другими процедурами источниковедческого анализа, такими как выяснение обстоятельств происхождения исторического источника, его видовой принадлежности и, особенно, – изучение автора.

В качестве историографических источников, на мой взгляд, логично привлечь классические пропедевтические курсы второй половины XIX – рубежа XIX-XX веков – И. Г. Дройзена (1808-1884), Э. Бернгейма (1850-1942), Ш.-В. Ланглуа (1863-1929) и Ш. Сеньобоса (1854-1942), поскольку именно в них максимально отчетливо отрефлексирован метод работы с историческим источником, а хорошее (как правило) знакомство с ними профессиональных историков сделает дальнейшие размышления максимально наглядными.

И. Г. Дройзен, выстраивая иерархию методов критики в историческом познании, – от «критического метода определения подлинности» до «критического упорядочения верифицированного материала», – указывает основную задачу критики источников – определить, «что этот источник воспринял и воспроизвел в своем изложении...» [2, с. 471-473]. При этом критика подготавливает материал для интерпретации. «Сущность интерпретации, – пишет Дройзен, – увидеть в былых происшествиях реальности во всей полноте их условий, которые требовали своей реализации и действительности» [2, с. 475]. Немецкий историк обращает внимание на необходимость учета и исторических условий, и психологии личности, и идейного контекста, но все это нацелено на «понимание происшествий» – это интерпретация факта, а не исторического источника.

В пропедевтическом курсе Э. Бернгейма критика также предшествует интерпретации, «Обязанностью критики, – пишет Бернгейм, – является решать вопрос о подлинности имеющихся в нашем распоряжении показаний источников и вытекающих из них данных» [1, с. 50]. Интерпретация рассматривается Э. Бернгеймом как «истолкование показаний источников в смысле более тесной, или широкой связи, в которой они стоят...» [1, с. 59]. Но, в отличие от И. Г. Дройзена, Э. Бернгейм рассматривает интерпретацию уже и как процедуру исследования исторического источника. Утверждая возможность понимания произведения, созданного в иной культуре, Э. Бернгейм пишет: «Нам необходимо только обладать нужными познаниями, чтобы свести к привычным для нас основным элементам различные формы выражения. Это в одинаковой степени относится и к миру восприятий и представлений, как и к миру мышления. Их способ выражения и содержания у различных людей разных времен бесконечно разнообразны, но лежащие в основе физические процессы всегда одни и те же. Стоит только это признать и отсюда возникает вторая великая задача исследования – интерпретация (истолкование)» [1, с. 34].

Ш.-В. Ланглуа и Ш. Сеньобос также разрабатывают понятия внешней (подготовительной) и внутренней критики исторических источников. Но рассмотрение последней они начинают уже с «критики истолкования (герменевтики)». Авторы утверждают: «Критика эта имеет целью распознать, что может быть принято в историческом документе за истину» [4, с. 144]. Но при этом они предостерегают от опасности воспринять текст источника «сквозь призму своих собственных впечатлений» и создать «воображаемый текст, принимаемый им [историком – М.Р.] за действительный текст автора» [4, с. 146]. Возможность избежать такую опасность французские историки видят в рефлексии метода: «Здесь, как и везде в истории, метод необходим для сопротивления первому влечению. Нужно прежде всего проникнуться тем очевидным, но часто забываемым принципом, что документ содержит только мысли писавшего его лица, а потому следует принять за правило сначала понять текст сам по себе, а потом уже задаваться вопросом, что можно извлечь из него для историка» [4, с. 147].

Таким образом, мы можем зафиксировать два наблюдения: первое – критика предшествует интерпретации; второе – интерпретация как исследовательская процедура относится первоначально не к сфере работы с историческим источником, а к процедурам исторического построения, но постепенно смещается в сторону изучения личности автора, особенностей его мировосприятия, в том числе и культурно обусловленных. Очевидным образом, эти подходы не преодолевают пока рамок классической модели науки, нацеленной на достоверное описание реальности прошлого, воспринимаемой в качестве инварианта.

Качественный скачок в смещении акцента с критики на интерпретацию мы обнаруживаем в «Методологии истории» А. С. Лаппо-Данилевского (1863-1919). Здесь уместно напомнить, что «Методология истории» – это пособие к лекционному курсу, а не эпистемологический трактат, так что сопоставление с пропедевтическими трудами вполне корректно.

В структуре методологии источниковедения А. С. Лаппо-Данилевского подробнейший анализ процедур «исторической интерпретации» [5, т. 2, с. 64-155] предшествует анализу процедур «исторической критики источников» [5, т. 2, с. 155-365]. Автор констатирует, что «...учение о критике <...> часто сводится к собранию технических правил, нужных для того, чтобы различить ценное от неценного, годное от негодного...» [5, т. 2, с. 155], «а общее учение об исторической интерпретации источников, несмотря на свое значение, долгое время оставалось без систематической обработки: оно применялось только в конкретных случаях, при истолковании данного рода источников.<...>учение об исторической интерпретации долго не получало достаточно самостоятельного значения и часто поглощалось критикой или даже входило в состав методологии исторического построения» [5, т. 2, с. 62-63]. При этом российский методолог ссылается на труды Э. Бернгейма и Ш.-В. Ланглуа и Ш. Сеньобоса.

Мы видели, что в классических пропедевтических курсах середины XIX – начала XX в. итогом и результатом «критики» исторического источника являлось установление исторического факта как материала, практически инвариантного, для последующего исторического построения. Но А. С. Лаппо-Данилевский предостерегает: «Всякий, кто стремится к познанию исторической действительности, почерпает свое знание о ней из источников <...>, но для того, чтобы установить, знание о каком именно факте он может получить из данного источника, он должен понять его: в противном случае, он не будет иметь достаточного основания для того, чтобы придавать своему представлению о факте объективного значения; не будучи уверенным в том, что именно он познает из данного источника, он не может быть уверенным и в том, что он не приписывает источнику продукта своей собственной фантазии» [5, т. 2, с. 64]. Понимание достигается в ходе интерпретации исторического источника.

В чем же причина различий в подходах? Могу предположить, что эти различия имеют не методический («технический»), но методологический (эпистемологический) и даже парадигмальный характер.

Концептуальным основанием методологии истории А. С. Лаппо-Данилевского (куда, в качестве структурной части, наряду с методологией исторического построения, и входит методология источниковедения) является русская версия неокантианства, в которой существенную роль играет принцип «признания чужой одушевленности», подробно разработанный в трудах А. И. Введенского (1856-1925) и И. И. Лапшина (1870-1952). Предварение критики, т.е. определения достоверности информации исторического источника, его интерпретацией обусловлено вниманием к личности автора на основе принципа «признания чужой одушевленности». Очевидно, что этот подход существенно расширяет исследовательские возможности, поскольку позволяет использовать и «недостоверную», – в классическом понимании, – информацию исторического источника, зачастую наиболее ценную как для понимания личности автора как Другого, так и инаковости его эпохи.

Поскольку метод источниковедения, рассматривающий «принцип признания чужой одушевленности» в качестве системообразующего, предполагает диалогичность общения историка с историческим источником, понимание автора исторического источника на основе саморефлексии личности историка и дальнейшего сопоставления внешних обнаружений Другого с эксплицированными характеристиками собственной душевной жизни, то этот метод с уверенностью должен быть отнесен к неклассической модели науки. А ориентация на эмпирический материал исторического источника как объектного обнаружения чужой душевной жизни создала перспективу развития этой концепции в направлении неоклассической модели науки.

Проведенное сопоставление соотношения исследовательских процедур критики и интерпретации могло бы иметь исключительно «исторический» характер или, – в лучшем случае, – быть отнесено к области «поиска истоков», если бы выявленное противостояние (подчеркну еще раз, – имеющее парадигмальный характер) не воспроизводилось бы отчасти в современном (при различении современного, как наличествующего здесь и сейчас, от актуального, то есть отвечающего потребностям современного социума) источниковедении. Принесомненной необходимости дальнейшего исследования понятия «критика исторического источника» с точки зрения истории понятий в проблемном поле интеллектуальной истории, уже сейчас можно с уверенностью констатировать, что использование этого понятия в современном научном дискурсе маркирует эпистемологическую приверженность автора классическому типу рациональности.

1. Бернгейм, Э. Введение в историческую науку : пер. с нем. / Э. Бернгейм ; под ред. В. В. Битнера. – Изд. 2-е. – М. : Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2011. – 72 с.
2. Дройзен, И. Г. Очерк истории // Дройзен, И. Г. Историка / Иоганн Густав Дройзен ; пер. с нем. Г. И. Федоровой ; под ред. Д. В. Складнева. – СПб. : Владимир Даль, 2004. – С. 449-501.
3. Источниковедение : учеб. пособие / И. Н. Данилевский, Д. А. Добровольский, Р. Б. Казаков, С. И. Маловичко, М. Ф. Румянцев, О. И. Хоруженко, Е. Н. Швейковская ; отв. ред. М. Ф. Румянцева ; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2015. – 685, [3] с.
4. Ланглуа, Ш.-В. Введение в изучение истории / Ш.-В. Ланглуа, Ш. Сеньобос ; пер. с фр. А. Серебряковой. – Изд. 2-е / под ред. и со вступ. ст. Ю. И. Семенова. – М. : Гос. публ. ист. б-ка России, 2004. – 305 с.
5. Лаппо-Данилевский, А. С. Методология истории : [в 2 т.] / Александр Сергеевич Лаппо-Данилевский. – М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. – 2 т. – (Б-ка отеч. обществ. мысли с древнейших времен до начала XX века / Ин-т обществ. мысли).
6. Теория и методология исторической науки : терминолог. слов. / отв. ред. А. О. Чубарьян, Л. П. Репина ; РАН. Ин-т всеобщей ист. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : Аквилон, 2016. – 543 с.

О ДАТИРОВАНИИ ВЗЯТИЯ КИЕВА МОНГОЛАМИ

С.В. Цыб, В.А. Чичинов (Барнаул, Россия)

Признание историками даты 6 декабря 1240 г. насчитывает 250 лет в отличие от обоснованной в 1990 г. В.И. Стависким даты 19 ноября 1240 г., которая так же встречается в летописях [11, с.282–290]. Известия о покорении Киева монголами 19 ноября содержатся лишь в трех летописях. Летопись Авраамки пишет: «В лѣто 6747. Князи Черниговский Михайль и Феодоръ оубиени быста в Татарѣх от царя Батыя. А на другое лѣто град Киевъ пленен || бысть от безбожных Татаръ, от злочестиваго царя Батыя, месяца ноября въ 19 день, в понедѣльникъ» [5, с.12]. Известие Супральской летописи: «Тогѡ лѣта прїдоша Татаровѣ къ Киеву. Гдѣ еи, и стоѣша ї нѣле дѣ дѣни ѥ едѣа възѣша его Ноѣбрѣ дѣ, в пнѣлѣ» [7, с. 26]. Важно отметить то, что декабрьская дата взятия Киева монголами в летописях оформлена по-разному. Так, в источниках присутствует три ее варианта: и юлианская дата 6 декабря, и Николин день, и совмещение юлианского и месяцесловного показаний (6 декабря Николин день).

Со времен В.Н. Татищева дата 6 декабря кажется незыблемой и поэтому не подвергается какой-либо критике [12, с.8]. Она традиционно присутствует в учебниках. Вслед за В.Н. Татищевым дату 6 декабря использовали М.М. Щербатов [14, с.17], Н.М. Карамзин [2, с.288], С.М. Соловьев [10, с.825].

В летописи Рашид ад-Дина приводятся следующие показания: «Осенью хулугинэ-ил, года мыши, соответствующего месяцам 637 г. хиджры (далее – г.х.)... царевичи Бату с братьями, Кадан, Бури и Бучек направились походом в страну русских и народа черных шапок и в девять дней взяли большой город русских, которому имя Манкер–кан» [9, с.45]. 637 г. х. соотносится с 1239 г., что противоречит приведенным ранее данным русских летописей. Однако схожесть этого известия проявляется с теми летописями, которые датируют взятие Киева 19 ноября, поскольку Рашид ад-Дин обозначает взятие Киева осенним сезоном. Стоит отметить и то, что под 1239 г. в персидской летописи вместе с этим известием содержится информация о событиях дальнейших лет, поскольку год заканчивается возвращением монголов с берегов Далмации [9, с.45].

Точность датирования событий северо-русского похода летописью Рашид ад-Дина не вызывает сомнений [1], однако, нашествие на Южную Русь датировано менее определенно. К сожалению, не известно, какими источниками пользовался Рашид ад-Дин для написания своей летописи. На данный момент существует несколько списков данного произведения, однако исследований по поиску протографов персидского сочинения исследователями так и не проводилось. Несомненно, что Киев был взят осенью, поскольку дата 6 декабря была опровергнута В.И. Стависким.

Необходимо рассмотреть роль хана Гуюка в происходивших событиях. Его фигура является ключевой для установления верной даты штурма Киева монголами. Русские летописи сообщают, что Гуюк был одним из командиров, участвовавших в штурме Киева [4, с.177; 8, с.131]. Гуюк был старшим сыном каана Угедея и считал, что являлся наследником своего отца, поэтому позволил себе возвыситься над братьями, участвовавшими в монгольской экспансии на Запад, но он приходился Батыею младшим двоюродным братом. Батый был оскорблен тем, что его братья не признали ни его старшинства на пиру, ни равенства между братьями, поставив Батыя, как главнокомандующего, в унижительное положение. Ссора, случившаяся между Батыею и Гуюком, стала причиной возвращения Гуюка, Менгу и Бури в ставку каана. Ссора между ханами, описанная в Сокровенном сказании, датируется автором текста седьмым месяцем Хуран–сара года мыши [3, С.199]. Годом мыши являлись 1239–1240 гг., а месяц Хуран определяется как май [13, с.21–27], что означает, что весной 1240 г. Гуюк уже находился в Монголии. Учитывая то обстоятельство, что Угедей отправил сына на суд Батыю, становится ясно, что Гуюк не успел бы добраться до главнокомандующего западной кампанией империи, и, во-вторых, известие о смерти каана достигло наследника на обратном пути. Вместе с ним в Монголию отправились его братья Менгу и Бури, последнего Угедей отправил на суд к Чагатаю [3, С.194].

Таким образом, датировать взятие Киева 1239 г. является наиболее вероятным вариантом редукции показаний древних источников. Русские летописцы указывают, что в штурме Киева участвовали Гуюк и Бури. Однако Гуюк не мог находиться под стенами Киева осенью 1240 г., так как он находился в Монголии в мае 1240 г., и не успел бы вернуться на Русь.

1. Гартман А.В., Цыб С.В. Монгольское нашествие на Северную Русь: Хронология исторических событий. – Барнаул: Изд-во Алтайского госуд. ун-та, 2013. – 143 с.
2. Карамзин Н.М. История государства Российского. Т.IV. – М.: АСТ: Ермак, 2008. – 672 с.
3. Козин С.А. Сокровенное сказание. Монгольская хроника 1240 г. – М.; Л. Изд. АН СССР, 1941. – 619 с.
4. ПРСЛ. Т.II. Ипатьевская летопись. – СПб, 1843.
5. Псковская летопись. – М., 1837.
6. ПРСЛ. Т. XVI.: Летопись Авраамки. – СПб., 1889.
7. ПРСЛ. Т. XVII.: Супральский список. – СПб, 1907.
8. ПРСЛ. Т.XXV.: Московский летописный свод конца XV века. Изд-во АН СССР. – М., 1949.
9. Рашид ад-Дин. Сборник летописей. Ч.2. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1966.
10. Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Т.III. – СПб, 1879. – 879 с.

11. Ставиский В.И. О двух датах штурма Киева в 1240 г.: по русским летописям. ТОДЛ. Т.43. Киев, 1990. – С.282–289.
12. Татищев В.Н. История Российская. Т.II. – М.: АСТ; Ермак, 2005. – 568 с.
13. Тихомиров М.Н. О двенадцати монгольских месяцах в старинной русской письменности // Советская этнография. – Л., 1958. – №3. – С.21–27.
14. Щербатов М.М. История Российская от древнейших времен. Т.III. СПб, 1774. – 585 с.

ФРАНЦЫСК СКАРЫНА З ПОЛАЦКА ЯК БІБЛЕІСТ

А. Наумаў (Венецыя, Італія)

Гуманізм прынёс вялікае зацікаўленне тэкстам Бібліі. Дастаткова прыгадаць, што нацыянальныя пераклады ўсёй Бібліі з’яўляюцца ў Францыі (сярэдзіна XIII ст.) і ў Італіі (канец XIII ст.), што ў другой палове XV ст. друкуюцца поўныя пераклады: лацінскі (1456), нямецкі (1466), італьянскі (1471), каталонскі (1478), ніжнянямецкі (1478) і чэшскі (1488). У гэты самы час габрэі ў Італіі друкуюць Стары Запавет¹. На Русі, у Вялікім Ноўгарадзе, узнікае першы царкоўнаславянскі поўны кодэкс Бібліі, па імені арганізатара працы, званы Бібліяй Генадзія (1499).

У пачатку XVI ст. біблеістыка працягвае паспяхова развівацца. Вучоны кардынал Францішак Хімэнэс у старажытным Камплютуме (цяпер Алькала-дэ-Энарэс) у 1502 г. арганізаваў супольную працу над шматмоўным выданнем Бібліі; Новы Запавет з’явіўся ў 1514 г., а Стары Запавет у чатырох тамах з’явіўся да канца 1517 г., у шостым томе змешчаныя слоўнікі ды іншыя дапаможныя матэрыялы (студыі). *Pentateuch* апублікаваны тут на іўрыце, халдзейскай, грэцкай мовах з трыма рознымі перакладамі на лацінскую мову (*Biblia polyglotta Complutensia*). Эразм Ратэрдамскі выдаў крытычна ў Базэлі грэцкі Новы Запавет з паралельным лацінскім перакладам і каментарамі (1516); атрымаўшы папскі прывілей на выключнасць сваёй рэдакцыі (і выдання), ён затрымаў распаўсюд камплютэнскай “Паліглёты”. У Венецыі выйшаў поўны тэкст грэцкай Сэптуагінты (1518).

Калі малады Францыск Скарына яшчэ навучаўся ў Кракаве, Марцін Лютэр, які ледзь не загінуў ад перуна, уступіў у Эрфурце ў ордэн аўгустыянаў і там упершыню сутыкнуўся з Бібліяй. Прысуджаны да баніцыі, ён распачаў свой пераклад Бібліі на нямецкую мову ў Вартбургскім замку, дзе мела месца вядомае здарэнне з чарнільніцай, якой перакладчык кінуў у дакучлівага д’ябла. Ягоны Новы Запавет паянмецку з’явіўся ў 1522 г. і пастаянна перадрукоўваўся, а ўся нямецкая Біблія ў перакладзе Лютэра з’явілася ў 1534 г. Усе гэтыя выданні былі, па сутнасці, недаступныя для Францыска Скарыны і складаюць параўнальны кантэкст ягонай дзейнасці.

Інакш справа выглядае з Чэшскай Бібліяй. Біблія па-чэшску была выдадзеная ў Празе ў 1488 г. і яшчэ раз праз год у Кутнай Горы (Кутэнберг), але Скарына, несумненна, карыстаўся венецыянскім выданнем 1506 г. з друкарскай афіцыны Паўла Ліхтэнштэйна, фінансаваным пражскімі ўтраквістамі. Гэта першае славянскае Святое Пісанне з тытульнай старонкай, якая ў вызначэнні “*Чэшская Біблія*” паказвае свой нацыянальны характар. Яна аздобленая 109 гравюрамі і мае кароткі змест перад асобнымі раздзеламі.

Асноўнай крыніцай для перакладаў Францыска Скарыны была Вульгата. Выданне, якое ён, верагодна, выкарыстоўваў, – гэта чатырохтомная рэдакцыя Антона Кобергера (Кобургера) з Нюрнберга 1487 года. Тут біблейскі тэкст суправаджаецца каментарамі. Галоўны каментар належыць Мікалаю дэ Ліра (1280-1349): *Postilla litterari set moralisin Vetu set Novum Testamentum*. Апрача гэтага, ёсць дадатак: *Additiones ad Postillam magistri Nicolai de Lyra* біскупа Бургаса – Паўла дэ Санта-Марыя (1351-1435), *Defensorium Postillae Nicolai de Lyra contra Paulum Burgensem* Матэуса Дзёрынга (Thöring, 1400-1469) і *Postillae superprologos S. Hieronimi* Вільгельма Брэтонскага (каля 1210-1275). Можа, Францыск Скарына таксама ведаў выданне Мікалая Кеслера з Базэля (1487, 1491), гэтаксама як і мог ведаць абодва нямецкія дыялектныя пераклады (каля 1478), выдадзеныя Г. Квэнтэл(л)ем. Магчыма, ён выкарыстоўваў вядомы *Vocabular ius brevis loquus* Ёгана Рэйхліна (1451-1522), апублікаваны ўпершыню ў 1475 г. Што датычыцца Бібліі Генадзія, то падаецца малапраўдападобным, каб Скарына мог мець да яе нейкі доступ, тое самае датычыць супрасьляскай Бібліі Мацвея Дзясятага.

Пераклады і выданні Бібліі, зробленыя Францыскам Скарынам, ставяць славянскую біблеістыку ў польска-літоўскай дзяржаве ў першым шэрагу. Бо ён апярэджвае ці не на некалькі дзясяткаў гадоў вядомыя польскамоўныя выданні – Кракаўскі псалтыр (1532), Псалтыр Валенція Ўрубеля (1539), Яна Леапаліта, а таксама некатоаліцкія выданні. Таксама варта зазначыць, што англійскі пераклад Новага Запавета выходзіць у друку ў 1525г. (В. Тындале), Пяцікніжжа – у 1530 г., Кніга прарока Ёны – годам пазней, а ўся Біблія – у 1535 і 1537 гг.

Першай кнігай, якую 6 жніўня 1517 г. Францыск Скарына надрукаваў у Празе, быў *Псалтыр*². Ён складаецца з прадмовы выдаўца, 150 псалмаў, дадатковага псалма, 10 біблейскіх песень (кантыкаў) і кароткага пасляслоўя. На палях былі змешчаныя канкарданцыі (сімфоніі) з іншымі кнігамі Бібліі, а таксама 61 глоса, якая тлумачыць па-руску [па-старабеларуску] найцяжэйшыя словы ў тэксце. Бо Францыск Скарына не перакладаў Псалтыр, ён вырашыў выдаць яго ў традыцыйнай царкоўнаславянскай форме на аснове нейкага рукапісу, дапускаючы пэўную колькасць рэдакцыйных змен. Асноўны тэкст Псалтыра ён перадрукаваў пасля ў Вільні ў 1522 г., выдаліўшы адсылкі, глосы, крыху змяніўшы прадмову і напісанне некаторых слоў. Гэты

тэкст стаў першай часткай томіка, традыцыйна называнага *Малой падарожнай кніжскай*. У іншай частцы гэтага выдання пад назвай *Штадневец* Скарына змясціў згодна з усходняй традыцыяй некалькі псалмавых вершаў (версэтаў), якія маюць розныя літургічныя функцыі.

Пасля друку Псалтыра Францыск Скарына пачаў выдаваць томікі з перакладам тэксту асобных кніг Старога Запавета. Ён выдаваў іх у выпадковым парадку. Гэта можа сведчыць аб тым, што частка перакладаў ужо была гатовая, але паралельна ён перакладаў і рэдагаваў тэксты. Па чарзе выходзяць та-мы, пазначаныя дакладнымі датамі:

у 1517 г.: Кніга Ёва – 10.IX; Кніга выслоўяў Саламонавых – 6.X; Кніга Мудрасці Ісуса сына Сіраха – 5.XII;

у 1518 г.: Кніга Эклезіяста – 2.I, Найвышэйшая песня Саламонава – 9.I, Кніга Мудрасці – 19.I, Кнігі Царстваў³ – 10.VIII, Кніга Ісуса сына Нава – 20.XII;

у 1519 г.: Кніга Юдзіт – 9.II, Кніга Суддзяў – 15.XII.

З пазначэннем года – 1519, але без дакладнай даты Скарына выпусціў пяць тамоў: Быццё, якое распа-чынае ўсю Біблію (там ён змясціў тытульны ліст і агульную прадмову), Кнігу Рут, Кнігу Эстэр, Ерамійн плач і Кнігу прарока Данііла. Астатнія часткі Пяцікніжжа, г.зн. Выхад, Лявіт, Лікі і Другі закон не маюць аніякай даты, таму нельга выключыць, што яны выйшлі нават у пачатку 1520 года.

Толькі вышэйпамянёныя кнігі Старога Запавета былі выдадзеныя ў Празе, прынамсі, яны да нас дайшлі. Некаторыя неапублікаваныя пераклады Скарыны захаваліся ў рукапісах. Адзін з іх, які загінуў у пажары Бібліятэкі Красінскіх у Варшаве ў 1944 годзе, быў выдадзены ў 1569 годзе Лукашам з Тэрнопаля (над Сэрэтам). Ён меў тытульны ліст, быў укладзены ў кананічным парадку і, апроча ўсяго, змяшчаў дзве Кнігі летапісаў, чатыры Кнігі Эздры і Кнігу Тавіта (Тобіі). Другі рукапіс, які дазваляе пашырыць тэкст Бібліі Скарыны, з’явіўся ў 1575-1577 гадах. Яго стваральнікам быў Дзмітрый з Зінкова на Падоллі. Код-экс, які спачатку захоўваўся ў манастыры Нараджэння Найсвяцейшай Дзевы Марыі ў Віціне, а потым у манастыры св. Ануфрыя ў Львове, быў механічна падзелены на дзве часткі, адна з якіх засталася ў Льво-ве⁴, а другая каля 1843 года патаемна перасланая ў Санкт-Пецярбург⁵. У львоўскай частцы змешчана не-надрукаваная Кніга летапісаў, а ў пецярбургскай – Кнігі Эздры, Кніга Тавіта, Кніга прарока Ісаі, Кніга прарока Ераміі, Кніга прарока Езэкііла і 12 малых прарокаў, а таксама Кнігі Макавеяў.

У Вільні ёсць важны рукапіс XVI ст. з ваколіц Віцебска, з манастыра св. Марка⁶. Там, апроча ўсяго, зна-ходзяцца прадмовы Францыска Скарыны⁷ і каментаваныя тэксты прарокаў у версіі, дастаткова адрознай ад той, што захавалася ў пецярбургскім рукапісе з калекцыі Пагодзіна. Іншая цікавостка – гэта ўстаўка ананімным капіявальнікам прадмоў Скарыны ў адзін з экзэмпляраў друкаванай Астрожскай Бібліі⁸.

Захавалася няшмат асобнікаў пражскіх выданняў – разам недзе 266; частка (40)⁹ – гэта канвалюты ў цвёрдай аправе, іншая частка – гэта паасобныя кнігі ці фрагменты; сюды трэба дадаць пэўную колькасць рукапісных копіяў.

Некаторыя факты ўказваюць на тое, што Францыск Скарына думаў аб перакладзе Новага Запавета, але пакінуў гэты намер. У *Малой падарожнай кніжцы*, традыцыйнай царкоўнаславянскай з невялікімі мясцовымі моўнымі рысамі, ён апублікаваў 10 фрагментаў Евангелляў, 1 фрагмент Дзеяў Святых Апосталаў, а таксама 7 чыганняў з Пасланняў Паўла. Дзеі Святых Апосталаў і Пасланні выйшлі цалкам у кнізе *Апостал*, у звычайнай царкоўнаславянскай форме, прыстасаванай да царкоўных багаслужэнняў. Спецыфіка выдання ў тым, што паасобныя яе часткі Скарына дапоўніў прадмовамі і кароткімі пасляслоўямі¹⁰ і дадаў кароткія рэзюмэ. Калян-дар у гэтым томе таксама мае пэўныя індывідуальныя рысы¹¹.

Апостал Скарыны меў значную папулярнасць, знаходзіўся, сярод іншага, у бібліятэцы вядомага Суп-расльскага манастыра (у 1557 г.)¹², а таксама перапісваўся і перарабляўся¹³.

Усе пражскія выданні Францыск Скарына аздобіў прадмовамі, пасляслоўямі і каментарамі, якія звязаныя галоўным чынам з прадмовамі св. Іераніма, каментарамі Мікалая дэ Ліра і венецыянскай *Чэшскай бібліяй* (1506). Ён змясціў у іхвялікі запас чалавечых ведаў на мяжы Сярэднявечча і Рэнесанса, бібліеіста традыцыйнага і эразмаўскага, гуманіста, філолага, хрысціяніна.

Скарына заставаўся бібліеістам таксама ў сваіх гімнаграфічных творах. Найцікавейшым творам у гэ-тым аспекце падаецца *Акафіст св. Яну Хрысціцелю*, а менавіта ікасы 5, 8 і 11. Спасылаючыся ў сціхірах 1 і 3 на словы Ісуса, што Ян найвялікшы прарок і чалавек паміж народжаных ад жанчынаў (Лк. 7:28, пар. Мц. 11:11)¹⁴, Скарына праводзіць канкрэтнае параўнанне св. Яна з многімі постацямі Старога Запавета.

Асобныя постаці з першай калоны нашай табліцы і св. Яна аб’ядноўваюць рысы, вылучаныя ў другую калону, а Ян пераўзвышае іх цнотай згодна з трэцяй калонай. Бо ён:

Ноя	праведнаго предъ Богомъ	справедливейши
Авраама	верна словесемъ Г[о](с)[по]днимъ	вернейши
Исаака	ведена ко жертве	послушнейши
Якова	во чадехъ духовныхъ	множайши
Левия	во племени своемъ	достойнейши
Иосифа	во чистоте телесной	краснейши
Иова	во младости своей	терпеливши

Моисея	в законе Божиємъ	яснейши
Аарона	въ жертвномъ чину	св[я]тейши
Елиазара	въ Божиємъ ревновании	смелейши
Исуса Наввина	во бранехъ духовныхъ	крепчейши
Калефа	во согледании земли обетованное	хвальнейши

Вышійшасць св. Яна не даказваецца штораз, яна вынікае з агульнай перадумовы яго найвышэйшага статусу між людзей і прарокаў. Можна разважаць, чаму Скарына зрабіў такі, а не іншы выбар, асабліва можа здзіўляць выбар Елеазара і Калефа. Верагодна, тут ён кіраваўся не столькі Пяцікніжжам, колькі пахвалою айцоў з Кнігі Ісусасына Сіраха, дзе ў раздзелах 44-46 мы знаходзім скарачаную гісторыю праяў Божай хвалы да Ізраэля. Кнігу Мудрасці Сіраха Францыск Скарына выдаў у снежні 1517 г., дадаючы, як мы ведаем, сваю прадмову, перад якой змешчаны знакамiты *Пралог* Сіраха. У гэтай прадмове ён піша, што кніга дзеліцца на дзве часткі, а другая, з раздзела 44 да канца, “приводит нас к святости и к добрым делом путем прикладу: припоминаючи нам жития святых, како добре поживши на свете, по смерти дос-тали сут вечное славы”¹⁵. Адтуль ён мог узяць па чарзе Ноя, Абрагама, Ісака, Якава і двух яго сыноў Левія і Яэпа, пасля Майсея, Арона, Елеазара як бацьку згаданага Пінхаса, а таксама Ісуса і Калефа. У гэтым пераліку няма толькі Ёва паміж Яэпам/Якавам і Майсеем.

Наступная “біблейная” страфа – гэта ікас восьмы. У ім Скарына пералічвае Гедэона і Самсона як судзяў, Самуіла, якому Сірах прысвячае больш увагі (46:13-20), каб перайсці да цароў – Давіда і Саламона, натуральным чынам дадаючы Іллі, лінію якога дае само Евангелле, цытуючы словы Хрыста, што Ян – гэта Ілля, які мае прыйсці (Мц. 11:14). Далей з’яўляецца параўнанне з выбітным вучнем Іллі – Елісеем і – ужо акрамя згаданых Сірахам – большымі прарокамі, такімі, як Ісаіа, Ерамія, Езэкііль, Данііл і Барух. Так, Ян дзякуючы паасобным перавагам:

смелейши смысломъ	Гедеона чуднаго
силнейши духомъ	Самсона мощнаго
смирениши (!) сердцем	Самуила чеснаго
умилнейши пением	Давыда терпеливаго
множайши разумом	Саломона мудраго
совершенши иночествомъ	Илии ревниваго
сладши друголюбствомъ	Елисея щедраго
яснейши пророчеством	Исаи богословиваго
болши терпениемъ	Еремии плачливаго
вышши видением	Езекииля богозримаго
прозорнейши умомъ	Данила жадостиваго
святейши душею	Варуфа послушливаго

Азначэнні герояў Старога Запавета маюць розную матываванасць, у выпадку Самсона, Саламона, Іллі, Ісаі, Ераміі і Езэкііла вельмі чытэльнаю, у астатніх выпадках яны інтэрпрэтуюць дзеянні, што характарызуюць герояў.

Гэтыя параўнанні працягваюцца ў адзінаццатым ікасе. У ім св. Ян Хрысціцель параўноўваецца з дванаццаццю малымі прарокамі.

Напрыканцы пражскага перыяду Францыск Скарына распачаў выданне Кніг прарокаў, але надрукаваў толькі Трэны, або Ераміін плач і Кнігу прарока Данііла. У агульнай прадмове да Бібліі ён пералічвае кнігу шаснаццаці прарокаў, характарызуючы значэнне кожнага з іх для хрысталогіі і “эканоміі” збаўлення. Пасля Ісаі, Ераміі, Езэкііла і Данііла ён называе групу дванаццаці прарокаў. У парадку гэта: Асіа, Ёіль, Амос, Аўдзей, Ёна, Міхей, Навум, Абакум, Сафон, Агей, Захарыя і Малахіа. У тым жа парадку гэтыя прарокі з’яўляюцца ў ікасе 11 (з памылкай у імені Малахіі). Найважнейшае тут гэта парадак пералічэння першых шасці, у LXX(*Septuaginta*) ён іншы (Асіа, Амос, Міхей, Ёіль, Аўдзей, Ёна), але ў славянскай традыцыі ўсталяваўся той жа парадак, што ў Скарыны. Падставай для азначэння асобных прарокаў – там, дзе гэта было магчымым, – паслужыла адсылка да семантыкі імён прарокаў, відаць, на аснове каментароў св. Іераніма і Мікалая дэ Ліра, а, мабыць, таксама ўсходніх: Дарафея Газскага, Еліфанія Кіпрскага, Яфрэма Сірына, Феадарэта Тырскага ці іншых Айцоў, што каментавалі пісанні прарокаў, іх жыццё і імёны. Так чынам ікас 11 *Акафіста св. Яну Хрысціцелю* стаў эрудыраванай прэзентацыяй эрудыцыі Біблііста з Полацка, які не паспеў (ці не змог?) надрукаваць ужо падрыхтаваныя кнігі Старога Запавета, а магчыма, мы пра гэта проста не ведаем.

Параўнанні Яна Хрысціцеля з дванаццаццю малымі прарокамі і іх азначэнні ў гэтай страфе выглядаюць так:

Осии	пророка	чеснейши
Иоила	св[я]того	славнейши
Амоса	пастыря ¹⁶	терпливши
Авдея ¹⁷	раба Г[о](с)[по]дня	достойнейши
Ионы ¹⁸	голуба	послушнейши

Михея	Морастена ¹⁹	св[я]теиши
Наума	втешителя	умилнеиши
Авакума ²⁰	воина крепка ²¹	силнеиши
Софонии	стража	прозорнейши
Аггея	веселаго ²²	краснейши
Захарии ²³	паметнаго	полнейши
Малаха (!)	ангела ²⁴	яснейши

Захаваная ў рукапісе Рог. 85 (Погодин 85) *Прадмова да 16 прарокаў* не закранае семантыку іх імён. Ісаі тут прысвечаны вялікі фрагмент тэксту, нават з цытаваннем дваццаці першых вершаў кнігі. Яго Скарына называе найвялікшым з прарокаў і, следам за св. Іеранімам, падкрэслівае місіянерскі, амаль евангельскі характар яго прамовы. Вельмі шырока ён каментуе Кнігу прарока Ераміі, прыводзячы напрыканцы легенду пра ўкрыццё ім Каўчэга Запавету з напісанай тэтраграмай ды аб пераносе цела прарока Аляксандрам Вялікім у Александрыю. Падобным чынам ён пераказвае ў скароце Кнігу прарока Езэкііля, указваючы на найважнейшыя ў месіянскім ключы фрагменты, дадаючы напрыканцы легенду пра рыб, якія выплывалі па ягоным загадзе і якімі ён карміў людзей. Данііла (капіявальнік)? Ён памылкова называе малым прарокам, але падае кароткі змест і заўвагі аб розніцы паміж габрэйскай версіяй “Кнігі” і хрысціянскай. Інфармацыі пра астатніх прарокаў падобныя: кім былі, колькі раздзелаў змяшчае іх кніга і дзе яны былі пахаваныя.

Рукапісная *Прадмова* павінна быць дакладна параўнанай з надрукаванымі тэкстамі яго прадмоў і з магчымымі крыніцамі, якія былі для нашага бібліста непасрэднай інспірацыяй.

Так Францыск Скарына з Полацка, маючы справу са Святым Пісаннем, прынамсі ў шасці мовах (іўрыт, грэцкая, лацінская, чэшская, польская і царкоўнаславянская), як перакладчык, выдавец, каментатар і таксама як гімнаграф дэманструе свае вялікія біблейныя веды. Але таксама ён дзеліцца з намі сваімі разважанымі, заснаванымі на перакладанай ім Бібліі, так, што “*без страху божия, без мудрости и без добрых обычаев не ест мощно почттиве жити людем посполите на земли*” (*Прадмова да Кнігі выслоўяў Саламонавых*), што “*ест найвышняя мудрость размышление смерти и познание самого себе и вспоминание на приидушие речи*” (*Прадмова да Кнігі Ёва*). Таму так натуральна гучыць ягонае жыццёвае крэда (*Credo*), запісанае ў 1519 г. у слаўным Старым Месце ў Празе і якому ён верны да самай смерці: “*Не только бо сами себе народихомся на свет, но более ко службе божией и посполитого доброго*” (*Прадмова да Кнігі Эстэр*).

Пераклад з польскай Цімур Буйко

1. Тэкст Пяцікніжка на іўрыце (*Тора*) была надрукавана яшчэ ў 1480 г. у Балоніі, Кнігі Прарокаў (*Нэбіім*) – у 1485 г. у Ламбардыі, у мясцовасці Санчына (правінцыя Крэмона), гэтаксама там быў надрукаваны поўны тэкст габрэйскага Святога Пісання (1488); Пісанні (*Кэтубім*) выдадзеныя ў 1486 г. у Неапалі.
2. Выданыя згаданых ніжэй тэкстаў: *Біблія. Факсімільнае ўзнаўленне Бібліі, выдадзенай Францыскам Скарына ў 1517–1519 гадах, у 3 тамах*. Рэд. С. В. Кузьмін. Мінск, 1990–1991; Лабінцаў, Ю. «*Зерцало жыцця...*» 3 літаратурнайспадчыны Францыска Скарыны. Мінск, 1991; гл. тэкст.: *Franciszek Skoryna – życie i pisma*. Wybór tekstów i opracowanie M. Walczak-Mikołajczakowa, A. Naumow. Gniezno, 2007.
3. Усе чатыры адначасова, г.зн. дзве Кнігі Самуіла і дзве Кнігі Царстваў, разам 242 друкаваныя старонкі.
4. Знаходзіцца ў калекцыі б. Цэнтральнай бібліятэкі базільянскіх манастыроў, у НДЛ НАН Украіны ім. В. Стэфаніка, сігн. MV1290.
5. Расійская нацыянальная бібліятэка (РНБ), калекцыя (ф. 583) М. П. Пагодзіна, сігн. 85. Д-р Наталля Віктараўна Пак перадала мне здымкі і ўласнаручныя выпіскі з гэтага рукапіса, а таксама перадала шмат дадатковай інфармацыі.
6. MAV F. 19 № 47.
7. Усе прадмовы запісаныя адна за другой і папярэднічаюць біблейнаму тэксту. Парадак прадмоў наступны: Ісая, Ерамія, Барух, Езэкііль, 12 малых прарокаў і Данііл, а кнігі Бібліі ў такім парадку: спачатку малыя прарокі, а потым вялікія. Напрыканцы тома змешчана *Слова ь св. Епіфанія Кіпрскага аб імёнах прарокаў, іх паходжанні, смерці і дзе спачываюць іх целы*. У прадмове да Кнігі прарока Ісаі знаходзіцца сцвярджэнне: “напісана з Чэшскай Бібліі”.
8. Масква, РДБ, сігн. 1452; гл. Немировский, Е. Л. *Франциск Скорина. Жизнь и деятельность белорусского просветителя*. Минск, 1990, 406-407, 563.
9. Немировский, Е. Л. *Op. cit.*, 302–303. Вельмі дакладную інфармацыю мы знаходзім у: Nemirovskij, E. L. *Gesamtkatalog der Frühdrucke in kyrillischer Schrift, B. III: Die Prager Druckerei von Francisk Skorina*. Baden-Baden, 1998. У 2003 г. адкрытая яшчэ адна канвалюта скарынаўскай Бібліі – у Верхнялужыцкай навуковай бібліятэцы ў Горліцы. Гл. Randow, N. *Skaryna in Görlitz*. – In: *Проблемы на Кирило-Методиевското дело и на българската култура през IX–X в.* (=Кирило-Методиевски студии. Кн. 17) С., 2007, 603–612.
10. У пераказах Дзей Святых Апосталаў і Пасланняў Скарына вылучае тры рысы і падзеі, якія яму асабліва блізкія. Прадстаўляючы св. Луку, ён піша, што “*в лекарских науках доктор пренавеченый*”, які “*будучи лекарем телесным досконалым*” зразумеў, што ўсе цялесныя рэчы марныя і непастаянныя і вырашыў стаць “*лекарем души наших*”. “Знаў убо, – піша Скарына, – иже не только жив ест человек хлебом или лекарством, но боле всяким словом, еже походит из уст Божиих [Другі закон 8:3, Лк. 4:4], которым же небеса утвердишися, земля основана бысть, водам пределы положены суг, и вси видимые и невидимые речи сотворены быша, еже мимо идутъ, Слово только само Господне пребывает во вся веки”. Затым ён падкрэслівае перавагу шматмоўнай навукі апосталаў над аднамоўем вясчання прарокаў і – прынамсі ў мяне такое ўражанне – большую эфектыўнасць пасланняў Паўла ды іншых над вусным навучаннем Пятра (Прадмова да Дзей Апосталаў). Пераказваючы у скароце Другое пасланне да Карыньянаў, ён падкрэслівае, што Павел прапаведаваў ім Евангелле “не своего ради пожитку, но для Божией хвалы” (пар. 2 Кар. 11:7) і што ён сапраўды “в речи невымовный, но в писме навчений” (Прадмова да 2 Кар.). Таксама ў іншых месцах (Прадмовы да Рым., 1 Кар., Гал., Флп., 1 Фес.) можна адкрыць асабістае стаўленне Скарыны да пераказаных падзей і выказванняў.

11. Специфіка календара Скарыны ў размяшчэнні цыклу святаў нерухомах перад рухомым цыклам. У календары мы знаходзім некалькі ўспамінаў славянскіх: Саву Сербскага, Сімяона Сербскага, Уладзіміра “самодержца киевского он же крестил землю рускую”, а таксама Барыса і Глеба. Пад 26.X., дзе ёсць згадка пра “трясение земли”, дададзена, што землетрусы здараюцца ў паўднёвых краях.
12. Сёння можна ўказаць толькі дзесяць захаваных экзэмпляраў гэтага выдання.
13. Гл. *Rękopisy cerkiewnosłowiańskie w Polsce. Katalog. Wyd. drugie zmienione*. Oprac. A. Naumow, A. Kaszlej, E. Naumow, J. Stradomski. Kraków, 2004, nr 48, 62, 71 i 92; пар. Ісаевіч, Я. Д. *Літаратурна спадчына Івана Федорова*. Львів, 1989; Немировский, Е. Л. *Франциск Скорина...*, 467–486.
14. Царкоўнаславянскі і паходныя, у тым ліку сербскі, пераклады ў Лк. 7:28 прэзентуюць такі грэцкі тэкст, дзе было даданае слова “прарок”, што, зрэшты, адпавядае вершу 26. Навейшыя пераклады выпраўляюць гэта, знаходзячы адпаведнасць з Мц. 11:11, дзе аб прароку згадкі няма; але пар. у 9 і 13. Скарына ў сціхіры 1 ды ікасе 12 следуе за Лукой, а ў сціхіры 3 за Мацвеем.
15. Таксама ў агульнай прадмове да Бібліі (перад Кнігай Быцця) Скарына піша, што Кніга Сіраха змяшчае ў сабе ўсю навуку пра добрыя паводзіны (звычай).
16. Пар. Ам. 1:1, але ў габрэйскай версіі, у сваю чаргу, у грэцкай традыцыі гл. 7:14–15. Аб тым, што Амос быў пастухом, Скарына ўзгадвае ў Прадмове да Кнігі прарокаў.
17. У Аўдзеі традыцыя бачыла сына ўдавы, выратаванага Іллем, або пашкадванага ім трэцяга пяцідзясятніка.
18. Звычайна прынята, што Ёна быў прарокам з Гафхефера ля Назарэта, які прадказаў Еравааму II Божую дапамогу ў адбудове ізраільскага царства (4 Црс. 14:25). Але Скарына ў Прадмове да Кнігі прарокаў звязвае яго постаць з дзейнасцю Іллі, а звязвае з Ёнам постаць сына нейкай удавы з Сарэпты, якая карміла Іллю. Ілля ажывіў яе памёрлага сына (3 Црс. 17:7–24).
19. Марасфеец; з паселішча Марасф, Марашэт (35 км. ад Ерусаліма). У Прадмове Скарына сведчыць, што Святое Пісанне кажа пра двух Міхейў.
20. Скарына ў Прадмове атаясамлівае прарока з Абакумам, які прынёс Даніілу абед у львіную пяхору, Дан. 14:32–38. Атаясамліванне аўтара Кнігі з прарокам, якога анёлы насілі за валасы, спрэчнае.
21. Абак. 2:1.
22. Прыводзіцца факт, што Агей убачыў завершаны храм і першым пачаў спяваць “Алілуя!”, але Скарына пра гэта не піша.
23. У Прадмове гаворыцца пра сумесную дзейнасць, смерць і пахаванне Захарыі і Агея.
24. У Малахіі народ бачыў анёла, а некаторыя лічылі, што гэта Эздра. Скарына прыводзіць факт, што ён пісаў пасля ўсіх прарокаў.

О НЕКОТОРЫХ СПОСОБАХ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ РУССКИХ «ПРОВОЛОЧНЫХ» МОНЕТ НА ТЕРРИТОРИИ БЕЛАРУСИ

В.А. Кобринец (Пинск, Беларусь)

В XVI–XVII вв. белорусские земли входили в состав Великого княжества Литовского, которое в 1569 г. было объединено с Польским королевством в федерацию – Речь Посполитую. В денежном обращении государства участвовали монеты разных стран Европы, в том числе и Русского царства. Основным монетным номиналом последнего была высокопробная серебряная «проволочная» копейка. На лицевой стороне она имела изображение всадника с копьем. На половинной фракции копейки (денге) всадник держал в руке не копье, а саблю. С этим связано одно из наименований данной монеты – «денга-сабляница».

В XVI – первой четверти XVIII в. наиболее массовые проникновения монет Русского царства в денежное обращение белорусских земель приходится на годы военно-политических конфликтов – Ливонская война (1558–1583), война России с Речью Посполитой 1654–1667 гг. и Северная война (1700–1721). Распространение продукции денежных дворов русских царей на территории Беларуси связано в первую очередь с пребыванием московских войск и их союзников. Они активно использовали привычные для них монеты для торговых контактов с местным населением.

В начале XVII в. одним из источников массовых включений русских монет в рыночную жизнь Речи Посполитой стало передвижение в разных направлениях по её землям западноевропейских наёмников. Эти люди принимали активное участие в событиях русской Смуты или Смутного времени (1598–1613). Часть из них находилась на службе у русского царя, некоторые же занимались грабежом населения. В результате и у тех и у других на руках оказывались крупные денежные средства, с которыми они возвращались к себе на родину. Чаще всего путь наёмников пролегал через белорусские земли.

Во все времена русское правительство выступало решительным противником вывоза монетного серебра из страны. В годы длительного прекращения военных действий объёмы поступлений русских монет на белорусские земли значительно сокращались. В мирное время ему удавалось более последовательно проводить эту политику запрета.

С момента появления монет они могли свободно уходить из денежного обращения как временно, так и навсегда. Как находки «проволочных» копеек на территории Беларуси, так упоминающие продукцию денежных дворов Русского царства памятники письменности свидетельствуют, что в XVII в. было несколько вариантов такого перехода.

Некоторые особенности монетных находок на территории Беларуси позволяют предположить, что не ранее первой половины XVII в. русские монеты эпизодически использовали как «обола мертвых» («монеты Харона») или в качестве платы за выкуп места покойнику. Об этом свидетельствуют раскопки могильника у дер. Снядин Петриковского района, где среди найденных монет зафиксированы несколько копеек царя Михаила Фёдоровича (1613–1645) [4, с. 120–121].

На белорусских землях наиболее полная картина ухода продукции денежных дворов Русского царства из рыночной сферы прослеживается по данным письменных источников. Известно, что местное население прино-

сило в дар русские «проволочные» монеты наиболее чтимым иконам. Кроме того, копейки служили сырьём для ювелирных украшений, а также были полуфабрикатом для бусин такого женского украшения, как монисто.

На территории Великого княжества Литовского факты дарения и приношения в церковь копеек известны начиная с третьей четверти XVII в. В частности, 27 февраля 1665 г. брестская мещанка Устинья Манцюковна Федоровна, жена Константина Костюковича, завещает в дар на икону Богородицы, которая находится в церкви св. Симеона, 30 «денгов московских» (т.е. копеек. – В.К.) и 27 «коралей» с двумя крестиками [0, с. 447]. Косвенно о таком же использовании уже золотых копеек свидетельствует близкое по времени судебное дело Виленского магистрата от 25 июня 1666 г. Уроженец Ружан мещанин Иван Дроздович был обвинён в святотатстве в Виленской Свято-Духовской церкви. В своём оправдании обвинённый показал, что с иконы Богородицы он не брал никаких ожерелий, а также, в звонкой монете, 202 дуката и золотую копейку не похищал [2, с. 205].

Ещё одним неэкономическим способом применения русских монет было использование их как полуфабрикат для изготовления «коралей» – бусин для женских украшений (монист). На территории Беларуси вкладах и среди единичных находок сохранились вещественные памятники существования этих изделий – копейки, свёрнутые в трубочку [6, с. 76–79; 15, с. 213–215]. Документы 1630–1650-х гг. также приводят неоспоримое доказательство, что местное население активно использовало русские монеты для создания таких украшений. В перечне приданного от 10 ноября 1638 г. жены брестского мещанина Филиппа Букриевича, которое она получила от своих родителей Дороты Тыщанки и Панаса Васильевича Ханюка, упоминаются 2,5 копы (т.е. 150. – В.К.) копеек на шнуре [0, с. 316]. Косвенно об аналогичном использовании русских монет на западе белорусских земель свидетельствует дело об ограблении Пречистенской церкви в Бресте. Член брестского магистрата Иван Белькевич, находясь в должности церковного старосты, воспользовался своим положением и присвоил часть церковного имущества. В его перечне московские копейки называются не составе наличных денег, а в одном ряду с «коралями» [0, с. 371, 415].

Традиция изготавливать из копеек женское украшение (монисто) была распространена и на востоке белорусских земель. В XVII в. жители Могилёва для его характеристики использовали несколько близких названий. Чаще всего это было «каралы с копейками» и значительно реже «каралы копейковые» [7, л. 166 об.; 8, л. 515; 9, л. 407 об.; 10, л. 421 об., 711]. Ожерелье с копейками могло быть комбинированным. Помимо свёрнутых в трубочку копеек в состав таких «коралей» могли входить талеры, крестики, янтарь и некие выпуклые предметы («пукли») [9, л. 407 об.; 10, л. 298 об., 422, 711; 11, л. 163 об.; 13, л. 202 об.].

Письменные источники редко содержат развёрнутую информацию о том, из каких частей состояли украшения с копейками. Единственный известный такой документ датируется 18 декабря 1643 г. На нём стоит остановиться более подробно. В могилёвский магистрат обратился местный житель еврей Ахрон Мошкович с судебным протестом на жену Тимофея Кладки мещанку Стешу. Как сообщил истец, в ночь с 16 на 17 декабря неизвестные преступники ограбили его дом. В результате злодеяния исчезла шкатулка, в которой было много изделий из серебра, в том числе и монисто. В его состав входили оправленные в серебро хрусталь, янтарь и когти рыси, а также полкопы (т.е. – 30) копеек. Со слов потерпевшего было записано, что названное монисто носили его дети [7, л. 1175].

Незатейливый процесс переделки серебряных копеек в украшения в исключительных случаях мог стать причиной трагедии. 29 июля 1643 г. в Полоцке попытка изготовить бусину из «проволочной» копейки привела к грандиозному пожару, который уничтожил большую часть города. Он начался с возгорания дома купца Василия Паука. В пепел были обращены дома и имущество полоцких мещан, верхний и нижний замки, иезуитский коллегиум, костёлы, церкви, ратуша, сторожевые башни. В поджоге была обвинена служанка Паука – «девка» Федора Моргунович. Наиболее обстоятельно события этого дня описаны в показаниях её отца Саввы, жителя Глубокого. Она, имея «две денги московские (копейки. – В. К.), которые почала ... гнуть на корали (монисто. – В. К.)» и уронила их в щель пола. Федора начала поиски пропажи с зажжённой лучиной, искра от которой упала на сено и солому, сложенные в сених. Отвлекаясь на домашние дела, служанка не заметила, что занялся пожар... 2 сентября Федору в соответствии с судебным приговором заживо сожгли [3, с. 350–353; 14, с. 184–185; 15, с. 213].

В повседневной жизни жителей восточных белорусских городов традиция изготовления из копеек частей мониста была очень прочной. Её следы неоднократно встречаются в судебных тяжбах Полоцка и Могилёва в третьей четверти XVII в. В них копейки-бусины фигурируют как в виде законченного изделия («корали»), так и подготовленных его частей – «копейки гнутые» и «копейки хияльные (т.е. свёрнутые. – В.К.)» [11, л. 163 об.; 12, л. 317; 13, л. 202 об.].

Во второй половине XVII в. русские «проволочные» монеты пользуются спросом как высокопробное сырьё для изготовления серебряных изделий. Факт такого применения этих монет зафиксирован в 1679 г. в Орше. 6 июня 1679 г. местный земянин⁴ Ян Дурасевич отписывает в Рижковскую Вознесенскую церковь в дар чудотворной иконе Богородицы серебряную лампаду, сделанную из копеек [5, с. 375; 14, с. 223]. Косвенно о том же свидетельствуют клады Беларуси, состоящие исключительно из продукции русских денежных дворов. Не исключено, что они были сырьевыми запасами белорусских ювелиров [16, с. 198].

⁴ Земянин – владелец недвижимой собственности, которая давала ему право голоса на сеймах.

Рассмотренный материал позволяет прийти к нескольким выводам. На территории Беларуси русские монеты находили активное применение во внеэкономической сфере. Их использовали ювелиры как высокопробное сырьё. «Проволочные» копейки были полуфабрикатом для одного из видов женских украшений – «коралей». Местные жители жертвовали русские монеты на церковные нужды и особо почитаемым иконам. Кроме того, известны случаи использования копеек в погребальном обряде.

1. Акты, издаваемые Виленскою Археографическою комиссиею (далее – АВАК): в 39 т. / сост. Я.Ф. Головацкий [и др.]. – Вильно: Типография губернского правления, 1872. – Т. 6: Акты Брестского гродского суда (поточные). Акты Брестского подкоморного суда. Акты Брестской магдебургии. Акты Кобринской магдебургии. Акты Каменецкой магдебургии. – 593 с.
2. АВАК: в 39 т. / сост. Я.Ф. Головацкий [и др.]. – Вильно: Типография А.Г. Сыркина, 1878. – Т. 9: Акты Виленского земского суда. – 591 с.
3. Археографический сборник документов, относящихся к истории Северо-Западной Руси, издаваемый при управлении Виленского учебного округа: в 14 т. (1867–1904) / сост. Н.А. Гильтебрант [и др.]. – Вильно: Типография губернского правления, 1867. – Т. 1. – 409 с.
4. Иов, О.В. «Оболы мертвых» Снядинского могильника середины XVI–XVII в. / О.В. Иов // Двенадцатая Всероссийская нумизматическая конференция. Москва, 19–24 апреля 2004 г. Тезисы докладов и сообщений. – М., 2004. – С. 120–121.
5. Историко-юридические материалы, извлечённые из актов книг губерний Витебской и Могилёвской, хранящихся в Центральном архиве в Витебске: в 32 т. / Под ред. М.Л. Верёвкина. – Витебск: Типо-литография Г.А. Малкина, 1895. – Вып. 26. – 516 с.
6. Кобринец, В.А. Копеечные «корали» XVII века (полоцкая находка 1990-х гг.) / В.А. Кобринец // Банкаўскі веснік. – 2008. – № 7 (408), март (спецвыпуск). – С. 76–79.
7. Национальный исторический архив Беларуси (далее – НИАБ). – Ф. 1817 (Могилёвский магистрат). – Оп. 1. – Д. 14 (Актовая книга Могилёвского магистрата за 1643 г.).
8. НИАБ. – Ф. 1817 (Могилёвский магистрат). – Оп. 1. – Д. 16 (Актовая книга Могилёвского магистрата за 1645 г.).
9. НИАБ. – Ф. 1817 (Могилёвский магистрат). – Оп. 1. – Д. 17 (Актовая книга Могилёвского магистрата за 1647 г.).
10. НИАБ. – Ф. 1817 (Могилёвский магистрат). – Оп. 1. – Д. 18 (Актовая книга Могилёвского магистрата за 1649 г.).
11. НИАБ. – Ф. 1817 (Могилёвский магистрат). – Оп. 1. – Д. 22 (Актовая книга Могилёвского магистрата за 1655 г.).
12. НИАБ. – Ф. 1817 (Могилёвский магистрат). – Оп. 1. – Д. 23 (Актовая книга Могилёвского магистрата за сентябрь 1656 – август 1657 г.).
13. НИАБ. – Ф. 1823 (Полоцкий магистрат). – Оп. 1. – Д. 1 (Актовая книга Полоцкого магистрата за сентябрь 1656 – август 1657 г.).
14. Рябцевич, В.Н. Нумизматика Беларуси / В.Н. Рябцевич. – Мн.: Полымя, 1995. – 686 с.
15. Рябцевич, Д.В. Полоцкий пожар 1643 года / Д.В. Рябцевич // Гісторыя і археалогія Полацка і Полацкай зямлі. IV міжнародная канферэнцыя 23–24 кастрычніка 2002 г. – Полацк, 2002. – С. 213–215.
16. Рябцевич, Д.В. «Денги Московские» в Великом княжестве Литовском XVI–XVII вв. (денежная и товарная функции) / Д.В. Рябцевич // Десятая Всероссийская нумизматическая конференция. Псков, 15–20 апреля 2002 г. Тезисы докладов и сообщений. – М., 2002. – С. 196–198.

ОБ ИСТОЧНИКАХ АКАДЕМИЧЕСКОЙ РЕДАКЦИИ СИБИРСКОГО ЛЕТОПИСНОГО СВОДА (К ИСТОРИИ ПОЗДНЕГО ЛЕТОПИСАНИЯ НА ВОСТОКЕ РОССИИ)

Я.Г. Солодкин (Нижевартовск, Россия)

Крупнейшим памятником летописания Азиатской России второй половины XVII – середины XVIII вв. служит Сибирский летописный свод (далее – СЛС), известный в многочисленных редакциях и видах. Самой поздней из этих редакций является Академическая, в которой изложение событий доведено до 1742 г.

Н. А. Дворецкая пришла к выводам о том, что в своей первой части, которую составляет Распространенная редакция Есиповской летописи (далее – РЕЛ), Академическая редакция СЛС близка к Нарышкинской редакции того памятника (далее – АР и НР соответственно), но текст порой сокращен, нет и оглавления; в следующей части – «Описании о поставлении городов и острогов в Сибири по взятии ее ...» – приведены лишь известия по Тобольску, а сведения о градостроительстве сходны с Книгой записной (далее – КЗ) – старшей из дошедших до нас редакций свода. Е. К. Ромодановская повторила эти заключения [3, с. 51; 4, с. 109 – 112; 5, с. 29; 7, с. 422 – 423], которые, как увидим, могут быть существенно уточнены и конкретизированы.

При сравнении РЕЛ по НР и АК обнаруживается, что в последней опущена фраза «и о поставлении в Сибири градов ... во дни и рода наша» (в предисловии [6, с. 232, 356]) и сокращены, подчас значительно, названия 6 – 9, 15 – 19, 23, 25 – 29, 31-й глав.

В АК идет речь не только о судьбе Тобольска, но и об основании Тюмени, Березова, Пелыма, Тары, Сургута, Верхотурья, Томска, Туринского, Кузнецкого, Красноярского и Енисейского острогов, походе Ф. Дьякова в «Мангазейскую землю», назначении в Илимский острог первого воеводы Т. В. Шушерина, экспедиции в «Дауры» А. Ф. Пашкова и об управлявших затем этим краем Л. Б. Толбузине и Д. Д. Аршинском, поисках серебра на Урале думным дворянином Я. Т. Хитрово «с товарищи», участии Л. Б. Толбузина и его сыновей, определенных ведать даурскими острогами, размежевании земель писцом Л. М. Поскочиным в уездах Тобольского и Томского разрядов, поездке в Китай посла окольничего Ф. А. Головина, отправке на береговую службу в тобольские и «исецкие» остроги и слободы ратных людей во главе с В. П. Шульгиным, их разгроме у озера Семискуль, введении с 1700 г. нового летосчисления [6, с. 369 – 372, 374 – 377, ср. с. 259 – 261, 263, 267, 269, 270, 273, 277 – 278, 280, 286, 292].

В АР повторены известия НР, отсутствующие в КЗ, о появлении в Тобольске кружечных дворов и в продаже горячего «государева» вина, тобольских пожарах 6 ноября 1657 г. «в ночи», когда сгорели 265 русских

дворов и татарских юрт, и 1661/62 г. (в то время «под горою» огонь уничтожил Богоявленскую церковь, многие русские дворы, торги, мосты, все татарские юрты), сооружения в 1660/61 г. нового острога в сибирской столице «на горе кругом всего посаду», хлебной дороговизне в Тобольске в 1661/62 г., строительстве там в 1687/88 г. земляного вала со рвом и «обруба», который в следующем году унесло вешней «большой» водой и разломало [6, с. 145, 159 – 161, 261, 270, 271, 282, 283, 370, 373, 376, ср. с. 98], а также многочисленные сообщения за 1688/89 – 1702 гг., начиная с указаний на отъезд из Тобольска второго воеводы Б. Д. Глебова, прибытии на смену письменному голове Г. Ф. Синявину занимавшего ранее ту же должность в Енисейске А. Л. Горчакова и заканчивая упоминанием о приезде в «царствующий град» Сибири думного дьяка А. А. Виниуса [6, с. 283 – 286, 289 – 296, 376 – 378, ср. с. 106, 341, 343]. Кроме того, аналогии в НР имеет несколько заметок из АР за 1709 – 1712 гг. Указание АР на возникновение в 1616/17 г. Кузнецкого острога (им вначале управляли томские приказные люди, а со следующего года – уже воеводы, «присылавшиеся» из Москвы) представляется сокращением рассказа, читающегося в НР [6, с. 145, 261, 370, 378, ср. с. 106, 296 – 300].

Нетрудно заметить, что в АР показания, вторичные относительно НР, часто сочетаются с известиями, источником которых служит редакция СЛС, признающая первоначальной. Так, в рассказе о зауральском походе И. Мансурова свидетельство «слогателя» АР о бегстве этого воеводы к Москве повторяет сообщение НР, а остальные свидетельства, кроме упоминания о зимовке русских в городке на Белогорье, воспроизводят строки КЗ, подобно которой в АР говорится о возведении Тюмени. Объединение известий двух предшествующих редакций СЛС наблюдается и в сообщении АР о том, что сибирский архиепископ Симеон, в 1662/63 г. уехавший в Москву, 16 февраля следующего года «объявился» на своем обещании в Божедомском монастыре за Язуой. Свидетельство КЗ о сооружении в Тобольске в годы воеводства боярина П. В. Меньшого Шереметева и его «товарыщей» (за 4, 5 месяца) 9-башенного рубленого города с Вознесенской церковью в стене, представляющей собой десятую башню, в АР дополнено указанием НР на то, что крепость была выстроена «перед прежним с прибавкою» [6, с. 171, 271, 275, 373, 375, ср. с. 206, 327, 350].

Большинство известий АР, которых нет в НР, мы встречаем в КЗ. Это сообщения об основании Тобольска (примечательно, что в КЗ и АР приведены две версии «поставления» будущего «старейшего града» Сибири, а первая «срубленная» там церковь подобно Забелинской и Погодинской редакциям «Повести» Саввы Есипова, Головинской редакции СЛС названа Троицкой, а не Вознесенской, как в НР), тобольском воеводстве князей Ф. М. Лобанова-Ростовского и М. В. Ноздроватого, строительстве тюменской крепости в 1592/93 и 1641/42 гг., возведении на протяжении 1592/93 – 1594/95 гг. Березова, Пельма, Сургута и Тары, Нарымского и Кетского острогов (в НР сооружение Тары отнесено к 1587/88 г., а Пельма, Березова, Сургута, Нарыма, Томска, Кетска – к промежутку времени между 1590/91 и 1593/94 гг.), «сидении» (о котором в НР вообще не говорится) в Тобольске Е. В. Бутурлина «с товарищи», закладке Верхотурья и Туринского острога, перенесении в Тобольске рубленого города с Троицкого мыса на другую сторону Торгового звоза, «проведывании» и «поставлении» Томска – вначале острога, затем города, окончательном разгроме Кучума выступившими из Тары служилыми людьми (по КЗ и АР, в 1600/01 г., согласно НР, тремя годами прежде), строительстве в Тобольске рубленого города у Базарного звоза, составе воеводских «коллегий» 1607/08 – 1608/09 и 1612/13 – 1615/16 гг., в частности, назначении В. Н. Плещеева письменным головой, сооружении Енисейского острога, куда «на приказ» отправили тобольского сына боярского М. Трубчанинова [6, с. 139 – 141, 143 – 146, 259 – 261, 368, 370]. Назвав администраторов (о них сказано и в НР) разрядного центра за 1619/20 – 1622/23 гг., анонимный книжник подобно КЗ отметил, что письменных голов в двух «переменах», т. е. этой и предшествовавшей, не было, лишь приехал сын боярский М. О. Байгашин – зять дьяка И. Шевырева, который «в Тобольску умре». Излагая соответствующее известие, редактор допустил ошибку: в КЗ упоминается о смерти Байгашина в 1645 г., И. Шевырев же по возвращении из Сибири нес службу в Москве в середине 1620-х гг. [2, с. 577, и др.]. «Списатель» АР привел свидетельства КЗ о хиротонисании архиепископа Корнилия в сан митрополита, срочном отъезде стольника П. И. Годунова в Москву с приездом в Тобольск сыщиков, ссылке приближенных этого воеводы «за угодение и ушничество» в разные сибирские города (в том числе, о чем известно документально [1, с. 276], П. Киева, имя которого в КЗ по сохранившемуся списку последней четверти XVIII в. не названо). Создателя АР заинтересовал и рассказ КЗ (в НР мы его не находим) о судьбе тобольских детей боярских Толбузиных, в 1675/76 г. отправившихся в «Дауры» (при этом в КЗ сказано, что Ф. Л. Толбузин скончался на пути из Москвы, «не доехав Тотмы», а в АР – «только на дороге умре»); в АР верно [8, с. 50, примеч. 12] говорится о даурских острогах, а не заводах, как в КЗ, река Зея представлена в этих редакциях СЛС Зией и Заей соответственно. Ряд сообщений КЗ подвергся в АР значительному сокращению (о «поставлении» и приезде в Тобольск «первопрестольного» архиепископа Киприана, его возвращении в Москву, где он был возведен, о чем в НР умалчивается, в сан митрополита Крутицкого, а следом Новгородского, о замене, про которую в НР опять-таки не говорится, младшего тобольского воеводы М. А. Вельямина И. В. Вольнским Птицей, об основании Качинского или Красноярского острога, о закладке 11 мая 1645 г. в столице «русской» Сибири 10-башенного рубленого города, «совершенного» в следующем году, о «присылке» на место тобольского дьяка Т. Васильева Г. Углева, смерти и погребении архиепископа Герасима, продолжительности его «святительства») [6, с. 146 – 148, 154, 157, 261 – 263, 267, 268, 370 – 372].

Итак, сходство с КЗ, вернее, зависимость от нее, обнаруживается не только в известиях АР о строительстве городов, как ранее считалось, но и в десятках других сообщений. Если Записки, к сибирской истории слу-

жащие, представляют собой особый вид КЗ, дополненный по НР [4, с. 28, ср. с. 111], то в АР текст НР насыщен многочисленными – и лаконичными, и весьма пространными – выдержками из старшей редакции СЛС, отражающими разнообразные события прошлого Азиатской России. Примечательно, что нередко в АР наблюдается объединение показаний КЗ и НР. Бытующие в историографии соображения о путях эволюции позднего сибирского летописания, получается, можно более или менее существенно конкретизировать.

Исследование осуществлено в рамках проекта РФФИ 17-11-86004.

1. Бахрушин, С. В. Научные труды / С. В. Бахрушин. – М.: Изд-во АН СССР, 1955. – Т. III. – Ч. 1. – 376 с.
2. Веселовский, С. Б. Дьяки и подьячие XV – XVII вв. / С. Б. Веселовский. – М.: Наука, 1975. – 607 с.
3. Дворецкая, Н. А. Изменения в официальном сибирском летописании на рубеже XVII – XVIII вв. (Анализ Погодинского списка Сибирской летописи) / Н. А. Дворецкая // Сибирская археография и источниковедение. – Новосибирск: Наука, Сибирское отделение, 1979. – С. 47 – 57.
4. Дворецкая, Н. А. Сибирский летописный свод (вторая половина XVII в.) / Н. А. Дворецкая. – Новосибирск: Наука, Сибирское отделение, 1984. – 136 с.
5. Покровский, Н. Н., Ромодановская, Е. К./ Предисловие / Н. Н. Покровский, Е. К. Ромодановская // Полное собрание русских летописей. – М.: Наука, 1987. – Т. 36. – С. 3 – 31.
6. Полное собрание русских летописей. – М.: Наука, 1987. – Т. 36. – 382 с.
7. Ромодановская, Е. К. «Описание о поставлении городов и острогов в Сибири по взятии ее» / Е. К. Ромодановская // Словарь книжников и книжности Древней Руси. – СПб.: Изд-во Дмитрий Буланин, 1993. – Вып. 3. – Ч. 2. – С. 420 – 423.
8. Солодкин, Я. Г. Тобольские летописцы середины – второй половины XVII века (Редакции и виды Сибирского летописного свода) / Я. Г. Солодкин. – Нижневартовск: Изд-во Нижневартовского государственного гуманитарного университета, 2012. – 139 с.

ПИСЬМЕННОЕ НАСЛЕДИЕ В.Н. КАРАЗИНА (1773–1842): К ИСТОРИИ ВЫЯВЛЕНИЯ И ПУБЛИКАЦИИ

О.И. Вовк (Харьков, Украина)

Деятельность Василия Назаровича Каразина оставила заметный след в истории Российской империи конца XVIII – первой половины XIX вв. Наибольшую известность он приобрел благодаря самому активному участию в деле открытия старейшего на территории Надднепрянской Украины Харьковского университета (который с 1999 г. заслуженно носит имя своего основателя). Вместе с тем, В. Н. Каразину принадлежит заслуга подготовки ряда документов, определивших векторы развития образовательной сферы в Российской империи начала XIX в. (в т.ч. «Предварительные правила народного просвещения»). Он также известен как даровитый изобретатель, основатель одного из первых в стране технических объединений – Филотехнического общества в Харькове. Инициативность и активность позволили В. Н. Каразину играть видную роль в общественно-политических процессах первых десятилетий XIX в.

В. Н. Каразин обладал несомненным даром красноречия и способностью живо и ярко излагать свои мысли на бумаге. За свою жизнь он успел написать несколько сотен статей и заметок, в которых поднимались вопросы народного просвещения, острые социально-политические темы, освещались различные аспекты ведения хозяйства, описывались предложенные автором технические новшества и сделанные им естественнонаучные наблюдения, обсуждались проблемы изучения и сохранения историко-культурного наследия и проч. Известно, что в числе корреспондентов В. Н. Каразина были российские монархи (Павел I, Александр I и Николай I); лица, занимавшие высокие посты в системе органов власти Российской империи первой половины XIX в. (А. А. Аракчеев, А. Х. Бенкендорф, В. П. Кочубей, М. М. Сперанский и др.); просветители, ученые и общественные деятели (И. Г. Фихте и др.) и проч.

К сожалению, далеко не все эти документы дошли до наших дней. Многие из них, как и богатая библиотека с ценной коллекцией древних рукописей, были уничтожены во время пожара, случившегося в 1836 г. в Кручике – родовом поместье Каразиных неподалеку от Харькова. К концу XIX – началу XX в. сохранившиеся материалы осели в различных рукописных собраниях Петербурга, Москвы, Киева, Харькова, Николаева и других городов. Некоторые статьи были опубликованы самим В. Н. Каразиным еще при жизни в петербургской [см., например: 12 и др.] и харьковской [см., например: 7 и др.] периодике. Однако большая часть его письменного наследия стала доступна широкому кругу читателей уже после смерти просветителя.

Начало этому процессу положил выход четвертого выпуска харьковского литературно-художественного и историко-научного альманаха «Молодик», издававшегося в 1843–1844 гг. В третьем выпуске на 1844 г. были опубликованы материалы, ранее переданные издателю альманаха И. Е. Бецкому В. Н. Каразиным, в т.ч. его собственные статьи («Взгляд на украинскую старину», «Цена провианту в Харькове в 1732 году», «Условие помещика с учителем 40 лет назад», «Речь, говоренная августа 31 дня [1802 г.] в собрании харьковского дворянства – депутатом его, коллежским советником В. Н. Каразиным, испросившим высочайшее соизволение на основание в городе Харькове университета»), переписка и подготовленные к печати источники отечественной истории второй половины XVII – начала XIX вв. Здесь же впервые был опубликован литографический оттиск рукописи В. Н. Каразина [16].

Со второй половины 1840-х гг. процесс публикации источников, раскрывающих основные вехи биографии В. Н. Каразина, прервался и возобновился лишь спустя два десятилетия. На протяжении 1860-х –

1870-х гг. ряд его писем, записок и статей был напечатан в ведущих исторических журналах Петербурга («Русская старина») и Москвы («Русский архив», «Чтения в Обществе истории и древностей российских») [см., например: 9 и др.]. Значительная часть этих материалов была предоставлена и прокомментирована Ф. В. Каразиным – сыном просветителя, который стал его первым биографом. В ряде случаев им же был осуществлен русский перевод источников, в оригинале написанных на французском языке [см., например: 10 и др.]. Ближе к концу XIX в. аналогичные материалы стали появляться и на страницах харьковской прессы [см., например: 8 и др.]. Их введение в научный оборот сыграло значительную роль в активизации процесса изучения биографии В. Н. Каразина. Вместе с тем, тематическая и хронологическая разобщенность, спорадический характер публикации этих материалов затрудняли возможность целостного понимания мировоззрения просветителя и выдвинутых им идей.

Первый опыт упорядочения, систематизации и комплексной публикации произведений В. Н. Каразина и его переписки принадлежит выдающемуся украинскому историку Д. И. Багалю – профессору и ректору (1906–1911 гг.) Харьковского университета, одному из основателей и первых академиков Украинской Академии наук (1918 г.). Им были подготовлены документальные сборники «Заметки и материалы по истории Харьковского университета. Новые данные для биографии В. Н. Каразина» (1905 г.) [1] и «Сочинения, письма и бумаги В. Н. Каразина» (1910 г.) [18], которые до сегодняшнего дня остаются единственными в своем жанре, а потому не теряют своей актуальности и востребованности. Появление названных изданий стало значимой вехой в развитии каразиноведения, т.к. исследователям был значительно облегчен доступ к ценным источникам информации, а это, в свою очередь, способствовало повышению качества соответствующих научных исследований.

Д. И. Багаль обработал и представил в рамках единого издания значительный пласт письменного наследия В. Н. Каразина, который, однако, не был исчерпывающим. Поэтому уже в 1910-х гг. в научный оборот был введен ряд новых источников [см., например: 11 и др.]. Однако в условиях Первой мировой войны, Февральской и Октябрьской революций, гражданской войны и послевоенной разрухи этот процесс прервался, а имя В. Н. Каразина на некоторое время пропало из поля зрения «материковых» исследователей [подробнее см. 4].

В то же время, в 1925 г. эмигрант из Харькова Н. Н. Кнорринг опубликовал в Праге заметку «К истории реакционных настроений начала XIX века. По неизданным письмам В. Н. Каразина». В ней он привел датированные 1807 г. тексты писем В. Н. Каразина к императору Александру I и к председателю департамента гражданских и духовных дел Государственного совета В. С. Попову, которые хранились в архиве Таврического университета и в 1920 г. были вывезены из Крыма во время эвакуации [15].

На протяжении практически всего XX в. публикация новых документов не производилась. Этот процесс начал оживляться только в конце XX – начале XXI вв., когда в научный оборот начали вводиться материалы, хранившиеся в украинских, российских и болгарских архивохранилищах [см. 2; 3; 5; 13 и др.]. Вместе с тем, в ряде случаев наблюдалась перепечатка отдельных источников из вышедшего в 1910 г. сборника «Сочинения, письма и бумаги В. Н. Каразина» [18], который спустя столетие после своего выхода перешел в разряд книжных раритетов [см. 2; 14 и др.].

Эвристические изыскания, направленные на выявление новых материалов, способных пролить свет на различные аспекты биографии В. Н. Каразина, раскрыть значение его роли в истории Восточной Европы, не прекращаются и в наши дни. Проведенная в начале XXI в. поисково-исследовательская работа украинских и российских историков и архивистов позволила обнаружить весомый пласт ранее неопубликованных статей этого деятеля и его переписки [см. 5; 6; 17 и др.].

Подытоживая вышеизложенное, отметим, что одной из важнейших задач, которая стоит перед современными каразиноведами, является переиздание расширенного и дополненного собрания сочинений В. Н. Каразина. Интерес к подобному изданию далеко не ограничится кругом лиц, чьи научные интересы сконцентрированы вокруг личности В. Н. Каразина, истории Харьковского университета и Слободской Украины. Его публикация станет весомым подспорьем при изучении общественно-политических течений в Российской империи конца XVIII – первой половины XIX вв., истории университетского образования и развития естественнонаучной мысли на всем восточноевропейском пространстве.

1. Багалей Д. И. Заметки и материалы по истории Харьковского университета. Новые данные для биографии В. Н. Каразина / Д. И. Багалей. – Харьков : [б.и.], 1905. – 84 с.
2. Болебрух А. Г. Василь Назарович Каразін (1773–1842) / А. Г. Болебрух, С. М. Куделко, А. В. Хрідочкін. – Харків : Авто-Енергія, 2005. – 348 с.
3. Болебрух А. Г. Два листи В. Н. Каразіна 1820 р. / А. Г. Болебрух // Харківський історіографічний збірник. – 2003. – Вип. 6. – С. 159–163.
4. Вовк О. І. Постаць Василя Каразіна в історіографії / О. І. Вовк ; наук. ред. С. М. Куделко. – Харків : ХНУ імені В. Н. Каразіна, 2016. – 238 с.
5. Грачева Ю. Е. «Позвольте мне быть полезным!». Василий Назарович Каразин на государственной службе и в общественной жизни России первой трети XIX в. / Ю. Е. Грачева. – Москва : Изд-во ПСТГУ, 2012. – 183 с.
6. Засновнику Харківського університету присвячується (до 240-річчя з дня народження В. Н. Каразіна) : каталог виставки / ред. Л. М. Юдіна ; уклад. О. Сафонова, О. Вовк. – Харків : ХНУ імені В. Н. Каразіна, 2013. – 60 с.
7. Каразин В. Н. О воспитании женского пола в низших состояниях / В. Н. Каразин // Прибавление к Харьковским губернским ведомостям. – 1841. – № 3. – С. 21–23.
8. Каразин В. Н. Письмо к графу А. А. Аракчееву / В. Н. Каразин // Южный край. – 1892. – 8 нояб.

9. Каразин В. Н. Письмо к императору Александру о невмешательстве в дела Европы / В. Н. Каразин // Чтения в Обществе истории и древностей российских. – 1863. – Кн. 3. – Смерь. – С. 121–130.
10. Каразин В. Н. Письмо к доктору Ремау / В. Н. Каразин; перевод и прим. Ф. В. Каразина // Русская старина. – 1875. – № 4. – С. 750–758.
11. Каразин В. Н. Письмо к князю А. Б. Куракину о привлечении малороссийского дворянства к пожертвованию на Харьковский университет / сообщ. И. Ф. Павловский // Труды Полтавской ученой архивной комиссии / под ред. И. Ф. Павловского, А. Ф. Мальцева, Л. В. Падальки. – Полтава, 1914. – С. 179–185.
12. Каразин В. Н. Чистая правда без малейшего украшения и увеличения (отрывок из дневной записки приезжего украинца, которая, может быть, будет напечатана) / В. Н. Каразин // Сын Отечества. – 1819. – № 32. – С. 286–288.
13. Василий Каразин: живот и дейност : [сборник] / съст. М. Станчев, А. Запрянова, Л. Георгиев, П. Чолов [и др.]. – София : Акад. изд-во «Марин Дринов», 2005. – 376 с.
14. Каразин В. Н. О воспитании женского пола в низших состояниях / В. Н. Каразин ; вступ. ст. О. М. Майструк // Историко-педагогический альманах. – 2013. – Вып. 1. – С. 87–89.
15. Кнорринг Н. Н. К истории реакционных настроений начала XIX века. По неизданным письмам В. Н. Каразина / Н. Н. Кнорринг. – Прага : [б. и.], 1925. – [12 с.].
16. Молодик на 1844 год, украинский литературный сборник, издаваемый И. Бецким. Часть третья. (В пользу Харьковского детского приюта). – Харьков : В Университетской типографии, 1843. – [295] с.
17. Сафонова О. В. Ім'я в архівних документах (до 240-річчя від дня народження засновника Харківського університету Василя Каразина) / О. В. Сафонова. – Архіви України. – 2013. – № 4. – С. 126–136.
18. Сочинения, письма и бумаги В. Н. Каразина, собранные и редактированные проф. Д. И. Багалеем / В. Н. Каразин ; сост. Д. И. Багалей. – Харьков : В Университетской типографии, 1910. – XIX, 927 с.

ПРОТОКОЛЫ ДИССЕРТАЦИОННЫХ ДИСПУТОВ: ДЕЛОПРОИЗВОДСТВЕННАЯ ПРАКТИКА И ОПЫТ НЕОФИЦИАЛЬНОГО ПРОТОКОЛИРОВАНИЯ В РОССИЙСКИХ УНИВЕРСИТЕТАХ XIX – НАЧАЛА XX В.

(На примере деятельности историко-научного сообщества)

Н.Н. Алеврас (Челябинск, Россия)

Разрабатывая тематику, связанную с исследованием университетской культуры, историки актуализировали проблемы поиска и аналитической интерпретации документально-информационных ресурсов университетских архивов, акцентировав внимание на проблеме их идентификации как «создателей университетской памяти» [см.: 2; 6, с. 329–357].

В контексте исследования информационного потенциала университетского делопроизводства привлекательно изучение его возможностей в целях реконструкции сложившихся правил и традиций хода защит диссертаций изучаемого времени. Социальная функция делопроизводственной документации, выраженная «документным обслуживанием» управляющих систем, определяет особое значение ее разновидности как обеспечивающих принятие и реализацию тех или иных управленческих решений [см.: 7, с. 279]. Архіви протоколи наделялись специфической функциональной нагрузкой запечатления основных деталей происходящего события. Будучи той разновидностью документации, которая в интересующей нас области институциональной культуры фиксировала легитимность акции присуждения ученых степеней после защиты диссертации, можно было полагать, что в архивных фондах университетов и министерства народного просвещения, заинтересованного исследователя ожидает существенное количество протокольных записей диссертационных диспутов, позволяющих (как хотелось бы!) представить общую их сценарную картину, начиная от речей диссертантов и их прений с оппонентами до результатов голосования факультета для принятия итогового решения. На самом же деле для неискушенного исследователя подобные ожидания встречи с «идеальной» протокольной записью остаются лишь мечтой. Результаты изучения исследователями архивных фондов, содержащих интересующую нас документацию относительно первой половины XIX в. [см.: 4; 5], и собственные наблюдения за характером документальных ресурсов соответствующих фондов преимущественно второй половины XIX–начала XX в. позволяют полагать, что университетско-министерское делопроизводство, формировавшееся в сегменте защит диссертаций было ориентировано не столько на функцию протоколирования, сколько на выполнение задач, ориентированных на отчетную миссию по поводу итогов проведенных диспутов. Изначально заданный лаконизм содержания протокольных записей о самих защитах диссертаций с большими или меньшими подробностями относительно диспутов по разным специальностям, приобретал еще большую лапидарность во второй половине столетия. Характерно «Дело об утверждении кандидата Павловского в степени магистра русской истории. 1852 г.» [см.: 12, л. 1–100]. История движения соискателя к утверждению степени имела специфические особенности, а потому стала предметом отдельного рассмотрения в МНП. Первые 10 листов протокольной части дела, излагающих ряд обстоятельств его ситуации, касаются, главным образом предыстории, включающей данные из протоколов магистерских экзаменационных «испытаний» харьковского кандидата Н. Павловского. Из фактов, имевших отношение к самому диспуту сообщались лишь фамилии официальных оппонентов, указывалось о факте предоставления соискателем рукописной версии диссертации и фиксировалось, что «защитение» признано удовлетворительным. В этой части дела отсутствует какие-либо детали о самом диспуте. Характерная краткость записей в университетских протоколах таких событий научной жизни, которым современники придавали повышенную

значимость, не удовлетворяла многих. Примером является магистерский диспут Д.И. Иловайского (1858), относительно которого была предпринята попытка осуществить гораздо более подробную (хотя и трудно читаемую) черновую запись, сохранившую представление об алгоритме диспута и содержании основных выступлений участников защиты [5, с. 46]. Обращение к этому документу [14, л. 17-18] позволяет предполагать выражение в нем опыта первых попыток ведения неофициальных протоколов.

В пореформенный период эта тенденция более актуализируется, проявившись на магистерском диспуте В.О. Ключевского (1872), когда Е.В. Барсов запротоколировал не только выступления оппонентов (официальных и неофициальных), но и речь диссертанта, а также диалоговую часть полемики. Составление неофициального протокола сразу было ориентировано на публикацию, осуществленную им в том же году в «Современных известиях» (№ 27). Впоследствии протокол Барсова был переиздан [см.: 8, с. 65-71] наряду с официальным протоколом защиты диссертации [там же. С. 64], что позволяет предметно сравнивать различия принципов, форматов и информационных потенциалов официального и неофициального протоколирования диссертационных диспутов.

Отметим, что в дореволюционном университетском законодательстве (уставах университетов и положениях об ученых степенях) отсутствуют нормативные положения, формулирующие требования к форме и структуре документальной основы в деле организации диссертационных диспутов. В их содержании внимание акцентировалось лишь на основные виды документации (отчетной по своему характеру), являвшейся основой допуска соискателя к защите и организации публичного диспута. Таковыми по своей функции «документами»-произведениями признавались сама диссертация, относительно которой в положениях об ученых степенях 1844 и 1864 гг. были выработаны общие требования как по содержанию, так и форме представления (в виде публикаций или рукописей – в 1844 г. и только публикаций – в 1864 г.), и «положения» (или theses), игравшие в ходе диспута роль основы для «предмета возражений» оппонентов. Акцентировалось внимание и на «подробном разборе» диссертации ведущими профессорами, адъюнктами или приват-доцентами факультета. Данный «разбор» в практике защит именовался либо рецензией (преимущественно в первой половине XIX), либо отзывом (во второй половине XIX-начале XX вв.) [10, с. 179-192; 11, с. 96-110.].

Рецензии и отзывы, будучи составленными компетентными учеными и коллегиально рассмотренными представителями факультета, имели официальную основу и выступали главными экспертными документами, определявшими качественную оценку диссертации. В практиках организации диссертационных диспутов положительный факультетский отзыв становился пропуском к защите. Заранее подготовленный и принятый факультетом, он-то и рассматривался как главный документ, удостоверявший легитимность как самой защиты, так и акта присуждения ученой степени. Что же касается отзывов официальных и неофициальных оппонентов, то они не требовались к представлению и, соответственно, сохранению в фондах университетского делопроизводства. Поэтому университетского архивариуса не интересовали ни выступления оппонентов, ни научные дебаты, звучавшие на диспутах.

Однако по-иному к подобным формам научной экспертизы и способам фиксации научных диалогов, как уже отмечено выше, относились ученые. С 1890-х гг. в их среде формируется более продуманный и организованный подход к созданию и публикации неофициальных протоколов диспутов. Лидером в этом деле выступил петербургский журнал «Историческое обозрение». Вдохновителем процедур протоколирования диспутов и начинателем специальной рубрики, представляющей тексты протоколов диспутов, последовательно публикуемых в первых его пяти томах (1890-1892), являлся его редактор – Н.И. Кареев, продолживший этот опыт и в последующих редактируемых им изданиях [см. подробнее: 1, с. 145-161].

В начале XX в. осознание ценности детального протоколирования диссертационных диспутов проявляется продолжением отмеченной практики в ряде периодических изданий. Этот тренд повлиял даже на опыт ведения дневниковых записей. В стиле протоколирования подаются, например, записи о диспутах в дневниках А.Н. Савина, М.М. Богословского [13; 3].

Важным для рассматриваемых аспектов является мемуарное суждение В.И. Пичеты. Характеризуя диссертационные диспуты рубежа XIX-XX вв. как события «общественного характера» и признавая, что в них «искали живого слова, живой мысли, ибо где-нибудь в другом месте их нельзя было высказать», он добавил: «Жаль, что диспутов никто не стенографировал» [9, с. 592.]. Свидетельство современника является одним из доказательств того, что официальная фиксация диспутов рассматривалась как практика, нуждавшаяся в обновлении. За этой позицией косвенно просматривается и то значение, которое многие представители науки придавали культуре создания и защит диссертаций, как неотъемлемой части научного опыта факультетов и университетов. Не менее значим тот факт, что Пичета вошел в ряды неофициальных «архивариусов», осуществив протоколирование двух диспутов – Ю.В. Готье (1913) и А.И. Яковлева (1917). Заметим и то, что в лексике Пичеты присутствует термин, восходящий к понятию «стенограмма». С опытом стенографирования российское общество начала XX в. познакомилось благодаря возникновению новой протокольной документации – стенографических отчетов Государственной думы. Этот опыт российской делопроизводственной практики теперь мог восприниматься научной средой как актуальный, в том числе и для применения в деле протоколирования и публикации материалов диссертационных диспутов. Конечно, скромный масштаб частных инициатив не смог охватить всего их количества. Публикации неофициальных протоколов имеют характер случайной выборки. Но целенаправленными усилиями ученых была создана оригинальная разновидность источников, позволявшая

задать иной, в сравнении с официальной практикой, ракурс видения и понимания научного диспута как феномена.

Публикация подготовлена при финансовой поддержке РГНФ/РФФИ, проект № 16-03-00264.

1. Алеврас Н.Н. Опыт и традиции оппонирования диссертаций в российских университетах второй половины XIX–начала XX века (из диссертационной практики ученых-историков). Часть I. Институты экспертизы диссертаций // *MagistraVitae: электронный журнал по историческим наукам и археологии*. 2017. № 2. URL: http://magistravitaejournal.ru/images/2_2017/Alevras.pdf
2. Биографии университетских архивов / под ред. Е.А. Вишленковой, К.А. Ильиной, В.С. Парсамова. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2017. – 300 [4] с.
3. Богословский М.М. Дневники 1913-1919: Из собрания Государственного Исторического музея / Отв. ред. С.О. Шмидт. М.: Время, 2011. 800 с. ил.
4. Галиуллина Р.Х., Ильина К.А. Университет vs министерство народного просвещения: академическая экспертиза и цензура диссертаций в середине XIX века // *Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского*, 2016, № 4.
5. Ильина К.А. Практика рецензирования диссертаций по истории и филологии в университетах Российской империи первой половины XIX века // *Диссертация по истории в контексте российской научной культуры XIX- середины XX вв.: опыт и перспективы изучения*. Сб. ст. / под ред. Н. Н. Алеврас, Н. В. Гришиной. Челябинск: Энциклопедия, 2016.
6. Ильина К.А., Вишленкова Е.А. Архивариус: хранитель и создатель университетской памяти // *Сословие русских профессоров. Создатели статусов и смыслов: коллект. моногр.* / под ред. Е.А. Вишленковой, И.М. Савельевой. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2013.
7. Источниковедение: учеб. пособие / отв. ред. М.Ф. Румянцев. М.: Изд. дом Высшая школа экономики, 2015. – 685 [3] с.
8. Чтения в обществе истории и древностей российских. М.: Типография штаба Московского военного округа, 1914. Кн. 1.
9. Пичета В.И. Воспоминания о Московском университете (1897-1901 гг.) // *Московский университет в воспоминаниях современников (1755-1917)*. М.: «Современник», 1989.
10. Положение о производстве в ученые степени, 6 апреля 1844 г. // *ЖМНП*, 1844. Ч. XLII. Отд. I.
11. Положение об испытании на звание действительного студента и на ученые степени, 4 января 1864 г. // *ЖМНП*, 1864. Ч. CXXXI.
12. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 733. Оп. 50. Д. 731
13. Савин А.Н. Университетские дела. Дневник 1908-1917 / публ., вступ. ст. А.В. Шаровой. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2015. – 524 с.
14. Центральный государственный архив Москвы (ЦГАМ). Ф. 418. Оп. 476. Д. 44.

ВОССОЕДИНЕНИЕ УНИАТОВ И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПРЕОСВЯЩЕННОГО ИОСИФА (СЕМАШКО) НА СТРАНИЦАХ РОССИЙСКОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПЕРИОДИКИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА

А.С. Хотеев (Минск, Беларусь)

Острой темой конфессиональной истории Белоруссии и Литвы является упразднение церковной унии. Этой проблеме уделено особое внимание на своих страницах специально-исторические российские журналы второй половины XIX в. «Русская старина», «Исторический вестник» и «Русский архив». Как правило, это были публикации различных источников: воспоминаний, писем, документов. Особый интерес представляют также рецензии и отзывы на различные того времени книги, посвященные униатской проблематике. Эти материалы еще только становятся предметом специального изучения [14, с. 246–251], и, следует сказать, что они имеют не только историографическое, но и актуальное источниковедческое значение.

В качестве предыстории упразднения унии представляет большой интерес Рапорт минского губернатора З.Я. Корнеева имп. Павлу I от 6 июня 1797 г., опубликованный в «Русском архиве» [11]. Автор сообщает о своем объезде 23 приходов губернии, которые перешли из унии в Православие, при этом храмы мало посещались своими прихожанами. З.Я. Корнеев отмечает, что при переходе крестьяне ожидали облегчения своих повинностей. Присланные из Смоленской епархии православные священники не владели польским языком, к которому привыкли прихожане. Из беседы с униатскими священниками о различиях веры губернатор выяснил их склонность к принятию Православия при условии сохранения местных обычаев (отсутствие иконостасов, бритье бороды). Поэтому он предлагал императору начинать воссоединение именно с униатских священников, так как они пользуются большим авторитетом у своей паствы. Как видим, наблюдения минского губернатора совпадали с высказанным впоследствии мнением униатского прелата Иосифа Семашко.

Желание перейти в Православие, хотя и высказывалось некоторыми униатскими священниками, однако не было преобладающим в среде духовенства в первой трети XIX в. Эту проблему затронул в своей книге «Русская Греко-Униатская церковь в царствование императора Александра I» П.О. Бобровский, племянник известного слависта, проф. Виленского университета, преподавателя Главной семинарии прот. М.К. Бобровского (1784–1848). В отзыве Н.С. Кутейникова на это сочинение, напечатанном в «Историческом вестнике», говорится о полемике вокруг исследования М.К. Бобровского, который старался доказать мысль, что священники Брестского капитула раньше Преосвященного Иосифа (Семашко) повели дело упразднения унии. Рецензент считал этот вывод недостаточно обоснованным [1, с. 218]. Более аргументированной представляется та точка зрения, что в первой трети XIX в. некоторыми представителями униатской иерархии была предпринята попытка скорее сохранить и упрочить унию, чем повести ее на слияние с Православием [12, с. 78–80].

Сам ход упразднения унии также нашел свое отражение на страницах исторических журналов. В 1827–1828 гг. ассессор униатского департамента Римско-католической коллегии в Петербурге прот. Ио-

сиф Семашко подготовил ряд записок о положении униатской церкви и возможных мерах по сближению ее с Православием, которые были представлены имп. Николаю I, помощнику министра внутренних дел гр. Д.Н. Блудову и директору Департамента иностранных исповеданий Г.И. Карташевскому. Один из этих документов, датированный 28 февраля 1828 г., был опубликован в журнале «Русская старина» и больше не издавался [7]. В обширном докладе даются сведения о базилианских монастырях в униатских епархиях и сокращении их численности, о реорганизации высшего униатского управления и устройстве семинарий в Полоцке и Жировицах, дается характеристика государственной политики в отношении унии при имп. Екатерине II, Павле I и Александре I. В записке аргументируется необходимость выделения униатского департамента из римско-католической коллегии, чтобы униаты были независимы в своем управлении от латинского большинства. Кроме того, из четырех униатских епархий (Виленской, Луцкой, Брестской и Полоцкой) предлагалось образовать две: Литовскую и Белорусскую [7, с. 528–532]. Опубликованный документ имеет программный характер, в чем и заключается его историческое значение. В 1828–1830 гг. практически все названные меры были приведены в исполнение [12, с. 113–114].

Следует заметить, что в «Русской старине» была опубликована одна из первых биографий митр. Иосифа (Семашко), составленная А.Е. Егоровым [5]. Из похожих статей на униатскую тематику нужно упомянуть также рассказ А.В. Круковского о жизни своего деда прот. Павла Круковского, подписавшего Полоцкий акт о воссоединении с Православием [7].

В 1889 г. по случаю 50-летнего юбилея воссоединения униатов в исторических журналах появился целый ряд публикаций, в которых давалась общая оценка событию и обсуждались некоторые спорные сюжеты. В частности, «Русская старина» напечатала записки бывшего униатского миссионера архим. Владимира (Терлецкого). Рассказывая о своих странствованиях по Европе, автор вспоминает о Макрене-Мечиславской, которая выдавала себя за пострадавшую во время ликвидации унии минскую базилианку. Владимир Терлецкий знал ее лично и кратко описал всю мистификацию, в ходе которой Макрена-Мечиславская, будучи католичкой латинского обряда и полу-монахиней, в Париже приобрела себе славу мученицы и через некоторое время стала наставницей для нескольких униатских послушниц при женском монастыре в Риме [13, с. 560–562]. В исторической литературе миф о страданиях Мечиславской был впоследствии совершенно развеян [15, с. 118–134]. Однако ходячие истории подобного рода широко ходили в свое время не только за границей, но и в среде католиков в России. Так, в «Русском архиве» появилась автобиография А.О. Дюгамеля (1801–1880), который в 1830–1840-е гг. был офицером русского экспедиционного корпуса в Турции, а затем послом в Персии. Тем не менее, он утверждал, что униатов присоединили насильно: Иосифа Семашко прельстили наградами, священников заставили, а крестьян напоили [4, с. 408–410]. Похожие записки оставил и О. Еленский, поляк, большую часть жизни прослуживший в российской глубинке [6, с. 682–683, 690].

«Исторический вестник» откликнулся на юбилей рядом статей о митр. Иосифе (Семашко). Сотрудник журнала В.Ф. Боцяновский дал довольно сдержанную оценку Иосифу Семашко и его деятельности [2]. В статье сначала приводятся примеры насильственного обращения в унию в XVIII в. в Петрикове, что подтверждает искусственность унии. Но автор не считает и план воссоединения Семашко оригинальным – тотякобы только развил мысли митр. Ираклия Лисовского. Воссоединение также не совершалось мирным образом: с народом Семашко не считался, а со священниками действовал крутыми мерами. Другой сотрудник «вестника», М.И. Городецкий, отметил, что унии угрожало полное поглощение латинством и воссоединение имело важные политические последствия, так как удержало большинство белорусских крестьян от участия в восстании 1863 г. Теперь же православные составляют половину жителей западно-русских губерний. Увековечить дело воссоединения, считает автор, стоило бы учреждением в Вильно духовной академии (указывалось на то, что выпускники великорусских академий не желали ехать сюда, а местные уроженцы, получившие образование в центральной России не желали возвращаться обратно). Устройство академии было бы делом «истинного просвещения, в котором нуждается край, празднующий ныне полувековой юбилей своего возрождения в духе православной веры и русской народности» [3, с. 700]. В еще одной юбилейной статье говорилось о праздновании великой, бескровной победы – возвращения к братскому единению в вере и народности «западнорусов» с восточными братьями [10].

В качестве любопытного эпизода, касающегося подавления польского восстания 1863 г., политики гр. М.Н. Муравьева и отношения к нему митр. Иосифа (Семашко), можно привести диалог митрополита и губернатора по поводу готовящейся казни католического ксендза (Станислава Ишоры) за агитацию восстания. Митр. Иосиф явился к генерал-губернатору и упрасивал его отменить казнь, намекая на Божий суд, но Муравьев якобы обратился к иерарху с ответным вопросом: «Ты-то видел [Бога] что-ли?» [9, с. 228, 695–696]. В этом диалоге гр. М.Н. Муравьев представлялся прямо-таки неверующим. Имел ли место такой ответ на самом деле или это был очередной анекдот о деятельности сурового генерал-губернатора из ряда тех, что ходили тогда во множестве – на страницах «Русской старины» этот вопрос остался открытым.

Таким образом, публикации исторической периодики содержат различные материалы, посвященные деятельности митр. Иосифа (Семашко) в связи с упразднением унии. Юбилейные публикации не чужды панегирического тона, хотя на их фоне выделяются сдержанные, если не сказать, критические замечания сотрудника «Исторического вестника» М.И. Боцяновского. В качестве важного исторического источника необходимо отметить Записку прелата Иосифа Семашко, поданную 28 февраля 1828 г. с предложением упразднения лишних униатских монастырей. В целом следует признать, что публикации имеют разно-сторонний характер, порой отличаются полемической заостренностью («Русская старина»). Это, в свою очередь, отражает не только известный интерес к личности митр. Иосифа (Семашко), но и определенную поляризацию мнений вокруг его деятельности, поляризацию, которая сохраняется до сих пор.

1. Бобровский, П.О. Русская греко-униатская церковь в царствование императора Александра I. / Рец.: Н.С.К. [Кутейников, Н.С.] // Исторический вестник. – СПб.: Типография А.С. Суворина, 1890. – Т. 41. – С. 214–218.
2. Боцяновский, В.Ф. Иосиф Семашко и воссоединение униатов / В.Ф. Боцяновский. // Исторический вестник. – СПб.: Типография А.С. Суворина, 1893. – Т. 54. – С. 857–875.
3. Городецкий, М.И. Полувековой юбилей воссоединения западно-русских униатов с Православной Церковью / М.И. Городецкий. // Исторический вестник. – СПб.: Типография А.С. Суворина, 1889. – Т. 35. – С. 693–700.
4. Дюгамель, А.О. Автобиография / А.О. Дюгамель. // Русский архив. – М.: Университетская типография, 1885. – Кн. 2. – С. 371–427.
5. Егоров, А.Е. Иосиф Семашко, митрополит Литовский и Виленский / А.Е. Егоров. // Русская старина. – СПб.: Печатня В.И. Головина, 1882. – Т. 36. – С. 335–342.
6. Еленский, О. Мысли и воспоминания поляка / О. Еленский. // Русская старина. – СПб.: Общественная польза, 1906. – Т. 127. – С. 670–714; – Т. 128. – С. 200–242.
7. Записка Иосифа Семашко об упразднении греко-униатских монастырей в Западной России 28 февраля 1828 года. // Русская старина. – СПб.: Печатня В.И. Головина, 1870. – 2 изд. – Т. 1. – С. 517–538.
8. Круковский, А.В. Страничка из истории белорусского духовенства / А.В. Круковский. // Русская старина. – СПб.: Общественная польза, 1910. – Т. 143. – С. 240–245.
9. Муравьев-Виленский в отзывах о нем русских людей. // Русская старина. – СПб.: Печатня В.И. Головина, 1883. – Т. 38. – С. 207–230, 695–702.
10. Полувековой юбилей уничтожения унии. // Исторический вестник. – СПб.: Типография А.С. Суворина, 1889. – Т. 37. – С. 449–450.
11. Рапорт Минского губернатора Корнеева имп. Павлу о Православии в Минской губернии 6 июля 1797 г. // Русский архив. – М.: Тип. Грачева, 1869. – Кн. 3. – № 9. – Стб. 1559–1566.
12. Романчук, А.А. прот. Высокопреосвященнейший Иосиф (Семашко), митрополит Литовский и Виленский: очерк жизни и церковно-общественной деятельности. / Прот. А.А. Романчук. – Москва-Минск: Общество любителей церковной истории, 2015. – 448 с.
13. Терлецкий, В. Записки бывшего греко-униатского миссионера / В. Терлецкий // Русская старина. – СПб.: Печатня В.И. Головина, 1889. – Т. 63. – С. 1–26, 559–578; – Т. 70. – С. 581–601; – Т. 72. – С. 350–391.
15. Хотеев, А.С. Публикации «Русского архива», посвященные церковной унии / А.С. Хотеев. // Сборник докладов XXII международных Кирилло-Мефодиевских чтений 26–27 мая 2016 года. Ред. С.И. Шатравский. – Минск: Минар, 2017. – С. 246–251.
16. Tragiczna w skutkach Unia Brzeska 1596. – Lublin-Hajnowka-Białystok. 2016 – 256 s.

РУССКАЯ ДУХОВНАЯ МИССИЯ В ПЕКИНЕ (по материалам журнала «Русская старина»)

А.А. Струнченко (Витебск, Беларусь)

Россию (в том числе Беларусь) и Китай связывают долгие отношения, у истоков становления которых находилась Русская Православная Церковь. В XVIII – начале XIX веков глубокого изучения истории и культуры китайского народа и народов Центральной Азии не было. В это время в России только начинают появляться переводы с китайского на русский язык, в журналах время от времени публикуются статьи, посвященные Китаю [1, с. 34]. Тем самым можно говорить, что в данный период начинает развиваться синология (китаеведение) в России.

Кроме представителей научных кругов изучением Китая в рассматриваемый период в России занимались и представители Русской духовной миссии в Пекине (священнослужители, врачи, биологи, географы и др.) – церковно-политического представительства Российской церкви и государства, действовавшего в Пекине в XVII – XX веках.

Из-за отсутствия дипломатических отношений между двумя государствами сотрудники духовной миссии являлись долгое время неофициальными представителями российского правительства в Китае. О многогранной деятельности сотрудников миссии освещалось во многих изданиях, в том числе и периодических. Среди исторических изданий XIX века, содержащих информацию о деятельности Русской духовной миссии в Пекине, следует отметить ежемесячный исторический журнал «Русская старина», который издавался в 1870 – 1918 годах в Петербурге [2, с. 139].

Так, в «Русской старине» от 1896 года (II и IV книги) есть публикация о выдающемся российском миссионере и синологе Павле Ивановиче Каменском (в монашестве – Петр) [3] «Архимандритъ Петръ Каменскій, начальникъ десятой Россійско-Императорской миссіи въ Пекинѣ» [4, с. 317] историка, магистра богословия Казанской духовной академии Аполлона Можаровского. Данный рассказ, опубликован-

ный в «Русской старине», составлен А. Можаровским на основании подлинных бумаг архимандрита Петра и его дневника за некоторые годы.

Так, в первой части рассказа указывается, что «миссія въ Китаѣ считаетъ свои годы со дня заключенія Нерчинскаго мирнаго трактата 27-го августа 1689 года, по которому плѣнные въ 1685 году албазинцы⁵, со священникомъ своимъ Дмитріемъ, остались въ Пекинѣ, подъ именемъ Русской сотни, и для нихъ Богдыханъ <хан> велѣлъ построить церковь; правильно же организованная наша духовная миссія начала свои дѣйствія въ Пекинѣ только со 2-го апрѣля 1715 года» [4, с. 317 – 318]. В данном рассказе А. Можаровского говорится о том, что император Петр I в 1719 году отправил в Китай, в качестве чрезвычайного посланника, гвардейского капитана Льва Измайлова, «поручивъ ему, между прочимъ, исходатайствовать у китайскаго хана позволеніе имѣть въ Пекинѣ русскаго агента и при его дворѣ построить церковь для пріезжающихъ русскихъ и отвести подъ оную земли» [4, с. 321]. После смерти императора Петра Великаго, императрица Екатерина I именнымъ указомъ от 18-го июня 1725 года повелела: «для окончательнаго рѣшенія дѣлъ съ Китайскою имперією отправить туда полномочнаго чрезвычайнаго посланника, дѣйствительнаго статскаго совѣтника, иллирійскаго графа, Савву Владиславовича Рагузинскаго» [4, с. 322], а другимъ указомъ от 4-го августа велено было преосвященному Иннокентію, в случае отсутствія препятствій со стороны китайскаго правительства, ехать с даннымъ посломъ в Пекин. «Китайскіе министры встрѣтили графа на границѣ, но на требованіе его о пріемѣ преосвященнаго Иннокентія въ Китай отказали вторично...» [4, с. 322].

После этого последовали долгие переговоры с Китайскимъ дворомъ, по окончаніи которыхъ в 1728 году графъ Савва Владиславовичъ заключилъ с китайскимъ правительствомъ генеральный трактатъ, в пятомъ пунктѣ котораго было постановлено: «Коенъ или домъ, который нынѣ для Россійскихъ въ Пекинѣ обрѣтается (посольскій дворъ), будетъ для Россіянъ и впредь пріѣзжающихъ... При церкви будетъ жить лама (архимандритъ)... Россіянамъ не будетъ запрещено молиться и почитать своего Бога по своему закону. Кроме того два церковника и пятеро учениковъ, которые по-русски и по-латыни знаютъ, въ Пекинѣ будутъ обучаться языкамъ, будутъ жить также въ семь домѣ и всѣмъ имъ, когда придутъ, дастся кормъ изъ царскаго иждивенія, а по окончаніи срока, по своей волѣда возьмутся назадъ» [4, с. 323].

Согласно этой статьѣ трактата – русское правительство стало отправлять в Пекинъ черезъ каждые 7 летъ (до 1805 года, а после – черезъ 10 летъ) миссію в составѣ архимандрита-начальника со званіемъ старшаго священника, два иеромонаха, иеродиаконъ и двоихъ церковниковъ, да от иностранной коллегии четырехъ учениковъ-студентовъ для обученія китайскому и маньчжурскому языкамъ.

Рассмотримъ жизненный путь синолога, архимандрита, начальника десятой Русской духовной миссіи в Пекине Павла Ивановича Каменскаго (в монашествѣ – Петра).

Жизненный путь Петра Каменскаго былъ не простымъ, а его идеи были поняты и приняты далеко не всеми современниками. П.И. Каменскій заявилъ о себѣ, какъ о крупномъ синологе, будучи ещё ученикомъ VIII Россійской духовной миссіи в Пекине. В работѣ В.Г. Дацышена «Тайна Петра (Каменскаго) и Россійское Китаевѣденіе» читаемъ: «В работѣ «Заметки о политической и социальной жизни...» онъ <Петръ Каменскій> отмечалъ: «В послѣдніе мѣсяцы нашего в Пекине пребыванія, любопытство завело насъ посмотреть экзаменъ первыхъ классовъ принцевъ крови, производимые на открытомъ мѣстѣ... Осматривалъ Пекинскій университетъ. Онъ состоитъ изъ храма Конфуцію и другаго отдѣленія для преподаванія наукъ...» [3]. Известно, что по возвращеніи в Россію Каменскій активно занимался переводомъ классическихъ текстовъ. Уже в началѣ XIX вѣка П.И. Каменскій былъ признанъ ведущимъ Китаевѣдомъ в тогдашней Россіи. В 1818 году Павелъ Ивановичъ, постриженный в монахи и рукоположенный в званіе архимандрита (высшее званіе монашествующаго лица) [5], былъ назначенъ начальникомъ X Россійской духовной миссіи в Пекине, в систему организаціи которой внесъ опредѣленные измѣненія. Россійское правительство высоко оценило дѣятельность X миссіи.

В статьѣ А. Можаровскій отмечаетъ: «Архимандритъ Петръ Каменскій болѣе полвѣка трудился на благо юной пекинскій церкви и не вотьще: съ именемъ его связывается расцвѣтъ пекинскій миссіи и православнаго христіанства въ Китаѣ» [4, с. 317]. В Пекине Петръ (Каменскій) тщательно изучалъ опытъ своихъ предшественниковъ, а также католическихъ миссіонеровъ, а также обращалъ вниманіе и докладывалъ в Петербургъ о событіяхъ и проблемахъ, происходящихъ в различныхъ частяхъ Китая. Основнымъ занятіемъ для архимандрита Петра было изученіе языковъ и переводы текстовъ. Интересовался Петръ и вопросами достижений китайскаго земледѣлія, интересовался семенами и различными лекарствами; старался выявить культурныя особенности китайцевъ и ихъ страны. Почти все труды П.И. Каменскаго остались в рукописяхъ. Исключеніе составляютъ только небольшія статьи: «О китайскомъ растеніи жень-шень, с рисункомъ онаго», «Записки объ албазинцахъ», «Журналъ, веденный в Пекине по случаю прибытія изъ Россійскаго государства посланника Николая Гавриловича Спафарія» [1, с. 35]. Анализируя дѣятельность Петра, можно сдѣлать выводъ, что с его лично-стью связаны становленіе и последовавшій расцвѣтъ Китаевѣдческаго образованія в Россіи.

⁵ Албазинцы – китайцы, потомки русскихъ казаковъ – поселенцевъ пограничнаго с Китаемъ острога Албазин, основаннаго Никифоромъ Черниговскимъ в 1665 году на Амурѣ.

Также на страницах журнала «Русская старина» (1888 год) содержится информация о важнейшем проводнике научного знания о Китае для российского общества – отце Иакинфе (Никите Яковлевиче Бичурине). Из воспоминаний его внуки известно, что происходил он из семьи сельского священника, окончил Казанскую духовную академию, в которой был оставлен преподавателем. В 1800 году он принял монашество, через 2 года произведен в сан архимандрита, назначен ректором Иркутской, а вскоре – Тобольской семинарии. «Въ 1807 году получилъ назначеніе состоять начальникомъ IX православной мисіи въ Пекинѣ, куда отправился въ томъ же 1807 г. Прибывъ въ Пекинъ, онъ принялся за изученіе китайскаго языка и съ увлеченіемъ предавался основательному изученію всей страны, ея населенія и литературы» [6, с. 271]. Обширная научная программа побудила Иакинфа в 1816 году ходатайствовать перед Синодом об оставлении его в Пекине ещё на 10 лет. Аналогичное прошение он отправил иркутскому губернатору. Эти планы не были поддержаны ни членами миссии, ни начальством в Петербурге. Однако состав новой X миссии начали формировать только в 1818 году, а Иакинф оставался в столице Китая до 1820 года, «когда въ декабре того же года прибыла новая X миссія, начальникомъ которой былъ архимандритъ Петр Каменскій» [6, с. 272] (IX миссия во главе с Иакинфом двинулась в обратный путь в Россию 15 мая 1821 года).

Первой изданной работой Н.Я. Бичурина стала статья «Указы и бумаги, относящиеся до английского посольства, бывшие в Пекине в 1816 году», опубликованная в журнале «Северный архив» в 1825 году. В 1830-1840-х годах публикуются «Отрывки из путешествия о. Иакинфа по Сибири». Как отмечает в своей статье Ю.Г. Благодер, серию крупных трудов, опубликованных в России, начинается книга «Описание Тибета в нынешнем его состоянии» (1828 год). Н.Я. Бичурин печатал свои статьи во многих журналах Москвы и Петербурга, рассматривая это как важное дело, связанное с научными и общественными интересами и развитием российской науки.

Таким образом, Русская духовная миссия в Пекине играла важную роль в установлении и поддержании российско-китайских отношений, была центром научного изучения Китая и подготовки первых русских синологов. Именно Русская духовная миссия в Пекине стала колыбелью российского китаеведения.

1. Благодер, Ю.Г. Роль сотрудников Русской духовной миссии в Пекине в формировании представлений о Китае в российском обществе XIX в. / Ю.Г. Благодер // Известия Алтайского гос. ун-та. – 2009. – № 4/1. – С. 34–41.
2. Струнченко, А.А. Журнал «Русская старина»: история создания, содержание и структура / А.А. Струнченко // Молодость. Интеллект. Инициатива: материалы междунар. науч.-практ. конф., Витебск, 29 апр. 2016 г. / Вит. гос. ун-т; редкол.: И.М. Прищепа (гл. ред.) [и др.]. – Витебск: ВГУ имени П.М. Машерова, 2016. – С. 139–140.
3. «Тайна» Петра (Каменского) и российское китаеведение [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [http://www.synologia.ru/a/«Тайна»_Петра_\(Каменского\)](http://www.synologia.ru/a/«Тайна»_Петра_(Каменского)). – Дата доступа: 16.09.2016.
4. Можаровскій, А. Архимандритъ Петръ Каменскій / А. Можаровскій // Русская старина. – 1896. – Февраль. – Т. LXXVI.
5. Архимандрит // Словарь русского языка. – 3-е изд. – М., 1985. – Т. I. – С. 47.
6. Моллер, С.Н. Иакинф Бичурин в далёких воспоминаниях его внуки / С.Н. Моллер // Русская старина. – 1888. – Август. – Т. LIX.

ПИСЬМА Ф.В.ТАРАНОВСКОГО В АРХИВАХ РОССИИ КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК

С.И. Михальченко (Брянск, Россия)

Имя Федора Васильевича Тарановского (1875-1936), историка и теоретика права, активного деятеля высшего образования в России и за границей, не является забытым. Переиздаются его учебники [9] и научные работы [10], известны основные факты его биографии. Выпускник Варшавского университета, Тарановский был доцентом и профессором Варшавского (1899-1906), Юрьевского университетов (1908-1917), Демидовского юридического лицея в Ярославле (1906-1908). В 1917 г. был избран профессором Петроградского университета (еще с 1912 г. читал там лекции в качестве приват-доцента). Уехав затем на Украину, он был деканом юридического факультета Екатеринославского университета, в 1918 г. стал одним из основателей Всеукраинской Академии Наук. Неприятие большевизма и сотрудничество с белыми, в конце концов, привело его к эмиграции. С 1920 г. вплоть до смерти он - профессор Белградского университета по кафедре славянских законодательств [2;11;12]. Во многих архивохранилищах как России, так и других стран хранятся документы, связанные с жизнью и деятельностью ученого. Одним из важнейших источников его биографии и взглядов является эпистолярное наследие.

Значительное количество писем Тарановского содержат архивы Москвы и Петербурга. Так, большая коллекция находится в Рукописном отделе Института русской литературы (Пушкинского Дома) РАН. В 17 письмах главному редактору Журнала Министерства народного просвещения Э.Л.Радлову (1903-1909) находится информация об издании различных статей Тарановского в ЖМНП [5, д.1551, л.1 -30]. Подобные же сюжеты - в письме к редактору "Нового Слова" М.М. Гаккебуш [5, ф. 549, оп. I, д. 60, л. 1] и к Н.Н. Ермолинскому - составителю сборника в память великого князя Олега Константиновича, чьим учителем законовѣдения был Тарановскій [5, ф. 214, оп. 1, д. 127, л. 1]. В этом же архиве хранятся и чрезвычайно важные для характеристики исторических взглядов Тарановского семь писем к Н.П. Пав-

лову-Сильванскому 1902-1908 гг. В этих письмах Тарановский выступает как безусловный сторонник теории феодализма Павлова-Сильванского, подробно рассказывает о собственных научных планах. Так, 28 февраля 1902 г. он писал из Варшавы: «Ваше учение о феодализме удельной Руси явилось для меня доказательством и убедительным разрешением вопроса, который еще на студенческой скамье привлекал мое внимание. Найдя у Вас богатый арсенал аргументов в пользу мнения, которое мне представляется единственно правильным, я собираюсь сделать о Ваших исследованиях специальный доклад под заглавием «Новейшее учение о феодализме удельной Руси». Доклад предназначается мною для Общества истории, филологии и права при Варшавском университете». [5, р. III, оп. 2, д. 1179, л.1; 8]

Через месяц, 28 марта 1902 г., отвечая, вероятно, на вопрос петербургского историка, что побудило Тарановского заняться историей феодализма, последний отвечал: «Вопросом о феодализме я заинтересовался по поводу моей студенческой работы о литовско-русской шляхте, которую писал у Ф.И.Леонтовича. На те же вопросы наталкивался я при изучении магдебургского права городов. Параллельное изучение восточно-русского права наводило меня на то, что и в последнем имелись черты феодализма. Это вызывало у меня споры с моим учителем проф. Ф. И. Леонтовичем, который решительно отрицает феодализм как в западной, так и в восточной Руси» [5, р. III, оп. 2, д. 1180, лл. 1-2; 1]. Затем общение двух ученых прервалось и возобновилось только через шесть лет, когда Тарановский перешел из Варшавы на службу в Демидовский Юридический лицей в Ярославле. К тому времени вышла в свет книга Павлова-Сильванского «Феодализм в Древней Руси» (СПб., 1907), в которой он развивал свои воззрения.

15 марта 1908 г. Тарановский писал в Петербург: «В новом изложении Ваше учение еще более выиграло в доказательности и убедительности. Ценный литературный очерк I гл. ставит Ваше учение в органическую связь с документальной разработкой удельного периода, поскольку она вообще имела место. II глава ставит на вполне научную почву нерешенный вопрос о формах землевладения, и все интересующиеся вопросом, несомненно, с нетерпением ждут выхода в свет Вашего исследования об общине и боярщине. III глава ценна по систематизации всех Ваших предыдущих исследований и архитектурной стройности. IV гл. – естественный перспективный вывод из Вашего учения. Мне только представляется недостаточно оттененным закрепощение служилого сословия к государственной службе в Московском государстве и бюрократический элемент в Петербургском абсолютизме. Зато весьма ценно то, что отмечено существенное значение регулярной армии» [5, р. III, оп. 2, д. 1184, лл. 1-3]. Общение Тарановского с Павловым-Сильванским вскоре прервалось из-за кончины последнего.

В Санкт-Петербургском филиале Архива РАН хранятся пять писем Тарановского 1911 – 1917 гг. к другому известному историку, академику А.С. Лаппо-Данилевскому. Знакомство двух ученых произошло после того, как Тарановский начал заниматься изучением юридической идеологии русского абсолютизма XVIII в. и попросил у Лаппо-Данилевского консультацию [6, л. 1]. Затем переписка продолжилась в связи с обстоятельствами, сложившимися вокруг Юрьевского университета в 1915-1916 гг.: из-за приближения фронта возник план эвакуации в один из уральских городов, скорее всего, в Пермь. Тарановский выступил решительным противником этого: «Будучи насквозь человеком западным и нервным, я страшусь ссылки на дальний восток Европы и сидения в Перми, где заниматься наукою нельзя, учить будет некого и придется тянуть канитель истинно бюрократической видимости дела» [6, л. 7 об.], – писал он Лаппо-Данилевскому. Но поскольку надежд на оставление университета в Юрьеве у Тарановского было немного, он обратился к Лаппо-Данилевскому с просьбой посодействовать в "причислении" к Академии наук для научной работы (такие прецеденты бывали ранее). Это позволяло остаться в Петрограде. Тарановский предполагал заняться подготовкой к изданию екатерининского Устава благочиния, что было близко его научным интересам. Судя по письмам, такое решение состоялось, и лишь революционные события 1917 г. и переезд Тарановского на Украину не дали ему завершить намеченное [6, л. 9-9 об.].

Кроме писем Тарановского, охарактеризованных выше, в российских архивах находятся и другие – например, в Отделе рукописей Российской государственной библиотеки письмо В.И. Герье (с уточнением названия статьи московского историка [3]), в Российском государственном архиве литературы и искусства письмо А.А. Боровому (об обстоятельствах представления диссертации последнего к защите в Юрьеве [4]).

Письма Тарановского, несомненно, являются ценным историографическим источником, позволяющим уточнить существенные моменты его биографии и мировоззрения.

Подготовлено при поддержке РФФИ (проект № 18-09-00437).

1. Михальченко, С.И. Исследование Ф.В.Тарановского о магдебургском праве: история создания / С.И.Михальченко // Ад Магдебургскага права да сучаснага самакіравання: зб. навук. матэрыялаў / Рэд. І.А.Пушкін. – Магілёў: Магілёўскі дзяржаўны ўніверсітэт харчавання, 2017. – С.21-25
2. Михальченко, С.И. Федор Васильевич Тарановский / С.И.Михальченко // Вопросы истории. – 2017. – №9. – С.16-33
3. Отдел рукописей Российской государственной библиотеки. – Ф. 70. – Картон 53. – Д. 54. – Л. 1-1 об.
4. Российский государственный архив литературы и искусства. – Ф. 1023. – Оп. 1. – Д. 697. – Л. 1-6
5. Рукописный отдел Института русской литературы (Пушкинского Дома) РАН.
6. Санкт-Петербургский филиал Архива РАН. – Ф. 113. – Оп 3. – Д. 365.

7. Тарановский, Ф.В. Обзор памятников магдебургского права западно-русских городов литовской эпохи: Историко-юридическое исследование /Ф.В.Тарановский. - Варшава: Типография Варшавского учебного округа, 1897. – 201 с.
8. Тарановский, Ф.В. Феодализм в России /Ф.В.Тарановский. - Варшава: Типография Варшавского учебного округа, 1902. - 53 с.
9. Тарановский, Ф.В. Энциклопедия права: Учебное пособие /Ф.В.Тарановский. - СПб.: СПб. Университет МВД, 2001. – 552 с.
10. Тарановский, Ф.В. История русского права: Сб. статей /Ф.В.Тарановский /Под ред. В.А.Томсинова. - М.: Зерцало, 2014. – 223 с.
11. Томсинов, В.А. Правовая мысль русской послереволюционной эмиграции. Статья 6-я: Федор Васильевич Тарановский: судьба и творчество/ В.А.Томсинов // Законодательство. - 2003. - № 4. - С.87–90; № 5. - С. 87–91.
12. Усенко, І.Б. Академік Ф.В.Тарановський / І.Б.Усенко. // Правова держава. Київ, 1993. - Вип.4. - С.130-143.

ЭГА-ДАКУМЕНТЫ РЫМСКА-КАТАЛІЦКІХ СВЯТАРОЎ ЯК КРЫНІЦА ПА ГІСТОРЫІ БЕЛАРУСІ XIX–XX СТСТ. (ПАВОДЛЕ МАТЭРЫЯЛАЎ ПАРАФІЯЛЬНЫХ АРХІВАЎ)

К.В. Сыцько (Мінск, Беларусь)

У шмат якіх парафіях Рымска-Каталіцкага Касцёла ў Беларусі на сённяшні момант захаваліся каштоўныя гістарычныя крыніцы наратыўнага характара. Яскравым прыкладам такіх дакументаў можна назваць эга-дакументы парафіяльных ксяндзоў пробашчаў, вікарыяў, магістраў і г. д. Сярод дадзеных гістарычных крыніц асабліва выдзяляюцца асабістыя дзённікі, успаміны і мемуары; персанальныя малітоўнікі і брэвіярыі; ліставанне; канспекты гамілій і шмат інш.

Калі аналізаваць якасна-колькасныя паказчыкі эга-дакументаў сярод усяго комплексу крыніц парафіяльных архіваў, то трэба адзначыць іх невялікую колькасць, нерэгулярнасць, адсутнасць сістэмы, якая б уніфікавала і стандартызавала запісы. Так, з усяго масіва дакументаў Лідскага Фарнага касцёла (іх налічваецца каля 100 адзінак), да эга-дакументаў адносіцца некалькі аркушоў ліставання кс. Станіслава Каласанты Роека з прыхаджанамі, а таксама мемуары кс. Гіпаліта Баярунца [6], а сярод дакументаў Селіванаўскай парафіі крыніц дадзенага тыпа не выяўлена наогул. Варта адзначыць, што большасць дакументаў дадзенага тыпа, якія знаходзяцца ў парафіяльных архівах, датуюцца XIX – XX стст., знаходкі за ранейшы час па ўсёй Беларусі маюць адзінкавы характар.

У шэрагу найбольш цікавых мемуараў, дзённікаў і ўспамінаў можна выдзеліць дакументы, якія пакінулі пасля сябе ў парафіях, у якіх служылі, кс. Гіпаліт Баярунец і Станіслаў Каласанты Роек (абодва з Лідскага Фарнага Касцёла), Ян Мяноўскі (з касцёла ў Вялікай Рагозніцы), Рамуальд Дроніч (з касцёла ў Валкалаце), Францішак Рошак (з касцёла ў Крупава) і шмат інш. Пры аналізе дадзеных крыніц можна казаць аб тым, што сярод іх існуе некалькі падвідаў: а) дакументы, якія ствараліся “для памяці” – дзённікі з запісамі аб паездках, сакрамэнтах, леках і г. д. ; б) мемуарыстыка.

Да першага падвіда крыніц, дастаткова статычных у сваёй інфармацыйнай вартасці, можна аднесці дзённік ксяндза з Валкалацкай парафіі Рамуальда Дроніча, які называецца “Zapisy leczyć. Recepty”. Дадзены дакумент быў знойдзены падчас археаграфічнай экспедыцыі аўтара на касцельным гарышчы і яго атрыбуцыя выклікала некаторыя цяжкасці: адсутнічалі подпісы, даты і г. д. Аднак у самой крыніцы былі знойдзены выразкі з газет часоў II Рэчы Паспалітай, а таксама закладкі на пэўных старонках з пазначэннем вялікай колькасці прозвішчаў. Параўнанне напісання шэрага літар у дзённіку з атрыбутаванымі дакументамі 1921 – 1939 гг. дало магчымасць казаць аб тым, што аўтарам з’яўляецца менавіта кс. Р. Дроніч. Пры апытанні старэйшых парафіян касцёла Св. Яна Хрысціцеля, яны пацвердзілі, што кс. Дроніч займаўся стварэннем лекаў (пераважна на аснове траваў), за што быў паважаны мясцовымі жыхарамі [10]. Спалучэнне г. зв. “вуснай гісторыі” з распаляжэннем закладак і выразак з газет у дзённіку, зверка прозвішчаў на закладках з прозвішчамі ў кнізе перадшлюбных экзаменаў за канец 1930-ых гг. [9, арк. 51 – 59адв.], раскрывае такія бакі паўсядзённага жыцця, як хваробы парафіян, узровень давера да мясцовага святара (да якога падчас хвароб звярталіся вельмі часта).

У сваю чаргу, мемуары і ўспаміны святароў з’яўляюцца больш дынамічнай крыніцай і ўяўляюць сабой адлюстраванне гістарычнай рэальнасці скрозь прызму асабістых і рэлігійных уяўленняў. Пры гэтым дадзеныя ўяўленні змяняліся ў залежнасці ад палітычнай сітуацыі. Так, кс. Г. Баярунец напрыканцы XIX – напачатку XX ст. атаясамляў пытанне веры з нацыянальнасцю, спрабуючы падкрэсліць патрыятызм рыма-каталікоў і касмапалізм праваслаўных і іўдзеяў [6, арк. 14]. Па словах кс. Баярунца, ён “...вырываў моладзь з габрэйскіх рук...”, а рыма-каталікі з дому састарэлых у Валожыне сышлі з яго і пехам ішлі ў Ліду толькі таму, што ўладальніца ўстановы была праваслаўнага вызнання [4, с. 32]. Пры гэтым, ва ўспамінах жыхароў Ліды дадзены святар атрымліваў эпітэт як мінімум “слыннага і шанаванага” [15, с. 22]. Кс. С. Роек і Я. Мяноўскі, у сваю чаргу, займаліся душпастырствам у другой палове XX ст., таму іх успаміны прасякнутыя гісторыямі пра ціск на касцёл у БССР. Так, паводле кс. Роека, цывільныя ўлады ў 1950-я – 1970-я гг. забаранялі яму праводзіць набажэнствы, на яго жыццё было здзейснена тры замахі [14, с. 60], цывільных прыхаджан пужалі, забіралі рэлігійныя кнігі і абразы, у самога святара канфіскавалі гарод памерам 0,15 га [8, арк. 21, 23]. Падчас апытання жыхароў дамоў, якія знаходзяцца побач з Фарным касцёлам у Лідзе, аўтару быў перададзены II том Святога Пісання 1888 г. выдання, які быў знойдзены завернутым у ганучу на гарышчы набытага прыватнага дома. У працэсе

аналіза кнігі на адваротным баку гравюр былі знойдзены фрагменты дзённіка неўстаноўленай асобы за 1950-я – 1960-я гг. [7, арк. 144]. Запісы дзённіка ўскосна пацвердзілі ўспаміны кс. Роека. Апісанне ціска на святарства, аздобленае замалёўкамі з цывільнага жыцця, паказвае асабістыя чыннікі ксяндзоў і асаблівасці іх характара. Так, негледзячы на антырэлігійныя кампаніі, згаданы вышэй кс. Ян Мяноўскі спавядаў у 1955 г. 413 жыхароў вёскі Вялікая Рагозіца [13, с. 82]. Усе крыніцы дадзенага падвіда паказваюць штодзённае жыццё невялікіх парафіяльных цэнтраў.

Не менш цікавай крыніцай з’яўляецца ліставанне святароў паміж сабой, а таксама з прыхаджанамі. У першай групе ліставання найбольшая частка лістоў з’яўляюцца просьбамі аб пацвярджэнні хрышчэння, змены канфесіі і г. д. Цікавым у дадзеным выпадку з’яўляецца дыскурс святароў, які пралівае святло на ўзаемаадносіны паміж імі. Звычайна ён выражаецца ў невялікіх сказах, зваротах, зычэннях, якія не ўласцівы афіцыйнай канцылярскай мове ў цэлым. Так, святар Вероскага праваслаўнага прыхода айцец Мікалай (прозвішча неразборліва) ў 1893 г. у перапісцы па пытаннях міжканфесійных пераходаў з Валкалацкім ксяндзом Юзафам Базыліем Генькам шчыра зычыў апошняму “...Святых таинств на Божественной Литургии...” [11, арк. 5 – 5 адв.]. Варта адзначыць, што ў ліставанні з іншымі святарамі айцец Мікалай падобны радок не даваў.

Цікавым з пункту гледжання гісторыі Касцёла ў савецкую эпоху выглядае ліставанне аднаго са святароў Шчучынскай парафіі, Станіслава Петраша, з прыхаджанамі ў 1962 г. на прадмет таго, што ён пераехаў у іншую парафію. Так, кс. Ст. Петраш выбачаўся перад жыхарамі Шчучына і з жалем казаў аб тым, што “...Уполномоченный р[елигиозных] культов Совета Министров БССР по Гродненской области отнял у меня регистрационную справку на Щучинский костёл. Уполномоченный заявил, что назначает меня настоятелем Каменского костёла. На мои возражения, как то ...костельное здание требует всяческого ремонта, а при моём состоянии здоровья работать очень трудно и может стать невозможным, Уполномоченный заявил, что если не стану работать в Каменском костёле, нигде на территории Гродненской области работы не получу...” [5, арк. 17].

Асобным відам гістарычных крыніц, якія захоўваюцца ў мясцовых касцёлах, з’яўляюцца запісы гамілій (польскамоўная назва – Kazania, або Nauka) за XIX – пачатак XX стст. Назва дадзенага тэрміна ў беларускамоўнай хрысціянскай тэрміналогіі паходзіць ад тэрміна “гамілетыка”, якім абазначаецца мастацтва вядзення пропаведзяў і тлумачэння Святога Пісання. У XX ст. гаміліі сталі шмат у чым уніфікаванымі (гл. напрыклад: [3]), аднак у XIX ст. пробашчы парафій неаднаразова давалі нешта сваё ў тлумачэнне ўрыўкаў Святога Пісання. Так, у парафіяльным касцёле Св. Яна Хрысціцеля ў Валкалаце захавалася 10 звязак гамілій за 1854 – 1863 гг., якія агулам займаюць каля трох тысяч аркушоў. Фрагментарна дадзены від крыніц захаваўся ў парафіяльных установах у Жырмунах, Нясвіжы (за 1882, 1883 гг.) і шмат інш. Асабліва цікавымі з’яўляюцца гаміліі кс. Севярына Халімовіча, які нярэдка прыводзіў прыклады з мясцовага жыцця парафій, у якіх ён служыў, а таксама жыцця суседніх парафій. На простых прыкладах даводзіліся асноўныя дагматы веры, тлумачылася неабходнасць ухвалення тых ці іншых святых. Так, кс. Халімовіч распавядаў на адной з гамілій 1862 г. аб тым, як апосталы Павел і Пётр хадзілі па свету і неслі хрысціянскую веру іншаверцам, даруючы ім за правіны. Пасля ён звярнуўся да прыхаджан з заклікам таксама несці веру і дараваць усім правіны [12, арк. 8адв.].

Яшчэ адным відам гістарычных крыніц, якія адносяцца да эга-дакументаў, можна назваць надпісы на прыпераплётавых аркушах і кніжныя інскрыпцыі. Так, у вялікай колькасці парафій на сённяшні момант знаходзіцца дастаткова аб’ёмны масіў старадрукаванай тэалагічнай і мастацкай літаратуры за XVI – XX стст.

Сярод надпісаў, якія найбольш часта сустракаюцца, неабходна выдзеліць пазнакі “на памяць”, чарнавікі метрычных кніг, даравальныя запісы, вершы, малітвы і г. д. Нажаль, большасць надпісаў немагчыма атрыбаваць, аднак сустракаюцца такія, аўтары якіх устаноўлены. Так, цікавым з’яўляецца прыклад ужо згаданых у дадзеным артыкуле кс. Ю. Б. Генькі і Р. Дроніча. У шэрагу кніг Валкалацкай парафіяльнай бібліятэкі сустракаюцца вершаваныя творы невялікага памеру, запісаныя на вокладках і наклееных у кнігу аркушах паперы почыркам кс. Юзафа Базылія Генькі [1, арк. 1адв.]. Пры аналізе вядомых місалаў і канцыяналаў тэксты дадзеных твораў не сустракаліся, што дае магчымасць казаць аб тым, што кс. Генька або сам ствараў дадзеныя вершы і малітвы, або займаўся запісамі народнай творчасці.

Не меншую навуковую цікавасць выклікае шэраг кніг, якія асабіста належалі кс. Р. Дронічу. У некаторых з іх устрымліваюцца даравальныя надпісы ад удзячных парафіян, якія дзякавалі святару за неабыхавасць, актыўную духоўную і грамадскую дзейнасць. Так, касцельны камітэт Жодзішскай парафіі падараваў кс. Дронічу брэвіарый, які ён перавозіў з сабой падчас пераводу з аднаго касцёлу ў іншы [2, арк. 248]. У выніку, дадзенае выданне патрапіла ў парафію Св. Яна Хрысціцеля, якая была апошняй у святарскай дзейнасці памянёнага ксяндза (у 1943 г. ён быў закатаваны фашыстамі).

Такім чынам неабходна адзначыць, што эга-дакументы Рымска-каталіцкіх святароў уяўляюць сабой унікальны комплекс гістарычных крыніц, у якіх праз прызму рэлігійных усталёвак аналізуецца і адлюстроўваецца жыццё парафіяльных цэнтраў. Сярод праблем, якія аналізуюцца з дапамогай эга-дакументаў ксяндзоў, можна назваць нацыянальныя, дагматычныя, этнічныя пытанні, пытанні ўзаемаадносін паміж канфесіямі, а таксама паміж дзяржавай і Касцёлам і шмат інш. Спарадычнасць і

выпадковасць знаходкі дакументаў падобнага тыпа сярод матэрыялаў парафіяльных архіваў робяць іх яшчэ больш каштоўным і ўнікальным апісаннем пэўных падзеяў гістарычнай рэальнасці.

1. Архіў парафії Св. Яна Хрысціцеля, аг. Валкалата. – Cationale ecclesiasticum Romano-catholicum, Thorun, 1811.
2. Архіў парафії Св. Яна Хрысціцеля, аг. Валкалата. – Collectio Brevium at que instructionum, Apostolica, 1797.
3. Гаміліі // Афіцыйны партал Рымска-Каталіцкага Касцёла ў Беларусі [Электронны рэсурс]. – Рэжым доступа: <https://catholic.by/3/liturgy/for-liturgy/homilies> – Дата доступа: 15.02.2018.
4. Суднік, С. В. Ліда ва ўспамінах ксендза Гіпаліта Баярунца / С. В. Суднік // Лідскі Летанісец. – 2011. – № 54. – С. 31 – 34.
5. Цэнтральны навуковы архіў Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі (далей – ЦНА НАН Беларусі). – Ф. 3С. Воп. 3. Спр. 5.
6. ЦНА НАН Беларусі. – Ф. 3С. Воп. 4. Спр. 10.
7. ЦНА НАН Беларусі. – Ф. 3С. Воп. 4. Спр. 11.
8. ЦНА НАН Беларусі. – Ф. 3С. Воп. 4. Спр. 23.
9. ЦНА НАН Беларусі. – Ф. 3С. Воп. 12. Спр. 3.16.
10. ЦНА НАН Беларусі. – Ф. 3С. Воп. 12. Спр. 9.1.
11. ЦНА НАН Беларусі. – Ф. 3С. Воп. 12. Спр. 13.
12. ЦНА НАН Беларусі. – Ф. 3С. Воп. Спр. 8.9.
13. Hlebowicz, A. Kościół w niewoli / A. Hlebowicz. – Warszawa: Głos, 1991. – 152 s.
14. Stasiewicz-Jasiukowa, I. Ksiądz Stanisław Rojek Sch. P. : biografia niezwykajna niezłomnego kapłana kresowego w latach 1939-1996 / I. Stasiewicz-Jasiukowa. – Warszawa: Wydawnictwo Retro-Art, 2007. – 66 s.
15. Stasiewicz-Jasiukowa, I. Lidzanka. O Marii Stasiewiczowej – mojej Mamie – wspomnienia. – Warszawa: Wydawnictwo Retro-Art, 2008. – 60 s.

ИЗ ОБЛАСТИ «ЧИСТОЙ НАУКИ» – В ПОВСЕДНЕВНОСТЬ: СТАТИСТИЧЕСКИЕ ДАННЫЕ ГУБЕРНСКИХ КАЛЕНДАРЕЙ (НА ПРИМЕРЕ «ХАРЬКОВСКОГО КАЛЕНДАРЯ» НА 1869–1917 ГГ.)

А.Н. Янкул (Харьков, Украина)

В современную эпоху стремительного развития информационных технологий трудно представить повседневную жизнь без данных статистики. Она окружает нас практически повсюду: в новостях, на различных интернет-сайтах, в прессе, постоянно проводятся разнообразные социологические опросы, собираются данные, с которыми, как правило, может ознакомиться каждый желающий. Но статистика не всегда была доступной для интересующихся ею. Ещё в начале XIX в. на территории Российской империи доступ к ней имели по большей части люди, которые занимались обработкой собранных статистических сведений по тому или иному вопросу (как правило, это были учёные, действовавшие по программам Академии наук) и имели отношение к высшим правительственным сферам. И только во второй половине XIX в., после падения крепостного права, подробные статистические данные начинают активно публиковаться в печатных изданиях. Их сборами и обработкой занимались созданные в 30-е гг. XIX в. губернские статистические комитеты.

Цель работы – рассмотреть вопрос, как статистические данные стали частью повседневной жизни губерний во второй половине XIX – в начале XX в. на примере Харьковской. В фокусе нашего внимания находится её центральный информационно-статистический ежегодник – «Харьковский календарь».

Нами использовались следующие методы: общенаучные – анализа и синтеза, специальные – историко-сравнительный и историко-генетический. При помощи данных методов были проанализированы разделы «Харьковского календаря», посвящённые статистике и прослежена их эволюция в плане расширения информативной части сборника за весь долгий период его публикации.

Источниковую базу работы составляют выпуски информационно-статистического сборника «Харьковский календарь» на 1869–1917 гг. [11], а также его предшественника – «Памятной книжки Харьковской губернии» (1862–1868 гг.) [7], материалы Государственного архива Харьковской области [2].

В первой половине XIX ст. в Харькове выходило несколько изданий, которые не отличались долголетием своего существования. Некоторые из них стали первыми в Украине сборниками, альманахами и т. д. [3 и др.] Наиболее прочно утвердившейся среди них стала газета-официоз «Харьковские губернские ведомости» (1838–1917 гг.). В отдельных таких изданиях sporadически появлялись статистические данные, касавшиеся как империи в целом, так и Харьковской (до 1835 г. – Слободско-Украинской) губернии.

Мощным толчком для развития статистики на Слободской Украине стало открытие в 1805 г. университета в Харькове – первого на украинских землях в составе Российской империи. В университете возникли кафедры, которые специально занимались статистикой. В том числе, по Уставу 1804 г. в состав словесного отделения входили кафедры всемирной истории, статистики и географии, а также кафедра истории статистики и географии Российского государства [4, с. 5]. Не удивительно, что среди выпускников университета оказались такие блестящие статистики, как П. И. Кеппен (1793–1864), автор капитальных статистических исследований [см., например: 6 и др.], который в 1845 г. возглавил отделение статистики Российского географического общества [8, с. 133].

О внимании университетской общественности к статистике свидетельствует избрание почётными членами не только отечественных учёных, но и таких выдающихся зарубежных статистиков, как А. Моро де Жоннес

(1778–1870) [8, с. 198], Л. А. Ж. Кетле (1796–1874) (был директором Бельгийского статистического бюро и председателем Бельгийской центральной статистической комиссии – первого в мире заведения такого рода) [8, с. 134] и др.

Ряд статистических изданий был опубликован в типографии Харьковского университета [см., например: 10 и др.]. Однако, это были сугубо учёные труды, которые были доступны лишь сравнительно небольшому кругу читателей.

В 1862 г. увидело свет новое для Харькова и губернии периодическое издание местного губернского статистического комитета – «Памятная книжка Харьковской губернии». Это издание представляло собой статистико-информационный сборник, в котором была представлена информация разнообразного характера: от общих сведений по Харьковской губернии до церковного месяцеслова. Ряд разделов посвящался статистике. Среди них, например, можно назвать: «Ведомость о числе браков, родившихся и умерших в Харьковской губернии», «Ведомость о числе жителей Харьковской губернии по вероисповеданиям» [см., например: 7, 1862 г. и др.] и т. д. Со временем в сборнике появился раздел, посвящённый более подробному описанию некоторых городов губернии – «Историко-статистические заметки о городах Харьковской губернии» [7, 1865 г.] и подобные. Отметим, что издание сразу же приобрело широкий резонанс у читателей: «... книга эта ... 1 января 1862 года вышла в свет, быв встречена читающею публикою Харьковской губернии с большою признательностью, как первая справочная и полезная книга для здешней губернии ... все экземпляры были разобраны так, что за неё выручено было Комитетом около 300 руб. сер.» [2, л. 5]. Стало сбываться пожелание Д. И. Менделеева о том, что: «Посев научный взойдёт для жатвы народной» [9, с. 69].

Отметим, что Харьковский университет также имеет отношение к данному изданию. Составителем всех семи номеров сборника был выпускник его юридического факультета Яков Голяховский, занимавший в то время должность секретаря Харьковского губернского статистического комитета. Кроме того, «Памятная книжка Харьковской губернии» печаталась в одной из лучших типографий в городе – университетской.

Следующим, более обширным по своему содержанию и центральным изданием Харьковского губернского статистического комитета стал ещё один статистико-информационный сборник – «Харьковский календарь». Составителем первых четырёх его выпусков (на 1869–1872 гг.) был воспитанник I отделения философского факультета Харьковского университета Александр Иосифович Подвысоцкий (1825–1883).

С первого же номера в издании публиковались различные статистические данные в специальном «Статистическом отделе». Основной круг статистических сведений, помещавшихся в «Харьковском календаре» из выпуска в выпуск, касался территории и населения губернии (например, «Разделение Харьковской губернии в отношениях: административно-полицейском, церковном, судебном...» [см., например: 11, 1871 г. и др.], «Движение населения города Харькова» [см., например: 11, 1875 г. и др.] и т. д.). Эти данные носили не агрегированный характер, а подавались по отдельным рубрикам. Например, население по вероисповеданию, по сословиям, по месту проживания и др. В таблицах население зачастую разделялось по половому признаку. В конце таблиц сообщались общие цифры. Территория губернии подавалась как правило по уездам. Она, в отличие от населения, которое быстро росло, мало изменялась и цифры эти были постоянными из года в год.

Чрезвычайно интересную статистическую информацию сообщают выпуски «Календаря» относительно развития промышленности и сельского хозяйства (например, рубрика «О фабриках и заводах» [см.: 11, 1890 г. и др.], «Общее количество поземельной собственности по главным её категориям, в десятинах» [см., например: 11, 1891 г. и др.]). Данные статистического комитета убедительно демонстрируют постепенное превращение губернии из аграрно-промышленной в промышленно-аграрную, которая по своему экономическому потенциалу в начале XX ст. относилась к числу наиболее развитых в империи. Но сельское хозяйство также не стояло на месте. Прогресс в этой отрасли экономики также фиксировали данные статистики.

Таким образом, с появлением изданий Харьковского губернского статистического комитета – «Памятной книжки Харьковской губернии» и «Харьковского календаря», многие данные статистики перестали быть закрытыми для общества и стали частью его повседневной жизни. Читающая публика могла познакомиться с ними в этих ежегодниках. Кроме того, издания ценны тем, что в них отражено развитие города Харькова и Харьковской губернии на протяжении практически 50 лет. За это время Российская империя переживала реформы Александра II, финансовый кризис начала XX в., революцию 1905–1907 гг. и другие судьбоносные для неё события. «Памятная книжка Харьковской губернии» и «Харьковский календарь» являлись не только своеобразным «зеркалом» этих процессов на локальном уровне, но и отражением общеимперских процессов.

1. Багалей, Д. И. История города Харькова за 250 лет его существования (1655–1905). Истор. монография. В 2 т. Т. 2. / Д. И. Багалей, Д. П. Миллер. – Репринт. изд. – Харьков, 2004. – 982 с.
2. Государственный архив Харьковской области. – Ф. 51. – Оп. 1. – Д. 55. «О новом положении о статистических комитетах членов комитетов и другая переписка, май 1861 – август 1866». – 91 л.
3. Дмитрук, В. Т. Нарис з історії української журналістики XIX ст.: посібник для студентів факультету журналістики / В. Т. Дмитрук. – Львів: Видавництво Львівського університету, 1969. – 145 с.
4. Историко-филологический факультет Харьковского университета за первые сто лет его существования (1805–1905) / Под ред. М. Г. Халанского и Д. И. Багаля; Вступ. ст. Т. Г. Павловой. – Харьков: Изд-во САГА, 2007. – 45, 168, 390, XII с., 15 л. портр., 91 с.

5. Историческая хронология Харьковской губернии (репринтное издание) / сост. К. П. Щелков. – Харьков: «Издательство САГА», 2007. – 378 с.
6. Кеппен, П. Девятая ревизия. Исследование о числе жителей в России в 1851 году [Электронный ресурс] / П. Кеппен. – СПб, 1857. – Режим доступа: https://books.google.com.ua/books?id=BzhYAAAAYAAJ&printsec=frontcover&hl=ru&source=gbs_ge_summary_r&cad=0#v=onepage&q&f=false. – Дата доступа: 26.02.2018.
7. Памятная книжка Харьковской губернии на 1862–1868 гг. – Харьков: В Университетской типографии, 1862–1868.
8. Почесні члени Харківського університету. Біографічний довідник / кол. авт.: Б. П. Зайцев, В. І. Кадєєв, С. М. Куделко та ін. – Харків: ХНУ імені В. Н. Каразіна, 2015. – 356 с.
9. Празднование императорским Казанским университетом столетней годовщины со дня рождения Н. И. Лобачевского. – Казань, 1894. – С. 69.
10. Издания типографии Харьковского университета в фондах ЦНБ: библиогр. указ.: в 2 ч. Ч. 1. 1805–1860 гг. / [сост. М. Г. Швалб, Л. П. Калинина, С. Н. Мельник]. – Харьков: ХГУ, 1999. – 113 с.
11. Харьковский календарь на 1869–1917 гг. – Харьков, 1868–[1916].

КРЕСТЬЯНЕ ЕВРОПЕЙСКОГО СЕВЕРА РОССИИ И СОБЫТИЯ 1917 ГОДА (ПО МАТЕРИАЛАМ ДНЕВНИКОВ И ВОСПОМИНАНИЙ)

В.С. Жукова (Вологда, Россия)

События 1917г. кардинально повлияли на дальнейший ход развития Российской империи. Изменились устои российской действительности. Даже спустя столетие данные события вызывают неоднозначные оценки, идут научные споры и дискуссии. В данной статье предпринята попытка на основе крестьянских дневников и воспоминаний проанализировать отношение к происходящим событиям рядовых граждан из российской глубинки. Проследить их отношение к быстро меняющейся в то время ситуации.

При анализе отношения крестьянского сообщества к событиям 1917 г. будут использоваться материалы дневника тотемского крестьянина А.А. Замараева, Памятной книги И.Г. Глотова (пежемского крестьянина), вашкинского крестьянина Д.И. Лукичева. Несмотря на то, что в данных источниках жители села больше внимание уделяли повседневным заботам, тем не менее, определенное отношение, пусть косвенное, к событиям указанного исторического периода мы можем проследить. Дневниковые записи имеют свои особенности повествования. Так, Д.И. Лукичев о событиях 1917 г. пишет в виде воспоминаний, из которых нельзя понять в какой именно период они были записаны. Это может приводить к искажениям, которые возникают в сознании респондента с течением времени. И.Г. Глов во время событий 1917 г. года находился непосредственно в их эпицентре в Петрограде. Он работал с 1898 г. на фабрике наждачных изделий Н.Н. Струка [2, С. 94 – 96]. В марте 1918 г. И.Г. Глов навсегда покинет Петроград и вернется в свою родную деревню. В его дневнике события общероссийского характера занимают незначительное место. А.А. Замараев ведет каждодневные записи, находясь в одной из деревень Тотемского уезда Вологодской губернии. Читает газеты и в его дневнике не только констатируются наиболее яркие события, но он дает оценочные суждения относительно их. Поэтому наибольший интерес будут представлять именно его дневниковые записи для анализа отношения к происходящему.

Вот как он пишет, в своем дневнике, о февральских событиях: «22 февраля 1917 г. наша фабрика. Все заводы и фабрики Петрограда прекратили работы, рабочие пошли толпами по улицам, кричали старому правительству: «Давайте хлеба!» 25 февраля и 26 февраля началась стрельба по рабочим на Невском пр. и других людных местах... 27 же февраля к народу примкнули войска Петрограда и образовался временный комитет правительства из членов государственной думы... Арестовали старое правительство... 3 марта временное правительство объявило состав нового правительства» [5, с. 214 – 215].

В дневниках А.А. Замараева и Д.И. Лукичева констатируется довольно спокойное к отношению к отречению императора Николая II от престола. Так, в Памятной книге Д.И. Лукичева есть следующие строки: «Отречение от престола Николая II в нашем селе Вашках стало известно на другой день 1-го марта. События в Петрограде доходили до нас по телеграфу, вскоре было получено официальное извещение об отречении. Население все время было спокойно... Устраивались митинги..., старались установить порядок, но чем далее, тем порядок становился все хуже и хуже. Возвратившиеся из действующей армии солдаты внесли в население окончательный разлад в связи со сменой временного правительства и передачи в руки советов... Окончательно все спуталось, пошли реквизиции и обложения» [4, с. 399].

В отличие от Д.И. Лукичева, у которого в «Памятной книге» события 1917 г. описаны в виде воспоминаний, А.А. Замараев продолжает вести в это время дневниковые записи. Так, он пишет 1 марта 1917 г.: «В Петрограде происходят какие-то важные политические события. Известий нет. Газеты не выходят. 2 марта: Наконец, начали появляться Известия, еще очень смутные. Министры все арестованы..., обе государыни, градоначальник и все высшие чиновники в столице, а также высшее железнодорожное начальство...». 4 марта: «Сегодня получены телеграммы. Государь император отрекся от престола в пользу брата... Михаила Александровича, но Михаил Александрович не управляет государством. Правительство теперь состоит учредительное, временное, из состава Государственной Думы. Все министры из состава Государственной Думы. Все

приверженцы старого строя арестованы... 5 марта: «Сегодня читали манифест об отречении от престола государя» [1, с. 408].

В дневнике А.А. Замараева больше чем у И.Г. Глотова и Д.И. Лукичева содержится описаний по поводу общероссийских событий. Иногда свои записи он делает исходя из прочитанного в газетах. Так, 8 марта 1917 г. есть следующая запись: «Романов Николай и его семья низложены, находятся все под арестом и получают все продукты наравне с другими по карточкам. Действительно, оне нисколько не заботились о благе своего народа, и терпение народа лопнуло. Оне довели свое государство до голоду и темноты...» [1, с. 408 – 409].

В дневнике И.Г. Глотова почти отсутствуют записи событий после его переезда в деревню. Объяснить это можно во-первых тем, что в последующий за переездом период Глотов активно занимается обустройством своего хозяйства, либо тем, что данные записи по той или иной причине не дошли до нас.

В дневниковых записях А.А. Замараева мы можем видеть, что крестьянин позитивно относится к Временному правительству и одобряет его действия. Так, в записях от 3 апреля 1917 г. он констатирует, что была «присяга новому правительству на рыночной площади после обедни. Народу было очень много... После присяги играли Марсельезу и говорились речи» [1, с. 410]. Далее тотемский крестьянин будет констатировать, что в городе часто происходят манифестации, собрания, митинги. Пишет: «Теперь воля есть, чувствуют себя хорошо и весело. Некого бояться за разговоры» [1, с. 412].

Дневник содержит целый ряд записей, которые характеризуют положительное отношение к временному правительству. Так, запись от 19 и 28 апреля 1918 г.: «У нового правительства дела так много, что ужас. Надо ездить на фронт, на фабрики, заводы, вразумлять, объяснять. Худое наследие досталось ему от старой власти». «Государство в опасности. И действительно, нам грозит гибель, если мы не будем доверять Временному правительству. Министры народные. Все оне люди хорошие, честные, бескорыстные. Оне действительно искренно желают только добра и добра нашей родине. Если же оне уйдут до созыва Учредительного собрания вследствие недоверия несознательных масс (а таких уже много оказывается), то гибель России неизбежна» [1, с. 411, 412].

Очень болезненно крестьянин переживает отсутствие дисциплины в армии и отставки министров: «5 мая 1917 г. ... Нашему государству едва ли не приходит конец. Везде страшная неурядица. Солдаты тысячами бегут с фронта и тылу, дисциплина упала, повиновение худое. Военный министр Гучков ушел в отставку, потерял веру в армию... 26 и 27 мая: «Ушел в отставку Главнокомандующий генерал Алексеев и министр торговли и промышленности Коновалов. Положение плохое. Военный и морской министр Керенский постоянно разъезжает по фронту, он очень популярной министр. Русская армия оказалась одна из худых... Слушают, распустили уши, какого-то вредного Ленина и его приспешников» [1, с. 413, 414, 416 – 417].

Свое отношение к большевикам и их дальнейшим действиям А.А. Замараев высказывает с отрицательных позиций. Так, 8 июля 1917 г. «В России дела обстоят не совсем хорошо. Появилась скверная партия большевиков, которая стремится все нарушить и ничего не признает. Даже у министра Церетели взяли отобрал автомобиль» [1, с. 418].

Не ушло от внимания тотемского крестьянина и выступление Л.Г. Корнилова: «30 августа 1917 г. На фронте генерал Корнилов идет на Петроград, что [ни] день, то все хуже и хуже» [1, с. 422].

Далее крестьянин в своих записях пишет о событиях октября 1917 г.: «26 октября в Петрограде было выступление большевиков. Часть Временного правительства арестована и находится в крепости, а Керенский с фронта идет на усмирение разных советов и большевиков. Чья возьмет, не известно. Жалко бедной России, вся истерзана, разорена. Кругом смута и анархия. Твердой власти нет. Никто никого не слушает и никто никому не подчиняется» [1, с. 427].

Запись от 7 ноября 1917 г.: «В Петрограде опять неспокойно. Большевики сгубили (над данным словом сверху почерком А.А. Замараева «исправят») все дело. Телеграм и газет нет. Кажется, и Учредительное собрание, назначенное на 28 ноября, в срок не соберется. Везде бунты и голод» [1, с. 428].

7, 8 и 9 декабря объединены следующими записями: «Страшной развал в государстве. Войска сражаются друг с другом, большевики и с ударными батальонами. Власти этой многая не признают». 19 декабря: Газет и телеграм нет и не выходят. Учредительное собрание, назначенное собратся на 28 ноября, все еще не собрано. Прodelки вредныя большевиков» [1, с. 431, 432].

А.А. Замараев в конце года всегда подводит обобщение, не стал исключением и 1917 г. Вот что резюмирует в своем дневнике тотемский крестьянин 30 декабря 1917 г.: «Старой год кончается погромами и междоусобной войной. Мир с немцами окончательно еще не заключен. Учредительного собрания нет. 31 декабря продолжает: «Власти твердой и суда нет. Большая часть населения хочет, чтобы власть была одна – Учредительное собрание, а большевикам надо, чтобы управляли советы и народные комиссары. Но этой последней власти никто не желает и не доверяет...». И 1 января 1918 г. заключат: «До чего дожили, что ушла нравственность в глубочайшую пропасть... Одним словом, остается плюнуть на всю жизнь и, скрепя сердце ждать, что будет дальше» [1, с. 433 - 434].

Д.И. Лукичев и А.А. Замараев продолжают описывать события 1917 года в своих дневниках. Из данных описаний мы видим отношение Д.И. Лукичева к выборам в Учредительное собрание «Выборы в Государст-

венное Учредительное собрание в 1917 году были проведены у нас ... правильно согласно данных инструкций, и население питало большие надежды, что наконец с созывом Учредительного собрания наступит конец смутам и беспорядкам и Учредительное собрание даст возможность ввести и устроить порядок. Но созыв Учредительного собрания не состоялся, и 7 ноября власть перешла в руки Советов...» [4, с. 400].

В Дневнике у А.А. Замаараева нет подробного описания выборов в Учредительное собрание, но данную тему его внимание, тем не менее, не обходит. Так, 12 ноября 1917 г. он пишет, что это был первый день выборов в Учредительное собрание... [1, с. 429]. Запись от 16 января 1918 г. содержит следующие сведения: «Учредительное собрание существовало один день» [1, с. 436]. Запись от 22 января 1918 г. содержит осуждение действий большевиков: «... из частных писем, а газеты и телеграммы не выходят. Хороша власть большевиков, двух членов Учредительного собрания, Шингарева и Кокошкина, убили в больнице матросы» [1, с. 436].

Таким образом, мы видим, что, несмотря на преимущественный хозяйственный характер дневниковых записей крестьян Европейского Севера России, тем не менее, в них находили отражение общероссийские события. Некоторые крестьяне не просто констатировали факт произошедших событий, но и пытались их проанализировать и выражали свое личное отношение к ним. Из крестьянских записей видно, что Временному правительству народ относился как к легитимному. Большие надежды были так же связаны с созывом Учредительного собрания. Приход к власти большевиков и разгон Учредительного собрания воспринимался как нарушение естественного хода событий, который привел к дальнейшей смуте и гражданской войне.

1. Дневник тотемского крестьянина А.А. Замаараева 1906 – 1922 годы // Тотьма: краеведческий альманах. Вып. 2 Вологда. 1997. С. 245 – 517.
2. Жукова, В.С. Адаптация сельских жителей к городской среде в начале XX в. (на материалах дневника И.Г. Глотова) // Романовские чтения – XI. Могилев (Беларусь), С. 94 – 96.
3. На разломе жизни. Дневник Ивана Глотова, пежемского крестьянина Вельского района Архангельской области. 1915 – 1931 годы. М., 1997. 324 с.
4. Памятная книга Дмитрия Ивановича Лукичева с. Вашки // Духовная культура северного Белозерья. Этнодиалектический словарь. М., 1997. С. 387 – 420.
5. Памятная книга Ивана Григорьевича Глотова. Новонайденные части дневника пежемского крестьянина Глотова // Важский край: источниковедение, история, культура: исследования и материалы. Вельск, 2002. С. 192 – 229.

ОТКРЫТКА КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК. АНАЛИЗ ОТКРЫТОК ИЗ КОЛЛЕКЦИЙ ЛЮНЕБУРГА (ГЕРМАНИЯ)

В.А. Талерко (Даугавпилс, Латвия)

В октябре 2017 года, находясь по стипендии Германской службы академического обмена в городе Люнебурге, я смогла ознакомиться с собранием книг и документов архива общества имени Карла Ширрена и библиотеки института Северо-Востока. Интересно, что обе организации занимаются изучением одного региона, находятся под одной крышей, но имеют разные архивы и собрания книг. В их коллекциях находятся открытки (150) и фотографии (18) о Латгалии. Город Люнебург удвоил количество своих жителей за счёт, в основном, балтийских немцев, переселившихся в 1939 году в польскую область Вартегау, а в 1945 году бежавших от советской армии в Германию. Открытки вывозились с собой, с ними связывались надежды на возвращение на родину, на них хранились имена и адреса дорогих людей. Общий анализ части открыток из этих коллекций и предлагается в этой статье.

Латгалия – удивительный регион, географическое положение которого определяет его своеобразие во всех мыслимых сферах, от истории до многонациональной культуры. История края, и, в частности, история Динабурга / Двинска / Даугавпилса изобилует неисследованными до конца пятнами, пробелами в историческом осмыслении жизни приграничного города на окраине Российской Империи, а потом и независимой Латвийской Республики. В последние десятилетия часто слышны суждения о «русском» городе Даугавпилсе, об отсутствии в нём исторической памяти или об отсутствии «гения места» по Петру Вайлю: «Связь человека с местом его обитания – загадочна, но очевидна. Ведает ею *ginius loci*, гений места, связывающий интеллектуальные, духовные, эмоциональные явления с их материальной средой. Для человека нового времени главные точки приложения и проявления культурных сил – города. Их облик определяется гением места, и представление об этом – сугубо субъективно» [1].

Перед данным исследованием были поставлены следующие задачи:

- определить текстуальный характер открыток;
- проанализировать соответствие названия города на открытках с фактическим названием города;
- проанализировать сочетаемость языкового оформления открыток с языком авторского текста;
- проанализировать возможные причины и цели написания открыток из данных коллекций.

Для данного анализа были отобраны 55 (1903-1947) открыток с авторским текстом, из которых 4 открытки оказались без почтового штемпеля, а на одной открытке почтовый штемпель невозможно восстановить.

По мнению искусствоведа Натальи Александровны Мазохиной, занимающейся почтовыми открытками, главной их функцией была передача впечатлений от путешественника к тем, кто являлся адресатом данного послания, например, родственникам или друзьям ([3]. Открытое письмо, как тогда называли открытку, появилось в Австро-Венгрии в 1869 году, а уже через два года оно получило право хождения в Российской империи. В 1874 году был основан Всемирный почтовый Союз, благодаря которому открытки с различными рисунками получили массовое распространение. До 1903 года обратная сторона предназначалась только для адреса, а текст разрешалось писать на лицевой стороне, на полях или даже на самой картинке. В 1903 году на обратной стороне открытки появились два поля: для текста и для адреса [2].

Российский почтовый рынок снабжали немецкие издатели, например, Георг Штилке из Берлина. Этот издатель не только организовал выпуск собственных открыток, но и создал целую сеть киосков и книжных магазинов, через которую открытки, газеты и журналы реализовывались практически по всей Европе. В Первой мировой войне с 1915 года издательство Георга Штилке получило право распространять печатную продукцию через свои магазины и киоски на линии фронта [5]. В 1918 году этот предприниматель создал для немецких войск 74 постоянных и 95 полевых книжных магазинов, кроме того, киоски в 41 городе на Восточном фронте. Поражение Германии в Первой мировой войне разрушил и бизнес Георга Штилке.

Немецкие издатели (Karl Voegels, Georg Stilke, Hermann Wolff, Foto-Funk) выпускали, прежде всего, поздравительные открытки. Этот вид открыток не нашёл своего распространения в Российской империи, так как немецкие издатели ориентировались, прежде всего, на своего национального потребителя и не интересовались религиозными и культурными традициями других стран. В качестве поздравительных открыток в Российской Империи использовались видовые открытки с изображением какой-либо местности или картины художников. Кроме того, выпуском открыток активно занимались и собственно российские издатели (Фототипия Шерер и Набгольц в Москве, Контрагентство печати Алексея Сергеевича Суворина в Петербурге [4] и др.), открывшие в продаже открыток значительную статью доходов и гарантировавшие издателю значительный коммерческий успех. Видовая открытка была требованием времени, первые видовые открытки появились в Германии уже через три года после возникновения открытки как таковой, т. е. в 1872 году. Вышеназванное Контрагентство Суворина специализировалось на издании открыток с видами практически всех городов и местностей России и имело обширную сеть киосков на вокзалах, станциях и в других людных местах. Только у 19 открыток из названной коллекции удалось точно установить издательство, из них 16 открыток произведено в Германии.

Текстуальный анализ 55 открыток данного объекта исследования показал, что только 12 открыток можно отнести к поздравительным открыткам, из них на латышском языке 5 открыток (без даты, 1915, 1926, 1937, 1947) с поздравлениями с именинами, 2 открытки на немецком языке (1907, 1944) с поздравлениями с Пасхой, 2 открытки на немецком языке с поздравлениями с Новым годом (1912), одна открытка с Новым годом на русском языке (1912), одна открытка с Новым годом на латышском языке (1930) и одна открытка на русском языке с поздравлениями ко дню Ангела (1937). Это показывает, что в городе в период с 1903 по 1947 год имела место быть многоязычная и многонациональная среда. Авторы открытых поздравительных писем продолжали своё мысленное общение со своими родными и близкими на общем для них языке.

По мнению Натальи Мозохиной путешественнику во время своего путешествия «было необходимо поделиться своими зрительными впечатлениями», часто сопровождая открытку «приписками о своём непосредственном впечатлении от увиденного» [3]. 25 открыток из данной коллекции можно отнести к так называемым «приветам» своим родным, близким и друзьям. Разброс дат от 1903 до 1944 года показывает, что для авторов данных посланий на латышском, русском и немецком языках часто было важно просто напоминание о себе, в особенности во время военных действий на территории Латвии и в военное время в целом. Этим объясняется и относительно большое количество открыток 1918 года на немецком языке (5 открыток). Авторы открыток находились вдалеке от родных, основным способом, чтобы сообщить о себе, была почтовая связь. Сложно назвать основную массу подобных открыток «приветом из путешествия», так как авторы этих посланий находились в Латгалии не с целью приобретения новых впечатлений. Тем не менее, на некоторых открытках есть упомянутые Н. Мозохиной краткие комментарии об увиденном и пережитом. Не смотря на то, что площадь для письма на открытках является очень ограниченной, бросается в глаза особая лаконичность подобных текстов и их написание крупными буквами.

Кроме функции напоминания о себе и сообщения близким о собственном здравии, можно выделить ещё 3 функции открытых писем. Прежде всего, это тексты личного характера, напоминающие письмо, но очень ограниченного формата (11 открыток). Текст часто дописывается на полях, буквы постепенно уменьшаются, что говорит о желании авторов продлить мысленный процесс общения с дорогими им людьми. Часто упоминаются реалии, имена, события, известные только авторам и адресатам данных посланий. И хотя открытое письмо подразумевает нарушение конфиденциальности послания, некоторые авторы намекают на политические события, затрагивающие их. Например, автор открытки на латышском языке пишет в 1936

году о своём разочаровании в том, что происходит вокруг, и о своей неспособности привыкнуть к новым обстоятельствам. В 1944 году автор открытки на немецком языке пытается по старому адресу найти своих родственников в Познани. Полный опасения за судьбу своих родных, он задаёт вопросы о том, все ли остались живы, не пострадал ли дом родственников во время военных действий. Некоторые тексты имеют характер философских рассуждений, несколько раз приводятся цитаты и поэтические вставки, видимо, отвечающие ходу мыслей и ощущениям авторов. Эти тексты тоже имеют очень личный характер и написаны на латышском, немецком и русском языках.

Во-вторых, особое место занимают среди личных открыток послания, содержащие указания на то, где в данный момент находится, проживает или работает автор текста (5 открыток). На открытке с видом города может быть обозначено стрелочкой или другим знаком именно то место, где находится квартира или офис человека. Кроме того, в тексте может содержаться напоминание о том, что адресат в этом месте бывал несколько лет назад (например, о посещении Борисо-Глебского собора в Даугавпилсе, 1937). Открытки написаны на русском, немецком и латышском языках, отправлены в период 1911-1937 год. Общим является желание передать близким своё ощущение большого города, в котором живут и работают. Ни в одном тексте, однако, не содержится приглашение навестить родных и увидеть изображённый объект собственными глазами.

В-третьих, можно выделить группу открыток, содержащих тесты делового характера (10 открыток). Наличие таких текстов на открытках противоречит утверждению Н. Мозохиной о том, что «открыткой не пользовались в деловых поездках и в деловой переписке» [3]. 2 письма написаны на польском языке в 1916 и 1918 годах, 1 письмо 1931 года на латышском языке, 1 письмо 1916 года на русском языке, остальные письма написаны в период с 1918 по 1930 год по-немецки. В письме на русском языке речь идёт о деловых контактах на высоком уровне, т. к. показывает утомительный путь автора из Юрьева в Ригу и его ожидание новостей от барона, имя которого не называется. Остальные тексты содержат просьбы о пересылке различных товаров, денег и сообщения о характере торговли в городе. Трудно объяснить, почему для сообщений подобного характера были выбраны открытые письма. Можно предположить, что письма 1918 года отправлялись по немецкой полевой почте и имели невысокую стоимость пересылки.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что почтовая открытка использовалась для самых разных целей и являлась очень важным, часто единственным средством коммуникации между родственниками и друзьями. Напряжённое время, в которое происходил обмен корреспонденцией, диктовало и выбор способа коммуникации. Использование открытых писем не только как записок путешественника, но и для личных и деловых писем, а так же для передачи связи визуального объекта с личностью автора, дополняют наблюдения Н. Мозохиной об открытке как эпистолярном жанре.

1. Вайль, П. Гений места. – Mode of access: http://lib.ru/PROZA/WAJLGENIS/genij.txt_with-big-pictures.html - Date of access: 22.02.2018.
2. Ковалинский, Виталий. Привет из Киева. - Mode of access: <http://www.myslenedrevo.com.ua/ru/Sci/History/Kupola/Vol01/GreetingsKyiv.html> - Date of access: 22.02.2018.
3. Мозохина, Н. А. Открытка как эпистолярный жанр путешествия начала XX века. - Mode of access: <http://odysseus.msk.ru/publications/?id=108> - Date of access: 22.02.2018.
4. Открытки издательства «Контрагент печати» 1906-1909. - Mode of access: <http://www.tulainpast.ru/news/row1704> - Date of access: 22.02.2018.
5. Georg Stilke. - Mode of access: guestrow-history.de/georg-stilke - Date of access: 22.02.2018.

СТАНОВЛЕНИЕ СЕКРЕТНОГО ДЕЛОПРОИЗВОДСТВА В ЦБ КП(б)Б

Т.Н. Агеенко (Минск, Беларусь)

В последние годы проблематика секретного партийного делопроизводства в РКП(б)-ВКП(б) стала активно изучаться. Это нашло отражение в работах М.В. Зеленова, А.В. Крыловой, Г.А. Куренкова, В.Н. Парамонова, Н.Ю. Пивоварова, А.Н. Чистикова и др.[2, 3, 4, 5, 17, 18, 19]. Однако недостаточно изученным является региональный аспект этого вопроса, в том числе относящийся и к БССР.

В октябре 1921 г. на заседании ЦБ было закреплено, что вся секретная переписка адресуется на имя секретаря ЦБ, вскрывается только им, он отвечает за исполнение секретных документов и их сохранность, кроме того выделялся сотрудник для ведения шифровальной работы [7, л. 31]. Однако кроме перечисленных, вопросами секретного делопроизводства занимался секретный отдел (или секретная часть). Сведений об этом отделе в документах КП(б)Б немного. Так, в октябре 1921 г. в составе секретного отдела числилось 4 человека: секретарь, караульный, курьеры [8, л. 2; 9, л. 217]. В следующем месяце должности секретаря и караульного были упразднены. В 1923 г. должности заведующего секретной частью и шифровальщика при секретариате ЦБ занимал один человек [16, л. 41]. Наряду с секретарем ЦБ за подготовку и ведение секретной переписки отвечал заведующий общим отделом, о чем свидетельствуют подписи на исходящих из ЦБ документах с грифом «секретно». Таким образом, можно предполо-

жить, что к концу 1923 г. в состав секретного отдела входили заведующий, шифровальщик, курьеры, а сам отдел входил в общий отдел.

Отправкой секретной корреспонденции занималась фельдъегерская часть ГПУ. Все направляемые в ЦК РКП(б) документы, необходимо было сдавать в общую канцелярию ЦБ. Особо важные, срочные и секретные пакеты помечались литерой «А», их необходимо было прошнуровать и запечатать сургучной печатью [10, л. 51; 14, л. 142].

За контролем ведения делопроизводства, в том числе секретного, следила ревизионная комиссия. Так, в мае 1922 г. при проверке аппарата ЦБ, был указано на недопустимость хранения секретных документов в ящике письменного стола, а также на то, что в результате кражи у В. Кнорина, пропало 2 секретных документа. В принятом решении говорилось о том, что порядок хранения секретных документов в железном ящике не обеспечивает их сохранность, рекомендовалось держать документы в несгораемом шкафу. Никакого решения в связи с кражей принято не было [13, л. 21].

Повторно на необходимость концентрации всей секретной переписки в руках одного товарища, отсутствие системы при определении дел секретного характера и на необходимость сокращения количества дел до минимума указывала в ноябре 1922 г. ревизионная комиссия при ЦБ КП(б)Б. Также в решении указывалось на то, что вся партийная переписка является секретной [13, л. 23].

Для обеспечения конфиденциальности 30 ноября 1922 г. Оргбюро ЦК РКП(б) утвердило порядок хранения секретных постановлений, на основе которых КП(б)Б были утверждены правила работы с выписками из протоколов заседаний президиума, пленумов, а также распоряжений ЦБ. В документе был определен порядок адресования выписок (конкретному лицу), их передача посторонним лицам, а также копирование и ссылка на них запрещались. В правилах оговаривался порядок хранения выписок в особых личных делах того, на чье имя они были адресованы, приложение их к советскому и профессиональному делопроизводству не допускалось [1, с. 105].

Говоря о секретном делопроизводстве нельзя не обратиться к протоколам заседаний бюро и президиума. В ЦК РКП(б) решение не заносить наиболее серьезные вопросы в протокол, а записывать в протокол Политбюро только «официальное поручение Политбюро» тому или иному лицу, а основные моменты решать устно, принято 8 ноября 1919 г. после заявления И.В. Сталина о том, что враги партии располагают сведениями о заседаниях Политбюро [2, с. 131]. С этого периода партия начинает переход к засекречиванию своей деятельности.

Необходимо отметить, что на протоколах ЦБ гриф секретности не проставлялся. Вопросы, которые являлись наиболее конфиденциальными выходили под грифом «секретно». Впервые данная запись встречается в протоколе бюро от 25 февраля 1921 г. перед вопросом о Мозырской организации [6, л. 25-26]. В июле 1921 г. секретное решение записано на отдельном листе как секретное приложение к протоколу № 38 заседания бюро от 29 июля 1921 г. при рассмотрении журнального постановления контрольной комиссии по делу № 87 тов. Ашмарина [6, л. 96], в самом протоколе сделана запись: смотри секретное приложение к протоколу. При этом необходимо отметить, что в ЦК РКП(б) решение о том, что «особо секретные предложения и решения Политбюро вносятся в протокол в самой краткой форме, самое же решение заносится на особом листе» [3, с. 133] принято протокольным постановлением Политбюро 3 февраля 1922 г. В дальнейшем в протоколах либо в очень краткой форме фиксировалась формулировка вопроса, либо только делалась отметка: секретно, а само решение записывалось на отдельном листе.

Кроме того, встречается два протокола, где секретным является все заседание. Первое – протокол № 456 закрытого заседания ЦБ от 3 сентября 1921 г., на котором рассмотрены: а) доклад о командировке в Польшу и Германию в составе в торговой делегации РСФСР представителя от Белоруссии, в котором указывалось на то, что работа белорусской делегации должна протекать в полном контакте с работой РСФСР, а также на отсутствие официальных политических поручений в связи с поездкой за границу; б) вступление в ряды РКП(б) члена еврейской коммунистической партии т. Цви-Фридлянда и об издании им брошюры о Полей-Ционизме [6, л. 118]. Во втором протоколе заседания бюро № 18 от 20 января 1922 г. в правом верхнем углу стоит гриф «секретно». На нем было рассмотрено шесть вопросов: а) об издательстве в связи с недостатком ресурсов (что закрепляло увеличение подписной платы на «Звезду», в добавок, еженедельниками становились газеты «Млот» и «Белорусская деревня», прекращалась выписка за счет государственных средств газет для комячеек и изб-читален); б) о привлечении частного капитала (ЦБ не возражало против привлечения к кооперации частного ремесленного капитала); в) об АРА – представителем правительства в АРА был назначен т. Марьясин, ЧК поручалось выделить людей для постоянной работы в АРА; г) об уездных Политбюро (функции Политбюро были переданы административным органам, также обращалось внимание на укрепление аппаратов милиции, уголовного розыска, народного суда); д) утверждена комиссия по руководству сельхозкооперацией; е) о проституции – т. Короллю поручалось выяснить в Москве постановку вопроса [11, л. 8].

Помимо конкретного вопроса, секретной могла быть часть решения. Так, в протоколе президиума от 4 декабря 1922 г. при рассмотрении вопроса «О созыве широкого делегатского собрания рабочих и служащих г. Минска» секретным является шестой пункт решения с указанием ячейкам на необходимость выбора не менее 30% делегатов-коммунистов [12, л. 90].

Вопросы, рассматриваемые на бюро и президиуме с грифом «секретно» были самыми разнообразными. Кроме вышеперечисленных, в протоколах нашли отражение взаимоотношения с политическими партиями (о белорусских эсерах, о конференции белорусских общественных деятелей, о Виленской конференции Бунда, о работе среди еврейской молодежи, о сионистах), религиозными организациями (об изъятии церковных ценностей, о допущении легальности евангельских и сектантских общин, о костелах), интеллигенцией (о выселении профессоров и общественников из пределов Белоруссии, о Я. Лесике), вопросы военного характера (о выработке плана эвакуации, о ЧОН) и борьбы с бандитизмом, об уменьшении продналога, средствах для секретного фонда, о положении дел в Петрограде и Москве в связи с безработицей и голодом и др.

Всего на заседаниях бюро и президиума в 1921-1923 гг. под грифом «секретно» рассмотрено 46 вопросов. Причем в пяти случаях в графах «слушали» и «постановили» указано: «секретно» или «принять к сведению», приложения к ним отсутствуют, что не позволяет установить предмет обсуждения.

Еще один шаг в становлении секретного делопроизводства сделан в декабре 1923 г., когда решением ЦК РКП(б) делопроизводство было разделено на секретное, в ведении бюро секретариата, и простое (общее), в управлении делами. Кроме того, затрагивались вопросы регистрации и работы с секретной корреспонденцией. Отмечалось, что часто пакеты, помеченные грифом «секретно», не содержат ничего секретного, что вело к лишней трате времени [15, л. 55].

В завершение необходимо отметить, что коммунистическая партия практически сразу начала засекречивать свою деятельность, несмотря на то, что изначально поддерживала общую идею об открытости, которая была выражена в стремлении опубликовать все секретные соглашения царского правительства с другими государствами [19, с. 113]. Необходимость защиты секретных документов была обусловлена руководящей ролью партии большевиков в жизни страны. В период деятельности ЦБ КП(б)Б секретным делопроизводством занимался секретный отдел, проверкой правильности его ведения – ревизионная комиссия, отправкой корреспонденции – фельдъегерский корпус ГПУ. Были утверждены правила работы с выписками из протоколов, а также произошло разделение секретного и общего делопроизводства. Кроме того, в протоколах ЦБ определенные вопросы, всё заседание или часть решения, имели гриф «секретно». Таким образом, в 1921-1923 гг. были заложены основы ведения секретного делопроизводства в КП(б)Б.

1. Агеенко, Т.Н. Обеспечение секретности в КП(б)Б в 1920-е гг. / Т.Н. Агеенко // X Машеровские чтения: материалы международной научно-практической конференции студентов, аспирантов и молодых ученых, Витебск, 14 октября 2016 г. Вит. гос. ун-т; редкол.: И.М. Прищепа (гл. ред.) [и др.]. – Витебск: ВГУ имени П.М. Машерова, 2016. – С. 105-106.
2. Зеленов, М.В. Аппарат ЦК РКП(б)-ВКП(б), цензура и историческая наука в 1920-е годы / М.В. Зеленов. – Н. Новгород, 2000. – 540 с.
3. Зеленов, М.В. И.В. Сталин и «конструирование» партийной власти (март 1921 – июнь 1922 г.) / М.В. Зеленов, А.А. Чернобаев, А.В. Крылова, Н.Ю. Пивоваров // Исторический архив. – 2017. – № 1. – С. 116-157.
4. Крылова А. В. Особенности организации секретной делопроизводственной практики ЦК РКП(б)-ВКП(б) и местных комитетов партии в первой половине 1920-х годов / А. В. Крылова // Документ. Архив. История. Современность : Материалы VI Международной научно-практической конференции, Екатеринбург, 2-3 декабря 2016 г. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2016. – С. 95-98.
5. Куренков, Г.А. От конспирации к секретности: защита партийно-государственной тайны в РКП(б)-ВКП(б), 1918-1941 гг. // Г.А. Куренков. – М.: АИРО—XXI, 2015. – 255 с.
6. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ) – Ф. 4-п. Оп. 1. Д. 425.
7. НАРБ. – Ф. 4п. Оп. 1. Д. 428.
8. НАРБ. – Ф. 4п. Оп. 1. Д. 443.
9. НАРБ. – Ф. 4п. Оп. 1. Д. 534.
10. НАРБ. – Ф. 4п. Оп. 1. Д. 692.
11. НАРБ. – Ф. 4п. Оп. 1. Д. 693.
12. НАРБ. – Ф. 4п. Оп. 1. Д. 697.
13. НАРБ. – Ф. 4п. Оп. 1. Д. 917.
14. НАРБ. – Ф. 4п. Оп. 1. Д. 1000.
15. НАРБ. – Ф. 4п. Оп. 1. Д. 1012.
16. НАРБ. – Ф. 4п. Оп. 1. Д. 1023.
17. Парамонов, В.Н. Секретность в советском обществе в 1920-1940-х гг. / В.Н. Парамонов // Вестник СамГУ. – 2012. – № 2/2 (93). – С. 125-132.
18. Пивоваров, Н.И. Формирование секретного делопроизводства в аппарате ЦК РКП(б) в 1919-1924 гг. / Н.И. Пивоваров // Клио-2016. Сборник материалов шестой международной конференции молодых ученых и специалистов. – М., 2016. – С. 426-429.
19. Чистиков, А.Н. Секретное партийное делопроизводство 1920-х гг.: становление и эволюция / А.Н. Чистиков // История России: Исследования и размышления. Сборник статей к 90-летию со дня рождения д.и.н., заслуженного деятеля науки РФ В.М. Ковальчука. – СПб., 2006. – С. 113-134.

ВОССТАНОВЛЕНИЕ МИНСКА В 1944–1946 ГГ.: АНАЛИЗ ДОКУМЕНТАЛЬНЫХ ИСТОЧНИКОВ

Ю.Э. Стельмашук (Минск, Беларусь)

Великая Отечественная война оставила страшный след в истории Минска. Масштабные разрушения поставили вопрос о целесообразности восстановления столицы: звучали предложения о строительстве нового города – в нескольких километрах от руин старого Минска, но в итоге все-таки решили возродить столицу на ее прежнем месте. Если говорить языком цифр, то в городе из 1 млн 100 тыс. кв. м жилой площади, насчитывавшейся в городе к моменту начала Великой Отечественной войны, после освобождения сохранилось 250 тыс. Таким образом, жилой фонд столицы Беларуси был уничтожен примерно на 80 % [3, л. 16]. Было разрушено 5975 жилых домов [5, л. 2]. Из почти 300 тыс. жителей, проживавших в Минске перед войной, к маю 1943 года осталось порядка 100 тыс. [10, л. 103], а к моменту освобождения столицы – около 45–50 тыс. человек [11, с. 317]. Из 332 государственных и кооперативных предприятий осталось только 19. Общий урон городу, нанесенный войной, составил около 6 млрд рублей [2, л. 1]. В такой тяжелой ситуации, перед правительством ставились первоочередные задачи: мобилизовать население на расчистку, уборку завалов и организовать работу по разработке генерального плана восстановления города.

Важную роль в изучении событийной хронологии восстановления Минска играют организационно-распорядительные документы советских руководящих органов (приказы, директивы, постановления, распоряжения и др.). Среди значимых документов можно выделить постановление СНК БССР и ЦК КП(б)Б «Об организации треста по разработке разрушенных зданий и восстановлению строительных зданий и восстановлению строительных материалов в Минске» от 30 сентября 1944 г. В документе утверждались первоочередные цели и задачи, а именно: производить разборку разрушенных зданий, в целях получения строительных материалов; устанавливались сроки исполнения работ по составлению списков домов, подлежащих разборке; назначались ответственные лица [8, л. 8-10]. Параллельную работу вело Бюро Минского горкома КП(б)Б, которое занималось подготовкой и обучением населения по рабочим специальностям. Оно сотрудничало с отделом агитации и пропаганды в вопросах освещения в печати работы строителей, передающие свой опыт и успешно обучающие новые кадры [9, л. 6].

Важную роль в работе по восстановлению города сыграло «Распоряжение №1048рсс СНК БССР о переброске батальона интернированных немцев из Слуцкого лестранхоза в г. Минск для восстановления города» от 24 апреля 1945 г. [9, л. 34]. Из документа видно, что руководство стремилось задействовать все возможные трудовые ресурсы. Выделим и «Распоряжение №1521рсс СНК БССР об отборе и направлении рабочих-строителей из числа военнопленных и интернированных немцев» от 21 июня 1945 г., в котором говорится, какие рабочие специальности следует отобрать: квалифицированных столяров, плотников, каменщиков [9, л. 54].

Организационно-распорядительные документы способствовали появлению корпуса плано-отчетной документации, которая имеет большое значение в изучении обозначенной темы. В первую очередь выделим «Генеральный план восстановления и развития г. Минска» (1946), история которого началась с прибытием в Минск специальной комиссии Комитета по делам архитектуры при СНК СССР, в составе которой были известные деятели архитектуры: академики А. Мордвинов, Н. Колли, В. Семенов, А. Щусев, профессор И. Лангбард, член-корреспондент Академии архитектуры Б. Рубаненко. Этим коллективом и была подготовлена «Эскиз-идея планировки г. Минска». Которая легла в основу создания генерального плана восстановления города [8, л. 2]. К апрелю 1946 г. с учетом замечаний и согласований план был доработан, а в июле утвержден Советом Министров БССР. Разработку на первом этапе поручили заслуженным архитекторам Г. А. Парсаданову, Н. Е. Трахтенбергу, М. Н. Андросову. Это достаточно объемный документ, который включает в себя следующие разделы: введение; основные положения генплана; технико-экономические основы восстановления и развития г. Минск (15 подразделов); характеристика природных и инженерно-геологических условий г. Минска и его окрестностей (3 подраздела); пояснительная записка (12 подразделов) и приложения. Общий объем генплана составляет 175 машинописных страниц текста, расчетов, схем и таблиц [1, л. 2-3]. В разделе «Основные положения генерального плана восстановления и развития города Минска» указывалось, что главная задача заключается «в быстрейшем восстановлении разрушенного города, как самого передового по архитектурному оформлению и инженерному благоустройству, в целях создания наилучших жилищных, производственных, культурно-бытовых и санитарно-гигиенических условий населению». В плане были проектированы следующие основополагающие позиции:

а) размещение жилых и промышленных районов в их развитии с соблюдением санитарных условий и удобства взаимосвязи;

б) построена правильная и четкая радиально-кольцевая система планировки города, основу которой составляют два перпендикулярно пересекающихся в центре города магистральных диаметра западно-восточного и северо-южного направлений, связывающих выходы на: Москву, Варшаву, Киев и Кёнигсберг;

в) архитектурно-строительное зонирование и комплексное благоустройство, включая современно-передовой городской транспорт, озеленение и регулирование реки Свислочь;

г) создание центрального ансамбля г. Минска и главной магистрали (типа проспекта) Советской улицы, составляющей главную ось архитектурной композиции города, с системой различного характера площадей, транспортных развязок и т.п.;

д) стройная архитектурная композиция всей застройки по ее высотности и выразительности с учетом использования интересного рельефа территории города и его природных условий и создания его силуэта.

Исходя из роста градообразующих факторов, принималось на перспективу к 1960 г. проживать в городе должно 450 тыс. чел., а на первую очередь к 1950 г. 300 тыс. человек [1, л. 60б.].

Промышленные предприятия планировалось размещать в трёх районах:

а) юго-восточный промышленный район, включавший тракторный, автомобильный, велосипедный, авторемонтный и др. заводы

б) западный промышленный район, включавший обувные фабрики им. Кагановича и им. Тельмана, коженно-галантерейную фабрику им. Куйбышева и др. предприятия.

в) южный промышленный район, включавший хлопко-прядельную фабрику, мясокомбинат, ГЭС-2, винодельческий завод, кирпичные заводы и др.

Скорейшего восстановления требовалось в сфере городского жилья. Застройка жилых кварталов принималась в четырёх зонах с определённой этажностью зданий, а именно:

- 1-я зона состояла из 3-5 этажных домов с преимущественным её размещением в пределах большой кольцевой и основных радиальных магистралей;

- 2-я зона 2-3 этажных домов с преимущественным её размещением в районах, прилегающих к большой кольцевой магистрали вдоль Могилёвского шоссе, улицы Чкалова, Червенского тракта и жилым районе Тракторного завода;

- 3-я зона 1-2 этажных домов, смежная со 2-ой зоной;

- 4-я зона индивидуальное строительство размещалась преимущественно в периферийных районах города.

От общей жилой площади 3-5 этажные и 2-3 этажные дома составляли по 35% [1. л. 8].

В текстовой части документа часто встречаются сравнения с планами довоенного Минска, из чего можно сделать вывод, что архитекторы, разрабатывая генплан, стремились решить проблемы, которые накопились за предвоенные десятилетия существования города. Они планировали создать на месте Минска индустриальный центр с развитыми магистралями и сетью железных дорог.

Процесс реализации запланированных мероприятий отражен в отчетных документах (квартальные и годовые отчеты, докладные записки и справки). Из данных источников в сравнении с организационно-распорядительными документами руководящих ведомств можно сделать вывод, что запланированное не всегда выполнялось своевременно в силу объективных обстоятельств. «Справка строительного отдела Минского горкома КП(б)Б о ходе коммунального и промышленного строительства в г. Минске с июля 1944 г. по июль 1945 г.» от 7 июля 1945 г., свидетельствует о невыполнении плана в срок: «В результате слабой организации труда, недостаточного руководства неорганизованным населением в производстве работ, отсутствия точного учета в приеме строительных материалов, а также отсутствия механизации в разборке – трестом разборки (управляющий т. Каменский) план IV кв. 1944 года выполнен всего лишь на 27,4%, в ценностном выражении при обеспеченности работой на 31,1%» [6, л. 73-75].

Значительные трудности наблюдались в вопросе организации труда. Это видно из «Справки строительного отдела Минского горисполкома о состоянии культурно-бытового, коммунального и жилищного хозяйства г. Минска до начала Великой Отечественной войны и ходе его восстановления» от 26 мая 1947 г.: «Рабочее место, как правило, заранее не подготавливается, график производства работ на стройплощадке в основном отсутствует, инструмента (топоры, пилы) не хватает, а имеющийся требует приведения его в надлежащий порядок. Руководство работами со стороны технического персонала (десятников, прорабов) крайне недостаточно – рабочие на большинстве объектов строительства работают безнадзорно, предоставлены сами себе, наряды на работы не выдаются перед началом работ, с расценками рабочие в основном не знакомы...» [7, л.181].

Вместе с этим отмечается трудовой энтузиазм населения в виде стахановского движения. Из той же справки виден пример: «В ответ на постановление февральского пленума об объявлении строительства Минского тракторного завода первоочередной стройкой, а также включившись по призыву ленинградцев во Всесоюзное социалистическое соревнование на достойную встречу 30-й годовщины Великой Октябрьской социалистической революции, каменщик Белтракторостроя Петр Дудко с шестью подсобниками 14 апреля с. г. стал на стахановскую вахту и выполнил 12 норм, уложив 16 000 штук кирпича, и с 14 апреля 1947 года Петр Дудко систематически выполняет 500–800% дневного задания. По примеру тов. Дудко каменщики тт. Савельев, Пулькин и молодой комсомолец Аксенович также ежедневно выполняют норму на 400–600%. ...» [7, л.183].

Значительный корпус документов по истории восстановления города представлен изобразительными источниками. К ним относятся зарисовки, фотографии, эскизы проектов [4, л. 6]. Эти источники позво-

ляют наглядно увидеть, каким был город после освобождения от немецко-фашистских захватчиков. Изобразительные документы позволяют восстановить облик зданий в своём первоизданном виде, поэтому они используются при реставрационных работах и в настоящее время. Наглядными источниками являются эскизы конкурсных проектов, которые позволяют увидеть, каким мог быть Минск, как представлял себе город тот или иной архитектор. Сравнивая их с теми проектами, которые победили на архитектурных конкурсах можно сделать вывод, что руководство страны стремилось выбрать наиболее оптимальные работы с художественной, практической точки зрения и перспектив дальнейшего развития.

Подводя итог, укажем, что у исследователей данной темы в распоряжении имеется значительных корпус документальных источников, основной массив которых храниться в «Национальном архиве Республики Беларусь», «Белорусском государственном архиве научно-технической документации» и «Государственном архиве Минской области». Видовое разнообразие документальных источников затрагивает различные аспекты восстановления города и позволяет дать объективную оценку проделанной работе.

1. Белорусский государственный архив научно-технической документации (БГАНТД). – Ф. 3. Оп. 1. Д. 1.
2. БГАНТД. – Ф. 51. Оп. 2. Д. 1.
3. БГАНТД. – Ф. 68. Оп. 1. Д. 25.
4. БГАНТД. – Ф. 188. Оп. 2. Д. 21.
5. БГАНТД. – Ф. 223. Оп. 2. Д. 5.
6. Государственный архив Минской области (ГАМн). – Ф. 69п. Оп. 1. Д. 35.
7. ГАМн. – Ф. 69п. Оп. 1. Д. 181.
8. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). – Ф. 4п. Оп. 61. Д. 78.
9. НАРБ. – Ф. 780. Оп. 1. Д. 3.
10. НАРБ. – Ф. 1450. Оп. 1. Д. 4.
11. Памяць. Гісторыка-дакументальная хроніка Мінска. У 5 кн. Кн. 4-я. – Мінск : БЕЛТА, 2005. – 912 с.

НЕОПУБЛИКОВАННЫЕ ИСТОЧНИКИ ПО ИСТОРИИ РАЗВИТИЯ ЛИТЕРАТУРНОЙ ЖИЗНИ ЕВРОПЕЙСКОГО СЕВЕРА РОССИИ В 1950–1960-Е ГГ.

А.С. Столетова (Вологда, Россия)

Интерес исследователей к изучению процесса создания книги, чтения и культурных запросов населения закономерен. В современной исторической науке большое внимание уделяется рассмотрению тенденций в формировании условий для чтения, выяснению роли книги в концепции развития государства.

Концентрирование научных деятелей на изучении культуры Европейского Севера России обусловлено тем, что эта территория представляет особую историко-культурную область, а литературные традиции в регионе имеют глубокую историю. Период 1950–1960-х гг. неоднозначен, двойственен и противоречив, внутри него можно выделить этапы, связанные с изменением государственной политики, перестройкой механизмов управления культурой, либерализацией и ужесточением режима. С точки зрения развития инфраструктуры чтения, были предприняты важные шаги, связанные со становлением качественно нового комплекса элементов, необходимых для функционирования отрасли чтения. Создание Вологодского областного отделения Союза писателей (1961), открытие в Архангельске Северо-Западного книжного издательства (1964 г.), преобразование в межобластной петрозаводского журнала «Север» (1965 г.) привело к усилению темпов культурно-просветительской работы среди населения и росту популярности северных писателей [35].

По теме исследования имеется большой комплекс архивных источников. Основная их часть находится в 50 фондах архивов РФ (ГАРФ, РГАЛИ, ГАОО, ГАВО, ГАОО. ОДСПИ, ВОАНПИ), а также в фонде книжных памятников Муниципального учреждения культуры «Историко-мемориальный музей А. Яшина г. Никольска».

Законодательные и нормативно-правовые акты органов власти (перечень приказов, постановлений, положений, распоряжений, инструкций, изданных Министерством культуры СССР и РСФСР, Главной библиотечной инспекцией СССР, Главным управлением по делам литературы и издательств, госкомитетами по печати и по делам издательств, полиграфии и книжной торговли при Совете Министров РСФСР и др.) отражают специфику и направления государственной политики в области развития библиотечного дела и литературной жизни [6; 7; 8; 10; 11; 12; 25].

Важной группой источников является делопроизводственная документация. Протоколы собраний писательских организаций [5; 15; 34], читательских конференций [13], партийных собраний парторганизации КПСС Вологодского областного книжного издательства [3], партийных собраний Вологодской областной библиотеки им. И.В. Бабушкина [2], совещаний и заседаний библиотечной Архангельской областной библиотеки им. Н.А. Добролюбова [9], протоколы заседаний редакционного совета Северо-Западного книжного издательства [6; 7] содержат сведения о задачах художественных произведений, о деятельности по пропаганде книги и творческой работе архангельских и вологодских авторов. Здесь же помещены данные о численности, кандидатах и членах писательских организаций, литературного актива; о темах и содержании произведений, распространении книг, о том какая литература и какие журналы

поступали в отделения Союза писателей, а также в каких периодических изданиях печатались авторы; разрешении квартирного вопроса для писателей, отношениях с властью [15. оп. 1. д. 4. л. 3, 17–18; д. 5. л. 1, 6, 22, 46, 48, 58, 62, 80–84; д. 13. л. 3; д. 52. л. 8–9, 32–33; д. 81. л. 1, 7, 11–12; д. 92. л. 4–5, 16, 20; д. 93. л. 3; 16. оп. 1. д. 44].

Материалы о деятельности Вологодской писательской организации содержатся в фонде 846 ГАВО (396 дел, материалы за 1961–1996 гг.). Сведения о работе Архангельской областной писательской организации отложились в фонде 741 ГААО (287 дел за период 1942–1988 гг.) [5; 15]. Указанные документы можно разделить на руководящие акты и источники, содержащие информацию о творческой и общественной работе. К первой категории относятся: постановления секретариата правления Союза писателей РСФСР, протоколы отчетно-выборных и организационных собраний писателей и литературного актива, планы и отчеты, приказы по основной деятельности объединений. Ко второй – сведения о работе отделений Союза писателей РСФСР по пропаганде художественной литературы, рецензии на рукописи авторов, вырезки из газет, заметок, статей, афиши, документы и протоколы областных творческих семинаров молодых писателей, планы шефской работы на селе. Также можно выделить раздел документов, включающий бухгалтерские и статистические отчеты, планы по труду, сметы расходов и штатные расписания.

Отчетная документация учреждений культуры, отделений писателей представлена отчетами и справками об итогах месячников книги и культурно-массовых мероприятиях в Вологодской и Архангельской областях [1; 4; 11; 18; 19; 22], а также информацией Северо-Западного книжного издательства по распространению публикаций, о литературной обработке рукописей и др. [6; 7]. Эти источники охватывают данные о возможностях выпуска и ассортименте литературы, организации пропаганды, проведении массовой работы с читателем и др. Документы включают списки «политически вредных» изданий, установленных посредством проверок, проведенных Вологодским областным управлением по делам литературы и издательств. Материалы позволяют представить сведения по подготовке различных альманахов, к примеру, «Литературная Вологда», «Новые встречи» и т.д.; о работе писателей в межрегиональных журналах и сборниках, таких как журнал «Север» и сборник «День поэзии Севера» и др. [15. оп. 1. д. 4. л. 4, 20, 22; д. 5. л. 8, 9, 11, 17, 24, 27, 30, 45–46, 56, 58, 62, 64, 67, 73, 76, 81–84; д. 13. л. 1–4; д. 52. л. 34; д. 81. л. 1–2, 7–9, 11–12; д. 92. л. 1, 5, 9, 17–19, 22; д. 93. л. 1–5, 8–19; 16. оп. 1. д. 254. л. 1.].

Научный интерес представляет деловая переписка Управления культуры Вологодского облисполкома с Министерствами РСФСР и СССР [23], Вологодского областного управления по охране военных и государственных тайн в печати при Облисполкоме с Главлитом СССР [20], Северо-Западного книжного издательства с Росполиграфиздатом, Главиздатом РСФСР, Архангельским обкомом КПСС, Госкомитетом РСФСР и др. [6; 7], где содержится информация о выпущенных изданиях и цензурном контроле. В переписке писателей с областными комитетами КПСС и облисполкомами, Правлениями писателей СССР и РСФСР, с издательствами, редакциями газет и различными организациями [5; 15; 18; 27; 34] сосредоточены сведения о творческой работе литераторов, географии распространения книг местного издания.

Заслуживает внимания группа документов личного происхождения – эпистолярное наследие, воспоминания писателей о литературных событиях, командировках и др. [5; 15; 24]. В письмах писателей в Вологодскую областную библиотеку им. И.В. Бабушкина (ВОУНБ) авторы делятся своими творческими успехами и планами [26].

Отдельно следует отметить переписку основателей направления в советской литературе, которое принято называть «деревенской прозой», – А.Я. Яшина и В.И. Белова с читателями, издательствами, писательской организацией. В источниках содержатся рекомендации к публикациям произведений, сведения о событиях в литературной среде, повседневной жизни сельских жителей, поднимаются нравственно-социальные проблемы судьбы русской деревни. А.Я. Яшин часто писал литераторам Я.З. Шведову, К.Н. Коницеву, С.П. Щипачеву, М.А. Шехтеру, В.И. Белову [24. оп. 1. д. 368; 29. оп. 2. д. 50; 30. оп. 1. д. 77; 31. оп. 1. д. 304; оп. 2. д. 74; 32. оп. 1. д. 52] и др. В фонде В.И. Белова [24] имеется большое количество писем от почитателей творчества и таланта автора, свидетельствующих о твердом интересе к фигуре писателя. В документах – самые разнообразные сведения: описание проблем и тягот, образ мыслей и общественное сознание населения в период ломки традиционного крестьянского уклада, фольклор (частушки), отзывы на книги и выступления, приглашения на встречи и т.д.

В ГАВО отложились личные фонды Н.М. Рубцова, В.С. Железняк, К.И. Коницева, В.А. Гроссмана. В них содержатся разного рода творческие материалы, информация об общественной работе. О развитии литературного процесса в Вологодской писательской организации говорят адресаты писем, среди которых встречаются такие имена, как М. Шолохов, В. Астафьев, В. Кочетов, Е. Коковин, А. Решетов [14; 16; 17; 21; 24] и др.

Большой интерес представляет текущий архив ВОУНБ. Он включает документы спецфонда, анализ которых позволяет определить круг запрещаемых и изымаемых в 1950–1960-е гг. авторов. Здесь же сосредоточен фотоархив, включающий снимки, свидетельствующие о культурно-массовой деятельности писателей. Фотодокументы содержат фонды ГААО и РГАЛИ [28. оп. 1. д. 1075; 33. оп. 1. д. 178. л. 4], дающие возможность раскрыть творческие связи и культурные контакты литераторов рассматриваемого региона.

Таким образом, комплекс неопубликованных источников по истории развития литературной жизни Европейского Севера России периода 1950–1960-х гг. достаточно обширен. Он позволяет обнаружить процесс развития и обновления инфраструктуры чтения в регионе, появление локального литературного центра и крупнейшей плеяды северных писателей, а также определить восприятие меняющихся черт деревенского социума художественной интеллигенцией Русского Севера. Архивные материалы являются ресурсом для выявления уровней самоидентификации писателей-деревенщиков, суждений об изменениях, происходящих в культуре, официальной государственной идеологии и книгоиздании, процессах регулирования пропагандистской работы писателей, появлении альтернативы «рисовать» сельскую жизнь противоречиво, в ключе несовпадающем с общепринятыми взглядами. Ответы на эти вопросы допускают возможность сформировать понимание о силе воздействия выступлений литераторов в печати и их культурно-массовой, общественной деятельности в отношении круга читателей, проследить реакцию населения на события, происходящие в деревне и экономике в целом.

Практическая значимость документов усиливается в условиях современного поиска путей приобщения населения, и в особенности молодого поколения, к культуре, чтению и литературе.

Статья подготовлена при финансовой поддержке гранта Президента РФ, проект МК-2952.2018.6 «Писательская среда Русского Севера в контексте советской действительности середины – второй половины XX в.: проявления уровней общественного самосознания».

1. Вологодский областной архив новейшей политической истории (ВОАНПИ). Ф. 2522.
2. ВОАНПИ. Ф. 3893.
3. ВОАНПИ. Ф. 9312.
4. Государственный архив Архангельской области. Отдел документов социально-политической истории (ГАОО ОДСПИ). Ф. 296.
5. Государственный архив Архангельской области (ГАОО). Ф. 741.
6. ГАОО. Ф. 1092.
7. ГАОО. Ф. 1099.
8. ГАОО. Ф. 2795.
9. ГАОО. Ф. 2817.
10. ГАОО. Ф. 5790.
11. ГАОО. Ф. 5859.
12. ГАОО. Ф. 5925.
13. ГАОО. Ф. 5932.
14. Государственный архив Вологодской области (ГАВО). Ф. 51.
15. ГАВО. Ф. 846.
16. ГАВО. Ф. 4554.
17. ГАВО. Ф. 4568.
18. ГАВО. Ф. 4692.
19. ГАВО. Ф. 4735.
20. ГАВО. Ф. 4773.
21. ГАВО. Ф. 4775.
22. ГАВО. Ф. 4794.
23. ГАВО. Ф. 4795.
24. ГАВО. Ф. 5134.
25. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. А–501.
26. Письма писателей для областной библиотеки за 1960-е гг.: [Рукописи] // Вологодская областная научная библиотека (ВОУНБ). Текущий архив фонда редких книг.
27. Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ). Ф. 631.
28. РГАЛИ. Ф. 1334.
29. РГАЛИ. Ф. 1840.
30. РГАЛИ. Ф. 2179.
31. РГАЛИ. Ф. 2267.
32. РГАЛИ. Ф. 2290.
33. РГАЛИ. Ф. 2325.
34. РГАЛИ. Ф. 2938.
35. Столетова А.С. Инфраструктура чтения на Европейском Севере России в 1950–1960-е гг. (на материалах Архангельско и Вологодской областей): дис. ... канд. ист. наук. – Иваново, 2015. – 22 с.

ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ ИСТОРИОГРАФИИ ВСЕОБЩЕЙ И ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ

УЧЕБНИК ПО РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ: ВОЗНИКНОВЕНИЕ ВИДА ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКОВ

С.И. Маловичко (Москва, Россия)

Исследование учебной книги по русской истории в предметном поле источниковедения историографии, является актуальной научной практикой, которая, в первую очередь, помогает анализировать историографические источники и уточнить такие их виды, как: «учебник», «книга для чтения», «учебное пособие».

В исследованиях современных исследователей, изучающих историю учебной книги по российской истории отсутствует рефлексия о строгости употребления понятий: «учебная книга», «учебное пособие», «руководство», «учебник», «краткий учебник» [см., напр.: 15, с. 22-23; 1, с. 499; 3, с. 33; 12, с. 71], что приводит к игнорированию интенции авторов изучаемых исторических произведений, а в итоге, к некорректному анализу историографических источников.

Первым учебником по российской истории, содержащим систематическое изложение учебного материала и официально признанным для использования в учебных заведениях нужно признать изданную в 1799 г. «Краткую российскую историю в пользу народных училищ» Ф.И. Янковича де Мириево [16]. Возникновение такого историографического источника становится возможным, с одной стороны, в связи с началом деятельности «Комиссии об учреждении училищ» (1782), с другой стороны, с появлением в исторической культуре больших нарративов по национальной истории (В.Н. Татищева, Ф.А. Эмина, М.М. Щербатова, Екатериной II и др.). Неслучайно, реагируя на издание «Краткой российской истории» Янковича, А.Л. Шлёцер писал, что для создания руководства по национальной истории необходима предварительная работа историков: собрание, упорядочение, обработка и критика исторических материалов (*gereinigte Materialien*) [17, s. XIII-XIV].

Янкович де Мириево целенаправленно создавал учебный текст используя фактический материал, собранный И.М. Стриттером (Комиссия еще в 1783 г. заказала ему учебную книгу, которая под названием «История российского государства» будет издаваться в 1800-1802 гг. в 3 ч.). Кроме того, многие конструкции древнерусской истории Янкович старался выстраивать так, как их позиционировала в предназначенном для чтения юношества большом национальном историческом нарративе Екатерина II (анонимные «Записки касательно российской истории», в 6 ч., 1787-1794).

В Европе на рубеже XVIII – XIX вв. большой нарратив по национальной истории трансформируется в национально-государственный нарратив. Окончательное утверждение классической европейской рациональности в историописании способствует возникновению классической модели европейской исторической науки. Научная история пытается обслуживать национальные и государственные интересы в результате чего актуализируемые кроме научной – практическая и воспитательная задачи национальной истории усиливают неоднородность способов позиционирования национального прошлого, основой которых были разные типы исторического знания (научный и социально ориентированный) [см.: 6, с. 89-100].

Издание «Истории государства российского» М.Н. Карамзина (ставшей наряду с «Историей Швейцарской конфедерации» И. Мюллера (в 5 т., 1786-1808) одним из первых национально-государственных нарративов в Европе) способствовало корректировке основных конструкций российской истории, ее героев и антигероев, актуализации этапов государственного строительства. В результате формируется российский исторический мастер-нарратив, представленный непротиворечивыми конструкциями прошлого. В первой половине XIX в. российский исторический мастер-нарратив укреплялся, в том числе, историческими произведениями, подражавшими «Истории» Карамзина (см., напр.: 13).

Упрощение научного подхода к историописанию оказывало влияние на историков и их решимость системно позиционировать историческое знание в учебной книге. Однако, уже на рубеже XVIII-XIX вв. они начинают отмечать трудность совмещения исследовательской цели историописания с практической (учебной) [см., напр.: 10, ч. 1, с. 1]. Рефлексия профессионализирующейся историографии о (не)возможности позиционирования научного исторического знания в учебной книге привела к появлению в первой половине XIX в. двух практик презентации российской истории в учебных книгах: 1) реализующая в произведении научную функцию или т.н. «историческую критику», 2) реализующая систематическую историю, в которой доминирует практическая функция.

Первую практику стало возможным реализовывать в таком виде историографических источников как *книга для чтения*. Книги для чтения по российской истории относятся к группе видов историографических источников учебная книга. Они выполняли пропедевтические задачи, но в отличие от *учебника* не были ориентированы для употребления в учебных учреждениях в качестве основного источника информации по предмету. Многие книги для чтения по российской истории для детей в виду присутствия в них элементов «исторической критики», наряду с научными работами А.Л. Шлецера, И.М. Стриттера, М.Т. Каченовского, П.М. и С.М. Строевых, Н.С. Арцыбашева, Н.А. Полевого и др., составили широкую практику контр-нарратива. Эта практика противостояла утверждающемуся с начала XIX в. российскому мастер-нарративу, опиравшемуся на национально-государственные истории первой половины XIX в. [подробнее, см.: 7, с. 304-307].

Другие профессиональные историки, принявшие участие в практике написания систематических курсов российской истории, удовлетворявших требованиям Министерства просвещения и предназначенных в качестве *учебников* для училищ и гимназий в 20 – 30-х гг. XIX в. вынуждены были прибегнуть к определенному дискурсивному ходу. Он маркировал специфику подачи учебного материала по национальной истории. В самоназвании таких произведений мы встречаем слово «*начертание*» [см.: 5; 8; 14].

В российской культуре уже с XVII в. стали усваивать немецкое слово «*Umriss*» – «схематизация» [2, с. 434-435], которое легло в основу семантической истории слов «начертание» – «очерк». Как в немецкой, так и в российской литературной практике XVIII в. присутствие в самоназвании произведения слова «*Umriss*» / «начертание» обозначали особый, краткий, авторский ракурс рассмотрения какого-либо вопроса. В дальнейшем смысл этого слова (преобразовавшегося в «очерк») зафиксировал В.И. Даль в своем словаре: «Очертанье и очерк <...>. Письменное краткое и легкое описание чего, в главных чертах» [4, т. II, с. 804].

Переход из исследовательского («ученого») поля в поле учебного исторического дискурса в 20 – 30-х гг. XIX в. оказывается не столь легким для профессиональных историков. Они отнеслись к практике создания исторических учебных текстов с осторожностью, чем и было вызвано присутствие в самоназвании их учебных книг слова «начертание». Классическая модель европейской исторической науки и критика со стороны контр-нарратива – позиционировавшего научность, заставляли смотреть на выбранную практику историописания как на «несовершенную» [см., напр.: 5, с. 5 (нумер.); 8, с. IX-XIV; 14, с. VI (нумер.)].

В учебниках по российской истории конца 20 – 30-х гг. XIX в. все явственнее присутствует редуцированный в учебную форму национально-государственный нарратив. Если Кайданов в большей мере опирался на труд Карамзина («При составлении сей книги, главнейше руководствовался я Историею государства российского, сочиненную Карамзиным» [5, с.4 (нумер.)]), то Устрялов в учебник по русской истории редуцирует собственный национально-государственный нарратив – «Русскую историю» в 4 т. (затем в 5 т.), указывая: «Многое взято из нее слово в слово, многое сжато и сокращено» [14, с. V (нумер.)]. Погодин также использует свои предыдущие исторические произведения, стараясь приспособить их для иной – учебной практики, в чем сам и признается, например, указывая, что в описании первого периода истории «один печатный лист был извлечением из целого тома исследований» [8, с. VII].

Практика сознания классического учебника по русской истории оказалась возможной, с одной стороны, в ситуации утверждения научного исторического знания, с другой стороны, этой практике потребовалась мощная подпорка, которой стал национально-государственный нарратив. Он не базировался на исторической науке, но востребовал ее фактологию для специального конструирования истории государственного строительства. Несмотря на концептуальную разницу многотомные истории Карамзина и Устрялова включали в себя в принципе непротиворечивые конструкции русской истории, которые подкрепляли российский исторический мастер-нарратив. Со своей стороны, учебная книга по национальной истории, представленная, в том числе, учебниками востребовая конструкции национально-государственного нарратива, своим существованием в образовательном пространстве исторической культуры – укрепляла мастер-нарратив.

Таким образом, в XIX в. складывается система, которую можно отнести к группе видов историографических источников – *отечественная история (национально-государственная история)*, которая включает, по крайней мере, российский национально-государственный нарратив и учебную книгу (как группу видов) по русской истории, важное место в которой занял *учебник*. Практика позиционирования исторического знания в форме отечественной истории была и остается основанной на приемах самопрезентации (приемы демонстрации «своего» в нарративных конструкциях).

1. Абрамкин, О.С. Проблемы отечественной истории в школьной литературе XVIII – начала XX в. / О.С. Абрамкин // Российский гуманитарный журнал. – 2015 – Т. 4. – №. 6. – С. 496-512.
2. Виноградов, В.В. История слов / В.В. Виноградов / Российская академия наук. Отделение литературы и языка: Научный совет «Русский язык» / Отв. ред. Н.Ю. Шведова. – М.: ИРЯ РАН, 1999. – 1141 с.
3. Володина, В.А. Учебная литература по отечественной истории как предмет историографии (середина XVIII – конец XIX вв.): автореф. дисс... д-ра ист. наук / Володина Татьяна Андреевна. – М.: МГУ, 2004. – 44 с.

4. Даль, В.[И.] Толковый словарь живого великорусского языка / Владимира Даля : в IV т. [2-е изд.]. – СПб. ; М. : Изд. М.О. Вольфа, 1880-1882.
5. Кайданов, И.[К.] Начертание истории Государства Российского / составленное профессором исторических наук в Императорском Царско-Сельском лицее, Императорской Академии Наук корреспондентом, статским советником и кавалером Иваном Кайдановым. – СПб. : Тип. Мед. деп. мин-ва внутр. дел, 1829. – 490 с.
6. Маловичко, С.И. Национально-государственный нарратив в структуре национальной истории долгого Девятнадцатого века / С.И. Маловичко // Диалог со временем. – 2016. – Вып. 54. – С. 83-119.
7. Маловичко, С.И. Учебная книга по русской истории в системе презентации национально-государственной истории российской империи конца XVIII – 40 гг. XIX века / С.И. Маловичко, В.Ф. Марухин // Преподаватель XXI век. – 2017. – Вып. 4. – Ч. 2. – С. 298-315.
8. Погодин [М.П.] Начертание русской истории : для гимназий / соч. проф. Погодина. [2-е изд., испр. и умнож.] – М. : Универ. тип., 1837. – 427 с.
9. Полевой, Н.[А.] Русская история для первоначального чтения / сочинение Николая Полевого : в 4 ч. – М. ; СПб. : Тип. А Семена, 1835-1841.
10. Стриттер, И.[М.] История российского государства / сочиненная статским советником и кавалером Иваном Стриттером : в 3 ч. СПб. : Тип. Ф. Брункова, 1800-1802.
11. Строев, П.М. Краткая российская история в пользу российского юношества. – М.: Тип. С. Селивановского, 1814. – 126 с.
12. Студеникин, М.Т. Становление и развитие школьного образования в России XVI – начала XIX в. / М.Т. Студеникин : монография. – М. : МПГУ, 2011. – 226 с.
13. Таппе, А.В. Сокращение Российской истории Н.М. Карамзина, в пользу юношества и учащихся Российскому языку, с знаками ударения, истолкованием труднейших слов и речений, на Немецком и Французском языках, и ссылками на грамматические правила / изданное Августом Вильгельмом Таппе, доктором богословия и философии. – СПб.; Рига: Gedruckt bei Nicolai v. Gretsche, 1819. – 388 с.
14. Устрялов, Н.[Г.] Начертание русской истории, для учебных заведений / соч. Н. Устрялова. – СПб. : Тип. Имп. Рос. Академии, 1839. – 385 с.
15. Фукс, А.Н. Школьные учебники по отечественной истории как историографический феномен (конец XVII в. – 1930-е гг.) / Фукс Александр Николаевич: автореф. дисс... д-ра ист. наук. – М.: МГОУ, 2011. – 55 с.
16. [Янкович де Мириево, Ф.И.] Краткая российская история, изданная в пользу народных училищ Российской империи. – СПб. : при Имп. Акад. наук, 1804. – 200 с.
17. Schlözer, A.L. Vorbericht / A.L. Schlözer // Handbuch der Geschichte des Kaiserthums Rußland: vom Anfang des Statsbis zum Tode Katharinader II. – Göttingen : Ph.G. Schröder, 1802. – S. III-XVIII.

УНИВЕРСИТЕТЫ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ: ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЕ МИФЫ И ДАННЫЕ ПРОСОПОГРАФИИ

С.И. Посохов (Харьков, Украина)

Историография университетов Российской империи являет собой обширное пространство различных форм диалога и представлена множеством самых разнообразных по характеру и жанру работ (публицистические, мемуарные, отчетные, собственно научные). Эти работы наполнены утверждениями, которые часто являются весьма противоречивыми, далеко не всегда аргументированными, порою строящимися на предвзятых оценках. Все эти оценки и мнения переплелись и нередко являются взаимообусловленными. Они постоянно порождают новые логические цепочки рассуждений. Впрочем, имеются и такие «постулаты», которые, кажется, являют собою общепризнанные мнения. Иногда они выступают основой для конструирования тезиса о «российском типе университета» со своими специфическими чертами (весьма ограниченная автономия, бюрократизация, роль воспитательного начала в процессе обучения и т.п.). Впрочем, в научной литературе уже достаточно давно было высказано предостережение о том, что университетская тема, где в большей, где в меньшей степени, испытала «деформации», и что истоки этих деформаций не только в объективных условиях, а и недостаточном понимании авторами предмета исследования, что начало их следует искать еще в XIX – начале XX вв. [11, с. 142]. Вот почему некоторые современные авторы считают задачей времени «преодоление идеализированного или искривленного образа университетской истории», поскольку предшествующие истории университета имели ярко выраженный идеологический подход [9, с. 369]. Но иногда отмечается, что дело не просто в конъюнктурной или идеологизированной истории, что есть опасности и более глубинные, подсознательные, когда мы наполняем минувшее современными нам смыслами и соответствующими профессиональными ценностями [3, с. 230].

До известной степени откорректировать некоторые устоявшиеся утверждения, перейти от анализа «мнений» к анализу «фактов» позволяет просопография, которая ориентирует на изучение коллективной биографии тех или иных групп людей, когда посредством анализа биографических данных, можно выявить определенные тенденции в эволюции характеристик группы, определить основные социальные типы и т.п. В том числе это касается и истории университетов Российской империи. Благодаря этому методу можно не только выявлять историографические мифы, но и попытаться осуществить их деконструкции. Приведем примеры.

Как известно, создание первых университетов в Российской империи во второй половине XVIII – начале XIX вв. в значительной мере стало возможным благодаря приглашению иностранных профессоров. Безусловно, оценить эту роль не так просто. По этому поводу уже написано несколько крупных работ, где достаточно всесторонне охарактеризованы как результаты их деятельности, так и процессы их вос-

приятия местным обществом, их социализация, формы взаимного культурного влияния и т.д.[1, 10]. Однако, по-прежнему во многих, в том числе научных работах, можно встретить утверждение о том, что большинство из иностранных профессоров уже через непродолжительное время вынуждены были покинули Россию. Как правило, поясняют этот факт неблагоприятными условиями для их жизни и деятельности. Собственно, об этом в свое время писал еще П.Н. Милоков: «Русские члены, составлявшие меньшинство совета, постоянно ставили иностранцам ловушки и запутывали их в лабиринте указов. Лучшие из иностранцев не выдержали этой борьбы и спешили уехать, чтобы не поплатиться здоровьем и силами»[5, с. 285]. В этом утверждении можно увидеть отражение историографического мифа о процессе европеизации России. Имеющаяся в нашем распоряжении База данных⁶ (которая включает сведения о 98-ми профессорах иностранного происхождения Московского, Харьковского и Казанского университетов второй половины XVIII – первой половины XIX в.) позволяет сделать ряд наблюдений и выводов.

Прежде всего, обратим внимание на абсолютное преобладание выходцев из немецких земель: 66 были уроженцами этих земель⁷. Остальные родились на территории Австрийской империи (15), Франции (6), Италии (3), других стран (4). Не случайно, и тогда, и позже речь шла о «немецкой партии» в российских университетах второй половины XVIII – первой половины XIX в. Очевидно, что именно она «задавала тон» в университетах. Безусловно, четко фиксируются две «волны» ученых иностранцев: середины – второй половины XVIII в. и начала – первой половины XIX в. Первая «волна», естественно, относится лишь к Московскому университету. Она не столь ярко выражена. Небольшой всплеск фиксируется в середине XVIII в., а затем идет медленное (один человек в год) пополнение группы иностранных профессоров. Вторая «волна» наблюдается в начале XIX в. (1804 – 1805 гг.), имеет два небольших «всплеска» в 1810 и 1829 гг. Она более мощная и затем постепенно «затухает». Важно также отметить, что в начале XIX в. многие приглашенные профессора представляли так называемые «модернизированные» немецкие университеты, а в 1820-е были выходцами из австрийских земель (что свидетельствует об определенной государственной политике). Между тремя указанными университетами иностранцы распределяются приблизительно поровну: Московский университет – 37 (36,6 %), Казанский – 35 (34,7 %), Харьковский – 29 (28,7 %) ⁸. По национальному составу более пестрой выглядит корпорация Харьковского университета. Максимальное единовременное количество немецких профессоров – 41 человек по сумме трех (Московского, Харьковского, Казанского) университетов было достигнуто перед началом Отечественной войны 1812 г.

По подсчетам А.Ю. Андреева средний срок службы немецких профессоров и в Казани, и в Харькове в первой четверти XIX в. находился в пределах от 8 до 9 лет; в Москве он оказался выше (12 лет)[1, 451]. Однако, более полная База данных об иностранных профессорах в российских университетах второй половины XVIII – первой трети XIX в. позволяет уточнить эту цифру, а главное, выявить отличия в периодах: если для XVIII века срок службы в среднем составлял 9, то для XIX века – более 15 лет. Анализ биографических данных также свидетельствует о том, что из 85 иностранных преподавателей (в биографиях которых зафиксировано место смерти) – 64 (или 3/4) нашли свой последний приют именно в России. Этот факт нельзя проигнорировать.

Не менее растиражированным является тезис о попечителях учебных округов как «мракобесах», «душителях университетской свободы». Он также имеет глубокие корни. Уже влиберальной историографии конца XIX – начала XX века влияние попечителей на функционирование университетов скорее рассматривалось как негативное[2, с. 27]. Советские историки также негативно, может быть даже еще в большей степени, чем раньше, оценивали роль попечителей в истории университетов, однако чаще они просто не упоминались, их имена вычеркивались из истории. В современной научной литературе также можно встретить упоминания об их «давлении на университетский совет», о «попирании прав профессоров», «самовластных решениях», «насаждении бюрократизма» и т. п. Однако в этом случае авторы также, как правило, оперируют вневременными рассуждениями о функциях попечителей и их составе. Имеющаяся в нашем распоряжении База данных о попечителях Харьковского учебного округа и сопоставление полученных выводов с биографической информацией о попечителях других учебных округов позволяют внести коррективы и в эти рассуждения.

Так, за всю историю Харьковского учебного округа его возглавляло 22 попечителя. Колебания правительственной политики, безусловно, сказывались на составе попечителей. Так, если в период начала реформ 60-х годов Харьковский учебный округ впервые возглавил представитель ученого мира – профессор К.К. Фойгт, то в момент введения университетского устава 1884 г. попечителем Харьковского учебного округа был генерал-лейтенант М.С. Максимовский. Однако особенный интерес представляют обобщающие данные. Как уже отмечалось, анализируя биографическую информацию, важно проследить определенные тенденции, заметить отличия, присущие тому или иному периоду. В данном случае выделяются два периода: до и после 1857 г. Первый период характеризуется назначением на должность в

⁶Создана в системе управления базами данных (СУБД) Microsoft (MS) Access 2010. При ее составлении был использован недавно изданный биографический словарь [4].

⁷ В базе данных имеются сведения о месте рождения 93 профессоров.

⁸ Несколько человек работали последовательно в двух из названных университетов.

большинстве своем представителей аристократии, которые не имели систематического образования, но прошли длительную военную или гражданскую службу. Для некоторых из них это была скорее почетная должность на старости лет. Обращает на себя внимание и тот факт, что подавляющее большинство из них до назначения на эту должность не имело отношения к системе министерства образования. Таким образом, уже из этих данных понятно, что их функцией виделся общий надзор за ходом процессов в подопечном округе. Вторая половина XIX – нач. XX вв. значительно отличается в этом плане. Попечители данного периода в большинстве своем имели высшее образование (чаще университетское), а половина из них – звание профессора. Предшествующая служба, как правило, проходила по линии министерства народного просвещения. Общей тенденцией, которая легко прослеживается на основе данных, приводимых С.В. Рождественским[8, с. 482, 605, 705], является понижение класса попечителей по Табели о рангах. Если в первой половине XIX в. и 70-80-х гг. XIX в. большинство попечителей было в ранге тайного советника, то в 80-90-х гг. XIX в. начинается преобладание действительных статских советников, а в начале XX в. среди них встречаются статские, и даже коллежские советники. Девальвация должности составила 3 класса. По рангу попечитель стал на уровень губернской администрации. Таким образом, нельзя не заметить, как постепенно утверждалось направление на профессионализацию системы управления образованием. Попечитель учебного округа во второй половине XIX – начале XX вв. скорее выступал в качестве специалиста, который мог не только осуществить общий надзор, но и разрешить конкретные проблемы разнообразной жизни учебных заведений. Общественное же мнение, а затем и историография, придерживались старого образа попечителя – всесильного и одновременно некомпетентного начальника учебных заведений.

В научной и публицистической литературе роль ректора также получила весьма противоречивые оценки. Прежде всего, отметим, что в дореволюционное время, да и позже, ректор был «заслонен» другим, уже упомянутым, «бюрокротом от просвещения» – попечителем. Последний выглядел как «внешнее зло», которое сковывало университет. На таком фоне ректор вполне мог выглядеть как представитель «угнетаемой коллегии», как жертва. Впрочем, в 1920-е – 1930-е годы и попечителей, и ректоров стали объединять, поскольку все управленческие формы «старого режима» однозначно назывались «отсталыми», а то и «враждебными».

Имеющаяся в нашем распоряжении База данных ректоров⁹ позволяет зафиксировать некоторые заслуживающие внимания моменты. В частности, говоря о социальном статусе ректора университета, следует учесть следующее. Во-первых, мы можем говорить о формальных признаках, в частности, о чинах и наградах. К сожалению, такого рода сведения в биографиях ректоров фрагментарны и не позволяют свести их в таблицу. Для осуществления такой задачи следует провести специальное изучение формулярных списков. Однако и имеющийся в нашем распоряжении материал позволяет сделать интересный вывод. В частности, наблюдается повышение табельного ранга ректора. Если для первой половины XIX в. обычным является чин статского советника, реже действительного статского советника, то во второй половине века немало ректоров имело чин тайного советника, а П.Г. Редкин дослужился до чина действительного тайного советника¹⁰. Также заметно повышение уровня награждения орденами (типичными стали ордена Св. Станислава 2 ст., Св. Анны 2 ст., Св. Владимира 3 ст.). С середины XIX в. в ряде случаев это уже награды первой степени (Св. Станислава 1 ст., Св. Анны 1 ст. и даже Св. Владимира 1 ст.). Таким образом, это уже был ранг высших чиновников. Важно отметить, что этот процесс происходил на фоне понижения статуса попечителя. Этот факт позволяет еще раз вернуться к вопросу о неформальной практике взаимодействия ректора и попечителя. Тезис о полной зависимости ректора от попечителя следует пересмотреть, поскольку для этого, по нашему мнению, есть немало оснований [см.: 6, 7].

К слову, подобные перемены происходили и в составе министров народного просвещения. Первые три министра имели домашнее образование, последующие семь – обучались в привилегированных военных учебных заведениях, затем (с А.В. Головнина) – в гражданских привилегированных учебных заведениях, И.Д. Делянов стал первым министром с университетским образованием (был министром с 1882 по 1897 гг., но еще с 1866 г. товарищем министра). Затем министрами были профессора (Н.П. Боголепов, Г.Э. Зенгер, Л.А. Кассо, Н.К. Кульчицкий) и даже доцент (А.Н. Шварц). Важно отметить, что в составе министров также наблюдается определенная девальвация чина: до конца XIX в. почти все министры имели чин действительного тайного советника, а в начале XX в. только тайного советника и действительного статского советника.

Таким образом, профессионализация выступает как общая тенденция. В частности, во второй половине XIX – начале XX вв. профессоров университетов, в том числе и ректоров, стали назначать попечителями/товарищами попечителей учебных округов (М.М. Алексеенко, А.А. Воскресенский, А.М. Жданов, П.А. Некрасов, А.А. Тихомиров, К.К. Фойгт и др.), а затем и министрами/товарищами министра (Н.П. Боголепов, Н.Х. Бунге, Н.А. Зверев). То есть в системе управления профессиональный опыт стал важным критерием для назначений на ответственную должность.

⁹Создана в системе управления базами данных (СУБД) Microsoft (MS) Access 2010. Включает сведения биографического характера о 99 ректорах пяти университетов Российской империи (Казанского, Киевского, Московского, Петербургского, Харьковского).

¹⁰ Ректор Петербургского университета в 1873–1876 гг., с 1882 г. член Государственного совета.

Полагаем, что работа с базами данных может стать важным направлением при дальнейшем изучении истории университетов Российской империи.

1. Андреев, А.Ю. Российские университеты XVIII – первой половины XIX века в контексте университетской истории Европы / А.Ю. Андреев. – М.: Знак, 2009. – 640 с.
2. Багалеи, Д. И. Краткий очерк истории Харьковского университета за первые сто лет его существования (1805–1905) / Д. И. Багалеи, Н. Ф. Сумцов, В. П. Бузескул. – Х.: Тип. ун-та, 1906. – 329 с.
3. Вишленкова, Е.А. Феномен надления в «историях» Казанского университета / Е. А. Вишленкова // Диалог со временем: Альманах интеллектуал. истории. – М., 2003. – Вып. 10. – С. 230.
4. Иностранцы профессора российских университетов (вторая половина XVIII – первая треть XIX в.): Биографический словарь / под общ. ред. А.Ю. Андреева; сост. А.М. Феофанов. – М., 2011. – 207 с.
5. Милоков, П.Н. Очерки истории русской культуры / П. Н. Милоков: В 3 т. – М., 1994. – Т.2., ч.2. – 496 с.
6. Посохов, С.И. Попечители Харьковского учебного округа первой половины XIX века: попытка реабилитации / С. И. Посохов // Universitas-Университеты: наука и просвещение. – 2009. – №4. – С. 40–50.
7. Посохов, С.И. Попечители Харьковского Учебного Округа XIX – начала XX вв.: состав, деятельность, оценки / С. Посохов // Dziejebiurokracji. – Tom 5. – Część 1. – Lublin-Toruń-Wrocław, 2013. – S. 357–367.
8. Рождественский, С.В. Исторический обзор деятельности Министерства народного просвещения, 1802–1902 / С. В. Рождественский. – СПб.: Гос. тип. МНП, 1902. – 785 с.
9. Сыченкова, Л.А. Лица не общим выраженьем: Новые ракурсы культурной истории провинциального университета / Л. А. Сыченкова // Диалог со временем: Альманах интеллектуальной истории. – 2005. – Вып. 14. – С. 369–372. – Рец. на кн.: Вишленкова Е.А. Казанский университет Александровской эпохи: Альбом из нескольких портретов. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2003. – 240 с.
10. Университет в Российской империи XVIII – первой половины XIX века / под общ. ред. А. Ю. Андреева, С.И. Посохова. – М.: РОССПЭН, 2012. – 671 с.
11. Чесноков, В.И. Некоторые актуальные вопросы истории дореволюционных российских университетов / В. И. Чесноков // Российские университеты в XVIII – XX веках. – Воронеж, 2002. – Вып. 6. – С. 141–146.

УДРЕВНЕНИЕ РУССКОЙ ИСТОРИИ В «ОПЫТЕ ПОВЕСТВОВАНИЯ О РОССИИ» И.П. ЕЛАГИНА

М.И. Нисковская (Сыктывкар, Россия)

В XVIII веке античные корни влияли на авторитет государства во внешней политике. Они позволяли не только видеть достижения античности в основе собственной государственности, но и стать равными развитой западноевропейской цивилизации, что особенно характерно для эпохи Просвещения, когда человек «становился гражданином мира, обретал общий язык с лучшими людьми мира»[1, с. 116]. Российская империя этого периода активно перенимая опыт западноевропейских стран, в первую очередь Германии и Франции, в различных областях, искала способы стать им равными. «Восемнадцатое столетие стало временем создания новой "картины мира" в просвещенных слоях русского общества. Важнейшей характеристикой этого процесса была "европеизация" высших социальных слоев, формирование их новой культурной идентичности, что, соответственно, требовало инкорпорации европейского прошлого (а европейская древность была классической античной) в социальные представления»[6, с. 64]. В этот период чужая цивилизация выступала для русской культуры «как своеобразное зеркало и точка отсчета, и основной смысл интереса к "чужому" в России традиционно является методом самопознания»[3, с. 748]. Это оказало влияние на многих русских мыслителей и историков XVIII века, одни включали античные реминисценции в собственные тексты, другие сравнивали достижения античных государств с отечественными, но были и те, кто стремился искусственно совместить античные корни и русское государство. «Любое обращение к прошлому есть попытка создания образа этого прошлого, т.е. некоего идеального отражения мира в сознании человека, и включение этого образа в ткань современной культуры»[8, с. 15].

Одним из авторов исторических текстов, который стремился повысить авторитет русского государства с помощью сближения его истории с западноевропейской и античной был Иван Перфильевич Елагин (1725–1796). Несмотря на то, что Российская империя не могла похвалиться античными корнями, он попытался повлиять на общественное мнение, создавая новую историческую ткань, вовлекая русскую и античную древность. Сам автор был образованным человеком, который хорошо разбирался в истории, в том числе античной, поэтому, скорее всего, изменения касательно фактов в свой труд он вносил сознательно: «... Елагин, пользовавшийся до поступления в Кадетский Корпус уроками домашних учителей, имел полную возможность познакомиться с знаменитыми Греческими и Римскими писателями. Учение Пифагора и Платона, законодательство Солона и Ликурга, произведения Ксенофонта, Плутарха и Эпиктета, Саллюстия, Тита Ливия и Тацита были известны ему не по именам только, как это надобно сказать о многих из нынешних юношей, а в подробностях своего содержания»[5, с. 6]. Споры, связанные с нормандской теорией, вовлечение немецких историков для написания русской истории создавали образ незрелости и зависимости русского государства. И.П. Елагин предпринял попытку удревить русскую историю для того, чтобы не возникало сомнений в интеллектуальном равноправии русского и других государств, особенно западноевропейских.

В своем тексте И.П. Елагин объединяет все древние народы под общим именем «скифы»: «... от разнородных племенных народов, под общим именем Скифов известных, произошли многочисленные народы, на шаре

земном обитавшие и ныне обитающие; ибо Скифами называли Греки едва ли не всех вообще народов, имен которых они не знали...»[2, с. 22]. Для подтверждения своей точки зрения он пишет, что некие древнеримские писатели северные народы тоже называли скифами, но до нашей эры о них не было данных в источниках. «Но до пришествия в мир Христа Спасителя не имеем мы ни единого Писателя, который бы упомянул о населении земель северных... Римляне до Юлия Кесаря... из их писания то не без основания приемлется, что Скифами обитаемый север разумели они под тремя названиями, то есть: *I. Север Кельтический от реки Рейна до Балтийского или Варяжского моря; II. Собственно Скифский, или Понтийский на Черном море от реки Дуная; III. Хвалынский, или Каспийский по обоим берегам сего моря и реки Волги*»[2, с. 23].

И.П. Елагин в рассуждениях о скифах переходит на отечественную историю, автор говорит, что эти северные скифы были предками славян. «Кельтов, Кимвров и всех Германских народов оставляю я, как до намерения моего не принадлежащих, а токмо вкратце предложу о тех Скифах, которые в странах Черного и паче Хвалынского моря то селениями обитали, то в степях кочевали; ибо от них все писатели Праотцов наших, Руссов и Славян, производят»[2, с. 23-24].

Для более убедительного аргументирования своей теории И.П. Елагин использует прием, с помощью которого древнее созданного им северного скифского народа подтверждается известными многим событиями древних государств, Троянской войной, путешествием аргонавтов, завоеваниями Кира. «Древность сего Скифского народа является еще в самом Еллинском до Троянской войны баснословии. Сказывают, что Задунайские Скифы и в Аргонавтском с Язоном были походе; а то и весьма несомненно, что брат единого Скифского владетеля, именем Анахарсис, еще до Царя Кира, Монархии Персидской основателя, был ради учения в Афинах и в число Греческих причтен мудрецов»[2, с. 24]. Далее И.П. Елагин находит подтверждение связи славян со скифами в известных исторических фактах, сопряженных с древними персонажами, которые были на слуху: поход Дария I против скифов, путешествие Геродота в Скифию и завоевания Александром Македонским скифов. «Поход Дария, Царя Персидскаго, противу Скифов, путешествия повествователя Иродота в Скифию и Александра Царя Македонскаго победы над живущими в соседстве Персии и при самом Дунае Скифами, свидетельствуют древность сего народа, и нудят почитать его единым из первейших в смешении языков»[2, с. 24].

Пытаясь примирить сведения из разных источников, И.П. Елагин аккуратно наводит на мысль, что несмотря на то, что существует мнение о том, что Скифия произошла от Скифа, а Славения от Славена, над этим стоит задуматься. «Я не выдаю сего за неоспоримую истину, но правдоподобным преданием почитаю, и равно как Иродота не отвергаю, так и баснословия единого из древних Новгородских летописцев наших не уничтожаю, которой с подобным Иродоту разбором, но с меньшим учением, говорит: "яко бы Скифия великая проименовалась от Скифа, а Славяния от Славена, его брата..."»[2, с. 24-25]. По словам И.П. Елагина, возможно, что «и Славянская земля проименована быть от какового нибудь Славена, еще до пришествия в север на многих войнах в малой Азии прославившегося»[2, с. 25]. Чтобы снять с себя подозрение в жонглировании фактами в угоду своей точки зрения И.П. Елагин говорит, что «все сие преподаю я не яко вероятное, но яко в Писателях находящееся и правдоподобное»[2, с. 27].

Для доказательства близости России к другим мировым народам, И.П. Елагину необходимо было доказать их языковое родство, несоответствие сосредотачивало на себе внимание, поэтому он стал искать доказательства того, что первоначально у всех народов был общий язык: «... несомненно то, что и малоочитые Китайцы, и легкомысленные Французы, и смуглые Американцы, и Азиатцы им подобные, и Европейцы белые суть чада единоплеменные, чрез смешение во множестве веков в разнообразные роды прерожденные. Вся суть дети Адамовы...»[2, с. 31-32].

Для подтверждения этой теории о равенстве людей, об общем языке И.П. Елагин приводит яркую метафору в постраничных примечаниях, которая понятна и простым людям, не обладающим научными познаниями. «Не видим ли мы от совокупления четы белых кошек производство черных и пестрых котят?... Для чего от смуглолицых не возможно родиться черному и курченому младенцу? И от сугубого круглолицых пола какая невозможность произойти плосколицому? Не можем не признать мы, что часто таковые видим порождения странные, и что рождаются чада, ни с отцом, ни с матерью несхожие... Век, разность климатов, пища и образ жизни, могли конечно довершить несходство с первоначальным источником и составить единообразное племя людей, от предков весьма различных»[2, с. 32].

И.П. Елагин говорит, что некоторые источники доказывают, что славяне, русы и скифы один народ, взявший свое начало с Востока. «Открывается однакожь то, что не в древности народа Славянского недоумение: ибо из многих Писателей, особливо Византийских, доказать возможно, что и Славяне и Руссы, яко и прочие от разделения языков народы, приемлют свое начало еще на Востоке, и под общим Скифов именем тамо существовали»[2, с. 37]. Единственно неизвестно, по словам И.П. Елагина, когда славяне и русы стали самостоятельными народами «... токмо остается неизвестность, в которое время, от чего и где получили они частное свое Славянами и Руссами проименование»[2, с. 37].

Различие языков современных И.П. Елагину народов автор объясняет тем, что каждый из известных ему этносов в процессе своего развития изменял речь «... хотя все народы, которые вышереченное на шаре земном пространство, под общим Скифом наименованием, захватили, одним и тем же, без примеса множества

собственных своих слов, говорили; но каждый обогащал свой, поелику мог; следовательно многих веков потребно ему было не токмо к совершенству, но и к нужному обогащению»[2, с. 39-40]. И.П. Елагин отмечает, что не сохранилось сведений о древнем скифском языке, что он стал таким же легендарным, как язык при Адаме и Еве, поэтому сравнить современные ему языки с древним скифским нельзя. «При том надобно приметить и то, что и самой коренной общий Скифский язык столькож никому не известен, столько и при Адаме бывший»[2, с. 39-40]. И.П. Елагин говорит, что историки узнали уже о позднем, разделенном языке, поэтому он спорит с немецкими историками, которые делят языки на основании звучания звуков.

О том, почему люди поселились на Севере, где холодно и сложности с пропитанием, И.П. Елагин предположил, что это было связано с тем, что люди постепенно заполняли все пустующие земли. Но те времена, когда кочевые скифы заселили Север являются мифическими, без сохранившихся данных: «... почитаю исследованием, какие то были народы, которые под общим именем Скифов хладные страны наши населили; но то достоверно, основавшись на Геродоте, Страбоне, Платоне и прочих, полагаю, что весьма задолго до Рождества Христова населены они стали то скитающимися то кочевыми, то в весях и градах живущими разноименными народами. Времена столь от нас удаленные сущим преисполнены баснословием»[2, с. 34].

И.П. Елагин считает, что древность западноевропейских народов определяется тем, что о них стали писать раньше, поэтому, по его мнению, неправильно относить славян к готам: «... не нахожу я затруднения принимать... и наше древнее баснословие, с какою и чужестранное приемлется. Сожалею токмо о том, что наши баснословцы начинают его позже, нежели Шведские Писатели о своем народе, и по сему токмо наших Славян несправедно к Готфам присоединяют. Мне кажется, что и Шведы и мы без зависти можем признаться, что, не заимствуя друг от друга, едва ли не в единое и тож время праотцы наши пришли населить хладоносную полнотных стран пустыню»[2, с. 36-37].

И.П. Елагин говорит, что зарождение многих народов, в текстах красивое и выдуманное, основано не на достоверных источниках, поэтому это позволяет и русской истории придумать красивое начало, которое бы создавало образ русского государства как одного из древних и не уступающих другим государствам. «Повествователи, или неведение свое скрывая, или тщеславию поработанные, каждый своему народу приписует мечтательное начало от причин чудесных, и роды свои часто от Божества производят. Если басни древних Греческих творцов, в недостатке истинного повествования, за некоторые приемлются основание, и самые Стихотворцы их от свидетельства поздними Писателями не отвергаются: то не знаю я, по чему бы не дозволено было и мне древних наших баснословий к развязке неизвестного начала наших Славяноруссов не употребить»[2, с. 34].

Но замысел И.П. Елагина оказался не понятен ни русским, ни европейским историкам. Последние увидели в его труде необоснованную критику работ немецких авторов. «Нельзя угадать, что хотел сказать Г. Рецензент приведенными местами. Ужели считает он преступлением то, что Г. Елагин отвергает мнения Немецких ученых? Нельзя даже думать, чтобы можно было выиграть у Немецкой публики требованием неограниченной доверенности к ея ученым, у публики, занимающей место между первыми в Европе просвещенными и отличающейся любовью к истине»[4, с. 44].

Русские историки восприняли его работу бесполезной, порочащей историю как науку. «Риторическая школа еще не достигла своих крайностей в сочинении Эмина: она достигла их в сочинении Елагина — *Опыт повествования о России*. Елагин, подобно Эмину, был литератор, славился своим красным слогом, и вот, на старости лет, счел за полезное посвятить этот свой красный слог отечественной истории. Елагин сам объявляет на первых сторах предуведомления, что он принялся за сочинение Русской Истории так, от нечего делать...»[7, с. 78].

Таким образом, события XVIII века, связанные с привлечением на русскую землю немецких историков для создания русской истории, споры, связанные с нормандской теорией, повлияли на стойкость авторитета русского государства. Для упрочения представлений о равноправии русского и других государств И.П. Елагин попытался удревнить русскую историю, доказать, что все народы произошли от скифов. Он использовал ссылки на античные источники, емкие и красивые образы, доказывал схожесть языков, но его попытка не увенчалась успехом.

1. Гуковский, Г.А. Русская литература XVIII века / Г. А. Гуковский. — М. : Аспект Пресс, 2003. — 453 с.
2. Елагин, И.П. Опыт повествования о России/ И. П. Елагин. — М., 1803. Кн. 1-3. — 532 с.
3. Лотман, Ю.М. Современность между Востоком и Западом/ Ю. М. Лотман // Лотман Ю.М. История и типология русской культуры. —СПб. : Искусство, 2002.—768 с.
4. Невахович, Л. Примечания на рецензию касательно Опыта Российской истории г. Елагина/ Л. Невахович. —СПб. : Печатано в типографии Ф. Дрехслера, 1806.—51, [1] с.
5. Оболенский, К.М. Биографические сведения об И.П. Елагине / К. М. Оболенский // Журнал землевладельцев. —1859. Т. 6. —С. 6-8.
6. Сабурова, Т.А. Русский интеллектуальный мир/миф (Социокультурные представления интеллигенции в России XIX столетия) / Т. А. Сабурова. — Омск : Издательский дом Наука, 2005.— 306 с.
7. Соловьев, С.М. Писатели Русской Истории XVIII века: Манкиев, Татищев, Ломоносов, Тредьяковский, Щербатов, Болтин, Эмин, Елагин, митрополит Платон/ С. М. Соловьев //Архив историко-юридических сведений, относящихся до России. —М., 1855. Кн. 2. Ч. 1. Отд. III.—С. 3-82.
8. Чиглинец, Е.А. Рецепция античности в культуре конца XIX — начала XXI вв./ Е. А. Чиглинец.—Казань : Изд-во Казан. гос. ун-та, 2009.— 290 с.

ПЕРВОЕ СЕРБСКОЕ ВОССТАНИЕ В ИСТОРИОГРАФИИ И ПУБЛИЦИСТИКЕ XIX В.

М.Г. Скорб (Гродно, Беларусь)

Начало XIX в. будоражило сознание европейского общества огромным количеством незаурядных, исключительных событий. Бесспорно, первыми в этом ряду являются Наполеоновские войны и Греческая революция. За этими, исключительно важными, событиями несколько теряется образ первого успешного национально-освободительного движения на Балканах, которым по праву считается Первое сербское восстание. Тем не менее, оно нашло свое отражение не только в собственно сербской, но в равной мере и в российской и европейской исторической науке.

В 1819 г. один из участников восстания, известный сербский писатель и просветитель В. Караджич приехал в Петербург, где встретился с официальным историографом Российской империи Н.М. Карамзиным. Знакомство с ним побудило В. Караджича заняться изучением сербской истории. В 1825 г. в Санкт-Петербурге он издал монографию, посвященную деятельности М. Обреновича во время Первого и Второго сербских восстаний. Симпатии В. Караджича явно принадлежат правящему князю – Милошу Обреновичу. Автор прямо говорит о многих ошибках Карагеоргия, характеризует его как тирана с вспыльчивым характером [7, с. 11].

Следом за этой работой, в 1828 г. и в 1834 г., вышли две книги В. Караджича «Первый год сербской борьбы против дахийцев» и «Второй год сербской борьбы против дахийцев». Автор собрал огромное число фактов из истории Первого сербского восстания, однако не осуществил абсолютно никакой их верификации. Поэтому работы В. Караджича носят во многих местах противоречивый и за частую абсурдный характер. Тем не менее, следует отметить, что он впервые собрал сербские источники связанные с историей восстания, многие из которых до нашего времени не сохранились [7, с. 12].

Идейным противником В. Караджича был сербский юрист, историк, выдающийся государственный деятель и публицист Л. Арсеньевич (Баталака). Его основным трудом, сосредоточившим в себе взгляды автора на восстание, стала двухтомная «История сербского восстания». Для него, Карагеоргий является средоточием всех идеалов и устремлений повстанцев. По его мнению, власть Карагеоргия была абсолютной, и получил он ее благодаря воле народа, жаждавшего освобождения от османского ига [1, с. 96].

Таким образом, в изучении истории Первого сербского восстания сформировались две историографические традиции. Одна базировалась на работах В. Караджича, а другая на работе Л. Арсеньевича (Баталаки). Позиции каждого из направлений прямо зависели от того, какая династия находилась у власти. Оба автора были скорее хорошими рассказчиками и публицистами, нежели профессиональными историками. Тем не менее, их важнейшей заслугой является сохранение огромного массива источников, в первую очередь мемуарного характера.

В 1827 г. в Вене В. Караджич познакомился с немецким историком Л. Ранке, который во время общения с сербским просветителем проявил неподдельный интерес к истории Сербии. В 1829 г. вышла его книга «История Сербии по сербским источникам». В этой работе автор впервые называет события 1804-1813 гг. сербской революцией. Однако, говоря о революции Л. Ранке вкладывает в это понятие совсем другое значение: для него «революция» – это перелом в многовековой борьбе христианства и мусульманства. Поэтому революция, в трактовке Л. Ранке, это национальное возрождение сербов, как народа, тесно связанное с религией и церковью. Автор указал на значительное влияние Наполеоновских войн на события Первого сербского восстания. Вместе с тем, роль России и российской поддержки в истории Первого сербского восстания практически не рассматривалась. Л. Ранке пришёл к выводу, что русско-турецкая война 1806-1812 гг. не оказала особого влияния на динамику Первого сербского восстания, ход которого определяла политика Австрии и Франции.

Так были заложены основы двух разных подходов к оценке Первого сербского восстания и роли России в нем. В. Караджич сформулировал базисные положения сербской историографии, а материал, собранный Л. Ранке, стал основой для формирования концептуальных подходов к истории Первого сербского восстания в западноевропейской историографии.

Направление, основанное Л. Ранке, продолжил французский историк А. Тьер. В своей многотомной «Истории консульства и империи» он уделил особое внимание восточной политике Наполеона и противостоянию России и Франции на Балканах. В отличие от Л. Ранке, А. Тьер признавал влияние России на ход Первого сербского восстания, однако описывал ее политику по отношению к Сербии как захватническую и агрессивную. Следует отметить, что он использовал исключительно французские источники [1, с. 103].

Вслед за Л. Ранке марксизм продолжает называть события Первого сербского восстания революцией. Вместе с тем классики марксизма не дают никакого расширительного толкования о том, какое значение они вкладывают в этот термин. Для Ф. Энгельса и К. Маркса, революция в Сербии носит выраженный национальный характер, так как связана с борьбой сербов за национальную, культурную и религиозную независимость.

Говоря о роли России в событиях Первого сербского восстания классики марксизма отмечают, что восстание в Сербии было инспирировано «влиянием и золотом русских царей». Значительное влияние России в Сербии объясняется, в первую очередь, культурной и религиозной близостью обоих народов. По К. Марксу,

пока сербы будут угнетаемы турками-мусульманами единственным своим спасителем они будут видеть только православного самодержца. В то же время, экономические связи Сербии гораздо сильнее с европейскими странами нежели с Россией. Поэтому, как только Сербия получит национальную и государственную независимость влияние России в этой стране значительно уменьшится и со временем сойдет на нет [2, с. 25].

Несмотря на все вышесказанное, К. Маркс и Ф. Энгельс видят позитивную роль российского влияния в Сербии в том, что при поддержке России повстанцы боролись против феодальных пережитков, отразившихся в существовании спахийского землевладения на территории Белградского пашалыка. Такая оценка российской внешней политики в Сербии значительно резонирует с другими оценками России, которые ей давали классики марксизма, называя ее «антиреволюционным колоссом» [2, с. 37].

Творческое наследие К. Маркса, Ф. Энгельса, Н.Г. Чернышевского и А.И. Герцена оказало огромное влияние на мировоззрение сербского демократа и революционера С. Марковича. Свои взгляды в наиболее концентрированном виде он изложил в своей книге «Сербия на востоке», вышедшей в 1872 г. Он впервые указал на социальный аспект в сербской революции. Согласно М. Марковичу, в Сербии был уничтожен целый класс людей считавших сербов своей собственностью. Таким образом, в представлении С. Марковича основным результатом Первого сербского восстания стало успешное решение двух проблем: ликвидирован феодальный гнет и уничтожено политическое влияние турок-мусульман [3, с. 601].

В российской историографии изучение Первого сербского восстания начинается в трудах военных историков А.И. Михайловского-Данилевского, Н.Ф. Дубровина, А.Н. Петрова. Существенной заслугой этих авторов стало вовлечение в научный оборот и публикация большого количества источников, извлеченных ими из архива военного министерства.

Первым к данной проблематике обратился генерал-лейтенант А.И. Михайловский-Данилевский, издавший в 1843 г. двухтомную монографию, посвященную событиям русско-турецкой войны 1806-1812 гг. В каждой главе отдельный раздел посвящен сербскому вопросу. Автор детально характеризует военное сотрудничество России и Сербии, анализирует место сербского вопроса в международных отношениях. В то же время, он идеалистично подходит к оценке идейно-политической обстановки в Сербии, говоря, что сербы были едины в своих устремлениях и желали видеть Сербию монархической в союзе с Россией. Эта точка зрения без каких-либо концептуальных изменений перекочевала и в другие работы российских дореволюционных историков [4].

В 1863 г. в журнале «Русский вестник» была опубликована статья военного историка, офицера Генерального штаба Н. Ф. Дубровина, посвященная сербскому вопросу первой четверти XIX в. Автор пытался проанализировать военное и политическое сотрудничество России и Сербии в период правления Александра I в целом, однако основное внимание автора оказалось сосредоточенным на отношении петербургского двора к событиям Первого сербского восстания [1, с. 121].

Еще одним военным историком, изучавшим российско-сербское сотрудничество в начале XIX в., был генерал-лейтенант Генерального штаба А. Н. Петров [5]. Имея доступ к архивам штаба, он стал автором трехтомной монографии, посвященной русско-турецкой войне 1806 – 1812 гг., отдельные главы которой были посвящены российско-сербскому военному сотрудничеству. А. Н. Петров детально проанализировал совместные российско-сербские военные операции на правом берегу Дуная. В его работе имеется большой статистический материал, характеризующий численность сербских и российских войск в Сербии. Кроме того, автор дал общую характеристику балканскому вектору внешней политики России в период русско-турецкой войны 1806–1812 гг., однако его внимание было более сосредоточено на франко-российских отношениях.

Единственной специальной работой в российской дореволюционной историографии посвященной сербскому вопросу, стала монография Н.А. Попова «Россия и Сербия. Исторический очерк русского покровительства Сербии с 1806 до 1856 года». В ней автор подчеркнул конфессиональный характер Первого сербского восстания, а российско-сербское сотрудничество представил, как помощь православным в борьбе против мусульман [6].

В целом, история Первого сербского восстания стала предметом исторических исследований только в российской историографии. В остальных странах работы посвященные данной проблематике носили скорее обобщающий и публицистический характер. Интерес российских историков к данной теме объясняется той ролью, которую играла Россия в ходе восстания и ее интересами на Балканах. В российской дореволюционной историографии только началось осмысление самого восстания и роли России в нем. Вся эта работа была прервана событиями революции 1917 г.

Для европейской исторической науки сербский вопрос никогда не был центральным, его зачастую затеняла Греческая революция и Наполеоновские войны, поэтому специальных работ на протяжении XIX в. так и не было создано, а опубликованные работы носили или обобщающий, или публицистический характер. Отсутствие специальных работ в сербской историографии объясняется, в первую очередь, отсутствием профессиональных историков и достаточно сложной политической обстановкой в стране, что придавало историческим работам значительную полемическую направленность.

1. Белов, М.В. Первое сербское восстание 1804-1813 гг. и Россия / М.В. Белов. – Нижний Новгород: Изд-во ННГУ, 1999. – 159 с.
2. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения: в 50 т. / сост. Е.А. Степанова, [и др.]. – М.: Госполитиздат, 1957. – Т. 9. – 736 с.

3. Маркович, С. Избранные сочинения / под общ. ред. С.А. Никитина. – М.: Госполитиздат, 1956. – 919 с.
4. Михайловский-Данилевский, А.И. Описание Турецкой войны в царствование императора Александра, с 1806 до 1812 года: в 2-х ч. / А.И. Михайловский-Данилевский – СПб.: Тип. Штаба отд. Корпуса внутренней стражи, 1843. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://elibrary.ru/nodes/9394-mihaylovskiy-danilevskiy-a-i-opisanie-turetskoy-voyny-v-tsarstvovanie-imperatora-aleksandra-s-1806-do-1812-goda-v-2-h-ch-spb-1843>. – Дата доступа: 30.03.2017.
5. Петров, А.Н. Война России с Турцией 1806 – 1812 гг.: в 3 т. / А.Н. Петров. – СПб.: Военная типография, 1885. – Т. 1. – 431 с. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.runivers.ru/lib/book1/17>. – Дата доступа: 30.03.2017.
6. Попов, Н.А. Россия и Сербия. Исторический очерк русского покровительства Сербии с 1806 до 1856 года / Н.А. Попов. – [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://www.promacedonia.org/np/nr_1_2.htm. – Дата доступа: 29.04.2015.
7. Толстой Н.И. Слово о ВукеКараджиче / Н.И. Толстой // Славяноведение – 1997– № 4. – С. 9 – 14.

ПРОТОИЕРЕИ ПЛАКИД ЯНКОВСКИЙ КАК ЦЕРКОВНЫЙ И СВЕТСКИЙ ПИСАТЕЛЬ

Е.А. Жук (Минск, Беларусь)

В наше быстропротекающее время, отмеченное различными проявлениями радикализма, экстремизма и прочих крайностей, прославлением их носителей, некоторым образом на заднем плане оказываются люди, внесшие в историю, культуру и что самое главное, духовную жизнь нашего края огромный вклад. Неизвестными для современных учащихся школ и ВУЗов являются такие несомненно великие личности, прославившиеся в разных сферах науки, искусства и на ниве духовной. Неизвестны для обывателей Иосиф Семашко, Антоний Зубко, Ипполит (Фердинанд) Гомолицкий, Михаил Бобровский и прочие, без преувеличения, великие дети нашей отчизны и до глубины души её искренние патриоты. Особо заслуживает внимания личность одной из примечательнейших фигур того времени – протоиерея Плакида Янковского. Его жизнь и творчество, духовные поиски и воззрения – это именно то, с чем стоит познакомиться каждому, кто хочет понять значимость процессов, происходивших в нашем крае в XIX веке, веке судьбоносном в истории нашего отечества, веке в котором белорусы почувствовали себя ни кем иными как белорусами. Протоиерей Плакид Янковский – несомненно один из тех, кто сыграл в этом далеко не самую последнюю роль.

Плакид Янковский родился 20 сентября 1810 года в деревне Войской Гродненской губернии (ныне Каменецкий район Брестской области), где его отец служил священником в униатском приходе. Отец Плакида происходил из Мазовии, где эта фамилия и донныне широко распространена. Гавриил Янковский в молодости служил под знаменами Костюшки. После последнего раздела Речи Посполитой принял духовный сан Будущий священник и писатель вырос в среде мелкопоместной белорусской шляхты с ее патриархальными родовыми традициями, не отличавшимися почти ничем от крестьянских. Воспитание, впечатления ранних лет предопределили позицию Янковского как патриота, сохраняемую им всю жизнь [1, с. 4].

После окончания в 1830-м году полного курса Высшей Духовной Семинарии при Виленском Университете, где обучались как римо так и греко-католики. По окончании семинарии Плакид женится и принимает сан, становится профессором находящейся в Жировичах Литовской Духовной Семинарии. В 1839 году являлся Активным участником Полоцкого Собора, ликвидировавшего Брестскую Церковную Унию 1596 года. Будучи православным священником отец Плакид не оставил литературного творчества на польском языке, на котором он общался с домашними и на котором воспитывался. Вместе с тем после Полоцкого собора в Литовских Епархиальных ведомостях начинают появляться его русскоязычные публикации.

Склонность к литературным трудам П. Янковский вынес из Виленского университета, где среди его друзей были подающие надежды писатели. Стал пробовать себя в прозе и стихах с 30-х годов XIX века, но настоящего признания достиг в 40-50-е годы, т. е. когда уже стал православным священником. Писал много, большей частью о том, что хорошо знал – о мещанской, крестьянской и священнической средах того времени. Тонко передавал патриархальную поэтичность своей земли и ее народов. Согласно мнения Юзефа Крашевского, П. Янковский – большой литвофил. Не смотря на Мазоветское происхождение, любовь к «матке Литве» соединяла его с литератором Генриком Ржевусским. В жанровом отношении творчество П.Янковского довольно разнообразно – художественная проза, стихи, очерки. Он переводил на польский с английского, итальянского, немецкого, в том числе Шекспира, Гете, Пушкина. Издал на польском языке около сорока книг и различного рода публикаций. На русском языке известно 26 публикаций.

Как польско так и русскоязычное творчество протоиерея Плакида представляют из себя огромную ценность. Открыв страницы польскоязычных произведений отца Плакида, читатель знакомится юным поэтом и философом. В качестве псевдонима писатель избрал английский вариант анаграммы своего имени Плакид. Его веселый, свободный Джон оф Дикалп также имел со священником мало общего. Писательство не всегда сочеталось со священническим статусом Плакида Янковского. С 1856 года о. Плакид приостановил публикации. Случилось так, что он намного пережил свою литературную популярность [1, с. 6].

Читая одно из первых опубликованных произведений отца Плакида, – «Хаос – шепотка ладана в тени четверостиший», читатель знакомится с юным философом, поэтом, человеком с широкими взглядами на жизнь и творчество. Читая «Фанаберии Старосты Каневского», читатель знакомится с непревзойденным чувством юмора автора [2, с. 111].

Авторитет и влияние Плакида Янковского на духовенство были неоспоримы, – там, где местная духовная власть часто пасовала, нескольких убедительных его слов было вполне достаточно, чтобы сломить даже самое закоренелое упрямство. Прихожане к протоиерею относились с любовью и безграничным доверием. Возвышенным идеалом убогого сельского священника, к числу которых Янковский причислял и себя, было служение простым людям. Отец Плакид с большой симпатией относился к простым белорусам, крестьянам, крайне зависимым от капризов и воли помещиков. В то же время идеализировал патриархальные отношения между «двором» и деревней. Суть своего отношения к родной земле он определил в 1857 году в «Воспоминаниях из Слонимских школ» следующим образом: «... Коснувшись земли снова, подобно Антею, чувствуем в себе силу, которая идет только от земли». В обыденной жизни Плакид Янковский всегда стремился к покою в окружении искренних, сердечных, близких ему по духу людей. В Жировичах нашли приют три сестры жены о. Плакида. Мать его жены стала ему второй матерью – доброй, благожелательной, рассудительной. Янковским соседствовали сослуживцы. Все располагались своими домами в каких-нибудь 100–200 шагах друг от друга. Среди них в согласии и гармонии протекала жизнь.

Перенесение в 1845 году в Вильно Литовской Духовной консистории и семинарии вынудило Плакида Янковского переселиться туда же на положение настоятеля виленской Перенесенской соборной церкви Святителя и Чудотворца Николая. В Вильно он отправлялся неохотно, жалея оставленные Жировичи. Но и на новом месте его ожидала знакомая и близкая творческая среда. В Вильно находились нужные ему Игнатий Шидловский, Леон Боровский, Игнатий Ходько, Евстафий Тышкевич, Теодор Нарбут и многие другие.

Окончательно расстроенное здоровье вынудило его проситься на покой. Ему было 48 лет. Янковский приобрел в желанных ему Жировичах дом возле самого монастыря и там провел оставшиеся четырнадцать лет жизни.

В последние годы жизни языком творчества Плакида Янковского стал по большей части русский. Отец Плакид сотрудничал с «Литовскими Епархиальными Ведомостями», в которых опубликовал, начиная с 1863 года, более двадцати статей, посвященных христианской тематике. Три произведения – «Пасхальные куличи», «Крестьянская правда» и «Никто как Бог – объединены автором одной рубрикой: «Из записок сельского священника». Особенное значение обрели очерки недавнего и современного быта воссоединенного духовенства под общим названием «На рубеже». Весьма важный раздел русскоязычных публикаций П. Янковского – некрологи. Им даны жизнеописания М. Бобровского (семинарского учителя будущего митрополита Иосифа), П. Ситкевича, А. Тупальского, И. Гомолицкого и др. Это были попытки дать обобщенный портрет священника–подвижника униатского и послеуниатского времени [1, с. 114].

Янковский выступает, помимо всего, подготовленным краеведом. Признавая, что Янковский убедительно передал быт «шарачковой» шляхты и униатского духовенства, критики отмечали, что труды его ценны в первую очередь как документальные свидетельства. Скончался Плакид Гаврилович Янковский 28 февраля (11 марта) 1872 года на руках двух сыновей и двух дочерей. Похоронен он в Жировичах, в кладбищенской церкви св. Георгия Победоносца, рядом с прахом жены Елены. На стене храма и ныне находится большая памятная доска с надписью «Родителям Плакиду Янковскому (1810–1872) – Елене Янковской (1817–1867) – Дети».

Несомненно личность протоиерея Плакида представляет для белорусской истории, литературы и духовной мысли активный интерес. К сожалению его личность крайне мало изучена. В современной Польше его публикации печатаются крайне малым тиражом. Даже в электронном варианте можно найти лишь некоторые его публикации. Нам еще предстоит глубже познакомиться с его творчеством.

1. Янковский П. Записки сельского священника – Мн.: Свято-Петро-Павловский собор, 2004. – 380с.

2. Charkiewicz W. Placyd Jankowski : Życie i twórczość. Wilno, 1928. S. 126.

3. John of Dycalp. Kilka wspomnień uniwersyteckich. Wilno, 1854. S. 15.

ПРАКТИКА ИССЛЕДОВАНИЯ ПРОИЗВЕДЕНИЯ Д.Ф. КОБЕКО «ЦЕСАРЕВИЧ ПАВЕЛ ПЕТРОВИЧ (1754–1796)» В ПРЕДМЕТНОМ ПОЛЕ ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ ИСТОРИОГРАФИИ

О.А. Кашинская (Москва, Россия)

Рефлексия неклассической модели исторической науки, стремящейся к строгости исторического знания, провоцирует современного исследователя историографии к поиску адекватных приемов анализа историографических источников и исследованию их видовой природы.

В данном исследовании автор ставит задачу проанализировать историческое произведение Д.Ф. Кобеко «Цесаревич Павел Петрович (1754–1796)», впервые опубликованное в 1882 г., в предметном поле источниковедения историографии. Актуальность такого исследования диктуется неточностью, которую допускают исследователи при определении вида исторического произведения Кобеко. Такая ситуация наблюдается как в сфере гуманитарного знания, в целом, например, В.И. Федорченко в статье «Кобеко

Дмитрий Фомич» для энциклопедического издания, указал: «Главный исторический труд К[обеко] – монография «Цесаревич Павел Петрович (1754-1796)...» [7, с. 551]. В научном издании «Екатерина II и Г.А. Потемкин» В.С. Лопатин также назвал «монографией», работу Кобеко. [2, с. 482]. Даже, изучающий историографию Павла I историк, Ю.А. Сорокин указывает, что труд Кобеко – «первая монография непосредственно, посвященная Павлу I». [6, с. 114.]

Откуда современные исследователи берут сведения о том, что труд Кобеко «Цесаревич Павел Петрович» является монографией? Дело в том, что в самоназвании произведения Кобеко присутствует указание на то, что автор подготовил «историческое исследование».

Как отмечают С.И. Маловичко и М.Ф. Румянцева в современной историографической культуре часто путают три вида исторических произведений: монография, исторический очерк, научное исследование. Уточнение квалификационных признаков, изучаемого историографического источника представляет большую важность для исследователя так, как только в этом случае он сможет провести более или менее корректное исследование [3, с. 337 – 484].

В классической модели исторической науки идеалом научного исследования становится монография. Как указывают современные историки, дефинирующим признаком монографии, является репрезентативность (в идеале – исчерпанность) источниковой базы исследования. Монография – «научное сочинение по одному вопросу или разделу науки, в котором в наибольшей полноте исследуется выбранная тема, проводится детальный и глубокий научный анализ интересующей историка проблемы; она характеризуется анализом предшествующей научной литературы по данному вопросу, новизной теоретического подхода, постановкой новой проблемы и ее решением в результате проведенного исследования <...>, целостностью содержания, строгим соблюдением структуры научного текста [4, с. 530].

В качестве таковой можно назвать работу Д.И. Багалея «История северской земли до пол. XIV ст.: историческая монография» (1882), в которой историк говорит об актуальности изучаемой проблемы, слабой изученности объекта исследования, рефлексии об источниковой базе своей работы и т.д. [4, с. 511].

Однако в изучаемой нами в работе Кобеко ничего подобного нет. В его «историческом исследовании» ни слова не говорится об актуальности, автор не обращается к вопросу истории изучения Павла I. В своем тексте Кобеко не рефлексиирует об источниковой базе исследования и не замечает признаков тех или иных используемых исторических источников.

С другой стороны, в исторической культуре второй половины XIX века можно найти виды исторических произведений, в самоназваниях которых присутствует слово «разыскание» (предполагающее – исследование). Например, труд Д.И. Иловайского «Разыскание о начале Руси. Вместо введения в русскую историю» (М., 1876). Данное произведение неоднозначно как историографический источник. Его анализ позволяет выявить очерковый характер произведения [см.: 4, с. 603].

Современные историки, изучающие систему видов историографических источников в классической модели исторической науки, отмечают, что позитивизм второй половины XIX в. существенно влиял на модель исследований историков. Научное исследование ассоциировалось с добросовестным и критическим отношением к историческим источникам, полнотой источниковой базы (из которой нужно было добывать исторические факты [3, с. 347 -348].

Как можно заметить, скорее всего, это обстоятельство повлияло на выбор Иловайским варианта названия своей работы, в котором присутствует слово «разыскание». Нам представляется, что выбор Кобеко названия своего произведения был связан с тем, что «исследование» призвано придать больший статус изданию. В историографической культуре второй половины XIX в. можно найти подобные примеры. Так, несмотря на то, что известное произведение Н.И. Костомарова «Исторические монографии и исследования» (СПб., 1863-1872. 12 т.) имеет в самоназвании слова «монографии и исследования», при историографическом анализе выясняется, что эти произведения имеют все видовые признаки исторического очерка [см.: 4, с. 540-541].

Часто видовая принадлежность исторического произведения зависела не только от авторской интенции, но и от культуры эпохи, в которой это произведение появилось. Если обратить внимание на рефлексии современников о книге Кобеко, то можно заметить, что критики признавали в ней наличие большого набора фактического материала (взятого из исторической литературы и мемуаров), а, например, Т.А. Сосновский отмечал еще сильную «односторонность в подборе фактов», а самое главное – отсутствие «беспристрастной исторической критики, которая должна руководить составителем серьезного историко-биографического исследования» [см.: 5, с. 313 -314].

Действительно, анализ историографического источника Кобеко дает возможность констатировать, что в нем присутствует довольно скудная источниковая база. Около 50 позиций в списке использованных источников, среди которых, большую часть составляют историографические источники, но есть и непосредственно исторические источники: в первую очередь, источники личного происхождения, а также «Полное собрание законов Российской империи» и опубликованные архивы Государственного совета и князя Воронцова.

Структура произведения производит впечатление одного большого очерка, разделенного на логические блоки, лишь только, пронумерованные латинскими цифрами. Например, «II» начинается словами: Двор цеса-

ревича Павла Петровича состоял, в начале царствования Екатерины, из следующих лиц <...> [1, с. 14]. Это наводит на мысль, что выделяемые структурные блоки текста представляют собой законченные рассказы, но это не совсем так. Уже блок текста под цифрой «VI» начинается словами: «Порошин, прекратив свой дневник, вместе с тем лишился и должности <...>» [1, с. 46], что свидетельствует о разорванности текста и, вместе с тем, отсутствии, выполняемых отдельными нарративами исследовательских задач.

Анализ историографического источника «Цесаревич Павел Петрович» позволяет уточнить, что в нем присутствуют видовые признаки, относящиеся к такому виду историографических источников как исторический очерк. Он принадлежит и к научному, и к социально ориентированному типу исторического знания, а в культуре XIX в. наделался такими признаками, как авторское испытание, недостаточность научности и популярность изложения материала [3, с. 343, 347]. Исторический очерк Кобеко имеет четкую историко-биографическую направленность. Само его произведение (выдержавшее несколько изданий) было адресовано не столько современной ему исторической науке, сколько предназначалось (не смотря на наличие сносок) широкому кругу читателей.

1. Кобеко Д.Ф. Цесаревич Павел Петрович (1754 - 1796) : историческое исследование / Дмитрия Кобеко / изд. 3-е доп. СПб: Типогр. М.М. Стасюлевича, 1887. – 474 с.
2. Лопатин В.С. Письма, без которых история становится мифом / В.С. Лопатин // Екатерина II и Г.А. Потемкин: личная переписка / изд. подготовил В.С. Лопатин М.: Наука, 1997. С. 473-540.
3. Маловичко С.И., Румянцева М.Ф. Монография и очерк : опыт сравнительного источниковедческого анализа / С.И. Маловичко, М.Ф. Румянцева // Профессия – историк [к юбилею Л.П. Репиной] / отв. ред. О.В. Воробьева. М. : АКВИЛОН, 2017. – С. 337 – 484.
4. Маловичко С.И. Источниковедение историографии // Источниковедение: учебное пособие / И.Н. Данилевский, Д.А. Добровольский, Р.Б. Казаков и др. ; отв. ред. М.Ф. Румянцева; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2015. – 685 с.
5. Панин Н.И. Всеподданнейшее предьявление слабого понятия и мнения о воспитании его императорского высочества, государя великого князя Павла Петровича. Записка графа Н. И. Панина. 1760 г. / Сообщ. Т.А. Сосновский // Русская старина, 1882. – Т. 35. - № 11. – С. 313-320.
6. Сорокин Ю. А. Политические режимы Екатерины II и Павла I в отечественной исторической литературе / Юрий Сорокин // Сибирские исторические исследования. 2014. № 3. С. 108-137.
7. Федорченко В.И. Кобеко Дмитрий Фомич / В. Федорченко // Императорский дом. Выдающиеся сановники. Энциклопедия биографий : в 2 т. – Красноярск : БОНУС ; М. : ОЛМА-ПРЕСС, 2003. – Т 1. – С. 550-552.

РУССКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ 1917 ГОДА В ЗЕРКАЛЕ ЮБИЛЕЙНЫХ ИЗДАНИЙ ЛАТВИИ (20–30 ГОДЫ XX ВЕКА)

Т.И. Кузнецова (Даугавпилс, Латвия)

В жизни как человека, так и больших людских общностей случаются разломы, политико-правовое, организационное, художественное и идеологическое оформление которых сопровождается возникновением новых состояний и новых образований в их, человека и общества, истории. Такими разломами были и русская революция 1917 года, одним из её многих очевидцев охарактеризованная как «трагедия России, обернувшаяся угрозой миру» (11, с.302), и создание Латвийской республики, чьё провозглашение 18 ноября 1918 года стало делом Народного Совета, собравшегося накануне и состоявшего из 35 человек (10, с.121).

Территория Латвии с конца XVIII века находилась в составе Российской империи, что обострило проблему позиционирования молодого государства по отношению к России и повлияло на место и характер русской революции 1917 года в идеологической системе Латвии. К весьма значимым инструментам идеологического воздействия в Латвии в 20-30-е годы XX века относились юбилейные тексты, посвящённые датам провозглашения Латвийского государства.

Тексты формируют общие места памяти, структурируют историческое время, должное быть значимым для большой людской общности, особенно той, что является ядром создаваемого государства. К средствам же структурирования исторического времени можно отнести отбор фактов, объём и детализированность их описания, контекст, в который они вводятся.

Состав юбилейных изданий, увидевших свет в Латвии в 1923, 1928, 1933 и 1938 годах, различается по объёму, тиражности, тиражируемости и расставленным акцентам. К пятилетию провозглашения Латвийского государства в 1923 году инициатором вышедшего юбилейного сборника стал Латышский Крестьянский Союз – ведущая политическая партия в стране (хотя и не имевшая парламентского большинства), представитель которой З. Мейеровицс возглавлял в это время правительство (26.06.1923 – 19.01.1924). Под эгидой данной партии вышла небольшая по объёму (70 страниц) брошюра „Valsts pieci gadi”, состоявшая из 41 текста разной жанровой принадлежности – от стихотворения Э. Вирзы „Latvijai” до воспоминаний разных людей. Начинаясь сей сборник с опуса К. Ульманиса „Zem Latvijas karoga”, который вплоть до 1939 года неоднократно перепечатывался и в приданной ему стихотворной форме был включен в учебники для основной школы.

В 1928 году десятилетие той же даты было отмечено более широким и разнообразным кругом публикаций, подготовленных и специальной юбилейной комиссией (3), и отдельными министерствами, внутренних

дел (5), образования (6), и частными лицами и организациями (8). В 1933 году состав изданий, приуроченных к государственному юбилею, оказался заметно суженным – лишь часть опубликованных единиц, представлявших частные лица и организации отставных военных, можно отнести к данному корпусу текстов. Двадцатилетнее существование Латвийского государства (1938 год) ознаменовалось ростом числа публикаций, причём посвящённых не столько самому факту провозглашения государства, его предпосылкам, как в 1923 году, или процессу становления государственности, освободительной борьбе 1919-1920 годов, как в 1928 году, сколько различным сторонам жизни общества за двадцать лет. К юбилейным изданиям этого круга относятся 20 публикаций, среди которых не было открыто официальных. Однако неудобный для чтения ввиду парадно-монументального формата фолиант „Latvija 20 gadus” (высота книги -23 см и толщина -3 см), вышедший под редакцией Р. Берзиньша-Вальдесса, основателя и директора Латвийского телеграфного агентства, в силу статуса авторов приобретал официально-юбилейный характер (4).

Некоторые из подобного рода изданий, благодаря неоднократному их репродуцированию, очень большим тиражам (например, брошюра „Latvijas brīvības cīņas un sasniegumi” вышла огромным для Латвии тиражом в 150 тысяч экземпляров) или подчеркнуто монументального характера, приобретали парадигмально-мироустроительный смысл.

Анализ указанных текстов обнаруживает известное замалчивание революции, произошедшей в 1917 году в России. Об этом свидетельствуют различные факты, связанные с характером упоминания революции в данных публикациях. Так, имело место «растворение» русской революции в общей революционной волне, составившей, по мнению ряда авторов, содержание эпохи рождения новых государств. Как писал А. Квиесис (представитель Латышского Крестьянского Союза, министр внутренних дел в 1921-1923 годах) в первом юбилейном издании: «Наше молодое государство родилось в эпоху революций и войны, когда разразившиеся над Европой революционные бури разрушили старые и сильные державы, чтобы (подчёркнуто нами – Т. К.) на их руинах можно было бы построить новые жизнеспособные государства» (2, с.56). Отметим, что в данном высказывании целью «революционных бурь» предстаёт создание новых государств и, таким образом, в осмыслении революции происходит известное смещение социальных и национально-политических акцентов в сторону последних. В этом, в свою очередь, находит выражение определённая однозначность видения революции, подтверждаемая и акцентированием рационального целеполагания, звучащего в слове «чтобы» из приведённого фрагмента очерка А. Квиесиса. Кроме этого, данная цитата неявно указывает на давно имеющие место быть устремления, в частности, латышского народа к политической самостоятельности. Но то, что лишь контурно очерчивалось в публикации 1923 года, в 1928 году утверждалось открыто и решительно.

Так, в издании, подготовленном в недрах Министерства внутренних дел, в его исторической части, написанной Э. Бланксом, подчёркивалась столетняя борьба латышей за самостоятельность, которая увенчалась провозглашением Латвийского государства 18 ноября 1918 года. Таким образом, русская революция 1917 года оттесняется в тень именно этого события. Э. Бланкс чётко определил «ложе» для этой революции в формируемом юбилейными текстами общем месте памяти. Он пишет: «18 ноября 1918 года Народный Совет провозгласил независимое Латвийское государство, воплотив, таким образом, мечты, ожидания, усилия и борьбу многих поколений латышского народа за независимость Латвии, её свободу и самостоятельность... И так же 18 ноября 1918 года – это не какая-то случайность, не отдельное, непредвиденное событие, а следствие того, что выдержали земля Латвии и её жители в больших и малых, трудных и тяжёлых событиях на протяжении долгих столетий» (5, с.3). Отодвинутая в тень 18 ноября 1918 года русская революция 1917 года признавалась как фон, сочетающий в себе различные обстоятельства, сделавшие возможным провозглашение Латвийского государства. В этом заметна уже отмеченная ранее одномерность видения революции (вполне понятная и, пожалуй, естественная для молодого государственного образования, нуждающегося в своей легитимизации), которая предстаёт ещё одним проявлением замалчивания революции 1917 года в России.

Обстоятельства, благоприятные для реализации политических устремлений латышей, судя по юбилейным публикациям, состояли, во-первых, в возможности в «медовый месяц» революции (до конца 1917 года) свободного выражения своих идей и намерений (3, с.16, 20), во-вторых, в побуждении к политическому самоопределению в силу наступившего разочарования в демократизме русской революции, которая отвергла мысль об автономии Латвии, а так же разочарования в прокламированных в марте 1917 года «принципах равенства и свободы», которым не следовали ни Временное правительство, ни пришедшие к власти большевики (9, с.6). К политическому самоопределению латышей подталкивала и отмечаемая авторами юбилейных текстов незащищённость территории, населённой латышами, перед немецким наступлением. Так, в издании 1928 года сказано: «Революция в России привела к тому, что не было ни одной власти, которая могла бы защитить Латвию от немецкого вторжения. Россия не могла этого сделать потому, что в борьбе политических партий за государственную власть верх взяли большевики, которые для того, чтобы быстрее захватить власть и обеспечить себе поддержку большой людской массы, были вынуждены провозгласить окончание войны и заключение мира «без аннексий и контрибуций» (5, с.6). «И надо признать, что Россия ... уже не хотела защищаться от немцев, т.к. российская революция так деморали-

зовала русскую армию, что та хотела и могла только окопы оставить и готовиться идти домой. Поэтому от этой деморализованной массы русских латышам нечего было ждать, а ликвидация фронта отдала бы все приграничные области, а значит, и Латвию, в зависимость от немецких войск» (5, с.6).

Взаимное же ослабление России и Германии, так же отмечаемое в юбилейных изданиях как «благоприятное обстоятельство», дополнительно мотивировало латышей к политическому самоопределению и открывало для них возможность и диктовало необходимость обособления от России. Как писал Э. Бланкс, «не было сомнений в том, что Россия стоит на краю бездны и что она втянет в эту бездну и Латвию, если мы не отделим судьбу своей страны от страны всех возможностей – от судьбы России» (3, с.20).

Закономерность и неизбежность такого обособления, т.е. создания латышами государства, настойчиво утверждалась и доказывалась культурной несовместимостью латышей и русских, равно как и отсутствием органической связи между территорией Латвии (Балтийским регионом) и остальной территорией России (см., напр.: 3, с.28).

По словам того же Э. Бланкса, «между культурами России и Латвии нет ничего общего» (3, с.21). Латвия, так же, как Финляндия, Польша, Литва и Эстония, по своему культурному состоянию и устремлениям есть западноевропейский народ, тогда как азиатская Россия силой тянула её в свои объятия» (10, с.118).

Ещё одно проявление определённого замалчивания русской революции видится в недетализированности, бессобытийности и безличности упоминаний этой революции. Исключение составляют названные в издании 1928 года «последние вожди революции Керенский и Ленин», ни один из которых не дал народам их священного права самоопределения» (10, с.119). Неконкретности описания революции соответствуют её обобщённо-оценочные характеристики, которые служат «очуждению» России и возведению ментально-эмоциональной стены между нею и молодым Латвийским государством. Например, как писал Э. Бланкс, «русская революция – это восстание рабов. Народные массы, которые сочувствовали идеям коммунизма, поняли их соответственно своему тёмному уму. Они думали, что целей долга и человечности больше нет, что каждый может делать то, что ему на ум придёт. Из мятежа дезертиров поднялась эта революция... По масштабам пролитой крови и ужаса русская революция займёт первое место в истории мировых революций» (10, с.80).

Таким образом, в юбилейных изданиях Латвии 20-30-х годов XX века русская революция 1917 года, во-первых, обладает значимостью лишь в тени акта провозглашения Латвийского государства и, во-вторых, в известной мере является «отсутствующей структурой» в формируемой юбилейными текстами модели исторического времени латышей.

Подобный характер упоминания русской революции 1917 года в указанных публикациях вполне понятен для молодого государства, возникающего на руинах империи и стремящегося идеологически обосновать свою легитимность и самостоятельность. Однако, транслируемые во времени однажды созданная модель отношения и «образ» революции превращаются в миф, осознание однозначности которого делает всё более и более актуальным многомерное исследование данной революции.

1. Es viņu pazīstu: Latviešu biogrāfiskā vārdnīca. – Mich.: Grand Haven, 1975. – 577.lpp.
2. Kviesis, A. Latvijas tiesas / A. Kviesis // Valsts pieci gadi 1918.-1923. – Rīgā: Brīvās Zemes izd., 1923. – 56.-57.lpp.
3. Latvija desmit gados: Latvijas valsts nodibināšanas un viņas pirmo 10 gadu darbības vēsture. – Rīgā: Jubilejas komisijas izd., 1928. – 384.lpp.
4. Latvija 20 gados. – Rīgā: 1938. – 415.lpp.
5. Latvija 1918-1928: Atskats uz latvju tautas pagātni un valsts pirmiem 10 gadiem. – Rīgā: „Lekšlietu Ministrijas Vēstneša” izd., 1928. – 160.lpp.
6. Latvijas brīvības cīņas un sasniegumi. – Rīgā: Izglītības Ministrijas izd., 1928. – 32.lpp.
7. Latvijas neatkarības X gadu jubilejas. – Rīgā: Reklama, 1928. – 32.lpp.
8. Latvijas Republika desmit pastāvēšanas gados. – Rīgā: Golts un Jurjans, 1928. – 805.lpp.
9. Paegle, S. Latviešu Pagaidu Nacionāla Padome un Rīgas Demokrātiskais Bloks // °Valsts pieci gadi 1918.-1923. – Rīgā: Brīvās Zemes izd., 1923. – 4.-8.lpp.
10. Silzemnieks, E. Latvijas atdzimšana: Valsts 10 gadu atcerei (1918-1928) / E. Silzemnieks. – Rīgā: A. Raņķa grāmatu tirgotavas agp., 1928. – 253.lpp.
11. Spekke, A. Latvijas vēsture / A. Spekke. – Rīgā: Jumava, 2003 (Stokholma, 1948). – 382.lpp.
12. Valsts pieci gadi 1918-1923. – Rīgā: Brīvības Zemes izd., 1923. – 70 lpp.

СОБИРАНИЕ И ИЗУЧЕНИЕ ФОЛЬКЛОРА В КАРЕЛИИ В 1930-Е ГОДЫ

С.Н. Филимончик (Петрозаводск, Россия)

Карелия является уникальным местом сохранения богатейших традиций устного народного творчества славянских и финно-угорских народов. В XIX – начале XX вв. на Севере России был накоплен ценный опыт его исследования путешественниками, учеными-подвижниками. Собираение и изучение фольклора Карелии в 1930-е годы впервые развернули специальные научно-исследовательские подразделения. В 1931 г. начал работу Карельский научно-исследовательский институт (КарНИИ), в составе которого была создана этнографо-лингвистическая секция. КарНИИ тесно сотрудничал с фольклорными секциями Института по изучению народов СССР, Института антропологии и этнографии АН СССР.

В 1932–1933 гг. А. М. Астахова, И. В. Карнаухова, С. С. Писарев, А. Н. Нечаев вели экспедиционную работу в Беломорском крае. В условиях, когда былинная традиция уже затухала, исследователи спешили записать былины, зафиксировать на фонографе былинные напевы, составить биографии исполнителей. В ходе этих экспедиций в Карельском Поморье фольклорист А. Н. Нечаев встретился с выдающимися исполнителями сказок Ф. Н. Свиныным (с. Сумпосад) и М. М. Коргуевым (с. Кереть). Несколько лет фольклористы записывали их репертуар. К сожалению, в 1930-е гг. не удалось издать сказки Ф. Н. Свинына, но двухтомное собрание сказок М. М. Коргуева было опубликовано в Петрозаводске в 1939 г. и получило высокую оценку специалистов.

Особое внимание было уделено изучению обрядовых, игрищных, бытовых песен поморов. Из старинных плясовых песен к тому времени сохранялась популярность песен, сопровождавших особый поморский танец «утушку». После того, как в 1931 г. дискуссия об этнографии завершилась резкой критикой этой науки как «буржуазно-эклектической», участники экспедиций не имели возможности включать в программу экспедиционной работы изучение обрядов, ритуалов, заговоров, заклинаний в том объеме как это делалось прежде. В условиях усиления репрессивной политики в отношении к церкви фактически под запретом оказалось собирание духовных стихов.

Уже в это время перед фольклористами была поставлена задача акцентировать внимание на современности. В 1933 г. экспедиция под руководством А. М. Астаховой вела сбор воспоминания о революции и Гражданской войне на Севере [4, л. 41]. В разгар коллективизации следовало собирать образцы народного творчества, отразившие перелом в жизни деревни. Благодатным материалом в этом отношении оказались частушки. Правда, среди 1500 частушек, записанных в ходе экспедиции, было много текстов с критикой недостатков колхозного строительства, а то и «с антисоветскими мотивами».

В 1935 г. Карелия праздновала 100-летие первого издания «Калевалы». Готовясь к юбилею, сотрудники этнографо-лингвистической секции КарНИИ наладили сотрудничество с исполнителями карельских рун: записали тексты, организовали концертные выступления сказителей в Петрозаводске, Ленинграде и Москве. В Доме национальной культуры и Публичной библиотеке открылись выставки, на которых были представлены присланные из Публичной библиотеки Ленинграда различные издания «Калевалы», в том числе первое издание 1835 г., подлинники писем собирателей рун Э. Леннрота, М. Кастрена, другие ценные документы. Ученые КарНИИ провели десятки лекций и докладов о «Калевале», опубликовали более полутора сотен статей и заметок в периодических изданиях. Особенно активно просветительскую работу вели этнографы Н. Н. Виноградов и С. А. Макарьев, фольклористы В. Я. Евсеев и А. Н. Нечаев.

В июле 1936 г. КарНИИ и Институт антропологии, археологии и этнографии АН СССР организовали фольклорную экспедицию под руководством П. Г. Ширяевой в Олонецкую Карелию. Впервые были записаны на фонограф и стали активно изучаться музыкальные произведения южных карелов и вепсов. В собирании и изучении фольклора южной Карелии важную роль сыграл В. Я. Евсеев [3, л. 25, 52]. Началась публикация произведений устного народного творчества южных карелов.

В условиях репрессий руководство Карелии обвинили в ориентации на Финляндию. Был арестован ряд ведущих сотрудников КарНИИ, некоторые ученые покинули Петрозаводск, опасаясь травли в связи с «чуждым социальным происхождением», «связью с врагами народа» [6, л. 23, 51, 60]. В 1937 г. КарНИИ был реорганизован в Карельский научно-исследовательский институт культуры (КНИИК) [5, л. 99]. На работу в КНИИК прибыли студенты и выпускники ленинградских вузов. А. Д. Соймонов, В. В. Чистов, К. В. Чистов, Н. И. Богданов, М. М. Михайлов активно включились в экспедиционную и исследовательскую деятельность. В 1938–1939 гг. КНИИК провел 11 фольклорных экспедиций – в основном в карельские районы, но продолжалась экспедиционная работа и в Заонежье, в Поморье. В это время были выявлены новые талантливые сказители – А. М. Пашкова, И. Т. Фофанов, Н. А. Ремизов, А. Л. Фадеева и др. [7, л. 6]. Экспедиционный материал 1938–1941 гг. составил основу фольклорного архива КНИИК.

Основное внимание фольклористы стали уделять сбору «советского» фольклора. Исследователи записывали плачи о Ленине и Кирове, о летчиках, погибших при катастрофе советского дирижабля, былины о Сталине, Ворошилове, Чапаеве, сказы о подвиге челюскинцев и папанинцев, о героизме бойцов Красной Армии у озера Хасан, о выборах в Верховный Совет Карелии и др. Художественные достоинства этих произведений оказались сомнительны. Они не были включены в культурно-бытовой контекст крестьянской жизни [11, с. 126]. Сами авторы их плохо помнили, читали «по бумажке». В 1940 г., выступая на I съезде писателей Карелии, фольклорист В. Г. Базанов сетовал: «Сказители порой как бы вливают в старую форму новое содержание, они перелицовывают сюжеты... В результате получаются произведения малооригинальные, как бы исправленные копии старинных былин» [8, л. 226].

Однако власти всячески поддерживали и пропагандировали «советский» фольклор, видя в нем проявление единения народа и власти. В 1939 г. группа карельских сказителей была награждена орденами «Знак почета». Сказочников и былинщиков приглашали на слеты и совещания, направляли в командировки в столицу, материалы о них широко публиковала печать. В 1938–1939 гг. в Петрозаводске прошли совещания сказителей Карелии. В июне 1939 г. Ф. А. Конашков, Е. С. Журавлева, Т. Е. Туруев, А. М. Пашкова участвовали в работе Всесоюзного слета певцов и сказителей. Делегаты слета прослушали лекции и доклады об итогах XVIII съезда ВКП(б), о международном положении, посетили музей В. И. Ленина и мавзолее. На встречу с ними приезжал участник спасения челюскинцев Герой Советского Союза

М. Т. Слепнев. Участники слета осмотрели метрополитен, получили возможность облететь Москву на современном самолете, совершить поездку по каналу Москва- Волга. Они побывали в Большом театре, в музеях, на выставках [1]. В свою очередь сказители выступили в Доме народного творчества имени Н. К. Крупской, в Доме писателей, в Сокольническом парке культуры и отдыха. В дни съезда коллективно они сложили «письмо великому Сталину» [2].

К каждому сказителю был прикреплен писатель. Так, летом 1939 г. поэт Леа Хело ездил к сказительнице М. А. Ремшу, чтобы собрать материал для её биографии и организовать её учебу, учительница Вокнаволоцкой школы О. Мякеля стала заниматься с ней грамотой [9, л. 24]. В 1939 г. сказители М. М. Коргуев, Ф. А. Конашков, Т. Е. Туруев, П. И. Рябинин-Андреев, Ф. И. Быкова, А. М. Пашкова, А. В. Ватчиева, Ф. Н. Свињин, М. А. Ремшу вступили в Союз советских писателей Карелии. Коргуев и Туруев были избраны в состав Правления республиканской писательской организации [9, л. 4]. При Союзе советских писателей Карелии была создана секция фольклора (руководитель В. Г. Базанов). В 1940 г. сказители участвовали в работе I съезда писателей Карело-Финской ССР, они составляли треть делегатов с решающим голосом [8, л. 10].

За счет Литфонда сказители получали денежные ссуды (чаще безвозмездные), оплату командировок, лечения, путевки в дом отдыха и санаторий. Однако повседневная жизнь этих крестьян оставалась прежней. Дочь М. Коргуева А. М. Коргуева писала: «Жили скромно, одевались бедно. Электричества не было. Керосин выдавали по норме. ... Перед войной отцу моему дали персональную пенсию. Многие в деревне ненавидели его, что за вранье деньги получает, а он все рассказывал и рассказывал свои замечательные волшебные сказки...» [10, с. 130, 131].

В конце 1930-х гг. под грифом КНИИК был опубликован ряд важных фольклорных материалов: сборник былин П.И. Рябининой-Андреевой (1940), сборник «Русские плачи Карелии» (1940), сборник «Былины Пудожского края» (1941). В Петрозаводске были изданы сборники «Сказы и плачи о Ленине» (1938), «Сказания о героях Арктики» (1938) и др. Началась публикация карельского фольклора: в 1939 г. были изданы три сборника карельских народных песен и сказок. В оформлении книг по фольклору использовались традиции народного изобразительного искусства. Художники Г. А. Стронк, В. М. Агапов использовали в оформлении элементы народных вышивок, кружевоплетения, ткацких работ, резьбы по дереву.

В то же время далеко не все подготовленные к изданию работы доходили до читателя. Когда В. Я. Пропп представил к публикации в Петрозаводске свою докторскую диссертацию «Исторические корни волшебной сказки», местные чиновники отказались издавать книгу выдающегося ученого России и призвали усилить борьбу с «пережитками формализма и вульгарного социологизма» [8, л. 236]. Не всегда фольклорные тексты легко проходили цензуру. Символично, что в феврале 1938 г., в разгар сталинских репрессий, Карлит потребовал, чтобы в сборнике причитаний Ирины Федосовой были заменены заголовки «Похороны», «Плач на могилах», так как они «не созвучны нашему времени». Карлит вообще долго сомневался, нужно ли издавать эту книгу.

Дискуссия об издании фольклорных текстов развернулась в декабре 1940 г. на I съезде писателей Карело-Финской ССР. В докладе В. Г. Базанова предлагалось при издании фольклора ориентироваться на массового читателя, не увлекаться академизмом. Не соглашаясь с таким подходом, М. К. Азадовский напомнил, что изданию фольклорного текста предшествует большая научная работа, и важно познакомиться с ней заинтересованного читателя, ввести его в исследовательскую лабораторию. В целом присутствовавшие на съезде известные фольклористы М. К. Азадовский, Н. П. Андреев, А. М. Астахова очень высоко оценили изданные в Карелии книги по фольклору. М. К. Азадовский отметил: «Ни в одной части нашего Союза не ведется сейчас такой большой и плодотворной работы в области изучения фольклора, как именно здесь. Я говорю, товарищи, не комплимент как гость на вашем съезде, а говорю это как руководитель отдела фольклора Академии Наук» [8, л. 270].

Таким образом, в 1930-е гг. в Карелии продолжалась широкая экспедиционная и исследовательская деятельность по изучению фольклора. Такие исследования были важны для власти, т. к. давали возможности использовать архетипы массового сознания для решения политических задач, и для общества, т. к. содействовали профессиональному росту ученых, сбережению выдающихся памятников культуры и сохранению культурной преемственности.

1. Красная Карелия. – 1939. – 30 июня.
2. Красная Карелия. – 1939. – 4 июля.
3. Научный Архив Карельского Научного Центра РАН (НА КарНЦ РАН). – Ф. 1. Оп. 3. Д. 5.
4. НА КарНЦ РАН. – Ф. 1. Оп. 3. Д. 64.
5. НА КарНЦ РАН. – Ф. 1. Оп. 3. Д. 221.
6. НА КарНЦ РАН. – Ф. 1. Оп. 48. Д. 23.
7. НА КарНЦ РАН. – Ф. 1. Оп. 50. Д. 391.
8. Национальный Архив Республики Карелия (НАРК). – Ф. 2923. Оп. 1. Д. 1/1.
9. Российский Государственный Архив литературы и искусства. – Ф. 631. Оп. 6. Д. 270.
10. Маркова Е. Жила-была сказка // Север. – 2005. – №.11/12. – С. 130–131.
11. Сенькина Т. И. Забытые и неизвестные страницы истории фольклористики Карелии. Петрозаводск: Карельский Научный Центр РАН, 2012. – 218 с.

ФРАНЦУЗСКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XX В. ПО ГЕРМАНСКОЙ ПОЛИТИКЕ ФРАНЦИИ В 1945–1949 ГГ.

Н.В. Величко (Витебск, Беларусь)

На работах зарубежных исследователей, как и советских историков, до конца 1980-х гг. лежала печать «холодной войны». Многие западноевропейские историки, в том числе и французские, рассматривали Потсдамские соглашения как документы, предопределившие или даже зафиксировавшие раскол Германии. В западноевропейской историографии долгое время не было комплексных трудов, которые освещали германскую политику союзников в 1945–1949 гг. Она затрагивалась в общих работах по истории ФРГ и её внешней политике. Тем не менее, некоторые аспекты германской политики западных держав в 1945–1949 гг. были детально изучены в монографиях французских историков, вышедших в 1950–1970-е гг.: Ж. Фреймона, А. Корфа, Ж. Бадиа, Ж. Биноша, Э. Бьёля, Ж. Кармуа, Р. Кастийона, Ж. Криту, Ж. Коке, Ж. Дюмена, Г. Дюпо, П. Дюранда, Ж.-Б. Дюрюселя, П. Галлиано, Р. Аркура, Б. Жувенеля, Ж.-Л. Лагора, П.-М. Ла Горса, А. Лидделя, К. Мориака, А. Менудие, А. Мейровица, Э. Морэна, А. Пьеттра, Ж. Робишона, М. Вирайи [19, 32, 1, 3, 4, 6–9, 13–17, 20, 26, 30, 36, 33, 34, 37, 39–43, 48, 49].

Преподаватель новейшей истории Ж. Фреймон являлся специалистом в области исследования Саарского вопроса, который был составной частью германской проблемы 1945–1949 гг. [19]. В своём диссертационном социально-политическом исследовании А. Корф проследил эволюцию политики Франции по германскому вопросу в 1945–1950 гг., детально исследовал позиции политических партий, парламента и общественного мнения Франции по германской проблеме [32].

Французские исследователи долгое время не проявляли должного интереса к германской политике Франции в 1945–1949 гг. Интерес к изучению политики оккупационных властей во французской зоне оккупации чётко обозначился только в 1980-х гг. Причины этой задержки скрываются отчасти в самой истории французской зоны оккупации. Из-за политики децентрализации, которую проводили оккупационные власти, французская зона долгое время находилась в политической и экономической изоляции. Следовательно, вклад Франции в образование ФРГ был гораздо меньшим, чем США и Великобритания. По этой причине историки считали второстепенным делом изучать события, происходившие в юго-западных немецких землях. Запоздалый интерес к истории французской зоны оккупации 1945–1949 гг. можно объяснить и многочисленными сложностями, возникающими в ходе исследования проблемы. Доступ к французским архивам был облегчён только в 1986 г., тогда как США уже длительное время практиковали распространение на микрофишах документов о деятельности американской военной администрации. Кроме того, политика децентрализации во французской зоне оккупации Германии спровоцировала раздробленность архивов. Для серьёзного исследования проблемы учёному и в наши дни нередко приходится обращаться к документам нескольких десятков архивов.

В 1980-е гг., особенно во второй половине десятилетия, когда были достигнуты реальные результаты на пути обеспечения международной безопасности, тенденция к более объективному анализу политики держав по германскому вопросу усилилась. В 1983 г. в западногерманском городе Висбадене был издан сборник статей историков ФРГ и Франции под редакцией К. Шарфа и Х.-Ю. Шрёдера под общим названием «Германская политика Франции и французская зона в 1945–1949 гг.» [12], а в 1989 г. в Мюнхене вышла монография М. Кессель «Западная Европа и раздел Германии. Английская и французская германская политика на конференциях министров иностранных дел с 1945 по 1947 гг.» [31].

В 1985 г. в Гёттингене и Цюрихе был издан сборник под названием «Холодная война и германский вопрос. Германия в противостоянии великих держав (1945–1952)», в котором была опубликована статья французца Р. Пуадевена «Новая ориентация французской германской политики в 1948–1949 гг.» [44]. В 1987 г. по результатам франко-германского симпозиума в Тюбингене вышел сборник материалов «Культурная политика Франции в Германии, 1945–1950» [18].

Среди французских исследователей, занимавшихся в этот период германской политикой Франции 1945–1949 гг., можно отметить директора научно-исследовательского центра истории международных отношений и центра германистики Р. Пуадевена [44–47], преподавателя института политических наук г. Парижа А. Гроссера [22–24], журналиста и писателя М. Хиллера [27]. Р. Пуадевен является сторонником провала германской политики Франции, в своих работах он раскрывает все негативные стороны французской политики в Германии. Автор считает, что единственным успехом германской политики Франции было экономическое присоединение Саара. М. Хиллер в своей работе «Французская оккупация в Германии (1945–1949)» на основе неопубликованных архивных документов и многочисленных французских и немецких свидетельствований анализирует историю оккупации и обращает внимание на обстановку, в которой она осуществлялась. Автор убеждён, что, несмотря на многочисленные изъятия и административный хаос, именно с начала французской оккупации Германии имеет смысл говорить о зарождении франко-германского сотрудничества.

В 1990-е гг., когда на международной арене произошли глобальные перемены (крушение мира «глобального социализма», распад СССР, объединение Германии), для исследования германской проблемы

возникли качественно новые условия. Открытие в то же время доступа к ранее секретным архивам СССР и бывшей ГДР дало в руки политиков и учёных уникальные документы, позволившие внести существенные изменения в устоявшиеся оценки событий и процессов.

Некоторые новые подробности Берлинского кризиса 1948–1949 гг. нашли отражение в монографии известного исследователя Французского института, члена Института истории современных международных отношений С. Бюффе [5]. На основе американских и немецких источников и неопубликованных французских архивных документов С. Бюффе раскрывает причины Берлинского кризиса и блокады. По его мнению, блокада Берлина являлась средством давления И.В. Сталина на союзников с целью возобновления четырёхсторонних переговоров по германскому вопросу и препятствия образованию ФРГ. С. Бюффе утверждает, что именно Берлинский кризис стал отправной точкой, позволившей Р. Шуману перейти к непосредственному осуществлению европейской и новой германской политики Франции. Среди французских учёных, занимавшихся в 1990-х гг. германским вопросом 1945–1949 гг., можно выделить преподавателя новейшей истории Института г. Реймса, члена Комиссии по издательству французских дипломатических документов М. Вайса, главного редактора журнала «Международные отношения» П. Гийена, П. Жербе, С. Бюффе, Р. Худемана, А. Лакруа Рица, К. Лоренца [25, 21, 5, 28, 29, 35, 38].

В 1994 г. в Берлине на немецком языке была издана монография французского историка Ж. Барьети «Германский вопрос с французской точки зрения, 1945–1955. Германский вопрос в послевоенное время», затрагивавшая отдельные аспекты германской политики Франции 1945–1949 гг. [2]. Ж. Барьети подчеркнул, что «французское видение германского вопроса после Второй мировой войны является важным и очень многовариативным» [2, с. 172]. Его непредвзятое и объективное изучение осложняется тем, что архивы Кэ д'Орсэ по германскому вопросу открылись только в 1960 г., а сами архивные документы МИДа за 1944–1954 гг. французы стали выборочно публиковать только с начала 1990-х гг. Французские репарации с Германии исследовал К. Лоренц [38]. Особенно следует выделить справочное издание, опубликованное В. Бенцем в 1999 г. в Берлине, «Германия под союзнической оккупацией. 1945–1949/55», где содержатся материалы обзорного характера и статьи по германской политике Франции и положению во французской зоне оккупации [11]. В 2000 г. в Мюнхене вышла коллективная монография «Германия и Франция. От конфликта к примирению. Оформление западноевропейской безопасности, 1914–1963», косвенно затрагивавшая отношения Франции и Германии в первые послевоенные годы [10].

Таким образом, политика Франции по германскому вопросу в 1945–1949 гг. нашла своё отражение в работах французских исследователей второй половины XX в. Появились специальные монографические издания по данной проблеме, написанные на основе неопубликованных архивных материалов. На основе анализа французской историографии второй половины XX в. по германской политике Франции в 1945–1949 гг. можно выделить основные позиции французских историков в данном вопросе.

Во-первых, до середины 1947 г. позиция Франции по германскому вопросу оставалась наиболее радикальной и антинемецкой. Французская дипломатия в это время являлась проводником внешнеполитических взглядов Ш. де Голля на международной арене. Германская политика Франции исходила, прежде всего, из защиты национальных интересов и укрепления экономических позиций своего государства. Она предусматривала осуществление комплекса мер, направленных на длительное ослабление Германии: отделение Саара, Рура и Рейнской области, децентрализацию и даже дегерманизацию. Однако, капитулировав перед гитлеровской Германией, после Второй мировой войны Франция перестала играть роль великой державы и была вынуждена считаться с мнением США, СССР и Великобритании. Долгое время французское правительство пыталось лавировать между англо-американским блоком и СССР, занимать некую среднюю позицию. Однако в условиях «холодной войны» такая политика потерпела крах. В результате внешнего и внутреннего давления в 1947 г. Франции пришлось переориентировать свою германскую политику. Её было необходимо адаптировать к новым условиям: окончательный разрыв с СССР, необходимость укрепления Западной Европы на международной арене и непосредственное участие Германии в восстановлении европейской экономики. Французское правительство присоединилось к англо-американскому курсу по возрождению Западной Германии в форме Федеративной Республики Германии [19, 32, 13, 44, 45, 28].

Во-вторых, в 1945–1949 гг. политические партии определяли и представляли позицию Франции по германскому вопросу на уровне парламента и правительств. Все политические партии, кроме ФКП, являлись проводниками европейской модели решения германской проблемы, то есть, включения Германии в состав Объединённой Европы. В то же время они опасались быстрых темпов экономического и политического возрождения Германии, которое, по их мнению, угрожало национальной безопасности Франции. Ни одна партия не смогла в течение данного периода придерживаться единой линии поведения по германскому вопросу. Их позиции менялись в зависимости от международной обстановки или потребности получения большинства в правительстве. В ряде случаев позиция партии по германской проблеме представляла собой мнение отдельных её лидеров [47, 5].

После окончания Второй мировой войны внешнеполитическая концепция Франции базировалась на доктрине «голлизма», основной идеей которого было «величие Франции». Французский парламент горячо отстаивал национальные интересы Франции по германскому вопросу. Он считал возможным возрождение

Германии лишь после экономического и политического восстановления Франции. Парламент разрабатывал французские требования относительно будущего устройства Германии и направлял их правительству. Правительство добросовестно в лице Ж. Бидо следовало его требованиям на международных конференциях до середины 1947 г. Однако нерешительность парламента в вопросе присоединения Франции к англо-американскому курсу вынудило правительство самостоятельно пересмотреть германскую политику Франции на международной арене. Парламенту пришлось её одобрить. Постепенно свобода действий правительства в германской политике парализовала инициативу парламента в этой области [22, 23].

В-третьих, в первые послевоенные годы французы были слишком заняты решением внутренних проблем и бытовых вопросов, чтобы уделять должное внимание внешней политике и, в частности, германскому вопросу. До пересмотра правительственного курса Франции по германскому вопросу французское общество полностью доверяло своему правительству, которое защищало, прежде всего, национальные интересы Франции на международной арене. Однако с изменением правительственного курса между французским правительством и общественным мнением произошёл раскол. Французы остались на прежних позициях по отношению к судьбе послевоенной Германии. Они слишком опасались возобновления военной угрозы с её стороны, чтобы одобрить экономическое и политическое возрождение немецкого государства [17, 21, 25].

В-четвёртых, Франция, США, Великобритания и СССР руководствовались принципами «четырёх «Д» в деле обращения с послевоенной Германией: демилитаризации, денацификации, демонополизации и демократизации. Франция в своей зоне оккупации претворяла в жизнь «пятое «Д» – децентрализацию Германии. Французы приложили максимум усилий, чтобы не допустить политического единства французской зоны оккупации. Они предоставили автономию пяти немецким землям и успешно сопротивлялись созданию на территории своей зоны центрального немецкого органа, в отличие от США и Великобритании. Вся полнота власти во французской зоне оккупации была сосредоточена в руках французской военной администрации и главнокомандующего П. Кёнига. П. Кёниг создал разветвлённый бюрократический аппарат, состоявший на 80% из бывших вишистов и неспособный эффективно управлять из-за своей сложной и громоздкой структуры [9, 37, 42, 49, 27].

Политику французских оккупационных властей называют амбивалентной или двойственной, так как она была направлена, с одной стороны, на политическую децентрализацию, а с другой стороны, на сохранение её экономического единства. Принципы «четырёх «Д» во французской зоне оккупации Германии в понимании советских историков не были успешно реализованы. Франция вообще не считала себя связанной Ялтинско-Потсдамскими соглашениями, так как она не участвовала в их разработке. Французы не придавали особенного значения денацификации Германии, так как считали, что абсолютно каждый немец являлся бывшим нацистом. Демонополизация и демилитаризация Германии во французской зоне оккупации осуществлялись в виде репараций, реституций, демонтажей, которые должны были компенсировать ущерб, понесённый Францией за годы гитлеровской оккупации. Наиболее успешными оказались результаты демократических преобразований, так как они были направлены не только на уничтожение наследия нацистского прошлого, но и на развитие франко-германского сотрудничества в области образования, науки, культуры, искусства. Политика французов в своей зоне оккупации предполагала не только компенсацию ущерба Франции. Французы провели ряд конструктивных реформ, направленных на социально-экономическое объединение французской зоны оккупации. Однако на практике не все планы смогли успешно осуществиться из-за сохранения двойственности французской политики [7, 8, 43, 12, 31, 18, 35, 38].

В-пятых, возрождение немецких политических партий и активное сотрудничество с ними в деле послевоенного устройства Германии не входило в планы французских оккупационных властей. Деятельность немецких политических партий во французской зоне оккупации была легализована только в конце 1945 г. Она была разрешена на уровне округов, чтобы не допустить централизации и распространения влияния немецких партий. Только в декабре 1946 г. деятельность немецких политических партий была разрешена на уровне земель. Наибольшую популярность во французской зоне оккупации приобрела партия ХДС, так как её взгляды отвечали приоритетам оккупационных властей. СДПГ, КПП и Демократическая партия так и не смогли окончательно оформиться во французской зоне оккупации. С одной стороны, этому активно препятствовала французская военная администрация, а с другой – они не пользовались достаточной популярностью у немецкого населения [26, 40, 29].

Во французской историографии второй половины XX в. по германской политике Франции в 1945–1949 гг. подчёркивается следование руководящих кругов курсу Ш. де Голля во внешней политике, в том числе и в германском вопросе. Однако реализовать идею «величия Франции» после Второй мировой войны во внешней политике было практически невозможно, поскольку Франция не являлась великой державой. Отсюда происходили постоянное лавирование политического курса Франции в германском вопросе в 1945–1949 гг., раскол между позицией французского правительства и общественным мнением в 1948 г. и, наконец, амбивалентная политика французских оккупационных властей.

1. Badia, G. Histoire de l'Allemagne contemporaine (1917–1962) / G. Badia. – Paris : Éditions sociales, 1975. – Т. II: 1933–1962. – 399 p.
2. Bariéty, J. Die deutsche Frage aus französischer Sicht, 1945–1955. Die deutsche Frage in der Nachkriegszeit / J. Bariéty. – Berlin : Akademie Verlag, 1994. – 232 s.

3. Binoche, J. L'Allemagne et le général de Gaulle (1924–1970) / J. Binoche. – Paris : Plon, 1975. – 229 p.
4. Bjøl, E. La France devant l'Europe. La politique européenne de la IVe République / E. Bjøl. – Copenhague : Munksgaard, 1966. – 456 p.
5. Buffet, C. Mourir pour Berlin. La France et l'Allemagne 1945–1949 / C. Buffet. – Paris : Colin, 1991. – 326 p.
6. Carmoy, G. Les politiques étrangères de la France 1944–1966 / G. Carmoy. – Paris : La table ronde, 1967. – 519 p.
7. Castillon, R. Les réparations allemandes. Deux expériences. 1919–1932. 1945–1952 / R. Castillon. – Paris : Presses universitaires de France, 1953. – 198 p.
8. Christout, J. Le contrôle des biens dans la Zone Française d'occupation en Allemagne / J. Christout. – Paris : S. l., 1947. – 182 p.
9. Coquet, J. de Nous sommes les occupants / J. Coquet. – Paris : Fayard, 1945. – 211 p.
10. Deutschland und Frankreich. Vom Konflikt zur Aussöhnung. Die Gestaltung der westeuropäischen Sicherheit, 1914–1963 / Hrsg. v. Stephen A. Schuker. – München : R. Oldenbourg Verlag, 2000. – 280 s.
11. Deutschland unter alliierter Besatzung. 1945–1949/55. Ein Handbuch. Hrsg. v. W. Benz. – Berlin : Akademie Verlag, 1999. – 494 s.
12. Die Deutschlandspolitik Frankreich und die französische Zone. 1945–1949 / Hrsg. C. Scharf und H.-J. Schröder. – Wiesbaden : Franz Steiner Verlag GMBH, 1983. – 317 s.
13. Dumaine, J. Quai d'Orsay (1945–1951) / J. Dumaine. – Paris : Julliard, 1955. – 591 p.
14. Dupeux, G. La France de 1945 à 1965 / G. Dupeux. – Paris : Colin, 1969. – 384 p.
15. Durand, P. Vingt ans. Chronique 1945–1965 / P. Durand. – Paris : Éd. sociales, 1965. – 445 p.
16. Duroselle, J.-B. L'Europe de 1815 à nos jours. Vie politique et relations internationales / J.-B. Duroselle. – Paris : Presses Universitaires de France, 1964. – 451 p.
17. Duroselle, J.-B. L'opinion publique et la politique étrangère / J. -B. Duroselle. – Paris : Colin, 1954. – 288 p.
18. Frankreichs Kulturpolitik in Deutschland, 1945–1950. Ein Tübinger Symposium 19 und 20. September 1985 / Hrsg. von Franz Knipping und Jacques Le Rider. – Tübingen : Attempto Verlag Tübingen GMBH, 1987. – 424 s.
19. Freymond, J. Le Conflit sarrois 1945–1955 / J. Freymond. – Bruxelles : Solvay, 1959. – 439 p.
20. Galliano, P. La France de la Quatrième République / P. Galliano // Histoire de la France / Dir.: R.Philippe. – Paris, 1972. – V. 19: 1945–1958. – 256 p.
21. Gerbet, P. Le relèvement. 1944–1949 / P. Gerbet. – Paris : Imprimerie nationale, 1991. – 481 p.
22. Grosser, A. Affaires extérieures: La politique de la France, 1944–1984 / A. Grosser. – Paris : Flammarion, 1984. – 347 p.
23. Grosser, A. L'Allemagne de notre temps 1945–1948 / A. Grosser. – Paris : Pluriel, 1978.
24. Grosser, A. L'Allemagne de notre temps 1945–1970 / A. Grosser. – Paris : Fayard, 1970. – 641 p.
25. Guillen, P. La question allemande (1945–1995) / P. Guillen. – Paris : Imprimerie nationale Éditions, 1996. – 236 p.
26. Harcourt, R. Les Allemands d'aujourd'hui / R. Harcourt. – Paris : Hachette, 1948. – 320 p.
27. Hiller, M. L'occupation française en Allemagne (1945–1949) / M. Hiller. – Paris : Balland, 1983. – 400 p.
28. Hudemann, R. L'occupation française en Allemagne / R. Hudemann // L'Allemagne occupée. 1945–1949. Sous la direction de Henri Ménudier. – Bruxelles: Éditions Complexe, 1990. – P. 221–242.
29. Hudemann, R. La France et le Conseil de contrôle interallié en Allemagne (1945–1949) / R. Hudemann // Revue d' Allemagne. – Avril-juin 1989. – Tome XXI, № 2. – P. 235–256.
30. Jouvenel, B. L'Amérique en Europe. Le plan Marshall et la coopération internationale / B. Jouvenel. – Paris : Plon, 1948. – 326 p.
31. Kessel, M. Westeuropa und die deutsche Teilung: England und französische Deutschlandspolitik auf den Aussenministerkonferenzen von 1945 bis 1947 / M. Kessel. – München : R. Oldenburg Verlag, 1989. – 321 s.
32. Korff, A. Le Revirement de la politique extérieure française entre 1945 et 1950 / A. Korff. – Ambilly-Annemasse : Imp. franco-suisse, 1965. – 367 p.
33. La Gorce, P.-M. De Gaulle entre deux mondes. Une vie et une époque / P.-M. La Gorce. – Paris : Fayard, 1964. – 766 p.
34. La Gorce, P.-M. Naissance de la France moderne. L'Après guerre 1944–1952/ P.-M. La Gorce. – Paris : Grasset, 1978. – 525 p.
35. Lacroix Riz, A. Politique scolaire et universitaire en Allemagne occupée / A. Lacroix Riz // Gabriele Clemens (Hrsg.): Kulturpolitik im besetzten Deutschland 1945–1949. – Stuttgart : Verlag, Franz Steine, 1994. – S. 131–184.
36. Lagor, J.-L. Le temps de l'impoture et du refus 1944–1947 / J.-L. Lagor. – Paris : Indépendance française, 1947. – 175 p.
37. Liddell, H. L'Éducation de l'Allemagne occupée / H. Liddell. – Paris : Rivière, 1949. – 148 p.
38. Lorentz, C. La France et les Restitutions Allemandes au lendemain de la seconde guerre mondiale (1943–1954) / C. Lorentz. – Paris : Ministère des Affaires Étrangère, 1998. – 348 p.
39. Mauriac, C. Un autre De Gaulle. Journal 1944–1954. Le temps immobile / C. Mauriac. – Paris : Hachette, 1970. – 411 p.
40. Ménudier, H. L' Allemagne après 1945. Guide de recherches 4 / H. Ménudier. – Paris : Colin, 1972. – 226 p.
41. Meyrowitz, H. La Répression par les Tribunaux Allemands des Crimes contre l'Humanité et de l'Appartenance à une Organisation Criminelle, en application de la loi №10 du Conseil de Contrôle Allié / H. Meyrowitz. – Paris : Pichon & Durand-Auzias, 1960. – 514 p.
42. Morin, E. Allemagne, notre souci. La situation politique / E. Morin. – Paris : Éditions hier et aujourd'hui, 1947. – 376 p.
43. Piettre, A. L'économie allemande contemporaine (Allemagne Occidentale), 1945–1952 / A. Piettre. – Paris : Éditions M.-Th. Genin, 1952. – 672 p.
44. Poidevin, R. Die Neuorientierung der französischen Deutschlandpolitik 1948/49 / R. Poidevin // Kalter Krieg und deutsche Frage. Deutschland im Widerstreit der Mächte (1945–1952) / Hrsg. Foschepoth J. – Göttingen – Zürich : Vandenhoeck u. Ruprecht, 1985. – 388 s.
45. Poidevin, R. Le facteur Europe dans la politique allemande de Robert Schuman dans l'histoire des débuts de la construction européenne (mars 1948 – mai 1950) / R. Poidevin. – Bruxelles : Bruylant, 1986. – 423 p.
46. Poidevin, R. Les relations franco-allemandes. 1815–1975 / R. Poidevin, J. Bariéty. – Paris : Colin, 1977. – 480 p.
47. Poidevin, R. Politiques et chrétiens. Robert Schuman par Raymond Poidevin. Témoignage de Raymond Barre / R. Poidevin. – Paris : Beauchesne, 1988. – 253 p.
48. Robichon, J. L'affaire de Berlin. 1945–1959 / J. Robichon, J. Ziegelmeyer. – Paris : Gallimard, 1959. – 333 p.
49. Virally, M. L'administration internationale de l'Allemagne du 8 mai 1945 au 24 avril 1947 / M. Virally. – Paris : Éditions A. Pedone, 1948. – 180 p.

СССР И КИТАЙ В 1950-Х–1960-Х ГГ.: ВЗГЛЯД АНГЛОЯЗЫЧНЫХ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ

Е.Г. Сакович (Минск, Беларусь)

Прежде всего, стоит пояснить термин «англоязычная историография», который использовался в настоящей статье для анализа мнений авторов на проблематику взаимоотношений СССР и Китая в 1950-х - 1960-х гг. В академическом сообществе в отношении термина «англоязычная историография» отсутствует единое мнение, какие именно государства должны быть включены в этот список. Одни ученые ограничивают употребление данного термина только двумя странами – США и Канадой (англоязычная часть). Другие, напротив, предпочитают использовать термин в более широком смысле и утверждают о необходимости включения в «англоязычный» список Новой Зеландии и ЮАР. Третьи сходятся во мнении в том, что тот список следует ограничить только четырьмя государствами – Великобританией, США, Канадой и Австралией [14, с. 13]. Поливариантный подход авторов к выбору стран объясним, в том числе, происходящими процессами в современном научном мире, связанными с постепенным стиранием границ национальных историографий и формированием единого научного поля с включением в него ученых из разных стран. Обмен международным исследовательским опытом, появление международных научных программ, написание совместных работ англо- и русскоязычными учеными, – все это свидетельствует о наличии интеграционных процессов в научном мире.

Первостепенное значение в академических кругах получила проблема концептуального обоснования причин разногласий СССР и Китая. Проследить закономерности конфликта ученые пытались с помощью концепций, применяемых в анализе функционирования и распада империй. Дж. Гросс отмечал, что СССР, унаследовав от Российской империи экспансионизм, стремился расширить свое влияние посредством формирования «социалистического лагеря», который географически объединил обширную территорию от Венгрии до Китая. При этом автор подчеркивал, что СССР, как любая другая империя, оказался не в состоянии длительное время сдерживать стремительный рост на окраинах [3, р. 272].

О процессах раскола в советской империи писал Б. Морис. Ученый утверждал, что Китай и Югославия, в отличие от остальных социалистических сателлитов, имели исторически сложившиеся предпосылки для разрыва с СССР, так как национализм там имел всегда сильные позиции [5, р. 137].

Некоторые авторы предложили альтернативные концепции в объяснении советско-китайского конфликта и попытались истолковать начало разногласий между двумя государствами с помощью «идеологической» концепции. Впервые ее использовал Б. Вульф в статье «Коммунистическая идеология и советская внешняя политика», опубликованной в 1962 г. в журнале «Международные отношения» (*Foreign Affairs*), для объяснения нарастания дестабилизационных процессов в странах социалистического лагеря в 1950-е гг. Ученый утверждал, что «большевистская идеология с момента своего возникновения представляла собой своеобразную смесь догматизма и тактической гибкости» [11, р.159]. Автор считал, что подобный тип идеологии не может существовать длительное время без изменений, которые могут вызвать различные факторы [11, р.159].

К «идеологической» концепции в объяснении противоречий по линии СССР- социалистические страны обращался Дж. Кеннан. Исследователь утверждал, что СССР посредством силы распространял идеологию в странах Восточной Европы и Азии, что в итоге вызвало в некоторых из них процессы отклонения от советского образца и стремления к собственной легитимизации [4, р. 860].

Вопрос поиска соответствующей дефиниции советско-китайским разногласиям в академической среде получил первостепенное значение. В ходе активной полемики единой точки зрения так и не было выработано в силу того, что исследователи использовали различные критерии оценки. Одни ученые (В. Гриффит), подчеркивая глубокую природу двусторонних разногласий, утверждали о правомерности использования термина «фаскол» [2, р. 130], другие (Д. Загория) указывали на их кратковременный характер и считали целесообразным применить определение «конфликт» или «спор» [12, р. 45], третьи (Х. Сельсбери) утверждали, что обострение советско-китайских отношений середины 1950-х гг. имело итогом дестабилизацию всего социалистического лагеря, и настаивали на использовании дефиниции «война» [6, р. 47].

Поливариантный подход англоязычных исследователей прослеживается и в рассмотрении причин начала раскола, установлении точного года и определении инициатора. Х. Сельсбери и Д. Флойд активно проводили в жизнь идею о том, что глубокие корни конфронтационного поведения двух государств были заложены, по выражению авторов, еще в «седой древности». Д. Флойд в исследовании «Мао против Хрущева. Краткая история китайско-советского конфликта», считал, что основа разногласий сформировалась еще в XIX в. и проявилась в соперничестве за приобретение новых территорий и постоянном дипломатическом и экономическом давлении на Китай со стороны России [1, р. 54].

Британский ученый Р. Свиринген, обращаясь к определению истоков разногласий, видел их в особенностях исторического развития Китая. Ученый выделял два базисных фактора, которые, на его взгляд, предопределили неизбежность конфронтации: историко-культурное наследие страны и многовековую неприязнь Китая к России и Западу. Антизападные и антисоветские настроения китайского лидера были

продиктованы его стремлением взять реванш за политику России и Запада в отношении Китая в XVIII-XIX вв. и таким образом повысить свой авторитет в мировом коммунистическом движении [8, p. 119].

На комплексном подходе в определении причин советско-китайского раскола настаивали авторы сборника статей «Сравнение коммунизма: советская, китайская и югославская модель», опубликованного в 1976 г. С. Шрэм, освещающий китайскую тематику сборника, считал, что глубокие корни конфронтации лежат в исторических, геополитических и культурных особенностях двух стран, а также в идеологических и политических различиях между КПСС и КПК [7, p. 161].

Что касается проблемы установления инициатора раскола, в академической англоязычной среде имелись противоположные точки зрения. С. Жишуа проследил роль Мао Цзэдуна в обострении отношений с СССР. Автор, как и большинство исследователей, признавал ответственность китайского лидера в начале и эскалации конфликта. С. Жишуа в качестве даты раскола называл 1958 г., хотя при этом отмечал, что начиная с 1945 г. советско-китайские отношения можно рассматривать как его вводную часть. Мао Цзэдун уже в середине 1940-х гг. был убежден в необходимости занять место СССР в «социалистическом лагере», а смена власти в Кремле в марте 1953 г. только укрепила его намерения [13, p. 216-217].

Альтернативную точку зрения на проблематику предложил Д. Вэнг в статье «Ссорящиеся братья: новые китайские архивы и пересмотр китайско-советского раскола, 1959-1962», основанной на китайских архивных источниках. Автор отмечал, что большинство ученых, работавших в период «холодной войны», были склонны рассматривать китайского лидера в качестве инициатора советско-китайской конфронтации. Новые архивные источники, как подчеркивал ученый, свидетельствуют о том, что Мао Цзэдун занимал более реалистичную позицию и вплоть до 1959 г. стремился предотвратить обострение отношений. После открытого столкновения с США в Тайваньском проливе в 1958 г. китайский лидер стал опасаться рецидива и пытался убедить советское руководство в том, что «Америка представляет самую большую опасность и Китаю, и СССР, которых рано или поздно может поймать в ловушку» [10, p. 69].

Идею обоюдной ответственности китайской и советской сторон в начале конфликта предложил У. Таубман, который в исследовании «Хрущев против Мао: изучение роли персонального фактора в развитии советско-китайского раскола» на основе воспоминаний Н.С. Хрущева представил доказательства виновности обоих. Анализируя развернувшуюся полемику между китайским и советским лидером, исследователь утверждал, что Мао Цзэдун в выпадах по отношению к Н.С. Хрущеву сознательно старался его унижить. В свою очередь, Н.С. Хрущев также не скупился на эпитеты и называл Мао «азиатом». В. Таубман отмечал, что имевшая место полемика – это реакция Мао Цзэдуна и Н.С. Хрущева друг на друга, истоки которой лежат в личных качествах советского лидера, в котором честолюбие и низкий культурный уровень поразительно сочетались с огромными амбициями, и китайского лидера – принципиального и неуступчивого [9, p. 171].

Таким образом, в изучении взаимоотношений СССР и КНР в 1950-х-1960-х гг. англоязычные авторы акцентировали внимание на рассмотрении причин начала двусторонних разногласий, выявлении их инициатора и поиска подходящей дефиниции для наименования нарастающих разногласий между двумя странами. Немаловажное значение придавалось и концептуальному обоснованию противоречий между СССР и Китаем.

1. Floyd, D. Mao Against Khrushchev: a Short History of the Sino-Soviet Conflict / D. Floyd. – New York : Praeger, 1963. – viii, 456 p.
2. Griffith, W. Albania and the Sino-Soviet Rift / W. Griffith. – Cambridge : M.I.T. Press, 1963. – xv, 423 p.
3. Gross, G. Communist Divided: Some Considerations for American Policy / G. Gross // The Russian Review. – 1969. – № 3. – P. 265–276.
4. Kennan, G (X) The Sources of Soviet Conduct / G. Kennan // Foreign Affairs. – 1987. – № 4. – P. 852–868.
5. Morris, B. Soviet Policy toward National Communism: the Limits of Diversity / B. Morris // American Political Science Review. – 1959. – № 1. – P. 128–137.
6. Salisbury, H. War between Russia and China / H. Salisbury. – New York : Norton, 1969. – 224 p.
7. Schram, S. Chinese and Leninist Components in the Personality of Mao Tse-Tung / S. Schram // Comparative Communism: the Soviet, Chinese and Yugoslav Models / completed by G. Bertsch, T. Ganschow. – San Francisco : W.H. Freeman, 1976. – P. 151–162.
8. Swearingen, R. Moscow-Peking Relations in Perspective / R. Swearingen // Soviet and Chinese Communist Power in the World Today / edited by R. Swearingen. – New York : Basic Books, 1966. – P. 102–122.
9. Taubman, W. Khrushchev vs Mao. A Preliminary Sketch of the Role of Personality in the Sino-Soviet Split / W. Taubman // Cold War International History Project [Electronic resource]. – Bulletin № 10. – P. 162–182. – Mode of access: http://www.wilsoncenter.org/index.cfm?topic_id=1409&fuseaction=topics.publications&group_id=11904. – Date of access: 01.05.2011.
10. Wang, D. The Quarrelling Brothers: New Chinese Archives and Reappraisal of the Sino-Soviet Split, 1959–1962 / D. Wang // Cold War International History Project [Electronic resource]. – Working Paper № 49. – 86 p. – Mode of access: http://www.wilsoncenter.org/index.cfm?topic_id=1409&fuseaction=topics.publications&group_id=11903. – Date of access: 01.05.2011.
11. Wolfe, B. Communist Ideology and Soviet Foreign Policy / B. Wolfe // Foreign Affairs. – 1962. – № 1. – P. 152–170.
12. Zagoria, D. Vietnam Triangle; Moscow, Peking, Hanoi / D. Zagoria. – New York : Pegasus, 1967. – xiv, 286 p.
13. Zhihua, S. After Learning to One Side: China and Its Allies in the Cold War / S. Zhihua. – Washington ; D. C. : Woodrow Wilson Center Press ; Stanford, Calif. : Stanford University Press, 2011. – xix, 352 p.
14. Шабасова, М.А. Англо-американская историография политической истории России 1991–1999 гг. : дисс. ... канд. ист. наук : 07.00.09 / М.А. Шабасова. – Минск, 2008. – 139 с.

ТАКТИЧЕСКАЯ УЛОВКА ИЛИ УТРАЧЕННАЯ ВОЗМОЖНОСТЬ? ОЦЕНКА НОТЫ СТАЛИНА 1952 Г. В АНГЛО-АМЕРИКАНСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

И.И. Ковяко (Минск, Беларусь)

Советские инициативы 1952 г. по германскому вопросу, предполагавшие создание единой нейтральной Германии, стали не только причиной оживленных дискуссий в политических и общественных кругах того времени, но также подверглись тщательному анализу со стороны научного и академического сообщества. В первую очередь, интерес к ноте Сталина и последовавшей «битве нот» великих держав проявили историки-германисты и международники США, Великобритании, Франции, ФРГ. В результате исследования работ британских и американских историков было установлено, что при изучении указанной проблемы в англо-американской историографии второй половины XX – начала XXI вв. сформировались два основных подхода.

Большинство авторов являются представителями *консервативного направления*. Они склонны рассматривать ноту Сталина от 10 марта 1952 г. как тактический прием советской стороны, направленный на предотвращение ремилитаризации Западной Германии и срыв переговоров о включении ФРГ в европейские и атлантические интеграционные структуры. С их точки зрения, советские инициативы 1952 г. (от 10 марта, 9 апреля, 24 мая и 23 августа) изначально не содержали основ для конструктивного обсуждения и разрешения германского вопроса. Следует отметить, что среди последователей данного направления преобладают американские историки, подобная категоричность суждений в меньшей степени характерна для представителей научного сообщества Великобритании.

В качестве основного аргумента представители консервативного подхода используют дату выработки и рассылки ноты (канун подписания комплекса документов о создании Европейской оборонной общности с участием ФРГ). По их мнению, опыт четырехсторонних переговоров предшествовавших лет, активная антизападная риторика советских СМИ и холодный прием, оказанный Дж. Кеннану в Москве в мае 1952 г., также не свидетельствовали о серьезности намерений СССР пойти на компромисс в германском вопросе. Американский историк **Вольфрам Ханридер** (Калифорнийский Университет) в работе «Внешняя политика Западной Германии, 1949–1963. Международное давление и внутренний ответ» (1967) пришел к выводу, что «нота Сталина была в лучшем случае *стратегемой, нацеленной на подрыв западного альянса, в худшем случае – проектом распространить советское влияние на всю Германию*» [4, с. 71].

Исследователи отмечают, что советские инициативы содержали в себе много неопределенности, некоторые их пункты таили угрозу вовлечения объединенной Германии в сферу влияния СССР. В частности, это касалось предложения запретить на территории единого государства деятельность любых организаций, враждебно настроенных по отношению к одной из держав-победительниц. Американский историк, сотрудник Центра международных исследований Гарвардского Университета **Джеймс Ричардсон** полагает, что нота Сталина могла быть одновременно и средством затягивания времени в процессе принятия решения о ремилитаризации ФРГ, и инструментом политического торга. В своей работе «Германия и Атлантический альянс: взаимодействие стратегии и политики» (1966) он приходит к выводу, что «*на приемлемый торг надежды было мало*», поскольку в ходе предыдущих встреч между западными союзниками и СССР обозначились слишком серьезные расхождения по германской проблеме. Следовательно, главная цель ноты Сталина заключалась в том, чтобы предотвратить включение ФРГ в западные экономические и оборонительные структуры. Это, в свою очередь, привело бы к негативным последствиям для экономического развития и интеграции Европы [8, с. 27, 113–114].

Подобной позиции придерживаются американские исследователи **Тони Джадт**, **Томас Банхоф**, **Уильям Смайсер**. Профессор Нью-Йоркского Университета Т. Джадт отмечает, что советская сторона изначально не рассчитывала получить согласие стран Запада на создание единой нейтральной Германии в центре Европы. В интересах безопасности СССР было либо сохранить существовавший раскол, позволив каждой из великих держав нести свою долю ответственности, либо установить советский контроль над всей Германией [6, с. 243]. По мнению Т. Банхофа (Мичиганский Университет, США), советская дипломатическая инициатива преследовала цель сорвать ремилитаризацию ФРГ и «*вбить клин между Бонном и западными державами*». Заманивая для западногерманской общественности и некоторых политических сил перспектива объединения страны была умело противопоставлена планам европейской интеграции и ремилитаризации ФРГ [1, с. 25]. Профессор Джорджтаунского университета США У. Смайсер в своей работе «От Ялты до Берлина: борьба за Германию в годы холодной войны» (1999) отмечал, что архивные документы СССР и ГДР не содержат подтверждения того, что в 1950-е гг. И.В. Сталин был готов принять объединение Германии и отказаться от ГДР. Туманные формулировки мартовской ноты 1952 г. не позволяли понять, чего именно хочет советский лидер. И.В. Сталин мог получить единую Германию, позволив немцам в какой-то форме сделать свой выбор. Однако к тому времени В. Ульбрихт настолько дискредитировал коммунистическое правительство, что выбор немецкого народа в итоге обернулся бы против СССР. Эта была дилемма, с которой столкнулся И.В. Сталин, и решение которой не предусматривалось нотами 1952 г. [9, с. 118].

Несмотря на то, что мартовская нота содержала идею единой Германии, Запад не считал цену объединения приемлемой. Авторы консервативного направления отмечают опасный и непредсказуемый характер единой нейтральной Германии, которая могла попасть в сферу влияния СССР или вернуться к «тактике маятника» и попытаться играть на противоречиях Востока и Запада, провоцируя третью мировую войну [1, с. 26-27; 6, с. 244; 8, с. 27].

Другая группа исследователей представляет *рационалистическое направление* и склонна интерпретировать советскую инициативу от 10 марта 1952 г. как нацеленную на запуск конструктивных переговоров по германской проблеме. Авторы приходят к выводу, что ввиду незаинтересованности стран Запада в создании единой нейтральной Германии, эти инициативы никогда серьезно не изучались и не рассматривались в качестве предпосылки для возобновления переговоров. Процесс включения экономического и военно-политического потенциала ФРГ в западные структуры, форсированный США еще в 1950 г., оказался к тому времени необратим. По замечанию историка-германиста **Мэри Фулбрук** (Университетский колледж Лондона), «США и Великобритания зашли слишком далеко в планировании ремилитаризации, чтобы всерьез рассматривать советские предложения» [2, с. 261].

Вместе с тем исследователи отмечают, что страны Запада не могли напрямую отклонить советские предложения. Это означало бы отказ от обсуждения самой идеи единой Германии и могло негативно сказаться на процессе подписания и ратификации документов ЕОС. Необходимо было также учитывать общественное мнение по германскому вопросу, как в странах-победительницах, так и в ФРГ. При таких обстоятельствах ответные ноты Запада использовались как средство затягивания времени до подписания договора о создании ЕОС. Историки **Джеральд Хьюджз** (Университет Аберистута, Уэльс) и **Спенсер Моби** (Лондонская школа экономики) отмечают, что формулировки западных нот изначально были неприемлемы для советской стороны. На практике Запад не предпринял никаких шагов для возобновления переговоров по германскому вопросу [5, с. 16; 7, с. 105].

Представители рационалистического направления отмечают, что, несмотря на отсутствие очевидных доказательств в рассекреченных архивных документах, в 1952 г. И.В. Сталин с высокой долей вероятности был готов отказаться от ГДР и принять единую нейтральную Германию. Профессор Университета Огайо **Джон Льюис Гэддис** отмечал, что Сталин никогда не стремился к образованию независимого восточногерманского государства, и «полностью допустимо, что он рассматривал восточногерманский режим как расходный материал». В своей работе «Теперь мы знаем. Переосмысливая историю холодной войны», изданной Оксфордским Университетом в 1998 г., Дж.Л. Гэддис назвал ноту Сталина «последней попыткой» и «хрупкой надеждой» достичь согласия со странами Запада по германской проблеме [3, с. 127-128].

Таким образом, представители консервативного направления рассматривают ноту Сталина как тактическую уловку советской стороны, направленную на получение стратегического преимущества в ходе разрешения германского вопроса. Последователи рационалистического подхода в большей мере склонны оценивать мартовские предложения Сталина как утраченную возможность оперативного германского урегулирования. Несмотря на различия в оценках советской инициативы 1952 г., представители как консервативного, так и рационалистического направления приходят к схожим выводам: в конце 1952 – начале 1953 г. И.В. Сталин осознал невозможность быстрого объединения Германии и перешел к политике тесной интеграции ГДР в советский блок. Этот курс укрепился после июньского восстания в Восточной Германии, отстранения Л. Берии от власти и был окончательно оформлен в связи со вступлением ФРГ в НАТО в 1955 г.

1. Banchoff, T. The German problem transformed: institutions, politics and foreign policy, 1945–1995 / Thomas Banchoff. – Michigan: The University of Michigan, 1999. – 230 p.
2. Fulbrook, M. A history of Germany, 1918–2008. The divided nation / Mary Fulbrook. – Oxford: Willey-Blackwell, 2009. – 737 p.
3. Gaddis, J.L. We now know. Rethinking Cold War history / John Lewis Gaddis. – Oxford: Oxford University Press, 1998. – 425 p.
4. Hanrieder, W.F. West German Foreign policy, 1949–1963. International pressure and domestic response / Wolfram Hanrieder. – Stanford: Stanford University Press, 1967. – 275 p.
5. Hughes, G. Britain, Germany and the cold war. The search for European détente, 1949–1967 / Gerald Hughes. – London; New York: Routledge, 2007. – 253 p.
6. Judt, T. Postwar. A history of Europe since 1945 / Tony Judt. – New York: Penguin Press, 2005. – 967 p.
7. Mawby, S. Containing Germany. Britain and the arming of Federal Republic / Spencer Mawby. – Basingstoke: Palgrave Macmillan, 1999. – 244 p.
8. Richardson, J.L. Germany and the Atlantic Alliance : The interaction of strategy and politics / James L. Richardson. – Cambridge (Mass.): Harvard University, 1966. – 403 p.
9. Smyser, W. From Yalta to Berlin: The cold war struggle over Germany / William Smyser. – New York: St. Martin's Griffin, 1999. – 465 p.

ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ ФОРМИРОВАНИЯ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ СТАНОВЛЕНИЯ СИСТЕМЫ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ НА ТЕРРИТОРИИ БЕЛАРУСИ (КОНЕЦ XIX – НАЧАЛО XXI ВЕКА)

А.А. Каплиев (Минск, Беларусь)

Изучение истории медицины и здравоохранения долгое время не являлось активно развивавшейся частью научного дискурса. Данная тенденция во многом объясняется фактическим отсутствием традиций изучения истории медицины именно как части исторической науки, однако настоящее время, учитывая междисциплинарный характер темы и общественную значимость, её изучение приобрело значительную популярность и актуальность. Настоящее исследование представляет собой характеристику основных этапов формирования белорусской историографии по вопросам истории развития медицины и здравоохранения с выделением уникальных особенностей данного научного направления и кратким обзором основных изучаемых проблем.

Предварить аналитическое обозрение историографии по проблемам формирования системы охраны здоровья на территории Беларуси следует важнейшим замечанием, необходимым для пояснения ниже следующей характеристики. Тема развития медицины Беларуси как самостоятельный предмет изучения фактически не исследовалась с применением всего инструментария профессиональной исторической оптики, что обусловлено рядом факторов, среди которых одним из ключевых является высокий «порог вхождения» в специфику изучаемой проблемы, а также её низкая аттрактивность для специалиста-историка отчасти ввиду узости специфики.

Исходной посылкой развития данной тенденции стал наиболее распространённый тип самого исследователя, который не являлся историком по образованию, а только врачом-практиком, либо организатором здравоохранения. С одной стороны, статус медработника позволял сформировать развернутое представление об изучаемом вопросе, а зачастую также иметь доступ к ведомственной документации, недоступной учёному-историку, что помогало разнообразить научный дискурс не введёнными ранее в научный оборот источниками. Однако отсутствие исторической школы анализа с применением специальных исторических методов часто приводило к неверным выводам, даже в случае привлечения достаточно широкой источниковой базы, отвечавшей всем критериям репрезентативности. В данном контексте перед настоящим исследованием стояло две задачи:

1. из числа работ по истории медицины, выполненных исследователями без исторического образования вычленив обладающие наибольшей научной компетенцией;
2. объединив получившийся круг источников с относительно немногочисленными работами профессиональных историков, сузить получившуюся общность к исследованиям, в достаточной степени затрагивающим изучаемую проблему, чтобы повлиять на развитие научной мысли в целом.

Начальный этап формирования научного дискурса в сфере изучения истории медицины (конец XIX в.) характеризовался достаточно «камерным» по числу вовлечённых исследователей пространством и преимущественным участием в нём непосредственных организаторов здравоохранения, что наложило свой отпечаток на объективность отдельных авторов. Вместе с тем, в отличие от последующего периода, на начальном этапе формирования обобщений в сфере историко-медицинских исследований наблюдались интенсивные контакты с коллегами из ближнего зарубежья, пристальное внимание к инновациям соседей, что повышает значимость выполненных исследований для всего историографического комплекса по теме.

Общие тенденции и предпосылки развития медицинской организации на территории Беларуси излагали в своих трудах активные члены врачебного сообщества П. Грацианов и К. Кононович [7, 12]. Наиболее информативными и значимыми с точки зрения выделения важнейших вех в развитии медицинской организации на территории Беларуси служат публикации членов Минского врачебного общества С. Урванцова, Р. Розенберга, М. Поляка, С. Балковца, которые стояли у истоков формирования службы охраны здоровья в Минской губернии [5, 19]. После установления власти большевиков многие участники дореволюционной научной дискуссии влились в состав советского аппарата здравоохранения. Не сворачивая публицистическую активность, они, тем не менее постепенно коррелировали свои позиции в соответствии с господствующей идеологией, что, зачастую, не позволяет отнести исследования данного периода к валидным с точки зрения объективности [22].

В целом, на протяжении межвоенного периода, теоретическим и историческим обобщением процесса становления здравоохранения занимались, в основном, видные организаторы советского здравоохранения. Значимую часть исследований составляли теоретические выкладки руководителей высшего звена, например народного комиссара здравоохранения БССР Н. Барсукова, работы которого в преимущественно комплементарной манере постулировали необходимость организации сельской медицины, как первоочередной задачи советского здравоохранения в БССР [6].

Послевоенный период в белорусской советской историографии можно охарактеризовать как наиболее продуктивный этап в формировании научного дискурса по вопросам истории медицины. Одним из наи-

более значимых представителей советской школы изучения истории медицины во второй половине XX в. стал профессор Г. Крючок. Его монография «Очерки истории медицины Белоруссии» и сегодня занимает лидирующие позиции по степени цитируемости в работах по истории здравоохранения на территории Беларуси [14]. Под руководством профессора Г. Крючка сложилась целая плеяда исследователей истории медицины, которые подготовили ряд кандидатских диссертаций, заложивших основные направления изучения развития медицинской организации Беларуси.

Изучению становления советского здравоохранения в начальный период после прихода к власти большевиков посвящены исследования Н. Змачинской [9]. Несмотря на преимущественно комплементарный характер анализа, в результате исследования было выявлено характерное для изученного автором периода отставание регионов Беларуси от столицы в уровне развития медико-санитарной помощи, которое сохранялось до конца 1920-х гг.

В ряду учеников Г. Крючка следует выделить К. Анищенко, хронологические рамки исследований которого ограничивались концом 1920-х – началом 1930-х гг. [3, 4]. Квинтэссенцией работ автора стал тезис, что именно «предвоенные пятилетки» стали периодом форсированного развития медицинской организации БССР, что было непосредственно связано с ростом агропромышленного комплекса Беларуси в данный период.

Важное место в проблематике формировавшегося в 1960–1980-е гг. научного дискурса стало занимать изучение здравоохранения города Минска, как одного из наиболее развитых городов Беларуси. Здравоохранению дореволюционного Минска посвящена диссертационная работа А. Косача [13]. Несмотря на хронологические рамки исследования («период капитализма») на примере Минска автор освещает также самый сложный переходный период 1918–1919 гг. и начальный этап формирования советского здравоохранения на территории Беларуси, что имеет большое значение для понимания и правильной трактовки сущности советской медицины. Автор показал, что большинство новых органов здравоохранения формировалось из активных членов врачебных обществ «буржуазной формации», однако в дальнейшем, после прохождения чрезвычайного периода, деятели дореволюционного периода постепенно отходят от активной организаторской работы.

В процессе формирования советской школы изучения истории медицины также возродилась традиция изучения врачебных обществ дореволюционной Беларуси. В данном контексте особое значение приобрело диссертационное исследование А. Молчанова, посвящённое медицинским обществам Беларуси [16]. Значимую роль в формировании структур охраны здоровья, особенно на начальном этапе их существования, сыграло общество Красного Креста, изучение эволюции организационных основ и деятельности которого вела ещё одна ученица Г. Крючка – А. Петрова [18]. Следует отметить, что исследование А. Петровой являлось одной из немногочисленных работ, выполненных в отрасли исторических, а не медицинских наук, которые составляли подавляющее большинство в контексте рассмотрения вопросов истории медицины. Вместе с тем, работа А. Петровой полностью «игнорирует» деятельность Красного Креста на территории Западной Беларуси (несмотря на заявленные в теме диссертации географические рамки исследования), что значительно снижает валидность диссертации, однако объяснимо общей малоаттрактивностью для советских историков темы развития медицины на территории Западной Беларуси в межвоенный период.

Следует отметить, что вся совокупность работ учеников Г. Крючка, несмотря на явную идеологическую предубежденность, значительно снижавшую объективность проведённого анализа, выполнена на высоком уровне с привлечением большого числа оригинальных архивных источников, что делает их актуальными, даже с учётом морально устаревшей с позиций современного историка методологических основ.

Характеризуя окончание «советского периода» развития историографии формирования белорусского здравоохранения, следует отметить одну из немногих обобщающих работ по истории медицины Беларуси («С факелом Гиппократ»), авторство которой принадлежит историку В. Грицкевичу [8]. Следует отметить, что исследования автора в абсолютном большинстве хронологически ограничивались периодом средневековья и нового времени, однако выработанные и использованные методологические и источниковедческие приёмы, несомненно, оказали значительное влияние на развитие историко-медицинского анализа в целом.

После восстановления независимости Беларуси огромное научное значение возымел выход серии историко-краеведческих книг «Память», посвящённых истории регионов Беларуси. Несмотря на научно-популярный характер издания, собранные краеведами и историками материалы стали серьёзным вкладом в том числе и в освоение «белых пятен» истории медицины, например таких как здравоохранение Западной Беларуси [23].

В период независимости продолжали свои исследования, преимущественно по освоенным ранее направлениям, ученики Г. Крючка, среди которых следует выделить Е. Тищенко. Данному автору принадлежит наиболее масштабный не только по количеству, но и охвату исследуемых тем комплекс научных работ в сфере изучения истории медицины. Докторская диссертация и монография Е. Тищенко «Здравоохранение Беларуси в XX веке» на сегодняшний день является фактически единственным фундаментальным и последовательным исследованием процесса зарождения медицинской организации Беларуси с XIX и до начала XXI вв. [20] Важнейшим достижением является тот факт, что Е. Тищенко одним из первых в современной белорусской историографии на основе материалов архивов Беларуси, Литвы,

Польши и России профессионально изучил вопрос становления медицины на территории Западной Беларуси [21, 24].

Крупнейшим специалистом в области изучения здравоохранения межвоенного периода является историк М. Абраменко. Работы автора посвящены анализу становления советского здравоохранения на территории Беларуси и характеризуются привлечением репрезентативного круга источников и литературы, а также системностью изучения, что выражается в аналитическом исследовании здравоохранения в контексте всего комплекса государственных реформ большевиков, выделении их характерных особенностей с учетом белорусской специфики [1, 2]. Принимая во внимание использование широкого круга источников и высокую профессиональную квалификацию автора, особенно при работе с архивными материалами, работы М. Абраменко следует отнести к наиболее репрезентативным на современном этапе изучения рассматриваемой проблемы.

Кроме двух представленных крупнейших представителей изучения истории медицины на современном этапе, следует выделить работы учёных, ограничивших круг своих исследований отдельными темами из комплекса историко-медицинских проблем, но от этого не теряющие в актуальности и компетенции. Значимый комплекс научных изысканий в области формирования традиций благотворительности на территории Беларуси начиная со средневековья и нового времени провела О. Кульпанович [15]. Определённую новизну в научный дискурс внесли статьи по истории военной медицины О. Ишутина, а также оригинальные исследования становления медицинской организации и роли в ней государственных и благотворительных структур в Витебском регионе в дореволюционный период Н. Моторовой [10, 11, 17]. Характеризуя работы данных исследователей следует отметить серьёзно возросший, по сравнению с предыдущим периодом уровень проработки источников, что выразилось в активном использовании разнообразных архивных источников и зарубежной литературы.

Вышеизложенное демонстрирует значительное увеличение исследовательского интереса к теме становления медицины на территории Беларуси начиная со второй половины XX столетия. Анализируя концептуальные подходы к исследованию темы следует отметить, что в период суверенитета национальная историография в области изучения истории формирования службы охраны здоровья не только освободилась от рамок марксистско-ленинской методологии, но и расширила круг изучаемых вопросов, разнообразила исследовательский инструментарий и круг используемых источников.

В результате, в процессе формирования отечественного исторического дискурса по изучаемой проблеме можно условно выделить следующие этапы:

1. исследования, выполненные в период зарождения медицинской организации в современном смысле данного понятия (конец XIX в. – 1914 г.);
2. советский период (1917–1991 гг.), характерный доминированием марксистской методологии и становлением исследования истории медицины как самостоятельного научного направления;
3. независимый период, характеризующийся отходом от идеологической предустановки и плюрализмом в экспертных оценках (1991 – н.в.).

1. Абраменко, М. Е. Здравоохранение БССР – становление советской системы (1917–1941) / М. Е. Абраменко. – Гомель: учреждение образования «Гомельский государственный медицинский университет», 2005. – 236 с.
2. Абраменко, М. Е. Очерки истории здравоохранения Беларуси 1917–1945 гг. / М. Е. Абраменко. – Гомель: ГомГМУ, 2013. – 244 с.
3. Анищенко, К. Н. Организация лечебно-профилактической помощи населению Белоруссии в годы предвоенных пятилеток (1928–1941 гг.) / К. Н. Анищенко // Здравоохранение Белоруссии. – 1974. – № 5. – С. 43–47.
4. Анищенко, К. Н. Развитие здравоохранения Белорусской ССР в годы предвоенных пятилеток (1928 – 1941): дисс. ... канд. мед. наук: 14.00.33 / К. Н. Анищенко. – Минск, 1975. – 222 с.
5. Балковец, С. В. Взгляд сельского населения Минской губернии на холеру, самозащита его от эпидемии и отношение к медицинскому персоналу / С. В. Балковец // Минские врачебные известия. – 1910. – № 7. – С. 5–11.
6. Барсуков, М. И. За два года (строительство здравоохранения в БССР за 1925–1926 г.г.): доклад на 2-м Всебелорусском съезде участковых врачей и работников здравоохранения / М. И. Барсуков. – Минск: издание журнала «Беларуская медычная думка», 1927. – 29 с.
7. Грацианов, П. А. Очерк врачебно-санитарной организации русских городов : (Приб. к протоколам О-ва минск. врачей) / П. А. Грацианов. – Минск: Губ. тип., 1899. – 111 с.
8. Грицкевич, В. П. С факелом Гиппократ: Из истории белорусской медицины / В. П. Грицкевич. – Мн. : Наука и техника, 1987. – 271 с.
9. Змачинская, Н. Ф. Зарождение и становление советского здравоохранения в Белорусской ССР (1919 – 1928 гг.) : дисс. ... канд. мед. наук: 14.00.33. / Н. Ф. Змачинская. – Минск, 1973. – 228 с.
10. Ишутин, О. С. Военно-санитарная служба Беларуси накануне и в начальный период Первой мировой войны 1914–1918 гг. / О. С. Ишутин // Военная медицина. – 2014. – № 1. – С. 147–152.
11. Ишутин, О. С. Исторический очерк зарождения и становления военно-госпитального дела на территории Беларуси: Сообщение 1. Середина XV – конец XVIII столетия / О. С. Ишутин // Военная медицина. – 2012. – № 4. – С. 143–148.
12. Кононович, К. Ю. Земско-врачебная организация Могилевской губернии и ее деятельность за 1905 год / К. Ю. Кононович. – Могилев на Днепре : Типолитография Я. Н. Подземского, 1907. – 99 с.
13. Косач, А. К. Развитие медицины и здравоохранения в г. Минске в период капитализма (1861–1917 гг.) : дисс. ... канд. мед. наук: 784. / А. К. Косач. – Минск, 1968. – 479 с.
14. Крючок, Г. Р. Очерки истории медицины Белоруссии / Г. Р. Крючок. – Минск: «Беларусь», 1976. – 264 с.
15. Кульпанович, О. А. Роль милосердия и благотворительности в медицине Беларуси (XVI–XX вв.) : автореферат дисс. ... канд. мед. наук: 07.00.10 / О. А. Кульпанович. – Москва, 1997. – 19 с.

16. Молчанов, А. П. Медицинские общества Белоруссии и их роль в развитии здравоохранения и науки: дисс. ... канд. мед. наук: 07.00.10 / А. П. Молчанов. – Минск, 1974. – 271 с.
17. Моторова, Н. С. Организация системы медицинского обслуживания населения Витебской губернии в 1861–1914 гг. / Н. С. Моторова // Ученые записки УО «Витебский государственный университет». Общественные и гуманитарные науки. История. – 2007. – Т. 6. – С. 33–49.
18. Петрова, А. Ф. История развития общества красного креста в Белоруссии (1872–1965 гг.): дисс. ... канд. исторических наук: 07571 / А. Ф. Петрова. – Минск, 1969. – 541 с.
19. Поляк, М. А. Успехи врачебно-санитарного дела в Минской губернии за 1907–1910 гг. / М. А. Поляк // Минские врачебные известия. – 1910. – № 8. – С. 22–25.
20. Тищенко, Е. М. Здравоохранение Беларуси в XIX – XX вв. / Е. М. Тищенко. – Гродно, 2003. – 269 с.
21. Тищенко, Е. М. Амбулаторная помощь в Западной Белоруссии в межвоенный период (1921–1939) / Е. М. Тищенко // Журнал ГГМУ. – 2003. – № 2. – С. 89–92.
22. Урванцов, С. История развития врачебного дела в Минской губернии в дореволюционное время / С. Урванцов. – Мн., 1928. – 6 с.
23. Ярацэвіч, Г. М. Урачэбная дзейнасць на Брэстчыне ў 1921–1939 гадах / Г. М. Ярацэвіч // Памяць: Гіст.-дакум. Хроніка Брэста. У 2 кн. Кн. 1. – Мн.: БЕЛТА, 1997. – С. 243–244.
24. Tiszczenko, E. M. *Ochrona zdrowia w dzisiejszej Zachodniej Białorusi w okresie międzywojennym (1921–1939)* / E. M. Tiszczenko // *Medycyna nowożytna. Studia nad Kulturą Medyczną*. 2001. – Tom 8, z. 2. – S. 153–174.

СОВЕТСКАЯ И ПОСТСОВЕТСКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ ДОСУГА И ОТДЫХ НАСЕЛЕНИЯ УССР ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 1940-Х – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ 1960-Х ГОДОВ (ОТДЕЛЬНЫЕ ЗАМЕТКИ)

И.В. Ковальчук (Житомир, Украина)

Согласно общепринятому мнению, история повседневности как отдельное направление исторических исследований сформировалась в западноевропейской историографии в 1960–1970-е гг. Впервые содержательная основа этого подхода была определена исследователями французской школы Анналов как реакция против истории, которая ставила в центр внимания политическое развитие (Л. Ранке, Г. Гегель) и морфологию культуры (О. Шпенглер, А. Дж. Тойнби) [8, с. 117]. Представитель «второго поколения» школы Анналов и один из выдающихся историков Западной Европы своего времени Ф. Бродель в трехтомной работе «Материальная цивилизация, экономика и капитализм: XV–XVIII вв.» ввел в научный оборот термин «повседневность» и сделал первую попытку комплексного анализа повседневной жизни людей [1]. Своими исследованиями Ф. Бродель показал, что условия повседневного существования человека, тот культурно-исторический контекст, на фоне которого разворачивается жизнь индивида, оказывает решающее влияние на поступки и поведение людей [7, с. 45].

Основатели школы Анналов кроме содержания истории повседневности определили и ее методологический фарватер – предложили устранить междисциплинарные барьеры, сблизить изолированные исторические подспециальности и социальные науки в целом [8, с. 117]. Поэтому уже современная западная историческая наука исследования по истории повседневности осуществляет в пределах исторической антропологии, а именно таких ее направлений, как история ментальности, новая культурная история, микроистория, локальная история, история снизу, городская история, гендерная история, история семьи и др. Представители этих направлений изучают быт, социальное поведение, настроения, менталитет простых людей [3, с. 3]. Современный украинский историк О. Коляструк по этому поводу отмечает: «Через историю повседневности мы снимаем противоречие между историей и жизнью. Она создает возможность сквозного видения, в ее контекст равноправно вплетаются так называемые определяющие сферы и невзрачные сегменты человеческих историй» [6, с. 9].

Отдельный предмет рассмотрения в истории повседневности как сегмент социальной действительности составляет быт человека, элементами которого являются досуг и отдых. По своему определению досуг обычно представляет совокупность занятий, с помощью которых происходит восстановление физических, умственных и психических сил человека [10, с. 191]. Однако изучение этого вопроса обусловлено определенными трудностями источниковедческого и историографического характера. Как правило, представители социальных низов, которые являются объектом внимания исследователей повседневности, почти не оставили документов. Архивные материалы – это материалы о них, но не их по происхождению. Поэтому важное значение для образного конституирования предмета исследования и реконструкции обобщенной картины событий имеют прежде всего теоретические и повествовательные работы.

Повседневная жизнь украинского советского общества второй половины 1940-х – начала 1950-х гг. была отмечена рядом специфических признаков, обусловленных прежде всего выработкой уникальной стратегии и тактики обеспечения собственного существования в условиях тоталитарного контроля. В исследуемый период досуг, особым образом, был призван обеспечивать политико-идеологическое воспитание всего советского населения, и прежде всего молодежи [7, с. 237]. Именно освещение данной задачи составляло абсолютное большинство исследований, написанных в советское время. А первичные, по определению, признаки досуга, как правило, оставались на обочине традиционной историографии и стали предметом исследования лишь в рамках истории повседневности.

При рассмотрении историографии обозначенной темы исследователи традиционно выделяют два условных периода. Первый начался с 1945 г. и продолжался до конца 1980-х гг., второй – с начала 1990-х гг. и продолжается по сегодня [2; 4].

Обобщая в целом научный потенциал первого периода можно констатировать, что исследования имели заидеологизированный и конъюнктурный характер, при рассмотрении досуга и отдыха внимание фокусировалось на положительных сторонах жизни населения, избегали освещения недостатков и негативных моментов. Общую тенденцию для дальнейших разработок формировали официальные академические издания. Примером этому могут служить труды отпечатанные к 50-летию советской власти. В частности, двухтомные «Історія селянства Української РСР», «Історія робітничого класу Української РСР» («История крестьянства Украинской ССР», «История рабочего класса Украинской ССР»). Досуг и отдых рассматривались в них как элементы быта. Однако само изложение проблемы осуществлялось на основании приведенных мероприятий коммунистической партии и советского правительства в этой сфере, которые подкреплялись статистическими данными. Такой дискурс подчеркивал второстепенность этой тематики и не отражал общей картины событий. Вообще складывается впечатление, что сам индивид оставался в стороне исследовательского фокуса. В общем удельный вес исследований по истории рабочего класса значительно больше, нежели работ посвященных крестьянству или «трудовой интеллигенции». Это объясняла сама коммунистическая доктрина: «В формировании социалистических и коммунистических черт быта ведущая роль принадлежит рабочему классу» [5, с. 479]. Кроме этого, досуг и отдых работников как городских жителей имели разнообразные формы и более качественное содержание.

В первый условный историографический период было создано и ряд индивидуальных исследований, где бегло освещались вопросы досуга и отдыха населения УССР. Историк А. Захарченко проанализировал бюджет свободного времени рабочих и служащих и показал, вопреки утверждениям советской пропаганды, ограниченный охват населения республики спортом и посещением театров. В работе Г. Журавлева анализируется использование свободного времени молодежью. В монографии Г. Глазырина характеризуются туристические экспедиции, выясняются причины их ограниченного развития в советское время. Досуг жителей городов частично рассматривает В. Сазонов, останавливаясь на популярных телепередачах начала 1980-х гг. [2, с. 6–7]. Досуг населения Советского Союза рассматривался в публикациях В. Патрушева, Б. Колпакова, Б. Грушина, Г. Горобца, Е. Зазерского, В. Зинича [4, с. 7]. Авторы частично описывали народные (в том числе новые, советские) праздники, семейные торжества, определяли место массового праздника в жизни населения.

В конце 1980-х – начале 1990-х гг. начался второй условный историографический период накопления исторических знаний по этой тематике. Стали появляться труды, подготовленные с использованием новых документов и критического переосмысления имеющихся. Историки более углубленно и объективно начали анализировать досуг и отдых населения советской и уже независимой Украины.

В странах СНГ подходы исторической антропологии активно начали внедряться в историческую науку в 1990-х гг., что продемонстрировало появление ряда периодических изданий, в которых освещались вопросы истории повседневности: «Соціум» («Социум»), «Україна ХХ ст.: культура, ідеологія, політика» («Украина XX века: культура, идеология, политика») (Украина), «Одиссей. Человек в истории», «Социальная история», «Казус (Индивидуальное и уникальное в истории)» (Россия) и другие [3, с. 3].

В современную российскую историографию история повседневности как новый научный подход «пришла» несколько раньше. И так же как и в западной советологии [работы, например, Ш. Фицпатрик. – Авт.] изучения повседневности сначала касалось 1920–1930-х гг. Исследователями советской повседневности довоенного периода стали российские ученые Н. Козлова, Н. Лэбин, С. Журавлев, А. Соколов, Е. Осокина и другие. Лишь постепенно историки перешли к рассмотрению других периодов советской истории. Среди ученых, чей вклад в исследование советской повседневности 1940–1950-х гг. представляется наиболее весомым, стоит отметить российскую исследовательницу Е. Зубкову. Главная проблема, которую осветила автор в своей монографии «Послевоенное советское общество: политика и повседневность. 1945–1953» – это общественное мнение, комплекс надежд, иллюзий и настроений советских людей после войны.

После провозглашения независимости Украины появился плюрализм мнений, расширилась архивная база исследований, историческая наука начала по-новому исследовать отдельные темы, в том числе быт, досуг и отдых населения. Научный потенциал украинских историков по истории советской повседневности сначала ограничивался статьями или разделами монографий. Среди ученых, которые в своих работах освещали в том числе досуг и отдых, можно назвать В. Даниленко, Л. Ковпак, В. Кононенко, М. Поповича, Н. Хоменко, О. Янковскую и других. На сегодняшний день этой проблематикой занимается значительный круг исследователей. В второй половине 2000-х гг. были защищены ряд диссертаций, в частности это работы Е. Исаякиной [4], В. Вовка [2], М. Герасимовой [3].

Сотрудники отдела истории Украины второй половины XX века Института истории Украины НАН Украины опубликовали несколько коллективных монографий. В частности, в 2010 г. была издана монография в 3-х частях «Повоєнна Україна: нариси соціальної історії (друга половина 1940-х – середина 1950-х рр.)» («Послевоенная Украина: очерки социальной истории (вторая половина 1940-х – середи-

на 1950-х гг.))», где в разрезе теоретических изысканий отчетливо рассмотрены основные темы истории повседневности. Отдельным рассмотрением досуга «удостоился» студенческий социум послевоенной Советской Украины. Несмотря на присущую советскому времени заидеологизированность быта и досуга, автор подчеркивает следующее: «В общем интересы студенческой аудитории были чрезвычайно разнообразными, кружки вузов удовлетворяли потребности самых неординарных студентов, предлагался широкий диапазон различных занятий, каждый молодой человек имел возможность заниматься тем, что было ему по душе. Кроме того, все было бесплатным.» [7, с. 241]. В 2015 г. под редакцией д. и. н., профессора, члена-корреспондента НАН Украины В. Даниленко было издано исследование «Соціальні трансформації в Україні: пізній сталінізм і хрущовська доба» («Социальные трансформации в Украине: поздний сталинизм и хрущевский период»). Тема быта и досуга наиболее объемно представлена в этой работе практиками устной истории, в частности, записями свидетельств жителей деревни Хижинец Винницкой области, собранными этнографом и историком, д. и. н. В. Борисенко. Из этих записей следует: «Досуг молодежи проходил преимущественно в клубе, который был переоборудован из поповского дома. В одной части дома был клуб, в другой – кооперация. В клубе два раза в неделю демонстрировали кинофильмы. Преимущественно индийские и арабские. <...>. В воскресенье в клубе были танцы под гармошку. Танцевали вальс, польку, краковяк, карапет. В середине 1960-х начали танцевать фокстрот и танго» [9, с. 632].

Итак, после становления истории повседневности утвердился взгляд на общеисторический процесс через призму сознания «маленького» человека. В советской историографии повседневность и ее составляющие – досуг и отдых выступали скорее «приложениями» к стержневой тематике. Современной постсоветской, в частности украинской историографией сделаны важные шаги в освещении составляющих жизнедеятельности людей, связанных с досугом и отдыхом населения второй половины 1940-х – первой половины 1960-х гг.

1. Бродель Ф. Матеріальна цивілізація, економіка і капіталізм, XV–XVII ст. Т. I. Структура повсякденності : можливе і неможливе / [переклад з французької Г. Філіпчук] / Ф. Бродель. – К. : Основи, 1995. – 543 с.
2. Вовк В. М. Побут та дозвілля міського населення України в 50–80-х роках XX століття : автореф. дис. на здобуття наук. ступеня канд. іст. наук : спец. 07.00.01 «Історія України» / Віталій Миколайович Вовк. – К., 2007. – 23 с.
3. Герасимова М. С. Повсякденне життя населення Донбасу в 1945–1953 рр. : автореф. дис. на здобуття наук. ступеня канд. іст. наук : спец. 07.00.01 «Історія України» / Марина Сергіївна Герасимова. – Донецьк, 2007. – 16 с.
4. Ісайкіна О. Д. Побут і дозвілля міського населення України в повоєнний період (1945–1955 рр.) : автореф. дис. на здобуття наук. ступеня канд. іст. наук : спец. 07.00.01 «Історія України» / Олена Дмитрівна Ісайкіна. – К., 2006. – 23 с.
5. Історія робітничого класу Української РСР. Т. II. / [ред. кол. тома : І. О. Гуржій (відп. ред.), Г. Д. Діденко, О. С. Кудлай та ін.]. – К. : Наукова думка, 1967. – 508 с.
6. Коляструк О. Історія повсякденності в сучасній українській історіографії / О. Коляструк // Україна XX ст.: культура, ідеологія, політика: 36. ст. – Київ, 2012. – Вип. 17. – С. 5–9.
7. Повоєнна Україна : нариси соціальної історії (друга половина 1940-х – середина 1950-х рр.) : [колективна монографія] / [відп. ред. В. М. Даниленко]. У 3-х частинах. – Ч. 1, 2. – К. : Ін-т історії України НАН України, 2010. – 351 с.
8. Потульницький В. А. Україна і всесвітня історія: Історіософія світової та української історії XVII–XX століть. – К. : Либідь, 2002. – 480 с.
9. Соціальні трансформації в Україні: пізній сталінізм і хрущовська доба : [колективна монографія] / [відп. ред. В. М. Даниленко; ред.-упоряд. Н. О. Лаас]. – Київ : Ін-т історії України НАН України, 2015. – 698 с.
10. Хоменко Н. Колективне дозвілля як спосіб контролю за студентською повсякденністю // «Історія повсякденності: теорія та практика»: матеріали Всеукр. наук. конф., Переяслав-Хмельницький, 14–15 трав. 2010 р. / [упоряд. : Лукашевич О. М., Нагайко Т. Ю.]. – Переяслав-Хмельницький, 2010. – С. 191–193.

ПРОБЛЕМА БЕЛОРУСИЗАЦИИ В БЕЛОРУССКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ 1990-Х ГГ.

Н.Н. Пархимович, Е.В. Мацулевич (Витебск, Беларусь)

Научный интерес к изучению политики белорусизации, проводившейся в БССР в 1920-е годы, особенно возрос в конце 1980-х – начале 1990-х годов. В тех условиях важно было, определяя основные направления строительства независимой Беларуси, учесть имевшийся опыт, не только мировой, но и собственный. Это напрямую касалось политики белорусизации.

Одним из первых обратился к проблеме белорусизации А.С. Король. В коллективной работе «Крыжовы шлях» ему принадлежит раздел «Беларусізацыя – палітыка нацыянальнага адраджэння» [1]. В узком понимании эта политика представляется Алексею Степановичу как «конкретное воплощение национальной политики в приспособлении к экономическим, социальным, этнографическим условиям, историческим и культурным традициям Беларуси» [1, с.118]. По мнению автора, истоки и предпосылки белорусизации нужно искать в 19 в. А.С. Король считает, что впервые сформулировал идеи белорусского национального возрождения профессор Виленского университета Михаил Бобровский и Игнат Данилович. Именно они первыми попытались организационно оформить белорусское национальное движение. Следующий этап развития национального движения – создание Белорусской социалистической громады. Именно А.С. Король первым предложил искать корни белорусизации в 19 в. Исследователь признаёт, что такое понимание истоков белорусизации сложилось у него в процессе эволюции его взглядов

на этот процесс. Так, приступая к изучению темы в 1989 году, он считал, что истоки и предпосылки белорусского национализма 1920-х годов кроются исключительно в ленинской, большевистской национальной программе и революционном движении. Тем самым Король А.С. признаёт ошибочность своего первоначального подхода к трактовке данного аспекта белорусизации и утверждает, что началом белорусизации (неофициальной) нужно считать как минимум первые десятилетия 19 века.

В 1993 году Т.И. Баталко защитила кандидатскую диссертацию, в которой проанализировала общественно-политический аспект строительства белорусской национальной школы в условиях белорусизации [2]. Автор полагает, что содержание «белорусизации» было непосредственно связано с теми явлениями в жизни белорусского общества, которые были характерны для 1920-х годов. В частности, она обращает внимание на взаимосвязь НЭПа и белорусизации. Т.И. Баталко разделяет мнение А.С. Короля о том, что корни белорусизации следует искать не в политике большевиков начала 1920-х годов, а в 19 столетии. В то же время она полагает, что именно Октябрьская революция 1917 года стала одним из факторов, которые способствовали появлению на исторической арене белорусизации. Ещё одним фактором, по мнению автора, заставившим большевиков приступить к белорусизации, стала деятельность БНР на ниве национального возрождения. Большевики не могли игнорировать то, что было сделано, например, в области школьного образования. Т.И. Баталко подчёркивает большую роль белорусской интеллигенции в том, что белорусизация стала возможной. Так, ещё до официального курса власти на белорусизацию В. Игнатовский частично перевёл делопроизводство в аппарате наркомата просвещения на белорусский язык и создал курсы белорусского языка для сотрудников. Алесь Бурбис в 1921 году в наркомфинотделе перевёл все делопроизводство на белорусский язык [2, с. 55]. Т.И. Баталко считает, что большевики не могли игнорировать ни реальную деятельность белорусской интеллигенции, направленную на национальное возрождение, ни те идеи, которые она высказывала в этой области.

Автор диссертации полагает, что одной из важнейших проблем становления белорусской национальной школы стал перевод обучения на родной для белорусов язык. Анализ источников позволил Т.И. Баталко сделать вывод о том, что белорусский язык воспринимался как язык «мужицкий», «холопский», не дающий никаких прав, вызывающий только насмешки». Стоило больших усилий преодолеть этот стереотип. Добиться этого удалось к концу 1920-х годов.

В целом Т.И. Баталко положительно оценивает процесс белорусизации и строительство национальной школы как составляющую этого процесса. Тематические рамки исследования не позволили автору более глубоко и всесторонне проанализировать политику белорусизации.

Ростислав Петрович Платонов в монографии «Беларусь у міжваенны перыяд» [3] анализирует процесс белорусизации в 3-ем разделе работы. По его мнению, белорусизацию нельзя делить на партийную и государственную политику, а рассматривать её необходимо «адначасова і як партыйную, і як дакладна акрэсленую дзяржаўную». В общественно-политической ситуации 1920-х годов она просто не могла быть иной. Р.П. Платонов не соглашается с мнением А.С. Короля, который считал, что белорусизацию нужно рассматривать в узком и широком понимании. Ростислав Петрович, ссылаясь на документы, аргументированно доказывает, что такой дифференциации в 1920-е годы не было. В отличие от А.С. Короля и Т.И. Баталко, Р.П. Платонов считает, что белорусизация была направлена не только на национально-культурное возрождение. По его мнению, её нужно воспринимать как составляющую часть национальной политики, которая должна была способствовать также хозяйственно-экономическому и национально-государственному возрождению белорусов.

На основании архивных источников Р.П. Платонов выделил 2 этапа политики белорусизации. С 1924 года по 1927 год проходил первый этап, в этот период были приняты и начали активно проводиться в жизнь основные партийные и государственные документы. Автор исследования полагает, что в это время проблемы белорусизации решались в основном на агитационно-организационном уровне. Прочно в быт и культуру народа она ещё не вошла. Только на рубеже 1926-1927гг. белорусизация приняла концептуальный характер.

Второй этап начался в 1928 года и был приостановлен в 1929 году. Целью этого этапа являлось дальнейшее расширение и углубление белорусизации. Цель не была достигнута. Одной из причин этого, считает Р. Платонов, было то, что в 1920-х годах, параллельно с белорусизацией, существовала и тенденция до антибелорусизации, которая и победила в начале 1930-х годов. Ростислав Петрович не только вводит само понятие «антибелорусизация», но и показывает её конкретные проявления.

По нашему мнению, исследование Р.П. Платонова остаётся до сегодняшнего дня наиболее основательной работой, где анализируется процесс белорусизации. К сожалению, в белорусской историографии так и не появилась монография, в которой бы комплексно была исследована политика белорусизации в БССР в 1920-е годы.

1. Крыжовы шлях: Дапаможнік для вывучаючых гісторыю Беларусі. - Мінск : Згода, 1993. – 240 с.
2. Баталко, Т.И. Строительство белорусской национальной школы в условиях политики белорусизации, 1921-1930 годы : общественно-политический аспект : диссертация ... кандидата исторических наук : 07.00.01 / Белорус. гос. ун-т. - Минск, 1993. - 209 с.
3. Платонаў, Р.П. Беларусь у міжваенны перыяд. – Мн.: БелНДДАС, 2001.- 282 с.

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ НЕМЕЦКИХ РАЗВЕДЫВАТЕЛЬНО-ДИВЕРСИОННЫХ ШКОЛ И КУРСОВ НА ТЕРРИТОРИИ СССР В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ В СОВРЕМЕННОЙ УКРАИНСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ (1990-Е ГГ. – ПО НАСТОЯЩЕЕ ВРЕМЯ)

С.В. Кулинок (Минск, Беларусь)

Деятельность немецких разведывательно-диверсионных школ и курсов на территории СССР в годы Великой Отечественной войны в советский период изучалась фрагментарно, а исследования носили в основном закрытый характер и имели ограничительные доступы [12; 14; 16].

Активное изучения данной проблемы начинается с начала 1990-х гг. Характерными особенностями историографии для практически всего постсоветского пространства, в том числе и Украины, являются:

- изучение темы осуществлялось в контексте противостояния немецких и советских спецслужб [2; 5; 17];
- деятельность немецких спецшкол и курсов рассматривалась как составная часть разведывательной и контрразведывательной деятельности советских партизан [6; 9; 18].

Вместе с этим отметим, на наш взгляд, две важные особенности, характерные для украинской историографии данной проблемы:

- глубокое вплетение в историю оккупации проблемы «национально-освободительного движения» (ОУН-УПА) [1; 11; 15, 19]. Дело в том, что эти структуры также имели свои разведывательные и контрразведывательные органы и значительное количество агентуры [3];
- открытость архивов украинских спецслужб для исследователей. В 2000-е гг. был издан ряд указов, которые снимали ограничительные доступы к документам советских спецслужб: «О подготовке реестров рассекреченных архивных фондов (1991-2000)» (от 21 марта 2001), «О пересмотре секретов бывшего СССР» (от 2 ноября 2001), а также «О рассекречивании, обнародовании и изучении архивных документов, связанных с украинским освободительным движением, политическими репрессиями и голодоморами в Украине» [7, с. 64].

Отметим несколько наиболее важных и интересных аспектов и исследований по обозначенной проблеме. Общее количество немецких разведывательно-диверсионных школ на оккупированной территории определяется исследователями следующим образом: «Таких заведений на землях Украины во время фашистского нашествия было по меньшей мере три десятка. Каждые два-три месяца они выпускали почти 1500 человек, а на протяжении 1942 г. всего подготовили около 10 тыс. специалистов» [18, с. 201]. Укажем, что в украинской историографии приводятся и другие количественные данные. Например, историк А. Иванков приводит информацию о том, что «в ходе войны только по линии абвера и РСХА на советско-германском фронте было создано 33 школы и множество курсов. В частности, на оккупированной территории Украины действовало 15 разведывательно-террористических школ и курсов» [8, с. 76]. Обе цифры, на наш взгляд, кажутся несколько устаревшими, так как только на территории БССР оккупанты по подсчетам автора открыли не менее 50 разведывательно-диверсионных учебных центров (в отечественной историографии приводится цифра в 22 (25) школы) [10, с. 88].

Украинские историки выделяют и «противопартизанский вектор» работы школ и агентуры, как одно из важнейших направлений деятельности немецких спецслужб. Историк А. Кентий отмечает, что немецкое командование уже с осени 1941 осознало значимость партизанского движения и его влияние на ход борьбы, но лишь в 1942 г. гитлеровцы усилили внимание к контрразведывательной работе против советских партизан. Он приводит и данные о разоблаченных «народными мстителями» немецких агентах. Так, за период с 1942-1944 гг. в «партизанских объединениях и отрядах Украины было раскрыто и уничтожено 1069 человек, в том числе 930 агентов противника и 139 изменников. Среди местного населения было выявлено и ликвидировано 8 вражеских агентов и 1790 человек, которых квалифицировали как изменников, а всего по двум категориям – 2927» [9, с. 278, 299]. Для сравнения укажем, что за годы войны партизанами Беларуси было взято на учет 29 252 человека. В том числе: немецких шпионов, диверсантов и террористов – 8 584 человек [13, л. 24-27].

Более критически украинские историки оценивают результаты деятельности немецкой агентуры в партизанских соединениях. Если в советской историографии отмечалось, что, в целом, партизанская контрразведка полностью оградило движение сопротивления от вражеской агентуры, то в последних исследованиях, посвященных партизанскому движению на Украине, это положение частично оспаривается. Например, историк Анатолий Кентий указывает: «Вместе с этим, следует признать, что эффективность деятельности партизанской контрразведки не всегда была достаточной». Автор объяснял это следующими причинами. Во-первых, после создания Украинского штаба партизанского движения (УШПД) НКВД УССР передал в распоряжение штаба далеко не лучшие свои кадры. Во-вторых, отсутствие в составе УШПД специального контрразведывательного отдела. В-третьих, в специфических условиях партизанской действительности «особисты» не имели времени для тщательного проведения следственных действий, что приводило к необоснованным подозрениям и расстрелам. В-четвертых, в ряде случаев между командирами партизанских соединений и контрразведчиками не было согласованности и понимания. В-пятых, в распоряжении партизанских командиров фактически не было технических средств, которые способствовали бы контрразведывательной работе [9, с.299-300].

Более подробно рассмотрим исследование украинских историков Д. Веденеева и О. Лисенко «Протидія радянських спецслужб німецьким розвідці й контррозвідці на території України в 1941–1944 рр.». Выделим основные и наиболее важные тезисы и данные из этой работы:

- основным направлением деятельности немецких спецслужб на Украине была подготовка агентуры для работы в советском тылу и против частей Красной армии (на территории БССР ситуация противоположная. Здесь основным направлением было противопартизанское – Авт.) [4, с. 71];
- ориентация немецких спецслужб на «тотальность» в своей работе [4, с. 71]. То есть агентурной работу вели не только абвер, но и другие секретные органы (ГФП, СД, жандармерия и др.). Кроме того, активно привлекалось гражданское население, особенно наименее защищенных категорий (дети, женщины). Отметим также массовость и непрерывность в подготовке агентуры;
- динамичность и гибкость работы спецслужб в вопросе подготовки агентурных кадров. Эта практика не была статичной, а менялась, исходя из потребностей и складывавшейся обстановки [4, с. 75–83]
- высокая результативность спецслужб противника и его агентуры в борьбе с городским подпольем [4, с. 72]
- всего за период войны контрразведчики обезвредили на территории Украины 7849 агентов спецслужб противника, из которых 6951 агент немецкой разведки, 791 – румынской, 20 – венгерской. Из них 2574 агентов были оставлены противников перед отступлением, 508 были заброшены в советский тыл, а 175 – завербованы еще в довоенный период [4, с. 83].

Подводя итог, укажем, что украинские исследователи провели значительную работу по изучению данной темы. Ими определены учебные центры в Полтаве (пять), Мценске (подготовка детей), Белгороде (подготовка детей), Славянске (подготовка детей), Харькове, Киеве, Запорожье, селе Андреевка, поселке Буды (Харьковская область) и ряд других. Вместе с этим, дискуссионным остается вопрос об общем количестве школ и курсов, а также подготовленной в них агентуры. Это возможно установить только при комплексном и глубоком самостоятельном исследовании проблемы, чего пока, к сожалению, украинскими исследователями не сделано. Перспективными представляются исследования, направленные на изучение процесса привлечения и вербовки гражданского населения для разведывательно-диверсионной работы (женщин, детей, инвалидов, представителей различных профессий – лесников, медицинских работников), а также оценка результатов этой деятельности.

1. Білас, І. Г. Каральні військові підрозділи НКВС-МДБ у боротьбі з ОУН-УПА / І. Г. Білас // Державність. – 1992. – № 4. – С. 47–54.
2. Бихов, В. Деякі аспекти діяльності військової контррозвідки в роки Великої Вітчизняної війни / В. Бихов // Сторінки воєнної історії України. – Вип. 4. – К., 2000. – С. 61–67.
3. Веденеев, Д. В., Биструхін, Г. С. Меч і тризуб. Розвідка і контррозвідка руху українських націоналістів та УПА. 1920–1945 / Д. В. Веденеев, Г. С. Биструхін. – К.: Генеза, 2006. – 408 с.
4. Веденеев, Д. В., Лисенко, О. Е. Протидія радянських спецслужб німецьким розвідці й контррозвідці на території України в 1941–1944 рр. / Д. В. Веденеев, О. Е. Лисенко // Український історичний журнал. – 2015. – №1. – С. 69–91.
5. Веденеев, Д. Таємний фронт Другої світової війни: розвідувальна та контррозвідувальна діяльність радянських органів державної безпеки в Україні (1939–1945 рр.) / Д. Веденеев // Нариси воєнно-політичної історії України. – Острог: Видавництво Національного університету «Острозька академія», 2014. – С. 318–340.
6. Вовк, А. В. Красное партизанское движение в Украине и органы НКВД-НКГБ (1941–1944 гг.) / А. В. Вовк // Сумський історико-архівний журнал – 2010. – № 10–11. – С. 42–55.
7. Ворожко, В. Архіви радянських спецслужб як джерело історичних досліджень / В. Ворожко // Історико-культурна спадщина: збереження доступ, використання: збірка наукових праць. – Тернопіль: ФОП Шпак В.Б., 2017. 234 с. – С. 63–67.
8. Иванков, А. В. Агентурные кадры немецко-фашистской разведки и использовавшиеся ею формы и методы подрывной деятельности против СССР / А. В. Иванков. – К.: Вид-во гуманіт. л-ри, 2010. – 84 с.
9. Кентій, А. Війна без пощади і милосердя. Партизанський фронт у тилу вермахту в Україні(1941–1944) / А. Кентій, В. Лозицький. – К.: Генеза, 2005. – 408 с.
10. Кулинок, С. В. Деятельность немецких разведывательно-диверсионных школ и курсов на территории Беларуси в годы Великой Отечественной войны: новые направления и перспективы исследования / С. В. Кулинок // Российские и славянские исследования: сборник научных трудов. Выпуск 11. – Минск: БГУ, 2016. – С. 85–91.
11. Лавришук, В. І. Українська повстанська армія та радянські партизани / В. І. Лавришук // Сторінки воєнної історії України. – К., 2000. – Вип. 4. – С. 95–100.
12. Миркин, Н. П. Некоторые вопросы работы органов военной контрразведки по розыску агентов немецко-фашистской разведки в годы войны / Н. П. Миркин // Труды Высшей Краснознамённой школы КГБ СССР. – 1971. – №2.
13. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). – Ф. 1450. Оп. 3. Д. 115.
14. Никитченко, В. Ф. Чекисты Украины в период Великой Отечественной войны / В. Ф. Никитченко // Сборник КГБ при СМ СССР. – 1971. – №2.
15. Патриляк, І. Протистояння українського визвольного руху нацистам та їхнім союзникам (1943–1944 рр.) / І. Патриляк // Українська Друга світова: Матеріали міжнародної наукової конференції до 70-ї річниці перемоги над нацизмом у Другій світовій війні (5 травня 2015 р., м. Київ). – Київ: К.І.С., 2015. – С. 134–179.
16. Сборник справочных материалов об органах германской разведки, действовавших против СССР в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. – Москва, 1952. – 644 с.
17. Чайковский, А. С. Айсберг: Історія органів внутрішніх справ і державної безпеки України / А. С. Чайковский. – К.: Парламентское изд-во, 2013. – 704 с.
18. Чайковский, А. С. Невідома війна: (Партизанський рух в Україні 1941–1944 рр. Мовою документів, очима істориків) / А. С. Чайковский. – К.: Україна, 1994. – 255 с.
19. Чайковский, А. С. ОУН-УПА і гітлерівські спецслужби: до історії співробітництва / А. С. Чайковский // Актуальні проблеми регіональних досліджень Великої Вітчизняної війни: Матеріали Міжнародної наукової конференції (Харків, 20–21 вересня 2013 р.). – Харків: Колегіум, 2013. – 300 с. – С. 5–26.

НОВЫЯ ТЭНДЭНЦЫ І РАЗВІЦЦІ ГЕРМАНСКОЙ ГІСТАРЫЯГРАФІІ ГІСТОРЫІ БЕЛАРУСІ 1939–1945 ГГ.

С.Я. Новікаў (Мінск, Беларусь)

Прадметам нашага даследавання з’яўляюцца асноўныя тэндэнцыі развіцця сучаснай германскай ваеннай гістарыяграфіі, фарміраванне якой цягам двух апошніх дзесяцігоддзяў адбывалася пад уплывам “культурнага звароту” [10, S. 247]. Уплыў апошняга на гістарычную навуку Германіі прывёў не толькі да паспяховага збліжэння пазнавальных сфер з гісторыі, грамадства і культуры, але і да рашучага пошуку новых аб’ектаў даследавання з выкарыстаннем нетрадыцыйных метадалагічных прынцыпаў, у большай ступені характэрных для сферы грамадскіх навук, якія ў сваю чаргу знайшлі шырокі ўжытак у гістарычных працах другой паловы 1990-х і нулявых гадоў, а таксама яскрава сведчылі аб адкрыцці доступу да новых ведаў у дачыненні да добра вядомай тэмы гісторыі нацыянал-сацыялізму ў гады Другой сусветнай вайны: на аснове новых архіўных дакументаў і па-новаму пастаўленых пытанняў стала магчыма вырашыць галоўную пошукавую задачу – не толькі рэканструяваць гістарычную лагісіку нацысцкіх злачынстваў у еўрапейскім маштабе, а і паказаць іх наступствы ў арыгінальным вымярэнні, спалучаючы эканамічную, ваенную і расавую геастратэгію, з аднаго боку, а з другога – раскрываючы характар ваеннай паўсядзённасці і трагічныя наступствы нацысцкай акупацыі для грамадзянскага насельніцтва на прыкладзе розных рэгіёнаў Еўропы, у тым ліку Беларусі [10, S. 249]. Такім чынам, вынікам “культурнага звароту” з’явілася ўмацаванне агульнай тэндэнцыі па “неабходнасці даследавання ваеннай гісторыі не столькі як выключна баявых аперацый, колькі вайны ў самым розным – міжнародным, унутрыпалітычным, эканамічным і грамадскім кантэксце” [26, S. 5].

Адбор прац у артыкуле праведзены на аснове крытэрыю навуковай навізны, увядзення новых дакументальных крыніц і атрымання на іх аснове актуальных гістарычных ведаў, адлюстраваных у грунтоўных даследаваннях (акцэнт рабіўся выключна на апублікаваныя манаграфічныя працы) нямецкіх гісторыкаў [6; 7; 8; 9; 10; 11; 12; 13; 14; 15; 16; 17; 18; 19; 20; 21; 22; 23; 24; 25; 26; 27; 28; 29; 30; 31; 32; 33; 34; 35]. Аналіз вынікаў развіцця найноўшай германскай гістарыяграфіі сведчыць аб устойлівай тэндэнцыі росту не толькі колькасці, але і фарміраванні новых даследчыцкіх кірункаў у вывучэнні ваеннай гісторыі Беларусі, сярод якіх на цяперашні час найбольш адметнымі з’яўляецца: гісторыя баявых дзеянняў (Х. Ганцар, Х. Герлах, Д. Поль, К.-Г. Фрызэр, Х. Хартман), гісторыя германскай акупацыі (К. Й. Арнольд, А. Бракель, Х. Герлах, Б. К’яры, Д. Поль), гісторыя германскай эканамічнай палітыкі (Герлах), гісторыя нацысцкай палітыкі вынішчэння (Х. Герлах, Б. К’яры, П. Коль, Б. Квінкерт), гісторыя двухбаковага ідэалагічнага супрацьстаяння (Х. Герлах, Б. К’яры, Б. Квінкерт, А. Бракель, М. Бартушка, С. Бурмістр), гісторыя генацыду мясцовага і вынішчэння яўрэйскага насельніцтва (Д. Поль, Х. Герлах, Б. К’яры, П. Коль, Б. Бракель), гісторыя мясцовай калабарацыі (Б. К’яры, Х. Герлах, А. Бракель), гісторыя супраціўлення савецкіх партызан і падпольшчыкаў (Х. Герлах, Б. Мусял, М. Бартушка), гісторыя ваеннай штодзённасці ў акупаваным грамадстве (Б. К’яры, А. Бракель, Б. Квінкерт), гісторыя прымусовай працы (Х. Герлах, Д. Поль, А. Бракель), гісторыя савецкіх ваеннапалонных (К. Й. Арнольд, Х. Герлах, Д. Поль). У ходзе аналізу найноўшых даследаванняў германскай гістарыяграфіі аўтар імкнуўся абазначыць тыя яе тэндэнцыі, кірункі і вынікі, якія з’яўляюцца бяспрэчным гістарыяграфічным дасягненнем у вывучэнні гісторыі Беларусі 1939–1945 гг.

З’яўленне найноўшых прац, у тым ліку наватарскага кшталту, праведзеных нямецкімі даследчыкамі на падставе выкарыстання шырокай дакументальнай базы і новых метадалагічных падыходаў, дазваляе аўтару гэтых радкоў выказаць тэзіс аб замацаванні ў найноўшай германскай гістарыяграфіі асобнага кірунку навуковых даследаванняў, у якім Беларусь у гады Другой сусветнай вайны з’яўляецца асобным аб’ектам, тэмай новых грунтоўных распрацовак і даследчыцкіх праектаў у германскай гістарычнай навуцы. Дзякуючы гэтаму ў парадку дня найноўшай беларускай гістарыяграфіі акрэслена актуальная задача па ўсебаковым асэнсаванні навуковых вынікаў, выноў і адкрыццяў, атрыманых у апошнія гады германскай ваеннай гістарыяграфіі. Паводле ацэнкі нямецкага гісторыка Б. К’яры, “у Беларусі ад самага пачатку нямецкай акупацыі дамінантай стала вынішчэнне людзей, голад і тэрарыстычная ў сваёй сутнасці ... палітыка” [11, S. 14]. Вызначаючы месца беларускага рэгіёна ў нацысцкіх захопніцкіх планах і зыходзячы з іх ваеннага, расавага, эканамічнага і палітычнага характару, замежныя гісторыкі прыйшлі да важнай высновы, што ў параўнанні з іншымі тэрыторыя менавіта гэтай краіны стала ўнікальнай лабараторыяй для ажыццяўлення найгоршай формы акупацыйнай палітыкі, расавай вайны на вынішчэнне мірнага насельніцтва, мясцовых і дэпартаваных з іншых краін яўрэяў, савецкіх ваеннапалонных, беларускіх партызан і падпольшчыкаў і г.д. У гэтай сувязі ўведзеныя ў нямецкіх манаграфічных працах новыя гістарыяграфічныя факты патрабуюць адэкватнай навуковай верыфікацыі, параўнання з працамі, ацэнкамі і высновамі беларускай ваенна-гістарычнай навукі, кампаратыўнага аналізу і пераправеркі атрыманых вынікаў. З гэтага вынікае ў значнай ступені актуальнасць нашага навуковага даследавання.

У кантэксте гэтага ў артыкуле робіцца спроба не толькі выявіць новыя дасягненні ў сучаснай германскай гістарыяграфіі, але і значна пашырыць базу гістарычных ведаў па ваеннай гісторыі Беларусі, што магчыма на прыкладзе больш дэталёвага аналізу асноўных тэндэнцый, ключавых і дыскусійных праблем і раскрыцця сучасных тэарэтычных падыходаў ў дачыненні да такога складанага феномена, як гісторыя Беларусі ў гады Другой сусветнай вайны. Правядзенне такога аналізу патрабуе вырашэння адразу дзвюх першачарговых задач. З аднаго боку, размова ідзе пра новыя не столькі дакументальныя, колькі гістарыяграфічныя крыніцы, якія разглядаюцца ў кантэксте кампаратыўнага аналізу актуальных айчынных і замежных гістарыяграфічных распрацовак. З другога боку, у фокусе даследавання знаходзяцца навуковыя працы, які ўтрымліваюць новыя гістарыяграфічныя факты і сучасныя навукова верагодныя вынікі для даследавання малавядомых старонак гісторыі нацысцкай акупацыі Беларусі 1941–1944 гг.

У матэрыяле артыкула аўтар бачыць перад сабой вырашэнне гэтых пытанняў на прыкладзе праблемных палёў, на аснове якіх у Германіі 1990-х гадоў узнікла “новая ваенная гісторыя” [34, S. 397], у якой знайшоў грунтоўнае замацаванне адзін з важнейшых кірункаў вывучэння “вайны Гітлера на ўсходзе” [34] – гісторыя Беларусі ў 1939–1945 гг. Пры гэтым не ставіцца задача па падрабязным разглядзе ўсёй даследаванай праблематыкі: разглядаюцца толькі тыя працы, якія вылучаюцца сярод іншых крыніцазнаўчай навізнай і наватарствам аўтарскіх падыходаў. Зыходным лічыцца галоўны крытэры – унесены фактычны ўклад у сучасную гістарычную навуку Германіі ў дачыненні да беларускай ваеннай праблематыкі.

Чытачу прапануюцца толькі асобныя вынікі, атрыманыя найноўшай германскай гістарыяграфіяй у ходзе вывучэння наступнай праблематыкі: 1) гісторыі Беларусі 1939–1941 гг.; 2) баявых дзеянняў вермахта і Чырвонай арміі летам 1941 г. і за часам вызвалення тэрыторыі Беларусі ў 1943–1944 гг.; 3) форм усталявання і наступстваў панавання германскага акупацыйнага рэжыму на Беларусі 1941–1944 гг.; 4) маштабў правядзення нацысцкай палітыкі рабавання, эксплуатацыі і вынішчэння на беларускай тэрыторыі; 5) характарыстыкі гісторыі ваеннай штодзённасці мірнага насельніцтва; 6) узброенай партызанскай барацьбы і патрыятычнага супраціўлення ў Беларусі 1941–1944 гг.; гісторыя Беларусі 1943–1945 гг.

На аснове праведзенага аналізу можна вызначыць найбольш характарныя рысы найноўшай германскай гістарыяграфіі, у якой гісторыя ваенная Беларусі знайшла адлюстраванне ў наступных 7 тэзісах: 1) 22 чэрвеня 1941 г. тэрыторыя Беларусі з размешчанымі на ёй сіламі Чырвонай арміі апынулася ў цэнтры галоўнага ўдару, які наносіў германскі вермахт у рамках ажыццяўлення плана маланкавай вайны супраць СССР і распачатай з першых дзён агрэсіі ў адпаведнасці з нацысцкай праграмай вынішчэння савецкіх ваеннапалонных на захопленай беларускай тэрыторыі; 2) рабаўнічыя планы Германіі па захопу “жыццёвай прасторы на ўсходзе” прывялі да тэрытарыяльнага падзелу Беларусі, на якой з 1 верасня 1941 г. усталяваліся германскія акупацыйныя структуры ўлады (ваенная, ваенна-паліцэйская і цывільная) і нямецкае мясцовае кіраванне; 3) з усталяваннем акупацыйнага рэжыму ваенна-паліцэйскія службы і кіраўніцтва гебітскамісарыятаў пры падтрымцы часцей вермахта распачалі правядзенне расава-ідэалагічнай вайны супраць усяго мясцовага насельніцтва; 4) палітыка вынішчэння набыла на захопленай тэрыторыі Беларусі асаблівыя маштабы і праяўлялася ў генацыдзе яўрэйскага, у тым ліку дэпартаваных з краін Еўропы яўрэяў, так і мясцовага грамадзянскага насельніцтва; 5) ідэалагічнае супрацьстаянне складала асноўную рысу паўсядзённага жыцця на акупаванай тэрыторыі, на якой разгортвалася маштабнае супраціўленне германскім захопнікам у форме партызанскай узброенай барацьбы і патрыятычнага супраціўлення; 6) асобныя праявы адкрытай калабарацыі і некаторыя формы супрацоўніцтва з ворагам не знайшлі шырокай падтрымкі сярод беларускага грамадзянскага насельніцтва, а ў яшчэ большай ступені абвастрыла ўнутраную міжнацыянальную сітуацыю; 7) ва ўмовах меўшых месца радыкальных зменаў на усходнім фронце германскі акупацыйны рэжым спрабаваў выкарыстаць мясцовыя працоўныя рэсурсы (у тым ліку ваеннапалонных) у якасці прымусовай рабочай сілы не толькі на акупаванай тэрыторыі Беларусі, але і ў самім рэйху ў якасці оstarбайтараў [20, S. 295–315; 21, S. 315–338; 23, S. 315–338]. На парадак дня ў германскай гістарыяграфіі сталі пытанні рознага характару, ад атрымання агульных звестак пра асобныя гістарычныя падзеі і больш дыферэнцаванага аналізу праблем, да іх дэталёвага мікрааналізу. Як бачна з вышэйпрыведзенага матэрыялу, толькі некаторая праблематыка набыла ў нямецкіх працах усебаковы канцэнтраваны погляд і атрымала адпаведныя вынікі.

Такім чынам, у фокусе даследчыцкага інтарэсу нямецкіх аўтараў знаходзілася не толькі гістарычная праблематыка, якая фарміравала агульную карціну падзей вайны на беларускай тэрыторыі, але і цэлы масіў новых дакументальных матэрыялаў. З улікам гэтага ў даследаваннях нямецкіх гісторыкаў складаліся новыя тэндэнцыі па ўсебаковым вывучэнні ваеннага мінулага ў Беларусі за часам германскай акупацыі. У выніку можна казаць пра з’яўленне ў сучаснай германскай гістарыяграфіі самастойнага навуковага напрамку, для якога характэрны не толькі новыя тэарэтычныя падыходы, звязаныя з правядзеннем якасных зменаў гістарычных ведаў на аснове новага “камунікатыўнага звароту”, але і стварэнне ўмоў для канцэптуалізацыі ваеннай гісторыі Беларусі ў якасці прадмета гістарычных даследаванняў.

Неабходна заўважыць, што ў найноўшай германскай гістарыяграфіі назіраецца актыўны пошук такіх тэарэтычных і метадалагічных падыходаў, якія садзейнічаюць фарміраванню новых гістарычных ведаў у

форме паняццяў і канцэпцый, дазваляюць адекватна ўспрымаць, разумець і ўсебакова інтэрпрэтаваць беларускае ваеннае мінулае. Важным фактам апошняга часу становіцца актыўны дыялог паміж беларускімі і нямецкімі гісторыкамі, у выніку якога ў еўрапейскай гістарыяграфічнай прасторы пачалі стварацца сумесныя навуковыя калектывы для выканання гістарычных праектаў, у тым ліку па асобным праблемам ваеннай гісторыі Беларусі 1941–1944 гг. [1; 5; 14; 35]. Далейшы працэс па ўсебаковым, поўным і аб'ектыўным даследаванні ваеннай гісторыі Беларусі шмат у чым будзе абумоўлены блізкасцю падыходаў, канцэптуальным разуменнем гістарычных праблем і канкрэтнымі даследчыцкімі інтарэсамі гісторыкаў дзвюх краін. Будучае ўзаемадзеянне можа быць дасягнутым таксама шляхам збліжэння метадалогіі гістарычных даследаванняў, выкарыстання блізкага паняццёвага апарату, даследчыцкага інструментарыю, аргументацыі, логікі і г.д.

У такіх умовах прынцыповае значэнне мае пастаноўка пытання аб правядзенні гістарыяграфічнага сінтэзу найноўшых нямецкіх даследаванняў, якія адлюстроўваюць вядучыя тэндэнцыі трансфармацыі ваенна-гістарычнай думкі Германіі і разглядаюцца скрозь прызму ўзаемадзеяння гісторыі і сучаснасці. На думку аднаго з вядучых нямецкіх гісторыкаў Д. Поля, сучасная гістарычная навука не можа развівацца выключна ў нацыянальным кантэксце, гэта патрабуе інтэнсіфікацыі супрацоўніцтва гісторыкаў ва ўсёй Еўропе [4, с. 210], у тым ліку Беларусі. Выходзячы з тэзіса вядомага беларускага гісторыка А.М. Літвіна, на парадку дня стаіць задача “інтэгравання вынікаў замежнай гістарыяграфіі ў беларускую гістарычную навуку па гісторыі Вялікай Айчыннай вайны” [3, с. 58], што ў сваю чаргу ставіць на парадак дня правядзенне спецыяльнага аналізу, сінтэзу і новай навуковай ацэнкі нямецкіх напрацовак германскай гістарыяграфіі гісторыі Беларусі 1939–1945 гг.

Такім чынам, на парадку дня айчыннай гістарыяграфіі стаіць вельмі адказная задача аб неабходнасці выкарыстання не толькі новых дакументальных крыніц, прычым рознага паходжання, колькі пастаноўкі новых навуковых праблем, вылучэнне крытычных пытанняў і звароту да найноўшых метадалагічных падыходаў пры даследаванні гісторыі Беларусі перыяду Другой сусветнай вайны.

1. Брест. Лето 1941 г. Документы. Материалы. Фотографии / Авт.-сост. К. Ганцер (рук. группы) [и др.]. – Смоленск: Инбелкульт, 2016. – 723 с.
2. К'яры, Б. Прадмова да беларускага выдання // К'яры Б. Штодзённасць за лініяй фронту. Акупацыя, калабарыцыя і супраціў у Беларусі (1941–1944 гг.) / Пред. з ням. Л. Баршчэўскага; нав. рэд. Г. Сагановіч. – Мінск: Poland, 2005. – 390 с.
3. Літвін, А. М. Прымушная праца беларускіх грамадзян у святле навуковых фактаў і асабістых успамінаў сведак / А. М. Літвін // Разняволеная памяць. Прымушная праца беларускіх грамадзян на акупаванай тэрыторыі Беларусі (1941–1944 гг.): зборнік навуковых артыкулаў / пад рэд. А.М. Літвіна. – Мінск: Медысонт, 2010. – С. 47–82.
4. Поль, Д. Прымушная праца ў акупаванай Усходняй Еўропе – стан нямецкай гістарыяграфіі / Д. Поль // Разняволеная памяць. Прымушная праца беларускіх грамадзян на акупаванай тэрыторыі Беларусі (1941–1944 гг.): зборнік навуковых артыкулаў / пад рэд. А.М. Літвіна. – Мінск: Медысонт, 2010. – С. 199–210.
5. Разняволеная памяць. Прымушная праца беларускіх грамадзян на акупаванай тэрыторыі Беларусі (1941–1944 гг.): зборнік навуковых артыкулаў / пад рэд. А.М. Літвіна. – Мінск: Медысонт, 2010. – 216 с.
6. Arnold, K.J. Die Wehrmacht und die Besatzungspolitik in der besetzten Ostgebieten der Sowjetunion: Kriegsführung und Radikalisierung im „Unternehmen Barbarossa“ / K.J. Arnold. – Berlin: Bunker&Humboldt, 2004. – 579 S.
7. Bartuschka, M. Der Partisanenkrieg in Weißrussland 1941–1944. Jeder gegen Jeden? Ursprünge, Strukturen und Parteien des Konflikts / M. Bartuschka. – Saarbrücken: VDM Aktiengesellschaft Co KG. – 2008. – 176 S.
8. Brakel, A. Unter Rotem Stern und Hakenkreuz: Baranowicz 1939 bis 1944 / A. Brakel. – Paderborn: Ferdinand Schöningh, 2009. – 426 S.
9. Burmistr, S. Die „Minsker Zeitung“. Selbst- und Fremdbildung in der nationalsozialistischen Besatzungspresse / S. Burmistr. – Berlin: Motropol, 2016. – 364 S.
10. Chapoutot, J. Die Geschichtsschreibung zum Nationalsozialismus und der *Cultural Turn* / J. Chapoutot // Vierteljahreshefte für Zeitgeschichte. – 2017. – Nr. 2. – S. 247–257.
11. Chiari, B. Alltag hinter der Front. Besatzung, Kollaboration und Widerstand in Weißrussland 1941–1944 / B. Chiari. – Düsseldorf: Droste, 1998. – 380 S.
12. Curilla, W. Die deutsche Ordnungspolizei und der Holocaust im Baltikum und in Weißrussland 1941–1944 / W. Curilla. – Paderborn: Ferdinand Schöningh, 2006. – 1041 S.
13. Die polnische Heimatarmee. Geschichte und Mythos der Armia Krajowa seit dem Zweiten Weltkrieg / hrsg. von Bernhard Chiari unter Mitarbeit von Jerzy Kochanowski. – München: Oldenbourg Verlag, 2003. – 948 S.
14. Diskriminiert – vernichtet – vergessen. Behinderte in der Sowjetunion, unter nationalsozialistischer Besatzung und im Ostblock 1917–1991 / Hrsg. von Alexander Friedmann und Rainer Hudemann. – Stuttgart: Franz Steiner Verlag, 2016. – 563 S.
15. Einsatz im „Reichskommissariat in Ostland“. Dokumente zum Völkermord im Baltikum und in Weißrussland 1941–1944 / Hrsg. von Wolfgang Benz, Konrad Kwiet, Jörgen Matthäus. – Berlin: Metropol, 1998. – 301 S.
16. Frieser, K.-H. Der Zusammenbruch im Osten. Die Rückzugskämpfe seit Sommer 1944 / K.-H. Frieser // Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg. – Bd. 8; Die Ostfront 1943/44. Der Krieg im Osten und an den Nebenfronten / Hrsg. von Karl-Heinz Frieser. – München: Deutsche Verlag-Anstalt, 2007. – S. 493–622.
17. Gartenschläger, U. Die Stadt Minsk während der deutschen Besatzung (1941–1944) / U. Gartenschläger. – Dortmund: IBB, 2001. – 90 S.
18. Gerlach, Ch. Kalkulierte Morde. Die deutsche Wirtschafts- und Vernichtungspolitik in Weißrussland 1941–1944 / Ch. Gerlach. – Hamburg: Hamburger Edition, 1999. – 1232 S.
19. Hartmann, Ch. Franz Halder revisited – eine Wiederbegegnung nach über 20 Jahren // Halder. Generalstabchef Hitlers 1938–1942 / Christian Hartmann. 2., erweiterte und aktualisierte Auflage. – Paderborn; München; Wien; Zürich: Ferdinand Schöningh, 2010. – S. 397.
20. Kohl, P. „Ich wundere mich, dass ich noch lebe“ : sowjetische Augenzeugen berichten / P. Kohl. – Gütersloh: Gütersloher Verl.-Haus Mohn, 1990. – 319 S.
21. Kohl, P. Der Krieg der deutschen Wehrmacht und der Polizei. Sowjetische Überlebende berichten / P. Kohl. – Frankfurt a. M.: Fischer Verlag GmbH, 1995. – 349 S.
22. Kohl, P. Das Vernichtungslager Trostenez. Augenzeugenberichte und Dokumente / P. Kohl. – Dortmund: IBB, 2003. – 112 S.

23. Kohl, P. Der Krieg der deutschen Wehrmacht und der Polizei. Sowjetische Überlebende berichten / P. Kohl. – Frankfurt a. M.: Fischer Verlag GmbH, 2016. – 349 S.
24. Lehnhard, H. „Lebensraum im Osten“. Deutsche in Belorussland 1941–44 / H. Lehnhard. – Dortmund: Service-Druck GmbH, 1991. – 312 S.
25. Lehnstaedt, S. Okkupation im Osten. Besatzeralltag in Warschau und Minsk 1939–1944 / S. Lehnstaedt. – München: Oldenbourg, 2010. – 381 S.
26. Möller, H. Vorwort / H. Möller // Verbrechen der Wehrmacht. Bilanz einer Debatte / Hrsg. von Christian Hartmann, Johannes Hürter und Ulrike Jureit. – München: Verlag C. H. Beck oHG, 2005. – S. 9–15.
27. Musial, B. Sowjetische Partisanen 1941–1944 in Weißrussland. Innenansichten aus dem Gebiet Baranowici 1941–1944. Eine Dokumentation / B. Musial. – München: Oldenbourg Wissenschaftsverlag GmbH, 2004. – 271 S.
28. Musial, B. Sowjetische Partisanen 1941–1944. Mythos und Wirklichkeit / B. Musial. – Paderborn: Ferdinand Schöningh, 2009. – 592 S.
29. Müller, R.-D. Hitlers Krieg im Osten. 1941–1945 / R.-D. Müller, Gerd R. Ueberschaer. – Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 2000. – 451 S.
30. Pohl, D. Die Herrschaft der deutschen Wehrmacht. Deutsche Militärbesatzung und einheimische Bevölkerung in der Sowjetunion 1941–1944. – München: Oldenbourg Wissenschaftsverlag, GmbH, 2008. – 399 S.
31. Quinkert, B. Propaganda und Terror in Weißrussland 1941–1944. Die deutsche „geistige“ Kriegsführung gegen Zivilbevölkerung und Partisanen / B. Quinkert. – Paderborn: Ferdinand Schöningh, 2009. – 420 S.
32. Reichkommissariat Ostland. Tatort und Erinnerungsobjekt / Hrsg. durch Sebastian Khehmann gemeinsam mit Robert Bohn und Uwe Danker. – Paderborn: Ferdinand Schöningh, 2012. – 371 S.
33. Rentrop, P. Tator der „Endlösung“. Das Ghetto Minsk und die Vernichtungsstätte von Maly Trostinez / P. Rentrop. – Berlin: Motropol, 2011. – 256 S.
34. Vernichtungskrieg. Verbrechen der Wehrmacht. Dimensionen des Vernichtungskrieges 1941–1944 / Hrsg. vom Hamburger Institut für Sozialforschung. – Hamburg: Hamburger Edition, 2002. – 749 S.
35. Vernichtungsort Malyj Trostenez. Geschichte und Erinnerung. – Berlin: IBB Dortmund, IBB Minsk, 2016. – 246 S.

БЕЛОРУССКО-РОССИЙСКАЯ ИНТЕГРАЦИЯ В ОЦЕНКАХ УКРАИНСКИХ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ

А.П. Косов (Витебск, Беларусь)

Поддаляющее большинство украинских исследователей, рассматривающих белорусско-российские отношения в постсоветский период, достаточно скептически оценивают интеграционный процесс между Минском и Москвой. Многие из них отмечают, что Россия любым путем пытается вернуть бывшие союзные республики под свой контроль. Кремль стремится признания мировым сообществом своей особой роли на постсоветском пространстве. Поэтому цель данной публикации заключается в том, чтобы проанализировать имеющиеся в украинской историографии оценки развития белорусско-российских отношений в конце XX – начале XXI в.

На сегодняшний день нельзя сказать, что в украинской историографии много исследований, в которых освещается интеграционный процесс между Минском и Москвой. Тем не менее, можно назвать ряд работ, рассматривающих те или иные аспекты белорусско-российских отношений в постсоветский период. В частности, в Украине имеется несколько диссертационных исследований [1; 2; 5], а также монографий и научных статей [6; 8], посвященных данной проблеме.

Украинские авторы исследуют интеграционные аспекты межгосударственного сотрудничества Республики Беларусь и Российской Федерации. Ими проанализированы основные внутренние и внешние факторы, а также предпосылки интеграционного процесса двух славянских государств. Они разделяют точку зрения И. Н. Мельничука из Черновцов о том, что российско-белорусские отношения формировались под влиянием и с учетом многих факторов: с одной стороны, это особенности дезинтеграционных и интеграционных процессов, которые проходили на пространстве СНГ в 1990-х гг., с другой стороны – внутриаполитическая ситуация в России и Беларуси [7, с. 364]. Как заключал львовский исследователь Т. Е. Полевой, экономическая и хозяйственная зависимость Минска от Москвы, а также ментальная и культурная близость белорусского и российского народов стали идейным фундаментом процесса межгосударственного сближения в начале 1990-х гг., и основой построения будущего Союзного государства [13, с. 136]. Он констатировал, что именно белорусская сторона выступала основным инициатором двустороннего сближения. При этом Москва долгое время не рассматривала Республику Беларусь как важного международного партнера [13, с. 134]. Т. Е. Полевой отмечал, что курс на белорусско-российское сближение окончательно оформился в 1993–1996 гг. С одной стороны, эксперт объяснял это экономическими трудностями и поиском политической и экономической опоры руководством Беларуси, а с другой стороны, внешнеполитическими вызовами для России, связанными с распространением НАТО на восток и переформатированием внешних приоритетов на постсоветское пространство. Вместе с тем, по словам Т. Е. Полевого, несмотря на определенные успехи в процессе белорусско-российского сближения, с самого начала обе стороны видели в интеграции скорее средство для получения личной политической выгоды, а не создание реально действующей международной структуры [12, с. 153]. Эксперт уверен, что белорусский и российский лидеры активно эксплуатировали тему интеграции исходя из собственных политических амбиций [12, с. 150]. Исходя из позиций белорусского руководства, Т. Е. Полевой не считал нужным преувеличивать значение политических или идеологических мотивов в процессе белорусско-российского сближе-

ния. На его взгляд, весомую роль в нем сыграл прагматичный расчет, тогда как, в некотором роде пропагандистские, идеологические и пророссийские настроения и акценты, такие как идеи «единства славянских народов», стали характерными для белорусской внешней политики после прихода к власти А. Г. Лукашенко [13, с. 135]. По мнению Г. Н. Перепелицы, А. Г. Лукашенко принял кремлевские правила игры, чтобы уберечь свою страну от социальных потрясений и экономического краха. Результатом этого стало подписание 2 апреля 1997 г. Договора о Союзе Беларуси и России [10, с. 95].

В ряде работ оцениваются геополитические аспекты белорусско-российского сближения. Представители украинского политико-академического сообщества, вне зависимости от прозападной или пророссийской ориентации, обращают внимание на геополитическую значимость территории нашей страны. Ярким примером является определение Беларуси в политологическом словаре русско-украинского геополитика В. А. Дергачева: «Геополитическое положение Беларуси имеет исключительное значение для России. Беларусь является воротами России в Западную Европу и ЕС и одновременно служит барьером для создания Балто-Черноморского геополитического щита, служит «костью в горле» для европейской геополитики США» [3, с. 38]. Это находит подтверждение и в других публикациях. Так, заведующий Отделом военной политики Украинского национального института стратегических исследований Г. Н. Перепелица отмечал, что приоритетность белорусского направления в политике Российской Федерации определяется не только геополитическим положением Беларуси, но и геостратегическим значением ее территории. По мнению эксперта, она представляет собой своеобразный военно-стратегический плацдарм, позволяющий в зависимости от преследуемых военно-политических целей рассматривать Беларусь как «санитарную зону», «безъядерную зону», «зону противодействия», «зону расширенного доминирования» и т. п. [10, с. 89]. Сам Г. Н. Перепелица был уверен, что для России стратегической целью в интеграционном процессе является присоединение Беларуси на правах субъекта Российской Федерации. Поэтому создание надгосударственных структур в рамках Союза России и Беларуси позволит Москве вовлечь республику в лоно своей государственности. Но белорусское руководство, по словам эксперта, не было готово отказаться от суверенитета настолько, чтобы потерять реальную власть в стране. Для Минска Союз России и Беларуси был нужен, чтобы приобрести формальный механизм воздействия на государственные институты России в своих интересах. Таким образом, согласно Г. Н. Перепелице, данное интеграционное объединение представляло собой воплощение одновременно как реинтеграционного, так и интеграционного процессов [10, с. 97].

С точки зрения Ю. А. Демянчук из Харькова, геополитические и военные аспекты интеграции вышли на передний план как факторы сближения сторон в течение 1997–2000 гг. По ее словам, для России интеграция с Беларусью стала одним из способов сохранить возможность геополитического влияния на западном направлении. РФ получала непосредственный выход к границам Центрально-Восточного региона, нейтрализовали потенциальную угрозу создания так называемой Балтийско-Черноморской геополитической дуги изоляции России, увеличение военной мощи за счет интеграции с белорусской армией, вывод Калининградского анклава из военно-стратегической изоляции [2, с. 13].

Большое внимание исследователей привлекает военно-политическая составляющая белорусско-российского сотрудничества. Однако зачастую они приходят к весьма одиозным умозаключениям. К примеру, утверждение Г. Н. Перепелицы о том, что создание «белорусско-российского военного блока» «не только способствует реанимации военного противостояния в Восточной Европе, но и значительно усиливает военно-политическую гегемонию России над странами СНГ» [10, с. 106], было излишне драматизировано и не соответствовало реальному положению дел.

В украинской историографии представлены также оценки создания и функционирования Союзного государства Беларуси и России. Исследователями рассмотрены основные проблемные вопросы построения и проанализированы перспективы формирования политического союза двух стран в зависимости от их национальных интересов. Так, по мнению А. Мишина, «проект Союзное государство» был нужен Минску в целях получения дешевых российских кредитов, льготных цен на энергоносители и т.д. Для Москвы, подчеркивал эксперт, сближение с Беларусью, в первую очередь, было нужно в качестве создания противовеса НАТО, приблизившегося к российским границам [9, с. 27].

Со своей стороны, И. Н. Мельничук отмечал, что уже принявший решение об уходе Б. Н. Ельцин хотел оставить своему преемнику важный политический капитал – договор об объединении (в то время еще потенциальный) с Беларусью. При этом его окружение сделало свое дело, исключив из договора опасные для Кремля статьи о едином президенте, а также о передаче части полномочий в руки председателя Высшего Государственного Совета России и Беларуси. Основная цель этого договора, по мнению эксперта, заключалась в оказании помощи В. В. Путину в его президентской кампании, учитывая сильные интеграционные ожидания российского электората [7, с. 366–367].

В то же время, по словам И. Н. Мельничука, А. Г. Лукашенко рассматривал договор как новый этап в своей интеграционной политике, а по сути дела, в большой и сложной игре с российским руководством. Хотя ему и не удалось провести радикальный вариант объединения, шансы на быстрое подписание нового договора и надежда стать благодаря ему руководителем Союзного государства на рубеже веков еще сохранялись. В качестве подтверждения этой позиции белорусского президента исследователь привел следую-

щий факт: «летом 1999 г. Лукашенко открыто заявил журналистам, что, если будет Союз и его президент будет избираться прямым и открытым голосованием, то он готов поспорить с Б. Ельциным за эту должность» [7, с. 366–367]. Однако после прихода в Кремль В. В. Путина, атмосфера российско-белорусских отношений изменилась. Согласно И. Н. Мельничуку, В. В. Путин не стал раскрывать объятия белорусам, четко сохраняя дистанцию. Новое российское руководство постепенно приучало Минск к мнению, что отказываться от союза с Беларусью оно не собирается, однако строить его желает по своему усмотрению, в соответствии с национальными интересами России, а не так, как этого хотелось бы партнеру [7, с. 369–370].

По мнению Ю. А. Демянчук, Договор о создании Союзного государства так и не стал инструментом преодоления растущих разногласий сторон в подходах к политической и экономической составляющих интеграционного процесса. На ее взгляд, главной проблемой было отсутствие договоренностей между правящими кругами Беларуси и России о том, кто и в каких объемах будет осуществлять государственно-политическое управление в общем государстве [2, с. 12]. Среди причин, помешавших реальному воплощению в жизнь проекта Союзного государства, она назвала следующие: со стороны России – прагматичный курс Кремля на возрождение великой державы; подход к сотрудничеству с позиции «старшей сестры»; отсутствие политической воли, направленной на постоянную системную работу в плане создания Союзного государства; преобладание политической интеграции над экономической составляющей; игнорирование со стороны высшей государственной власти функции контроля за выполнением решений, принятых в рамках союза. Со стороны Беларуси, по словам Ю. А. Демянчук, это – политика лавирования между сохранением суверенитета и самостоятельностью Беларуси и укреплением союза с Россией; преобладание точки зрения, что первой фазой объединения должно стать создание правовой базы; противоположная России макроэкономическая государственная стратегия; неприятие Минском федерального устройства; навязывание РФ принципа «одна страна – один голос»; расхождение политических интересов белорусской государственной элиты с интересами русской. Указанные факторы, прежде всего экономического и правового характера, а точнее их непроработанность и нерешенность, в итоге перевесили геополитические факторы, которые могли бы стимулировать процессы дальнейшей интеграции двух стран. По ее мнению, несмотря на то, что основные цели Договора о Союзном государстве не были достигнуты, тесное сотрудничество Беларуси и России остается актуальным и дает положительные результаты для обеих стран [2, с. 13–14].

В ряде украинских публикаций названы проблемные вопросы, мешающие Беларуси и России перейти на качественно новый уровень интеграции. В частности, исследователи обратили внимание на несогласованность подходов у сторон относительно интеграционной модели Союзного государства (конфедерация или федерация), отсутствие у них общей внешней политики и валютного режима [7, с. 370].

По мнению И. Н. Мельничука, во второй половине 1990-х гг. центристские силы значительно уступали тем, которые были в начале последнего десятилетия прошлого века. Более того, если в 1994–1995 гг. в российско-белорусских отношениях еще царила эпоха романтизма, основу которой составляло желание осуществить скорую интеграцию по всем аспектам внутренней и внешней политики, включая возможность объединения государств, то в конце 1990-х гг. наблюдается обдуманый подход к реализации этой идеи: центристские силы стали восприниматься не в общем контексте, а дифференцироваться в зависимости от характера и значимости той или иной ее составляющей. В частности, в последнее время на первый план вышла экономическая составляющая этих центристских сил как наиболее существенная и связанная с повседневной жизнью людей. Подтверждением этого является и тот факт, что все чаще двусторонние российско-белорусские встречи на высшем уровне посвящаются, в первую очередь, экономическим проблемам. Иными словами, приуменьшая значение того или иного аспекта интеграции, можно говорить об их первоочередности и второстепенности, в большей или меньшей степени на данном этапе развития [7, с. 372].

К. Бондаренко из Института украинской политики указывал на имеющуюся у А. Г. Лукашенко тревогу относительно неравных условий, в которых находятся участники интеграционного процесса, исходя из геополитических потенциалов сторон. Например, в Союзном государстве экономический потенциал России составляет 97%, а Беларуси – только 3%, поэтому о равноправных отношениях между ними не может идти и речи. Москва лишила Минск всех привилегий, задекларированных в документах Союзного государства, и перевела двусторонние отношения на рыночные рельсы. В целях давления Россия использует такие инструменты, как Газпром и Роспотребнадзор. По словам эксперта, Беларусь превратилась в сателлита, из субъекта международного права – в объект. Исходя из этого, К. Бондаренко пришел к выводу, что сближение с Россией неизбежно приведет Беларусь к потере политического и экономического суверенитета, потери государственности [4].

Многие украинские авторы критически относятся к процессу белорусско-российской интеграции. Например, политологи А. Полтораков и А. Шарф рекомендовали Беларуси альтернативный вариант интеграции с РФ, поскольку чрезмерное сближение с Россией чревато поглощением республики восточным соседом. Согласно им, Минску, как и Киеву, необходимо двигаться исключительно в сторону Европы. И признаки такого движения украинские эксперты увидели во внешней политике Беларуси в конце 2000-х гг., когда, по их мнению, наблюдался «существенный разворот в сторону Европы, вызванный, прежде всего, внутренней необходимостью экономической устойчивости» [11, с. 33].

Таким образом, отдельные украинские исследователи уделяют некоторое внимание процессу белорусско-российской интеграции в контексте изучения внешней политики России на постсоветском пространстве, внешней политики Беларуси, украинско-российских отношений или в работах, непосредственно посвященных проблемам взаимоотношений Минска и Москвы. Ими выделены основные этапы интеграции двух государств, проанализированы основные сферы сотрудничества Беларуси и России, выявлены основные тенденции и факторы, повлиявшие на развитие двусторонних отношений в 1990-е – 2000-е гг.

Что касается перспектив сближения, то, как отмечают украинские авторы, эффективное движение белорусско-российской интеграции вперед напрямую зависит от решения сторонами имеющихся между ними проблем и согласования национальных интересов в реалиях современного мира.

Исследование выполнено в рамках ГПНИ «Экономика и гуманитарное развитие белорусского общества» (науч. рук. – чл.-кор. НАН Беларуси, д.и.н., проф. А. А. Коваленя), подпрограммы «История и культура» (науч. рук. – к.и.н., доц. В. В. Данилович) по заданию 1.1.04. Тема НИР «Республика Беларусь в интеграционных процессах на постсоветском пространстве» (науч. рук. – к.и.н., доц. А. П. Косов).

1. Вівчар, І. В. Інтеграційний вимір міждержавного співробітництва Республіки Білорусь та Російської Федерації : автореф. дис. ... канд. політ. наук: 23.00.04 / І. В. Вівчар ; НАН України, Ін-т світ. економіки і міжнар. відносин. – К., 2009. – 20 с.
2. Дем'янчук, Ю. А. Білорусько-російські відносини (1991–2000 рр.) : автореф. дис. ... канд. іст. наук: 07.00.02 / Ю. А. Дем'янчук ; Харківський національний університет імені В. Н. Каразіна. – Харків, 2009. – 18 с.
3. Дергачев, В. А. Геополитический словарь-справочник / В. А. Дергачев. – К. : Изд-во КНТ, 2009. – 592 с.
4. Кость Бондаренко: Політичний заповіт Лукашенка [Електронний ресурс] // LB.ua. – 21.10.2011. – Режим доступу: https://lb.ua/news/2011/10/20/120267_politichnyi_zapovit_lukashenka.html. – Дата доступу: 17.02.2017.
5. Крет, Р. М. Зовнішня політика Білорусі в умовах інтеграційних трансформацій Східної Європи : автореф. дис. ... канд. політ. наук : 23.00.04 / Р. М. Крет ; НАН України, Ін-т світ. економіки і міжнар. відносин. – К., 2010. – 20 с.
6. Мельничук, І. М. Інтеграційні проекти Російської Федерації на пострадянському просторі : монографія / І. М. Мельничук ; Чернів. нац. ун-т ім. Ю. Федьковича. – Чернівці : Рута, 2015. – 399 с.
7. Мельничук І. Особливості російсько-білоруських взаємин наприкінці ХХ – на початку ХХІ століття / І. Мельничук // Політологічні та соціологічні студії : збірник наукових статей / наук. ред. А. М. Круглашов. – Чернівці-Вільнюс : Букрек, 2007. – Т. 5. – С. 364–374.
8. Мирабдуллаев оглы, А. М. Расстановка сил в постсоветском пространстве: Российская Федерация и страны СНГ : монография / А. М. Мирабдуллаев оглы ; Укр. акад. наук. – К. : Изд-во УАН, 2012. – 349 с.
9. Мишин, А. Кремлівський транзит, або Нові орієнтири Росії / А. Мишин // Зовнішні справи. – 2008. – № 1. – С. 26–28.
10. Перепелица, Г. Н. Белорусско-российская военно-политическая интеграция и ее влияние на безопасность Украины / Г. Н. Перепелица // Белоруссия на перепутье: в поисках международной идентичности / под ред. Ш. Гарнетта, Р. Легволда. – М. : Московский центр Карнеги, 1998. – С. 87–113.
11. Полтораков, О. На перехрестях: Україна і Білорусь у тіні Великої Європи / О. Полтораков, О. Шарф // Зовнішні справи. – 2009. – № 2. – С. 32–35.
12. Польовий, Т. Є. Формування «особливих відносин» між Республікою Білорусь і Російською Федерацією в середині 90-х років ХХ століття / Т. Є. Польовий // Прикарпатський вісник НТШ. Думка. – 2014. – № 3. – С. 143–158.
13. Польовий, Т. Є. Чинники та передумови двостороннього зближення Республіки Білорусь та Російської Федерації / Т. Є. Польовий // Прикарпатський вісник НТШ. Думка. – 2015. – № 3. – С. 132–137.

Н.Н. СЕМЕНОВ В СОВРЕМЕННЫХ ПУБЛИКАЦИЯХ И ИССЛЕДОВАНИЯХ (КРАТКИЙ ОБЗОР)

Н.В. Власова (Рязань, Россия)

Николай Николаевич Семенов (1796–1875) принадлежал к русскому дворянскому роду Семеновых, внесённому в шестую часть дворянской родословной книги Рязанской губернии. Н.Н. Семенов родился в семье Николая Петровича Семенова и его жены Марии Петровны, урожденной Буниной. По дворянскому списку, составленному в 1809 г., за Н.П. Семеновым, отставным секунд-майором, в Рязанской губернии состояло благоприобретенное («Раненбургской округи в сельце Алексеевском и деревне Подосинках мужеска 69» душ) и наследственное имение («Пронской округи в сельце Салыкове и деревне Кареевой мужеска 40 душ») [3, л. 40]. Н.Н. Семенов обучался в кадетском корпусе, но полного курса не окончил. В 1815 г. он поступил на военную службу в лейб-гвардии Измайловский полк. 14 декабря 1825 г., согласно записи в формулярном списке, «находился во фронте против мятежников». В 1826 г. Семенов был уволен «за болезнию» от военной службы. С мая 1827 г. по февраль 1845 г. Н.Н. Семенов занимал должность директора училищ Рязанской губернии. С февраля 1845 по январь 1846 г. он находился в отставке, в январе 1846 г. был причислен к МВД. В 1848–1851 гг. Н.Н. Семенов служил минским вице-губернатором, в 1851–1857 гг. – вятским гражданским губернатором. В ноябре 1857 г. он был уволен в отставку.

Н.Н. Семенов был женат на Любви Андреевне, урожденной Минх. В семье Семеновых было трое детей: Николай (1833–1886), Мария (1831–1858) и Любовь (1835–1857). Сын Николай, окончив Императорское училище правоведения, некоторое время служил во 2-м департаменте Правительствующего Сената. Затем, оставив службу по состоянию здоровья, он переселился во Францию, в литературу которой вошел «как прозаик, поэт и переводчик» [20].

Н.Н. Семенов скончался в 1875 г. и был похоронен на кладбище Новодевичьего монастыря в Санкт-Петербурге.

В историографии советского периода жизнь и деятельность Н.Н. Семенова не становились предметом специального изучения, его имя лишь упоминалось в отдельных работах. Со второй половины 1990-х гг. личность Семенова стала привлекать внимание историков и краеведов, вышло немало публикаций и исследований, основные из которых в хронологическом порядке будут рассмотрены в данной работе.

В 1996 г. в Кирове был издан очередной том «Энциклопедии земли Вятской», который содержит краткую биографическую справку о Н.Н. Семенове [23].

В том же году появились две работы справочного характера, содержащие сведения о Семенове: «Биографические справки на вятских наместников и губернаторов (1780–1917)» [15] и публикация «Они правили губернией 120 лет» в газете «Вятский край» в рубрике «ВК»: книжка в газете» [11, с. 6–7].

В 1997 г. вышла в свет книга «Кировская областная Дума первого созыва» [16], в 2000 г. – «Губернаторы Вятки: дайджест из истории прошлого и настоящего» [17], справочные издания, фактически повторяющие материал вышеуказанных статей 1996-го г.

В Рязани с конца 1990-х гг. поиском материалов о Н.Н. Семенове занимался рязанский краевед В.М. Касаткин (1935–2011). Результатом его работы стала статья, помещенная в «Рязанской энциклопедии» [7], а также публикации в местных периодических изданиях и в сборнике научных работ [5; 6].

В 2008 г. был издан роман-биография рязанского писателя А.Н. Потапова «Золотая арфа: жизнь и творчество Я.П. Полонского» [13]. Н.Н. Семенов, возглавлявший Рязанскую мужскую гимназию в те годы, когда в ней учился будущий поэт (1832–1838), стал одним из героев главы «Гимназические будни», в сюжетной линии которой узнаются строки из воспоминаний Полонского [12].

В том же 2008 г. была опубликована статья рязанского историка Д.Ю. Филиппова «Здание первой Рязанской мужской гимназии: материалы к истории памятника» [21]. Укажем, что в существующих в настоящий момент публикациях можно выделить группу работ, в которых приводятся сведения о том, что здание, в котором располагалась Рязанская мужская гимназия, – это дом Семеновой и Н.Н. Семенов «служил в доме, где прошло его детство». Авторы второй группы работ утверждают, что это был дом В.О. Кузнецовой. В связи с этим особую значимость имеет вышеуказанная статья Д.Ю. Филиппова, в которой он, основываясь на источниках, восстанавливает картину ранней истории памятника, прослеживает, как «возникшая из небытия фамилия помещицы Семеновой стала основой для новых фантастических построений», а также показывает, кому в действительности принадлежал дом, купленный в 1808 г. рязанским дворянством и в последующие годы перестроенный для размещения в нем гимназии.

В 2009 г. были изданы воспоминания Вениамина Петровича Семенова-Тян-Шанского (1870–1942), одного из сыновей П.П. Семенова-Тян-Шанского (1827–1914). Как справедливо отмечает М.А. Семенов-Тян-Шанский, автор предисловия к данному изданию, оно является уникальным «по обилию упоминаемых в нем лиц и событий». Воспоминания содержат упоминание о Н.Н. Семенове, его жене и их детях [18; 19].

В книге рязанского краеведа Е.Н. Крупина «Потайные ящики», вышедшей в свет в 2011 г., Н.Н. Семенову посвящено приложение «Директор гимназии Николай Николаевич и другие Семёновы-Каркадиновы» [8, с. 698–717].

В 2012 г. была издана книга рязанских историков И.Г. Кусовой и Д.Ю. Филиппова «Дом и люди. Род Рюминых» [9]. Для рассматриваемой нами темы наибольший интерес представляет глава «Гимназический пансион» [9, с. 68–88]. В ней авторы прослеживают историю создания пансиона при Рязанской гимназии, который в 1820 г. задумал открыть для дворянских детей директор народных училищ И.М. Татаринов, и который был открыт (только) в декабре 1833 г., (уже) при следующем директоре Н.Н. Семенове. Показывая сложности, которые возникали на многолетнем пути устройства данного заведения, историки отмечают: «Переписка об открытии пансиона, сохранившаяся в архивном фонде губернской гимназии, ярко свидетельствует о том, сколько сил было потрачено на это директором училищ Н.Н. Семеновым» [9, с. 70]. Одной из его заслуг было то, что он сумел привлечь к созданию пансиона Н.Г. Рюмина, представителя известной рязанской купеческой фамилии. В 1833 г. он выкупил у родного брата В.Г. Рюмина его дом и подарил гимназии под пансион, открытие которого состоялось в декабре 1833 г.

В 2012 г. появился очередной том «Материалов по истории и генеалогии дворянских родов Рязанской губернии», в котором представлен материал о дворянском роде Семеновых [10, с. 197–211] и, в частности, о Николае Николаевиче Семенове [10, с. 199].

В 2014 г. в Рязани была издана коллективная монография «Яков Петрович Полонский: личность и творчество в истории русской культуры». Для нас представляет интерес глава «Гимназические учителя Полонского», написанная рязанским историком Л.В. Чекуриным [22]. Обращаясь в своем исследовании к периоду обучения поэта в Рязанской гимназии, автор, в частности, касается приведенного в воспоминаниях Я.П. Полонского одного «любопытного» факта из его жизни, к которому был причастен Н.Н. Семенов, занимавший в те годы, как уже ранее указывалось, должность директора гимназии.

Большая исследовательская работа была проделана липецким историком А.А. Богдановым при подготовке книги «Усадьба Рязанка. Владельцы и их окружение» (Липецк, 2015), одна из глав которой под названием «Никольское» повествует о жизни и деятельности Н.Н. Семенова, являвшегося владельцем усадьбы в с. Никольском Раненбургского уезда Рязанской губернии [4].

Следующая работа, заслуживающая внимания, – биографический справочник «Минские губернаторы, вице-губернаторы и губернские предводители дворянства (1793–1917)», изданный в Минске в 2016 г. Он содержит 87 справочно-биографических статей о руководителях Минской губернии периода Российской империи, среди которых есть довольно обстоятельная статья, посвященная Н.Н. Семенову, занимавшему в 1848–1851 гг. пост минского вице-губернатора [14].

Историографию темы дополняют два словаря, в которых приводятся краткие справки о Семенове [1, с. 600; 2, с. 140].

Подводя итог, отметим, что в последние годы интерес исследователей к личности Н.Н. Семенова заметно возрос. Вышли в свет новые работы (некоторые из них, к сожалению, содержат фактические ошибки и неточности), были введены в научный оборот новые источники, раскрывающие отдельные стороны биографии Семенова. В то же время остается целый ряд малоизученных вопросов. В частности, практически не исследована деятельность Н.Н. Семенова на постах минского вице-губернатора и вятского губернатора. Представляется важным изучить вопрос взаимоотношений Н.Н. Семенова и М.Е. Салтыкова-Щедрина в период их службы в Вятке. Некоторые исследователи утверждают, что писатель изобразил Семенова в своем произведении «Тяжелый год» в образе патриарха и в «Губернских очерках» в образе князя Чебылкина. Этот вопрос также нуждается в дополнительном изучении. Требуется уточнения дата рождения Семенова. В изданных к настоящему моменту работах можно встретить два варианта года рождения (1794 и 1796 г.). Те авторы, которые приводят дату рождения со ссылкой на источник сведений, как правило, указывают, что пользовались формулярными списками о службе или данными «Петербургского некрополя».

Все вышесказанное позволяет сделать вывод о необходимости продолжения исследований по рассматриваемой теме с привлечением широкого круга источников, в первую очередь архивных.

1. Волков, С. В. Высшее чиновничество Российской империи: краткий словарь / С. В. Волков. – М. : Ун-т Дмитрия Пожарского, 2016.
2. Высшие чины Российской империи (22.10.1721 – 2.03.1917) [Электронный ресурс]: биографический словарь: в 3 т. / сост. Е.Л. Потемкин. – М., 2017. – Т. 3. – Режим доступа: <https://dlib.rsl.ru/viewer/01008802019#?page=141>. – Дата обращения: 01.02.2018.
3. Государственный архив Рязанской области (ГАРО). – Ф. 98. Оп. 10. Д. 82.
4. Исторический квартал: иллюстрированный научно-популярный альманах историко-культурного наследия Липецкого края / ред. совет: Т.В. Горелова (пред.) [и др.]; ред.-сост. А.А. Найденев. – Липецк : Гриф и К, 2011. – . – Вып. 5: Усадьба Рязанка. Владельцы и их окружение / А. А. Богданов. – Липецк : Веда социум, 2015.
5. Касаткин, В. Директор рязанский, губернатор вятский: (к 200-летию Рязанской первой губернской мужской гимназии и 185-летию со дня рождения поэта Я.П. Полонского) / В. Касаткин // *Вечерняя Рязань*. – 2005. – 13 янв.
6. Касаткин, В. М. Н.Н. Семенов – директор рязанский, губернатор вятский: (к 200-летию Первой Рязанской губернской мужской гимназии и 185-летию со дня рождения поэта Я.П. Полонского) / В. М. Касаткин // *Материалы и исследования по рязанскому краеведению: сб. науч. работ / отв. ред., сост. Б.В. Горбунов*. – Рязань : Изд-во РИРО, 2006. – Т. 11. – С. 317–321.
7. Касаткин, В. М. Семенов Николай Николаевич / В. М. Касаткин // *Рязанская энциклопедия* / гл. ред. В.Н. Федоткин. – Рязань : Пресса, 2000. – Т. 2. – С. 374.
8. Крупин, Е. Н. Потайные ящики, или Что можно прочесть между строк воспоминаний Якова Петровича Полонского, опубликованных им под названиями: «Старина и мое детство», «Школьные годы (Начало грамотности и гимназия)», «Мои студенческие воспоминания» / Е. Н. Крупин. – Рязань : Узорочье, 2011.
9. Кусова, И. Г. Дом и люди. Род Рюминых / И. Г. Кусова, Д. Ю. Филиппов. – Рязань : [б.и.], 2012. – 96 с.
10. Материалы и исследования по рязанскому краеведению. – Т. 10: Материалы по истории и генеалогии дворянских родов Рязанской губернии, вып. 7: Раевские – Сыроболяевские / И.Ж. Рындин; под ред., с доп. проф. Б.В. Горбунова. – Рязань : Узорочье, 2012. – 480 с.
11. Они правили губернией 120 лет // *Вятский край*. – 1996. – 5 мая (№ 82). – С. 1–8. – («ВК»: книжка в газете).
12. Полонский, Я. П. Школьные годы (Начало грамотности и гимназия) / Я. П. Полонский // *Историческая записка Рязанской первой мужской гимназии: 1804–1904* / предисл. И.П. Попова. – Репринт. изд. – Рязань : Изд-во РГПУ, 1995. – (Ист.-лит. сер. «Возвращение к истокам»). – С. 231–265.
13. Потапов, А. Н. Золотая арфа: жизнь и творчество Я.П. Полонского: роман-биография / А. Н. Потапов. – Рязань : Поверенный, 2008. – Ч. 1: Пленительный певец. – 2008. – 291 с.
14. Семенов Николай Николаевич // *Минские губернаторы, вице-губернаторы и губернские предводители дворянства, 1793–1917: биографический справочник* / сост. Ю.Н. Снапковский; редкол.: В.И. Адамушко [и др.]. – Минск : Беларусь, 2016. – С. 223–226.
15. Семенов Николай Николаевич (1794–1875 гг.) [Электронный ресурс] // *Биографические справки на вятских наместников и губернаторов (1780–1917)* / сост. И.С. Воробьева [и др.]. – Киров : ГАКО, 1996. – С. 16–17. – Режим доступа: http://www.kirovgako.ru/out/biograf_list_gub.rtf. – Дата обращения: 01.02.2018.
16. Семенов Николай Николаевич [1794 г. – 1875 г.], государственный деятель // *Кировская областная Дума первого созыва* / сост. и отв. за вып. В.Н. Койкова. – Киров : [б.и.], 1997. – С. 29–30.
17. Семенов Николай Николаевич (1794–1875), действительный статский советник // *Губернаторы Вятки: дайджест из истории прошлого и настоящего* / сост. Г.И. Емельянова. – Киров : Мини-тип. «Старая Вятка», 2000. – С. 27.
18. Семенов-Тянь-Шанский, В. П. То, что прошло: в 2 т. Т. 1: 1870–1917 / В. П. Семенов-Тянь-Шанский; ред. совет: Полян П.М. (пред.) [и др.]. – М. : Новый хронограф, 2009. – 678 с. – (От первого лица: история России в воспоминаниях, дневниках, письмах).
19. Семенов-Тянь-Шанский, В. П. То, что прошло: в 2 т. Т. 2: 1917–1942 / В. П. Семенов-Тянь-Шанский; ред. совет: Полян П.М. (пред.) [и др.]. – М. : Новый хронограф, 2009. – 658 с. – (От первого лица: история России в воспоминаниях, дневниках, письмах).
20. Семенова-Тянь-Шанская-Байдина, И. Русский дворян, настоящий француз / И. Семенова-Тянь-Шанская-Байдина // *Рязанские ведомости*. – 2013. – 11 янв.
21. Филиппов, Д. Ю. Знание первой Рязанской мужской гимназии: материалы к истории памятника / Д. Ю. Филиппов // *Четвертые Яхонтовские чтения: материалы межрегион. науч.-практ. конф., Рязань, 24–27 октября 2006 г.* – Рязань : Изд-во РИАМЗ, 2008. – С. 405–420.
22. Чекурин, Л. В. Гимназические учителя Полонского / Л.В. Чекурин // *Яков Петрович Полонский: личность и творчество в истории русской культуры* / под ред. Л.В. Чекурина. – Рязань : ПервопечатникЪ, 2014. – С. 132–154.
23. Шиляева, Р. Семенов Николай Николаевич / Р. Шиляева, В. Любимов // *Энциклопедия земли Вятской: в 10 т.* – Киров : Вятка, 1994–2008. – Т. 6: Знатные люди: (биограф. слов.) / сост. С.П. Кокурина; ред. В.Д. Сергеев. – 1996. – С. 400–401.

ГІСТОРЫКІ ВІЦЕБСКА 2-Й ПАЛОВЫ XX – ПАЧ. XXI СТ.: КАНЦЭПЦЫЯ ВЫДАННЯ

М.В. Пивавар (Віцебск, Беларусь)

У сучаснай беларускай мове ёсць некалькі дэфініцый слова "гісторык". 1. Вучоны, які займаецца зборам і інтэрпрэтацыяй гістарычнай інфармацыі шляхам правядзення даследаванняў, працы з архіўнымі матэрыяламі і дакументамі. 2. Чалавек, які вывучае гісторыю і публікуе па ёй матэрыялы. 3. Настаўнік гісторыі ў школе ці іншай навучальнай установе. У першым выпадку, гэта навукоўца, прафесійны гісторык, для якога заняткі гісторыяй з'яўляюцца ягонай прафесіяй. Як правіла, гэта выкладчык вуну, супрацоўнік навуковай ўстановы, архіва, музея. У другім выпадку, гэта аматар, бо яго заняткі гісторыяй не з'яўляюцца ягонай працай, а замілаваннем, якім ён займаецца з цікавасці, любопытства, пачуцця грамадскай адказнасці і інш. У трэцім выпадку – чалавек, які навучае гісторыі моладзь.

У 2006 г. выйшла кніга "Даследчыкі Полацка-Віцебскай даўніны XVI ст. – 1944 г." У ёй была змешчана інфармацыя пра больш 350 асоб, якія займаліся вывучэннем Віцебшчыны ў азначаны перыяд. У 2010 г. у кнізе "Краязнаўцы Віцебшчыны другой паловы XX – пачатку XXI ст." была змешчана інфармацыя пра 573 навукоўцаў і аматара роднага краю, якія вывучалі Віцебскую вобласць у другой палове XX ст. Па-за ўвагай засталіся даследчыкі і выкладчыкі, якія працавалі на Віцебшчыне, але не займаліся вывучэннем рэгіёну. Маладаследаваным застаецца пытанне сучасных гісторыкаў Віцебшчыны.

У кнізе Карзенка "Гісторыкі Беларусі на пачатку XXI ст. змешчана кароткая інфармацыя пра больш 400 навукоўцаў краіны. З іх усяго 4 з Віцебска. Колькі ж іх насамрэч? Які маюць навуковы і выхаваўчы патэнцыял? Як найлепш ім скарыстацца? Калісці Віцебск адыгрываў значна большую ролю ў навуковым і культурным жыцці беларускіх зямель. Тут дзейнічаў першы дзяржаўны архіў – Цэнтральны архіў старажытных актавых кніг Віцебскай і магілёўскай губерній, першая вуну (Полацкая езуіцкая акадэмія (1812–1820), Віцебскае аддзяленне Маскоўскага археалагічнага інстытута (1911–1922), Віцебскі настаўніцкі інстытут (1910); першая навуковая ўстанова (Віцебская вучоная архіўная камісія (1909–1919). Віцебшчына была прадметам вывучэння выдатных даследчыкаў – А.П. Сапунова, Е.Р. Раманавы, А.М. Семяноўскага, М.Я. Нікіфароўскага, П. Шэйна, І. Насовіча і інш. На працягу XX ст. сітуацыя змянялася не заўсёды ў лепшы бок. Архіў быў пераведзены і Віцебшчына згубіла каштоўны каштоўную дакументальную крыніцу. Тройчы ў Віцебску дзейнічаў гістарычны факультэт (1919–1924, 1933–1941, 1944–1955), але ўсю другую палову стагоддзя Віцебск не меў навуковага цэнтра па вывучэнні гісторыі. Аднаўленне яго адбылося толькі ў 2001 г., але, каб паўстала віцебская навуковая гістарычная школа трэба час, сродкі, воля і жаданне лідэраў. Пакуль бракуе ўсяго.

У гэтых умовах, важна азірнуцца, паглядзець на багаты досвед мінулага, прааналізаваць асноўныя дасягненні і пралікі, вызначыць галоўныя тэндэнцыі ў развіцці гістарычнай адукацыі і гуманітарыстыкі ўвогуле, пралічыць магчымасці і перспектывы, каб гісторыкі занялі дастойнае месца ў кіраванні і развіцці нашай дзяржавы зараз і ў будучыні.

Галоўнымі цэнтрамі працы віцебскіх гісторыкаў з'яўляліся ў другой палове XX ст. кафедры гісторыі КПСС, філасофіі, палітэканоміі, навуковага камунізма ў віцебскіх вуну: ВДП імя С.М. Кірава, ВДМІ, ВДВІ, ВДТІЛП. Са зменаў, якія адбываюцца ў другой палове 1980-х – пач. 1990-х гг. Кафедры змянілі назвы, некаторыя прадметы перапынілі сваё ісаванне, некаторыя былі ўведзены, але сутнасць іх працы засталася папярэдняй: яны забяспечваюць выкладанне ў вуну прадметаў гуманітарнага цыкла. На кожнай кафедры ў розныя часы працавала ад дзесятка, да 30 выкладчыкаў. Такім чынам колькасць гісторыкаў, якія працавалі ў Віцебску на працягу другой паловы XX – пач. XXI ст. блізка да 200 асоб.

Намi задумана выданне, якое будзе прысвечана гісторыкам Віцебска.

Мэтамі выдання з'яўляюцца:

- мемарыялізацыя асоб, якія жылі і працавалі ў Віцебску (пакінуць памяць пра гісторыкаў, якія жылі і працавалі ў горадзе);
- захаванне навуковай і педагогічнай спадчыны гісторыкаў Віцебска;
- складанне бібліяграфіі даследчыкаў (тыя, што працуюць усю, тыя, што не ў Віцебску – толькі тое, што прысвечана гораду);
- выяўленне асноўных тэндэнцый развіцця гістарычнай навукі на Віцебшчыне, дасягненняў, пралікаў, выклікаў, перспектыв.

Мяркуюцца, што ў яго увайдучы звесткі пра гісторыкаў, якія:

- нарадзіліся на Віцебшчыне;
- атрымалі гістарычную адукацыю ў віцебскіх вуну;
- працавалі ў горадзе;
- даследавалі Віцебск, пражываючы ў іншых месцах.

Галоўнымі чыннікамі пры выбары асоб з'яўляюцца навуковаць і значнасць вынікаў іх працы. Перавагу будуць мець наяўнасць навуковага звання, ступені; праца ў ВНУ, базавая гістарычная адукацыя (як правіла). Тыя асобы, што не маюць гістарычнай адукацыі, але займаюцца вывучэннем гісторыі горада, папулярныя ў яго на аматарскіх пачатках (здараецца часам, на больш высокім узроўні) ужо знайшлі сваё

месца ў выданні “Краязнаўцы Віцебшчыны другой паловы XX – пач. XXI ст.”. Таму, у дадзеным выданні інфармацыя пра іх будзе падавацца скарачана, з адсылкай да першага выдання.

Такім чынам, асноўнымі крытэрыямі для выбару асоб сталі **значныя вынікі ў розных відах дзейнасці:**

- **навукова-даследчай** (удзел у распрацоўцы навуковых тэм, канферэнцыях, археалагічных раскопках, стварэнні музейных экспазіцый і інш.),
- **публікатарскай** (выданне манаграфій, кніг, навуковых артыкулаў, тэзісаў і матэрыялаў канферэнцый)
- **педагагічнай** (праца са студэнтамі, вучнямі (дыпломныя, перамогі ў конкурсах на лепшую навуковую студэнцкую работу, перамогі ў рэспубліканскіх алімпіядах па гісторыі, рэспубліканскіх вучнёўскіх навуковых канферэнцыях);
- **гісторыка-папулярызатарскай** (асветніцкая дзейнасць у рэспубліканскіх і мясцовых СМІ, супраца з музеямі, архівамі, бібліятэкамі, грамадскімі арганізацыямі гістарычнай і краязнаўчай накіраванасці);

У выданне не ўвайдуць гісторыкі-настаўнікі навучальных устаноў Віцебска. Асноўнымі крытэрамі іх працы выступаюць вынікі перагагічнай дзейнасці: перамогі ў рэспубліканскіх алімпіядах па гісторыі, канферэнцый, высокія дасягненні, ацэненыя наданнем ганаровых званняў “Заслужаны настаўнік” ці “Выдатнік адукацыі” і інш. Настаўнікаў-гісторыкаў у горадзе шмат. Але не ўсе маюць высокія дасягненні. Там не менш, такіх асоб шмат і яны варты асобнага выдання. Гэтую тэму пакуль адкладзем на больш позні час. А можа знойдзецца іншы даследчык, які захоча прысвяціць час, энэргію для падрыхтоўкі і выдання такой кнігі.

Інфармацыя пра асобу павінна падзяляцца на тры часткі: біяграма, бібліяграфія, літаратура. У біяграме змяшчаюцца звесткі пра асобу: час і месца нараджэння, атрыманая адукацыя, месца і час працы, дасягненні, навуковыя зацікаўленні, асобы, якія паўплывалі на фарміраванне даследчыка і інш. У бібліяграфіі змяшчаюцца матэрыялы па наступных катэгорыях: манаграфіі, кнігі; артыкулы ў навуковым друку; матэрыялы тэзісаў і канферэнцый; найбольш значныя артыкулы ў рэспубліканскім і мясцовым перыядычным друку.

Пры падрыхтоўцы вызначаюцца некаторыя праблемы, якія трэба вырашыць.

1. Выклікае складанасці *выяўленне асоб і іх бібліяграфіі*. Не ўсе сур’ёзна ставяцца да запаўнення анкет. Пра тых выкладчыкаў, якія ўжо пайшлі з жыцця звесткі можна адшукаць часта толькі ў іх асабовых справах. Але яны не даюць уяўлення пра асобу даследчыка.

2. *Аб’ём бібліяграфіі* (колькі артыкулаў, публікацый уключаць у спіс – усю, ці пэўную колькасць). Розныя гісторыкі мелі розную публікатарскую актыўнасць. На 1960–1980-я гг. для абароны кандыдацкай дысертацыі патрабавалася толькі адзін вакаўскі артыкул, для доктарскай – тры. Цяпер умовы змяніліся. Іх трэба 3 і 20 адпаведна.

У савецкія часы амаль адсутнічалі гістарычныя часопісы, у якіх можна было публікаваць вынікі сваіх даследаванняў. Да і самі даследаванні былі выкананы ў межах камуністычнай ідэалогіі, а тэматыка абмяжоўвалася галоўным чынам гісторыяй КПСС ці сацыялістычнага грамадства. Каб выдаць кнігу, трэба было прайсці доўгую працэдуру рэцэнзавання не столькі навуковую, колькі ідэалагічную, атрымалі ліміт на паперу, чакаць чаргі ў друкарне.

З пачатку 1990-х сітуацыя змянілася. Сучасныя гісторыкі, развіццём лічбавых тэхналогій, Інтэрнэта, зняццём ідэалагічных абмежаванняў маюць непараўнальна больш магчымасцяў публікаваць свае артыкулы, кнігі.

3. *Форма выдання* (даведнік, нарысы). Кожны варыянт мае свае моцныя і слабыя бакі.

4. Крытэрыі вызначэння даследчыкаў (праца ў Віцебску; наяўнасць гістарычнай адукацыі; праца ў ВНУ, публікацыйная актыўнасць; арганізацыя музеяў, удзел у грамадскім жыцці, кіраўніцтва кафедрамі, адміністрацыйная і арганізатарская дзейнасць)

5. Пэўныя складанасці з’яўляюцца ў метадалогіі выяўлення гісторыкаў, інфармацыі пра іх, іх бібліяграфіі (супрацоўнікаў кафедраў ВДУ, ВДП імя С.М. Кірава, ПДУ); “Летапіс друку Беларусі”, вусныя інтэрв’ю.

У любым выпадку, выданне прысвечанае гісторыкам Віцебска, Віцебшчыны, а ў цэлым і грунтоўны даведнік даследчыкаў Беларусі павінна быць падрыхтавана. Гісторыкі гэтага заслужваюць.

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ И МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

ЗАВОЕВАНИЯ ЮЭЧЖЕЙ И ИХ ПОСЛЕДСТВИЯ

Я.В. Пилипчук (Киев, Украина)

Одним из интереснейших вопросов истории Древнего Востока является история Кушанской империи, которая была одним из великих государств эпохи. Это государство возникло после переселения юэчжей на территорию Греко-Бактрийского царства и объединения пяти юэчжийских владений в единое государство. История юэчжей и кушан были исследованы в работах А. Захарова, Б. Пури, Л. Боровковой, К. Эноки, Г. Кошеленко, З. Хайдары, К. Бенджамина, Е. Аради [4;5;2;14;10;8;9]. Собственно само формирование Кушанской империи является предметом данного исследования.

В «Старшей истории Хань» указано, что при переселении юэчжи напали на Даха и прошли с боем Давань, что дает возможность утверждать, что юэчжи отойшли из Джунгарии через Тянь-Шань и потом расселились около Сырдарьи вблизи от границы с Дахой (Греко-Бактрийским царством). В «Старшей истории Хань» указано, что войска юэчжей было 100 тыс., а всего населения – 400 тыс. Эти данные видятся нами несколько преувеличенными, но несомненно юэчжи представляли из себя серьезную военную силу. Отмечалось, что Большой Юэчжи также победил правителя народа сэ (саков) и тот был вынужден отступить через Висячий переход. Вероятно тут указано, что с территорий Семиречья и Тянь-Шаня саки были вынуждены перейти через Памир и Гиндукуш. Большое Юэчжи в таком случае тохары античных источников и токхаров индийских источников [1; 15, р. 49-55].

Более позднюю фазу переселений зафиксировала более китайская хроника «Поздняя история Хань». Столица Большого Юэчжи локализована уже не в кочевой ставке, а в городе Ланьши. Большое Юэчжи разделено на пять владений – Хюми, Шуаньми, Гуйшуан (Кушан), Хисей, Думи. Через сто лет после этого правитель Киоцзюкю завоевал Гаофу (Кабул-Капису), уничтожил Пуду и Цзибинь (Кашмир). Его сын Яньгочжень покорил Тяочжи. Соседние правители называли его гуйшуанским (кушанским) правителем. В «Поздней Истории Хань» отмечалось, что правитель Большого Юэчжи отвоевал Гаофу у Аньси (парфян). Кроме того, было указано, что ранее Гаофу зависело от Аньси, Цзибиня, Пуду. Касательно гегемонии Цзибиня и Пуду над Кабулом, то вероятно речь идет об эдикте Ашоки и Империи Маурьев. Индийцы некоторое время владели Южной Бактрией. Яньгочжень возможно сопоставить с Вимой Кадфизом Рабатакской надписи (Вима Кадфиз был не сыном Куджулы Кадфиза, а внуком, сыном Куджулы был Вима Такту). Нужно отметить, что китайский хронист, рассказывая о Юэчжи, несколько спутал ход событий и в его хронике произошла контоминация (наложение одних сведений на иные). Киоцзюкю это никто иной как Куджула Кадфиз Рабатакской надписи. Правителем Кабула в его время был Гермей. Периоду создания Кушанского царства предшествовала эпоха войн, в том числе юэчжей и саков, а также отдельных юэчжийских владений между собой [1; 15, р. 47-66; 6; 4, с. 18-29].

По мнению Б. Вайнберга сакараваки были частью юэчжей. Юэчжи перед вторжением в Бактрию завоевали Хорезм прошедев через Устюрт. Пришли юэчжи в Среднюю Азию из коридора Хэси вытесненные оттуда племенами хунну. Переселившись на новые территории юэчжи вошли в общность известную археологам как прохоровская культура, в которую входили сако-массагетские и сарматские племена. Для юэчжей были характерны погребения в катакомбах и подбоях. По мнению исследователя, юэчжи попали в Согд через Хорезм. Эта точка зрения вызвала протест у А. Таирова, который видел в соседях Хорезма не юэчжей, а сарматов. Да и в «Старшей Истории Хань» указано, что юэчжи мигрировали через Фергану. Но, у Сыма Цяня вообще не было сказано про маршрут переселения юэчжей. Б. Вайнберг считает возможной локализацию юэчжей у Балханских гор и Мангышлака. С ними были связаны подбойные погребения на плато Устюрт и вблизи Хорезма. Правящая династия позднеантичного Хорезма отличалась от династии древнеперсидской эпохи и ее тамга была кушанской, похожей на тамги Бухары и Самарканда. С тохарами Б. Вайнберг связывал население каунчинской культуры. Тамги кушан являются похожими на сарматские тамги, а юэчжи вероятно были тесно связаны с сарматами [3, с. 241-285; 7, с. 150; 16, р. 448-463].

М. Ольбрыхт считал, что на Парфию напали тохары (юэчжи) и саки, которые перед тем покорили Бактрию и Согдиану. Они столкнулись с парфянами, которые были гегемонами Средней Азии. Тохары-юэчжи вынудили другие племена напасть на владения Аршакидов. [13, р. 333-335].

Л. Боровкова придерживалась мнения, что Даха отбила первое вторжение юэчжей, пережило события 140-130-х гг. до н.э. и были покорены значительно позже – в 100-99 гг. до н.э. Отмечалось, что один из пяти удельных юэчжийских правителей находился в родственных связях с усуньскими гуньмо. Отмечалось, что Давань (Фергана) не была покорена юэчжами только потому, что ферганцы заключили союз с

империей Хань. Кочевнические могильники находились в полупустынях, долине реки Кафиринган и Бишкентской долине. Исследовательница сопоставляла с юэжцами курганные погребения. Местное земледельческое хозяйство не пришло в упадок, а кочевники не оседали в районе на юг от Амударьи и жили только в Северной Бактрии. Перешев к оседлости юэжцы начали наступление на юг от Бактрии, где в то время находились малые эллинские государства. Юэжцы чеканили имитации монет последних греко-бактрийских правителей (Евкратиды и Гелиокла). Столицей Большого Юэжцы был город который известен китайцам как Ланьши (грекам он был известен как Евкратиды, сейчас это Шахринау) [2, с. 38-116].

К. Эноки, Г. Кошеленко и З. Хайдары отмечали, что дата миграции юэжцев точно не установлена. Но они отмечали, что завоевание должно было произойти в период с 139 по 128 гг. до н.э. До переселения юэжцы кочевали в Восточном Туркестане и Ганьсу. Римлянин Полибий сообщал, что греко-бактрийский царь Эвтидем, которого осадил Антиох III, призвал своего опонента объединиться, чтобы противостоять азиатским ордам. Мир был заключен и греко-бактрийцы смогли на некоторое время остановить наступление врагов. Но это дало лишь временный эффект [10, р. 170-179].

В начале I в. н.э. один из удельных юэжских правителей победил четырех других правителей и превратил племенную конфедерацию на государство. Л. Боровкова предположила, что произошла борьба за власть между асиями и тохарами (которые возглавляли Большой Юэжцы). В 47 г. произошла война между кушанами и парфянами за Кабул, в котором правил цар Гондофар. Гермей назван правителем Парампамисада, который был центром Кабулистана. Необходимо отметить, что монеты с греческой легендой Куджулы Кадфиза имели упоминания о Гермее. После смерти Гермее Куджула Кадфиз сам правил Кабулистаном. Отличались от греческих надписи на индийских монетах Куджулы Кадфиза с легендой на языке кхарошты, где тот был назван ябгу кушан. В 87 г. значительная часть Индии была уже завоевана кушанами. Все эти великие свершения осуществил Вима Кадфиз. Он наладил выпуск золотых монет. Канишка правил после Вимы Кадфиза. Это нам известно из Рабатакской надписи. В «Поздней Истории Хань» указано, что Тяньчжи, которая состояла из сотней царств, была подвластна Большому Юэжцы. Кушанская империя вела политику враждебную по отношению к Парфии и при правлении римского императора Траяна отправила несколько посольств в Рим. Кушаны отобрали у Индо-Парфянского царства Капису (Кабулистан) и часть индийских провинций. По сведениям кашмирской хроники «Раджатарангини» Канишка контролировал Кашмир, часть Центральной и Северо-Западной Индии. Согласно «Шриджхармапитаканиданасутры» Канишка победил индийского правителя Паталипутры. Сюань Цзан, ссылаясь на данные полученные от буддистов царств Цзяньтоло и Чжинапуди, указывал, что Канишка был великим правителем, распространив свою власть до Цунлина и распространил свое господство в отдаленные страны. Столицей Канишки был Пурушапур (Пешавар). Он ликвидировал неудовлетворение населения Бактрии монетами Вимы Кадфиза. Канишка был причастен к написанию Рабатакской надписи. При Канишке лингва-франка в Кушанском царстве были греческий и бактрийский (в тексте самой надписи этот язык назван арийским) языки. Одним из важнейших последствий переселения юэжцев и связанных с ними племен было то, что была создана Кушанская империя, которая наладила активные связи не только с ираноязычными соседями, но и с Римом. Контакты с Китаем были эпизодическими. При правлении Хувишки от Кушан отпала Бактрия. В «Вэй Люэ» уже упоминалось владение Джули, столицей которого был город Саджи (Сакета). Указано, что на них нападают Юэжцы и Тяньчжу. Это владение зависит от Юэжцы, а его население платит юэжцам дань и воюет на слонах [2, с. 118-146, 195-263; 11; 8, р. 48-49; 14, р. 239-250; 12, р. 261-292; 1; 6; 5, с. 450, 452].

Таким образом мы пришли к следующим выводам. Миграция юэжцев привела к падению греко-Бактрийского царства и завоеванию его кочевыми племенами восточноиранского происхождения во II в. до н.э. На территории Согдианы и Бактрии возникло пять юэжских владений, которые в единое государство объединил кушанский ябгу Куджула Кадфиз. Расширение владений юэжцев на Индию состоялось в правление Вимы Кадфиза и Канишки в I-II в. н.э. В правление Хувишки наметился упадок Кушанской империи.

1. Бичурин Н.Я. (Иакинф). Собрание сведений о народах обитавших в Средней Азии в древние времена/ Н.Я. Бичурин. – Т.1. – М.-Л.: Институт этнографии имени Миклухо-Маклая, 1950. – 382 с. – Mode of access: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/China/Bicurin/Sobr_sved_o_narodach/Tom_III/frameset1.htm; http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/China/Bicurin/Sobr_sved_o_narodach/Tom_III/frameset2.htm ; http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/China/Bicurin/Sobr_sved_o_narodach/Tom_III/frameset3.htm – Date of access: 17.01.2018.
2. Боровкова Л.А. Кушанское царство (по древним китайским источникам)/ Л. А. Боровкова. М.: Институт востоковедения РАН, 2005. – 315 с.
3. Вайнберг Б.И. Этногеография Турана в древности (VII в. до н.э. – VIII в. н.э.)/ Б. И. Вайнберг. – М.: Восточная Литература, 1999. – 359 с.
4. Захаров А.О. Бактрия в I в. н.э. Пять владений юэжцев/ А.О. Захаров // Восток. – № 5. – М.: Институт востоковедения РАН, 2002. – С. 18-29
5. Захаров А.О. К проблеме происхождения юэжцев/ А.О. Захаров // Проблемы истории, культуры, филологии. – Вып. XII. – Москва-Магнитогорск: Магнитогорский государственный университет, 2002. – С. 447-455
6. Рабатакская надпись. – Mode of access: https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%A0%D0%B0%D0%B1%D0%B0%D1%82%D0%B0%D0%BA%D1%81%D0%BA%D0%B0%D1%8F_%D0%BD%D0%B0%D0%B4%D0%BF%D0%B8%D1%81%D1%8C – Date of access: 17.01.2018.

7. Таиров А. Кочевники Южного Зауралья и Средняя Азия в конце IV-II в. до н.э./ А. таиров // Вестник Селябинского университета. – № 1. Серия 10. Востоковедение, Евразийство и геополитика. – Челябинск: Изд-во Южноуральского университета, 2002. – С. 143-153.
8. Arady E. – The Yue-chis, Kushans and Hepthalites/ E. Arady // Eurasian Studies. – Vol. II. – Issue II. – April-June. 2010. – The Hague: Mikes international, 2010– P. 45-56 – Mode of access: http://www.federatio.org/joes/EurasianStudies_0210.pdf– Date of access: 17.01.2018.
9. Benjamin C. The Yuezhi migration and Sogdia/ C. Benjamin // Transoxiana. Journal Libre de Estudios Orientales. Eran and Uneran.Webfestschrift Marshak. – Buenos-Aires: Escuela de Estudios Orientales, Universidad del Salvador, 2003. – Mode of access: <http://www.transoxiana.org/Eran/Articles/benjamin.html>– Date of access: 17.01.2018.
10. Enoki K., Koshelenko G.A., Haidary Z. The Yue-chih and their migration/ K. Enoki, G.A. Koshelenko, Z. Haidary // History of Civilizations of Central Asia. – Vol. II. The development of sedentary and nomadic civiluzations. 700 B.C. – 250 A.D. – Quetingy: UNESCO Publishing, 1994. – pp. 165-183
11. Hill J.E. The peoples of the West from the Weilue by Yu Huan. – Mode of access: <http://depts.washington.edu/silkroad/texts/weilue/weilue.html>– Date of access: 17.01.2018.
12. Liu Xinru. Migation and settlement of the Yuetzi-Kushan. Interaction and Interdependence of Sedentary and Nomadic Societes/ Liu Xinru. // Journal of World History. – № 2 (12). – 2001. –P. 261-292. – Mode of access: http://www.learner.org/courses/worldhistory/support/reading_11_2.pdf– Date of access: 17.01.2018.
13. Olbrycht M.J. Arsacid Iran and the nomads of Central Asia. Ways of cultural transfer/ M.J. Olbrycht // The Complexity of Interaction along the Eyrasian Steppe Zone in the first Millenium CE. Empires, Cities, Nomads and Farmers in Bonn Contributions to Asian Archaeology. – Vol. 7. – Bonn: Vor- und Fruhgeschichte Archaeologie, Rheinische Friedrich-Wilhelms-Universitata Bonn, 2015. – p. 333-335
14. Puri B.N. The Kushans / B.N. Puri// History of Civilizations of Central Asia. – Vol. II. The development of sedentary and nomadic civiluzations. 700 B.C. – 250 A.D. – Quetingy: UNESCO Publishing, 1994. – pp. 329-255.
15. Taishan Yu. A Study from Saka History/ Taishan Yu. // Sino-Platonic Papers. – № 80. July. –Philadelphia: Pensylvania University Press, 1998. – P. 1-231 – Mode of access: http://www.sino-platonic.org/complete/spp080_saka_sai.pdf – Date of access: 17.01.2018.
16. Zadneprovskiy Y.A. The nomads of Northern Central Asia after the invasion of Alexander/ Y.A. Zadneprovskiy // History of Civilizations of Central Asia. – Vol. II. The development of sedentary and nomadic civiluzations. 700 B.C. – 250 A.D. – Quetingy: UNESCO Publishing, 1994. – pp. 448-463

ОТНОШЕНИЕ РИМСКОГО СЕНАТА К ПРОЕКТАМ РЕФОРМЫ ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОГО СТАТУСА ИТАЛИЙСКИХ СОЮЗНИКОВ В 120-Е ГГ. ДО Н. Э.

В.Ю. Монзуль (Минск, Беларусь)

Вопрос о гражданско-правовом статусе италийских союзников Рима (италийцев) к концу II в. до н. э. стал одним из наиболее актуальных в политической жизни Римской республики. В 120-е гг. до н. э. два законодателя, Марк Фульвий Флакк и Гай Семпроний Гракх, предложили расширить правовой статус различных категорий италийцев, но вскоре были убиты с одобрения сената. Попытаемся уточнить роль италийского вопроса в обострении отношений между гракханцами и сенатом и определить отношение последнего к реформам.

Синхронные свидетельства по интересующей нас проблеме сохранились лишь в кратких цитатах в сочинениях более поздних авторов. Основными источниками, освещающими реформаторскую деятельность братьев Гракхов и Флакка, являются писавшие на древнегреческом языке Плутарх (к. I – нач. II в. н. э.) и Аппиан (сер. II в. н. э.), опиравшимися на не дошедший до наших дней первоисточник (вероятно, сочинение Гая Азиния Поллиона). Сообщения других древних авторов важны для реконструкции различных аспектов реформаторской деятельности Гая Гракха в целом, однако в них содержится немного информации, характеризующей отношение сената к реформам этого политика.

Плутарх в биографии Гая Гракха обозначает сенат древнегреческими словами *sygkletos* и *boyle*, Аппиан же ограничивается только *boyle* [8]. С помощью однокоренных слов они обозначают и сенаторов. Ко времени деятельности Плутарха и Аппиана старые градации правового статуса Италии забылись, что, по-видимому, сказалось на упрощённой лексике этих авторов [6, p. 420]. Античные авторы не стремились к точной передаче содержания внутренней полемики в сенате, предшествовавшей принятию коллективного решения. Крайне редко встречаются указания и на количество сторонников различных точек зрения. Несмотря на внешнюю видимость единства сената в античной традиции, в антиковедении признаётся, что он не был монолитным, и у Гракха там было немало сторонников [9, p. 372]. Различные современные историки признают важнейшим фактором недовольства сената гракханскими реформами и судебный, и аграрный, и даже фрументарный (хлебный) закон [5, p. 31; 7, p. 117].

В «Гражданских войнах» Аппиана содержится два прямых свидетельства негативного отношения консервативного сенатского большинства к проектам реформирования гражданско-правового статуса италийцев гракханцами. Отношение сенаторов к соответствующему законопроекту Флакка охарактеризовано термином *echalepaine*, что можно перевести разными словами как сердился, раздражался, негодовал или неистовствовал (App. B.C. I, 21) [8]. Говоря о деятельности самого Гая Гракха, античный историк подчёркивает: сенаторы были приведены в замешательство (*diatarachtheisa*) его рогацией (трибунским законопроектом) аналогичного содержания (App. B.C. I, 23). При этом С.А. Жебелёв перевёл это слово на русский язык как «взбешённый», в английском переводе Б. Перина – «*very much alarmed*» (очень

сильно обеспокоен) [1; 8]. В словаре И.Х. Дворецкого *diatarasso* использован единственный вариант «приводить в полное замешательство» [2].

У Плутарха обнаруживается ещё два указания по этой проблеме. Сообщая о выдвижении рогаций по вопросам выведения колоний и наделения латинов полным римским гражданством (*politeias*), он замечает, что сенат начал бояться (*deisasa*) возрастающего влияния Гая Гракха из-за возможного утверждения этих законопроектов народным собранием (Plut. C.Gr., 8) [8]. Указание же на рогацию, вызвавшую наибольшие опасения сенаторов, у Плутарха отсутствует. Проект наделения латинов римским гражданством упоминается непосредственно перед описанием столь эмоциональной реакции сената, и рогация о правах латинов наверняка была важным фактором, определившим негативное отношение сенаторов. Позднее Плутарх приводит примеры «двойных стандартов», использовавшихся консервативным большинством в сенате в отношении законопроектов Гая Гракха и Марка Ливия Друза-старшего (Plut. C.Gr., 9). В их числе – упоминание предложения о равном с римлянами праве голоса в комициях (*isopsephia*) для латинов, к которому сенат относился негативно. Глагол *lyreo*, употреблённый Плутархом, имеет несколько значений с негативными коннотациями: беспокоить, тяготить, мучить, огорчать, удручать и др.

Анализируя описание Аппианом и Плутархом прочих реформ Гая Гракха, можно обнаружить, что оба автора не говорят о столь же однозначной негативной реакции сенаторов на них. Особенно явно это наблюдение проявляется при чтении текста Аппиана – негативное отношение сената к итальяским предложениям является единственной прямо засвидетельствованной реакцией на законопроекты Флакка и Гракха. Есть, впрочем, указание на сложное отношение к судебной реформе: сенат стыдился из-за судов и стал опасаться из-за перехода судов всадникам (App. B.C. I, 22). Аппиан также сообщает, что сенат испытывал презрение к Гаю (данное сообщение касается их отношений до реформ) (App. B.C. I, 21). Одно из указаний Плутарха на негативное отношение сената к законодательству Гая относится не только к итальянской, но и к рогации о выведении колоний. Этот автор свидетельствует и об общем ухудшении отношений сената и реформатора, не называя при этом точных причин (Plut. C.Gr., 8). Поскольку хронологически это свидетельство находится между упоминаниями итальяских законопроектов трибуна, можно предположить возможное влияние законопроекта трибуна о правах итальяцев. Плутарх осведомлён и о личной ненависти сенаторов к Флакку, причём единственным поводом к подобному отношению он называет его позицию по итальяскому вопросу (Plut. C.Gr., 10).

Сенат предпринимал конкретные действия, направленные против Гракха и его реформ. На первом этапе активность сената и его агентов находилась в рамках, дозволенных неписаной римской конституцией. Аппиан и Плутарх отводят ведущую роль в действиях «по доверенности» сената Марку Ливию Друзу, трибуну 122 г. до н. э. Привлечение Друза-старшего к антигракханской деятельности произошло, по-видимому, в период между промугальгией законопроекта и голосованием по нему, поскольку Плутарх говорит не о принятии реформ, а только об их выдвижении (*graphon* и *kalon*) (App. B.C. I, 23; Plut. C.Gr., 8).

Античные историки единодушны во мнении, что антигракханская политическая активность Друза началась непосредственно после предложения итальяского законопроекта и была прямым ответом на него (App. B.C. I, 23; Plut. C.Gr., 8). Аппиан указывает на большую значимость итальяского законопроекта в этом вопросе, а Плутарх называет два повода к привлечению Друза – и итальянский, и колониальный законопроекты Гая Гракха, не отдавая ни одному из них предпочтения.

Тактика консервативной части сената по привлечению на свою сторону народного трибуна, который бы выдвинул встречные инициативы, была новой для Рима, о чём прямо говорит Плутарх (Plut. C.Gr., 8). Причина, по которой сенат обратился за помощью именно к трибуну, а не к другому магистрату, кроется в значительно возросшей роли народных трибунов во II в. до н. э. и в стремлении сената переманить на свою сторону городской плебс [4, с. 74]. Сенаторы всячески содействовали принятию законопроектов Друза по популярным вопросам. Протеже сенаторов с блеском воспользовался своим положением: Аппиан, Плутарх и Цицерон согласны в том, что Друз добился большого успеха в снижении популярности Гая Гракха (App. B.C. I, 23; Plut. C.Gr., 9; Cic. Brut., 109).

Сенат в противодействии Гракху не ограничился услугами Друза. Высокая активность на *contiones* (агитационных сходках римского народа), характерная для позднереспубликанской эпохи, привела к бурным публичным дебатам по предлагаемым Гракхом реформам. Выступали как сторонники гракханцев, так и их оппоненты. Известно, что сенаторы и их приверженцы старались представить законопроекты Гая в невыгодном свете. Плутарх передаёт их слова, сравнивая освещение оппонентами гракханцев предложений Гракха и Друза, причём одним из пунктов анализа содержания речей является вопрос о статусе латинов (Plut. C.Gr., 9). Одним из критиков итальяской рогации называет Цицерон – это Фанний (Cic. Brut., 99).

Наконец, сенаторы инициировали удаление неграждан из Рима, причём в историографии объектом этого консульского декрета обычно видят италиков [6, р. 423]. Именно по просьбе сенаторов консул Фанний (или, возможно, оба консула) провёл эту «странную и необычную» меру (Plut. C.Gr., 12); Аппиан передаёт основные её положения (App. B.C. I, 23) [3]. Гракх издал ответный указ (*diagramma*), однако ему не удалось воспрепятствовать исполнению решения консулов (Plut. C.Gr., 12). Плутарх рассказывает,

будто Гракх не вмешался, даже когда ликторы волокли по улице его «приятеля и гостеприимца» – возможно, это была провокация против трибуна (Plut. C.Gr., 12). Подчеркнём, что ответные действия сенаторов на другие законопроекты Гракха отражены в источниках не столь детально.

Не имея возможности затронуть важный вопрос о причинах недовольства сенаторов проектами реформы гражданского статуса италийцев, отметим лишь наличие некоторых противоречий между свидетельствами Аппиана и Плутарха по этому вопросу. Последний утверждает, что действия сената определялись не поступками и начинаниями Гракха, а личными мотивами (Plut. C.Gr., 9). Аппиан же ясно даёт понять, что сенаторы были недовольны схожим законопроектом Флакка по принципиальным, а не личным соображениям (App. B.C. I, 21). Мы полагаем, что гракханцы и консервативно настроенное сенатское большинство имели противоположные позиции по проблеме гражданско-правового статуса италийских союзников. При этом помимо неприятия самих реформ сенат был недоволен ещё и личностью Гракха.

Таким образом, неудачные попытки Флакка и Гая Гракха расширить гражданско-правовой статус италийских союзников встретили самое серьёзное недовольство консервативного сенатского большинства и спровоцировали резкую активизацию оппонентов гракханских реформ. Все действия сената первоначально находились в рамках неписаной римской конституции, но затем обе стороны пошли на эскалацию конфликта, которая закончилась кровавыми столкновениями в столице. При расправе с Гракхом сенат уже действовал более открыто, выступив в роли координатора антигракханских действий (App. B.C. I, 26; Plut. C.Gr., 14).

Проанализированные свидетельства Аппиана и Плутарха по этой проблеме совпадают в характеристике отношений гракханцев и сената, а также их политических программ. Литературная и историческая обработка этих сочинений и перевод первоисточников с латинского языка негативно сказались на точности их свидетельств, но невозможно отрицать многочисленные прямые указания на особый характер отношения консервативных сенаторов к проектам италийской реформы. Подобная точка зрения едва ли являлась маргинальной в римской историографии, поскольку историческая ценность сочинений Аппиана и Плутарха в освещении сопутствующих событий не вызывает сомнений.

1. Аппиан Александрийский. Римская история. – М.: АСТ; Ладомир, 2002. – 878 с.
2. Древнегреческо-русский словарь / Сост. И. Х. Дворецкий. – М.: ГИС, 1958. – 1043 с.
3. Плутарх. Сравнительные жизнеописания в трёх томах. – Т. 3. – М.: Наука, 1964. – 546 с.
4. Ханкевич, О. И. Законодательная деятельность трибунных комиций плебса в Римской республике // Вопросы истории древнего мира и средних веков. – Мн.: Изд-во БГУ, 1977. – С. 67–76.
5. Boren, H. Livius Drusus, t. p. 122, and His Anti-Gracchan Program / H. Boren // The Classical Journal. – 1956. – Vol. 52, No. 1. – P. 27–36.
6. Mouritsen, H. Caius Gracchus and the cives sine suffragio / H. Mouritsen // Historia: Zeitschrift für Alte Geschichte. – 2006. – Bd. 55, H. 4. – P. 418–425.
7. Mouritsen, H. Italian Unification. A Study in Ancient and Modern Historiography / H. Mouritsen. – London: Institute of Classical Studies, 1998. – 203 p.
8. Perseus Digital Project [Electronic resource]. – Mode of access: <http://www.perseus.tufts.edu/hopper/>. – Date of access: 28.02.2018.
9. Rowland, R. The Development of Opposition to C. Gracchus // Phoenix. – 1969. – Vol. 23, No. 4. – P. 372–379.

ГЕРЦОГСТВО ЛОТАРИНГИЯ ВО ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ КАРЛА СМЕЛОГО (1467–1477 ГГ.)

Д.Н. Черкасов (Минск, Беларусь)

Франко-бургундское противостояние в 1467–1477 гг., развернувшееся по многим направлениям, затронуло также и герцогство Лотарингское, важность которого определялась его географическим положением: герцогство располагалось между двумя комплексами владений герцогов Бургундских на севере (Нидерланды и Люксембург) и юге (герцогство и графство Бургундские). В условиях войны с Францией, настоящей задачей политики Карла Смелого было обеспечение свободной коммуникации между его владениями через территорию Лотарингии, что вызывало упорное противодействие короля Франции. Лотарингия стала объектом борьбы между Карлом Смелым и Людовиком XI.

С 1431 по 1473 гг. правителями герцогства Лотарингского были представители Анжуйского дома – Рене I, Жан II и Никола I. В 1473 г. герцогство перешло к представителю младшей ветви лотарингской династии из дома Водемон – Рене II.

Политику Карла Смелого в отношении герцогства Лотарингского можно разделить на три этапа:

1. *Правление Жана II Калабрийского (июнь 1467 – декабрь 1470).*¹¹ К 1467 г. отношения Карла Смелого с Жаном Калабрийским носили двойственный характер. С одной стороны, Жан II был породнен с Бургундским домом, через брак с Марией де Бурбон (1437 г.), двоюродной сестрой Карла. С 1464 г. между двумя принцами установились хорошие личные отношения, скрепленные договором о союзе (10 декабря 1464 г.) и участием в «Лиге общественного блага» против Людовика XI. С другой стороны, с 1466 г. Жан II перешел на сторону короля Франции, в поддержку которого нуждался в борьбе за графство Барселона

¹¹ С 1435 г. Жан Анжуйский носил титул герцога Калабрийского в Неаполитанском королевстве.

против короля Арагона [2, р. 270]. С Арагоном у Карла Смелого были самые дружественные отношения: король Хуан II и его сын Фернандо были рыцарями бургундского ордена Золотого Руна и вели переговоры о браке Фернандо и Марии Бургундской [2, р. 291].

Бургундо-лотарингские отношения затрагивала также борьба за Эпиналь. Город, бывший частью владений епископов Меца, с 1444 г. перешел под власть короля Франции. В 1465 г. Людовик XI сначала отдал его Тибо де Нефшателю, маршалу Бургундии, а затем, в 1466 г., передал Жану II, что спровоцировало длительную войну. Напрямую это не касалось бургундо-лотарингских отношений, но Тибо был вассалом Бургундского дома, и его владения в Лотарингии были надежной опорой бургундскому влиянию в этом регионе. Летом 1467 г. лотарингцы заняли несколько замков Тибо де Нефшателя и его сына, епископа Туля (Бувиль, Брюссе, Шеленье, Ливерден) [7, р. 359]. За возвращение Эпиналя боролся также епископ Меца Георг Баденский. В 1469–1470 гг. в конфликт оказались втянуты папа и император, которые безрезультатно пытались добиться от герцога Лотарингского передачи Эпиналя епископу Меца [5, р. 666].

В таких условиях, бургундо-лотарингские отношения, продолжавшиеся до смерти Жана II в декабре 1470 г., можно охарактеризовать как нейтральные.

2. *Правление Никола I Анжуйского (январь 1471 – июль 1473)*. Начало правления Никола Анжуйского не предвещало Карлу Смелому никаких перспектив для улучшения отношений.

Во-первых, Никола, продолживший после смерти отца борьбу с Арагоном за Каталонию, рассчитывал на поддержку короля Франции [2, р. 321].¹² В свою очередь, герцог Бургундский укреплял союз с Арагоном и Неаполитанским королевством: 1 ноября 1471 г. в Сент-Омере был заключен союз между Бургундией, Неаполем и Арагоном направленный против Франции и Анжуйской династии [2, р. 319].

Во-вторых, начавшаяся в 1470 г. война между королем Франции и герцогом Бургундским, велась параллельно с войной между лотарингцами и Тибо де Нефшателем. С 3 марта по 23 апреля 1471 г. лотарингцы и барруасы в составе 9-12 тыс. чел. осаждали Шатель-сюр-Мозель, самое значимое владение дома Нефшатель в Лотарингии. Осада завершилась после объявления о заключении перемирия между королем Франции и герцогом Бургундским [3, р. 104–105], [7, р. 377].

Однако дела в Каталонии для Никола обернулись крахом и в августе 1471 г. он вернулся в Лотарингию. В 1472 г., разочаровавшись в союзе с Францией, Никола сближается с герцогом Бургундским, стремившимся заключить союз с герцогом Лотарингским и получить свободный проход через его земли. Со своей стороны, Никола рассчитывал на брак с единственной наследницей Карла Марией Бургундской. Переговоры, ведшиеся в Аррасе, завершились подписанием 24 мая 1472 г. договора по которому герцог Лотарингский предоставил все свои силы на службу Карлу Смелому, который, в свою очередь, обещал ему руку своей дочери [12, р. 68].

Союз с Карлом Смелым дал герцогу Лотарингскому надежду на подчинение соседнего Меца, который теперь не мог рассчитывать на традиционную помощь герцога Бургундского. 9 апреля 1473 г. Никола во главе 9 тыс. воинов попытался внезапной атакой захватить город, но вынужден был отступить и начать подготовку к длительной осаде [6, р. 45].

17 июля 1473 г. между герцогом Лотарингским и Мецем было заключено перемирие [7, р. 392]. Мец апеллировал к герцогу Бургундскому, направив к нему 23 июля 1473 г. посла Гийома Бернара с жалобой на действия герцога Лотарингского [7, р. 392]. Но Карл Смелый не успел отреагировать, т.к. Никола Анжуйский внезапно умер 24 июля 1473 г. в возрасте 25 лет, что вызвало подозрения в его отравлении [12, р. 68].

3. *Правление Рене II Лотарингского (август 1473 – январь 1477)*. После смерти Никола Анжуйского герцогство Лотарингия перешло к Иоланде, дочери Рене I, которая тотчас же передала его своему 22-летнему сыну Рене, графу де Водемон. Поскольку графы де Водемон длительное время являлись союзниками Бургундии, приход Рене II, казалось, не противоречил планам Карла Смелого удерживать герцогство Лотарингское в сфере своего влияния.

Используя благоприятную ситуацию, герцог Бургундский заключил с Рене II договор о союзе, подписанный сторонами 15 октября 1473 г. в Нанси, по которому Карл Смелый обещал Рене помощь «против всех» в обмен на свободный проход бургундских солдат через земли герцогства. 16 декабря 1473 г., договор был дополнен пунктом, по которому бургундцы получили право держать гарнизоны в ряде крепостей герцогства [12, р. 75]. Карл злоупотребил своим успехом, не учел чувств лотарингцев, расставляя в их городах иностранцев, постепенно все больше и больше настраивая жителей герцогства против себя [12, р. 76]. Рене II стал искать повод, чтобы разорвать договор с Карлом [12, р. 77].

Экспансия герцога Бургундского в Эльзасе в 1469–1473 гг. привела к формированию 31 марта – 4 апреля 1474 г. антибургундского союза, заключенного в Констанце коалицией эльзасских городов во главе со Страсбургом (Нижний Союз), 8-ю швейцарскими кантонами и герцогом Сигизмундом Австрийским [4, р. 376]. Уже 22 апреля 1474 г. Нижний Союз, ощущавший наибольшую для себя угрозу, объявил герцогу Бургундскому войну, предлагая сделать тоже самое герцогу Лотарингскому [12, р. 132]. Хотя Рене II и тяготился присутствием бургундцев, но не решался разорвать союз с ними без веских причин [12, р. 173].

¹² Титул графа Барселоны носил Рене Анжуйский, а его внук Никола с 16 декабря 1470 г. стал, вместо умершего отца, наместником Рене в Каталонии [Calmette, p.321].

Активную работу по разрушению бургундо-лотарингского союза проделал зимой-весной 1474 г. Людовик XI, который убедил Рене II перейти на сторону Франции. Франко-лотарингские консультации, ведшиеся тайно в замке Нёфшатель, завершились подписанием 9 июля 1474 г. договора о союзе Франции и герцогства Лотарингского [12, р. 175]. Он был ратифицирован королем Франции в Шартре 15 августа 1474 г. [10, р. 425–426]. По договору Рене II обещал королю Франции служить «против всех» и разорвать союз с герцогом Бургундским, получив взамен немалую финансовую поддержку.

В конце июля 1474 г. герцог Бургундский, вмешавшийся в борьбу за Кёльнское архиепископство, начал осаду Нойса. В ответ, император Фридрих III призвал всех князей империи, в том числе и герцога Лотарингского, противостоять бургундскому вторжению [12, р. 177]. Это был повод, чтобы открыто отказать от союза с Бургундией, но Рене II старался всячески оттянуть войну со столь сильным противником и уклонялся от предложений примкнуть к Нижнему Союзу до весны 1475 г.

Однако планы Людовика XI, ожидавшего летом 1475 г. высадки во Франции англичан, потребовали открытого выступления Рене II, чтобы не допустить объединения англо-бургундских сил против Франции. 18 апреля 1475 г. Рене II официально вступил в Нижний Союз¹³, а 10 мая 1475 г. через своего герцога объявил войну Карлу Смелому, получившему веский повод для захвата Лотарингии [12, р. 244].

К несчастью для Рене II, 19 июня 1475 г. Карл Смелый снял осаду Нойса и заключил с императором мир [4, р. 378]. В июле-августе 1475 г. бургундские отряды уже действовали в Лотарингии. Сам герцог Бургундский во главе основных сил выступил позже, после заключения 13 сентября 1475 г. в Солёре 9-летнего перемирия с Людовиком XI [12, р. 269].

В сложившейся ситуации прямую военную помощь Рене II готов был оказать только Нижний Союз, к которому он обратился. К сентябрю в Понт-а-Муссоне собралось около 6000 чел. из городов Эльзаса. Рене II распределил их гарнизонами в ключевых местах герцогства, а сам направился за поддержкой ко двору Людовика XI [12, р. 274].

Войдя в Лотарингию, Карл Смелый с удивительной легкостью стал занимать один город за другим: 26 сентября без боя открыл ворота Понт-а-Муссон, 10 октября взят Шерм, 19 октября, после недолгой осады, Эпиналь [7, р. 419]. В сентябре-октябре 1475 г. герцог Бургундский также взял Нёфшатель, Розьер, Дёлеве, Кондель, Аманс, Водемон, Везелис и подошел к столице герцогства – Нанси, осада которого началась 25 октября и закончилась 29 ноября 1475 г. сдачей города [7, р. 420]. В декабре 1475 г. Карл Смелый собрал в Нанси штаты Лотарингии и принял клятву верности от лотарингского дворянства [12, р. 279]. Казалось, Лотарингия была подчинена.

Однако весной 1476 г. ситуация изменилась. Начавшаяся война Бургундии со швейцарской Конфедерацией, привела к двум поражениям Карла Смелого – 2 марта 1476 г. при Грансоне и 22 июня 1476 г. при Мора (Муртене) [11, р. 34]. В герцогстве Лотарингском, воспрянувшие духом сторонники Рене II, один за другим, стали отвоевывать у бургундцев города и крепости. Сам Рене II вошел в Лотарингию и, после непродолжительной осады, 6 октября 1476 г. занял Нанси [6, р. 86]. Почти одновременно, 7 октября 1476 г., он заключил союз со швейцарской Конфедерацией [12, р. 128].

Карл Смелый, узнав об осаде Нанси, 25 сентября 1476 г. вышел на помощь осажденному гарнизону с 10 тыс. человек из своего лагеря во Франш-Конте, но опоздал. Соединившись 11 октября возле Туля с графом Кампо-Бассо, приведшим около 12 тыс. человек из Фландрии, он подошел к Понт-а-Муссону, где находился герцог Лотарингский [1, р. 58]. Рене II не решился вступить в сражение и отступил на территорию швейцарской Конфедерации.

После взятия Понт-а-Муссона, Карл Смелый двинулся к Нанси, осадив город 22 октября 1476 г. [1, р. 58], [6, р. 86–87]. К концу XV в. в Нанси проживало не более 2 тыс. человек, гарнизон города в 1476 г. составлял 2 тыс. человек [1, р. 58]. Осада затянулась до зимы и бургундская армия, осаждавшая город, неуклонно сокращалась, увавшись к 8 декабря 1476 г. до 5387 человек [13, р. 428].

К этому времени Рене II, получив деньги от короля Франции, нанял 12 тысяч швейцарцев [8, р. 239]. Помощь также оказал Нижний Союз. В результате, Рене II смог собрать под свои знамена 20-тысячную армию, с которой в декабре 1476 г. двинулся на помощь своей осажденной столице.

Не смотря на предложение военного Совета снять осаду Нанси и отступить в Понт-а-Муссон, который бургундцы еще удерживали, Карл Смелый принял решение дать сражение [9, р. 386]. В результате битвы под Нанси 5 января 1475 г. Рене II Лотарингский нанес Карлу Смелому сокрушительное поражение, в котором погибла большая часть бургундской армии, в том числе и сам герцог Бургундский [6, р. 87–88].

Таким образом, внешняя политика Карла Смелого в отношении герцогства Лотарингского, прошла три этапа: 1) нейтральные отношения при Жане II Калабрийском; 2) тесный союз при Никола I Анжуйском; 3) открытая война при Рене II, завершившаяся катастрофой при Нанси и гибелью Карла Смелого.

1. Bur, M. Châteaux et places fortes en Lorraine au temps du Téméraire / M. Bur // Le Pays Lorrain. – 1977. – №1. – P. 58–68.
2. Calmette, J. Louis XI, Jean II et la révolution catalane (1461-1473) / J. Calmette. – Toulouse: Privat, 1903. – 621 p.

¹³ К этому времени в Нижний Союз входили Сигизмунд Австрийский, епископы Страсбурга и Базеля, города Страсбург, Базель, Кольмар, Селеста, Оберне, Кайзерберг, Мюнстер, Росхейм, Тюркхейм.

3. Chronique de Metz de Jacomin Husson (1200-1525). Publié d'après le manuscrit autographe de Copenhague et celui de Paris, par H. Michelant. – Metz: Rousseau-Pallez, 1870. – 380 p.
4. [Histoire de France depuis les origines jusqu'à la Révolution: en 9 t. – Paris: Hachette, \[s.d.\]. – T.4. Deuxième partie: Charles VII, Louis XI et les premières années de Charles VIII \(1422-1492\). Par Ch. Petit-Dutaillis.](#) – 456 p.
5. Histoire de Metz, par des religieux bénédictins: en 2 t. – Metz: J.-B. Collignon, 1775. – T.2. – 703 p.
6. Journal de Jehan de Aubrion bourgeois de Metz avec sa continuation par Pierre Aubrion (1465 – 1512). Publié en entier pour la premier fois par L. Larchey. – Metz: F. Blanc, 1857. – 638 p.
7. Huguenin, J.-F. Les chroniques de la ville de Metz : 900 – 1552 / J.-F. Huguenin. – Metz: S. Lamort, 1838. – 896 p.
8. Mémoires d'Olivie de la Marche, maître d'hôtel et capitaine des gardes de Charles le Téméraire: en 4 t. – Paris: Renouard, 1885. – T.3. – 328 p.
9. Mémoires de Philippe de Commine: en 2 t. – Paris: Alfonse Picard et fils, 1901. – T.1. – 619 p.
10. Plancher, Ur. Histoire générale et particulière de Bourgogne: en 4 t. / Ur. Plancher. – Dijon: N.-L. Frantin, 1781. – T.4. – 1176 p.
11. Schneider, J. Charles le Hardi, duc de Bourgogne et de Lorraine (1475-1477) / J. Schneider // Le Pays Lorrain. – 1977. – № 1. – P. 19–40.
12. Toutey, E. Charles le Téméraire et la ligue de Constance / E. Toutey. – Paris: Hachette, 1902. – 488 p.
13. Vaughan, R. Charles the Bold: the last Valois duke of Burgundy / R. Vaughan. – Woodbridge: Boydell Press, 2002. – 523 p.

МОНАШЕСКИЙ УХОД В «ПУСТЫНЮ» КАК ОДИН ИЗ ФАКТОРОВ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ КОЛОНИЗАЦИИ СЕВЕРА РУСИ

Д.Н. Савич (Витебск, Беларусь)

Религиозный институт монашества, в христианстве появляется достаточно рано и к концу 3-го – началу 4-го века получает свое литургическое и каноническое оформление. Родиной христианского монашества принято считать Египет: долина Нила, а точнее прилегающие к ней пустыни и пересыхающие русла рек (Вади Нитрун и Нитрийская пустыня и т.п.). С этим и будет собственно связано синонимичность выражений «уйти в монашество» и «уйти в пустыню». Монашество возникает и развивается по двум направлениям: анахореты и киновии. Анахореты (отшельники) – тип монашеского делания подразумевающий отдельное, уединенное, самостоятельное проживание монаха, лишь находящего под духовным руководством старца – игумена монастыря. Совместной деятельности братии монастыря такого типа не подразумевалось, за исключением богослужения в определенные дни. Другой тип монастыря – киновия (общежительное) – подразумевает тип не только совместного проживания, но и совместного ведения хозяйства. Именно такой тип общины и поучил наименование – монастырь.

На Руси монашеская жизнь появляется практически с принятием христианства. Летописи повествуют о двух монастырях: мужском ми женском, устроенных князе Ярославом Мудром. Число монастырей на Руси в этот период будет расти достаточно быстрыми темпами, равно как будет иметь место и обратный процесс – некоторые монастыри будут закрываться. Причина этих явлений будет крыться в специфике устройства первых русских монастырей: они будут не только анахоретскими (отдельно живущими), но и княжескими: создаваемыми князьями или боярами для «помина души» либо в городе, либо в непосредственной близости от него, соответственно с уходом князя или прекращением его заботы, мог исчезнуть и монастырь. И это будет ключевым отличием от восточного монашества, где наиболее знаковые и древние монастыри устраивались трудами и молитвами собственно монахов-подвижников. Ситуация на Руси изменится с появлением Печерского монастыря в Киеве, устроенного трудами двух монахов подвижников: препп. Антония и Феодосия Печерских. В качестве образца выступил уклад монашеской жизни на полуострове Афон (Греция), где преп. Антоний находился некоторое время. Однако, предыдущая тенденция осталась – монастыри, даже не княжеские, возникали как правило неподалеку от города (Хутынский в Новгороде, Спасский в Полоцке, Печерский в Киеве и т.д.). Идеи ухода в пустыню, как не столько уединенное место (допустимо и около города), сколько удаленное в данный период не прослеживается.

Татаро-монгольское нашествие прерывает сложившийся уклад жизни на Руси, в том числе и церковной. Монашество не будет исключением и именно в нем произойдут основные перемены. Русское монашество, несмотря на тяжелые условия в период 14-16 веков приобретет качественно иное наполнение. Для Вселенского Православия, а в особенности для монашества, 14-ый – середина 15-го века были периодом подъема духовности, религиозного ренессанса, связанного с исихастским движением. В его основу легла деятельно-созерцательная аскетическая практика, развитая преподобным Григорием Синаитом и богословски оформленная святителем Григорием Паламой.

Этот духовный подъем и движение исихастов не могли не коснуться и Руси, где после катастрофы 13-го века, начнется возрождение церковной жизни, но уже на иных принципах и традициях, нежели до татаро-монгольского нашествия. Впервые в русской истории будет создан Поместный собор, митрополитом станет выходец из русских земель, в основу богослужебной жизни ляжет Иерусалимский устав и т.д. Коснутся изменения и монастырской жизни. С середины 15-го века происходит значительный рост числа общежительных монастырей и увеличение их роли в жизни общества. Помимо внутреннего устройства (переход на устав киновии) в русском монашестве изменится и характер связи с миром. Монастырь был центром духовной жизни и в предыдущий период, но сейчас он становится центром и экономической

жизни, способом социально-экономического освоения новых территорий. Основателями новых монастырей гораздо чаще становятся сами монахи подвижники. Изменяется и географическое местоположение монастырей: стали преобладать удаленные от города обители, часто в лесистой и заболоченной местности, получившей название «пустыни». Происходит изменение идеологии «пустыни»: из концепта уединенного (отдельного) проживания, не требующего радикального ухода (достаточно закрыться в келии и тем самым ты уже удален от мира), «пустыня» трансформируется в концепт не столько географический (удаленное расстояние от человеческого поселения), сколько цивилизационный (уйти от человека, уйти от и из мира, уйти за пределы экумены). Но процесс ухода в пустыню, приобретает и еще одну характерную черту: монах покидает экумену и уходит в пустыню, но экумена приходит к монаху и его пустыня становится частью цивилизованного мира. В результате ухода в пустыню происходит расширение границ цивилизованного мира, происходит расширение границ Руси, как внутренних, так и внешних.

Мощный импульс этому движению пустынножителей придала деятельность преподобного Сергия Радонежского и его последователей. Также это движение оказалось сопряжено с процессом внутреннего освоения земель Северо-Восточной Руси, окультуривания дикой природы, изменение природного ландшафта на антропогенный.

Механизм появления пустыни прост. Она основывалась человеком, отречьшимся от мира и ушедшим в нее («пустыню»), чтобы спастись в безмолвном уединении. В скором времени к нему начинают приходиться такие же любители безмолвия и уединения и постепенно устрояется небольшой монастырь, который и получает название «пустынь». Постепенно он мог превратиться и в более крупный монастырь, но вне зависимости от этого по «искажению пустыни», по выражению преп. Сергия Радонежского, уже было начато. В первых, лесной монастырь сам по себе является земледельческим поселением: монахи расчищали лес, строили келии, разводили огороды, пахали, косили т.е. имели все атрибуты крестьянского поселения. Но действие монастыря распространяется и за его ограду. Вокруг пустыни начинают появляться мирские – крестьянские поселения. И даже если пустынь прекращала свое существование, то крестьянский приход, объединенный вокруг монастырской церкви, продолжал жить. Таким образом, движение пустынножителей становится движением сельских приходов. Основными транспортными артериями этого движения стали реки. Если провести от Троице-Сергиевой лавры две линии, то мы очертим пространство, куда направилась монастырская колонизация с XIV-го века – первая линия по реке Кострома на Вычегду, вторая по Шелоне на Белоозеро. В XV-ом веке монастырская колонизация переходит на бассейн реки Онега, а в XVI-ом на бассейн рек, впадающих в Белое море: Северная Двина, Печора, Мезень, Пинега, Кемь и т.д. Отдельного упоминания достойна и внутренняя колонизация – устранение белых пятен внутри уже освоенной территории. Для большей ясности приведем некоторые примеры из житий пустынножителей XIV-XVI-го веков. Первый отрывок взят из жития преподобного Кирилла Белоозерского.

«Итак, Божиим поспешением, пустились они в путь и спустя много дней пришли на Белоозеро... Место же где поселился святой Кирилл, находилось в глухом бору, в чаще, и не жил там никто из людей. Это был небольшой, но очень красивый холм, со всех сторон словно тсеною, окруженный водами... После того святой вырубил лес, очистил место и собрав воедино хворост, решил посеять какие-нибудь злаки, ибо было то место скудно и пусто... Шло время и слава о блаженном Кирилле распространялась повсюду, и имя Кирилла, как нечто освящающее, было у всех на устах, и добродетель словно перстом указывала на него И много людей отовсюду приходило к блаженному Кириллу, и за малое время братия сильно увеличилась». К смерти преподобного ее число достигло 53 человек. Сохранились документы и о первых земельных угодьях монастыря. Постепенно некогда глухое Белоозерье стало покрываться сетью новых сел и деревень.

А вот небольшой отрывок из жития святого первой половины XVI-го века – преподобного Антония Сийского. «Место отстояло на 78 верст к югу от Холмогор и было еще более пустынно: непроходимые дебри, темные леса, чащи, болота, заросшие мхом, глубокие озера – таковы были стены, отделявшие от мира место подвигов преподобного Антония. Единственными обитателями этого места были дикие звери. Здесь никогда не было человеческого жилья, одни лишь звероловы заходили порой сюда. Место понравилось блаженному, и он здесь решил поселиться. В начале инокам приходилось переносить много лишений. Сам преподобный вместе с другими иноками вырубал лес и копал землю». Преподобный обращается с просьбой к великому князю об этом непроходимом лесе: «пожеловал бы государь, велел богомолье свое строить на пустом месте, на диком лесу, братию собрати и пашню пахати». Василий III дал грамоту на окружающие монастырь леса.

А вот описание Соловецкого острова из древнерусского текста жития преподобных Зосимы и Савватия Соловецких. «Слышал бо бе от живущих ту на острове, рекомем Соловеи, в мори акияна, сказовавшееся, отстоит же от земли яко два дни шествия имяше. Глаголют же, округ его яко верст сто или множае, а вдоль бяхе острова того яко тридесят верст, имяше же посреди себе озера многи, и рыбы разны образы в них бяху по родом их, а не морския, а иже в мори округ его ловитвы ради рыбныя и звери орского ловцы, кождо их с добыткы отхождаху в дома своя. Остров же тои дресвы разными цветяше, и борием верей

горам покровени, и ягодиция многоразны бяху, и сосния дресеса велия бяху к созиданию храмов, и на вся потребы благоустроен бе, - есть же доброугоден к сожитию человеческому по всему».

Если взглянуть на статистику, то за эти два с половиной столетия было построено 150 пустынных и 104 городских и пригородных монастыря. А. В. Карташев считает, что «статистически бурный, былинно-сказочный рост и размножение северно-русского монашества в значительной мере создан азиатской мимикрией северно-русского племени по инстинкту самосохранения. Мирское землевладельческое население окружало отшельника, помогало ему отстроить самый примитивный дворик, обслуживало его физическое существование и являло собой перед лицом татарских баскаков привычную для них картину буддийского монастыря и за это освобождавшегося от налогового бремени». Но данное утверждение не совсем соответствует реальности. Если до битвы на Куликовом поле в 1380 году – подобное и могло иметь место, то после Мамаева побоища многое что изменилось. Русь по большей части дань платила через князей, а с 1380 года – это происходило нерегулярно, к тому же и князья порой устанавливали ее размер самостоятельно, а со второй половины XV-го века и вовсе отказалась платить. Поэтому необходимость мимикрии под «буддийский монастырь» вряд ли оправдана, особенно после XV-го века. Тем более, что татаро-монголы буддистами не были, а с середины XIV-го века Орда и вовсе принимает ислам. А основной рост пустынных монастырей приходится на XV-XVI века (57 и 51 монастырь соответственно). Эти цифры могут и о других причинах. Но вне зависимости от них, значение пустынь для освоения Заволжья и Русского Севера неопределимо. Монах и крестьянин шествуя рядом друг с другом не только осваивали север Руси, но и вводили в орбиту русского сознания те небольшие народности, которые обитали на этих землях и роль монастырей в христианизации и связанной с этим в какой-то мере русификации этих народностей требует отдельного изучения.

В.О. Ключевский называет историю России – историей страны, которая колонизируется. История колонизации в рассматриваемый нами период удивительным образом совпадает с историей распространения и развития монастырей. Конечно, нет необходимости считать монастырскую колонизацию либо единственной либо первично по сравнению с крестьянской. Эти два потока – монах и крестьянин – шли рука об руку, взаимно дополняя друг друга. Монастырская колонизация как и крестьянская имела один вектор направленности – «к студеному морю окияну», достигнув своей завершенности в основанной преподобными Зосимой и Савватием монастыре на Соловецких островах в Белом море.

1. Карташев А.В. Собрание сочинений: В 2-х т. Т.2: Очерки по истории Русской Церкви / А.В. Карташев // М.: Терра, 1992. – 569 с.
2. Ключевский В.О. Курс русской истории [электронный ресурс] / В.О. Ключевский // Режим доступа: https://azbyka.ru/otechnik/Vasilij_Klyuchevskij/kurs-russkoj-istorii/2
3. Житие Кирилла Белозерского (подготовка текста Е. Г. Водолазкина, перевод и комментарии Е. Г. Водолазкина и Г. М. Прохорова) [электронный ресурс] / Режим доступа: <https://predanie.ru/pahomiy-logofet-serb/book/80431-zhitie-kirilla-belozerskogo/>
4. Жития Зосимы и Савватия. Библиотека литературы Древней Руси / РАН. ИРЛИ; Под ред. Д. С. Лихачева, Л. А. Дмитриева, А. А. Алексеева, Н. В. Понырко. – СПб.: Наука, 2005. – Т. 13: XVI век.
5. Святые Новгородской Земли, или история святой северной Руси в ликах X-XVIII вв. Том 2 // Режим доступа: <https://azbyka.ru/otechnik/assets/build/files/20042/out.pdf>

ЗНАЧЕНИЕ КУЛЬТА СВЯТЫХ В РЕКАТОЛИЗАЦИИ ИНФЛЯНТ 17 ВЕКА

Т.В. Богдановича (Рига, Латвия)

С первых веков своего существования Римско-католическая церковь способствовала распространению и укреплению культа святых. Тому было несколько причин – вера людей в чудодейственные силы святых мощей укрепляла авторитет церкви, а также способствовала распространению христианства. Кроме того почитание святых приносило немалые доходы церкви, где были святые мощи – там формировался центр религиозной и светской жизни. Почитание святых не утратило свое значение и в 17 веке. Орден иезуитов понимал важность феномена святости для верующих и активно использовал культ святых в борьбе с протестантскими учениями, а также для укрепления позиций Римско-католической церкви.

Территория Инфлянт в начале 17 века переживала религиозный кризис. Под влиянием реформации, все немецкое дворянство перешло в лютеранство, крестьяне же продолжали практиковать языческие традиции, отказываясь посещать церковь даже под страхом наказания [9, с. 23]. В результате Ливонской, а затем польско-шведской войны были разрушены практически все храмы, ощущалась острая нехватка священнослужителей как лютеранских, так и католических [3, с. 53–54]. Исправить данную ситуацию были призваны иезуиты. Постоянную деятельность на территории Инфлянт орден начал в 1625 году [2, с. 43]. В 1630 году была основана миссия, а в 1643 резиденция в городе Динабург (Даугавпилс) [2, с. 43].

Основными культами на территории Инфлянт, были культ св. Евхаристии, культ Святейшего сердца Иисуса, культ св. Марии, а также культы святых ордена иезуитов. Об этом свидетельствуют отчеты динабургской резиденции, литургический календарь, а также интерьеры иезуитских храмов.

Евхаристия является одним из семи таинств Римско-католической церкви, в котором верующие под видом хлеба и вина получают Тело и Кровь Иисуса Христа. Совершение Евхаристии составляет основу богослужения - св. мессы. Наибольшую актуальность культ приобретает в эпоху Контрреформации. Во время тринадцатой сессии Тридентского собора по евхаристии, в 1551 году, было принято постановление, что исповедь и причастие является необходимым условием для спасения души. Собор предписывал католикам в качестве обязательного ежегодное причастие [7, с. 78]. Таким образом, с помощью культа св. Евхаристии Римско-католическая церковь указывала на несостоятельность протестантских учений, отрицающих сакральный характер таинств исповеди и причастия.

Главным распространителем культа св. Евхаристии являлся орден иезуитов. Иезуиты призывали верующих к частому причащению святыми дарами [7, с. 80]. Идея частого причащения прежде не имела широкого распространения в Римско-католической церкви, во многих частях Европы лишь немногие миряне принимали причастие чаще одного-двух раз в год [6, с. 80]. Иезуиты считали, что частое причащение способствует укреплению веры, а также дает контроль над паствой [6, с. 81].

Согласно литургическому календарю динабургских иезуитов последнее воскресение каждого месяца было особым образом посвящено св. Евхаристии [5, с. 440]. В этот день в динабургском храме, а также в других иезуитских церквях на территории Инфлянт – Аулее, Извальте, Дагде, Индрице, происходило выставление Святых Даров и адорация (поклонение Святым Дарам) с песнопениями и молитвами [5, с. 440]. В следующий же четверг после праздника Троицы отмечался праздник Святого Тела Иисуса Христа [5, с. 441]. Иезуиты испытывали особую любовь по отношению к данному празднику, в честь него во всех храмах ордена совершались торжественные литургии, с процессиями и чтением четырех Евангелий [5, с. 441]. Кроме того, раз в месяц каждый прихожанин, принимающий таинство Евхаристии получал индульгенцию – полное отпущение грехов [5, с. 441].

В отчетах динабургских иезуитов отмечено, что среди населения Инфлянт таинство Евхаристии имело большую популярность [5, с. 344, 345, 350]. Но связано это было с языческим образом мышления – верой в магические способности данного таинства. Так среди крестьян распространились слухи, что исповедь и причастие способно восстановить здоровье и отвести смерть, а в случае оскорбления или отказа от Святых Даров, грозит наказание [5, с. 356]. На слуху у местных жителей долгое время был случай с одним из знахарей, который умер, отказавшись от причастия, во время его похорон, собравшиеся увидели, как его тело пожирают черви. Иезуиты это событие интерпретировали как Божью кару, после данного случая, по словам иезуитов, многие в страхе приступили к таинствам Римско-католической церкви [5, с. 356].

Среди протестантских дворян также были популярны рассказы о чудодейственной силе св. Евхаристии. В отчетах иезуитов часто упоминаются случаи чудесного исцеления, после которого протестанты меняли свои убеждения и возвращались в лоно Римско-католической церкви [5, с. 344, 345]. Иезуиты поддерживали данные слухи и использовали их для распространения католического вероисповедания.

В литургическом календаре динабургских иезуитов упоминается праздник Святейшего Сердца Иисуса, проходивший ежегодно 8 июня [5, с. 442]. Культ Святейшего Сердца Иисуса приобрел популярность в конце 17 века, благодаря стараниям ордена иезуитов. В основу культа легли мистические видения французской монахини Маргариты Марии Алакок. Иисус явился ей в 1675 году в октаву праздника Божия Тела и повелел добиваться установления праздника в честь Его Сердца. Сестра Алакок получила поддержку со стороны своего духовника-иезуита Клода де ла Коломбье [8, с. 53]. В 1684 году увидела свет книга Коломбье с описанием видений Маргариты Марии [8, с. 55].

С помощью данного культа иезуиты призывали прихожан к смирению и послушанию. Слова молитвы посвященные Святейшему сердцу Иисуса звучали следующим образом: “Иисус, кроткий и смиренный сердцем. Сотвори сердца наши подобными Сердцу Твоему” [8, с. 127]. В динабургском храме иезуитов был установлен Святейшего Сердца Иисуса. Каждый год 8 июня у этого алтаря проходило праздничное богослужение, во время которого прихожане могли получить индульгенцию [5, с. 442].

Одним из самых популярных культов Римско-католической церкви был культ св. Марии. По учению церкви Пресвятая Дева Мария является Матерью Иисуса Христа. На третьем Вселенском соборе в Эфесе в 431 году Она официально была провозглашена Богородицей и Царицей Небесной, а также был установлен догмат о Непорочном зачатии [7, с. 87]. Протестантские учения отрицали роль Девы Марии в спасении человечества [7, с. 92]. По этой причине в период Контрреформации Римско-католическая церковь уделяло особое внимание почитанию св. Марии. Тридентский собор подтвердил ранее изданные догмы, все, кто не признавал данного учения, считались еретиками, недостойными Царствия Божия [7, с. 103]. Кроме того, Римско-католическая церковь проповедовала, что через заступничество Девы Марии молитва каждого грешника будет услышана, и каждая грешная душа, прибегающая к св. Марии получит спасение [1, с. 78].

О распространении культа св. Марии на территории Инфлянт, свидетельствуют интерьеры церквей. В отчете иезуитов за 1674 год дано подробное описание интерьера иезуитской церкви города Динабург: “В этом году было закончено строительство церкви. Были начаты работы по декорированию. В церкви был установлен элегантно формы алтарь, раскрашенный яркими цветами, как и полагается Господу

нашему. Главный алтарь украшает изображение св. Марии - Богородицы, который обрамляет золотая рамка... Боковой алтарь украшает икона св. Марии вместе с Предтечей и евангелистом Иоанном. Боковые части алтаря украшают статуи св. Игнатия и св. Иосифа... С левой стороны от входа в храм располагается изображение св. Марии и ангела. С другой стороны находится блаженный Сармат - Станислав Костка..." [5, с. 266–267]. В описании интерьера храма упоминаются сразу несколько почитаемых образов св. Марии: Мария - Богородица, Непорочное зачатие, а также Мария с Иоанном Крестителем и апостолом Иоанном, причем образ св. Марии используется в главном алтаре, что свидетельствует о важности данного культа. Культ св. Марии нес три основные функции: повествовательную – знакомил прихожан с основными постулатами Римско-католической церкви, пропагандирующую – целью являлось распространение догматов католического вероучения и воспитание верных церкви прихожан, и антипротестантскую – расширяя и укрепляя культ св. Марии, иезуиты, подчеркивали Ее важность в спасении души. Они представляли Ее как гарант спасения, ведь неустанные молитвы и заступничество св. Марии, дают возможность даже самой грешной душе обрести Царствие Божие [4, с. 98]. Таким образом, иезуиты обращали внимание прихожан на изъяны протестантских учений, отказавшихся от почитания данной святой.

В описании храма города Динабург упоминаются изображения святых ордена иезуитов – св. Игнатий и св. Станислав Костка [5, с. 267]. Игнатий Лойола является основателем ордена. Он был канонизирован в 1622 году. День его памяти Римско-католическая церковь отмечает 31 июля [6, с. 4]. Среди местного населения Инфлянт по свидетельствам иезуитов особой популярностью пользовалась вода св. Игнатия. Крестьяне верили, что она обладает способностью изгонять злых духов и часто приглашали в свои дома иезуитов, с просьбой освятить жилище [5, с. 344, 345]. Также жители Инфлянт верили в целебные свойства воды. Так, в отчетах иезуитов упоминаются случаи, когда протестанты, будучи неизлечимо больными, просили иезуитов окропить их водой св. Игнатия, после чего следовало быстрое выздоровление [5, с. 344]. Данные случаи перекликаются с вышеупомянутой верой в чудодейственные свойства св. Евхаристии. Иезуиты никогда не отказывали, они успешно использовали данное средство для католизации местного населения.

Кроме вышеупомянутых святых в литургическом календаре были отмечены и другие святые ордена: Франциск, Алоизий Гонзага, Франциск Борджия, Франциск Ксаверий [5, с. 441, 442]. Культ иезуитских святых способствовал укреплению среди прихожан идеи ордена – беспрекословное послушание, смирение, дисциплина, что позволяло контролировать верующих.

Принимая во внимание вышеизложенное, можно сделать вывод, что в своей деятельности по рекатолизации Инфлянт, иезуиты использовали наиболее подходящие для этой цели культы святых Римско-католической церкви. Учитывая особенность территории, иезуиты распространяли те культы, которые помогали укрепить авторитет церкви и указать на изъяны протестантских учений, а также приобщить языческое крестьянство к христианскому вероучению. Однако сами иезуиты отмечали, что использование культа святых все же не несло ожидаемых плодов, особенно среди крестьян, которые не видели разницу между языческими и христианскими обрядами и продолжали придерживаться языческих традиций.

1. Bailey, G. A. Between Renaissance and Baroque: Jesuits art Art in Rome / G. A. Bailey. – Toronto : University of Toronto Press, 2003. – P. 175.
2. Bogdanoviča, T. Dinaburgas jezuītu misijas un rezidences dibināšanas apstākļi / T. Bogdanoviča // Vēsture: avoti un cilvēki. XXVII Starptautiskie zinātniskie lasījumi. – 2018. – Lpp. 43–49.
3. Bogdanoviča, T. Infantijas rekatolizācijas 1582–1629 / T. Bogdanoviča // Latvijas Arhīvi. – 2015. - № 3. – Lpp. 52–62.
4. Burke, M. B. Jesuit art and iconography 1550.-1800 / M. B. Burke. – New Jersey : St Peter's College Art Gallery, 1993. – P. 426.
5. Kleijntjens, J. Latvijas vēstures avoti jezuītu ordeņa arhīvos, I daļa / J. Kleijntjens (sast.). - Rīga: Apgāds Latvju Grāmata, 1940. – Lpp. 261–448.
6. O'Malley, J. W. The First Jesuits / J. W. O'Malley. – Cambridge : Mass, 1993. – P. 457.
7. O'Malley, J. W. Trent and All That: Renaming Catholicism in the Early Modern Era / J. W. O'Malley. – Cambridge : Mass, 2000. – P. 240.
8. Raymond, J. France and the Cult of the Sacred Heart: An Epic Tale for Modern Times / J. Raymond. – California : University of California Press, 2000. – P. 334.
9. Spekke, A. Latvieši un Livonija 16. gs / A. Spekke. – Rīga : Zinātne, 1995. – Lpp. 264.

УСЛОВИЯ РАБОТЫ ПСКОВСКОЙ АДМИНИСТРАЦИИ В XVIII ВЕКЕ

З.А. Тимошенкова (Псков, Россия)

С созданием губерний Псковский край вошел в состав Ингерманландской губернии (с 1710 г. Санкт-Петербургская). В городах губернии управляли воеводы или комиссары - в зависимости от значения города. Структурно губернские и воеводские канцелярии были повторением «приказных палат и изб» и подразделялись на столы. В канцелярии входили дьяки и подьячие, которые позднее стали называться секретарями. Они должны были постоянно находиться на службе (воевода – два дня в неделю). Указом 1701 г. во всех городах и больших селах были введены надсмотрщики и писцы крепостных актов («всяких чинов людей в знатности добрых, усмотря сколько человек, где пристойно»). В городах учреждались писчие избы, которые предписывалось строить около приказных изб или купить за счет крепостных сборов, а в небольших – особые столы в

приказных избах. Жалование надсмотрщики и писцы получали из денег от оформления крепостных дел: надсмотрщики – 70 руб. в год, писцы (в зависимости от статьи) – от 50 до 35 руб. Но они сами покупали канцелярские принадлежности, свечи и дрова. В начале 1706 г. крепостные дела вместе с писцами были переданы в ведение городских ратуш. Контролировалась деятельность органов управления на местах фискалами – провинциальными и городскими. С 1718 г. запрещалось выбирать городских фискалов из состоятельных купцов (фискалы освобождались от уплаты податей). Фискалы кормились от дел и не получали жалования. Бюджеты новых административных образований были определены на основании старых финансовых отчетов, приоритетными статьями расходов были военные.

В мае 1719 г. территория губернии была разделена на провинции. Псковская провинция состояла из 9 уездных городов, Великолукская – из двух. Губернатору провинциальные воеводы подчинялись в военных вопросах (рекрутский набор) и судебных (как апелляционной инстанции). Воеводы и их товарищи замещались по спискам Герольдмейстерской канторы. С 1730 г. воевод стали назначать на два года, с 1734 г. им было предписано вступать в должность с начала гражданского года. В 1740 г. воеводы были в 5 городах Псковской провинции и двух – Великолукской. Все они являлись представителями дворянского сословия: провинциальные воеводы в чине подполковника (Псков) и капитана (Великие Луки), городские воеводы Гдова, Опочки и Торопца – в чине капитана, Острова – в чине поручика. Должность воеводы Ржевы Пустой рассматривалась как служба по выборам дворян.

С 1760 г. воеводы сменялись через 5 лет, по истечении которых Сенат мог при отсутствии жалоб вновь назначить их на должность. Продолжительность рабочего дня воеводы Псковской провинции (1732 г.) в среднем составляла 4-5 часов, время приезда и отъезда ежедневно фиксировалось в журнале заседаний. Выходными днями считались воскресенье и дни религиозных праздников.

Хотя по штатам 1726 г. воеводам было определено жалование, к 1740 г. его не получали воеводы провинции, уезда и пригородов, а также товарищи воевод. В 1764 г. воеводы, а с 1766 г. губернаторы получили право стать помещиками своих провинций и уездов.

В провинциях были созданы провинциальные канцелярии – исполнительный орган воеводского управления. Историю псковской провинциальной канцелярии И.И. Василев начинал с 1719 г., – времени создания провинций, однако лишь с 1726 г., когда законодательно были определены штаты провинций, можно говорить о ее структуре. Первые полные штаты провинциальных канцелярий вышли в 1763 г. В это время в Пскове в нее входили 25 чел. во главе с воеводой, при расходе на содержание 3253 руб. При канцелярии была воинская команда из 57 чел. с расходом в 600 руб. 78 ¹/₈ коп. В 1773 г. вышли новые штаты из 20 чел. с бюджетом в 3260 руб.: из состава канцелярии была исключена должность прокурора, уменьшено число канцелярских служащих. Независимо от сословной принадлежности преступников, в провинциальную канцелярию поступали дела о государственных преступлениях («слово и дело») и от ее решения зависело дальнейшее рассмотрение дела. Дела особой государственной важности передавались в Петербург. Так в 1751 г. объектом доноса стал бывший воевода М. Пущин, который обвинялся в небрежном отношении к указу об объявлении Петра Федоровича законным наследником и в подписании документов, исходящих из провинциальной канцелярии «полковник и Псковского государства воевода». Воевода сообщил, что документы принял у предшественника, «который выехал из Пскова тайно», без описи, и не знает, где «означенные листы». Что касается подписи, то за такой «скрепой» дана только инструкция обер-офицеру для сыска воров и разбойников, для чего был использован текст на казенной печати провинциальной канцелярии, где по кругу вырезан текст «печать Государства Псковского»[1, с. XI].

В 1749 г. Сенат установил единые архитектурные образцы для областных учреждений. Провинциальные канцелярии должны были состоять из 5 покоев, городские – из 4-х, тюрьма занимала 1-2 избы, размеры и количество помещений для караульных определялось самой канцелярией. В Пскове провинциальная канцелярия находилась «у площади, возле лавок, где продаются квас и калачи», по направлению к высокому мосту через р. Пскову. Бюджет псковской провинциальной канцелярии складывался из пошлин с перевозимых товаров, мостов и перевозов, с прорубей и водопоев, штрафов за нарушение в винокуренном деле. Среди статей расходов источники называют перечисление денег в вышестоящие учреждения, оплату содержания мостов и перевозов в Пскове и провинции, приобретение материалов, необходимых для их ремонта, передачу средств по частным определениям.

Провинции делились на уезды, уезды и уездные города управлялись городскими воеводами с помощью воеводских канцелярий, на местах управляли старосты и десяцкие. Воеводская канцелярия из 8 человек, делилась на поветы: протокольное, подушное и экономическое, розыскное.

Основным законодательным актом, регламентирующим деятельность государственного аппарата России, был Генеральный регламент 1720 г., который установил единые принципы работы всех звеньев государственного аппарата, закрепил иерархию должностей внутри учреждений, ввел общие формы делопроизводства и отчетности.

В 1730-е гг., чтобы иметь под рукой кандидатов на замещение вакантных мест, правительство временно переселяло дворян в столичные города. В 1733 г. предписывалось среди них жить и дворянам Великолукской и Псковской провинций, перемежаясь по 20 человек каждую третью года.

Одной из проблем для сменявших друг друга воевод было решение вопроса о проживании. Так, псковский воевода полковник С. Давыдов (1727-1730 гг.), вопреки воеводской инструкции, занял каменный и деревянный «кожевенного заводу» дом Ямского. После него здесь жили воеводы А.Г. Плещеев, а затем Ф.П. Сонцев.

С 1 мая 1733 г. согласно указу Сената воеводы в Пскове должны были жить, как и в других городах, в воеводских или других свободных казенных домах, при их отсутствии – на монастырских подворьях, «покамест воеводские дворы построены будут». В связи с этим воеводе кн. Сонцову предписывалось съехать со двора принадлежащего посадскому человеку И. Б. Трубинскому.

Но и в 1749 г. псковский воевода полковник М. Пуцин жил в доме генерал-майора А.Д. Татищева. В связи с пожаром, он просил выделить деньги на его приобретение и ремонт построек. В 1765 г. поручик А. Малыгин разработал для Пскова проекты каменного воеводского двора и дома провинциальной канцелярии. Во второй половине 1770-х гг. в ходе поездки по Псковской губернии Я. Сиверс был удручен состоянием административных зданий: «каменный дом провинциальной канцелярии в Пскове развалился и уже третьего года я приказал канцелярию из него вывести в обывательский. Воеводского двора совсем нет, воевода живет в таком же ветхом обывательском доме, что мне стыдно и не без страха в него войти». Еще более удручил его Остров: «... в воеводском доме только сороки да вороны живут...». Уже в 1777 г. началось строительство здания присутственных мест[8, с. 87].

В 1722-1724 гг. была завершена реформа городского сословного управления: созданы городовые магистраты – коллегиальные учреждения, состоявшие из президента, 1-4 бурмистров и 2-8 ратманов (в зависимости от величины и значения города). Эти лица выбирались из «первостатейных, добрых, почтительных, умных» посадских людей. В ведении магистрата находилось все управление города: уголовный и гражданский суд, полицейские, финансовые и хозяйственные дела. В 1728 г. магистраты были отменены, восстановленные ратуши отданы в ведение губернаторов и воевод и губернской администрации. На протяжении ряда лет выборные должности в них занимали в Пскове Русиновы, Постниковы, Трубинские[5]. Их дома зачастую использовались для размещения учреждений и администраторов. В 1748 г., например, помещения первого этажа дома Русиновых были заняты провиантской комиссией, а второй этаж – председателем этой комиссии Ф. Павловым. В 70-е гг. XVIII в дом Русиновых использовался для постоя воинских частей, полиции и гражданского суда, а в 1778 г. был отведен под постоя председателю палаты гражданского суда. Деньги за постоя не платились годами. Так в 1765 г. И. А. Трубинский просил заплатить ему за постоя канцелярии подушного сбора с 1748 г. по ноябрь 1760 за 12 лет 10 месяцев 13 дней по 20 руб. В 1781 г. И. М. Трубинский, взыскивал с советника палаты гражданского суда К. фон Бремзеле за постоя в его доме за 2 года и 4 месяца по договору 106 р.66 коп. Поэтому купцы неоднократно напоминали о льготах, на которые они по закону имели право. Так, в 1746 г. бурмистр И. Б. Трубинский, сообщал об освобождения своего двора от постоя, поскольку с 1723 г., один из первых имеет кожевенный завод.

В связи с присоединением к России новых земель были созданы две новые губернии – Псковская и Могилевская. Губернским городом стала Опочка, где строилось здание присутственных мест, но после пожара 1775 г. губернский центр был перенесен в Псков. В августе 1776 г. от Псковской губернии были отделены Двинская, Полоцкая и Витебская провинции, а Псковская и Великолуцкая провинции «под наименованием Псковской губернии» были переданы в ведение Тверского и Новгородского наместничества.

Губернская реформа 1775 г. не только увеличила число местных учреждений, но и вызвала быстрый рост чиновничества. В штатах 1777 г. было утверждено жалование канцелярским служащим, в том числе и архивариусам.

Л.Ф. Писарькова, пишет, что расходы на администрацию в Псковской губернии в 80-90-е гг. составляли: в 1783 г. – 121,2 тыс. руб., в 1794 г. – 122 тыс. (6, с. 102). 8 августа 1777 г. Екатерина II разрешила для строительства в Пскове здания присутственных мест «употребить» 7 тыс. руб.». Однако к апрелю 1778 г. выяснилось, что разница по оплате материала и работ по ведомости губернской канцелярии и счетом казенной палаты составила 1584 руб.58 коп. Я. Сиверс определил взыскать ее с чиновников губернской канцелярии и губернатора Х.Р. фон Нолкена – «по частям получаемого ими жалования», попутно выяснив, куда были израсходованы деньги [4, с. 75]. Проблема размещения разных губернских учреждений остро стояла до конца XVIII в. Губернская канцелярия была открыта в здании провинциальной канцелярии, строительство которой продолжалось с 1774 по 1776 гг. Позже в этом доме размещалось наместническое управление. По указу 1781 г. необходимо было построить губернские и уездные почтовые дома, на что ассигновано 200 тыс. руб. Но деньги были истрачены на другие «нужные дела», и к 1789 г. губернский почтамт помещался в съемных квартирах. Губернатор Х.Л. Зуев просил разрешить временно разместить почтамт в построенном для коменданта каменном доме, пока комендант в Псков «к должности не явится», попутно сообщив, что «казенная палата уже переехала в здание присутственных мест». Не менее остро стоял вопрос о размещении документов. На запрос наместнического правления в 1779 г. о постройке архива Сиверс сообщал, что «ныне никакого строения особо исправить невозможно... решенные дела хранить в особых сундуках, почитая оные вместо архива». В это время архив Псковской провинциальной канцелярии был действующим, на основе его выдавались справки, поэтому большое вни-

мание уделялось приведению дел в порядок [2, с.10]. После ликвидации губернской канцелярии Я.Е. Сиверс возложил просмотр дел бывшей канцелярии на советника наместничьего правления бригадира Ащерина (после его отставки эта работа была поручена советнику палаты уголовного суда Новокрещенову). Поскольку разбором занимался только архивариус, после просьбы Ащерина наместничье правление направило в казенную палату, палаты уголовного и гражданского суда сообщение о ежедневном направлении после полудня приказных служителей для разбора старых дел. Аналогичные указы направлялись и в другие учреждения. Без еженедельного отчета об этой их деятельности чиновникам не выплачивалось жалованье. В 1780 г. было приведено в порядок 23525 дел [3, л. 174]. Дела после разбора должны были передаваться во вновь созданные учреждения. Разбор дел продолжался, вероятно, до начала 90-х гг., но хранились они в непригодных помещениях: ц. Козмы и Демиана с Гремячей горы, в погребе Ильинской церкви на Запсковье [8, с. 103].

При Екатерине II магистраты стали судебными органами. Из городских расходов на магистраты приходилась половина (Великие Луки). Купец, входивший в магистрат, для ведения своих дел за пределами города хлопотал об отпуске, который давался обычно на 29 дней.

Остро стоял вопрос и о зданиях для городских учреждений. Средства на них собирали с купцов и мещан. В 1793 г. дума Великих Лук решила строить каменное здание для магистрата по плану, присланному из Пскова. Следует отметить, что в дальнейшем в построенном здании размещались все городские учреждения. [7, с. 27].

1. Василев, И.И. Дела псковской провинциальной канцелярии. Материалы по истории Псковской старины. Псков. 1884.
2. Герасименко, Т.Е. Из истории архивов Псковской губернии в последней четверти XVIII в. //Материалы шестых псковских архивных чтений. 14-16 ноября 2011 года. Псков 2012.
3. Государственный архив Псковской области (ГАПО). - Ф. 74. Оп. 1. Д. 41.
4. Губернский Псков в архивных документах. Сборник государственного архива Псковской области. – Псков: 2010.
5. Кизеветтер, А.А. Посадская община в России в XVIII столетии. Москва: Типография Московского университета, 2003.
6. Писарькова, Л.Ф. Государственное управление России с конца XVII до конца XVIII века. Москва: «РОССПЭН», 2007.
7. Пульхеров, А.И. Великолукское общественное управление 1785-1891 гг. Великие Луки : Великолукская гор. тип., 2012
8. Тимошенкова, З.А. Управление Псковом и Псковской землей в XVIII в. //История органов власти и управления в Псковском крае (с древнейших времен до наших дней) – Псков: 2016. С. 78-117.

США И МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ XVIII В.: ПРОБЛЕМА СОЮЗОВ С ИНОСТРАННЫМИ ДЕРЖАВАМИ В КОНТИНЕНТАЛЬНОМ КОНГРЕССЕ (ИЮЛЬ – СЕНТЯБРЬ 1776 Г.)

Д.В. Дорофеев (Симферополь, Россия)

В отличие от предшествовавших двух столетий, в XVIII в. влияние религиозного фактора на процесс формирования внешней политики государств Европы начинает резко уменьшаться [3, с. 431]. Форма правления также не была причиной для заключения союзов: монархии и республики не просто сосуществовали, но и создавали альянсы для достижения общих целей – австро-венецианский союз 1718 г., франко-голландский союз в годы Войны США за независимость в 1776 – 1783 гг. [7, р. 96]. С уменьшением религиозного фактора и созданием национальных государств, XVIII в. демонстрировал, что войны становятся по своей природе коалиционными. Из-за того, что проходившие войны не давали преимущество ни одному из государств или их определенной коалиции, особенности альянсов Вестфальской системы международных отношений сводились к следующему: формат военно-политических коалиций не предусматривал продолжительное сотрудничество – непостоянство и быстрое изменение союзников были свойственным признаком для международных отношений эпохи, в которой зарождались и становились США [1, с. 52; 3, 438]. Альянсы были настолько гибкими, что утрачивали продолжительность и прочность, так как участники союзов стремились найти причины не выполнять обязательства и разорвать связи в подходящий для них момент [12, р. 7 – 8]. В результате, союзы не были инструментом для предотвращения войн и создания системы коллективной безопасности [7, р. 112]. В результате, как правило, войны завершались не самоограничением или признанием международной легитимности той или иной державой, а взаимным экономическим, финансовым и военным истощением. Как следствие – мир был миром упадка. Умеренность оказывалась результатом временной передышки, необходимой для экономического, военного и финансового восстановления [2, с. 337-339].

Изучение истории альянсов XVIII в. позволяет выделить четыре базовых типа союзов, которые практиковались. Первый – симметрично-однородный альянс («aggregation» alliance): члены союза сотрудничают на взаимовыгодной основе (англо-прусский союз 1756 – 1762 гг.). Второй – ассиметрично-однородный альянс («guarantee» alliance): члены союза взаимовыгодно сотрудничают, но сроки функционирования альянса определяются исключительно наиболее мощным участником (англо-голландский союз 1702 – 1756 гг.). Третий – ассиметрично-разнородный альянс («hegemonic» alliance): участники сле-

дуют разным установкам, но дисбаланс их таков, что наименее зависимый не может заставить наиболее зависимых следовать его курсу, так как это может нанести ему вред (англо-французский альянс 1716 – 1731 гг.). Четвертый – симметрично-разнородный альянс («deadlocked» alliance): члены альянса обладают равной мощью, но позиция сторон не может быть легко согласована, поэтому отношения в рамках союза заходят в тупик (австро-французский альянс 1756 – 1785 гг.) [5, р. 5 – 6].

Европейский опыт, усвоенный британскими колонистами в Северной Америке на протяжении XVII – XVIII вв., дал о себе знать уже в первые месяцы существования США в 1776 г. После провозглашения независимости они получили возможность проводить внешнюю политику как суверенное государство. На тот момент ни одна держава мира официально не признала их статус, поскольку первое самопровозглашенное государство в Западном полушарии вело войну с Великобританией – наиболее мощной державой последней трети XVIII в. В этой сложной ситуации многое зависело от способности США организовывать эффективные отношения с иностранными государствами.

В первые дни после провозглашения независимости, в Континентальном Конгрессе преобладало мнение наиболее рьяных поборников независимости США – С. Адамс (Масс.), Ч. Кэрролл (Мэр.), А. Кларк (Н.-Дж.) – призывавших к скорейшему направлению американских посланников в иностранные государства и заключить с ними союзы [9, р. 417; 10, р. 416; 11, р. 458]. В частности, развитие отношений с Францией и Испанией могло оказать поддержку североамериканскому государству в борьбе с Великобританией [4, р. 597; 6, р. 595].

В атмосфере оптимистических надежд, 18 июля 1776 г. был представлен на рассмотрение Континентального Конгресса первый вариант плана соглашений с иностранными государствами (План. – далее) [8, р. 578]. Однако, принят этот документ будет только во второй редакции и спустя два месяца, 17 сентября 1776 г. [8, р. 575-589, 696, 709-710, 718, 768-778]. Несмотря на незначительные различия между двумя вариантами текста, касавшихся очередности статей и точности формулировки, содержание документа оставалось неизменным. Изучение окончательного варианта Плана дает возможность определить внешнеполитический курс США.

В целом, План отражал стремление вести Соединенными Штатами политику свободной торговли и защиты этого принципа вооруженными средствами, как своими силами, так и силами своего союзника (Ст. 1-4). Вся система коммуникации Франции должна была быть открытой для американского экспорта или транзита американских товаров в другие регионы мира. Однако, квинтэссенцией договора было развитие отношения с Францией, которая должна была заменить Великобританию в сфере безопасности и обеспечить ее для США.

Обращает внимание текст документа и на трансформацию системы международных отношений, связанной с британо-французским соперничеством, отображено в тексте документа ссылкой на фактор действия двусторонних отношений в условиях войны, как следствие геополитического противостояния европейских центров силы. 23% статей документа регулировали двусторонние отношения в условиях войны. В частности, стратегическая линия американской внешней политики была направлена на втягивание Франции в войну с Великобританией (Ст. 7).

В условиях трансформации баланса сил, затрагивавшей в первую очередь европейские державы, американские стратеги отчетливо понимали целесообразность побудить Францию признать за США право на обладание зоны, дававшей им ресурсы для становления мощи державы. Фактически, делегаты Континентального Конгресса стремились создать зону американского влияния, легитимность которой была бы принята и поддержана европейской державой. Это пространство должно было включить в себя Лабрадор, Новую Британию, Новую Шотландию, Аккадию, Канаду, Флориду и какие-либо иные территории североамериканского континента, а также островов Ньюфаундленда, Кейп-Бретон, Сент-Джон, Антикости, Бермуды и Багамы или иные острова, находящиеся под контролем Великобританией до подписания соглашения (Ст. 8-9).

В американской внешнеполитической стратегии, выраженной в тексте плана соглашения, четко прослеживается стремление делегатов Континентального Конгресса выделить регионы, важные для развития Соединенных Штатов, но которые не могли стать пространством американского доминирования. Таковыми регионами были Западная часть Средиземноморья и Вест-Индия.

Относительную слабость военно-политического присутствия в зоне Средиземного моря США стремились компенсировать развитием отношений с Францией, которые в условиях разрыва американо-британских отношений, должны были защищать военными средствами экономические интересы Соединенных Штатов в Средиземноморье, угрозы которым проистекали от государственных образований в Северной Африке. Примечательно, что Соединенные Штаты становились государством, внешнеполитическая ориентация которых была сосредоточена на развитии отношений только с европейскими странами. При формировании внешней политики отцы-основатели исходили из цивилизационной близости формирующегося американского государства с европейскими странами. Так, делегаты Континентального Конгресса стремились использовать французскую военно-морскую мощь для обеспечения защиты, обороны, безопасности американских судов и американцев от атак, нападений, насилия, оскорблений,

грабежей, которые проистекали от руководства Марокко, Алжира, Туниса, Триполи и от других государственных образований и их властей Варварского берега Северной Африки (Ст. 3, 6). Несмотря на то, что в тексте документа встречаются исламские государства – Алжир, Тунис, Триполи, королевство Марокко, – в этом источнике оговаривалось развитие отношений только с христианскими странами.

Документом предусматривался свободный экономический доступ США к островам Вест-Индии, которые могли перейти под контроль французской державы: если в случае любой войны, Франция захватит и присоединит к своей империи территории острова Вест-Индии, которые находятся под юрисдикцией Великобритании или других европейских держав, то Соединенные Штаты должны обладать теми же правами, которые они имеют на всей территории Франции (Ст. 10).

Фактически содержание Плана показывало, что отцы-основатели США делали ставку на развитие отношений с иностранными государствами на основе ассиметрично-разнородного альянса.

17 сентября 1776 г. Континентальный Конгресс принял окончательный вариант текста договора с иностранными государствами. Это решение привело к дальнейшему развитию событий: спустя неделю, 26 сентября 1776 г., были избраны посланники США во Францию для заключения договора. Ими стали Б. Франклин (Пенс.), С. Дин (Конн.) и Т. Джефферсон (Вирг.) [8, р. 827], создавшие первый в истории внешней политики союз с иностранной державой, превосходившей мощью североамериканское государство.

1. Зонова Т. В. Дипломатия: Модели, формы, методы : Учебник для вузов / Т. В. Зонова. – М. : Аспект Пресс, 2013. – 348 с.
2. Тешке Б. Миф о 1648 годе : класс, геополитика и создание современных международных отношений / Б. Тешке. – М. : Изд. дом ун-та – Высшей школы экономики, 2011. – 416 с.
3. Черняк Е. Б. Система международных отношений в Европе в XVIII веке (до 1789 г.) / Е. Б. Черняк // История Европы : в 8 томах. – Т. 4. Европа нового времени (XVII-XVIII века). – М. : Наука, 1994. – С. 430 – 456.
4. Abraham Clark to James Caldwell. Philad. August 1776 // Letters of delegates to Congress, 1774–1789 : in 26 Vols. / Ed. by P. H. Smith. – Washington : U.S. G.P.O., 1979. – Vol. 4. – P. 597.
5. Cesa M. Allies Yet Rivals: International Politics in 18th Century Europe / Marco Cesa. – Stanford : Stanford University Press, 2010. – 312 p.
6. Ch. Carroll to Charles Carroll, Sr. Pha. 1st Aug. // Letters of delegates to Congress, 1774–1789 : in 26 Vols. / Ed. by P. H. Smith. – Washington : U.S. G.P.O., 1979. – Vol. 4. – P. 595.
7. Holsti K. J. Peace and war : armed conflicts and international order 1648-1989 / Kalevi J. Holsti. – Cambridge : Cambridge Univ. Press, 2000. – P. 9
8. Journal of Continental Congress, 1774–1789 : in 34 Vols. / Ed. by Edmund C. Burnett. – Washington : U.S. G.P.O., 1906. – Vol. 5 – 856 p.
9. Samuel Adams to John Pitts [c. July 9, 1776] // Letters of delegates to Congress, 1774–1789 : in 26 Vols. / Ed. by P. H. Smith. – Washington : U.S. G.P.O., 1979. – Vol. 4. – P. 417.
10. Samuel Adams to Joseph Hawley. Philade July 9 1776 // Letters of delegates to Congress, 1774–1789 : in 26 Vols. / Ed. by P. H. Smith. – Washington : U.S. G.P.O., 1979. – Vol. 4. – P. 416.
11. Samuel Adams to Richard Henry Lee. Philada. July 15 1776 // Letters of delegates to Congress, 1774–1789 : in 26 Vols. / Ed. by P. H. Smith. – Washington : U.S. G.P.O., 1979. – Vol. 4. – P. 458.
12. Schroeder P. W. The Transformation of European Politics, 1763–1848 / P. W. Schroeder. – Oxford University Press, 1994. – 894 p.

ВОЙНА ЗА НЕЗАВИСИМОСТЬ США КАК РЕВОЛЮЦИЯ: ВЗГЛЯД ИЗ ЭПОХИ ПРОСВЕЩЕНИЯ

М.А. Филимонова (Курск, Россия)

Современники Войны за независимость США уже выработали довольно четкое представление о революционном процессе. Под термином «революция» понимался резкий переворот, будь то в политике, законодательстве или общественном мнении. Философы-просветители также обосновали право народа на сопротивление угнетению. «Где кончается закон, начинается тирания... И если кто-либо из находящихся у власти превышает данную ему по закону власть... то ему можно оказывать сопротивление, как и всякому другому человеку, который силой посягает на права другого», – рассуждал Дж. Локк [3, т. 3, с. 379; см. также: 2].

С самого начала англо-американского конфликта патриоты (американские виги) доказывали, что британский подданный не обязан подчиняться законам, на которые он не давал своего согласия, и вправе добиваться отмены таких законов. Именно в этом, как правило, и видели сопротивление угнетению. «Если по решению британского сената колонисты оказались бы отданными на произвол французской или турецкой тирании, – рассуждал виргинец Р. Блэнд, – то они могли бы отказаться подчиниться такому решению и сопротивляться его исполнению насильственными средствами». Парламент не мог лишить их ни естественных, ни гражданских прав [8, р. 84]. Обращаясь к причинам революции, ее современник и историограф Д. Рамсей возводил традицию сопротивления тирании к пуританской теологии. Революция для него была естественным результатом столкновения двух противоборствующих сил: Британия стремилась к установлению в колониях деспотизма, в то время как колонисты стремились отстоять свои права. Собственно, Рамсей одним из первых создал образ легалистской и консервативной Американской революции [19].

Видение революции у американских вигов вообще сильно отличалось от современного. Их понимание права на сопротивление угнетению, обставленного множеством ограничений и условий, восходило к Дж. Локку. Прежде всего, открытая вооруженная борьба считалась допустимой лишь после того, как исчерпаны все остальные средства разрешения конфликта. Кроме того, действия власти должны явно указывать на существование заговора против свободы, собственности или религии народа [см.: 3, т. 3, с. 383–395]. Джон Адамс писал: «Если народные волнения, противодействующие покушениям на конституцию, можно оправдать, то лишь тогда, когда в опасности ее основы, да и в этом случае только при абсолютной необходимости и с большой осторожностью» [21, р. 62–63].

При соблюдении всех этих условий революция переставала быть внеправовым деянием. Напротив, она, как полагали американские виги, отвечала естественному праву и английским законам. В «Нованглусе» Джон Адамс заявлял: «Мы не подстрекаем к мятежу. Оппозиция, нет, открытое, умышленное сопротивление силой оружия против узурпации и незаконного насилия не является мятежом по законам Бога и нашей страны» [7, vol. 2, р. 269].

Представления о средствах, которые истинный виг должен использовать в борьбе за свободу, естественным образом менялись по мере развития конфликта. Дж. Дикинсон в «Письмах пенсильванского фермера» (1767 г.) утверждал: «Дело свободы обладает слишком большим достоинством, чтобы пятнать его мятежами и буйствами... Те, кто его отстаивает, должны проникнуться спокойным, но пламенным духом, ведущим их на подвиги благоразумия, справедливости, скромности, отваги, человечности и великодушия» [11, р. 324]. В 1770-х гг. Джон Адамс уже оправдывает явные случаи «мятежей и буйств», вроде «Бостонского чаепития» [7, vol. 2, р. 1]. Наконец – но лишь как последнее средство – возможна и вооруженная борьба с угнетателями. В 1775 г. начавшаяся Война за независимость приводит Джона Адамса к окончательному выводу, что «порох и артиллерия – вот самые действенные, самые надежные и безотказные примирительные меры, какие мы можем предпринять» [7, vol. 3, р. 21].

Несколько аспектов революции представлялись вигам наиболее важными. Прежде всего, они обращали внимание на политический аспект.

В эпоху Просвещения конституции приписывалась определяющая роль в жизни государства. По мнению Дж. Адамса, от хорошей конституции зависит счастье обитателей государства и процветание общества [15, vol. 3, р. 400]. Мудрые законы могли повлиять на формирование ментальности народа, скорректировать негативное влияние географического фактора. Пенсильванский просветитель Б. Раш заявлял, что политический строй влияет даже на физиологию человека [1, т. 1, с. 471].

Б. Раш полагал, что революция должна начаться с установления совершенных конституций и завершиться установлением новых республиканских принципов и нравов [10, vol. 1, р. 46]. Таково было общее для эпохи Просвещения представление об идеальной революции. Потому и конституция 1787 г. представляла в глазах своих создателей очередной этап революции, а никак не предательство ее принципов. Конституция была закономерным и благополучным завершением революции. С принятием конституции 1787 г. ее защитники, федералистские авторы связывали возможность преодоления существующего кризиса и перспективы грядущего расцвета США. Газета «Massachusetts Centinel» уверяла, что в случае принятия конституции США станут для Европы предметом восхищения и зависти [16]. Автор под псевдонимом «Курций» предсказывал наступление земного рая: «Если вы ратифицируете результат работы вашего Конвента, это счастливое событие начнет эпоху, более уникальную по своей природе, более счастливую по своим последствиям, более интересную для философического ума, нежели все, что до сих пор породила политическая история человечества» [18].

Однако принятием конституции содержание революционного процесса не исчерпывалось. В области ментальности переворот должен был быть не менее радикальным. Ключевыми в этом аспекте были для вигов представления о республиканской добродетели; формирование национальной идентичности и (под явным влиянием европейского Просвещения) веротерпимость.

Понятие борьбы за свободу, революции в XVIII в. было тесно связано с понятием добродетели. Революция мыслилась не только как уничтожение тирании во имя свободы, но и как борьба с пороком и торжество добродетели. Джон Адамс излагал теорию республики добродетели следующим образом: «Подобное [республиканское] правление должно поддерживаться лишь чистой религией или суровой моралью» [7, vol. 4, р. 124]. Республиканская простота нравов должна была распространиться во всех областях жизни – начиная с языка и манер и кончая политикой. Эти ожидания оказались утопическими и сравнительно скоро угасли, однако их роль в общественном сознании конца XVIII в. несомненна.

Революция понималась как начало американской нации. Д. Рамсей подчеркивал, что революция дала начало американской нации: «Местные предрассудки ослабли. Частые контакты смягчили взаимные трения, и было заложено основание для создания нации из разнородных материалов» [цит. по: 12, р. 20–21].

Одним из положительных результатов Американской революции (причем не только для самих США, но и для всего мира) считалось развитие веротерпимости, которую так превозносили европейские просветители. В одной из речей, произнесенных в честь дня независимости в 1788 г., говорилось: «Счастли-

вое воздействие Американской революции чувствуется далеко за пределами Америки... Дух терпимости, которым мы столь гордимся, распространился по Европе» [13, р. 21–22].

Наконец, говоря о различных целях и аспектах Войны за независимость, нельзя не упомянуть также, что для современников она была также борьбой за экономическую независимость США. В 1768 г. пенсильванский виг У. Аллен предупреждал: если Британия и впредь будет игнорировать американские петиции, «тогда... мы начнем нашу конституционную войну против метрополии... мы учредим мануфактуры и будем обеспечивать себя сами» [цит. по: 14, р. 63].

Смысл борьбы за экономическую независимость фактически имели некоторые решения Первого континентального конгресса, собравшегося в Филадельфии осенью 1774 г. Наиболее важным документом, принятым им, была «Ассоциация» – соглашение о запрете импорта и потребления любых товаров из Великобритании и Ирландии, а также о прекращении экспорта колониальной продукции в Англию и английские колонии. Решения Конгресса получили широкую поддержку. Размах кампании отказа от британских товаров был таков, что их импорт в колонии в 1775 г. сократился на 97 % по сравнению с 1774 г. [20, р. 533–536]. В период Войны за независимость лидеры группировки националистов Р. Моррис и А. Гамильтон последовательно разрабатывали меркантилистскую программу, направленную на освобождение США от зависимости от английского импорта. В 1785 г. мануфактуристы, ремесленники и механики Нью-Йорка, Филадельфии и Бостона на митингах требовали от правительств своих штатов установить пошлины для того, чтобы уменьшить импорт, остановить утечку монеты и поддержать отечественное производство [9, р. 138–139]. В середине 1780-х гг. протекционистские тарифы приняли Нью-Йорк, Пенсильвания, Род-Айленд и Нью-Гэмпшир. Тарифом облагались прежде всего предметы роскоши (серебро, ювелирные изделия, ковры, шелка) и товары, производившиеся в самих Соединенных Штатах (обувь, мебель и, что характерно, изделия из железа) [17, р. 69–70].

В 1788 г. в Филадельфии было создано «Общество поощрения мануфактур и полезных искусств». Основатели общества призывали «отбросить старые предрассудки, установить обширную торговлю внутри нашей собственной страны, которая может сделать нас менее зависимыми от условий иностранных держав» [6].

В конституцию 1787 г., был введен ряд клаузул, дающих федеральной власти возможность проводить эффективную политику по защите своей экономики. Конгресс получил право ввести в стране единую денежную систему; регулировать торговлю с иностранными государствами и индейскими племенами, а также между штатами; определять систему мер и весов (ст.1, разд.8) [5, с. 32–33; 4, с. 51–60]. На основании этих положений (в большой мере за счет «широкого» их толкования) Гамильтон, ставший министром финансов США, смог развернуть обширную экономическую программу.

Таким образом, «отцы-основатели» США видели в собственной революции событие эпохальное и многогранное. Они подчеркивали политический аспект революционного процесса, надеялись на изменение ментальности в результате революции, на достижение экономической независимости наряду с политической. Вне поля их зрения, в то же время, оставались социальные аспекты революции.

Материал подготовлен при финансовой поддержке РФФИ в рамках исследовательского проекта № 18-09-00166а «Просветительские идеи и революционный процесс в Северной Америке».

1. Американские просветители. Избранные произведения: 2 т. М., 1968–1969.
2. Ковалев, А.В. Доктрина «сопротивления» Дж. Локка как осмысление событий Английской революции середины XVIII в. и период реставрации / А.В. Ковалев // Демократия и общественные движения / под ред. Е.Г. Блосфельд. Волгоград, 1998. С. 41–45.
3. Локк, Дж. Соч.: 3 т. / Дж. Локк. М., 1985–1988.
4. Мишин, А.А. Конституция США: политико-правовой комментарий / А.А. Мишин, В.А. Власихин. М., 1985.
5. Соединенные Штаты Америки: Конституция и законодательные акты. М., 1991.
6. A respectable body of the citizens of Pennsylvania... have formed themselves into a society for the encouragement of manufactures, and the useful arts in America... [Philadelphia, 1788].
7. Adams, J. Papers. Ser. 3: 12 vols. / ed. by R.J. Taylor. Cambridge (Mass.), 1977–2004.
8. American Political Writing During the Founding Era. Vol. 1. Indianapolis, 1983.
9. Bancroft, G. History of the Formation of the Constitution of the USA / G. Bancroft. N.Y., 1896.
10. Commentaries on the Constitution: Public and Private: 4 vols. / ed. by M. Jensen. Madison, 1981–1986.
11. Dickinson, J. Political Writings. 1764–1774 / ed. by P.L. Ford. N.Y., 1970.
12. Friedman, L. The Inventors of the Promised Land / L. Friedman. N.Y., 1975.
13. Hitchcock, E. An Oration, July 4, 1788 / E. Hitchcock. Providence, [1788].
14. Jacobson, D.L. John Dickinson and the Revolution in Pennsylvania, 1764–1776 / D.L. Jacobson. Berkeley – Los Angeles, 1965.
15. Letters of Delegates to Congress, 1774–1789: 26 vols. / ed. by P.H. Smith. Washington (D.C.), 1976–2000.
16. Massachusetts Centinel. Oct. 17, 1787.
17. Nettels, C.P. The Emergence of a National Economy / C.P. Nettels. N.Y. e.a., 1962.
18. New York Daily Advertiser. Sept. 29, 1787.
19. Ramsay, D. The History of the American Revolution: 2 vols. / D. Ramsay. Indianapolis, 1990.
20. Schlesinger, A.M. The Colonial Merchants and the American Revolution, 1763–1776 / A.M. Schlesinger. N.Y., 1918.
21. The Book of Abigail and John. Selected Letters of the Adams Family, 1762–1784 / ed. by L.H. Butterfield e.a. Cambridge (Mass.) – London, 1975.

СОЗДАНИЕ ОРГАНОВ ТАМОЖЕННОГО КОНТРОЛЯ НА КРЫМСКОМ ПОЛУОСТРОВЕ ПОСЛЕ ПРИСОЕДИНЕНИЯ К РОССИИ (КОНЕЦ XVIII В.)

Д.А. Прохоров (Симферополь, Россия)

После того, как в апреле 1783 г. Крымский полуостров был официально принят под юрисдикцию Российской империи, власти одной из важных задач называли организацию административной и экономической инфраструктуры на присоединенных территориях. 26 февраля 1784 г. императрица Екатерина II подписала указ, который явился первым правоустанавливающим документом по созданию крымских таможен. В указе, в частности, говорилось: «Попечение Наше о распространении торговли подданных наших и других с ними народов через Черное и Средиземное моря достигло желаемых успехов, когда посредством торгового договора с Портой Оттоманской в 10-й день июня 1783 года заключенного изъяты все трудности и препятствия, кои по образу правления турецкого встречались на каждом шагу торговли там токмо водворяющейся и цветущей, где законы ей покровительствуют и где во всех ее видах и оборотах совершенная свобода предводительствует, правилам таковой неограниченной свободы последовали». Российская самодержица особое внимание уделила организации законодательной базы развития таможенной службы в Крыму, подчеркнув, что ранее изданные ею указы «ныне в полной мере присваиваем и распространяем на торговлю черноморскую, удобность и безопасность ее наипаче обнадежены вступлением под державу Нашу области Таврической с прочими землями к ней принадлежащими, где открыты разные пристани морские для всех, кто от избытков России что-либо для себя заимствовать и от своих произращений или рукоделий к выгоде подданных наших свободной пользой доставить пожелает» [1, л. 3].

Далее в документе сообщалось, что по окончании русско-турецкой войны 1768–1774 гг. в Екатеринославском наместничестве, недалеко от устья р. Днепр, был основан город Херсон, при этом Екатерина II, «нашед в нем сугубую удобность и для привоза из России ее произрастаний и для доставления извне всего, что для нас полезно быть может, сверх обеспечения сего торгу сильной обороною и сверх многих деятельных пособий» объявила режим наибольшего благоприятствования для развития международных торговых связей. Также ею было сделано распоряжение о согласовании с общими правилами торговли для Херсона, «а с ним вместе и лежащие в Таврической области приморские города наши Севастополь, известный до сего под названием Ахт-Яр, одаренный превосходною морскою пристанью, и Феодосию, инако Кефою именуемый». Императрица повелевала, «в рассуждении выгоды», открыть эти порты для «всех народов, в дружбе с империей нашей пребывающих, в пользу торговли их с верными нашими подданными». Декларировалось, что отныне упомянутые народы на их собственных или наемных судах могут «свободно, безопасно и беспрепятственно к тем городам приплывать, или сухим путем приезжать, нагружать суда их и оттуда отплывать или отъезжать по своему произволению поступая, что до платежа пошлины за привозимые и вывозимые товары касается по тарифам и установлениям таможенным» [1, л. 3 об.].

В связи с тем, что статус ранее действовавших на полуострове Перекопской и Арабатской таможен, в связи с изменением административной границы, уже утратил свое первоначальное предназначение, основными таможенными пунктами становились те, что должны были находиться в приморских городах: Севастополе, Феодосии и Евпатории; помимо этого, действовали еще две таможенные заставы, Керченская и Еникальская (вблизи г. Керчь).

Для обеспечения нормального функционирования таможен в Новороссийскую губернию решено было направить двух таможенных инспекторов, при этом в ведении одного из них должны были находиться Дубоссарская, Одесская и Очаковская таможни, а также Овидиопольская, Херсонская и Николаевская таможенные заставы. Второму инспектору в обязанности вменялось управление всеми таможнями и таможенными заставами на Таврическом полуострове и по берегам Азовского моря с таможенным досмотром. Помимо этого, на территории Крымского полуострова действовали также Кагальницкая, Балаклавская и Кинбуринская таможни. Штатное расписание таможням, заставам и таможенному присмотру, разработанное в вышестоящих инстанциях, выглядело следующим образом: в Козловской (Гёзлевской, или Евпаторийской), в Ахтиярской (Севастопольской) и Кефийской (Кефинской, или Феодосийской) таможнях полагалось по 46 чел. служащих в каждой; в Керченской и Еникальской (Еникальской) заставах – по 8 чел. Таможенный «присмотр» предполагал наличие трех надзирателей, объездчиков – 65 чел., таможенный инспектор – один, и при нем состоял один писец (канцелярист) [2, с. 148].

Непосредственный контроль за работой таможенных учреждений осуществляла Таврическая областная казенная палата, созданная в соответствии с распоряжением генерал-губернатора Новороссии князя Г.А. Потемкина в 1787 г. Казенная палата выполняла контроль и над другими нижестоящими организациями – Таврическими соляной, таможенной, винной (занимавшейся сбором податей с винного откупа) и счетной экспедициями, а также ревизской. Таможенной экспедиции, в свою очередь, были подчинены все таможенные учреждения полуострова. Структура и штатное расписание крымских таможен определялись и указом от 27 сентября 1782 г. «Об учреждении особой Таможенной пограничной цепи и стражи для отвращения потаенного провоза товаров».

29 февраля 1784 г. Екатерина II подписала новый указ, где регламентировались правила экспортно-импортных операций для таможен. Данный документ был подготовлен на основании «Проекта доклада о запрещении провоза товаров иностранных чрез пограничные к Польше лежащая таможни», авторство которого принадлежит известному российскому литератору, поэту, философу А.Н. Радищеву (в 1777 г. он поступил на службу в Коммерц-коллегию, а с 1790 г. стал де-факто директором Санкт-Петербургской таможни). Появление этого документа было вызвано тем, что высшие правительственные круги пришли к выводу: «поелику вредным государству тот только пограничный иностранными товарами торг почитается, который доселе существует чрез пределы империи вашей в Европе состоящие, и именно с землями польского королевства сближенные», и поэтому Комиссия о коммерции в первой статье доклада полагала «запрещение к привозу в Россию иностранных товаров чрез одни те пограничные таможни, кои учреждены в Киевском, Могилевском, Полоцком и Екатеринославском наместничествах» [3].

В указе Екатерины II от 29 февраля 1784 г. были подробно перечислены и некоторые категории товаров, предполагаемые для провоза через крымские порты. «Для ободрения торгу на Черном море и для пользы и выгоды подданных наших, – распоряжалась императрица, – до усмотрения дальнейших к тому способов, повелеваем: Первое, всякие Беломорские, Кипрския и Греческие вина, в том числе и Самос именуемое, привозимые к портам нашим на Черном море лежащим, на российских или Турецких кораблях, и на счет российских или турецких подданных, сравнять в пошлинах с Испанскими и Португальскими винами, привозимыми прямо из Испании». В дальнейшем предполагалось брать с них с «оксофта по четыре рубли по пятидесяти копеек российскими деньгами, наблюдая, чтобы о сих винах были положенные по Тарифу свидетельства от российских консулей, а где оных нет, от начальства города, или места, откуда те вина в Россию отправлены». Вторым пунктом регламентировался ввоз флорентийских и итальянских вин, которые предполагалось уравнивать в пошлинах греческими винами [1, л. 5]. Пошлина при этом соответствовала той, что была установлена таможенным тарифом от 17 сентября 1782 г., где в среднем до 2% понижалось обложение импортируемого сырья, а также устанавливалась пошлина в 20% на предметы роскоши, и 30–40% – на товары, производившиеся в России в достаточном количестве. На большинство импортных товаров устанавливалась пошлина в 10%.

Четвертый и пятый пункты указа Екатерины II разъясняли позиции относительно импорта товаров через порты Черного моря (в частности, речь шла о пошлинах на вина из Валахии, которые должны были быть приравнены к пошлинам на греческие и итальянские вина), при этом вновь было сделано уточнение, что эти пункты соответствовали разъяснениям, сделанными в таможенном тарифе 1782 г.

В шестом пункте делалось распоряжение о том, что «родящиеся около Малороссийских и Белорусских Наместничеств в Польских местах товары, а именно – пеньку, лен, мед, воск, вошину, масло конопляное и льняное, воловь и сырые кожи, всякий хлеб, щетины, семя льняное и конопляное, деготь, разную деревянную посуду, лес и прочие потребные деревенским жителям вещи, и всяких зверей пропускать в Россию чрез пограничные таможни и без всяких пошлин». Данное распоряжение было сделано для «выгоды жителей Наместничества Екатеринославского, и для доставления удобнейших средств, таковые припасы и вещи отправлять в пользу торговли морем и дальше» [1, л. 5].

А.Н. Радищевым в «Проекте доклада о запрещении провоза товаров иностранных чрез пограничные к Польше лежащие таможни» разъяснялось, что по-прежнему разрешено привозить в Россию из Венгрии штеермаркские сенокосные косы, с уплатой за них обозначенных в тарифе пошлин; «равным образом, но токмо не далее как до открытия по прежнему свободного к черноморским нашим портам купеческого кораблеплавания, позволяется там же из соседних мест ввоз разных сухих фруктов, яко то изюму, коринки, черносливу, винных ягод, фиников, орехов и прочих тому подобных с пошлиною, какая в тарифе определена» [3].

Впоследствии в заключенных Россией в 1783, 1785, 1786, 1787 гг. торговых договорах с Польшей, Турцией, Австрией, Францией и Королевством Обеих Сицилий объявлялось о снижении на 25% таможенных сборов в черноморских портах, об открытии транзитной торговли с Польшей и т.д.

Таким образом, формирование и деятельность таможенных учреждений в Таврической области на первоначальном этапе их формирования и деятельности были обусловлены принятыми еще в 1720-х гг. законодательными мерами, в соответствии с которыми осуществлялся кадровый набор в реестры таможен. Деятельность таможенных учреждений на Крымском полуострове после его присоединения к России определялась как императорскими указами и внутренними административными распоряжениями, так и сложной внешнеполитической обстановкой, в которой оказалась Россия на исходе XVIII в.

Исследование выполнено при поддержке гранта Российского фонда фундаментальных исследований, проект № 18-09-00480.

1. Государственный архив Республики Крым. Ф. 369. Оп. 1. Д. 1.
2. Кисловский Ю.Г. История таможенного дела и таможенной политики России. – 3-е изд., доп. / Ю.Г. Кисловский / Под общ. ред. А.Е. Жерихова. – М: РУСИНА-ПРЕСС, 2004. – 592 с.
3. Проект доклада о запрещении провоза товаров иностранных чрез пограничные к Польше лежащая таможни // Радищев Александр Николаевич. [Mode of access: http://radiachev.lit-info.ru/radiachev/proza/tamozhnya/proekt-doklada-o-zapreschenii.htm](http://radiachev.lit-info.ru/radiachev/proza/tamozhnya/proekt-doklada-o-zapreschenii.htm) – Date of access: 03.03.2018.

ПРОБЛЕМА ЮЖНОГО СЕПАРАТИЗМА В США В 1850 ГОДУ

Т.В. Алентьева (Курск, Россия)

В США существует примерно 17 официальных партий, выступающих за отделение того или иного штата от союза. Они располагают поддержкой со стороны населения, у них есть состоятельные и влиятельные спонсоры. Периодически, то в одном, то в другом штате по разным причинам зарождаются стихийные движения за отделение [4]. Юридически проблема заключается в том, что в американской конституции нет запрета на отделение. Наиболее активен в проявлениях сепаратизма Техас, штат Одиноким Звездой, который в своей истории был независимой республикой, дважды принимаемой в Союз, в 1845 и 1870 гг. Другим, не менее активным в проявлениях сепаратизма штатом, является Калифорния, также в своей истории побывавшая независимой республикой – Республикой медвежьего флага. Правда, очень недолгий срок – с 14 июня по 9 июля 1846 г. Активисты движения «Yes California» направили генеральному прокурору штата документ о проведении референдума в 2018 г. По аналогии с «брекситом» они называют свое движение Calexit [5].

Как видим, южный сепаратизм не ушел в прошлое, хотя, разумеется, в его основе всегда лежали различные причины. В XIX веке южные штаты, по крайней мере, трижды пытались выйти из Союза, что в конечном итоге привело к кровопролитной Гражданской войне, закончившейся поражением южан и восстановлением единства страны. О том, что раны этой войны так и не затянулись до конца, свидетельствует развернувшаяся в настоящее время кампания по сносу памятников конфедератам, сражавшимся за независимость Юга. Уже демонтировано, по меньшей мере, 60 памятников южанам. И трудно сказать, когда этот процесс остановится.

Южный сепаратизм имеет достаточно глубокие корни, поскольку цивилизационные особенности северных и южных штатов формировались еще в колониальный период. Само принятие конституции 1787 г. было компромиссом, достигнутым в нелегкой дискуссионной борьбе на конституционном конвенте [6, с. 162–163; 7]. Поэтому не удивительно, что южные штаты весь период до Гражданской войны настаивали на своих особенных правах, зачастую угрожая сецессией, т.е. выходом из Союза.

Остановимся лишь на одном эпизоде, когда угрозы сецессии могли воплотиться в жизнь. Эти события получили в истории название Компромисс 1850 г. Сами обстоятельства заключения этого компромисса, достаточно изучены в отечественной американистике [2, 3]. Гораздо меньше внимания уделялось реакции Юга на сложившуюся ситуацию, которая грозила обернуться полномасштабной сецессией.

Новый кризис Союза спровоцировала проблема расширения института рабства на новые территории, захваченные и присоединенные в результате американо-мексиканской войны 1846–1848 гг. Серьезнейшее недовольство Юга вызвала так называемая поправка Д. Уилмота, запрещающая рабство на всех землях, которые будут приобретены у Мексики. Она была отвергнута в нижней палате. 102 – против нее; 97 – «за» [10, р. 1217].

В самом предложении Уилмота Юг увидел страшную угрозу своим интересам. Прежде всего, южан беспокоил баланс сил в Конгрессе, так как наносился удар по их политическому влиянию в Союзе. Поскольку население свободных штатов росло быстрее, чем в южных, увеличивалось число северных представителей в нижней палате Конгресса. Южане также боялись утраты паритета двух секций в Сенате при увеличении количества свободных штатов. Конечно, подобные страхи южан в то время не имели под собой серьезной почвы, представлялись скорее иррациональными, поскольку на момент внесения поправки Уилмота в Союзе было 15 рабовладельческих штатов и 13 свободных. Принятие поправки добавило бы к числу свободных штатов еще 5 (Калифорния, Невада, Юта, Нью-Мексико, Аризона). Перевес, даже если бы свободные штаты голосовали консолидировано (а это было практически нереально из-за партийных разногласий), был все равно незначительным и не составлял 2/3 голосов в Сенате. Что касается нижней Палаты, то здесь соотношение сил определялось скорее не секционными, а партийными различиями. Тем не менее, культивирование различного рода фобий среди южан было на руку политикам Юга, особенно экстремистского толка.

Суть компромисса 1850 г., предложенного вигом Г. Клеем, заключалась в принятии Калифорнии в Союз как свободного штата, и одновременное введение в жизнь нового более сурового закона о беглых рабах. Защитник интересов Юга Дж. Кэлхун посчитал компромисс неприемлемым, рассматривая его как посягательство Севера на права Юга [11, р. 1074–1075]. 4 марта 1850 г. слово взял Джон Кэлхун. Он был уже смертельно болен и не мог говорить, поэтому его речь была зачитана Дж. Мейсоном. В начале речи утверждалось, что Союз находится в опасности. Политическая риторика Кэлхуна основывалась на противопоставлении концепта сильной центральной власти и теории прав штатов. По его мнению, образовались две враждебные друг другу секции: Север и Юг. Когда создавалась Конституция, между ними существовало равновесие, которое теперь разрушено. «И что разрушило его? – говорилось в речи Кэлхуна. – Действие времени? Нет! Законодательство правительства. Сначала последовал ряд действий: Северо-Западный ордонанс 1787 г., Миссурийский компромисс 1820 г., организация свободной территории Оре-

гон, которые отнимали у Юга его долю в общем земельном фонде, принадлежащем всем штатам. Затем были приняты законы о тарифах, которые лишили Юг сотен миллионов долларов и добавили их к богатству Севера. Последней каплей является та система политических мер, предложенных Клеем, которые должны изменить характер Соединенных Штатов как федеративной республики, превратив его в унитарную консолидированную демократию, что даст Северу полный контроль над правительством страны». Кэлхун выступил с позиций южного национализма и отверг компромисс, утверждая, что он нарушает права Юга [12, p. 451–456].

По мнению Кэлхуна, враждебность к Югу была результатом аболиционистской пропаганды, рассматривавшей рабство как ужасный грех, как черное пятно на всей нации, которое американцы были обязаны уничтожить. Кэлхун отметил, что если аболиционизм в 1847 г. поддерживало едва 5% северян, то запрещения распространения рабства требовали более 66%, считавших рабство злом [13, p. 308]. Он предложил прекратить аболиционистскую агитацию и продлить линию Миссурийского компромисса до Тихого океана [18, p. 16–23].

Конгрессмены с Юга были восхищены этой речью. Было отпечатано 750 тыс. экз., чтобы разослать по всему региону. Именно угроза потери южанами политического влияния в Конгрессе США вызвала острые дебаты по вопросу о Калифорнии, которые продолжались в течение восьми месяцев и закончились принятием известного компромисса 1850 г.

На Юге усиливается движение крайних экстремистов, выступавших за сецессию. Лидерами сепаратистов были: экс-губернатор Джорджии Макдональд, политики и журналисты У. Йенси, Р. Ретт и Э. Руффин. На Севере их прозвали «пожирателями огня» [1, с. 47–66]. Именно по их инициативе было решено созвать конвент всех южных штатов в Нэшвилле для выработки совместных решений по вопросу об отношении к компромиссу 1850 г.

Однако в это время на Юге еще сохраняли сильные позиции политики – юнионисты, особенно в пограничных штатах, которые одобряли компромисс и видели в нем основу для достижения общенационального консенсуса. Когда конвент в Нэшвилле все же собрался, он оказался достаточно представительным. На нем присутствовали делегаты от Виргинии, Южной Каролины, Джорджии, Флориды, Алабамы, Миссисипи, Техаса, Арканзаса, Теннесси. 3 июня 1850 г. конвент начал свою работу с того, что экстремисты выдвинули лозунг сецессии всего Юга. Правда, это предложение не ставилось на голосование. Решения, принятые конвентом, были следующими: общие права штатов на западные территории; Конгресс не может запретить любую законную собственность (на рабов) в территориях; продолжение линии Миссурийского компромисса к Тихому океану; заявление о законности рабства на всей территории Соединенных Штатов согласно Конституции. Адрес, принятый членами конвента, осудил компромисс, в нем выражалось мнение, что из-за противоречивости интересов двух секций раскол страны рано или поздно все равно произойдет [8].

Решения Нэшвилльского конвента воспринималось южанами по-разному: одними – как страшная угроза Союзу, другими – как нечто несерьезное. Политические лидеры демократов в «хлопковых штатах» отклоняли компромисс и настойчиво призывали к сецессии. Они прибегли к уже опробованному в годы Войны за независимость формам сопротивления. Южане формировали ассоциации по бойкоту северных товаров. Фирмы, замеченные в сочувствии аболиционистам или фрисойлерам, подвергались бойкоту. Южная пресса была заполнена статьями, весьма резкими и решительными по тону. Вот выдержки из различных южных газет. «Мы рекомендуем это (т.е. бойкот), как конституционное, миролюбивое и безопасное средство». «Проблема, которая стоит сейчас перед нами: подчинение или сопротивление. Это теперь единственная альтернатива. Мы не будем смущаться выбором последнего». «Мы верим в право на сецессию. Мы полагаем, что последние компромиссные меры оправдывают любой рабовладельческий штат, если он захочет выйти из Союза. И мы полагаем, что долг каждого такого штата – отделиться от Союза как можно скорее». «Мы искренне говорим, насколько мы обеспокоены. Мы презираем Союз, ненавидим Север и готовы спровести северян прямо в ад» [14, 15, 19].

Несколько иной была позиция южан в пограничных штатах, более тесно связанных своими экономическими интересами с Севером. Они не были заинтересованы в бойкоте северных фирм и отказывались подвергать опасности свое положение, поддерживая импульсивные политические планы экстремистов [16, p. 58].

Наиболее сильные настроения в пользу раскола сохранялись в Южной Каролине. Когда легислатура штата собралась в начале 1850 г., сразу последовали предложения о выходе из Союза. Затем делегаты предложили созвать специальный южный конвент, чтобы выработать конституцию для независимой Южной конфедерации. Он начал свою работу в мае 1851 г. [9]. Главной проблемой, обсуждаемой на конвенте, стал выход штата из Союза. Журнал «Southern Quarterly Review» писал: «Сепаратная сецессия! Ужас охватывает при этой мысли... Но мы не любим Союз и не страшимся его разрушения» [17, p. 298–299]. Инициатива Южной Каролины не была поддержана другими штатами, хотя экстремистские течения заявили о себе довольно активно в целом ряде штатов.

Усилия южных экстремистов не дали желаемого для них результата, вторая сессия Нэшвилльского конвента не имела особого успеха. В большинстве южных штатов возобладали юнионистские настрое-

ния. Сепаратистам не удалось склонить общественное мнение южан на свою сторону. Тем не менее, это была уже не первая массированная атака с целью добиться отделения Юга и создания независимой Конфедерации.

Исследование выполнено за счет гранта Российского фонда фундаментальных исследований (проект № 18-09-00166 А).

1. Алентьева Т.В. Роль «пожирателей огня» в сепаратистском движении в 1860–1861 годах // Americana. Вып. 13. – Волгоград: ВолГУ, 2012. – с. 47–66.
2. Алентьева Т.В. Роль общественного мнения в канун Гражданской войны в США (1850–1861 гг.). – Курск: Изд-во Курск. гос. ун-та, 2008. – 235 с.
3. Осипов Н.И. «Великие дебаты» в Сенате США и юнионистское движение 1850 года // Конфликт и консенсус в американском обществе: теория и практика. – М: МАКС Пресс, 2004. – с. 82–95.
4. Сепаратизм в США. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://rusplt.ru/world/geyataka-iz-belogo-doma-17734.html> – Дата обращения: 1.02.2018.
5. США – латиноамериканский сепаратизм [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://topwar.ru/113779-ssha-latinoamerikanskiy-separatizm.html> –Дата обращения: 1.02.2018.
6. Филимонова М.А. Александр Гамильтон и создание конституции США. – М.: ИВИ РАН, 2004. – 264 с.
7. Филимонова М.А. Ранний аболиционизм в Америке во взглядах «отцов-основателей» // Новая и новейшая история. – 2012. – № 4. – с. 95–107.
8. Charleston Mercury. – June 15, 17, 20. – 1850.
9. Charleston Mercury. – May 6, 7. – 1851.
10. Cong. Globe. 29th Congress. 1st Session.
11. Cong. Globe. 30th Congress. 1st Session.
12. Cong. Globe. 31st Congress. 1st Session.
13. Foner E. Free Soil, Free Labor, Free Men: the Ideology of the Republican Party before the Civil War. – Oxford: Oxford University Press, 1995. – 400 p.
14. Montgomery Advertiser. – Sept. 30. – 1850.
15. Natchez Free Trader. – Sept. 25. – 1850.
16. Potter D.M. The Impending Crisis. America before the Civil War, 1848–1861. – N.Y.: Harper & Row, 1976. – 638 p.
17. Southern Quarterly Review. Vol. 4. – № 8. – Oct. 1851. – p. 298–299.
18. The Annals of America: in 22 vols. / ed. by M.J. Adler, etc. – L.: Encyclopaedia Britannica, 1976. – vol. VIII. – p. 16–23.
19. Washington Republic. – Oct. 7. – 1850.

ПРИНЦИПЫ РАЗВЕРСТКИ ЗЕМЛИ В ОБЩИНАХ СЕВЕРО-ЗАПАДА РОССИИ ПОРЕФОРМЕННОГО ВРЕМЕНИ КАК ПОКАЗАТЕЛЬ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ ТРАНСФОРМАЦИЙ

Н.П. Никитина (Псков, Россия)

Интерес к истории реформ 1860-70-х гг. в России вновь возрос в контексте изучения их значения для процесса модернизации[6]. Историков интересуют такие аспекты как причины реформ, особенности их реализации как в стране в целом, так и отдельных регионах, соотношение традиции и модернизации в пореформенный период. К началу реформ 1860-70-х гг. Российская империя представляла собой аграрную страну с серьезным влиянием общинных традиций, которые законодательно были закреплены в ходе отмены крепостного права. В этом, несомненно, проявилась одна из особенностей российской имперской модернизации. Несмотря на консервацию общинных начал со стороны правительства, подчас в угоду политическим соображениям, данный институт внутри себя претерпевал существенные трансформации, которые к началу Столыпинской реформы становятся все более очевидными. В данной работе внимание будет уделено одному из аспектов этого процесса: изменениям в принципах разверстки земли.

Главной составляющей общинной жизни являлся принцип уравнительного землепользования, который реализовывался через систему переделов земли. Земельный передел имел целью ликвидировать с течением времени неравенство, возникшего в результате пользования общинной землей в условиях меняющейся демографической ситуации. Естественно, что это практически не удавалось, но община стремилась к реализации принципа «справедливости» в пользовании землей. Переделы земли могли быть как частными, так и коренными. Меняющиеся принципы разверстки земли в ходе последнего представляют особый интерес.

В соответствии с законом от 8 июня 1893 г. «...переделы крестьянской земли были вверены «особому попечению» земских начальников»[2, с. 100]. Одновременно этим законом была ограничена свобода общины в определении времени переделов. Теперь минимальный срок между переделами должен был составлять 12 лет. В промежутках между коренными переделами имели место частные переделы земли, именовавшиеся «переворотками». Он затрагивал лишь часть угодий и отдельных домохозяев. Если причина коренных переделов чаще базировалась в сфере демографических изменений в общине. То «переворотки» были связаны с экономическим положением отдельных домохозяйств (нехваткой физических сил и ресурсов для обработки земли) и как следствие с необходимостью выплаты различного рода повинностей, лежащих на наделе (напомним, что за выплату налогов община отвечала принципом круговой

поруки). Распространение отходничества подчас приводило к тому обстоятельству, что крестьянская семья не обрабатывал какой-то из наделов. Община же довольно жестко контролировала вопрос пользования землей. В условиях «земельного голода» заброшенные участки были не приемлемы и как следствие изымались от одного общинника и передавались другому, что естественно сопровождалось и изменением налоговой нагрузки.

В приговорах сельских сходов о переделе земли фигурирует понятие «душевой надел». Термин «душа» в данном случае использовался не как синоним человека. Такое понятие возникло при проведении реформы 1861 г. в жизнь. Крестьяне получили землю в соответствии с количеством душ мужского пола, учтенных по последней ревизии 1858 года. Эти окладные души стали основой разверстки земли и, соответственно, платежей. При разверстке в расчет принимались только души мужского пола, т.к. они облагались подушной податью и отбывали воинскую повинность. Таким образом, в сознании крестьян право на землю было связано с отбыванием различного рода повинностей и уплаты платежей. Поскольку женщины повинностей не отбывали и подать не платили, то их не брали в расчет при разверстке земли. Следовательно, разверстку земли осуществляли по душам, имея в виду участок земли для лиц мужского пола, которые отбывали повинности и платили подушную подать.

Принципов разверстки земли было достаточно много, но все их можно разделить на две большие группы: производительная и потребительская. При производительной разверстке земля распределялась между домохозяйствами на основе их рабочего состава или «тягловой мощи», т.е. учитывая способность двора к обработке земли. При потребительской разверстке учитывалась прежде всего потребность домохозяйства в земле для обеспечения жизнедеятельности всех ее членов.

В ходе первой волны коренных переделов 1861-1863 гг. Использовался принцип разверстки по ревизским душам, который на наш взгляд относился к производительной группе. Практика таких переделов была распространена у государственных крестьян и была приурочена к очередной ревизии. В первое пореформенное десятилетие состав каждой крестьянской семьи приблизительно соответствовал ревизскому. Поэтому распределение общинной земли между членами соответствовало действительности. Последняя ревизия имела место в 1858-1859 гг. С течением времени число ревизских душ, естественным образом уменьшалось, а новой ревизии не было. В результате земля оказалась в руках тех членов домохозяйств, которые родились позже. Это обусловило появление такого принципа разверстки, как разверстка по живым ревизским душам. Ее суть заключалась в том, что после смерти части ревизских душ их земельные участки переделывались среди оставшихся в живых ревизских душ. Еще более экономически обоснованной являлась разверстка по наличным ревизским душам, когда землей наделялись не просто «живые души», а те которые способны были обрабатывать землю.

Естественным образом количество ревизских душ уменьшалось и как следствие, разверстку стали проводить по тяглам. Но при этом при выделении наделов, крестьяне по-прежнему использовали термин «душевой надел». Понятие тягла может трактоваться достаточно широко, что было отмечено и в «Трудах Редакционной комиссии по пересмотру законоположений о крестьянах»: «В одних местностях за одно тягло принимается работоспособная супружеская чета, в других – один взрослый работник; бывает и так, что в состав одного тягла входят два работника и две работницы»[8, с. 180]. Разверстка земли по работникам совпадала с разверсткой по тяглам. Иногда такой принцип разверстки назывался разверстка по рабочей силе семей. Он не был обусловлен принципом хозяйственной справедливости. Такая разверстка проводилась «...в интересах более успешного поступления всех платежей и повинностей, которые именно связаны с владением землей и за исправное поступление которых отвечает целая община»[4, с. 58].

Вторая группа видов развертки земли – потребительская – рассматривалась некоторыми исследователями общины, в их числе В.Украинским, как «высшая форма земельной уравнительности»[9, с. 40]. Учет потребительской нормы для существования домохозяйства более значим, чем разверстка, зависящая от податного обложения. Один из принципов потребительской разверстки: разверстка по наличным душам мужского пола. При этой разверстке земля распределяется между мужчинами работоспособного возраста: «Рабочий возраст обыкновенно считается с 18 до 60 лет...»[3, с. 296]. Но при этом учитывалось количество детей мужского пола в семье, их возраст и возможность вскоре создать семью, а так же и то, что кто-то из мужчин должен вскоре отправлять воинскую повинность.

Другой вид потребительской разверстки – это распределение земли по едокам. При этом землю получали лица как мужского так и женского пола. В ряде приговоров встречаются такие названия разверстки как «по нужде», «по семейственности» и т.д. На практике крестьяне старались учитывать рабочую силу двора и его потребность при разверстке земли. Таким образом, производительная и потребительная разверстки на практике были близки друг к другу. Хотя в местностях, где повинности, лежащие на земле, превышали ее доходность, распространена была производительная разверстка, а там, где доходность земли превышала ее обложение – потребительская.

В «Трудах Редакционной комиссии по пересмотру законоположений о крестьянах» выделяются следующие виды разверстки земли, которые практиковались в общинах Северо-Запада: по ревизским душам, по тяглам, по работникам, по наличным душам мужского пола и по едокам. Отмечалось, что раз-

верстка по ревизским душам преобладала в Псковской губернии, по тяглам – в Новгородской губернии и была распространена в Санкт-Петербургской; по работникам разверстка преобладала в Новгородской и была распространена в Санкт-Петербургской; по наличным душам мужского пола – распространена в Псковской губернии, а по едокам преобладала лишь в трех уездах Псковской и одном уезде Новгородской губернии[8, с. 173, 181-182, 184-185]. Термин «преобладание» предусматривал представительство в сведениях более $\frac{1}{2}$ всех общин, «распространенность» – от $\frac{1}{2}$ до $\frac{1}{4}$ всех общин[7, с.76]. Эти данные совпадают с материалом, представленным в «Статистическом очерке крестьянского землевладения и землепользования в Европейской России», относящимся к более раннему периоду – 1893 году.

То, что в губерниях Северо-Запада практиковались и преобладали различные способы разверстки, объясняется географически-экономическими особенностями каждой губернии. Санкт-Петербургская губерния являлась пристольной и конъюнктура сельского хозяйства была более рыночной. В данной губернии имела самая большая возможность для отхожих заработков, что приносило крестьянам хороший доход. Это, естественно, несколько уменьшало заинтересованность крестьян в сельскохозяйственном производстве, что и отразилось в распространенности разверстки земли по ревизским душам и работникам. Отличительной особенностью Новгородской губернии являлось развитие кустарных промыслов, что так же сказывалось на доходности хозяйства и определило принципа разверстки по работникам и тяглам. Псковская губерния отличалась тем, что из всех Северо-Западных губерний больший доход ей приносило сельское хозяйство, в частности – возделывание льна. Это отразилось и на формах разверстки – преобладала разверстка по ревизским душам и наличным душам мужского пола.

В Глажевской волости Санкт-Петербургской губернии по данным на 1885 год практиковалась разверстка земли последующим принципам: «... кто сколько может «утянуть» земли, тот столько и пашет; у кого больше скота, тот и земли больше держит; кто больше может оплатить земли, не того больше и наваливают; напротив, у кого нет скота, кто не в состоянии платить повинностей, у того отбирают землю» [5, с. 69].

По данным полученным по результатам анкетирования крестьян в 1908 году Вольным экономическим обществом общины Северо-Запада России практиковали до 12 видов разверстки земли[1]. Среди них такие принципы как по зажиточности двора; по усмотрению общества, кто может уплачивать бездомно повинности; по большинству голосов; а так же по принципам, кто сколько мог обработать, и кто чем раньше владел. Эти данные еще раз подтверждают, что система разверстки земли на практике была более гибкой, чем это отражали официальные статистические исследования. Результаты анкетирования свидетельствуют о распространенности разверстки земли по ревизским душам в Санкт-Петербургской губернии (61,5% - из обследованных общин). В Новгородской губернии данный тип разверстки использовали лишь 28,8 % общин. Другим довольно распространенным видом разверстки был передел земли по едокам: 11,5% в Санкт-Петербургской губернии и 19,2% в Новгородской. В ряде общин право на надел начинают получать и женщины.

Таким образом, к началу XX в. социально-экономическая ситуация в деревне Северо-Запада России значительно меняется. Усиливаются позиции женщин, молодежи в процессе организации сельскохозяйственного производства, когда мужчины отправлялись на сезонные заработки в город, и особенно в условиях военного времени, когда вся тяжесть обеспечения крестьянского двора ложилась на плечи женщин. Роль земледельческих заработков снижается, а ценность земли остается высокой, в следствии, ее нехватки и того, что за нее уже внесены выкупные платежи. Отражением этих процессов и является изменение принципов разверстки земли.

1. Российский Государственный исторический архив (РГИА). - Ф. 91. Оп. 2. Д. 818, 822
2. Дружинин Н.М. русская деревня на переломе 1861- 1880 гг. – Москва: Наука, 1978. – 285 с.
3. Итоги экономического исследования России по данным земской статистики. Т.1. – Москва: (Б/И), 1892. – 600 с.
4. Материалы по статистике народного хозяйства в С.-Петербургской губернии. Вып. IV. Крестьянское хозяйство в Гдовском уезде. – Санкт-Петербург: Тип. Трения и Фюсно, 1886. – 425 с.
5. Материалы по статистике народного хозяйства в С.-Петербургской губернии. Вып. VIII. Крестьянское хозяйство в Новолодожском уезде. – Санкт-Петербург: Тип. Трения и Фюсно, 1886. – 328 с.
6. Реформы в России с древнейших времен до конца XX в.: в 4 т. Т.3 – М.: Политическая энциклопедия, 2016 – 765 с.
7. Статистический очерк крестьянского землевладения и землепользования в Европейской России / Сост. Д.П. Семенов. – Санкт-Петербург: Тип. Министерства Внутренних Дел, 1904. – 108 с. (Приложения)
8. Труды Редакционной комиссии по пересмотру законоположений о крестьянах. Т. 5. Проект положения о наделных землях с объяснениями. – Санкт-Петербург: Тип. Министерства Внутренних Дел, 1904. – 557 с.
9. Украинский В. Крестьянская община и аграрная реформа. - Москва: (Б/И), 1907. – 117 с.

К ВОПРОСУ О МАТЕРИАЛЬНОМ ПОЛОЖЕНИИ И ИСТОЧНИКАХ ДОХОДА ДВОРЯН, ПРОЖИВАЮЩИХ В ГОРОДАХ ПСКОВСКОЙ ГУБЕРНИИ В ПОРЕФОРМЕННЫЙ ПЕРИОД

Н.М. Медведева (Псков, Россия)

В Псковской губернии располагались восемь городов: губернский Псков и уездные: Великие Луки, Остров, Опочка, Порхов, Новоржев, Торопец и Холм. Также, как по всей Российской империи, в 1860-1890-е гг. здесь шел процесс увеличения численности городского населения: если в 1857 г. оно составляло 43,5 тысяч человек, то в 1897 г. – 72,5 тысячи. Несмотря на это, доля городского населения оставалась мала (6,5%). Численность представителей самого привилегированного по своим правам сословия, дворянства, проживающего в городах, также выросла в этот период с 2471 до 6174 человек, причем в большей степени благодаря потомственному (табл.) [9].

Таблица

сословия	Города		Уезды без городов	
	1857 г.	1897 г.	1857 г.	1897 г.
Дворянство потомственное и личное	2471	6174	2751	3216
Дворянство потомственное	686	3691	2567	2590
Дворянство личное и чиновничество	1785	2934	184	736

Дворянское сословие Российской империи было неоднородно по своему составу. Кроме групп потомственного и личного дворянства, которые имели различный социальный статус, существовали шесть разрядов потомственного дворянства, отличающиеся способами и давностью его приобретения [10]. Однако не это было причиной имущественной дифференциации внутри дворянского сословия. Наряду с землевладельческим дворянством во второй половине XIX в. существовали другие его категории [12, С. 8-12, 44-45]. Городское дворянство, владевшее собственностью в городах, было занято на службе, в том числе городской и профессиональной, жило доходами от имущества и капиталов, поэтому внутреннее имущественное неравенство было для него типичным явлением. Служилое дворянство, не владевшее недвижимым имуществом, представляло собой категорию, полностью зависящую от жалования. Существовали также дворяне, сохранившие свое звание, но не имевшие земли и службы, вынужденные работать наравне с непривилегированными сословиями, или жить за счет пособий и помощи от благотворительных обществ.

Основой материального благосостояния дворянства являлось землевладение, государственная служба и другие источники дохода. Рубежом, от которого отсчитывалось новое время для российского дворянства, стал год 1861, после которого его экономическое состояние начало ослабевать. Обеднение было связано с упадком дворянского землевладения. В первую очередь это должно было коснуться мелкопоместного дворянства. В Европейской России по сведениям на 1877-1878 гг. мелкопоместных дворян, владеющих имениями площадью менее чем 100 десятин, насчитывалось 47,5% от общей численности дворян-землевладельцев. Обладатели владениями размером от 100 до 500 десятин земли составляли 12%. В Европейской России большую часть землевладельцев дворянского сословия составляли мелкопоместные владельцы [7, с. 258].

Псковская губерния входила в Приозерную область, которая наряду с лесной частью Центральной России обладала показателями по численности дворян-землевладельцев, близкими к усредненным. В указанные годы из общей численности дворян-землевладельцев – 2190 человек – владели имениями площадью от 100 до 500 десятин 852 человека (39%). Однако, губерния не являлась среднепоместной по доходности земель, так как ее качество и климатическое расположение не позволяют сделать такие выводы.

Рассмотрев сведения о количестве земли потомственных дворян Псковского уезда в 1865 г., разделив их на категории мелкопоместных (до 500 десятин), среднепоместных (от 500 до 1000 десятин) и крупнопоместных, владевших более чем 1000 десятин земли, получаем следующие выводы. Из 182 дворян-землевладельцев, мелкопоместные дворяне составляли численное большинство (116 человек, 68%), но владели только 21% земель. Средний размер имений в категории владельцев до 100 десятин земли составлял только 48 десятин, а в категории от 100 до 500 десятин – 272 десятины [3, л. 5-15]. В эти группы входили совсем небольшие владения, например, коллежского советника А.И. Крюковича в 12 десятин и жены коллежского асессора Е.И. Мягковой в 14 десятин земли [3, л. 8, 10].

Более крупные владельцы, имения которых находились в пределах 500 – 1000 десятин земли, составляли 15% численности дворян-землевладельцев и обладали 17% земель. Среднее имение этой категории владельцев составляло 715 десятин. Примерно равную долю по численности представляли собой крупнопоместные дворяне – 27 человек, то есть 16% землевладельцев уезда, они были собственниками более чем половины дворянской земли. Средние имения здесь составляли около 2000 десятин. Среди крупнопоместных дворян Псковского уезда значились титулярный советник А.А. Валуев (3643 дес.), княжна О.М. Дондукова-Корсакова (1329 дес.), действительный статский советник Ф.В. Шаховской (1422 дес.) и генерал от артиллерии, барон Н.В. Медем (2041 дес.).

Одним из крупных помещиков был действительный статский советник барон Александр Борисович Фон-Фитингоф-Шель, он занимал должность губернского предводителя дворянства. Его имение составляло 9427 десятин 2220 сажень. К 1865 г. от него в пользу крестьян поступило 2816 десятин земли. По данным на 1877 г. барону принадлежало только 1027 десятин 402 сажени земли в Псковском уезде [3, л. 13, 23].

Из 182 дворян-землевладельцев Псковского уезда уже к 1865 году у 13 не осталось собственной земли, которая поступила во владение крестьян (853 дес.). Через двенадцать лет, к 1877 году, еще 66 дворян и их наследники лишились своих имений. Из них только двое – отставной поручик И.В. Алексеев и жена надворного советника Е. Виноградова – имели дома в городе Пскове стоимостью 2000 и 600 рублей соответственно. Перераспределение земельной собственности было одним из явлений пореформенного периода. Дворянство Псковской губернии к 1877 г., через 17 лет после отмены крепостного права, сохранило за собой только 66,5% дореформенных земель. Это было немного больше, чем в соседней Новгородской губернии (63,8%), но меньше, чем в Санкт-Петербургской (76,2%) [7, с. 267].

Данные поземельного обследования за 1887 г. показывают, что только за десятилетие, прошедшее с 1877 г. доля частного дворянского землевладения снизилась с 66,5 до 51,6 %. Дворянство теряло земли в пользу других сословий – купцов и мещан, в большей степени – крестьян. Средний размер дворянских владений уменьшился с 556 до 472 десятин, однако, по сравнению с землевладельцами других сословий эти показатели оставались наибольшими [6, с. 12-13]. В числе причин подобного положения современники выделяли временную панику и неподготовленность части земельных собственников к новым условиям хозяйствования, а также постоянное разделение имений между наследниками и непрестижность занятия хозяйством для молодого поколения дворян [7, с. 272-275]. Действительно, из причин, которые вели к обеднению дворянства в новых правовых и экономических условиях, не следует исключать этический фактор, то есть восприятие представителями дворянского сословия предпринимательства, приносящего доход: "Деятельность по винным откупам считалась в то время несовместною с дворянским достоинством, и дворянин, бывший откупщиком, имел мало шансов на избрание его в какую-либо почетную должность" [11, с. 26].

Таким образом, экономические позиции дворянства в уездах повлияли на переселение части его представителей в города. "Будучи все еще передовым сословием по своей образованности, оно (*дворянство*) бросилось из деревни в города, и главным своим занятием поставило государственную службу" [11, с. 55]. Уже в начале 1860-х гг., то есть непосредственно после отмены крепостного права, численность дворян в городах Псковской губернии увеличилась более чем в полтора раза, в основном за счет потомственных дворян.

Несмотря на трудности, с которыми столкнулись дворяне в пореформенный период, многие из них имели средства для обеспечения своих семейств в уездах. Примером этого было устройство торгово-промышленных заведений. В Новоржевском уезде на 1874 г. числилось 15 фабрик и заводов, в том числе действительному статскому советнику Леониду Алексеевичу Львову принадлежали два винокуренных, пивомедоваренный и водочный заводы, оптовый склад вина и два питейных заведения, а один из его винокуренных заводов в селе Алтун оценивался на 1880 г. в 3000 руб. В то же время, винокуренный завод статского советника Ивана Карловича Фон-Мейера в селе Бардово того же уезда стоил 7000 руб. [2, л. 46; 4, л. 11].

Содержание промышленно-торговых заведений не было редкостью для псковского дворянства второй половины XIX в. В Великолукском уезде таковых дворян и дворянок насчитывалось около пятидесяти человек. Интересны виды предприятий, приносящих дворянам доходы, среди них значились: 37 питейных заведений, которые вместе с мелочными лавками при них оценивались в 19813 руб.; 6 винокуренных заводов ценностью 23210 руб., принадлежащих Е.С. и А.И. Семевским, А.П. Корвин-Круковскому, А.И. Мармылеву и И.Н. Валуевой; 14 водяных и ветряных мельниц, ценностью 5897 руб.; три синильных заведения, принадлежащих Г.П. и А.И. Кастюриным, ценность которых со складом составляла 2635 руб. [4, лл. 6, 8].

Часть дворян губернии владела недвижимостью как в уезде, так и в городе. Совмещая различные источники дохода, дворяне имели больше возможностей обеспечения своих семейств. Так, в 1877 г. из 190 дворян, имеющих земли в Псковском уезде, владели домами в городе Пскове 29 дворян. Они составляли четверть дворян, имевших недвижимость в губернском центре. Некоторым из них дома приносили немалый доход. Например, городская недвижимость помещика П.А. Кругликова, имевшего 380 дес. земли в уезде, оценивалась в 18000 руб. и приносила владельцу 720 руб. дохода.

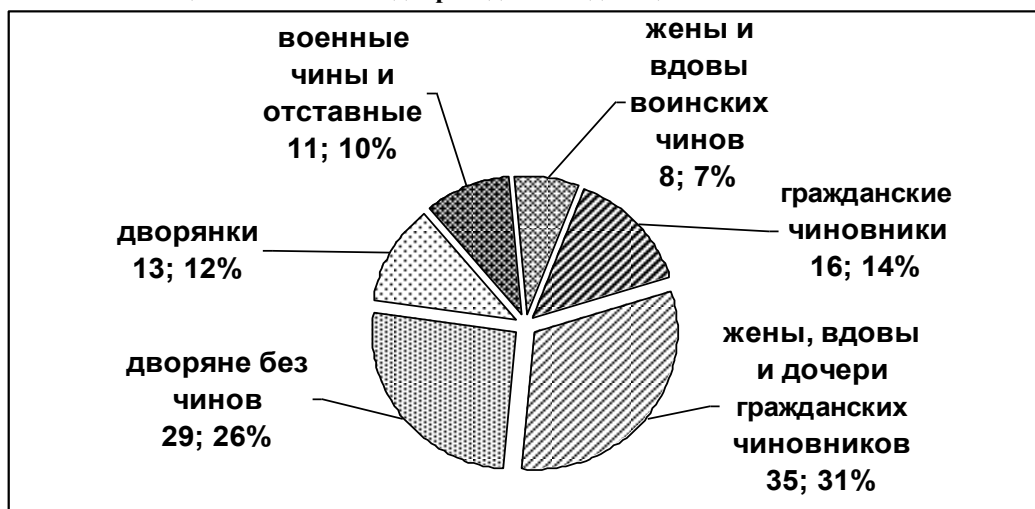
Всем 112 псковским дворянам-домовладельцам принадлежала недвижимость общей стоимостью 262450 руб., которая приносила ежегодный доход 9484 руб. Дворянки и дворяне владели равным количеством домов в Пскове, их социальный состав представлен в диаграмме [3, лл. 16-32].

Семьи военных чинов владели в Пскове 19 домами. Среди них были и малообеспеченные дворяне, и высокие чины с хорошим достатком. Например, дом стоимостью 600 руб. дочери поручика Екатерины Лошаковой приносил ей 24 руб. дохода. Другим примером являлись дома высоких воинских чинов: генерал-майора Николая Николаевича Вохина, недвижимость которого стоила 4000 руб. и приносила 160 руб. дохода, полковника Василия Андреевича Дерюгина (5500 и 220 руб.) и гвардии полковника Модеста Дмитриевича Карамышева (2000 руб. и 8 руб. 40 коп.). Как видно, доходность домов не всегда соответ-

ствовала их стоимости, что говорит о существовании в среде дворянства как неодинаковой возможности для получения доходов, так и различных потребностях при сходных условиях.

Диаграмма

Социальный состав дворян-домовладельцев г. Пскова в 1877 г.

Владение собственностью в городе было типичным явлением, в том числе, и для дворян, не имеющих чинов. В Пскове таких дворян было 42 человека, мужчины среди них составляли большинство. Среди них были как более состоятельные, например, В.И. Подашевский, дом которого, оцененный в 3000 руб., приносил 120 руб. дохода, так и менее обеспеченные дворяне, такие как Н.В. Глаголев, имеющих дом стоимостью 200 руб., приносящий 8 руб. дохода. Тем не менее, дворян, владевших городской недвижимостью, есть основание причислять в некоторой степени к состоятельным гражданам, имеющим возможность себя обеспечить.

Большой долей домов в Пскове (47%), среди дворян, владели чиновники гражданского ведомства, причем женские владения в этой категории превосходили мужские по численности. Среди них значились вдова надворного советника Жозефина Клементьевна Раковская (3000 руб. стоимость недвижимости и 120 руб. доход) и титулярная советница Ольга Львовна Пехотинская (230 руб. и 9 руб. 60 коп.), надворный советник Оттон Гиргенсон (3000 и 120 руб.) и коллежский ассессор Густав Иванович Зоргенфрей (2000 и 180 руб.).

Вопрос о службе для дворян решался в пореформенный период неоднозначно. С одной стороны, оно "до реформ шестидесятых годов выносило ... на своих плечах всю уездную и общественную, а отчасти и губернскую службу" [11, с. 27] и оставалось естественным источником пополнения административных кадров, а с другой стороны, с расширением возможности получения образования и допуска других сословий в эту сферу деятельности, дворянство теряло монополию управленческого сословия. "Дворянство, когда-то уклонявшееся от службы, к концу века нищая и разоряясь, возвращается на казенные хлеба" [13, с. 125]. Одним из примеров теснения дворянства в службе по управлению и суду, был приток на нее лиц других сословий, тогда как в дореформенное время она была прерогативой дворянства. Однако, начиная с IX гражданского чина (титулярного советника) государственные служащие приобретали личное, а с IV чина (действительного статского советника) потомственное дворянство, становясь, таким образом, частью этого сословия. Высшие чины занимали либо дворяне по рождению, либо дослужившиеся до него выходцы из других сословий, поэтому любую должность с высоким жалованием занимал дворянин.

В Псковской губернии на 1874 г. среди 602 государственных служащих, занимавших классные должности с содержанием от правительства, 396 человек принадлежали дворянскому сословию: 312 – потомственному и 84 – личному [8, с. 164-165]. То есть дворяне составляли более половины гражданских служащих (66%). Наиболее многочисленными в губернии являлись должности IX и VIII классов – титулярного советника и коллежского ассессора.

Несмотря на то, что службу считали "особой формой социального обеспечения, пожизненной рентой, на которую дает право школьный диплом" [13, с. 125], некоторые чиновники имели также торговые предприятия и различного рода заведения, такие как фотография титулярного советника Антона Гавриловича Виткевича, которую он открыл в Порхове на основании полученного билета второй гильдии [1, лл. 33об., 34].

Если службу и можно считать надежным и постоянным источником обеспечения, то с потерей кормильца дворянское семейство вполне могло впасть в нищету. В этом случае потомственное дворянство

имело возможность получить поддержку своего сословия. Однако, "в виду недостаточности средств" на эту помощь не всегда можно было рассчитывать. Например, со смертью в 1897 г. надворного советника Алексея Ивановича Беляева, который имел 25-летний стаж гражданской службы, занимал должности письмоводителя Торопецкой дворянской опеки и канцелярии Торопецкого предводителя дворянства, три его престарелые сестры остались без средств к существованию. Торопецкое уездное дворянское собрание ходатайствовало перед губернским собранием о предоставлении им ежегодного пособия, но прошение было отклонено по вышеназванной причине [5, лл. 143-145].

Оставление дворянских вдов "в крайней бедности и болезненном состоянии" без помощи и пособия со стороны дворянской организации было не редким явлением. Одним из поводов отклонения их прошений было отсутствие записи о них в дворянской родословной книге [5, лл. 129-140]. Некоторые дворяне в пореформенный период доходили до крайней степени нужды, не имея ни собственности, ни источников к существованию.

В пореформенный период дворяне, проживающие в городах Псковской губернии, имели различные источники дохода: земли в уездах, различные торгово-промышленные заведения, недвижимую городскую собственность, содержание от должностей. В это время стало очевидным имущественное расслоение дворянства – наряду с крупно и среднепоместными дворянами, имевшими торгово-промышленные предприятия и недвижимость в городах, существовал широкий слой чиновников средних и нижних классов, семьи которых стояли на грани бедности в случае смерти кормильца.

1. Государственный архив Псковской области (Далее: ГАПО). Ф. 205. Оп. 1. Д. 10.
2. ГАПО. Ф. 366. Оп. 1. Д. 867.
3. ГАПО. Ф. 366. Оп. 1. Д. 895.
4. ГАПО. Ф. 366. Оп. 1. Д. 913.
5. ГАПО. Ф. 366. Оп. 1. Д. 945.
6. Главнейшие данные поземельной статистики по обследованию 1887 года. Вып. XXXIV. Псковская губерния. СПб., 1893.
7. Дворянство в России. Исторический и общественный очерк / Ш. // Вестник Европы. 1887. Т. 124. Книга 3.
8. Памятная книжка Псковской губернии на 1876 год / Под ред. И.И. Василева. Псков, 1876.
9. Подсчитано по: Памятная книжка на 1858 год. Псков, 1858. С. 32-39; Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. Т. 34. Псковская губерния. Санкт-Петербург. Центральный Статистический комитет. Тетрадь 1. 1902. С. 1, 8-11.
10. Свод законов Российской империи. Т. IX. Законы о состояниях. СПб.: Тип. Второго Отд. СЕИВК, 1876. Ст. 16, 17.
11. Семенов, Н.П. Наше дворянство. СПб., 1899.
12. Современные дворянские вопросы. СПб., 1897.
13. Шепелев, Л.Е. Чиновный мир России XVIII - начала XX в. СПб., 2001.

ВКЛАД ХАРЬКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА В ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ОБРАЗОВАНИЕ ВОСТОЧНОЙ УКРАИНЫ (XIX – НАЧАЛО XX В.)

О.Г. Павлова (Харьков, Украина)

История становления и развития художественного образования в XIX – начале XX веков на украинских землях Российской империи связана со становлением университетского образования. Анализируя роль классических университетов в формировании традиции художественного образования, мы можем рассмотреть опыт формирования художественной культуры на материалах Харьковского университета.

Следует отметить, что период XIX – начало XX веков, активно изучался современными исследователями. Необходимо указать на работы таких исследователей, как Л. Д. Соколюк [12], А. С. Пивненко [10], С. И. Побожия [11], Н. Аверьянова [1] и др.

Однако, эти изыскания ещё не были обобщены и больше касаются искусствоведческого направления в системе университетского образования. Что касается начального этапа деятельности университета, то становление художественно-искусствоведческого направления в нём, в первую очередь было вызвано потребностью студентов в эстетическом образовании. Именно это побудило В. Н. Каразина (1773–1842), инициатора открытия классического университета в столице Слободской Украины – городе Харькове, предпринять меры по обеспечению такого рода занятий путём приобретения коллекции Ф. Аделунга (1768–1843). К тому же, проблемам художественного образования отводилась определенная часть в формировании учебных программ и структуры университетов, что отразилось как в уставных документах, так и в организации их практической деятельности.

При обсуждении перспектив развития высшего образования, и в частности Харьковского университета, речь шла не только об организации кафедры и введении специальных курсов по истории искусств, но и открытии при университете академии искусств [3, с. 8]. Учитывая, что искусствоведение в отечественном научном знании было недостаточно развито, университет не имел реальной возможности в первые годы существования реализовать задачу организации художественно-искусствоведческого образования, а соответственно открыть специальную кафедру, ввести в учебный процесс соответствующие курсы и программы, создать необходимую учебную базу, а также обеспечить реализацию художественно-искусствоведческого направления в культурно-образовательной деятельности преподавателей.

С другой стороны, общество нуждалось в профессиональной организации художественного образования, общее состояние которого находилось на низком уровне: практически отсутствовала сеть средних художественных образовательных учреждений, существовали преимущественно частные специализированные художественные мастерские, в которых не заботились о системе художественного образования, а осуществлялось практическое обучение ремеслу. Специальное же художественное учебное учреждение известно только одно – Петербургская академия искусств. Поэтому университеты, в том числе Харьковский, деятельно рассматривали вопросы возможности и необходимости организации обучения рисунку, живописи, художественным ремеслам, а также другим пластическим искусствам. Практически университеты на первых порах своего функционирования взяли на себя обязанность предоставления художественного образования.

Изучение процесса организации художественно-искусствоведческого образования в системе университетов XIX – начала XX веков позволило проследить главные тенденции. Четко тематически и хронологически прослеживаются два направления: художественное и искусствоведческое. Причем в хронологическом плане эти два направления содержательно имели свои особенности. Например, для первого периода (первая половина XIX в.) больше характерен уклон в художественное образование, во втором же периоде (вторая половина XIX – начало XX вв.) усиливается и преобладает искусствоведческая составляющая. Это объясняется, как уже было отмечено, общим уровнем организации художественного образования и степенью развития искусствоведения в качестве научного направления, которое на протяжении XIX в. поступательно развивалось и на рубеже веков приобрело соответствующий статус.

Говоря о вкладе Харьковского университета в художественное образование, следует связать этот вопрос также с рассмотрением проблемы художественных практик, которые развивались в стенах университета в рассматриваемый период. Уставом 1804 г. предполагалось введение уроков рисования для желающих обучаться живописи студентов. Причём, занятиям рисованием и живописью отводилось четыре-шесть часов в неделю [5, с. 26; 6, с. 29]. Для осуществления этих задач в университет были приглашены на должности преподавателей рисования профессиональные живописцы и графики [7, с. 20; 5, с. 26; 6, с. 29]. Первых художников в университет пригласил В. Н. Каразин из-за границы [2, с. 56], задачей которых было заботиться о художественном образовании студентов, а также выполнять художественные работы по университету. Среди преподавателей следует назвать художника Я. М. Матеса, гравёра А. Ф. Шенфлина, художника и гравёра Ф. Ф. Репнина, а также С. П. Чирикова и др. [8, с. 141].

Для практического обеспечения преподавания рисования и живописи при университете были открыты специальные вспомогательные структуры, в частности, кабинет рисования, мюнц-кабинет, кабинет изящных искусств. В них сосредотачивались произведения искусства, и они использовались не только для изучения, но и в качестве образцов для копирования студентами (их вначале посещали студенты по собственному выбору, а со временем они стали основой для проведения организованных занятий по истории искусств).

Накопление художественных памятников в специальных кабинетах университета способствовало формированию его художественной коллекции, что стало не только основой Музея изящных искусств и древностей, но и способствовало развитию университета как художественно-культурного центра для художественно одарённой молодёжи Харькова и соседних регионов.

К середине XIX в. несколько изменяется структура учебного процесса в университете, что было закреплено и новым Уставом 1863 г. К этому времени (1859 г.) закрывается кабинет рисования, но организовывается при университете Музей изящных искусств и древностей, который открывает двери для городской аудитории, а также для копирования произведений искусства учащимися гимназий и художественных студий [9, с. 19]. Университетское образование сосредотачивается на проблемах преподавания истории искусств. В 1863 г., по новому Уставу, при университетах учреждается специальная кафедра истории и теории искусств, и главной задачей теперь было обеспечение преподавания курсов по истории искусств.

Художественное образование остается частным делом студентов. Однако, университетская коллекция становится не только местом совершенствования художественной техники учеников из других учебных заведений Харькова с помощью копирования художественных образцов музейного собрания, но и практической базой для изучения истории искусств студентами университета и учащихся других учебных заведений Харькова.

В середине XIX века непосредственную заботу о художественном образовании взяли на себя средние учебные заведения – гимназии, училища, позже – ремесленные училища и др. В первую очередь это касалось преподавания рисования. В этот же период речь идет об открытии в Харькове специальных средних художественных заведений, среди которых можно выделить частную школу рисования М. Д. Раевской-Ивановой (1869), художественные частные студии при Художественно-промышленном музее (1886). Такое положение сохранялось до тех пор, пока не решился вопрос об открытии постоянного специального общедоступного художественного заведения – городской школы рисования и живописи (1896).

Однако, университет полностью не отстранялся от проблем художественного образования. Например, практические занятия для школы рисования и живописи проводились также и на базе университетской коллекции Музея изящных искусств и древностей. Здесь ученики знакомились с произведениями искусства, копировали картины. Кроме этого, профессора университета Е. К. Редин [4, л. 18, 24], Н. Ф. Сумцов

[13, л. 1], Ф. И. Шмит [14, л. 1] и другие читали специальные лекции и циклы лекций по истории искусств для учеников художественной школы.

Таким образом, университеты, как мы видим на примере Харьковского, сыграли важную роль не только в организации академического образования и подготовки специалистов в фундаментальных и гуманитарных отраслях научного знания, но и художественного образования, что в первую очередь способствовало эстетическому воспитанию студентов и городской общественности, закладывало традиции художественной культуры в университете и губернии, способствовало развитию истории искусств, возникновению музеев художественного профиля и др.

1. Авер'янова, Н. Розвиток мистецтвознавства та художньої освіти в Україні (кінець XIX – початок XX ст.) [Електронний ресурс] / Н. Авер'янова // Вісник Одеського історико-красназавчого музею. – Одеса, 2010. – № 8. – С. 32–36. – Режим доступу: <http://www.history.odessa.ua/publication8/stat07.htm>. – Дата доступу: 25.02.2018.
2. Багалей, Д. И. Заметки и материалы по истории Харьковского университета. 1. Новые данные для биографии В. Н. Каразина / Д. И. Багалей. – Харьков: Типо-литогр. М. Зильберберга, 1905. – 84 с.
3. Багалей, Д. И. Харьковские университетские торжества за первые годы существования университета / Д. И. Багалей. – Харьков: Тип. губ. правл., 1892. – 31 с.
4. Государственный архив Харьковской области. – Ф. 2000. – Оп. 1. – Д. 225.
5. Обзорение преподаваемых предметов Харьковского университета на 1806 год. – Харьков: Тип. ун-та, 1806. – 27 с.
6. Обзорение преподаваемых предметов Харьковского университета на 1808/9 акад. год. – Харьков: Тип. ун-та, 1808. – 29 с.
7. Обзорение преподаваемых предметов Харьковского университета на 1842/43 учебный год. – Харьков: Тип. ун-та, 1842. – 31 с.
8. Павлова, О. Г. В. Н. Каразін та розвиток художньої освіти у Харкові у першій половині XIX ст. / О. Г. Павлова // Актуальні проблеми вітчизняної та всесвітньої історії. – Харьков, 1998. – Вип. 3. – С. 140–144.
9. Павлова, О. Г. Становлення мистецтвознавчої думки в Харкові в другій половині XIX–початку XX ст. / О. Г. Павлова // Вісник Харківського національного університету ім. В. Н. Каразіна. – 2005. – № 701 Історія. – Вип. 37. – С. 18–26.
10. Пивненко, А. С. Художественная жизнь города Харькова второй половины XIX – нач. XX века (до 1917) : Автореф. дис... канд. искусствоведения / А. С. Пивненко. – Москва, 1990. – 24 с.
11. Побожій, С. І. Харківська університетська школа мистецтвознавства: історія, напрями, проблеми / С. І. Побожій // Українське мистецтвознавство. – Київ, 1993. – Вип. 1. – С. 70–85.
12. Соколюк, Л. Д. К историко-художественной жизни Харькова. Эволюция Харьковской художественной школы во второй половине XVIII века: Автореф. дис... канд. искусствоведения. / Л. Д. Соколюк. – Ленинград, 1986. – 24 с.
13. Центральный исторический архив Украины (г. Киев). – Ф. 2017. – Оп. 1. – Д. 738.
14. Центральный исторический архив Украины (г. Киев). – Ф. 2052. – Оп. 1. – Д. 40.

ДНЕПРОВСКО-ДВИНСКИЙ КАНАЛ: ПРОЕКТ ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА УКРАИНСКИХ, БЕЛОРУССКИХ И ПРИБАЛТИЙСКИХ ЗЕМЕЛЬ

И.А. Шандра (Харьков, Украина)

В начале XX в., первоначально в среде промышленников и предпринимателей, а позднее и в правительственных кругах, активно обсуждался вопрос о создании внутриконтинентального Черноморско-Балтийского водного пути. Особенностью водных путей, выгодно отличавшей их от железнодорожного сообщения, является дешевизна перевозки и почти неограниченная пропускная способность. Благодаря этому водные пути как нельзя лучше отвечают задачам перевозки массовых грузов (уголь, металл, лес, хлеб, сахар и др.). Но лишь обладающие достаточной глубиной и протяженностью водные артерии способны обеспечить более дешевую, по сравнению с железными дорогами, транспортировку. Чем больше глубина водного пути и грузоподъемность судна, тем меньше эксплуатационные расходы с пудо-версты.

Между бассейнами Западной Двины и Днепра уже существовал водный путь – так называемая Березинская система (соединительный путь от р. Березины, впадающей в Днепр, до Двины составлял 148 верст, имел 14 шлюзов, 4 плотины). Эта система была построена в 1804 г. и до начала XX в. использовалась преимущественно для транспортировки леса в Ригу. Для судоходства данный водный путь был слишком маловоден, а каналы и реки, к нему примыкающие, постоянно заиливались и зарастали. Кроме Березинской системы, между Черным и Балтийским морями имелись еще несколько водных сообщений (Огинский, Августовский, Днепро-Бугский). Все они были также мелководны, однако главный их недостаток заключался в том, что они оканчивались на территории Германии [4, с. 12].

Из всех предложенных в начале XX в. проектов соединения Черного и Балтийского морей наиболее экономически и стратегически целесообразным представлялся Днепро-Двино-Балтийский вариант: от г. Херсон через р. Днепр, р. Оршицу, проектируемый Орша–Витебский канал, р. Лучессу (приток Западной Двины), р. Западную Двину с конечным пунктом пути г. Рига.

Такой проект водной магистрали поддержали Съезды горнопромышленников Юга России (в 1904 г. XXIX съезд горнопромышленников Юга России (г. Харьков), после всестороннего рассмотрения данного вопроса, направил соответствующее ходатайство в правительственные учреждения), Екатеринославское губернское земское собрание, Херсонская губернская управа, Рижский биржевой комитет и другие общественные и административные организации, а также специально созданный Съезд по вопросу о соединении Черного и Балтийского морей (Киев, 1911 г.) и Съезд Юго-Западного края по вопросам экспорта (Киев, 1914 г.).

Для реализации этого проекта на всем протяжении от Херсона до Риги предполагалось проводить строительные работы: обход порогов на Днестре и Западной Двине путем обустройства дополнительных каналов, выправительные сооружения от устья Березины до Екатеринослава, землечерпание и углубление скалистого дна в нижнем течении Днестра. Общая стоимость работ на всем протяжении огромного водного пути протяженностью около 2 300 верст от Херсона до Риги по приблизительным подсчетам составляла 150 млн руб. Количество же грузов, перевозимых в данном направлении, по минимальным расчетам должно было составить более 300 млн пудов [6, с. 2701]. Годичный грузооборот для Днепроовско-Двинской системы инженер А. Одинцов предполагал в размере 1 300 млн пудов [4, с. 19], а специальная комиссия Съездов горнопромышленников Юга России в своих расчетах приводила цифру 1 660 млн пудов [2, с. 63].

Проект Орша-Витебского канала, входящего в систему Херсон-Рига, был составлен Управлением внутренних водных сообщений Министерства путей сообщения. Предполагалось, что он составит 86 верст в длину, 14 сажени в ширину, 10 четвертей аршина в глубину. Стоимость сооружения канала по предварительным расчетам составляла 19 млн руб. [2, с. 62].

Для всестороннего рассмотрения данного проекта в мае 1911 г. в Киеве состоялся Съезд по вопросу о соединении Черного и Балтийского морей. В работе съезда приняли участие представители всех заинтересованных ведомств и различных отраслей промышленности и торговли 12 губерний, расположенных в районе предполагаемой водной магистрали. Екатеринославское губернское земское собрание заявило о своей полной поддержке проекта и ассигновало на осуществление водного пути Херсон-Рига 3 000 руб. для проведения исследовательских работ в пределах Екатеринославской губернии [5, с. 668].

Кроме сельскохозяйственных грузов (хлеб, сахар, конопля, табак, льняное семя, шерсть, кожа и др.), массовыми товарами проектированного водного пути в северном направлении должны были стать донецкий каменный уголь, криворожские чугун и сталь, бахмутская и крымская соль и др. В южном направлении по каналу предполагалось переправлять лес, колониальные товары, искусственные удобрения, машины, химические продукты и др. По подсчетам Рижского биржевого комитета транспортировка по водному пути Рига-Херсон обходилась бы не более 7-8 коп. с пуда (в среднем даже 5-6 коп. [2, с. 59]), тогда как фрахты за морскую перевозку от Черного до Балтийского моря составляли на каменный уголь 9,25 коп. с пуда, для соли - 8-10 коп., для железа и стали - 11,5-13 коп., для муки - 13 коп. Морской путь из Черноморских портов в порта Балтийского моря вокруг Европы продолжался 3,5 - 4 недели, по водному же пути Херсон-Рига длительность транспортировки сокращалась до 12 дней [6, с. 2702]. Таким образом, водный Днепроовско-Двинский путь должен был стать более коротким и дешевым способом межрегиональной и внешней торговли украинских, белорусских и прибалтийских земель. Для обоснования целесообразности данного масштабного проекта Рижским биржевым комитетом был приведен следующий «поучительный факт». Подольская губерния богата залежами фосфоритов, дающих превосходное искусственное удобрение. Сама черноземная губерния в этом сырье не испытывала особой потребности, доставка же фосфоритов до Риги по железным дорогам обходилась в 10 коп. с пуда. Поэтому подольские фосфориты направлялись морем из Одесского порта в Англию, где их перерабатывали в суперфосфаты и в таком виде их получали прибалтийские потребители [1, с. 126]. Избавиться от лишних посредников и расходов - лишь один из возможных положительных результатов водного проекта Херсон-Рига.

Более того, проектируемый водный путь должен был способствовать комплексному развитию этих районов вследствие оживления торговых отношений и всех благоприятных последствий таких процессов. Водный путь Херсон-Рига значительно сократил бы расстояние между портами Черного моря и всеми портами Северной Европы (расстояние приводится от Одессы до различных портов Северной Европы, где первая цифра - длина морского пути вокруг Европы, вторая - расстояние по водному пути Херсон-Рига): Стокгольм - 7,9 тыс. км (2,9 тыс. км), Данциг - 7,7 (3,1), Копенгаген - 7,5 (3,3), Гамбург - 6,9 (3,7), Амстердам - 6,5 (4,1), Ньюкасл - 6,8 (4,4) [1, с. 124].

По поводу практической реализации Днепроовско-Двинского водного пути развернулись острые дискуссии. Камнем спотыкания стал вопрос быть ли Черноморско-Балтийской магистрали морским путем (по разным проектам глубина должна была составить от 14 футов до 4,5 сажени [24 и 54 четвертей соответственно]) или только улучшенным речным (с осадкой судов в 10 четвертей) [7, с. 38]. Подготовка водного пути как морского, безусловно, повлекла бы за собой большие финансовые затраты, однако и грузооборот морского пути по предварительным технико-экономическим расчетам втрое превышал бы грузооборот речного варианта. Кроме грузооборота между украинскими, белорусскими и прибалтийскими районами, местного грузооборота днепровского и западно-двинского районов, морской вариант пути мог бы принять все те грузы, которые направлялись из портов Азовского и Черного морей в Балтийское вокруг Западной Европы и обратно. Таким образом, через морской путь Херсон-Рига одновременно осуществлялись бы задачи и внутренней, и внешней торговли. На съезде горнопромышленников Юга России картина будущего водного пути представлялась крайне оптимистично: «Каждый из расположенных внутри материка городов делается тогда морским портом, способным отпускать продукты своего района, получать заграничные товары непосредственно с океанских пароходов. Весь канал будет освещен».

щаться электричеством и по этому суда, идя днем и ночью, со скоростью, которую предполагается допустить в 6 узлов, весь путь по каналу могут пройти в 144 часа» [2, с. 190].

Инженер В. Чернышев в журнале «Русское судоходство» обстоятельно обосновывал, что только морской вариант пути Херсон–Рига сможет изменить существующее положение вещей как «в деле зависимости южной России от Дарданелл, так и Прибалтийского района от иностранного угля» [8, с. 25]. Рижский биржевой комитет также высказал пожелание о соблюдении морских стандартов обустройства пути Херсон–Рига [1, с. 125].

Чем дальше проект водного сообщения между Черным и Балтийским морями обсуждался на всевозможных общественных собраниях и научных заседаниях, тем больше он признавался необходимым и неотложным к исполнению. Наконец, 12 апреля 1912 г. члены Государственной думы (44 подписи) внесли на рассмотрение законодательное предположение о скорейшем осуществлении проекта Черноморско-Балтийской водной магистрали. Непосредственной причиной данного представления стало закрытие Дарданелл османским правительством и угольная забастовка в Англии. Как следствие такого форсе мажор число рьяных сторонников водного пути Херсон–Рига пополнилось черноморско-азовскими судовладельцами, представителями крупного аграрного, промышленного и торгового капитала украинских губерний. В законодательном предположении указывалось, что к началу 1914 г. должен быть составлен проект сооружения водного пути Херсон–Рига (с осадкой судов в 10 четвертей), весь проект планировалось закончить по истечении пяти лет [3, с. 64].

Несмотря на все экономические и стратегические преимущества Днепровско-Двинского канала, следующие события мирового масштаба не дали возможности осуществить намеченный план. Интерес к проекту «Водный коридор Херсон–Рига» возобновился спустя почти столетие – в 2002 г. в средствах массовой информации появились сообщения о заинтересованности Латвии, Беларуси и Украины в возобновлении работ над проектом, который бы объединил бассейны Черного и Балтийского морей.

1. Водный путь Рига–Херсон // Русское судоходство. – 1911. – № 8. – С. 123–126.
2. Доклад комиссии XXIX Съезду горнопромышленников Юга России по 3-му, 4-му и 5-му вопросам программы: «О современном положении каменноугольной промышленности юга России», «О мерах распространения русского каменного угля в портах Балтийского моря», «О выработке торговых марок русского угля по образцу английских углей». – Харьков, 1904. – [разд. паг.].
3. Законодательные учреждения по вопросам промышленности и торговли // Торгово-промышленный Юг. – 1912. – № 11. – С. 62–65.
4. Одинцов, А. Балтийско-Черноморский водный путь // Русское судоходство. – 1914. – № 8. – С. 11–19.
5. Хроника // Промышленность и торговля. – 1910. – № 24. – С. 668.
6. Черноморско-Балтийский водный путь // Горно-заводское дело. – 1911. – № 35. – С. 2700–2702.
7. Чернышев, В. Черноморско-Балтийский водный путь в финансово-экономическом освещении // Русское судоходство. – 1912. – № 9. – С. 35–39.
8. Чернышев, В. Черноморско-Балтийский водный путь в финансово-экономическом освещении // Русское судоходство. – 1912. – № 11. – С. 23–29.

РУССКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ 1917 ГОДА (АВТОРСКОЕ ВИДЕНИЕ И ОЦЕНКИ)

В.А. Космач (Витебск, Беларусь)

В январе 1917 г. российский император **Николая II Романова** одиннадцать раз предупреждали о готовящемся государственном перевороте. Он ничего не предпринял для своей защиты [14, с. 5]. И очень зря. Ещё в августе 1915 г. в Государственной Думе оформился Прогрессивный блок, объединивший все фракции, за исключением крайних левых и правых. Либеральная часть правительства в лице А.В. Кривошеина, С.Д. Сазонова, А.А. Поливанова (нового военного министра), И.К. Григоровича (морского министра) и других поддерживала создание блока, членами которого признали себя 235 депутатов Государственной Думы из 422 (в том числе даже такой убежденный правый, как В.В. Шульгин). К Прогрессивному блоку Думы примкнули три влиятельные фракции Государственного Совета [5, с. 336; 6, с. 55–58]. Фактическим лидером Прогрессивного блока являлся кадет П.Н. Милуков.

Прогрессивный блок требовал от императора пойти на создание «ответственного правительства», т.е. такого министерства, которое формировалось бы Государственной Думой и Государственным Советом, и было бы ответственно перед ними, а не перед царём, который превращается в монарха «царствующего, но не правящего», как в современной Великобритании или Швеции. Государь же был готов только на «кабинет общественного доверия», когда министры назначаются монархом из числа лиц, которым доверяет большинство Думы и Госсовета, но при этом министры продолжают отвечать за свои действия только перед императором. Если бы Николай II Романов согласился на «ответственное министерство» в 1916 году, революции в 1917 г. в России бы не было. Но император стоял на своем. И тогда в недрах Госдумы и Госсовета, среди членов Прогрессивного блока созрел заговор. Лидеры думского Прогрессивного блока решили вырвать власть у царя путём «дворцового переворота» и опираясь на стихийное недовольство народных масс и уставшей от войны армии [5, с. 341]. Вызвать подобное недовольство было несложно. Достаточно было небольшой провокации в столице, что и случится в феврале 1917 г. в Петрограде.

Следует отметить также, что к Прогрессивному блоку в Думе тесно примыкала и так наз. «**межпартийная оппозиционная группа**» депутатов в составе А.И. Гучкова, М.И. Терещенко, Н.В. Некрасова, А.И. Коновалова и А.Ф. Керенского – будущих активных членов Временного правительства. Обсуждались планы опять же «дворцового переворота», способного предотвратить кризис всей системы государственной власти и обеспечить победу России в войне. Предполагалось передать престол цесаревичу Алексею при регентстве великого князя Михаила Александровича и управлении министерства, ответственного перед Думой [5, с. 339-340].

Как отмечает в своей книге **Святослав Рыбас** «Заговор верхов, или Тотальный переворот» (М.: Молодая гвардия, 2016.- 365 с.), заговор распространялся все шире и шире. К нему присоединился дворцового переворота председатель земского Союза князь Георгий Евгеньевич Львов, будущий председатель первого состава Временного правительства. По его плану монархом должен был стать великий князь Николай Николаевич. Посвящая в заговор своих соратников-земцев, среди которых были московский городской голова М. В. Челноков и тифлисский – А.И. Хатисов (по данным Н. Берберовой, оба масоны), Львов сказал, что заговор поддерживали 29 председателей земских управ и городских голов, что великий князь Николай Николаевич оповещен и что сам Львов возглавит будущее правительство [14, с. 267-268].

А.И. Хатисов отправился на встречу с Николаем Николаевичем, которого хорошо знал. Перед Тифлисом он заехал в Петроград обсудить план с Милюковым и депутатом ГД, социал-демократом Чхеидзе. Однако Милюков заговор не поддержал, сказав, что в ближайшее время произойдет революция, а Чхеидзе вообще заявил, что царский режим нельзя свергнуть. 30 декабря 1916 года Хатисов встретился с Николаем Николаевичем и предложил план Львова, а также сообщил, что начальник ГАУ генерал Маниковский готов всячески содействовать замыслу. Великий князь попросил два дня на размышление.

Накануне их встречи Николай Николаевич виделся с приехавшим рано утром великим князем Николаем Михайловичем, который сообщил, что 16 великих князей договорились устранить Николая II от трона. Николай Михайлович пользовался большим авторитетом в семье, он был членом Французской академии наук, историком, масоном, открыто высказывался против «темных сил» в окружении Александры Федоровны, за что был выслан из Петрограда. Кроме того, у него на Кавказе был собственный бизнес, он владел источниками минеральной воды «боржоми».

Спустя два дня Николай Николаевич снова принял Хатисова и сказал, что решил не участвовать в заговоре. Таким образом, план Львова с опорой на великого князя не был осуществлен, остался гучковский – с регентством великого князя Михаила Александровича. Однако то, что великий князь, главнокомандующий Кавказским фронтом не арестовал посланца заговорщиков, говорило о наступлении последних времен. Н. Берберова встречалась в 1929 году в Париже с самим Хатисовым, и тот полностью подтвердил эту историю [14, с. 268].

По **В. Никонову**, решение приступить к свержению **Николая II Романова** принималось не один раз. А.И. Гучков, которого, безусловно, можно считать ведущим авторитетом в этом вопросе, в качестве ключевого момента называет встречу, состоявшуюся в октябре 1916 года в конторе депутата Думы и масона Михаила Федорова. Присутствовали около 15 человек: Милюков, Шингарев, Некрасов, Гучков, Коновалов, Маклаков, Терещенко, Годнев, Шидловский, Вл. Львов, некоторые источники называют также князя Львова и Родзянко. Обсуждали, что делать дальше. Согласились на том, что Николай не может больше царствовать – он является источником недовольства в стране, попытки его образумить ни к чему не привели, власть не в состоянии предотвратить победу улицы. Необходимо добиться отречения императора [9, с. 474].

1 ноября 1916 г. в Государственной Думе с обвинениями в адрес государственной власти в измене резко выступил лидер Прогрессивного блока и кадетской партии **П.Н. Милюков**. Задавая перед депутатами государственной думы риторический вопрос «Что это? Измена или глупость?» лидер партии конституционных демократов назвал правительство Николая II главным виновником развала в стране, как на фронте, так и в тылу [4, стб. 55-57]. По В. Никонову, «именно выступление Милюкова 1 ноября 1916 года... с полным основанием можно считать сигналом к началу революции или даже её началом» [9, с. 475]. На наш взгляд, выступление П.Н. Милюкова было подобно событиям 5-6 мая 1789 г. во Франции. Это было преддверие к революции, сигнал «третьего сословия» и Фронды, что революция будет. Она неизбежна [7, с. 61-62; 1, с. 181-182; 12, с. 64-65]. Так было во Франции, так случится и в России в 1917 году. По словам **П.Н. Милюкова**, за его речью в Государственной Думе 1 ноября 1916 г. «установилась репутация штурмового сигнала к революции» [8, с. 445].

Международный женский день **8 марта** (по ст. стилю **23 февраля**) **1917 г.** выпал на четверг. В центре Петрограда с утра было тихо, а на окраинах бурлило. Застрельщиками во многих местах были женщины. Бастовали почти все предприятия Выборгской стороны. Около 130 тыс. человек вышли на улицы с лозунгами «Хлеба!» и «Долой войну!». То, что началась именно революция, стало проявляться уже на следующий день, когда стачка охватила почти весь город и на улицы вышли до 200 тыс. человек (население Петрограда тогда – 2,3 млн. чел., 400 тыс. из них – рабочие).

24-го бастующие прибавили лозунги «Долой монархию!», «Долой царское правительство!», они пытались прорваться на Невский сквозь военно-полицейские заслоны. Появились первые жертвы. Как от-

мечает профессор Олег Волобуев, среди народной массы были отдельные представители разных революционных партий, но Февральская революция протекала без значимого их участия – она носила стихийный характер [3, с. 10].

25-го на улицы вышли уже 300 тыс. человек. Началась всеобщая политическая стачка. Войскам раздали патроны. Но многие солдаты отказывались стрелять. Так, в этот день, в четвертом часу дня, со стороны Гончарной улицы на митингующих двинулся наряд конной полиции... А на него вдруг понеслись казаки с шашками наголо – это молодой казачий офицер послал свой отряд (еще недавно самые надежные войска для власти) в помощь восставшим.

26-го по городу развешаны объявления: «Всякие скопления людей воспрещаются. Предупреждаю население, что возобновил войскам разрешение употребить для поддержания порядка оружие, ни перед чем не останавливаясь». Подпись главы МВД Александра Протопопова. В этот день и впрямь стреляли гораздо больше.

27-го большая часть (67 тыс.) солдат столичного гарнизона присоединились к восставшим. К 16:00 город был в их руках. Появились обращения от революционных партий. В одном из них – призыв избирать в Петроградский совет (Советы появились в революцию 1905 г.). В тот же день был избран и Временный комитет Госдумы, предвестник создания Временного правительства. Так и получилось, что одновременно были созданы две ветви власти победившей революции. Их даже создавали в одном месте – в Таврическом дворце (Совет – в левой его половине, а комитет – в правой).

Так начиналась **Великая Российская (Русская) революция 1917 года**, с февральско-мартовских событий в Петрограде, которые можно и нужно называть Февральской, точнее **Февральско-мартовской революцией 1917 г.**, которая стала первым, буржуазно-демократическим, этапом Великой Российской (Русской) революции 1917 г. У неё, как и на подобном этапе Великой Французской буржуазной революции последней четверти XVIII в. также были свои герои. Они хорошо известны – от князя Г.Е. Львова, М.В. Родзянко и П.Н. Милюкова и до А.Ф. Керенского, Н.С. Чхеидзе и И.Г. Церетели. По И.Солоневичу, в феврале 1917 года в России был составлен заговор. «Заговор был организован: а) земельной знатью, при участии или согласия некоторых членов династии – тут главную роль сыграл Родзянко; б) денежной знатью – А. Гучков, и в) военной знатью – ген. М. Алексеев. У каждой из этих групп были совершенно определенные интересы» [15, с. 16]. Как стало известно гораздо позднее, отмечает современный российский историк Борис Романов, даже и те первые «стихийные» демонстрации и беспорядки первых дней Февральской революции (23-26 февраля) были организованы заговорщиками – об этом рассказал П.Н. Милюков в 1922 году [13, с. 519].

Весьма важно и поучительно разобраться в **причинах** Великой Российской (Русской) революции 1917 г. Выделим главные из них. **Во-первых**, это раскол правящей элиты страны на «правительственную» и «думскую», что активизировало внесистемную оппозицию (контрэлиту в лице российских меньшевиков, большевиков, эсеров; различных мастей сепаратистов и националистов). Даже императорский дом Романовых не был един. В начале января 1917 года Николай II вынужден был выслать из Петербурга четырёх великих князей, подозревая их в заговоре. А великий князь Николай Николаевич сам не против был занять монарший престол и прямо участвовал в организации дворцового переворота в 1915-1917 годах [15, с. 21-22]. **Во-вторых**, Русскую (Российскую) революцию 1917 г. вызвала нараставшая неэффективность и бюрократическая закостенелость правительственной власти. Отсюда – неразрешимость острейших для России первой четверти XX в. аграрного, национального, рабочего, конституционного, финансового, религиозного, династического, социального, еврейского и других вопросов. **В-третьих**, революцию 1917 г. в России во многом «подготовили» буржуазные реформы второй половины XIX в. и политическая модернизация начала XIX в. в ходе Первой русской революции 1905-1907 гг. На смену «старой» России шла «новая» – буржуазная и земско-чиновничья, абсолютная монархия сменилась ограниченной, конституционной. На первое место в экономике, в сфере государственного управления и политике выходили всё более активно новые «деловые люди», доходы и богатство которых, как и занимаемое социальное положение, были во многом сомнительны, нажитыми с нарушениями известного принципа «равенства возможностей», и по владению собственностью и по доступу к власти. И чем больше становилось подобных дельцов, тем сильнее накапливалось недовольство среди трудовых сословий – рабочих, крестьян, разночинной интеллигенции.

Несомненно, и это, **в четвертых**, Российскую империю, сильную и процветающую экономически, влиятельную в мировой геополитике ослабила Первая мировая война, тяготы и лишения которой затронули миллионы российских семей. **В-пятых**, Русская революция 1917 г. во многом была подготовлена и вызвана атакой на Россию извне и изнутри как минимум тремя объединившимися против Российской империи, правящей династии Романовых в лице императора Николая II и его правительства мощными силами – масонами, революционерами и сепаратистами. Именно их в войне с Россией использовали Германия, Великобритания, Франция, Япония и США в ходе Великой Русской революции 1917 г. и задолго до её начала. **В-шестых**, «великое потрясение» 1917 г. в России связано с личностью самого государя, императора Николая II Романова. В январе 1917 г. российского императора Николая II, как уже

было отмечено, одиннадцать раз предупреждали о готовящемся государственном перевороте. Но он ничего не предпринял для своей защиты и сохранения Российской империи, доставшейся ему от своего знаменитого отца – императора Александра III [14, с. 5]. **В-седьмых**, важной причиной крушения империи и начала Великой Русской революции 1917 г. стали противоречия между русскими и иностранными финансово-промышленными группами [14, с. 49-50]. **В-восьмых**, революцию в целом ряде стран, начиная с XVI века, вызывали бездушие и хамство чиновников разных уровней в отношении своих же собственных граждан, что вызывало справедливое возмущение и гнев населения. И Россия начала XX века в этом плане не исключение.

Важной причиной Великой революции 1917 г. в России, и, это **в-девятых**, стала утеря российским самодержавием своей традиционной социальной базы в лице дворянства и духовенства. За 1861-1912 гг. «первое сословие» (русское дворянство) претерпело резкие социальные изменения. Накануне отмены крепостного права в 1861 г. 80% всех дворян принадлежали к семьям землевладельцев, лишь 20% или меньше были горожанами. Накануне Первой мировой войны к семьям землевладельцев принадлежало менее 40%, тогда как от 60 до 80% этой группы числилась уже городскими жителями [2, с. 46].

Дворянские землевладельцы, 1861-1912

Год	Число дворянских семей землевладельцев	% дворян, принадлежавших к семьям землевладельцев
1861	114,5 – 115,5	78 – 81
1877	98,0 – 100,0	69 – 74
1895	103,0 – 104,5	54 – 55
1905	86,5 – 88,0	38 – 39
1912	94,5 – 96,5	36 – 37

Превращение дворян-землевладельцев в меньшинство первого сословия, потеря дворянством более половины земель, которыми оно владело накануне освобождения крестьян, и трансформация дворянства из преимущественно сельской группы населения в преимущественно городскую – все это признаки драматических изменений, пережитых дворянством за первые полстолетия после Великих реформ. «Второе сословие» в лице православного духовенства давно выражало недовольство синодальной системой, установившейся в Российской империи со времен Петра I Великого. Большинство православных архиереев требовало восстановления Патриаршества и проведения реформ, направленных на освобождение Церкви от государственной зависимости [10, с. 26-40; 16, с. 13-29].

Как отметил в своей книге американский историк Сеймур Беккер, «крушение 1917 г. привело к гибели как монархии, так и дворянства... Ответственность за катастрофу 1917 г., среди жертв которой оказались не только монархия и дворянство, но и, много печальнее, большинство населения Российской империи, лежит главным образом не на дворянстве и даже не на остатках ее землевладельческого класса, а на самодержавии. Именно самодержавие, а не дворянство так и не смогло освободиться из плена прошлого и приспособиться к современному миру» [2, с. 317]. По Б.А. Филиппову, «к началу XX в. Россия обладала тремя национальными институтами: монархией, Православной Церковью и армией. Тесно связанные между собой и с народом, эти институты олицетворяли Российскую империю. Ослабление взаимосвязи и взаимопонимания между ними при первом же серьёзном испытании (Первая мировая война) способствовало разрушению империи» [16, с. 13]. Таковы в самом сжатом виде основные причины «великих потрясений» в России в 1917-ом и далее годах.

Великая Российская (Русская) революция 1917 г. продолжалась достаточно долго, с нашей точки зрения, 22 года, с 1917 по 1939 гг. В своём развитии по нарастающей, а затем по нисходящей линиям она, как и Великая Французская буржуазная революция последней четверти XVIII в., по нашему мнению, прошла четыре этапа:

1. **Буржуазный** (февраль/март – октябрь/ноябрь 1917 г.), который в свою очередь делился на два периода – буржуазно-либеральный (весна-лето 1917 г.) и буржуазно-демократический (лето-осень 1917 г.).

2. **Радикально-демократический или «якобинский»** (октябрь/ноябрь 1917 г. – март 1921 г.). Это было время политики «военного коммунизма», красного террора и гражданской войны, сопровождаемой иностранной военной интервенцией. В революцию включились огромные массы мелкой буржуазии города и деревни.

3. **Народно-демократический или «нэповский»** (весна 1921 г. – 1928 г.). Это был этап завершения гражданской войны и иностранной военной интервенции, поправления большевизма и отказа от политики «военного коммунизма», время образования СССР (т.е. почти полностью восстановления границ бывшей Российской империи) и новой экономической политики (нэпа).

4. **Государственно-социалистический или «реставрационный», «советский термидор»** (1929-1939 гг.). В результате ускоренной и во многом силовой модернизации в СССР был построен государственный социализм в виде сильной, современной державы. Именно этому были подчинены сталинские

индустриализация, коллективизация и культурная революция. В результате в конце 1930-х гг. была построена супердержава в своих прежних границах. В 1939-1940 гг. были окончательно восстановлены границы исторической Руси и Российской империи. В этом огромная историческая заслуга советского большевизма и лично И.В. Сталина, который, по словам У. Черчилля, принял Россию с сохой, а оставил с ядерной ракетой. В 1936-1939 гг. в СССР была осуществлена «номенклатурная революция» и устранена угроза военно-политического государственного переворота со стороны старой «ленинской гвардии» и группы советских военных во главе с маршалом М.Н. Тухачевским, тесно связанных с Великобританией, США и Германией. Победу «государственного социализма» в СССР, который мы привычно называем «административно-командной системой» или «сталинизмом», де-юре закрепила Конституция СССР 1936 г [5, с. 955-974; 17, с. 36-52; 11, с. 322-324].

Так, на наш взгляд, завершилась Великая Российская (Русская) революция 1917-1939 гг., которая по своему характеру, вне всякого сомнения, была народно-демократической. **Великая Российская (Русская) народно-демократическая революция 1917-1939 гг.** заменила «старую» императорскую Россию 1721-1917 гг. на «новую», советскую Россию, воплощением которой стал Союз Советских Социалистических республик (СССР) 1922-1991 гг. Именно большевизм и И.В. Сталин возродили и построили сверхдержаву, победили фашизм и открыли уже новой стране путь к «**общенародному государству**». Всё новое и великое рождалось в жертвах и лишениях и было невозможно без трудового героизма и энтузиазма советских людей, строивших социализм, в который они в своей подавляющей массе верили, как верили и в «великого Сталина». Таковы, на наш взгляд, исторические реалии и основные итоги Великой Российской (Русской) народно-демократической революции 1917-1939 гг.

1. Арзаканян, М.Ц., и др. История Франции: учебник для вузов. М.: Дрофа, 2007.
2. Беккер, С. Миф о русском дворянстве: Дворянство и привилегии последнего периода императорской России / Перевод с английского Бориса Пинскера. М.: Новое Литературное обозрение, 2004.
3. Волобуев, О. Февраль 1917-го: шесть бурных дней // СБ. Беларусь сегодня. 2017. 11 февраля.
4. IV Государственная Дума. Созыв четвертый. Сессия пятая. Стенографические отчеты. Т.1. Пг., 1916.
5. История России. XX век: 1894-1939. М.: Астрель: АСТ, 2009.
6. Лавринович, Д.С. Либерально-консервативная оппозиция в России: формирование и борьба за власть (1912-1917 гг.). Могилёв: МГУ им. А.А. Кулешова, 2006.
7. Манфред, А.З. Великая Французская революция. М.: Изд-во «Наука», 1983.
8. Милоков П.Н. Воспоминания. М., 1991.
9. Никонов, В. Крушение России. 1917. М.: АСТ: Астрель, 2011.
10. Поспеловский, Д.В. Русская православная церковь в XX веке. – М.: Республика, 1995.
11. Пыжиков, А. Корни сталинского большевизма. М.: ЗАО «Издательский дом «Аргументы недели», 2016.
12. Ревуненков, В.Г. Очерки по истории Великой французской революции. Падение монархии. 1789-1792. М.: Изд-во ЛГУ, 1982.
13. Романов, Б.С. Император, который знал свою судьбу. И Россия, которая не знала. СПб.: БХВ-Петербург, 2012.
14. Рыбас, С.Ю. Заговор верхов, или Тотальный переворот. М.: Молодая гвардия, 2016.
15. Солоневич, И. Великая фальшивка февраля. М.: Изд-во «Алгоритм», изд-во «БСК», 2007.
16. Филиппов, Б.А. Очерки по истории России. XX век: учеб. пособие. М.: Изд-во ПСТГУ, 2012.
17. Хлевнюк, О. Номенклатурная революция: региональные руководители в СССР в 1936-1939 гг. // Российская история. 2016. №5.

К ИСТОРИИ ПСКОВСКОЙ УЧИТЕЛЬСКОЙ СЕМИНАРИИ В 1917–1919 ГГ.

М.А. Дроздова (Псков, Россия)

События Октябрьской революции 1917 г. привели к трансформации всех сторон общественной жизни, в том числе и сферы образования, что нашло отражение на истории Псковской учительской семинарии, являвшейся средним педагогическим учебным заведением губернии, призванным готовить учителей земских школ.

Должность директора Псковской учительской семинарии с июля 1909 г. по октябрь 1917 г. занимал Александр Евгеньевич Введенский - кандидат богословия, действительный статский советник. В педагогический состав входили: законоучитель - прот. Александр Васильевич Юпашевский; Наставники: русского языка - Василий Парфеньевич Дерибин; математики – Аркадий Иванович Васильев, истории и географии – Сергей Григорьевич Конокотин, естествоведения и физики – Феодосий Васильевич Архипов; Учителя: пения - Дмитрий Моисеевич Яичков; ручного труда - Алексей Алексеевич Суетов; начального училища при семинарии – Алексей Михайлович Тепляков; Служащие по найму: преподаватель чистописания и черчения – Владимир Владимирович Колпинский; рисования – Вячеслав Николаевич Андреев; законоучитель лютеранского исповедания – пастор Матисон; учитель лютеранского пения и музыки – Вильгельм Карлович Гайки; преподаватель пчеловодства и руководитель практических занятий по садоводству и огородничеству - А. Романов; преподаватель гигиены и подачи первой помощи - доктор Карл Федорович Трояновский; преподаватель садоводства и огородничества - В. Стехновский.

Помимо основного оклада преподавателям Псковской учительской семинарии был определен и размер добавочного содержания (Табл.1 [1, Л.1]).

В октябре 1917 г. после ухода в отставку А.Е. Введенского директором учительской семинарии был избран преподаватель географии Феодосий Васильевич Архипов. Он стал первым директором не по назначению округа, было применено выборное начало [9, с.3].

Следствием революционных событий стало резкое ухудшение материального положения обучающихся. На заседании педагогического Совета Псковской учительской семинарии от 31 января 1918 г. было принято решение о досрочном выпуске воспитанников IV класса «вследствие появления среди учащихся заболеваний на почве недоедания, перешедшего у некоторых в полную голодовку. При обсуждении этого вопроса выяснилось, что полфунта хлеба, получаемого по карточкам при отсутствии приварка, молодым людям крайне недостаточно, и что некоторые подкармливают себя мукою, разведенной в кипяченой воде, что хлеба прикупить негде и не на что» [2, л.10]. В связи с этим, акт по случаю выпуска воспитанников IV класса семинарии был назначен на 16 февраля 1918 г. Это был последний выпуск псковской учительской семинарии.

С 10 февраля 1918 г. постановлением Педагогического Совета было принято решение временно прекратить учебные занятия и отпустить остальных воспитанников по домам «впредь до изменения обстоятельств к лучшему». В этом отношении отмечалось, что «у воспитанников нет средств на уплату за квартиры и на покупку необходимых жизненных продуктов», «многие из воспитанников в настоящее время буквально голодают за неимением средств, некоторые из них вынуждены питаться балтонкою и вареною рисовой кашею, вследствие этого многие из них хворают, что может подтвердить и доктор» [2, л.10].

Сложным оставалось и материальное положение преподавателей. В газете «Псковская речь» отмечалось, что «кредиты на новые штаты до сих пор не переведены, а между тем процентная надбавка на дороговизну отменена» [8, с.3]. На одном из заседаний Педагогического Совета Псковской Учительской Семинарии в феврале 1918 г. рассматривалось заявление педагогического персонала «о невозможности дальнейшего существования при настоящей дороговизне в виду того, что содержание хотя и недостаточное выдается не полностью: нет пятилетних прибавок и суточных» [3, л.11].

Для разрешения существующего положения была направлена телеграмма в Петроград Комиссару учебного округа Гринбергу следующего содержания: «Псковская учительская семинария-воспитанники и учащие голодают. Немедленно высылайте согласно Вашему обещанию деньги. Дальше существовать нельзя» [3, л.11].

В период немецкой оккупации с февраля по ноябрь 1918 года вопросами образования занимался Церковно-школьный отдел совета управления 5 запасной дивизии. Для определения содержания чинам гражданских учреждений необходимо было предоставить в Совет Управления подробный список служащих Псковской учительской семинарии, с указанием возраста, окладов получавших ими содержания, кто из них занимает казенные квартиры (Табл. 2 [5, л.91]).

Переписка Псковской Учительской семинарии с Церковно-школьным отделом содержит также отдельные биографические сведения о преподавательском составе (Табл. 3 [6, л.92]).

С 1 мая 1918 г. каждый из служащих в казенных учреждениях должен был заключить договор с высшим немецким управлением. Вознаграждение преподавателям немецкими властями назначалось за 24 урока, принималось во внимание образование и возраст. Предельный оклад преподавателям с высшим образованием - 605 руб. 67 коп., с средним - 486 руб. 17 коп. в месяц, но при этом за казенную квартиру высчитывалось 50 руб. в месяц и казенных дров не полагалось. Служащим - оклад определен от 193-243 руб. в месяц при казенной квартире и отоплении.

С началом немецкой оккупации всех кандидатов на должности необходимо было утверждать в церковно-школьном отделе. В одном из предписаний говорилось: «Как определения на службу, так и увольнение служащих может последовать лишь с утверждения командира 5-ой запасной дивизии» [4, л.47].

В должности преподавателя естествоведения в семинарии был представлен к утверждению и утвержден с 1-го июля 1918 г. Николай Александрович Эрн, занимающий ранее должность преподавателя естественной истории в Рижском городском реальном училище.

С 15 сентября 1918 г. на должность преподавателя рисования Псковской учительской семинарии назначен Михаил Агапович Долгов. Он окончил Педагогические курсы при Академии Художеств, имел свидетельство на право преподавания рисования и чистописания в средних учебных заведениях. Он начал свою педагогическую службу учителем рисования в Новоржевском городском училище, затем с 1 сентября 1909 по 1 августа 1914 г. являлся преподавателем Псковского учительского института. По отзывам директора института, он зарекомендовал себя с самой лучшей стороны, как талантливый и знающий свое дело педагог.

На должность законоучителя семинарии с 1 сентября 1918 г. назначен протоиерей Иоанн Литвинский.

В связи с введением в курс семинарии 12 уроков немецкого языка сентябре на должность преподавателя немецкого языка планировалось назначить барона Владимира Карловича фон Штакельберга. Он несколько лет состоял преподавателем законоведения и артиллерии в школе подпрапорщиков. По отзывам его начальства и сослуживцев отличался большой трудоспособностью и добросовестным отношением к взятым на себя обязанностям, а также и высокими нравственными качествами.

25 ноября 1918 г. Псков был освобожден войсками Красной Армии. В связи с закрытием немецкими властями кредитов для Псковской учительской семинарии в ней оставили службу преподаватель русского языка Дерибин и письмоводитель Петров. На должность преподавателя русского языка Псковской учительской семинарии Педагогическим Советом в ноябре был избран преподаватель Духовной семинарии Павел Павлович Федорович. Он окончил петроградскую Духовную Академию, в течение пяти лет преподавал русский язык в Духовной семинарии и пользовался большой популярностью как талантливый и любящий свое дело педагог.

В Пскове была образована и действовала комиссия по реформе Псковских учебных заведений, цель которой преобразование довольно пестрых по программам и задачам городских школ в единую трудовую бесплатную школу. Представителем от Педагогического Совета Псковской Учительской семинарии в комиссию по реформе учебных заведений был избран преподаватель Эрн.

С января 1919 г. Псковский губернский отдел народного образования приступил к выборам педагогов всех школ города Пскова (на основании постановления Гос. Комиссии по Просвещению от 27 февраля 1918 г. о выборности всех педагогических и административно-педагогических должностей). Предусматривалось, за несколько дней до выборов будут последовательно составляться кандидатские списки учителей и предаваться гласности, вывешиваться в помещении отдела и публиковаться в местной газете «Псковский Набат». По инструкции о выборах различные организации – родительские, учащихся, учащихся и др., а также местное население могли представлять письменные отзывы о кандидатах на учительские должности на рассмотрение избирательной коллегии. Отдел народного образования и Совдепы пользовались правом отвода заявлений кандидатов при условии строгой и обстоятельной мотивировки [10, с.2].

В газете «Псковский Набат» от 31 декабря 1918 г. был опубликован Кандидатский список лиц педагогическо-административного персонала Псковской Учительской Семинарии в следующем составе: Архипов Феодосий Васильевич (37 лет, ок. Петроградский университет, служ., 10 лет); Васильев Аркадий Иванович (35 лет, ок. Петроградский университет, служ., 9 лет); Конокотин Сергей Григорьевич (38 лет, ок. Харьковский университет, служ. 11 лет); Федорович Павел Павлович (31 год, ок. Петрогр. Духовную Академию, служ. 4 г.); Эрн Николай Александрович (41 л., ок. Московский университет, служ. 22 г.); Яичков Дмитрий Моисеевич (50 лет, ок. Петроградскую Консерваторию, служ. 28 г.); Суетов Алексей Алексеевич (37 лет, ок. Учительскую Семинарию, служ. 16 лет); Тепляков Алексей Михайлович (56 лет, ок. Учительскую Семинарию, служ. 37 лет); Петров Василий Петрович (56 лет, ок. Учительскую Семинарию, служ. 36 лет).

Список Учительской семинарии прошел единогласно, кроме кандидатуры А.А.Суетова. Против него было дано письменное заявление представителями ученического комитета.

В мае 1919 г. в печати появилось сообщение о закрытии Псковской Учительской Семинарии [11, с.2].

Таким образом, результатом преобразований средних учебных заведений Пскова стало открытие 10 ноября 1919 г. Института Народного образования – высшего учебного заведения в Пскове, образованного на основе слияния двух средних педагогических учреждений: Псковского педагогического института и Псковской учительской семинарии.

1. Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга (ЦГИА СПб) Р.139. Оп. 1. Д. 19484. Л.1.
2. Государственный архив Псковской области (далее ГАПО) ф.67. оп.1.д.240. л.10.
3. ГАПО ф.67. оп.1.д.240. л.11.
4. ГАПО ф. Р-61. оп.1. д.242. л.47.
5. ГАПО ф. Р-61. оп.1. д.242. л.91.
6. ГАПО ф. Р-61. оп.1. д.242. л.92.
7. ГАПО ф. Р-61. оп.1. д.242. л.97.
8. Псковская речь. 1917. 17 сентября.
9. Псковская речь. 1917. 18 октября.
10. Псковский набат. 1919. 14 января.
11. Псковский набат. 1919 г. 4 мая.

Табл. 1.

**Расчет сумм, подлежащих к отпуску из кредита на добавочное содержание
с 1 января по 31 декабря 1917 г.**

№	Наименование должностей и лиц	Основной оклад содержания	Размер добавочного содержания
1.	Директор А.Е.Введенский	2000	600
2.	Законоучитель прот. А. Юпашевский	1200	360
Наставники			
3.	Русского языка В. Дерибин	1200	360
4.	Математики А. Васильев	1200	360
5.	Истории и географии С. Конокотин	1200	360
6.	Естествоведения и физики Ф. Архипов	1200	360

Учителя			
7.	Пения Д. Яичков	500	150
8.	Ручного труда А. Суетов	800	240
9.	Начального училища А. Тепляков	500	250
Служащие по найму			
10.	Преподаватель чистописания и рисования В. Андреев и В. Колнинский	500	150
11.	Законоучитель лютеранского исповедания Г. Матисон	160	48
12.	Учитель лютеранского пения и музыки В. Гайки	240	72
13.	Преподаватель гимн. А. Тепляков (он же учитель начального училища)	150	45
14.	Преподаватель пчеловодства и руководитель практических занятий по садоводству и огородничеству А. Романов	180	54
15.	Преподаватель гигиены и подачи первой помощи доктор К. Трояновский	120	36
16.	Преподаватель садоводства и огородничества В. Стехновский	120	36
Итого			3481

Табл. 2.

**Сведения, представленные директором Псковской Учительской Семинарии
в Церковно-школьный отдел совета управления 5 запасной дивизии**

№	Фамилии, имена, отчества	Возраст	Класс, должность	Получавшееся содержание/ со всеми прибавками	Имеется ли казенная квартира
Штатные служащие:					
1.	Директор Архипов Феодосий Васильевич	37	V	547 р. 53 к.	Имеется
2.	Законоучитель Юпашевский Александр Васильевич	50	VIII	390 р. 70 к.	Имеется
3.	Наставник русского языка Дерибин Василий Парфеньевич	32	VIII	312 р. 28 к.	Имеется
4.	Наставник математики Васильев Аркадий Иванович	34	VIII	310 р. 08 к.	Имеется
5.	Наставник истории и географии Конокотин Сергей Григорьевич	36	VIII	361 р. 85 к.	Имеется
6.	Преподаватель пения Яичков Дмитрий Моисеевич	48	VIII	364 р. 14 к.	Имеется
7.	Преподаватель ручного труда Суетов Алексей Алексеевич	36	VIII	214 р. 25 к.	Имеется
8.	Учитель начального училища Тепляков Алексей Михайлович	56	IX	231 р. 50 к.	Имеется
9.	Учитель начального училища Петров Василий Петрович	56	IX	216 р. 50 к.	Имеется
10.	Учитель начального училища Матвеев Михаил Матвеевич	46	IX	216 р. 50 к.	Имеется
11.	Письмоводитель Петров Григорий Иванович	20	IX	156 р. 66 к.	Не имеется
12.	Фельдшер Грицев Андрей Иванович			140 р.	Не имеется
Преподаватели из платы по найму					
13.	Преподаватель лютеранского вероучения пастор Матисон			13 р. 33 к.	Не имеется
14.	Преподаватель рисования Андреев Вячеслав Николаевич			37 р. 50 к.	Не имеется
15.	Преподаватель чистописания и черчения Коллинский Владимир Владимирович			20 р. 00 к.	Не имеется
16.	Преподаватель игры на фисгармонии и лютеранского церковного пения Гайки Вильгельм Карлович			44 р. 50 к.	Не имеется
17.	Доктор и преподаватель гигиены Трояновский Карл Федорович			75 р. 00	Не имеется

Табл. 3.

**Сведения, представленные директором Псковской Учительской Семинарии
в Церковно-школьный отдел совета управления 5 запасной дивизии**

№	Фамилия	Имя	День, год и место рождения	Место жительства	Имя жены или мужа	Число детей	Религия	Занятие
1.	Архипов	Феодосий	28 января 1881 г. гор. Тотьма Вологодской губ.	г. Псков	Анна	2	Правосл.	Директор Псковской учительской семинарии
2.	Юпашевский	Александр	11 августа 1867 г. пригор. Красное Псковск. г. Опочецкого уезда	г. Псков		4	Правосл.	Законоучитель учительской семинарии
3.	Коноко-тин	Сергей	10 сентября 1881 г. гор. Дорогобуж Смоленской губ, село Василево	г. Псков			Правосл.	Наставник учительской семинарии
4.	Васильев	Аркадий	6 марта 1884 г. гор. Муен, Архангельской губ.	г. Псков	Мария		Правосл.	Наставник учительской семинарии
5.	Дерибин	Василий	25 октября 1885 г. Новгородская губ. Кирилловский у.	г. Псков	Фотина	2	Правосл.	Наставник учительской семинарии
6.	Суетов	Алексей	11 марта 1882 г. Печеры Псковской губ и уезда	г. Псков	Анастасия	1	Правосл.	Преподаватель учительской семинарии
7.	Тепляков	Алексей	10 марта 1862 г. Подавалицы Псковской губ и уезда	г. Псков	Мария	4	Правосл.	Учитель начального училища при семинарии
8.	Петров	Василий	7 марта 1862 г. д. Скоморохово Псковской губ и уезда	г. Псков	Глафира	2	Правосл.	Учитель начального училища при семинарии
9.	Матвеев	Михаил	1 сентября 1871 г.	г. Псков	Анна	4	Правосл.	Учитель начального училища при семинарии
10.	Петров	Григорий	24 января 1898 г. г. Петроград	г. Псков			Правосл.	Письмоводитель семинарии
11.	Грицев	Андрей	26 августа 1875 г. г. Рославль Смоленской губ.	г. Псков	Юлия	2	Правосл.	Фельдшер семинарии
12.	Яичков	Дмитрий	21 октября 1869 г. г. Петроград	г. Псков	Анна	1	Правосл.	Преподаватель семинарии

**ПЕРВЫЕ ШАГИ ТРЕСТА «ЧУВАШКИНО»
В ПРОСТРАНСТВЕ МОЛОДОЙ СОВЕТСКОЙ ЧУВАШСКОЙ КУЛЬТУРЫ**

М.Н. Григорьева (Чебоксары, Россия)

В 1925 г. Чувашия получила статус автономной республики, что всколыхнуло душу народа, пробудило национальное самосознание. Появилась первая плеяда чувашских ученых, поэтов, писателей, композиторов. Успешно работал национальный театр, чувашский народный хор. В то же время вся советская страна готовилась широко отметить 20-летнюю годовщину революции 1905-1907 гг. В рамках этого события появилось значительное количество произведений искусства на историко-революционную тему. Наиболее впечатляющим из них стал фильм «Броненосец «Потемкин» С.М.Эйзенштейна, что послужило

толчком для создания целой серии кинофильмов на разных киностудиях страны, в том числе и в национальных республиках. В Чувашии в это время еще не было ни кинотехники, ни профессиональных кадров, ни средств для создания своих национальных кинокартин, зато было горячее желание и огромный творческий потенциал самого народа. За дело взялся необыкновенно талантливый организатор, режиссер и основатель чувашского театра Иоаким Степанович Максимов-Кошкинский. Его идею о создании чувашского фильма об истории развития республики поддержал Областной отдел народного образования (Облоно), ведавший в то время вопросами литературы и искусства. К началу 1925 г. И.С. Максимовым-Кошкинским был написан киносценарий под названием «Великие булгары». Однако существовала серьезная проблема выбора производственной базы. Нужно было увлечь этой идеей столичных кинематографистов, в первую очередь, ленинградских, известных своей помощью национальным республикам. В мае 1925 г. Облоно предложил дирекции «Севзапкино» (впоследствии «Ленфильм») исторический сценарий о болгарском прошлом чувашей. После двух доработок, связанных с сокращением материала, сценарий был принят. В последнем варианте фильм стал называться «Волжские бунтари». Основные события фильма разворачивались вокруг Исмелевского восстания крестьян в 1906 г. Фильм включал пролог и эпилог. В прологе была показана дореволюционная Чувашия, в эпилоге – послереволюционная, отражающая дальнейшие перспективы развития чувашского народа. Фильм снимался на киностудии «Севзапкино». Режиссером фильма стал П. Петров-Бытов, оператором – С.С. Лебедев (который, кстати, оставил свои воспоминания о работе над этим фильмом)[6, с.6], художником – И. Бриф. На главные роли в фильме были приглашены русские актеры Т. Годлевский, П. Кириллов, П. Подвальный, А. Горюнов и др. В фильме были заняты и чувашские молодые актеры – Т. Юн, Г. Парне, И.С. Максимов-Кошкинский, И. Рублев. Важную роль в монтаже сыграл Ю.Н. Тынянов – ученый-литературовед, писатель. По его настоянию были изъяты излишне натуралистические сцены, более строго выдержана главная сюжетная канва. Финансирование работ шло при долеом участии ЧАССР. «Севзапкино» запросило от ЧАССР 25 тыс. рублей при сметной стоимости фильма 62.790 тыс. рублей. Со своей стороны «Севзапкино» предоставляло Чувашии 1-2 копии фильма с чувашскими титрами, а сам фильм было решено выпустить под маркой совместного производства «Севзапкино» и «Чувашкино», что и было сделано. Вопрос о финансировании фильма был заслушан на заседании президиума Исполкома в июле 1925 г. Вскоре средства были найдены. Первый общественный просмотр фильма состоялся в Чебоксарах накануне дня автономии 22 июня 1926 г. В ноябре 1926 г. фильм демонстрировался в Москве одновременно в наиболее престижных кинотеатрах «Колос», «Горн», «Уран», «Молот» [1, с. 100].

Первый чувашский кинофильм привлек к себе внимание как центральной, так и местной печати, где шло обсуждение на предмет художественных качеств фильма и оценки самого факта появления картины. Большинство критиков расценивало выход фильма как значительное достижение чувашской культуры, в печати публиковались восторженные отклики зрителей [5]. Однако оценка художественных достоинств киноленты была не столь одобрительной. Об этих недостатках говорил и сам И.С. Максимов-Кошкинский, отмечая, что их было два: первый – изобилие национальных обрядов..., второй – неудачное сочетание подлинно исторических событий с авторским вымыслом. В прессе также отмечалось, что картина была перегружена сюжетным материалом. Обобщить этот материал, художественно осмыслить его неопытным чувашским кинематографистам было еще не под силу. Были и мелкие просчеты, в частности, озвучивание фильма сопровождалось не национальными мелодиями, а популярной музыкой 1920-х годов. И все-таки, первый чувашский фильм был выпущен на экраны страны и прекрасно принят зрителями.

Вскоре появилась идея создания второго чувашского фильма, который должен был доказать жизнеспособность «Чувашкино». И.С. Максимов-Кошкинский решил создать свой национальный, говоря современным языком, «кинобоевик», который бы дал определенную экономическую прибыль для создания материально-технической базы «Чувашкино». За основу сценария был взят сюжет сказки Н.М. Гарина-Михайловского «Зора». На экраны фильм вышел под названием «Сарпиге». Из сценария были убраны сказочные мотивы, введена и усиленна социальная тема, удачно переработан образ Зоры – Сарпиге. Фильм повествовал о любви крепостной девушки и ее барина. Режиссером фильма стал О. Фрелих, ассистентами – Г. Левкоев и В.В. Массино, оператором – Винклер. Впервые в основном составе картины играли чувашские актеры.

Премьера фильма состоялась 12 марта 1927 г. в Москве. В Чебоксарах демонстрация фильма началась 24 апреля 1927 г. Профессиональная критика встретила фильм одобрительно и оценила довольно высоко. И.С. Максимова-Кошкинского уже не устраивала черно-белая лента, и он попытался окрасить ее в определенные цвета. Например, в эпизодах ночного луга пленка была окрашена в сине-голубой цвет, а сцены пожара в оранжево-красный. Эффект был потрясающий, зрители – в восторге! [2, с.5] Фильм «Сарпиге» демонстрировался и за рубежом. Кстати, в фондах Чувашского национального музея хранятся фотокопии материалов по тресту «Чувашкино», среди которых находится и фотокопия с обложки германского журнала «J-J» с кадром из этого фильма. Более прохладно новую работу приняли чувашские зрители, которые восприняли сюжет как оторванное от реальной жизни действие. Поведение Сарпиге и сам ход событий противоречили национальному характеру и мировоззрению чувашей. Все эти недостатки фильма

были связаны с отсутствием национальных кадров и с непривычными для театральных актеров методами поккадровых съемок. Все же цель, поставленная И.С. Максимовым-Кошкинским, была достигнута. Фильм «Сарпиге» при исполнительной смете 37 тыс. рублей был продан «Совкино» за 50 тыс. рублей [3, с.3], что дало возможность в 1927 г. приступить к съемке одновременно двух фильмов: документального – «Страна Чувашская» и художественного – «Черный столб». Документальная картина «Страна Чувашская» посвящалась 10-летию Октябрьской революции и должна была отразить достижения чувашского народа в области экономики, образования и культуры за этот период. Режиссером фильма был назначен московский журналист В. Королевич. Им была проделана большая подготовительная работа, которая, к сожалению, не увенчалась успехом. Фильм был построен на сюжетах из жизни дореволюционной Чувашии, в основном негативных ее сторонах. Премьера фильма состоялась 24 октября 1927 г. в Москве. И.С. Максимов-Кошкинский, занятый на съемках фильма «Черный столб», не имел возможности контролировать работу московского режиссера. Первый раз он увидел картину во время сдачи. На обсуждении И.С. Максимов-Кошкинский обвинил В. Королевича в том, что он включил в картину надуманные, неумело организованные кадры. Между ними состоялся резкий, нелюдский разговор. Местной печатью и зрителями фильм был воспринят как клевета на чувашский народ и быстро сошел с экрана.

На съемках «Черного столба» была создана совсем другая атмосфера. И.С. Максимов-Кошкинский заражал своей неумолимой энергией, талантом, сметливостью всю съемочную группу. Сценарий этого фильма был посвящен реакции, наступившей после революции 1905-1907 гг. К работе было привлечено много чувашских актеров: Т. Юн, П. Осипов, Г. Парне, И. Рублев и др. Режиссером был назначен Б. Шелонцев, ассистентом – Г. Парне, оператором – Г. Егизаров. Основным недостатком фильма, по мнению критики, был слабый сценарий. Но режиссерская работа и работа оператора заслужили одобрение, стал заметен возросший уровень актерского мастерства [4, с. 51].

Все последующие фильмы, снятые трестом «Чувашкино», были посвящены послереволюционной жизни Чувашии. Изменение человека, перестройка его сознания, появление новых духовных ценностей стали основным предметом исследования зарождающегося в новых условиях киноискусства.

1. Антонов М.К. Из истории «Чувашкино» // Ученые записки Научно-исследовательского института языка, литературы, истории и экономики при Совете Министров Чувашской АССР (ЧНИИ): Искусствоведение. - Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1967. Вып.35.
2. Антонов М.К. Из истории студии «Чувашкино» // Советская Чувашия. – 1995. – 26 августа.
3. Антонов М.К. Из истории студии «Чувашкино» // Советская Чувашия. – 1995. – 31 августа.
4. Сидорова А.П. К истории «Чувашкино» // Ученые записки ЧНИИ: Искусствоведение. - Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1975. Вып.57.
5. Чувашское искусство // Сунтал. – 1926. - №9.
6. Янгиров Р. «Волжские бунтари»: как создавался первый фильм о Чувашии // Молодой коммунист. – 1987. – 27 августа.

А.В. Филимонов (Псков, Россия)

По итогам «зимней» войны между СССР и Финляндией и в соответствии с советско-финским договором от 12 марта 1940 г. к СССР отошла территория Карельского перешейка с г. Выборгом, Выборгским заливом и островами, западное и северное побережье Ладожского озера с городами Кексгольм, Сортавала, Соуярви, ряд островов Финского залива, территория восточнее Меркярви с г. Коулаярви, часть островов Рыбачьего и Среднего. Карельский перешеек с г. Выборгом и Выборгским заливом, г. Кексгольм (в 1948 г. переименован в Приозерск) вошли в Ленинградскую область РСФСР. Часть территории была включена в Карельскую АССР, преобразованную в том же 1940 г. в Карело-Финскую ССР и вышедшую в связи с этим из состава РСФСР. Практически все население Западной Карелии, отошедшей от Финляндии к СССР, мигрировало в Финляндию: еще в 1939 г. из района Карельского перешейка выехало 426 тыс. финнов, а в 1940 г. миграция в основном завершилась [4, с. 6, 11, 138].

На отошедшей к РСФСР территории Карельского перешейка были образованы три новых района Ленинградской области: Каннельярвский, Койвистовский и Раутовский, г. Териоки преобразован в самостоятельную административно-территориальную единицу, город областного подчинения [3, с. 13]. Поскольку коренное население эти территории покинуло, они стали заселяться выходцами из других республик и областей страны, в том числе из Псковского края, являвшегося в довоенные годы частью Ленинградской области.

В мае 1940 г. Ленинградский облисполком и бюро Ленинградского обкома ВКП(б) приняли постановление «О мероприятиях по освоению территории Карельского перешейка, отошедшего к Ленинградской области», установив для районов области контрольные цифры переселения колхозных хозяйств на новые территории. Во исполнение решения областных организаций 21 мая 1940 г. совместное постановление «О переселении колхозных хозяйств на Карельский перешеек» приняли Псковский окрисполком и

бюро окружкома партии. Они утвердили количество хозяйств, намеченных к переселению, в разрезе районов: из Славковского, Карамышевского, Палкинского и Островского районов предстояло переселить по 20 хозяйств, из Сошихинского и Псковского – по 10 (всего из округа 100 хозяйств). Окружные органы обязали райисполкомы и райкомы ВКП(б) указанных районов «немедленно приступить к организованному отбору переселяемых колхозных хозяйств».

Не прошло и месяца, как 5 июня 1940 г. Ленинградский облисполком и бюро обкома партии утвердили дополнительный план переселения колхозных хозяйств на Карельский перешеек, а псковские окружные органы уже 11 июня довели задание до районов, из которых производилось переселение. На этот раз оно коснулось не только прежних, но и ряда других районов округа: из Гдовского района надлежало переселить 20 хозяйств, Псковского и Струго-Красненского – по 10, Сошихинского и Островского – по 5 (всего из округа 50 хозяйств). Окрисполком и бюро окружкома ВКП(б) обязывали руководство этих районов «отобрать в порядке добровольности указанное количество колхозных хозяйств и обеспечить прибытие их к месту нового жительства в срок до 25 июня» [1, ф. Р-324. оп. 1. д. 473. л. 182, 219; 2, ф. 3. оп. 2. д. 176. л. 102, 180-181]. Кампанию, таким образом, предстояло провести весьма оперативно и в крайне сжатые сроки.

Переселение производилось не только из районов, входивших в состав Псковского пограничного округа, но и расположенных за его пределами, как и из ряда других районов обширной Ленинградской области и прочих областей РСФСР. В результате территория Карельского перешейка уже до Великой Отечественной войны была заселена в основном выходцами из других областей страны. Начавшаяся вскоре война нанесла огромный ущерб его экономике и трудовым ресурсам, поэтому с освобождением территории Карельского перешейка в 1944 г. потребовались дополнительные меры по его возрождению, в том числе и пополнению сильно сократившейся численности населения.

В ноябре 1944 г. территория Карельского перешейка была включена в состав Ленинградской области: Выборгский, Кексгольмский, Яскинский районы и города областного подчинения Выборг и Кексгольм. В августе 1945 г. центр Каннельярвского района был перенесен из с. Каннельярви в с. Райвола, а Каннельярвский район переименован в Райволовский [3, с. 14].

Пополнение людских ресурсов этих районов за счет переселенцев из других областей страны коснулось и Псковской области. Если в 1940 г. переселение полутора сотен колхозных семей из Псковского округа на Карельский перешеек было внутриобластным, то теперь уже существовала вновь образованная Псковская область, и вопросы переселения части ее жителей в соседний регион решались в Москве. В соответствии с указаниями СНК РСФСР от 25 августа 1945 г. и его Переселенческого управления Псковскому облисполкому уже в 1945 г. предписывалось немедленно организовать переселение на Карельский перешеек семей демобилизованных из Красной Армии, проживавших в Псковской области. Переселение надлежало произвести в три очереди: 12 семей – в сентябре 1945 г., 24 семей – в декабре, и еще 8 семей – в январе 1946 г. (всего 44 семьи) [1, ф. Р-1121. оп. 1. д. 125. л. 6].

Выбор в качестве переселенцев семей демобилизованных из Красной Армии не был случайным. Руководство страны рассчитывало таким путем быстрее решить вопрос с устройством вчерашних воинов и обеспечить их занятость в народном хозяйстве. Считалось, что демобилизованные из армии еще не успели в родных местах обзавестись собственным жильем и хозяйством, далеко не все из них трудоустроились, особенно в районах, сильно пострадавших в годы войны. К последним относилась и Псковская область, поэтому была надежда на скорое решение вопроса и без особых проблем.

21 сентября 1945 г. уже имелся список переселенцев «первой очереди»: 12 семей из 9 районов области (из Псковского, Островского и Дедовичского районов – по две семьи, из остальных – Славковского, Ашевского, Порховского, Полновского, Сошихинского и Дновского – по одной) [1, ф. Р-1121. оп. 1. д. 45. л. 4]. Для отправки их в распоряжение Псковского облисполкома было выделено 6 вагонов, которые формировались на нескольких железнодорожных станциях: в Пскове – два вагона, на остальных – по одному (Дедовичи, Остров, Порхов и Дно). После погрузки все вагоны должны были формироваться на станции Дно в один эшелон, направляемый отсюда в Карелию (отъезд был назначен на 30 сентября). Областной переселенческий отдел 20 сентября направил просьбу Управляющему Сельхозбанком о переводе переселенцам единовременного денежного пособия и возмещении всех расходов, связанных с переселением [1, ф. Р-1121. оп. 1. д. 47. л. 3, 44].

Казалось бы, необходимая подготовительная работа была проведена, но в последний момент все 12 семей – переселенцев первой очереди, отказались выезжать (их заявления и акты об отказе поступили в Переселенческое управление) [1, ф. Р-1121. оп. 1. д. 125. л. 6]. Власти объясняли это организационными упущениями (отбор переселенцев начался с запозданием, недостаточно велась с ними индивидуальная работа и т.п.), но главное заключалось все же в том, что псковичи не видели в переселении особой необходимости: территория Карельского перешейка тоже пострадала в годы войны, и большой разницы в условиях жизни там и в родных местах они не чувствовали. К тому же, не имелось и достаточных для этого стимулов: с отобранными на переселение не были своевременно проведены все необходимые расчеты, задержалась выдача пособий, до них не были четко доведены условия переселения, полагавшиеся при этом льготы, а иные просто не пожелали расставаться с родными местами.

Отказ переселенцев первой очереди, однако, вовсе не означал освобождения Псковской области от выполнения задания Правительства, поэтому ее руководство более серьезно озаботилось подготовкой к переселению новой группы – переселенцев «второй очереди». На этот раз последовало распоряжение облисполкома «О переселении в районы Карельского перешейка Ленинградской области 24 семей демобилизованных из Красной Армии, проживающих в Псковской области» от 27 ноября 1945 г., обязавшее переселенческий отдел и райисполкомы в срок до 15 декабря подготовить к переселению указанное число семей. Настоящим распоряжением определялись права переселенцев и делались поручения соответствующим областным организациям. Каждая переселенческая колхозная семья, не имевшая в личном пользовании скота, должна была получить с ферм колхоза, в котором она состояла, корову, 2-3 овцы и 5-10 кур, сельхозартели должны были провести с переселенцами все расчеты по трудодням – в размерах, предусмотренных производственными планами колхозов, рекомендовать находившиеся в их личном пользовании скот, птицу, имущество и предметы домашнего обихода взять с собой, оказать содействие в продаже жилых домов и надворных построек. Все переселенцы должны были перед выездом пройти медицинский осмотр и санитарную обработку, обеспечивались проездными документами, организовывался подвоз людей и имущества к станциям погрузки, торговые организации обязывались обеспечить продажу им необходимых товаров, хлеба и продуктов питания (сухой паек на каждого члена семьи сроком на 10 дней – по нормам, установленным для рабочих; по три пары валенок, одной паре кожаной обуви, два платка и два головных убора – на каждую семью). Областное отделение Сельхозбанка должно было выдать каждой переселенческой семье единовременное денежное пособие в размере 5000 руб. [1, ф. Р-903. оп. 1. д. 129. л. 515].

В начале декабря 1945 г. была уже отобрана новая группа переселенцев – 24 семьи, в которых насчитывалось 127 чел. (в каждой – от 2-х до 7 членов). Им предстояло «россыпью» поселиться в различных районах Карельского перешейка – Койвистовском, Кексгольмском, Раутовском, Яскинском, Выборгском и Каннельярвском, т.е. мест компактного размещения переселенцев в новых местах не предусматривалось. Преобладали среди них рядовые колхозники, но в списках значились также председатель колхоза, механик МТС, слесарь, сапожник, животновод, печник, кузнец, шофер. Переселенческий отдел, вооруженный решением облисполкома от 27 ноября 1945 г., обратился в областной отдел торговли с просьбой обеспечить продажу продовольственных и промтоваров всем 24 семьям, переселяющимся на Карельский перешеек [1, ф. Р-903. оп. 1. д. 129. л. 516-524; ф. Р-1121. оп. 1. д. 47. л. 218].

Они должны были отправиться из Псковской области 20 декабря 1945 г., но ситуация во многом повторилась: 10 семей, как и в предыдущий раз, отказались от переселения. Переселенческий отдел обратился в областное отделение Госбанка с просьбой обеспечить выдачу наличных денег (в сумме 70 тыс. руб.) уже только 14 семьям. Выдавать их предполагалось «дозами» в три очереди: к 18 декабря – на 5 семей (25 тыс. руб.), к 19 декабря – еще на 5 семей (25 тыс. руб.), и к 20 декабря – на оставшиеся 4 семьи (20 тыс. руб.). Затем выяснилось, что одна подобранная семья по указанному адресу вообще не проживала, поэтому к отправке было подготовлено только 13 семей. Но в декабре фактически удалось отправить только 8 семей. Некоторые райисполкомы (Славковский, Ашевский, Пожеревицкий), несмотря на распоряжение облисполкома, своевременно не обеспечили доставку переселенцев к станциям погрузки, ряд колхозов оказались не в состоянии обеспечить их скотом и птицей, задержал выдачу денег Госбанк (единовременного денежного пособия), у торгующих организаций отсутствовало достаточное количество промтоваров нужного ассортимента для продажи переселенцам и др. Поэтому 5 семей «второй очереди» были отправлены с запозданием – только в январе 1946 г.

В это время должна была отправиться на Карельский перешеек уже и группа «третьей очереди» – 8 семей, но с ней тоже случилась задержка, главным образом, по причине отсутствия в банке средств для выдачи единовременного денежного пособия. Переселенческий отдел выражал даже тревогу, что срыв сроков отправки их в январе ставит под угрозу направление этой группы вообще: «теперь, когда наступила весна, следует полагать, что большинство из этих 8 семей откажутся от переселения». Тревога не была напрасной: приближалось время весенне-полевых работ, и оставшимся на местах переселенцам необходимо было заняться посадкой картофеля и овощных культур, чтобы обеспечить себя продуктами на зиму. Запоздалое прибытие на Карельский перешеек, после завершения времени посева, обрекало их в новых местах на голодное существование [1, ф. Р-1121. оп. 1. д. 125. л. 6-7, 13-14; д. 47. л. 251].

Следовательно, в 1945 – начале 1946 г. задание Правительства по переселению на Карельский перешеек Псковской областью было выполнено не полностью, – главным образом, не по причине нежелания ее жителей, а вследствие труднейшего положения края после тяжелейшей войны. Финансовым учреждениям оказывалось порой не под силу обеспечить переселенцев необходимыми пособиями, торговым предприятиям – организовать продажу нужных товаров и продуктов, колхозы оказывались не в состоянии выделить скот и птицу (особенно коров, потому что фермы только начинали возрождаться), и даже произвести расчеты с изъявившими желание на переселение по трудодням. Выезд небольшого количества семей в районы Карельского перешейка на состоянии трудовых ресурсов Псковской области существенно не сказался, но этот регион был в послевоенные годы первым, куда начались плановые переселения жителей из вновь образованной области. За Карельским перешейком последовали Калининград-

ская область и Сахалин (1946-1948 гг.), затем – районы Севера, Востока и Сибири, целина и др., вдобавок ежегодно проводились плановые вербовки населения в промышленность, строительство, на транспорт, лесо- и торфозаготовки и др., наборы молодежи для обучения в школах ФЗО и ремесленных училищах. Вследствие значительных людских потерь в годы войны, сокращения естественного прироста и миграций в другие регионы страны численность населения Псковской области в течение всех послевоенных лет неуклонно уменьшалась.

Переселение на Карельский перешеек производилось в 1945-1946 гг. не только из Псковской области, но и из ряда других регионов, поэтому здесь было обеспечено значительное преобладание русского населения над оставшимся коренным – финнами, карелами и др. Таким образом, переселения имели гораздо большие последствия не для коренных российских областей, к числу которых относилась и Псковская, а для вновь заселяемой территории. Логическим следствием этого стало переименование районов, городов, рабочих поселков и сельсоветов на Карельском перешейке, которые вместо прежних финских названий приобрели русские. В октябре 1948 г. Кексгольмский район был переименован в Приозерский (райцентр Кексгольм – в г. Приозерск), Койвистовский – в Приморский (райцентр Койвисто в г. Приморск), Райволовский – в Рощинский (райцентр Райвола – в селение Рощино), Раутовский – в Сосновский (райцентр пос. Раута - в пос. Сосново) и др. В 1949 г. были присвоены русские наименования всем населенным пунктам Выборгского, Приозерского, Приморского, Сосновского, Лесогорского и Рощинского районов; большинство их было названо в память воинов Красной Армии, погибших в районах Карельского перешейка во время Великой Отечественной войны [3, с. 15].

1. Государственный архив Псковской области (ГАПО).
2. Отделение документов новейшей истории и по личному составу Государственного архива Псковской области (ОДНИЛС ГАПО).
3. Административно-территориальное деление Ленинградской области: Справочник. – Л.: Лениздат, 1990. – 224 с.
4. Население России в XX веке: Исторические очерки. – Т. 2 (1940 – 1959 гг.). – М.: «Наука», 2001.- 346 с.

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ НАСЕЛЕНИЯ В УСЛОВИЯХ НАЦИСТСКОЙ ОККУПАЦИИ (ПО МАТЕРИАЛАМ ГОСУДАРСТВЕННОГО АРХИВА ДНЕПРОПЕТРОВСКОЙ ОБЛАСТИ)

В.К. Клец (Днепр, Украина)

Несмотря на почти 73-хлетнее расстояние после окончания Великой Отечественной и Второй мировой войн, они не прекращают привлекать внимание исследователей. Но на протяжении длительного времени основное внимание уделялось вопросам борьбы на фронтах, политике воюющих держав, политическим и экономическим аспектам оккупационного периода. И практически никто не освещал проблемы повседневной жизни населения в условиях оккупации. Только в последние десятилетия начинают появляться работы, посвященные этой проблеме [27; 28; 30]. Они помогают более полно отобразить картину оккупационного режима на занятых немецкими войсками территориях. Кроме того, стоит учитывать, что, как отмечает российский исследователь Н.С.Борисов, «в суете будней причудливо сочетается личное и общественное, государственное и общечеловеческое, сиюминутное и вечное» [1, с. 4].

Важную роль в решении проблемы освещения повседневной жизни населения в условиях играют архивные документы. Большая коллекция подобных документов хранится в Государственном архиве Днепропетровской области. Это документы органов оккупационной администрации (сельских [4], районных [21; 24], городской [2], областной управ [13], штатд- и гебитскомиссариатов [3; 22]), сельскохозяйственных предприятий [23], периодические издания. Данные документы можно разделить на несколько групп в зависимости от сферы общественной жизни, которая в них освещается. Наиболее информативными являются документы, освещающие такие сферы жизни, как работа и быт населения, сфера образования.

Немаловажное значение оккупационные власти уделяли организации сельскохозяйственного производства, так как необходимо было обеспечить сырьем и продовольствием как население и промышленность Германии, так и ее вооруженные силы. Данный сюжет довольно подробно освещается в документах фондов сельских и районных управ [4; 21; 23; 24].

Новая власть сразу же начала осуществлять реорганизацию аграрного сектора, но она касалась скорее его формы, а не содержания. Колхозная система оставалась практически в неизменности. Например, очень часто в распоряжениях старостам сельских управ говорилось о том, что колхозы должны сдавать свою продукцию тем же образом, что и до войны, сохранялись при этом и довоенные расчеты с колхозами. Вместо колхозов в соответствии с директивой имперского министра по делам оккупированных восточных областей А.Розенберга от 15 февраля 1942 г. создавались «общественные хозяйства», но они почти ничем не отличались от колхозов: возглавляли их старосты, в них сохранялась обязательная трудовая повинность, вышестоящие власти решали, какую часть урожая надо сдавать, а какую – оставлять себе,

чуть ли не ежедневно колхозы отчитывались о ходе работ. И самое любопытное: всем общественным хозяйствам присваивались номера, но в официальной документации использование этих номеров было большой редкостью. Гораздо чаще вплоть до середины 1943 г. в документации использовались довоенные наименования: колхозы им. Петровского, Ленина, Сталина, Кирова и др., «Красный Маяк», «Большевицкие Степи», «Красная Волна» и т.п.

Более значительное внимание оккупационные власти уделяли развитию бывших совхозов, которые переходили под непосредственное немецкое управление и становились собственностью немецкого государства. В Директиве рейхскомиссару Украины Э.Коху по поводу Украины А.Розенберг в этой связи писал: «Необходимо (при помощи военнопленных или иным образом) под немецким руководством восстановить как раз эти хозяйства как зерновые производства для Германии и доверенных ей народов» [25, с. 543].

Большое внимание оккупационная власть уделяла развитию кооперативного движения. При Днепропетровской областной управе был создан кооперативный комитет. Как указывало временное положение о комитете, он создавался с целью «наибольшего направления творческих сил на возрождение народного хозяйства, разрушенного большевистским господством и войной, широкой поддержки проявлений инициативы и самостоятельности, и правового и хозяйственного упорядочения кооперативных организаций области» [20, л. 1].

Осуществлялись властью и мероприятия, направленные на удовлетворение потребностей местного населения. Так, в одном из дел хранится 118 заявлений жителей Просьянской сельской управы с просьбой о наделении их земельными участками. На заявлениях имеются резолюции об удовлетворении этих просьб [6]. Сохранилось также много заявлений с другими просьбами (о наделении дровами, углем, хлебом, железом и т.п.). Помощь крестьянам оказывали и деньгами, для чего был создан соответствующий фонд. Так, в одном из дел имеется список граждан Просьянской сельской управы, которым была оказана денежная помощь. В списке 8 человек, из которых 6 женщин и 2 мужчин. Один из них получил помощь в размере 50 рублей, еще один – 70 рублей и 6 человек – 100 рублей [7, л. 5-а] (зарплата старосты составляла 700 рублей [7, л. 65]).

За свой труд крестьяне получали вознаграждение. Как и до войны расчет осуществлялся по трудодням. Нормы были установлены в количестве 22 кг зерна за месяц. Заработная плата, превышавшая стоимость выданного зерна, выплачивалась деньгами [11, л. 1]. Для крестьян, у которых не было зерна после зимы, разрешалась его выдача. Так, в Васильковском районе в апреле 1942 г. распоряжением главного агронома-начальника райсельхозотдела района были установлены следующие нормы: на одного трудоспособного, у которого есть неработающие члены семьи – 800 г зерна за выход, на трудоспособного, у которого нет неработающих членов семьи – 600 г, на подростков (от 12 до 16 лет) – 400 г [5, л. 91].

Вместе с тем крестьяне несли определенные повинности. Это и налог на землю, и налог на строения, и налог на содержание собак, и сдача сельскохозяйственной продукции. Их величина периодически менялась. Например, в октябре 1942 г. Васильковской районной управой был установлен план обязательных поставок картофеля из расчета 2 кг с одной сотки земли, засаженной картофелем [8, л. 11]. Норма сдачи молока составляла до марта 1942 г. 270 литров в год, а с марта 1942 г. – 720 литров в год с продуктивной коровы [9, л. 26]. В 1943 г. этот план был снижен до 650 литров в год [10, л. 24].

Немало документов посвящены вопросам организации образовательного процесса.

Открывая школы, оккупационная администрация требовала, чтобы в них учились все дети школьного возраста. По мнению Б.В.Соколова это объяснялось тем, что «...они боялись, что в противном случае [жители] могут пополнить ряды преступников и партизан» [30, с. 321–322]. Хотя более верной выглядит причина, высказанная Джорджем Моссе, который считал, что «...нацизм, подобно любому другому революционному движению, ставил перед собой задачу привлечения на свою сторону молодого поколения и использования его в своих целях» [29, с. 308]. Т.е. учебные заведения были важны для идеологического воспитания населения. Ну и кроме того оккупантам нужны были не только слепые исполнители их воли, а и специалисты.

Коллекция архивных документов подробно освещает вопросы организации образовательного процесса, в фонде Днепропетровской городской управы содержатся многочисленные заявления о приеме на работу и анкеты заявителей [2]. Ряд документов подробно раскрывает структуру и порядок работы вузов города.

По данным архивных документов школы начинали свою работу по мере отдаления фронта. Например, в Днепропетровске, который был оккупирован в конце августа 1941 г., школы начали работу 1 октября. Здесь начала работу 41 школа [15, л. 153]. Открывались также школы и в районах области [16, л. 3; 18, л. 1; 19, л. 129].

Школы работали как на платной, так и на бесплатной основе. Так, в украинских школах обучение в первых четырех классах было бесплатным, а в школах с русским языком обучения – платным, в последующих классах плата за обучение в школах с русским языком обучения была приблизительно в 2 раза выше. При этом дети учителей, пенсионеров, репрессированных, а также дети из семей, в которых обучалось больше одного ребенка, по рассмотрению поданных заявлений от платы за обучение освобождались [17, л. 54]. Для повышения квалификации учителей в феврале 1942 г. при отделе народного образо-

вания областной управы был создан сектор педагогической переподготовки и усовершенствования учителей [14, л. 15].

Открывались не только школы, но и детские дошкольные учреждения. Цели при этом преследовались прагматические – чтобы родителям ничто не мешало выходить на работу. Невыполнение распоряжения об организации яслей и детских садов предусматривало дисциплинарную ответственность старост управ [12, л. 54].

Помимо школ открывался ряд средних специальных учебных заведений. Это Грушевская двухгодичная сельскохозяйственная школа, Апостоловская ремесленная школа, Эрастовский сельскохозяйственный техникум, в Днепропетровске железнодорожный техникум, железнодорожно-ремесленная школа, землеустроительный техникум, индустриальный техникум, фельдшерско-акушерская школа [14, л. 13]. Все эти заведения работали на самоокупаемости (плата за обучение, организация производственных мастерских и т.д.). Наверное, именно поэтому они продолжали свою работу и зимой 1941–1942 гг., когда из-за нехватки топлива приостановили свою работу школы и высшие учебные заведения.

Были открыты в городе и три высших учебных заведения: университет, политехнический и транспортный институты. Набор в эти вузы проходил с 1 октября по 1 ноября 1941 г. [26] Зимой 1941–1942 гг. они прерывали свою работу, но уже весной 1942 г. эта работа была возобновлена и были выпущены первые выпускники с дипломами. Особое внимание оккупационные власти уделяли подготовке медиков, переводчиков и специалистов-агров.

Повседневная жизнь населения в условиях оккупации носила противоречивый характер. Оккупанты пытались добиться некоторой стабильности на оккупированных территориях и с этой целью проводили некоторые мероприятия, направленные на успокоение населения. И в то же время стоит согласиться с Б.Н.Ковалевым, который говорит о том, что «повседневную жизнь человека в условиях оккупации было бы точнее назвать «выживанием»» [28, с. 596]. Архивные же документы позволяют раскрыть эту жизнь со всех сторон. И в этом заключается главная задача исследователя.

1. Борисов, Н.С. Повседневная жизнь средневековой Руси накануне конца света / Николай Сергеевич Борисов. – М.: Молодая гвардия, 1997. – 293 с. – (Живая история. Повседневная жизнь человечества).
2. Государственный архив Днепропетровской области. – Ф. 2276. Украинская вспомогательная управа, г. Днепропетровск.
3. Там же. – Ф. 2281. Генеральный комиссариат, г.Днепропетровск.
4. Там же. – Ф. 2311. Сельские управы Днепропетровской области (объединенный фонд).
5. Там же. – Оп. 1, д. 31.
6. Там же. – Д. 44.
7. Там же. – Д. 55.
8. Там же. – Д. 59.
9. Там же. – Д. 69.
10. Там же. – Д. 81.
11. Там же. – Д. 88.
12. Там же. – Д. 104.
13. Там же. – Ф. 2443. Днепропетровская областная управа.
14. Там же. – Оп. 1, д. 1.
15. Там же. – Д. 2.
16. Там же. – Д. 2-а.
17. Там же. – Д. 5.
18. Там же. – Д. 14.
19. Там же. – Д. 15.
20. Там же. – Д. 87.
21. Там же. – Ф. 2531. Васильковская районная управа Днепропетровской области (1941–1943).
22. Там же. – Ф. 2567. Днепропетровский штабкомиссариат.
23. Там же. – Ф. 3300. Государственные хозяйства Днепропетровской области.
24. Там же. – Ф. 3388. Фризендорфская районная управа Днепропетровской области.
25. Директиви Розенберга райхскомісару Коху стосовно України. Берлін, 18 листопада 1941 р. // Косик, В. Україна і Німеччина у Другій світовій війні / Володимир Косик. – Париж; Нью-Йорк, Львів: [Б.В.], 1993. – С. 541–544.
26. Дніпропетровська газета. – 1941. – 28 листопада.
27. Клец, В.К. Повседневная жизнь немцев Украины в условиях нацистской оккупации (1941–1944) / В.К.Клец // Два с половиной века с Россией (к 250-летию начала массового переселения немцев в Россию): Материалы 4-й международной научно-практической конференции. Москва, 24–27 августа 2012 г. – М.: МСНК-пресс, 2013. – С. 474–489.
28. Ковалев, Б.Н. Повседневная жизнь населения России в период нацистской оккупации / Борис Ковалев. – М.: Молодая гвардия, 2011. – 619 с. – (Живая история. Повседневная жизнь человечества).
29. Моссе, Дж. Нацизм и культура. Идеология и культура национал-социализма / Джордж Моссе; пер. с англ. Ю.Д.Чупрова. – М.: ЗАО Центрполиграф, 2003. – 446 с.
30. Соколов, Б.В. Оккупация. Правда и мифы / Борис Вадимович Соколов. – М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2002. – 352 с. – (Историческое исследование).

ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В ДЕРЕВНЕ ЕВРОПЕЙСКОГО СЕВЕРА РОССИИ В 1940–1950-Е ГГ.

О.В. Ильина (Вологда, Россия)

Изучение демографических процессов в деревне Европейского Севера России в 1940–1950-е гг. связано с тем, что этот период был одним из переходных в истории страны, характеризовался изменением динамики народонаселения, в тоже время изменения в численности и составе сельского населения были более глубокими, поэтому они требуют детального рассмотрения. Традиционно Европейский Север включает в себя Архангельскую и Вологодскую область, Республики Коми и Карелия.

Основные источники, позволившие показать изменения в рождаемости, смертности, естественном приросте сельского населения, в составе и размере сельской семьи, миграционных тенденциях 1940–1950-х гг., извлечены из центральных и местных архивов, а также данных опубликованной статистики. Однако, опубликованные статистические материалы выходили не каждый год. К ним можно отнести итоги переписей населения 1939 и 1959 гг., статистические сборники «Народное хозяйство страны или отдельного региона ежегодно с конца 1950-х гг., некоторые юбилейные издания, характеризующие развитие того или иного региона за определенный период. Поэтому значительный массив подробных данных текущего учета населения был извлечен из фондов Государственного архива Российской Федерации (далее ГАРФ) и Российского государственного архива экономики (далее РГАЭ), а также из фондов региональных архивов Государственного архива Вологодской области (далее ГАВО), Вологодского архива новейшей политической истории (далее ВОАНПИ), Государственного архива Архангельской области (далее ГААО), Национального архива Республики Коми (далее НАРК).

ГАРФ (Ф. А-374 ЦСУ при Совете Министров РСФСР) располагает значительным комплексом документов, характеризующих межрегиональную и внутрирегиональную миграции сельского населения в 1940–1950-е гг., а именно сводными статистическими отчетами ЦСУ о «передвижении населения за ... г.». Архивы областных управлений государственной статистики также содержат материалы о миграции сельского населения, так называемые «сведения о передвижении населения по возрасту и полу» (ГАВО. Ф. 1703), а также материалы фондов переселенческих отделов при Вологодском и Архангельском облисполкоме (ГААО. Ф. 1133; ГАВО. Ф. 3105), которые существенно дополняют сведения о территориальном перемещении сельских жителей, включая такие его формы, как эвакуация и реэвакуация, государственное сельскохозяйственное переселение колхозных семей. Анализ данных материалов позволил сделать вывод о том, что миграционное движение – это фактор, постоянно оказывающий влияние на демографические процессы, связанные с изменением численности населения, его половозрастного состава, особенностей воспроизводства. Интенсивность миграционных процессов, в ходе которых деревня отдает часть своих людских ресурсов городу, формирует особенности динамики сельского и городского населения. В первой половине 1940-е гг. решающую роль в миграционных процессах играла эвакуация населения вглубь страны и мобилизация населения на фронт, продолжалось осуществляться начатое до войны движение крестьян в другие отрасли народного хозяйства, в города.

В конце и после войны миграционные потоки формировались под влиянием ее последствий. Еще в 1943 г. началась реэвакуация населения. Летом 1945 г. началась демобилизация из рядов Красной Армии, проводившаяся вплоть до 1948 г. Интенсивность миграционных перемещений после войны определялась и необходимостью восстановительных работ, приоритетом развития промышленности в государстве. Промышленное освоение регионов Европейского Севера России требовало привлечения новых рабочих рук, отчасти эта задача решалась за счет трудоспособного населения, которое переселялось на Европейский Север России из других регионов РСФСР и СССР. В то же время, по данным ЦСУ СССР, территориально на Европейском Севере России преобладали внутриобластные и внутриреспубликанские перемещения, в которых сельское население играло ключевую роль. Среди прибывших из сельской местности в городские поселения Вологодской, Архангельской областей и Коми АССР в 1940–1950-е гг. преобладала молодежь в возрасте 18–24 лет. Продолжалось осуществляться начатое до войны сельскохозяйственное переселение, организованное государством. Активно заселялась КФССР. В 1949–1952 гг. в колхозы КФССР было переселено 4150 семей. [2] В плановом сельскохозяйственном переселении второй половины 1950-х гг. большое место уделялось организации лесного хозяйства и совхозов, особенно на территории Карельской АССР, куда в 1956–1959 гг. в общей сложности была переселена 3241 семья [1].

Для учета половозрастного состава сельского населения привлекались материалы отчетов ЦСУ «О единовременном учете половозрастного состава сельского населения за ... г.» из центральных архивов (РГАЭ. Ф. 1562; ГАРФ. Ф. А-374).

Изменение половозрастной структуры колхозного крестьянства и демографических показателей крестьянской семьи прослеживается на основе материалов сводных годовых отчетов колхозов, которые сохраняются в центральных (РГАЭ. Ф. 1562.; Ф. 7486.) и местных (ГААО. Ф. 1892; ГАВО. Ф. 1705; НАРК. Ф. 140) архивах. Первый раздел отчетов о составе семьи дает демографическую характеристику двора:

численность трудоспособных колхозников—мужчин и женщин, престарелых и инвалидов, число подростков. Анализ трудоспособной части крестьянского двора показывает, что в группе возрастов от 16 до 55 лет у женщин и от 16 до 60 лет у мужчин на протяжении всего изучаемого двадцатилетия сохранялся половой дисбаланс. В 1945 г. на Европейском Севере России в расчете на 100 колхозных дворов приходилось 26 трудоспособных мужчин в возрасте от 16 до 60 лет, в 1950 г. — 36, в 1959 г. — 57. Что касается доли трудоспособного женского состава крестьянской семьи, то в 1945 г. на 100 дворов приходилось 92 трудоспособные женщины, в 1950 г. — 85, а в 1959 г. — 91 [3]. Одновременно с сохранением диспропорции полов в изучаемый период отмечается постоянный процесс старения крестьянской семьи, увеличение в ее составе лиц старше 60 лет. Изменения в составе крестьянской семьи коснулись и группы подростковых возрастов 12–16 лет. В изучаемый период на Европейском Севере России произошло снижение абсолютной численности подростков. Показатель числа подростков в расчете на 100 дворов, составлявший в 1939 и в 1945 гг. 37 чел., резко падает в 1959 г.: до 16–18 чел., что отражает снижение рождаемости в военные годы [3].

В целом, в изучаемый период количество сельских семей на Европейском Севере России сократилось почти на 20%, произошло сокращение размера и изменение состава сельской семьи, продолжает расти доля малых семей от 2 до 4 чел. В результате военных потерь происходило увеличение числа семей неполных, где главами являлись женщины — вдовы, потерявшие мужей на фронте и оставшиеся с детьми, они не сумели в условиях послевоенного дефицита мужчин повторно выйти замуж.

Для изучения воспроизводства населения привлекались материалы из ГАРФ и архивов областных управлений статистики, содержащие данные о естественном движении населения в сельской местности Европейского Севера России (ГАРФ. Ф. А-374). Итоги естественного движения сельского населения за определенный год включали в себя данные о количестве родившихся и умерших по полу, в том числе число умерших детей в возрасте до одного года, данные о числе браков и разводов.

В изучаемый период динамика показателей рождаемости и смертности во многом была связана с чрезвычайной военной обстановкой первой половины 1940-х гг., послевоенным восстановительным периодом, и как уже отмечалось, активной миграционной подвижностью населения. В военный период показатели рождаемости снижались, а смертности — росли, довоенный уровень рождаемости не был достигнут ни в 1940-е, ни в последующие десятилетия. Уровень смертности в послевоенный период снижается, скачок смертности приходится на 1947 г. Данные об умерших по возрасту и полу в сельской местности позволяют сделать вывод, что в 1940–1950-е гг. большой процент умерших приходился на возрастную группу детей от 0 до 4 лет и на пожилую возраст от 60 лет и старше. В целом, процесс воспроизводства сельского населения в 1946–1950-е гг. развивался неравномерно, что было обусловлено, с одной стороны, преодолением последствий военного времени, с другой — выходом на новый этап репродуктивного поведения. Преодоление последствий военного времени проходило в тяжелых условиях, когда положительно протекавшие процессы воспроизводства в силу компенсаторного периода были приостановлены некоторыми кризисными явлениями в северной деревне.

Более подробную информацию о брачном движении населения можно получить из материалов текущего учета, так называемых «сведений о браках по возрастам брачующихся за ... г.» (ГАРФ. Ф. А-374). Они составлялись статистическими управлениями на уровне области, края, автономной республики, а затем сводились в республиканские статистические управления. Конечно, эта информация относилась лишь к зарегистрированным бракам. Из-за демографических потерь в войну значительно сократилось количество бракоспособного населения в репродуктивном возрасте, изменился его половозрастной состав, что сопровождалось потерями в общей численности населения, рождением малого числа детей в течение не одного последующего десятилетия. Диспропорция полов ставила женщин в невыгодное положение на брачном рынке, определяла их дальнейшее репродуктивное поведение, которое было связано в том числе с рождением детей вне брака. В центральных архивах в отчетах ЦСУ содержатся сведения о родившихся, в отношении которых в акте о рождении отсутствуют записи об отце. Они позволяют выявить общее число детей родившихся вне брака, долю внебрачных детей в общей численности рождений в том или ином году, возраст матери-одиночки, ее социальное положение. В целом по Европейскому Северу России более 60% внебрачных рождений приходилось на женщин в возрасте от 20 до 30 лет. К концу 1950-х гг. число детей, рожденных вне брака, уменьшается, это объясняется тем, что к этому времени происходит выравнивание численности полов в возрастных группах от 20 до 34 лет, позволявшее женщине вполне успешно найти брачного партнера и родить ребенка в браке.

Брачное поведение мужчин также претерпевало изменения, среди них растет число тех, кто вступал в повторные браки, поэтому, несмотря на усложнение процедуры развода, растет количество расторгнутых супружеских союзов.

При анализе тенденций процессов разводимости применяются «Сведения о разводах по возрасту разводящихся и продолжительности расторгнутых браков за ... г.» отдельно по городской и сельской местности и сводные данные (ГАРФ. Ф. А-374). Сведения о разводах показывают изменения числа разводов в изучаемый период, возраст разводящихся мужчин и женщин, продолжительность расторгнутых

браков. В целом, уровень разводимости сельского населения Европейского Севера России в изучаемое 20-летие можно оценить как невысокий, если сравнивать его с брачностью. В 1940 г. на Европейском Севере России в расчете на 1000 заключенных браков приходилось 114 разводов. Данный показатель понижается к концу 1950-х гг.: в 1959 г. в расчете на 1000 браков приходилось 47 разводов.

Особую разновидность статистических документов о населении составляют материалы отделов здравоохранения. Были изучены материалы отделов здравоохранения Архангельского и Вологодского обл. исполкомов (ГААО. Ф. 1932; ГАВО. Ф. 1637). В них представляет интерес информация о родовспоможении на селе, числе аборт, произведенных по медицинским показаниям и криминальным образом, об общем состоянии развития медицинской помощи и медицинских учреждений на селе. Показатели по этим вопросам находятся в «Сводных годовых отчетах о сети, деятельности и кадрах медицинских учреждений за ... г.».

В целом, демографическое развитие деревни Европейского Севера России в 1940–1950-е гг. происходило в контексте изменений, называемых демографической модернизацией. После катастрофических условий Великой Отечественной войны и послевоенного голода наблюдалась тенденция к становлению малых семей, простому типу воспроизводства, снижению рождаемости и смертности.

1. ГАРФ. Ф. 518. Оп. 1. Д. 24. Л. 38; Д. 65. Л. 72; Д. 100. Л. 67; Д. 133. Л. 103. (переселение);
2. РГАНИ. Ф. 5. Оп. 24. Д. 587. Л. 28–32.
3. РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 324. Д. 1369. Л. 1, 1об.; Д. 3594. Л. 7; Д. 3657. Л. 77; Д. 6808. Л. 5. (по трудоспособным); РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 324. Д. 5108. Л. 2, 21, 39; Д. 5398. Л. 5; Д. 5714. Л. 5; Д. 5997. Л. 6; Д. 6244. Л. 8; Д. 6535. Л. 6; Ф. 7486. Оп. 7. Д. 1246. Л. 7. (подростки)

ПОЛЯКИ И ПОЛЬСКИЕ ГРАЖДАНЕ В СОВЕТСКИХ ЛАГЕРЯХ НА УРАЛЕ (1945–1947). ИСТОРИЧЕСКИЙ ОЧЕРК

Дариуш Рогут (Лодзь, Польша)

Вторжение Красной Армии со второй половине 1944 года на территорию Республики Польша не только положило конец немецкой оккупации, но и стало началом новой, советской оккупации. По политическим соображениям НКВД и военные контрразведывательные подразделения Смерш проводили массовые аресты поляков и польских граждан, которые были не только солдатами Армии Краёвой, но представляли собой потенциальную угрозу для коммунистической диктатуры в Польше. Всеобщий террор имел целью запугать общество и облегчить захват власти советскими коллаборационистами из ППР и ПКНО. Согласно примерным данным от января 1944 г., до конца сороковых годов с территории Второй Речи Посполитой, в том числе с её восточных рубежей, было вывезено около 100 тыс. поляков и польских граждан, которые были направлены в трудовые лагеря¹⁴.

Репрессированных лиц отправляли в различные места лишения свободы. Как «интернированные», солдаты независимого подполья и подозреваемые в участии в нём, а это около 10 000 поляков, были отправлены в лагеря для военнопленных и интернированных, такие как № 270 в Боровичах¹⁵, № 41 в Осташкове¹⁶, № 454 в Рязани¹⁷, № 516 в Красноводске¹⁸. В проверочно-фильтрационные лагеря (ПФЛ), такие как на Донбассе, в Сталиногорске, Саратове, Кизеле и Шатуре, попадали гражданские лица, которые были интернированы в Польше и на восточных приграничных территориях Второй Речи Посполитой, в большинстве своём как подозреваемые в участии в польском подполье. Всего в первые месяцы 1945 г. в ПФЛ находились более 18 000 поляков и польских граждан. В исправительно-трудовых лагерях (ИТЛ) лица, осуждённые за якобы преступления, совершённые против советского государства. Главным образом они были осуждены военными трибуналами фронта или Особым совещанием НКВД (ОСО), на осно-

¹⁴ См.: Polska 1939-1945. Straty osobowe i ofiary represji pod dwiema okupacjami, red. W. Materski, T. Szarota, Warszawa 2009; D. Rogut, *The Polish Civilians and the Soldiers of the Home Army in NKVD/MVD Camps After 1944* [w:] *Gulag-Gupvi. The Soviet Captivity in Europe*, red. Reka Kiss, Istvan Simon, Budapest 2017, s. 185-206; idem, *Lengyel civilek és a Honi Handsereg katonái az NKVD/MVD táborában 1944 után* [w:] *Gulag-Gupvi. A szovjet fogság Európában*, Reka Kiss, Istvan Simon, Budapest 2017, s. 181-202; idem, *Deportacje Polaków i obywateli polskich do ZSRS w 1945 roku: droga na Wschód* [w:] *Pod czerwoną gwiazdą. Aspekty sowieckiej obecności w Europie Środkowo-Wschodniej w 1945 roku*, red. S. Rosenbaum, D. Węgrzyn, Katowice – Warszawa 2017, s. 90-109.

¹⁵ D. Rogut, *Losy żołnierzy Armii Krajowej („riazańczyków”) w sowieckim obozie MWD nr 270 w Bórowicach (1947-1949)* [w:] *Wokół spraw trudnych, bolesnych i zapomnianych. Studia i szkice*, red. E. Kowalczyk, L. Ladorucka, W. Marciniak, B. Szubtarska, J. Żelazko, Łódź 2014, s. 497-519; idem, *Żołnierze Armii Krajowej w obozie sowieckim NKWD nr 270 w Bórowicach (1944-1946)*, Żelów 2017.

¹⁶ D. Rogut, *Z dziejów internowanych Polaków w Związku sowieckim: obóz nr 41 w Ostaszkowie*, „Dzieje Najnowsze” 2001, nr 2, s. 79-101.

¹⁷ См.: D. Rogut, *Ucieczki żołnierzy Armii Krajowej z obozu NKWD-MWD nr 178-454 w Riazaniu (1945-1946)*, „Dzieje Najnowsze” 2008, nr 3, s. 79-93; A. Arkusz, *Obywatele polscy w obozie NKWD-MWD ZSRR nr 178-454 w latach 1944-1947*, Kraków 2010; D. Rogut, *Internowani oficerowie Armii Krajowej w sowieckim obozie jenieckim nr 150 w Griazowcu w latach 1947-1948* [w:] *Sowiecki system obozów i więzień. Przykłady wybranych państw*, red. J. Bednarek, Łódź 2013, s. 75-110.

¹⁸ D. Rogut, *Wrota piekieł. Żołnierze Armii Krajowej i obywatele polscy w obozie NKWD nr 516 w Krasnowodzku* [w:] *Sowieckie obozy dla jeńców wojennych i internowanych 1939-1956. Przykłady wybranych państw*, red. J. Bednarek, D. Rogut, Łódź 2018, s. 45-69.

ве статей советского уголовного кодекса, в основном от 58-1а (измена родине) до 58-14 УК РСФСР, и соответствующих статей УК союзных республик, а также Указа Президиума Верховного Совета СССР от 19 апреля 1943 года. Всего в 1947-1952 годах число поляков в лагерях ГУЛАГ составляло от 21 000 до 25 000 человек¹⁹. В трудовые батальоны Красной Армии, принудительно и незаконно включённые в ряды Красной Армии, попадали жители восточных областей Второй Речи Посполитой, присоединённых к Советскому Союзу. Примером является судьба почти 5000 солдат АК, разоружённых и вывезенных в августе 1944 года из Вильнюса в Калугу, а затем отправленных в трудовые батальоны Красной Армии. В свою очередь, в трудовых батальонах, созданных для немцев, оказалось 50 000 арестованных польских граждан: мазуров, кашубов и силезцев, однако сложно точно определить, сколько в них было поляков²⁰.

Ещё несколько тысяч поляков (подозреваемых в службе в АК) и несколько тысяч довоенных польских граждан: мазуров, кашубов и немцев, подозреваемых в сотрудничестве с оккупантами, были отправлены в лагеря для военнопленных и интернированных на Урале: № 231 (более 1000 поляков), 337, 504, 523 (более 500 поляков) в Свердловской области; № 102, 506, 507, 522 (Челябинская область); № 172, 235, 260 (Чкаловская-оренбургская область) и № 503, 526, 525 (Кемеровская область). Большинство лагерей находились рядом с угольными шахтами, а интернированные лица использовались для его добычи.

Из имеющихся примерных данных следует, что с февраля по апрель 1945 года из тюрьмы НКВД в Цеханове (два транспортных эшелона), в Дзялдово (восемь транспортных эшелонов), в Грудзёндзе (четыре транспортных эшелона) было вывезено около 22 000 тыс. человек. Из этого числа были проверены данные на почти 11 000 заключённым, из которых, по меньшей мере, 500 человек погибли на пути на Урал, т. е. 5% из всего числа направленных туда лиц²¹.

Челябинская область. В лагеря Челябинской области: № 102 с администрацией в городе Челябинске (начальник - подполковник Аркадий Пономарёв), № 377, № 506, № 507 и № 522 попали в апреле 1945 года с 3 до 11 тысяч поляков и польских граждан. Большинство было арестовано в Восточной Пруссии, но часть в Познаньском воеводстве и в Померании. Лагерь № 506 для интернированных лиц, администрация которого находилась в г. Копейске (начальник администрации майор Бориса Исурин, полковник Даниил Гузачев) с лимитом в 11 500 человек состоял из 8 лаготделений. В мае 1945 года был создан лагерь № 522 в Коркино (начальник администрации майор Александр Конарёв) с лимитом в 10 200 человек с пятью лаготделениями. Самое крупное лаготделение № 1 для 4000 заключённых был создан в поселке Роза. В середине 1945 г. в нём находились почти 1200 поляков. Также из них формировались рабочие батальоны № (1079, 1080, 1083 1651, 1652). С сентября 1945 г. начался процесс освобождений из лагеря. До января 1946 г. было отправлено пять эшелонов. После расформирования лагерей № 102, 180, 506, 522 интернированных лиц освобождали из лаготделений, которые подчинялись УПВИ УМВД²².

Свердловская область. Лагерь для военнопленных № 231 был создан в июле 1944 года. Он должен был быть организован в Северураллаге (Североуральский ИТЛ) - лагерном комплексе для лиц, приговорённых к тюремному заключению. Администрация лагеря, скорее всего, находилось в городе Верхотурье (220 км к северу от Свердловска). Эшелон с интернированными гражданами Польши прибыл 22 апреля 1945 года²³. По меньшей мере, 1065 поляков и польских граждан прошли через лагерь № 231. В лагере под вымышленным именем Валенты Гданицки отбывал наказание генерал армии Эмиль Август Фильддорф, псевдоним «Нил». Освобождение поляков началось с июля 1945 г. и продолжалось до сентября 1946 г.²⁴.

Лагерь № 504 был основан в марте 1945 года и предназначен для интернированных (начальник лейтенант Александр Черных, подполковник Иосиф Поселяков). В нём было несколько лаготделений, в том числе два расположенных в городе Карпинске. В период с марта по апрель 1945 года около 5 тысяч интернированных были отправлены в него тремя эшелонами, в основном это были немцы, всего было отправлено 5757 человек, в том числе, по меньшей мере, 500 поляков. Они были размещены в суб-лагере № 1 Веселовка. Скорее всего, к концу сентября 1945 года большинство интернированных лиц покинули

¹⁹ См.: D. Rogut, *Zarys historii sowieckiego obozu specjalnego nr 4 (Stieplag) w latach 1948-1954*, „Pamięć i Sprawiedliwość” 2010, nr 2, s. 273-293.

²⁰ См.: D. Węgrzyn, *Internowania i aresztowania mieszkańców Górnego Śląska przez NKWD ZSRS w 1945 roku i ich produktywizacja w ramach systemu obozowego GUPWI NKWD/MWD ZSRS w latach 1945-1954* [w:] *Wywózka. Deportacja mieszkańców Górnego Śląska do obozów pracy przymusowej w Związku Sowieckim w 1945 roku. Faktografia – konteksty - pamięć*, red. S. Rosenbaum, D. Węgrzyn, Katowice 2014, s. 72-145.

²¹ M. Golon, „Pomorska oblawa”. *Deportacje Polaków z Pomorza do obozów NKWD ZSRR w 1945 r.* [w:] *Polska 1939-1945. Straty osobowe i ofiary represji pod dwiema okupacjami*, red. W. Materski, T. Szarota, Warszawa 2009, s. 291-303.

²² GARF, 9401-1a-176, k. 50, 56; t. 177, k. 303-304; О.А. Зайцева, А.Э.Гурьянов, *Документы ЦХИДК об интернировании польских граждан в СССР в 1944-1949 гг.* [w:] *Репрессии против поляков и польских граждан, Москва 1997*, s. 238-239; А. Ф. Яловенко, *Архипелаг ГУПВИ в Челябинской области*, ч. 3, Челябинск 2014, s. 293-306; Н. В. Суржикова, *Иностранные военнопленные Второй мировой войны на Среднем Урале (1942-1956 гг.)*, Екатеринбург 2006.

²³ Во время перевозки умерли 233 заключённых, т.е. 11,8% от общего числа. Indeks Represjonowanych (dalej: IR), *Internowani na Uralu. Alfabetyczny wykaz 3940 internowanych Polaków i obywateli polskich, którzy w latach 1945-1948 przeszli przez obóz kontrolno-filtracyjny nr 0302 i obozy jenieckie nr 231 i nr 523 NKWD-MWD ZSRR*, T. XVI, red. A. Dzieńkiewicz, A. Gurjanow, Warszawa 2005, s. 40-41.

²⁴ Он вернулся в Польшу в октябре 1947 года, он был арестован аппаратом безопасности в Лодзи 10 ноября 1950 года и приговорен 16 апреля 1952 года к смертной казни. Убийство 24 февраля 1953 года. M. Fieldorf, L. Zachęta, *General „Nil” August Emil Fieldorf. Fakty, dokumenty, relacje*, Warszawa 1993.

его. В июле 1945 года лагерь для интернированных был преобразован в лагерь военнопленных. В 1949 году на его базе был создан режимный лагерь для военных преступников²⁵.

Лагерь для интернированных лиц № 523 был создан по приказу НКВД в апреле 1945 года в городе Егоршино (в 100 км к северо-востоку от Свердловска). Самая большая группа из 1178 интернированных лиц была доставлена в лагерь 1-2 апреля 1945 года на эшелоне из Санока. Сначала они попали в лаготделение № 1 лагеря для военнопленных № 84 в Егоршино. В мае выделился от своего состава вновь созданный лагерь для интернированных лиц № 523. Вначале в его структуре было три лаготделения, затем шесть с общим лимитом интернированных лиц 4000 человек. Они были расположены, в частности в городе Ирбит и рядом с железнодорожными станциями Самоцвет и Алтынай. Так поляки оказались в лаготделении № 1 лагеря 523. Другие группы направлялись сюда до конца сентября 1946 года, в том числе из ПФЛ № 0302, из лагеря № 504 и лагеря № 221 Северураллага²⁶. Поляки освобождались партиями с июля 1945 г. по октябрь 1947 г. В июле 1948 года последняя группа (77 человек) интернированных польских граждан, в основном украинцев, была переведена в лагерь № 531. Они возвращались в Польшу в 1949 г. и в пятидесятых годах. В общей сложности 1425 поляков и польских граждан прошли через лагерь № 523, из них погиб 331 человек (непосредственно доставленных в лагерь), то есть 23%²⁷. Столь высокая смертность среди интернированных польских граждан, отмечавшаяся на протяжении более полутора, была исключительной.

В лагерь № 531 для военнопленных с местом расположения администрации в посёлке Верная Пышма под Свердловском на Урале (ныне Екатеринбург) 14 июля 1946 года из лагеря № 270 в Боровицах прибыли 810 поляков (в том числе 21 женщина и один ребенок, родившийся в 1945 году). Они были освобождены в октябре 1947 г., а 13 ноября 1947 г. они пересекли границу и оказались в Польше²⁸.

Кемеровская и чкаловская область. Весной 1945 г. на базе лагеря № 162 был создан лагерь № 503. До октября 1945 г. в него прибыло около 20 тыс. пленных и интернированных лиц. Они направлялись на работу, в том числе на химический комбинат, в угольные шахты «Кемеровоуголь», «Ленинуголь» и на лесозаготовки. На базе лагеря № 142 был создан лагерь № 525, который управлялся администрацией лагеря в Прокопьевске, и сеть из 18 лаготделений. В него в мае 1945 г. попали около 1500 интернированных лиц из которых был создан батальон № 1104. Больные были направлены в особую больницу № 1407²⁹. В Чкаловской области поляки и интернированные польские граждане направлялись в лагерь № 172, 235 и 260, 369 и особую больницу № 5889. Первый эшелон прибыл в начале мая 1945 года, которым в лагерь были доставлены 1900 человек. По неполным данным, к середине 1945 года в трёх лагерях было, по меньшей мере, 600 интернированных поляков и польских граждан, а остальные были направлены в другие лагеря.

Во всех лагерях интернированные лица практически работали как рабы на строительстве шахт и электростанций, добыче каменного угля, вырубке лесов и были заняты на сельскохозяйственных работах. Их брали на работу предприятия, связанные с лесной и угольной промышленностью. Они направлялись, в частности, на рубку леса для строительства промышленных предприятий и жилых объектов. Женщины работали в швейных мастерских, участвовали в уборках суб-лагерей и работали на сельскохозяйственных фермах в колхозах. Норма питания составляла 600 г хлеба (иногда из низкосортной кукурузной муки), но она снижалась на 200 г. в случае невыполнения трудовой нормы. «Супы» часто подавали только с мукой, без жира, а также с сушеными лавровыми листьями. В 1945-1946 годах нормы питания были особенно низкими и малокалорийными.

Процедура освобождения поляков и польских граждан из лагерей началась со второй половины 1945 года. Она была связана с приказом НКВД СССР № 00315 от 18 апреля 1945 года об освобождении арестованных немцев, вина в «шпионаже» которых не была доказана и т. д. В циркуляре НКВД № 74/60 от 26 апреля 1945 года, дополнявшем приказ 00315, объяснилось, что поляки в аналогичных случаях (в отличие от немцев – не только больных и инвалидов, но и здоровых лиц) должны быть освобождены и отправлены домой. Данные действия были связаны с директивой НКВД СССР № 103 от 29 июня 1945 года, в которой говорилось о возможности освобождения „некоторых категорий поляков, арестованных за мелкие правонарушения и рядовых членов АК”. Подобное значение имел приказ НКВД СССР № 001301 от 29 октября 1945 года, касавшийся освобождения интернированных польских граждан. Позднее они были освобождены на основании постановления Совета Министров СССР № 2641-816сс от 26 июля

²⁵ Wojskowe Biuro Historyczne, sygn. VIII.800.20.917, Historia zarządu i obozu nr 504 (Karpińsk) i 477 w latach 1945-1950, k. 4-7.

²⁶ Также интернированных чехов и словаков отправили в лагерь № 523. См: Milada Polišenská, *Čechoslováci v Gulagu a československá diplomacie 1945-1953*, Bratislava 2006; Peter Juščák, *Odvlečení. Osudy občanů Československa odvělečených do pracovních táborů GULAG v ZSSR*, Bratislava 2011.

²⁷ IR, T. XVII, ibidem, s. 51-52.

²⁸ См: D. Rogut, *Żołnierze Armii Krajowej w sowieckim obozie nr 531 w Świerdłowsku (1946-1947) – zarys historii [w:] GULAG - GUPWI. Struktury – kadry – więźniowie*, red. D. Rogut, W. Śleszyński, Białystok 2018, s. 127-144.

²⁹ А.А. Долголюк Н.М. Маркдорф, *Военнопленный в Сибири (1943-1956 гг.): Историческое исследование и документационное исследование*, часть 1, Новосибирск 2014, с. 26-27.

1947 г. «Об освобождении и возвращении в Польшу польских граждан, находящихся на территории СССР под стражей» и приказа МВД СССР № 00839 от 4 августа 1947 года.

Количество публикаций о судьбах поляков и польских граждан по-прежнему недостаточно и научные труды всё ещё ждут опубликования. Они требуют тщательных исследований с использованием материалов из постсоветских архивов, литературы по этому вопросу и воспоминаний интернированных заключённых. По сей день мы точно не знаем количество поляков и польских граждан, депортированных в 1945 году в лагерь Урала, их смертность и число репатриантов.

КОРРЕКТИРОВКА ВОЛОНТАРИСТСКИХ РЕШЕНИЙ В СЕЛЬСКОМ ХОЗЯЙСТВЕ (1953–1964 ГГ., ОМСКАЯ ОБЛАСТЬ)

М.И. Федорова (Омск, Россия)

Раскрывая содержание волонтаристских решений в управленческой практике в исследуемый период мы проследим их направления и реальное воплощение (или не воплощение) через позицию сельских слоев населения и региональной управленческой элиты к государственным сверхзадачам.

Поскольку СССР являлся централизованным государством, и решения принятые центральным правительством обладали силой действия для всех территорий, уместно содержательную часть извлекать как из центральных документов, так и из местных [8, с. 197].

Пленумы ЦК КПСС ставили перед обществом вполне конкретные задачи, выполнение которых носило обязательный характер: и точки зрения запланированных сроков, и с учетом сложившейся командно-административной системы, а также категоричности ставившихся задач – Пленум требует, обязывает, партийные организации должны, обеспечить выполнение и перевыполнение плана и т.д.

Воплощение волевых целей и задач, поставленных перед сельскими тружениками и региональной управленческой элитой, требовали от них четкой внешней или скрытой позиции. Провозглашенные задачи не отвергались открыто, более того открыто приветствовались, вместе с тем их реальное воплощение корректировалось на местах, сверхзадачи преодолевались, решались уже с учетом объективных обстоятельств.

В рамках аграрной политики 1953 – 1964 гг. перечислим некоторые волонтаристские идеи, которые сельскому населению и управленческой элите приходилось воплощать в жизнь.

1. Агитационно-пропагандистские, политико-воспитательные, партийно-политические идеи требовали от исполнителей творческого понимания марксизма – ленинизма [1, Л. 9]. Вместе с тем, с одной стороны, рекомендации творческого отношения к учению оставались на бумаге по ряду причин – малограмотность населения, подавленная инициатива обыкновенного человека репрессиями, опекой партийного аппарата, потребительское отношение государства к личной собственности крестьянина, отсутствие квалифицированных кадров в деревне на всем протяжении хрущевской эпохи.

С другой стороны, часть руководителей колхозов и совхозов на местах, делая своими советчиками в руководстве хозяйством совесть и здравый смысл, умение решать дела с учетом конкретной обстановки, понимали необходимость сохранения личного крестьянского хозяйства, которое делает крестьянина «оседлым», более трудолюбивым в общественном хозяйстве. Такая позиция не одобрялась, председатели колхозов и совхозов получали выговоры. [9, с. 9-51].

2. Кадровые. В исследуемый период, начиная с 1953 г. предполагалось коренным образом и в короткие сроки улучшить руководство всеми типами хозяйств, обеспечить сельское хозяйство профессиональными и руководящими кадрами [1, Л. 7]. Предполагалось, что подбор будет осуществляться исключительно только по политическим и деловым качествам, со средним и высшим сельскохозяйственным образованием [2, Л. 41, 42].

Эта задача решалась путем подготовки сельскохозяйственных кадров в средних и высших учебных заведениях, через систему курсов, семинаров. Частично в первой половине 50-х гг. кадровый дефицит преодолевался путем единовременных отправок в село тружеников городских профессий и тех, кто когда-то работал на селе. Так, выполняя постановление Сентябрьского 1953 г. Пленума ЦК КПСС Омская городская партийная организация направила на работу в сельское хозяйство более 400 специалистов [3, Л. 8,9].

Несмотря на принятые меры в короткие сроки укомплектовать сельское хозяйство необходимым количеством специалистов не удалось.

Ответственность за решение сельскохозяйственных задач возлагалась и на партийно хозяйственные руководящие органы: райкомы, райисполкомы и его селхозотделы, облисполкомы и т.д. Центральное руководство полагало, что недостатками в деятельности руководящей элиты всех уровней являются: расхождение между словом и делом, бюрократизм, безответственность. [7, с. 200.]. Председатели колхозов свои неудачи в практических делах также списывали на низкий уровень руководства областных партийных и хозяйственных органов управления сельским хозяйством, делая вывод: в районе есть все условия

выполнения государственных задач, но причина отставания по хлебозаготовкам в неправильном руководстве областными организациями [3, Л. 21 – 22, 24 – 25].

Осознание недостатков в руководстве не привело к их исчезновению. Сложилась практика кадровых перестановок местной элиты власти, когда партийные и хозяйственные работники не задерживались на одном месте более двух лет [12, с. 4 – 5]. Попытка центральных властей избавить их от местнических проявлений механическими перестановками приводила к текучести кадров и к слабой организации управления хозяйствами.

3. Обеспечение самокритики и критики снизу. Демократизация преобразований в деревне в исследуемый период предполагала создание условий для включенности в хозяйственный процесс непосредственных тружеников, как субъектов хозяйственного процесса. Одним из идеологических способов вовлечения крестьян в процесс управления общественным хозяйством являлась иницилируемая сверху **критика** деятельности как самих работающих в сельском хозяйстве, так и руководящих работников. [1, Л. 7].

Самокритика и критика снизу сами по себе в постсталинский период являлись завоеванием демократии. В контексте исторических событий они должны были позволить региональным управленцам быстро реагировать на критические замечания, письма и заявления трудящихся, для достижения по крайней мере трех целей – чтобы сформировать чувство доверия народа к государственной власти, быстро решать государственные задачи [2, Л. 53, 55], а также пробуждать творческую активность и инициативу сельских тружеников [10, с. 1].

Так в начале 1954 г. в Омской области были подвергнуты критике на конференциях, наказаны и строго предупреждены 7 секретарей райкомов, сняты с должностей 2 председателя райисполкомов, секретарь обкома получил выговор [2, Л. 52].

Вместе с тем критика и самокритика управленческой элиты, в особенности политической, реально приводили к перестановке кадров, несмотря на недостатки, они оставались ценными работниками, и, получив новую должность, вновь обязаны были решать те же задачи, что и раньше. Вместе с тем, именно благодаря критическому подходу в анализе хозяйственной деятельности констатировались недостатки и прогнозировались возможные пути их преодоления.

4. Организационно-хозяйственные: планирование завышенных обязательств, создание опытно-показательных хозяйств, реорганизация колхозной системы производства в совхозную [1, Л. 26, 28, 31].

Государственные планы хлебозаготовок и продуктов животноводства в регионах приобретали свое конкретное выражение в принимаемых колхозами и совхозами обязательствах, утверждаемых региональной властью в виде завышенных планов. На протяжении исследуемого периода взятые обязательства выполнялись и перевыполнялись в виде исключения отдельными бригадами, достижения которых сглаживали средний общий показатель.

Реальное воплощение завышенных планов осуществлялось с поправкой на погодные условия, технические возможности, качество семян, наличия кормовой базы, добросовестности работников и т.д. – т.е. на объективные и субъективные обстоятельства, которые корректировали принятые волевые решения. В итоге в 1956 г. посев зерновых культур был выполнен на 106% (потери при уборке не подсчитывались). План по внесению органических удобрений (навоза) на 71%, минеральных в среднем на 40% (т.к. их поступление растягивалось на 4 квартала, а в третьем и четвертом квартале они уже не могли быть использованы). Нехватка техники привела к затягиванию процесса уборки и осыпанию зерна. План сдачи молока государству был выполнен на 80%, мяса на 88%. Из-за отсутствия в достаточном количестве кормов было сокращено поголовье коров [4, Л. 32 – 38].

Создание опытно-показательных хозяйств осуществлялось путем присвоения им такого статуса областными органами власти. Большая часть хозяйств были отстающими, в их обязанность входила задача в короткие сроки при равных условиях развития показать лучшие результаты и перенести положительный опыт в другие хозяйства области, чтобы добиться подъема производительности в сельскохозяйственном производстве района. Причем немедленно – означало за 2-3 дня навести порядок в хозяйствах (из доклада зам. председателя облисполкома) [5, Л. 1 – 2, 39 – 40, 115, 124].

Опытно-показательные хозяйства в Омской области были сформированы весной 1961 г. (всего 34). Их деятельность заключалась в проведении семинаров с механизаторами по квадратно-гнездовому посеву кукурузы и сахарной свеклы непосредственно в полевых условиях и т.д. Вместе с тем доильные аппараты оставались довоенного образца либо собственного изготовления, на хозяйство приходился из специалистов либо агроном, либо зоотехник. Руководители опытно-показательных хозяйств позиционировали себя отстающими, не готовыми брать ответственность по выполнению поставленных перед ними задач [5, Л. 29,30].

Начавшийся в 1956 г. – 1957 гг. в массовом масштабе процесс создания совхозов на базе МТС, колхозов и на целинных землях остановился в 1962 г. и оказался незавершенным. В месте с тем, преобразование колхозов в совхозы наметило тенденцию электрификации (в 1959 г. она в основном завершилась), жилищно-бытового и культурного развития села [11, с. 125].

Невыполнение завышенных плановых заданий и обязательств, попытка ликвидировать за короткие сроки колхозный строй приводило к разрешению некоторых социально-экономических проблем: состояние кормовой базы, строительство ферм, механизация сельскохозяйственных работ, взаимодействие колхозов и совхозов с личными хозяйствами крестьян, материальной заинтересованности тружеников села, социальному развитию сельской жизни и т.д.

5. Сохранение общественного сельскохозяйственного имущества и средств являлась также невыполнимой задачей в исследуемый период. Не ставя задачу выяснения абсолютных количественных потерь, проследим направления издержек в сельскохозяйственном производстве. В документах эпохи неэкономное использование ресурсов, растраты, воровство, несоблюдение устава сельскохозяйственной артели, сопровождаются терминами – «разбазаривание», «покража», «растаскивание» общественного имущества. В разряд подобных категорий входили: перерасход денежных фондов, выражавшийся в вывозке и доставке соломы с полей зимой, в неправильном начислении зарплаты, приеме сверх штата сотрудников, закупке у других районов и областей кормов для животных, в покупке недостающего количества животных у населения и др. [6, Л. 2,3,12].

Названные направления волонтаристской политики в 50-е – первой половине 60-х гг. XX в. не были реализованы в полном объеме. Вместе с тем, сверхзадачи на некоторое время приводили в движение хозяйства, оживляли ситуацию, способствовали выполнению планов в возможных пределах. Каждый год по сравнению с предшествующим характеризовался, в целом по районам, повышением объемов производства большинства видов продукции. Данный процесс сопровождался напряжением человеческих усилий в декларируемых демократических условиях (соревнование, призывы, стимулирование, критика, помощь отстающим и т.п.).

Волонтаристский принцип управления позволял признать приоритетным теорию (завышенные цели, сверхзадачи; лозунги сами по себе не вызывали возражения), а их практическое воплощение зависело от ряда условий. Волонтаристские властные решения были откорректированы объективными и субъективными обстоятельствами на местах, взятые завышенные обязательства решались в рамочных условиях.

1. ГИАОО. «Государственный исторический архив Омской области». Ф. 17. О. 1. Д. 6352. Протокол VI объединенного Пленума Омского областного и городского комитетов КПСС. 12 июля 1953 г.
2. ГИАОО «Государственный исторический архив Омской области». Ф. 17. О. 1. Д. 6590. Протокол I Пленума обкома КПСС. 1 февраля 1954 г.
3. ГИАОО. «Государственный исторический архив Омской области». Ф. 2099. 0.1. Д.448. Объяснительная записка к годовому отчету за 1956 г. Омского областного управления совхозов Министерства совхозов РСФСР.
4. ГИАОО. «Государственный исторический архив Омской области». Ф. 1699. О. 1. Д. 2851. Стенограмма совещаний руководителей и специалистов, опытно-показательных хозяйств по выполнению январского Пленума ЦК КПСС. 29 июня 1961 г.
5. ГИАОО. «Государственный исторический архив Омской области». Ф. 17. О.1. Д. 6358. Стенограмма выступлений по докладу секретаря обкома КПСС тов. Лебедева И.К. «Об итогах Пленума Центрального Комитета Партии и задачах областной партийной организации по дальнейшему развитию сельского хозяйства». 1953 г.
6. ГИАОО. «Государственный исторический архив Омской области» Ф.1699. О. 1. Д. 2145. Стенограмма областного совещания директоров совхозов от 11 июня 1960 г.
7. Исторический опыт и перестройка. Человеческий фактор в социально-экономическом развитии / В.А. Козлов [и др.]; под ред. В.А. Козлова. – М.: Мысль, 1989. – 302 с.
8. Кравченко А.И. Политология / А.И. Кравченко. – М.: ТК Велби, Изд-во Проспект, 2008. – 448 с.
9. Манякин С. И. Сибирь далекая и близкая / С. И. Манякин – М.: Фонд им. И. Д. Сытина, 2003. – 447 с.
10. Огонь критики против недостатков // Советская Сибирь. - 1961. - № 27. - 01. 02. - С. 1
11. Общественно-политическая жизнь советской сибирской деревни. / В.П. Медников [и др.]; Новосибирск: Издат-во Наука, Сибирское отделение, 1974. – 179 с.
12. Руководители Омской области советской эпохи (1934 – 1991 гг.). Биографический справочник / Казенное учреждение «Исторический архив Омской области» / сост. Т.В. Каиндина. – Омск, 2011. – 120 с.

ИСТОРИЯ СМОЛЕНЩИНЫ В БИОГРАФИЯХ РУКОВОДИТЕЛЕЙ: ПЕТР АНДРЕЕВИЧ АБРАСИМОВ (ПО ДОКУМЕНТАМ ГОСУДАРСТВЕННОГО АРХИВА НОВЕЙШЕЙ ИСТОРИИ СМОЛЕНСКОЙ ОБЛАСТИ)

Т.И. Тарасенкова (Смоленск, Россия)

В начале 1960-х гг. один из высших руководящих постов в Смоленской области занимал уроженец Белоруссии – Петр Андреевич Абрахимов. В феврале 1961 – ноябре 1962 гг. П.А. Абрахимов был первым секретарем Смоленского обкома КПСС, фактически – главой региона.

Персональная информация о Петре Андреевиче имеется в его личном деле, хранящемся в фонде Смоленского обкома КПСС [8]. Дополнительные данные о биографии и трудовом пути П.А. Абрахимова содержатся в анкете делегата XIII Смоленской областной конференции КПСС, участником которой он являлся в сентябре 1961 г. [2, л. 3], и в протоколе заседания V пленума Смоленского обкома КПСС от 11 февраля 1961 г.

Именно на V пленуме 11 февраля 1961 г. П.А. Абрахимов был избран первым секретарем Смоленского обкома партии и до голосования выступал перед собравшимися участниками пленума с кратким рассказом о себе и своей предшествующей работе [3, л. 13-14].

Он рассказывал о самом главном, о ключевых моментах своей биографии: «Мне 48 лет. Родился в Белоруссии, в г. Витебске, недалеко от Смоленской области. Начал работать в 15 лет. Работал на фабрике в Витебске электромонтером, электромехаником, затем до начала Отечественной войны находился на профсоюзной и советской работе.

С первых дней Отечественной войны был на фронте. Дважды ранен. Награжден 10 правительственными наградами. С 1943 по 1944 год был помощником начальника Центрального штаба партизанского движения.

После войны работал постоянным представителем Совета Министров Белоруссии при Правительстве СССР в Москве. С 1948 по 1956 гг. (9 лет) был членом бюро ЦК компартии Белоруссии и работал первым заместителем председателя Совета Министров Белорусской ССР и около 5 лет секретарем ЦК партии Белоруссии.

В конце 1956 года был направлен на дипломатическую работу. Год был в Китае и три с половиной года (до февраля этого года) в Польше послом.

Женат. Имею двоих взрослых детей. Образование высшее – окончил Белорусский государственный университет, Исторический факультет. Политическое образование – окончил три курса Высшей партийной школы. Член партии с января 1940 года» [3, л. 14].

Документы из личного дела П.А. Абрахимова подробнее раскрывают некоторые факты его биографии. В них указана точная дата рождения – 16 мая 1912 г., место рождения – местечко Богушевское Витебской области [10], национальность – белорус. Петр Андреевич владел польским языком.

Рассказывая о себе на пленуме, П.А. Абрахимов подчеркивал, что начинал свою трудовую деятельность рядовым рабочим. Это был важный, даже необходимый этап в карьере будущего руководителя. В то же время он не упоминал о своей причастности к сфере культуры и искусства: в 1931-1937 гг. Петр Андреевич занимал должность директора клуба трикотажной фабрики им. К. Цеткин в Витебске, на которой раньше работал электромонтером. В 1937-1939 гг. Петр Андреевич был назначен директором Витебской государственной картинной галереи, а в 1939-1941 гг. возглавлял областной отдел искусств в Бресте.

В 1956 г. началась дипломатическая карьера П.А. Абрахимова. Поэтому после нескольких лет дипломатической работы назначение Петра Андреевича первым секретарем Смоленского обкома КПСС явилось для многих неожиданностью. Тем более, что Смоленская область в начале 1960-х гг. столкнулась с серьезными экономическими проблемами, вызванными непоследовательными реформами Н.С. Хрущева.

Несколько лет относительно эффективного развития сельского хозяйства Смоленщины в благоприятных условиях с конца 1950-х гг. сменились периодом упадка и обострения старых проблем, временно отошедших на второй план. Главная из них – долги государственным учреждениям, которые образовались в результате отсрочек оплаты по многочисленным кредитам и ссудам.

В январе 1961 г. экономические проблемы Смоленщины стали предметом обсуждения сначала на страницах центральной газеты «Правда», а затем на пленуме ЦК КПСС. Областное руководство во главе с первым секретарем обкома КПСС П.И. Дорониным подверглось жесткой критике за ситуацию, сложившуюся в сельском хозяйстве. Критическая ситуация стала результатом неудач не только местного руководства. Но традиционно в рамках советской политической системы именно руководитель области нес главную ответственность, а центральная власть дистанцировалась от этих проблем, выступая скорее в роли справедливого судьи.

Местные партийные и советские руководители поддерживали претензии центра к П.И. Доронину и он был освобожден от обязанностей первого секретаря обкома партии с формулировкой «как не обеспечивший руководства областной парторганизацией» [8, л. 2].

Что мог предпринять в такой сложной ситуации новый руководитель, круг возможностей которого ограничен? П.А. Абрахимов традиционно, как и его предшественники, обратился за помощью в Москву, в ЦК КПСС. Через два дня после избрания Петра Андреевича первым секретарем – 13 февраля 1961 г. – состоялось заседание бюро Смоленского обкома КПСС, на котором была одобрена записка обкома партии в ЦК КПСС и проект постановления Совета Министров РСФСР «О мерах помощи в развитии народного хозяйства Смоленской области» [4, л. 59-71].

В записке было охарактеризовано тяжелое положение в сельском хозяйстве и промышленности области, а также содержались предложения о мерах по выходу из кризисной ситуации, больше похожие на просьбы. Предлагалось создать более двух десятков новых совхозов, так как опыт 1950-х гг. показал, что вновь организованные совхозы лучше используют земельные угодья, больше производят и продают государству сельхозпродукции, чем колхозы. П.А. Абрахимов просил отсрочить на 10 лет колхозам области задолженность по ссудам госбанка в сумме 22 млн руб.

В записке содержались просьбы о выделении области сельскохозяйственной техники, семян зерновых культур, кормов для животноводства. Отдельный пункт был посвящен жилищной проблеме, так как в крупных городах области – Смоленске, Вязьме, Рославле – ощущался острый недостаток жилья, а мно-

гие семьи все еще проживали во временных, восстановленных после войны домах, пришедших в непригодное для жилья состояние.

Конечно, решить многолетние проблемы за короткий срок было невозможно. Не удалось это сделать и П.А. Абрасимову. Обком партии в 1961 и 1962 гг. неоднократно просил Бюро ЦК КПСС по РСФСР «рассмотреть и решить вопрос об увеличении отчислений на местное снабжение молока до 25%, мяса до 30% и яиц хотя бы до 35% от объема их закупок по области» [6, л. 309-310], просил «увеличить фонды на крупы и макароны» [7, л. 119-120].

Письма аналогичного содержания направлялись в центр вплоть до освобождения П.А. Абрасимова от должности первого секретаря обкома партии. Это яркое свидетельство того, что проблемы сельского хозяйства и промышленности Смоленской области не были устранены.

Экономическая инициатива П.А. Абрасимова об организации новых совхозов стала причиной изменения административно-территориального деления Смоленской области. В марте 1961 г. шесть районов были упразднены. Их территории присоединялись к соседним более крупным районам [6, л. 110-111]. В июне – августе 1961 г. преобразования продолжались – были упразднены еще шесть районов.

Важнейшее историческое событие – полет Ю.А. Гагарина в космос 12 апреля 1961 г. – способствовало экономическому и культурному развитию маленького города Гжатска, родины первого космонавта. В фонде Смоленского обкома КПСС сохранилось письмо в ЦК КПСС с предложением «рассмотреть вопрос о переводе города Гжатска в город областного подчинения и об оказании помощи в восстановлении хозяйства города» [6, л. 195-196]. На документе имеется резолюция первого секретаря обкома партии: «Ознакомить членов бюро ОК КПСС. П. Абрасимов. 21/IV 61». В правом верхнем углу документа есть помета: «Принято распоряж. СМ РСФСР 2109р от 8/V».

Оказание помощи Гжатску предполагало строительство больницы, средней школы, детских учреждений, библиотеки, кинотеатра, устройство канализации, водопровода, строительство булыжных мостовых, асфальтирование тротуаров, строительство гостиницы и ресторана. Выполнение даже части запланированных работ должно было кардинально изменить жизнь города и его жителей [9].

П.А. Абрасимов, занимая должность первого секретаря обкома партии, не забывал о дипломатической работе. Смоленская область имела дружественные связи с Лодзинским воеводством Польской народной республики. При предшественнике Петра Андреевича эти связи были формальными и ограничивались посылкой телеграмм в праздничные дни или в особые исторические даты [6, л. 172]. П.А. Абрасимов показал себя активным сторонником развития всесторонних связей с Лодзинским воеводством. Основой для развития отношений стал обмен делегациями. В июле 1961 г. представители Лодзинского воеводства приезжали в Сафоново, Рудню. В Рудне они посетили местный комбинат молочной продукции, совхоз «Первомайский», встречались с Героем Советского Союза М.А. Егоровым.

Совместные поездки, обмен делегациями планировались заранее по согласованию с ЦК КПСС. В ноябре 1962 г. П.А. Абрасимов направил на согласование в ЦК проект «плана дружеских связей Смоленской области с Лодзинским воеводством ПНР на 1963 г.» [7, л. 157-159]. Представителей польской стороны готовились встречать на Ярцевском хлопчатобумажном комбинате, Смоленском льнокомбинате. Смоленская делегация планировала посетить хлопчатобумажный комбинат в Побияницах Лодзинского воеводства, Жерардовский льнокомбинат Варшавского воеводства. Цель обменов делегациями была не только культурно-просветительской, но и практической – изучение опыта работы промышленных предприятий, сельского хозяйства Польской республики. Развитие культурных связей с Польшей обеспечивалось взаимными поездками творческих коллективов, спортивных команд.

Предметом особой заботы П.А. Абрасимова являлась сфера культуры и искусства. Любовь и интерес к ней сформировались у Петра Андреевича в молодые годы. Большое влияние на него оказала работа в довоенное время в Витебской картинной галерее, Брестском областном отделе искусств. По инициативе Петра Андреевича Смоленску были выделены средства на ремонт областного драматического театра, который еще не был полностью восстановлен после Великой Отечественной войны [4, л. 71].

Благодаря усилиям П.А. Абрасимова в Смоленске создан исторический музей. Это решение было принято на заседании бюро обкома КПСС 28 апреля 1961 г.: «В целях коренного улучшения пропаганды героического прошлого гор. Смоленска, партизанского движения на Смоленщине в годы Великой Отечественной войны, борьбы трудящихся области за выполнение семилетнего плана и учитывая необходимость создания нормальных условий для размещения богатейших фондов картинной галереи, бюро обкома КПСС постановляет:

1. Создать в гор. Смоленске исторический музей. Предоставить для музея здание по улице Ленина, дом № 9.

Обязать облисполком (тов. Гнедова) выделить средства для капитального ремонта и перепланировки здания.

Обязать областное управление культуры (тов. Зайцеву) развернуть работу по созданию экспозиций и обеспечить нормальную деятельность исторического музея с 1 июня 1961 года...» [5, л. 21].

П.А. Абрасимов возглавлял Смоленскую область недолго. Немедленное улучшение экономического положения области за столь короткое время вряд ли было возможно. Принципы взаимоотношений ре-

гионального и центрального руководства в это время не изменились. По-прежнему главную роль играли обращения в центральные органы власти с просьбами о выделении дополнительных средств, о включении области в перспективные планы экономического развития страны. Важными были личные контакты руководителя региона с первыми лицами партии и государства. Отсутствие достижений в экономической сфере компенсировалось успехами в сфере культуры и искусства. Это было не менее важно и значимо для жителей области.

П.А. Абрасимов прожил долгую, яркую, насыщенную событиями жизнь. Он умер в возрасте 96 лет и похоронен на Троекуровском кладбище в Москве [1, л. 46].

Статья подготовлена при поддержке Минобрнауки России, проект № 33.1419.2017/ПЧ «Мировая славистика в изучении новой и новейшей истории России и Беларуси: концепты славянского единства и самобытного развития в исторической ретроспективе».

1. Барановский А. Петр Абрасимов – советский и партийный государственный деятель / А. Барановский // Край Смоленский. – 2016. – № 12. – С. 45-46.
2. Государственный архив новейшей истории Смоленской области (ГАНИСО). – Ф. 6. Оп. 3. Д. 996.
3. ГАНИСО. – Ф. 6. Оп. 3. Д. 998.
4. ГАНИСО. – Ф. 6. Оп. 3. Д. 1009.
5. ГАНИСО. – Ф. 6. Оп. 3. Д. 1021.
6. ГАНИСО. – Ф. 6. Оп. 3. Д. 1072.
7. ГАНИСО. – Ф. 6. Оп. 3. Д. 1251.
8. ГАНИСО. – Ф. 6. Оп. 15. Д. 14.
9. Гжатск отнесен к категории городов областного подчинения 26 июня 1964 г.
10. Так в тексте документа.

ОППОЗИЦИОННОЕ И ДИССИДЕНТСКОЕ ДВИЖЕНИЕ В БОЛГАРИИ В ЭПОХУ «ЖИВКОВИЗМА»

М.С. Довгялло (Минск, Беларусь)

На Апрельском (1956 г.) пленуме ЦК БКП Т. Живков, первый секретарь ЦК БКП (с марта 1954 г.), осудил культ личности предшествовавшего партийного и государственного лидера В. Червенкова. В рамках кампании «борьбы с культом личности» проходила вначале масштабная, а впоследствии периодическая замена руководящих кадров в партии и государстве новыми функционерами, верными Т. Живкову, который постепенно сосредоточил в своих руках всю полноту власти в партии и государстве. Провозглашенная на пленуме так называемая «апрельская линия», направленная на развитие демократии, оказалась в основном пропагандистской декларацией. Болгарская «оттепель», либерализация политического режима продолжалась всего несколько месяцев – с апреля по октябрь 1956 г. Затем Т. Живков не отказывался в своей партийной и государственной деятельности от широкого применения различных репрессивных мер: морально-политического давления, увольнения с работы и запрета заниматься определенной деятельностью, лишения свободы [13, с. 45]. В истории страны началась 33-летняя эпоха, получившая в литературе название «живковизма» [6, с. 395]. Она представляла собой национальную разновидность авторитарного режима личной власти.

Когда в конце 1960-х гг. в ряде стран социалистического лагеря возникло интеллектуальное движение протеста, получившее специфическое название «инакомыслие (диссидентство)», это не могло не найти отражения и в Болгарии. Как отмечает старший научный сотрудник Института славяноведения РАН Е.В. Валева, представляется справедливой позиция одного из лидеров болгарского оппозиционного движения и впоследствии президента страны Ж. Желева: «если под диссидентами понимать людей, которые не согласны с политическим режимом и открыто, публично выражают свое несогласие, тогда в Болгарии диссидентство существовало» [9, с. 79]. В политической лексике 2-й половины XX в. – лица в тоталитарных и авторитарных странах, публично заявляющие о своем непризнании отдельных принципов общественно-политической системы, критикующие конкретные проявления внутренней и внешней политики [5, с. 71]. Неприятие даже отдельных норм существовавших порядков было признаком диссидентства.

В период правления Т. Живкова оппозиционное противостояние первоначально имело место внутри правящей Болгарской коммунистической партии (БКП). Так, в 1960 г. семеро коммунистов («группа Н. Куфарджиева») в письме в ЦК БКП охарактеризовали существующий в стране строй как бюрократический государственный социализм, при котором партийная и государственная верхушка превратилась в единственного полновластного хозяина производства. Политэкономический анализ заканчивался призывом к отстранению Т. Живкова, что дало руководству БКП основание поставить группу в ряд своих политических противников [3, с. 458]. По «делу» Куфарджиева прошли более 100 человек, главным образом, членов партии. Среди них – журналисты, кинематографисты, экономисты и иные представители болгарской интеллигенции [10, с. 310]. Члены группы были исключены из партии, уволены с работы и выселены в отдаленные районы страны вместе с семьями. В середине 60-х гг. был раскрыт заговор, кото-

рый возглавил член ЦК БКП И. Тодоров («Горуня»). В группу вошли несколько десятков высших офицеров, в том числе генералов, известных партизанских командиров, к ней примкнули некоторые преподаватели гуманитарных дисциплин в вузах. Следует отметить, что сам заговор, так и его раскрытие официальная власть держала в тайне 25 лет. Подробные сведения о заговоре стали достоянием общественности после отстранения Т. Живкова от власти. И.Тодоров и его сподвижники критиковали моральную деградацию «верхов», их привилегии и образ жизни партийной номенклатуры, коренным образом отличавшийся от жизни простых людей [7, с. 355]. В апреле – марте 1965 г. большинство заговорщиков были арестованы. По партийной и административной линии были наказаны 192 человека, военные были разжалованы, некоторые интернированы. Т. Живков использовал заговор военных как удобный повод расправиться с оппозицией в партии и усилить контроль над армией и МВД. Осенью 1987 г. на отчетно-выборной партийной конференции в Софийском университете им. К. Охридского прозвучала критика в адрес руководства БКП и «живковского режима». Четырех профессоров исключили из партии и уволили с работы [18, с. 73]. После этих событий прошли многочисленные протесты студентов и преподавателей с требованием отмены наказания.

Выразителем растущего социального недовольства стала творческая болгарская интеллигенция, перешедшая от молчаливого внутреннего несогласия к открытому критицизму системы. Она составила основу будущей болгарской оппозиции. Вместе с тем, на протяжении целой четверти XX в. до организованного диссидентского движения дело не дошло [3, с. 458]. Острые статьи оппозиционной направленности стали появляться в печати. В частности, в Болгарии был известен диссидент писатель, драматург Г. Марков [11, с. 485], который в 1969 г. покинул страну, а в 1972 г. был исключен из Союза болгарских писателей и осужден заочно как невозвращенец. В 1970-е гг., будучи в эмиграции, Г. Марков пишет «Заочные репортажи о Болгарии». За свои смелые, откровенные и критические по отношению к общественно-политической и культурной действительности в Болгарии репортажи Г. Марков поплатился жизнью. За критику режима были исключены из партии писатели К. Белев и К. Пенев [10, с. 309]. Особую известность среди общественности в стране и за рубежом приобрела книга Ж. Желева «Фашизм. Тоталитарное государство» (1982). Однако она была запрещена и изъята властями из продажи, поскольку в ней проводились параллели между итальянским фашизмом, германским национал-социализмом и коммунизмом советского и болгарского образца, что создало автору ореол «диссидента». Представители творческой элиты, веря в возможность придания социализму «человеческого лица», с надеждой встретили «Пражскую весну» и с горечью переживали ее подавление [9, с. 80]. Творческая болгарская интеллигенция избрала эволюционный путь борьбы с режимом через честную и гуманную творческую и гражданскую позицию.

В Болгарии инакомыслие возникло для того, чтобы подготовить общество к переходу к демократии, воздействовать на широкие круги населения с целью пробудить критицизм по отношению к власти. Болгарскому обществу больше был присущ скрытый плюрализм, который не заявлял о себе значимыми публичными акциями. Речь идет о т. н. «возрожденческом процессе» – политике, проводимой режимом Т. Живкова по отношению к мусульманскому населению страны в декабре 1984 г. – январе 1985 г., когда было запрещено использование турецкого языка в быту и общественных местах, совершение традиционных ритуалов и ношение одежды, типичной для турецкой этнической группы. Вводились и ограничения при исповедании ислама и посещения мечетей. Это вызвало массовое сопротивление турок, переросшее в ряде мест в открытые демонстрации и бунты [1, с. 37–58]. Более 850 тыс. граждан в результате административно-репрессивного давления были вынуждены сменить мусульманские имена на славяно-болгарские в течение двух месяцев [15, с. 287–288]. Подобными действиями власть стремилась сохранить целостность болгарской нации. Ситуация в стране обострилась в мае 1989 г., когда Т. Живков произнес речь, в которой объявил, что болгарская нация едина и неделима, но, если имеются люди (по тогдашней терминологии – «болгары с восстановленными именами»), не считающие Болгарию своей родиной, они могут получить загранпаспорта и выехать из страны. В итоге летом 1989 г. страну покинуло около 300 тыс. и еще около 400 тыс. болгарских турок подали заявление на выезд (т. н. «Большая экскурсия»), что нанесло огромный политический и экономический ущерб Болгарии [2, с. 166–167]. Проводимая политика не способствовала укреплению международного престижа Болгарии. Власть фактически сама превратила целый этнос в диссидентов. Политика единения нации, возрождения болгарского национального сознания была заменена политикой изгнания из Болгарии, недоверия, отношения как к «туркам». В одной из публикаций к болгарским диссидентам были отнесены и местные турки [4, с. 407]. Положение изменилось лишь после падения тоталитарного режима Т. Живкова. Так, в течение 1990 г. 150 тыс. болгарских турок вернулись в страну. Согласно закону 1991 г. они могли в течение трех лет восстановить свои турецкие имена, а также исповедовать ислам, и открыто пользоваться турецким языком. Были восстановлены уроки турецкого языка в школах [12, с. 135].

«Диссидентское движение» также затронуло и экологическую сторону жизни общества, например в случае с экологической катастрофой, нависшей над г. Русе в виде хлорных выбросов химических заводов румынского г. Джурджу. Болгарские власти на протяжении ряда лет бездействовали, умаляя значение экологического бедствия, чтобы прикрыть свою беспомощность или нежелание вступать в конфликт с «братской» Румынией. Только с 29 сентября 1987 г. по 10 февраля 1988 г. в г. Русе состоялись

4 демонстрации протеста против отравления воздуха города выбросами. Число участников выросла с 50-60 человек в первой демонстрации до 2000 в последней [2, с.110]. Это стало поводом для создания первой диссидентской организации – Общественного комитета по экологической защите г.Русе (ОКЭЗР или Русенский комитет) [2, с.108]. В Призыве были отражены следующие требования: «демонтировать химические заводы близ Джурджу», «призвать народы стран-членов СЭВ к содействию в обеспечении качества жизненной среды, жизни и здоровья населения в г. Русе и Джурджу» [18, с. 33–34].

В Болгарии главная сила, свергнувшая «живковизм», сформировалась не в диссидентской среде, а внутри правящей партийно-государственной элиты, которая осознавала необходимость перемен и видела в Т. Живкове основной тормоз их осуществления. На пленуме ЦК БКП 10 ноября 1989 г. Т. Живков был отстранен от власти частью партийной номенклатуры [13, с. 218], что послужило началом трансформационных процессов в болгарском обществе и государстве, которое привело к смене общественного строя. На пост генсека ЦК БКП, а затем и председателя Госсовета НРБ был избран министр иностранных дел П. Младенов, а министр внешнеэкономических связей А. Луканов стал премьер-министром [17, с. 286]. Была разрешена деятельность оппозиционных групп, снят запрет на антиправительственную пропаганду. В конце декабря 1989 г. ЦК БКП осудил «возродительный процесс».

В ноябре 1989 г. в центре г. София состоялся 100-тысячный митинг оппозиции. Участники потребовали отмены цензуры, устранения полицейского насилия и коррупции, а также освобождения политзаключенных. В Болгарии восстановилось большинство довоенных политических партий и движений. Возобновили свои структуры запрещенные или распущенные в 1946–1948 гг. старые политические партии, такие как оппозиционный Болгарский земледельческий народный союз (БЗНС) – «Никола Петков», Болгарская социал-демократическая партия, Демократическая партия, Радикально-демократическая партия и др. Общее их число составило к началу 1990 г. около 80 [4, с. 420] – Независимая федерация труда «Подкрепа» («Поддержка»), созданная в 1989 г., как часть политической оппозиции [6, с. 37], «Экогласность», Клуб незаконно репрессированных после 1945 г., Независимое общество защиты прав человека, Комитет по защите религиозных прав, свободы совести и духовных ценностей, Союза Демократических Сил (СДС, т.н. «синие»)[3, с. 78–81]. В него первоначально вошли 13 организаций. В короткий срок СДС выдвинулся на первые роли в политической жизни страны и стал главным оппонентом БКП. Таким образом был сформирован биполярный политический ландшафт. Только в июне 2001 г. двуполосная политическая конфигурация (СДС–БКП) была разрушена, когда Симеон II возглавил правительство [13, с. 124–125], и это был первый случай в Европе, когда бывший царь демократическим путем вернулся к власти.

За всю эпоху своего правления Т. Живков (за некоторыми исключениями в последнее два-три года) не сталкивался с внутренней открытой антикоммунистической оппозицией. В 1982 г. он заявил, что «враги социализма в Болгарии не имеют классовой базы и социальных позиций. Они составляют единицы, они изолированы и в одиночестве дождутся своего конца» [14, с. 176]. Спустя несколько лет оказалось, что врагов социализма в стране насчитывается больше, чем «единицы».

С реальным политическим вызовом болгарские власти столкнулись осенью 1988 г., когда деятели культуры объединились в Клуб в поддержку гласности и перестройки в Болгарии. Основатели Клуба заявили, что организация «будет работать исключительно на основе Конституции НРБ и в ее рамках, при полной поддержке решений июльского (1987 г.) пленума ЦК БКП». Клуб выступал не против социализма, а за его возрождение путем реформаторских действий «сверху», в духе советской «перестройки» [18, с. 41–44]. Одним из основных организаторов Клуба был профессор Ж. Желев. В Клуб вошли такие известные писатели, как Д. Дамянов, Б. Димитрова, В. Петров, философы К. Василев, химик А. Шелудько и др. В руководстве преобладали члены БКП, но имелись и беспартийные.

Первая, хотя и малочисленная диссидентская организация в Болгарии была создана в январе 1988 г. И. Миневым со своими единомышленниками в г. Септември «Независимое общество по защите прав человека в Болгарии» (НОЗПЧБ). В состав входили немногочисленные и малоизвестные общественности лица (в основном бывшие политзаключенные). Сам И. Минева находился в заключении по обвинению «за систематическое сопротивление коммунистической партии» и провел в тюрьмах страны около 30 лет [8, с. 256]. Целями организации назывались: «тщательное и доброжелательное изучение [деятельности] нынешних и будущих государственных служащих», «частнособственническое отношение к земле, средствам производства», «заживление ран, нанесенных этническим меньшинствам», «очищение государственного и общественного аппарата и средств массовой информации от проводников несостоятельных имперских иностранных влияний» и т. п. [2, с. 105; 136–140]. Программа НОЗПЧБ демонстрировала открытое противопоставление существующей системе.

«Экогласность» была создана в апреле 1989 г. в г. София. Объединение являлось преемником «Комитета по экологической защите города Русе», который, хотя и просуществовал недолгое время, достиг ощутимых результатов в улучшении экологической обстановки в городе и в объединении усилий многих независимо мыслящих граждан. «Экогласность» выдвигала основные программные требования – полную гласность относительно загрязненности воздуха, воды, почвы и пищевых продуктов; рассекречивание всех секретных данных, касающихся здоровья людей и состояния окружающей среды; публикация ста-

тистических данных о структуре заболеваемости, а также о патологиях у новорожденных и детей [2, с.152–156] и др. Создание «Экогласности» знаменовало начало природоохранного движения в Болгарии и указывало на готовность к сотрудничеству с властями. В сентябре 1989 г. состоялась встреча представителей Клуба, «Подкрепты», «Экогласности», НОЗПЧБ и др. В начале ноября на собрании Клуба Ж. Желев выдвинул идею объединения всех неформальных структур в общий фронт борьбы за демократию [8, с. 253].

3 ноября 1989 г. «Экогласность» возглавила первое за 45 лет социализма независимое шествие с целью передачи в парламент петиции, собравшей 12,5 тыс. подписей против дорогостоящего сооружения гидрокомплексов «Рила» и «Места», представлявшего серьезную угрозу биосфере и грозивших нанести вред природе. В шествии участвовало около 4 тыс. человек [2, с.179]. После падения режима Т. Живкова, лидер болгарских диссидентов Ж. Желев заявил, что «справедливые или демократические идеалы не могут быть достигнуты недемократическими, несправедливыми, насильственными методами» [16, с.111]. В декабре 1989 г. во время многотысячного митинга протеста, впервые было выдвинуто требование отмены 1-го параграфа Конституции НРБ, который гарантировал руководящую роль БКП.

Программные документы диссидентского движения в Болгарии были значительно умереннее и более склонны к компромиссам с БКП, чем диссидентские документы социалистических стран Центральной Европы. Отсутствие в Болгарии диссидентских организаций, подобных «Хартии 77» в Чехословакии, КОС – КОР и Независимого профсоюза «Солидарность» в Польше, не позволило выдвинуть в то время альтернативной программы общественного развития, во имя реализации которой она была готова бороться за власть [1, 2, 18]. Оппозиции как реальной политической силы в Болгарии в эпоху «живковизма» не существовало. Поэтому Болгария оказалась единственной из бывших социалистических стран, в которой управлявшая после Второй мировой войны коммунистическая партия задержалась у власти.

До падения режима Т. Живкова в Болгарии была сформирована организованная оппозиция правозащитного, экологического и синдикального типа. В момент глубокого общественно-экономического и политического кризиса болгарские оппозиционные и диссидентские организации сумели создать благоприятную мирную политическую атмосферу для осуществления перехода к демократии и рыночной экономике новых условиях.

1. Анатомия конфликтов. Центральная и Юго-Восточная Европа: документы и материалы последней трети XX века. Т. I. Начало 1970-х – первая половина 1980-х годов. Отв. ред. К.В. Никифоров. – СПб.: Алетей, 2012. – 736 с.
2. Анатомия конфликтов. Центральная и Юго-Восточная Европа: документы и материалы последней трети XX века. Т. II. Вторая половина 1980-х – начало 1990-х годов. – СПб.: Алетей, 2013. – 864 с.
3. Баева, И. Политическая альтернатива в Болгарии в 1980-е годы /И.Баева //Инакомыслие в условиях «реального социализма». Поиски новой государственности. Конец 60-х – 80-е гг. XX в. – М.: ИС РАН, 20014. – 736 с.
4. Болгария в XX веке: Очерки политической истории /Отв. ред. Е.Л. Валева. – М.: Наука, 2003. – 463 с.
5. Большая Российская энциклопедия: в 30 – М.: Большая Российская энциклопедия, 2007.- Т. 9. – 767 с.
6. Бухарин, Н.И. Строительство гражданского общества в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. 90-е годы XX века – начало XXI века /Н.И.Бухарин //Новая и новейшая история. – 2005. - №1. – С. 26 – 49.
7. Валева, Е.Л. Оппозиционные настроения в Болгарии в 1960-е годы /Е.Л.Валева // В поисках новых путей. Власть и общество в СССР и странах Восточной Европы в 50-е – 60-е гг. XX в. – М.: Институт славяноведения РАН, 2011. – 795 с.
8. Валева, Е.Л. Зарождение и развитие диссидентского движения в Болгарии /Е.Л. Валева //Славянский мир в третьем тысячелетии. Образ России в славянских народах: сб. ст. /редкол.: Г.В. Боголюбова, С.И. Данченко, Н.П. Комаров [и др.]. – М.: ИС РАН, 2012. – 464 с.
9. Валева, Е.Л. Инакомыслие и оппозиция в Болгарии в 1980-е годы / Е.Л.Валева //Славяноведение. – 2012. - №5. – С. 79 – 96.
10. Волокитина, Т.В. Начало болгарской «оттепели» и общественные настроения в стране / Т.В. Волокитина //В поисках новых путей. Власть и общество в СССР и странах Восточной Европы в 50-е – 60-е гг. XX в. – М.: ИС РАН, 2011. – 795 с.
11. Гаков, В. XX век. Хроника человечества /В. Гаков – М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2002. – 623 с.
12. Гусейнова, Л.Д. Положение национальных меньшинств в Болгарии во второй половине XX в. /Л.Д.Гусейнова //Вопросы истории. – 2015. - №1. – С. 133 - 139.
13. Довгялло, М.С. Политическая история зарубежных славянских стран новейшего времени: справочник /М.С. Довгялло. – Минск: Тетра-Системс, 2006. – 272 с.
14. Живков, Т. Избранные статьи и речи. Март 1981 г. – июль 1987 г. - М.: Политиздат, 1987. – 639 с.
15. Зудинов, Ю.Ф. Социально-политические аспекты «мусульманской проблемы» в современной Болгарии /Ю.Ф. Зудинов // Национальный вопрос в Восточной Европе; редкол.: М.Д. Ерещенко (отв. ред), Р.П. Гришина. – М.: ИСБ РАН, 1995. – 295 с.
16. Луджев, Д. Идеология и технология перехода к демократии в странах Восточной Европы /Д. Луджев //Революция и реформы в странах Центральной и Юго-Восточной Европы: 20 лет спустя; /Отв.ред. К.В.Никифоров. – М.: РОССПЭН, 2011. – 775 с.
17. Марчева, И. Социальные трансформации в Болгарии во время перехода к капитализму в 90-е гг. XX в. /И. Марчева //Революции и реформы в странах Центральной и Юго-Восточной Европы: 20 лет спустя; /Отв. ред. Никифоров. – М.: РОССПЭН, 2011. – 775 с.
18. Протестные движения в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. Конец 1960-х – 1980-е гг.: Хрестоматия. – М.: МГУ, 2013. – 400 с.

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ЭКСКУРСИОННЫХ БЮРО В СЕРЕДИНЕ 1970-Х – 1980-Е ГОДЫ ПО ФОРМИРОВАНИЮ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ КАЛИНИНГРАДЦЕВ О ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ

В.Н. Маслов (Калининград, Россия)

Государственные экскурсионные учреждения являются одним из инструментов, с помощью которого власти влияют на историческое сознание населения. В Калининградской области в 1964 г. создан областной совет по туризму и экскурсиям, который координировал работу всех экскурсионных бюро региона в советское время. Сотрудники совета и местные экскурсоводы внесли существенный вклад в формирование исторической памяти калининградцев. В статье на основе архивных материалов определяются исторические события, которые в первую очередь освещались местными экскурсоводами, анализируются методы сообщения им исторической информации и выясняются приемы передачи этих сведений туристам. Хронологические рамки статьи связаны с тем, что соответствующие проблемы в деятельности калининградских экскурсоводов в середине 1970-х – 1980-е годы исследованию не подвергались.

Роль экскурсоводов в формировании исторической памяти осознавалась руководством экскурсионных организаций. В 1984 г. директор Гусевского бюро путешествий и экскурсий В.С. Долгих на расширенном заседании Калининградского областного совета по туризму и экскурсиям заявил, что «экскурсионная работа... пропагандирует как историческое прошлое, так и достижения наших дней... Ведь они [экскурсоводы] являются пропагандистами исторического боевого прошлого, к которому большой интерес у людей...» [1, д. 262, л. 15].

Главные пласты исторической памяти, которые должны были формировать калининградские экскурсоводы, очерчены в утвержденном 27 января 1976 г. президиумом Калининградского областного совета по туризму и экскурсиям тексте вступительной беседы, предназначенной для туристов из других регионов страны [1, д. 128, л. 12-14]. Таких направлений в русле исторической памяти было два – героизм советских воинов в годы Великой Отечественной войны, итоги разгрома фашистской Германии и исозидательная деятельность советского народа в послевоенные годы. Каждое направление конкретизировалось применительно к Калининградской области.

В истории Великой Отечественной войны, разумеется, первостепенное внимание уделялось Восточно-Прусской операции Красной армии. Именно с нее начинали советскую историю региона. В упомянутом документе говорилось, что «первые страницы истории области написаны в огне ожесточенных сражений с фашизмом». Экскурсоводам следовало рассказывать о подвигах красноармейцев, обязательно освещать события штурма Кёнигсберга в апреле 1945 г. и бои за форт №5, показывать туристам «штаб-бомбоубежище бывшего командующего Кенигсбергской группой фашистских войск, коменданта крепости Кенигсберг генерала Ляша, где был подписан приказ о капитуляции фашистского гарнизона», посещать с экскурсантами мемориал 1200-м гвардейцам.

Во время экскурсий туристы узнавали о различных аспектах Восточно-Прусской операции, знакомились с памятниками и памяtnыми местами, сохранявшими память о прошедших боях. Регулярно обновлялись уже имевшиеся и разрабатывались новые экскурсионные маршруты [1, д. 286, л. 119; д. 288, л. 8; 2, с. 234-235]. В середине 1980-х годов коллегия Калининградского областного совета по туризму и экскурсиям констатировала, что экскурсии военно-патриотической тематики занимали «одно из ведущих мест в экскурсионной работе бюро путешествий и экскурсий, разработано 80 экскурсионных маршрутов на военно-исторические темы, в которых ежегодно участвуют более 560 тыс. человек» [1, д. 233, л. 112].

Экскурсантами были различные группы населения – ветераны Великой Отечественной войны, работники промышленных предприятий, колхозники и рабочие совхозов, отдыхающие в профсоюзных здравницах, допризывная и призывная молодежь, студенты, курсанты военных училищ, учащиеся средних специальных и профессионально-технических училищ, школьники [1, д. 286, л. 119]. Действительно, много внимания уделялось во время экскурсионной работы закреплению в сознании школьников и молодых людей памяти о прошедшей войне и победе. В 1980-е годы в Калининградском бюро путешествий и экскурсий традиционными стали «Уроки мужества» для учащихся школ и профтехучилищ. Массовые экскурсионные мероприятия организовывались 6-10 апреля в годовщины взятия Кёнигсберга и 9 мая в день Победы у форта №5 и на других мемориалах. Дети встречались с ветеранами Великой Отечественной войны. Экскурсионное обслуживание нередко предусматривало проведение митинга, минуты молчания, возложение цветов к памятникам советским воинам. Инициативу поддерживали экскурсоводы из городов области. Нередко такие уроки посвящались героям прошедшей войны [1, д. 286, л. 119; д. 288, л. 8; д. 292, л. 36-37].

Обязательным элементом экскурсий был акцент на памятники и памятные места. Экскурсантов знакомили с обелисками, мемориальными досками, улицами и городами, названными в честь героев Великой Отечественной войны. Особая миссия возлагалась на комплекс, посвященный 1200-м гвардейцам, погибшим в 1945 г. в Восточно-Прусской операции, и мемориал «5-й форт» [2, с. 238-240]. Форт являлся филиалом областного историко-художественного музея. Сотрудники музея и экскурсионного бюро проводили

пешеходную экскурсию «Взятие форта №5». Во время экскурсии слушателям рассказывали «о героической странице Великой Отечественной войны, о доблести, мужестве, беспримерной храбрости советских воинов, отличившихся при блокаде и взятии форта №5, пятнадцати из них было присвоено высокое звание Героя Советского Союза» [1, д. 250, л. 10].

Предметность и наглядность, широкое использование во время экскурсий «памятников, обелисков, мемориалов, братских могил, музейных материалов о Великой Отечественной войне 1941-1945 гг., комнат боевой славы предприятий, школ, училищ, воинских частей, с широким включением в тексты экскурсий материалов писем, дневников, листовок... статей из газет военных лет» являлись действенным инструментом формирования исторической памяти о войне. В связи с этим ставилась и воплощалась в жизнь задача наполнить экскурсии «живой реальностью военной поры, документальной достоверностью, широким охватом событий, фактов героических подвигов, раскрывающих справедливый, освободительный характер Великой Отечественной войны, роль партии в подготовке страны к обороне, в создании военно-экономического потенциала, в использовании политических, экономических и военных преимуществ социализма [в борьбе] с врагом» [1, д. 263, л. 116].

Методические приемы, которые применялись для формирования исторической памяти о военном прошлом советской страны и региона, изучались на курсах экскурсоводов. В ходе занятий обязательно сообщалась информация о военной истории края [1, д. 203, л. 12-13; д. 281, л. 44].

Неотъемлемой частью обучения являлись экскурсии, связанные с военно-патриотической тематикой. Для слушателей предусматривались учебные экскурсии «По городам, носящим имена героев», «По местам славы русского и советского оружия», «По местам боев советских войск на Земландском полуострове», «По местам разведгрупп в Восточной Пруссии». Военно-исторический аспект доминировал в ознакомительных экскурсиях «К легендарному Бресту» и «По местам боев защитников Лиепаи», совершавшихся за пределы области. Закреплению исторической памяти о героизме советских воинов и победе служили также маршруты «Исторические и памятные места Калининграда», «Достопримечательности Калининграда», «Они живут в легендах и песнях» [1, д. 203, л. 14; д. 250, л. 88].

На семинарских и практических занятиях экскурсоводы знакомились не только с событиями Восточно-Прусской операции, но и с методами включения в экскурсии экспозиций музеев боевой славы Московско-Минской пролетарской дивизии, мемориального командного пункта 43-й армии. Методические кабинеты составляли подборки материалов из газет и журналов по военной тематике. В областном центре творческая группа экскурсоводов писала биографические справки на Героев Советского Союза, участвовавших в Восточно-Прусской операции и штурме Кёнигсберга [1, д. 281, л. 45].

Среди коллег распространялся опыт экскурсоводов Н.А. Трофимовой, В.И. Сковородского и Г.Г. Кравцова. При этом много внимания уделяли их методикам, интересным сюжетным линиям в экскурсиях на военно-исторические темы.

Приведем обширную цитату, характеризующую вклад Н.А. Трофимовой в формирование исторической памяти жителей и гостей Калининградской области. «Глубоко по содержанию, мастерски по методике раскрывается Трофимовой Н.А. тема экскурсии «По местам боев воинов Советской Армии на Земландском полуострове». Четкая последовательность, емкость излагаемых событий и фактов создают хорошо продуманное, логичное повествование о боевых действиях армий всех родов войск (общевойсковых, танковых, воздушных, военно-морских), о героических подвигах советских воинов, участвовавших в Восточно-Прусской операции на завершающем ее этапе – [на] Земландском полуострове. Определенную трудность в этой экскурсии представляет больший объем материала (экскурсия продолжается 6 часов); но в том и мастерство экскурсовода, чтобы экскурсанты не почувствовали сложности и многообразие материала, изложение должно быть логически стройным, интересным и доходчивым – и с этой задачей Трофимова успешно справляется... В рассказе о боевых действиях женского авиаполка им. М. Расковой, о летчицах, торжественно и проникновенно звучали стихи Героя Советского Союза штурмана эскадрильи Антонины Зубковой, написанные ею в эти тяжелые дни на смерть своего командира – Героя Советского Союза Марины Расковой:

«Сердце! Гневом гори без слез.
Можно терять друзей.
Тяжело, если гибнет в бою подруга;
Но верьте, товарищи, много больней
Терять командира, Героя, друга!»

Экскурсовод умело, несколькими емкими штрихами рисует образы героев-воинов Ныркова Г.Н., Кокшарова И.И., Космодемьянского А., Романова А.И., Полищука С., Казаева А.Б., Замбулидзе Ц.З. и многих-многих других, кто ценой своей жизни отстояли мир и счастье на этой земле» [1, д. 202, л. 15-16].

Ветеран войны, участник Восточно-Прусской операции, экскурсовод В.И. Сковородский, говорилась в справке о его работе, «свои знания, опыт, личные воспоминания о событиях, боевых соратниках и их подвигах, ярко и убедительно передает на экскурсиях туристам и экскурсантам, чем в немалой степени способствует более эффективному выполнению поставленной задачи по воспитанию советских людей и молоде-

жи в духе советского патриотизма, постоянной готовности к защите своей Родины». Под его руководством в калининградском экскурсионном бюро был разработан маршрут «По местам боев за Кёнигсберг». Он стремился в экскурсии сочетать личные воспоминания участников боев за Кёнигсберг с имевшимися описаниями Восточно-Прусской операции, демонстрировал карты и схемы боев, фотографии, о Героях Советского Союза рассказывал непосредственно на местах, где они совершили подвиги. Перед экскурсией Сковородский обязательно выяснял, есть ли среди экскурсантов участники взятия Кёнигсберга и во время экскурсии представлял им слово. В справке особо отмечалось, что «воспоминания участников событий, о которых рассказывается в экскурсии, придают экскурсии неповторимо эмоциональную окраску, глубокую убедительность» [1, д. 217, л. 94-97].

Закреплению памяти о Великой Отечественной войне, подвиге советских людей и победе над фашизмом способствовали и многочисленные экскурсии за пределы области. В частности, многие калининградцы совершали экскурсионные поездки по городам-героям, местам боев 3-го Белорусского фронта в Литве, в Брестскую крепость, на родину Героя Советского Союза литовской партизанки М. Мельникайте в Зарасай [1, д. 155, л. 1; д. 162, л. 4; д. 165, л. 29; д. 220, л. 157].

Таким образом, в деятельности калининградских экскурсоводов в 1970-е – 1980-е годы ключевой темой являлось информирование слушателей о подвиге советских войск, разгромивших группировку фашистов в Восточной Пруссии в ходе Великой Отечественной войны. Эта проблема доминировала в тематике экскурсий, она была основой для патриотического воспитания жителей региона и его гостей, ее можно рассматривать как краеугольный камень в формировании их исторической памяти. Множество памятных мест, связанных с победой в войне, позволяли экскурсоводам использовать разнообразные методы воздействия на историческое сознание экскурсантов. Руководители экскурсионных организаций, а в широком смысле и местные власти понимали важность данной стороны экскурсионной работы, поддерживали и пропагандировали методические достижения экскурсоводов, проводивших экскурсии по военно-патриотической тематике.

Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ в рамках научного проекта № 15-21-06002а(м) «Политика памяти в российско-польско-литовском пространстве на территории бывшей Восточной Пруссии: Преемственность и изменения культурного ландшафта (1945—2015 гг.)».

1. Государственный архив Калининградской области. Ф. Р-153(Калининградский областной совет по туризму и экскурсиям). Оп. 1.
2. Калининград: Справочник-путеводитель. Калининград, 1983. – 274 с.

БЕЛАРУСКА-ПОЛЬСКІЯ ГУМАНІТАРНЫЯ АДНОСІНЫ ЯК ФАКТАР РАЗВІЦЦЯ КУЛЬТУРНАГА ПАМЕЖЖА

С.У. Снапкоўскі (Мінск, Беларусь)

Культурнае беларуска-польскае супрацоўніцтва набывала даволі разнастайныя формы ў перыяд з 1980-х - 1990-х гг. Двухбаковыя кантакты інтэнсіўна развіваліся ў галіне літаратуры, мастацтва, кнігадруку, узаемадзеяння паміж бібліятэкамі, аховы гістарычнай спадчыны і інш. У красавіку 1990 г. у Мінску адбыўся першы міжнародны фестываль нацыянальных драматычных тэатраў “Славянскія тэатральныя сустрэчы”, удзел у якім прынялі нацыянальныя драматычныя тэатры Беларусі, Польшчы, Балгарыі, Славацыі, Украіны і Расіі. У сакавіку 1992 г. польскія тэатры прынялі ўдзел у Міжнародным фестывале “Балтыйская тэатральная вясна” у Гродне. Сумесныя прэкты рэалізаваліся Дзяржаўным акадэмічным сімфанічным аркестрам Беларусі і Філармоніяй Лодзі, Дзяржаўным камерным аркестрам РБ і Камерным аркестрам РП “Камерата Вістула”, Дзяржаўным акадэмічным Вялікім тэатрам оперы і балету Мінска і Дзяржаўнай операй Лодзі [1, с. 5-6].

На тэрыторыі Беларусі даволі актыўным і разнастайным стала жыццё польскай меншасці на тэрыторыі Беларусі ў пачатку 1990-х гг. У 1990 г. польскі Сенат, верхняя палата парламента Польшчы, выступаючы ў традыцыйнай для сябе ролі апякуна польскай дыяспары за мяжой, вызначыў прыярытэтная накірункі супрацоўніцтва з польскай дыяспарай у Беларусі: развіццё агульнаадукацыйных праектаў, падтрымка польскай культуры і спорту, фінансавая падтрымка дзейнасці польскіх арганізацый, падтрымка польскага прадпрыемства за мяжой і яго супрацоўніцтва з Польшчай [3, с. 59].

Статыстыка сцвярджае, што за 2001 г. польская меншасць у Беларусі налічвала 396 тыс. (3,9% у складзе усяго насельніцтва) грамадзян, з’яўляючыся другой буйнейшая меншасцю пасля рускіх. Польскі даследчык Ежы Рыхлік звяртае ўвагу на тое, што толькі невялікая частка грамадзян Беларусі польскай нацыянальнасці (13,3%) разглядала польскую мову ў якасці роднай (у Літве гэты паказчык складаў 84,8%, ва Украіне – 12,5%). Большая частка польскай меншасці (294 тыс.) пражывае ў Гродзенскай вобласці, складаючы 24,8% жыхароў. Па меркаванні Е.Рыхліка, у асяроддзі інтэлігенцыі польскай нацыянальнасці ў Беларусі назіралася трывалая слабасць поўнаасцю свядомай і крэатыўнай самаідэнтыфікацыі з польскай нацыянальнасцю. Даследчык падкрэсліваў, што, нягледзячы на наяўнасць істотнай колькасці высокаадука-

ваных асоб, маючых навуковыя ступені, сярод прадстаўнікоў польскай меншасці на Гродзеншчыне, толькі нязначная іх частка прымае ўдзел у жыцці польскай меншасці [1, с. 24].

У другой палове 1980-х гг. у БССР значна ўзрасла ўвага да патрэб польскай меншасці ў рэспубліцы. Адназначна быў прыняты шэраг захадаў па іх задаваленні. У 1987-1988 гг. навучальным годзе 11 вучняў Ласоснаўскай сярэдняй школы Гродзенскага раёна пачалі факультатыўна вывучаць польскую мову. Да 1988 г. у Беларусі не існавала школ, дзе б у межах праграмы вывучалася польская мова. Аднак з пачаткам перабудовы сітуацыя змянілася: у 1990-1991 гг. польская мова ў якасці прадмета вывучалася ў 12 класах. У верасні 1991 г. у Гродна былі адкрыты 2 класы з польскай мовай навучання, а яшчэ ў 15 класах (у тым ліку ў 3 першых) польская мова пачала выкладацца ў якасці прадмета.

Згодна з Польскім культурна-асветніцкага таварыствам імя Т. Міцкевіча, у 1988/1989 навучальным годзе польскую мову вывучалі толькі 980 школьнікаў, то ў 1989/1990 годзе іх колькасць павялічылася больш чым у 6,5 разоў і складала 6 500 навучэнцаў. У 1989 г. Гродзенскае радыё распачало штотыднёвыя трансляцыі перадачы на польскай мове. Пры гэтым супрацоўнікі радыё абавіраваліся на падтрымку Беластоцкага радыё і тэлебачання, якія выпускалі аналагічную праграму для беларусаў Польшчы. У 1990 г. пачала выходзіць двойчы на месяц тэлевізійная праграма “Голас над Нёманам”, створаная для польскай меншасці на Гарадзеншчыне. Адначасова перадачу маглі глядзець і жыхары Беластоцкага ваяводства [2, с. 91].

Напрыканцы 1980-х гг. і ў пачатку 1990-х гг. назіралася ажыўленне жыцця польскай меншасці ў Беларусі. У пачатку 1990-х гг. польская мова выкладалася ў асобных класах 42 школ Брэсцкай вобласці. У гімназіі польскую мову вывучаў 131 навучэнец, у ліцэі – 100 вучняў, у абласным цэнтры моладзевай творчасці – 105 чалавек, у гарадскім Доме дзіцячай і юнацкай творчасці – 15 навучэнцаў. Усяго на Бярэсцейшчыне польская мова вывучалася ў якасці абавязковай 900 вучнямі і ў якасці факультатыва альбо як другая замежная мова 1 166 навучэнцамі [12, с. 10]. У 1990 г. на базе польскіх культурна-асветніцкіх таварыстваў быў утвораны Саюз палякаў у Беларусі (СПБ; Związek polaków na Białorusi).

Першай зарэгістраванай у БССР арганізацыяй, шчыльна звязанай з культурай Польшчы і польскай меншасцю ў Беларусі, стаў Клуб аматараў польскай культуры ў Лідзе, зарэгістраваны 13 снежня 1987 г. У 1988-1990 гг. паўсталі Польскі клуб “Рота” у Баранавічах, Польскае таварыства Р.Траўгута ў Брэсце, Культурна-асветніцкае таварыства А.Міцкевіча ў Гродне, Культурна-асветніцкае таварыства “Палонія” у Мінску. Гэтыя арганізацыі, аб’яднаўшыся, утварылі СПБ [1, с. 98].

Ключавой задачай арганізацыі стала нацыянальнае адраджэнне палякаў у Беларусі праз папулярызацыю польскай мовы сярод польскага насельніцтва і аказанне падтрымкі ў яе вывучэнні. Найбольш актыўнымі ўдзельнікамі пачатковага этапу дзейнасці СПБ былі ваенны, падпалкоўнік памежных войскаў Тадэвш Гавін, педагог, дырэктар школы ў Сонічах Юзэф Лучнік, доктар філалогіі Інстытута біяхіміі ў Гродне Станіслаў Сянкевіч, інжынер Тадэвш Малевіч, доктар біяхіміі Анатоль Пацэнка, інжынер Францішак Вітовіч [1, с. 101].

Дынамічна ўзрастала колькасць школ, дзе навучэнцы маглі вывучаць польскую мову. Калі ў 1990 г. вывучэнне польскай мовы прапанавалася ў 174 школах (у тым ліку ў 39 школах у якасці абавязковага прадмета) Беларусі, то ў 1993 г. такіх школ было 300 (у тым ліку 81 з абавязковым вывучэннем польскай мовы). У 1990 г. вывучэннем польскай мовы ў школах былі ахоплены 8 252 вучні, а ў 1993 г. – 14 252 навучэнцаў.

Паступова ў Беларусі пачалі стварацца польскія мастацкія калектывы. Ужо ў 1993 г. у краіне дзейнічалі каля двух дзясяткаў польскіх калектываў песні і танца, у тым ліку калектывы песні і танца “Лехіці”, які быў уганараваны званнем народнага калектыву. У 1992 г. упершыню ў Гродне быў праведзены Фэстываль польскай песні ў Беларусі. У 1990-1993 гг. пры СПБ паўсталі Польскае навуковае таварыства, Польскае таварыства лекараў, Таварыства польскіх скульптараў, Клуб каталіцкай моладзі, Стартыўны клуб “Баторы”, Таварыства польскіх камбатантаў, Беларускае аддзяленне “Усходняга архіва”, Клуб моладзі і студэнтаў, Таварыства сяброў польскай культуры, Камітэты памяці Адама Міцкевіча і Элізы Ажэшка. СПБ праводзіў дзейнасць, накіраваную на ахову ў Беларусі месцаў і помнікаў, звязаных з польскай нацыянальнай памяццю; праводзіў працу ў мэтах адкрыцця памятных шылдаў жаўнерам Арміі Краёвай (АК) і ўдзельнікам ваявых дзеянняў з польскага боку пад Гродна ў 1939 г., эксгумацыі жаўнераў АК у Радуні, шанаванне памяці ахвяр вайны. СПБ таксама планавалі сфармаваць каталог аб’ектаў “польскай гісторыі і культуры” у Беларусі, у адпаведнасці з якім павінна была адбывацца іх рэстаўрацыя і аднаўленне. Аб’яднанне планавала арганізоўваць праз такія месцы правядзенне турыстычных шляхоў, адчыняць музеі і адкрываць помнікі [2, с. 17].

У чэрвені 1992 г. напярэдадні візіту Старшыні Вярхоўнага Савета С. Шушкевіча ў Расею СПБ прапанавала аказаць разавую фінансавую дапамогу ў памеры 500 тыс. рублёў на закупку паперы для газеты “Голас над Нёманам”, што магло паскорыць атрыманне музеем беларускай культуры горада Гайнаўкі дапамогі з боку польскага ўраду. З цягам часу аб’ёмы фінансавання беларускімі органамі дзяржаўнага кіравання “Голаса на Нёманам” узрасталі. Нарастала таксама інтэнсіўнасць кантактаў беларускай меншасці ў Польшчы з польскай меншасцю ў Беларусі. Прыкладам такога супрацоўніцтва стала арганізацыя пад патранатам СПБ і Беларускага грамадска-культурнага Таварыства (БГКТ) рэгулярнага

правядзення па чарзе у Беластоку і Гродне навуковай канферэнцыі “Шлях да ўзаемнасці” і фестывалю “Гродна-Беласток”. Адначасова СПБ шчыльна супрацоўнічаў з польскай арганізацыяй “Польская грамада” (“Wspólnota polska”), якое займалася фінансаваннем будаўніцтва ў Гродне школы з польскай мовай навучання і “Дома паляка”.

Актыўна вялася справа аховы гісторыка-культурных месцаў, звязаных з імёнамі Т.Касцюшкі, Ю.Нямцэвіча, Н.Орды, А.Міцкевіча, Э.Ажэшка, якія мелі значэнне як для беларускага, так і для польскага боку. Галоўную ролю ў гэтай справе адыгрывалі створаныя ў 1994 г. Фонд Напалеона Орды (кірайнік – В.А.Клімук) і Фонд Тадэвуша Касцюшкі (кірайнік – Л.М.Несцярук).

У пачатку 1990-х гг. больш актыўна пачала ажыццяўляцца супраца паміж бібліятэкамі. Белападляская бібліятэка і Брэсцкая абласная бібліятэка мелі гатоўнасць да больш шчыльнага супрацоўніцтва, аднак да 1989 г. падобная ініцыятыва не магла прынесці поспеху, бо ўсе кантакты ажыццяўляліся цэнтралізавана. У 1989 г. пасля візіту дэлегацыі Белападляскай бібліятэкі ў Брэст справа рушыла наперад. Акрамя гэтага, да сумесных ініцыятыв далучыліся раённыя бібліятэкі Іванава і Баранавічаў. У прыватнасці, бібліятэкі мяняліся матэрыяламі аб жыцці і дзейнасці Напалеона Орды. Драгічынская бібліятэка ажыццяўляла збор матэрыялаў аб жыццёвым і творчым шляху Элаізы Ажэшка. Пінская бібліятэка пачала развівацца ў накірунку стварэння сектара польскай літаратуры і краязнаўства (з 1992 г.), у чым ёй дапамогу аказваў СПБ. У 1994 г. быў утвораны Рэспубліканскі цэнтр нацыянальных культур, які спрыяў актывізацыі культурнага жыцця і ўзаемаабмена з суседзямі. Дзякуючы рабоце цэнтра ў Беларусі раз на два гады сталі праводзіцца Фестывалі нацыянальных культур. На працягу 1990-х гг. польскі бок таксама прымаў рэгулярны ўдзел у мерапрыемствах, прысвечаных Дню Перамогі. Штогадова ладзіўся марафонскі забег Бялая Падляска – Брэсцкая крэпасць, удзельнікамі якога становіліся спартоўцы розных узростаў з Беларусі, Польшчы, Украіны і Расіі.

У траўні 1993 г. у Рэспубліканская мастацкай галерэі адкрылася выстава сусветна вядомага польскага мастака з беларускімі каранямі Л.Тарасевіча. Арганізатарамі выставы выступілі Міністэрства культуры Беларусі, Міністэрства культуры і мастацтваў Польшчы, Беларускі фонд культуры і Саюз мастакоў Беларусі. У лютым 1992 г. Мінск наведалі прадстаўнікі мастацкага кіравання Міжнароднага фестывалю ў г.Торунь “Кантакт-94” К.Мейснэр і А.Блашчык. У выніку праведзеных сустрэч і працы міністэрстваў былі дасягнуты дамоўленасці аб правядзенні Нацыянальным акадэмічным тэатрам імя Купалы гастрольнага турне па гарадах Польшчы (Варшава, Торунь, Беласток) [3, с. 47].

Такім чынам, перыяд 1980-1990-х гг. характарызаваўся істотным ростам колькасці і маштабаў дзейнасці арганізацый, якія падтрымлівалі і ўдзельнічалі ў развіцці культурнага жыцця арганізацыя польскай меншасці ў Беларусі і спрыялі рэалізацыі разнастайных грамадскіх ініцыятыв у гуманітарнай сферы.

1. Бабосов, Е. М. Абушенко, В. Л. Богуш, Т. А. Мысливец, Н. Л. Пронько, Т. В. Гапличник, Т. И. Глина, В. Н. Котляров, И. В. "Народы, культуры и социальные процессы на пограничье" Гродненский государственный университет имени Янки Купалы Институт социологии Организация Объединенных Наций, Фонд в области народонаселения УДК 0/3(476)(06)+7/9(476)(06)
2. Беспмятных, Н. Н. Белорусско-польско-литовское пограничье: границы, культуры, идентичности / Н.Н. Беспмятных ; [науч. ред. М. А. Можейко]. 2 - изд. – Минск : РИВШ, 2013.
3. Феномен пагранічча: польская, беларуская і ўкраінская літаратура – уплывы і ўзаемаўзбагачэнне: [Міжнар. Навук. Канф. У Любліне, 17-18 кастр. 2007 года]: зборнік артыкулаў / [прадм. С. Кавалёва, І. Набытовіча] 2008 г.

КУЛЬТУРНО-ГУМАНИТАРНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО КНР С РЕСПУБЛИКОЙ БЕЛАРУСЬ В 1992–2017 ГГ.

Сунь Инцзе (Минск, Беларусь)

20 января 1992 г. КНР и Республика Беларусь официально установили дипломатические отношения. С этого момента стороны непрерывно уделяют внимание развитию культурно-гуманитарных связей. Уже 25 ноября 1992 г. было подписано Межправительственное соглашение, предусматривавшее обмен и сотрудничество между соответствующими учреждениями двух стран в области культуры и искусства, образования, общественных наук, масс-медиа [1].

В 1992-2005 гг. прослеживалась динамика стабильного развития двусторонних отношений, в 2005 г. они были официально переведены на уровень всестороннего развития и стратегического сотрудничества. В 2013 г. они были подняты до уровня всестороннего стратегического партнерства. В Совместной декларации было объявлено о важности непрерывного укрепления сотрудничества в научно-технической, культурной, образовательной и других областях [2]. В 2014 г. в г. Пекине было подписано Межправительственное соглашение о создании Белорусско-Китайского комитета по сотрудничеству [3]. В настоящий момент отношения характеризуются как доверительное всестороннее стратегическое партнерство и взаимовыгодное сотрудничество. В мае 2017 г. в КНР на высшем уровне было отмечено, что Китай ви-

дितв Беларуси важным партнером в создании Одного пояса и Одного пути. Глава обоих государств при встрече отметили в том числе важность продвижения взаимодействия в культурно-гуманитарной сфере [4]. Очевидно, что условия для развития культурно-гуманитарных связей в рассматриваемый период были полностью созданы.

Сотрудничество в области образования. Китай и Беларусь неизменно придают большое значение контактам в области образования. В этих целях были заключены Межправительственное соглашение о взаимном признании документов об образовании (1998 г.) [5] и межправительственное соглашение о взаимном признании документов об ученых степенях (2000 г.), предусматривающие признание дипломов о среднем и высшем образовании и о степенях бакалавра, магистра, кандидата наук (Ph.D) и доктора наук [6]. В 2000 г. был создан отдел по делам образования при Посольстве КНР в Минске. Для последовательного развития сотрудничества в Минске было подписано Соглашение между министерствами образования обеих стран о сотрудничестве в области образования на 2001-2005 гг. [7]. Тем же задачам отвечало Соглашение между министерствами образования о сотрудничестве в области образования на 2006-2010 гг. [8, с. 85]. На их основании стороны развивали сотрудничество между вузами и начали осуществлять подготовку кадров в языковой сфере. К 2017 г. было заключено более 120 договоров о сотрудничестве между ведущими вузами обеих стран. В 2016-2017 уч. г. в Беларуси обучались 2067 китайских граждан, а в вузах КНР обучались около 600 белорусских граждан [9].

Соглашение между Министерством образования Республики Беларусь и Государственной канцелярией КНР по международному распространению китайского языка о сотрудничестве в области преподавания китайского языка было подписано в 2006 г. [10]. Согласно ему, был открыт первый Институт Конфуция при БГУ [11, с. 110-121]. К 2017 г. в Беларуси были учреждены уже 4 института Конфуция и 6 филиалов Класа Конфуция, 15 центров обучения в начальных и средних школах, общее число китайских преподавателей-волонтеров составило 80 чел., более 1600 белорусов изучали китайский язык [12, с. 54-60]. В 2017 г. в Пекинском и Шанхайском, Тяньцзиньском университетах иностранных языков, Пекинском университете языка и культуры открылись факультеты белорусского языка [13]. Изучение китайского языка становится все более популярным в Беларуси, а белорусский язык изучается в Китае. Углубился обмен между вузами, выросло количество стипендиальных программ. Число студентов из Китая в белорусских вузах и белорусов в вузах КНР выросло, с преобладанием первых.

Сотрудничество в области культуры и искусства. Китайско-белорусское сотрудничество в области культуры и искусства – важный компонент культурно-гуманитарного сотрудничества. 25 ноября 1992 г. было подписано соответствующее Межправительственное соглашение. Дни культуры Беларуси и Китая стали проходить на взаимной основе с 1999 г. В 2013-2017 гг. стороны успешно провели уже 11 подобных мероприятий. В их рамках были организованы культурные и художественные выставки, дни китайского кино [14, с. 32-40]. Было установлено сотрудничество между библиотеками, музеями, художественными галереями и театрами. Так, в 2013 г. были подписаны соглашения о сотрудничестве Национального художественного музея Республики Беларусь с Музеем современной европейской живописи Тяньцзиня, сотрудничестве между Пекинской библиотекой и Национальной библиотекой Беларуси [15]. В мае 2017 г. было подписано Соглашение между Китайским национальным театром и Белорусским национальным театром оперы и балета [16]. Сторонами также были проведены многочисленные масштабные художественные выставки [17]. В конце 2017 г. в Национальном художественном музее Китая состоялась выставка Шедевры Национального художественного музея Республики Беларусь [18].

В целом, преимущественное развитие в данной области получило проведение культурных мероприятий: выставок, сценических выступлений.

Сотрудничество в области масс-медиа. Масс-медиа является одним из важнейших инструментов воздействия на современного человека. Протокол о сотрудничестве в области информации между МИД КНР и МИД Республики Беларусь был подписан еще в 1996 г. [19, с. 100]. С развитием двусторонних отношений значение подобного сотрудничества возрастало. В 2005 г. было подписано Соглашение о сотрудничестве в области информации и печати между Министерством информации Республики Беларусь и Пресс-канцелярией Государственного совета КНР, призванное содействовать сотрудничеству бумажных и электронных СМИ [20]. В 2009 г. белорусскоязычная страница была открыта на веб-сайте Международного радио Китая. В 2011 г. корреспондентский пункт информагентства Синьхуа был открыт в Беларуси. Соглашение о сотрудничестве между Центральным телевидением Китая и Национальной телерадиокомпанией Беларуси было подписано в 2013 г. В декабре 2017 г. БЕЛТА была создана и запущена версия официального сайта на китайском языке [21]. Китайские и белорусские СМИ начали публиковать новости о стране-партнере. Классические литературные произведения Китая и Беларуси были переведены и опубликованы на языке страны-партнера.

Сотрудничество в области туризма. Китай и Беларусь развивают сотрудничество в области туризма. Основу данного сотрудничества составили Соглашение о взаимных безвизовых групповых туристических поездках (1993 г., общий характер) [22, с. 86] и межправительственные соглашения о сотрудничестве в области туризма (2005 г., 2008 г.). В мае 2015 г. было открыто авиасообщение по маршруту Пекин-

Минск [23]. В августе 2016 г. был подписан протокол к соглашению о взаимных безвизовых туристических поездках [24]. Осенью 2017 г. в аэропорту Беларуси появились указатели на китайском языке [25]. Постепенно это позволило несколько увеличить взаимный интерес, в первую очередь, интерес китайских туристов: По данным Белстата, в 2016 г. более 1,5 тыс. туристов из КНР посетили Беларусь. В странах Европы в 2017 г. побывали более 12 млн китайцев, при этом Беларусь вошла в список 10 стран с наибольшей динамикой прироста китайских туристов [26].

Таким образом, сотрудничество Китая и Беларуси в культурно-гуманитарной сфере осуществляется на основе развитой нормативной базы. 1992-2013 гг. – этап укрепления договорно-правовой базы, постепенного обозначения направлений сотрудничества. 2013-2015 гг. – переломный этап конкретизации и расширения взаимодействия. В 2015-2017 гг. наблюдалось начало нового этапа развития сотрудничества, открытия культурных центров, роста контактов в сфере образования, что можно объяснить активизацией отношений в рамках сотрудничества по проекту Пояса и Пути.

1. 中华人民共和国政府和白俄罗斯共和国政府文化合作协定(Соглашением между Правительством КНР и Правительством РБ о культурном сотрудничестве)/中华人民共和国外交部编(МИД КНР) // 中华人民共和国条约集第三十九集1992(Собрание договоров КНР №39 1992 г.). –北京: 世界知识出版社, 1996 (Пекин: Мир знаний). – 99页 (99 с.).
2. 中华人民共和国和白俄罗斯共和国关于建立全面战略伙伴关系的联合声明 (Совместная декларация Китайской Народной Республики и Республики Беларусь об установлении всестороннего стратегического партнерства) [电子信息(Электронный ресурс)]: [заключен в г. Пекине 16.07.2013 г.] // 中华人民共和国外交部 (Министерство иностранных дел КНР). – 存取方式Режим доступа): <http://www.mfa.gov.cn/chn/gxh/zlb/smzg/t1059443.htm>. – 存取时间(Дата доступа): 09.08.2017.
3. Соглашение между Правительством Республики Беларусь и Правительством Китайской Народной Республики о создании Белорусско-Китайского межправительственного комитета по сотрудничеству [Электронный ресурс] // Информационный правовой портал Республики Беларусь. – Режим доступа: <http://naviny.org/2014/09/04/by1460.htm>. – Дата доступа: 05.02. 2018.
4. 习近平会见白俄罗斯总统卢卡申科(Си Цзиньпин встретился с председателем Беларуси) [Электронный ресурс] //外交部(Министерство иностранных дел). – 存取方式Режим доступа: <http://www.fmprc.gov.cn/web/zyxw/t1462082.shtml>. – 存取时间Дата доступа: 23.02.2017.
5. Соглашение между правительством Республики Беларусь и правительством Китайской Народной Республики о взаимном признании документов об образовании [Электронный ресурс] [заключен в г. Пекине 28 октября 1998 г.] // Белорусско-Китайский межправительственный комитет по сотрудничеству. – Режим доступа: www.belaruschina.by/data/fck/file/oinvesticii.doc. – Дата доступа: 05.02. 2018.
6. 中华人民共和国政府和白俄罗斯共和国政府关于相互承认学位证书的协议(Межправительственное соглашение КНР и РБ о взаимном признании документов об ученых степенях) [电子信息(Электронный ресурс)]: [заклучен в Минске 26. 07. 2000 г.] // 中国学位与研究生教育信息网 (Информационная сеть Китайской степени и высшего образования). – 存取方式(Режим доступа): <http://www.cdgdc.edu.cn/xwyyjsjyxx/dwjl/xwhr/xwhrxy/264191.shtml>. – 存取时间(Дата доступа): 19.08.2017.
7. Соглашение между Министерством образования КНР и Министерством образования Республики Беларусь о сотрудничестве в области образования на 2001–2005 гг. [Электронный ресурс]: [подписано в г.Минске 6мая 2000 года]// Министерство образования Республики Беларусь. – Режим доступа: <http://edu.gov.by/sistema-obrazovaniya/mezhdunar/mezhdunarodnye-soglasheniya/index.php> / – Дата доступа: 05.11.2017.
8. 中华人民共和国外交部编 (Министерство иностранных дел КНР). 中华人民共和国教育部和白俄罗斯共和国教育部 2006—2010 年教育合作协议(Соглашение между Министерством образования КНР и Министерством образования Республики Беларусь о сотрудничестве в области образования на 2006–2010 гг.) / 中华人民共和国外交部编 (Министерство иностранных дел КНР). // 中华人民共和国条约集第五十二集 2005 (Собрание договоров Китайской Народной Республики №39 2005 г.). –北京: 世界知识出版社, 2006 (Пекин: Мир знаний изд-во). – 85页 (– 85 с.).
9. Минск и Пекин продолжают развивать сотрудничество в ряде сфер [Электронный ресурс] // Минск-новости. – Режим доступа: <https://minsknews.by/minsk-i-pekinn-prodolzhat-razvivat-sotrudnichestvo-v-sferah-ekonomiki-torgovli-obrazovaniya/>. – Дата доступа: 13.09.2017.
10. 教育合作(Сотрудничество в области образования) [Электронный ресурс] //中国驻白俄罗斯大使馆 (Посольство Китая в Беларуси). –存取方式Режим доступа: <http://by.china-embassy.org/chn/wh/>. – 存取时间Дата доступа: 25.06.2017.
11. 李宝贵(Ли Баогуй). “一带一路”沿线国家孔子学院发展现状、问题及对策研究——以白俄罗斯孔子学院为个案(Исследования по нынешней ситуации, проблемы и ответные меры институтов Конфуция вдоль «один пояс, один путь» – тематическое исследование Института Конфуция Беларусь) / 宝贵李(Баогуй Ли). –辽宁师范大学学报 (Журнал Ляонин педагогический университет), – 2016. – №6. 第110-121页(– С. 110-121).
12. 赵会荣(Чжао Хуйжун). 中白教育合作的现状与前景(текущая ситуация и перспективы в области образования между Китаем и Беларусью) / 会荣赵(Хуйжун Чжао). –俄罗斯学刊(Русский журнал), – 2017. – №5. 第54-60页(– С. 54-60).
13. 北外新增1个小语种专业服务“一带一路”建设(Пекинский университет иностранных языков добавил 11 специальностей для языков, которые пользуются только в некоторых странах) [Электронный ресурс] // 人民网(Народ) – 存取方式Режим доступа): <http://edu.people.com.cn/n1/2017/0324/c367001-29167935.html>. – 存取时间(Дата доступа): 16.05.2017.
14. Снапковский В. Международное культурное сотрудничество Республики Беларусь (1991 - 2011 гг.) / В. Снапковский, О. Лазоркина // Журнал международного права и международных отношений. – 2011. – № 4. – С. 32–40.
15. 首都图书馆与白俄罗斯国家图书馆签署合作协议(соглашение о сотрудничестве между Столичной библиотекой г. Пекина и Национальной библиотекой Беларуси)[电子信息(Электронный ресурс)]: [заключен в г. Пекине 17. 07.2013г.] // 首都图书馆(Столичная библиотека). – 2005. – 存取方式(Режим доступа): <http://www.clcn.net.cn/modules/information/view.php?id=994>. – 存取时间(Дата доступа): 09.08.2017.
16. 白俄罗斯国家歌剧院芭蕾舞剧院和中国国家大剧院签署协议 (Белорусский национальный театр оперы и балета и Китайский национальный Большой театр подписали соглашение) [Электронный ресурс] // 白俄罗斯共和国驻华大使馆 (Посольство Республики Беларусь в КНР) – 存取方式Режим доступа): <http://china.new.mfa.gov.by/zh/embassy/news/d094103acedd2c3b.html>. – 存取时间(Дата доступа): 31.07.2017.

17. 艺术展览为中白建交15周年纪念活动添彩(Художественная выставка в ознаменование 15-летию дипломатических отношений Китая-Беларусь) [Электронный ресурс] //中华人民共和国驻白俄罗斯共和国大使馆(Посольство КНР в Беларуси). – 存取方式Режим доступа: <http://www.fmprc.gov.cn/ce/ceby/chn/xnyfgk/t293744.htm>. – 存取时间Дата доступа: 20.02.2017.
18. В Национальном художественном музее Китая 24 октября состоится торжественное открытие двух выставок из собрания Национального художественного музея Беларуси [Электронный ресурс] // Звезда. – Режим доступа: <http://zviazda.by/be/node/117526>. – Дата доступа: 13.12.2017.
19. 中华人民共和国外交部编 (Министерство иностранных дел КНР). 中华人民共和国外交部和白俄罗斯共和国外交部新闻领域合作协定书 (Протокол о сотрудничестве в области информации между Министерством иностранных дел Китайской Народной Республики и Министерством иностранных дел Республики Беларусь было подписано 05 апреля 1996 года в г. Пекине.) / 中华人民共和国外交部编 (Министерство иностранных дел КНР). // 中华人民共和国条约集第四十集1992(Собрание договоров Китайской Народной Республики №39 1996 г.). – 北京: 世界知识出版社, 1999 (Пекин: Мир знаний изд-во). –100页 (100 с.).
20. Соглашение о сотрудничестве в области информации и печати между Министерством информации Республики Беларусь и Пресс-Канцелярией Государственного Совета Китайской Народной Республики [Электронный ресурс] // Бусел. – Режим доступа: <http://busel.org/texts/cat3ae/id5rwbuez.htm>. – Дата доступа: 13.09.2017.
21. Белтелерадиокомпания заключила соглашение о сотрудничестве с Центральным телевидением Китая [Электронный ресурс] // Белтелерадиокомпания. – Режим доступа: https://www.tvr.by/company/novosti-kompanii/belteleradiokompaniya_zaklyuchila_soglashenie_o_sotrudnichestve_s_tsentralnym_televideniem_kitaya/. – Дата доступа: 13.02.2017.
22. 中华人民共和国外交部编 (Министерство иностранных дел КНР). 中华人民共和国政府和白俄罗斯共和国政府互免团体旅游签证的协定(соглашение между правительством КНР и правительством Республики Беларусь о взаимных безвизовых групповых туристских поездках) / 中华人民共和国外交部编 (Министерство иностранных дел КНР). // 中华人民共和国条约集第四十集1992(Собрание договоров Китайской Народной Республики №39 1992 г.). –北京: 世界知识出版社, 1996 (Пекин: Мир знаний изд-во). –86页 (86 с.).
23. В авиакомпании AirChina рассказали о маршруте Пекин - Минск - Будапешт - Пекин [Электронный ресурс] // TUT. – Режим доступа: <https://news.tut.by/society/443806.html>. – Дата доступа: 05.02.2018.
24. 白俄罗斯将对中国公民实行免签入境最长可停留30天 безвизовый въезд китайских граждан максимум до 30 дней в Беларусь // 环球网 (Глобальная сеть). – 存取方式 (Режим доступа): <http://lx.huanqiu.com/lxnews/2017-09/11284466.html>. – 存取时间 (Дата доступа): 05.02.2018.
25. В аэропорту Минска стали дублировать информацию для пассажиров на китайском языке [Электронный ресурс] // Белновости. – Режим доступа: <https://www.belnovosti.by/minsk/v-aeroporту-minska-stali-dublirovat-informaciyu-dlya-passazhirov-na-kitayskom-yazyke>. – Дата доступа: 05.02.2018.
26. ³⁰携程: 2017年中欧市场报告 (Ctrip: Китай-Европа путешествия рынка доклад 2017) // 互联网数据中心-199IT (Итернет-центр обработки данных). – 存取方式 (Режим доступа): <http://www.199it.com/archives/679252.html>. – 存取时间 (Дата доступа): 06.02.2018.

К ВОПРОСАМ О ПЕРЕГОВОРНОМ ПРОЦЕССЕ ПРИ ПОДГОТОВКЕ СОГЛАШЕНИЯ КОТОНУ

А.Н. Зинченко (Минск, Беларусь)

При рассмотрении переговорного процесса о заключении договоров между странами Африки, Карибского бассейна и Тихого океана (АКТ) и Европейским союзом (ЕС) можно выделить три линии переговоров. Одна из них велась между Европейской комиссией (ЕК) и государствами-членами Европейского союза, вторая между ЕС и странами группы АКТ, третья велась между членами самой группировки АКТ для предоставления переговорного мандата. Для данного переговорного процесса характерно привлечение региональных организаций, которые участвовали в переговорах между странами группы АКТ по поводу мандата, а также при переговорах с ЕС.

Предоставление взаимных преференций в торговых отношениях АКТ-ЕС должно было содействовать проникновению европейских товаров и инвестиций на территорию стран АКТ, что способствовало бы заметному сдвигу в отношениях между Европейским союзом и странами региона АКТ. Такая ситуация была продиктована как желанием стран-участниц Европейского союза, так и условиями предоставления преференций, которые диктовали правила Всемирной торговой организации. Комиссия призывала к более сбалансированному партнерству, где были бы учтены взаимные интересы партнеров. Льготный доступ европейских товаров на рынки АКТ, как предполагалось, мог дать европейскими фирмами преимущество над своими конкурентами (в частности США) [1, с. 15].

Переговорный процесс между Европейской комиссией и государствами-членами ЕС облегчал также тот факт, что соглашение было выгодно для европейских компаний, а, следовательно, вместе с пунктами, облегчающими ведение бизнеса в регионе АКТ, можно было лоббировать переговоры касательно обновленного пакета помощи для стран АКТ в самых скептически настроенных государствах-членах ЕС [2, с. 81].

³⁰ Блудов Дмитрий Николаевич, граф – в указанное время министр внутренних дел. В состав МВД был включен и департамент духовных дел иностранных исповеданий, которому подчинялась Греко-униатская духовная коллегия.

Что касается достижения переговорного мандата для стран АКТ, его достижение осложнялось различными интересами стран трех регионов, а также разницей в экономическом развитии [4, с. 48].

Небольшие острова в Африке, в Карибском бассейне и в Тихом океане были заинтересованы в том, чтобы лоббировать решения, которые могли бы обеспечить выгоду от товарных протоколов. Хотя в рамках мандата АКТ была официально заявлена позиция статуса-кво (продолжение невзаимных преференций и протоколов), настаивая на нем как на самом лучшем варианте, некоторые страны начали активно готовиться к нескольким возможным исходам, в том числе и к принятию взаимных преференций [4, с. 51].

В целом, с точки зрения потенциала и участия, необходимо указать, что в целом страны Карибского бассейна, были выше среднего показателя в АКТ. Маврикий – чей впечатляющий рост с 70-х годов во многом обязан протоколу на сахар, передаче финансовых средств и освобождению от контроля над текстилем, начал рассматривать возможные последствия соглашения об экономическом партнерстве (СЭП) с ЕС, или принятием соглашения о свободной торговле ЕС и Сообществом развития Юга Африки (САДК). Маврикий имел представительства в Брюсселе и в Женеве. А также атташе по сельскому хозяйству в Брюсселе. Что свидетельствовало об уровне координации отношений в сфере сельского хозяйства гораздо более высокого уровня, нежели между ЕС и Африкой [6, с. 32].

Аналогичным образом, хотя и отстаивая официально обязательный статус-кво, страны Карибского бассейна были меньше озабочены принятием взаимных преференций, чем риском потерять преимущества протоколов [6, с. 33].

Это обусловлено тем, что они были менее зависимы от торговли с ЕС, чем многие африканские страны (торговля с ЕС составляет около 10% всего объема в Карибском регионе), и они так или иначе вовлечены в процессы создания зоны свободной торговли для стран Америки. Таким образом, они были готовы предусмотреть сценарии свободной торговли, действуя коллективно в рамках Карибского сообщества (КАРИКОМ) и Организации Восточно-карибских государств (ОВКГ) [6, с. 27].

Тихоокеанские острова довольно поздно переключились с линии статус-кво на активную подготовку к СЭП. Это произошло, когда они поняли, что для стран, импортирующих потребительские товары, стоимость введения взаимных преференций в торговле представляет собой очень небольшую часть потенциальной стоимости потери всей помощи. Подготовка к созданию специальной региональной группы стран Тихоокеанского региона началась во время переговоров о подписании СЭП с ЕС [4, с. 51].

Африканские страны оказались менее подготовлены и активны, нежели страны Карибского бассейна. Среди факторов, которые могут объяснить эту более пассивную позицию, стоит отметить, что в конце 90-х годов многие африканские страны сталкиваются с серьезной потенциальной или реальной политической нестабильностью или войной [5, с. 41].

В отличие от стран Карибского бассейна и Тихого океана, зависимость от международной торговли в целом, а также протоколы на отдельные виды продукции, повлияли на структурные изменения африканских государств гораздо меньше. Кроме того, большинство стран Африки были наименее развитыми странами, и отмена преференциальной торговли им не угрожала. Наконец, свою роль сыграли недостаточные возможности торговой политики и торговых переговоров африканских стран [5, с. 50].

Едиственный вопрос, который по сути интересовал страны Африки – будущее системы стабилизации доходов от экспорта (СТАБЕКС) и системы по поддержанию производства и экспорта сырья (СИСМИН), которые ЕС собирался закрыть, а африканские страны в свою очередь настаивали на продолжении данных программ [5, с. 51].

Некоторые из франкоговорящих африканских стран были более благожелательны по отношению к предложениям ЕС. В частности, в странах Западной Африки франкоязычная группировка стран Западно-африканского экономического и валютного союза (ЗАЭВС) добилась значительного прогресса в региональной интеграции – по крайней мере номинально – по сравнению с другими региональными группировками в Африке. Среди основных спонсоров ЗАЭВС, который во многом вдохновлен интеграционной моделью ЕС, помимо самого Европейского союза также была Франция. Некоторые из крупных стран-членов сохраняли достаточно сильные политические связи с Францией, например, Кот-д'Ивуар и Сенегал, которые в значительной степени зависели от европейской помощи [7, с. 2].

Наконец, структура сельскохозяйственного производства в странах Западной Африки, образовывала рынок сельскохозяйственных товаров, которые весьма сильно отличался от рынка ЕС, так что опасность вытеснения местного производства при введении взаимных преференций не казалась такой большой. По всем этим причинам, Западноафриканский экономический и валютный союз было воспринят в Европе как самый лучший естественный кандидат, из всех африканских региональных групп, для соглашения о партнерстве с ЕС [3, с. 86].

Информация о подготовке Комиссии ЗАЭВС ко вступлению в СЭП, что являлось расхождением по сравнению с официальной позицией мандата АКТ, стала причиной недовольства остальных стран данных регионов [11, с. 14].

Другие франкоязычные страны и регионы, таких как члены Экономического и валютного сообщества стран Центральной Африки (СЕМАК) и Комиссии по индийскому океану (за исключением Маврикия), в

основном хранили молчание по позиции касательно будущего отношений Африка – ЕС, делая небольшие попытки координировать деятельность своих небольших группировок [10, с. 12].

То же самое относится, хотя и в меньшей степени, к англоязычным странам Западной Африки. В 1999 году Нигерия, при поддержке Ганы, выразила обеспокоенность странам ЗАЭВС, которые отошли от линии Экономического сообщества стран Западной Африки (ЭКОВАС). Однако эта позиция не прозвучала при переговорах между АКТ и ЕС [8, с. 13].

ЕС в переговорах склонялись к соглашению об экономическом партнерстве в отношении группы стран АКТ, которые официально предпочитали скорее статус-кво, что было не в интересах ЕС. В октябре 1999 года, после года разногласий по срокам и содержанию нового торгового режима, ЕС и АКТ пришли к соглашению. Был подготовлен неофициальный документ, предложивший компромисс, согласно которому переходный период (с сохранением ряда взаимных преференций) будет длиться на протяжении 8 лет (2000–2008), а переговоры о зоне свободной торговли будут длиться с 2002 по 2008 года [9, с. 980].

Этот компромисс наткнулся на некоторое сопротивление со стороны европейских государств, таких как Испания, которые рассматривали 8-летний переходный период слишком длинным. Но после того, как члены ВТО договорились о запуске нового раунда многосторонних переговоров в Сигтле, и выраженного разочарования развивающихся стран, ЕС посчитал, что затягивать дальнейшие переговоры будет чревато последствиями, которые скажутся на отношении между ЕС и развивающимися странами [12, с. 37].

ЕС, согласно данному договору, собирался способствовать включению этих стран в мировую экономику, следуя политике равноправного партнерства, и подразумевалось, что это включение будет максимально эффективным. ЕС ставил задачу разработки внутреннего механизма для социально-экономического роста в странах АКТ, и при этом поддерживались предыдущие формы отношений. Новым моментом служила диверсификация отношений внутри группы АКТ, привлечение к сотрудничеству новых интеграционных групп этих стран. В Африке ЕС был намерен продолжить сотрудничество с стран Западноафриканским экономическим и валютным союзом (ЗАЭВС), Сообществом развития юга Африки (САДК), Экономическим сообществом Западной Африки (ЭКОВАС), а также Африканским союзом.

1. Kenneth, K. Signing Ceremony in Cotonou – A new era of cooperation / K. Kenneth // The Courier. Special issue – Brussels, 2000 – P. 15–17.
2. Laaksonen, K. Lomé Convention, Agriculture and Trade Relations between the EU and the ACP Countries in 1975–2000 / K. Laaksonen, P. Mäki-Franti and M. Virolainen // Working paper 06/20 of Specific Targeted Research Project TRADEAG – Finland: Pellervo Research Economic Institute: 2000 – 86 p.
3. Lagos Plan of Action for the Economic Development of Africa 1980–2000 / Organisation for African Unity– Addis Abbaba: Organization of African Unity, 1980– 104 p.
4. Lecomte, H. Effectiveness of developing country participation in ACP-EU negotiations / H.Lecomte // Working paper – London: Overseas Development Institute, 2001. – P.48–55.
5. Ndulu, B. J. Governance and Growth in Sub-Saharan Africa /B.J.Ndulu[et al]// The Journal of Economic Perspectives– Vol. 13 – 1999 – P. 41–66.
6. Nickel, D. What after Cotonou? The Future Cooperation between the EU and the African, Caribbean and Pacific (ACP) States / D. Nickel // SWP Research Paper. – Berlin: StiftungWissenschaft und Politik German Institute for International and Security Affairs, 2012. – P.26–44.
7. Nielson, P. The new agreement will benefit the poorest/ P. Nielson // The Courier. Special issue – Berlin, 2000. – P.2–12.
8. Opportunities and Challenges / CotonouInfokitnr. 5 – Maastricht: European Centre for Development Policy Management, 2001.–P.8–21.
9. Rodrik, D. Growth Strategies /D. Rodrik; ed.: P. Aghion, S. N. Durlauf, //Handbook of Economic Growth– Linz: Johannes Kepler University of Linz, 2014.– P. 967–1014.
10. Sachs, J.D. Institutions Don't Rule: Direct Effects of Geography on Per Capita Income / J.D.Sachs// NBER Working Papers Series – №9490– Cambridge, 2003.– 13 p.
11. Sachs, J.D. Tropical Underdevelopment /J.D.Sachs// Cambridge, Mass: NBER Working Papers Series – № 8119 – Cambridge, 2001–40 p.
12. The ACP states and the countries of the European Union// The Courier – Special issue – Brussels, 2000 – C. 31–37.

«ЛЕВЫЙ ПОВОРОТ» В РАДИКАЛЬНОМ ДВИЖЕНИИ СТРАН ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКИ

К.Д. Ананько (Гродно, Беларусь)

В некоторых странах Латинской Америки на рубеже XX–XXI вв. наблюдался рост популярности идеологии левых движений. Причиной этому послужили несколько факторов: негативные экономические преобразования, глобализация мирового хозяйства, социально-экономическое неравенство, которое постепенно усилилось в странах Латинской Америки. Идеология левых традиционно выступает за социальное равноправие, отсутствие классовых обществ и является противником принципов капитализма.

Что же касается латиноамериканских радикалов, то они всегда выступали за социально-политические преобразования. В политических процессах радикализм может иметь как положительный характер, так и отрицательный. С одной стороны он объединяет людей, а с другой – является источником конфликтов. В свою очередь правые выбрали такую позицию, в которой радикализм в целом рассматривается как источник противоправной деятельности, приравняемый к экстремизму и терроризму. Левые радикалы путём революционных действий пытаются искоренить социальную исключительность [6, с. 19–21].

По результатам выборов 1998 г. в Венесуэле к власти приходит представитель партии «Движение за Пятую республику» У. Чавес, что фактически и является первой знаковой победой левых в этом государстве. Приход леворадикалов к власти замечен и в других странах Латинской Америки: Бразилии, Чили,

Аргентине, Перу, Коста-Рике, Боливии и других. Причём в некоторых из государств повторялось не единожды за десятилетний период. Неожиданное появление леворадикальных представителей на постах глав государств Латинской Америки получило название «левый поворот» или «левый дрейф» [1, с. 5].

Специфика его обусловлена тем, что приход к власти левых сил был вызван политической заинтересованностью социальных низов, которые выступили против неолиберальной политики. К 2015 году 10-ти стран Латинской Америки придерживаются левых взглядов. Венесуэла, Куба, Боливия, Никарагуа, Эквадор – страны, в которых правящие партии являются леворадикальными. Эти страны входят в состав АЛБА – социалистический альянс стран Латинской Америки и Карибского бассейна, созданный по инициативе У. Чавеса и Ф. Кастро [2, с. 170].

Большинству «новым» левым партиям присуще использование символов и идей, заимствованных из истории Латинской Америки. Классический пример – Венесуэла, которая использует наследие С. Боливара. Идеологические основы боливаризма были представлены антиимпериализмом или антикапитализмом, народным правлением, социальной справедливостью, единением и защитой революции [4, с. 103]. В качестве основной задачи латиноамериканские леворадикалы установили национализацию, а основной политической целью стала борьба за национализацию природных ресурсов государства. Расширению внутреннего рынка и росту экономики способствовала активная социальная политика, которую удавалось проводить благодаря росту цен на нефть. Бразильский исследователь Э. Садер считает, что это и позволило леворадикальным силам в странах Латинской Америки находиться значительное время у власти [9].

Стоит также отметить воздействие левых на взгляды людей через средства массовой информации. Борьба за контроль СМИ в Латинской Америке всегда была наиболее оптимальным методом противостояния как идеологического, так и политического. Наибольшее влияние и преимущество имеет тот, кто эффективнее использует СМИ и современные пути воздействия. Примером могут стать выборы 2006 г. в Перу, когда завязалась острая борьба между левоцентристскими и леворадикальными силами. В тот раз победу одержал представитель левоцентристов А. Гарсия, на которого свои ставки сделали перуанская олигархия и США. Однако уже на следующих выборах в 2011 г. победил радикал О. Умала, чьи взгляды были ближе к левоцентристским. Интересно, что СМИ не только поддерживали одного из кандидатов, но и использовали информацию предвзятую по отношению к другому. Целью таких действий было нанесение наибольшего урона по репутации тех или иных режимов, создание провокаций, выгодных одной из сторон [5, с. 294–295].

Современная наука периодизирует историю латиноамериканского леворадикализма на четыре этапа:

- 1962 г. – начало 1990-х гг. – период вооружённой борьбы леворадикальных сил, целью которых было ослабление социальной несправедливости. Этот период ознаменован созданием леворадикальных организаций почти во всех странах Латинской Америки: в Чили – «Левое революционное движение», в Бразилии – «Действие за национальное освобождение», в Аргентине – «Революционная армия народа», «Монтонерос». В 1962 г. началась Гражданская война в Гватемале, что принято считать стартовой точкой этого периода;

- 1994 г. – конец 1990-х гг. – период борьбы леворадикальных сил с неолиберальной глобализацией. Этап начинается с восстания сапатистов в 1994 г. и характеризуется информационно-пропагандистской деятельностью леворадикалов;

- 1999 г. – 2013 г. – период нарастания стихийной борьбы против неолиберализма. В 2000 г. произошли протесты в Кито (Эквадор) и Кочабамбе (Боливия), в 2001 г. – в Буэнос-Айресе (Аргентина), в 2003 г. – в Ла-Пасе и Эль-Альто (Боливия), а в 2006 г. – в Оахаке (Мексика). Участники протестов выступали против растущей безработицы и бедности. В результате была развёрнута кампания против соглашения АЛКА – проекта Всеамериканской зоны свободной торговли, который в 2005 г. потерпел провал. Стабильно высокие цены на углерод в 2002–2008 гг. дали возможность леворадикальным силам реализовать свою стратегию по перераспределению доходов в пользу малоимущих;

- 2013 г. – по настоящее время – период, в котором левые правительства ведут борьбу против новых социальных движений, где присутствуют противоречия между средним классом и беднейшими слоями населения. Со своими протестами периодически выступают низшие слои, которые объединены в леворадикальные организации и движения. Однако такие движения по большей мере не организованы и находятся в конфликте с правительствами левых. Целью новых левых радикалов становится контроль территории, а не захват власти [6, с. 144–147].

После смерти У. Чавеса в 2013 г. аналитики предвещали конец «левого поворота», кризис социализма XX в., а также распад социалистического альянса АЛБА. Однако популярность левых сохранилась, что могут подтвердить выборы 2013–2014 гг., когда в Венесуэле преемником У. Чавеса стал Н. Мадуро, в Боливии свой президентский пост сохранил Э. Моралес [3, с. 75], в Бразилии – Д. Русеф, а в Уругвае – вновь Т. Васкес. Можно смело утверждать, что переизбрание леворадикальных политиков показывает сохранение доверия их избранных. Таким образом, на сегодняшний день к государствам с леворадикальным режимом относят Боливию и Венесуэлу, в некоторых случаях – Никарагуа, Эквадор и Аргентину. Лидером среди латиноамериканских и даже мировых леворадикальных руководителей государств можно считать Э. Моралеса. Это объясняется его политикой индеанизма, которая направлена против политики Соединённых Штатов. Моралес – первый президент, являющийся представителем индейцев

аймара – коренного населения Америки. Поэтому правительство Боливии в большинстве своём состоит из представителей метисов и индейцев [3, с. 77–78].

Уже во второй половине 2015 г. наблюдался очередной кризис левых, который связывали с победой оппозиции на выборах в Аргентине, импичментом президента в Бразилии и внутривластным кризисом в Венесуэле [6, с. 146].

Кризис левых радикалов наблюдался ещё раньше. Так, например, правительство Э. Моралеса в Боливии выяснило, что идеологическая дружба с Венесуэлой, Кубой и даже Россией не позволяет решить экономические проблемы. К тому же отношения с США были прерваны, когда Моралес со скандалом выслал американского посла с обвинением в подготовке государственного переворота. Но в 2009 г. из-за серьёзных экономических проблем Боливия подписала соглашение для улучшения двухсторонних отношений. Таким образом, авторитет Моралеса сильно подорвался [7, с. 21–22]. Стоит заметить, что до этого Э. Моралес и вице-президент Г. Линера заявляли о национализации всех ресурсов государства, в том числе редких металлов и энергоносителей [3, с. 77].

«Новые» левые, которые отличаются от прежних, теперь должны сражаться на два фронта: защищать свои антикапиталистические цели борьбы за будущий мир, а также защищать свои традиционные задачи – аграрную реформу, антиклерикализм, уважение к минимальным свободам. По мере роста влияния «новых» левых в Латинской Америке ученые сформулировали гипотезу о том, что «цивилизация планеты конституирует себя сейчас как подлинный мировой авангард антисистемных и антикапиталистических движений» [8, с. 60–63]. В 1920-е гг. центр этой борьбы находился в Советском Союзе, в 1960-е гг. – в Китае, сейчас же он перешёл в Латинскую Америку. Поэтому не случайно, что антисистемные и «новые» левые движения насчитывают значительное количество крупных отрядов на просторах Латинской Америки, например: движение достойных индейцев повстанцев-неосапатистов в Мексике, движение безземельных крестьян в Бразилии, индейцев Эквадора и Боливии, колумбийские и перуанские индейские движения, движение шахтёров, занятых и безработных в Аргентине [8, с. 63–65].

Кризис затрагивает все континенты планеты. Латинская Америка, являясь частью мирового экономического процесса, идёт к экономическому спаду, росту безработицы, девальвации национальных валют, то есть – экономическому кризису, который оказывает огромное влияние на политическую сферу региона. Кризис затрагивает не только леворадикальные, но также левоцентристские и правые режимы. Несмотря на это популярность левого радикализма в Латиноамериканском регионе хоть и спала, но не столь критично, как это кажется. Общественная сила и влияние современных антисистемных движений Латинской Америки настолько огромные, что они смогли свергнуть местные правительства, непопулярных президентов и губернаторов, пересекать черту политических мер, которые были направлены противоположно интересам социальных низов. Все действия происходили мирно, хотя и путём мобилизации радикально настроенных масс. Идеология левых проделала огромный путь развития и эволюции через подпольную борьбу, череду кризисов и революции, став своеобразной «визиткой» этого региона.

1. Белоглазов, А. В. Феномен «левого поворота» в странах Латинской Америки в 1998–2012 годах / А. В. Белоглазов, А. В. Масленников // Вестник Чувашского университета. – 2013. – № 1. – С. 3–11.
2. Каллагова, З. М. «Левый поворот» Латинской Америки / З. М. Каллагова // Этносоциум. – 2015. – № 5. – С. 169–171.
3. Коларов, Г. Эво Моралес – лидер левых политических сил в Боливии и Латинской Америке / Г. Коларов // Научно-аналитический журнал «Обозреватель». – 2015. – № 4. – С. 71–82.
4. Неверов, К. А. «Старые» и «новые» левые в Латинской Америке: пример Бразилии и Венесуэлы / К. А. Неверов // Terra Humana. – 2013. – № 4. – С. 100–104.
5. Пашенцев, Е. Н. «Левый поворот» и медиавойны в Латинской Америке / Е. Н. Пашенцев // Государственное управление. Электронный вестник. – 2015. – № 51. – С. 283–316.
6. Попова, Л. Л. Глобальные и региональные факторы эволюции левого радикализма в Латинской Америке (начало XXI века): дис. к-та полит. наук: 23.00.03 / Л. Л. Попова. – СПб, 2016. – 236 л.
7. Райхель, Ю. Левый радикализм в Латинской Америке теряет популярность / Ю. Райхель // Политические изменения в Латинской Америке. – 2013. – № 13. – С. 20–23.
8. Рохас, К. А. Латинская Америка на распутье. Социальные движения и смерть современной политики / К. А. Рохас. – М.: Круг, 2012. – 160 с.
9. Sader, E. Avanzar contra la corriente / E. Sader // La Jornada [Recurso electrónico]. – Modo de acceso: <http://www.jornada.unam.mx/2015/11/01/mundo/019a1mun>. – Fecha de acceso: 20.11.2017.

US SECURITY STRATEGY IN THE XXI CENTURY

G.A. Piskorska, N.L. Yakovenko (Киев, Украина)

The contemporary situation of international system of securing peace and stability is the common problem of modern international relations in general and one of the key parameters of assessment the effectiveness of the foreign policy of any state. Results of internal and external security strategies of the states depend not only on those foreign political resources a state has at its disposal, but on that how wisely those resources are used.. The most significant and generalizing document giving the whole picture of US apprehension of its foreign policy, is the US National Security Strategy causing a rising interest of many foreign and American experts to it, whose research deals with the analysis of US foreign policy and security strategies.

The Analysis of foreign and security strategies are given in general and special research papers of such scholars as J. Nye, R. Armitage, Z. Brzezinski, R. Keygan, P. Keohane, A. Cohen, J. Arquilla, R. Shafranski, M. Libicki, F. Fukuyama and others, as well as O. Bakhtiyarov, O. Bodruk, V. Golovchenko, A. Gutsal, D. Dubov, O. Zernetska, Ye. Kaminsky, B. Kantselyaruk, O. Lytvynenko, Ye. Makarenko, S. Nedbayevsky, M. Ozhevan, I. Pogorska, O. Potekhin, G. Pocheptsov, M. Ryzhkov, O. Sosnin, S. Fedunyak, S. Shergin, I. Khyzhnyak, L. Chekalenko etc.

It is worth to mention that the Security Strategy of Nixon Administration was the first to be presented, and in 1986 Goldwater-Nichols Law was approved according to which "National Security Strategy" became an obligatory document for every new US presidential administration. The USA builds its security strategies basing on the concept of absolute and total domination (leadership) from the position of force which is grounded on principles of absolute predominance in military, technological, economic information spheres. In the complex of contemporary instruments of the US security policy, the important role also belongs to non-military methods – economic, financial, scientific and technological, information, cultural and others which are conventionally united by the "soft influence" conception which gives much more possibilities for a state to appear not only a "centre of gravity" for other actors of international relations, but also to exert effective "non-power" pressure on them.

As experts consider, the phenomenon of power in the international background is first of all the ability to influence on the behaviour of another state in the desirable direction, the ability to establish different forms of dependence of one state onto another (direct, indirect, mediated forms, those reached by force, persuasion, promises of privileges, deprivation of obvious privileges, creation of certain conditions etc.) where the only alternative exists, the only way to settle down the conflict and contradictions, the only way out of the situation which had been created. In this case the obvious fact is that such an influence may be exerted by different methods, not only the use of military potential, military pressure, threats or declaration of war.

It is the US experience in elaboration and realization of national security and foreign policy strategies which appears the most demonstrative one in the given context.

The problems of correlation of "soft" and "hard" influence methods in security policy were especially critical during George Bush Junior presidency in the context of "the axis of evil" suppression, which mainly contained the Middle East states (Palestine, Syria, Lebanon, Jordan, Egypt, states of Arabia, Iraq, Iran). Within the framework of the project the priority direction appeared neutralization of despotic and aggressive regimes threatening peace and security of the USA and the whole world. In the Introduction of the US National Security Strategy 2006 the very first line indicates that America is at war: "This is a wartime national security strategy required by the grave challenge we face – the rise of terrorism fueled by an aggressive ideology of hatred and murder, fully revealed to the American people on September 11, 2001. This strategy reflects our most solemn obligation: to protect the security of the American people" [1, p. iii]. The Strategy goes on with stressing America's unprecedented opportunities to lay the foundations for future peace through the ideals that have inspired its history – freedom, democracy, and human dignity and are increasingly inspiring individuals and nations throughout the world. And because free nations tend toward peace, the advance of liberty will make America more secure. It is concluded that to realize these opportunities, the way of leadership and confidence is to be chosen while giving up three evils: isolationism, protectionism and passive defence.

US President mentions the two founding pillars of the National Security Strategy. According to him, the first pillar is promoting freedom, justice, and human dignity – working to end tyranny, to promote effective democracies, and to extend prosperity through free and fair trade and wise development policies. Free governments are accountable to their people, govern their territory effectively, and pursue economic and political policies that benefit their citizens. Free governments do not oppress their people or attack other free nations. Peace and international stability are most reliably built on a foundation of freedom [1, p. iii].

The second pillar of American strategy is confronting the challenges of the time by leading a growing community of democracies. Many of the problems we face – from the threat of pandemic disease, to proliferation of weapons of mass destruction, to terrorism, to human trafficking, to natural disasters – reach across borders. Effective multinational efforts are essential to solve these problems. "Yet history has shown that only when we do our part will others do theirs. America must continue to lead", the Strategy says [1, p. iii].

The document clearly determines the tasks of the US foreign policy. According to it, the USA must: champion aspirations for human dignity; strengthen alliances to defeat global terrorism and work to prevent attacks against it and its friends; work with others to defuse regional conflicts; prevent its enemies from threatening it, its allies, and its friends with weapons of mass destruction (WMD); ignite a new era of global economic growth through free markets and free trade; expand the circle of development by opening societies and building the infrastructure of democracy; develop agendas for cooperative action with other main centers of global power; transform America's national security institutions to meet the challenges and opportunities of the 21st century; and engage the opportunities and confront the challenges of globalization. Thus, the National Security Strategy singles out priorities of state policy in terms of politics and its instruments which are used to oppose principal threats for the US national security. American foreign policy which was traditionally based on combination of national security strategies and global democratization, appeared to be unable to favour realization of American ambitions during George Bush Junior's presidency who in January 2006 officially

declared the concept of “transformation diplomacy” but failed to transform authoritarian regimes into stable democracies.

Realization of new “smart power” concept was embodied in the US National Security Strategy which was released in May 2010 and where principles of securing American geopolitical interests in the modern world are determined. The essence of new American consensus strategy (drafters are J. Nye and R. Armitage) lies in a combination of “hard” (military) and “soft” (cultural) power transformed into a common effective strategy of the US activities at the international stage aimed at returning American status of the intellectual leader and support of the US image and reputation basing on the idea of “global welfare” [2].

Nevertheless the document is notable for its declarative characteristics, while failing to expose a number of real policy aspects; at the same time the 2010 National Security Strategy together with other doctrinal documents (“4-year Military Policy Review”, “Nuclear Policy Review”, “Review of Approaches towards Anti-Missile Defence”, “Strategy in Cyber Security Sphere” etc.) presents a rather comprehensive idea about political priorities of American leadership. Traditionally, American approach towards national security problem was limited by international aspects, as problems of domestic policy and economic development were not considered to refer to the US national security sphere; however B. Obama Administration diverged from such strict differentiation and extended the meaning of national security [3].

B. Obama is supporting the idea of the USA historical mission – to guarantee global security, but in contrast to the White House predecessors Obama’s National Security Strategy recognizes the great significance of partnership and pays much attention to the civil dimension to counterbalance the military one, emphasizes the importance of dialogue and strengthening international institutions.

Thus, in the 52-page document, as analysts consider, the attempt is done to reconcile idealism of Obama’s company and reality of his confrontation with uneasy and insecure world. America is described as “war-hardened” and “disciplined by devastating economic crisis”; the conclusion is made that the USA is unable to carry the burden of long-term wars in Iraq and Afghanistan having at the same time other duties. Critics of Obama reproached President with his desire to apologize for America’s failures and to express complete readiness for giving up the role of the only superpower. “However for Obama’s team it is a document which describes the world as it is and marks the end of illusions era when Washington preferred using “hard” power to reach results” [4].

National Security Strategy contains a number of important innovations of tactical and strategic nature: in particular, for the first time the Strategy brings forward the idea of integrating main instruments of American might – diplomacy, armed force, economic instruments, intelligence, means to secure internal security [5]. Moreover, while analyzing the document it is possible to single out four strategic aspects: economic prosperity; promotion of “universal values”; strengthening of world order on condition of American leadership in solving significant international problems. The Strategy was of a comprehensive nature and appeared the attempt to integrate internal and international aspects of national security considering that the sharpest systemic crisis causes “overload” of American forces while trying to consolidate the unipolar world, as none of the states is able to fully secure international responsibility.

In the document, the problem of internal security concerns revival of American economy (for the first time, the task of doubling American export by 2014 and some part of capitals in GNP, is included into national security sphere), its capability for innovations as a basic foundation of American power and competitiveness, solving the problem of state budget deficit [6]. Problems of education development, health protection, science and technology are especially stressed. Thus, the point is the rise of US intellectual potential due to “full education of the whole American population” and numerical increase of people with higher education by 2020. Considering intellectual integral part of “soft power” National Security Strategy regarded scientific and technological achievements as an instrument for securing priorities of US security; at the same time the Strategy was aimed at protection of American troops against asymmetrical information attacks; fulfilment of treaties on control over the newest weapons and their non-proliferation; prevention of terroristic attacks the US territory; prevention and cessation of epidemic spread; protection of information infrastructure, means of transport and communication.

The document emphasized the leading role of military factor (“hard” power) in security strategy, as the US intends to maintain its military leadership and capabilities to confront threats of any potential enemy. So, the point of “hard” power to be used by Washington is not fully omitted in the Strategy, that is the right of Washington to resort to one-sided military actions: “When all other methods are used force will sometimes be necessary to confront threats. Before fighting a war we will thoroughly weigh the pros and cons, value and risks of actions and inactivity ... We will strive for a wide international support, in particular of such institutions as NATO and UN Security Council. The USA keeps its right for unilateral actions if it is necessary to protect our state and our interests, but we will seek to adhere to norms regulating the use of force” [7].

The document gives a vision of B. Obama’s administration as to US role in the polycentric system of international relations where the priority of collective actions of world community within the framework of International law is proclaimed, the necessity of strengthening international institutions is stressed, recognition of rights and duties of all states concerning progressive development of mankind is declared, necessity of interaction with American allies – NATO member states, Great Britain, France, Germany and Japan, Southern Korea, Australia etc. – is emphasized. In Obama’s Strategy special attention is paid to numerical increase of the new “centres of influence”, with whom the US is to act reciprocally. Among them China, India, Russia and

regional “centres of influence” – Brazil, Indonesia, South Africa, Saudi Arabia, Nigeria and Kenya – are mentioned.

The Strategy marks the “diffusion of economic force in the world”, which means solving global financial and economic problems with assistance of G8 (seven Western states plus Russia) and G20 where almost all new “centres of influence” in the unipolar world towards the strategy of securing US leadership are included. It means that the US is moving from the strategy of “the only superpower” in the unipolar world towards the strategy of securing US leadership in the polycentric system of international relations [8]. The mentioned document may cause critical comments concerning the change of recent US foreign political course, its readiness to give up the role of the only superpower, but for Obama’s team this is the document symbolizing US withdrawal from the doctrine of “deterrence” to “smart power” doctrine [9; 10; 11].

Meanwhile the new Strategy pays attention to those national security aspects which were beyond essential importance in previous Strategies.

In 2010 National Security Strategy, the problem of cyber nets protection is mentioned together with the US protection from biological attacks, while the penetration of cyber nets into the everyday life of American society is defined as “dependence” on them, as “the cosmic space and cyber space are capable to exert their influence on the everyday life and military operations”. Besides, cyber attacks are referred to as one of the key problems of the US internal security: “Cybersecurity threats represent one of the most serious national security, public safety, and economic challenges we face as a nation ... The threats we face range from individual criminal hackers to organized criminal groups, from terrorist networks to advanced nation states. Defending against these threats to our security, prosperity, and personal privacy requires networks that are secure, trustworthy, and resilient. Our digital infrastructure, therefore, is a strategic national asset, and protecting it – while safeguarding privacy and civil liberties – is a national security priority. We will deter, prevent, detect, defend against, and quickly recover from cyber intrusions and attacks...” To explain the position of Obama Administration, the certain part titled “Secure Cyberspace” is given where it is indicated that threats in cyberspace are one of the most serious threats to national, social and economic security the US is facing: “The very technologies that empower us to lead and create also empower those who would disrupt and destroy. They enable our military superiority, but our unclassified government networks are constantly probed by intruders. Our daily lives and public safety depend on power and electric grids, but potential adversaries could use cyber vulnerabilities to disrupt them on a massive scale. The Internet and e-commerce are keys to our economic competitiveness, but cyber criminals have cost companies and consumers hundreds of millions of dollars and valuable intellectual property”. Thus this high level of technologies gives certain advantages to US armed forces, but it does not secure official governmental networks against constant non-sanctioned penetration.

According to the analysis, the problem of democracy and human rights protection is traditionally presented in National Security Strategy: firstly, the problem of human rights protection in the USA is constantly stressed; secondly, for the first time the importance of economic and social rights and liberties, poverty annihilation are indicated; thirdly, it is asserted that the USA will not impose its model of democracy, but will base itself upon proper examples and discuss human rights even with “non-democratic regimes”. Thus, for Obama Administration, the strategy of “smart power” is a priority, which embraces diplomacy, national values, scientific and technological innovations and security, which prove the US strive to support international order able to solve global problems.

In February 2015, the latest National Security Strategy was issued in the USA [12]. In the President’s report, the approaches of Administration are formulated towards political, defence, economic and other aspects securing US wellbeing and security, adapted to current and potential threats and challenges. According to existing practice, the points of the latest Strategy will favour corresponding changes in the Washington international political course aimed at the most effective promotion of American interests abroad at regional and global levels. A comprehensive program of interaction with the rest of the world in its current position, has been suggested. In the document, a desire to change the world order with force methods yields to realizing Russia’s global role and entering the world stage of such states as China and India. US foreign policy is expected to be adapted to new evolutionary threats including cyber wars, epidemic diseases, ethnic conflicts etc.

Mighty and efficient armed forces are still regarded as the main guarantee to preserve the US influence in the world despite the point concerning complex approach to providing security of the state which means constant composition of political-diplomatic, military, ideological and other instruments to exert influence on the situation.

In the introductory part of the document, it is affirmed that among the American political elite there is a consensus concerning the US world leadership. The strategy sets out the principles and priorities that describe how America will lead the world toward greater peace and a new prosperity. The aims of leadership or national interests are indicated here – “security of the USA, its citizens and American supporters and allies; a strong, innovative, and growing U.S. economy in an open international economic system that promotes opportunity and prosperity; respect towards universal values at home and around the world; advancing an international order that promotes peace, security, and opportunity through stronger cooperation to meet global challenges”.

The drafters of the document consider that “the United States will ensure its leadership being an example for other states”. That is “strength of American institutes of power, our adherence to Law are vivid examples for all democratic governments. If we are firm with our values at home we will be effective while promoting them abroad. Following international norms and standards enables us to expect similar actions by other states”.

The USA intends to deter Russian aggression, carefully watch its strategic abilities and help allies and partners oppose pressure exerted by Russia in the long-term period if it is needed. In 2015 US Budget, expenditures for opposing “Russian pressure” were considered. In his budget address B. Obama declared that Russian aggressive actions caused officials to include into budget propositions on political, economic and military support of NATO allies and European partners. B. Obama mentioned that the USA will help governments of those states which appeared main “pressure targets” on the part of Russia. At the same time America will have the door open to further cooperate with Russia in common interests if the RF chooses another way – the way of peaceful cooperation respecting sovereignty and democratic development of the neighbouring states.

“Russian aggression in Ukraine made it clear that European security and international rules and norms aimed against territorial aggression, are not reliable. In response we won the international support of Ukrainian people who had made a choice of their future and are developing democracy and economy”, the National Security Strategy says.

Meanwhile in 2016 a well-known analytical centre ‘Council on Foreign Relations’ (CFR) underestimated the priority of the Ukrainian conflict for the US foreign policy in its report on “Research on preventive priorities-2016” [13]. The CFR experts included the Ukrainian conflict into the second-important group of alarming situations in the world, whose prevention might have been a priority for American diplomats. For all this, CFR experts determined the following priorities of the US foreign policy: the civil war in Syria, armed attack against the USA or its ally with mass victims; the conflict with Southern Korea or within it because of Korean nuclear or ballistic weapon test; the EU political instability; Libya defragmentation; conflict between Israel and Palestinian territories; political violence in Turkey; instability in Egypt; violence and instability in Afghanistan; further defragmentation in Iraq.

The US leadership undertook to support international stability, collective efforts of the world community in the struggle against terrorism, al-Qaeda, IGIL in the first place, to prevent terrorists’ access to nuclear materials, in the struggle against proliferation of mass destruction weapons, consolidate world community efforts aimed at the reduction of negative results of climatic changes and prevention of dangerous diseases. While solving these problems, the main role is to be played by armed forces as they are to remain ready to oppose any threats including spheres of anti-missile defence, cybeseurity, struggle against terrorism, deterrence of aggression and liquidation of natural calamities consequences. The USA will retain its military presence abroad to protect American citizens and their interests, give humanitarian aid and increase potential of foreign partners necessary while conducting mutual operations.

However the use of force is not the only effective method to confront challenges or the only means to involve the USA into world affairs. On the contrary, the priority instruments in the given sphere are diplomacy and selective use of economic sanctions which remains an effective method to exert influence on irresponsible subjects of international relations and also to do away with criminal and terroristic networks.

The US leadership is based on reliable partners. “We will continuously expand the scope of cooperation to encompass other state partners, non-state and private actors, and international institutions – particularly the United Nations, international financial institutions, and key regional organizations. These partnerships can deliver essential capacity to share the burdens of maintaining global security and prosperity and to uphold the norms that govern responsible international behavior”.

The US will lead with a long-term perspective. In the same way as the United States favoured the correct development of international processes last century, at present it is obliged to influence on their progress and character, while improving forms and methods of influence to keep its leadership. According to the Strategy, Washington is responsible for energy security of our allies in Europe and in other world regions. “The challenges faced by Ukrainian and European dependence on Russian energy supplies puts a spotlight on the need for an expanded view of energy security that recognizes the collective needs of the United States, our allies, and trading partners as well as the importance of competitive energy markets”.

Washington takes one more obligation – “We will ... continue to look for ways to support the success and ease the difficulties of democratic transitions through responsible assistance, investment and trade, and by supporting political, economic, and security reforms. We will continue to push for reforms in authoritarian countries not currently undergoing wholesale transitions. Good governance is also predicated on strengthening the state-society relationship. When citizens have a voice in the decisionmaking that affects them, governments make better decisions and citizens are better able to participate, innovate, and contribute”. In this connection the United States will go on searching for rational decisions in all directions of its foreign political course using necessary diplomatic and other instruments.

As the birthplace of the Internet, the United States has a special responsibility to lead a networked world, to ensure security of the cosmic space (“we must join together to deal with threats posed by those who may wish to deny the peaceful use of outer space”) and also are space and seas.

Ukrainian analysts mention that the particular feature of all US National Security Strategies is their global nature considering the fact that after the World War II the United States gained the position of a world leader and one of force centers at the world stage [14]. New Strategy of B. Obama is of a comprehensive nature and presents an attempt to consolidate internal and international aspects of national security considering that the most acute systemic crisis demonstrated the overwork of the US activities in its attempt to consolidate the unipolar

world, as no country in the world is able to secure full international responsibility. In political struggle for leadership, among the world community “soft power” strategies have become extremely important. These strategies are regarded as state documents of historical and political significance because as long as they are used they have experienced constructive changes (from “hard power” strategy to “soft” and “smart power” strategies) caused by new challenges and threats to international peace and stability.

As American experts consider, “smart power” concept which is the basis of B. Obama Administration, will favour progress in US foreign political course aimed at global leadership in particular, while combining diplomatic, economic and military potential. To our mind, “smart power” ideology serves the main imperative of the United States at the international scene: protection of national interests in essentially new context of external political influence.

1. The National Security Strategy of the United States of America (2006) [Electronic resource]. – Mode of access: <http://www.presidentialrhetoric.com/speeches/nss2006.pdf>. – Date of access: 30.01.2016.
2. Nye, J. S. A smarter, more secure America. Report of the CSIS Commission on Smart Power [Electronic resource] / J. S. Nye, C. Cohen, R. Armitage. – Mode of access: <http://csis.org/publication/smarter-more-secure-america>. – Date of access: 30.01.2016.
3. Дулейран, Ю. У США оприлюднили нову стратегію національної безпеки [Електронний ресурс] / Ю. Дулейран. – Режим доступу: <http://www.radiosvoboda.org/content/article/2054788.html>. – Дата доступу: 30.01.2016.
4. Макаренко, Є. А. Ризики і перспективи політики безпеки адміністрації США в умовах «перезавантаження» міжнародних відносин / Є. А. Макаренко // Актуальні проблеми міжнародних відносин. (Інститут міжнародних відносин Київського національного університету імені Тараса Шевченка). – К., 2010. – Випуск 94. Частина I. – С. 11–16.
5. Обама добивається безпеки шляхом миру і співпраці [Електронний ресурс]. – 27 травня 2010 року. – Режим доступу: <http://www.america.gov/st/peacesec-russian/2010/May/20100528130723arrud0.915127.html>. – Дата доступу: 30.01.2016.
6. Введение президента Обамы к Отчету о стратегии национальной безопасности [Електронний ресурс]. – 28 травня 2010 року. – Режим доступу: <http://www.america.gov/st/peacesec-russian/2010/May/20100528114736javosson05478632.html>. – Дата доступу: 30.01.2016.
7. Шамшур, О. Початок ери Обами. Зовнішньополітичний вимір [Електронний ресурс] / О. Шамшур. – Режим доступу: <http://www.zn.ua/1000/1550/64642>. – Дата доступу: 30.01.2016.
8. Рогов, С. Американское лидерство в многополярном мире. Основы «Стратегии национальной безопасности» Обамы [Електронний ресурс] / С. Рогов. – Режим доступу: <http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1276462800>. – Дата доступу: 30.01.2016.
9. Обама відмовляється від ролі «світового жандарма» [Електронний ресурс]. – Режим доступу: <http://www.newsru.ua/press/28may2010/obama.html>. – Дата доступу: 30.01.2016.
10. У США нова стратегія безпеки [Електронний ресурс]. – Режим доступу: <http://www.unian.net/ukr/news/news-378925.html>. – Дата доступу: 30.01.2016.
11. Нова стратегія безпеки США в часи Обами [Електронний ресурс]. – Режим доступу: <http://otherside.com.ua/news/detail.php?lang=1&id=83241>. – Дата доступу: 30.01.2016.
12. The National Security Strategy of the United States of America (2015) [Electronic resource]. – Mode of access: https://www.whitehouse.gov/sites/default/files/docs/2015_national_security_strategy.pdf. – Date of access: 30.01.2016.
13. The Council on Foreign Relations (CFR): Preventive Priorities Survey: 2016 [Electronic resource]. – Mode of access: <http://www.cfr.org/conflict-assessment/preventive-priorities-survey-2016/p37364>. – Date of access: 30.01.2016.
14. Концептуальні засади розвитку системи забезпечення національної безпеки України : аналіт. доп. / О. О. Резнікова, В. Ю. Цюкало, В. О. Паливода, С. В. Дрьомов, С. В. Сьомін. – К. : НІСД, 2015. – 58 с.

РЕГИОНАЛЬНАЯ ДИСПРОПОРЦИЯ ФЕДЕРАЛЬНЫХ ЗЕМЕЛЬ ФРГ В КОНТЕКСТЕ МИГРАЦИОННОЙ СИТУАЦИИ НАЧАЛА XXI В.

Т.Г. Хришкевич (Псков, Россия)

В сентябре 2017 г. в ФРГ прошли очередные федеральные выборы. Нестандартный характер традиционному мероприятию придали затянувшиеся переговоры по формированию правящей коалиции. Преодолеть политический кризис и угрозу новых выборов удалось только спустя четыре месяца 7 февраля 2018 г., когда был опубликован коалиционный договор ХДС/ХСС и СДПГ. Сложившийся со значительными трудностями союз очередной большой коалиции стал отражением всех самых острых нерешенных проблем Германии. В определенной степени споры двух партнеров вращались вокруг миграционной ситуации предыдущих лет. В результате VIII раздел договора «Управление иммиграцией» («Zuwanderung steuern – Integration fordern und unterstützen») был полностью посвящен поддержке иммиграции, что стало следствием кризиса беженцев, поразившего Европу в 2014-2016 гг.

Договор поставил перед новым правительством широкий спектр задач. Например, расширение гуманитарного участия в финансировании и деятельности УВКБ и Мировой продовольственной программы, расширение обязательств по поддержанию мира (включая укрепление международных полицейских миссий); торговую и сельскохозяйственную политику и пр. А также внутриполитические, преимущественно связанные с ситуацией на рынке труда страны: разработка законодательства, регулирующего миграцию и интеграцию её в рынок труда и ориентированного на потребности экономики: «Решающими факторами, которые следует учитывать при переезде в Германию, являются потребности нашей экономики, квалификации, возраста, языка и доказательств конкретной работы и обеспечения средств к существованию». Правительственная коалиция обозначила размер квот на прием от 180 000 до 220 000 человек ежегодно [7, с. 102-108]. Таким образом, миграционная ситуация теснейшим образом связана с социально-экономическим положением, которое имеет в Германии ярко выраженный региональный оттенок.

Социально-экономическая ситуация на Западе и Востоке ФРГ, несмотря на позитивные Отчеты о германском единстве [9, s. 18] продолжает отличаться по таким социальным индикаторам как уровень доходов и уровень бедности населения (уровень бедности понимается как количество получающих менее 60 % от среднего дохода по стране). В целом, показатель уровня бедности на западе ФРГ заметно ниже, чем на востоке, что объясняется большими возможностями для трудоустройства и более высоким уровнем доходов. Так, в Северном Рейн-Вестфалии за чертой уровня бедности находится 17,5 % населения (по данным 2015 г.), в Баварии – 11,6 %, в Баден-Вюртемберге – 11,8 %. В то время как на Востоке: в Берлине – 22,4 %, Саксонии – 18,6 %, Мекленбург-Передней Померании – 21,7 % [1].

Тема миграции и социально-экономического положения тесно связана с демографической ситуацией в стране. Население ФРГ насчитывает более 82 миллионов человек. В 2010 г. Федеральная служба статистики Германии обнародовала прогноз, согласно которому к 2016 г. численность населения страны уменьшится на 12-17 миллионов человек до 65-70 миллионов, причем, каждый третий житель Германии будет старше 65 лет. Прогнозы показывают, что при сохранении нынешних темпов снижения рождаемости к 2050 г. количество пенсионеров может составить 38,9 % при общей численности населения 74 млн. человек [3, s. 170]. Существенным индикатором является уровень рождаемости и смертности. В период с 1990 по 2013 г., население восточных земель сократилось на 15%. К 2020 г. в ФРГ ожидается снижение числа потенциальных матерей. По результатам последнего демографического прогноза, до 2030 г. в восточногерманских землях рождаемость составит около 22 % и около 4 % в западногерманских [13]. Таким образом, вероятность того, что системное сокращение населения в последние десятилетия приведет к тому, что на него будет в значительной степени влиять иммиграция очень велика.

Общее количество мигрантов и лиц с миграционным фоном в ФРГ было сосчитано переписью населения в 2011 г. «Zensus – 2011».

Таблица 1

**Население восточных и западных земель Германии [4]
и количество лиц с миграционным фоном [11].**

Западно-германские земли			Восточно-германские земли		
Общая численность населения		Количество лиц с миграционным фоном (%)	Общая численность населения		Количество лиц с миграционным фоном (%)
Северный Рейн – Вестфалия	17 538 251	24,7	Саксония	4 056 799	4,8
Бавария	12 397 614	20,0	Берлин	3 292 365	25,8
Баден-Вюртемберг	10 486 660	26,7	Бранденбург	2 455 780	4,8
Нижняя Саксония	7 777 992	17,8	Саксония-Анхальт	2 287 040	4,8
Гессен	5 971 816	25,9	Тюрингия	2 188 589	4,8
Рейнланд-Пфальц	3 989 808	19,6	Мекленбург-Передняя Померания	1 609 982	4,8
Шлезвиг-Гольштейн	2 800 119	12,8			
Гамбург	1 706 696	27,5			
Саар	999 623	18,3			
Бремен	650 863	28,7			

До миграционного кризиса 2015 г. наибольшая доля мигрантов или лиц с миграционным фоном в ФРГ приходилась на турок – 17,9 %, далее шли поляки – 13,1 %, затем прибывшие из Российской Федерации – 8,7 % и Казахстана – 8,2 %. Рост неевропейской миграции резко усилился в ходе так называемого «миграционного кризиса» 2014-2016 гг. Данные Федерального бюро по миграции и беженцам за 2016 г. показали, что большинство из 1 091 894 человек, прибывших в Германию в поисках убежища в 2015 г., являются выходцами с Ближнего Востока и Балкан. Подавляющее большинство из них сирийцы (162 тыс. 510 человек), жители Албании (54 тыс. 762), Косово (37 тыс. 095), Афганистана (31 тыс. 902), Ирака (31 тыс. 379) [2]. Соглашение с Турцией в марте 2016 г. ослабило давление на Европу, однако поток в Германию снизился незначительно. Привлекают беженцев наиболее благополучные западные земли – Северная-Рейн-Вестфалия, Бавария, Баден-Вюртемберг. Такие города, как Мюнхен, Кёльн приняли большинство из общего числа попросивших убежище.

Учитывая растущие потоки беженцев и разницу в социально-экономическом положении земель, а так же численность их населения, правительство предложило выход, аналогичный тому, который обсуждался на уровне Европейского Союза – введение квот на размещение.

Таблица 2

Распределение мигрантов по землям [14],[2]

Западно-германские земли			Восточно-германские земли		
	Квоты %	Численность (декабрь 2015)		Квоты %	Численность (декабрь 2015)
Северный Рейн – Вестфалия	21,24	77 223	Саксония	5,10	28 317
Бавария	15,33	71 168	Берлин	5,05	36 197
Баден-Вюртемберг	12,97	61 671	Бранденбург	3,08	19 324
Нижняя Саксония	9,36	37 975	Саксония-Анхальт	2,86	17 292
Гессен	7,32	28 724	Тюрингия	2,75	14 733
Рейнланд-Пфальц	4,83	19 697	Мекленбург-Передняя Померания	2,04	19 383
Шлезвиг-Гольштейн	3,39	16 351			
Гамбург	2,53	13 157			
Саар	1,22	10 358			
Бремен	0,94	4 888			

анные распределения показывают ощутимую диспропорцию между восточными и западными землями. Восточная Германия, будучи социально отставшей, является не только слабо привлекательной для мигрантов, но и имеет меньше экономических возможностей, чтобы содержать их. Уровень жизни в этих территориях заметно уступает западным, в них меньше мест для трудоустройства, они несут гораздо большие расходы на социальное обеспечение. Так, в 2015 г. на Западе ФРГ в Северном Рейн-Вестфалии пособие по безработице ALG II получали 11,6 % населения, в Бремене 18,4 %, Баварии 4,1 %, Баден-Вюртемберге 5 %. На Востоке – в Берлине 20 %, Саксонии-Анхальт 15,2 %, Мекленбурге-Передней Померании 13,9 % [8].

Из-за институциональных барьеров на пути работы (трехмесячный запрет на работу и требуемое время на обзор приоритетов), а также потребность в обучении языку и навыкам, мигранты, имеющие статус беженца, первоначально являются относительно мало важными для рынка труда. Но несмотря на это, по оценкам группы «Gemeinschaftsdiagnose», в 2015 г. на немецкий рынок труда вышли около 89 000 просителей убежища. В 2016 г. ожидалось около 295 000 человек [10]. Традиционно мигранты имеют высокий уровень риска в связи с безработицей и чаще претендуют на социальные выплаты, причем на Востоке ФРГ заметно больше.

Таблица 3

Уровень безработицы в ФРГ [5] в соотношении с численностью безработных с миграционным фоном (в %) [6]

Западно-германские земли			Восточно-германские земли		
Общий уровень безработицы в землях Германии (декабрь 2015 г.)		Безработные с миграционным фоном	Общий уровень безработицы в землях Германии (декабрь 2015 г.)		Безработные с миграционным фоном
Северный Рейн – Вестфалия	7,7	46	Саксония	7,7	13
Бавария	3,4	40	Берлин	10,1	44
Баден-Вюртемберг	3,7	50	Бранденбург	8,3	10
Нижняя Саксония	5,9	34	Саксония-Анхальт	9,9	8
Гессен	5,1	50	Тюрингия	6,9	9
Рейнланд-Пфальц	5,0	35	Мекленбург-Передняя Померания	10,3	9
Шлезвиг-Гольштейн	6,4	27			
Гамбург	7,1	50			
Саар	7,0	29			
Бремен	10,6	47			

Предварительные данные о профессиях прибывающих беженцев не позволяют говорить о достаточной квалификации потенциальных жителей ФРГ. Только немногие из них говорят по-немецки, у многих отсутствует профессиональное образование, около 16% неграмотны. По исследованию Федерального ведомства по делам миграции и беженцев за период с 2008 г. по 2012 г. из прибывших сирийцев, иракцев и афганцев только 1/3 нашли хорошую работу, преимущественно в западных землях ФРГ. Из общего числа прибывших женщин трудоустроены только 11 %. Данный результат обусловлен недостаточным знанием языка, а так же низкой профессиональной квалификацией.

Имеющиеся данные анализа интеграции прибывших ранее вызвали к жизни предположения о потенциальном увеличении числа получающих пособие ALG II. Согласно заявлению Министра по вопросам труда Андреа Налес число получателей Hartz-IV может вырасти примерно с 240 тыс. человек до 460 тыс. До 2019 г. это число может увеличиться до 1 миллиона [12]. Кроме того, наплыв беженцев вызвал дискуссию в правительстве о возможном изменении закона о минимальной заработной плате. С другой стороны, на местном уровне можно ожидать некоторого оживления рынка труда, вследствие открытия новых рабочих мест для обслуживания беженцев в центрах по приему и строительства нового жилья, что в перспективе может привести к спаду безработицы. Таким образом, речь идёт о двух направлениях выхода из кризиса – ограничение приёма беженцев и поиск наиболее эффективных методов интеграции. Они, в частности, предполагают не только языковое обучение беженцев, но и их распределение по землям с более высокой возможностью трудоустройства, лучшими жилищными условиями, информацию для местных жителей о возможности принятия беженцев.

Для германской экономики и социальной сферы в среднесрочной и долгосрочной перспективе мигранты несут как положительный, так и отрицательный потенциал. Они становятся одним из способов решения демографической проблемы и в тоже время наполняют рынок труда, несмотря на низкий уровень профессиональной квалификации, а так же невысокое, по мнению властей, стремление к интеграции. В то же время, неэффективная интеграция низкоквалифицированных мигрантов может привести не только к дополнительной нагрузке на бюджет, но и в перспективе к реконструкции системы пенсий, социального обеспечения, а так же изменению налоговой системы. Что вполне вероятно, при экономической диспропорции земель, когда восток не будет справляться с приёмом выделенного им числа беженцев. Уже сейчас Германия может столкнуться с избытком предложения низкоквалифицированной рабочей силы в западных землях.

В германской экономике с фиксированными производственными структурами, однородными рабочими и постоянным предложением рабочей силы иммиграция приводит к снижению заработной платы местного населения и увеличению безработицы, если заработная плата не адаптируется к изменениям предложения рабочей силы. Однако экономика может адаптироваться к изменениям на рынке труда с помощью различных механизмов. Увеличение предложения рабочей силы может увеличить доходность капитала и тем самым привлечь инвестиции. Экономика может адаптироваться к изменениям предложения рабочей силы через товарные рынки и технологии производства. Это может быть сделано посредством расширения производства в секторах, на которые миграция влияет относительно или переключение на технологии, которые используют трудовые ресурсы. Результаты иммиграции зависят от того, как рабочие-мигранты могут заменить или дополнить определенные группы на рынке труда. В краткосрочной перспективе от иммиграции пострадают работники, которые имеют квалификацию схожую с прибывшими. В то же время работники, которые имеют взаимодополняющие отношения с рабочими-иммигрантами, получают выгоду.

Миграционный кризис вскрыл дополнительные характеристики региональной диспропорции восточных и западных земель ФРГ, увеличил нагрузку на новые земли, что проявилось в таких сегментах как заработная плата, безработица и социальная помощь.

Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ, исследовательский проект № 17-01-00190 «Региональная диспропорция современной Германии: сравнительный анализ социальных индикаторов».

1. Armer Osten, arme Großstädte. – Mode of access: <https://de.statista.com/infografik/8305/armut-in-deutschland/>. – Date of access: 18.02.2018.
2. Asylgeschäftsstatistik für den Monat Januar 2015, Asylgeschäftsstatistik für den Monat Dezember 2015. – Mode of access: <http://www.bamf.de/SharedDocs/Anlagen/DE/Downloads/Infothek/Statistik/Asyl/statistik-anlage-teil-4-aktuelle-zahlen-zu-asyl.html?nn=1363214>. – Date of access: 18.02.2018.
3. Bäcker G., Naegele R., Bispinck R., Hofemann K., Neubauer J. Sozialpolitik und soziale Lage in Deutschland. B. II. – Heidelberg, 2010. – 616 s.
4. Bevölkerung auf Grundlage des Zensus 2011. – Mode of access: https://www.destatis.de/DE/ZahlenFakten/GesellschaftStaat/Bevoelkerung/Bevoelkerungsstand/Tabellen/Zensus_Geschlecht_Staatsangehoerigkeit.html. – Date of access: 18.02.2018.
5. Bund, Länder und Kreise. – Mode of access: https://statistik.arbeitsagentur.de/Navigation/Statistik/Statistik-nach-Regionen/Politische-Gebietsstruktur-Nav.html?year_month=201512. – Date of access: 17.02.2018.
6. Der Arbeitsmarkt in Deutschland – Menschen mit Migrationshintergrund auf dem deutschen Arbeitsmarkt. – Nürnberg, 2014. – 13 s.
7. Ein neuer Aufbruch für Europa. Eine neue Dynamik für Deutschland. Ein neuer Zusammenhalt für unser Land. Koalitionsvertrag zwischen CDU, CSU und SPD. – Mode of access: https://www.spd.de/fileadmin/Dokumente/Koalitionsvertrag/Koalitionsvertrag_2018.pdf. – 177 s. – Date of access: 17.02.2018.

8. Hartz IV: Leistungsempfänger von Arbeitslosengeld II und Sozialgeld im Jahresdurchschnitt von 2009 bis 2017. – Mode of access: <https://de.statista.com/statistik/daten/studie/242062/umfrage/leistungsempfaenger-von-arbeitslosengeld-ii-und-sozialgeld>. – Date of access: 18.02.2018.
9. Jahresbericht der Bundesregierung zum Stand der Deutschen Einheit 2016. Berlin: Bundesministerium für Wirtschaft und Energie, 2016. – 104 s.
10. Lohn- und Beschäftigungseffekte der Zuwanderung nach Deutschland. – Mode of access: https://www.diw.de/de/diw_01.c.524298.de/presse/diw_roundup/lohn_und_beschaeftigungseffekte_der_zuwanderung_nach_deutschland.html. – Date of access: 17.02.2018.
11. Migrantanteil in Deutschland nach Bundesländern. – Mode of access: http://www.statistik-portal.de/BevoelkGebiet/Indikatoren/BV-BS_migranten.asp. – Date of access: 17.02.2018.
12. Nahles-Hammer: Eine Million Hartz-IV-Empfänger mehr durch Flüchtlinge. – Mode of access: http://www.focus.de/finanzen/videos/ja-die-zahlen-sind-hoch-nahles-hammer-eine-million-hartz-iv-empfaenger-mehr-durch-fluechtlinge_id_5002298.html. – Date of access: 16.02.2018.
13. Sterblichkeit, Todesursachen und regionale Unterschiede, April 2011. – Mode of access: http://www.gbe-bund.de/gbe10/ergebnisse.prc_fid_anzeige?p_fid=13932&p_fund_typ=TXT&p_sprachkz=D&p_uid=gast&p_aid=3706708&p_prot=1. – Date of access: 16.02.2018.
14. Verteilungsquoten nach dem Künigsteiner-Schlüssel für die Anwendung im Jahr 2015. – Mode of access: <http://www.bamf.de/DE/Infothek/Statistiken/Asylzahlen/asylzahlen-node.html/>. – Date of access: 16.02.2018.

ПРИОРИТЕТЫ ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВА ЭСТОНИИ В ЕС В 2017 ГОДУ

И.В. Протченко (Минск, Беларусь)

В июле 2017 г. председательство в Совете Европейского союза (ЕС) перешло к Эстонии в качестве первого партнера по председателскому триумвирату с Австрией и Болгарией. Эстония должна была вступить в права председателя 1 января 2018 г. – после Великобритании. Однако в результате *Brexit* Соединенное Королевство отказалось от своего места в Совете ЕС, и пост председателя отошел к следующему государству в ротационном списке, которым оказалась Эстония, сменившая на этом посту Мальту. Три страны, председательствующие друг за другом, составляют так называемый триумвират, определяющий задачи, над которыми поочередно работают все партнеры. Это обеспечивает сохранение важных тем в зоне внимания Европейского союза на протяжении 18 месяцев подряд.

Основной девиз Эстонии на посту председателя Совета Евросоюза – «Единство через равновесие», что отражает постоянный поиск равновесия, баланса между традиционной культурой, окружающей средой и новыми технологиями. Были определены следующие приоритеты:

Европа с открытой и инновационной экономикой;
 безопасная и защищенная Европа;
 цифровая Европа и свободное движение данных;
 дружественная и устойчивая Европа.

За время своего председательства Эстония в общей сложности работала с 377 различными инициативами, организовала 275 различных мероприятий в Таллине, возглавила более 1 200 рабочих групп в Брюсселе и провела 31 официальное совещание на уровне министров [3]. Эти мероприятия и встречи привели к значительному прогрессу в миграционной политике, оборонном сотрудничестве и соглашении по климату. В качестве основных событий можно выделить Таллинский цифровой саммит, саммиты Восточного партнерства и ЕС – Африканский союз, создание постоянного структурного сотрудничества (PESCO) по вопросам безопасности и обороны, а также подписание общеевропейских соглашений.

По словам премьер-министра Эстонии Ю. Ратаса, председательство Эстонии можно назвать «цифровым»: страна пыталась «показать всей Европе преимущества цифровых технологий для сбережения времени, денег и других ценных ресурсов, создания новых возможностей и облегчения повседневной жизни граждан» [6]. В своем выступлении в Европарламенте Ю. Ратас отметил, что «Европа должна идти в ногу с технологическим прогрессом и заставить его работать в интересах сообщества» [6]. В области дигитализации общественных услуг Эстония занимает лидирующее положение в Европе: более 80 % населения пользуется услугами «цифрового государства». За 6 месяцев своего председательства в ЕС Эстония оставила «значительный цифровой след в Европе» [6, 9]. С точки зрения приоритетов программы председательства Эстонии, значительный прогресс достигнут в области объединения цифрового рынка: утвержден регламент «один торговый НДС» и достигнут большой прогресс в налогообложении цифровой экономики. Значительную роль в этом сыграл Таллинский цифровой саммит. В рамках двух рабочих сессий лидеры 25 стран-членов ЕС обсуждали кибер-безопасность, э-управление, свободное перемещение данных, влияние дигитализации на рынок труда и экономику стран. В октябре в Таллине страны ЕС подписали декларацию по цифровому управлению. Таким образом, продвижение цифрового измерения во всех областях политики ЕС было главным приоритетом и достижением Эстонии на протяжении 6 месяцев.

Министр иностранных дел Эстонии С. Миксер особо выделил успех саммита Восточного партнерства «Сильнее вместе» (ноябрь 2017 г.). Вегосовместной декларации отражены цели и ценности партнерства, обозначены конкретные проекты в области экономики, образования, а также в цифровой сфере, «которые улучшат жизнь миллионов людей и укрепят стабильность в соседних с нами регионах» [4]. Для дальнейшего укрепления сотрудничества в четырех приоритетных сферах (экономическое развитие и улучшение рыночных

возможностей; укрепление системы управления через укрепление институтов; укрепление взаимосвязанности, особенно в сфере транспорта и энергетики; укрепление общества через расширение мобильности и контактов между людьми) была разработана концепция «20 конкретных целей в период до 2020 года» [1].

Европейский союз и Армения подписали Соглашение о всеобъемлющем и расширенном партнерстве, Соглашение о едином авиационном пространстве. Началась работа над аналогичным соглашением с Азербайджаном. Для распространения Трансевропейской опорной транспортной сети (*TEN-T*) Европейского союза на территории стран Восточного партнерства были подписаны меморандумы о взаимопонимании на высоком уровне. Несмотря на то, что надежды Грузии и Украины о возможном вступлении в ЕС не оправдались, представители Евросоюза остались довольны результатами саммита и ожидают от партнеров активной работы над 20 задачами до 2020 года для развития соседних с ЕС государств [4].

5-й саммит ЕС – Африканский союз состоялся в ноябре 2017 г. в Кот-д’Ивуаре под девизом «Инвестировать в молодежь ради устойчивого будущего». Кроме обсуждения вопросов поддержки африканской молодежи, на саммите был представлен новый План внешнего инвестирования ЕС (*EU External Investment Plan*). В рамках этой инициативы ЕС создал Европейский фонд устойчивого развития с капиталом 4,1 млрд евро для привлечения частных инвестиций европейских компаний, которые хотят работать на Африканском континенте и в странах, окружающих ЕС (*EU Neighbourhood*), с предоставлением им гарантий сохранности инвестиций. По итогам саммита была принята совместная декларация, отражающая инициативы в четырех стратегических областях: экономические возможности для молодежи; обеспечение мира и безопасности в регионе; мобильность и миграция; сотрудничество в области обеспечения надлежащего управления. Также председатель Европейской комиссии Ж.-К. Юнкер заявил о создании рабочей группы, составленной из представителей ООН, Африканского союза и Европейского союза, для оказания помощи мигрантам и беженцам, особенно в Ливии [8].

Одним из самых больших успехов председательства Эстонии стало создание постоянного структурного сотрудничества по вопросам безопасности и обороны. 13 ноября 2017 г. 23 из 28 государств – членов ЕС подписали общее уведомление о начале действия программы в сфере безопасности и обороны в рамках Глобальной стратегии ЕС по внешней политике и политике безопасности. 11 декабря Совет ЕС утвердил решение, учреждающее сотрудничество *PESCO*, в котором принимают участие 25 государств – членов ЕС. Инициативу отказались поддержать Великобритания, Дания и Мальта. В заявлении Совета ЕС отмечается, что «цель программы – совместно развивать обороноспособность и делать ее доступной для европейских военных операций. Участие в программе является добровольным, и решения будут приниматься участвующими странами-членами» [2].

В период председательства Эстонии были приняты знаковые решения не только в области дигитализации общественных услуг и оборонного сотрудничества, но также и в области климата и социального измерения. Премьер-министр Эстонии Ю. Ратас в качестве председателя Совета ЕС от имени 28 стран – членов Европейского союза подписал Декларацию о социальных правах жителей ЕС (*European Pillar of Social Rights*) на саммите ЕС по социальным вопросам в шведском Гётеборге (ноябрь 2017 г.). Декларация содержит 20 принципов, касающихся доступа к рынку труда, равноправных условий и социальной защищенности: право женщин и мужчин на равные зарплаты при равной работе, право безработных на помощь, адекватные минимальные зарплаты, прозрачность при определении размера оплаты труда, защита бездомных и др. [7].

На климатическом саммите «Одна Планета» (декабрь 2017 г.) Европейский союз продемонстрировал решимость осуществлять Парижское соглашение, отметив, что «изменение климата происходит медленно, но оно будет влиять на свободу и качество жизни будущих поколений» [5].

За последние шесть месяцев председательства были завершены переговоры о свободной торговле с Японией, начались новые переговоры с Чили и подготовка к переговорам с Новой Зеландией и Австралией [6].

Подводя итоги деятельности своей страны в Совете Европейского союза, Ю. Ратас отметил, что «председательство Эстонии прошло очень успешно» и следующие 18 месяцев будут решающими для ЕС. Он призвал завершить работу над теми предложениями, в отношении которых Эстония, будучи председателем, заключила предварительные соглашения [9].

1. 20 deliverables for 2020 //European Council. Council of the European Union [Electronic resource]. – Mode of access : <http://www.consilium.europa.eu/media/31690/eap-generic-factsheet-digital.pdf>. – Date of access : 17.02.2018.
2. Defence cooperation: Council establishes Permanent Structured Cooperation (PESCO), with 25 member states participating //EU2017.EE [Electronic resource]. – Mode of access : <https://www.eu2017.ee/news/press-releases/defence-cooperation-council-establishes-permanent-structured-cooperation-pesco>. – Date of access : 17.02.2018.
3. Director for EU Affairs of the Government Office Klen Jäärats: we are handing the presidency over to Bulgaria with a happy heart //EU2017.EE [Electronic resource]. – Mode of access : <https://www.eu2017.ee/news/press-releases/director-eu-affairs-government-office-klen-jaarats-we-are-handing-presidency>. – Date of access : 17.02.2018.
4. Foreign Minister Sven Mikser: coordinated cooperation must continue to support the Eastern Partnership countries // EU2017.EE [Electronic resource]. – Mode of access : <https://www.eu2017.ee/news/press-releases/foreign-minister-sven-mikser-coordinated-cooperation-must-continue-support>. – Date of access : 17.02.2018.
5. One planet summit // Oneplanetsummit [Electronic resource] – Mode of access : <https://www.oneplanetsummit.fr/en/>. – Date of access : 17.02.2018.
6. Speech by Estonian Prime Minister Jüri Ratas: a review of the Estonian Presidency //EU2017.EE [Electronic resource]. – Mode of access : <https://www.eu2017.ee/news/insights/speech-estonian-prime-minister-juri-ratas-review-estonian-presidency>. – Date of access : 17.02.2018.
7. В Гётеборге приняли декларацию ЕС о социальных правах //ТАСС[Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://tass.ru/obschestvo/4738561>. – Дата доступа : 17.02.2018.

8. Кулькова, О. Саммит Африканский союз – ЕС: взаимозависимость развития и безопасности в новом ключе / О. Кулькова // Российский совет по международным делам [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/sammit-afrikanskiy-soyuz-es-vzaimozavisimost-razvitiya-i-bezopasnosti-v-novom-klyuche/>. – Дата доступа : 17.02.2018.
9. Речь премьер-министра Юри Ратаса, представляющая выдержки из эстонской программы цифровой Европы. Для семинара «Цифровое председательство», организованного командой эстонского председательства и Центром европейских политических исследований // Estonian Government [Electronic resource]. – Mode of access : <https://www.valitsus.ee/ru/novosti/rech-premer-ministra-yuri-ratasa-predstavlyayushchaya-vyderzhki-iz-estonskoy-programmy>. – Date of access : 17.02.2018.

ПОЛИТИКА ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА В ОБЛАСТИ ВОЗОБНОВЛЯЕМОЙ ЭНЕРГЕТИКИ: ОПЫТ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

О.А. Кучинский (Минск, Беларусь)

Европейский союз является одним из наиболее крупных игроков на мировом энергетическом рынке. На его долю приходится 5,6% мирового производства энергии (2015 г.), 11,6% мирового валового потребления энергии (2015 г.), 10,2% выбросов парниковых газов (2014 г.) [3]. ЕС также является одним из мировых лидеров по использованию возобновляемых источников энергии (ВИЭ) – энергии солнца, ветра, тепла Земли, естественного движения водных потоков, биомассы. Так, по оценкам компании BP, в 2016 г. доля Евросоюза в мировом потреблении энергии из возобновляемых источников (без гидроэнергетики) составила 32,3%, тогда как в Китае этот показатель был равен 20,5%, в США – 20% [1].

Это лидерство было в значительной степени обусловлено политикой масштабного субсидирования ВИЭ, величина которого только за 2012 г. составила, по оценкам, 41 млрд. евро [11]. Повышенное внимание к ВИЭ в Европейском союзе в значительной степени обусловлено их потенциальным вкладом в энергетическую безопасность – диверсификацию источников энергии, экономии на импорте ископаемого топлива (в 2015 году она составила 16 млрд. евро, в 2030 году – прогнозируется на уровне 58 млрд. евро [7]) и снижении зависимости от доминирующего поставщика в лице Российской Федерации. Таким образом, сравнение величины субсидий для ВИЭ и экономии на импорте традиционных энергоресурсов свидетельствует о том, что рост доли ВИЭ в энергобалансе ЕС обусловлен не столько их экономической выгодностью, сколько стратегическими, геополитическими соображениями.

По мнению российского исследователя Д. А. Кашулина, «сегодня вопросы энергетической безопасности регулируются не столько законами рыночной экономики, сколько геополитическими интересами. Энергоресурсы превратились в мощный политический инструмент, а мировой рынок энергоресурсов стал ареной столкновения политических интересов» [15]. Как следствие, реализация тех или иных проектов в энергетической сфере зачастую определяется не их целесообразными технико-экономическими показателями, а политическими факторами, и выражается на практике в альтернативных газопроводах, СПГ-терминалах, электростанциях, источниках энергии.

Как отмечает известный российский ученый Н. Ю. Кавешников, «концепция энергетической безопасности ЕС исторически основана на стремлении достичь трех целей – энергия безопасная, доступная и устойчивая», при этом «генеральная линия» Брюсселя ставит во главу угла то одну, то другую, то третью цель энергетической триады» [14]. Если в 2006 г. ключевая цель ЕС в области энергетики формулировалась как «минимальный уровень энергетического потребления ЕС должны обеспечивать безопасные и низкоуглеродные источники» [4], то в Глобальной стратегии внешней политики и политики безопасности Европейского Союза, обнародованной в 2016 г. (также известна как Стратегия Могерини) на первом месте стоит безопасность поставок, на втором – доступность энергии, и только на третьем – устойчивость энергии, безссылок на изменение климата и сокращение выбросов парниковых газов [9]. Данные изменения были в значительной степени обусловлены негативными последствиями роста расходов на субсидирование ВИЭ в европейских странах и, как следствие, роста цен для потребителей. На саммите Европейского совета 22.05.2013 на политическом уровне была признана целесообразность изменения приоритетов энергетической политики ЕС: вместо «устойчивой энергии» на первый план вышла «конкурентоспособная энергия» [13].

Означает ли это, что развитие возобновляемой энергетики, которой в ЕС отводилась ключевая роль в снижении выбросов парниковых газов и смягчении последствий изменения климата, начинает уходить на даже не на второй, а на третий план? На наш взгляд, такой вывод делать поспешно по следующим причинам.

Во-первых, после объявления о выходе США из Парижского соглашения по климату, Европейский Союз подтвердил свою приверженность взятым на себя ранее обязательствам в этой области. Как отмечается в заявлении Еврокомиссии от 01.06.2017, выпущенном сразу после обнародования указанного решения президента США Д. Трампа, «ЕС глубоко сожалеет об одностороннем решении администрации Трампа о выходе США из Парижского соглашения». Как отмечается в заявлении, «мир может продолжать рассчитывать на глобальное лидерство Европы в борьбе с изменением климата» [10]. Однозначную позицию, о том что Парижское соглашение не может быть пересмотрено, заняли лидеры Германии, Франции и Италии? приняв совместное заявление, в котором выразили решительную приверженность

быстрому осуществлению Парижского соглашения, включая его цели в области климата, и призвали всех своих партнеров ускорить их действия по борьбе с изменением климата» [6].

Во-вторых, продолжает действовать принятая еще в 2009 г. директива 2009/28/ЕС, известная также как «Проект 20/20/20», в соответствии с которым к 2020 г. предполагается довести производство энергии из ВИЭ до 20% от первичного потребления, на 20% по сравнению с уровнем 1990 г. снизить выбросы углекислого газа и на 20% повысить энергоэффективность. В соответствии с Директивой, каждой стране – члену ЕС были установлены целевые показатели потребления энергии из ВИЭ – от 10% для Мальты до 49% для Швеции – в зависимости от начальных условий и имеющихся ресурсов, которые носят обязательный характер. Уже в 2015 г. страны ЕС достигли уровня доли ВИЭ 16,7% в потреблении первичной энергии, а отдельные страны еще больше продвинулись в данном направлении: Швеция – 53,9 %, Финляндия – 39,3%, Латвия – 37,6%, Австрия – 33%, Дания – 30,8% (30%) [3].

В-третьих, возобновляемая энергия лежит в основе приоритетов Энергетического союза, необходимость строительства которого была объявлена в 2015 г. Отмечается, что ВИЭ вносят вклад в пять измерений Энергетического союза, в том числе, в энергетическую безопасность, интеграцию в энергетический рынок, энергоэффективность, декарбонизацию энергосистемы, технологические инновации. Кроме этого, ВИЭ являются источником экономического роста и рабочих мест для европейцев, способствуют снижению загрязнения воздуха и помогают развивающимся странам в доступе к доступной и чистой энергии [7].

В-четвертых, в ЕС в области возобновляемой энергетики действует значительное количество лоббистов и лоббистских групп, в том числе, крупных предприятий в области ВИЭ и энергетики, промышленных ассоциаций производителей и поставщиков энергии на уровне ЕС и на уровне стран-членов, а также различных экологических фондов и исследовательских групп, при этом общая численность лоббистов в данной области в 2014 г. оценивалась на уровне 15–25 тыс. чел. К числу наиболее значимых организаций в этой области А.И. Чурякова относит Европейскую федерацию по возобновляемой энергетике (EREF), Европейскую ассоциацию по ветроэнергетике (EWEA), Европейскую ассоциацию фотоэлектрической промышленности (EPIA) и Европейскую ассоциацию производителей электричества (Euroelectric) [18]. Действуя формальными и неформальными методами, лоббисты продвигают свои интересы в наиболее влиятельных государствах – членах ЕС, Европейском Совете по ВИЭ, привлекают на свою сторону членов Европейского парламента, Комиссии и Совета.

В-пятых, являются сильными позиции возобновляемой энергетики в Германии – ядра Европейского союза. Именно в Германии появился такой феномен, как *Energiewende* (англоязычный аналог – *energytransition*), понятие, которое переводится на русский язык различными авторами как «энергетический поворот», «энергетический разворот», «энергетическая трансформация» и означающее постепенный переход от энергосистем, основанных на использовании сжигания ископаемого топлива для выработки энергии, к энергосистемам, основанным на использовании возобновляемых источников энергии. К движущим силам (драйверам) этого «поворота» в мире, большинство авторов относят энергетическую безопасность, истощение ресурсов, изменение климата, развитие новых технологий, а также позицию экологических сознательных потребителей [8]. Если в 1990 г. доля ВИЭ в потреблении электроэнергии в Германии составляла скромные 3%, то к 2014 г. она достигла 27,8%. Успешное развитие ВИЭ в этой стране было связано с принятием закона о ВИЭ 1990 г. (StREg) и пришедшего ему на смену закона 2000 г. (EEG). Последним была установлена система гарантированных тарифов на энергию, вырабатываемую из ВИЭ, которая послужила эталоном для создания механизмов поддержки ВИЭ во многих странах мира, в том числе, в Беларуси. Важно, что развитие зеленой энергетики в Германии нашло поддержку большинства партий и широких слоев населения, несмотря на то, что субсидирование ВИЭ обернулось существенным ростом тарифов на электроэнергию. Поддержке ВИЭ в Германии поспособствовала ситуация с аварией на АЭС «Фукусима-1» в 2011 г., в результате которой было принято решение закрыть в стране к 2022 г. всех атомных станций. Во второй половине 2010-х годов Германия активно поддерживает закрепление целей защиты окружающей среды на международном уровне и выступает источником внешнего давления на другие страны [17]. Кроме этого, Германия обладает технологиями в области ВИЭ, которые она реализует на мировом рынке. Политическая поддержка ВИЭ в других странах, таким образом, расширяет возможности для экспорта энергетического оборудования из Германии.

Учитывая указанные выше обстоятельства, можно предположить, что ВИЭ будет продолжать успешно развиваться в Европейском союзе и далее, однако этот успех в значительной степени связан с развитием инфраструктуры – строительством и модернизацией электрических сетей, которые необходимы для интеграции все возрастающих объемов переменной генерации, главным образом, от солнечных и ветровых установок. Так, в январе 2018 г. было анонсировано, что ЕС планирует инвестировать 873 млн. евро на реализацию 17 ключевых энергетических инфраструктурных проектов. В соответствии с докладом Еврокомиссии «Чистая энергия для всех европейцев», представленном в ноябре 2016 г. была установлена новая цель – 27% в потреблении конечной энергии к 2030 г. [2].

Анализируя перспективы и возможные направления сотрудничества Беларуси с Европейским союзом, в том числе, в области экологически чистой энергетики, нельзя не отметить взаимное стремление в последние время к более конструктивному диалогу. Об этом свидетельствует заявление Заместителя министра иностранных дел Республики Беларусь О. Кравченко на форуме «Европейский союз и «Восточное

партнерство»: подходы к региональному сотрудничеству» (Минск, 11.12.2017), в котором отмечено, что Беларусь и ЕС вышли на финальную стадию согласования приоритетов партнерства на 2018–2020 гг. Ожидается, что данный документ может быть подписан в первой половине 2018 г., и его подписание «откроет доступ к финансовым инструментам, которые Европейский союз задействует в рамках «Восточного партнерства» [12].

В настоящее время ключевым финансовым инструментом ЕС в рамках двустороннего сотрудничества с Беларусью является Европейский инструмент соседства. В 2016 г. первоначальный пакет помощи ЕС для Беларуси был увеличен до 91,5 млн евро. Проекты в Беларуси при финансовой поддержке Европейского союза осуществляются по 58 направлениям, в том числе 6 – по энергетической проблематике. Пример подобного проекта, непосредственно относящийся к ВИЭ, – «Развитие возобновляемых источников энергии в Новогрудском районе – Дорожная карта для экологически чистой территории» (2015–2018) с бюджетом 600 597,6 € (в том числе, вклад ЕС – 540 397,6 €), целью которого является помощь районной исполнительной власти и местному сообществу развить накопленный опыт по внедрению возобновляемых источников энергии, что будет способствовать уменьшению нагрузки на экологию района [16].

Беларусь заинтересована в сотрудничестве с Европейским союзом в области ВИЭ – как посредством различных финансовых инструментов, так и в рамках двустороннего сотрудничества с отдельными странами, а также на уровне государственных органов, предприятий, высших учебных заведений. Основными направлениями данного сотрудничества должны стать проекты в научно-технологической и образовательной сфере, а также инвестиции в объекты чистой энергетики.

1. BP Statistical Review of World Energy. June 2017 [Electronic resource] / BP, 2017. – Mode of access: <https://www.bp.com/content/dam/bp/en/corporate/pdf/energy-economics/statistical-review-2017/bp-statistical-review-of-world-energy-2017-full-report.pdf>. – Date of access: 28.02.2018.
2. Clean Energy For All Europeans. Communication from the Commission // European Commission, Brussels, 30.11.2016. – COM(2016) 860 final.
3. EU Energy in Figures. Statistical Pocketbook 2017 [Electronic resource]. – Mode of access: <https://publications.europa.eu/en/publication-detail/-/publication/2e046bd0-b542-11e7-837e-01aa75ed71a1/language-en/format-PDF/source-search>. – Date of access: 19.02.2018.
4. European Commission (2006) Communication. Europe in the World – Some Practical Proposals for Greater Coherence, Effectiveness and Visibility. COM (2006) 278, 8.6.2006.
5. More growth and jobs: EU invests €873 million in clean energy infrastructure: European Commission – Press release [Electronic resource] / European Commission, Brussels, 25.01.2018. – Mode of access: http://europa.eu/rapid/press-release_IP-17-4242_en.htm. – Date of access: 28.02.2018.
6. Paris Agreement cannot be renegotiated despite Trump's claims, says France, Germany and Italy in joint statement [Electronic resource] / The Independent, 2017. – Mode of access: <http://www.independent.co.uk/news/world/americas/us-politics/paris-agreement-trump-renegotiated-cannot-be-france-germany-italy-joint-statement-latest-a7768266.html>. – Date of access: 28.02.2018.
7. Renewable Energy Progress Report. Report from the Commission to the European parliament, the Council, the European Economic and Social committee and the committee of the regions / European Commission, Brussels, 1.2.2017. – COM (2017) 57 final.
8. Sadorsky, P. Some future scenarios for renewable energy / P. Sadorsky // Futures. – 2011. – Vol. 43, Iss. 10. – P. 1091–1104.
9. Shared Vision, Common Action: A Stronger Europe A Global Strategy for the European Union's Foreign And Security Policy [Electronic resource] / EU, 2016. – Mode of access: https://eeas.europa.eu/archives/docs/top_stories/pdf/eugs_review_web.pdf. – Date of access: 28.02.2018.
10. Statement by Climate Action and Energy Commissioner Miguel Arias Cañete on the US announcement to withdraw from the Paris Agreement [Electronic resource] / European Commission, 2017. – Mode of access: http://europa.eu/rapid/press-release_STATEMENT-17-1513_en.htm. – Date of access: 28.02.2018.
11. Subsidies and costs of EU energy. Final report [Electronic resource] / Ecofys, 2014. – Mode of access: https://ec.europa.eu/energy/sites/ener/files/documents/ECOFYS%202014%20Subsidies%20and%20costs%20of%20EU%20energy_11_Nov.pdf. – Date of access: 28.02.2018.
12. Беларусь и ЕС вышли на финальную стадию согласования приоритетов партнерства – Кравченко [Электронный ресурс] / БелТА, 2017. – Режим доступа: <http://www.belta.by/politics/view/belarus-i-es-vyshli-na-finalnuju-stadiju-sglasovanija-prioritetov-partnerstva-kravchenko-279826-2017>. – Дата доступа: 28.02.2018.
13. Кавешников, Н. Ю. Возобновляемая энергетика в ЕС: смена приоритетов / Н. Ю. Кавешников // Мировая экономика и международные отношения. – 2014. – № 12. – С. 70–81.
14. Кавешников, Н. Ю. Энергетическая безопасность в Стратегии Могерини: выводы для России / Н. Ю. Кавешников // Современная Европа. – 2017. – № 1 (73). – С. 22–31.
15. Кашулин, Д. А. Энергетическая безопасность государства в современном политическом процессе : отечественный и зарубежный опыт : автореф. дис. ... канд. полит. наук : 23.00.04 / Д. А. Кашулин ; Моск. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова. – М., 2016. – 29 с.
16. Развитие возобновляемых источников энергии в Новогрудском районе – Дорожная карта для экологически чистой территории [Электронный ресурс] / Проекты в Беларуси при финансовой поддержке Европейского союза – Режим доступа: <http://euprojects.by/ru/projects/energy/Development+of+Renewable+Energy+Sources+in+Navahrudak+District+-+Road+map+for+Ecological+Clean+Area>. – Дата доступа: 28.02.2018.
17. Тоганова, Н. В. Политико-экономические стимулы экологизации энергетики. Вопросы теории и опыт Германии / Н. В. Тоганова // Международные процессы. – 2016. – Т. 14, № 2. – С. 48–64.
18. Чурякова, А. И. Особенности лоббизма в области возобновляемой энергетики в Европейском союзе / А. И. Чурякова // Этносоциум и межнациональная культура. – 2015. – № 10 (88). – С. 131–140.

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ИСТОРИИ БЕЛАРУСИ

ОРГАНЫ МЕСТНОГО ВОЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ МИНСКОЙ ГУБЕРНИИ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX В.

А.В. Хованский (Гродно, Беларусь)

Расширение границ Российской империи вследствие разделов Речи Посполитой и последовавшего присоединения белорусских земель повлекло за собой необходимость организации военного управления на новых территориях. Постоянное и повсеместное расположение значительного воинского контингента на территории белорусских губерний особенно остро ставило вопрос формирования эффективной системы местного военного управления. В первой половине XIX в. такая система на белорусских землях была создана по российскому образцу, но с некоторой спецификой, став главной опорой российской власти на местах.

В начале XIX в. указом Александра I все полномочия по руководству военными подразделениями в Минской губернии были сосредоточены в руках киевского военного губернатора генерала от инфантерии А.С. Феньша [10, с. 779]. Киевскому военному губернатору подчинялись ведомственные учреждения Минской губернии, должностные лица и все воинские части, дислоцировавшиеся на вверенной территории [1, с. 21]. Непосредственным подчиненным киевского военного губернатора и главой местного военного управления на территории Минской губернии был минский гражданский губернатор. Военный губернатор получал требования, касающиеся военной части, от императора, главнокомандующего Действующей армии, министерства внутренних дел, военного министерства и других вышестоящих структур, на основании которых направлял приказы и распоряжения минскому гражданскому губернатору.

8 января 1831 г. Минская губерния была включена в состав витебского, могилевского и смоленского генерал-губернаторства, а с 1834 г. вошла в состав административно-территориальной единицы «Виленское военное губернаторство, Гродненское, Минское и Белостокское генерал-губернаторство». В период с 1856 по 1862 г. Минская губерния перестала входить в состав других генерал-губернаторств [6, с. 293 – 295]. Таким образом, с 1831 по 1856 г. высшим должностным лицом в системе местной военной администрации на территории Минской губернии являлся виленский военный губернатор, ковенский, гродненский и минский генерал-губернатор.

Прежде всего, минский гражданский губернатор должен был принимать все необходимые меры для поддержания общественного правопорядка в губернии, для чего мог использовать все имеющиеся военные силы и средства: «Для сего они могут требовать от командира губернской внутренней стражи и от других ближайших войск достаточной команды» [11, с. 375].

Заботы о комплектовании и о некоторых видах довольствия армии входили в число прямых обязанностей минского гражданского губернатора. Наказ губернаторам 1837 г. указывал, что «...Гражданские губернаторы обращают особенное внимание на отправление рекрутской повинности, как одной из важнейших в государстве» [11, с. 393]. На территории Минской губернии под руководством губернатора было сформировано Минское губернское рекрутское присутствие. В его подчинении находились Бобруйское, Борисовское, Игуменское, Мозырское, Новогрудское, Пинское, Речицкое, Слуцкое уездные рекрутские присутствия. Следует отметить, что некоторые рекрутские наборы проводились только в губернском рекрутском присутствии.

Губернатор лично или через назначенных должностных лиц осуществлял надзор за поведением и обучением рекрутов. Кроме того, он следил, чтобы рекруты, в местах набора были размещены со всеми удобствами, а также получали установленные для них виды довольствия. В целом, на него возлагалась забота о том, чтобы при наборе рекрутов интересы государства или чьи-либо права не были нарушены [11, с. 393].

Минский губернатор исполнял обязанности по квартирному довольствию войск в губернии, а военачальникам предписывалось располагать их по его совету. Поэтому он должен был владеть точными сведениями о наличии в губернии удобных и безопасных для расквартирования войск районов и количестве и местах дислокации, уже находящихся в губернии подразделений [7, л. 2].

Заботы о продовольственном обеспечении армии в значительной степени возлагались на губернатора. Так, 2 ноября 1812 г. главнокомандующий армиями генерал-фельдмаршал князь М.И. Кутузов предписал минскому гражданскому губернатору учредить в бобруйской крепости запасной магазин и укомплектовать его необходимым количеством продуктов [8, л. 3]. Ему предписывалось заключать договоры с подрядчиками на поставку провианта в армию. Кроме того, на губернатора возлагались обязанности по оказанию помощи военному начальству в случаях: 1) выделения лагерных мест; 2) отвода пастбищ для лошадей, принадлежавших военному ведомству; 3) поставки подвод и

проводников; 5) снабжения часовых тулупами и деньгами; 6) построения и содержания в исправности воинских сооружений.

Следует отметить, органы местного военного управления Минской губернии были постоянными и временными (чрезвычайные). Так, в условиях угрозы военных действий или их непосредственного ведения, в губернии создавались чрезвычайные военные органы, организация, руководство и координация действия которых целиком ложилась на губернатора. Так, в апреле 1812 г. в связи с введением военного положения в Минской губернии было создано Минское губернское для военных повинностей присутствие. Учреждение занималось заготовкой продовольствия и фуража для армии, открытием запасных магазинов продовольствия и контролем над ними, выдачей реквизиционных квитанций. Ему подчинялись уездные для военных повинностей присутствия (Бобруйское, Пинское, Слуцкое, Дисненское и др.). Так, 19 июня 1812 г. минский губернатор предписал бобруйскому уездному для военных повинностей присутствию предоставить для перевозки больных военнослужащих из госпиталя Слонима в Бобруйск транспорт и обеспечить их всем необходимым [9, л. 43 – 45].

Еще одним чрезвычайным органом местного военного управления был институт военно-уездных начальников, учрежденный в 1833 г. для оказания содействия гражданскому губернатору. В Минскую губернию губернатором были назначены 4 штаб-офицера. Надзору каждого из них поручалось по несколько уездов. Военно-уездные начальники могли требовать содействия при исполнении своих обязанностей от предводителей дворянства в уезде, внутренней стражи и командиров войск, расположенных в уезде [5, с. 71].

Минскому губернатору подчинялись воинские части, дислоцировавшиеся на территории Минской губернии, которые делились на действующие и гарнизонные. К первой категории относились все действующие войска, которые располагались в регионе и подлежали передислокации. Так, к середине XIX в. в губернии размещались порядка 2 555 военнослужащих [4, с. 46]. Гарнизонные войска, напротив, находились на постоянных местах и служили для удовлетворения местных потребностей губернии по охране общественного порядка.

Важное место в системе местного военного управления занимали начальники гарнизонов и ордонансгаузы при них. Гарнизон представлял собой совокупность всех войск, расквартированных в населённом пункте (крепости) и вокруг него. Воинские чины, части и команды на время выполнения обязанностей гарнизонной службы поступали в распоряжение коменданта и начальника гарнизона, которые находились в подчинении губернатора [3, с. 187 – 188]. Следует отметить, что комендант нередко одновременно исполнял и обязанности начальника гарнизона.

9 мая 1819 г. в г. Минске был учрежден ордонансгауз 3-го класса. В Минском ордонансгаузе числились комендант, плац-майор, плац-адъютант, аудитор, старший и младший писари, 2 унтер-офицера и 10 инвалидов. Всего 17 чел. При ордонансгаузе действовал военный суд, куда из полков откомандировывались презусы (судьи) и ассессоры [12, с. 185].

В первой половине XIX в. в связи с активным строительством крепостей в Минской губернии складывается система крепостного управления. Так, на основании высочайше утвержденного указа «Расписания ордонансгаузов 2-го и 3-го классов» от 9 мая 1819 г. в крепости был учрежден ордонансгауз 2-го класса [12, с. 185].

В Минской губернии постоянно находились гарнизонные войска в составе: корпуса внутренней стражи и корпуса жандармов. Подразделения внутренней стражи были разделены на округа, управлявшиеся окружными начальниками. Округа разделялись на бригады, состоявшие из 2 – 3 батальонов. В свою очередь, в состав губернских батальонов входили уездные и этапные инвалидные команды [13, с. 784]. В г. Минске находились минский батальон 9 округа внутренней стражи и минская инвалидная команда. Минскому батальону внутренней стражи подчинялись этапные команды: пешие – Лоевская и Столовическая, конные – Минская, Смоленвичская, Борисовская, Комульская, Новогрудская и Мирская [2, с. 311].

28 апреля 1827 г. был создан корпус жандармов. Территория Российской империи была поделена на жандармские округа. Минская губерния входила в состав 4 округа. Окружное управление осуществлялось начальником округа, а губернское – Минским жандармским штаб-офицером которому подчинялись минская и бобруйская жандармские команды [4, с. 58].

В утвержденном 28 апреля 1827 г. «Положении для корпуса жандармов» определялось, что «по всем предметам, на которые дозволяется употреблять жандармов, имеют право требовать таковых в городах гражданские губернаторы, коменданты и градоначальники» [14, с. 776]. Кроме того, губернаторы под свою ответственность могли инициировать использование жандармских подразделений в чрезвычайных ситуациях.

Местными органами инженерного управления являлись инженерные округа, ведавшие производством строительных работ в крепостях и имевшие в подчинении у себя инженерные команды. Бобруйская крепость входила в состав Киевского инженерного округа и имела по штату: командира, 4 обер-офицера, 5 юнкеров, кондукторов и инженерную команду в составе цейхвартера, унтер-цейхвартера, 5 писарей, 2 вахтеров, 2 цейхдинеров [1, с. 361]. В крепости квартировались инженерная команда 1-го класса, военнорабочая рота № 11 и арестантские роты № 20, 21, 22, 23 и 24 [4, с. 57]. Органами местного артиллерийского управления были артиллерийские округа. В состав округа входили артиллерийские гарнизоны,

гарнизонные артиллерийские роты, сведенные в бригады, лабораторные роты и арсеналы. Так, в крепости Бобруйск находилось 2 роты артиллерийского гарнизона Киевского округа [4, с. 57].

Некоторые функции по местному военному управлению на территории Минской губернии осуществляли структуры действующей армии. Так, воинские подразделения, дислоцировавшиеся в Минской губернии, обслуживались провиантским управлением действующей армии [4, с. 59 – 60]. Снабжение войск предметами комиссариатского довольствия в Минской губернии осуществлялось из Динабургской комиссии [4, с. 60].

Таким образом, в первой половине XIX в. на территории Минской губернии, сложилась система местного военного управления включавшая: 1) провиантское управление действующей армией; 2) управление военного губернатора (генерал-губернаторов); 3) гарнизонные (крепостные) управления; 4) управление жандармского штаб-офицера; 5) управление минского батальона внутренней стражи; 6) управления Киевского инженерного округа 7) управление Киевского артиллерийского округа; 8) Динабургская комиссариатская комиссия. Несмотря на предпринятые попытки, придать ей четкость и стройность не удалось. Должностные лица военного управления на местах часто дублировали функции друг друга, создавая бюрократизм и дополнительное бумажотворчество.

Местная система управления войсками, сложившаяся в Минской губернии, наряду с общероссийскими чертами имела ряд особенностей. Во-первых, полномочия местных органов военного управления были значительно шире по сравнению с внутренними губерниями Российской империи; во-вторых, с одной стороны, воинские части и подразделения, дислоцировавшиеся в Минской губернии, подчинялись командующему действующей армии и некоторым профильным структурам военного министерства и действовали по их указаниям, однако, с другой стороны, военнотружашие были в значительной мере зависимы от губернатора и через начальников гарнизонов и комендантов действовали по его указаниям и требованиям. В мирное время именно губернатор нес всю полноту ответственности за поддержания правопорядка в губернии.

1. Благочестивейшая самодержавнейшая великая государыня имп. Екатерины Втория учреждения для управления губерний Всероссийския империи. – Москва: Сенат. тип., 1775. – 215 с.
2. Висковатов, А.В. Хроника Российской Императорской армии в семи частях. Часть VII. / А.В. Висковатов. – СПб: военная типография, 1852. – 340 с.
3. Военная энциклопедия: в 18 т./ под ред. В.Ф. Новицкого [и др.]. – СПб.: Товарищество И.Д. Сытина, 1912. – Т. 7 [Воинская честь – Гимнастика]. – 385 с.
4. Военно-статистическое обозрение Российской империи в 17 томах. Т. 9: Западные губернии: Ч. 4. – СПб.: Тип. Деп. Ген. Штаба, 1848. – 73 с.
5. Минская губерния: государственные, религиозные, общественные учреждения (1793 – 1917) / сост. Т.Е. Леонтьева. – Минск: БелНИИДАД, 2006. – 392 с.
6. Минские губернаторы, вице-губернаторы и губернские предводители дворянства (1793–1917): биографический справочник / сост. Ю.Н. Снапковский; редкол.: В.И. Адамушко [и др.]. – Минск : Беларусь, 2016. – 398 с.
7. Национальный исторический архив Беларуси. – Ф.295, Оп.1, Д. 70.
8. НИАБ. – Ф. 1578, Оп. 1, Д. 3.
9. НИАБ – Ф.1587, Оп. 1, Д. 1.
10. Полное собрание законов Российской Империи с 1649 года. Собрание Первое. Том XXVI. 1800 – 1801 гг. / под редакцией М.М. Сперанского. – СПб: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. – 883 с.
11. Полное собрание законов Российской Империи. Собрание Второе. Собрание Второе. Том XII. Отделение 1. 1837 г. – СПб: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1838. – 823 с.
12. Полное собрание законов Российской Империи. Собрание Первое. Том XXXVI. 1819 г. / под редакцией М.М. Сперанского. – СПб: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. – 734 с.
13. Полное собрание законов Российской Империи. Собрание Первое. Том XXXI. 1810 – 1811 гг. / под редакцией М.М. Сперанского. – СПб: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. – 941 с.
14. Полное собрание законов Российской Империи. Собрание Второе. Том II. 1827 г. / под редакцией М.М. Сперанского. – СПб: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. – 1561 с.

МИТРОПОЛИТ ИОСИФ (СЕМАШКО) И БЕЛОРУССКАЯ ГРЕКО-УНИАТСКАЯ СЕМИНАРИЯ

В.Б. Атапин (Витебск, Беларусь)

В 2018 году отмечается 220-летие со дня рождения и 150-летие со дня преставления Митрополита Литовского и Виленского Иосифа (Семашко).

Неоценимый вклад, внесенный митрополитом Иосифом в дело воссоединения униатов с православием, широко известен. Однако многогранная деятельность митрополита-объединителя в других сопутствующих областях исследована в значительно меньшей степени.

Одним из таких направлений было совершенствование духовного образования. Освещено оно самим владыкой Иосифом в его автобиографических «Записках» [3], изданных Академией наук по завещанию автора.

Из обильного перечня забот митрополита о самых различных сферах образования нами избрана достаточно узкая тема, касающаяся Белорусской греко-униатской семинарии, которая в 1840 году трансформировалась в Полоцкую духовную семинарию, впоследствии ставшую Витебской духовной семина-

рией. В «Записках» хорошо отразилось состояние дел в ней на момент проверок, осуществленных автором в 1830, 1833, 1834 и 1837 годах.

Так, под № 31 в «Записках» размещено «Черновое отношение к Д.Н. Блудову от 30 сентября 1830 г., об осмотре греко-униатских семинарий и духовных училищ». В отношении одновременно рассматриваются Белорусская и Литовская (ныне Минская) семинарии. Белорусская семинария в этом докладе по многим позициям проигрывает Литовской, созданной трудами и заботами митрополита Иосифа. Причины этого указаны в документе.

Это, во-первых, условия распоряжения имениями семинарий. В Литовской семинарии ими ведала Жировичская административная комиссия, в состав которой входил и ректор семинарии. В Полоцке же всем распоряжался лично греко-униатский архиепископ Иаков (Мартусевич). Члены семинарского правления не всегда имели смелость обращаться к своему пастырю с требованиями, касающимися его собственных материальных интересов.

Подобное управление экономикой семинарии приводило к тому, что семинаристы в Полоцке и питались, и одеты были хуже, чем в Жировичах, и болели чаще, и семинарские строения в Полоцке были запущены. Все это несмотря на значительный фондш Белорусской семинарии. В него входили фольварки¹ Судиловичи, Новый двор, Дзвоня (Звонь), Гутово, Мягель, Черствяды в Лепельском уезде и Островляны в Полоцком уезде и состояли из 1751 души. Большинство из указанных населенных пунктов находится ныне в Ушачском районе.

Имения же Литовской семинарии состояли из 989 душ, 428 из которых были приняты Жировичской комиссией в самом неудовлетворительном состоянии, требовавшем материальной помощи. То есть фондш почти вдвое меньший. При этом пишет Иосиф Семашко: «Белорусская семинария существует уже 24 года, Литовская только два; в первой имелось в истекшем учебном году 135 семинаристов, в последней 180. Подобный перевес на сторону Литовской семинарии окажется и во многих других отношениях» [3, с. 568]. Это действительно так, например, на полном или неполном фондшесвом содержании в Литовской семинарии находилось 100 семинаристов, а в Полоцкой – 95, жалование преподавателей семинарии в Жировичах также было выше, чем в Полоцке.

Мнение, высказанное митрополитом Иосифом, об управлении семинарскими имениями было довольно смелым шагом, так как архиепископ Иаков не самовольничал, как следует из текста отношения, а действовал в строгом соответствии с именным императорским указом, где в пункте 3 сказано: «Привести в действие Конституцию 1673 года, коею Король Польский Михаил отдал в пользу церкви Святой Софии и на продовольствие монахов деревни Судиловичь и Черствять с принадлежащими к оным селениями, которые отныне препоручить в управление и распоряжение Полоцких Архиепископов должествующих из имения сего назначить как содержание монахов Софийского монастыря, так и на основании той же Конституции и содержание Соборной церкви с ее штатом и Епархиальною семинарией» [4]. В указе семинария упоминается в последнюю очередь, а под Конституцией имеется в виду завещание короля Михаила Вишневецкого. Только после смерти архиепископа Иакова (Мартусевича) управление имениями перешло к семинарскому правлению.

Второй проблемой, затронутой в отношении от 30 сентября 1830 года, была щекотливая в наших краях до сих пор языковая проблема. Известно, что к концу XVIII столетия греко-униатское духовенство было в значительной степени полонизировано. Настолько, что пришлось издавать старославянско-польский словарь, так как священники во время службы не всегда понимали смысл читаемых ими слов. Именно поэтому владыка Иосиф обращал особенное внимание на изучение русского языка в семинариях. А успехи, достигнутые в этом, были признаны им превосходными. И вот почему, объясняет Семашко: «Весь греко-унитский народ говорит русским языком Белорусского или Малороссийского наречия – дети унитского духовенства в доме своих родителей и вне оного почти единственно слышат сей язык – они забывают оный уже в польских училищах – и так неудивительно, что, поступив в семинарию, они столь легко приучаются к русскому языку. Я смело утверждаю, что преподавание наук на сем языке в греко-униатских семинариях производилось бы с гораздо большим успехом, нежели на польском, если бы только приготовить учителей, могущих по-русски объясняться» [3, т. 1, с.572].

Недостаток учителей митрополит предлагал восполнить не только приглашением таковых из великороссийских губерний, но и посылкой студентов и учителей на некоторое время в другие университеты империи.

Полемика, вызванная введением преподавания некоторых предметов на русском языке, привела его противников к абсурдным выводам о том, что преподавание на «иностранным» языке снижает успеваемость учеников. Владыка Иосиф блестяще доказал, что для большинства населения земель, на которых располагались греко-униатские епархии, иностранным языком является как раз польский.

Еще одну проблему видел Преосвященный Иосиф в латинском языке, на котором по традиции преподавались богословские науки: «В Белорусской [семинарии], мимо тщательного изучения латинского языка, нашел я в богословском отделении едва четырех или пяти учеников, могущих с полным успехом продолжать на оном учение; в Литовской и того менее. Учители стараются вознаградить сие словесными изъяснениями на польском языке и требованием таковых же от учеников; но сие все не может заменить недостатка учебных книг на внятном для них диалекте» [3, т. 1, с. 574].

Обозначив проблему для греко-униатских семинарий, митрополит Иосиф обращается ко всем духовным учебным заведениям империи: «Пора, кажется, уже избавиться от ига малороссийским духовенством из иезуитских училищ заимствованного и впоследствии на всю Россию распространившегося. Не менее двадцати тысяч духовного юношества десять лет обучается латинскому языку – девятнадцать тысяч из него, вероятно, не будут иметь ни нужды, ни даже случая к употреблению сего языка. ... Не легче ли назначить несколько просвещенных человек для составления по части богословия учебных книг на русском языке...» [3, т. 1, с. 575].

Далее владыка Иосиф дает оценку профессорско-преподавательскому составу, где коллектив Литовской семинарии значительно выигрывает в сравнении с полочанами. Объясняется это такой значительной разницей в оплате труда, что позволяет митрополиту называть полочское жалование преподавателей «скудным». Главным виновником почти всех недостатков Белорусской греко-униатской семинарии митрополит видит воспитанника и поклонника иезуитов архиепископа Иакова (Мартусевича). Достижения же Литовской семинарии относит к заслугам ректора, тогда еще протоиерея, а впоследствии архиепископа Антония (Зубко).

Ревизия 1833 года показала, что успехи в науках по обоим семинариям удовлетворительны, но экономика пока отставала. «В обоих [семинариях] господствует скудость и неприличие в помещении, одеянии и столе воспитанников» [3, т. 1, с. 578].

В 1834 году владыка пишет: «Успехи воспитанников в преподаваемых в семинарии науках вообще удовлетворительны; но особое преуспеяние замечено мною по всем отделениям семинарии и уездного при ней училища в знании русского языка. Здесь требуется только навык в правильном произношении; и я полагал бы весьма полезным выписать для Белорусской семинарии еще несколько учителей, получивших воспитание в академиях, кои были бы руководством в отношении как для воспитанников семинарии, так и для самих их нынешних наставников» [3, т. 1, с. 732].

В этом своем донесении архиепископ продолжает борьбу с последствиями полонизации: «... я полагал бы весьма нужным прекратить, по крайней мере, на несколько лет, преподавание по семинарии польского языка и его словесности, тем более, что в языке сем слишком малая предстоит надобность в Белоруссии, где знание русского языка вообще уже распространено даже между высшим классом общества» [там же].

Заметил архиепископ Иосиф вместе с учебной частью улучшения и в нравственной и экономической жизни учебного заведения: «Везде видно больше порядка, более опрятности, более довольства...» [там же]. Озаботило владыку лишь: «...обыкновение, от господствовавшего некогда в сих странах иезуитизма – это длинные капоты, с красными с верха до самого низу пуговками, в которые одевают здесь семинаристов, на казенном содержании состоящих; между тем как по уставу назначены для них сюртуки и халаты, которые и употребляются всеми в Литовской семинарии» [там же].

Следующее донесение об осмотре Белорусской семинарии написано уже отдельно от Литовской и свидетельствует о положительных изменениях, происшедших к 1837 году: «После осмотра Белорусской греко-униатской епархиальной семинарии и состоящего при ней уездного духовного училища, долгом поставляю сим засвидетельствовать о совершенно удовлетворительном состоянии сих учебных заведений» [3, т. 2, с. 65].

Об экономическом росте переданных в семинарское управление имениях свидетельствует рост количества скота в сравнении с 1833 годом: «рогатого скота было 685 штук, ныне оно есть 858; овец было 406, ныне 907; свиней было 290, ныне 443» [3, т. 2, с. 66].

В завершение следует заметить, что заметный рост учебных и хозяйственных показателей полочкой семинарии в значительной степени зависел от забот митрополита Иосифа. Он не только докладывал о замеченных недостатках, но деятельно, используя все доступные средства, боролся за преобразования в жизни учебного заведения. Он активно вмешивался во все сферы жизни семинарии: в кадровую политику, экономику, строительство, дисциплину, досконально при каждом посещении проверял знания учащихся. Таким образом, и вклад его в становление учебного заведения, являющегося предшественником нынешней Витебской духовной семинарии, весьма значителен.

1. Богородский, Н. Н. Историческая записка о состоянии Витебской духовной семинарии за минувшее столетие ее существования (февраль 1807 – февраль 1907) / Н. Богородский // Полоцкие епархиальные ведомости. – 1907. – № 6. – С. 214–225. – № 7. – С. 245–254.
2. Витебская духовная семинария (1806.16.XII–1906 г.): заметки и воспоминания / собрал Дм. Ив. Довгялло. – Витебск : Губернская типолитография, 1907. – 84 с.
3. Иосиф (Семашко), митрополит. Записки Иосифа митрополита Литовского, изданные Императорскою Академией Наук по завещанию автора: в 3 т. – СПб : Типография императорской академии наук, 1883.
4. Полное собрание законов Российской империи. 1806 года декабря 16. Указ Именной данный сенату «О назначении Полоцкого Софийского монастыря местом Епархиальной семинарии, соборного штата и Консистории». – Режим доступа: http://nlr.ru/eres/law_r/search.php. – Дата доступа: 20.02.2018.

ФОРМИРОВАНИЕ СОСТАВА ГУБЕРНСКИХ ПО КРЕСТЬЯНСКИМ ДЕЛАМ ПРИСУТСТВИЙ БЕЛОРУССКО-ЛИТОВСКИХ ГУБЕРНИЙ ПОСЛЕ ОТМЕНЫ КРЕПОСТНОГО ПРАВА

Т.В. Долгач (Минск, Беларусь)

Отмена крепостного права стала важной вехой в развитии капиталистических отношений в белорусско-литовских губерниях. Аграрная реформа повлекла за собой коренные изменения во всех сферах общественной и экономической жизни. В связи с этим, правительством Российской империи был задуман ряд перемен в судебной системе, армии, образовании и системе местного управления. Поскольку реформа 1861 г. стала первой из череды буржуазных преобразований XIX в. в Российской империи, именно она повлекла за собой наиболее глобальные последствия, которые воплотились в создании принципиально новой системы управления деревней, во главе которой оказались губернские по крестьянским делам присутствия.

Начало работы губернских по крестьянским делам присутствий связано с функционированием Временных комиссий, созданных во всех губерниях Российской империи в ходе подготовки реформы по распоряжению Главного комитета по крестьянскому делу. Личный состав Временных комиссий частично определялся губернаторами, на что было указано в письмах, которые в декабре 1860 г. конфиденциально направлялись всем начальникам губерний. Губернаторы выбирали двух представителей из дворян губернии, которые стали бы членами Временной комиссии, а затем и губернского по крестьянским делам присутствия. В письмах-инструкциях содержался алгоритм действий, касающийся назначения дворян-помещиков в состав комиссий. Так, сначала губернаторам предстояло присмотреться к дворянству, затем обсудить в неформальной беседе с наиболее подходящими кандидатурами возможность их назначения на должность членов комиссий. Следующим шагом становилось разрешение членов Главного комитета на утверждение данных кандидатур. Только после этого кандидатам поступало официальное предложение от губернатора вступить в должность [6, л. 24]. Такая сложность процедуры назначения дворян в состав Временных комиссий объясняется серьёзной ответственностью, возлагаемой на учреждаемые институты. Члены Главного комитета не раз подчеркивали, что «...ни одному учреждению не предстояло столь важного круга деятельности и в таких широких размерах, поэтому от удачного выбора лиц, входящих в учреждение, будет зависеть не только благосостояние двух сословий, но и спокойствие целого края...» [6, л. 40].

К будущим назначаемым членам Временных комиссий предъявлялись серьёзные финансовые, имущественные и моральные требования. Так, согласно циркулярам внутренних дел, направленных в декабре 1860 г. начальникам губерний, должности членов Временных комиссий могли занимать только потомственные дворяне, которые сами или их жёны и родители владели недвижимым имуществом в пределах губернии. Кандидаты не должны нести никаких посторонних обязанностей, должны быть самостоятельными в принятии решений. За исполнение обязанностей члена Временной комиссии дворянину полагалось жалование в размере 2 тыс. руб. в год, а также возможность оставаться в должности столько, сколько дворянин пожелает [6, л. 39].

Дворяне в состав Временных комиссий попадали не только по распоряжению губернатора. По замыслу Главного комитета, в состав комиссий должны были попасть лица, избранные местным дворянством. Однако члены Комитета рекомендовали, чтобы во Временных комиссиях на выборных должностях оказались в первую очередь лица, входившие в состав губернских Комитетов по улучшению быта крестьян. Состав Комитетов был определен ещё в 1858 г. В них входили выборные представители дворянства от каждого уезда и по два дворянина от губернии, назначенные губернатором. Председателем губернского комитета становился губернский предводитель дворянства. Поскольку замечание Главного комитета носило рекомендательный характер, были составлены специальные инструкции, где содержались указания о том, кто из местных дворян может попасть во Временные комиссии. Ключевой фигурой в выборе кандидатов на этот раз был уже не начальник губернии, а губернский предводитель дворянства. Требования к выборным членам Комиссий были неотличимы от тех, что выдвигались к назначаемым. Однако в случае с выборными местными дворянами, члены Главного комитета неоднократно подчёркивали важность того, что эти должности должны занять лица, «заслуживающие всеобщего доверия и соответствующие ожиданиям правительства» [6, л. 42].

Процедуры, связанные с назначениями и выборами местных дворян в состав Временных комиссий в белорусско-литовских губерниях начались в конце декабря 1860 г. Огромное внимание в губерниях уделялось именно выбору членов комиссий из местных дворян. Это было продиктовано особым контролем со стороны Главного комитета по крестьянскому делу и МВД. В конце 1860 г. начальники губерний получили письма-инструкции из министерства внутренних дел. Письма имели одинаковое содержание и призывали губернаторов ускорить процесс создания Временных комиссий. Например, в письме, адресованном Витебскому губернатору, содержалась рекомендация назначить съезд уездных предводителей дворянства в губернском городе 8 января 1861 г. для избрания в состав Временных комиссий двух членов от местных дворян [6, л. 69]. Однако, выборы в Витебске прошли только 12 января. На должности членов Временной комиссий Витебской губернии были избраны Суражский

уездный предводитель дворянства Иосиф Богданович и помещик Режицкого уезда Юстиниан Загорский. Согласно требованиям, выставленным к членам Комиссий, И. Богданович сложил с себя полномочия уездного предводителя [6, л. 179].

На базе временных комиссии в феврале-марте 1861 г. создавались губернские по крестьянским делам присутствия.

В третьей главе «Положения о губернских и уездных по крестьянским делам учреждениях» от 19 февраля 1861 г. определялся состав институций [4]. В губернские по крестьянским делам присутствия входили:

а) на постоянной основе: губернатор (председатель), губернский предводитель дворянства, управляющий палатой государственных имуществ, губернский прокурор, четыре местных дворянина;

б) в качестве приглашенных на обсуждение конкретных вопросов: председатель казенной палаты; представитель Министерства финансов; помещики, имеющие большой управленческий или хозяйственный опыт.

Все члены Присутствия, действующие на постоянной основе, за исключением четырех представителей местных дворян, включались в состав автоматически (по должности). Дворянские представители включались в Присутствие двумя способами: двое из местных дворян приглашались по согласованию с губернатором и министром внутренних дел, с разрешения императора; двое – избирались собранием губернского и уездных предводителей дворянства [4].

«Положением о губернских и уездных по крестьянским делам учреждениях» от 19 февраля 1861 г. определялся размер жалования четырех особых членов губернских присутствий из местных дворян. Каждому из них на содержание выделялось по 2 000 рублей в год. Сверх того, на жалование секретарю и на канцелярские расходы Присутствий полагалась 1500 рублей в год [4]. Членам Присутствий, не являющимся государственными служащими полагалась пенсия к моменту завершения их карьеры в институциях [2, л. 132].

Председателями присутствий становились губернаторы. Полномочия председателя были шире полномочий других членов учреждения. Решения губернского по крестьянским делам присутствия при разделении голосов предписывалось принимать простым большинством, а при разделении голосов поровну голос председателя давал перевес. Если по особо важным обстоятельствам, начальник губернии затруднялся исполнить решение губернского присутствия, то он мог приостановить исполнение решения и передать полномочия в решении того или иного вопроса министру внутренних дел [4]. От личностных качеств губернатора в Присутствии зависело многое, поскольку его авторитет был непререкаем. Так, мировой посредник, направленный в Минскую губернию из центральных регионов Российской империи Н. Полевой дал свою оценку представителям власти, охарактеризовав Минского губернатора А. Кожевникова как человека очень образованного, доброго и бесхитростного. Однако несмотря на высокую оценку человеческих качеств губернатора, Полевой отметил, что во время работы губернского по крестьянским делам присутствия многие горячились, выкрикивали, перебивали, не давали сказать остальным. Кожевников был не в силах упорядочить заседание: «Все говорили одновременно, шумели. Проспорив и проговорив два часа, разошлись, не выработав ничего» [3, с. 13].

В ходе работы губернских по крестьянским делам присутствий возникали вопросы, касающиеся председательства в случае отсутствия губернатора. Опираясь на «Общее учреждение губернское» от 1857 г., сотрудники Министерства внутренних дел разъяснили ситуацию: в случае отсутствия губернатора, роль председателя в губернском по крестьянским делам присутствии должен исполнять вице-губернатор. Для того, чтобы быть в курсе дел, которые решались в Присутствии, вице-губернатору разрешалось присутствовать на всех заседаниях учреждения. Но во время председательства губернатора вице-губернатор не имел права голоса, поскольку официально он не являлся членом Присутствия [1, л. 72].

Состав присутствий был обозначен в «Положением о губернских и уездных по крестьянским делам учреждениях» от 19 февраля 1861 г. Однако зачастую, на заседаниях Присутствий находились лица, не связанные с делами управления крестьянами. Так, если в Присутствии рассматривались жалобы или прошения помещиков, касающиеся земель православных храмов или монастырей, то на заседаниях в обязательном порядке присутствовал представитель церкви. Важно то, что этот представитель обладал правом голоса и если он не был согласен с решением остальных членов Присутствия, то предметом жалобы или спора занимались уже сотрудники МВД или генерал-губернатор, в тех губерниях, которые являлись частью генерал-губернаторств [2, л. 5]. Это было связано с правительственной политикой, которая была направлена на русификацию белорусско-литовских губерний.

Таким образом, преобразования, связанные с реформой 1861 г., привели к необходимости создания специального и компетентного органа местной власти, которой должен был разобраться во всех деталях нового устройства пореформенной деревни и реагировать на любые спорные моменты законодательства о крестьянах. Такими органами стали *губернские по крестьянским делам присутствия*, которым вверялось заведывание делами крестьянских обществ, водворенных на помещичьих землях, а также разбор недоразумений, споров и жалоб, возникающих между помещиками и временнообязанными

крестьянами. Желание дворян-землевладельцев участвовать в реализации реформы и последующем управлении деревней повлияло на состав губернских по крестьянским делам присутствий. Кроме губернских властей и чиновников различных ведомств, в Присутствия в обязательном порядке попадали представители местного дворянства в качестве непременных членов институций.

В состав учреждений по крестьянским делам вошли только те дворяне-помещики и чиновники, которые вызвали доверие у правительства Российской империи. Сложившееся недоверие властей Российской империи к дворянам белорусско-литовских губерний сделало более тщательной, по сравнению с другими губерниями, процедуру утверждения местных дворян-землевладельцев на должности непременных членов в Присутствия региона. В белорусско-литовских губерниях учреждения по делам крестьян состояли в основном из чиновников, присланных из других губерний Российской империи, что сказывалось на функционировании институций в регионе.

1. Национальный исторический архив Беларуси (НИАБ). – Ф. 242. О. 1. Д. 67.
2. НИАБ. – Ф. 2014. О. 1. Д. 67.
3. Полевой, Н.К. Два года, 1864 и 1865, из истории крестьянского дела в Минской губернии / Н. К. Полевой // Русская старина. – 1910. – № 4. – С. 3 – 25.
4. Положение о губернских и уездных по крестьянским делам учреждениях // Крестьянская реформа в России. Сборник законодательных актов. – М.: Госюриздат, 1954 г. – 133–156 с.
5. Рацько, А.Ф. Пачатак рэалізацыі аграрнай рэформы 1861 г. у Беларусі / А. Ф. Ратко // Беларусь у пачатку XX ст. Да 100-годдзя БДПУ : зб. навук. арт. / Бел. дзярж. пед. ун-т імя М. Танка ; рэд. кал. А.І. Андараля [і інш.]. – Мінск, 2014. – С. 280-291.
6. Российский государственный исторический архив (РГИА). – Ф. 1180. О. 15. Д. 195.

УЧАСТИЕ ВОИНСКИХ ПРИСУТСТВИЙ В ОБМЕНЕ ЗАЧЕТНЫХ РЕКРУТСКИХ КВИТАНЦИЙ В 1874 Г.

Е.А. Жаворонков (Витебск, Беларусь)

Введение всеобщей воинской повинности ознаменовало собой прекращение существования института рекрутской повинности в Российской империи. Новая система комплектования вооруженных сил запрещала денежный откуп от воинской повинности, практиковавшийся при прежней системе в виде покупок зачетных рекрутских квитанций, позволявших избежать службы в армии. В то же время, зачетные рекрутские квитанции, остававшиеся у населения после последнего рекрутского набора, согласно указу Правительствующему Сенату от 1 января 1874 г., могли быть обменены на квитанции нового образца, которые, в свою очередь, позволяли избежать службы в армии уже при действии всеобщей воинской повинности.

В течение первого года своего существования воинские присутствия принимали участие в обмене зачетных рекрутских квитанций, остававшихся в обращении у населения. Согласно указу Правительствующему Сенату, в срок до 1 октября 1874 г. уездные и городские воинские присутствия должны были принимать указанные квитанции для обмена на квитанции нового образца, либо для выдачи денежного выкупа в размере 485 рублей. После же обозначенного срока зачетные рекрутские квитанции не принимались к обмену и теряли свою силу [2, с. 28-29]. Впоследствии, вышеописанные правила в отношении срока обмена зачетных рекрутских квитанций претерпели ряд изменений. Так, уже в ноябре 1874 г. от этого правила было сделано два отступления. Во-первых, было разрешено выдавать квитанции нового образца после 1 октября 1874 г. взамен утерянных зачетных квитанций и копий с таких квитанций [3, с. 366]. Во-вторых, было позволено обменять зачетные рекрутские квитанции на новые крестьянам, обратившимся по 28 ноября 1874 г. с ходатайствами об этом [5, с. 14]. Впоследствии вышло ещё несколько циркуляров МВД, оговаривавших новые отступления в обмене зачетных рекрутских квитанций после 1 октября 1874 г. [5, с. 18-19].

Порядок работы по обмену зачетных рекрутских квитанций устанавливался особыми правилами, составленными по соглашению между МВД, Минфином и Военным министерством. Владельцы указанных квитанций должны были предоставлять их в уездные (городские) воинские присутствия по своему месту приписки либо жительства. К предоставленной зачетной рекрутской квитанции необходимо было прилагать объявление, в котором указывалась информация о владельце квитанции (имя, отчество, прозвание, сословие и место жительства) и цель её предоставления (обмен или выкуп). Также, в зависимости от цели предоставления квитанции, в объявлении либо указывались сведения о лице, на которого должна была быть записана квитанция нового образца, либо указывалось казначейство, из которого владелец желал получить деньги. По приёме зачетной рекрутской квитанции воинское присутствие записывало все сведения о ней в квитанционную книгу и выдавало предъявителю расписку о её принятии. Книги для записи зачетных квитанций заготавливались и рассылались подчиненным учреждениям губернскими воинскими присутствиями [4, с. 111-112].

Следом, полученные квитанции (с пометками на них цели предъявления) и поданные вместе с ними объявления, направлялись в местные казенные палаты. Указанные учреждения устанавливали подлинность присланных зачетных рекрутских квитанций, производили их обмен на квитанции нового образца

или делали распоряжения о выдаче выкупа казначействам, указанным в объявлениях. Воинские присутствия, в свою очередь, должны были сообщать владельцам о признании зачетных квитанций недействительными, а также, соблюдая особые процедуры, выдавать им полученные от казенных палат квитанции нового образца и извещения о выделении денежных средств на квитанции [4, с. 113-114].

По завершении срока приема зачетных рекрутских квитанций уездным и городским воинским присутствиям, не позднее 15 октября 1874 г., необходимо было предоставить в вышестоящие присутствия сведения о количестве квитанций, принятых к обмену и выкупу до 1 октября. Губернские по воинской повинности присутствия, в свою очередь, составляли из полученных сведений ведомость по всей губернии, которую необходимо было предоставить до 1 января 1875 г. в три министерства: Внутренних Дел, Финансов и Военное. [4, с. 115].

Особо следует отметить тот факт, что предоставлять к обмену зачетные рекрутские квитанции старого образца разрешалось лицам всех сословий [4, с. 108], что приводило к широкой торговле этими квитанциями и стремлению представителей обеспеченных классов, не подлежавших ранее рекрутской повинности, приобрести их. Этот процесс не обошел стороной и белорусские губернии. Так, согласно свидетельству пинского предводителя дворянства барона Н. Витте, в 1874 г. в Пинском уезде Минской губернии состоятельные купцы и дворяне приобрели «значительное количество квитанций» по ценам от трех до шести с половиной тысяч рублей. Одна же квитанция и вовсе была приобретена за десять тысяч рублей. Кроме того, имели место случаи, когда из-за недостоверных слухов купцы, владевшие выкупными квитанциями, покупали для своих сыновей еще и зачетные рекрутские квитанции, оказавшиеся в призыве 1874 г. бесполезными [1, с. 144].

Зачетную по воинской повинности квитанцию можно было использовать для освобождения от службы того лица, на которого она была записана, или же одного из его братьев: родного, сводного, единокровного, единоутробного, двоюродного [2, с. 28-29]. Указанную квитанцию следовало предъявлять либо за два месяца до призыва, либо во время него. При этом приниматься квитанция должна была только в том случае, когда лицо, на которое она была записана, подлежало по номеру жребия и состоянию здоровья приему на военную службу [5, с. 24].

Таким образом, обмен зачетных рекрутских квитанций на квитанции нового образца в 1874 г. можно рассматривать как легальную возможность откупа от службы в армии после введения Устава о воинской повинности. Уездные и городские воинские присутствия, занимаясь приемом указанных квитанций и выдачей новых, выполняли посредническую роль между населением и казенными палатами, в обязанность которых входило изготовление квитанций нового образца. Участие присутствий по воинской повинности в обмене зачетных рекрутских квитанций было разовым мероприятием, которое относилось к подготовке нескольких призывных кампаний и являлось составной частью предпризывной деятельности воинских присутствий в 1874 г.

1. Витте, Н. Несколько замечаний по поводу окончания работ по призыву новобранцев в Пинском уезде / Н. Витте // Военный сборник. – 1875. – № 3. – С. 143-154
2. Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе: в 55 т. / СПб: Тип. 2-го Отд-ния Собств. Е. И. В. Канцелярии, 1830-1884. – Т. XLIX: 1874: в 3-х отд. – 1876. – Отделение первое. – 948 с.
3. Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе: в 55 т. / СПб: Тип. 2-го Отд-ния Собств. Е. И. В. Канцелярии, 1830-1884. – Т. XLIX: 1874: в 3-х отд. – 1876. – Отделение второе. – 612 с.
4. Свод всех дополнений и разъяснений, опубликованных правительством по сие время, Устава о воинской повинности / М.: тип. В. М. Фриш, 1874. – 192 с.
5. Устав о воинской повинности со всеми дополнительными узаконениями и разъяснениями, последовавшими со времени обнародования его до 15 июля 1876 года / Новгород: тип. губ. прав., 1876. – 438 с.

ДУХОВНЫЕ ШКОЛЫ ВИТЕБСКОЙ ГУБЕРНИИ И ИХ ВКЛАД В ФОРМИРОВАНИЕ НАУЧНОГО ИСТОРИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА В СЕР. XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА

Е.С. Попеленко (Витебск, Беларусь)

Учебные заведения русской Православной Церкви – духовные академии, духовные семинарии и духовные училища принято называть духовными учебными заведениями, а их совокупность – духовной школой. Белорусские духовные школы оставили глубокий след в просвещении народа не только в религиозном, но и в общеобразовательном, культурном и научном отношении.

Губернский Витебск к середине XIX века становится одним из ведущих научно-культурных центров белорусских губерний. Здесь, благодаря историкам и архивистам Н.Я. Никифоровскому, Д.И. Довгялло, Н.Н. Богородскому, А.П. Сапунову, Е.Р. Романову и др., формировалась историческая наука, по масштабам важная не только для Витебской губернии, но и для всей Беларуси. Многие из учёных своей деятельностью были тесно связаны с духовными учебными заведениями Витебской губернии.

Согласно Уставу православных духовных семинарий 1867 года, духовно-учебные округа были упразднены, административная власть академий над семинариями и семинарий над духовными училищами

ликвидирована. Семинарии из трехклассных двухгодичных были преобразованы в шестиклассные. Если учебные программы семинарского курса до принятия Устава 1867 г. изобиловали многопредметностью, то после его принятия они значительно были сокращены. В целом за первые четыре года обучения учащиеся проходили гимназический курс (с добавлением некоторых богословских предметов), а два последних года исключительно посвящались богословским наукам. Таким образом, в начале XX века Священный Синод был вынужден констатировать, что «духовная школа имеет теперь две задачи – готовить юношество к поступлению в светские учебные заведения для целей гражданской службы и приготавливать также к служению Православной Церкви» [7, с. 57].

С 1869 г. светские преподаватели семинарий стали считаться состоящими на гражданской службе. 24 октября 1876 г. было утверждено «Положение о правах и преимуществах лиц, служащих при духовно-учебных заведениях и лиц, получивших ученые богословские степени и звания». «Положение» уравнило в правах и преимуществах служащих духовно-учебных заведений со служащими учебных заведений подведомственных Министерству народного просвещения. Так, преподавателям семинарий присваивался VIII класс по «Табели и рангах» с чинопроизводством по выслуге 4-х лет. Был определен размер пенсий и пособий, а также норма почетных наград (орденов), которых наставники ранее не получали.

С 1872 г. при университетах были учреждены стипендии духовного ведомства. Средний размер одной стипендии составлял 250 руб. в год. Студенты-стипендиаты давали подписку в том, что они по окончании университета, за пользование стипендией, прослужат в духовно-учебных заведениях по назначению духовного начальства не менее шести лет [7, с.63].

Таким образом, реформирование системы духовного образования в сер. XIX века позволило повысить образовательный уровень как учеников духовных школ, так и уровень педагогического состава духовных учебных заведений.

Научно-историческая и краеведческая деятельность для преподавателей и студентов местных витебских духовных училищ и семинарий началась с публикаций богословских и исторических статей в неофициальной части «Витебских губернских ведомостей» - официальной правительственной газеты, выходившей с 1838 года. С 1858 по 1860 гг. редактором издания являлся преподаватель всеобщей и церковной истории Полоцкого духовной семинарии историк и археолог Ксенофонт Говорский (1811-1871). Тематика его публикаций в основном была исторической. Среди них «Жалованная королевская грамота короля Сигизмунда III Витебским мещанам...», «Инвентарь г. Витебска 1647», «Жалованная подтвердительная грамота короля Стефана Батория...», «О введении, распространении и судьбе кальвинизма в Беларуси», «Список дворянских фамилий...» и т.д. [6, с.61].

В Витебской губернии К. Говорский становится новатором археологической науки. Свои исследования педагог начинает в 50-х годах в Полоцке, а их результаты излагает в сочинениях: «Письмо в Имп. Археологич. Общество от 18 июня 1852 г.», «Поездка из г. Полотска...», «Историческое описание Полоцкого Борисоглебского монастыря», «Историко-статистическое описание Полоцкой епархии» и др. [4, с. 205].

С 1864 года на страницах «Витебских губернских ведомостей» свои исторические статьи стал публиковать сподвижник и коллега К.Говорского, преподаватель церковной и русской истории семинарии Петр Людвигович Дружиловский («Рескрипт...», «Амнистия 1667 года дворянам и мещанам г.Витебска» и др.) [6, с.73].

В основном витебские педагоги публикуют свои труды под рубриками «Материалы для истории», «Отчёт...». На страницах «Памятных книжек Витебской губернии» встречаются статьи историков Д. Лебедева, Н.Тихомирова, М. Красовицкого, иеромонаха Сергия и др. [3].

В 70-х гг. XIX века в епархиальной среде было решено создать местный печатный орган православного духовенства «Полоцкие епархиальные ведомости» (ПЕВ). Архиепископ Савва (Тихомиров) выделяет на это денежные средства, а местная духовная консистория настаивает, чтобы редактором и корректором основанного издания стал кто-либо из профессоров Витебской духовной семинарии. Ими были назначены секретарь правления семинарии и учитель словесности Матвей Иванович Красовицкий, протоиерей Дмитрий Преображенский и преподаватель латинского языка, законоучитель мужской и женской витебских гимназий, Петр Иванович Виноградов, впоследствии ректор Витебской семинарии и епископ Русской Православной Церкви. В своих заметках М.И. Красовицкий так определил задачи епархиального издания: «Ведомости должны прежде всего удовлетворять местным потребностям духовенства, раскрывать прошедшую и настоящую жизнь края...».

Во второй половине XIX века проявили себя как разносторонние исследователи местные краеведы. Кандидат богословия, преподаватель Полоцкого Спасо-Евфросиниевского женского училища и Полоцкого мужского духовного училища Дмитрий Сергеевич Леонардов (1871-1915) 15 лет занимался историей Полоцка, издавал книги религиозно-исторической тематики. Главным его трудом стала книга «Полоцкий князь Всеслав и его время».

К истории Полоцка, её археологическим памятникам обращены исследования преподавателя Спасо-Евфросиниевского епархиального училища, краеведа Ивана Ивановича Долгова (1857-1910). В составе Витебской ученой архивной комиссии он участвовал в исследовании местных архивных документов. Свои труды Иван Иванович публиковал в Витебских губернских ведомостях, среди которых «Прошлое и настоящее Беларуси»(1907), «Наш край»(1908), «Полоцкий кадетский корпус»(1899) и др. [6, с. 86]/

Истории Витебщины посвятил свои работы и преподаватель женского училища духовного ведомства в Витебске протоиерей Василий Волков. Его труды «Исторические сведения о Витебском городском Успенском соборе», «Сведения о начале, распространении, разделении и о расколе в Витебской губернии», «Сказание о вере предков наших...» и сегодня дают много информации о религиозной жизни белорусов. Исследованиями Константина Евсеевича Евсеева о просвещении и образовании в северо-западной Руси было дополнено краеведение Беларуси [5, с.13].

Проблемой белорусской этнографии занимался выпускник духовного училища и семинарии Александр Романович Пщёлко, чьи произведения «Очерки и рассказы из жизни белорусской деревни», «Белорусские рассказы» и др. в разное время были изданы в Витебске [5, с. 29].

Михаил Васильевич Анцев, белорусский композитор, хоровой дирижёр, преподаватель церковного пения в Витебской семинарии, с 1905 по 1912 являлся редактором газеты «Витебские губернские ведомости» и действительным членом Витебской ученой архивной комиссии. В Витебске издал книги «Нотная терминология. Справочный словарь» (1904), «Двадцать басен» (1910), «Экскурсия Витебской архивной комиссии 14 мая 1911 года в местечко Бешенковичи» (1911) [4, с. 202].

Значительно возрос уровень местного изучения истории с организацией ряда государственных комитетов и обществ, регулярно занимавшихся статистикой, этнографией и краеведением. В Витебской губернии это были Витебский губернский статистический комитет, основанный в 1835 году, и Витебский центральный архив древних актов, открытый в 1852 году.

С 1871 года архив древних актов под редакцией А.М. Сазонова стал издавать «Историко-юридические материалы, извлеченные из актовых книг губерний Витебской и Могилевской, хранящиеся в Центральном архиве в Витебске» (ИЮМ). За время деятельности архива было издано 32 тома «Материалов». Составителем и редактором ИЮМ после смерти Сазонова в 1888 году был назначен выпускник Полоцкой духовной семинарии, учитель географии, арифметики и русского языка Витебского мужского духовного училища Михаил Лаврентьевич Веревкин. Он же возглавлял Витебский центральный архив древних актовых книг в течение 10 лет. В предисловии к книге «Витебская старина» историк и краевед Алексей Парфенович Сапунов благодарил Веревкина за помощь в составлении своего труда [5, с.14].

В 1897 году ректор Витебской духовной семинарии архимандрит Константин постановил составить историко-статистическое описание церквей и приходов Витебской губернии. Вскоре был образован особый комитет, в состав которого вошли помощник инспектора духовной семинарии Д.И. Довгялло, учитель мужской гимназии Н.Я. Никифоровский, преподаватель Полоцкого духовного училища О.И. Зезюлин и др. В течение двух лет членами комитета все материалы были обработаны и в 1899 году был издан сборник «Список церквей Витебской губернии с адресами». Церковно-археологические экспонаты, найденные при осмотре церквей губернии, было решено собрать в открытом в 1895 году епархиальном церковно-археологическом древлехранилище. Заведывание музеем было поручено отдельной комиссии, в составе А.П. Сапунова, Д.И. Довгялло, Н.Я. Никифоровского и преподавателя женского училища духовного ведомства В.О. Говорского. Результаты работы в древлехранилище публиковались членами комиссии в Полоцких епархиальных ведомостях под названием «Описание предметов древности...».

В 1909 году по предложению преподавателя Витебской духовной семинарии Николая Николаевича Богородского, при поддержке Е.Р. Романова, А.П. Сапунова, В.С. Арсеньева была открыта Витебская ученая архивная комиссия. Целью работы комиссии было проведение археологических исследований, изучение древних архивных документов, собрание предметов старины, изучение истории родного края и т.д. С 1909 по 1918 гг. в состав действительных членов архивной комиссии входили педагоги Витебской духовной семинарии, Полоцкого женского училища духовного ведомства, Спасо-Евфросиниевского женского духовного училища, Витебского духовного училища и т.д. [1, с. 2].

Таким образом, подводя итоги, хочется отметить, что в сер. XIX – нач. XX века педагоги и студенты духовных школ Витебской губернии зачастую вели совместную научно-исследовательскую деятельность со светскими учебными заведениями и поэтому становятся наравне с ними полноценными центрами зарождения и формирования исторической науки.

1. Витебская ученая архивная комиссия. Труды Витебской ученой архивной комиссии. Кн. 1-я: 1909 г. - 31 мая - 1910 г. / Витебская ученая архивная комиссия. - Витебск, 1910.
2. Довгялло, Д.И. Материалы для истории местной Витебской прессы. А. Духовный орган // Д.И. Довгялло. – Витебск: Губерн. Типолитограф., 1899. – 82 с., (с.50)
3. Памятная книжка Витебской губернии: официальное издание / издание Витебского губернского статистического комитета. - Витебск: Губернская типография, [1864-1914].
4. Памяць: Гіст.-дакум.хронікі Віцебска: У 2-х кн. Кн.1-я/ Рэд.кал.: Г.П.Пашкоў (гал.рэд.) і інш.; Маст. Э.Э.Жакевіч. – Мн.: БелЭн, 2002. – 648 с.
5. Подлипский, А.М. Книга в Витебске: Книгоиздательство, библиотеки и книголюбы Витебска. Дооктябрьский период. – Витебск: Витебская областная типография, 1999. – 64 с.
6. Сороко, С.М. Витебские губернские ведомости (официальная часть и неофициальная часть)/ С.М. Сороко. – Москва – Новополоцк: Научный центр славяно-германских исследований ИСл РАН, 2004. – 220 с.
7. Сушко, А.В. Духовные семинарии в пореформенной России (1861 - 1884 гг.)/ А. В. Сушко. - Санкт-Петербург: СПбГМА им. И. И. Мечникова, 2010. - 254 с.

СОСТОЯНИЕ И РАЗВИТИЕ ЦЕРКОВНО-ПРИХОДСКИХ ШКОЛ В ВИЛЕНСКОМ УЧЕБНОМ ОКРУГЕ В 1880-Х – СЕРЕДИНЕ 1890-Х ГГ.

Чэн Юаньцзи (Минск, Беларусь)

На рубеже 1870-х – 1880-х гг. большинство начальных школ в Российской империи подчинялись Министерству народного просвещения (далее: МНП). Развитие системы начальных училищ Виленского учебного округа (далее: ВУО) проходило в соответствии с установкой МНП на централизацию в сфере образования. В это время уменьшилось количество священников среди школьных учителей, за ними сохранилось лишь право преподавания Закона Божия. Само число церковно-приходских школ (далее: ЦПШ) серьезно сократилось.

Перемены в политике властей наметились только тогда, когда народолюбческий террор и угроза социальных потрясений заставили правительство опять обратить внимание на необходимость развития ЦПШ. Комитет министров в 1879-1881 гг. неоднократно высказывал мнение, что духовенству должно быть представлено преобладающее участие в управлении народными школами. 22 марта 1881 г. К. П. Победоносцев, обер-прокурор Святейшего Синода, писал Александру III: «в области народного просвещения Министерству народного образования необходимо искать главную опору в духовенстве и церкви» [11, с. 418–429].

В первой половине 1880-х гг. процесс открытия церковных школ (ЦПШ и школ грамоты) в белорусско-литовских епархиях шел наиболее интенсивно. Администрация округа поддержала духовенство, как в недавнем прошлом она содействовала организации системы правительственных училищ. В апреле 1883 г. попечитель ВУО Н.А. Сергиевский, занимавший эту должность рекордные 30 лет (1869-1899 гг.), предписал директорам народных училищ оказывать помощь ЦПШ, в частности, бесплатно снабжать имеющимися в распоряжении дирекций книгами [12]. Здесь же Н. А. Сергиевский впервые четко сформулировал общность задач учебного и духовного ведомств в образовательной сфере, тем самым определив их деятельность как сотрудничество. В мае 1883 г. аналогичное предложение исходило уже от МНП. На уровне округа оно было подтверждено в июне 1883 г. [13].

Первым, кто обратил внимание в начале 1880-х гг. на возрождение церковных школ в Северо-Западном крае, было полоцкое церковное братство во имя святителя Николая и преподобной Ефросинии Полоцкой. [1, с. 23; 14, с. 13] Если инициатором возрождения церковных школ в Полоцкой епархии выступило братство, то в Минской и Могилёвской – епархиальные архиереи. По предложению епископа Минского и Туровского Варлаама (Чернявского) депутаты минского епархиального съезда 1883 г. составили акт (№ 5) «об открытии церковно-приходских школ при всех церквях епархии и в тех деревнях прихода, которые по многолюдству могли бы содержать оныя» [8, с.269]. Благодаря предпринимаемым усилиям число церковных школ уже в 1883 г. увеличилось до 184 с 2730 учащимися [5, с. 10].

Рост ЦПШ в начале 1880-х гг. в белорусско-литовских губерниях объяснялся не только активностью местного духовенства и руководителей епархий, но и поддержкой со стороны высшей духовной власти. В 1883 г. обер-прокурор Св. Синода издал отношение о «противодействии распространению в губерниях Северо-Западного края неизвестными лицами книг на польском языке посредством устройства книжных складов при православных церквях и предоставлении священникам открывать училищные отделения или небольшие школы» [7, с.38].

Издание «Правил о церковно-приходских школах» 13 июня 1884 г. способствовало распространению ЦПШ. Этот процесс характеризуется: во-первых, созданием единообразной системы управления ЦПШ и школами грамоты; во-вторых, изданием законодательных документов, регулирующих все стороны их деятельности; в-третьих, принятием единообразных учебных программ; в-четвёртых, материальной поддержкой со стороны государства, Св. Синода и сельских обществ; в-пятых, проведением мероприятий, направленных на подготовку учителей для церковных школ.

Благодаря совместным усилиям гражданских властей, МНП, руководителей епархий, в первом отчётном году после издания «Правил» удалось добиться увеличения числа церковных школ. Так, в Минской епархии в 1884-1885 учебном году было открыто 738 новых школ [Табл. 1]. Рост церковных школ наблюдался и в других белорусско-литовских епархиях. [4, с. 322; 9, с. 798; 10, с. 770].

В Литовской и Могилёвской епархиях епархиальные училищные советы работали нераздельно с братствами только на первом этапе (в Могилёвской епархии с 1883 г. до 1886 г.). Позже были образованы самостоятельные епархиальные училищные советы. В Минской и Полоцкой епархиях, наоборот, вначале были созданы самостоятельные епархиальные училищные советы, которые через некоторое время полностью слились с братствами. В 1887 г. полоцкий епархиальный училищный совет вошёл в состав совета витебского епархиального братства во имя святого равноапостольного великого князя Владимира. В 1888 г. произошло фактическое слияние минского епархиального училищного совета с епархиальным Свято-Николаевским братством. Такое соединение, на наш взгляд, было вызвано стремлением руководителей епархий привлечь

влиятельных членов братств к содействию развития ЦПШ. В Полоцкой и Минской епархиях были воссозданы самостоятельные епархиальные училищные советы. [2;3, с. 14; 5, с. 3–4; 6, с. 642].

После издания «Правил о церковно-приходских школах» в 1884 г. наблюдается интенсивное развитие церковных школ в 1884-1894 гг. Так, в Литовской епархии наблюдался «взрыв» числа церковных школ (увеличение в 99,9 раза). В Полоцкой епархии число школ данного типа выросло в 31, 1 раза, в Минской епархии – в 7,2 раза, а в Могилевской – в 1, 8 раза. Причём в первое десятилетие после издания «Правил» этот процесс происходил в белорусско-литовских епархиях наиболее интенсивно, чем в большинстве губерний России [Табл. 1]. Поддержка Александра III обусловила бурный рост в 1884-1894-х гг. ЦПШ. Это был период возрождения и количественного роста церковных школ, содержащихся из государственного бюджета Св. Синодом, крестьянскими обществами и духовенством; период формирования единообразной системы управления ими и укрепления их экономического положения. В 1893 г. все епархии Северо-Западного края по количеству и состоянию церковных школ занимали второе место в Российской империи.

Таблица 1

**Число церковно-приходских школ и школ грамоты
в белорусско-литовских епархиях в 1883–1894 учебных годах**

Название епархий	Учебные года						
	1883-1884	1884-1885	1886-1887	1888-1889	1890-1891	1892-1893	1893-1894
Литовская	14	147	792	848	1007	1251	1399
Минская	184	922	1059	1160	1126	1251	1316
Могилевская	898	891	848	1110	1362	1446	1582
Полоцкая	20	29	110	169	204	422	621
Всего в четырех епархиях	1116	1989	2736	3284	3699	4370	4914
В Российской империи	5517	7770	12036	17655	21690	27267	29945

С начала 1880-х до середины 1890-х гг. число учащихся ЦПШ и школ грамоты в белорусско-литовских епархиях увеличилось в 4,87 раза [Табл. 2]. Однако процент учащихся ЦПШ и школ грамоты белорусско-литовских епархий относительно общего числа учащихся ЦПШ и школ грамоты в Российской империи уменьшился (15,5% в 1883-1884 гг.; 11% в 1893-1894 гг.) [Табл. 2]. Численность учащихся ЦПШ и школ грамоты за 10 лет увеличилась в Литовской епархии в 80 раз, в Полоцкой епархии – в 36 раз, в Минской епархии – в 9 раз, в Могилевской епархии – в 2 раза. Наиболее интенсивный рост учащихся ЦПШ наблюдался в Литовской епархии (число учащихся увеличилось на 29439 человек), на втором месте находилась Минская епархия (на 22130 человек) [Табл. 2]. В Могилевской епархии рост учащихся ЦПШ и школ грамоты составил 19417 человек, в Полоцкой епархии – 11503 человека. Всего количество учащихся в белорусско-литовских епархиях выросло на 82489 человек [Табл. 2]. Рост числа учащихся ЦПШ и школ грамоты в белорусско-литовских губерниях составил 10,4 % от роста числа учащихся ЦПШ и школ грамоты в Российской империи [Табл. 2].

Таблица 2

Численность учащихся в церковно-приходских школах и школах грамоты в белорусско-литовских епархиях в 1883–1894 гг. учебных годах

Название Епархий	Число учащихся						
	1883-1884	1884-1885	1886-1887	1888-1889	1890-1891	1892-1893	1893-1894
Литовская	374	2777	15566	16526	20268	25899	29813
Минская	2720	14995	16770	18487	19241	23500	24850
Могилевская	17876	16012	17923	23461	29038	34093	37293
Полоцкая	325	406	1913	3757	4483	7401	11828
Всего в 4 епархиях	21295	34190	52172	62231	73030	90893	103784
В Российской империи	137313	184665	317845	474231	624053	861124	931335

Таблицы подсчитаны и составлены на основании следующих источников: Отечественная церковь по статистическим данным с 1840-1841 по 1890-1891 г. / Составил И. Преображенский. – СПб: типография Э. Арнольда, 1897. – С. 115; Исторический очерк развития церковных школ за истекшее 25-летие (1884-1909). – СПб.: Училищ: совет при Святейшем синоде, 1909. Приложения. С. 4-5, 10-11; Статистические сведения о церковных школах Российской империи со времени издания высочайше утвержденных 13-го июня 1884 года правил о школах церковно-приходских. – СПб.: Училищ: совет при Святейшем синоде, 1909. С. 4-5, 10-11.

Царствование Александра III вошло в историческую литературу под именем «эпохи контрреформ», а деятельность ЦПШ в данный период характеризуют как реакционную. Изменение соотношения школ учебного и церковного ведомств связывали с процессом клерикализации сферы образования. По мнению автора, бурный рост числа ЦПШ за короткое время свидетельствует об успехах миссионерской деятельности православной церкви в Северо-Западном крае. Церковные школы внесли весомый вклад в распространение элементарных знаний среди простого народа. Сотрудничество учебного, духовного и гражданского ведомств в деле образования содействовало укреплению русского самосознания в местном православном населении и противодействовало экспансии полонизма и католичества.

1. Горанский, Ф. Отчёт совета полоцкого братства во имя святителя Николая и преподобной Ефросинии, княжны полоцкой, за шестнадцатый год его существования с 30 мая 1882 г. по 29 мая 1883 года / Ф. Горанский. // Полоцкие епархиальные ведомости. – 1884. – № 1 (неоф.). – С. 14–29.
2. Журнал общего собрания виленского православного Свято-Духового братства 6 августа 1884 г. // Литовские епархиальные ведомости. – 1884. – № 34 (неоф.). – С. 291–292.
3. Журнал общего собрания могилёвского православного Богоявленского братства 12 января 1886 г. // Могилёвские епархиальные ведомости. – 1886. – № 1 (оф.). – С. 13–14.
4. Касательно церковно-приходских школ в Литовской епархии (К сведению и исполнению) // Литовские епархиальные ведомости. – 1884. – № 38 (оф.). – С. 321–324.
5. Краткий очерк состояния церковно-приходских школ и школ грамоты Минской епархии за первое десятилетие их существования / сост. А. Черницын. – Минск: Типо-литогр. Б.И. Соломонова, 1895. – 47 с.
6. Местные известия // Полоцкие епархиальные ведомости. – 1884. – № 20 (оф.). С. 641–643.
7. Местные распоряжения (*Положение о ЦПШ*) // Литовские епархиальные ведомости. – 1884. – № 5 (оф.). – С. 38–39.
8. Определение Минской духовной консистории, 8 августа 1884 года состоявшееся, об открытии церковно-приходских школ в Минской епархии // Минские епархиальные ведомости. – 1884. – № 9 (оф.). – С. 269–278.
9. Отчёт о состоянии церковно-приходских школ в Полоцкой епархии в 1884 – 5 учебном году // Полоцкие епархиальные ведомости. – 1885. – № 24 (оф.). – С. 797–808.
10. Отчёт о состоянии церковно-приходских школ в Полоцкой епархии в 1886 – 7 учебном году // Полоцкие епархиальные ведомости. – 1887. – № 24 (оф.). – С. 770–784.
11. Сборник постановлений по Министерству народного просвещения: В. 18 т. –Т. 8: Царствование императора Александра III, 1881-1883 годы. –СПб: Типография Высочайше утвержд. Товарищ. «Общественная Польза», Б. Прдьяч., № 39, 1892. –1758, 36 стб.
12. Циркулярное предложение попечителя ВУО директорам народным училищ от 30 апреля 1882 г. // Циркуляр по ВУО. – 1885. – № 6. – С. 306–307.
13. Циркулярное предложение попечителя ВУО директорам народных училищ от 6 июня 1883 г. // Циркуляр по ВУО. – 1885. – № 6. – С. 305.
14. Шестнадцатая годовщина церковного братства во имя святителя Николая и преподобной княжны Ефросинии в г. Полоцке. // Полоцкие епархиальные ведомости. – 1884. – № 1 (неоф.). – С. 11–14.

ЦЕРКВИ-«МУРАВЬЕВКИ» КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ФЕНОМЕН В ГРОДНЕНСКОЙ ГУБЕРНИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА

Ю.В. Кейко (Гродно, Беларусь)

Во второй половине XIX в., после восстания 1863 – 1864 гг., в западных губерниях Российской империи осуществлялось широкое храмовое строительство с целью утверждения православия и русской культуры. Инициатором этого процесса был виленский генерал-губернатор М. Н. Муравьев [12, с. 224-234]. По мере развития церковно-строительного дела в губернских центрах Северо-Западного края создавались Временные церковно-строительные комитеты [2, с. 316], [11]. Первый церковно-строительный комитет был открыт в Вильно. Он руководил храмовым строительством и выделял денежные средства как в самом Вильно, так и во всей губернии. Художественной работой этого комитета руководил профессор Петербургской академии художеств Александр Резанов, постоянно приезжавший из Петербурга, и виленский епархиальный архитектор [16, с. 11] Николай Чагин. В уездах для той же цели были образованы церковные советы из лиц духовного ведомства, местных мировых посредников, некоторых чиновников и из православных помещиков (при наличии) под председательством уездных воинских начальников. Советы подчинялись губернскому комитету [2, с. 316]. По такому же принципу начал свою работу с апреля 1864 г. Временный гродненский комитет по сооружению и исправлению православных церквей в Гродненской губернии.

В помощь техника и архитекторам в 1857 – 1861 гг. были разработаны нормальные и детальные чертежи храмов, составленные И. И. Свиязевым, и иконостасов к ним А. И. Резанова («Атлас планов и фасадов церквей, иконостасов к ним и часовен, одобренных для руководства при церковных постройках в селениях») [15]. Отметим, что все эти «нормальные» чертежи имели не обязательный характер, а рекомендательный и разрабатывались в помощь местным архитекторам, которые также могли составить проект храма по собственному замыслу [3, с. 437]. В эти проекты разрешалось вносить изменения в соответствии с региональными особенностями.

Также в 1863 г. вышло «Собрание типовых проектов постройки православных церквей в Белорусских губерниях», выполненное петербургским архитектором А. И. Резановым и виленским архитектором

Н. М. Чагиным. В альбом вошли проекты более 50-ти каменных и деревянных храмов в романском, русско-византийском и классицистическом стилях [14].

Вместимость храмов зависела от числа прихожан. Например, в казенных имениях губернии храмы были рассчитаны на 150-185, 250-300, 450-500 человек [4]. Такой же вместимости церковные здания возводили в местечках и деревнях. В Гродненском уезде в декабре 1864 г. М. Н. Муравьев разрешил гродненскому губернатору построить из булыжного камня храмы в Малой Берестовице, Тетеровке и Коптевке по типовому проекту № 2 на 300 человек, в Гольне на 150 человек, в «Езерах» на 450 человек по проекту № 3 [11].

Храмы строили в соответствии с правилами «О постройке Православных Церквей и причетнических строений в Северо-Западном крае» (1865 г.) и «Правилами для устройства православных церквей в 9-ти губерниях Западного края» (1867 г.) [6], [3, с. 426-437]. Храмы строились в псевдорусском стиле [17, с. 551].

В основном строились каменные храмы в городских, местечковых и деревенских приходах, насчитывающих от 1 500 человек. Если жителей было менее 1 500 человек, то требовалось разрешение генерал-губернатора. Учитывались факторы наличия католического костела и достаточное количество каменного материала [3, с. 437]. Церкви стремились возводить в центре селения, на самом видном и лучшем месте [6]. Главными материалами при строительстве храмов были кирпич и булыжный камень, а также каменные плиты [3, с. 437]. Храмы из булыжника воздвигались там, где имелись трудности с доставкой кирпича. При этом в любом случае из кирпича делался цоколь и им же изнутри обкладывались стены. Для цоколя также использовали железняк [6]. Церкви, построенные из кирпича (если работы велись крестьянами), обходились в ту же цену, что и из булыжного камня, но требовали меньше известкового раствора [10], чем храмы, возводившиеся подрядчиками или мастеровыми артелями [3, с. 424]. Купола и колокольные башни обычно проектировались каменные, но допускались и деревянные, обшитые железом или оштукатуренные [3, с. 437]. Полностью деревянные купола было разрешено строить лишь в небольших деревенских храмах [6].

На территории Гродненской губернии сохранилось множество храмов в псевдорусском стиле, построенных во второй половине XIX века. Они представлены следующими стилевыми направлениями: русско-византийским, московско-ярославским и синодальным. Первое направление – русско-византийское – является симбиозом форм средневекового русского культового зодчества с элементами византийской архитектуры. Это крестообразный или квадратный в плане храм с огромным центральным куполом на четырех внутренних опорах и «апостольскими» куполами по углам, закомарами над трехчастичными фасадами и венцами кокошников [19].

Во втором направлении – московско-ярославском – за образец брали архитектурные памятники Москвы и Ярославля XVI-XVII вв. В отличие от «византийского» крестово-купольного типа храма здесь более расширена продольно-осевая четырехчастичная композиция: притвор-колокольня, трапезная, молитвенный зал, апсида [19].

Третье направление – синодальное – представлено серией утвержденных типовых проектов, согласно которым надлежало возводить храмы, и комплексной программой церковного строительства, разработанной Синодом и Министерством внутренних дел. Среди храмов синодального направления необходимо выделить церкви, построенные из булыжного камня, в которых живописная фактурная кладка стен сочетается с тщательно выложенными из кирпича и побеленными элементами декора [19].

На территории современной Гродненской области сохранилось много подобных храмов. Остановимся на двух: церкви Преображения Господня, построенной по проекту Н. Чагина в д. Деречин Зельвенского района, и церкви Покрова Пресвятой Богородицы в д. Олекшицы Берестовицкого района, возведенной архитектором И. Михаэлисом.

Строительство Преображенского храма было начато в 1850-е гг. (вероятно всего в 1854 году) и завершено в 1864 году [8], [1, с. 6]. Осветили церковь 19 сентября 1865 года [7]. Постройка со всевозможными переписками и остановками продолжалась около двенадцати лет и приведена к окончанию после восстания 1863 – 1864 гг. при содействии русских чиновников: управляющего гродненской палатой государственных имуществ Курлова, участкового чиновника Акинина и военного станового в местечке Деречин поручика Тристанова [1, с. 6]. Первоначально храм проектировал архитектор Томаш Тышецкий, а затем здание строили по одному из четырех чертежей, составленных Николаем Чагиным [1, с. 6], [8]. Виленский епархиальный архитектор использовал для возведения храма проект каменной церкви № 8 (на 750 человек), утвержденный 22 октября 1846 г. из «Атласа планов и фасадов церквей, иконостасов к ним и часовен, одобренных для руководства при церковных постройках в селениях». Автором работы был проведен сравнительный анализ внешнего облика храма с чертежом (проектом) каменной церкви № 8 из атласа по следующим критериям: тип храма, количество глав и их форма, архитектурные особенности. Были выделены общие и отличительные черты. Общие: крестообразный тип храма; пятиглавый храм – центральный шатровый купол завершен световым 8-гранным барабаном и схожими, но меньшего размера, 4-мя угловыми деревянными барабанами с золочеными маковками; плоскостные фасады расчленены арочными оконными проемами, лиштва окна алтарной апсиды имеет килевидную форму [18, с. 147-148], два окна бленда завершены кокошниками. В декоративном отношении храм со всех сторон опоясан карнизом с сухариками

и профилированным поясом, а также использованы килевидные кокошники, угловые лопатки [18, с. 147-148]. Отличительные черты храма следующие: согласно плану из атласа весь храм каменный, но главки со световыми барабанами во внешнем облике храма деревянные, также над центральным входом отсутствует трехугольный фронтон. Отсюда следует, что Свято-Преображенская церковь – памятник архитектуры барочно-классицистического стиля с элементами ретроспективно-русского стиля русско-византийского направления – была возведена по проекту № 8 «Атласа планов и фасадов церквей, иконостасов к ним и часовен, одобренных для руководства при церковных постройках в селениях».

Храм Покрова Пресвятой Богородицы в Олехицах строили с 1865 по 1871 гг. из кирпича по проекту Иосифа Михаэлиса [18, с. 12]. Столь долгое возведение храма объясняется нехваткой денежных средств и ошибками, допущенными приходским попечительством при осуществлении строительных работ, несмотря на план и указания «производителя работ» [5] – церковного совета во главе со священником Антонием Ковалевским [13, с. 4]. Церковь была построена у почтового тракта Волковыск – Малая Берестовица [9]. Храм освятили в 1871 году.

Свято-Покровский храм – памятник архитектуры ретроспективно-русского стиля синодального направления. Каноническую объемно-пространственную композицию составляет двухъярусная (восьмерик на четверике) колокольня. Храм последовательно разделён на три части, включающие: прямоугольную трапезную, кубовидный по объёму молитвенный зал и прямоугольную апсиду. В силуэте царят шатер с маковкой на колокольне и луковичеподобный купол над центральным объёмом. Оконные проёмы представляют по форме готическую стрельчатую арку [18, с. 12]. В убранстве храма присутствуют угловые лопатки.

Таким образом, на основе анализа двух церквей-«муравьёвок» можно выделить следующие особенности этого архитектурного феномена: ретроспективно-русский стиль; главки храмов с луковичными завершениями на граненых барабанах; стрельчатые или арочные оконные проёмы; использование для украшения кокошников, профилированного пояса, карниза с сухариками.

1. Белоцкая, Е. История Свято-Преображенской церкви деревни Деречин / Е. Белоцкая // Гродненские епархиальные ведомости. – 2015. – № 9. – С. 6–7.
2. Воспоминания современников о Михаиле Муравьеве, графе Виленском // Составление, предисловие и комментарии: Лебедев С. В. / Отв. ред. О. А. Платонов. – М.: Институт русской цивилизации, 2014. – 464 с.
3. Ганчар, А. И. Римско-католическая церковь в Беларуси (вт. пол. XIX –нач. XX вв.). Исторический очерк : монография / А. И. Ганчар. – Гродно : ГГАУ, 2010. – 512 с.
4. Национальный исторический архив Беларуси в Гродно (НИАБ в Гродно). Фонд 8. – Оп. 1. – Д. 1265.
5. НИАБ в Гродно. Фонд 8. – Оп. 1. – Д. 1507.
6. НИАБ в Гродно. Фонд 10. – Оп. 13. – Д. 264.
7. НИАБ в Гродно. Фонд 97. – Оп. 1. – Д. 218.
8. НИАБ в Гродно. Фонд 97. – Оп. 1. – Д. 247.
9. НИАБ в Гродно. Фонд 845. – Оп. 1. – Д. 16.
10. НИАБ в Гродно. Фонд 845. – Оп. 1. – Д. 23.
11. НИАБ в Гродно. Фонд 845. – Оп. 1. – Д. 24.
12. Орловский, Е. Ф. Судьбы православия в связи с историей латинства и унии в Гродненской губернии в XIX ст. (1794 – 1900) / Е. Ф. Орловский. – Гродно, 1903. – 604 с.
13. Романчук, Г. Под небом голубым храм белый / Г. Романчук // Гродненская правда. – 2009. – 17 октября. – С. 4.
14. Современные тенденции в строительстве приходских храмов / Русская Православная Церковь. Официальный сайт Московского Патриархата [Электронный ресурс]. – 22.03.2010. – Режим доступа: <http://www.patriarchia.ru/db/text/1120703.html>. – Дата доступа: 17.04.2017.
15. Столичный проект кенотерской Успенской церкви / Архангельская епархия [Электронный ресурс]. – 03.10.2016. – Режим доступа: <http://www.arh-eparhia.ru/publications/60112/>. – Дата доступа: 17.04.2017.
16. Черепица, В. Н. К 190-летию рождения храмостроителя и академика Н. М. Чагина (1823 – 1909) / В. Н. Черепица // Гродненские епархиальные ведомости. – 2013. – № 11. – С. 11–12.
17. Архітэктура Беларусі : Энцыкл. давед. / Рэдкал.: А. А. Воінаў і інш. – Мінск : БелЭн, 1993. – 620 с.
18. Кулагін, А. М. Праваслаўныя храмы на Беларусі: Энцыкл. давед. / А. М. Кулагін. – Мінск : БелЭн, 2007. – 656 с.
19. Кулагін, А. М. Электрыка. Архітэктура Беларусі другой паловы XIX – пачатку XX ст. – Мінск : Ураджай, 2000. – 304 с.

ДЫНАМІКА КОЛЬКАСЦІ СІНАГОГ І ЯЎРЭЙСКІХ МАЛІТОЎНЫХ ШКОЛ МІНСКАЙ ГУБЕРНІ Ў ДРУГОЙ ПАЛОВЕ XIX – ПАЧАТКУ XX СТ.

К.Р. Карпекін (Віцебск, Беларусь)

Асаблівасцю беларуска-літоўскіх губерняў Расійскай імперыі з’яўлялася пражыванне тут значнай колькасці яўрэйскага насельніцтва, якое ў пэўнай ступені імкнулася да адасобленага існавання. Гэтая адасобленасць, як і самабытнасць, у значнай ступені абумоўлівалася нацыянальнай рэлігіяй яўрэяў – іўдаізмам. Яўрэйскія абшчыны існавалі ў кожным беларускім горадзе і мястэчку, таму іх духоўная і матэрыяльная спадчына з’яўляецца неад’емнай часткай агульнабеларускай культуры.

У айчынным і замежным гістарыяграфіі праблема яўрэяў у заходніх губернях Расійскай імперыі прысвечана вялікай колькасцю даследаванняў. У той жа час пытанне колькасці іўдзейскіх культовых будынкаў прааналізавана досыць фрагментарна, бо як правіла, даследчыкі засяроджваюць увагу на заканадаўчых

актах, рэгулюючых становішча яўрэяў, узнікненні і распаўсюджванні любавіцкага хасідызму, спробах хрысціянізацыі іўдзеяў [1, с. 160 – 175].

Мэта дадзенага даследавання – прасачыць дынаміку колькасці сінагог і яўрэйскіх малітоўных школ у другой палове XIX – пачатку XX ст. у межах канкрэтнай адміністрацыйна-тэрытарыяльнай адзінкі – Мінскай губерні. Сярод іншых беларуска-літоўскіх губерняў яна займала першае месца па колькасці іўдзейскага насельніцтва: з 96,6 тыс. чалавек у 1858 г. яно павялічылася да 328,1 тыс. у 1909 г. [2, с. 28; 3, с. 29].

Усяго ў 1858 г. у Мінскай губерні налічвалася 285 іўдзейскіх культавых будынкаў. Найбольш тыповымі з’яўляліся драўляныя малітоўныя школы: у гэты час на Міншчыне іх дзейнічала 184, што складала 64,5% ад агульнага ліку яўрэйскіх малітоўняў. Апроч таго мелася 63 драўляныя сінагогі (22%), 30 каменных малітоўных школ (10,5%) і 8 каменных сінагог (3%). Амаль 40% усіх культавых будынкаў было сканцэнтравана ў павятовых цэнтрах і заштатных гарадах [3, с. 73].

Да 1860 г. у Мінску з’явілася 2 новыя каменныя малітоўныя школы (1 з іх – замест драўлянай). Затое ў цэлым па губерні колькасць культавых будынкаў скарацілася да 280: хоць было пабудавана 2 новыя каменныя сінагогі і 25 драўляных малітоўных школ, за 2 гады зачыніліся 23 драўляныя сінагогі і 9 каменных малітоўных школ [4, с. 186 – 187].

У далейшым у цэлым па Мінскай губерні назіраўся рост колькасці яўрэйскіх малітоўняў. У прыватнасці, паводле стану на 1863 г., тут налічвалася ўжо 294 іўдзейскія культавыя будынкі: 36 каменных і 258 драўляных, і па-ранейшаму каля 40% сінагог і малітоўных школ знаходзілася ў гарадах [5, с. 36 – 37].

У 1886 г. у рэгіёне налічвалася 440 іўдзейскіх малітоўняў (59 з іх былі каменнымі і 381 – драўляная), 213 (альбо 48%) з іх размяшчалася ў гарадах, а астатнія 227 – у паветах [6, с. 101].

Такім чынам, на працягу даследуемага перыяду ў гарадах іўдзейскія культавыя будынкі ўзводзіліся больш інтэнсіўна, чым у мястэчках. Апроч таго назіралася відавочная тэндэнцыя будаўніцтва пераважна драўляных сінагог і малітоўных школ: калі ў 1850-я гг. яны складалі каля 80% ад агульнага ліку яўрэйскіх культавых будынкаў, то ў 1880-я гг. – ужо больш за 87%.

Увогуле ж, у межах паветаў і павятовых цэнтраў у другой палове XIX – пачатку XX ст. былі перыяды як павелічэння, так і скарачэння колькасці іўдзейскіх культавых будынкаў, але ў цэлым, параўноўваючы паказчыкі сярэдзіны XIX ст. і пачатку XX ст. па канкрэтных гарадах, можна зрабіць выснову, што ў межах Мінскай губерні адбывалася досыць актыўнае з’яўленне новых сінагог і малітоўных школ (гл. табл.).

Табліца

Дынаміка колькасці іўдзейскіх культавых будынкаў у павятовых цэнтрах і паветах Мінскай губерні, другая палова XIX – пачатак XX ст.

3, с. 66 – 73; 5, с. 36 – 37; 6, с. 101; 7, с. 280, 302, 382, 388, 397, 409; 8].

Назвы павятовых цэнтраў, заштат-ных гарадоў і паветаў	Колькасць іўдзейскіх культавых будынкаў				
	1858 г.	1863 г.	1886 г.	1905 г.	1910 г.
Бабруйск	18	23	38	5	32
Бабруйскі павет	23	21	25	-	-
Барысаў	6	8	12	-	13
Барысаўскі павет	15	10	12	-	-
Докшыцы	6	5	5	1	5
Ігумен	4	5	6	-	-
Ігуменскі павет	30	30	36	-	-
Мазыр	3	3	6	11	8
Мазырскі павет	14	16	23	-	-
Мінск	26	27	77	-	52
Мінскі павет	15	18	23	-	-
Навагрудак	5	4	6	7	16
Навагрудскі павет	24	25	39	-	-
Нясвіж	7	7	7	8	9
Пінск	19	22	33	28	35
Пінскі павет	12	14	26	-	-
Рэчыца	4	5	8	-	8
Рэчыцкі павет	14	14	19	-	-
Слуцк	11	11	15	-	-
Слуцкі павет	29	26	24	-	-
Усяго	285	294	440	-	-

Адным з найбольш распаўсюджаных спосабаў павелічэння колькасці сінагог і малітоўных школ было ўзвядзенне новых культавых будынкаў, якія першапачаткова меркавалася выкарыстоўваць для малітоўных мэт.

Напрыклад, у 1890 г. паспяхова ажыццявіўся праект будаўніцтва новай малітоўнай школы ў Давід-Гарадку, якая атрымала назву “Пярлоўскай” (гл. мал. 1). 5 лістапада вернікі падалі хадайніцтва пра неабходнасць узвядзення згаданага будынку, а ўжо 30 лістапада таго ж года будаўнічае аддзяленне Мінскага губернскага праўлення ўхваліла гэты праект [9, арк. 1, 2].

Апроч таго, у яўрэйскім асяроддзі звычайнай з’явай было ахвяраванне вернікамі сваіх уласных будынкаў для размяшчэння там малітоўных школ. У прыватнасці, у 1906 г. жыхар Лунінца Лейзер Ледэр перадаў у карыстанне абшчыны адзін з належачых яму жылых дамоў, дзе з таго часу пачалі праводзіцца малітоўныя сходы [10, арк. 1].

Час ад часу сябры іўдзейскіх абшчын мусілі пацвярджаць права ажыццяўляць набажэнствы ў тым ці іншым будынку. Вельмі верагодна, што гэта былі малітоўні, адчыненыя вельмі даўно, і дакументацыя на іх была проста згублена ў канцылярыях органаў улады.

У выніку абшчыны прымалі захады па прадастаўленні губернскім праўленням дакументаў, неабходных для законнага функцыянавання малітоўні. Па сутнасці, гэты працэс быў аналагічным адкрыццю новага малітоўнага будынка.

У прыватнасці, у 1889 г. у Навагрудку функцыянавала 1 сінагога і 16 малітоўных дамоў, пры чым у павятовым паліцэйскім упраўленні меліся дакументы на законнае функцыянаванне толькі 9 з іх.

У верасні 1889 г. прыхаджане малітоўнага дома “Тодрэс” падалі хадайніцтва пра дазвол на яго далейшае функцыянаванне, адзначыўшы, што ён пабудаваны каля 90 гадоў таму (гл. мал. 2). У хуткім часе – 6 студзеня 1890 г. – Мінскае губернскае праўленне задаволіла дадзеную просьбу, і малітоўны дом бесперашкодна працягваў дзейнічаць [11, арк. 1, 4, 11].

Па меры неабходнасці вернікі ажыццяўлялі рамонт богаслужбовых будынкаў, але рамонтныя работы, якія цягнулі за сабой змяненне вонкавага выгляду сінагог і малітоўных школ, патрабавалі ўзгаднення з губернскімі ўладамі.

Прыкладам таго, наколькі складаным было ажыццяўленне рамонтна, з’яўляецца спроба вернікаў-іўдзеяў м. Парычы Бабруйскага павета аднавіць Стара-Любавіцкую малітоўную школу ў 1884 – 1885 гг. Гэтая школа існавала ўжо на працягу некалькіх дзесяцігоддзяў і паступова стала разбурацца. Акрамя Стара-Любавіцкай у мястэчку функцыянавала яшчэ 4 іўдзейскія малітоўні, але іх было недастаткова для шматлікага яўрэйскага насельніцтва Парычаў, таму вернікі неаднаразова звярталіся ў Мінскае губернскае праўленне з хадайніцтвамі пра дазвол узвесці новы будынак замест старога (гл. мал. 3). Першая такая просьба ад вернікаў мела месца ў пачатку 1884 г. Да гэтага часу будынак Стара-Любавіцкай школы ўвогуле быў прызнаны аварыйна небяспечным і зачынены для наведвання.

Аргументам мясцовых улад супраць функцыянавання школы было тое, што побач з ёй знаходзіліся яшчэ 2 іўдзейскія культавыя будынкi, якіх паводле меркавання службоўцаў губернскага праўлення, было дастаткова для адпраўлення рэлігійных патрэб.

Супраць рамонтнаму Стара-Любавіцкай школы выступаў і адзін з яўрэяў – жыхароў мястэчка. 9 кастрычніка 1884 г. ён накіраваў у Мінскае губернскае праўленне ліст, у якім адзначыў, што ў гэтым квартале забудова вельмі шчыльная, і аднаўляць старую школу не варта.

У сваю чаргу прахаджане накіравалі губернатару новыя просьбы пра рамонт школы – 11 кастрычніка і 1 лістапада 1884 г., а ў студзені 1885 г. – хадайніцтва аналагічнага зместу на імя імператара Аляксандра III.

У сакавіку 1885 г. павятовым паліцэйскім спраўнікам было прызнана, што ў згаданым вышэй квартале мястэчка вельмі шчыльная забудова і гэта небяспечна ў выпадку пажару, таму Стара-Любавіцкую школу прапаноўвалася не аднавіць, а ўвогуле знесці.

У красавіку 1885 г. той жа праціўнік аднаўлення малітоўнай школы выказаў губернскаму праўленню новы аргумент: нібыта ў канцы 1870-х гг. абшчына ўжо пабудавала новую Любавіцкую школу, а старую так і не знесла.

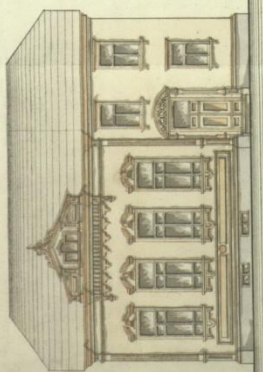
У выніку разгляду ўсіх хадайніцтваў Мінскае губернскае праўленне ў чэрвені 1885 г. паставіла знесці Стара-Любавіцкую яўрэйскую школу, а на яе месцы новых малітоўных будынкаў не ўзводзіць [12, арк. 1, 2, 8 – 10, 12, 18].

Таксама беспаспяховай аказалася спроба абшчыныг. Лунінца ўзвесці прыбудову да малітоўнай школы і саму яе зрабіць больш высокай у 1912 г. Губернскае праўленне адмовіла ў гэтым хадайніцтве, бо вернікі не прадаставілі ўсіх неабходных дакументаў [10, арк. 1, 5].

Такім чынам, на працягу другой паловы XIX – пачатку XX ст. на тэрыторыі Мінскай губерні колькасць яўрэйскіх культавых будынкаў паступова павялічвалася, пры гэтым больш актыўна будаўніцтва ажыццяўлялася ў гарадах, чым у мястэчках, і найбольш масава з’яўляліся драўляныя малітоўныя школы. У сваю чаргу будаўніцтва новых малітоўняў, прыстасаванне для рытуальных патрэб жылых памяшканняў і іх рамонт кантраляваўся мясцовымі органамі ўлады, што ў пэўнай ступені стрымлівала рост колькасці іўдзейскіх культавых збудаванняў у рэгіёне.

ПРОЕКТЪ

на построѣніи ислѣдованій Европѣйскѣмъ иномъ иже извѣстны, *Путешествіе въ италію* Добровольскаго
и *Историческое путешествіе* Минскаго уѣзда по итальянскѣмъ дорогамъ, принадлежащихъ провинціямъ ислѣдъ.

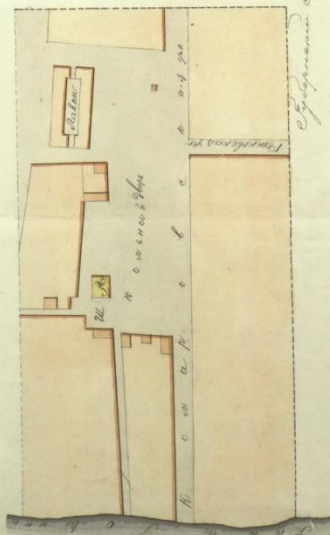
Spence

1728

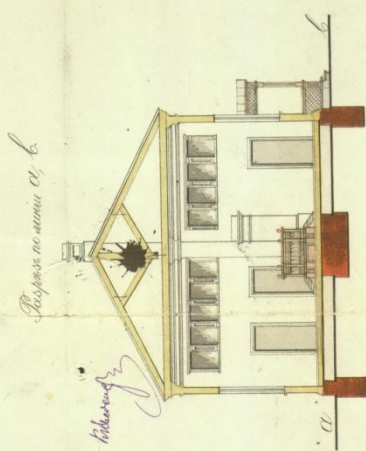
[illegible]

Губернаторъ. Губернаторъ. Губернаторъ.

Полное наименование Государственной Московской
губернской Мещанской управы — ее подчиненная всем общим
делам, а также на некоторых чрезвычайных обстоятельствах.

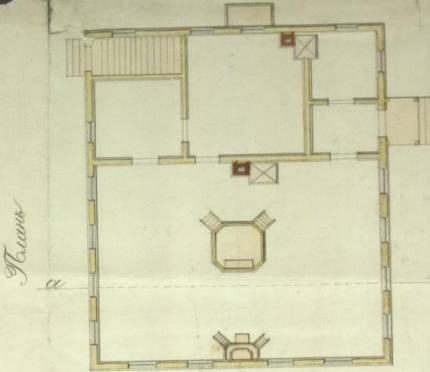
Ergebnis Zusammenf. d. Lang.

По распоряженіи а. в.

Examine: Unwaxed { Waxed }

Планъ

[illegible]

Coconut Lane
Leprosarium
Middletown, N.J.

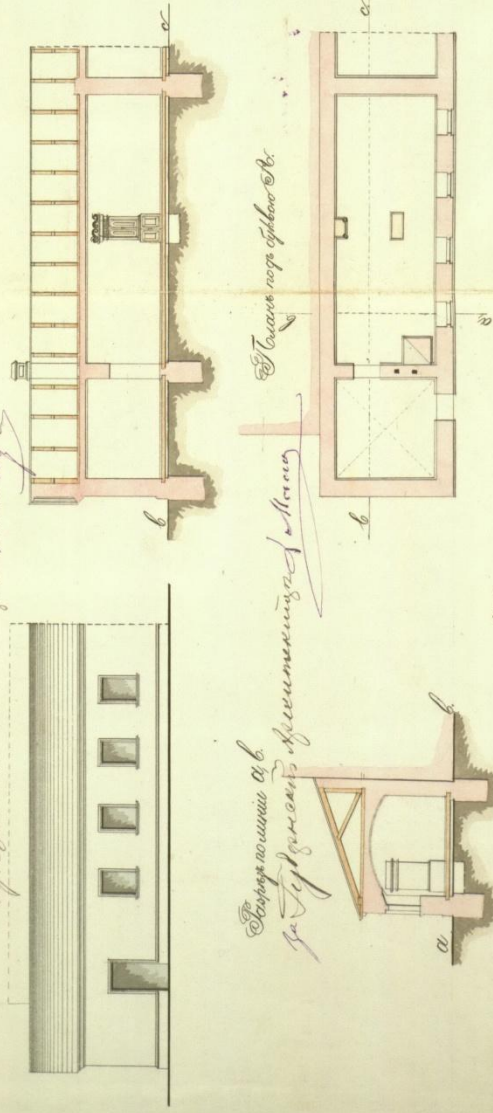
П Л А Н Ъ

проектировка каменного одноэтажного каменного дома под срубом "Тодрэс" расположенная на Шмачинской дороге в уезде Новогрудка Минской губернии.

Проектный рисунок и сечение архитектором Александром Александровичем Сидоренко. Проектный рисунок и сечение архитектором Александром Александровичем Сидоренко. Проектный рисунок и сечение архитектором Александром Александровичем Сидоренко.

Генеральный архитектор
Александр Александрович Сидоренко

Генеральный архитектор
Александр Александрович Сидоренко

План по оси симметрии
и сечением

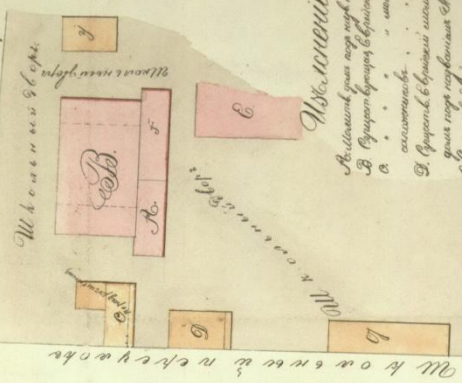
Проект архитектора
Александра Александровича Сидоренко

В

Проектировка каменного одноэтажного каменного дома под срубом "Тодрэс" расположенная на Шмачинской дороге в уезде Новогрудка Минской губернии.

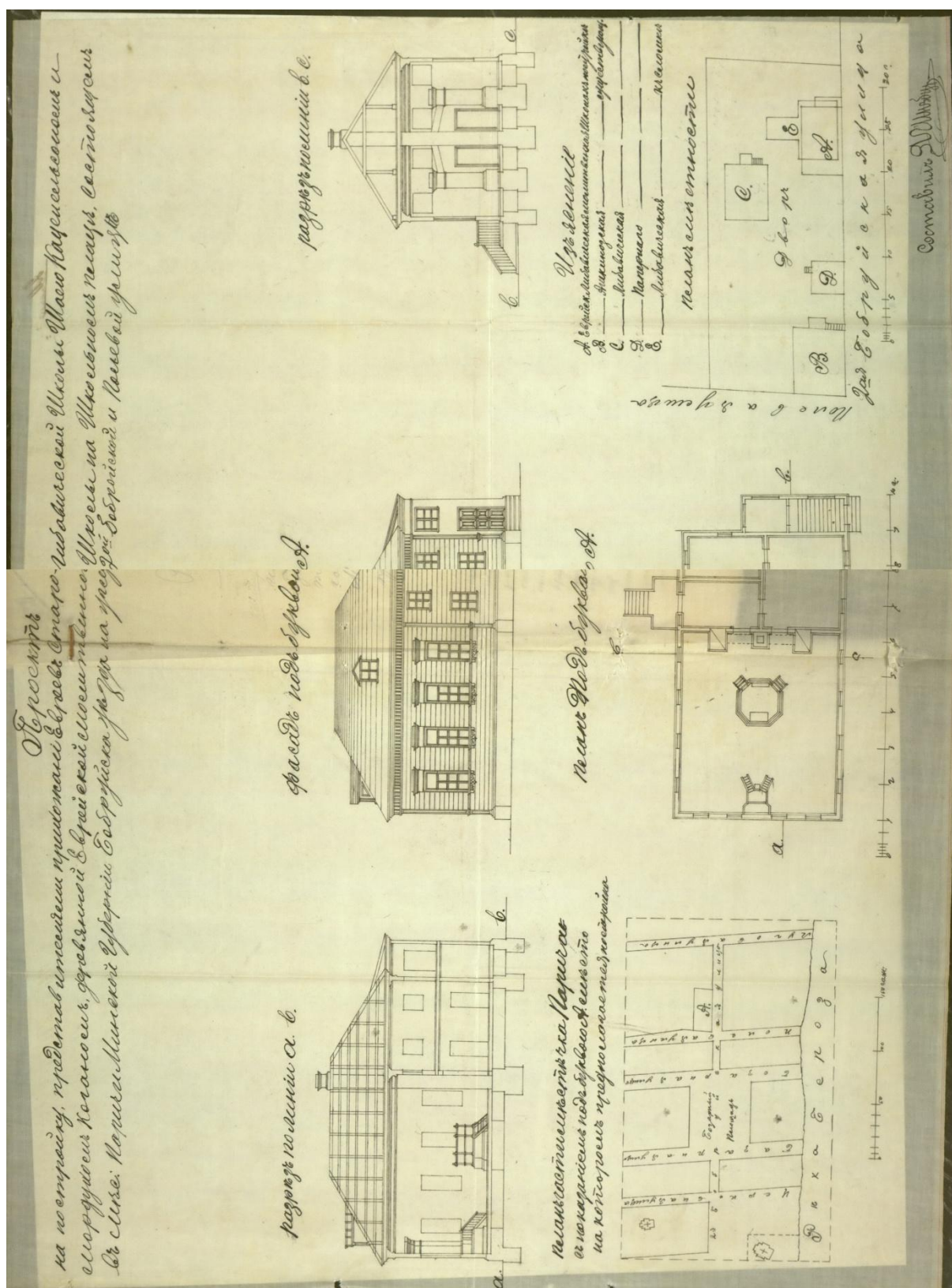

Проектировка каменного одноэтажного каменного дома под срубом "Тодрэс" расположенная на Шмачинской дороге в уезде Новогрудка Минской губернии.

Проектировка каменного одноэтажного каменного дома под срубом "Тодрэс" расположенная на Шмачинской дороге в уезде Новогрудка Минской губернии.

Проектировка каменного одноэтажного каменного дома под срубом "Тодрэс" расположенная на Шмачинской дороге в уезде Новогрудка Минской губернии.

Праект будаўніцтва драўлянай малітоўнай школы ў м. Парычы Бабруйскага павета, 1885 г. [12, арк. 20].

1. Канфесійны фактар у сацыяльным развіцці Беларусі (канец XVIII – пачатак XX ст.) / В.В. Яноўская [і інш.]. – Мінск: Беларуская навука, 2015. – 496 с.
2. Розенблат, Е. Динамика численности и расселения белорусских евреев в XX в. / Е. Розенблат, И. Еленская // Диаспоры. – 2002. – № 4. – С. 27 – 52.
3. Памятная книжка для Минской губернии на 1860 год. – Минск: Типография Губернского правления, [1860]. – [3], 155, 111, [1] с.
4. Памятная книжка Минской губернии [на 1861 год]. – Минск: Типография Губернского правления, 1861. – [3], 229, 54, [2] с., [1] л. карт.

5. Памятная книжка Минской губернии на 1865 год. – Минск: Губернская Типография, 1864. – [3], 8, [5], 232, 55, [2] с.
6. Памятная книжка и календарь Минской губернии на 1888 год. – Минск: Минская губернская типография, 1887. – 345, V, [2] с.
7. ВерхнееПоднепровье и Белоруссия. Полное географическое описание нашего Отечества / сост. В.П. Семенов (Тян-Шанский) [и др.]. – Минск: БелЭН, 2006. – 456 с.
8. Российская еврейская энциклопедия[Электронный ресурс]. – 2018. – Режим доступа: <http://www.rujen.ru>. – Дата доступа: 13.02.2018.
9. Нацыянальны гістарычны архіў Беларусі (НГАБ). – Ф. 299. Воп. 5. Спр. 1003.
10. НГАБ. – Ф. 299. Воп. 5. Спр. 2145.
11. НГАБ. – Ф. 299. Воп. 5. Спр. 942.
12. НГАБ. – Ф. 299. Воп. 5. Спр. 805.

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ЭЛИТЫ ВИТЕБСКА В РЕАЛИЗАЦИИ ОБЩЕСТВЕННЫХ БЛАГОТВОРИТЕЛЬНЫХ ПРОЕКТОВ НА РУБЕЖЕ XIX–XX ВЕКОВ

С.Ф. Шимукович (Минск, Беларусь)

В Российской империи легальных возможностей для реализации форм гражданской активности существовало совсем не много. Правительство не поощряло излишней социальной активности подданных, особенно организованной, подозревая за всеми её формами антиправительственный либо оппозиционный характер. Особенно это актуально было в отношении белорусского региона, где значительная часть местных элит была настроена резко, а зачастую радикально оппозиционно центральной власти. В рамках традиций шляхетской вольности периода Речи Посполитой гражданская активность поощрялась, более того, политическая активность являлась естественной формой существования шляхты как формально правящего сословия в данной шляхетской республике. И совершенно нетерпимым было отношение к политической активности в Российской империи.

Тем не менее, государство как политический и социальный институт не могло обойтись без некоторых видов общественной активности, проявлявшихся прежде всего в реализации программ помощи наименее социально защищенным слоям населения, а именно – в виде частной благотворительности. Однако в данном случае такую социальную активность старались взять под контроль либо досконально регламентировать любые ее проявления. Например, в Российской империи существовали так называемые официальные «благотворительные ведомства, на особых правах управляемые». По многим признакам это были обыкновенные бюрократические структуры, однако они не получали прямого бюджетного финансирования, рассчитывая в своей деятельности исключительно на привлечение средств частных жертвователей и гражданскую активность населения, которая автоматически приобретала «правильный» характер [5, с. 152-153]. Выделяется четыре таких «благотворительных ведомств», исходя из масштабов деятельности и степени их регламентации. Это обширная многоуровневая сеть учреждений Ведомства учреждений императрицы Марии (ВУИМ), Императорское человеколюбивое общество (ИЧО), Российское общество Красного Креста (РОКК) и Попечительство о трудовой помощи (ПОТП). Был еще целый список иных «попечительств», однако они либо являлись структурными подразделениями ВУИМ, либо не отличались масштабами деятельности либо имели слишком узкие специфические цели деятельности. Общим у всех этих благотворительных учреждений было то, что частные лица рассматривались исключительно как источник средств, но к принятию решений об управлении данными учреждениями они не допускались.

Несколько иначе была построена работа немногочисленных частных благотворительных обществ. С конца XIX века они получили широкое распространение, поскольку правительство в решении обострившихся социальных проблем все более полагалось на участие широких кругов общественности, для чего снижался уровень контроля над деятельностью частных благотворительных обществ. Хотя стоит отметить, что прямой, формальный контроль зачастую уступал место неформальному контролю над деятельностью частных обществ, поскольку руководителями наиболее крупных частных благотворительных обществ были местные губернаторы либо иные представители местного высшего чиновничества, а в числе членов общества было значительное число служащих губернских и уездных органов власти [14, с. 15].

На территории белорусского региона, и в частности в Витебске, ситуация с деятельностью частных благотворительных обществ усложнялась конфессиональным, этническим, политическим факторами, которые не только определяли политику властей к проявлениям социальной активности местного населения, но и определяли формат деятельности самих благотворительных учреждений разных форм и видов.

Город Витебск на протяжении XIX – начала XX веков был центром большой губернии, динамично развивавшимся промышленным центром, вместе с Минском – крупнейшими городами по числу населения. Городская общественность активно участвовала в деятельности разнообразных легальных обществ и объединений, выступая как в качестве пассивных источников средств, так и предлагая и реализовывая самостоятельные проекты оказания помощи лицам и социальным группам, находящимся в бедственном положении. В городе к началу века действовала развитая сеть благотворительных учреждений, как относящаяся к структурам «официальных благотворительных ведомств», так и являвшаяся частными благотворитель-

ными обществами. Официальные ведомства были представлены активно работавшими учреждениями, среди которых выделялись детские приюты ВУИМ, Община сестер милосердия РОКК, Дом трудолюбия ПОТП. Однако повторимся, что частная инициатива в деятельности давно существовавших официальных ведомств приветствовалась исключительно в виде источника поступления денежных средств.

Наибольший интерес в изучении форм и способов проявления социальной активности местного общества дает деятельность как в составе существующих частных благотворительных обществ, так и реализация инициатив по созданию новых благотворительных структур. Из частных благотворительных обществ наиболее авторитетными считались губернские благотворительные общества. Витебское было основано позже всех остальных губернских, только в 1870 году (Минское в 1808, Гродненское в 1855, Могилевское – в 1860 году).

Учредителями этих обществ являлись, как правило, местные губернаторы, другие высшие чиновники губернского уровня, их супруги. В дальнейшем, Правления обществ возглавляли губернаторы либо их супруги, независимо от частоты их сменяемости на постах. Влиятельный состав Правлений и членов обществ во многом обуславливал масштабы деятельности этих учреждений. Стоит отметить, что повседневная организационная работа часто лежала на плечах рядовых его членов. Витебское благотворительное общество на протяжении нескольких десятилетий в конце XIX века фактически в своих руках держал Игнатий Иванович Пилин. Он являлся по должности советником губернского правления, и, одновременно, секретарем Правления губернского благотворительного общества. Он же владел всей полнотой информации о состоянии благотворительности в городе и губернии, готовил соответствующие разделы в отчеты о состоянии губернии и в МВД [8, л. 85].

Зависимость работы губернских обществ от внимания высших должностных лиц губернии могло парализовать способность общества к самостоятельной деятельности. Именно так и произошло в Витебске в 1894 году с убитием Председателя Правления общества, губернатора князя Василия Михайловича Долгорукова. Только через полгода новый губернатор Владимир Александрович Левашов приложил много усилий для восстановления его деятельности [5, л. 528-529; 12, с. 4-6]. Причиной паралича в работе губернского благотворительного общества напрямую называлось плохое руководство. Новый губернатор Левашов не стал повторять ошибок предшественника. Председательницей была «избрана» Мария Васильевна Левашова, его супруга. Благодаря ее активной деятельности, число членов выросло с 42 (на 3 сентября 1894 года) до 118 (на 24 октября 1895 года). Тем не менее, общество в следствие перерыва, очень много потеряло в средствах [5, л. 526-530; 12, с. 3-4]. Еще один похожий спад в деятельности Витебского благотворительного общества наблюдался в 1911 – 1912 годах и был вызван схожими причинами [11, с. 3].

Именно в период деятельности В. А. Левашова в должности витебского губернатора, а его супруги в качестве руководителя благотворительного общества, в Витебске был успешно реализован интересный благотворительный проект по устройству Дома трудолюбия (ДТ). В этом заведении лица, потерявшие работу, просто не имевшие средств к существованию, могли за несложную работу получить небольшую заработную плату. Необходимо отметить, что действовал губернатор при поддержке городского сообщества. Личная заинтересованность руководства губернии заключалась в том, чтобы с помощью этого заведения покончить с нищенством, широко распространенном на улицах города [6, л. 4]. Желание администрации и городского общества совпали.

Мероприятия по устройству ДТ были продуманными, носили комплексный характер. За образец решено было взять уже существовавшие заведения в Вильно и Смоленске. В 1895 году были наняты помещения и первые работники числом 14 человек готовили заведение к открытию [5, л. 534; 12, с. 20]. Следующий, второй этап организации – это ознакомление широкой общественности города, в т.ч. и нищенствующих, о целях и методах деятельности ДТ. В первый день работы ДТ (30 июня 1895 года), всем желающим были предложены бесплатные обеды, на которые явилось около 80 нищенствующих и бедняков. Некоторые из них, «проникшись доверием к новому заведению под влиянием слов начальника губернии» остались в заведении [4, с. 44]. Общественность города была ознакомлена с деятельностью ДТ путем распространения напечатанного благотворительным обществом воззвания. В этом документе горожанам предлагалось не давать больше милостыню на улицах города, а жертвовать деньги на образованное заведение. Воззвание получило положительный отзыв, пожертвования в кратчайший срок составили 1311 руб. [6, л. 2]. Размеры милостыни, подаваемой на улице, резко сократились, часть нищих перешла в заведение, и к 1 сентября 1895 года в нем находилось 57 мужчин, 51 женщина и 9 детей, из них было 5 дворян, 9 мещан, остальные – крестьяне, отставные солдаты, один иностранный подданный [5, л. 534; 4, с. 44].

На третьем этапе организации ДТ власти предприняли принудительные меры к «упорствующим» нищим, с целью убрать их с улиц города [13, с. 83]. Первоначально нищие отлавливались полицией и направлялись в заведение, впоследствии был организован Комитет призрения нищих [6, л. 3]. Остро стала потребностью в собственном помещении, построенном с учетом специфики функционирования заведения. Частных пожертвований, поступивших на протяжении 1896 года было достаточно для начала строительных работ, а уже в 1897 году заведение приобрело собственное помещение.

Хотя ДТ фактически состоял при Витебском Благотворительном обществе, однако он являлся самостоятельным заведением со своим независимым капиталом, доходами и расходами, а также администрацией. Средства ДТ складывались из «копеечных сборов» с чиновников губернских учреждений, установленных по решению губернатора, это давало ежемесячно около 300 руб. или почти 3500 руб. в год и иных поступлений [2, с. 386].

Таким образом, личная заинтересованность губернского руководства в совокупности с управляемой общественной инициативой горожан позволило временно снять достаточно острую социальную проблему по удалению нищенствующих с улиц города. Однако не все социальные проблемы решались таким удачным образом.

Одной из социально незащищенных групп населения являлись глухонемые, отношение к которым долгое время было обусловлено социальными стереотипами [1]. Для помощи данным лицам в 1898 году было образовано имперское Попечительство о глухонемых, включенное в состав учреждений ВуИМ на правах, равно как и Попечительство о слепых [9, с. 3; 10, с. 3-5].

В 1900 году от имени руководства общеимперского Попечительства губернаторам было направлено прошение содействовать устройству школ-хуторов для глухонемых, подчеркивался недостаток внимания к этой категории подданных. Витебский губернатор Иван Ильич Чепелевский, выполняя данную просьбу, в установленном порядке запросил о возможностях городов и уездов губернии открыть у себя данные заведения, однако ответы с мест оптимизма не внушили. Большинство уездов и городов не изъявили желания основать благотворительные заведения или даже сделать пожертвования в пользу глухонемых, аргументируя это тем, что «глухонемые жили в семьях, не нищенствовали» [7, л. 373-383, 395]. Некоторые уезды могли собрать средства только для «открытия стипендий», и направить за этот счет детей в училище, «если таковое откроется» (Лепельский уездный исправник). Двинская, Полоцкая и Себежская Городские управы могли выделить земельные участки под школы, но финансировать их не имели возможности. Городокский уездный исправник заявил, что «в школах надобности нет, тем более что на ее открытие нет средств» [7, л. 381]. Витебская Городская управа, говоря о несомненной пользе школ-хуторов отказалась участвовать в подобном заведении, обосновывая это тем, что в Витебске уже существовало частное училище коллежского секретаря И. И. Васютовича (данное частное училище не могло удовлетворить даже потребности Витебска, т.к. в нем училось около 10 человек) [7, л. 422, 425-426].

Интересно то, что сам И. И. Васютович, был глухонемым, однако у него хватило упорства окончить образовательный курс в Петербургском училище для глухонемых, где он получил образование и обучился речи [3, с. 193]. Однако материальное положение витебского училища было очень тяжелым, помещалось оно в маленьком одноэтажном деревянном доме, в классной комнате могли разместиться только 10 учеников. Плату за обучение в размере 1,50 руб. в месяц могли заплатить не все родители воспитанников, поэтому финансовые трудности заведения усиливались, не смотря на пособия от Городской Управы, Епархиального Владимирского братства, Земства и мизерную плату за обучение [3, с. 193]. Показательно то, что пожертвования частных лиц в доходах училища отсутствовали. В этой связи содержатель училища и единственный учитель И. Васютович в 1900 году ставил вопрос о принятии своего училища в ведение Попечительства о глухонемых ВуИМ, однако ему было отказано по причине того, что это было «возможно лишь в случае участия в деле училища широкой общественности города», то есть наличия достаточных денежных пожертвований от частных лиц [1]. «Ведомство» не желало брать на себя финансовые обязательства заведения.

Таким образом, две истории конца XIX – начала XX веков, связанные с решением проблемы нищенствующих на улицах города и социализации глухонемых при всей их остроте и значимости имели разную степень успешности в реализации. Городская общественность Витебска достаточно активно отозвалась на призыв губернского руководства поучаствовать в ликвидации нищенства, более того, губернские чиновники безропотно на протяжении нескольких лет отдавали «хвостики» копеек из своих зарплат на содержание Дома трудолюбия. При этом частные пожертвования на училище для глухонемых полностью отсутствовали, равно как и отсутствовала активно декларируемая заинтересованность губернской администрации в решении проблем глухонемых и слепых жителей города.

1. Богданов-Березовский, М. Положение глухонемых в России / М. Богданов-Березовский. – СПб., 1901. – 293 с.
2. Витебский дом трудолюбия // Трудовая помощь. – 1898. – №4. – С. 386.
3. Десятилетний юбилей существования школы глухонемых детей в Витебске // Вестник Попечительства Государыни Императрицы Марии Федоровны о глухонемых. – 1906-1907. – №4. – С. 193.
4. Лутковский, В. В. О Домах трудолюбия в России / В. В. Лутковский // Вестник благотворительности. – 1897. – №12. – С. 39-60.
5. Максимов, Е. Д. Наши Благотворительные ведомства и учреждения, «на особых основаниях управляемые». Императорское Человеколюбивое Общество. Российское Общество Красного Креста / Е. Д. Максимов // Трудовая помощь. – 1903. – № 2. – С. 151-174.
6. Национальный исторический архив Беларуси в г. Минске (НИАБ, г. Минск). – Ф. 1430, – оп. 1, – д. 42347, – лл. 431-679.
7. НИАБ, г. Минск. – Ф. 1430, – оп. 1, – д. 42393, – лл. 1-36.
8. НИАБ, г. Минск. – Ф. 1430, – оп. 1, – д. 44501, – лл. 69-426.
9. НИАБ, г. Минск. – Ф. 1430, – оп. 1, – д. 45810, – лл. 1-85.
10. Об учреждении Попечительства о глухонемых // Вестник благотворительности. – 1898. – №9. – С. 3.

11. Основные положения состоящего под Августейшим покровительством Их Императорских величеств Попечительства Государыни Императрицы Марии Федоровны о глухонемых // Вестник благотворительности. – 1898. – №9. – С. 3-5.
12. Отчет о деятельности Витебского Благотворительного Общества за 1913 год. – Витебск: Губ. тип., 1914. – 58 с.
13. Отчет о деятельности Витебского Благотворительного Общества за время с 3 сентября 1894 года по 24 октября 1895 года. – Витебск: Губ. тип., 1895. – 65 с.
14. Отчет Члена Комитета Попечительства о Домах Трудолюбия и Работных домах, барона О. О. Буксгевдена, о посещении им осенью 1897 года 27 городов Империи по делам домов Трудолюбия // Трудовая помощь. – 1898. – №5. – С. 79-86.
15. Устав Благотворительного Общества в Витебске. – Витебск: Губ. тип., 1895. – 16, 2 с.

ПРАФСАЮЗНЫ РУХ НА ВІЦЕБШЧЫНЕ (КАНЕЦ ХІХ СТ. – 1917 Г.)

І.У. Мандрык (Віцебск, Беларусь)

Прычыны стварэння прафсаюзаў у краінах свету варта шукаць унутры буржуазнага грамадства. Канцэнтрацыя вытворчасці і капіталу, рост наёмных прамысловых рабочых сам па сабе працэс прагрэсіўны. Хуткае развіццё капіталістычных адносін у Расійскай дзяржаве ў другой палове ХІХ ст. дазволіла краіне ўвайсці ў пяцёрку найбольш развітых у эканамічным стаўленні краін свету. На беларускіх землях таксама ствараюцца перадумовы для інтэнсіўнага развіцця, але сацыяльна-эканамічная сітуацыя тут змянялася больш павольна. Такія буйныя прамысловыя цэнтры, якімі ў Расіі з'яўляліся Пецярбург, Масква, на Украіне –Харкаў, Кіеў і інш на Беларусі да гэтага часу яшчэ не сфарміраваліся. Параўнальна невялікія прамысловыя прадпрыемствы дробнай саматужнай рамеснай вытворчасці размяшчаліся тут пераважна ў сельскай мясцовасці. У канцы ХІХ ст.яны больш чым у пяць разоў пераўзыходзілі фабрычна-заводскую прамысловасць. Умовы працы і заработная плата на іх была значна горшай, чым у сярэднім па Расійскай імперыі. Працягласць працоўнага дня наёмнага работніка замест прадугледжаных законам 11, 5 гадзін складала 12-14 гадзін, сярэдняя зарплата рабочых у Беларусі была ў два разы ніжэй, чым у цэлым па Расіі. Шматлікія штрафы адбіралі больш 30% заробку: у 1901 г. ў пяці беларускіх губернях былі аштрафаваны 44 % (!) ўсіх працоўных. Шырока выкарыстоўвалася дзіцячая праца і ў той жа час узрастала беспрацоўе: у Віцебску ў 1907 г. колькасць беспрацоўных складала 1200 чалавек [14, с. 4].

Характэрнай рысай грамадска - палітычнага жыцця ў Паўночна-Заходнім краі, куды ўваходзіла і тэрыторыя Віцебскай губерні, у гэты перыяд была поўная адсутнасць дэмакратычных свабод, у тым ліку і палітычных. Атрыманне высокага прыбытку, аб чым у першую чаргу клапаціліся ўласнікі, абумовілі незадаволенасць рабочага класу сваім беспраўным становішчам, фарміравалі пратэстны настрой [10, С.5; 8, с. 773].

У гэтых умовах рабочыя пачалі ўсведамляць, што для паспяховага супрацьстаяння з уладай і прападаўцамі ім неабходна аб'яднанне і стварэння сваіх прафесійных арганізацый [18, с. 6-7].

Для абароны сваіх эканамічных правоў на прадпрыемствах спарадычна ўзніклі прафесійныя аб'яднанні працоўных у пярвічных формах : стачечныя касы, рабочыя гурткі, бальнічныя і пахавальныя касы і інш , якія мелі сваёй мэтай аказанне матэрыяльнай дапамогі сваім членам. Аб'яднанні ў вышэйназваных формах на тэрыторыі Віцебскай губерні з'явіліся ў 1870-1880-я гг., спачатку на ўскраіне губерні- ў Латгаліі, затым- у Віцебску, Оршы і Полацку [1, с. 10; 4, с. 336].

У канцы дзесянастых гадоў ХІХ ст. у гарадскіх цэнтрах Віцебскай губерні пачынае афармляцца арганізаваны працоўны рух цесна звязаны з дзейнасцю рэвалюцыйных сацыял-дэмакратычных гурткоў і груп. [1, с. 9-15; 11, с. 5; 22, с. 1]. Перш за ўсё, гэта адносіцца да створанага па нацыянальным прынцыпу ў 1897 г. Усесаюзнага яўрэйскага працоўнага саюзу ў Літве, Польшчы і Расіі (Бунд). Вядомы віцебскі бальшавік Б. Д. Пінсан, які ўвайшоў у шэрагі РСДРП у 1907 г. і пачаў сваю рэвалюцыйную дзейнасць у віцебскім прафсаюзе друкароў, ацэньваючы структуру бундаўскіх арганізацый, адзначаў, што ўвесь рэвалюцыйны рух тут на мясцовым узроўні развіваўся на глебе нелегальнай прафесійнай арганізацыі рабочых і арганізацыі стачечной барацьбы. Фактычна прафсаюзы, як першыя нелегальныя арганізацыі працоўных, прадстаўлялі адначасова і сацыял дэмакратычныя партыйныя арганізацыі[20, с. 4-8].

Рабочыя гурткі, касы ўзаемадапамогі, стачечныя фонды, цэхавыя сходкі, з'яўляліся самымі моцнымі і надзейнымі рэвалюцыйнымі кропкамі, дзе канцэнтравалася вялікая частка партыйнай працы [17, с. 10]. Як адзначаюць некаторыя даследчыкі, прафсаюзные арганізацыі на Беларусі з'яўляліся па сутнасці першаснымі ячэйкамі Бунда, яны карысталіся правам пэўнай аўтаноміі па абранню цэнтральных органаў [6, с. 17].

Улічваючы колькасную перавагу на той момант у гарадах яўрэйскага насельніцтва (што наўпрост адносіцца і да Віцебска), напрошваецца выснова аб першынстве бундаўскіх арганізацый у станаўленні прафсаюзнага руху на Віцебшчыне [7, с. 28].

Разгортванне стачечнай формы барацьбы за лепшыя ўмовы працы патрабавала далейшага згуртавання рабочых. Такое аб'яднанне ў гарадах Віцебскай губерні адбылося ў 1897-1900 гг. На думку вядо-

мага беларускага гісторыка М. Біча ў гэты перыяд на тэрыторыі Беларусі найбольшай актыўнасцю выдзяляліся працоўныя Віцебска [3, с. 133].

Адна з першых забастовак рабочых адбылася на Віцебскай шчаціннай фабрыцы. Працоўныя фабрыкі дабіліся ад уласнікаў выканання свіх патрабаванняў: працоўны дзень быў скарачаны з 16 да 12 гадзін.

У 1898-1900 гг. у забастоўках на прадпрыемствах Віцебскай губерні прынялі ўдзел да 3600 чалавек. У 1900г. двойчы баставалі рабочыя тытунёва-махорачнай фабрыкі. Вясной і летам 1900 г. адбыліся чатыры эканамічныя забастоўкі ў Оршы (у кравецкай, шавецкай, сталярнай і тапачнай майстэрнях) [3, с. 131]. Стачкі і страйкі на дробных прадпрыемствах праходзілі ў гэты час у Полацку, Дзвінску і іншых буйных цэнтрах губерні. У ходзе выступленняў паўсюдна ўзніклі стачечныя касы. Напрыклад, у Бешанковічах Лепельскага павета адна з першых стачечных кас зафіксавана ў 1899 г. [3, с. 132].

На базе стачечных кас фарміруюцца падпольныя цэхавыя (прафесійныя) саюзы. Застрэльшчыкам тут выступілі рабочыя шчацінных майстэрняў. Услед за імі з пачатку новага стагоддзя на шлях прафесійнага аб'яднання ўступаюць гарбары.

У 1901 г. у Віцебску адбылася першая эканамічная забастоўка рабочых гарбарнай майстэрні (15 чал.). А ў 1904 г. віцебскія гарбары аб'ядналіся і стварылі прафсаюзную арганізацыю. У гэтым годзе, адбываюцца масавыя ўладкаванні прафсаюзаў па вытворчаму прынцыпу практычна ва ўсіх буйных гарадах Беларусі. Гэты год з'яўляецца рубажным: ад яго вядзецца адлік стварэння арганізаванага прафсаюзнага руху на Беларусі.

На першапачатковым этапе дзейнасць прафсаюзаў у асноўным абмяжоўвалася патрабаваннем больш бяспечных умоў працы і павелічэння аплаты за працу. У партыю барацьбу вялі прафсаюзныя арганізацыі з тымі, хто ў вострыя моманты займаў пазіцыю працадаўцаў (штрэйкбрэхерамі). Яксна новы этап у станаўленні прафсаюзаў Віцебшчыны азнаменаван пачаткам рэвалюцыі 1905-1907 гг. Царскі маніфест ад 17 кастрычніка 1905 г., які дэклараваў свабоду сходаў і саюзаў, па сутнасці, легалізаваў прафсаюзную дзейнасць. Рэвалюцыйныя падзеі прымусілі кіруючыя дзяржаўныя колы пайсці на распрацоўку заканадаўчай базы дзейнасці прафсаюзаў. 4 сакавіка 1906 году былі выдадзены "Часовыя правілы аб прафесійных таварыствах, што засноўваюцца для асоб, занятых у гандлёвых і прамысловых прадпрыемствах, або для ўладальнікаў гэтых прадпрыемстваў". Правілы вызначалі прававое становішча прафесійных супольнасцяў, забаранялі іх удзел у палітычнай дзейнасці, прадугледжвалі стварэнне губернскіх асаблівых па справах аб таварыствах прысутнасцяў, дзе адбывалася зацвярджэнне статутаў і выдача дазvolaў на стварэнне прафсаюзаў, акрамя стварэнне галіновых прафсаюзаў у рэгіянальным маштабе (іх стварэнне і дзейнасць забаранялася) [5;7;9].

Легалізацыя прафсаюзнай дзейнасці дазволіла выйсці з падполля ўжо створаным прафесійным саюзам. Адначасова ўзнікаюць новыя арганізацыі [23]. Сярод беларускіх губерняў Віцебская займала ў гэты час лідзіруючае становішча ў стварэнні прафсаюзных арганізацый [24, с. 2]. Усяго на працягу двух гадоў (1906-1907 гг.) на тэрыторыі губерні было афіцыйна адкрыта 39 прафсаюзаў (для параўнання: у Мінскай губерні было зарэгістравана 13 прафсаюзаў, Гродзенскай - 28, Магілёўскай - 2). Асабліва бурны рост прафсаюзных арганізацый прыпадае на лета 1906 г. Толькі ў жніўні 1906 г. у Віцебску было зарэгістравана больш за дзясятак новых прафсаюзаў, за ўвесь 1906 г. рэгістрацыю набыў 21 прафсаюз. Сярод іх - прафсаюзы слесараў, кавалёў, булачнікаў, будаўнікоў, чыгуначнікаў, рабочых піваварных прадпрыемстваў, зубных лекараў і дантыстаў, ювеліраў. У прафсаюзны рух стала ўключалася інтэлігенцыя. 13 чэрвеня 1906 г. у Віцебску на губернскім з'ездзе настаўнікаў было прынята рашэнне аб стварэнні сваёй прафсаюзнай арганізацыі.

Ствараюцца прафсаюзы і ў іншых гарадах Віцебскай губерні: у Полацку пачынае працу прафсаюз гандлёва-прамысловых служачых і настаўнікаў; у Оршы - чыгуначнікаў і паштова-тэлеграфных работнікаў і г.д. [20].

Многія прафсаюзы ўзнікаюць пад прамым уплывам агульнарасійскіх галіновых арганізацый. Так, па прызыву Ўсерасійскага саюза чыгуначнікаў рашэнне аб стварэнні сваёй прафесійнай арганізацыі было падтрымана і прынята чыгуначнікамі Оршы. У сваю чаргу, прадстаўнікі з Дзвінска і Оршы бралі ўдзел у працы з'езду паштова-тэлеграфных служачых, які адбыўся ў лістападзе 1905 г. у Маскве. Развіццё рэвалюцыйных падзей прывяло да рэзкай палітызацыі даволі значнай часткі насельніцтва і фактычнага зліцця прафесійных арганізацый з партыйнымі [13].

Тэндэнцыю аб падмене эканамічных патрабаванняў палітычнай дзейнасцю выдатна ілюструе данясенне віцебскага губернатара, які ў 1907 годзе пісаў, што "моладзь, якая жыве ў гарадах Віцебскай губерні арганізавалася ў прафесійныя супольнасці, і ў большасці, пад выглядам абароны эканамічных інтарэсаў сваіх членаў, стала на рэвалюцыйны шлях. Дзейнічаючы спачатку вельмі асцярожна, некаторыя прафсаюзныя супольнасці ў апошні час ... праявілі пагрозлівую дзяржаўнаму парадку і грамадскай бяспекі дзейнасць, якая выяўляецца ў арганізацыі забастовак служачых і рабочых у гандлёва-прамысловых установах і майстэрнях" [15, с. 32].

Узросшая актыўнасць прафсаюзаў патрабавала больш згуртаванай каардынацыі іх дзеянняў на рэгіянальным узроўні. У гэтай сувязі ў Віцебску і Полацку былі створаны Цэнтральныя бюро прафсаюзаў, якія дзейнічалі нелегальна.

Актывізацыя прафсаюзнай дзейнасці ўстрымвала царскія ўлады, выклікала ў адказ карныя меры. У 1908 г. толькі ў Віцебску была закрытая 12 прафсаюзаў, у Полацку - 2, Дзвінску - 11. Пад рознымі падставамі губернская адміністрацыя адмаўляла ў рэгістрацыі новых прафсаюзаў. За арганізацыю стачечнай барацьбы і ўдзел у дзейнасці рэвалюцыйных партый многія актыўныя ўдзельнікі і кіраўнікі прафсаюзных супольнасцяў былі падвергнуты рэпрэсіям. У лютым 1907 г. у Віцебску паліцыя зрабіла ператрус у будынку прафсаюза будаўнічых рабочых. На момант правядзення ператрусу ў памяшканні знаходзілася каля паўсотні чалавек. Па данясенні прыстава пры з'яўленні паліцыі прысутныя тут людзі сталі хутка знішчаць пракламацыі з заклікамі звяржэння самадзяржаўя. У сабраўшыхся знойдзены ўлёткі РСДРП (б), забароненыя брашуры і кнігі.

Па распараджэнні ўладаў прафсаюз будаўнічых рабочых быў зачынены, а яго лідэры арыштаваны. За арганізацыю стачкі ў 1908 г. была забаронена дзейнасць прафесійнага грамадства друкароў. Аднак рэпрэсіі не спынілі працу прафсаюзаў. Перайшоўшы на нелегальнае становішча, яны ва ўмовах рэакцыі паранейшаму ў самых актыўных формах працягвалі барацьбу за эканамічныя інтарэсы працоўных. У жніўні 1908 г. у Віцебску баставаў ўвесь калектыў льнопрадзільнай фабрыкі "Дзвіна" (1050 чалавек). Рабочыя патрабавалі павышэння зарплаты, звальнення тэхнічнага дырэктара, вызвалення арыштаваных арганізатараў забастоўкі. Гэта была адна з буйнейшых у Беларусі стачак перыяду палітычнай рэакцыі.

Ва ўмовах жорсткіх рэпрэсій эканамічная барацьба прафсаюзаў спалучалася, як і раней, з палітычнай дзейнасцю. Удзельнікі прафсаюзнага руху распаўсюджвалі нелегальную літаратуру, на прафсаюзных сходах разглядалася палітычная тэматыка. Прычым актыўны ўдзел у гэтым бралі члены не толькі падпольных, але і легальных прафсаюзаў.

У Віцебску, напрыклад, прафесійнае грамадства краўцоў, шаўцоў і прыказчыкаў арганізавалі сумесны сход, дзе іх члены выступілі з пратэстам з нагоды суда над былымі членамі сацыял-дэмакратычнай фракцыі II Дзяржаўнай думы. Згодна данясення паліцыі, кіраўніцтва прафсаюза краўцоў на агульных сходах практыкавала правядзенне гутарак і чытанне лекцый на забароненыя тэмы. Тэматыка лекцый ахоплівала многія палажэнні марксізму, адна з іх "К. Маркс аб кааператыўных таварыствах". Пры вобшуку памяшкання гэтага прафсаюза паліцыяй ў маі 1908 г. былі выяўленыя брашуры, фатаграфіі думскіх сацыял-дэмакратаў у зале суда на лаве падсудных і іншая літаратура з заклікамі палітычнага характару.

Пры вобшуку паліцыяй будынка віцебскага прафсаюза шчаціншчыкаў было канфіскавана 14 брашур і некалькі іншых кніг «падрыўнога ўтрымання». Не выпадкова ў паліцэйскіх рапартах значылася, што "члены (дадзенага- аўтар) грамадства больш займаюцца чытаннем нелегальнай літаратуры і гутаркамі палітычнага характару".

Нягледзячы на забарону аб'яднання членаў прафсаюзаў па галіноваму і тэрытарыяльнаму прынцыпу і разгром паліцыяй узнікшых ў буйных цэнтрах Віцебскай губерні гарадскіх цэнтральных бюро, тэндэнцыя да аб'яднання выяўлялася ўсё больш настойліва. У кастрычніку 1909 г. у Дзвінску адбыўся галіновы з'езд саюза шчаціншчыкаў, які адыграў вельмі важную роль у прафсаюзным руху Паўночна-Заходняга краю ў цэлым і Віцебскай губерні ў прыватнасці. У працы з'езда бралі ўдзел прадстаўнікі ад Віцебска, Оршы і Мінска. Ва ўмовах найвышэйшага росквіту рэакцыі, калі любая спроба супрацьстаяння з прападаўцам і нейкае падазрэнне ў прафсаюзнай дзейнасці вялі да залічэння ў "чорныя спісы", што пагражала неадкладным звальненнем і беспрацоўем, дэлегаты з'езду прадэкларавалі рашучасць "стаяць на сваім, ні пад якім выглядам і ні пры якіх умовах не згаджацца з 10-гадзінным працоўным днём". З'езд выказаў падзяку сацыял-дэмакратычнай фракцыі Дзяржаўнай Думы за клопат пра інтарэсы працоўнага класа, а таксама братам па класе іншых нацый за салідарнасць і падтрымку. Узнімалася на з'ездзе і пытанне аб барацьбе з прападаўцамі за выдачу паліцыі рабочых, якія займаюцца прафсаюзнай дзейнасцю [21, с. 11].

Змрочны перыяд рэакцыі сур'ёзна падарваў сілы прафсаюзаў. У 1909-1910 гг. назіраецца рэзкі спад прафсаюзнага руху. Аднак гэты перыяд доўжыўся нядоўга. З 1911 па 1914 гг. прафсаюзы, якія страцілі многіх сваіх самых актыўных членаў, павольна, але ўпэўнена аднаўлялі свае сілы. Да студзеня

1912 года ў Віцебску актыўна дзейнічала ўжо 8 легальных прафсаюзаў. Функцыянавалі прафсаюзы ў Полацку, Дзвінску і Оршы.

Пад іх уплывам у 1911 г. у Віцебску страйкавалі рабочыя абутковых майстэрняў (432 чалавекі) з патрабаваннямі павышэння зароботнай платы. У 1913 годзе з патрабаваннямі эканамічнага характару выступілі рабочыя льнопрадзільнай фабрыкі "Дзвіна". У студзені 1914 г. баставаў калектыў шчаціннай фабрыкі (100 чалавек) і 78 рабочых двух заводаў сельгасінвентара. І надалей прафсаюзы займаюць пазіцыю актыўнага адстойвання інтарэсаў працоўных.

Распачатае ажыўленне прафсаюзнага руху выклікала трывогу уладных структур. Яны робяць шэраг мер, накіраваных на ўзмацненне жорсткасці кантролю за прафсаюзнай дзейнасцю. У верасні 1912 г. Міністэрства ўнутраных спраў разаслала губернатарам і кіраўнікам гарадоў цыркуляр, дзе патрабавала звярнуць увагу "на шырокае развіццё ў Імперыі прафесійнага руху і на тое значэнне, якое надаюць гэта-

му руху супрацьуродавыя партыі, якія паставілі мэтай аб'яднаць сваім уплывам прафесійныя грамадства і саюзы і стварыць з іх палітычна арганізаваную сілу "[16, с. 43].

Цыркуляр прадпісваў мясцовым уладам весці энергічную барацьбу супраць прафсаюзаў. Іх дзейнасць была пастаўлена пад жорсткі кантроль паліцыі. У сувязі з чым рэзкага росту прафсаюзнага руху ў Віцебскай губерні на працягу 1913 і першай палове 1914 года не назіралася, наадварот, частка прафсаюзаў была зачыненая.

З пачаткам Першай сусветнай вайны ўрад абвясціў губерні Паўночна-Заходняга краю на ваенным становішчы. Дзейнасць палітычных партыяў і прафесійных саюзаў была забаронена. Але і ў гэтых складаных умовах ваеннага часу і разгулу мілітарызму працоўны клас не заставаўся раз'яднаным ў адстойванні сваіх правоў. Знаходзячыся на нелегальным становішчы, прафсаюзы працягвалі сваю ахоўную дзейнасць [12; с. 178].

Пад час вайны страйкавалі рабочыя Віцебска, Дуброўна, будаўнікі чыгуначнага ўчастка Орша-Варожба. Для легалізацыі працы сярод працоўных прафсаюмы вышуквалі любыя формы, зноў прымалі актыўны ўдзел у стварэнні грамадстваў дапамогі, бальнічных кас, рабочых гурткоў, працоўных кааператываў.

У Віцебску з дапамогай прафсаюзаў была створана легальная бальнічная каса "Дапамога". Праз працоўныя кааператывы ва ўмовах дэфіцыту прадуктаў харчавання, продажу іх па спекулятыўным коштам, прафсаюзы дабіваліся нарміраванага забеспячэння насельніцтва прадуктамі харчавання.

Такім чынам, гістарычны экскурс дазваляе адзначыць, што стварэнне і станаўленне прафсаюзных арганізацый у Паўночна-Заходнім краі адбылося на этапе канца XIX ст. – 1917 г. З'яўленне прафесійных саюзаў тут выклікана перш за ўсё незадаволенасцю рабочых сваім цяжкім становішчам, неабходнасцю сумеснай абароны сваіх законных правоў і інтарэсаў. Прафсаюзны рух на Беларусі ў пазначаныя гады характарызаваўся рысамі характэрнымі для еўрапейскага і сусветнага прафсаюзнага руху, а таксама і адметнымі рысамі, абумоўленымі спецыфікай развіцця рэгіёна. На дробных прадпрыемствах апрацоўчай прамысловасці не выконвалася працоўнае заканадаўства, грэбанне элементарнымі нормаў тэхнікі бяспекі і санітарнага стану.

Віцебская губерня на першапачатковым этапе ўзнікнення і станаўлення прафсаюзаў у Паўночна – Заходнім краі займала лідзіруючае становішча. Характэрнай асаблівасцю пабудовы тут прафсаюзных арганізацый, з першых крокаў станаўлення, была значная іх палітызацыя, надзвычайная актыўнасць пры параўнальнай малалікасці членства і, нарэшце, гэта – наяўнасць нацыянальнага фактару ў працэсе іх стварэння.

1. Алексеев, П. В. К вопросу о зарождении профсоюзного движения на Витебщине / П. В. Алексеев // Профсоюзное движение: история и современность. – Витебск. – 1996. – С. 9-15.
2. Беланоўскі, М., Космач, В., Мандрык, І. Прафесійныя саюзы Беларусі / М. Беланоўскі, В. Космач, І. Мандрык / Энцыклапедыя гісторыі Беларусі. У 6 т. Т. 5. – Мн.: БелЭнцыклапедыя. – 1999. – С. 569-572.
3. Бич, М. О. Рабочее движение в Белоруссии в 1861-1904 гг. / М. О. Бич // Мн.: Наука и техника. – 1973. – 280 с.
4. Витебское областное объединение профсоюзов / Профессиональные союзы Беларуси. Энциклопедия в 2 т. Т. 1. под ред. проф. Л. П. Козика. – Мн.: ФПБ. – 2011. – С. 336-337.
5. Давидюк, П. Г. Профессиональное движение: история, теория, практика / П. Г. Давидюк. – Мн.: МИТСО. – 1999. – 269 с.
6. Дергунова, Э. М. К истории создания профсоюзов Белоруссии / Э. М. Дергунова // Профсоюзное движение: история и современность. – Витебск, 1996. – С. 17.
7. Дубовик, А. Профсоюзы Белоруссии: первые шаги / А. Дубовик // Человек и экономика. – 1990. – № 6. – С. 28.
8. История профсоюзов СССР. Ч. 1. (1905-1937 годы). Изд. 2-е. / под ред. Г. В. Шарапова. – М.: Профиздат. – 1977. – 343 с.
9. История профсоюзного движения Беларуси (под ред. Л. П. Козика). – Мн.: ФУАинформ. – 2005. – 416 с.
10. История и современность профсоюзного движения: методические рекомендации для самостоятельной работы слушателей по повышению квалификации профсоюзных кадров. – Витебск: ВФ «МИТСО». – 2007. – 32с.
11. Колосовский, С. Профсоюзы Беларуси: основные этапы пути / С. Колосовский // Беларускі час. – 1996. – 20-26 мая, № 19-20. – С. 5.
12. Мандрык, И. В. Профсоюзы как субъект социальной сплоченности общества / И. В. Мандрык // Совершенствование механизма регулирования социальных отношений в системе социального партнерства и диалога: материалы IX международной научно-практической конференции, посвященной 15-летию Витебского филиала МИТСО. 26-27 ноября 2009 г., Витебск: ВФ УО ФПБ МИТСО. – 2010. – С. 178-179.
13. Мандрык, И. У. Гісторыя Беларусі (у кантэксце сусветнай гісторыі) / І. У. Мандрык // Віцебск: УА ФПБ "МІПСА" ВФ, 2009. – 276 с.
14. Мандрык, И. В. История профсоюзного движения Беларуси: история и современность / И. В. Мандрык // Труд. Профсоюзы. Общество. – 2004. – № 1. – С. 4-11.
15. Очерки истории профсоюзов Беларуси (1905-1969). – Мн.: Наука и техника. – 1970. – С. 16-20.
16. Первый съезд профсоюзов Витебской губернии / Профессиональные союзы Беларуси. Энциклопедия в 2 т. Т. 1. / под ред. проф. Л. П. Козика. – Мн.: ФПБ. – 2011. – С. 138.
17. Пинсон, Б. Большевики в Витебске / Б. Пинсон. – Витебск, 1922. – С. 10.
18. Профсоюзное движение на Витебщине: история, опыт, уроки. Пособие. – Витебск: ВФ МИТСО. – 2000. – 102 с.: ил.
19. Профсоюзное строительство. Учебное пособие / под ред. С. И. Шкурко. – М.: Профиздат. – 1988. – С. 15-17.
20. Смирнов, Д. И. У истоков профсоюзного движения на Витебщине / Д. И. Смирнов // Профсоюзное движение: история и современность. – Витебск. – 1996. – С. 16-20.
21. Смирнов, Д. И. Истоки профсоюзного движения на Витебщине / Д. И. Смирнов // Профсоюзное движение на Витебщине: история, опыт, уроки. – Витебск: ВФ МИТСО. – 2000. – С. 6-12.
22. Страницы истории: возникновение первых профсоюзов / Профсоюзное обозрение. Хроника. События. Факты. – 1996. – № 7(15). – С. 1.
23. Филяков, В. Г. Революционные связи рабочих Белоруссии и России в конце XIX – начале XX вв. / В. Г. Филяков // под ред. М. О. Бича. – Мн.: Наука и техника. – 1987. – 142 с.
24. Хроника профсоюзного движения / Віцебскі рабочы. – 1998. – 23 кастрычніка. – № 163. – С. 2.

ОРГАНИЗАЦИЯ МЕСТНЫХ ОРГАНОВ ВОЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ НА ТЕРРИТОРИИ ВИТЕБСКОЙ ГУБЕРНИИ В 1918–1924 ГГ.

И.В. Николаева (Витебск, Беларусь)

В результате Февральской, а затем и Октябрьской революции была произведена смена государственного строя, которая не только разрушила старый государственный аппарат, но и ликвидировала прежнюю систему местных органов военного управления. Вместо них были учреждены новые призывные и мобилизационные органы советского государства – военные комиссариаты, 100 лет с начала создания которых исполняется в 2018 г.

История становления местных органов военного управления на территории Витебской губернии неразрывно связана с развитием системы мобилизационных и призывных органов Российской империи, в состав которой после разделов Речи Посполитой в конце XVIII в. вошли белорусские земли. В созданной 60-70 гг. XIX века российской системе военного управления учетно-мобилизационными вопросами ведали органы двух ведомств: военного и внутренних дел. Приемом на военную службу новобранцев, учетом запасных и призывами в военное время занимались военные органы управления местных бригад и управления уездных военных начальников. Вопросы учета молодежи и призыв ее до приема на военную службу возлагались на уездные и губернские по воинской повинности присутствия, входившие в систему министерства внутренних дел [1, с. 12–13].

Первоначально после событий Октября не было четкого представления о том, как будут выглядеть не только органы военного управления, но и сами вооруженные силы. Очевидным было только то, что и те и другие должны находиться под руководством партии большевиков и полностью подчиняться Советам. Согласно принятому 15 января 1918 г. Декрету Совета народных комиссаров об организации Рабоче-крестьянской Красной Армии (РККА), в основу ее формирования был положен принцип добровольчества. Однако уже первые месяцы после издания этого документа показали, что задачи по комплектованию РККА на добровольной основе не могли быть решены. Разразившаяся Гражданская война поставила перед необходимостью восстановления в стране воинской повинности. 29 мая 1918 г. было издано постановление ВЦИК «О принудительном наборе в Рабоче-Крестьянскую Красную Армию», начался переход к всеобщей мобилизации.

Развернувшееся строительство вооружённых сил потребовало сильного местного военного аппарата. Существовавшие местные органы военного управления таким требованиям не отвечали, поэтому их было решено упразднить. Постановлением народного комиссара по внутренним делам от 20 января 1918 г. были ликвидированы губернские и уездные по воинским делам присутствия, а приказом Народного комиссариата по военным делам от 25 января 1918 г. были расформированы управления местных бригад. Декретом СНК РСФСР от 26 января 1918 г. упразднялся также институт уездных воинских начальников. Всероссийская коллегия по формированию Красной Армии к концу января 1918 г. выработала и опубликовала инструкцию Советам по созданию РККА, которая легла в основу организации местных органов военного управления. Формирование и управление создаваемой армией возлагалось на губернские, уездные и волостные Советы, которые должны были создать у себя Военный отдел из представителей местного Совета, штаба Красной Армии, штаба воинской части и гарнизона [1, с. 13].

В Витебской губернии, которая после Октябрьской революции входила в состав Западной области (с 13 сентября 1918 г. – Западная коммуна) Российской Советской Республики, процесс создания местных органов военного управления был подчинен решениям соответствующих органов РСФСР. Военный отдел здесь был создан в декабре 1917 г. на Чрезвычайном губернском съезде Советов [2, л. 34]. Приказ Военного отдела Витебского Губсовета от 7 апреля 1918 г. разъяснял, что отдел «является высшим военным органом для всех формирующихся и обучающихся частей Рабоче-Крестьянской Красной Армии Витебской губернии» [3, л. 1]. Однако, как показала дальнейшая деятельность, вновь созданным отделам часто не хватало профессионально подготовленных к несению военной службы кадров, они имели неэффективную структуру, выполнение действий не было централизованным, в то время как начатое строительство Красной Армии нуждалось в сильном военном аппарате на местах.

Декретом Совета народных комиссаров РСФСР от 8 апреля 1918 г. были учреждены волостные, уездные, губернские и окружные комиссариаты по военным делам [4]. На военкоматы возлагалось проведение мероприятий по учету годного к военной службе населения, его призыву, формирование вооруженных сил, всеобщее обучение трудящихся военному делу, управление войсками, предназначенными для обслуживания местных нужд и удовлетворение материальных потребностей местного снабжения. В отличие от военных отделов, подчинявшихся только тем Советам, в состав которых они входили, Декретом устанавливалась централизация в организационном строительстве комиссариатов, их строгое подчинение и отчетность нижестоящего комиссариата перед вышестоящим. Организационно-штатная структура комиссариатов утверждалась Приказом Народного комиссариата по военным делам от 20 апреля 1918 г. [5, л. 3].

На основании «Положения о губернских комиссариатах по военным делам», изданного Декретом от 8 апреля 1918 г., Витебским губернским Советом 16 мая 1917 г. был избран губернский военный комис-

сариат в следующем составе: Семен Крылов (губернский военный комиссар) и Вальдемар Даубе (в связи с отъездом 17 мая 1918 г. в командировку его кандидатура была заменена на Виктора Путьна) и временно исполняющий должность военного руководителя товарищ Хутт [2, л. 20; 6, л. 29; 7, л. 31]. Согласно Приказу губернского военного комиссара С. Крылова от 17 мая 1918 г., началось переформирование Военного отдела губернского Совдепа, расположенного в здании бывшего Женского духовного училища, в губернский военный комиссариат [2, л. 20; 8, л. 120].

Принимая во внимание огромную территорию, занимаемую Советской Россией, для лучшего функционирования местных военных органов управления Декретом СНК РСФСР от 4 мая 1918 г. вся страна была разделена на военные округа, в состав которых входили определённые губернии. Витебская губерния первоначально была включена в Московский военный округ, а согласно приказу Реввоенсовета РСФСР от 28 ноября 1918 г., вошла в состав созданного Минского военного округа, который Приказом РВСР от 14 декабря 1918 г. был переименован в Западный военный округ (ЗапВО) [9]. Таким образом, Витебский губернский военный комиссариат находился в прямом подчинении окружного комиссариата ЗапВО и губернского исполкома [10, л. 6].

Главные задачи, которые стояли перед руководством Витебского губернского военного комиссариата: осуществление работы по учету годного к военной службе населения и его призыву, формирование вооруженных сил; управление войсками, предназначенными для обслуживания местных нужд; организация снабжения воинских частей. Также от военного комиссариата требовалось создание условий для всеобщего воинского обучения населения, ликвидации безграмотности, проведение вербовочно-агитационной деятельности среди населения, создание инструкторских и спортивных школ, размещение и содержание эвакуированных, раненых и военнопленных. Кроме того, губвоенкомат направлял деятельность подчинённых ему уездных и волостных военных комиссариатов [2, л. 15]. Их количество не было постоянным, первоначально в 1918 г. в подчинении Витебского губвоенкомата было 11 уездных комиссариатов, а в связи изменениями территории губернии к весне 1924 г. их осталось 7. Количество волнвоенкоматов так же постоянно изменялось, а в соответствии с Декретом СНК РСФСР от 21 марта 1921 г. они упразднялись, а их функции переходили к Военным отделам волостных исполнительных комитетов [11].

Таким образом, Витебский губернский военкомат как местный орган военного управления должен был ведать почти всеми вопросами строительства армии, и на него был возложен широкий круг обязанностей. В связи с этим штат военкомата был достаточно большим. Начатая с момента образования Витебского губернского военкомата 17 мая 1918 г. работа по его формированию продолжилась до июня 1918 г. Согласно Инструкции к Декрету от 8 апреля 1918 г. губкомиссариат должен был включать следующие отделы: общий, агитационно-вербовочный, учётный, отдел формирования и обучения, инструкторский, санитарный, отдел снабжения, транспортный [12, л. 217–218]. Приказ Народного комиссариата по военным делам от 20 апреля 1918 г. устанавливал соответствующий штат комиссариатов [12, л. 3–4об]. Как свидетельствует список служащих губернского военного комиссариата на 18 июня 1918 г. структура военкомата отвечала требованиям Положения, штат был полностью укомплектован и включал 112 сотрудников [7, л. 64–65].

Главной проблемой в организации Витебского губвоенкомата и подчинённых ему уездных и волостных комиссариатов был общий дефицит необходимых кадров, в связи с чем штаты военкоматов зачастую не могли быть полностью укомплектованы. Так, Полоцкий уездный военный комиссар К.Ф. Гатовский в своем письме от 21 июня 1918 г. в Витебский губернский комиссариат отмечал, что «попытки набрать на месте достаточное число служащих в комиссариате лиц... оказались безуспешными», а поэтому просил «для пользы дела прийти в этом организационном вопросе на помощь» [13, л. 9–10]. Подобная ситуация была характерна и для других вверенных губкомиссариату военкоматов, в связи и с чем работа по их созданию продолжалась до июля 1918 г.

Так как с февраля 1919 г. до марта 1924 г. Витебская губерния входила в состав РСФСР, формирование местных органов военного управления и определение оптимальной организационно-штатной структуры проходили в условиях начавшейся Гражданской войны и имели затяжной характер. Существенно повлияли на ситуацию в Витебской губернии и события советско-польской войны 1919–1920 гг. Уже 23 августа 1919 г. губерния была объявлена на военном положении, в дальнейшем значительная ее часть – Городокский, Дриссенский, Лепельский, Полоцкий и Сенненский уезды – подверглась польской оккупации [14, с. 46]. В сложной, быстро меняющейся военно-политической обстановке, военкоматы часто переформировывались, меняли штаты, упраздняли одни отделы и вводили другие, дополняли обязанности отдельных подразделений и должностных лиц.

Согласно Приказу от 16 января 1919 г. Реввоенсовета с 10 февраля 1919 г., вводились в действие новые утвержденные положения и штаты губернского и уездного военных комиссариатов [10, л. 5–13]. Практически все отделения затронул процесс сокращения штатов, а это в свою очередь привело к уменьшению числа отделов и принятии на себя их функций другими отделениями [15, л. 70–70 об.]. С 1919 г. общий отдел в структуре военкоматов был переименован в канцелярию, агитационно-вербовочный преобразован в административно-мобилизационный и агитационно-просветительский отделы. Кроме того, на правах самостоятельных структурных частей были созданы губернская и уездные комиссии по борьбе с дезертирством. Комиссии вели учет дезертиров для передачи в Ревтрибунал и от-

правке в войсковые части. Созданные к концу 1918 г. юридические отделы, основным предназначением которых являлась борьба с правонарушениями и преступностью, были выведены из состава канцелярии на правах самостоятельной Следственной части. Переименованию и реорганизации подлежал и отдел формирования и обучения, на основании которого были созданы отдел всеобуча, преобразованный в дальнейшем в отделение спорта и допризывной подготовки [10, л. 5–13; 16, л. 11–12 об.].

Однако, несмотря на проведенные мероприятия, функции военных комиссариатов по-прежнему оставались слишком обширными, а штаты – громоздкими. В июле 1922 г. были введены новые штаты губернских и уездных военных комиссариатов, по которым их численность значительно сократилась. В структуре Витебского губвоенкомата оставались только канцелярия, мобилизационное и хозяйственное отделения, комендантское управление, а список сотрудников уменьшился до 46 человек. Решение вопросов укрепления политико-морального состояния личного состава военкомата и воинских частей гарнизона было возложено на политсекретариат, штаты которого были предусмотрены отдельным приказом [16, л. 12–13]. В последующие годы структура военкоматов продолжала претерпевать изменения, как в организационном плане, так и по содержанию работы [17, л. 7–7 об.; 18, л. 32–33].

С включением большей части Витебской губернии в состав БССР и введением нового административно-территориального деления республики в 1924 г. началась реорганизация Витебского губернского и уездных комиссариатов и формирование новых местных органов военного управления в округах и районах под руководством Нарвоенкомата Белоруссии (с 1 ноября 1924 г. – Белорусский военный комиссариат) [18, л. 77–78 об.].

Таким образом, местные органы военного управления на территории Витебской губернии проделали большой исторический путь. Пришедшие в 1918 г. на смену системе мобилизационных и призывных органов Российской империи военные комиссариаты должны были вести почти всеми вопросами строительства армии, и на них был возложен широкий круг обязанностей. В ходе своего формирования и становления они претерпели значительные преобразования, связанные как с изменением военно-политической ситуации, так и процессом определения оптимальной и наиболее эффективной организационно-штатной структуры новых местных органов военного управления.

1. Воинский учет и бронирование граждан, пребывающих в запасе : специальный учебник / Ю.Л. Колесников [и др.]; под общ. ред. А. В. Иванова. – СПб. : ФГАОУ ВО «СПбПУ», 2017. – 145 с.
2. Государственный архив Витебской области. – Ф. 1582. Оп. 1. Д. 6.
3. Государственный архив Витебской области. – Ф. 1582. Оп. 1. Д. 7.
4. Декрет СНК. О волостных, уездных, губернских и окружных комиссариатах по военным делам от 08.04.1918 г. №413 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://istmat.info/> – Дата доступа: 06.01.2018.
5. Государственный архив Витебской области. – Ф. 1582. Оп. 1. Д. 2.
6. Государственный архив Витебской области. – Ф. 1582. Оп. 1. Д. 28.
7. Государственный архив Витебской области. – Ф. 1582. Оп. 1. Д. 9.
8. Государственный архив Витебской области. – Ф. 56. Оп. 2. Д. 1.
9. Приказ РВСР от 28.11.1918 №297/42 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://rkka.ru/> – Дата доступа: 05.01.2018.
10. Государственный архив Витебской области. – Ф. 1582. Оп. 1. Д. 1.
11. Декрет СНК. О порядке преобразования Волостных Военных Комиссариатов в Военные Отделы Волостных Исполнительных Комитетов от 21.03.1921 №135 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://istmat.info/> – Дата доступа: 15.01.2018.
12. Государственный архив Витебской области. – Ф. 1591. Оп. 1. Д. 2.
13. Зональный архив в г. Полоцке. – Ф. 182. Оп. 1. Д. 30.
14. Иванова, Т. Деятельность государственных органов управления Витебской губернии во время польско-советской войны 1919–1920 гг. / Т. Иванова // Журнал международного права и международных отношений. – 2005. – № 3. – С. 46–50.
15. Государственный архив Витебской области. – Ф. 1582. Оп. 1. Д. 172.
16. Государственный архив Витебской области. – Ф. 1582. Оп. 1. Д. 271.
17. Государственный архив Витебской области. – Ф. 1582. Оп. 1. Д. 592.
18. Государственный архив Витебской области. – Ф. 1582. Оп. 1. Д. 639.

ЛАТЫШИ НА СТРАНИЦАХ ПЕЧАТИ Г. ВИТЕБСКА 1920-Х ГГ.

Г.Н. Яковлева (Витебск, Беларусь)

Латышское население Витебщины играло различную роль в социально-политических процессах в революционный и постреволюционный период. Крестьяне, арендовавшие или купившие земли на Витебщине в 60-80-е годы XIX в. после отмены крепостного права, селились на хуторах, постепенно укоренились в новых местах, упорным трудом превратили свои хозяйства в зажиточные и товарные, сохранили национальные традиции, религию и язык, не принимали участия в революции. Эта часть латышского населения проживала в местах компактного проживания – латышских колониях, наибольшее количество которых было в Лиозненском, Высочанском, Городокском уездах. Вторая часть – это переселенцы или беженцы периода Первой мировой войны. Беженцы – латыши оседали в разных частях губернии. В городе появился латышский беженский комитет и беженский приют. Много латышей было и среди солдат гарнизона, расположенного в городе. Здесь размещались воинские части, мастерские, госпитали и другие предприятия военного характера. Эти латыши по социальному происхождению, как правило, были рабо-

чими, крестьянами-батраками, солдатами-фронтовиками. Среди них было много членов левых партий. Именно они сыграли важную роль в установлении советской власти в городе и губернии. Потом какая-то часть латышей оказалась в регионе и после подавления революционных выступлений в Латвии в 1919 г.

Возникший в Витебске в 1917 г. латышский клуб получил в 1920 г. статус Центрального латышского клуба Витебской губернии. Конечно, он был партийным клубом, центром притяжения латышско-коммунистов, здесь проходили собрания латышских коммунистов, конференции красноармейцев, совещания женщин-делегаток, конференции школьных работников-латышей и т.д. В разное время при нем действовали разные политические кружки, ячейки МОПРа и Осоавиахима, проводившие работу среди латышей. При ячейке Осоавиахима действовал военный кружок, а занятия химического кружка проводились на латышском языке [1, д.118, л.2].

И в тоже время клуб пытался стать местом, где могли удовлетворить свои культурно-национальные запросы и беспартийные латыши, которые могли посещать художественную, музыкальную, театральную, литературную студии при нем. В клубе проводились вечера латышской музыки, ставились спектакли на латышском (например, драма «Марат») и русском языках (комедия «Медведь» А.П. Чехова). Драмстудия только за июль 1920 г. 16 раз собиралась разучивать пьесы [1, оп. 3, д. 29, л. 74]. Создавал декорации для спектаклей театральной труппы латышский художник Я. Тильберг, работавший в конце 1918 – начале 1919 г. в Художественном училище, созданном в городе во многом стараниями М. Шагала. Драматическая студия действовала на протяжении всех 1920-х гг. и неоднократно выезжала в латколонию со спектаклями. В декабре 1925 г. «Заря Запада» извещала, что в Латышском центральном клубе (Замковая, 22) состоится спектакль на латышском языке. «Пойдет «Балсунатбала» – драма из жизни рабочих в 4-х действиях Андрея Упита» [1, д.95, л.16об.].

В помещении клуба проходили многие знаковые культурные мероприятия города. В 76-м номере за 1919 год «Известия Витебского губернского Совета» сообщали: «Сегодня, 5 апреля, в помещении Латышского клуба «Коммунист» (Замковая ул., против театра «Иллюзион») состоится спектакль-концерт-лекция драматического кружка при Союзе коммунистической молодежи. Под режиссерством тов. С. Фейгельсона будет представлен «Вечный странник» в 3-х актах с прологом Осипа Дымова. Слово о пролетарском искусстве скажет тов. П. Медведев». В духе времени горожан успокаивали, что помещение отапливалось [1, д. 42, л. 4об.]. Интересно, что в помещении латышского клуба 11 марта 1920 года состоялось первое выступление хора, созданного стараниями М.В. Анцева. Хор, получивший в феврале статус государственного, во втором отделении концерта-митинга исполнил «Коммунистический Интернационал, Варшавянку, Коммунистическую Марсельезу, 5 белорусских песен, 3 великорусские песни, и большую концертную пьесу Гуно «На реках вавилонских»» [1, оп. 3, д. 29, л.88]. 1 апреля 1920 года здесь праздновал 15-летие своей сценической деятельности один из создателей знаменитого ТЕРЕВСАТА артист Михаил Разумный. 14 апреля того же года в день годовщины смерти основателя эсперанто доктора Заменгофа состоялся большой концерт-митинг с участием лучших артистических сил города и членов общества эсперантистов [1, д. 57, л. 25об., 27об.]. Также проводили в латклубе свои мероприятия члены «УНОВИСа», в мае 1922 г. читал свои лекции «Живописные доказательства» и «Бог не скинут (искусство, церковь, фабрика)» К. Малевич [2, с. 258, 150].

«Заря Запада» сообщала о широком культурном празднестве, 30-31 июля 1927 г. организовывавшемся в Центральном латышском клубе. Мероприятие действительно носило довольно масштабный характер. Его программа была рассчитана на максимальное вовлечение крестьянских масс латколоний, учитывала их интересы. 30 июля вечером предполагался спектакль и массовые гуляния – игры и национальные хороводы. 31 июля должна была состояться агрономическая лекция и спортивные выступления, а вечером – доклад о международном положении, концерт объединенного хора (клуба и хоров красных уголков латколоний). Затем всех вновь приглашали на игры и национальные хороводы. Все два дня в клубе должен был функционировать тир, играть оркестр духовой музыки, летучая газета, выставка стенгазет и выставочный стол [1, д. 110 а, л.51об.].

Бывали в латклубе и другие гости. В январе 1929 года здесь организовали грандиозный вечер студенты Ленинградского латышского педагогического техникума, представив три инсценировки молодежной «Синей блузы» на латышском и русском языках, выступление студенческого хора, оркестра, игры, куплеты и др. [1, д.118, л.13].

Публикации на страницах газет, связанные с латышами, отражают те процессы или события, которые волновали тогда советское общество. Поскольку тогда шли бурные дебаты о новом быте и внедрении советской безрелигиозной обрядности («красных обрядов»), это сказывалось и на интересах коммунистов-латышей. 15 февраля 1924 г. латбюрогубкома РКП(б) извещало о продолжении дискуссии на тему «Формы быта и пути пролетарской культуры» [1, д.93, л.107об.].

Смерть В.И. Ленина сопровождалась массовыми публикациями откликов населения города и губернии. 30 января 1924 г. «Известия Витебского губкома РКП и губисполкома» сообщали о реакции коллектива Лашневской латышской национальной школы (Высочанская волость, Витебский уезд) на смерть вождя. «Коллектив, собравшись в день похорон Ильича, с глубокой скорбью вспоминает о великой утрате Союза Республик и клянется сплотиться еще теснее вокруг поднятого Ильичом коммунистического знамени. Заветы Ильича будут претворены в жизнь» [1, д.93, л. 67об.].

Встречается на страницах витебских газет и информация о Латвийской республике. Однако эта информация, как правило, только политического характера и негативна. Подборка сообщений прессы о Латвии способствовала формированию стереотипов, которые утвердились в представлениях о родине у местных латышей-большевиков. 28 января 1926 г. в латклубе состоялось массовое собрание латышей г. Витебске. «На повестке дня стоял доклад тов. Кревса «О рабочем движении и экономическом состоянии Латвии». Сам тов. Кревс недавно был выпущен из белолатвийской тюрьмы» [1, д. 106, л. 39]. Характерны в этом смысле списки книг и брошюр, рекомендованных Главполитпросветом для выписки в те избы-читальни и народные дома, которые были созданы в местах компактного проживания латышского населения: «Бремя налогов в Латвии», «В застенках латвийской «Демократии», «Получат ли землю батраки в Латвии» и т.д.

Интересна в смысле восприятия стран-соседей как средоточия всего наихудшего статья о проявлениях антисемитизма в среде витебских советских служащих низшего звена. Критикуя делопроизводителя Витебского районного исполнительного комитета, в разговорах не стеснясь, призывавшего «резать жилов», автор статьи, иронизируя, рекомендовал ему на десятом году Советской власти выбрать для своих антисемитских прогулок «закоулок под крылышком Пилсудского, или благословенной Эстонии, или счастливой Латвии, но ни как ни в советском учреждении» [1, д. 106а, л. 81].

В 1927 г. было много публикаций, посвященных подготовке советско-латвийского торгового договора и борьбе различных политических сил и экономических кругов Латвии вокруг его подписания. Причем, позиция реакционных «правых рижских купцов», выступавших против подписания договора тогда отделялась от позиции правительства. Подчеркивалась общая заинтересованность двух стран в экономических контактах. В 1927 г. еще встречаются сообщения о поездках советских рабочих в Латвию и дружеских спортивных встречах советских рабочих с латвийскими рабочими-боксерами, футбольными командами и т.д. [1, д. 110а, л. 56, 68]. Поскольку в конце июля 1927 г. 300 политических заключенных в центральной рижской тюрьме объявили голодовку, то эта тема нашла свое отражение на страницах витебской печати, а в латышском клубе по призыву латбюро состоялась акция солидарности с голодавшими [1, д. 110а, л. 56, 69]. В 1929 г. тональность публикаций становится более жесткой. Положительных или хотя бы нейтрально выдержанных публикаций практически не встречается. «В Латвии голодает 70% населения», «Латвия на пути реакционной диктатуры», «Латвийские политики выполняют задания Пилсудского и английских твердолобых», – таковы, например, заголовки статей или заметок, размещенных на первой странице «Зари Запада» в 1929 г. [1, д. 118, л. 84, 111, 117].

В конце февраля 1926 г. в Витебске в Центральном латышском клубе открылся Всебелорусский съезд крестьянок-латышек, на котором должно было присутствовать около 50 делегатов. Его ход широко освещался в газете «Заря Запада». Приветственная часть съезда строилась на противопоставлении положения трудящихся женщин на Западе, и в частности, в «белой Латвии», и в БССР. Всего в БССР проживало 20317 человек латышского населения, из них до 10000 – в Витебском округе, поэтому здесь и проводился съезд. Интересны данные о социальном составе латышского населения, приводившиеся тогда: 78% хозяйств – середняки, 14 – бедняки, 6% – кулаки, 2% – батрацкие хозяйства. Средняки вели интенсивное сельское хозяйство, применяли многопольный севооборот, травосеяние, корнеплоды, сельхозмашины. Констатировалось, что у латышей преобладают «хорошо поставленные середняцкие хозяйства». Однако на съезде уже звучала идея о том, что хуторские хозяйства латышских колоний достигли своего предела, дальше которого нет развития: либо эти хозяйства застынут, либо объединятся в кооперативные или колхозные хозяйства [1, д. 106, л. 97]. В БССР действовало 8 национальных латышских сельсоветов, 17 латышских школ, 1 детский интернат, который охватывал 790 детей. В латколониях действовало 14 культурно-просветительных кружков, которые охватывали около 450 членов. Отмечалось, что многие латышские крестьяне интересовались новинками сельского хозяйства, посещали сельскохозяйственные кружки, в которых пропагандировалось многополье, мелиорация, машинные товарищества. Расцвет нэпа способствовал определенным положительным моментам в развитии латышских хозяйств.

В «Витебской Крестьянской газете» в июле 1925 г. в статье «ПРИМЕРНЫЙ ХОЗЯИН» (Горбовский сельсовет) автор под псевдонимом «Воевода» так описывал латышского крестьянина, достойного для подражания и белорусам: «Есть в сельсовете крестьянин Югон Янис. Хозяйство его маленькое – 6 десятин, а семья в 10 человек. Тяжелым упорным трудом удалось ему сделать хозяйство образцовым. Он ввел семипольный севооборот. На полях хлеб растет как нигде в сельсовете. Имеющийся у него лесок похож на парк. Все деревья подчищены, в лесу не найдешь ни прутика. Имеются 2 племенные кобылицы, за которые на выставке получена первая премия. Коров имеется дойных 4. По своему удою они первые в сельсовете. *Некоторые неосознательные крестьяне никак не могут поверить, что все это достигнуто трудом и думают, что Югон Райнис является колдуном (выделено нами -Г.Я.)*. Как хороший и передовой крестьянин, Янис избран в сельскохозяйственную комиссию и дает много советов крестьянам. Всем крестьянам следует брать пример с этого образцового хозяйства» [1, д. 102, л. 2]. На всебелорусском конкурсе на лучшее крестьянское хозяйство, проводившемся в 1926 году, «за культурное и показательное ведение хозяйства, исследовательский уклон и агрикультурное значение» присуждены дипломы 1-ой степени пяти хозяйствам, в числе которых упоминаются как минимум два хозяина с латышскими фамилиями: Петр Боксбер из деревни Заборье Высочанского района Витебского округа и Петр Бернгард из Боярского сельсовета Полоцкого района и округа [1, д. 106б, л. 69].

II сессия ЦИК БССР (июль 1924 г.) в постановлении «О практических мероприятиях по проведению национальной политики в Белоруссии» подчеркнула необходимость «обеспечить возможность выделения местностей с преобладающим еврейским, польским, латышским и другим населением в самостоятельные единицы, в случае, если таковое выделение не будет резко нарушать основания и системы нового административно-хозяйственного деления республики» [Цит. по: 3, с. 81]. Сессия в постановлении «Об административно-хозяйственном делении БССР», утвердившем новую структуру административно-территориального деления республики, поставила перед правительством задачу «при окончательном определении состава районов и сельсоветов обеспечить возможность выделения местностей с преобладающим еврейским, польским, латышским, литовским и другим населением в самостоятельные административные единицы...» [Там же]. Национальные советы начинают создаваться с конца 1924 г. В 1926 г. в республике уже существовало 8 национальных латышских сельсоветов.

«Заря Запада» в феврале 1929 г. печатала материалы о ходе республиканского конкурса на лучший сельсовет. Участвовал в нем и Уновский латышский национальный совет Лиозненского района. Газета сообщала, что национальный совет обслуживает в основном латышское население пяти населенных пунктов с общим числом населения 769 человек. Время по сравнению с 1925 годом уже очевидно изменилось. По мнению корреспондента, в начале своей деятельности совет работал плохо, т.к. сначала председателем и секретарем были избраны зажиточные крестьяне Веприт и Чандер. Беднота льготами не пользовалась, жалобы либо не рассматривались вообще, либо решались по 3-4 месяца. В результате руководство было снято с работы и отдано под суд. После них в президиум нацсовета опять были выбраны зажиточные крестьяне – Вейин и Прейс, которые, по мнению корреспондента К., никакой работы не вели, срывали кампании и в результате тоже пошли под суд. Только когда в руководство нацсовета был избран член партии т. Лапин и секретарь т. Климан, в состав членов совета вошли бедняки, тогда работа стала налаживаться. Бедняки получили помощь, сельхозналог и страховка поступили без репрессивных мер на 100%, распространены на 1000 рублей займы индустриализации, успешно проведено самообложение. Скорее всего, именно эти меры не хотели активно проводить в жизнь предыдущие члены руководства Уновского нацсовета. Также упоминались мероприятия, которые носили, несомненно, положительный характер и явно характеризовали местное население положительно. «Культурность» местного латышского крестьянства прослеживалась в тех мерах, которые были реализованы, и явно не за последний год. Газета в числе достижений упоминала: 90 % хозяйств переведено на многопольный севооборот, организована пожарная дружина, выбрано санитарно-ветеринарное попечительство, отремонтирована хата-читальня и частично народный дом. При избе-читальне было установлено радио, работало 10 кружков (политические, драматический, хоровой, сельскохозяйственный, кройки и шитья), которыми охвачено 350 человек, открыта латышская школа [1, д. 95, л. 25об.].

Упоминания о наличии определенного антагонизма между латышами и белорусами (или русскими) в деревнях периодически встречались в партийных документах. Стереотипы восприятия друг друга были приблизительно таковы: «Латыши считают русских лодырями, а русские латышей – кулаками». В работу сельских советов латыши втягиваются слабо. «Что я туда пойду говорить с лодырями, все равно меня там считают кулаком и мои мнения будут осмеиваться другими». Латышские крестьяне были уверены в преимуществе хуторов, единстве латышского населения, и даже через 10 лет советской власти не хотели признавать классового расслоения в своих рядах. Это подтверждается частично и тем, что в состав сельсоветов латыши выбирали наиболее трудолюбивых, предприимчивых, а значит, и наиболее зажиточных крестьян.

Материалы витебской прессы позволяют сделать следующие выводы. Латыши-горожане были максимально втянуты в процессы преобразования общества и стремились через латышский клуб влиять на население латышских колоний. Население латколоний было зажиточным, трудолюбивым, смогло использовать новую экономическую политику для сохранения и укрепления хуторских хозяйств. На этапе расцвета НЭПа латышские хозяйства пропагандировались в местной прессе как пример для подражания. Очевидна увлеченность латышского населения хоровым и драматическим искусством, сохранение ими культурно-просветительных кружков, многие из которых возникли еще до революции.

1. Государственный архив Витебской области (ГАВО) – Ф.2289. Оп.2. ДД. 42, 57, 93, 95, 102, 106, 106а, 110, 110а, 110б, 118.
2. Витебск: Классика и Авангард. История Витебского Художественного училища в документах Государственного архива Витебской области (1918-1923) / Сост.: М.В. Пищуленок, Т.М. Свистунова и др. – Витебск: УПП «Вит.обл. типография», 2004. – 336 с.
3. Елизаров, С. А. Формирование и функционирование системы административно- территориального деления БССР (1919–1991 гг.) / С. А. Елизаров. – Гомель : ГГТУ им. П. О. Сухого, 2009. – 222 с.

БЕЛОРУССКИЙ ПОСОЛЬСКИЙ КЛУБ В ПОЛЬСКОМ СЕЙМЕ: ПЕРВЫЕ ШАГИ (1922–1923)

Г.Г. Дедулин (Харьков, Украина)

Рижский мир 1921 года в очередной раз перекроил границы в Восточной Европе, разделив белорусов. Большая часть представителей национального движения осудила договора, но уже вскоре была вынуждена начать адаптацию к новым геополитическим реалиям. Белорусские политики, оказавшиеся во II Речи Посполитой, за исключением эсеровского подполья, вначале, отстаивая права своего народа, решила попытаться максимально использовать легитимные возможности, не выходя за пределы правового поля. В этом отношении, чрезвычайно важным представлялось получение белорусами собственного представительства в польских органах законодательной власти.

Осенью 1922 г. должны были состояться выборы в польский сейм и сенат. Все организации и партии белорусов, входившие на тот момент в состав Белорусского национального комитета (БНК), решили принять участие в них. Однако особенности польского избирательного законодательства, направленные на ограничение представительства в сейме и сенате депутатов не титульной национальности, заставили БНК идти на объединение с другими национальными меньшинствами (украинцами, немцами, евреями) в единый блок, что существенно повышало шансы на общий успешный исход.

С лета 1922 г. белорусские политики развернули широкую агитационную кампанию. Из представителей разных белорусских партий они создали Центральный избирательный комитет (БЦИК), включавший Ф. Алехновича, В. Богдановича, А. Власова, М. Гарецкого, М. Кохановича, С. Рак-Михайловского, Л. Родзевича, А. Станкевича, К. Степовича, Б. Тарашкевича, А. Трепку, Ф. Яремича – всего 38 человек. Его председателем стал А. Луцкевич [7, с. 163]. Состав БЦИКа позволяет судить, что на том этапе в белорусском движении еще не было резкой дифференциации между представителями разных течений.

Что же было положено белорусами в основу их предвыборной кампании? Соблюдение гражданских свобод, упразднение осадничества и осуществление передела земли в пользу местных крестьян, 8-часовой рабочий день, расширение самоуправления и, наконец, образование автономной единицы с краевым центром в Вильно. Запросы носили довольно умеренный характер, но и они в сложившейся ситуации помогли белорусским кандидатам завоевать доверие избирателей региона, и результаты выборов принесли успех представителям национального движения.

Белорусским кандидатам удалось ослабить позиции популярных в Западной Беларуси ППС и ПСЛ «Вызволненне», проведя в сейм 11, а в сенат 3 своих кандидатов [4, с. 141]. Депутатами сейма оказались А. Овсяник, С. Баран, В. Калиновский, М. Коханович, П. Метла, В. Рагуля, С. Рак-Михайловский, А. Станкевич, Б. Тарашкевич, С. Яковюк, Ф. Яремич. Сенаторами стали: А. Власов, В. Богданович и А. Назаревский. Интересно, что Антон Луцкевич отказался включать свою фамилию в список кандидатов. Он мотивировал это тем, что для экс-председателя белорусского правительства участие в польских органах власти недопустимо.

Белорусские послы вошли в состав почти всех ключевых сеймовых комиссий: промышленности и торговли (Ф. Яремич), народного образования (Б. Тарашкевич и С. Рак-Михайловский), иностранных дел (А. Станкевич), военную (М. Коханович) и др. [6, 1923 – 27. 02]. Результаты выборов давали надежду белорусам, что им удастся отстоять свои национальные права, не прибегая к радикальным, неконституционным методам.

Получив в итоге 2,4% мест в сейме, белорусы решили сохранять единство, создав Белорусский посольский клуб (БПК), куда вошли все депутаты сейма и сенаторы; возглавил его Б. Тарашкевич. Так как в составе БПК оказались разные по своим идейным взглядам деятели, необходимо было выработать такую тактику, которая бы смогла сохранить единство в действиях депутатов. Поэтому принятый в конце 1922 г. статут БПК совмещал в себе как умеренные, так и достаточно радикальные идеи.

«В основе платформы БПК, – говорилось в нем, – защита прав белорусского населения в границах Польской Речи Посполитой. Гарантированные Версальским договором и задекларированные Мартовской конституцией права национальных меньшинств должны быть применены относительно белорусов. Создание из белорусских земель отдельной автономной единицы с краевым сеймом в Вильно. Выделение белорусских частей из польских воеводств, куда они оказались присоединены для полонизаторских целей. Пока не будет проведена в жизнь территориальная автономия, БПК требует безотлагательного выполнения следующего: а) на белорусских землях белорусы должны быть допущены без всяких ограничений на административные посты; б) осуществления культурно-национальной автономии для белорусов, свободное развитие частной белорусской школы; в) равные права для белорусского языка с государственным языком в администрации и суде; г) свободы религий; д) вся земля – белорусскому крестьянину без выкупа, отмены закона об осадничестве...» [1, л. 3].

Белорусские депутаты принялись с воодушевлением работать в польском сейме. В своих выступлениях послы стремились показать общественности, что белорусский народ существует, критиковали эндеков за их политику полонизации, ППС – за нерешенность аграрного вопроса, деятельность Граждан-

ского управления восточных земель – за многочисленные нарушения прав белорусов в Польше. Но в тот период, несмотря на заявления членов БПК о «непримиримой оппозиционности» к государственной политике, надежды на получение автономии все же заставляли белорусский клуб придерживаться более умеренной линии в отношениях с правительством.

Позже газета христианских демократов «Беларуская крыніца» писала по этому поводу: «БПК не имел изначально ясной политической линии. Белорусские депутаты голосовали при выборах президента за Нарutowича, но отказали в поддержке Войцеховскому... Белорусские депутаты поддержали кабинет генерала Сикорского...» [6, 1927 – 28. 01]. Один из членов клуба В. Рагуля также отмечал, что политику БПК на начальном этапе можно было трактовать как соглашательскую, но именно это, по его мнению, доказало, что поляки не желают идти даже на минимальные уступки и привело к быстрой радикализации позиции послов [3, с. 112].

Польская сторона существование БПК воспринимала, как реальную угрозу своим ассимиляционным планам и все ее действия были направлены на то, чтобы ослабить, разобщить клуб. Уже в марте 1923 г. за решеткой оказался посол С. Баран, обвиненный в связях с эсеровским подпольем; спасаясь от преследований, эмигрировал в Литву С. Яковюк, а в БССР – М. Коханович. В. Калиновского лишили мандата из-за отсутствия польского гражданства [5, с. 51]. «БПК почти всегда проводит агитацию враждебную Польше», – указывалось в служебной записке МВД [2, л. 211].

Отсутствие взаимопонимания, новый виток репрессий, заставили осенью 1923 г. большинство членов клуба отказаться от каких-либо попыток сотрудничества с польскими властями. При особом мнении остался лишь председатель БПК Б. Тарашкевич, продолжая настаивать на лояльном отношении к властям, все еще не исключая возможности компромисса.

1. Беларуский государственный архив-музей литературы и искусства (БДАМЛіМ). – Ф. 3. Воп. 1, спр. 207.
2. Национальный архив республики Беларусь (НАРБ). – Ф. 242. Воп. 1, спр. 153.
3. Рагуля, В. Успаміны // В. Рагуля // Спадчына. – 1994. – № 4. – С. 107 – 127.
4. Сидоревич, А. Антон Луцкевич / А. Сидоревич // Неман. – 1990. – № 7. – С. 91 – 167.
5. Bergman, A. Bronislaw Taraszkiewicz a lewica belwederska / A. Bergman // Kwartalnik Historyczny. – 1968. – № 1. – S. 41 – 58.
6. Krynica // Орган БХДЗ (1917 – 1925).
7. Stankiewicz, Ad. Bielaruski Chrystcijanski ruch / Ad. Stankiewicz – Vilnia, 1939. – 272 s.

ДЗЕЙНАСЦЬ БЕЛАРУСКІХ СТУДЭНТАЎ У ІТАЛІЎ 1920-Я ГАДЫ

В.У. Коваль (Мінск, Беларусь)

Спадчына беларускай дыяспары стала адной з найбольш актуальных тэм сучасных даследчыкаў. У апошніх навуковых публікацыях падкрэсліваецца ідэя, што важным крытэрыем для фарміравання дыяспары з’яўляецца працэнт інтэлектуальнай эліты нацыі ў асяродку замежжа, што ўплывае на магчымасць самаідэнтыфікацыі эміграцыі ў новых культурных умовах. Даследаванне дзейнасці беларускіх студэнцкіх арганізацый пашырае ўяўленні пра складаны працэс фарміравання беларускай інтэлігенцыі ў асяродку замежжа.

Міжваенная эміграцыйная хваля фарміравалася ў асноўным з ліку жыхароў Заходняй Беларусі, якая з 1921 г. уваходзіла ў склад Польшчы. Беларускія эмігранты пакідалі Бацькаўшчыну не толькі па эканамічных, але і па палітычных прычынах. Асобным пытаннем даследавання з’яўляецца вывучэнне кірункаў дзейнасці беларускага студэнцтва ў розных краінах свету, іх арганізацыйная праца і палітычныя праекты.

Дыскрымінацыйная палітыка польскіх улад у галіне адукацыі прымушала беларускую моладзь ехаць вучыцца за мяжу. Беларускія грамадскія арганізацыі і палітычныя лідэры рэгулярна заяўлялі на міжнародным узроўні пра несправядлівае стаўленне да нацыянальных меншасцей у Другой Рэчы Паспалітай, аднак сітуацыя не мянялася да лепшага.

Асноўная частка беларусаў вучылася ў Чэхаславакіі, дзе ў міжваенны перыяд дзейнічала “руская акцыя” – праграма падтрымкі эмігрантаў з тэрыторыі былой Расійскай імперыі. Адным з асноўных кірункаў падтрымкі быў адукацыйны, у Чэхаславакіі дзейнічалі спецыяльныя ўстановы адукацыі для эмігрантаў, сур’ёзныя сумы былі накіраваныя на стыпендыі для студэнтаў, на развіццё інтэрнатаў, сталавак і бібліятэк.

Варта адзначыць, што частка беларусаў набывала адукацыю ў Германіі, дзе ў 1920-ыя гады праводзілася праца па стварэнню нацыянальных арганізацый. Некаторыя беларусы змаглі паступіць у вышэйшыя навучальныя ўстановы Злучаных Штатаў Амерыкі, аднак падобных прыкладаў у гісторыі міжваеннай эміграцыі зусім мала.

Слаба даследаваным фрагментам фарміравання беларускай дыяспары застаецца дзейнасць студэнтаў-беларусаў у Італіі. Асаблівасцю італьянскага студэнцкага асяродка стала навучанне ў Рыме будучых ксяндзоў, якія пераканаўча заяўлялі пра сваё беларускае паходжанне. Маладыя людзі настойліва і ўпарта на міжнародным узроўні распаўядалі пра развіццё нацыянальнай свядомасці беларускага народа ў Заходняй

Беларусі. Юнакі вучыліся ў Грыгарыянскім і Арыентальным універсітэтах Рыма. Пра поспехі ксяндзоў-беларусаў рэгулярна пісалі перыядычныя выданні на Бацькаўшчыне, некаторыя газеты нават мелі спецыяльную рубрыку “Беларусы ў Рыме” (віленскія газеты “*Bielaruskaja Krupica*” і “Сын Беларуса”).

Будучыя ксяндзы студэнты-беларусы выступалі на канферэнцыях з дакладамі пра свой народ, падкрэсліваючы сваё няпольскае паходжанне, прадстаўлялі інтарэсы беларусаў у разнастайных студэнцкіх аб’яднаннях. Напрыклад, у лістападзе 1925 г. у Рыме адбылося ўрачыстае святкаванне 1600-й гадавіны Нікейскага сабору, дзе прынялі ўдзел два беларускія студэнты Чарняўскі і Кулак ад імя беларускіх каталікоў [4, с. 8], пра што пісала віленская газета “*Bielaruskaja Krupica*”.

Асобным кірункам дзейнасці студэнтаў за мяжой стала іх кансалідацыя ў міжнародныя арганізацыі. Самым буйным студэнцкім асяродкам беларусаў замежжа ў міжваенны час была Чэхаславакія, таму большасць маладзёжных арганізацый свой цэнтральны орган размяшчалі ў Празе. Да дзейнасці аб’яднанняў і саюзаў у Чэхаславакіі актыўна далучаліся беларускія студэнты ў Італіі.

Адной з найбольш значных арганізацый беларускай моладзі ў 1920-ыя гады стала Аб’яднанне беларускіх студэнцкіх арганізацый (АБСА), якое дастаткова хутка выйшла на міжнародны ўзровень. Беларускі грамадскі дзеяч замежжа Васіль Русак апісваў арганізацыйную работу па стварэнню АБСА наступным чынам: “Як вынік перагавораў між паасобнымі беларускімі студэнцкімі арганізацыямі (Praha, Vilna, Rym, Padebrady, Bratislava, Brno) была створана ў 1924 г. свая ўласная цэнтраля АБСА з тымчасовай сядзібаю ў Празе, якая зараз-жа па заарганізаванню пачала супрацоўнічаць з чужаземным студэнцтвам” [3, л. 2]. Варта падкрэсліць, што сярод заснавальнікаў Аб’яднання беларускіх студэнцкіх арганізацый былі прадстаўнікі студэнцтва Італіі. Нягледзячы на тое, што беларусаў у Рыме было мала (каля дзесяці чалавек), яны адрозніваліся сваёй руплівай і мэтанакіраванай працай, высокім узроўнем матывацыі ў арганізацыйнай рабоце, актыўнай грамадскай пазіцыяй.

У 1926 г. АБСА было ўключана ў склад Міжнароднай студэнцкай канфедэрацыі (С.І.Е.), дзе рэгулярна ўздымала пытанні дыскрымінацыі беларусаў у Другой Рэчы Паспалітай. Маючы дастаткова сціплы бюджэт, АБСА накіроўвала сваіх прадстаўнікоў на кангрэсы і канферэнцыі С.І.Е. Міжнародная студэнцкая канфедэрацыя рэгулярна дасылала беларусам сваю прэсу, накіроўвала афіцыйныя лісты і рэзалюцыі.

Студэнты ў Італіі вялі актыўнае ліставанне з цэнтральнай суполкай Аб’яднання беларускіх студэнцкіх арганізацый. Лісты з Рыма захоўваюцца сярод калекцый дакументаў Беларускага дзяржаўнага архіва-музея літаратуры і мастацтва [2, л. 9]. Паводле адзначанага ліставання і матэрыялаў міжваеннай прэсы можна зрабіць выснову, што сваёй актыўнай грамадскай працай адзначыліся беларускія студэнты ў Італіі: Станіслаў Хлакоўскі, Антон Ройка, Франчук Чарняўскі.

Матэрыялы беларускамоўных газет міжваеннага перыяду сведчаць, што адным з найбольш здольных у навуковай і даследчыцкай працы стаў ксёндз Станіслаў Хлакоўскі. Пра беларуса пісалі не толькі газеты Вільні, але і прэса Ватыкана. “У артыкуле (перакладзеным з італьянскай мовы для газеты “*Bielaruskaja Krupica*”) дакладна асвятляецца працэс паспяховай абароны дысертацыі Ст. Хлакоўскага ў Ватыкане 17 чэрвеня 1926 г., дзе беларускі ксёндз публічна прадставіў дысертацыю па тэме “Малітва паводле дзеяння Іаана Кранштадскага: “Маё жыццё ў Хрысце” (*Oretio secundum diarium Ioannis de Cronstadt: “Mea vita in Christo”*) [5, с. 6], за якую атрымаў ступень доктара касцёльных усходніх навук.

Важнай старонкай рэлігійнай гісторыі беларускай дыяспары сталі ўзаемаадносіны беларусаў у Рыме і Папы Рымскага Пія XI (Pius XI). У гады пантыфіката Пія XI была ўстаноўлена дзяржава Ватыкан, яго ўплыў на развіццё міжнародных адносін у міжваенны час быў дастаткова высокім.

Цікавымі гістарычнымі фрагментамі былі ініцыятывы беларускіх студэнтаў у Італіі. У 1924 г. беларускія ксяндзы і студэнты ў Рыме пры падтрымцы нямецкага пасольства ў Ватыкане выступілі з прапановай адчыніць беларускую духоўную семінарыю [1, с. 1]. Гэта была ідэя арганізаваць нацыянальную навучальную ўстанову, якая б рыхтавала духавенства для беларускіх каталікаў.

Неабходна падкрэсліць, што ў асяродку беларускай дыяспары ў міжваенны перыяд рэгулярна ўздымалася пытанне адкрыцця беларускай вышэйшай навучальнай установы за мяжой. Эмігранты разумелі яе значнасць у пытанні фарміравання нацыянальнай інтэлігенцыі. Шмат надзеяў было звязана з праектамі адкрыцця Беларускага народнага ўніверсітэта ў Коўна і Беларускага настаўніцкага інстытута ў Празе, аднак ідэі так і не былі рэалізаваныя ў выглядзе вышэйшых навучальных устаноў. Беларускі інстытут ў Празе не адчыніўся, хаця палітычныя дзеячы шмат казалі і пісалі пра яго перспектывы. Беларускі народны ўніверсітэт у Літве праводзіў заняткі толькі ў выглядзе курсаў для дарослых, аднак не даваў вышэйшую адукацыю сваім слухачам.

Беларуская семінарыя ў Рыме таксама не была адчыненая, бо на рашэнне Папы Рымскага Пія XI аказалі значны ўплыў польскія ксяндзы, якія пачалі выказаць бясконцае абурэнне, у тым ліку на старонках прэсы. Нягледзячы на супраціўленне палякаў, беларускае пытанне зацікавіла Папу, да якога ён зноў вярнуўся ў 1926 годзе. Да Папы Рымскага Пія XI на прыём былі запрошаныя беларускія студэнты, якія пераканаўча заявілі пра сваё беларускае паходжанне. Папа з цікавасцю атрымаў неабходную інфармацыю пра беларускі народ, што выклікала сапраўдную занепакоенасць прысутных палякаў. “*Dawioй ich da Papieża stary mnich itałjaniec, jaki prastawioй ich jak palakoй. Na heta adzin z ksiandzoй*

studentaў adazwaŭsia: “my nie Palaki, a Bielarusy”. Pašla hetaha Papiež bližej zacikawiŭsia studentami i wypytaŭ z jakich jany miajšcoŭ bielaruskich,” [1, с. 1] – пісала пра сустрэчу газета “Bielaruskaja Krynica”. На падставе матэрыялаў прэсы становіцца відавочным той факт, што беларускія студэнты ў Рыме актыўна адстойвалі нацыянальныя інтарэсы, яны намагаліся на міжнародным узроўні абгрунтаваць факт развіцця цэнтраў беларускіх католікаў у Другой Рэчы Паспалітай.

Беларускія ксяндзы ў Італіі павінны былі мець кантакты з каталіцкім цэнтрам у Злучаных Штатах Амерыкі, дзе прадстаўнікі касцёла таксама прымалі актыўны ўдзел у палітычным жыцці дыяспары. Беларускія каталікі ў Чыкага мелі значны ўплыў на ўсю нацыянальныя арганізацыі, яны праяўлялі сваю палітычную актыўнасць на міжнародным узроўні, праводзілі спецыяльныя набажэнствы для эмігрантаў. Адным з самых актыўных беларускіх ксяндзоў у ЗША быў ксёндз Янка Тарасевіч. Адной з важных ініцыятыў беларускіх эмігрантаў у ЗША стала ідэя адчыніць касцёл у Чыкага спецыяльна для каталікоў-беларусаў. Ідэя не была рэалізаваная, аднак такім чынам беларускія эмігранты спадзяваліся вылучыцца з ліку каталікоў-палякаў.

Такім чынам, грамадская дзейнасць беларускіх студэнтаў у Італіі была накіравана супраць інтэграцыі беларусаў у больш колькасную і арганізаваную польскую дыяспару. Ініцыятывы і праекты беларускіх студэнтаў Грыгарыянскага і Арыентальнага ўніверсітэтаў Рыма дапаўняць агульную спадчыну нацыянальнай дыяспары. Студэнты-беларусы ў Італіі актыўна супрацоўнічалі з беларускімі арганізацыямі ў іншых краінах свету, праяўлялі актыўнасць на міжнародным узроўні, прымалі ўдзел у кангрэсах і канфэрэнцыях.

1. Беларуская духоўная семінарыя ў Рыме // Сын Беларуса. – Вільня. – 3 верасня 1924 г. – № 35. – С. 1.
2. Беларускі дзяржаўны архіў-музей літаратуры і мастацтва (БДАМЛМ). – Ф. 3. Воп. 1. Спр. 184.
3. Нацыянальны архіў Рэспублікі Беларусь (НАРБ). – Ф. 459. Воп. 1. Спр. 5.
4. Bielarusy ŭ Rymie // Bielaruskaja Krynica. – Wilnia. – 5 studnia 1926 h. – № 1. – S. 8.
5. Ksiondz bielarus – doktaram Papieskaha Uschodniaha Instytutu // Bielaruskaja Krynica. – Wilnia. – 30 cerwieńnia 1926 h. – № 21. – S. 6.

ОРГАНИЗАЦИЯ И ПРОВЕДЕНИЕ ОПЫТНЫХ МОБИЛИЗАЦИЙ И МАНЕВРОВ НА ТЕРРИТОРИИ БЕЛАРУСИ В 1929 ГОДУ

В.М. Кривчиков (Гродно, Беларусь)

В последнее время возрастает интерес к изучению отечественной истории. Это отражается и на преподавании такого предмета, как «Военная история». Акценты переносятся на анализ развития группировок войск, дислоцировавшихся на территории Беларуси, показ их влияния на развитие нашего государства.

К одному из таких направлений военной истории относится изучение боевой выучки войск, которая играла первостепенное значение в способности Вооруженных Сил страны адекватно реагировать на внешние угрозы государства, в умении успешно, с наименьшими потерями вести боевые действия с противником.

Поэтому определенный интерес представляет порядок организации и проведения на территории Беларуси опытных мобилизаций и маневров в 1920-е–1930-е года.

Партийное и военное руководство СССР уделяло большое внимание проведению с войсками Красной Армии различных учений и маневров, а также мобилизаций. Это в большей степени относится к войскам, дислоцировавшимся на территории Беларуси в межвоенный период. Беларусь находилась на стратегическом западном направлении СССР и Белорусский военный округ являлся приграничным округом с вытекавшими последствиями. В 1920-е–1930-е года интенсивность и динамика учений и мобилизаций на территории Беларуси постоянно возрастали, ввиду постоянного усиления военной угрозы со стороны западных соседей СССР.

Круг задач, решаемых и отрабатываемых на учениях и мобилизациях, также постоянно изменялся, что было связано с развитием стратегии и тактики боевого применения войск, а также совершенствованием вооружения и боевой техники, поступавших на обеспечение воинских частей. Не стал исключением и 1929 год.

Самым знаковым событием можно считать «Большие Бобруйские маневры 1929 года» (также называемые «Всесоюзные Бобруйские большие маневры»), прошедшие в сентябре 1929 г. в границах Белорусского военного округа. Это был смотр технической оснащенности Красной Армии, боевой выучки войск. Участие в маневрах, кроме войск Белорусского военного округа, принимали части Московского, Ленинградского, Украинского и Северокавказского военных округов.

На маневрах присутствовала большая группа руководящих командиров штаба Красной Армии во главе с Народным комиссаром обороны К.Е. Ворошиловым. На маневрах впервые в истории РККА участвовал опытный механизированный полк [1, с. 20].

Всего на маневрах от Белорусского военного округа участвовали два стрелковых корпуса (5-й и 16-й), 4 стрелковые дивизии (4-я, 8-я, 33-я и 37-я), две кавалерийские дивизии (6-я и 7-я), а также специальные части – бронетанковые, химические, зенитные, инженерные, связи и ВОСО. Авиация привлекалась из различных округов в количестве 320 легких и 16 тяжелых самолетов (таблица 1).

Таблица 1

Расписание привлекавшихся частей БВО [2, л. 3]

Наименование частей	Число частей	Какие части (номера)
Управление стрелковых корпусов	2	5 и 16
Стрелковые дивизии	4	4, 8, 33 и 37
Кавалерийские дивизии	2	6 и 7
Корпусные артполки	2	5 и 16 корпусов
Пулеметные батальоны	1	21 отдельный
Авто-бронь-дивизионы	2	8 и 13
Полуподвижный зенитно-арт. дивизион	2	35 и 36 отдельные
Понтонные батальоны	1	5
Части погранохраны, стр. охраны НКПС, части связи по особому расчету.	нет данных	нет данных

На учениях большое внимание уделялось проблематике материального обеспечения войск. Была проверена работа дивизионного и корпусного тылов с привлечением органов ВОСО, военно-санитарных и ветеринарных учреждений. Проанализирована практика железнодорожных перевозок в общей системе работы железнодорожного транспорта.

В 1929 году на территории округа были продолжены опытные мобилизации. Прошли они перед учениями, в начале сентября. Всего было призвано из запаса 53 181 человек, в войска было поставлено 42062 лошади, 24769 повозок. На мобилизационные мероприятия потратили 102 318 руб. (таблица 2). Цифры говорят о масштабности проведенных мероприятий.

Таблица 2

Опытные мобилизации на территории Беларуси в 1929 г. [2, л. 7]

№ п/п	Перечень мобилизованных частей и учреждений. Пункты мобилизации	Срок опытной мобилизации	Общее количество призванных людей, поставленных лошадей и повозок			Стои- мость моби- лиза- ции
			военнообя- занные	лошади	Повозок/ упряжи	
Белорусский военный округ						
1	Управление 16 стрелкового Белорусского корпуса без тылов (всего 4 дня)					
	Управление 16 стр. Бел.корпуса без тылов, Могилев	1–3 сентября	137	47	37/41	
	Военный трибунал 16 стр. Бел.корпуса, Могилев		8	7	4/5	
	Военная прокуратура 16 стр. Бел.корпуса, Могилев		8	6	2/2	
	Особый отдел ОГПУ 16 стр. Бел.корпуса, Могилев		8	14	8/8	
	Итого:		161	74	51/56	2400 руб.
2	8 стрелковая Минская дивизия имени тов. Дзержинского с дивизионными тылами					
	Управление 8 СД.Бобруйск	2–4 сентября	63	17	8/8	
	22-й стрелковый полк Бобруйск		1338	364	132/139	
	23-й стрелковый полк Бобруйск		1368	391	137/144	
	24-й стрелковый полк Бобруйск		1298	383	135/138	
	8-й отд. кавалерийский эскадрон, Слуцк		69	68	7/7	
	8-й артил. полк, Бобруйск		815	734	78/109	
	Артиллерийский парк 8-й стр. див., Бобруйск		515	557	542/542	
	8-я отд. сапер.рота, Бобруйск		141	43	38/39	
	Инженерный парк 8-й стр. див.,Бобруйск		167	112	107/107	
	8-я отд. рота связи, Бобруйск		147	96	40/41	
	Продовольственный транспорт 8-й стр. див.,Бобруйск		309	261	252/252	
	Расходный гурт 8-й стр. див., Бобруйск		-	10	2/2	
	Полевая подвижная хлебопекарня 8-й стр. див., Бобруйск		270	94	92/92	
	Перевязочный отряд 8-й стр. див.,Бобруйск		144	112	80/93	
	Эвакуационный отряд 8-й стр. див.,Бобруйск		108	129	70/97	
	Санитарно-эпидемический отряд 8-й стр. див., Бобруйск		93	44	31/33	
	Полевой подвижный госпиталь 8-й стр. див.,Бобруйск		162	120	89/102	
	Ветеринарный лазарет 8-й стр. див.,Бобруйск	86	17	17/17		
	Особый отдел ОГПУ 8-й стр. див., Бобруйск	3	16	8/9		
	Полевая почтовая станция № 148, Бобруйск	6	6	5/5		
	Итого:		7102	3570	1870/1976	90518 руб.

3	Органы местного военного управления					
3.1	Бобруйский окружной военкомат, Бобруйск (2–4 сентября)					
	Слуцкий райвоенкомат Старо-Дорожский райвоенкомат Жлобинский райвоенкомат					
	Бобруйский основной сборный и сдаточный пункты		11967	7168	3523/2956	
	Бобруйский дополнительный сдаточный пункт		-	6742	2843/2667	
	Слуцкий дополнительный сборный и сдаточный пункты		3806	1811	1642/2949	
	Старо-Дорожский дополнительный сборный и сдаточный пункты		5830	2458	2282/2297	
	Жлобинский дополнительный сборный и сдаточный пункты		2909	2394	1533/1329	
	Итого:		24612	20573	11823/12198	4700 руб.
3.2	Могилевский окружной военкомат, Могилев (1–4 сентября)					
	Климовичский райвоенкомат Чаусский райвоенкомат Ст. Быховский райвоенкомат					
	Могилевский основной сборный и сдаточный пункты		7895	10638	4722/4392	
	Климовичский дополнительный сборный и сдаточный пункты		6338	4064	4453/4998	
	Чаусский дополнительный сборный и сдаточный пункты		3551	1421	920/1051	
	Ст. Быховский дополнительный сборный и сдаточный пункты		3522	1722	930/723	
	Итого:		21306	17845	11025/11164	4700 руб.
	Всего:		53181	42062	24769/25394	102318 руб.

В рамках проводимых учений в Беларуси на железнодорожной линии Брянск–Гомель–Жлобин–Бобруйск 13 по 17 сентября 1929 г. в течение 5 дней была проведена пробная и войсковая мобилизация. Пробная мобилизация на Западной железной дороге имела своей целью проверить мобилизационную готовность дороги и реальность ее мобилизационного плана как со стороны расчетной, так и со стороны фактического обеспечения расчетов дороги (речь шла о материальной обеспеченности и готовности к массовым военным перевозкам).

В ходе учений совершались массовые фактические перевозки войск, причем эти перевозки совершались в условиях, приближенных к военной обстановке [3, л. 22].

Таким образом, в 1929 году на территории Беларуси проходили довольно масштабные учения войск с опытными мобилизациями. Это указывало на то, что Белорусский военный округ, являясь округом приграничным, постепенно становился значимым для западного стратегического назначения.

1. Кривчиков, В. М. Военно-хозяйственное снабжение учений и маневров войск на территории Белорусского военного округа во второй половине 1920-х гг. / В. М. Кривчиков // Веснік Брэсцкага ўніверсітэта. Серыя 2. Гісторыя. Эканоміка. Права. – 2016. – № 2. – С. 20–25.
2. О маневрах РККА в 1929 году // Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). – Фонд Р-8418. Оп. 3. Д. 68.
3. О производстве опытных мобилизаций в 1929 г. // Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). – Фонд Р-8418. Оп. 3. Д. 67.

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ РАБОТЫ СПЕЦСЛУЖБ НАЦИСТСКОЙ ГЕРМАНИИ В БССР

Г.Г. Краско (Минск, Беларусь)

В первые годы после окончания Великой Отечественной войны на развитие обстановки в Белорусской ССР и характер деятельности конкретных институтов государства оказывали влияние, в том числе отдельные факторы, обусловленные событиями предшествующего периода. Необходимость их выявления и изучения при исследовании послевоенного времени обусловлена принципами системности, объективности и историзма.

Белорусская ССР была оккупирована в результате наступления немецко-фашистских войск летом 1941 года. На захваченной территории немецкие власти установили оккупационный режим и новое административно-территориальное деление. Поддержание «нового порядка» на оккупированной территории осуществлялось, в том числе при участии германских специальных служб, их агентурного аппарата,

состоявшего из местного населения, а также советских граждан, привлекаемых оккупационными властями к работе в своих структурах на добровольной и принудительной основе.

К реализации мероприятий по использованию коллаборационистов в войне против СССР германские спецслужбы приступили задолго до ее начала. В качестве объектов их заинтересованности были определены и белорусские эмигрантские организации, деятельность которых проходила под контролем германских спецслужб. В их главе были поставлены сотрудничавшие с нацистами лица, проверенные спецслужбами и заслужившие доверие. Новая стадия в работе германских спецслужб по консолидации белорусской эмиграции в Германии для их использования в период агрессии против СССР относится к 1938–1939 гг. В частности, в это время сотрудники абвера фон Энгельгарт и офицер Герулис под предлогом сбора материалов для научных работ о Беларуси посетили Вильно и западные области Беларуси. Реальной целью поездки являлось установление личных контактов и устойчивой связи с лидерами белорусского национального движения. Кроме того, по линии нацистской партии такие связи в Германии устанавливал советник А. Розенберга из Министерства восточных территорий профессор фон Мендэ. В этот период при Министерстве внутренних дел Германии было создано Белорусское представительство в Берлине, других городах Германии, а также в Австрии, Польше, Чехословакии [6, с. 4–6].

Развертыванию работы спецслужб нацистской Германии на советской территории содействовали благоприятные условия, сложившиеся для них в 1939–1940 гг. Годы, предшествовавшие войне, были насыщены важными международными событиями и сложными социальными процессами. В частности, осенью 1939 года в результате оккупации Польши разведывательные и контрразведывательные органы Германии не только получили возможность организации работы в советском приграничье с собственной территории, но и доступ к архивам польской разведки и соответственно ее агентуре. С учетом признанного авторитета польских спецслужб, действовавших в межвоенный период, следует полагать, что эти ресурсы представляли для нацистов значительный интерес при планировании и реализации дальнейших агрессивных намерений. Присоединение Латвии, Литвы и Эстонии к СССР в 1940 году привело к тому, что агентурный аппарат разведывательных органов Третьего рейха, ранее сформированный в республиках Прибалтики, оказался на советской территории, что еще более расширило возможности германских спецслужб [3, с. 47–49]. Под прикрытием гуманитарного попечительства военнопленных германские спецслужбы организовали учет белорусов на территории Польши, развернули среди них пропагандистскую и вербовочную работу. После оккупации Польши спецслужбы Германии осуществили переброску отдельных групп белорусов ближе к государственной границе СССР. Базой для переброски нацистской агентуры из числа белорусов стали Варшава и Бяла Подляска [6, с. 6–7].

До осени 1939 года на территории Западной Беларуси были представлены и разведывательные органы Великобритании и США. Они работали под прикрытием различных организаций и предприятий. В период войны Великобритания к тому же использовала агентурные позиции польских спецслужб, разведки Армии Крайовой. Так, на оккупированной территории БССР действовала разведывательная сеть польского эмигрантского правительства в Лондоне, которая сотрудничала с английской разведкой. Разведывательная сеть польского эмигрантского правительства состояла из разведцентров и разведпунктов, которые располагались в Бресте, Барановичах, Новогрудке, Гродно, Пинске, Лунинце, Гомеле, Лиде.

Российский историк В. Г. Кикнадзе отмечает, что с установлением в Германии нацистской диктатуры разведка стала одним из важнейших инструментов ее агрессивной внешней политики, а система разведывательных органов существенно изменилась. В разведывательное сообщество Третьего рейха входило несколько структур в том числе и не военных: абвер, главное управление имперской безопасности (полиция безопасности и служба безопасности (СД), специальная служба министерства иностранных дел, иностранный отдел министерства пропаганды, имперское колониальное управление, министерство вооружений и военного имущества, подразделения радиоразведки министерства почты и «Исследовательского ведомства», иностранный отдел национал-социалистической рабочей партии Германии [2, с. 40, 44; 7, с. 5]. Перед началом Второй мировой войны германские разведывательные и контрразведывательные органы прошли серьезную реорганизацию. Накануне вторжения на советскую территорию они имели богатый опыт разведывательной и диверсионной деятельности, полученный в странах Европы.

Действуя в интересах подготовки агрессии, противник использовал широкий спектр традиционных методов получения разведывательной информации и новых для того периода времени приемов и способов шпионажа: агентурное и техническое проникновение, выведывание, наблюдение, массовые разведывательные опросы и полеты самолетов, радиоперехваты. Объектом разведывательного интереса германских спецслужб в предвоенный период были не только вооруженные силы СССР и предприятия их обеспечения, транспортная инфраструктура, но и советская действительность, в том числе настроения граждан, их отношения к мероприятиям Коммунистической партии и правительства. Однако представления нацистов были ограничены планами «блицкрига», что обусловило приоритет сбора оперативно-тактической информации в советском приграничье [3, с. 35].

Германские спецслужбы формирование агентурной сети из числа советских граждан, проживавших в западных республиках Советского Союза, начали проводить задолго до непосредственного начала воен-

ных действий. Советский исследователь Ю. Б. Долгополов отмечал, что на Нюрнбергском процессе начальник отдела военной разведки абвера – заместитель начальника абвера генерал-лейтенант Г. Пиккенброк показал, что разведывательная активность в отношении СССР значительно увеличилась с августа – сентября 1940 г. [1, с. 103]. Российские ученые, ссылаясь на материалы архива ФСБ, отмечают, что с приближением войны изменился характер задач и состав агентуры германских разведывательных органов. На советской территории с начала 1941 года использовались преимущественно квалифицированные оперативные источники. Количество немецкой агентуры, задержанной или ликвидированной только пограничными войсками СССР, в первом квартале 1941 года увеличилось в 15–20 раз по сравнению с аналогичным периодом 1940 года. Динамика роста выявленной агентуры противника продолжилась и во втором квартале 1941 года (увеличилась в 25–30 раз по сравнению со вторым кварталом предыдущего года). В 1940 году и первом квартале 1941 года в западных областях Белорусской ССР, Украины и республиках Прибалтики было разоблачено 1 596 агентов германских спецслужб, из которых 1 338 арестовано [5, с. 21].

Таким образом, накануне войны германскими спецслужбами разведывательная деятельность на советском направлении была организована на высоком уровне и носила системный характер. Советским органам государственной безопасности, находившимся в состоянии реорганизации, противостояли сильнейшие германские спецслужбы, которые обладали значительным опытом. Характерной чертой деятельности германских спецслужб являлась работа под прикрытием различных эмигрантских национальных организаций. Наряду с использованием собственных ресурсов, противник активно задействовал агентуру из числа белорусов-эмигрантов, а также местное население советско-германского приграничья. Такая тактика позволяла выявлять и втягивать в деятельность, направленную против интересов Советского Союза, белорусов по национальности с соблюдением должной конспирации в агентурной работе. На ее ведение значительное влияние оказал «польский крест», который в результате Рижского мира и событий с ним связанных в очередной раз сказался на судьбе белорусского народа. В частности, базовой территорией для агентурного проникновения германских спецслужб на территорию БССР являлась Польша.

1. Долгополов, Ю. Б. Война без линии фронта / Ю. Б. Долгополов. – М. : Воениздат, 1981. – 200 с. 59.
2. Кикнадзе, В. Г. Спецслужбы Германии в ходе подготовки агрессии против СССР: организация, состав, задачи / В. Г. Кикнадзе // Военно-исторический журнал. – 2016. – № 5. – С. 40–45. 91.
3. Коровин, В. В. История отечественных органов безопасности : учеб. пособие / В. В. Коровин. – М. : Норма : Инфра-М, 1998. – 253 с. 104.
4. Крысин, М. Ю. Латышские «лесные братья» и немецкие спецслужбы. 1941–1956 / М. Ю. Крысин, М. Ю. Литвинов. – М. : Вече, 2016. – 480 с. 113.
5. Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне: сб. документов. / под ред. В. П. Ерошина [и др.]; сост. В. П. Ямпольский [и др.]. – М. : Книга и бизнес, 1995. – Т. 1: Накануне. Кн. 2 (1 января – 21 июня 1941 г.)– 398 с. 164.
6. Соловьев, А. К. Белорусская Центральная Рада: создание, деятельность, крах / А. К. Соловьев ; под ред. С. М. Симонова. – Минск : Навука і тэхніка, 1995. – 176 с. 227.
7. Чуев, С. Г. Спецслужбы Третьего Рейха. Книга I / С. Г. Чуев. – СПб. : Издательский Дом «Нева» ; М. : «ОЛМА-ПРЕСС Образование», 2003. – 383 с. 252.

СОСТОЯНИЕ АВТОМОБИЛЬНОГО ХОЗЯЙСТВА В БЕЛОСТОКСКОЙ ОБЛАСТИ НАКАНУНЕ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

С.Н. Романчук (Гродно, Беларусь)

На основании решения XVIII-го съезда ВКП(б) (март 1939 г.), на котором было обращено особое внимание партийных организаций на возрастающую роль автомобильного транспорта и обязывалось о принятии мер, которые превратили бы автомобильный транспорт в образцово работающую отрасль народного хозяйства, бюро Белостокского обкома КП(б)Б взяло на особый контроль состояние автомобильного транспорта по Белостокской области.

Следует отметить, что с момента установления советской власти в западных областях Беларуси промышленность, сельское хозяйство Белостокской области пополнили свои хозяйства новыми отечественными автомашинами: автобусами, газогенераторными, грузовыми и легковыми машинами. Увеличение автомобильного парка в совокупности с должным вниманием к строительству дорог и мостов государственного и местного значения местных властей должны были сыграть решающую роль в деле перестройки и реконструкции этих отраслей [2, с. 282–284].

Наряду с этим, бюро Белостокского обкома КП(б)Б в Постановлении от 5 августа 1940 года «О состоянии автомобильного транспорта по Белостокской области» (далее – Постановление) отмечало, что городские, районные партийные и советские организации по-большевистски не возглавили этот важнейший участок работы, имеющий исключительно экономическое и оборонное значение в условиях Белостокской области, как в пограничной, и по существу мобилизовали работников автотранспорта [1, с. 33–34].

Состояние автомобильного парка, оборудование и гаражное хозяйство находилось в неудовлетворительном состоянии. Из проведенного технического осмотра по Белостокской области было установлено, что из общего количества 2746 машин, в связи с отсутствием профилактического ремонта и небрежного отношения к их содержанию, 555 машин были технически неисправны.

Проверкой бюро Белостокского обкома КП(б)Б также было установлено, что подготовка и переподготовка водительского состава по области проходила исключительно плохо. Имеющийся водительский состав имел слабую техническую подготовку. Об этом свидетельствует факт, что из прошедших испытание 2046 человек выдержало только 1823, что составляло 74,9 %, причем из них получили право шофера I-го класса – 34 человека и II-го класса – 48 человек. Это свидетельствует о том, насколько низкое качество знаний техники вождения и эксплуатации машин на тот период было у водительского состава.

Кроме того, что было также отмечено в Постановлении, исключительно плохо был обеспечен автопарк гаражами, навесами для стоянки автомашин. В основном автомашины и ремонтные эстакады находились под открытым небом, не имели укрытий и соответствующего оборудования. В имеющихся гаражах было недостаточно или вообще не было специального оборудования для производства профилактики и ремонта машин. Так, например, на автобазе Облпотребсоюза, с общим количеством 22 автомашин, не было профилактической зоны, автомашины стояли под открытым небом, гаражное оборудование отсутствовало. А на автобазе Автомобильного транспорта в г. Белосток, с общим количеством 40 автомашин, в распоряжении были только две эстакады и те на открытом воздухе. Такое положение дел было почти во всех автохозяйствах области [1, с. 35-37].

Следует отметить, что, несмотря на проводимую работу накануне Великой Отечественной войны для наведения порядка в автомобильном хозяйстве отделом автотранспорта облисполкома, городскими, районными партийными и советскими организациями под усиленным контролем бюро Белостокского обкома КП(б)Б, техническое состояние автопарка Белостокской области существенно не улучшилась.

Объясняется это тем, что развитие гаражного строительства не сочеталось с повседневным ростом автопарка области, хуже того, с наступлением зимнего периода, вопросами строительства гаражей, навесов для стоянки автомашин ни одна организация до момента установления советской власти в западных областях Белоруссии по существу не занималась. Также на техническое состояние автопарка существенно влияла необеспеченность запасными частями и материалами автомашин отечественного производства, малое количество шиноремонтных мастерских при все более возрастающей потребности в реставрации и ремонте резиновых покрышек для автомашин, недостаточное количество заправок общего пользования, слабо подготовленный водительский состав для ремонта и эксплуатации машин, возросшая аварийность на дорогах общего пользования.

1. Государственный архив общественных объединений гродненской области (ГАООГО). – Ф. 6195. Оп. 1. Д. 667. Л. 90. Постановления и проекты постановлений бюро Белостокского обкома о состоянии Белостокского управления связи, дорожного, автомобильного и железнодорожного транспорта.
2. Гродненщина накануне и в годы Великой Отечественной войны (1939-1945): (по док. гродн. архивов) / сост. Г. А. Андросенко [и др.]. – Гродн. тип., 2005. – 600 с.

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ УКРАИНСКОГО АНТИСОВЕТСКОГО ВООРУЖЕННОГО ПОДПОЛЬЯ НА ТЕРРИТОРИИ ДИВИНСКОГО РАЙОНА БРЕСТСКОЙ ОБЛАСТИ

М.Н. Сахарчук (Минск, Беларусь)

Характерной особенностью обстановки на территории БССР в первое послевоенное десятилетие являлась деятельность различных структур антисоветского вооруженного подполья. На территории Брестской области наиболее организованным было украинское антисоветское подполье, представленное Организацией Украинских Националистов (ОУН) и подчинявшимися ей вооруженными формированиями Украинской Повстанческой Армии (УПА) [11; 13, с. 161–162; 14, с. 325–326].

Возникновение структур ОУН на территории белорусского Полесья началось в 1930-е гг. и было обусловлено стремлением украинских националистов включить регион в сферу своего влияния. С началом Великой Отечественной войны в связи с включением германскими оккупационными властями южных районов Беларуси в состав Рейхскомиссариата «Украина», деятельность ОУН на белорусском Полесье значительно активизировалась. Программные положения ОУН, декларирующие идеи социальной справедливости, обеспечили ей поддержку части населения региона, (в основном – крестьянства) негативно воспринявшего как польскую политику на т.н. «Крэсах Выходных» (полонизации, пацификации и др.), так и социалистические преобразования 1939–1941 гг. и не желавшего восстановления здесь советской власти [2, с. 105–106; 13, с. 166–167; 14, с. 7–10].

После освобождения территории БССР от немецко-фашистских захватчиков ОУН начала открытую вооруженную борьбу против частей Красной Армии, внутренних войск, органов НКВД и НКГБ, органов советской власти и гражданского населения. Наиболее сложная ситуация сложилась в южных районах БССР (Дивинский, Дрогиченский, Ивановский, Кобринский, Малоритский, Пинский), граничивших с

Ровенской и Волынской областями УССР, где структуры антисоветского подполья пользовались поддержкой значительной части местного населения [1, с. 446–449; 3, с. 166–169; 4, с. 49–50].

Примером деятельности украинского антисоветского вооруженного подполья на территории белорусского Полесья является ситуация, сложившаяся в Дивинском районе Брестской области (сейчас деревня в Кобринском районе Брестской области) в 1944 – начале 1950-х гг., в котором результате значительного влияния ОУН, деятельность органов советской власти была в первые послевоенные годы была парализована [5, л. 1–9; 9; 13, с. 189].

Как следует из справки Дивинского РО НКВД БССР, по состоянию на 17 января 1945 г. на территории района действовало три украинских антисоветских вооруженных формирования, общей численностью более 500 человек. Отряды ОУН-УПА проникали на территорию БССР с территории Украины. Следует отметить, что географические условия Полесья, представляющего собой заболоченную местность со значительными лесными массивами, тянущимися на десятки километров, позволяли участникам антисоветского вооруженного подполья совершать рейды на белорусскую территорию и уходить в приграничные районы УССР [5, л. 1–9; 14, с. 351–361].

Кроме того, в Дивинском районе действовало 5 боевок (численность – более 100 чел.) – вооруженных подпольных формирований, на которых возлагались задачи по проникновению в партийно-советский актив с целью сбора необходимой информации для последующего уничтожения его членов и осуществлению диверсионно-подрывной и пропагандистской деятельности [5, л. 1–9].

Руководство антисоветским подпольем на территории Дивинского района осуществляли члены ОУН, прибывшие с территории Украины. Основную численность участников подполья составляли местные жители, принимавшие в годы Великой Отечественной войны участие в деятельности оккупационных органов власти, различных военизированных формирований, завербованные немецкими спецслужбами, а также лица, уклоняющихся от мобилизации в Красную Армию и дезертиры [6; 7, л. 27; 8, л. 1–13; 11; 12; 15].

На территории Дивинского района ОУН располагала широкой сетью связанных, содержателей конспиративных и явочных пунктов и осведомителей из числа местного населения. Всего с украинским националистическим подпольем в Дивинском районе было связано около 3 000 человек. Нередко местные жители становились невольными заложниками сложившейся ситуации и оказывали содействие оуновцам под угрозой физической расправы над ними и членами их семей [11; 15].

Основными формами и методами борьбы ОУН с советской властью были вооруженные выступления, проведение диверсионно-подрывных операций (подрывы мостов, закладка мин на дорогах, железнодорожном транспорте; уничтожение линий телефонно-телеграфной связи, нападения на охрану и сооружения шлюзов Днепра-Бугского канала и др.), убийства членов партийно-советского актива, срыв общественно-политических и хозяйственных мероприятий советской власти (коллективизация, мобилизация населения в Красную Армию, различные госзакупки) [9; 10; 11; 12].

В период с 1944 по 1952 гг. в результате деятельности украинского антисоветского подполья в Брестской области было убито 413 человек, более 100 – ранено. Только в августе–ноябре 1944 г. были убиты заместитель председателя Дивинского райисполкома – Куманцов А.И., секретарь райисполкома Мальцев, несколько председателей сельсоветов и активистов [4, с. 50; 14, с. 229–230].

О значительном влиянии ОУН в Дивинском районе свидетельствует массовый отказ населения подписывать письмо И. Сталину к годовщине освобождения Белоруссии от немецко-фашистских захватчиков 3 июля 1945 г. Так, в ходе собрания в пожарной охране НКВД в Дивине в своем выступлении пожарник «С» заявил: «Для нас власть безразлична. Мы никого не признаем. Советская власть ничего хорошего нам не принесла». После такого выступления из присутствующих 14 человек, письмо И. Сталину подписало только 3 человека. При обсуждении письма Сталину в Дивинском райпотребсоюзе одна из служащих заявила: «Не нужны нам советские деньги и советская работа». Никто из работников райпотребсоюза письмо И. Сталину также не подписал [2, с. 111; 5, л. 72–73].

Ответные меры со стороны советских силовых структур были адекватными складывающейся обстановке. Они включали в себя проведение чекистско-войсковых операций и осуществление оперативной работы по выявлению и ликвидации руководящих звеньев подполья, перехвату каналов связи между ними. Кроме того, советско-партийными органами было принято решение о депортации лиц, связанных с антисоветским подпольем [2 с. 111–112; 4, с. 50–51; 14, с. 325–332].

Осенью 1944 г. чекистско-войсковые операции по уничтожению подпольных формирований ОУН, перешедших из Ровенской и Волынской областей УССР, прошли на территории Брестской, Палесской и Пинской областей. При ликвидации этих банд было убито 385 и арестовано 160 члена оуновских формирований [14, с. 229–230].

В декабре 1944 г. органами УНКВД по Брестской области была пресечена деятельность антисоветской подпольной организации в Дивине, в количестве 37 человек, возглавляемой местным православным священником Котульским и учительницей Скращук Еленой. Из 15 арестованных участников боевки: учителей – 7 человек; работников связи – 2; крестьян – 4; без определенных занятий – 2 [9; 13, с. 189]. Участие в подпольной организации учителей и работников почты позволяло проводить агитацию среди различных слоев населения и без подозрений передвигаться по району. Практическая деятельность участников подполья в Дивине заключалась в вербовке новых сторонников, в проведении агитации, распро-

странении листовок и антисоветской литературы, снабжении бандитов оружием и денежными средствами. В ходе следствия было установлено, что содействие антисоветскому подполью оказывали работники местных органов власти и сельского актива (работники райпотребсоюза, МТС, директор школы, сотрудники пожарной охраны, писарь военкомата) [2, с. 85–86].

Украинское антисоветское подполье пошло на спад, лишь после ликвидации и арестов его активных участников, массовой депортации лиц, замеченных в связях с националистами, а также их родственников.

Таким образом, следует отметить, что украинское антисоветское вооруженное подполье на территории Брестской области в конце 1940-х – начале 1950-х гг. объективно являлось фактором, дестабилизирующим общественно-политическую ситуацию в регионе. Оперативно реагируя на объективные социально-экономические трудности, вызванные последствиями германской оккупации, а также, просчеты и ошибки советских властей в осуществлении общественно-политических и социально-экономических мероприятий (принудительная коллективизация, антирелигиозная политика, политические репрессии), антисоветское подполье получило определенную социальную поддержку среди населения региона. Формы и методы деятельности и ОУН-УПА сочетали террор и диверсионно-подрывную деятельность в отношении представителей советской власти и проводимых ими мероприятий с агитационно-пропагандистской работой среди политически нейтральной части населения. Эти факторы позволили структурам украинского антисоветского подполья действовать на территории Брестской области практически целое послевоенное десятилетие вплоть до середины 1950-х гг., несмотря на жесткие адекватные действия со стороны органов государственной безопасности.

1. Бодак, А. Ю. Народ і улада на Заходнім Палессі у першыя пасляваенныя гады. На прыкладзе Дзівінскага раена Брэсцкай вобласці. / А. Ю. Бодак // ARCHE. – 2011. – № 3. – С. 446–457.
2. Валаханович, И.А. Антисоветское подполье на территории Беларуси в 1944 – 1953 гг. / И. А. Валаханович. – Мн.: БГУ, 2002. – 146 с.
3. Валаханович, И.А. Горе от УПА. Нейтрализация органами госбезопасности антисоветского подполья ОУН-УПА на территории Белорусской ССР в 1939–1952 гг. / И.А. Валаханович // Беларуская Думка. – 2016. – №11. – С. 86–92.
4. Гісторыя Беларусі. У 6 т. Т.6 Беларусь у 1946-2009 гг. /Л. Лыч [і інш.]; рэд. калегія: М. Касцюк (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск : Современная школа, Эксперспектива, 2011. – 728 с. ; іл.
5. Государственный архив Брестской области (ГАБО). – Ф.7. Оп. 1. Д. 34.
6. ГАБО. – Ф.98. Оп. 2. Д. 7.
7. ГАБО. – Ф.98. Оп. 3. Д. 1.
8. ГАБО. – Ф.98. Оп. 3. Д. 6.
9. Докладная записка секретаря Брестского обкома КП(б)Б М.Н. Тупицына секретарю ЦК КП(б)Б П.К. Пономаренко «О контрреволюционных формированиях в некоторых районах Брестской области» // ОУН-УПА в Беларуси. 1939–1953 гг. : документы и материалы / сост. В. И. Адамушко [и др.]; редкол. : В. И. Адамушко [и др.]. – 2-е изд. – Минск : Выш. Шк., 2012. – С. 448–451
10. Информационная записка заведующего оргинструкторским отделом ЦК КП(б)Б В.И. Закурдаева в ЦК КП(б)Б о действиях банд украинских националистов в районах Брестской области // ОУН-УПА в Беларуси. 1939–1953 гг. : документы и материалы / сост. В. И. Адамушко [и др.]; редкол. : В. И. Адамушко [и др.]. – 2-е изд. – Минск : Выш. Шк., 2012. – С. 189–191
11. Краско Г. Г. Деятельность антисоветского вооруженного подполья как один из основных факторов дестабилизации обстановки на территории БССР в первые послевоенные годы / Г. Г. Краско // Вестник А. Полоцкого государственного университета. Гуманитарные науки. – 2016. – № 1. – С. 31–34.
12. Краско Г. Г. Основные факторы, оказывавшие влияние на деятельность органов государственной безопасности на территории БССР в первые послевоенные годы / Г. Г. Краско // Вестник А. Полоцкого государственного университета. Гуманитарные науки. – 2016. – № 9. – С. 32–35.
13. Незримый рубеж: Управление КГБ по Брестской области. / автор концепции и текста А. М. Суворов ; фото В.В. Байковский, А.М. Суворов. – Брест: Полиграфика, 2014 – 248 с. : ил
14. ОУН-УПА в Беларуси. 1939–1953 гг. : документы и материалы / сост. В. И. Адамушко [и др.]; редкол. : В. И. Адамушко [и др.]. – 2-е изд. – Минск : Выш. Шк., 2012. – С. 528 с
15. Справка Брестского областного УМГБ БССР о деятельности организаций ОУН-УПА на территории Кобринского района// ОУН-УПА в Беларуси. 1939 – 1953 гг. : документы и материалы / сост. В. И. Адамушко [и др.]; редкол. : В. И. Адамушко [и др.]. – 2-е изд. – Минск : Выш. Шк., 2012. – С. 408–413

УРОЖЕНКА ПСКОВЩИНЫ М.С. КОЗЛОВА-ЖУРАВЛЁВА – УЧАСТНИЦА ПАРТИЗАНСКОГО ДВИЖЕНИЯ НА ВИТЕБЩИНЕ

А.М. Пастернак (Витебск, Беларусь)

В годы Великой Отечественной войны советским женщинам пришлось встать на защиту Родины. Всего за годы войны в различных родах войск служило свыше 800 тысяч женщин. Они были медиками, связистками, танкистами, снайперами, партизанками, подпольщицами. Ещё вчера молодые девушки с войны пришли уже пожившими, много видевшими и перечувствовавшими людьми. Одной из них была Мария Степановна Козлова-Журавлёва. Уроженка Псковщины, Мария Степановна Козлова-Журавлёва в годы Великой Отечественной войны принимала активное участие в партизанском движении на территории Беларуси в отряде Ф.А. Воропаева Первой Белорусской бригады Героя Советского Союза М.Ф. Шмырёва. Мария Степановна была бойцом-разведчицей. Она неплохо знала немецкий язык и отлично стреляла из любого оружия. Цель работы: рассмотреть деятельность Марии Степановны в годы Великой Отечественной войны.

Основой для работы послужили мемуары М.С. Козловой-Журавлёвой, где она рассказывает об участии в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками [2]. Кроме этого в работе использованы воспоминания Марии Степановны об одной из операций, в которой она принимала участие, будучи в составе отряда Ф.А. Воропаева [1]. Некоторые сведения мы уточнили из учётной карточки М.С. Козловой-Журавлёвой [3].

Родилась Мария Степановна 3 марта 1923 г. в д. Коковкино Великолукского района Псковской области [3]. Накануне войны она успела закончить девятый класс средней школы. Ещё до войны, в летнюю пору, она работала письмоноском, ежедневно доставляла почту в соседние с д. Коковкино колхозы «Седьмой съезд Советов» и «Красное знамя». Однако со временем наряду с обычными письмами ей приходилось доставлять и мобилизационные удостоверения, и различного рода приказы об эвакуации колхозного имущества, скота, и другие важные документы, представлявшие несомненный интерес для врага [2, с. 5].

К середине июля 1941 г. фронт вплотную приблизился к этим местам. Многие жители уходили из деревни. Все – отец, мать, брат Миша, сёстры Прасковья, Ольга, Анастасия и Евдокия, вместе с Марией Степановной – также покинули д. Коковкино. Однако уйти от фашистов в этот день им не удалось. Мария Степановна вспоминала: «Когда беженцы, недалеко от станции Кунья, смешались с отступающими бойцами Красной Армии, на нашу колонну обрушился целый шквал артиллерийского и танкового огня гитлеровцев, успевших прорваться далеко вперёд» [2, с. 6]. Вся семья вынуждена была вернуться обратно в деревню. Однако, следует отметить, что на следующий день Мария Степановна вместе с сёстрами отправились в Кунью, где и приступили к работе в госпитале, который размещался в здании средней школы.

Больше месяца, до конца августа 1941 года, сдерживали войска 22-й армии на подступах к Кунье натиск гитлеровцев, стремившихся любой ценой прорваться к столице. Всё это время здесь не утихали ожесточённые, кровопролитные бои, особенно за деревню Белая Нива, которая прикрывала подступы к мосту через реку Кунья и к железнодорожной станции.

В это же время в Кунье начала действовать подпольная группа, организованная ребятами-комсомольцами. Был создан штаб группы из четырёх человек. Николай Гуцо – начальник штаба, Михаил Журавлёв отвечал за связь с подпольщиками-комсомольцами в окрестных деревнях и распространение с их помощью сводок Информбюро, Иван Павлов – за приём радиопередач из Москвы и размножение их, Мария Журавлёва – за разведку на железнодорожной станции и в куньинском гарнизоне немцев [2, с. 14]. Группа срывала и уничтожала портреты фюрера, вместо грозных приказов фашистского командования расклеивала лозунг: «Смерть немецким оккупантам!», проводила разведки на железнодорожной станции. На пути в Кунью был разгромлен немецкий обоз и отправлено в лес к партизанам два подвода с боеприпасами и мукой.

Кроме этого, на протяжении двух дней (20-21 января 1942 года) и станция Кунья, и весь посёлок находились в руках этих храбрых ребят. А 22 января 1942 г. в посёлок вступил партизанский отряд бывшего председателя Куньинского райисполкома Семёна Фёдоровича Иванова. Одновременно с партизанами появились подразделения Красной Армии [2, с. 23-24]. Но для Марии Степановны Козловой-Журавлёвой всё только начиналось. В этот же день 22 января она получила сообщение о смерти своей семьи. Мать, Матрёну Филипповну, сожгли заживо, а сестру Ольгу с двухлетним сыном, семнадцатилетнего брата Мишу, его друга Сашу Мотылева, брата отца Антона Алексеевича Журавлёва и отца расстреляли.

С января 1942 г. по 13 июля 1942 г. она была бойцом партизанского отряда особого назначения УНКГБ по Калининской области [3].

Единственным желанием у Марии Степановны было немедленно попасть в любую воинскую часть. Но этому не было суждено случиться. С этого момента её стали готовить к работе в тылу врага, в городе Невеле. Была придумана легенда, для убедительности, которой разыграли арест Марии Степановны. А через два дня она отправилась в Невель. Здесь она устроилась на работу в столовую мыть посуду. Как отмечает сама Мария Степановна: «Место работы меня устраивало. В столовой обедали многие полицейские, служащие городской управы, чиновники из других учреждений» [2, с. 33]. Всю полученную информацию она должна была пересылать за линию фронта. Таким способом Мария Степановна сообщала о её допросах в полиции, об окончании строительства моста через реку Еменку на шоссе Ленинград – Киев. Кроме этого ей удалось достать и переслать схему вражеских укреплений Невеля.

Но продолжалось это недолго. В один из дней Марию Степановну задержали, а после допроса перевезли в г. Витебск, в тюрьму. В дальнейшем её собирались отправить в Германию. Так оно возможно и было бы, если бы не удачный побег из тюрьмы. Добравшись вскоре до д. Буюево она попала в отряд Воропаева. Как выяснилось позже, отряд этот был создан всего лишь несколько дней назад на основе 4-й роты отряда Даниила Федотовича Райцева, входившего в состав 1-й Белорусской партизанской бригады М.Ф. Шмырёва («Батьки Миняя») [2, с. 67-68]. Основные силы бригады базировались на правом берегу Западной Двины, и только 4-я рота из отряда Райцева действовала на левом, приблизительно в 15-20 км от Витебска. С 13 июля 1942 г. по 13 ноября 1942 г. состояла в отряде Воропаева. Вот так уроженка Псковщины стала участницей партизанского движения на Витебщине.

В отряде Мария Степановна так же выполняла роль разведчицы. Партизаны разбрасывали листовки на шоссе Витебск-Сураж, распространяли среди крестьян окрестных деревень, проводили разведку, переводили группы через шоссе, в окрестных деревнях уничтожали немцев и полицаев, налаживали связь с местным населением.

В период с 13 ноября 1942 г. по март 1943 г. была бойцом партизанского отряда особого назначения УНКГБ по Витебской области [3]. Позже Мария Степановна Козлова-Журавлёва попала в бригаду Алексея Данукалова, где входила в состав спецгруппы под кодовым наименованием «Лесные», командиром которой был Николай Петрович Бутенко. И уже в составе именно этой спецгруппы в ночь с 4 на 5 декабря 1942 г. Мария Степановна, закончив рейд по тылам врага, перешла через линию фронта.

Война для М.С. Козловой-Журавлёвой была большим испытанием, как и для всех кто, принимал в ней участие. Война отняла у девятнадцатилетней девушки родителей, братьев и сестёр – самых родных людей. Она забрала несколько лет мирной жизни. Марии Степановне приходилось часто действовать в разведке, быть в гуще боёв, рядом со смертью. Это ещё один пример мужества и героизма. И благодаря таким людям мы уже 65 лет живём под мирным небом.

1. Воспоминания М.С. Козловой / Учреждение культуры «Витебский областной музей Героя Советского Союза М.Ф. Шмырёва», В – 518.
2. Козлова, М.С. Ухожу на задание (записки разведчицы) / М.С. Козлова. – Минск: Беларусь, 1975. – 176 с.
3. Учётная карточка Козловой-Журавлёвой Марии Степановны / Учреждение культуры «Витебский областной музей Героя Советского Союза М.Ф. Шмырёва », В – 74.

ОСУЩЕСТВЛЕНИЕ МАТЕРИАЛЬНО-ТЕХНИЧЕСКОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ ТРАНСПОРТА В БЕЛОРУССКОЙ ССР В ГОДЫ ВОЙНЫ И ПЕРВЫЕ ПОСЛЕВОЕННЫЕ ДЕСЯТИЛЕТИЯ

Р.В. Тимофеев (Витебск, Беларусь)

Транспорт являлся и является высокотехнологичной отраслью народного хозяйства, направленной на предоставление необходимых услуг для экономики и населения. В этой связи он требовал всестороннего внимания к своему материально-техническому обеспечению, включавшему в себя различные направления, в том числе и организацию ремонта, без которого бесперебойное осуществление перевозок было бы под вопросом.

Органы власти чётко понимали прямую взаимосвязь между эффективной работой транспорта и развитием его материально-технической базы. Поэтому ещё в 1943 г., невзирая на сложности военного времени, по решению Государственного комитета обороны промышленные наркоматы СССР увеличили поставки материалов, необходимых для восстановления работы транспорта в освобожденных районах [1, с. 58]. При проведении работ по обеспечению материальных потребностей транспорта в БССР использовалось постановление СНК СССР и ЦК КПП(б) «О неотложных мерах по восстановлению хозяйства в районах, освобождённых от немецкой оккупации» от 21 августа 1943 г.

В Закон о пятилетнем плане восстановления и развития народного хозяйства СССР на 1946–1950 гг. было записано восстановление железных дорог, их обеспечение, оснащение станций, строительство мостов, в том числе через рр. Неман и Западная Двина, капитальное восстановление флота, портов и пристаней. Была поставлена задача по оснащению судоремонтных предприятий, улучшению технического обслуживания автомобилей, оборудованию воздушных линий союзного значения техническими средствами, которые бы позволяли проводить регулярные полёты в течение года [2, с. 72, 73]. Этот закон предлагал создание резерва пропускной способности на важнейших направлениях железных дорог. Помогая реализации этого закона, на XIX съезде КПБ в феврале 1949 г. парторганы поручили ЦК КП(б)Б, Совету Министров БССР, руководителям транспорта принять необходимые меры по восстановлению и дальнейшему развитию транспортных предприятий, включавшим ремонт.

Внимание к осуществлению материально-технического оснащения транспорта со стороны органов власти и парторганов было постоянным. Так, на развитие материальной базы предприятий в феврале 1954 г. парторганы обратили своё внимание на XXI съезде КПБ. Руководителей министерств, ведомств и предприятий обязали принять необходимые меры к упорядочению технического состояния подъездных путей, погрузочно-разгрузочных работ и их механизации, организации ремонта. Также там была рассмотрена необходимость более полного использования такого резерва как экономия ресурсов [3, Л. 80]. Необходимость дальнейшего усиления внимания к ремонту отмечали и на последующих съездах.

Особое место в своей политике органы власти отводили развитию ремонтной базы железных дорог. Постановлением Совета Министров СССР от 3 января 1951 г. было организовано Главное управление заводами по ремонту подвижного состава Министерства путей сообщения. В тоже время серьёзный не-

достаток в организации ремонта подвижного состава был в том, что его значительная часть производилась в депо, а мощности ремонтных заводов использовались недостаточно.

В целях улучшения обеспечения потребностей железнодорожного транспорта в ремонте в 1950-е гг. по БССР сдавались в эксплуатацию малярные цехи. Однако удовлетворять увеличивавшиеся потребности народного хозяйства в перевозках нередко не представлялось возможным из-за плохого качества ремонта вагонов [4, с. 2]. На совещании партийно-хозяйственного актива Белорусской железной дороги в октябре 1955 г. было отмечено, что из-за низкого качества ремонта приходилось отцеплять вагоны в пути. Сокращению простоев локомотивов в ремонте препятствовала неритмичное снабжение материалами и запасными частями.

Для успеха в речных перевозках и там необходимо было осуществлять своевременный ремонт судов в межнавигационный период. Чтобы добиться этого, например, на Бобруйском судоремонтном заводе в 1950 г. к началу зимнего периода работ провели подготовку своего оборудования и изготовили необходимые для судов детали. Проблемы ремонта флота и использование при его проведении механизации соответствующих процессов рассматривались на производственных совещаниях [5, Л. 1]. В целях ускорения ремонта создавались обменные фонды двигателей.

В тоже время из-за недостаточных мощностей судоремонтных заводов командам судов приходилось значительный объём ремонта на судах производить собственными силами. Главное управление речного флота при Совете Министров БССР в августе 1959 г. обратило внимание на необходимость резкого улучшения качества ремонта, так как часть судов приходилось возвращать в мастерские уже после 2-3 дней эксплуатации [6, с. 2]. Без решения проблем данной направленности не было и речи об удовлетворении наиболее острых потребностей транспортников.

В целях реализации намеченных органами власти мероприятий по обеспечению транспорта Гомельский судоремонтный завод в 1950-е гг. оборудовали слипом – сооружением для спуска, подъема и установки на берегу речных судов любого размера. В Гомеле для обеспечения ремонта осуществлялось производство паровых насосов, домкратов и монтаж плавучих кранов [7, с. 2]. Особое внимание уделялось ремонту рейдовых теплоходов, которые последними ставились на отстой и первыми начинали расчищать затоны, где хранились суда зимой.

Проблем в обеспечении работы транспорта было предостаточно. Суда технического флота, в частности земноснаряды, в период зимнего судоремонта ремонтировались, как правило в последнюю очередь, что отражалось на качестве и своевременном выходе их на работу. Низким было качество ремонта дизельных судов. Особенно частыми по вине ремонтников были поломки коленчатых валов. По мнению самих речников, высказанному на профсоюзных собраниях коллективов Верхнеднепровского пароходства в декабре 1958 г. накануне проведения XXI съезда КПС, от материально-технического снабжения во многом зависело своевременное выполнение заданий по перевозкам различной направленности.

Важной была материально-техническая база и для успешного функционирования гражданской авиации. Так, в Минском аэропорту в зимнее время в 1950-е гг. использовались снегоочистители, мочные машины с горячей водой. При гололедице выезжали специальные машины с песком. Специальный самолет ежедневно поднимался для зондирования атмосферы. При помощи оборудования, установленного на нем, определялся характер облачности и опасные метеорологические явления [8, Л. 14]. С другой стороны производилось расширение аэродромов, к ним улучшались подъездные пути, строились переезды через железные дороги.

В целом внимание органов власти и парторганов к обеспечению материально-технических потребностей транспорта носило комплексный характер, когда соответствующие мероприятия проводились в отношении его ремонтной базы, изготовлении запчастей, повышения качества проводимых работ, внедрения специального оборудования.

1. Маркова, А.Н. Транспорт СССР и основные этапы его развития / А.Н. Маркова. – М.: Наука, 1977. – 232 с.
2. Закон аб пяцігадовым плане аднаўлення і развіцця народнай гаспадаркі СССР на 1946–1950-е гг. // Бальшавік Беларусі. – 1946. – № 4 – 5. – С. 46 – 104.
3. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). – Ф. 4п. Оп. 2А. Д. 4.
4. Юшкевич, Е. Ускорять перевозки грузов тяжёлой промышленности и сельского хозяйства / Е. Юшкевич // Советская Белоруссия. – 1955. – 2 апреля. – С. 2.
5. Государственный архив Гомельской области. – Ф. 1921. Оп. 1. Д. 12.
6. У Галоўным упраўленні рачнога флоту // Рачнік Беларусі. – 1959. – 12 жніўня. – С. 2.
7. Шаферов, И. Строить новый флот / И. Шаферов // Советская Белоруссия. – 1958. – 18 мая. – С. 2.
8. НАРБ. – Ф. 1005. Оп. 2. Д. 156.

ГЕРМАНСКОЕ РЕПАРАЦИОННОЕ ПРОМЫШЛЕННОЕ ОБОРУДОВАНИЕ В ВОССТАНОВЛЕНИИ ОРШАНСКОГО ЛЬНОКОМБИНАТА (1945 – НАЧАЛО 1950-Х ГГ.)

П.А. Концевой (Могилев, Беларусь)

После освобождения от немецкой оккупации в БССР развернулся процесс восстановления, разрушенной войной экономики. Весомый вклад в него внесли репарационные поставки, которые осуществлялись в соответствии с решениями Крымской и Потсдамской конференций 1945 г. Они включали в себя промышленное оборудование, демонтированное с германских предприятий, подвижной состав железных дорог, сельскохозяйственную технику, сельскохозяйственных животных и другое имущество. Причем промышленное оборудование составляло значительную часть всех репарационных поставок, полученных БССР. Германское оборудование поступало на предприятия всех двенадцати областей БССР, существовавших на том момент, и города Минска. Одним из таких заводов являлся Оршанский льнокомбинат Министерства текстильной промышленности СССР.

Получение репарационного оборудование белорусскими заводами предполагало его демонтаж с части германских промышленных предприятий и отправку в БССР. 19 апреля 1945 г. было принято решение ГКО СССР № 8189сс по демонтажу в г. Ландеберг бумагопрядильной фабрики «Макс Бар» и о ее отправке на Оршанский льнокомбинат. Для демонтажа этого оборудования 29 апреля 1945 г. в Германию с Оршанского льнокомбината выехала группа специалистов численностью 30 человек (офицеров и сержантов). На фабрику «Макс Бар» они прибыли 6 мая 1945 г. Перед началом демонтажных работ была проведена инвентаризация и уточнены технические характеристики оборудования. По решению ГКО с немецкой фабрики должно было быть демонтировано 1000 технологических единиц оборудования, 16 энергетических единиц и 16 металлорежущих станков. Срок демонтажа был определен до 15 июля 1945 г. [1, л. 6].

Офицерский состав демонтажной команды был закреплен за определенными объектами с задачей выполнить все работы в установленный срок. Инженер-майор Красильников возглавлял техническое руководство работами по демонтажу, упаковке, маркировке кардного и прядильно-приготовительного оборудования; техник-лейтенант Магер – ватерного оборудования; техник-лейтенант Пинзур – ткацко-приготовительного оборудования; старший техник-лейтенант Кириенко и техник-лейтенант Молчанов отвечали за демонтаж ткацких станков; техник-лейтенант Иванов – металлорежущего оборудования, трансмиссий и весового хозяйства; старший техник-лейтенант Смирнов – энергосиловых установок; инженер-майор Хухунув – электроустановок и моторов; старший техник-лейтенант Черноног отвечал занимался упаковкой вспомогательных материалов и готовой продукции. Особое задание поручили старшему технику-лейтенанту Кумылову – он руководил демонтажем сантехнических сооружений.

Демонтажные работы успели завершить в срок – к 15 июля 1945 г. В результате было демонтировано 1081 технологическая единица: 91 ватер; 30 ткацко-приготовительных; 734 ткацких станков; 53 отделочные и швейные машины; 173 единицы карданного и прядильно-приготовленного оборудования. Было демонтировано 16 металлорежущих станков; 5 энергосиловых установок и 581 электромотор. Кроме того, на оршанский льнокомбинат было отправлено 435 тонн метизов и сантехники; 338 тонн сырья, вспомогательных материалов и готовой продукции (в том числе 200 тонн бумаги). Отгрузка в БССР оборудования и материалов была завершена 9 августа 1945 г. Причем первый эшелон для перевозки оборудования был выделен на тринадцать дней позже плана – 18 июля 1945 г. Общее руководство работой по демонтажу и отправкой в БССР бумагопрядильной фабрики «Макс Бар» осуществлял начальник тыла 1-го Белорусского фронта Антипов [1, л. 6–8].

В целом Оршанский льнокомбинат получил 554 вагона со 1636 единицами репарационного оборудования, демонтированного на прядильно-ткацкой фабрике в городе Ланцсберг [5, л. 59]. По другим сведениям, 1683 единицы: 173 станка кардного и прядильного приготовления; 91 ватер; 30 единиц ткацко-приготовительного оборудования; 53 отделочных и швейных машин; 16 металлорежущих станков; 5 энергосиловых установок и 581 электродвигатель [1, л. 7]. Интересным фактом является то, что в большинстве советских отчетов того времени электродвигатели учитывались как независимые единицы оборудования, но тут возникает вопрос – эти электродвигатели входили в состав демонтированного и отправленного в СССР оборудования или они демонтировались отдельно с поврежденных станков. И насколько тогда верны сведения об объемах, поступившего репарационного оборудования.

На прибывающие из Германии в счет репараций оборудование и другие материально-технические ценности составлялись акты приемки и сверки с сопроводительными документами. Далее организовывалась комиссия по учету и оценке имущества в составе: руководителя предприятия, специалиста-эксперта, главного бухгалтера и представителя финансового органа [6, л. 320]. Суммы, поступавшие от предприятий, перечислялись банками долгосрочных вложений в доход союзного бюджета по § 44 раздела 12 под наименованием «Поступления от реализации трофейного народнохозяйственного имущества». После оплаты репарационное оборудование учитывалось в объеме капитальных работ на общих основаниях.

Монтаж репарационного оборудования на Оршанском льнозаводе происходил по мере готовности производственных корпусов. Однако производственные корпуса возводились, в силу различных причин, более медленными темпами, чем первоначально предполагалось, что отрицательно сказывалось на сроках пуска технологического оборудования. Еще одной важной причиной запаздывания со вводом репарационного оборудования в эксплуатацию была его некомплектность. Причины ее были различными – это и демонтаж уже разукomплектованных станков, кроме того значительную роль в этой проблеме играли и хищение ценных деталей оборудования во время его транспортировки и хранения, а также повреждения важных агрегатов во время разгрузки. Сталкиваясь с такой ситуацией инженерно-технический состав Оршанского льнозавода должен был находить выход из нее, комплектуя станки, отечественными агрегатами, которые в неполной мере подходили для данного оборудования, что в свою очередь приводило к ухудшению технологических свойств станков, а также в ряде случаев к нарушению правил техники безопасности. Например, ввиду отсутствия проектного электрооборудования и электроматериалов, но из-за необходимости развития Оршанского льнокомбината до плановой мощности в установленные сроки его руководство приняло решение комплектовать станки тем электрооборудованием, которое имелось в наличии. Однако здесь возникает вопрос – почему не использовались 581 электродвигатель, полученный по репарациям, или же этого количества двигателей не хватило для пуска всего необходимого оборудования.

В протоколе технического совещания у директора этого предприятия отмечалось, что 17 прядильных машин «Ферберн» должны были оснащаться 34 электродвигателями закрытого типа, но в силу их отсутствия на станки установили электродвигатели открытого исполнения советского производства модели «Урал». Двигатели «Урал» являлись опасными в пожарном отношении, о чем и отмечалось на совещании, но из-за необходимости пуска оборудования руководство комбината было вынуждено согласиться с установкой не предусмотренных проектом комплектующих. Такие же двигатели «Урал» были смонтированы на 11 прядильных машинах «Бойд». На прядильные машины «Маркс» были установлены 8 финских электродвигателей закрытого типа (возможно также репарационных, но в источнике нет об этом данных) «плохого качества» и 2 электродвигателя открытого типа неизвестной марки. В другом случае на 12 льночесальных машинах были смонтированы репарационные электродвигатели закрытого типа, но большей мощности чем предусматривалось проектом [4, л. 8,10]. Таким образом, репарационное оборудование было пущено в эксплуатацию с рядом отступлений от проекта и укомплектовано по фактическому наличию запасных частей. В перспективе, по мере поступления необходимого электрооборудования, планировалось устранять вынужденные отступления от проекта.

В освоении репарационного оборудования Оршанском льнокомбинате существовали и другие сложности кроме тех которые были связаны с некомплектностью станков. Среди них можно выделить проблему использования в технологическом процессе сырья и полуфабрикатов не предусмотренных их изначальной конструкцией или переоборудование станков под выпуск продукции отличной от предусмотренной техническими характеристиками. Так, в сведениях «по внедрению новой техники на Оршанском льнокомбинате за 3-й квартал 1947 г.» присутствуют интересные факты по данному вопросу. Во-первых, на приятии были переоборудованы под кардельную пряжу «обыкновенные» ватера «Ферберн» (в количестве пяти сторонки), изначально не предназначенных для такой пряжи. Параллельно приводятся данные о пуске в работу и освоении кольцевых ватереров «Бойд» (в количестве шести сторонки, 480 веретен), вырабатывающих уточную кардельную пряжу [2, л. 43]. Таким образом, для Оршанского льнокомбината был нужен определенный тип ватера – машины предназначенной для мокрого прядения льна, который вырабатывал бы кардельную пряжу. Однако по репарациям было поставлено то оборудование, которое находилось на демонтируемом германском предприятии. В силу этого технической службе комбината пришлось переоборудовать имеющиеся станки под выпуск необходимой продукции.

Во-вторых, в этом же документе приводятся данные об освоении на Оршанском льнокомбинате в сентябре 1947 г. резки на машинах фирмы «Гобель» отечественной бумаги марки ПНК и определении ее прядильных свойств [2, л. 43]. То есть предприятиям приходилось проводить исследовательские работы на предмет пригодности отечественного сырья для использования в репарационном оборудовании. Несмотря на возникавшие трудности коллектив Оршанского льнозавода смог оперативно освоить репарационное оборудование, и оно стало основой станочного парка предприятия в 1945 – начале 1950-х гг.

Следует также указать, что часть репарационного оборудования, было излишним для данного предприятия. Оно впоследствии было передано другим заводам, а наиболее изношенное и технически устаревшее было списано. На Оршанском льнокомбинате на 1 ноября 1950 г. имелось 14 единиц излишнего репарационного оборудования. Среди него насчитывалось пять ленточных машин первого перегона, четыре из них были выпущены фирмой «Ферберн» в 1904 г., а одна фирмой «Мекки» в 1908 г.; две ленточные машины второго перегона фирмы «Мекки» 1908 г.; семь грубо-чесальных машин фирм «Ферберн», «Мекки» и «Ком-Барбург» 1904 г. Все эти машины находились в полной комплектации, но их износ составлял 45-50 % [3, л. 13].

Таким образом, промышленное оборудование, поставленное по репарациям на Оршанский льнокомбинат, составляло в 1945 – начале 1950-х гг. значительную часть станочного парка предприятия. По нашему мнению,

репарационное оборудование сыграло роль своеобразного «стартового капитала» на начальном этапе восстановления данного предприятия. Оно позволило в кратчайшие сроки приступить к выпуску готовой продукции. Однако наряду с положительной стороной данного вопроса имели место факты поступления некомплектного и морально устаревшего репарационного оборудования. Вместе с тем использование в ходе восстановления Оршанского льнокомбината, а также других промышленных предприятий БССР пусть и частично изношенного, устаревшего, но работоспособного, а в некоторых случаях и относительно высокотехнологичного репарационного оборудования способствовало не только ускорению восстановления, разрушенной войной отечественной промышленности, но и способствовало дальнейшему ее развитию с последующим превращением Беларуси в один из наиболее промышленно развитых регионов СССР.

1. Зональный государственный архив в г. Орше (ЗГАО). – Фонд 1347. – Оп. 1. – Д. 9.
2. ЗГАО. – Фонд 1347. – Оп. 1. – Д. 34.
3. ЗГАО. – Фонд 1347. – Оп. 1. – Д. 98.
4. ЗГАО. – Фонд 1347. – Оп. 1. – Д. 105.
5. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). – Фонд 4п. – Оп. 62. – Д. 58.
6. НАРБ. – Фонд 93. – Оп. 9. – Д. 1048.

ПОСЛЕВОЕННАЯ КОЛЛЕКТИВИЗАЦИЯ В ПАМЯТИ ЖИТЕЛЕЙ ШАРКОВЩИНЫ

А.В. Губский, Е.В. Сумко (Полоцк, Беларусь)

В тексте представлены результаты исследования, проведённого на территории Шарковщинского района Витебской области. В межвоенный период эта территория входила в состав Польской республики. Воспоминания о послевоенной действительности жителей Шарковщины имеют свою специфику. Возвращение к мирной жизни проходило на фоне не только преодоления послевоенной разрухи, но и продолжающейся советизации региона. Воспоминания содержат не подробный линейный рассказ, а эпизоды, сильнее всего повлиявшие на жизнь рассказчика (преимущественно интервьюируемые родились в конце 1920-х – 1930-х годах). Особое место в этих воспоминаниях занимает коллективизация, которая коренным образом изменила уклад жизни людей. Сюжеты о послевоенной коллективизации позволяют детализировать события, которые происходили в Шарковщине в тот период.

Шарковщина была освобождена в начале июля 1944 года в ходе Полоцкой операции. За годы оккупации в Шарковщинском районе погибло 2 027 мирных жителей, уничтожено 23 деревни [7, с. 198]. Сразу после освобождения района от нацистских войск жители приступили к восстановительным работам: «Калі кончылася вайна, тыя хто застаўся ў жывых сталі вяртацца на сваі папалішчы: хто з лесу, а хто з фронту. За гады тры-чатыры пабудавалі хаты, свірны, нагадалі жывёлы» [3]. С 1944 по 1949 год, в условиях послевоенной разрухи, власти не форсировали политику коллективизации и основой сельского хозяйства в регионе были единоличные хозяйства. Постепенно возрождалась советская властная вертикаль. В район направлялись специалисты разных уровней со всей республики. На руководящие должности преимущественно выдвигались местные активисты, бывшие партизаны и подпольщики. Кадровые назначения того времени среди населения отложились в памяти следующим образом: «Ставілі председателем калхоза не таго ў каго 100 га зямлі, 4 коней, каровы, а ставілі пастуха, які не мог каня запрагчы. Ну, а тады сталі з Вастока прыязджаць» [3].

В феврале 1949 года XIX съезд КПБ взял курс на проведение сплошной коллективизации в Западной Беларуси. Воспоминания жителей Шарковщины свидетельствуют, о том, что ускоренная послевоенная коллективизация для большинства была очень болезненной. По рассказам, в первую очередь, в колхозы вступали малоземельные или безземельные крестьяне. Например, Батуринон Гордей Владимирович, житель деревни Жуковщина, вспоминал, что люди, у которых была земля, не хотели добровольно вступать в колхозы. Созданию колхозов, как правило, предшествовала агитационно-пропагандистская работа, направленная на убеждение крестьян в преимуществах коллективного хозяйства перед индивидуальным: «Собирали в одном доме вечерами, часто в присутствии прокурора или участкового, и рассказывали про “счастливую” жизнь в колхозе. Говорили, что заберут землю у богатых в колхоз и всем будет жить хорошо». Если это не действовало, то затем переходили к угрозам конфисковать имущество и сослать на дальний Восток. «Вскоре сделали землю общей, оставили только несколько соток огорода. Все хозяйственное имущество забрали: упряжку, колёса, инвентарь, коней и зерно. Оставили только немного на посев и разрешили последний раз убрать с поля урожай. Мелкую живность не забирали: кур, уток, коз, овец» [1].

Воспоминания фиксируют факт того, что принцип добровольности при организации колхозов не всегда обеспечивался: «Вот пришёл приказ сверху, о том, чтобы создавать колхозы. Приказ был таков - в первую очередь отдать коней. Лишние постройки забрать. Так же отнимали скотину. Если было 2 коровы, забирали одну. Нужно было сдать зерна столько, сколько имеешь земли. Мы зерно отдавали, но часть родители прятали, закапывали в землю, чтоб кормить нас, детей (5 штук)» [4].

К 1950 году в Шарковинском районе насчитывалось 100 колхозов и один совхоз. В средствах массовой информации говорили о процветающем сельском хозяйстве, об увеличивающемся благосостоянии людей. Однако реальная жизнь того времени была очень тяжелой, крестьяне были фактически бесправными, не имели паспортов, а за свой тяжелый труд получали трудовни. “Каліктывізацыя... Забралі ў мужыка ўсё. Забралі прыгожых каней, запраж, плугі, бароны, машыны малатарныя. Аставілі мужыку толькі хату з 4 вугламі з кускам зямлі, за якую не зналі якіх падаткаў яшчэ не плаціць.. Пустыя працадні былі. Мама помню палкай лён прала ў начную змену. Трэба было ці 250, ці 500 жмень абабіць льна за трудадзень. А як прышла пара заробак палучаць, мама атрымала 50 кг. вярс-лятучкі. За год ні рубля, ні капейкі – нічога не далі. Гэтак жылі” [3].

В воспоминаниях жителей Шарковщины часто фигурирует личность председателя или бригадира. В традиционной картине света сельских жителей представители власти ассоциировались с принудительными, наказательными мерами. В колхозах крестьяне фактически находились в полной зависимости от колхозного руководства. Пурвин Мария Иосифовна, вспоминала, что однажды она с подружками протанцевала в сельском клубе до утра и сразу пошла на работу – на прополку бураков. Однако усталость взяла свое и они заснули прямо на поле. Прискакал бригадир на коне и стал «нас плещу дубасіць без жаласці. У мяне было ўсё ліцо іспаласавана і на целе былі крававыя палосы» [3]. Нарушение дисциплины в колхозе каралось строго и, иной раз, принимало форму глумления над личностью крестьянина. Тот же бригадир, о котором упоминалось выше, однажды за то, что досрочно выполнив работу, колхозники решили разойтись по домам, заставил их одеть хомут на шею и бегать вокруг сарая [3].

Содержание устных рассказов свидетельствует о том, что председатель колхоза оценивался в зависимости от того, какую позицию в те годы занимала семья и наличия соседско-родственных связей. Не последнюю роль играл характер человека. Например, Гордей Владимирович Батурунок вспоминал о первом председателе колхоза “Искра”, который постоянно боялся, что его расстреляют за невыполнение какого-либо приказа или задания: «поэтому ночевал в сарае. Боялся он советских людей, служивших в НКВД, тогда они отвечали за порядок в государстве» [1]. Медведко Анна Ивановна из деревни Радюки (1930 года рождения) вспоминала о злоупотреблениях представителей власти: «председателю колхоза давался план: сколько нужно собрать с крестьян различного типа продуктов. Он старался план выполнить, а всё “лишнее” забирали себе» [5].

Трагичной страницей в рамках коллективизации был процесс раскулачивания, что нашло отражение в воспоминаниях жителей Шарковщины. В результате раскулачивания пострадали наиболее дееспособные группы населения, что стало причиной социального и психологического дисбаланса. Мария Иосифовна Пурвин, подробно вспоминала о событиях выселения одной зажиточной семьи из деревни Йоды: “Быў адзін чалавек... Было ў яго 5 кароў, 4 коней, 2 сабакі, дом харошы, 100 га зямлі мелі. Ну, яны чувствавалі, што вывязуць скоро іх, бо багатыя былі” [3]. Далее из рассказа следовало, что зимой за ними пришёл глава сельсовета и приказал собираться со словами: «Сабірайцеся, паедеце багацець». Сказали, что их повезут на рудники в центральную часть Сибири. В Шарковщине семью посадили на поезд, в вагон для скота и они там были не одни. Ехали они в течение 3 суток, затем поезд остановился и их высади в лесу: «Вот выгружайтесь тут, разнажайцеся і багацейте. Ну, што ж злезлі, снег кругом, тапор узялі, лапату узялі. Было ў мужыка 4 дачкі і 2 сыны. Во, якая семья была! Моцныя людзі. Ну, тады яны выкапалі яму, насеклі лапак, насувалі ў яму і так вот ноч пераначавалі. Тады на заўтра сталі капаць бальшы траншэй, сталі пілаваць броўны, закладавалі ў зруб, потым падлогу палажылі. Сталі жыць. Тады, дзе там яны хадзілі па лесе, учулі звук поезда, ну і давай на гэты звук ісці. Дашлі да нейкага гарадзішка і там абаснаваліся». Прожили они там до 1967 года, а затем, после реабилитации, вернулись домой [3].

Бывали случаи, что раскулачивали не только зажиточных крестьян, но тех, кто к этой категории не относился. Например, Журавская Нина Владимировна, 1922 года рождения, вспоминала, что до 1939 года их семья жила у пана в доме. В 1939 г., после того, как пришла советская власть помещики уехали в Польшу, а они остались: «Я ішла як безземельная, не было у мяне сваёй зямлі, у панскай хаце жылі. Жыло нас 11 душ у хаце». Путаница с распределением земли и факт проживания в панском доме – послужило основанием для определения их к категории кулаков. Однако этот случай примечательный тем, что семья Нины Владимировны попыталась найти выход из сложившейся ситуации и, обратившись за помощью к местному учителю русского языка, написали жалобу в Минск. Была проведена проверка: “Прыехалі з Мінска на меснае дазнанне, а тут жа свой жулік, свой чалавек, актывіст у сельсавеце, які на нас казаў дрэнна, а гэты з Мінска сказаў, што ў сельсавеце парушаюць парадак савецкай улады. Прыказалі раёну нам усё вярнуць” [2]. Сначала сельсовет предложил вернуть деньги за конфискованную скотину, однако семья отказалась от этого варианта. В результате им предложили следующее: “ну, і гэта назначаюць: “ідзіце бярэце”. Нам усе роўна наша не аддалі, у людзей нейкіх забралі і нам аддалі. Далі карову” [2].

В воспоминаниях всплывают сюжеты, связанные с применением репрессивных мер за посягательство на колхозную собственность, которое считалось тягчайшим правонарушением. Например, Шестакевич Мария Антоновна, отвечая на вопрос интервьюера, вспомнила случай, как две женщины воровали снопы пшеницы с колхозного поля, чтобы прокормить семью и за это их осудили на 7 лет лагерей.

Неприятие коллективизации вызывало недовольство советской властью. Формы протеста были разные. Например, обливали краской памятники Ленина, дома партийных работников. Некоторые жители в знак протеста уходили в лес и пополняли отряды вооруженных групп, которые скрывались в первые послевоенные годы в лесах. В Шарковщинском районе самой опасной была банда Мурзича, которая состояла из 12 человек. Действовала она на территории совхоза имени Маркова. Банда занималась грабежами и убийствами. Борьбу с ними вели отряды милиции и специально организованные отряды. По воспоминаниям непосредственного участника в поимке одной из банд, Алексея Лукьяновича Танконога (1930 года рождения), вторая половина 1940-х гг. была очень беспокойной и не обходилось без жертв: «В деревне Рабартова в доме Стацкевича от рук бандитов погиб начальник районного отдела милиции Судakov, в деревне Ручай – секретарь райисполкома Третьяков. Бандиты расстреляли лейтенанта Ганюшина из военкомата, первого председателя Воронковского сельсовета [6].

Воспоминания жителей Шарковщины о коллективизации, раскулачивании, стратегии выживания в новых условиях предоставляют уникальную возможность создать многообразное представление о событиях, которые происходили в послевоенные годы и недостаточно раскрытые в современной историографии. Ценность, и одновременно сложность, этих источников предопределяется особенностями их происхождения, поскольку они принадлежат конкретному автору и отражают непосредственное восприятие им окружающего мира, исторических событий и явлений.

1. Записал Губский Антон Валентинович от Батурино Гордея Владимировича, 1935 года рождения. Деревня Жуковщина, Витебская обл. 2016 г.
2. Записал Губский Антон Валентинович от Журавской Нины Владимировны, 1922 года рождения. Деревня Саварына, Шарковщинский район. Витебская обл. 2017 г.
3. Записал Губский Антон Валентинович от Пурвин Марии Иосифовны. 1935 года рождения. Деревня Рудобель, Витебская обл. 2016 г.
4. Записал Губский Антон Валентинович от Шестакевич Марии Антоновны. 1929 года рождения. Деревня Германовичи, Витебская обл. 2016 г.
5. Записала Жуковская Татьяна Николаевна от Медведко Анны Иоановны, 1932 г.р. Г.п. Шарковщина, 2008 г.
6. Записала Лобачевская Юлия Андреевна от Тонконог Алексея Юрьевича, 1925 года рождения. Деревня Германовичи, 2016.
7. Шаркаўшчынскі раён // Энцыклапедыя гісторыі Беларусі: У 6 т. Т. 6. Кн.2: Усвея-Яшын; Рэдкал.: Г.П. Пашкоў і інш. – Мінск: БелЭн, 2013. – С.616.

ВОССТАНОВЛЕНИЕ И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КРАЕВЕДЧЕСКИХ МУЗЕЕВ В БССР В 1944–1950 ГГ.

О.Ю. Лесная (Витебск, Беларусь)

За время Великой Отечественной войны были полностью уничтожены музейные здания, экспонаты и архивы областных историко-краеведческих музеев в Могилеве, Гомеле, Лиде, районного краеведческого музея в Орше [4, д. 52, л. 5]. Уцелели, но оказались повреждены, здания Минского, Витебского, Пинского, Бобруйского, Брестского и Гродненского музеев [4, д. 26, л. 33]. После победы в Великой Отечественной войне перед государством стала задача по восстановлению музеев и музейной сети республики.

Целью данного исследования стали процессы восстановления и направления деятельности краеведческих музеев БССР в 1944–1950 гг.

Исследование основано на архивных материалах фонда партархива Института истории партии при ЦК КПБ, хранящихся в Национальном архиве Республики Беларусь, фонда учреждений и организаций культуры, искусства, печати, СМИ, хранящихся в Государственном архиве Витебской области.

В довоенное время музейная сеть БССР насчитывала 25 музеев (1941 г.), из которых 15 были краеведческого профиля: 8 музеев имели статус областных историко-краеведческих музеев (в Минске, Могилеве, Гомеле, Витебске, Лиде (Барановичский областной музей), Пинске, Бресте и Гродно) и 7 – районных краеведческих музеев (в Бобруйске, Борисове, Орше, Полоцке, Турове, Слониме и Волковыске) [4, д. 52, л. 5]. Некоторые музеи находились еще в стадии организации (Брестский, Оршанский, Полоцкий и Борисовский) [4, д. 26, л. 33].

Работы по восстановлению довоенной сети музеев начались весной 1944 г. с возрождения областных краеведческих музеев. Согласно решению Гомельского облисполкома и обкома КП(б)Б в марте начал свою работу Гомельский историко-краеведческий музей, решением бюро Могилевского обкома КП(б)Б в июне возобновил деятельность музей в Могилеве, постановлением Витебского облисполкома в июле приступил к восстановительным работам музей в Витебске [4, д. 26, л. 33, 60].

Большая часть работ по восстановлению музейной сети пришлось на 1945 и последующие года. В планах было восстановление Пинского, Брестского и Гродненского областных историко-краеведческих музеев. Затем было намечено восстановление Бобруйского областного историко-краеведческого музея, во втором квартале – Барановичского, Полоцкого, Полесского областных историко-краеведческих музеев, в третьем квартале – районные краеведческие музеи в Борисове, Турове, Слониме и Волковыске [4, д. 52, л. 6-7].

Совет Народных Комиссаров БССР, приняв специальное постановление «О восстановлении областных историко-краеведческих музеев в городах Гомель, Бобруйск, Пинск и Брест» инициировал работу по возрождению музеев и предоставлению им соответствующих помещений [2, с. 261].

Возрождению музеев и восстановлению музейной сети БССР способствовал и «Закон о пятилетнем плане восстановления и развития народного хозяйства СССР на 1946-1950 гг.» принятый Верховным Советом СССР в 1946 г., который предусматривал повышение культурного уровня жизни народа и восстановление в районах, подвергшихся оккупации, культурных учреждений, в том числе и музеев [3, с. 52-53].

Одновременно с восстановлением музеев стараниями сотрудников велась и внутримузейная работа. Советское музееведение основной задачей краеведческих музеев видело в «глубоком изучении прошлого и настоящего края, воспитание в посетителях гордость за родной край, а тем самым любовь к советской отчизне, беззаветную преданность ее великому делу» [5, с. 6]. Это получило отражение в «Положении о краеведческом музее», где музей определялся как политико-просветительное, научно-исследовательское учреждение, которое создает экспозицию в целях научной пропаганды знаний о своем крае, повышения культурно-политического уровня трудящихся, воспитания советского патриотизма и мобилизации населения на выполнение общегосударственных задач [4, д. 52, л. 1]. Отсюда были и обозначены основные направления деятельности краеведческих музеев: собирательская, научно-исследовательская, экспозиционно-выставочная и культурно-массовая работа.

Сотрудники активно включились в процесс сбора экспонатов, создания экспозиций, характеризующих природу, историю и современную жизнь края, проведения краеведческих исследований и экспедиций по изучению родного края, созыву краеведческих совещаний и конференций. Музеем организовывались музейно-краеведческие советы, отраслевые краеведческие и школьные секции, которые занимались изучением истории края (области).

В целях максимально возможного использования существующих экспонатов при ограничении задействованных площадей функционирующих музеев, кроме стационарных выставок, стали использоваться передвижные выставки и экспозиции по отделам природы, истории, строительства социалистического общества и Великой Отечественной войны [4, д. 52, л. 1-2].

Основная цель стационарной и передвижной экспозиции заключалась в показе превосходства советской системы над капиталистической. Наряду с общим показом достижений по области всемерно освещались достижения сельсовета, района, поселка, города, показывались знатные люди области – кем они были до революции и кем стали при Советской власти [1, д. 19, л. 320]. К примеру, ко второй годовщине освобождения БССР от немецко-фашистских захватчиков историко-краеведческие музеи организовывали выставки, посвященные героическому прошлому белорусского народа, его культуре, государственным и общественным деятелям, обновляли и расширили отделы, посвященные Великой Отечественной войне [1, д. 8, л. 312].

Принимали участие музеи в посевных и избирательных кампаниях. Главная задача краеведческих музеев состояла в том, чтобы с помощью краеведческого актива еще лучше изучить свой край, помочь местным советам в выявлении и в использовании местных ресурсов для местной промышленности, для строительства дорог, благоустройства городов и деревень [1, д. 19, л. 321].

Велась работа по улучшению качества показа трудящимся советского периода истории, характеризующую историю социалистического строительства со дня Великой Октябрьской революции и те достижения, с которыми страна, республика, область пришли к выборам в советы. Так, областные краеведческие музеи обновляли стационарные экспозиции в направлении более яркого показа разделов, посвященных Сталинской Конституции, организовывали 1-2 передвижные выставки на тему «Сталинская Конституция – Конституция победившего социализма», а также проводили «музейные дни», посвященные вопросам советского патриотизма, достижениям науки и культуры, промышленного и сельского хозяйства (например, «Мастера сталинского урожая») [1, д. 42, л. 242 об.; д. 51, л. 213; д. 29, л. 98]. В тех музеях, где отсутствовал отдел «Соцстроительства» организовывались выставки-передвижки на такие темы как «Что дала советская власть трудящимся Белоруссии», «Сталинская конституция – самая демократичная в мире», «Пятилетний план нашей области» и др. [1, д. 19, л. 320].

Культурно-массовая работа проводилась в форме экскурсий, консультаций, чтении лекций и докладов по тематике, разрабатываемой музеем, готовились путеводители по экспозициям, каталоги фондов, статьи и монографии. Сотрудники занимались организацией массовых краеведческих работ по изучению местных ресурсов, в частности создавали краеведческие кружки и популяризировали их деятельность, привлекали общественность к охране памятников революции, архитектуры, природы и т.д., проводили работы с учащимися школ в соответствии с учебным материалом [4, д. 52, л. 1-2].

Проводились мероприятия, посвященные юбилеям или памятным датам. Музеями готовился цикл лекций для выступления к 150-летию со дня рождения А.С. Пушкина [1, д. 29, л. 58]. К 150-летию со дня смерти великого русского полководца А.В. Суворова областные и районные краеведческие музеи готовили фото-выставку и фото-монтажи, отображающие жизнь и полководческую деятельность А. Суворова [1, д. 40, л. 577].

В полной мере не всем музеям получилось развернуть свою работу. Так, экспозиции Могилевского, Полесского и Полоцкого областных краеведческих музеев некоторое время находились в консервации, медленно шел процесс создания экспозиций в Слонимском областном краеведческом и Волковыском районном музеях [4, д. 193, л. 178]. Были и музеи, которые лишились своих довоенных зданий (например, здание Бобруйского музея было передано дому пионеров, помещение Брестского музея занимал детский кинотеатр) [4, д. 26, л. 33].

Зачастую работу краеведческих музеев тормозила и безынициативность органов местного управления, которые не проявляли настойчивость в деле восстановления в областях краеведческих музеев. Примером осуществления такой политики был областной музей в г. Бресте, где, при наличии штатного расписания и необходимых ассигнований, музей так и не начал свою деятельность [1, д. 19, л. 302].

На протяжении нескольких лет Комитет по делам культурно-просветительных учреждений пытался добиться восстановления в Волковыском районе краеведческого музея в доме П.И. Багратиона – первого в СССР мемориального музея посвященного генералу П.И. Багратиону. На реставрацию домика Комитет ассигновал специальные средства в расчете, что к маю 1950 г. он будет восстановлен [4, д. 281, л. 101].

Выявлялись недостатки и в процессе деятельности музеев, в частности в научно-исследовательской деятельности дирекция музея не всегда контролировала выполнение планов и результатов работы, сбор информации по запланированным научным темам проводился достаточно медленно, не был налажен надлежащий учет и хранение фондов, музейные сотрудники зачастую не имели четкого и ясного представления о роли и характере научно-исследовательской работы в музее, не было создано краеведческого актива.

Во многом эти недостатки оправдывались тем, что до 1947 г. научно-исследовательская работа музейными сотрудниками фактически не проводилась, что связано с организационно-восстановительным периодом в работе музеев. Управлением музеев к 1950 г. была проведена работа по активизации данного направления. Научным сотрудникам музеев рекомендовалось использовать издания научно-исследовательского института краеведческой и музейной работы, налаживать сотрудничество с научно-исследовательскими учреждениями республики и области, организационно оформлять краеведческую работу [4, д. 281, л. 164-165].

Таким образом, в результате совместных усилий Комитета по делам культурно-просветительных учреждений при Совете Министров БССР и работников музеев к 1950 г. в стране уже полноценно функционировало 8 областных краеведческих музеев (Витебский, Бобруйский, Гомельский, Пинский, Барановичский, Полоцкий, Могилевский и Полесский) и 1 районный краеведческий имени П.И. Багратиона в Волковыске [4, д. 281, л. 163]. И хотя количественные показатели довоенного уровня музейной сети к 1950 г. еще не были достигнуты (отставало восстановление районных краеведческих музеев), государством планировалось восстановить краеведческие музеи в Слуцке, Климовичах, Мстиславле, Наровле, Горках [4, д. 281, л. 167], областные и районные краеведческие музеи в западных областях БССР: в Бресте, Барановичах, Молодечно, районные в Лиде, Новогрудке, Несвиже, Сморгони, Ошмянах, Браславе, Глубоком, Ружанах, Каменце, Лунинце, Давид-Городке [4, д. 193, л. 181].

В итоге проделанной работы ко второй половине 1950-х гг. была сформирована музейная сеть БССР, которая насчитывала 27 музеев, 17 из которых – это областные и районные музеи краеведческого профиля.

1. Государственный архив Витебской области. – Ф. 2806. – Оп. 1.
2. Грицкевич, В.П. История музеев мира: учеб. пособие для студентов ист. фак. / В.П. Грицкевич, А.А. Гужаловский. – Мн.: БГУ, 2003. – 284 с.
3. Закон о пятилетнем плане восстановления и развития народного хозяйства СССР на 1946-1950 гг. – Мн.: Гос. Изд-во полит. лит., 1946. – 94 с.
4. Национальный архив Республики Беларусь. – Ф. 4-ПА. – Оп. 47.
5. Основы советского музееведения / П.И. Галкин [и др.]. – М.: Государственное издательство культурно-просветительной литературы, 1955. – 373 с.

ІТАЛЬЯНСКАЕ СВЕДЧАННЕ БІСКУПА ЧЭСЛАВА СІПОВІЧА ПРА ФРАНЦЫСКА СКАРЫНУ

В. Карпук (Рым, Італія)

Пра зацікаўленасць Біскупа Чэслава Сіповіча (з Ордэну марыянаў) да асобы і спадчыны Францыска Скарыны можна было б (а нават трэба) пісаць шырока. Сам Чэслаў Сіповіч нарадзіўся 8 снежня (25 лістапада) 1914 г. у в. Дзедзінка былога Браслаўскага павета. Гэта ў 130 км ад Скарынаўскага “слаўнага горада Полацка” і амаль у 250 км ад Віцебска. Ані ў Полацку, ані ў Віцебску Чэслаў Сіповіч ніколі не быў. Але не можа быць аніякага сумневу, што Чэслаў Сіповіч усё жыццё захоўваў асаблівую пашану да славытага Францыска Скарыны і ягонай спадчыны. Магчыма карані гэтай пашаны да свайго славытага Зямляка сягалі кляштару беларускіх марыянаў у Друі, дзе ў 1933 г. Чэслаў пачаў манаскі навіццят. У 1935-1938 гг. семінарыст Чэслаў вывучаў філасофію і тэалогію ва ўніверсітэце ў Скарынаўскай Вільні. Аднак навучання ў Вільні Чэслаў не змог працягнуць, бо вяртацца ў Вільню яму не дазволілі польскія адміністрацыйныя ўлады.

З блашлавення вышэйшых уладаў Ордэна марыянаў семінарыст працягнуў навучанне ў Рыме, найперш у Грыгарыянскім універсітэце, а пазней у Папскім Усходнім Інстытуце. У Рыме, 16 чэрвеня 1942 г. (75 год таму) беларускі манах-марыянін Чэслаў Сіповіч быў рукапакладзены ў сан святара ва ўсходнім (грэка-каталіцкім) абрадзе.

У 1946 г. іераманах Чэслаў абараніў дактарат з усходніх царкоўных навук (SEOD), прысвечаны ўніяцкаму мітрапаліту Ясону Смагажэўскаму.

У 1949 г. а. Чэслаў Сіповіч, разам з кс. Пятром Татарыновічам і а. Львом Гарошкам, пачалі старанні, каб Ватыканскае радыё транслявала свае праграмы і на беларускай мове.

4 жніўня 1960 г. іераманах Чэслаў Сіповіч атрымаў біскупскую хіратонію ды яму была даверанае заданне “задаволіць [духоўныя] патрэбы беларускіх вернікаў усходняга абраду, якія дзеля якой-коlechы прычыны жывуць за межамі бацькаўшчыны” (А.Н, 154).

Гэтыя словы намінацыйнай булы папы Яна XIII агульна акрэслівалі абавязкі біскупа Чэслава як Апостальскага візітара для беларускіх грэка-каталікаў па-за межамі Беларусі. Але біскуп Чэслаў разумеў, што ягоным заданнем ёсць пастырскі клопат пра ўсіх беларусаў – каталікаў абодвух абрадаў (візантыйскага і лацінскага), але і вернікаў іншых канфесій. Ён стараўся данесці Слова Божае да ўсіх сваіх суайчыннікаў – у замежжы і ў Беларусі. У гэтым кантэксце постаць Францыска Скарыны была біскупам Чэславу вельмі блізкай.

У 1967 г., калі адзначалася 450 год выдання Францыскам Скарынам Бібліі, біскуп Чэслаў звяртаў увагу чытачоў выдаванага ў Лондане беларускага рэлігійнага часопіса “Божым шляхам”:

”Кожнаму, хто толькі неўпярэджана пазнаёміцца з асобай беларускага вучонага і яго працамі, кідаецца ў вочы яго глыбокая вера ў Бога ў Святой Тройцы Адзінага, дый праўдзівае шырокае хрысціянства Скарыны, яго шчырая пабожнасць да Божае Маці, да Анёлаў і Святых, яго любоў да роднага краю і да свайго слаўнага Полацку, аб якім ніколі не забывае. Пры ўсіх сваіх ведах і зацікаўленні Скарына мае на мэце, як праводную зорку, служэнне “людзям паспалітым”, значыць тым, што найбольш патрабавалі асветы і абароны” (БШ 15:1967 №4, 3).

У кантэксце юбілею 450-годдзя (1967 і наступных гг.) біскуп Чэслаў лічыў вельмі важным выйсці са сведчаннем пра беларускага гуманіста і хрысціяніна з Полацка да італьянскага навуковага асяроддзя. Бо яшчэ на працягу свайго навучання ў Рыме (1938-1947) Чэслаў Сіповіч змог пераканацца, што ў асяроддзі папскіх навучальных устаноў гісторыя Беларусі, у тым ліку і постаць Францыска Скарыны, застаецца амаль невядомай. Тым больш невядомай заставалася ягоная культурная і духоўная спадчына, а гэта не толькі спадчына кнігадрукавання але “*opetabiblica*” – значыць “біблейная справа”, намаганні зрабіць Біблію блізкай “людзям паспалітым”.

Пратаіерэй Аляксандар Надсан у біяграфічнай кнізе “Біскуп Чэслаў Сіповіч – святар і беларус” (Мінск 2004) апісвае адзін важны момант гэтага “італьянскага сведчання” біскупа Чэслава пра Францыска Скарыну.

“17 сакавіка 1969 году з нагоды 450-х угодкаў беларускага кнігадрукавання у Папскім Усходнім Інстытуце ў Рыме біскуп Сіповіч прачытаў даклад на тэму “Доктар Францішак Скарына і ягоныя біблейскія выданні”. Як сам біскуп адзначыў у сваім дзённымі, кіраўніцтва Інстытуту баялася, што на даклад ніхто не прыйдзе. Але ў сапраўднасці выйшла наадварот: аўдыторыя была поўная. Прыйшлі кардыналы Аўген Тысэран і [мітрапаліт] Язэп Сліпый, усе прафесары інстытуту, у тым ліку калішні прафесар біскупа Сіповіча айцец Альберт Аман, які ў свой час даволі крытычна выказваўся пра Скарыну і ягоную дзейнасць. З’явіліся таксама ўсе “рымскія” беларусы на чале з айцом Татарыновічам [з Ватыканскага радыё] і праваслаўным святаром айцом Раінам. 9 красавіка айцец Аман прыйшоў да біскупа прасіць дазвол надрукаваць ягоны даклад. Біскуп мусіў яго расчараваць: ён ужо абяцаў даклад часопісу “Unitas”.

Экуменічны навуковы часопіс “Unitas” меў за мэту ў духу II-га Ватыканскага сабору спрыяць еднасці хрысціянаў ды накіраваны быў да багасловаў і душпастыраў розных канфесій і народаў. Змешчаны ў ім артыкул біскупа Чэслава паказваў гуманіста з Полацка як чалавека веры і навукі, як прыклад хрысціяніна ўсходняй традыцы адкрытага на традыцыю хрысціянаў Захаду.

Але Біскуп Чэслаў Сіповіч не забываў пра сваю Разіму – Беларусь, пра духоўныя патрэбы беларускіх хрысціянаў. Ён не толькі сведчыў пра адвагу Францішка Скарыны ў справе данесці Біблію да свайго народу. У час юбілею 450-годдзя выдання Бібліі Францыскам Скарынам у 1967 г. Біскуп Чэслаў думаў і шукаў спосабаў, як можна было б данесці Біблію і духоўную літаратуру да хрысціянаў у Беларусі.

Будучы ў той час Генеральным суперыёрам Ордэну марыянаў, Уладыка Чэслаў шукаў падтрымкі ў сваіх ордэнскіх субратаў – марыянаў. Якраз у 1967 г. (значыць 50 год таму) малады польскі марыянін – іераманах Раман Пентка пачаў акармляць нэа-унійную (грэка-каталіцкую) парафію ў в. Кастамлоты над Бугам, каля Тэрэспалы. Гэта была добрая нагода, каб там арганізаваць адважны шлях “пераправы” Бібліі праз гранічную раку Буг (да Брэста і далей). У адважнай экуменічнай акцыі ўдзельнічалі згодна хрысціяне розных канфесій з двух бакоў мяжы польска-беларускай. Група моладзі дыскрэтна кіраваў семінарыст манах-марыянін Сяргей Гаек.

Але Бібліі (ды іншая рэлігійная літаратура), якія “перапраўляліся” ў Беларусь былі на рускай мове. Не хапала беларускамоўных выданняў.

Таму Уладыка Чэслаў рупліва і нястомна падтрымліваў высілки свайго ордэнскага субрата ў Беларусі – айца Уладзіслава Чарняўскага, які адважна пачынаў і нястомна працягваў працу над перакладам Бібліі (і літургічных тэкстаў) на беларускую мову. Якраз напрыканцы 1967 г. а. Уладзіслаў змог прыехаць у Рым, да Генеральнага дому марыянаў. А на асабістай аўдыенцыі на пачатку 1968 г. атрымаў асаблівае блаславенне папы Паўла VI на гэтую працу над беларускімі перакладамі Бібліі і літургічных тэкстаў.

Гэтыя два сегменты служэння Біскупа Чэслава на полі пашырэння духоўнай літаратуры на роднай мове – гэта ўжо тэма асобнага апрацавання.

ОТНОШЕНИЯ ГОСУДАРСТВА И ЦЕРКВИ В ПРАКТИКЕ ПРОВЕДЕНИЯ КОМСОМОЛЬСКИМИ ОРГАНИЗАЦИЯМИ БЕЛАРУСИ ИНДИВИДУАЛЬНОЙ ВОСПИТАТЕЛЬНОЙ РАБОТЫ В 1970-Е ГГ.

В.Д. Крюковский (Минск, Беларусь)

В годы исследуемого периода в комсомольской организации Беларуси сложились основные направления работы по формированию научно-материалистического мировоззрения юношей и девушек. Они включали в себя: изучение религиозной обстановки, воспитание молодежи в процессе повышения ее трудовой и социальной активности, образования и политического просвещения, пропагандистской, индивидуальной работы, проведения совместных мероприятий с учреждениями культуры, внедрения в жизнь социалистической обрядности.

В формировании научно-материалистического мировоззрения молодого поколения важное место занимала индивидуальная работа. Изучение документов и материалов 70-х годов показало, что она выступала действенным фактором отхода молодежи от религии. Например в ходе опроса 180 бывших верующих юношей и девушек г.Бреста, 144 из них назвали основной причиной разрыва с религией индивидуальную работу с ними активистов.

Определенный опыт индивидуальной мировоззренческой работы был накоплен в комсомольской организации Брестского электромеханического завода. В первом квартале 1971 года партком созвал совещание секретарей цеховых партийных и комсомольских организаций на тему: «О состоянии и мерах улучшения атеистического воспитания рабочих и служащих электромеханического завода». Главное внимание было обращено на усиление индивидуальной работы. Выработанные рекомендации помогли комитету комсомола и цеховым комсомольским организациям четче определить свое место в системе воспитания на предприятии, наметить целый ряд конкретных мероприятий. Был значительно расширен состав агитаторов-атеистов за счет включения в него мастеров и бригадиров. Наладили обучение агитаторов и комсомольских активистов навыкам индивидуальной работы. Совет молодых атеистов начал изучать личные особенности, степень религиозности молодых верующих. На совместных заседаниях партийных и комсомольских бюро цехов и отделов стали регулярно заслушиваться сообщения о результатах работы агитаторов-атеистов и актива [1, л.41; лл.15-16; лл.8,19; л.138].

Агитаторы-атеисты в ходе своей работы старались получить представление о прочности и глубине религиозных убеждений верующего, особенностях его психологии, для каждого старались найти более результативные пути воздействия. В одном случае они помогали верующему, вовлекая его в общественную деятельность, в другом – искали способы влияния через семью т.д. Все это приводило к положительным сдвигам в сознании и поведении молодежи.

Например, большая и кропотливая индивидуальная работа была проведена с Валей Г., попавшей под влияние сектантов. С девушкой беседовали агитаторы, комсомольские активисты, затрагивая волнующие ее мировоззренческие и жизненные проблемы. Часто беседовал с ней секретарь парткома. Комсомольцы побывали у Вали на квартире, познакомились с ее родителями, которые были атеистами. Отец и мать помогли комсомольской организации. Они с большой чуткостью и тактом терпеливо и настойчиво переубеждали дочь, на многочисленных примерах разъясняли антинаучность религиозного вероучения. Терпеливая совместная работа привела к тому, что Валя порвала с сектой, стала примерной работницей, общественницей. Девушка была благодарна комсомольцам, что они помогли ей понять ее ошибку, которая могла иметь тяжелые последствия [2, лл.116,138-139].

Большую индивидуальную работу с верующими детьми и подростками вела комсомольская организация Дарасинской школы Любанского района. Вопросы атеистического воспитания регулярно обсуждались на комсомольских собраниях, в комитете комсомола. С учетом мнения комитета комсомола и администрации школы для работы с верующими юношами и девушками были подобраны авторитетные комсомольские активисты, преподаватели. Индивидуальная работа велась неотрывно от других направлений воспитания.

Приведем типичный пример из опыта работы этой комсомольской организации. Во второй половине 70-х годов в пятый класс школы пришел из фанатично верующей семьи Анатолий Трухан. Тихий и скромный, он резко выделялся на фоне других учащихся. За исключением учебных занятий ко всему остальному он был безразличен, уклонялся от участия в общественных мероприятиях. Первые предложения о вступлении его в пионеры закончились неудачей. Это не смутило педагогов и комсомольцев. Уроки с атеистической направленностью, внешкольные и внеклассные атеистические мероприятия, дополненные индивидуальными беседами в конце концов сделали свое дело. В 7-м классе Анатолий сам высказал желание стать пионером. Он стал общительным, веселым, начал лучше учиться. А в 8-м классе первым подал заявление в комсомол. Комсомольская организация школы вступление А.Трухана в комсомол провела торжественно. День получения комсомольского билета стал для юноши памятным на всю жизнь.

После окончания восьми классов Анатолий поступил в Жодинское ГПТУ металлистов. В своих письмах он выражал большую благодарность преподавателям, друзьям-комсомольцам за помощь в освобождении от иллюзорного мировоззрения.

Индивидуальная работа с верующими не всегда приносила ожидаемые результаты. Недооценка многими комсомольскими работниками значения атеистического воспитания часто приводила к тому, что индивидуальное воспитание, как и другие направления, развивалось стихийно. Юноши и девушки, оставленные без индивидуального воздействия комсомольских организаций, колебавшиеся в вопросах религии и атеизма, под влиянием верующих родителей или знакомых нередко в своих духовных поисках обращались к религии. Так, в начале 70-х годов под воздействием членов сектантской общины пришел к религии студент энергетического факультета Белорусского политехнического института, член ВЛКСМ Владимир Белида. Комсомольскую организацию института это ничуть не беспокоило. Об отношении комитета комсомола этого института к индивидуальной работе говорит то обстоятельство, что активисты даже и не подозревали, что комсомолец, студент на протяжении трех лет, с 1973 по 1976 гг., регулярно посещал собрания религиозной общины.

Нередко безразличное отношение комсомольских активистов к судьбам молодых людей приносило непоправимый вред. Сошлемся на примеры.

Комитету комсомола крупного завода г.Минска стало известно, что в коллективе одного из цехов работает якобы молодая баптистка. Девушку тут же вызвали на заседание комитета и путем грубой проработки попытались доказать ей ошибочность ее взглядов. Но, узнав со слов девушки, что она не комсомолка, активисты сразу же успокоились: они вроде не при чем. В результате подобных действий молодая работница, как оказалось, лишь колебавшаяся в вопросах религии, замкнулась в себе, стала активно посещать молитвенный дом [3].

В результате целенаправленной индивидуальной воспитательной работы педагогов, комсомольских активистов СШ № 65 г.Минска учащаяся 9 класса Алла П. порвала с увлечением религиозными идеями, стала активисткой. Во время проведения в школе Ленинского зачета комсомольское бюро класса, учитывая ее хорошую успеваемость, активную общественную работу, авторитет у соклассников, предложило засчитать Алле Ленинский зачет без сдачи. Но в школе оказались усомнившиеся. Тогда комсомольцы обратились за разъяснением в Советский райком ЛКСМБ. Там, не обременяя себя долгими раздумьями, возмутились: «Ни в коем случае!». И на классном собрании, в присутствии директора школы, председателя комиссии по Ленинскому зачету, организатора внеклассной воспитательной работы, было объявлено, что Алла к сдаче зачета не допускается «по причине ее чуждой идеологии».

— Ну что ж, сказала девочка, — теперь остается ходить в молитвенный дом. Она, конечно, не пошла в культовое учреждение, однако замкнулась в себе, и уже не стало той искренности, той доверчивости, активности, с которой шла к своим товарищам.

Атеистическая некомпетентность преподавателей и комсомольского актива нередко приводила к нарушениям законодательства о религиозных культах, противопоставлению верующих и неверующих, что подрывало веру молодежи в социалистические идеалы.

Учебные занятия, внеклассные мероприятия, индивидуальная работа товарищей по учебе постоянно способствовали упрочению материалистических взглядов у учащегося Молодечненского политехникума Владимира Р. Однако многие обстоятельства для юноши не были достаточно ясными. В одном из классных сочинений он поставил ряд мировоззренческих вопросов, в которых не мог самостоятельно разобраться. Узнав из сочинения о религиозных колебаниях своего ученика, преподаватель литературы и администрация учебного заведения попытались заставить Владимира переписать работу, но он отказался. Тогда ему поставили двойку и приняли решение об исключении из техникума. И лишь вмешательство районных депутатов помешало осуществить этот неверный шаг [4, л.56-57].

Изучение документальных материалов показывает, что людям, ведущим индивидуальную атеистическую работу, не хватало умения, терпимости, уважения к другим взглядам, компетентности. Частыми были случаи, когда в погоне за мнимым успехом комсомольские активисты, добившись, как им казалось, разрыва воспитуемого с религией, прекращали затем с ним всякую работу. Юноши и девушки, еще не выработавшие твердых мировоззренческих убеждений, колебавшиеся, в результате безразличия к их взглядам, под влиянием прежнего религиозного окружения и проповедников вновь возвращались в общину.

Подтвердим это положение таким фактом. Комсомольские активисты г.Кричева, сумев найти контакт с молодым баптистом Ч., помогли ему глубже вникнуть в сущность религии, выйти из общины, а затем вступить в комсомол. После этого они посчитали, что дело сделано, о парне забыли, перестали интересоваться его судьбой, оставили наедине со своими переживаниями и сомнениями. А дальнейшее таково: под воздействием общины, которое резко усилилось, молодой рабочий сдал комсомольский билет и возвратился в баптистскую секту. На вопрос, «Почему же ты к ним вернулся?», ответил: «А на той стороне лучше...» [5, с.9].

Действенность индивидуальной работы снижали неумение ее организовать и разумно, тактично вести. В ряде комсомольских организаций она безнадежно отставала от требований времени, ее содержание и методы не отвечали общеобразовательному и культурному уровню верующей молодежи. Часто такая работа вообще завершалась составлением списков верующих и формальным закреплением за ними агитаторов-атеистов. Нередкими были случаи, когда она ограничивалась эпизодическими встречами пропагандистов с верующими. Были и такие факты, когда в учебных заведениях крайне предвзято относились к детям из религиозных семей, особенно сектантских, противопоставляли их остальным учащимся, допуская публичное оскорбление их религиозных чувств.

В 1970-е годы в комсомольских организациях накоплен определенный положительный опыт формирования научного мировоззрения молодежи. Некоторые первичные комсомольские организации в практической деятельности выработали эффективные формы индивидуальной работы с верующими юношами и девушками. Однако упрощенное понимание комсомольскими работниками и активистами индивидуальной воспитательной работы, отсутствие методологической культуры и необходимых воспитательных навыков приводили к администрированию, в итоге сводили на нет действенность предпринимаемых усилий. Анализ форм и методов основных направлений мировоззренческой практики комсомола Беларуси в 1970-е годы приводит к выводу, что она не соответствовала реальным потребностям, все более настоятельно требовала качественного улучшения. Нараставший в деятельности комсомольских организаций формализм, бюрократизация форм и методов воспитательной работы исключали возможность необходимых перемен, сводили на нет предпринимаемые в ряде мест попытки позитивных изменений к лучшему.

1. Государственный архив Брестской области (ГАБр). – Ф. 25. Оп. 32. Д. 7; – Ф. 7194. Оп. 2. Д. 4; – Ф. 7165. Оп. 1. Д. 94; – Ф. 26. Оп. 37. Д. 1.
2. ГАБр. – Ф. 26. Оп. 37. Д. 1; Заря. 1971. 17 сент.
3. Мін. прада. 1980. 17 мая; Знамя юности. 1975. 13 февр.; 1979. 6 июня.
4. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). – Ф. 4. Оп. 138. Д. 87; Заря 1981. 14 янв.
5. Наука и религия. 1971. №11.

КОНТРОЛЬ УЧАСТКОВ МНОЖИТЕЛЬНОЙ ТЕХНИКИ МЕСТНЫМИ ОРГАНАМИ ЦЕНЗУРЫ

А.А. Козлов (Витебск, Беларусь)

В СССР органы политической цензуры держали под контролем всю издательскую деятельность, которая вначале ограничивалась типографиями. Однако с развитием технического прогресса возникла потребность в оперативных копировальных аппаратах, что привело к созданию участков множительной техники, которые сразу оказались под контролем цензуры. Многочисленность участков усложнило работу местных управлений по охране государственных тайн в печати при областных исполнительных комитетах (обллитов), которые в пределах своих областей осуществляли цензурные функции.

В настоящее время проблема изучения цензуры актуализировалась из-за возможностей Интернета в связи с той ролью, которую играет цензура в вопросах, связанных с проблемами свободы творчества или права власти на доступ к информации.

Среди работ, посвященных теме советской политической цензуры, можно выделить работы российских исследователей А. Блюма, Т. Горяевой, М. Зеленова и др. Белорусские исследователи обращались к этой теме реже, нежели их российские коллеги. К теме политической цензуры обращались, В. Матох, В. Ракашевич А. Гужаловский и др. Однако большинство исследований белорусских историков посвящены либо истории советской цензуры в 1920-1930 гг., либо деятельности Главлита в целом, но история контроля региональными органами цензуры работы множительной техники пока еще не была предметом отдельного изучения.

Цель статьи – показать деятельность местных органов цензуры по осуществлению контроля участков множительной техники (на примере Витебского обллита).

Исследование основано на принципах объективности и историзма. При написании статьи использовались как общенаучные (анализ и синтез), так и специально-исторические методы (историко-генетический, ретроспективный).

Основу работы составили документы Государственного архива Витебской области (фонд 3991). Однако репрезентативность материалов архивов ограничена, так как копии многих документов были уничтожены. Но, тем не менее, архивные источники, такие как постановления Главлитов СССР и БССР, пла-

ны работы Витебского обллита, годовые отчеты позволяют рассмотреть деятельность органов политической цензуры по контролю участков множительной техники.

К началу 1970-х гг. несанкционированное тиражирование текстов разного тематического направления стало широко распространенным явлением, что не могло не озадачить партийные структуры [2, с. 383]. Приказом начальника Главлита от 17 сентября 1970 г. на местные органы политической цензуры был возложен контроль за эксплуатацией множительных аппаратов (ротапринтов, ротаторов, аппаратов «Эра»), находившихся в ведении предприятий, учреждений, учебных заведений для печатания внутренней служебной документации [13, л. 13]. 12 февраля 1971 г. для контроля за изданием самиздатовской литературы МВД и Комитетом по печати была принята инструкция «О порядке открытия и функционирования полиграфических предприятий и хранения полиграфического оборудования, шрифта и множительных аппаратов в общественных учреждениях». Полиграфические предприятия предусматривалось открывать с разрешения органов внутренних дел. Контроль за их деятельностью возлагался на органы милиции, комитет по печати и органы цензуры [2, с. 383]. В случае нарушения лица, ответственные за соблюдение правил использования, учета и хранения множительных аппаратов, могли быть подвергнуты в административном порядке штрафу в размере до 50 рублей [18].

Постановлением коллегии Главного управления БССР от 15 июля 1974 г. проверялись все участки множительной техники на предмет нарушения «Единых правил» и приказов о рассылке контрольных материалов [12, л. 5]. Именно «Единые правила издания открытых произведений печати» были важнейшим документом, определяющим прохождения рукописей через редакционно-издательские учреждения, полиграфпредприятия и Главлит [14].

Работу местных органов цензуры осложняло увеличение количества участков множительной техники. Всего в БССР к 1982 г. таких участков было 1916 [14]. В Витебской области на тот момент 326 предприятий, госучреждений и организаций имело множительную технику [5, л. 6].

Но если число участков множительной техники росло, то штат обллитов сокращался. Так, согласно штатному расписанию в управлении Витебского обллита в 1970 г. работало 4 редактора (цензора) и 1 редактор-уполномоченный по г. Новополоцку [11, л. 8]. С 1978 г. осталось четыре работника (сокращенный цензорский пункт в г. Новополоцке) [6, л. 9]. Практиковалось проведение проверок множительной техники дифференцировано, как по территориальному принципу, так и по подчиненности, с тем, чтобы при обнаружении нарушений «Единых правил» можно было сделать обобщения для постановки вопросов для принятия мер перед определенными местными органами [3, л. 6]. Контрольные проверки осуществлялись разными цензорами, в том числе и начальником управления, по закрепленным районам. Но анализ и обобщение в Витебском обллите был закреплен за одним цензором [8, л. 8]. Особое внимание уделялось тем участкам, в которых были ротапринтные установки, способные печатать документацию тиражами до нескольких тысяч экземпляров [1, с. 323].

Во время выезда в районы о результатах проводимой проверки информировались партийные органы, которые, в случае необходимости, оказывали требуемое воздействие. Так, в 1980 г. цензорами Витебского обллита было выявлено нарушение «Единых правил» на участках множительной техники Новополоцкого ПО «Полимир». Подобного рода факты проявлялись и со стороны руководителей других организаций. Витебским обллитом по этому поводу были сделаны обобщения, подготовлена и направлена докладная записка на имя заведующего отделом пропаганды и агитации Витебского ОК КПБ т. Сусалко П.С. Ставился вопрос об оказании содействия в улучшении дел с реагированием на замечания органов цензуры. В соответствии с поднятыми в докладной записке вопросами были сделаны указания Новополоцкому ГК КПБ о принятии мер к прекращению выпуска недозволенных к размножению на множительной технике изданий, начальником Облиполиграфиздата был издан приказ, предупреждающий нарушение порядка рассылки контрольных экземпляров со стороны полиграфпредприятий области и редакций газет [4, л. 8].

11 июня 1982 г. вышло постановление ЦК КПБ «Об использовании и хранении множительной техники в республике», которое требовало уделять особое внимание контролю полиграфических предприятий [8, л. 8]. Контроль за соблюдением нормативных требований по издательской деятельности организовывался в плановом порядке и по мере поступления указаний. При возможности проводились комплексные проверки с участием работников разрешительной системы органов МВД, иногда с работниками КГБ. Была проведена работа по уточнению наличия в областях множительных аппаратов, по составлению и уточнению списков организаций, имеющих технику [5, л. 6-7]. В Витебской области на участках множительной техники было проведено 46 проверок по соблюдению нормативных требований. Особых нарушений выявлено не было. Однако было установлено, что в Витебском ПО «Химпласт» и Витебском заводе сантехзаготовок техника использовалась без учета действующего порядка: не были получены соответствующие разрешения, отсутствовали «Единые правила печатания несекретных изданий», не производилась регистрация исполняемых заказов. По этим фактам составлены акты органами милиции, представлены материалы на рассмотрение административных комиссий соответствующих райисполкомов. Работа техники была временно приостановлена [5, л. 7].

Апрельский пленум 1985 г. особых изменений не принес. Цензорные органы продолжали свою работу. Об отсутствии перемен в деятельности цензорных органов наглядно свидетельствует тот факт, что требования Главлита СССР и Главлита БССР по организации повседневной практической деятельности

после апрельского пленума не уменьшились, а, наоборот, возросли [7, л. 1]. Так, Главлит БССР 9 июня 1985 г. направил в Совет Министров БССР записку «О состоянии использования множительной техники в республике». Распоряжением Совета Министров БССР от 16 июля 1985 г. записка была разослана всем министерствам и ведомствам республики с поручением «...принять строгие меры по соблюдению установленного порядка размножения материалов с использованием множительной техники в подведомственных учреждениях и организациях» [16, л. 1-3].

После этого количество проверок резко увеличилось: в 1986 г. проверено 107 участков множительной техники, в 1987 г. – 147 [9, л. 2]. Тем не менее, если учесть, что участков множительной техники в этот период было 345, то проконтролировано было 42,6% от их общего количества [10, л. 2].

Однако принятые меры оказались не эффективными. В июне 1988 г. Главлит БССР совместно с Госкомиздатом и МВД республики осуществлял выборочную проверку участков множительной техники в г. Минске и областях республики. Всего было проверено 50 участков и полиграфпредприятий. Проверка показала, что факты нарушения установленного порядка печатания материалов, использования техники не по назначению – для копирования материалов, не связанных с производственной деятельностью продолжали иметь место. Так, на Фанипольском ремонтно-механическом заводе Госснаба БССР были обнаружены переснятые главы из книги неизвестного автора «Десять лет во сне Дженни Хамбер», перевод со шведского (материал порнографического характера), многочисленные советы по кройке и шитью, копии статей из газет и журналов. При проверке Гродненского филиала института «Белгипрозема» Госагропрома БССР была выявлена размноженная книга «Техника современного секса» (58 с.), а также оригиналы произведения с нецензурным названием, календарь римско-католического костёла на 1984-2000 гг. Минский мясокомбинат Госагропрома использовал множительную технику для тиражирования произведений Анатолия Рыбакова «Дети Арбата», литературы по каратэ [17, л. 15]. По сохранившимся документам Витебского обллита, в Витебской области подобных нарушений выявлено не было, но наличие подобного рода нарушений в других областях позволяет сделать предположение об аналогичном положении и в этом регионе.

Таким образом, наличие участков множительной техники в области осложняло работу Витебского обллита, так как осуществлять эффективный контроль при небольшом штате управления было затруднительно. Кроме того большое количество участков множительной техники создавало потенциальную возможность размножения на этих аппаратах диссидентской литературы и издания другой различной печатной продукции в обход установленных правил. По этим причинам к проверкам совместно с цензорами обллита привлекались сотрудники МВД и иногда КГБ. Однако даже при таком подходе к работе удавалось охватить проверками не более 43% имеющихся в области участков множительной техники. Основными нарушениями было нарушение ««Единых правил», так как работники участков множительной техники с желанием подзаработать использовали копировальные аппараты в коммерческих целях в обход цензуры. Особенно эта проблема обострилась в период перестройки. Размножали все, что угодно – от самиздатовской литературы и церковных календарей до эротики. И так, несмотря на начавшуюся в стране «перестройку», органы цензуры по-прежнему стремились держать участки множительной техники под контролем. Но развитие технического прогресса обуславливало как больший рост количества подобной техники, так и увеличения возможностей копировальных аппаратов, так что при небольшой численности штатов обллитов контроль становился все менее эффективным.

1. Большая Советская энциклопедия (в 30 томах). Гл. ред. А.М. Прохоров. Изд. 3-е. М. «Советская Энциклопедия», 1975. Т. 22. Ремень-Сафи, 1975, 628 с., с илл., 33 илл., 4 л. карт.
2. Гісторыя Беларусі: У 6 т. Т. 6. Беларусь у 1946-2009 гг. / Л. Лыч [і інш.]: рэд. кал.: М. Касцюк (гал. рэд.) [і інш.]. - Мінск : Сучасная школа, Эксперты, 2011. – 728 с.; іл.
3. Государственный архив Витебской области (далее ГАВО). – Фонд 3991. – Оп. 1. – Д. 30.
4. ГАВО. – Фонд 3991. – Оп. 1. – Д. 44.
5. ГАВО. – Фонд 3991. – Оп. 1. – Д. 50.
6. ГАВО. – Фонд 3991. – Оп. 1. – Д. 57.
7. ГАВО. – Фонд 3991. – Оп. 2. – Д. 60.
8. ГАВО. – Фонд 3991. – Оп. 1. – Д. 61.
9. ГАВО. – Фонд 3991. – Оп. 1. – Д. 67.
10. ГАВО. – Фонд 3991. – Оп. 1. – Д. 70.
11. ГАВО. – Фонд 3991. – Оп. 2. – Д. 57.
12. Государственный архив Гродненской области (ГАГРО). – Фонд 1264. – Оп. – 2. – Д. 73.
13. Государственный архив Могилевской области (МАО). – Фонд 1195. – Оп. 1. – Д. 87.
14. Гузалоўскі, А. Галоўліт БССР і палітычны кантроль у 1943-1991 г. Беларускі Гістарычны Агляд (2012) Том 19 Сшыткі 1-2 (36-37) Снежань 2012. [Электронны ресурс]. – Режим доступа: <http://www.belhistory.eu/guzaloski-alyaksandr-galoŭlit-bssr-ipalitychny-kontrol-u-1943-1991-g/#more-3149>. – Дата доступа: 25. 02. 2015.
15. НАРБ. – Фонд 1195. – Оп. 1. – Д. 137.
16. НАРБ. – Фонд 1195. – Оп. 1. – Д. 171.
17. НАРБ. – Фонд 1195. – Оп. 1. – Д. 191.
18. Указ Президиума Верховного Совета «Об административной ответственности за нарушение правил открытия полиграфических и штемпельно-гравёрных предприятий, приобретения, сбыта, использования, учета и хранения множительной техники» от 7 сентября 1978 года. – [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://pravo.levonevsky.org/baza/soviet/sssr/3956.htm>. – Дата доступа: 28.02. 2018.

КАДРАВЫ ПАТЭНЦЫЯЛ ПРАДПРЫЕМСТВАЎ МЯСЦОВАЙ ПРАМЫСЛОВАСЦІ ВІЦЕБСКОЙ ВОБЛАСЦІ (1970–1980-Я ГГ.)

І.А. Пушкін (Магілёў, Беларусь)

Павышэнне ўзроўню кіраўніцтва эканомікай непарыўна звязана з паляпшэннем падбору, растаноўкі і выхавання кадраў, стварэння іх рэзерву. У савецкі час гэтымі пытаннямі займалася цэнтральнае і мясцовае кіраўніцтва КПСС-КПБ. Пры абласных выканаўчых камітэтах існавалі ўпраўленні мясцовай прамысловасці.

26.01.1940 г. быў створаны аддзел мясцовай прамысловасці выканаўчага камітэта Віцебскага абласнога Савета дэпутатаў працоўных. Яго дзейнасць была спыненая ў 1941 г., адноўлена ў студзені 1944 г. 16.07.1953 г. ён быў аб'яднаны з аддзелам мясцовай паліўнай прамысловасці і на іх базе створана ўпраўленне мясцовай і паліўнай прамысловасці выканаўчага камітэта Віцебскага абласнога Савета дэпутатаў працоўных, якое 10.05.1957 г. ліквідавана шляхам аб'яднання з упраўленнем прамысловасці харчовых тавараў ва ўпраўленне прамысловасці выканаўчага камітэта Віцебскага абласнога Савета дэпутатаў працоўных. У снежні 1962 г. ліквідавана, і на яго базе створана ўпраўленне прамысловасці (з лютага 1963 г. – упраўленне бытавога абслугоўвання і мясцовай прамысловасці) Віцебскага прамысловага аблвыканкама. Адноўлена ў снежні 1964 г. як упраўленне бытавога абслугоўвання і мясцовай прамысловасці Віцебскага аблвыканкама. Пераўтворана: 29.10.1965 г. – у ўпраўленне мясцовай прамысловасці, 12.05.1993 – у Віцебскае вытворчае ўпраўленне мясцовай прамысловасці (Віцебскае АБУ «Віцмясцпрам») выканаўчага камітэта Віцебскага абласнога Савета дэпутатаў працоўных (з 7.10.1977 г. – Савета народных дэпутатаў, з 15.03.1994 г. – Савета дэпутатаў, з 6.10.1994 г. – Віцебскага абласнога выканаўчага камітэта) [2, с. 179].

Да прадпрыемстваў мясцовай прамысловасці Віцебскай вобласці адносіліся: Віцебскае вытворчае аб'яднанне (ВА) будаўнічых матэрыялаў “Будаўнік”, Віцебскае ВА “Хімпласт”, Віцебскае тэкстыльнае ВА, Віцебскае швейнае ВА “Віцебчанка”, Аршанскі камбінат будматэрыялаў, Бешанковіцкая шорная фабрыка, Браслаўскае ВА будматэрыялаў, Дубровенскі камбінат прамысловых тавараў, Докшыцкі камбінат будматэрыялаў, Лепельскае дрэваапрацоўчае ВА, Варапаеўскі дрэваапрацоўчы камбінат, Віцебскае ВА наднаймай працы, Пастаўскі завод па вытворчасці камплектаў абсталявання па чарчэнню і маляванню, Талочынская тэкстыльная фабрыка, Чашніцкі камбінат прамысловых тавараў [1, арк. 1; 6, арк. 63].

Агульная колькасць усіх работнікаў, якія былі занятыя ў асноўнай і дапаможнай дзейнасці прадпрыемстваў упраўлення мясцовай прамысловасці Віцебскага аблвыканкама на 1.01.1987 г. складала – 10766 чал., на 1.01.1989 г. – 11329 чал. [3, арк. 23-23адв.]. У адпаведнасці ад займаемых пасадаў на 15.09.1987 г. гл. табл. 1.

Табліца 1

**Колькасць кіраўнікоў, рабочых, спецыялістаў і служачых упраўлення мясцовай прамысловасці
Віцебскага аблвыканкама на 15.09.1987 г. [6, арк. 6-8]**

Назва пасады	Усяго па спісу	Групы прадпрыемстваў з колькасцю рабочых і служачых (чал.)		
		ад 100 да 500	501 – 1000	1001 – 5000
Усяго працаваўшых	10913	1456	2117	6740
Рабочых	9788	1280	2388	6120
Аховы	38	6	15	17
Усяго кіраўнікоў, спецыялістаў і служачых. З іх:	1087	170	314	603
Кіраўнікі (дырэктары, начальнікі самастойных прадпрыемстваў)	13	5	4	4
Намеснікі кіраўнікоў	15	2	4	9
Кіраўнікі вытворчых адзінак, якія ўваходзілі ў ВА несамастойнымі прадпрыемствамі	11		5	6
Кіраўнікі аддзелаў	55	6	15	34
Начальнікі вытворчасцей і іх намеснікі	6	3	1	2
Начальнікі цэхаў і іх намеснікі	14	1	2	11
Майстры (старшыя майстры)	266	43	83	140
Галоўныя інжынеры, галоўныя механікі, галоўныя энэргетыкі	35	5	15	15
Інжынеры (акрамя інжынераў-эканамістаў)	151	21	35	95
Механікі, энэргетыкі	80	17	29	34
Эканамісты	64	9	18	37
Галоўныя бухгалтары	20	5	9	6

Як адзначаецца ў справаздачных дакументах, упраўленне мясцовай прамысловасці Віцебскага аблвыканкама ў цэлым паспяхова выконвала план па асноўным тэхнічна-эканамічным паказчыкам. Але часцяком прадпрыемствы, падначаленыя ўпраўленню, прынімалі заніжаныя планы, у выніку чаго адбывалася іх рэзкае перавыкананне і выплата вялікіх прэмій кіраўніцтву прадпрыемстваў. Напрыклад, на Віцебскім і Браслаўскім ВА будматэрыялаў, Бешанковіцкай шорнай фабрыцы і інш. [8, арк. 53-54]

У дакладзе “О состоянии и мерах дальнейшего улучшения работы с кадрами в свете решений XXIV съезда КПСС” на XI пленуме Віцебскага АК КПБ (1972) было адзначана, што асабліва нізкі ўзровень падрыхтоўкі кадраў быў на прадпрыемствах мясцовай і харчовай прамысловасці, бытавога абслугоўвання. У Віцебскай вобласці 13% кіраўнікоў прадпрыемстваў прамысловасці не мелі спецыяльнай адукацыі і толькі 41,6% з’яўляліся спецыялістамі вышэйшай кваліфікацыі, 11,4% галоўных спецыялістаў, 13,2% начальнікаў цэхаў, 32% начальнікаў смен, участкаў, цэхавых лабараторый і іх намеснікаў не мелі спецыяльнай адукацыі. Адзначаўся нізкі ўзровень спецыяльнай падрыхтоўкі работнікаў эканамічных службаў. 54,9% галоўных і старэйшых бухгалтараў, 76% бухгалтараў, 23% эканамістаў на прадпрыемствах прамысловасці – практыкі, шмат хто з няскончанай сярэдняй адукацыяй. Назіралася высокая цякучасць кадраў [5, арк. 12-13].

За наступныя дзесяць-пятнаццаць год удалося палепшыць становішча за кошт прыняцця на працу маладых спецыялістаў і абучэння без адрыву ад вытворчасці. На прадпрыемствах мясцовай прамысловасці вобласці за 1986–1988 гг. вага практыкаў, якія займалі пасады кіраўнікоў і спецыялістаў, паменшылася з 20,8% да 13,4%, узровень меўшых вышэйшую адукацыю павялічыўся з 23,8% да 31% або ў 1,3 разы, у тым ліку займаючых пасады кіраўнікоў з 24,3% да 33%, прычым колькасць кіраўнікоў у цэлым па ўпраўленню мясцовай прамысловасцю Віцебскага аблвыканкама скарацілася з 461 чал. да 449 чал. Аднак пры агульным скарачэнні практыкаў па ўпраўленню да 13,4%, вага практыкаў, якія займалі пасады спецыялістаў на пэўных прадпрыемствах заставалася высокай: Варпаеўскі ДАК – 25,5%, Браслаўскае ВАБМ – 23,5%, Лепельскае ПДА – 20%. Асабліва шмат іх было сярод бухгалтараў 28 %. З другой паловы 1980-х гг. стала памяншацца цякучасць кадраў. У 1986 г. яна складала 12,8%, у 1987 – 11%, 1988 – 9,3%, што было ніжэй чым у цэлым па міністэрству мясцовай прамысловасці. Але на шэрагу прадпрыемстваў заставалася на ўзроўні 1987 г. і нават узрасла: Віцебскае ВАБМ – 15,7%, Бешанковіцкая шорная фабрыка – 14,9%, “Віцебчанка” – 13,1% [8, арк. 53-54]. Яшчэ адной праблемай былі страты працоўнага часу з-за прагулаў, якія ўвесь час павялічваліся і, напрыклад, у 1988 г. ва ўпраўленні мясцовай прамысловасцю Віцебскага аблвыканкама яны склалі – 777 чал.дзён (1987 – 673, рост на 15,5%), асабліва на Віцебскім ВА будматэрыялаў, дзе рост склаў 81,8%: 291 і 160 чал.дзён адпаведна [8, арк. 54].

Не было належнага патрабавання і высокай прынцыповасці ў адзнакі дзейнасці кіраўнікоў. Часта замена работнікаў уяўляла простую механічную перастаноўку кадраў, што не давала жаданага выніку. Напрыклад, намеснік начальніка ўпраўлення мясцовай прамысловасці І. Левін быў вызвалены ад пасады за злоўжыванне службовым становішчам, але адразу быў прызначаны дырэктарам хімічнага завода, затым намеснікам генеральнага дырэктара ВА “Хімпласт”, праз некалькі месяцаў Чыгуначным РК КПБ г. Віцебска быў рэкамендаваны на пасаду дырэктара завода жалезабетонных вырабаў трэста “Віцебскаблсельбуд”. І ў хуткім часе быў вызвалены ад пасады, як не справіўшыся з працаю [5, арк. 14-15].

Менавіта ў тым, што на прадпрыемствах працавала шмат людзей без спецыяльнай падрыхтоўкі, так званыя “практыкі”, партыйна-дзяржаўнае кіраўніцтва бачыла адну з асноўных прычын недахопаў у вытворчасці. Так, на яго думку, з-за кадравых праблем у Віцебскай вобласці за 10 месяцаў 1972 г. 40 прамысловых прадпрыемстваў (14,7%) не выканалі план па рэалізацыі прадукцыі, 62 прадпрыемствы па прадукцыйнасці працы. На 45 прамысловых прадпрыемствах прадукцыйнасць працы значна паменшылася ў параўнанні з 1971 г.: Аршанскім мелькамбінаце № 1, Глубокскім малочна-кансервавым камбінаце, Міёрскім мясакамбінаце і інш. Пры гэтым за 1970–1971 гг. змянілася 35% дырэктароў і галоўных інжынераў прадпрыемстваў. З 110 практыкаў, якія займалі пасады кіраўнікоў на заводах і фабрыках Віцебскага абласнога ўпраўлення мясцовай прамысловасці, толькі 8 вучыліся ў ВНУ, з 173 ІТР, якія не мелі спецыяльнай адукацыі, толькі 4 вучыліся ў тэхнікумах [5, арк. 15-16].

З 22 прадпрыемстваў, абследаваных за III квартал 1972 г. 10 выпускалі прадукцыю з парушэннем патрабаванняў стандартаў і тэхнічных умоў [5, арк. 16]. Сітуацыя з якасцю тавараў не паляпшалася і ў наступнае дзесяцігоддзе. На прадпрыемствах мясцовай прамысловасці (1987) не было вырабаў, якія адпавядалі патрабаванням вышэйшай катэгорыі якасці. Марудна ішоў працэс абнаўлення асартымента. За 1986 г. з’явілася 130 новых відаў тавараў – 26% ад агульнай колькасці, пры штогадовым заданні – 35%. Тавары палепшанай якасці і асабліва модныя выпускалі толькі 3 прадпрыемствы з 13, удзельная вага такой прадукцыі ў агульным аб’ёме тавараў народнага спажывання складала ў 1986 г. – 5,6%, у першым паўгоддзі 1987 г. – 9,7% (па ўсіх прамысловых прадпрыемствах вобласці гэты паказчык складаў – 19,4%). За 1986 г. 10 прадпрыемстваў з 13 атрымалі 111 рэкламацый на дрэнную якасць прадукцыі, па якіх было выплачана штрафаў на 37 тыс. руб. (1985 год – 91 рэкламацыя і 28,2 тыс. руб. штрафа). Адзначаўся высокі ўзровень ручной працы. На Браслаўскім ВАБМ – 55,2%, ВА “Хімпласт” – 34%, па ўпраўленню мясцовай прамысловасці – 29% [7, арк. 57-61].

Вывучэнне архіўных матэрыялаў аб дзейнасці мясцовай прамысловасці дазволіла выявіць пэўныя праблемы ў складзе, фарміраванні і расстаноўцы кадраў на прадпрыемствах у 1970–1980-я гг. – перыяд буйнага прамысловага развіцця БССР, што неабходна для аб’ектыўнага аналізу, з пункту гледжання гістарычнага вопыту, кадравай палітыкі дзяржаўнай улады і шляхоў фарміравання, зместу і ўдасканалення кадравага патэнцыялу прамысловасці сучаснай Беларусі.

1. Анализ выполнения пятилетнего плана 1986–1990 гг. предприятиями управления местной промышленности Витебского облисполкома // Дзяржаўны архіў Віцебскай вобласці (ДАВц). – Ф. 2856. Воп. 7. Спр. 119.
2. Государственный архив Витебской области: путеводитель, 1917–2006 / сост. Т.В. Бувеч, Ю.С. Петухов. – Минск: Медисонт, 2011. – 936 с.
3. Отчёт о численности, составе и движении работников занимающих должности руководителей и специалистов за 1988 год // ДАВц. – Ф. 2856. Воп. 7. Спр. 210.
4. Отчёт о численности, составе и движении работников занимающих должности руководителей и специалистов за 1986 год // ДАВц. – Ф. 2856. Воп. 6. Спр. 286.
5. Протокол XI пленума Витебского ОК КПБ 28–29.11.1972 г. // ДАВц. – Ф. 1-п. Воп. 124. Спр. 8.
6. Сводный отчёт промышленных предприятий местной промышленности Витебской области на 15.09.1987 г. // ДАВц. – Ф. 2856. Воп. 7. Спр. 62.
7. Справка о работе руководства и производственных объединений управления местной промышленности по повышению качества товаров народного потребления и более полному удовлетворению потребностей населения (1987) // ДАВц. – Ф. 2856. Воп. 7. Спр. 119.
8. Справка о состоянии работы по подбору и расстановке кадров, исполнительской и трудовой дисциплины, совершенствованию организации труда в объединениях и на предприятиях Витебского облместпрома (1989) // ДАВц. – Ф. 2856. Воп. 7. Спр. 189.

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНЫХ НАУК

ПРОБЛЕМА НАЦИОНАЛЬНОГО ХАРАКТЕРА ФИЛОСОФИИ

А.П. Мядель (Витебск, Беларусь)

Первый раздел вузовского курса философии, который содержит обзор исторических типов философского знания, завершает тема «Философия и национальное самосознание». При изложении ее учебного материала в учебниках и учебных пособиях используются понятия «белорусская философия», «философская мысль Беларуси», «философия в Беларуси». Данный синонимический ряд обнаруживает проблему определения национального характера философии, которая стала предметом обсуждения накануне и во время Первого белорусского философского конгресса (октябрь 2017 г.).

Директор Института философии НАН Республики Беларусь А.А. Лазаревич предлагает рассматривать национальную философию с четырех сторон: 1) философия как дисциплина, понимаемая в рамках универсального определения; 2) философская культура как совокупность особенных форм ценностных и познавательных ориентаций; 3) история философской и общественно-политической мысли Беларуси как специально ориентированная философская дисциплина; 4) философия белорусской национальной идеи – форма обоснования существования белорусов как нации, или национальная философия в узком смысле этого слова [1, с. 32].

По нашему мнению, именно последний вариант предлагаемых определений позволяет говорить о собственно национальной белорусской философии. При этом основным критерием выделения национальной философии должны выступать ее специфические мировоззренческие и методологические установки. Образно говоря, национальная философия представляет собой зрелый плод на дереве развитой и мощной национальной культуры. Соответственно, оценивать состояние и перспективы развития белорусской философии возможно лишь на основе глубокого и всестороннего анализа белорусской национальной культуры в целом.

Современная философия Запада при всем многообразии ее школ и направлений выросла из колыбели античной культуры. Последняя в своих онтологических основаниях представляет собой целостное единство. Средневековые философские штудии были замкнуты в границах единого христианского вероучения. Лишь с Возрождением и Реформацией проявляются специфически национальные черты философского мышления. Их возникновение было обусловлено формированием национальной идентичности европейских народов, образованием наций и складыванием национальных государств.

Решающими геополитическими факторами, определившими драматический – часто трагический – процесс развития национальной белорусской культуры стали пограничное положение белорусских земель между Западом и Востоком как двумя мощными цивилизационными центрами, а также отсутствие на протяжении длительной истории собственной государственности. Поочередный натиск с Востока и Запада иных культур – часто в виде военной экспансии – породил феномен «тутэйшести», при котором человек отождествлял себя не с определенным этносом, а с конкретной территорией проживания. Произошел трагический разрыв между элитой общества, принимавшей культурные парадигмы более могущественных соседей и народными массами, ограниченными рамками традиционной архаики, поддерживаемой стратегиями выживания.

Творчество выдающихся мыслителей белорусских земель периодов ВКЛ, Речи Посполитой, Российской империи при всей его значимости для становления интеллектуальной культуры Беларуси не может претендовать на статус национальной белорусской философии. Они выступали как популяризаторы передовых идей европейского Ренессанса и Просвещения, адаптируя их к местным условиям [2, с.311]. Во второй половине XIX века с развитием национально-освободительного движения особую остроту приобретают вопросы национального самоопределения и поиска национальной идентичности, но ответы на них дает не профессиональный философский дискурс, а литературное творчество и публицистика классиков отечественной словесности. К началу 20-х годов XX века относятся первые работы, авторы которых предлагают подлинно национальный философский ответ на мировоззренческие вопросы: «Адвечным шляхам (Даследзіны беларускага сьветапогляду)» (1921) Игната Абдзіраловіча (Кончевского) и «Гэтым пераможаш. Нарыс крытычнага аптымізму» (1924) Сулимы (Вл. Самойлы).

Решающее значение для развития философии в Беларуси имел советский период. Именно в БССР философия была институционализирована и приобрела статус профессиональной сферы деятельности. Открытие кафедр общественных наук во вновь созданных высших учебных заведениях, учреждение в структуре Академии Наук БССР Института философии предопределили успехи белорусских исследователей

самых разных областях философского знания. Мировое признание получили труды ученых Беларуси по теории и методологии научного познания, исследованию социальных процессов, изучению проблем религии и свободомыслия. Наряду с этим, достижения советского периода осуществлялись в контексте «единственно верного учения» – марксистской философии в ее ленинско-сталинской интерпретации как своеобразное отклонение от «генеральной линии». Непродолжительный период белорусизации 20-х годов XX века сменился жестоким преследованием малейших проявлений национальной самобытности за исключением ее этно-фольклорных форм. Своеобразным рубежом в этом деле стала коллективная работа Института философии АН БССР «"Навука" на службе нацдэмаўскай контррэвалюцыі» (1931), которая на многие годы блокировала научный поиск в области истории национальной философской мысли [3, с.23].

Обретение Беларусью государственного суверенитета создало реальные условия для становления национальной белорусской философии. В данный момент можно говорить лишь о начальной стадии этого процесса. Как уже отмечалось, национальная философия является итогом и показателем зрелости национальной культуры. Белорусская культура в значительной мере продолжает оставаться в состоянии диффузии. Отсутствует национальная идея для Беларуси, а ее создание остается делом будущего, что признано на высшем уровне государственной власти [4]. Актуальной задачей философии на современном этапе ее развития является исследование проблемы взаимосвязи национальной идентичности и универсальными гуманистическими идеалами человечества, определение способов соединения общечеловеческих ценностей и особенностей менталитета и культуры белорусского народа.

1. Белорусская философская традиция как феномен духовной культуры (материалы круглого стола) // Философские исследования. Сборник научных трудов. Выпуск 4. – Минск: Беларуская навука, 2017. – 386 с.
2. Евароўскі, В. Б. Нацыянальная філасофія Беларусі: тэорыя, архэлогія, гісторыя, генеалогія, школа / В. Б. Евароўскі. – Минск: Беларуская навука, 2014. – 559 с.
3. Гісторыя філасофскай і грамадска-палітычнай думкі Беларусі. У 6 т. Т. 1. Эпоха Сярэднявечча. – Минск: Беларуская навука, 2008. – 578 с.
4. Лицом к стране. Встреча Президента с представителями общественности и СМИ // СБ. Беларусь сегодня. 2017. 4 февраля.

КОЭВОЛЮЦИЯ КАК СРЕДСТВО ОТ ФУТУРОФОБИИ

Е.Э. Кривоносова (Витебск, Беларусь)

Изменения в современном мире носят цивилизационный, глобальный характер. Какое оно, наше время? Думается, многие горды тем, что родились в эпоху бурных скоростей в науке, технологиях, образовании, перемен в гуманизации труда, открытости общественных, политических, культурных систем. Но за фасадом «потемкинских» преимуществ и достоинств дня сегодняшнего по сравнению с минувшим скрывается масса противоречий, проблем, которые все труднее не замечать или отрицать, их нужно осмысливать и решать. Был когда-то популярен мюзикл «Остановите мир – я хочу сойти». Пожалуй, данная метафора как нельзя лучше отражает состояние настоящего, которое еще не обрело имя. Мы живем в эпоху «пост»: посттоталитаризм, постмодернизм, постсоциализм, постиндустриализм, а главное – постэкологизм. Прошлые мы четко обозначаем. А сегодняшние реалии приводят нас в состояние растерянности от неспособности или нехватки времени и желания задуматься о смысле происходящего и долгосрочных последствиях наших действий. Ставка делается, по словам М. Хайдеггера, на рассчитывающее, калькулирующее, атакующее мышление. А осмысляющее мышление, позволяющее познать смыслы бытия, мы оставили невозделанным, «под паром»: «сегодняшний человек спасается бегством от мышления». [1, с. 104] Но подобная «слепота на один глаз», как точно выразился У. Бек, ведет только к технико-технологической, производственной выгоде. [2] «Технократы страдают близорукостью. Они инстинктивно думают о ближайших прибылях, ближайших последствиях», – убежден Э. Тоффлер. [3, с. 499] Подобная позиция рождает чувство «no-future», жизни без будущего. [2] Точной иллюстрацией служит эксперимент, проведенный психологом Дж. Кондри. Он разделил студентов на две группы и предложил им придумать концовку рассказа. Но одной группе начало рассказа было прочитано в прошедшем времени, а другой – в будущем. Первая группа справилась импровизационно, вторая – схематично. Оказывается, говорить о будущем сложно, оттого что это измерение далеко, туманно, непредсказуемо, многовариантно, лишено целостности восприятия. Будущее – некий несуществующий конструкт, фикция, провоцирующая тем не менее переживания и страхи. А страх, как известно, часто парализует либо приводит к панике. Вот и получается, по Р. Лэппу, что несемся мы в поезде к неизвестным пунктам назначения, без ответственных машиниста и стрелочников, обладающих опережающим, стратегическим знанием. При этом большая часть пассажиров находится в последнем вагоне и смотрит ностальгически назад.

Но откуда этот шок перед будущим? Не оттого ли, что замечаем негативные черты НТП, глобализации, массовой культуры, падения нравов? Не потому ли, что подсознательно понимаем, что архитектуру завтрашнего дня выстраиваем в дне сегодняшнем, и сами виноваты в плачевных последствиях? А признавать вину, ой, как не хочется. Не в силу ли того, что теряемся от бессилия, боязни ответственности, множества

прогнозов, понимания динамичности, комплексности, глобальности проблем, которые и решать соответственно нужно сообща? Но, к сожалению, «наш человек отличается от муравейника тем (среди прочих признаков), что в нем во всех частях, во всех сферах, во всех разрезах, во всех подразделениях, на всех уровнях структуры, всегда и во всем идет *ожесточенная борьба между «человеками»*». [4, с. 10].

Удивительно, но некоторые ученые рассуждения о катастрофах будущего считают спекулятивными, гиперболизированными, особенно в части последствий для природы. Мол, экологический кризис – всего лишь сублимация конфликта между разумным социализмом и биологическим, всепоглощающим капитализмом. Мы защищены уровнем образованности и культуры общества. Ссылаются на авторитет В.И. Вернадского, который был убежден, что «раз достигнутый уровень мозга ... не идет уже вспять, а только вперед, в будущее. В этом смысле нельзя даже предполагать возможность развития разума в направлении уничтожения им самой жизни на Земле». [5, с.14] Прибегают к помощи теории культурного отставания У. Огборна: заблуждения и мистицизм возникают в рамках отставания гуманитарной культуры от естественнонаучной, от ускорения темпов технологизации, Вспоминают и принцип обратного противодействия Ле Шателье-Брауна: если на устойчивую систему воздействовать извне, изменяя какое-либо из условий равновесия, то в системе усиливаются процессы, направленные в сторону противодействия изменениям, - т.е. природа, несмотря на бездумные, агрессивные конструкторские эксперименты человека с биосферой, способна самовосстанавливаться.

Подобная реакция напоминает больного в стадии отрицания своей болезни. Нельзя обойти вниманием угрозы и риски современной цивилизации, тот непоправимый ущерб среде обитания, нанесенный человеческой деятельностью, культом потребления (причем человечество потребляет не только долю прибыли, но и основной капитал) и приведший к подрыву естественных основ существования общества, поскольку общество, как гласит философский словарь, - «обособившаяся от природы часть материального мира» [6]. Пора преодолеть эту обособленность, перейти в стадию рационального принятия и мобилизации усилий для решения проблем и проведения политики реприродизации, поскольку, по словам академика РАН Г.В. Осипова, «впервые за всю историю человечества “не успеть” почти автоматически означает “не успеть навсегда”» [цит. по 7, с.20].

Антропогенные воздействия в плане разрушения биосферы стремительно приближаются к критическим и, по закону перехода количественных изменений в качественные, неизбежно ведут к возникновению синергетического эффекта и эмерджентности. Выход видится в переходе к коэволюционному мышлению. Коэволюция - совместное, согласованное, взаимосвязанное, гармоничное, «взаимно непоражающее» (А.Н. Кочергин) развитие биосферы и человеческого общества. Только протекать она должна не по схеме хищник – жертва или паразитизм. Человек должен принять новую роль: быть «заботливым покровителем, своего рода меценатом в отношении к природе» [8, с. 98]. Этому будет способствовать принятие и реализация всеми государствами концепции устойчивого развития, выработанной в 1992 г. на Международной конференции ООН по окружающей среде и развитию в Рио-де-Жанейро. Концепция предусматривает формирование глобальной экологической культуры, ресурсосберегающей и экологозащитной экономики, экологизацию науки, ставку на возобновляемое сырье, отказ от излишеств в потреблении. Другими словами, чтобы не подвергать опасности перспективы будущего наших детей мы должны «предельный животный эгоизм и индивидуализм, оперирование лишь сиюминутными категориями заменить на путь “героизма” и возрождения древних традиций, призывающих жертвовать частью настоящего во имя будущего наших детей». [9, с. 295], «экологический императив должен стать категорическим» [10, с.35]. Для этого нужны не только политические усилия, перестройка социально-экономической организации общества, но и переформатирование сознания, мировоззрения каждого человека, ибо, как доказал А. Печчеи, корень зла в человеческих качествах.

1. Хайдеггер М. Разговор на просёлочной дороге: Сборник / Мартин Хайдеггер; пер. с нем. А. Л. Доброхотова. – Москва: Высш. шк., 1991. – 192 с.
2. Бек У. Общество риска: На пути к другому модерну / У. Бек; пер. с нем. В. Седелника, Н. Федоровой. – М.: Прогресс-Традиция, 2000. – 383 с.
3. Тоффлер Э. Шок будущего / Э. Тоффлер; Пер. с англ. – М.: ООО «Издательство АСТ», 2002. – 557 с.
4. Зиновьев А.А. Глобальный человек / А.А. Зиновьев. – М.: Эксмо, 2003. – 448 с.
5. Кокин А.В. Современные мифы о глобальной экологической катастрофе как следствие непонимания ноосферной стратегии В.И. Вернадского / А.В. Кокин, В.Г. Игнатов, И.Н. Сидоренко // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. – 2013. – №1. – С.8-20.
6. Плетников Ю.К. Общество / Ю.К. Плетников // Философский энциклопедический словарь [Электронный ресурс]. – М.: Советская энциклопедия, 1983. – Режим доступа : https://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_philosophy/2866. – Дата доступа : 28.02.2018.
7. Гуцаленко, Л.А. Вернуться к человеку, но к какому? / Л.А. Гуцаленко // Социология. – 2009. – № 4. – С. 19-28.
8. Бурак П.М. Коэволюционная парадигма как методологическое основание анализа тенденций постиндустриального развития общества / П.М. Бурак // Труды БГТУ. – 2015. – № 5. История, философия, филология. – С. 94-99.
9. Моисеев Н.Н. Заслон средневековью / Н.Н. Моисеев. – М.: Тайдекс Ко, 2003. – 311 с.
10. Кочергин А.Н. Экологическая культура как фактор «устойчивого развития» общества: проблемы, возможности, реалии / А.Н. Кочергин // Лесной вестник. – 2015. – № 4. – С. 33-36.

АКТУАЛЬНАЯ ПРОБЛЕМА ФИЛОСОФИИ: ИСКУССТВЕННАЯ ПСИХИКА ПРОТИВ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА

И.Р. Скиба (Минск, Беларусь)

В настоящее время насущным стал вопрос о приоритетах в образовательном, научном направлениях деятельности. Это вызывает жаркие дискуссии на форумах высокого уровня. Однако немаловажным является вопрос о сохранении ценностных ориентиров для молодых людей, когда идеологическая платформа не наполнена содержанием. Научный мир полон идей, которые прежде было невозможно осмыслить. В настоящее время злободневной и актуальной проблемой философского знания является создание искусственного интеллекта.

Необходимость создания искусственного интеллекта оказывает существенное воздействие на приоритеты мирового научного сообщества. Без сомнения, главенствующая роль в разработке искусственного интеллекта позволит той или иной стране, группе ученых войти в мировую историю в качестве совершивших самый большой прорыв со времён изобретения человечеством колеса. Состоявшаяся в 1956 году конференция «Dartmouth Summer Research Project on Artificial Intelligence» и выступление на ней Джона Маккарти позволило проблематике, связанной с искусственным интеллектом (далее ИИ), прочно войти в сферу интересов различных научных дисциплин [5, с. 185]. Кибернетика, информатика, синергетика, математика, физика, экономика, теория игр, нейропсихология, нейробиология и когнитивизм – таков далеко не полный перечень дисциплин, которые прямо или косвенно затрагивают проблематику ИИ [2; 3; 11; 12].

Начало исследований в области ИИ (конец 1950-х гг.) связывают с работами Алана Ньюэлла и Герберта Саймона, исследовавших процессы решения различных задач [11; 12]. Результатом их совместной работы стали программы «Логик-теоретик» и «Общий решатель задач», действующие на основе применения разнообразных эвристических методов. В 1970-х гг. появилась система автоматизированного перевода документации ЭСПРИТ, разработанная в рамках европейской программы. Значительным продвижением в развитии теории ИИ было выдвижение идеи М. Мински и Р. Шенка о фреймах [6]. Интересы и предпочтения, разумеется, расходятся: одни считают, что интереснее, полезнее и практичнее воспроизводить различные функции, ранее считавшиеся прерогативой человека, другие же пытаются сделать нечто похожее на то, что в качестве интеллекта функционирует в самом человеке. Философы продолжают спорить о «сильном и (или) слабом ИИ» со времён Джона Сёрла [13]. «Китайская комната» в войне аргументов противостоит тесту Тьюринга [14]. Сильный ИИ, который «будет разумом в том смысле, в котором человеческий разум – это разум», со своей стороны противоречит тем, кто считает это и вовсе невозможным и «слабым».

Последние из достижений и открытий в области ИИ достойны повышенного интереса и истинного восхищения. Например, программа, написанная сотрудниками Технологического института Джорджии в США, воссоздала игру SUPERMARIO без знания исходного кода. Актуальными задачами для нейросети выступают подготовка отзывов для кафе и ресторанов, определение лиц с нетрадиционной ориентацией по фотографиям пользователей соцсетей [14]. Программа, заявленная в качестве ИИ и разработанная компанией DISNEY, может оценивать качество текста.

Однако, несмотря на эти достижения, многие вопросы, связанные с ИИ, остаются неразрешёнными. Корреляция между теоретическим определением ИИ и предполагаемыми (запрашиваемыми) практическими его функциями достигает существенных масштабов в своём несоответствии.

Относительно определений понятия «искусственный интеллект» можно встретить следующие толкования:

- комплексная научная дисциплина, которая занимается созданием ИИ;
- программа, способная к самообучению и саморазвитию;
- машина, способная «думать»;
- алгоритм, способный на творчество и т.д.

Учитывая, что среди гуманитариев понятие «интеллект» само по себе вызывает много вопросов, не совсем понятным является то, чего от него хотят те техники, которые пытаются сделать его «искусственным». Ведь, вроде бы человек сам по себе способен на всё то, что на данном уровне развития «умеет» ИИ, но ведь и, к примеру, млекопитающие так же способны на некоторые способы жизнедеятельности доступные человеку (в плане физиологии), но это же не делает их более «человечными», «человеческими» или слишком «человеческими». Таким образом, закономерен вопрос, должно ли считать, что созданные и заявленные в качестве лучших из возможных прототипов ИИ программы, действительно имеют отношение к ИИ и тому, на что он способен? Каковы критерии интеллекта, будь он хоть «человеческим», хоть «искусственным»? Интеллект – это некий механизм,

способный функционировать изолированно или некое качество, свойство, присущее механизму, который сам по себе является чем-то вовсе иным?

В связи с вышесказанным, необходимо обратить внимание на тест Тьюринга и «Китайскую комнату» Сёрла и рассмотреть их критерии «истинности» наличия ИИ. Выскажем собственную точку зрения относительно теста Тьюринга: на наш взгляд самый главный момент, не уточненный автором-разработчиком, – перечень задаваемых вопросов. Он использовал тотальное влияние контекста ситуации, когда устанавливал критерии собственного теста, т.е. «если я не смогу понять, кто мне отвечает», что является внушительной формулировкой, когда мы помним, что это относится к ситуации, где за ширмой спрятан самый могущественный в мире компьютер и, рядом с ним, обычный среднестатистический человек. Но если задать конкретный вопрос: «В каком году распался СССР?», то среднестатистический человек назовёт конкретный год и компьютер назовёт конкретный год. И если им обоим смоделировать одинаковые или «по-человечески» схожие голоса для ответа, то ИИ давно уже создан и успешно применяется («Окей, Гугл»), ибо никто не понял бы разницы, а если нет – то в чём же отличие ИИ от живого человека? Видимо, дело не в конкретном ответе в плане информационной нагрузки, а скорее в интонации. И вот именно здесь мы оказываемся в «Китайской комнате» Сёрла. В целом, относительно данного эксперимента можно сказать следующее: «никто не заметил слона», ибо требования истинности, предъявленные Сёрлом, непреходимы в принципе и, более того, они наталкивают способны на мысли о самой природе психики, интеллекта и души. Собственно именно теперь мы и подходим к основной части нашей работы, в которой в противовес тесту Тьюринга и «китайской комнате» Сёрла присутствуют в качестве экспериментов «Человек без души» и «Анти-Декарт».

Анти-Декарт

Как гласит эксперимент Декарта: он сперва попробовал представить себя без души – и это у него не получилось, затем же он попробовал представить себя без тела – и это ему весьма успешно удалось [29]. Следовательно – человеку неизбежно присуща душа. При всём нашем уважении к Декарту и учитывая его исторический вклад в научное знание, мы всё же попробуем верифицировать его эксперимент ещё раз, ибо, по всей видимости (возможно!), Декарт при доказательстве истинности собственного эксперимента использовал то же самое влияние контекста, что и Тьюринг в случае со своим тестом.

Итак, я попытаюсь представить себя без тела и...ничего не произойдёт. Мне нечем видеть, ибо глаза остались в теле; мне нечем слышать, ибо уши остались на теле; мне нечем чувствовать, ибо кожа осталась на теле; мне нечем даже думать и представлять, ибо мозг остался в черепе тела.

Вывод: невозможно представить себя изолированно от собственного тела, следовательно – выводы из эксперимента Декарта неправомерны, а, следовательно, как мы ранее и говорили, – нельзя рассматривать элементы внутреннего мира человека изолированно от самого внутреннего мира человека.

А представить себя без души мы не способны до сих пор потому, что сам термин «душа» является так называемой «смысловой ловушкой», т.е. вопросом, на который невозможен ответ, ибо, как гласят постулаты контрэкзистенциализма: человеческая способность вопросы задавать намного превосходит человеческую способность на вопросы отвечать.

Далее эксперимент несколько сложнее и глобальнее.

«Человек без души»

Представьте себе человека, у которого нет души, психики, интеллекта, чувств, эмоций и всего подобного. Но! Он 24 часа в сутки притворяется, что у него это всё есть в наличии и функционирует также, как и у любого другого. Если мы спросим у него: «Есть ли у тебя психика?», то он ответит: «Конечно же, есть! Как и у тебя, наверное!» Но, к примеру, мы ему не доверяем и хотим проверить: не врёт ли он нам. Как мы поступим, дабы проверить истинность его слов? Если бы он говорил, что у него есть, к примеру, печень или сердце то, даже если бы мы ему не поверили, то мы всегда могли бы потребовать сделать УЗИ. Если бы он говорил, что у него есть кости – мы бы потребовали сделать КТ. Если бы он говорил, что у него есть мозг – нас спасло бы МРТ. Но вопрос же стоит о наличии психики. Можно попробовать сделать психологические тесты, но он же притворяется 24 часа в сутки, что у него есть психика, поэтому он пройдёт эти тесты так же, как прошёл бы их обычный человек.

Итак, как мы поймём, есть ли у человека психика, душа, интеллект или же он просто притворяется? Ответ: никак. Мы не знаем ни что они собой представляют, ни где их искать. Поэтому – мы формально даже не можем утверждать, что они «существуют», ибо не знаем, как это доказать. Мы просто априори принимаем, что они есть у нас самих и затем, по Лакану, идентифицируем своё Я с каждым Другим, признавая, что у него они, наверное, тоже есть [7; 8; 9; 10]. Но мы никогда не знаем, как обстоит эта ситуация на самом деле. И именно этого и не учёл Сёрл, когда был в «китайской комнате» и именно этого «слона» никто и не заметил.

Отсюда и возникает вопрос: как мы можем создать искусственный интеллект, если мы даже не можем быть уверены в наличии чего-либо подобного в самих себе? Ответ есть – в «контексте» и экзистенциализме, а также в диалектике и метафизике.

Тезис первый: нам не нужны доказательства – нам нужны функции.

Тезис второй: нам не нужно «понимать» – нам нужно уметь управлять. Поэтому, если ИИ сможет продемонстрировать те качества, которые априори являются сугубо человеческими и мы сможем это смоделировать, – то нас это вполне устроит.

1. Базарова, Д.Р., Демочкина, Л.В., Савельев, А.В. Новая нейробионическая модель онтогенеза / Д.Р. Базарова, Л.В. Демочкина, А.В. Савельев // в сб. тр. МИФИ: «Нейроинформатика-2002». – 2002, т. I. – С. 97-106.
2. Бейтсон, Г. Экология разума / Г. Бейтсон. – М.: Смысл. – 2000. – 476 с.
3. Винер, Н. Творец и Будущее / Н. Винер. – М., АСТ, 2003. – 732 стр.
4. Винер, Норберт. Кибернетика или управление и связь в животном и машине / Н. Винер. – М.: Советское радио, 1968. – 325 с.
5. McCarthy, John. Recursive Functions of Symbolic Expressions and Their Computation by Machine, Part I. – Communications of the ACM, 1960. – Т. 3, № 4. – С. 184-195.
6. Минский, М. Фреймы для представления знаний / М. Минский. – М.: Мир. – 1979. – 128 с.
7. Лакан, Ж. Инстанция буквы в бессознательном или судьба разума после Фрейда / Ж. Лакан. – М: Русское феноменологическое общество / Логос, 1997. – С. 184.
8. Лакан, Ж. «Я» в теории Фрейда и в технике психоанализа / Ж. Лакан (1954/55) // Пер с фр. А. Черноглазова. – М.: Издательство «Гнозис», «Логос». – 1999. – 520 с.
9. Лакан, Ж. Изнанка психоанализа / Ж. Лакан (1969-1970) // Семинар, Книга XVII // Пер с фр. А. Черноглазова. – М.: Издательство «Гнозис», «Логос». – 2008. – 272 с.
10. Лакан, Ж. Четыре основные понятия психоанализа / Ж. Лакан (1964) // Семинар, Книга IX // Пер с фр. А. Черноглазова. – М.: Издательство «Гнозис», «Логос». – 2004. – 304 с.
11. Саймон, Г.А. Науки об искусственном / Г.А. Саймон. – М.: Мир, 1972. – 160 с.
12. Саймон, Г., Чинг, Ц. Распознавание, мышление и обучение как информационные процессы / Г. Саймон, Ц. Чинч // Психол. журн. – 1988. – №2. – С. 336.
13. Сёрл, Дж. Рациональность в действии / Дж. Серл // Пер. с англ. А. Колодия, Е. Румянцевой. – М.: Прогресс-Традиция, 2004. – 336 с.
14. Тьюринг, А.М. Вычислительные машины и разум. / А.М. Тьюринг // в сб. Хофштадер Д., Деннет Д. «Глаз разума». – Самара: Бахрах-М, 2003. – С. 47-59.

ДЕМОКРАТИЧЕСКИЕ ЦЕННОСТИ И ПРОБЛЕМЫ ИХ РЕАЛИЗАЦИИ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

В.А. Голубев (Минск, Беларусь)

На начало XXI в. демократические режимы существуют более чем в 1/3 государств мира. Падение в конце XX в. биполярного мира привело к тому, что многие бывшие страны социалистического лагеря перешли к демократической форме правления. Однако далеко не все государства, ставшие на путь демократического развития, могут должным образом применять на практике демократические принципы и задействовать соответствующие институты демократии. Во многом это объясняется отсутствием исторического опыта освоения демократических ценностей, а также незаинтересованностью определенных политических сил в реализации демократических принципов и норм в общественной жизни.

Демократия представляет собой систему, в которой политическая власть осуществляется свободно выражающим свою волю большинством граждан. Демократическая форма правления характеризуется наличием следующих признаков и принципов:

1. Назначение лидеров (глав) происходит посредством честных и состязательных выборов.
2. Единственным легитимным источником власти является народ.
3. Общество, назначая лидеров, тем самым осуществляет самоуправление для достижения общего блага.
4. Принцип разделения властей.
5. Принцип оппозиции.
6. Принцип политического плюрализма.
7. Принцип гласности

Наличие данных признаков дополняется рядом политических, экономических и личных прав и свобод, которые являются, по сути, демократическими ценностями. Высшей ценностью демократии является человек, его основные права и свободы. К ним относят такие личные права и свободы, как право человека на жизнь, право на личную свободу и неприкосновенность, право на неприкосновенность частной жизни. К политическим правам и свободам относятся: свобода мысли, свобода совести, свобода слова, равенство перед законом, справедливый и непредвзятый суд, право на участие в выборах, право на гражданство и свободу передвижения, право на политическое убежище.

Для реализации данных принципов, прав и свобод необходим ряд условий. Например, к ним относят определенный уровень социально-экономического развития, политическую грамотность населения, довольно

низкий уровень социального расслоения (иными словами, наличие широкого среднего класса), разнообразие социального состава населения, достаточно развитый образовательно-культурный уровень населения.

Сторонники западной демократии считают, что упомянутые выше права и свободы являются абсолютными и стоят выше интересов общества, а значит, они не могут быть предметом политического торга. Среди них можно отметить Дж. Ролза, который считает, что в основе данных прав и свобод лежит справедливость, которая является основой общественных отношений при демократической форме правления.

Сложность реализации демократических ценностей заключается в том, что, несмотря на довольно обширный перечень свобод и прав, принципы демократии реализуются в государстве, т. е. в непосредственном соприкосновении с политической властью. Власть является не только инструментом управления и контроля в обществе, но и одним из главных средств защиты граждан. Поэтому, по мнению Р. Михельса, люди, партии, организации, находящиеся во власти, имеют ряд преимуществ перед остальными, откуда возникает риск их «отдаления» от широких масс. Для удержания власти и приоритетов они могут пользоваться средствами подавления оппозиции и инакомыслия, если таковые представляют угрозу этой власти [см. 5].

По мнению многих современных исследователей, существует такой феномен, как «тоталитарно-демократическое общество» [3]. В этом случае можно говорить о так называемой «фейковой демократии» [2], в рамках которой демократические институты представлены лишь формально и не обладают реальной силой в системе общественных отношений. В частности, подобные феномены демократии отмечает Г. Маркузе, говоря о том, что современная импозитивная демократия, устраняя «врагов», всячески предупреждает любые качественные социальные изменения, маскирует назревшие социальные проблемы, замещая их ложными символами [см.4]. К примерам «фейковой демократии» можно отнести режим А. Стресснера в Парагвае и А. Пиночета в Чили. Многие российские политологи и аналитики считают, что в настоящее время страны Западной Европы и США отошли от принципов демократии, заменив их «демократическим тоталитаризмом». Так, А. Глухов в этой связи отмечает: «Так получилось, что последние 27 лет, самой мощной экономически на вершине Олимпа оказалась безответственная страна, которая декларировала свободы и равноправие, но на самом деле действовала бандитскими людоедскими методами.

Государство - террорист №1 в мире, которое ради прибыли уничтожает другие народы, насильно продвигает фальшивую демократию американского образца, скрывая за этим захват потенциальных рынков сбыта и ресурсов планеты»[2].

Таким образом, в настоящее время общественная обстановка в Европе такова, что демократические ценности, являющиеся важной частью ее политической и духовной культуры, подвергаются существенной трансформации, что представляет реальную угрозу духовно-нравственному развитию человека и общества.

1. Всеобщая декларация прав человека (Принята и провозглашена резолюцией 217 А (III) Генеральной Ассамблеи от 10 декабря 1948 года)
2. Глухов, А. Фейковая демократия. [Электронный ресурс] / А. Глухов // Информационный центр. Режим доступа: <https://aftershock.news/?q=node/609567>
Дата доступа: 18.02.2018
3. Джоухадзе И. Д. Массовое общество и демократический тоталитаризм: свобода без выбора. [Электронный ресурс] / И.Д. Джоухадзе // Ruthenia: Объединенное гуманитарное издательство. – Режим доступа: http://www.ruthenia.ru/logos/number/2001_5_6/04.htm. Дата доступа: 18.02.2018.
4. Маркузе, Г. Одномерный человек. - / Г. Маркузе. Пер. с англ., послесл., примеч. А.А. Юдина; Сост., предисл. В.Ю. Кузнецова. - М: ООО "Издательство АСТ", 2002. - 526,с.
5. Шпакова, Р. П. Немецкая социология / Р.П. Шпакова. - СПб : Наука, 2003. - 562 с.

КУЛЬТУРНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ И ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ

Э.И. Рудковский (Витебск, Беларусь)

Реальностью современного мира стала глобализация. Это – объективный, закономерный процесс, который имеет свои «плюсы» и «минусы». Ни одна страна не может успешно развиваться в условиях изоляции, когда сложился взаимозависимый мир. Государства получили возможность пользоваться преимуществами международного разделения труда, достижениями научно-технического прогресса, современных информационных технологий и т.д. Вместе с тем нельзя не видеть и негативных последствий глобализации. Нарастает стандартизация стиля жизни людей, «макдонализация» культуры; малые по численности этносы теряют свои обычаи, традиции, язык, втягиваясь в жернова глобализационных процессов. Современный мир расплывается. Народы пытаются найти какие-то новые границы, сохранить свою идентичность и свое место в этом мире. В этой связи актуальной становится проблема культурной безопасности. Культура – это духовный капитал, без которого невозможно все другое богатство общества, а культурная безопасность является фактором его устойчивости, внутренней стабильности и возможности поступательного развития. С одной стороны, культурная безопасность может быть определена как отсутствие внешней угрозы культуре, противодействие «вестернизации», влиянию «современных трен-

дов» в информационном потоке. С другой – как реальная политика в области культуры, целью которой является создание условий, способствующих ее развитию. Культурная безопасность – это такое состояние общественной системы, которое позволяет ей функционировать и развиваться в рамках исторически сложившихся фундаментальных духовных ценностей, сохраняя контуры своей идентичности. При этом культурная безопасность, конечно же, не означает консервации всего и вся. Процесс диалога взаимовлияния культур – это данность сегодняшнего мира.

Культурная безопасность подвергается испытанию не только под воздействием внешних факторов глобализирующегося мира, но и факторов внутренних: распространения потребительской психологии, не лучших образцов массовой культуры. Его величество доллар стал для многих чуть ли не единственной ценностью и мерилем успешности. При помощи СМИ предпринимается попытка ограничить человека узким горизонтом потребительских, конъюнктурно-прагматических интересов и отвлечь его от масштабных общественных процессов. Из-за рубежа экспортируются, культивируются ценности, изначально чуждые этническим общностям. Ревизии подвергаются христианские ценности, привычные семейные устои.

Культурная безопасность зависит от многих условий. Важнейшим из них является сохранение исторической памяти, бережное отношение к историческому наследию. История стала частью современной политической жизни многих стран. Принимаются даже законодательные акты, предусматривающие преследование лиц, позволяющих себе усомниться в правдивости интерпретаций прошлого, намерений провластных политических сил, выдающих себя за подлинно патриотические. История активно используется в процессе формирования тактических и стратегических целей общества. Историческое сознание является составной частью идеологии государства. Говорят, что история – это политика, опрокинутая в прошлое. Но верно и другое: история опрокинута в современную политику. Историю порой переписывают не ради прошлого, а ради настоящего и будущего.

Прошлое так или иначе остается в настоящем, является важным элементом не только политической, но и духовной жизни современного общества. Историческая память, как и коллективная память (социальных групп, поселений и т.п.), является важной предпосылкой не только групповой идентичности, но и идентичности социума в целом. Исследователи данного феномена приводят разные его определения. Нам ближе позиция Л.П. Репиной, которая определяет историческую память «... как одно из измерений индивидуальной и социальной памяти – как память об историческом прошлом или, вернее, как символическая репрезентация исторического прошлого. Историческая память – не только один из главных каналов передачи опыта и сведений о прошлом, но и важнейшая составляющая самоидентификации индивида, социальной группы и общества в целом, ибо оживление разделяемых образов исторического прошлого является типом памяти, который имеет особенное значение для конструирования социальных групп в настоящем». [1, с. 414]

Как уже отмечалось, процессы глобализации, интернационализации общественной жизни, негативно сказываются на сохранении культурного своеобразия малых по численности этносов. Именно последние, прежде всего, вовлекаются в «мельницу» глобализации, нивелирующую культурное и цивилизационное их развитие, появляется угроза становления безнационального, безрелигиозного, технократически бездушного человека, актуализируется проблема сохранения исторической памяти. Сохранить её – значит сохранить свою культуру, традиции, обычаи, которые являются достоянием всего человечества. Преемственность исторической памяти – залог самобытности этноса в контексте процессов глобализации. Прошлое представляется как хаос, нагромождение случайностей, пока о нем не вспоминают, не интерпретируют, не записывают его. Только в этом случае прошлое обретает определённую форму, его содержание наполняется образами, событиями, информацией, оно приближается к нам, осмысливается и актуализируется. Интерпретация событий прошлого – это акт продолжения их существования и одновременно очередной этап движения в наличном социальном бытии. В ходе этого движения они накладывают отпечаток на процессы современности. Однако под воздействием последних, господствующих в обществе ценностей, они меняются сами, приобретают новое отличие. Порой удачное толкование может привести к замене в интерпретативном комплексе прежнего концептуального ядра. В условиях информационной войны мы все чаще сталкиваемся с попытками переформатировать историю под себя. При этом используются самые различные средства и приемы: откровенная ложь о «преступлениях режима», фальсификация информации, замалчивание «невыгодных» фактов, погружение важной информации в «корзину» информационного мусора и т.п. В результате информационных атак размываются традиционные ценности, моральные нормы, культурный код и идентичность общества, избранного для подобных атак. Мир столкнулся с чудовищным насилием над историей со стороны некоторых западных политических сил, СМИ, ангажированных идеологов: приравняются фашизм и коммунизм, реабилитируются коллаборационисты, меняются местами агрессоры и жертвы агрессии. Конечно, споры и диспуты о прошлом были и будут, но они не должны превращаться в месть истории, а стать размышлением о тех мостах, которые объединяют народы.

История – это кладёз артефактов, их выбор и интерпретация зависит от целого ряда факторов: личных ценностных ориентаций и методологических принципов, которыми руководствуется исследователь;

господствующих общественных ценностей, включая идеологию; интересов тех или иных социальных групп. Речь идет о социальном конструировании исторической памяти, которая предстает «как процесс, мобилизирующий разнообразные социальные дискурсы и практики в репрезентации исторического события и служащий выражением солидарности группы». [2, с. 129]

Историческая память – важнейшее условие сохранения культурного кода нации, ее идентичности. Взрослость нации, ее духовное богатство определяются не совершенством гаджетов, а образованностью, культурным багажом, системностью мировоззрения граждан. Духовная культура как человечества в целом, так и отдельных народов сегодня на перепутье. В прошлые исторические эпохи (по крайней мере до становления информационного общества) культура развивалась преимущественно естественным путем, путем социального наследования. Ее развитие можно было уподобить росту дерева: что-то росло, что-то отмирало, но процесс был преимущественно естественным. В настоящее время все кардинально меняется. Политтехнологи, постмодернисты в культуре изобретают и навязывают обществу свои стандарты, клише, ценности, которые порой противоречат базовым ценностям культуры многих стран и народов. Традиционный, позитивный, в чем-то консервативный мир разрушается. Наступило информационное изобилие. Миллионы людей очутились в безбрежном информационном океане. Все ранее неприемлемое стало возможным, маргинальное в одиночасье стало нормой. Постепенно отменяются прежние нормы и запреты цивилизации. Пространство приличного до предела растянуто. Вот почему процесс развития культуры нельзя пускать на самотек. Культуру необходимо защищать, предохранять от негативных влияний глобализации, ее нарастающей технологической мощи. Эта мощь и впредь будет увеличиваться, вопрос только в том, как ее умерить. Никуда не уйти от известного положения о том, что культура начинается с запретов. На них основываются многие общечеловеческие ценности: десять христианских заповедей, пять буддистских и т.д. Без них культура превращается в труху. Вот почему задача культурной политики государства – сформировать такие механизмы, которые бы поставили заслон перед цунами вседозволенности, рыночной культуры с ее пошлостью, не требующей глубины мыслей и чувств. При этом, конечно, важно учитывать, что важнейшей основой, которая обеспечивает обогащение и саморазвитие культур, является их диалог. Любая культура может развиваться, если она тесно связана с общечеловеческими ценностями. Но обустроить свою страну, опираясь только на достижения других наций невозможно, необходимо сохранять свою духовную основу, свой духовный фундамент и на нем возводить здание, используя все ценное в иных культурах.

1. Репина, Л.П. Историческая наука на рубеже XX – XXI вв.: социальные теории и историографическая практика / Л.П. Репина. – М.: Кругъ, 2011. – 560 с.
2. Капитонова Т.А. Современные тенденции в исследованиях исторической памяти: философско-методологические аспекты / Т.А. Капитонова, В.А. Белокрылова // Ученые записки УО «ВГУ им. П.М. Машерова»: сб. научных трудов. – 2017. – Том 23. – С. 126-130.

НОВАЦИИ МАРКСА В ИСТОРИИ РУССКОЙ КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОЙ МЫСЛИ

В.Д. Жукоцкий, З.Р. Жукоцкая (Могилев, Беларусь)

К 200-летию со дня рождения Карла Маркса

В истории мировой культуры бывали периоды, когда то или иное направление ее развития еще не было отчетливо определено, но оно уже было задано основной идеей, общим потенциалом того или иного учения. При этом всегда оставался открытым вопрос: что за чем следует? – культура ли в целом за ее индивидуализированными формами или, напротив, ее индивидуализированные формы за общей, но скрытой, логикой культурного развития? В нашем случае это не имеет большого значения, хотя для себя не трудно отметить, что в действительности обе последовательности представлены в полной мере и все зависит от угла зрения на нее. Гораздо важнее сейчас определиться в том, что всякое конкретное учение как культурное явление, либо находится в контексте новейшей тенденции развития культуры в целом, либо не находится в нем, оно либо восходит на острие новации, либо остается в ее арьергарде. Обе позиции по своему важны для целостности и непрерывности культурного процесса. Но они просто незаменимы при определении самого вектора культурной новации.

Новация Карла Генриха Маркса (1818 – 1883) – философа, социолога, экономиста, писателя, поэта – состоит в том, что он вслед за Фейербахом раскрыл потаенную сущность христианства в свободных от теизма формах. Но в отличие от Фейербаха он перенес этот процесс самораскрытия европейской культуры из сферы сознания и самосознания в естество социокультурного процесса. Отныне, все, кто следовал за ним, а часто независимо от него, были озабочены одним – **показать горизонт включенности сознания в нечто, несравненно большее, чем оно само.** Этим большим могла быть ницшеанская «воля к власти» или фрейдовское «психическое бессознательное», но это могло быть хайдеггеровское «бытие» и даже гуссерлевская «феноменология». Важно другое: в европейской культуре появился новый вектор –

глобальной секуляризации сознания, когда даже значимая трансцендентность обрела черты естественной рядоположенности имманентному. Особенность учения Маркса в том, что его сеть оказалась раскинута наиболее широко, точнее, предельно широко, настолько широко, что первичная вульгаризация гениального озарения (в том числе и у самого Маркса) стала неизбежной и прежде, чем подступиться к его содержанию, потребовалась целая эпоха поисков разнообразных подходов к нему; в том числе и в старых теистических одеждах, как непримиримого «веховства», так и не менее непримиримого, сектантски организованного большевизма. Очевидно, что и в наше время этот процесс не завершен: загадка стоимостных (читай - ценностных) отношений, как аналога и естества субстанции человеческой идеальности, по-прежнему требует своего разрешения. Это хорошо понимал Э. В. Ильенков, но почему-то упорно отказываются понимать его ученики.

Если учесть принципиальную разницу между идеальным – потенциальным *марксизмом* и той его разновидностью, которую являла собой русская социал-демократия левого толка в лице большевиков, то можно сказать, что первый в начале XX века *собрал* русских духовно, а второй – организационно-практически. Разумеется, этот тезис требует своего всестороннего обоснования, но и в рамках данной работы есть возможность наметить его основные пути.

Идеальные параметры марксизма общеизвестны. Они несут в себе черты возрожденческого титанизма. Это радикальная установка на снятие *буржуазного* отчуждения, культа денег как самодостаточной и всерегулирующей сущности, господства капитала (мертвого труда) над живым трудом, и связанная с этим идея пролетарского мессианизма, освобождение личности от материального рабства, как в форме нищеты, так и чванливой сытости, от рабства самодавляющей традиции (духовной и материальной), утверждение абсолютной открытости человека перед миром, принципа социализированной индивидуальности, согласно которому «всестороннее развитие каждого есть условие развития всех», в мировоззрении – это особая разновидность *субъективного* материализма, как *философия практики*, деятельного отношения человека к миру, согласно которому становление человека есть *самостановление* человека в мире и мира в человеке, при этом *трансцендентность* органической целостности мира («Бога»), не отрицается вовсе, но предстает как относительная и приоткрывается человеку в моментах творческой активности, совершаемого им со-бытия, в исторически абсолютном утверждении ценности науки и искусства как форм *всеобщего труда*, наконец, потенциал религии из замкнутых догматических форм «положительных вероучений» переходит в разряд «мировоззренческих установок» и растворяется в непосредственном жизненном процессе, *становится самой жизнью*, как об этом мечтал Бердяев, даже не догадывавшийся о том, что проходит азы *неизвестного* Маркса.

Возникает вопрос: в какой мере этот мистически скрытый, **потенциальный марксизм**, в качестве умозрительного символа эпохи отражал духовные запросы и идеалы Серебряного века, оказывался невольным их выражением? Нет ли созвучий в их общем контексте? В число характеристик этой культурной эпохи входит не только ее антибуржуазная (или в лучшем случае – околбуржуазная) направленность, но и нацеленность на особый русский путь, реализацию народнической мессианской идеи, основанной на том, что усилиями Петра весь народ в России был превращен в своеобразный тип пролетария-общинника-раба и требовал, наконец, своего векового освобождения. Отсюда культ освободительного движения в среде русской интеллигенции, нацеленный против самодержавия: светского и духовного. Впрочем, в России они были слиты не только функционально, но и организационно, что усугубляло кризис официальной церкви, не спешившей расставаться с вековым, укрывшим ее от ветров современности, основоположением: быть под крылом светской власти. В этой ситуации из триединой уваровской формулы России «самодержавие-православие-народность» актуально-действующим оставался последний ее элемент, превращенный историей в **самодержавие народа**. Отсюда ясно, что даже консерватизм в России не мог быть замешан иначе, как на радикальной социальной идее, которая в конечном счете все равно работала на левых.

Сам тип русского философского сознания был *социально и нравственно* ориентирован, как это имело место и в марксизме, для которого социальная справедливость, как бы она не рядилась в одежды учености, в решающий момент всегда стояла выше холодной истины. Важнейшая черта культуры Серебряного века – максимализм идей в сочетании с предельной жесткостью дискуссий, радикализм во всем, когда «нормой становится крайность». И над всем – культ творчества – духовного, социального, технического. Взрывающий традиции «бред» революции проникает повсюду. Д. Мережковский «бредит» о Третьем Завете, о Евангелии Святого Духа. Н. Федоров разрабатывает «философию общего дела» с ее фантастической, но переведенной в техническую плоскость программой *воскрешения отцов*. Н. Бердяев упрекает левых социал-демократов за недостаточный (!) радикализм, замкнутый лишь на перевороте в материальной сфере, который должен быть дополнен переворотом в духовной сфере. В. Розанов, Вяч. Иванов и все в той или иной мере участвуют в разработке самых радикальных идей «философии пола». А. Богданов строит грандиозную перспективу общества, основанного на принципах «организационной науки», ставшей в наше время основой «системотехники». К. Циолковский уже построил проект выхода человека в космос и практического освоения космического пространства с помощью ракетных двигателей. При этом

образ соловьевского «Богочеловечества» витает над всеми, обретая ту или иную степень секуляризации. Нужно ли говорить, что именно потенциальный марксизм образует собой то идеальное пространство, которое способно удовлетворить каждое из этих направлений мысли.

Влияние Маркса на русскую культуру Серебряного века не только явно, но и тайно, не только актуально, но и потенциально, дано не только в форме признания, но и отрицания. Так случилось, что к началу XX века какие бы течения общественной мысли не выходили на арену публичных дискуссий – либеральные или консервативные, или их сложного сочетания – они всякий раз включали в способ своего самоопределения свое отношение к марксизму, к новомодному «экономическому материализму», к новейшей русской социал-демократии. И это при том, что какой-либо цельности в восприятии марксизма не было. Были сотни марксизмов, у каждого направления своя тень. Но идеальный источник света был один: социокультурная заданность в восприятии – раздражающем или умиротворяющем – именно этого вектора мировоззренческих ожиданий. Они сочетали в себе торжество светского, практического человека-творца с потенциалом массового социально-религиозного движения, способного обновить «устой». Вот почему марксистское или около-марксистское направление мысли при всех колебаниях общественных настроений оставалось все время на слуху, становясь своеобразным камертоном общественного сознания. Две ипостаси русского марксизма – *духовно-интегральная*, действующая в рамках секулярного вектора социокультурной динамики, и *организационно-практическая*, замкнутая на его ортодоксию и новую религиозность, – каждая по своему делали свое дело. Результатом этого становилось вызревание органического характера перерастания культуры Серебряного века в культуру Советской эпохи, эпохи «русского ренессанса» в эпоху «русской реформации». Радикальный разрыв с ветхой патриархальностью в форме массового религиозно-социального движения, религиозно-светского обновления был предрешен самой логикой культурного развития.

Духовная неустроенность всей культуры Серебряного века последнего предреволюционного десятилетия, воплощенная, в частности, в торжестве декаданса и авангарда, как бы на прямую обращалась к *иному*, к трансцендентному, к мужскому началу социума, как способу разрешения своих внутренних проблем. И то, с каким дребезгом рассыпался рафинированный декаданс и с каким восторгом воспринял дух революции «засидевшийся в тепле» авангард, свидетельствует, как и многое другое, о том, что сам факт радикальной социально-религиозной революции был в высшей степени ожидаемым. В «Судьбе России» Н. Бердяев отмечал органическое стремление России к мужскому началу Германского духа. Но он еще не констатировал того факта, что формой его воплощения для России станет *марксизм*, понятый в широком контексте актуальной социокультурной динамики.

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ НАКОПЛЕНИЯ И ОБМЕНА ИНФОРМАЦИИ В ГУМАНИТАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

Л.С. Большедворова (Минск, Беларусь)

Современные технологии в науке и образовании значительно расширили возможности обмена, ознакомления и эффективного использования новых мировых достижений ученых в разных странах.

Международные наукометрические базы данных (МНБД) позволяют оперативно вводить в научный оборот все наиболее значимые исследования, а также они служат объективным критерием оценки вклада исследователей, научных учреждений и учреждений образования при составлении рейтингов.

При оценке эффективности научно-исследовательской деятельности образовательных и научных учреждений большое внимание уделяется показателям цитируемости авторов и научных изданий в ведущих зарубежных базах научного цитирования (*Web of Science* и *Scopus*). Белорусские исследователи могут повысить свои индивидуальные показатели, публикуясь в изданиях, индексируемых этими базами.

Наиболее авторитетные МНБД – *Web of Science* (WOS) и *Scopus*.

В аналитической цитатной базе данных WOS гуманитарные науки составляют 30 %. Этот ресурс размещается на поисковой платформе *Web of Knowledge*, объединяющей реферативные базы данных публикаций в научных изданиях, и охватывает материалы по естественным, техническим, биологическим, общественным и гуманитарным наукам и искусству. Платформа имеет возможности поиска, анализа и управления библиографической информацией.

Scopus – крупнейшая мультидисциплинарная библиографическая и реферативная база данных. Гуманитарные науки в этом ресурсе составляют 17 %.

Преследуя цель разместить научное издание в МНБД, нужно определить, какую роль выполняет данное издание в отечественном научном сообществе и насколько информация издания свидетельствует о развитии данного направления науки в нашей стране, степени ее интеграции в мировую науку, публикуемости отечественных авторов в экспертных изданиях за рубежом и т.д.

Информация, содержащаяся в научном издании и включаемая в МНБД, освещает проблематику научных исследований в стране, а также дает представление о субъектах исследований (авторы и организации) – аналитическая часть библиометрических исследований.

Информация, предлагаемая в МНБД, должна представлять интерес для научного сообщества зарубежных стран и быть понятной ему. Поэтому важен качественный перевод на английский язык информационных индикаторов издания.

Система библиометрического анализа основывается на статистике, получаемой в результате автоматического наложения и получения совпадений (установление идентичности) анализируемых объектов по их формальным признакам принадлежности к определенной семантической единице (к автору, организации, названию и т.д.).

Научное издание включается в МНБД при выполнении ряда обязательных требований.

Информационными индикаторами для общей оценки развития науки в стране, уровня авторов и качества материала, вводимого в научный оборот, служат все данные, содержащиеся в издании. Поэтому их необходимо указывать максимально точно и корректно, четко формулировать название издания и остальные сведения.

При этом следует иметь в виду, что все сведения требуют перевода на английский язык. Длинные формулировки и трудно переводимые на английский язык выражения необходимо исключать. Корректными информационные данные будут учитываться только при их качественном представлении (название издания, заглавия статей, в том числе на английском языке, аннотации, в том числе на английском языке к статье, фамилии авторов, их аффилирование, библиографические списки литературы, в том числе в латинице (*References*)). *References* выполняются в соответствии с требованиями МНБД, чтобы они были учтены при анализе упоминания и цитирования публикаций.

Издание может быть включено в МНБД также при обязательном наличии: международного стандартного номера сериального издания (ISSN); международного коллектива авторов и редакционного совета (исключение – издания по региональной тематике); четкой периодичности и регулярности выхода в свет выпусков издания; качественного оформления и структурированности научных статей; информации на английском языке (авторы, заглавие, аффилиция авторов, аннотации, ключевые слова, библиографические списки в романском алфавите; сайт издания на английском языке с освещением целей и задач, редакционной политики, состава редакционного совета с аффилированием его членов, содержания каждой статьи). Информация оперативно обновляется на сайте по мере публикации очередных выпусков издания.

Один из показателей, влияющих на оценку издания в МНБД, – цитирование трех членов редакционного совета, в том числе главного редактора, и самого издания.

МОДЕРАЦИЯ ЭКСПЕРТНОЙ ДИСКУССИИ КАК СОЦИОГУМАНИТАРНАЯ ТЕХНОЛОГИЯ: МЕЖДУ НАУКОЙ И ИСКУССТВОМ

Н.С. Ильюшенко (Минск, Беларусь)

Взросший во всем мире интерес к социогуманитарным технологиям обусловлен их способностью оказывать влияние на деятельность социальных субъектов, определять специфику их взаимодействий и коммуникации, формировать и закреплять в сознании индивидов и социальных групп определенные установки, представления, стратегии поведения.

Несмотря на отсутствие общепризнанной дефиниции социогуманитарных технологий, отметим, что данный феномен может быть понят как производное:

1) знаний, выработанных в социально-гуманитарных науках (философии, психологии, конфликтологии, теории коммуникации и др.), где сами эти знания предстают в виде отрефлексированного социокультурного опыта (например, опыта того, как верно выстраивать коммуникацию и достигать желаемых результатов в общении, как направлять или изменять поведение социальных агентов, как мотивировать к выполнению задач подчиненных и др.);

2) человеческих действий как средства достижения поставленных целей (на этот ракурс рассмотрения указывал, в частности, Г.П. Щедровицкий, который интерпретировал данный тип технологий как формулу наших действий для достижения поставленных целей [3, с. 439], таким образом, настаивая на невозможности элиминации из дефиниции социогуманитарных технологий признака непосредственного и деятельного человеческого участия);

3) взаимодействий и коммуникации социальных субъектов, незаменимых какими-либо техническими приспособлениями.

Таким образом, три данные обстоятельства (формируемость социально-гуманитарных технологий в рамках социогуманитарного корпуса знания, непосредственная связь с человеческой деятельностью, направленность на субъект-субъектное взаимодействие как взаимодействие человеческих акторов) харак-

теризуют специфику социогуманитарных технологий, определяют их отличие от других, существующих и активно развивающихся сегодня инструментов и средств социального влияния. Выделенные критерии позволяют интерпретировать рассматриваемый нами феномен как продукт междисциплинарного синтеза и практического воплощения достижений различных областей гуманитаристики; как итог алгоритмизации реализующихся в обществе социальных практик; как инструмент «мягкой силы», применение которого гарантирует достижение стоящих перед обществом целей, приводит к некоторому заранее запланированному результату. Ориентация на субъект-субъектное взаимодействие делает социогуманитарные технологии близкими не только науке, но в определенной мере и искусству, поскольку при их реализации особое внимание уделяется учету культурного, исторического, ситуативного контекстов.

Приведенная трактовка социогуманитарных технологий открывает широкие возможности для переосмысления целого ряда феноменов, одним из которых выступает модерация.

Обосновывая правомерность выделения модерации в качестве особой разновидности социогуманитарной технологии, в первую очередь, обратим внимание на факт наличия аналитических статей (например, [1]), программ и учебно-методических комплексов (например, [2]), трактующих процесс модерирования как принципиально технологичный. Возможность такого прочтения обусловлена также соответствием модерации критериям, положенным в основание дефиниции социогуманитарных технологий и описанных выше. Так, процесс модерации характеризуется следующими особенностями:

1) в ходе данного процесса используются знания и инструменты, оформившиеся в рамках социогуманитарных дисциплин (риторики, психологии, конфликтологии, теории коммуникации, социологии и др.);

2) практика модерирования имеет непосредственную связь с человеческой деятельностью (используется в сфере обучения, в политике, бизнесе для таких целей как: решение противоречий; достижение консенсуса, взаимопонимания сторон; оценка политической программы; разработка стратегии компании и др.);

3) модерация базируется на субъект-субъектном взаимодействии, а ее акторы не могут быть исключены из коммуникативного процесса или заменены какими-либо техническими приспособлениями.

Добавим также, что модерация предполагает возможность прогнозирования и проверки результатов своего применения, что также сближает ее с понятием социогуманитарных технологий. Вместе с тем, данная практика все еще нередко трактуется не только как деятельность, имеющая строгие, научно обоснованные алгоритмы применения, но и как искусство: качество модерации определяется талантом модератора, его «чувствительностью» к теме, умением виртуозно применять и совмещать различные коммуникационные стратегии.

Для определения того, какие перспективы открывает переосмысление модерации в качестве социально-гуманитарной технологии, рассмотрим такую ее разновидность как модерация экспертных дискуссий.

В первую очередь укажем, что данный феномен представляет собой частный случай модерации как таковой. Ключевое различие между модерацией экспертной дискуссии и данной практикой, реализуемой в других сферах социальной деятельности, пролегает в области реализуемых ею функций. Так, в таких профессиональных областях как социальная работа, психологическое консультирование, менеджмент и проч. под технологией модерации понимают алгоритмизацию различных видов помогающей деятельности, ставя ее в один ряд с техниками консультирования, супервизии, обучения. Цель модерации экспертных дискуссий состоит не столько в оказании помощи экспертам (например, помощи по достижению консенсуса, решения возникающих между ними противоречий), сколько в выработке нового типа экспертного знания, в переводе этого знания на новый качественный уровень.

К наиболее значимым функциям модерации экспертной дискуссии следует отнести: функцию стимулирования экспертного диалога; функцию экспликации «неявных» экспертных знаний; функцию кристаллизации экспертных позиций; функцию согласования противоречий и выработки общего языка описания феномена (проблемы).

При этом мы исходим из расширенного понимания роли модератора, которое не ограничивается выполнением им функций «примирения» противоположных точек зрения или связи коммуникации в единый и непрерывный процесс. Мы отталкиваемся от рассмотрения роли модератора как актора, имеющего непосредственное влияние на итог экспертной дискуссии, на качество полученного в ее результате знания, на перспективы его дальнейшего распространения, легитимации и закрепления в практиках деятельности и социального взаимодействия. Модератор не только выступает посредником между сторонами (участниками дискуссии), следит за соблюдением регламента и предупреждает ситуации отклонения от заданной темы. Он также производит фактическое руководство процессом коммуникации и взаимодействия сторон, создает контекстуальные рамки, направляет и организует процесс столкновения мнений оппонентов, что в результате может оказывать существенное влияние на итоговый результат коммуникации, на формирование общественного мнения, на дальнейший вектор научных дебатов. Таким образом, именно модератор может повлиять на то, куда именно будет направлена дискуссия экспертов, какой тип знания будет сконструирован в итоге в массовом сознании, какое конкретное экспертное мнение окажется закрепленным в повсеместно разрабатываемых сегодня базах знаний.

Таким образом, трактовка модерации экспертных дискуссий как специфической социально-гуманитарной технологией открывает путь к ее пониманию как структурированной и подчиненной определенным правилам деятельности модератора по организации взаимодействия экспертов с целью конструирования нового экспертного знания, формирования определенного общественного мнения и др.

Рассмотрим, благодаря чему модерация позволяет произвести анализ (проблематизацию) экспертных мнений и перейти к пересборке (синтезу) нового знания (или общественного мнения). Для достижения этой цели проанализируем сам алгоритм работы модератора. В структуре данной деятельности выделим следующие фазы (этапы):

- 1) этап установления контакта между всеми участниками экспертной дискуссии (часто именуется фазой знакомства);
- 2) постановка проблемы (с использованием общего для всех языка описания) и погружение в нее;
- 3) уточнение предмета и задач обсуждения (с выяснением ожиданий участников дискуссии, а также аудитории – в случае ее наличия);
- 4) анализ имеющихся и возможных вариантов решения проблемы;
- 5) конфронтация сторон (проработка содержания);
- 6) уточнение и оценка альтернативных решений (рефлексия);
- 7) установление согласия (консенсус) посредством определения наиболее оптимального решения проблемы (в случае необходимости формулировки прогноза – наиболее вероятного пути развития событий).

Будучи технологией по своей сути, модерация экспертной дискуссии сама включает в себя различные методики и приемы организации работы на каждом из этапов ее реализации. Эти техники могут быть направлены на снятие коммуникативных барьеров, на поддержание внимания экспертов к конкретной проблеме или некотором ее отдельном аспекте. Также эти техники могут касаться актуализации скрытого знания, активизации творческого мышления, аналитической и рефлексивной деятельности.

Суммируя сказанное, отметим, что трактовка модерации экспертной дискуссии как особой разновидности социогуманитарных технологий позволяет расширить и углубить понимание ее роли в социальных и культурных процессах современности, переопределить социальный статус модератора, переосмыслить вопрос о мере его ответственности в решении социально значимых вопросов и проблем. Важно также подчеркнуть, что, несмотря на то, что модерация как социогуманитарная технология предполагает алгоритмизацию, она в той же степени требует «чувствительности» модератора к культурному, идеологическому, психологическому контексту. Это не только определяет связь модерации с социогуманитарными науками, но и сближает ее с искусством, поскольку выбор и применение определенной технологии совершает сам модератор. Сказанное актуализирует вопрос целенаправленного обучения ведению научных дискуссий с помощью модерации как особой социогуманитарной технологии. Здесь, на наш взгляд, особая роль должна быть отведена не только теоретическому обучению, но и практической отработке полученных навыков.

1. Еналеева, Н.И. Модерация как гуманитарная технология повышения квалификации педагогических кадров вуза. / Н.И. Еналеева, Т.И. Шутшина. // Сибирский педагогический журнал. – 2011. – № 8. – С. 71-82.
2. Терешкина, И.Б. Технологии модерации в сфере социального взаимодействия. Образовательный модуль. Учебно-методический комплекс. / И.Б. Терешкина, С.А. Векилова, Н.В. Солнцева, Н.Н. Суртаева. – СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2008. – 215 с.
3. Щедровицкий, Г.П. Избранные труды. / Г.П. Щедровицкий. – М.: Шк.Культ.Полит., 1995. – 800 с.

ЗАПАД И ВОСТОК: ОСОБЕННОСТИ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫХ И ЯЗЫКОВЫХ КОММУНИКАЦИЙ

С.В. Востриков (Смоленск, Россия)

Изучение историко-лингвострановедческих и этносоциальных слагаемых международных коммуникаций через призму взаимодействия культур подразумевает использование комплексного подхода, включающего (наряду с собственно языковым фактором) целый ряд специальных научных методик и технологий, в т.ч. семиотики, исторической географии, диалектологии, ареальной лингвистики, изоглосс, лингвокультурологии, этнопсихологии, компаративистики, морфологии, геополитики, лимологии, проблематики перевода языковых единиц с национально-культурной семантикой, которые пока еще недостаточно глубоко проработаны.

Рассматривая этнокультурный контакт (в т.ч. перевод) как акт двуязычной коммуникации необходимо учитывать различия истории, межнациональных дистанций и менталитета её участников. В то же время, контактирующие в переводе языки сами являются носителями национальных культур, нашедших отражение в их лексико-семантических системах и значениях отдельных единиц. Тем самым, лингвострановедческие взаимодействия выступают как элемент межкультурной коммуникации, когда осуществляется языковой контакт представителей разных этнонациональных групп, наций, цивилизаций с целью

передачи содержания, выраженного средствами одного языка, при помощи средств другого языка, с учетом не только сопоставляемых языков, но и культур, исторических традиций, архетипов и психоменталитетов, выраженных в этих языках. Очевидно, что если речь идет о языковой культуре Запада (в широком смысле этого слова), то здесь вопрос более или менее ясен: имеется в виду, как правило, культурная традиция, восходящая в своих истоках к греко-латинскому миру. На Востоке же такой единой культурной традиции попросту нет [2].

В силу этого представляется наиболее продуктивным не абстрактно-теоретическое сопоставление двух типов культур «вообще», а конкретно-предметное исследование разных типов культур, взятых в их исторической целостности. И здесь можно обнаружить чрезвычайно много интересного, познавательного и неизвестного. Так уже в древних эпосах различных народов мы находим специфические генетико-контактные связи и определенные типологические параллели, о чем свидетельствует сравнительное изучение «Гильгамеша», «Махабхараты», «Рамаяны», «Илиады», «Одиссеи». Позднее, на рубежах культурных зон средневековья различных лингвострановедческих ареалов и лимитрофных регионов сформировался целый ряд трансконтинентальных литературных направлений. Наиболее важным и самобытным из них, как представляется, была андалусская школа – синкретическая амальгама арабских (мавританских), испанских, византийских, переднеазиатских, западноевропейских, ближневосточных и индийских элементов.

На их становление и развитие особое влияние, по экспертным оценкам, оказал санскритский сборник рассказов «Панчатантра» (III – V вв. до н.э.). В VI в. эта книга была переведена на среднеперсидский (пехлевийский) язык, в VIII в. переведена на арабский под названием «Калила и Димна», в XI в. – на греческий, в XIII в. – на латынь, с которой была уже переведена на многие европейские языки. К настоящему времени существует более 200 различных переводов на 70 языках мира. Академик С.Ф.Ольденбург заметил, что «Панчатантре» «было суждено после Библии стать одною из самых распространенных в мире книг» [8, с. 41].

Как известно, формирование многих национальных культур Запада происходило в период позднего Средневековья и в эпоху Ренессанса. Однако само становление европейского Ренессанса было бы невозможным без мощного влияния Византии, без арабских посредников между Востоком и Западом и их последователей в Передней Азии, Персии, Индии, Северной Африке. Уже в XVI – XVIII вв. в Англии имели представление о персидской поэзии по переводам из Фирдоуси, Джами, Хафиза, Саади, Хайяма, Руми. Но английские лингвисты не владели высокопрофессиональным персидским языком и пользовались подстрочными переводами, зачастую далеко несовершенными, выполненными «посредниками», т.е. либо англоязычными индийцами, либо арабами. Так, например, Г.Белл, – выпускница Оксфорда, работавшая на дипломатической службе в Иране, – при переводе газелей Хафиза пропускала целые мисра и даже бейты, игравшие важную смысловую роль не только в архитектонике стиха, но и в конструкции всей идеи. [По-видимому, причиной этого был не преднамеренный умысел, а неспособность подобрать «код доступа» к сложным, витиеватым и многослойным древнеперсидским текстам. – Прим.авт.]. При этом её переводы Хафиза считаются одними из самых успешных. Серьезные «упущения» в её работах, по мнению специалистов, кроются в том, что Г.Белл не была ни ориенталистом, ни исламоведом, ни психоаналитиком, а потому не прочувствовала всей глубины скрытой истинной, «высшей», «божественной» философии Хафиза, которая, в отличие от европоцентристского мировосприятия, имела полифоничную, многомерную структуру [9, с.38].

Очевидно, что переводческая компетенция определяется не только билингвальностью переводчика, но и его бикультурностью, т.е. уровнем владения как историко-культурного наследия народа-носителя языка, на который осуществляется перевод, так и знанием традиций, психоменталитета, национального характера того народа, на языке которого создан переводимый текст. Исходный текст для специалиста-коммуникатора выступает не только как языковая сущность, но и в не меньшей степени как часть культуры. Таким образом, проблемы перевода не только билингвистичны, они еще и «бикультурны». Недооценка историко-лингвокультурного и этнопсихологического факторов, незнание местных традиций и специфики способны привести к досадным казусам или грубым просчетам в политике. Так британский резидент Г.Слиман в индийском княжестве Авадх (XVIII в.) пребывал в наивном заблуждении, что представители англосаксонской расы пользуются в регионе всеобщей любовью и уважением. Он писал: «В самой глухой деревушке и на самой шумной улице столицы европейский джентльмен может быть уверен, что к нему отнесутся с самым почтительным уважением» [10, с.89]. Реально же, Слиман питал иллюзии относительно искренности авадахцев. Дело в том, что принятый в Авадхе этикет требовал изысканнейшей, вплоть до подбострастия, лояльности и вежливости к гостям, в ранг которых долгое время попадали европейцы. То, что Слиман принимал за чистосердечное расположение, было лишь следованием авадхской «церемонности» – такаллуф, в соответствии с которой неокказание помощи или гостеприимства старшему по возрасту, званию или чужестранцу расценивалось как ущерб репутации. Это, однако, не подразумевало искренней комплиментарности по отношению к иноземным «визитерам».

Анализируя ошибки, встречающиеся даже у профессиональных дипломатов, международников и референтов, можно сделать вывод, что наряду со знанием языка одним из важнейших условий предупре-

ждения таких ошибок является знание «фактологического материала», реальной действительности, о которой идет речь в переводном тексте, т.е. необходимы «фоновые знания» (своего рода «бэкграунд»), которыми располагает носитель языка. Иначе говоря, в межкультурной коммуникации понимание определяется не только языковой, но и исторической, лингвокультурной, психоментальной и этноконфессиональной компетенцией акторов. В процессе коммуникации не менее значим скрытый внеязыковой – психоисторический и этнокультурный – подтекст социолингвистической конструкции. Определенные сложности и проблемы практически всегда возникают при работе с носителями «лимитрофных культур», представляющими те историко-географические регионы и субрегионы, которые неоднократно меняли свою государственную принадлежность (Лотарингия, Трансильвания, Галиция, Далмация, Саар, Силезия, Гагаузия, Каталония, Тироль, Корсика, Кашмир, Валлония, Карабах, Сардиния, Косово, Аджария, Закарпатье, Ольстер, Буковина, Фландрия, Пуэрто-Рико, Кипр, Занзибар, Курдистан, Палестина, Сицилия, Таврида, Ливия, Латгалия, Пенджаб, Триест, Померания, Белуджистан, Мальта, Аланды, Босния, Гибралтар, Сомали, Стамбул, Катанга, Люксембург, Намибия). Как правило, «передель» и «переформатирования» территориально-географических пространств оказывают влияние («линейное» или опосредованное) и на социокультурные, этноконфессиональные, геополитические, и, разумеется, языковые параметры.

«Наследие прошлого» неизбежно отражается (прямо или косвенно) на настоящем. Нередко именно «фоновые факторы» выступают в качестве своего рода триггера конфликтных процессов, развертывающихся в различных регионах современного мира[5]. Например, один из первых очагов напряженности (переросший позднее в полномасштабную вооруженную конфронтацию) на постсоветском пространстве первоначально возник и разрастался в рамках сугубо культурологического дискурса: публичная дискуссия между лидером абхазской общины доктором филологических наук В. Ардзинба и грузинским общественным деятелем З. Гамсахурдиа, - сыном известного грузинского писателя Константина Гамсахурдиа, - по проблемам национальной культуры и языка очень быстро трансформировалась в острую полемику и бескомпромиссный спор со взаимными обвинениями. Далее они (обвинения) переросли во взаимные претензии и оскорбления. Ситуация в закавказском регионе взорвалась, когда З. Гамсахурдиа, будучи законно избранным президентом Грузии, запретил использование на территории страны всех других языков, - кроме грузинского. В самобытной и древней Абхазии это было воспринято как прямое покушение на основы собственной культуры, языка, национальных традиций и статус самой автономной республики: лингвокультурный конфликт стремительно перерос в кровопролитную этнополитическую войну[4]. Итогом ожесточенных боевых действий стало возрастание до высшей точки градуса ненависти между грузинами и абхазами (который стабильно сохраняется в этом состоянии уже более четверти века) и самоопределение независимой Абхазской Республики.

Современная практика свидетельствует, что «ассиметрии» и «аномалии» в этнолингвистических и социокультурных коммуникациях зачастую служат «стимулятором» роста конфликтогенных факторов, дестабилизирующих положение во многих районах мира. Так, руководством Турции запрещалось преподавание курдского языка в школах и ВУЗах, использование его в средствах массовой информации, издание на нем литературы, и, даже упоминание самого этнонима и истории многомиллионного курдского меньшинства, что индуцирует и подпитывает затяжной трудноразрешимый конфликт.

Учет этоса, национальных традиций, родной культуры адресата крайне важен и при работе с представителями как крупных национальных общностей (например, шотландцами, бенгальцами, баварцами, сикхами, фламандцами, курдами, боснийцами, ирландцами, пуштунами), так и малочисленных субэтносов (баски, кашубы, латгальцы, друзы, саамы, осетины, берберы, лемки, абхазы, фризы, тамилы).

Сегодня, в условиях глобализации и динамично меняющегося мира, когда одновременно актуализируются как проблемы модернизации, так и самоидентификации, важно определиться с выработкой сбалансированной и гибкой этносоциальной и языковой политики. Игнорирование историко-лингвистических и культурологических аспектов жизнедеятельности не только деструктивно само по себе [3], но и способно, как доказывает практика, вызвать обострение конфликтогенных факторов[4], привести к дезинтеграции, разделению и взрыву этнополитических конфронтаций.

Наглядным тому подтверждением является состояние гражданской войны и ожесточенной конфронтации на Украине (в соответствии с грамматикой русск. языка. – Прим.авт.), одной из важнейших причин которой, стала именно языковая проблема. А также историко-культурная. Отказ политэлиты Западной Украины (представители которой доминируют во властных структурах Киева) от цивилизованного и общераспространенного принципа билингвизма, т.е., по сути, лишение жителей Востока Украины законного права на использование родного языка (коим для них является русский) вызвал взрыв возмущения и протеста в данном регионе. Само по себе, отрицание украинско-русского двуязычия прозападной правящей верхушкой стало сильнейшим катализатором хаотизации и деградации положения на Юго-Востоке и в Причерноморье (когда под маркой «украинизации» СМИ и образования осуществляется мимикрирование и камуфлирование иной, и, совершенно конкретной и долговременной цели, - латинизация языка, манкуртизация и перекодирование сознания людей, ибо язык всегда является носителем и хранителем культуры. – Прим.авт.).

Автор, которому целый ряд лет довелось работать во Львове (в т.ч. в архивах и научно-исследовательских центрах), полагает необходимым акцентировать внимание на историко-культурном аспекте: по существу на протяжении последних 350-400 лет Запад и Восток Украины жили в разных этноконфессиональных и лингвострановедческих измерениях: униатский Запад традиционно был ориентирован на Ватикан и совокупный Западный мир (и религиозно, и культурно, и ментально); Восток (со времен Переяславской Рады) был тесно связан с Россией (Московский Патриархат и православие, русский язык, экономические, торговые, гуманитарные, военные связи). По сути, под одним этнонимом сосуществуют два соседних, но разных народа (при детальном анализе идентификационных маркеров легко установить, что различий между ними значительно больше, чем «общенациональных основ»); не только слэнг («суржик»), но даже звукоизвлечение жителей Львова и Тернополя существенно отличаются от произношения жителей Полтавы и Харькова (конфликтный процесс и принятие законов 2018 г. вроде «О реинтеграции Донбасса» только углубляют отчуждение между двумя частями. – Прим.авт.). Хотя задача «слепить новых украинцев» («евроориентированных» и дистанцированных от России) была сформулирована г-ном Кучмой (который числился тогда в «наших друзьях») еще два десятка лет назад в его книге с симптоматичным названием «Украина – не Россия». З.Бжезинский развил, дополнил и углубил данную посылку, разработав концепцию отрыва Украины от России (это легко делается через продажные «элиты». – Прим.авт.). Политическая недалекость, дефицит реализма и здравого смысла чреватые крайне негативными последствиями и в отношениях с самими «ласковыми друзьями» и «добрыми соседями». Факты – упрямая вещь.

В этой связи представляется уместным напомнить, что обращения совчиновников, например, к представителям ЧССР – «дорогие товарищи чехословаки» - вызывало чувство недоумения и ухмылки как у чехов, так и у словаков (наблюдал самолично-Прим.авт.), т.к. рядом живут два самостоятельных народа со своей культурой, историей, языком и т.д.; аналогичная реакция проявлялась при использовании доморощенными номенклатурщиками термина «югославы» (которые, как выяснилось позднее, представляют собой агломерацию разнородных народов и этносов). Нынешняя ситуация на Украине отнюдь не уникальна – «антагонистичные пары» не редкость в глобальном мире: так, живущие на Балканах бок о бок «братские славянские народы» – хорваты и сербы – предпочитают изничтожать друг друга на протяжении многих десятилетий; есть великий китайский народ, но две его части – «островная» (Тайвань) и континентальная (КНР) не отличаются особым дружелюбием; арабы имеют общие религию, святыни, литературный язык, образ жизни и традиции, но число конфликтов здесь «зашкаливает», превосходя многие иные этносы и регионы. Думается, что затертый штамп «братские народы» не всегда используется правомерно и по делу.

Таким образом, вся история международных отношений и внешней политики свидетельствует, что миру изначально было присуще свойство «цветущей сложности» (полицентризм): так для органических цивилизаций Востока, вопреки некоторым околонульным заблуждениям иностранцев, такие базовые компоненты, как синтоизм, буддизм, конфуцианство не только не стали препятствием, но и стимулировали развитие «тигров» и «драконов» Азиатско-Тихоокеанского региона; на Западе протестантизм, лютеранство, кальвинизм динамизировали научно-технический прогресс; равным образом свою самобытную «грамматику жизни» имеет и Россия.

Она основана на тысячелетней культуре православия, которая, как отметил Патриарх Московский и Всея Руси Кирилл в своем сравнительно-сопоставительном исследовании «Соборность и демократия» (Смоленск, 2005), которая характеризуется известным своеобразием, отличающим её от Запада: «Демократия является принципом, выработанным на Западе в странах евро-атлантического региона. По этой причине любой демократ в России вынужден априори обращаться с понятием демократии как с шаблоном, сравнивая российскую общественно-политическую жизнь с западным эталоном. В результате он запрограммирован на две разновидности выводов: находить сходства, либо расхождения российской действительности и демократической модели. Но это лишь есть знакомый всем принцип прокрустовы ложа. Во-первых, этот метод ведет к интеллектуальной ограниченности и идеологической зашоренности. Во-вторых, происходит отрицание самобытности национальной жизни, поскольку её многие положительные черты оказываются невостребованными» [с.1-2].

Начало XXI века, - с «глобальными сетями» Интернета, гибридными противоборствами, санкциями, «толерантностями», кибервойнами, фобиями, «списками изгоев», двойными стандартами, деградацией культуры - не внушает особого оптимизма относительно достижения элементарного взаимопонимания и сотрудничества (примитивизм политистеблишмента, потрясающая некомпетентность лидеров и политэлит, «обладающих» дефицитом психоисторических и этнокультурных знаний, налицо. – Прим.авт.). Глобальная проблема обретения «совместного будущего в разобщенном мире» крайне остроактуальна, но трудноразрешима. Несмотря на весь драматизм реальности, представляется, что шанс пока еще есть. Кризис недоверия преодолим через открытый, конструктивный и честный диалог (прежде всего между Востоком и Западом). Но для этого необходима добрая воля двух сторон, ибо «одной рукой не похлопаешь».

1. Бромлей Ю.В., Пучков П.И. Типология этнических процессов // Отв.ред.Б.Б.Пиотровский. Всемирная история и Восток: Сб.статей.М.: Наука, 1989. 274 с.

2. Востриков С.В. Ближневосточные трансформации в контексте глобализации // Проблемы безопасности российского общества. 2016. №2 (ISSN 2307- 4396).
3. Востриков С.В., Богатчикова К.С. Индийский федерализм в мировом измерении: правовые и историко-политические основы. Учебн. пособие. Смоленск: Универсум, 2009. 72 с.
4. Востриков С.В. Конфликты в «ближнем зарубежье» и стабильность в Азии. М.: Институт востоковедения РАН, 1997. 258 с.
5. Гуревич П.С. Кризис ценностных ориентаций // Вестник аналитики. 2006. №3. С. 83-90.
6. Райгородский Д.Я. Психология народов и масс. Самара: БАХРАХ-М, 2006. 524 с.
7. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций // Полис. 1993. №3.
8. Цит. по: История всемирной литературы. Т.2. М., 1984. 753 с.
9. Farzaad M. Hafez and his poems. L., 1953. 126 p.
10. Sleeman in Oudh. An Abridgement of W.H. Sleeman's «A Journey through the Kingdom of Oudh». Cambridge, 1971. 287 p.
11. Snyder G. The Real Work. N.Y. 1980. 342 p.

ОБРАЗОВАНИЕ И МИРОВОЗЗРЕНИЕ: К ВОПРОСУ О ПРЕДПОСЫЛКАХ КРИЗИСА СОВРЕМЕННОЙ КУЛЬТУРЫ

И.Н. Колядко (Минск, Беларусь), Н.С. Колядко (Слуцк, Беларусь)

«... существо пайдеи не в том, чтобы загрузить неподготовленную душу голыми знаниями, словно первый попавшийся пустой сосуд. Подлинное образование, наоборот, захватывает и изменяет саму душу в целом, перемещая сперва человека в место его существа и приучая к нему»
М. Хайдеггер. Учение Платона об истине [9, с. 350]

Философская рефлексия, как и во все времена, пытается поколебать ставший привычным, «само собой разумеющийся», обыденный взгляд на действительность, поставить под вопрос тот *образ мира*, который стихийно складывается в сознании каждого человека и включается в ткань его мировоззрения. Такая деструктивная роль философии непосредственно вытекает из природы человеческого духа, который, по мысли Гегеля, может отбросить требования понимания только в случае насилия над собой, «ибо самостоятельность сознания требует своего удовлетворения, не позволяет силой отторгнуть себя, и здоровый дух не может отказаться от самостоятельного мышления» [3, с. 243-244]. «Заброшенность» человека в мир уже самим своим фактом вызывает к мышлению, в котором человек реализует свою сущностную потребность в постижении и понимании многообразия мира и своего места в нем. Философия постигает мир в его отношении к человеку, являясь своего рода *искусством осмысляющего мышления*.

Рассмотрим сквозь призму этого искусства сущность и специфику образования и мировоззрения в их отношении к смыслу человеческого бытия и в связи с феноменом кризиса общества современного типа («modern society»).

Образование представляет собой один из эффективных способов репрезентации культуры во всей ее целостности, а также способ ее сохранения, трансляции и развития. В этой связи можно говорить о том, что одной из важных, первостепенных задач образования является усвоение индивидами как совокупности знаний, так и определенной системы ценностей, «мировоззренческого кода». В процессе обучения и воспитания происходит целенаправленное формирование, построение определенной «картины мира» в сознании, позволяющая индивиду интегрироваться в традицию, стать частью конкретной культурно-цивилизационной идентичности. Очевидно, различные культуры представляют различные «картины мира» и совершенно по-разному определяют идеалы и цели человеческой деятельности. Образование осуществляется в соответствии и с опорой на санкционированные культурной традицией представления, духовно-нравственные и ценностные ориентиры, формируя, таким образом, духовный облик индивида в целом. Так, в системе образования осуществляется культивирование того идеального образа, на который, в конечном счете, и ориентируется реальный человек в своей деятельности.

Если в обществе традиционного типа образовательная модель носила сословный характер, а мифологические и религиозные представления играли определяющую роль в формировании мировоззрения индивида, то в эпоху Нового времени под влиянием набиравших силу демократических тенденций сословная образовательная модель была вытеснена системой всеобщего образования. «Всеобщее образование, — отмечает в этой связи А. Дугин, — мыслилось как инструмент превращения разнобразной сословной системы в однородное общественное поле, в котором каждый человек формируется в одинаковых условиях» [5]. Поскольку культура модерна оформлялась по принципу отталкивания, отчуждения от предшествовавшей ей религиозной традиции, соответственно этому закладывались основы секулярной (светской) образовательной модели с соответствующей ценностной иерархией, системой идеалов и норм. Новая образовательная модель формировалась с опорой на радикально противоположное предшествовавшему периоду «темных» Средних веков понимание природы человека, сущности человеческого общества и культуры, т.е. на новую систему ценностей, прежде получивших рационально-теоретическое обоснование и интерпретацию.

Трансформировались не только ценностные и мировоззренческие системы, но также и способы их трансляции. В традиционном обществе образование, во-первых, носило сословный характер, что, в свою очередь, предполагало понимание специфики структурирования общества, принципиальной неоднородности общественного поля и признание уникальности каждого сословия; во-вторых, образование носило *целенаправленно* религиозный характер. Идейной основой образовательной модели традиционного общества являлись те или иные религиозные убеждения, образующие «мировоззренческий код» культуры в целом: католической, протестантской, православной, мусульманской и т.д. Доминирующая сегодня современная образовательная модель, как известно, позиционирует себя в качестве «светской», акцентируя внимание на своем нерелигиозном характере. Однако, как отвечает С.В. Голубев, современная школа, хотя и позиционирует себя в качестве светской, все же «... имеет определенную идейную основу и соответствующую систему ценностей. Составляет эту основу идеология либерализма» [4, с. 267]. Закономерным следствием воплощения идеологии либерализма и соответствующих ей ценностных приоритетов является *императивно* осуществляемый и сегодня проект всеобщего образования для всех сословий общества.

И хотя на словах часто постулируется деидеологизация системы образования и его относительная самостоятельность, отсутствие тотального контроля со стороны государства, все же представляется абсурдным полагать, что процесс воспитания и социализации личности осуществляется вне опоры на определенную систему ценностей, оказывающих исключительное влияние на формирование мировоззрения. Сегодня можно говорить лишь об иных средствах и методах, посредством которых осуществляется идеологизация сознания человека, но никак не о «ценностно-нейтральном» статусе современного образования и культуры в целом. Все мы являемся свидетелями интеграции идеологии в более глубокий уровень сознания, в форме т.н. «мягкой идеологии» («soft ideology»), которая усваивается опосредованно «в самом процессе потребления, развлечений, просмотра программ телевидения, участия в сетевых структурах и пользовании высокотехнологическими предметами – компьютерами, мобильной связью и т.д.» [5]. Все это, в сущности, не проходит бесследно для индивида, а оказывает влияние разной степени и силы на формирование его мировоззрения. Культивация «образа» индивида в соответствии с принятой в обществе ценностной моделью является сущностью образования на всех его этапах, формируя общественного субъекта, призванного быть носителем санкционированного государством «мировоззренческого кода».

Кризис современной культуры в своих истоках непосредственно связан со спецификой генезиса и эволюции доминирующего «мировоззренческого кода» в обществе современного типа («modern society»), осуществлять преемственную передачу которого призвана система образования. Посредством системы образования, обеспечивающей единство мировоззренческого поля, государство создает «символический капитал» (П. Бурдьё) своей власти, интегрируя и упорядочивая общественно-политическую систему [1]. Такая тесная взаимосвязь образования и мировоззрения с одной стороны и идеологии и культуры с другой, позволяют говорить об общих предпосылках и критериях кризиса современного общества. Вместе с тем, рассмотрение указанных выше проблем невозможно без обращения к специфике представлений о сущности и природе человека в современной культуре субъективности, поскольку от того, как мы отвечаем на основополагающий, по мысли И. Канта, вопрос – «Что такое человек?» – во многом зависит наше представление о целях и сущности образования и, шире, культуры.

Суть представлений о природе человека, сложившихся в эпоху Нового времени европейской истории, точно выразил Г. Гегель, рассматривающий «весьма обычное воззрение на историю философии как перечень мнений», и акцентирующий внимание на свойственной исключительно Новому времени «защите прав разума», который «... делает субъективное масштабом, указывающим, что именно должно быть признано, делает именно этим масштабом собственное убеждение в том виде, в каком каждый составляет его себе в своей субъективности» [2, с. 79]. Принцип субъективности пронизывает все здание европейской культуры Нового времени, являясь одним из фундаментальных принципов социальной парадигмы модерна. Парадигма формирует соответствующую своим основополагающим принципам и мировоззренческим структурам «картину мира» с определенной системой представлений и ценностей. Век Просвещения радикализует, углубляет до крайностей принципы современности, в XX столетии образование становится массовым, от человека все более «отчуждается его собственная сущность» (К. Маркс), оптимизм и вера в прогресс уступают место «дискурсу кризиса» (П. Штомпка), формируется кризисное сознание, «диктатура общественного мнения» («das Man») заступает место «осмысляющего мышления» (М. Хайдеггер). Эти характеристики и в то же самое время *параметры кризиса* современной культуры являются следствием «внутренней, духовной трещины» (А. Дж. Тойнби), а современный нам «период великого всемирного беспорядка» (И. Валлерстайн) может быть преодолен путем возвращения человеку как мыслящему существу его сущности. Ведь и подлинное Просвещение в понимании И. Канта – это не существование некоей суммы знаний, которая распространяется среди людей, а *совершенствование человечества*, его духа, мужество пользоваться собственным умом, позволяющее делать твердые и уверенные шаги в жизни, постигать мир и заботиться о смысле своего человеческого «бытия-в-мире» [6, с. 29-37].

Без восстановления адекватного человеческой сущности «образа» представляется принципиально невозможным подлинное образование индивида, его развитие, что, несомненно, является одной из причин

кризиса современной культуры. Образование, способное «захватить и изменить саму душу в целом» (М. Хайдеггер), образование как *культура души*, а не расчетливо-прагматическая затея в целях достижения сиюминутных результатов наиболее желанно для полноценного развития общества, совершенствования индивидов. Вместе с крупным русским богословом В.И. Несмеловым можно говорить о том, что «... вся сущность образования заключается только в познании человеком правды о себе, и образование выражается лишь ясным представлением человека о своем значении и назначении в мире в качестве свободно-разумной личности» [8]. Поскольку «собственным выражением образования, – поясняет В.И. Несмелов, – служит разумная выработка цельного мировоззрения, а для выработки мировоззрения недостаточно наполнить свою голову преогромным множеством всяких познаний, а нужно еще создать в голове *живое ядро* (курсив наш – И.К.), которое могло бы всасывать в себя нужные ему материалы из всей груды приобретенных познаний и, развиваясь на счет этих материалов, могло бы вырасти в живой организм ясных представлений о мире и человеке и вместе с тайной бытия могло бы осветить человеку ценность и цель его личности» [7, с. 595-596].

Взаимосвязь образования и мировоззрения с кризисными явлениями нашей «поздней современности» (Э. Гидденс) очевидна. С целью преодоления их деструктивных последствий стоит задуматься над тем, какой культивируемый «образ» наиболее соответствует природе человека как свободно-разумной личности. Очевидно, если кризис современной культуры является следствием человеческой активности, то, соответственно, и разрешение этого кризиса необходимо начинать с четкого представления о сущности человека – удивительного архитектора и еще более грандиозного разрушителя создаваемых им культуры и цивилизации.

1. Бурдьё, П. Дух государства: генезис и структура бюрократического поля [Электронный ресурс] / П. Бурдьё // Социологическое пространство Пьера Бурдьё. – Режим доступа: <http://bourdieu.name/content/duh-gosudarstva-genezis-i-struktura-bjurokraticheskogo-polja>. Дата доступа: 19.10.2016.
2. Гегель, Г.В.Ф. Введение в историю философии / Г.В.Ф. Гегель // Лекции по истории философии: в 3 т. / 2 -изд. – Санкт-Петербург: Издательство «Наука» (серия «Слово о сущем»), 2006. – Т. 1. – С. 69-159.
3. Гегель, Г.В.Ф. Лекции по философии религии / Г.В.Ф. Гегель // Философия религии. В 2-х томах / Отв. ред. А.В. Гулыга. Пер. с нем. М.И. Левиной. – М., Мысль, 1975. – Т. 1. – С. 205-410.
4. Голубев, С.В. Религия и образование в современном обществе / С.В. Голубев // Духовно-нравственное воспитание на основе отечественных культурно-исторических и религиозных традиций и ценностей : материалы Междунар. науч.-практ. конф., Жировичи, 27 мая 2010 г. / Нац. акад. наук Беларуси, Ин-т философии, Белорус. Экзархат Моск. Патриархата Рус. Правосл. Церкви; науч. ред. совет: М.В. Мясникович, Высокопреосвящ. Филарет [и др.]. – Минск : Беларус. навука, 2010. – С. 266-268.
5. Дугин, А.Г. Мировоззрение и образование / А.Г. Дугин // Центр консервативных исследований [Электронный ресурс]. – 2010. – Режим доступа: <http://konservatizm.org/konservatizm/books/200710170214.xhtml>. – Дата доступа: 17.10.2016.
6. Кант, И. Ответ на вопрос: Что такое Просвещение / И. Кант // Сочинения. В 8-ми т. / М.: Чоро, 1994. – Т. 8. – С. 29-37.
7. Несмелов, В.И. К вопросу о цели образования (Ответ критику Русской мысли г.В.К.) / В.И. Несмелов // Православный собеседник [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://static.my-shop.ru/product/pdf/129/1287927.pdf>. Дата доступа: 19.10.2016.
8. Несмелов, В.И. О цели образования / В.И. Несмелов // Православный собеседник. – 1898. – № 2. – С. 585-612.
9. Хайдеггер, М. Учение Платона об истине / М. Хайдеггер // Время и бытие: Статьи и выступления: Пер. с нем. / М. Хайдеггер. – М.: Республика, 1993. – С. 345-361. – (Мыслители XX в.).

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ СКАНДИНАВСКОЙ МИФОЛОГЕМЫ ХАОСА В СОВРЕМЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ ШВЕЦИИ (НА ПРИМЕРЕ КНИГИ «ВОДА ПРИТЯГИВАЕТ» М. БЭК)

Н.Г. Шпаковская (Минск, Беларусь)

Введение. Основываясь на анализе сборников мифов «Старшая Эдда» и «Младшая Эдда», записанных в 13 веке, можно утверждать, что хаос в скандинавской мифологии выражен, в первую очередь, в образах великанов (ётунов, турсов), которые представляли собой природное, стихийное, не социализированное начало в человеке и олицетворяли первозданный хаос, предшествующий сотворению миру. С великанами вели вечную борьбу отражающие человека культуры и цивилизации боги-асы.

Согласно мифам, великаны жили в Ётунхейме, Утгарде, т.е. мире за пределами поселения богов и людей. В оппозиции свое-чужое великаны представляли собой внешнюю угрозу, непредсказуемую опасность. Ландшафт их места обитания, судя по всему, представлял собой горы, пещеры и каменные образования. «В камне живущая» говорится об одной великанше в «Старшей Эдде» [3, с. 301].

Позже в сказках, когда мифы прошли процесс «десакрализации» [4, с. 284 – 297], великаны стали изображаться уродливыми глупыми существами, которых при помощи смекалки побеждает обычный человек. Противостояние свое-чужое получило социальную окраску, вследствие чего великаны приобрели черты богачей-эксплуататоров. Аспект, связанный с восприятием великанов как природных сил хаоса, был нивелирован.

Представляется интересным провести анализ интерпретации мифологемы хаоса в современной шведской литературе. В качестве материала для исследования выбран роман Маделен Бэк «Вода притягивает».

Цель статьи: охарактеризовать, как мифологема хаоса представлена в романе М. Бэк «Вода притягивает», и сформулировать основные принципы трансформации данной мифологемы.

Основная часть. Роман М. Бэк вышел в печать в 2015 году в ведущем издательстве художественной литературы Швеции Natur & Kultur.

В книге мифологическое мировоззрение тесно переплетается с наполненной социальными проблемами реальностью. Место событий – небольшой городок на севере Швеции, в котором, несмотря на мнимую пасторальную тишину, начинают происходить, с одной стороны, необъяснимые, а с другой, пугающе обыденные вещи, говорящие о глубоком кризисе в умах и душах местного населения.

Завязкой сюжета становится жажда наживы пяти друзей, ворвавшихся в городскую церковь, чтобы украсть там старинную икону. Вместе с иконой один из участников операции, Виктор, выносит странный камень, который в символическом контексте становится куда более значимым, чем лик украденной Мадонны.

Камень очень необычный на ощупь. Он теплый и гладкий. Он легкий, и к нему приятно прикасаться. Он позвал Виктора в церкви и заставил его наставить нож на своих поделщиков, не желающих возиться с откалыванием из стены какого-то там камня. Очень скоро камень приобретает свойства чего-то одушевленного, того, что управляет своим владельцем и освобождается через него.

Всего лишь через несколько дней после ограбления церкви Виктор проходит что-то вроде тайного посвящения, приобщения к силе камня, он устанавливает контакт, становится, неосознанно для самого себя, проводником той необузданной энергии, что заключена в камне.

«Поверхность обжигает. Непосредственный контакт.

Торф. Железо. Сырость. Соль. Трава. Тьма..

Оно говорит.

Тяни..

И Виктор знает. Что-то под ним хочет вырваться. Он должен помочь этому.

Он наполняет легкие воздухом. Вдыхает так, что болит внизу живота. Потом он выдыхает и перекладывает весь вес своего тела на камень. Прижимает его к границе между мхом и песком. Между лесом и потоком воды.

«Выходи», – думает Виктор. Потом он говорит это: «Выходи».

Он смотрит на камень. Поверхность изменилась. Маслянистость, что раньше только угадывалась, теперь проступала в четких блестящих темных пятнах. Из изумрудно-зеленого к бензинно-голубому и насыщено лиловому. Все мелкие царапины исчезли. Отпечаток руки очень четкий. Поверхность камня открылась, чтобы принять и идеально окружить контуры его руки.

Когда рука тонет в тепле камня, он что-то слышит. Слова шумят в голове. Темные, разносящиеся эхом и сильные, они перекрывают любой другой звук:

Где вода притягивает

Мы должны бродить.

Виктор не может дышать. Слова дотрагиваются до его сердца...Меняют ритм в нем самом.

Снова и снова звучит строчка в теле Виктора:

Где вода притягивает

Мы должны бродить.

У него нет выбора. Он должен говорить эти слова. Кричать их. Опять и опять. И каким-то образом, даже если он не может описать каким, он знает, что то, что происходит теперь, это навсегда» (перевод со шведского автора публикации) [1, с. 58 – 59].

Как говорилось ранее, согласно «Старшей Эдде» и «Младшей Эдде», камни, горы могли восприниматься как жилища великанов, т.е. были своеобразной колыбелью хаоса.

В романе М. Бэк злополучный камень каким-то образом связан с появлением юноши по имени Эстре, который выглядит, как греческая статуя. О нем знают только трое. Поддавшаяся его чарам Селиа и два ее друга. Первая становится жертвой, два вторых – свидетелями убийства.

«Селиа и Эстре все еще внизу возле ручья. Но теперь в воде. Селиа лежит на спине в мелкой водоотводной борозде с Эстре наверху. Согнувшись, словно хищный зверь, он сидит над ней. Он наклонил голову Селии назад, в воду, так, что только лицо выглядывает. Что-то движется в воздухе вокруг них. Беата сначала не видит, что это. Похоже на сеть...

Корни.

Осознание бросает Беату в дрожь.

Тысячи корней.

Вся земля вокруг Селии и Эстре, кажется, живет. Дергается.

Нитей корней становится все больше. Тонкие и белые, они протягивают свои призрачные пальцы к телу Селии. На ощупь окружают ее.

Они связывают ее...

Эстре превращается...

Кожа Эстре плавится. Черты лица размываются и становятся чем-то иным. Блестящим, красным, ровным и влажным...

... девушка исчезает под водой. Корни следуют за ней. Они обвиваются вокруг нее. Плотно ложатся вокруг кожи, тянут ее за собой, вниз, в воду» [1, с.190 – 191].

Хаос у М. Бэк, так же, как и в мифах, тесно связан, с одной стороны, с силами природы, с другой, – с природным началом человека, с его самыми древними инстинктами, которые любая культура пытается облагородить. Из всех инстинктов на первый план выходит либидо. Сила камня заключается в том, что он может приводить десятки людей одновременно в состояние непреодолимого возбуждения, заставляя их забыть, кто они, где они, что они делают.

Порожденный Эстре хаос усугубляется социальными проблемами города, в котором процветает коррупция, незаконная торговля алкоголем и уличная преступность. Получивший с помощью камня контроль над желаниями людей Виктор использует свою силу, чтобы отомстить врагу и вырваться из порочного круга преступлений. В итоге он убивает обидчика и убегает из города.

М. Бэк показала последствия потакания своим природным (животным) инстинктам в не обеспокоенном моральными принципами обществе. Изображаемый ею город – словно Содом и Гоморра, где мораль присутствует лишь в форме ханжества. С помощью мифологемы природного хаоса, интерпретированной в образе Эстре, писательница гиперболизирует поднятую проблему. В процессе трансформации мифологемы М. Бэк сфокусировалась на эротической составляющей концепта природных инстинктов и в гротескной форме, заставляющей вспомнить о вакханалиях, описанных в романе П. Зюскинда «Парфюмер», отразила крайнюю степень бесконтрольного стремления к наслаждению и удовлетворению только своих индивидуалистских потребностей.

Описанные М. Бэк последствия действия камня напоминают сатурналии, что озаменовывали конец одной временной эры и начало другой. Подобные ритуальные празднества устраивались, чтобы, согласно М. Элиаде, «уничтожить истекшее время, устранить историю, дабы постоянно, посредством повторения космогонического акта, возвращаться *in illo tempore*» [5, с. 129]. Хаосу в космическом плане, который олицетворяли «живущие в камне» великаны, в общественном смысле соответствует вакханалия.

Согласно скандинавской мифологии, мир был создан из тела великана. Примечательно, что в эсхатологическом сценарии великанам также отводится значимая роль. Темное, неупорядоченное начало ётунов четко выражено в натуре бога-трикстера Локи, который по своему происхождению – великан, хоть и живет вместе с асами. Этот плут становился причиной целого ряда проблем, многие из которых потом, правда, сам же помогал разрешать. Именно он породил существ, из-за которых, как говорится в сборниках мифов, наступит конец света, и именно он убьет бога Бальдра, что станет предпосылкой «гибели богов». Таким образом, мир, рожденный из хаоса, должен снова погрузиться в хаос.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что освобождение неподконтрольных сил природы связывается в романе с грядущим преобразованием старого мира, который изжил себя, погрязнув в проблемах и грехах. Катастрофические последствия вырвавшейся на свободу стихии заставляют героев книги менять отношение к своей жизни, открывать в самих себе новые грани характера и делать определяющий их судьбу выбор.

Мифологема хаоса, таким образом, приобретает форму темной стороны личности, которая в социальном отношении связана с пренебрежением морально-нравственными и правовыми нормами, а в психологическом – с радикальными невротическими проявлениями бессознательного.

Заключение. М. Бэк обращается в своем романе «Вода притягивает» к характерному для скандинавской мифологии мотиву хаоса, чтобы подчеркнуть последствия социальных проблем в описываемом ею городе (алкоголизм, подростковая преступность, безработица, коррупция). Вместо великанов, олицетворявших деструктивные силы природы, М. Бэк создает образ юноши-монстра, который контролирует как природу вокруг нас (флора, вода), так и внутри нас (бессознательное, инстинкты). В мифологеме соединяются внешние силы природы и внутренняя, не знающая сдерживающих норм морали, «нецивилизованная» природа человека.

Таким образом, основным принципом трансформации мифологемы хаоса становится акцентуализация социально-психологической составляющей и перенесение мифологемы из контекста космогонии и эсхатологии в плоскость внутриличностного конфликта.

1. Bäck, M. Vattnet drar / M. Bäck. – Stockholm : Natur&Kultur, 2015. – 422 s.
2. Sturluson, S. Nordiska kungasagor / Snorre Sturluson. – Stockholm : Fabel, 1996. – 320 s.
3. Беовульф. Старшая Эдда. Песнь о Нибелунгах. – М. : Художественная литература, 1975. – 751 с.
4. Мелетинский, Е. Избранные статьи. Воспоминания / Е. Мелетинский. – М. : РГГУ. – 1998. – 575 с.
5. Элиаде, М. Миф о вечном возвращении / М. Элиаде. – СПб. : Алетей, 1998. – 258 с.

А.П. ЧЕХОВ И Л.Н. ТОЛСТОЙ КАК ПИСАТЕЛИ-ТЮРЬМОВЕДЫ

С.И. Лякишева (Ясная Поляна, Россия)

Обоснованием тюремной политики разных государств, созданием концепций об организации специальных учреждений, разработкой проектов реформ в законодательстве и методов обращения с осуждёнными занимается специальная отрасль научных знаний - тюрьмоведение, или пенитенциарная область, относящаяся к юридическим наукам. Известные писатели, выдающиеся общественные деятели, Чехов и Толстой изучали пенитенциарную систему России XIX века. Их исследования, отраженные в научно-документальных путевых записках А.П. Чехова «Из Сибири» и «Остров Сахалин» и в социально-обличительном романе Л.Н. Толстого «Воскресение» повлияли не только на читающую Россию, но и на дальнейшее реформирование тюрем.

В 1890 году А.П. Чехов основательно готовился к поездке на Сахалин¹. «Чехов уезжал в апреле 1890 года, проштудировав за зиму все труды по истории, этнографии и тюрьмоведению, какие мог найти в библиотеках», - писал М. Громов¹. Результатом поездки стала книга о русских заключённых с портретными и пейзажными зарисовками, с обзором подлинных документов и статистических данных.

Сибирь и Сахалин предстали перед читателями в непривычном виде. В книге рассказывалось о каторге и каторжанах. Освоение окраинных территорий было важным этапом в становлении базовых отраслей промышленности Сахалина: угольной, нефтяной, рыбной, лесной и сельского хозяйства. Главной рабочей силой становились осужденные преступники. На Сахалине учащались факты произвола, насилия, беззакония, и именно эта картина предстала перед писателем, где он, три месяца занимаясь основной работой – переписью населения, посетил все тюрьмы, колонии и поселения, а также изучил локальные и масштабные проблемы, связанные с организацией исполнения наказания. Он особо выделил следующие: отсутствие юридического определения каторги¹, нехватку знаний руководства о характере назначаемых работ и возможностях их выполнения в связи с географическими условиями, несовершенство Тюремного устава.

В письме к А.С. Суворину 30 августа 1891 года Чехов писал: «...А Сахалин тем хороши, что он жил бы после меня сто лет, так как был бы литературным источником и пособием для всех занимающихся и интересующихся тюрьмоведением... У меня вышла интересною и поучительною глава о беглых и бродягах...»¹. Ситуация с побегами интересовала А.П. Чехова потому, что географическое положение Сахалина исключало побеги каторжных, ссылка на остров признавалась безвозвратной, однако побеги всё-таки случались и становились временным спасением для самых отчаянных (и отчаявшихся) заключённых.

Писатель как врач обращал внимание на санитарные условия. Еще в студенческие годы ему были известны работы автора первых отечественных руководств по гигиене, поэтому он с лёгкостью определил, что в рыковской тюрьме в отхожем месте хорошая вентиляция сделана по руководству известного врача-гигиениста, профессора Эрисмана Ф.Ф. «Курс гигиены»¹.

Описывая каморку Александровской ссыльнокаторжной тюрьмы, Чехов заметил на подоконнике «книжку и кусок черного хлеба»¹. Он не считал это случайностью, так как занимался вопросами народного образования в Москве и Таганроге и не считал потребность в чтении среди заключённых чем-то нехарактерным. После поездки на Сахалин Чехов в первую очередь озадачился подбором и пересылкой книг заключённым. В Москве к сахалинским делам он подключил родственников и знакомых – они обходили обеспеченных москвичей с подписными листами. Писатель надеялся, что в первую очередь книги могут заинтересовать детей каторжников. Во время деловых поездок в Петербург он хлопотал об улучшении положения сахалинских детей, отправлял посылки с книгами и учебниками для сахалинских школ, организовывал сбор средств в помощь детям Сахалина.

С. Фельдман, с которым Чехов познакомился в Корсаковском, писал: «Я не могу позабыть Вашего пребывания в Корсаковке, которое нас всех заставило очнуться от той безобразной, бесцельной жизни, свидетелем которой Вы были сами»¹. Заметим, что далеко не всё, что узнавал Чехов о жизни заключённых, можно было описать в книге. Значительная часть информации по понятным причинам не пропусклась цензурой, оставалось «за кадром», но уже то, что удалось опубликовать, имело резонанс в общественных кругах.

Не менее важный исследовательский путь в области тюрьмоведения прошел Л.Н. Толстой. Фактические сведения относительно жизни заключённых, их юридических прав, режима тюрьмы и каторги, он собирал в период работы над романом «Воскресение» (1889-1899). Известно, что сюжетный замысел к нему возник под впечатлением рассказа прокурора А. Ф. Кони об одном случае из его судебной практики. «Смутно набираются данные... для Коневской повести», – записал Толстой в Дневнике 17 декабря 1889 года. Эти данные потому и набирались «смутно», что тема изучения пенитенциарной системы в России, без которой роман написать было бы невозможно, потребовала от Л.Н. Толстого одиннадцать лет работы.

За это время он несколько раз принимал личное участие в облегчении участи осуждаемых. 27 ноября 1890 года он с дочерью Марией и двумя племянницами ездил в Крапивну на сессию Тульского окружного суда по делу четырех крестьян деревни Ясная Поляна, убивших своего односельчанина – конокрада Гавриила Болхина³¹. С.А. Толстая записала в дневнике: «...благодаря влиянию Лёвочки, преступников-убийц приговорили к

³¹ Фольварк – имение.

очень легким наказанием: поселение вместо каторги. Вернулись поэтому все очень довольные»³². Писатель получил бесценный материал для сцены, связанной с ведением судебного заседания.

Не только местным осуждённым помогал Толстой. В 70-90-х годах XIX века в Восточно-Сибирском крае, на Каре, были сосредоточены каторжные тюрьмы для революционеров. Писатель хлопотал за известную революционерку-народницу Наталью Армфельд, получившую 14 лет каторги в Сибири. О смягчении её участи Л.Н. Толстой писал в высшие инстанции, но Наталья Армфельд умерла на каторге. В романе «Воскресение» она изображена как М.П. Щетинина.

Во время работы над романом «Воскресение» у автора возникали вопросы, требующие немедленного уточнения³³. Вот его запись 1896 года: «Возможно ли ей ехать арестанткой. Нельзя ли облегчить положение?... Есть ли в Туле тюремный инспектор?... Сколько времени пройдет до места назначения по этапу?»³⁴.

Л.Н. Толстой всё чаще обращался³⁵ к соответствующей литературе. В.А. Маклаков прислал ему книги с материалами о тюремном быте: Л. Мельшин «В мире отверженных» и Н. М. Ядринцев «Статистические материалы по истории ссылки в Сибирь»³⁶. Он изучал³⁷ Тюремные уставы, которые помогали ему детализировать быт арестантов. «Можно справедливо сказать, что занятие есть Ангел-Хранитель человека», - отмечено в «Уставе Общества Попечительного о тюрьмах»³⁸. Там же сообщается, что осуждённые сапожники, портные, шерстобои, ткачи, прядильщики³⁹ снабжаются необходимым материалом, а женщины могут прясть, вязать, шить. Вот почему в романе «Воскресение» женщины-заключённые шьют мешки из парусины.

На основе «Устава уголовного судопроизводства»⁴⁰ автор романа перечисляет статьи, по которым Катюша Маслова получает 4 года каторжных работ.

Толстой следил за развитием пенитенциарной системы. С интересом читал статьи своего знакомого - профессора Харьковского университета по кафедре психиатрии и нервных болезней П.И. Ковалевского, редактора-издателя журнала «Архив психиатрии, неврологии и судебной патологии».

Темой отечественного⁴¹ и зарубежного тюремоведения интересовались во всём мире. Запись Толстого в Дневнике 5 января 1889 года: «...читал Кеннена и страшное негодование и ужас при чтении о Петропавловской крепости»⁴². Толстой в романе описал режим Петропавловской крепости, установленный⁴³ для политических заключённых. «Мне стыдно бы было быть царем в таком государстве»⁴⁴, где для моей безопасности нет другого средства, как ссылать в Сибирь тысячи и в том числе 16-летних девушек»⁴⁵, - размышлял автор «Воскресения». По возвращении из Сибири Кеннан навестил писателя⁴⁶. Л.Н. Толстой 8 августа 1890 года признался в письме к нему: «С тех пор, как я с вами познакомился, я много и много раз был в духовном общении с вами, читая ваши прекрасные статьи в «Century», который мне удалось доставать без помарок. [...] В последнее же время вспоминал о вас по случаю ваших, произведших такой шум во всей Европе, статей о сибирских ужасах. Часть этих статей, незамаранная, дошла до меня в журнале Стэда, не помню каком, «Pall Mall Budget» или «Review of Reviews». Очень, очень благодарен вам, как и все живые русские люди, за оглашение совершающихся в теперешнее царствование ужасов».

³² Михаил Вишневецкий (31.7.1640 - 10.11.1673), король Речи Посполитой в 1669-73 годах, последний из младшей линии рода. Завещание имений датировано 23 апреля 1673 г.

³³ Справка от 24.11.2004 г. «По результатам обобщения судебной практики применения судами Пермской области положений ст. 45 ГПК РФ "Участие в деле прокурора". Официальный сайт Пермского областного суда http://oblsud.perm.sudrf.ru/modules.php?name=docum_sud&id=198 (дата обращения 27.01.2018); пункт 13 Постановления Пленума Высшего арбитражного Суда РФ от 23.03.2012 № 15 «О некоторых вопросах участия прокурора в арбитражном процессе».

³⁴ В современном уголовном законодательстве России понятия «форма соучастия» и «вид соучастия» отсутствуют. Законодателем предпринята лишь попытка описать часть атрибутивных признаков различных форм соучастия. В науке же уголовного права и правоприменительной практике категория «форма соучастия» в совершении преступления является одной из основных и наиболее употребляемых. Вместе с тем в уголовно-правовой теории нет единого определения этого понятия, а также единых и чётких критериев деления соучастия на формы и виды. Поэтому разные исследователи предлагают свои определения и классификации [3, с. 25-28; 2, с. 197-199; 6, с. 31-32; 10, с. 16].

³⁵ См.: Что читал А. П. Чехов перед поездкой на Сахалин // Режим доступа: <http://www.libsakh.ru/kraevedenie/informacionnyeresursy/chekhov-i-sakhalin/cto-chital-a-p-chekhov-pered-poezdкой-na-sakhalin/> (Дата обращения 18.02.2018)

³⁶ Громов, М.П. Чехов. - М.: Молодая гвардия, 1993. - (Жизнь замечательных людей). - С. 235

³⁷ В 1869 г. был издан закон, по которому сибирские каторжные тюрьмы сохранялись лишь для Сибири, а для каторжных остальной Империи создавались в пределах Европейской России особые "центральные" каторжные тюрьмы, с более строгим, чем в обычных тюрьмах, режимом. Закон 23 мая 1875 г. подтвердил ссылку в Сибирь на поселение отбывших свои сроки в "централах" и ввел - как высшую меру каторги - ссылку на Сахалин.

³⁸ А.П. Чехов о литературе / Под ред. Л. Покровской. - М.: Гос. изд-во худож. лит., 1955. - С. 151

³⁹ Эрисман Ф.Ф. Курс гигиены. В 3-х т. - М., 1872-1877.

⁴⁰ Чехов, А.П. Полное собрание сочинений и писем в тридцати томах / под ред. В. И. Кулешова. - М.: Наука, 1987. - Т. 14-15. - Сочинения: Из Сибири; Остров Сахалин. - С. 88

⁴¹ Малогин Л., Гитович И. Чехов: повесть-хроника. - М.: Советский писатель, 1983. - С. 250

⁴² Толстая С.А. Дневники (1897-1909). - М., Кооп. изд-во "Север", 1932. - Т. 1, с. 148-149.

⁴³ Толстой Л.Н. Дневники и Записные книжки 1895—1899 / Полное собрание сочинений в 90 т. Серия вторая. Дневники. - М.: Гос. издат. «Художественная литература», 1953. - Т. 53. - С. 380

⁴⁴ Опубликованы в «Записках императорского русского Географического общества», VI, СПб. 1889.

⁴⁵ Устав Общества Попечительного о тюрьмах. - СПб.: В тип. Почтового департамента, 1862.

⁴⁶ Устав уголовного судопроизводства : [Ч. 1]. - 1872. - 372 с.

Среди знакомых Толстого, с которыми он общался во время работы над романом - литератор, частный поверенный в петербургских судебных учреждениях Н.Д. Ильин; прокурор Петербургской судебной палаты А.М. Кузминский; врач-психиатр, неоднократно участвовавший в качестве эксперта в комиссиях и судебных процессах И.А. Сикорский; судебный деятель М.Н. Лопатин, деятель народного образования в Сибири П.И. Макушин, прокурор Тульского окружного суда Н.В. Давыдов и многие другие.

Наиболее ценной информацией представлялась писателю та, которую можно было получить от тюремных надзирателей. Сведения о жизни заключённых находились под запретом, поэтому требовалось разрешение вышестоящих лиц. В ноябре 1897 года он обратился за помощью к надзирателю Бутырской тюрьмы И.М. Виноградову с просьбой дать некоторые сведения о жизни заключённых, объяснив, что это необходимо для работы над романом «Воскресение». Автор обещал, что вопросы не будут касаться ни тюремных порядков, ни тюремного начальства. Надзиратель согласился ответить на некоторые вопросы, и они были заданы. «Имеют ли политические арестованные общение с уголовными?» (ответ: «Нет, политические с уголовными никогда вместе не бывают»), «Не видятся ли они хотя при свиданиях?» (ответ: «Никогда. Политические арестанты содержатся в башнях, и свидания для них разрешаются исключительно только в конторе тюрьмы. Для уголовных же арестантов свидания разрешаются в посетительских комнатах»).

У Л.Н. Толстого появились определённые знания об отправке ссыльных из Москвы, об остановках на этапах и ночлегах, о питании в пути, об отношении конвойной команды к арестантам. На следующий день надзиратель приехал к Толстому в его московский дом для чтения корректурных листов писателя. Он сделал замечания, которые помогли Л.Н. Толстому более точно описать форменную одежду надзирательниц в женском отделении, выявить детали поведения и взаимоотношения арестантов, а также выяснить, как совершается отправка арестантов весной во время разлива рек, не затопляет ли вода тюрьмы во время половодья.

25-27 сентября 1898 года по разрешению губернатора Орловской губернии А.Н. Трубникова Л.Н. Толстой посетил орловскую тюрьму и подробно беседовал с её начальником.

Начальник Тульской тюрьмы С.И. Бродовский в июне 1899 года предоставил Толстому возможность познакомиться с порядками в тульской тюрьме. В Ясную Поляну прибыл опытный надзиратель И.П. Высоцкий. В результате их двухдневной беседы у автора «Воскресения» появился достоверный материал для описания комнаты свиданий.

В январе 1899 года писатель вторично обратился к надзирателю Бутырской тюрьмы с вопросами о тюремном быте. Кроме того, писателю было важно самому пережить некоторые сюжетные сцены романа. В апреле 1899 года он посетил пересыльную Бутырскую тюрьму, чтобы понять, как ведут арестантов, сосланных в Сибирь. Толстой прошёл с ними путь от «Бутырки» до Николаевского (ныне Ленинградского) вокзала, - именно этот эпизод с арестантами описан в романе.

Хлопоты за осуждённых, пострадавших от произвола официального правосудия, столкновения с бюрократической и придворной верхушкой, переписка с политическими заключёнными и ссыльными, чтение специализированной литературы, общение с надзирателями помогли Толстому осмыслить тюремную практику в России XIX века. В его романе представлена картина государственного механизма пенитенциарной системы страны, где большую роль играла каторга, которая не просто оказывала пагубное влияние на человека, но и приводила к его деградации.

Вот герой романа Нехлюдов слушает оправдание генерала: *«Книги им даются и духовного содержания и журналы старые. У нас библиотека соответствующих книг. Только редко они читают. Сначала как будто интересуются, а потом так и остаются новые книги до половины неразрезанными, а старые с неперевернутыми страницами. Мы пробовали даже, - с далёким подобием улыбки сказал генерал, - нарочно заложим бумажку. Так и останется не вынута. Тоже и писать им не возбраняется, - продолжал генерал. - Дётся аспидная доска, и грифель даётся, так что они могут писать для развлечения. Могут стирать и опять писать. И тоже не пишут. Нет⁴⁷, они очень скоро делаются совсем спокойны. Только сначала они тревожатся, а потом даже толстеют и очень тихи делаются, - говорил генерал, не подозревая того ужасного значения, которое⁴⁸ имели его слова»⁴⁹.*

Роман «Воскресение» прошёл, разумеется, цензурное «обезвреживание». Усиленное вмешательство в авторский текст, многочисленные правки часто искажали смысл задуманного Толстым⁵⁰. В журнале «Нива» целиком выпущена цензурой сцена описания богослужения в тюремной церкви, за исключением одной лишь фразы XXXIX главы: «Началось богослужение», рассказ тётки Лидии Шустовой о своём одиночном заключении, рассказ Крыльцова о казни Лозинского и Розовского, итоги наблюдений Нехлю-

⁴⁷ Джордж Кеннан - американский журналист и путешественник. В 1885-1886 годах он изучал тюремный быт русских революционеров и условия сибирской ссылки. С ноября 1888 года в нескольких номерах нью-йоркского журнала «The Century Illustrated Monthly Magazine» Кеннан описывал тюремный режим, установленный для политических заключённых в Петропавловской крепости. Он же - автор двухтомника «Siberia and the Exile System» («Сибирь и система ссылки»). Книга создала Кеннану большую популярность. В России она была запрещена цензурой и только в 1906 г. появилась одновременно в нескольких переводах.

⁴⁸ Мысли из дневников Л. Н. Толстого (1881-1910). - Режим доступа: http://az.lib.ru/t/tolstoj_lew_nikolaewich/text_1910_mysli_iz_dnevnikov.shtml. - Дата обращения 28.02. 2018

⁴⁹ Посещение описано в его статье «A visit to count Tolstoi» («Посещение графа Толстого»), напечатанной в том же «Century» 1887, июнь. Изложение этой статьи, под заглавием «Американец в гостях у Л.Н. Толстого», см.: «Неделя» 1887, № 28 от 12 июля, стр. 889—891.

⁵⁰ Толстой Л.Н. Воскресение / Полное собрание сочинений в 90 т. Серия первая. Произведения. - М.: Гос. издат. «Художественная литература», 1936. - Т. 32. - С. 268.

дова над ужасами тюрьмы. Большие текстовые «вырезки» касались отрицательной характеристики военной службы и военной среды.

Тем не менее, появление романа было воспринято как сенсация, и не только в России. Тема, затронутая Толстым, волновала весь мир. Во многих странах роман печатался в газетах и журналах. Уже в 1899 году он вышел отдельными изданиями в переводах на французский, немецкий (свыше десяти переводов почти одновременно), английский, сербо-хорватский и словацкий языки. Позднее последовали издания на других европейских и азиатских языках: шведском, финском, венгерском, болгарском, голландском, норвежском, итальянском, польском, испанском, японском, арабском, персидском, турецком, румынском, португальском, китайском.

Оба писателя, А.П. Чехов и Л.Н. Толстой, основательно изучали тему. Они расценивали как личную трагедию ссылку, каторгу, тюрьмы, Сибирь, переполненную заключёнными. После появления книги А.П. Чехова с научно-документальными записками «Из Сибири» и «Остров Сахалин» в 1895 году начались протесты прогрессивной общественности против жестокостей на «штрафном острове». Важным результатом стало открытие сахалинского отделения «Общества попечения о семьях ссыльно-каторжных» и основание трёх приютов для 120 детей. На проблемы каторжан и поселенцев Сахалина обратило внимание правительство. На остров была отправлена специальная комиссия, в состав которой входили представители министерства юстиции и главного тюремного управления.

Л.Н. Толстой в романе «Воскресение» показал всю гамму чувств бесправного арестанта и заметил, что лишь возможность заниматься любимым трудом частично облегчала участь заключённых. Читатели увидели, что большинство ссыльных обрекались на медленную, но верную смерть; что у заключённых погибали от болезней дети, что ссыльные при первом удобном случае бежали, становясь бродягами, и большая часть их погибала от холода, голода, болезней.

В своих произведениях лучшие русские писатели показали, что строй и система наказаний в России XIX века не только не уменьшали преступность, но способствовали появлению особо тяжких уголовных преступлений. Они увидели, какова истинная ситуация в мире судебной практики. Это способствовало тому, что был предпринят ряд мер, направленных на исправление недостатков тюремной системы в России. После громкого общественного резонанса произведений Толстого и Чехова правительство было вынуждено реформировать законодательство о содержании каторжан и ссыльных⁵².

МАДЭЛЯВАННЕ БЕЛАРУСКА-РАСІЙСКАГА КУЛЬТУРНАГА ДЫЯЛОГА

С.В. Снапкоўская (Мінск, Беларусь)

Актуальныя працэсы расійска-беларускай інтэграцыі, скіраваныя на збліжэнне нашых краін і народаў ў розных сферах жыццядзейнасці, ў тым ліку і ў навукова-культурнай. Відавочна, што абмен вопытам у наладжванні працэсаў фарміравання і развіцця міжкультурнага дыялога мае на мэце захаванне культурнай самабытнасці і разнастайнасці нашых народаў. Але гэты цяжкі шлях можа быць пераадолены толькі ў выпадку сумеснай працы беларускіх і расійскіх навукоўцаў. Галоўны напрамак гэткай дзейнасці прадугледжвае як рэтраспектыўны гісторыка-культурны аналіз, так і сучасныя трэнды развіцця навукі і культуры ў Беларусі і Расіі.

З мэтай уважлівага падыходу да раскрыцця акрэсленай праблемы паспрабуем разгледзець асноўныя тэндэнцыі развіцця сучаснага навукова-культурнага дыялога. Першапачаткова наратыў “дыялог” прадугледжваў размову паміж двума альбо некалькімі асобамі, але ў найноўшым навукова-культурным аспекце трактуецца як “размова на роўных”. А размова на роўных засноўваецца і на раўназначных умовах функцыянавання дыялогу. Наколькі роўныя гэтыя ўмовы міжкультурнага расійска-беларускага дыялога? Максім Багдановіч у 1914 г. паэт пісаў, што “Расія і Беларусь – гэта два самастойныя культурныя комплексы, якія з самага пачатку раслі і развіваліся незалежна адзін ад аднаго. Адрозніваючыся паміж сабою і па побытавых першаасновах, і па ўплывах, накіраваных звонку, і па падзеях далейшага гістарычнага жыцця, яны натуральна, прыйшлі да далёка не тоесных канчатковых вынікаў”. Адсюль відавочна і розная ступень культурных узаемаўплываў. На сучасным этапе у межах адзінай рускамоўнай культурна-інфармацыйнай прасторы расійскі комплекс дамінуе над беларускім. Зразумела, што ў расійскай і беларускай культуры маецца наяўнасць цэлага комплексу элементаў культурна-гістарычнага падабенства (гістарычны, этна-культурны, моўны, ідэнтычнасць, нацыянальная самасвядомасць і інш.).

⁵¹ Примеры искажения авторского текста, меняющие смысл в контексте романа в период публикации «Воскресения» в 1899 году в журнале «Нива»: у Толстого: «...вспоминался странный, обличающий начальство свободный старик», в журнале «Нива»: «...вспоминался хохот всей камеры над словами Евангелия»; у Толстого: «...Массы всегда обожают только власть», в «Ниве»: «Массы всегда грубы и неразвиты»; у Толстого: «...то на офицера, то на избитого арестанта с девочкой», в «Ниве»: «... на офицера в ожидании, чтобы с ним спарили арестанта с девочкой»; у Толстого: «... запахом испражнений», в «Ниве»: «...запахом дёгтя»; у Толстого: «... удручающий тифозный воздух», в «Ниве»: «...удручающий воздух».

⁵² В частности, 10 апреля 1906 года вышел Закон об упразднении сахалинской каторги.

Але ў дадзеным выпадку гатае падабенства заканамерна іграе на карысць мацнейшаму. Адсюль вынікае імкненне да ўніфікацыі нацыянальных каштоўнасцей. На нашу думку, за апошнія 20 гадоў у навукова-культурным асяроддзі Расійскай Федэрацыі сфарміраваліся дзве асноўныя тэндэнцыі навукова-культурнага беларуска-расійскага дыялога – акадэмічная і публіцыстычная. Акадэмічная тэндэнцыя базіруецца на ўліку нацыянальна-культурных інтарэсаў, этнічных асаблівасцей і скіравана на захаванне нацыянальнай ідэнтычнасці, асобнасці нацыі і народаў. Акадэмічная тэндэнцыя даволі ўстойліва развіваецца праз дзейнасць Інстытута славяназнаўства і Інстытута Еўропы Расійскай акадэміі навук. Гэта тэндэнцыя знайшла адлюстраванне і ў дзейнасці Інстытута тэорыі і гісторыі педагогікі Расійскай акадэміі адукацыі. Навукоўцамі-педагогамі інстытута распрацаваны шэраг істотных метадалагічных праблем, і ў першую чаргу – гэта нацыянальныя каштоўнасці і ідэалы ў адукацыі. Паспяховы вынік гэткай дзейнасці забяспечваецца ўмацаваннем і развіццём шматгадовай традыцыі акадэмічных інстытутаў. Яе сутнасць у наступным: пераважае не персаналісцкая выбіральнасць, але наяўнасць і высокі ўзровень ведаў у даследаванні праблем гісторыі і тэорыі культуры. Гэты падставовы спосаб навуковай і педагогічнай дзейнасці забяспечвае паспяховасць вынікаў даследаванняў, што ажыццяўляюцца ў сучаснай навуцы і практыцы.

Праблематыка Інстытута славяназнаўства РАН, менавіта аддзела ўсходняга славянства, выдзяляецца актуальнасцю і навукова-тэарэтычнай значнасцю, што прадэманстравана напрамкамі дзейнасці і разнастайнымі праектамі. Напрамак “Механізмы фарміравання і спосабы праяўлення этнакультурнай ідэнтычнасці” тэрытарыяльна ўключае даследаванні Украіны, Беларусі і Польшчы і ставіць на мэце вывучэнне асаблівасцей фарміравання нацыянальнай самасвядомасці і эвалюцыі этнакультурнай ідэнтычнасці народаў Цэнтральнай і Усходняй Еўропы, а таксама даследаванне ролі і ўплыву як агульна-славянскай культурнай прасторы, так і дзяржаўнага фактара на іх станаўленне і развіццё.

У метадалагічным плане ў Інстытуце славяназнаўства зроблена немала. Акрамя тэарэтычнага абгрунтавання тэрмінаў “этнас”, “нацыя”, “этнакультурная прастора”, навукоўцамі інстытута выяўлены крытэрыі нацыянальнай ідэнтычнасці, паказаны механізмы ідэнтыфікацыі асобы ў розных гістарычных умовах, як унутранная і знешняя ідэнтычнасць і іерархія ідэнтычнасцей, так і рэгіянальная ідэнтычнасць. у даследаваннях раскрыта выяўленне этнакультурнай і нацыянальнай ідэнтычнасцяў ў гістарычных тэкстах, візуальных крыніцах і яго-дакументах, паказаны ўяўленні, характэрныя для розных сацыяльных слаёў насельніцтва. У рамках праекта навукоўцы ажыццявілі грунтоўнае параўнальнае вывучэнне народаў Цэнтральнай і Усходняй Еўропы, паказалі асобнае і агульнае ва ўмовах фарміравання этнакультурнай і канфесійнай ідэнтычнасці. Таксама ў выніку шматлікіх даследаванняў навукоўцамі былі развенчаны міфы аб нацыянальнай выключнасці і ахарактарызавана ўнікальнасць гістарычнага лёсу асобных народаў.

Праект “Усходнеславянскія этнакультурныя і рэлігійныя анклавы на прасторы Slavia Orthodox” (тэрмін для абазначэння культурна-моўных сітуацый у праваслаўных паўднёва- і ўсходнеславянскіх народаў) прадугледжвае аналіз гістарычных умоў фарміравання ўсходнеславянскіх этнакультурных і рэлігійных анклаваў, выяўленне міграцыйных працэсаў і міграцыйнай палітыкі ў адносінах да ўсходнеславянскіх перасяленчых груп. У шырокім гістарычным кантэксце разглядаюцца сацыяпалітычныя, культурныя і моўныя працэсы ў паліэтнічным рэгіёне – стратэгіі ўзаемадзеяння анклаўнага насельніцтва з жыхарамі метраполіі. Аналізуюцца тэарэтычныя, метадалагічныя, ідэалагічныя, юрыдычныя асновы нацыянальна-культурнай палітыкі ў адносінах да цэлага шэрагу анклаўных груп. На тэарэтычным узроўні адбываецца пошук формаў захавання этнакультурнай ідэнтычнасці і стварэнне ўласных інстытуцый ў межах анклаваў (нацыянальныя школы, сродкі масавай інфармацыі, культурныя арганізацыі і г. д.). Распрацоўваецца праблема тыпалогіі анклаўных груп і пытанні тэрміналогіі іх абазначэння (анклаў, дыяспара, зямляцтва і г. д.). Адлюстраваны ўплыў знешняга фактара на ўмовы існавання ўсходнеславянскіх анклаваў. Адну з задач аўтары бачаць у параўнальным аналізе іншаславянскіх анклаваў на прасторы Slavia Orthodox.

Кіраўніцтва Інстытута Еўропы Расійскай акадэміі навук лічыць беларуска-расійскую навукова-культурную праблематыку вельмі актуальнай у сваёй навуковай дзейнасці. Інстытутам падтрыманы навуковы праект па падрыхтоўцы кнігі па Беларусі, дзе плануецца змяшчэнне цэлага раздзела «Расійска-беларускія культурна-камунікатывныя ўзаемаадносіны». Змест раздзела прадугледжвае раскрыццё шэрагу актуальных праблем расійска-беларускіх ўзаемаадносін у галіне культуры, камунікацыі і інфармацыі. Аўтары бачаць сваю задачу ў выяўленні перадумоў і аб’ектыўных фактараў, якія збліжаюць нашы брацкія народы і дзяржавы ў культурна-камунікатывнай сферы, як і таго, што перашкаджае іх збліжэнню. Асаблівая ўвага будзе нададзена пытанню фарміравання і развіцця культурна-гуманітарнага супрацоўніцтва з пачатку 1990-х гг. да нашых дзён. У гэтым плане беларускія навукоўцы апярэдзілі расійскіх вучоных і ў 2012 г. выдалі грунтоўнае навукова-тэарэтычнае даследаванне “Культура Беларусі: 20 год развіцця”. Праведзены гісторыка-культуралагічны аналіз аўтарскім калектывам дазваляе зрабіць выснову, што выданне істотна развівае сучасную навуку і культурную практыку Рэспублікі Беларусь.

У гісторыі духоўнай культуры і філасофскай думкі Беларусі важнае месца займае сфера ідэй, этычных каштоўнасцей і памкненняў, да якой перыядычна звярталіся і якую грунтоўна даследавалі айчынным навукоўцы. Менавіта да гэтай сферы адносяцца самасвядомасць і пазіцыя індывіда, магчымасці і шляхі

яго духоўнага самасцвярджэння, а таксама фактары маральнага станаўлення асобы праз далучэнне яго да культуры. Стратэгічнай мэтай Дзяржаўнай праграмы «Культура Беларусі» на 2016–2020 гг. з’яўляецца развіццё і эфектыўнае выкарыстанне культурнага патэнцыялу краіны, падтрымка культурных інавацый, захаванне і развіццё матэрыяльнай і нематэрыяльнай спадчыны.

Мноства розных ідэй і падыходаў, у тым ліку прапанаваных на нашай канферэнцыі, рэалізуецца перш за ўсё ў сферы адукацыі, якая разам са сферай культуры складае цэласны духоўна-маральны комплекс. Пагэтаму асноўная задача нашага схода бачыцца ў тым, каб сфармуляваць перспектывы пазіцыі, якія важна закласці ў адукацыйную праблематыку. Беларусь – шматнацыянальная і шматканфесійная краіна. Разнастайны гістарычны вопыт – часоў ВКЛ, Рэчы Паспалітай, Расійскай імперыі, савецкага часу і сучасны – прадугледжвае розныя падыходы да вырашэння праблем адукацыі.

Акадэмік Дз. С. Ліхачоў падкрэсліваў, што кожная культура мае свае каштоўнасці і павінна быць падтрымана перш за ўсё праз адукацыю. У разнастайнасці культур неабходна бачыць крыніцу развіцця. Але для гэтага мы павінны правільна ставіцца да адрозненняў і бачыць у іх крыніцу ўзбагачэння.

Праблемы суіснавання розных культур існуюць, і неабходна вырашаць падыходы да вырашэння гэтых пытанняў. Дырэктар Інстытута філасофіі РАН, акадэмік Гусейнаў вылучыў тэзіс, што глабальная культура ўжо сфарміравалася, пагэтаму мы павінны навучыцца жыць не толькі ў сваіх нацыянальных культурах, культурах малых этнасаў, у культуры вялікай этнічнай супольнасці, але і ў глабальных культурах. І тут спецыялісты ў адукацыйнай сферы павінны не толькі рэльефна акрэсліць прынцыпы і падыходы да гэтай праблемы. Вельмі важна даць навуковыя рэкамендацыі, каб знайсці канкрэтныя рашэнні праз змест сучаснай культуры і адукацыі.

Гэтаму важнейшаму напрамку ў сістэме выхавання Рэспублікі Беларусь трэба надаць трывалы грунт, распрацаваць маральныя арыенціры і навукова-метадычныя падставы, што і складае культурны змест нацыянальнай сістэмы адукацыі. Прыкладам можа служыць вучэбны дапаможнік "Культуралагічная думка Беларусі". Кніга створана на аснове аксіялагічнага падыходу, які імкнецца да плюралізму і выяўлення спектру каштоўнасцей у аснове чалавечых учынкаў, гісторыі і культуры [1, с.3]. Кожная гістарычная фармацыя характарызуецца наборам і іерархіяй спецыфічных каштоўнасцей, сістэма якіх выступае ў якасці найбольш высокага ўзроўню сацыяльнай рэгуляцыі. Каштоўнасці сістэмы фарміруюцца і трансфармуюцца ў працэсе гістарычнага развіцця грамадства. Ідэалогія беларускай дзяржавы прадугледжвае распрацоўку трывалай гісторыка-культурнай асновы жыццядзейнасці сучаснага соцыуму. Гэта выклікае неабходнасць распрацоўкі культуралагічнага абгрунтавання фарміравання сістэмы маральных каштоўнасцей у культуры Беларусі.

Паколькі каштоўнасці існуюць толькі ў адносінах да чалавека, то ў дадзеным падыходзе аксіялагічныя феномены суадносяцца з патрэбамі і інтарэсамі асобы. Аксіялагічны аналіз культуры служыць неабходнай перадумовай параўнальна-культурных даследаванняў. Яны ўключаюць параўнанне гістарычных традыцый у плане падабенства і адрознення сістэм каштоўнасцей, супастаўленне паміж стадыямі аксіялагічнай свядомасці грамадства і індывіда.

Выкарыстанне параўнальна-гістарычнага падыходу прадугледжвае грунтоўнае вывучэнне паходжання і фарміравання нацыянальнай культуры, тых ці іншых культурных з’яў у межах як аднаго этнасу, так і іх сукупнасці. Пры гэтым першапачаткова праводзіцца параўнальна-тыпалагічнае даследаванне асобных кампанентаў культуры этнасу, а таксама падобных кампанентаў у іншых роднасных культурах. У сучаснай заходняй культуралогіі параўнальна-гістарычны метады выкарыстоўваецца як метады культурнай тыпалогіі, які адмаўляе адзіныя заканамернасці гістарычнага развіцця і вылучае галоўным чынам не агульныя, а адметныя рысы ў культурах народаў свету. Дадзены метады дазваляе пашырыць магчымасці аксіялагічнага аналізу праблемы, вылучыць адметныя характарыстыкі маральных і нацыянальных каштоўнасцей, папулярызацыя якіх адбывалася ў беларускай культуры адзначанага перыяду, больш глыбока асэнсавалі мастацкія тэксты. Гэты метады дае магчымасць раскрыць асаблівасці дынамікі фарміравання каштоўнасцей арыенціраў у грамадстве напярэдадні і падчас нацыянальна-культурнага адраджэння, правесці паралелі з аналагічнымі працэсамі ў замежнай культуралагічнай думцы.

Значнасць падрыхтоўкі навуковых распрацовак абумоўліваецца неабходнасцю комплекснага даследавання шляхоў трансляцыі этычных нормаў і прынцыпаў у сучасны культурна-адукацыйны працэс. Важна падкрэсліць, што менавіта праз нацыянальны змест маральных каштоўнасцей адбываецца самаідэнтыфікацыя беларускага народа. Сістэма маральных каштоўнасцей, сфарміраваная ў беларускай культуры на аснове багатай духоўнай спадчыны народа, задае нарматыўную праграму сацыяльных паводзін у грамадстве.

Адна з пастаўленых мэтай прадугледжвае вызначэнне магчымасцей рэалізацыі аптымальнай камунікатыўнай мадэлі, якая б забяспечыла захаванне і інтэграцыю беларускай культуры ў сусветную культурную прастору. Створаная намі рэтрэспектывная фрэймавая мадэль адукацыі распрацавана на аснове архіўных крыніц, прайшла апрацаванне ў вядучых расійскіх навукова-педагагічных выданнях і знайшла падтрымку сярод спецыялістаў. Мадэль скіравана на гарманізацыю спецыфічных нацыянальных і ўніверсальных інтэнцый у канкрэтным гісторыка-культурным працэсе [2, с. 212]. Фрэйм мы разглядаем як блок з канкрэтна-гістарычным альбо эталонным зместам. Вынік узаемадзеяння асноўных складаючых мадэліруемага працэса знаходзіцца ў прамой залежнасці ад зместа фрэймаў, што дазваляе на тэарэтычным

узроўні будаваць і абгрунтоўваць адукацыйную парадыгму. У якасці асноўных фрэймаў мадэлі выступаюць культурна-адукацыйная палітыка дзяржавы і нацыянальна-культурная спецыфіка дадзенага рэгіёна як кантэкстна-складаючыя ўмовы развіцця нацыянальнай сістэмы адукацыі. Мадэль адлюстроўвае ўзаемадзеянне зместа двух асноўных фрэймаў пад уздзеяннем знешняга і ўнутранага фактараў. Гэта дае магчымасць вызначаць асноўныя шляхі ўзаемадзеяння розных фактараў у канкрэтных нацыянальна-культурных рэаліях, прагназаваць развіццё адукацыі, скіраванай не на процістаянне, а на інтэграцыю нацыянальных суб'ектаў. На аснове намі распрацаванай і прадстаўленай у друку фрэймавай мадэлі важна падрыхтаваць адпаведныя метадыкі яе ўвядзення ў культурна-адукацыйную практыку Беларусі.

1. Снапкоўская, С. В. Культуралагічная думка Беларусі : вучэб. дапам. / С. В. Снапкоўская, К. У. Антановіч. – Мінск : РІВШ, 2017. – 216 с.
2. Снапковская, С. В. Развитие образования и педагогической мысли Беларуси: вторая половина XIX – начало XX вв. / С. В. Снапковская. – М.: ИТИП РАО, 2011. – 308 с.

ГЕРБ ВЕЛИКОЙ БРИТАНИИ: РЕГИОНАЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКИЙ И ЭТНО-РЕЛИГИОЗНЫЙ КОНТЕКСТ

Ю.В. Романенко (Киев, Украина)

На государственном флаге Великой Британии изображены три креста, представляющие собой объекты для идентификации трех этносов содружества - англо-норманнов, шотландцев и ирландцев. При этом для Англии символом идентичности служит крест Святого Георгия, Ирландии - Святого Патрика, Шотландии - Святого Андрея (Первозванного). При этом только крест Георгия Победоносца (англо-норманнский) повернут в вертикальной проекции. Шотландский и ирландский кресты представляют собой смещенно-перевернутые изображения, напоминающие букву Х, вершины которой расположены симметрично углам квадрата.

Эти кресты выглядят одновременно как перевернутые, заземленные и плоскостные (расположенные, в отличие от англо-норманского креста, на плоскости). Топография заземленных крестов выбрана не случайно, поскольку отражает как религиозную гегемонию Англии, так и оценку религиозной идентичности шотландцев и ирландцев, которая визуальнo позиционируется как смещенная (инвертированная).

Собранные в британском содружестве этнические группы не просто имели различные менталитеты, но и по-разному понимали для себя смысл христианской этики: англиканцам была чужда не только бедность, но и сопряженная с этой бедностью гордость. Эту шотландскую гордость англичане, разумеется, признавали бы, если бы шотландцы были более состоятельными, что давало бы им право и основание быть гордыми.

Изучение бэкграундеров политических лидеров в истории Великой Британии показывает откровенное расхождение с риторикой еврооптимизма, либертизма и демократических ценностей. Британские элиты действовали прагматично, жестоко и без тех сантиментов, которые, обычно, служат гипнотической прелюдией к применению насилия либо обмана.

Английский историк Дж. М. Тревельян в своей "Истории Англии" пишет о взаимоотношениях англичан и шотландцев следующее: "...Шотландец был или якобитом, или пресвитерианином, и в обоих этих случаях вызывал отвращение у четырех из каждых пяти англичан. И англичанин любой религии или вообще неверующий возмущался или забавлялся суровостью светской дисциплины шотландской церкви.

Солдаты Кромвеля в дни, когда он господствовал в Шотландии, насмехаясь над порядками церкви, часто садились на «позорный стул» в приходских церквях; а во времена Анны это орудие морального преобразования было так же чуждо свободному духу английских диссидентских сект, как оно было чуждо скромному авторитету англиканского деревенского священника.

Кэлами, вождь английских неконформистов, во время своей поездки, предпринятой в 1709 году с целью сближения с шотландскими пресвитерианами, оскорбил церковную ассамблею, назвав некоторые ее действия «возрожденной инквизицией».

И независимо от всех вопросов политики и религии лишенному воображения англичанину казалась смешной национальная и личная гордость шотландца, если она сочеталась с бедностью. Для английского купца, носившего одежду из тонкого сукна, казалось абсурдом, что джентльмен может быть гордым, хотя он и бедно одет. И шотландец, когда он на каждом шагу сталкивался с этим вульгарным презрением, становился только более молчаливым и более непреклонным.

Шотландцы действительно смотрели на англичан с угрюмым отвращением, как на кичившихся своим богатством и спесивых соседей. Народная поэзия, традиция, история, имевшие сильное влияние на одаренную воображением и эмоциональную расу, – все указывало на Англию как на древнего врага. Постоянно возобновляющиеся на протяжении четырех веков войны с южанами составляли сюжет шотландских легенд и баллад. Едва ли в древнем королевстве найдется селение, жители которого не могли бы рассказать, как англичане его сжигали..."[1, с.108].

Иудео-меркантилистский акцент пуританизма был несовместим ни с аскетическим миропониманием, ни с толерантностью по отношению к слабым, что способствовало его превращению в "законничество

без закона", т.е. в британскую версию фарисейства, в которой ситуационные человеческие слабости приравнивались к греховности и подлежали морально-правовой стигматизации. Этот гибрид лицемерного ханжества и педантической жестокости и садизма стал чертой британских элит на несколько столетий вперед - от корсар-капиталистов Елизаветы Тюдор до Маргарет Тэтчер и Тони Блэра. Для любых протестов слабых и униженных и их инициатив хоть как-то улучшить свое тягостное рабское положение у них был лишь один ответ: насилие, насилие и еще раз насилие.

Ирландцев-католиков секли плетью, морили голодом, травили охотничьими собаками и обсыпали огненным дождем картечи, отбирая у них все пахотные земли и вынуждая превращаться в бродяг и попадать в работные дома либо мигрировать на земли дикого Запада. Шотландцев вынуждали выселяться, используя для этого как практики огораживания, так и финансового закабаления.

Л.И. Гольман в "Истории Ирландии" констатирует, что порабощение Ирландии господствующими классами Англии в XVIII в. осуществлялось в грубой, деспотической форме. Символом английского господства в эти годы служили так называемые «карательные законы» (Penal Laws), введенные в действие под предлогом защиты англиканской церкви от посягательств католиков. Карательный кодекс был в те годы одним из главных орудий политики завершения насильственной экспроприации ирландских народных масс и подчинения их произволу иноземных лендлордов.

Тысячи ирландцев вербовались на военную службу во французскую, австрийскую, испанскую и неаполитанскую армии и Флоты. Нищета и преследования побуждали жителей Ирландии наниматься на работу на плантации в Вест-Индии. Многие выезжали в североамериканские колонии Англии. Среди эмигрантов в Америку было немало и бывших шотландских колонистов-пресвитериан, также страдавших от торгово-промышленных ограничений и подвергавшихся религиозной дискриминации как диссентеры-инакомыслящие, не принадлежавшие к официальной английской церкви. Отсталость сельского хозяйства и необеспеченность жизни народных масс часто приводили к массовому голоду. Каждый неурожай и болезнь картофеля вызывали это страшное бедствие. Подобное несчастье постигло Ирландию в 1727–1733, 1740–1741, 1757, 1770 гг. Особенно страшным был голод 1740–1741 гг. Автор вышедшего в 1741 г. анонимного памфлета «Стены Ирландии» писал: «Улицы, дороги и поля были усеяны трупами... В каждом доме были больные поносом или злокачественной лихорадкой; целые деревни опустели». В этот «кровавый год», как его называли ирландцы, погибло около 400000 человек [2, с.45-46].

Религиозная политика англиканства, по сути, потерпела полное поражение, поскольку англиканское священство стало средой культивации вычурного девиантного поведения. Впрочем, с учетом кесарепапистской модели управления англиканской церковью, распространенность педофилии, гомосексуализма, фетишизма и вуайеризма касается в этом случае общих проблем как для государственной власти, так и священства. Этому сопутствуют фоновый прессинг низших классов амелиористской моралью верхов, растущие эмиграционные настроения в силу неудовлетворенности населения системой социальной защиты, перманентная напряженность в отношениях Лондона и Дублина.

Именно поэтому вертикальный георгиевский крест красного цвета вполне соответствует мирской, материалистической и номинальной сущности пуританизма как квазихристианской конфессии. Собственно, он символизирует позицию скрытого вероотступничества и номинального христианства, покрывающего секуляризированный иудаизм.

1. Треvelyan Дж.-М. История Англии от Чосера до королевы Виктории/Дж.- М. Треvelyan.- Пер. с англ. А. А. Крушинской и К. Н. Татариновой. – Смоленск: Изд-во "Русич", 2001. – 624 с., ил. – (Популярная историческая библиотека).
2. Гольман Л.И. История Ирландии./Л.И. Гольман.- М.: Мысль, 1980.- 390 с.

ГЕНДЕРНАЯ КУЛЬТУРА УКРАИНЫ: ПСИХОИСТОРИЧЕСКИЙ И ИСТОРИКО-ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТЫ

И.А. Святенко (Запорожье, Украина)

Гендерная культура общества, которая является составной культурной системы общества и его институциональной иерархии, воспроизводится в аутентичном семиозисе как своеобразном языке, который, выполняя функции установления ценностных образцов для различных гендерных групп, институционализует модели символических интеракций, которые воспроизводятся в психике и телесности. Рассмотрение указанных измерений гендерной культуры требует синтеза структуралистского и институционального подходов в понимании предмета исследования, заинтересованность в котором со стороны научной общественности пока оказывается довольно периферийно, что и актуализирует необходимость соответствующего теоретико-социологического анализа.

Для социосистемологического понимания гендерной культуры как единства структурно-языковых и институциональных составляющих является теория институциональных матриц С. Кирдина и ноо-социопсихо-морфосистемология Ю. Романенко.

С Кирдина внедряет в понимании культурной и социальной систем понятие институциональной матрицы. По мнению исследовательницы, «теория институциональных матриц как идеальная» конструкция

базируется на анализе генезиса различных обществ и, прежде всего, Востока и Запада. В результате автором сформулирована гипотеза о том, что различные институциональные комплексы, которые регулируют жизнь древних и современных государств, основаны на одной из двух институциональных матриц, которая является доминирующей. Первая - X-матрица, которая определяется автором как восточная, является составной генезиса большинства государств этой части мира. Вторая - Y-матрица - часто определяется автором как "западная". с садничими характеристиками X-матрицы автор считает такое содержание ее базовых институтов:

а) в экономической сфере - институты редистрибутивной экономики, назначением которых является обязательное жесткое опосредование центром движения ресурсов и услуг, а также прав по их производству и использованию. К ним относятся институты общей собственности, служебной труда, координации и т.п.;

б) в политической сфере - институты административного деления, иерархической вертикали власти во главе с центром назначений, общих собраний и единогласия, обращений по инстанциям;

в) в идеологической сфере - институты государственно-коммунитаристских идеологий, основное содержание которых заключается в доминировании коллективных, общих ценностей, приоритете «Мы» над «Я». К ним относятся институты коллективизма, эгалитаризма и порядка, коммунальной среды. В понимании автора, X-матрица характеризует социумы большинства стран Азии, России и др

Основополагающими характеристиками Y-матрицы автор считает такое содержание ее базовых институтов: а) в экономической сфере - институты рыночной экономики (частной собственности, наемного труда, конкуренции, обмена, то есть купли-продажи, прибыли и др.). б) в политической сфере - институты демократического политического жизнеустройства (самоуправление и субсидиарный федерализм, выборы, многопартийность и демократическое большинство, независимый суд и др.). в) в идеологической сфере - институты плюралистической идеологии, в которых закрепляется доминирующее значение индивидуальных ценностей, приоритет «Я» над «мы», приоритет личности, ее прав и свобод, диверсифицированной среды. Эта матрица характеризует общественное устройство большинства стран Запада [2].

В соответствии с ключевыми положениями ноо-социо-психо-морфосистемологии Ю. Романенко, гендерная культура является составной частью культурной системы общества, которая образует, в соответствии с моделью Парсонса-Фрейда, высшую, среднюю и низшую цензуру социума, психики и телателесности. Культурная система общества, по мнению автора, выполняет по отношению к социуму, психике и телу-телесности три базовые функции:

а) функция центрирования (центрации), которая заключается в структурировании высших уровней смыслообразования, которым соответствуют аттрактивные, миссионерские (субмиссионные) и идентификационные образования - социально-исторические аттракторы, миссии и идентичности;

б) функция вертикализации ("выравнивания" социальности, психики и тела относительно среды) - такое выравнивание в содержательном отношении означает согласование социума со структурами истории культурной системы, психики - с социальными статусами, ролями и институтами через систему социализации, тела и телесности - с психической системой как с медиатором, через которого культурная и социальная система в конечном счете влияют на телесность;

в) функция ординализации - упорядочение. В содержательном отношении ординализация означает стандартизацию, то есть, приведение уже вертикализированного сознания и поведения в типизированный и стандартизированный порядок. В процессе ординализации происходит цензурное тестирование отдельных актов сознания и поведения социальной модели-схемы личности (социального характера) с прописанными в нем статусно-ролевыми ансамблями, сценариями (скриптами) социальной активности и отдельным нормам [3, с.16-89].

Характеризуя украинскую гендерную культуру в аспекте вышеупомянутого рассмотрения, автор отмечает, что в правильности утверждения, согласно которому украинская социальность является полностью безидеологичной, наверное, тоже резонно усомниться. Соответствующей идеологией для Украины выступает идеология малой нуклеарной семьи - фамиллиаризм. Впрочем, речь здесь идет не о большой кластерной семье по образцу итальянской *mafia* или китайской кластерной семьи. Это матриархальный фамиллиаризм с женщиной в виде божества, которому поклоняются все члены семьи, кроме, разумеется, самого "божества".

В контексте фрейдистской психоисторической парадигмы украинская нуклеарная семья не способствует формированию классического для Америки и Европы Эдипового треугольника, поскольку триадические отношения "отец-мать-ребенок" заменяются здесь диадическими отношениями слияния-транса "мать-ребенок", на что указывает в своем диссертационном исследовании Г. Бондарь [1]. Отец как фигурант семейных отношений представлен скорее как сервильный компонент семейной матриархальной организации, роль которого сводится к осуществлению полномочий добытчика ресурсов для потребительских проектов матери и ребенка, на страже интересов которых стоит матриархальное государство. Нам представляется очевидным, что между структурами власти и семейного жизнеустройства существует если не выраженная психоисторическая гомологичность, то, как минимум, изоморфизм. И если матриархально-сексистская семейная организация институционализирует безнадзорность на фоне всевластия

сакрального материнского образа и легитимированного женского деспотизма, то в политической системе четко проявляются флуктуации охлократии-анархизма в сочетании с безответственным мультиолигархическим правлением.

1. Бондар Г.Г. Соціокультурні засади концептуалізації гендерної нерівності в українському суспільстві./Бондар Г.Г. - Дисертація на здобуття наукового ступеня кандидата соціологічних наук за спеціальністю 22.00.01. - теорія та історія соціології.- Запоріжжя, Класичний приватний університет, 2012.-266 с.
2. Кірдіна Світлана Георгіївна. Теорія інституційних матриць/С.Г. Кірдіна.- [Електронний ресурс].- Режим доступу: http://znaimo.com.ua/Кірдіна_Світлана_Георгіївна. – Дата доступу: 04.01.2015.
3. Романенко Ю.В., Святненко І.О., Поцелуйко А.О., Ташенко А.Ю., Медведєва Ю.Ю. Етнічні ідентичності в дзеркалі тілесності та практик харчування.- Монографія 5-ти авторів/Ю.В. Романенко, І.О. Святненко, А.О. Поцелуйко, А.Ю.Ташенко, Ю.Ю. Медведєва.- К.: Вид-во ДУТ, 2015.-437 с.

СРАВНЕНИЕ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИХ СТРУКТУР ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКОЙ И ВИЗАНТИЙСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИЙ

В.И. Ткаченко (Витебск, Беларусь)

В 395 г. произошёл раздел Римской империи на Западную и Восточную. Это событие стало прологом появления двух особых цивилизаций средневековья – византийской и западноевропейской. В 476 г. Рим пал под ударом варваров. В результате на территории Европы сформировался ряд варварских государств. Восточная же империя, получившая наименование Византийской, выстояла и просуществовала ещё почти тысячу лет.

Государства Западной Европы и Византия имели ряд особенностей, которые и определяли их своеобразие. Вместе с тем, общее прошлое, а также ход общеисторического развития обусловили существование явлений и процессов, характерных для обеих цивилизаций.

Первым лицом Византийской империи являлся император, который получал власть непосредственно от Бога. Коронация императора проводилась патриархом, но значение этой церемонии состояло в том, чтобы показать высокую роль церкви в государстве, но никак не зависимость императора от патриарха. Сам факт помазания императора символизировал его непосредственную связь с Богом. В Западной Европе всё было иначе. Например, император Священной Римской империи мог получить титул германского короля, и лишь спустя некоторое время быть коронованным в Риме императорской короной. При коронации папа, который официально считался наместником Святого Петра на Земле, выполняя акт помазания, как бы представлял божественные силы, которые даруют императору определённую власть. Иными словами, после помазания правитель превращался в государя, «коронованного Богом», при этом акт помазания совершался папой.

Императоры и в Византийской, и в Священной Римской империях считались избранными. Однако если император Священной Римской империи избирался коллегией немецких князей, т.е. знать непосредственно влияла на то, кто займет престол, то факт избрания византийского императора призван был засвидетельствовать его поддержку народом, что являлось воплощением воли Господа. Правда, и в Византии определённые круги могли влиять на избрание императора, свидетельством чего является ряд государственных переворотов. Следует отметить также, что при формальной избираемости императоров и на Востоке, и на Западе зачастую фактически существовало династическое правление.

Византийский император был представителем Бога на земле, между ним и его подданными, даже теми из них, кто занимал высокие должности, существовала определённая дистанция. Это подчёркивалось рядом внешних атрибутов, церемоний, а также особой ролью императорского дворца, территория которого являлась «священным пространством». Кроме того, дворец императора представлял собой целый комплекс зданий и строений, чего не было в средневековой Европе. Наследием античности являлось наличие недалеко от дворца Ипподрома, который являлся особым «политическим пространством», в котором власть императора подпитывалась приветствием толпы.

Монархи Западной Европы часто обладали лишь моральным авторитетом, а зачастую не имели и его. В период раннего средневековья варварские короли являлись скорее первыми среди равных, некоторые историки государственный строй этого периода определяют как «демократия знати». Расцвет феодальных отношений привёл к тому, что часто руководитель государства обладал реальной властью лишь там, где он являлся сеньором. В истории некоторых европейских государств были периоды, когда королевские домены были значительно меньшими по площади, чем домены крупных феодалов.

Византия обладала развитой военной и гражданской администрацией, без которой было бы невозможно функционирование империи как единого организма. Поскольку все служащие являлись слугами

императора, то и администрация, подобно императору, имела священный характер. Администрация делилась на отдельные службы, в которых трудились чиновники различных уровней. В распределении должностей большую роль играла степень родства с императором. Например, в период правления династии Комнинов практически все высшие должности были заняты родственниками императора. В IX в. на смену должностям приходят звания, которые зачастую покупались, а средства, вырученные таким образом, шли на государственные нужды, в том числе и на оплату работы чиновников. Таким образом, государство выполняло банковскую функцию, чего не было в Европе.

Развитый характер государственного устройства Византии подтверждает и система административно-территориального деления, которой до определённого времени не знали западноевропейские государства. Первоначально территория империи делилась на провинции, которые объединялись в префектуры. С VIII-IX вв. появляются фемы, управляемые стратегами, которые обладали как гражданскими, так и военными полномочиями.

Государственный строй Западной Европы определялся господством феодализма, который в первую очередь является системой землевладения и землепользования. Фактически, территория государств в период феодальной раздробленности представляла собой совокупность доменов крупных феодалов. Крупные феодалы, формально подчиняясь королю как вассалы, были вполне независимы: чеканили монету, вели войны, осуществляли суд, собирали налоги. Центром феодальной организации был замок, в котором сеньор являлся господином подвластной ему территории, исполняя и частные, и публичные права (сходство с Византией, где император являлся как бы собственником империи, и часто граница между арендной платой и рентой также была нечёткой). Феодалы за службу раздавали своим вассалам наделы земли – фьеры. Феодальная система, как правило, исключала понятие собственности, обычно определяемое как право пользования и распоряжения. Однако постепенно происходит рост власти вассала над фьером, что приводит к установлению наследственности фьера. Примечательно, что до XIII в. передача фьера лишь в редких случаях подтверждалась письменным актом, что вряд ли могло бы иметь место в Византии с её развитым бюрократическим аппаратом. Также следует упомянуть принцип, который господствовал во Франции – «вассал моего вассала – не мой вассал», что ещё больше ограждало крупных феодалов от посягательств центральной власти. Кроме того, знать могла влиять на управление государством, входя в состав королевского совета. Подобные органы государственного управления существовали и в Византии, первоначально в виде Сената, который, однако, выполнял лишь консультативную функцию, должен был утверждать принятые решения и выражать поддержку императору, а затем – в виде Консистория, функции которого сводились к координации работы отдельных служб.

Византия не могла находиться в стороне от общеевропейских процессов, что обусловило проникновение феодальных отношений в жизнь империи. Так, императорской властью практиковалась раздача проний, первоначально на время жизни императора либо прониара, а с XIII в. – как условное наследственное владение. В качестве особой привилегии существовали экскусии – иммунитеты в сфере подати. Однако экскусии не предполагали административной независимости, что сдерживало развитие частной власти в поместьях. С XIII в. налоговый иммунитет крупных землевладельцев дополнялся административным и судебным иммунитетом. Однако при этом государство определяло размеры публично-правовой ренты с крестьян, которую оно передавало феодалам.

Существование феодализма как системы землевладения и землепользования представляется невозможным без крестьянства. И в Византии, и в Европе крестьянство занимало зависимое положение. Однако в Византии связь государства с крестьянами зачастую носила непосредственный характер, в то время как в Европе феодалы являлись своего рода посредниками в подобных отношениях. Вместе с тем, с XIII в. в Европе набирает обороты движение по освобождению крестьян, результатом чего стало улучшение их юридического положения.

Также следует упомянуть об особенностях городской жизни. В Византийской империи продолжали функционировать античные города, что обусловило более высокий уровень городской жизни. В определённые периоды до 10% населения империи жило в городах (высший в Европе показатель), а Константинополь являлся крупнейшим городом континента. Однако Византии было не знакомо городское движение – борьба городов за свои права, результатом которого стало получение многими западноевропейскими городами Магдебургского права.

Говоря об особенностях права вообще, следует принимать во внимание, что в Византии продолжало действовать римское право. Высшим источником права являлся император, который мог изменять и дополнять законы (например, знаменитый «Кодекс Юстиниана», в основу которого было положено классическое римское право). Законы в Византии были едины на территории всего государства и обязательны для исполнения всеми гражданами. В Западной Европе долгое время не существовало единого государственного права, одинакового для всех жителей страны. Законодательство часто опиралось на обычаи,

поэтому право не имело однозначного смысла. Кроме того, в Европе практиковались ордоналии («суд Божий») – испытания огнём, раскалённым железом и т.д., чего не знала Византия.

Единственным социальным институтом, общим для всех европейских стран средневековья, надгосударственной организацией, которая обладала самостоятельностью в решении внутренних и целого ряда политических проблем являлась христианская церковь. Главой церкви являлся папа римский. Власть папы была неоспоримой во всех вопросах, которые касались церковной жизни. Учитывая огромную роль, которую играла церковь в жизни средневекового общества, папа часто ставил в зависимость от себя западноевропейских правителей. И хоть периодически пальма первенства в противостоянии с папством попадала в руки того или иного монарха, в общем картина была в пользу Рима.

Духовное могущество папы подкреплялось наличием у него власти светской. Резиденция папы находилась в Риме – столице некогда могущей империи. Получалось, что император, перебравшись в Константинополь, оставил Рим папе. Папа являлся главой отдельного государства – Папской области, имея при этом соответствующие атрибуты. В церемониях, где папа выступал как государь, ему одевали тиару. Римское духовенство именовало себя «курией», напоминая и римский сенат, и феодальный двор. Кроме того, постоянно росло количество вассальных по отношению к святому престолу государств. Во многом превращению церкви в монархию способствовала фискальная система.

Основной функцией церкви в Византийской империи являлось поддержание веры и уважения моральных норм (что в определённой мере совпадало с функцией церкви на Западе). Однако если церковь на Западе была надгосударственной структурой, то церковь в Византии не могла представить себя вне империи. Церковь находилась в подчинённом по отношению к государству положении, освящая существующий строй. Император мог вмешиваться в дела церкви. Он же назначал патриарха, избирая его из составленного синодом списка трёх кандидатов, а в определённых случаях мог и разжаловать его. Патриарх же являлся вторым лицом в государстве. Функционирование церкви обеспечивалось хорошо организованной административной системой, при этом государственная и церковная администрации являлись взаимопроникающими.

Сходной и на Западе, и на Востоке являлась благотворительная и культурная функции церкви: организация больниц, домов милосердия, приютов, школ, скрипториев по переписыванию книг. И в Византии, и в Европе существовали монастыри. Однако если в Византии монастыри фактически не были включены в число институтов империи, то в Европе дело обстояло по-иному. Здесь существовали монашеские ордена, которые жили согласно своим уставам. Монастыри являлись крупными хозяйственными единицами, а аббаты наиболее крупных монастырей могли играть значительную роль и в политических процессах. Кроме того, в Европе существовали духовно-рыцарские ордены, представляющие собой значительную силу, не только военную, но и политическую. Духовно-рыцарские ордена стали в частности орудием проведения крестовых походов, которые являются подтверждением ещё одного различия западного и восточного христианства: если внешняя политика восточного христианства носила в основном культурологический характер, то западное христианство проводило активную внешнюю экспансию, причём со временем религиозная идеология всё более прикрывала собой экономические и политические мотивы.

Вообще, доминирование Византии над Западной Европой наиболее проявилось в эпоху Раннего Средневековья, когда Европе представляла собой ряд варварских государств, в то время как в Византии продолжали жить античные традиции. Однако постепенно Византийская империя приходит в упадок, в то время как Европа набирает силу (1204 г. – взятие Константинополя крестоносцами и создание Латинской империи, которая просуществовала до 1261 г.). В 1453 г. ослабевшая Византийская империя, после взятия Константинополя турками-османами, прекратила своё существование.

1. Византийская империя // Электронная энциклопедия [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://ru.wikipedia.org/wiki/Помен>
2. Византийская империя – встреча востока с западом // Вейская империя [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://imperiya-vizantiya.ru/>
3. Гуревич А.Я. Категории средневековой культуры // Библиотека Гумер [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Culture/Gurev/index.php
4. История средних веков: В 2 т. Учебник/ под ред. С.П. Карпова. – М.: Изд-во МГУ: ИНФРА – М, 1998 – Т.1 – 640 с.
5. Корякина Е.П. Культура средневековой Западной Европы: особенности, ценности, идеалы // Московский институт электроники и математики [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://avt.miemi.edu.ru/Kafedra/Kt/Publik/posob_4_kt.html
6. Хачатурян В.М. История мировых цивилизаций с древнейших времён до начала XX века. – М.: Дрофа, 1997 – 400 с.

НАСЛЕДОВАНИЕ ГРАНИЦ КАК ПРИЧИНА ЭТНОПОЛИТИЧЕСКИХ КОНФЛИКТОВ В НОВЫХ НЕЗАВИСИМЫХ ГОСУДАРСТВАХ

А.С. Соколов (Гомель, Беларусь)

Uti possidetis (лат. «поскольку владеете»), или *постимперская легитимность* (по А.Г. Дугину) – сложившийся в международно-правовой практике принцип, согласно которому новые независимые государства, возникшие вследствие распада более крупных полиэтнических государств («империй») получают ту же самую территорию и те же самые границы, которые они имели, будучи административными единицами или зависимыми территориями в составе других государств.

«Империя» чаще всего руководствуется при территориальном устройстве своих колоний сугубо административными и экономическими признаками, не учитывая ни этнические, ни религиозные, ни национальные факторы. Административные границы в рамках «империи» довольно произвольны, так как они заведомо представляют собой условные барьеры, созданные лишь для удобства централизованного контроля метрополии [3]. При создании схемы административного деления полиэтнических государств территории, населённые одним народом, могут включаться в состав различных административных единиц или в состав административных единиц более низкого порядка, чем административная единица с преобладающей долей другого народа. При этом мнение населения, проживающего на территориях, относимых центральной властью к тем или иным единицам, может вообще не учитываться даже если директивно устанавливаемая схема административного деления не находит поддержки населения [1, 2, 4]. Тем не менее, в рамках единого государства это не создаёт проблемы, так как административные границы условны и не оказывают существенного влияния на быт и экономику регионов, а регулирующая роль центра позволяет ему успешно купировать национальные и социальные противоречия в своих административных единицах.

При распаде государства и наследовании новыми государствами прежних административных границ, но уже в качестве государственных, регулирующая роль центра исчезает, однако противоречия остаются, и именно этот факт приводит к росту напряжённости, возникновению этнополитических конфликтов, гражданских войн и долгого периода нестабильности во многих новых независимых государствах.

А.Г. Дугин указывает, что *сохранение такой «постимперской легитимности» часто приводит к тому, что один и тот же автохтонный этнос населяет территории разных постимперских государств, а в рамках одного государства проживает несколько этнических и религиозных групп. Фактически относительный баланс интересов поддерживается в таких случаях только апелляцией к внешнему фактору чаще всего к явной или скрытой мощи бывшей метрополии (или того развитого государства, которое может прийти ей на смену). Весьма показательно, что на последних этапах «освобождения» Африки Панафриканский конгресс постановил применять во всех вновь образованных государствах как раз принцип «постимперской легитимности», хотя многие большие африканские народы в частности, банту, зулусы и т.д. оказались проживающими сразу в двух или трех государствах. Это было сделано под предлогом избежания этнических, межплеменных и религиозных войн. На самом деле, речь шла о стремлении руководителей постимперской администрации сохранить свои искусственные элиты у власти, не допустив создания в процессе национального подъема новых представителей органичной национальной иерархии. Учитывая стратегическую и социально-экономическую отсталость Африки и отсутствие свежих и жизненных государственных традиций, этот подход сработал довольно успешно [3].*

Данная проблема поднималась ещё в 1917 году, когда при отделении Финляндии от России встал вопрос о принадлежности Аландских островов, входивших в состав Финляндии согласно административному делению Российской Империи. На референдумах 31 декабря 1917 года и в июле 1919 года 95% его участников высказались за вхождение в состав Швеции. Данный вопрос Советом Лигой наций был поручен разрешить комиссии авторитетных юристов. Решение комиссии заключалось в том, что «Финляндия не может требовать, чтобы будущее Аландских островов было бы таким же, как ее собственное, только потому, что эти острова формально являлись частью политической структуры в составе Российской империи» [5].

Фактически все конфликты, возникшие в государствах, образовавшихся после распада СССР и СФРЮ, основной своей предпосылкой имели тот факт, что состав их территории и границы в своё время были установлены «сверху» без какого-либо учёта исторических, национально-религиозных факторов, исключительно руководствуясь конъюнктурными соображениями, интересами и выгодами центральной власти.

К примеру, Абхазия, первоначально имевшая одинаковый статус с Грузией, в 1931 году была преобразована в автономную республику в составе Грузии; Нагорный Карабах, более 90 % населения которого являлись армянами, получил статус автономной области в составе Азербайджана (при этом в его состав не вошли некоторые территории с преобладающим армянским населением, а общая граница с Армянской ССР постепенно исчезла); территория левобережья Днестра (современное Приднестровье), до 1940 года входившая в состав Украины как автономная республика с преобладанием русского и украинского населения, включена в состав созданной на присоединённых территориях Бессарабии Молдавской ССР;

территория проживания осетин была разделена на 2 части, которые стали входить в разные союзные республики – северная часть – Северо-Осетинская АССР в составе РСФСР, южная часть – Юго-Осетинская автономная область в составе Грузинской ССР и т. д. Во всех этих случаях мнение проживающего на данных территориях населения не учитывалось.

Аналогичные случаи происходили в Социалистической Федеративной Республике Югославии (СФРЮ). Например, при образовании автономной области, а затем автономного края на территории Косово и Метохии с преобладающим албанским населением, в состав этого административного образования югославскими властями включены и населённые сербами территории к северу от реки Ибар и города Косовска-Митровица. Впоследствии при отделении Косова от Сербии под предлогом защиты албанского населения, косовские власти включили в его состав и сербские территории, только лишь в силу вышеуказанной причины. Таким образом проживающее на данной территории сербское большинство стало заложником административного деления полувековой давности, испытывает этническую дискриминацию и лишено права национального самоопределения и проживания в пределах своего государства.

При получении независимости других бывших югославских республик – Хорватии и Боснии и Герцеговины также были полностью проигнорированы территории с иным этническим составом. Хорватские и боснийские власти решили в неизменном виде наследовать соответствующие административные границы, созданные в рамках единой Югославии без учёта историко-этнических факторов, лишив, тем самым прав на самоопределение другие народы, оказавшиеся в пределах соответствующих территорий. Это вызвало кровопролитную гражданскую войну, создание ряда непризнанных государств – Республики Сербской, Республики Сербской Краины, Республики Западной Боснии, Хорватской Республики Герцеговины. Однако попытки сербов реализовать своё право на самоопределение в районах с сербским большинством были подавлены с помощью интервенции НАТО и поддерживаемых им отрядов хорватов и мусульман, и сербские земли в 1995 году были окончательно включены в состав других государств согласно схеме административного деления бывшей Югославии.

Примечательно, что в значительном числе случаев историография и политическая идеология новых постсоветских независимых государств отрицательно оценивают пребывание в составе СССР, особенно в довоенное время («сталинский период») и призывают отказаться от советского наследия под предлогом восстановления «исторической справедливости», однако при этом такую «справедливость» категорически отказываются распространять на полученные в данный период территории, являющиеся неотъемлемой частью этого наследия.

Так в разное время различные советские республики решениями центральных властей СССР получали значительные по площади земли главным образом за счёт РСФСР или вновь присоединённые к Советскому Союзу. К их числу относятся Литва (получила Вильнюс и часть Виленского края в 1939 году), Беларусь (получила из РСФСР территории, входящие в настоящее время в состав Гомельской и Витебской областей в 1924 и 1926, а также территорию Западной Беларуси в 1939), Украина (получила ряд территорий Донбасса в 1920, часть Курской, Брянской, Воронежской губерний в 1925–1926, Восточную Галицию в 1939, Северную Буковину и Южную Бессарабию в 1940, Закарпатье в 1945, Крым в 1954), Казахстан (вся территория была отделена от РСФСР в 1936 году, включая территории на севере с подавляющим большинством русского населения), Узбекистан (получил из состава РСФСР Кара-Калпакскую автономную область, в которой узбеки составляли менее трети населения, в 1936) и так далее.

После распада социалистических федераций, существенные территории с преобладанием русского, сербского, армянского, абхазского, осетинского и т. д. населения были включены в состав новообразованных государств либо эти государства имеют на них притязания лишь только на том основании, что в период существования государств-предшественников данные территории по различным, независимым от них причинам были включены в состав административных образований с иным преобладающим этносом.

Таким образом, при обретении независимости различные народы были поставлены заведомо в неравные условия, когда право на реализацию политического суверенитета и создание своего государства ставилось в зависимость от административно-территориальных схем, созданных много десятилетий назад силами, не имевшими отношения к данным регионам и не учитывавшими их специфики. Эта очевидная несправедливость и нарушение равенства прав народов породила вооружённые конфликты, попытки (удачные или неудачные) отделения отдельных территорий от новообразованных государств с целью создания своего государства или присоединения к уже существующему, этнические чистки, с помощью которых новообразованные этносы, реализовавшие своё самоопределение в виде создания государств, пытались исключить это право у этносов, попавших в пределы этих государств вследствие наследования существовавших ранее административных границ распавшихся стран.

1. Анненков К.Н. Гомельская губерния 1924-1926 годов: возвращение в состав БССР / К.Н. Анненков // Беларусь в современном мире : материалы VII Междунар. науч. конф. студентов, аспирантов и молодых ученых, Гомель, 22 мая 2014 г. / М-во образования Респ. Беларусь, Гомел. гос. техн. ун-т им. П. О. Сухого ; под общ. ред. В. В. Кириенко. – Гомель: ГГТУ им. П. О. Сухого, 2014. – С. 20-23.
2. Государственные границы Беларуси : сб. документов и материалов. В 2 т. Т. 1. (март 1917 – ноябрь 1926) / сост. : В. Е. Снапковский [и др.]. – Минск: БГУ, 2012. – 495 с.

3. Дугин, А.Г. Основы геополитики / А.Г. Дугин. – М.: АРКТОГЕЯ-центр, 2000. – 928 с.
4. Теремов, О. Перетягивание границ: как большевики делили Гомельскую губернию между Россией и Белоруссией / О. Теремов // Родина. – 2001. – № 10. – С. 81-83.
5. Томсинов, В.А. «Крымское право», или юридические основания для воссоединения Крыма с Россией / В.А. Томсинов // Вестник Московского университета. Серия 11: право. – № 5. – 2014. – С. 3-32.

СОВРЕМЕННЫЕ ПРАВОРАДИКАЛЬНЫЕ ПАРТИИ В СТРАНАХ ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЫ

Т.Г. Соловей (Минск, Беларусь)

Конец XX - начало XXI вв. отмечены усилением правых и особенно крайне правых политических сил во многих странах Западной Европы. Заметным событием последних десятилетий стал электоральный успех партий, использующих праворадикальные лозунги и националистическую риторику.

О новой «ультраправой волне» заговорили в 1999 г., когда *Австрийская партия свободы* под руководством Йорга Хайдера получила на парламентских выборах почти 27% голосов избирателей, и праворадикальная партия впервые в послевоенной Европе приняла участие в формировании правительства. Вслед за Австрией праворадикалы были привлечены к работе правительства в Нидерландах (*«Список Пима Фортейна»*), Дании (*Датская народная партия*), Норвегии (*Партия прогресса*).

В 2002 г. лидер *Национального Фронта* Ж.-М. Ле Пен вышел во второй тур президентских выборов во Франции. В 2017 г. его дочь Марин Ле Пен получила во втором туре очередных президентских выборов 33, 9% голосов избирателей.

В 2010 г. в Бельгии первое место по числу голосов (17,4%) и полученных мандатов на федеральном уровне занял правопопулистский *Новый фламандский альянс*, а на парламентских выборах в Швеции впервые в истории страны в парламент вошла крайне правая партия - *Шведские демократы*. По итогам выборов 2015 г., а затем и досрочных выборов 2017 г. третьей по величине фракцией в парламенте Великобритании стала *Шотландская национальная партия*. На парламентских выборах 2017 г. в ФРГ 12,5% голосов набрала правопопулистская партия *Альтернатива для Германии* (третье место).

В общеевропейском масштабе тенденцию поправения подтверждают результаты выборов в Европейский парламент в мае 2014 г. Расширили свое представительство радикал-националисты и евроскептики. Значительного успеха в своих странах добились британская Партия независимости (27,8% голосов), Датская народная партия (26,6%), Национальный Фронт во Франции (25,1%), Партия свободы Нидерландов (13,2), «Истинные финны» (12,9%) и др.[1]. Партия независимости Соединенного Королевства и ряд других партий-евроскептиков (итальянская «Пять звезд», «Шведские демократы» и др.) сформировали в Европарламенте политическую группу *Европа за свободу и прямую демократию* (48 мандатов). Праворадикальные националистические партии (Национальный Фронт из Франции, Фламандский интерес (Бельгия), чешская Гражданская Консервативная партия, Лига Севера (Италия) и др.), сумели создать в 2015 г. свою фракцию *Европа наций и свобод* во главе с Марин Ле Пен.

Радикализм - (от лат. "radix" - корень) - социально-политические идеи и действия, направленные на решительное, кардинальное, «коренное» изменение существующих общественных институтов. Правый радикализм в современной Европе охватывает достаточно широкий спектр политических сил. В Австрии, Дании, Италии, Норвегии, Швейцарии, Польше крайне правые партии являются встроенными в политические институты, нередко участвуют в правительственной деятельности. В других случаях правые радикалы (Национальный фронт во Франции, Британская национальная партия и др.) являются антисистемными политическими партиями, ставящими под сомнение либеральные ценности и европейское строительство как таковое.

В зависимости от идеологии, целей и методов деятельности среди праворадикальных европейских партий различают сегодня крайне правых экстремистов (*Фламандский интерес* в Бельгии, *Золотая заря* в Греции, *Британская национальная партия*, *Национал-демократическая партия Германии*), праворадикальных популистов (*Партия свободы* Герта Вилдерса в Нидерландах, *Шведские демократы*), правых «альтерглобалистов» и «еврорегионалистов» (*Новый фламандский альянс* Барта де Вевера) [2, с.94].

Несмотря на определенные различия в идейно-политическом облике, праворадикальные партии разных стран объединяют такие черты, как национализм, этноцентризм, элитизм, этатизм и т.п. Общими программными установками крайне правых партий являются в настоящее время требования воссоздания утраченного единства нации, укрепления национального суверенитета и национальной идентичности, критическое отношение к мультикультурализму, к глобализации и европейской интеграции.

Возросшая активность крайне правых партий и движений в современном мире вызвана объективными социально-экономическими и политическими процессами. Мировой экономический кризис, негативные последствия глобализации, снижение роли национальных государств, проблемы иммиграции и интеграции мигрантов – все это ведет к росту популярности правых радикалов.

Ухудшение экономического положения и соответствующие социальные последствия (прежде всего увеличение уровня безработицы) укрепляют позиции правопопулистских партий, расширяя их электоральную базу за счет представителей различных социальных и демографических групп, непосредственно затронутых кризисом.

Центральной проблемой для Западной Европы является сегодня иммиграция. Наплыв иноэтничных и инокультурных мигрантов, слабо адаптирующихся к условиям жизни в западном обществе, способствует росту ксенофобии и националистических настроений. Иммигранты и беженцы воспринимаются как угроза экономической безопасности, культурным и семейным ценностям, цивилизационной идентичности Запада. Правые радикалы выступают с резкой критикой иммиграционной политики центральных правительств, призывая к ужесточению иммиграционного контроля и соответствующего законодательства.

Так, в программе партии *Фламандский интерес* предъявляются требования депортировать иммигрантов, «которые не хотят становиться частью фламандской культуры и отвергают общеевропейские ценности» [3]. По мнению председателя *Национального Фронта* Марин Ле Пен, гражданами Французской республики могут стать люди любых расовых, этнических и даже религиозных групп, но только при условии становления их французами по духу и культуре; натурализация возможна только в том случае, если кандидат на получение гражданства воспринимает духовные ценности, традиции и обычаи Франции, французский язык и принципы, которые являются базовой основой французской цивилизации [4].

Праворадикалы крайне негативно относятся также к феноменам глобализации и европейской интеграции. Евроскептицизм как следствие критического отношения к Европейскому Союзу и его институтам становится неотъемлемой частью идеологии радикальных партий. Они выступают против форсированного объединения многих европейских стран в рамках ЕС, видя в этом опасность потери национальной идентичности и полного растворения в бюрократическом наднациональном организме. Под сомнение ставятся не только Шенгенские соглашения, но и сам Маастрихтский договор. По мнению крайних правых, процессы интеграции в рамках международных организаций и союзов приводят к ослаблению национального государства, что способствует развитию кризисных явлений в политической, экономической и социо-культурной сферах. Праворадикальные партии выступают с призывами укрепления национального государства и национального суверенитета, поддержания национального единства и национальной идентичности, усиления «силовой составляющей» государства. Под давлением правых, выступающих против многих решений Брюсселя, отдельные страны начинают жестче отстаивать свои национальные интересы перед лицом объединительных тенденций.

В странах, где существуют этнорегиональные противоречия, радикальные настроения выражаются зачастую региональными и этническими партиями, которые выступают с позиций сепаратизма (*Лига Севера* в Италии, *Новый фламандский альянс* в Бельгии, *Шотландская национальная партия*, *Шинн Фейн* в Северной Ирландии и др.). Стремясь повысить этнокультурный статус своих образований, региональные партии ратуют за создание «Европы регионов».

Успехи праворадикальных партий во многом объясняются кризисным состоянием европейской партийно-политической системы, неспособностью традиционных парламентских партий адекватно реагировать на новые вызовы. Праворадикалы выступают с резкой критикой властей. В отличие от последних, они не замалчивают, а остро ставят актуальные вопросы, используя при этом броские лозунги и популистские трактовки. Партии подобного рода умело играют на страхе рядовых обывателей перед ростом иммиграции, преступности, увеличением безработицы. Популярность многих радикальных партий основана также в значительной степени на харизме их политических лидеров (Ж.-М. Ле Пен, Й. Хайдер и др.)

Важным фактором успеха ультраправых является не только дезориентации традиционных политических сил, но и успешная модернизация и перегруппировка праворадикального лагеря. Ставя под сомнение устои современных либеральных демократий, крайне правые, тем не менее, не добиваются их пересмотра или уничтожения. Дистанцируясь от фашистской и неонацистской идеологии и претерпев серьезную трансформацию своей идеологической структуры, праворадикальные партии Западной Европы подчеркивают свою лояльность существующему политическому порядку. Они пытаются сформировать имидж новой и динамичной силы, выступающей за сохранение национальных ценностей и готовой дать ответ на требования и нужды, выдвигаемые постиндустриальным обществом

Таким образом, правый радикализм в настоящее время переживает новый этап своего развития. Праворадикальные партии стали заметным фактором общеевропейской политики, с которым нельзя не считаться.

1. Results of the 2014 European elections [Electronic resource]. – Mode of access: <http://www.results-elections2014.eu/en/election-results-2014.html>. – Date of access: 22.02.2018.
2. Бирюков, С.В. «Крайне правые» партии в современной Европе (От утопической ортодоксии к альтернативной стратегии) / С.В. Бирюков, А.М. Барсуков // *Мировая экономика и международные отношения*. – 2011. - № 8. – С.91-100.
3. Программа партии «Фламандский интерес» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.vlaamsbelang.org/files/200806_programma. - Дата доступа: 22.02.2018.
4. Махова, А. Франция: старый и новый Национальный Фронт / А. Махова
5. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.sensusnovus.ru/analytics/2013/09/15/17190.html>.91-100. – Дата доступа: 20.02.2018.

КЛАССИФИКАЦИЯ СОЦИАЛЬНО ОРИЕНТИРОВАННЫХ НАЦИОНАЛЬНЫХ МОДЕЛЕЙ ЭКОНОМИКИ: КАКОЙ ВЫБОР У РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСИ?

В.А. Янчук (Витебск, Беларусь)

Социально-экономическая активность общества, прежде всего, определяется степенью социальной ориентации экономики. По этому признаку на современном этапе развития мирового сообщества, на наш взгляд, можно выделить три базовые модели национальной экономики: либеральную капиталистическую, социализированную капиталистическую (социальное рыночное хозяйство) и социалистически ориентированную.

Системообразующими социальными индикаторами, составляющими социально-экономическую матрицу базовых национальных экономических моделей, являются: господствующая собственность на основные ресурсы общества; доминирующий социально-экономический субъект; характер отношений между экономическими субъектами; социальная и экономическая роль государства.

Модель либеральной капиталистической экономики предполагает ориентацию государства, в первую очередь, на капиталистов-предпринимателей. Для них правительство создает условия наибольшего благоприятствования и предоставляет им максимально возможную экономическую свободу. В такой модели между экономическими субъектами господствуют и стимулируются отношения конкуренции, экономическая и социальная роль государства является минимальной, в производстве ВВП доминирует частно-капиталистический сектор экономики, невысока ставка подоходного налога. Распределение результатов производства осуществляется, главным образом, по капиталу и по цене рабочей силы. В этой модели высока дифференциация населения по доходам и по величине личного имущества. Вместе с тем допускается и минимальная защищенность населения.

Страны с либеральной капиталистической экономикой периодически подвергаются экономическим кризисам, что подтверждает и мировой кризис 2008-2009 гг. Главная причина кризисов в либеральной капиталистической экономике определена еще К. Марксом – противоречие между общественным характером производства и частным характером присвоения его результатов.

Социализированная капиталистическая модель – промежуточная базовая модель. Она присуща, например, многим странам Западной Европы. Ее основу также составляют капиталистические отношения. Капитализм в ней, по мнению ее творцов, «был, есть и будет, но надо придать ему человеческое лицо», которого лишен либеральный капитализм в своем чистом виде. Поэтому государство должно стремиться ликвидировать такие социальные пороки капитализма, как огромное неравенство между людьми по размерам доходов и личного имущества, большую безработицу и т.д. Для достижения этой цели государство проводит политику социального регулирования, реализуя принципы социального партнерства и солидарности между предпринимателями и наемными работниками. Кроме того, считается, что только государственное регулирование экономики может противостоять негативным внешним эффектам рыночного процесса (фиаско рынка). Однако и такая модель, хотя и сглаживает язвы капитализма, не исключает жестокую конкуренцию, кризисы и огромное неравенство в распределении национального дохода и богатства.

Социалистически ориентированная модель предполагает нацеленность национальной экономики на повышение уровня и качества жизни трудящихся, благосостояния всего общества в целом. Главные ее признаки следующие: господство общественных форм собственности на основные ресурсы общества; доминирование отношений сотрудничества и кооперации между субъектами хозяйствования; государственное социально-экономическое управление на основе широкого применения программно-целевого метода планирования; проведение сильной социальной политики; создание мотивационных экономических стимулов для всех экономически активных граждан; эффективное участие государства в развитии таких отраслей духовного производства, как наука, культура, образование.

В настоящее время многие ученые пришли к выводу о том, что важнейшим условием повышения социально-экономической эффективности страны является **духовно-нравственное воспитание специалистов**. Так, например, известный американский профессор Л. Т. Гайгер, специалист в области макроэкономических исследований, в учебнике «Макроэкономическая теория и переходная экономика» [1] в 15-ти главах из 17-ти анализирует нравственные проблемы экономической деятельности человека, связанные с господством рыночной экономики.

Мировой экономический кризис 2008-2009 гг. еще раз показал, что система капиталистической рыночной экономики, ориентированная на получение максимально возможной прибыли капиталистами, обладает целым рядом серьезных недостатков: она не ограничивает производство вредных для здоровья людей товаров, наносит большой ущерб окружающей среде, не способствует реализации основных прав человека (на медицинское обслуживание, образование, труд, досуг и т.д.). Американские экономисты Р. Хайлбронер и Л. Тароу по этому поводу пишут: «Она (рыночная система. – В.Я.) эффективна и динамична, но совершенно лишена моральных ценностей. Она не признает иных прав на получение товаров и услуг, кроме прав богатства и дохода. Те, кто обладает богатством и доходом, имеют право на получение

товаров и услуг, производимых экономикой, те, кто не имеют дохода, не получают ничего... Если твердо придерживаться рыночной системы распределения, мы бы должны были преспокойно наблюдать, как вокруг нас люди мрут с голоду» [2, с.175]. Немецкий исследователь, философ П. Козловски в работе «Принципы этической экономики» приходит к такому же выводу: «В условиях экономики переходного периода следует рассматривать этические условия экономического поведения, так как они не являются, как это зачастую утверждается, роскошью. Скорее они представляют условие эффективности и роста экономики» [3, с. 5]. Более того этика, мораль, социальная психология, на наш взгляд, не просто влияют на экономику, сама экономика без них невозможна. Развитие экономики – не самоцель. Экономисты должны предлагать альтернативные варианты экономического развития, однако оптимальным должен быть такой вариант, при котором в среднесрочной и в долгосрочной перспективе достигается максимум социальной эффективности производства.

Белорусская экономическая модель (БЭМ), по сути, позиционируется руководством страны как разновидность социалистически ориентированной модели. Важнейшими её признаками являются *экономический и социальный патернализм государства*. В Беларуси ведущим предприятиям, попавшим в сложное финансово-экономическое положение, оказывается необходимая помощь. Формы применения государственного патернализма в хозяйственной практике, разумеется, будут модифицироваться, однако в любом случае государство должно защищать перспективные и жизненно важные для национальной экономики производства. Основными направлениями социальной политики в республике являются: создание условий для непрерывного роста благосостояния населения; повышение уровня занятости экономически активного населения; социально эффективное пенсионное обслуживание; регулирование доходов населения; формирование эффективной системы здравоохранения и др.

Выделим и такой признак БЭМ, как *формирование эффективно-пропорциональной смешанной экономики*. В нашей республике, например, сохраняется мощный государственный сектор, в котором занято более половины всех работающих, а рыночный сектор естественно дополняется нерыночным сектором. Неверно, на мой взгляд, всю национальную экономику сводить только к рыночной экономике, как это часто делается.

Вместе с тем все более заметным становится то обстоятельство, что за пределы допустимого социальной ориентацией модели в ряде отраслей Беларуси выходит рыночный сектор. В нашей стране недооценивается значимость образования как отрасли духовного производства, формирующего в т.ч. и инновационное мышление у населения. Выражается это, в частности, в том, что заработная плата работников образования существенно ниже средней по Республике Беларусь

Противоречит декларируемой в Беларуси модели макроэкономики и ставка подоходного налога размером в 13%. В странах с социализированной капиталистической ориентацией экономики она является прогрессивной. Пропорциональный подоходный налог не соответствует принципам социальной справедливости и солидарности, которые предполагают перераспределение дохода от богатых к бедным. Кроме того, этот налог также не является автоматическим регулятором циклического развития национальной экономики. Более эффективной была бы, к примеру, четырехступенчатая ставка подоходного налога: 0%, 10%, 15% и 20%.

Кроме того, в нашей стране явно преувеличивается роль конкуренции. Дело в том, что отношения между экономическими субъектами могут и должны быть не только конкурентными, но и отношениями сотрудничества, кооперации и соревнования, в частности, в государственном секторе и между белорусскими предприятиями за границей. Американский специалист по менеджменту и экономической психологии Эдвард де Боно глубоко анализирует отношения конкуренции и сотрудничества и приходит к выводу о том, что западная цивилизация одержима системой столкновений, противоборством. Более эффективными являются китайская и японская системы, предполагающие нестолкновение, а согласие, сотрудничество, выработку удовлетворяющего все стороны решения [4, с. 129-131].

В целом сказанное позволяет сделать вывод о том, что для Беларуси наиболее перспективной является социалистически ориентированная модель экономики, реализация которой на практике и позволит добиться, как это сказано в Национальной стратегии устойчивого развития Республики Беларусь до 2020 года, динамичного роста уровня благосостояния, обогащения культуры и повышения нравственности народа [5].

1. Гайгер, Линвуд Т. Макроэкономическая теория и переходная экономика: Пер. с англ. / Линвуд Т. Гайгер. – М.: «ИНФРА-М», 1996.
2. Хайлбронер, Р. Экономика для всех / Р. Хайлбронер, Л. Тарроу. – Тверь, «Фамилия», 1994.
3. Козловски, П. Принципы этической экономики. Пер. с нем. / П. Козловски. – СПб, 1999.
4. Боно, Э. Нестандартное мышление: самоучитель / Э. Боно ; пер. с англ. Мн. : ООО «Попурри», 2006.
5. Зайченко, Н.П., Основные положения национальной стратегии устойчивого социально-экономического развития Республики Беларусь на период до 2020 года / Н.П. Зайченко, С.С. Полоник, А.В. Богданович, Я.М. Александрович Я.М. – Белорусский экономический журнал. – № 3. – 2004.

КОНТУРЫ НОВОЙ ТЕОРЕТИЧЕСКОЙ ПАРАДИГМЫ В ЭКОНОМИЧЕСКОЙ НАУКЕ

А.А. Орешенков (Витебск, Беларусь)

На сегодняшний день ни одна экономическая теория, начиная с самого начала развития экономической науки (начала-середины XVIII века), оказалась не способной выявить объективные причины глобального кризиса и предложить эффективный механизм выхода из него. Следовательно, мир находится на пороге новой научной революции. Ведь недаром Т. Кун писал, что научная революция происходит тогда, когда ученые обнаруживают аномалии, которые невозможно объяснить при помощи универсально принятой парадигмы, в рамках которой до этого момента происходил научный прогресс [3].

Особенности современного этапа мирового развития в очень высокой степени связаны с изменением тысячелетних, столетних и десятилетних тенденций:

а) мир выходит из режима гиперболического роста по демографическим, экономическим и другим показателям (прерываются двухтысячелетние, а иногда и значительно более долгосрочные тенденции);

б) экономическая активность смещается из развитых западных стран в развивающиеся страны, происходит изменение взаимоотношений «Центр-Периферия» (нарушается двухсотлетняя тенденция экономического доминирования стран Запада);

в) происходит переход от пятого к шестому технологическому укладу (изменяется тренд развития двух предыдущих десятилетий).

Выход из режима гиперболического роста выражается в замедлении темпов демографического и экономического развития. Перед кризисом 2008-2009 гг. в 2003-2007 гг. мировая экономика росла в среднем на 3,6 % в год, в то время как в период с 1948 по 1973 год в целом по миру среднегодовые темпы роста ВВП оказались рекордными за всю историю человечества и составили 4,9 %.

Ожидалось, что 1990-е и 2000-е гг. принесут новую радикальную волну инноваций, сравнимых по революционности с появлением компьютеров и Интернета. Однако основой для изменений стали развитие и диверсификация уже созданных цифровых электронных технологий и бурное развитие финансовых технологий. Старые базисные инновации не генерировали достаточного количества вторичных инноваций, которые обеспечили бы рост продуктивности факторов производства и возврат к рекордно высоким темпам роста 1960-х годов. Таким образом, после былых рекордных показателей мировая экономика вступила в период замедления темпов роста, углубления и учащения кризисов, растущей неопределенности. Большинство развитых капиталистических стран пока еще не нашли эффективных путей выхода из мирового финансово-экономического кризиса 2008-2009 гг., что свидетельствует о бессилии существующих научных парадигм в области рыночной экономики. Так, темп прироста мирового ВВП в 2013 году составил всего 2,5 %, и это самый низкий показатель с 2009 года, когда завершилась острая фаза мирового финансового кризиса (рис. 1).

Капитализм, наряду с присущим ему «созидательным разрушением» старых технологий и форм производства [9], был также источником неравенства доходов. Ключевой проблемой здесь является проблема глобализации. Действительно, один из выводов знаменитого французского экономиста, лауреата Нобелевской премии Мориса Алле, к которым он пришел в результате эмпирического исследования условий занятости и экономического роста в процессе глобализации, звучит следующим образом: «Всеобщая глобализация торговли между странами с весьма различными уровнями зарплаты (по обменному курсу валют) не может не приводить в конечном счете повсюду - как в развитых, так и в менее развитых странах - лишь к безработице, падению темпов экономического роста, неравенству и нищете» [6, с. 22-23]. Сказанное справедливо также в отношении проблемы ухудшения экологической ситуации в развивающихся странах, куда развитые страны Запада выносят «грязные» промышленные производства.

Сегодня накапливаются объективные причины для грандиозного структурного кризиса, неразрешимого в рамках существующих научных парадигм. Поэтому наиболее проницательные ученые среди историков, социологов и экономистов задались ключевым вопросом: а есть ли будущее у современного капитализма и какая система придет ему на смену? С одной стороны, реальной альтернативы капитализму сегодня пока не видится. Коммунизм, на который возлагались подобные надежды, просуществовал не полный век и ушел в историю, так и не создав долгосрочной альтернативы капитализму. С другой, напряженные поиски новой научной парадигмы в рамках нынешней модели капитализма пока еще не дали обнадеживающих результатов.

Великий социолог XX века Питирим Сорокин пришел к выводу о том, что единственной реальной альтернативой нынешнему либеральному капитализму, способной в значительной мере ответить на вышеуказанные вызовы, является интегральный общественный строй [8]. В статье «Взаимная конвергенция США и СССР в смешанный социокультурный тип» [8, с. 337- 384], написанной еще в 1961 г., т.е. более полувека назад, П. Сорокин гениально предвидел: «Доминирующим типом общества будущего будет не коммунизм и не капитализм, а своеобразный тип, который мы назовем интегральным. Этот тип явится промежуточным между капиталистическим и коммунистическим общественным строем и образом жиз-

ни. Он воспримет основные позитивные ценности и избежит серьезных недостатков каждого из существующих типов» [8, с. 337].

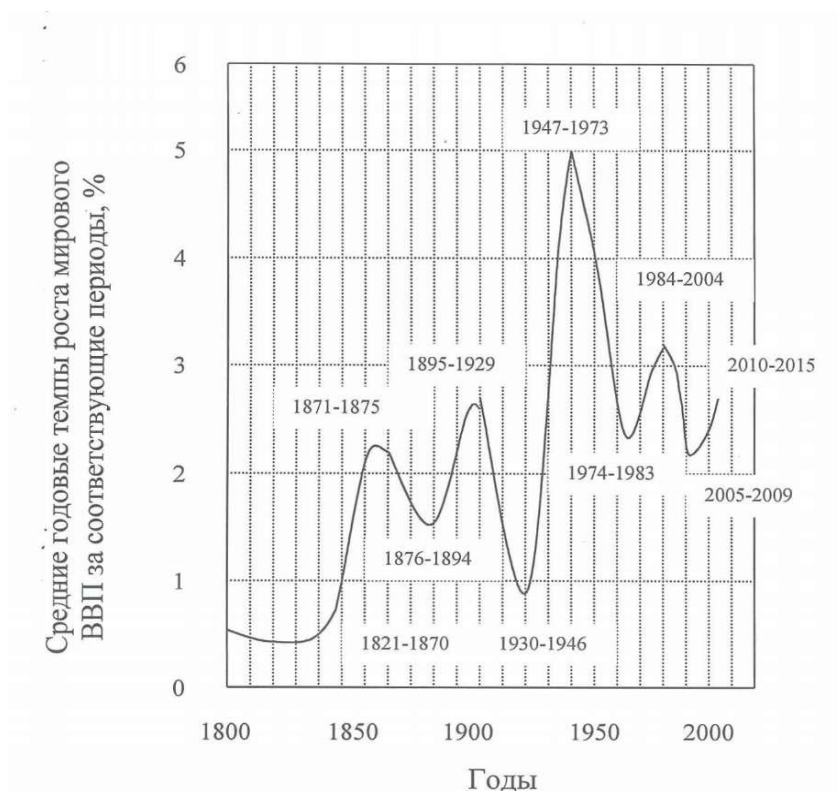

Рисунок 1. Динамика относительных среднегодовых темпов роста мирового ВВП, 1800-2015 гг.
Источник: данные Всемирного банка.

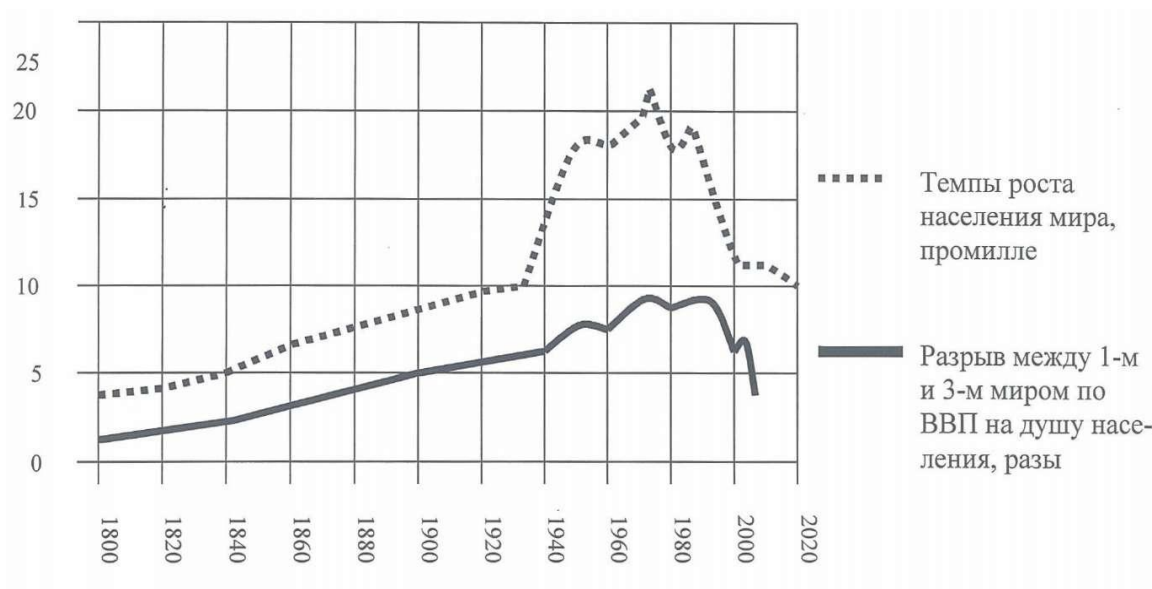

Рисунок 2. Динамика изменения соотношения демографических и экономических показателей Западной Европы и остального мира, 1800-2008 гг.
Источник: составлено автором.

Возможно, что к середине века станут более отчетливо видны контуры подлинно новой альтернативы капитализму. Но в первой половине XXI века наиболее подходящей и плодотворной основой для разработки новой теоретической парадигмы является глобальное строительство интегрального общественного

строю П. Сорокина. Опыт социалистического Китая и его восточноазиатских соседей также свидетельствует о плодотворности и жизнеспособности интегрального общественного строя.

Вот что пишет об этом Э. Мэддисон: «Безусловно, наилучшие экономические результаты в 1973-2003 гг. продемонстрировали страны Юго-Восточной Азии (за исключением Японии), на долю которых приходится четверть мирового ВВП и около половины населения Земли. Феномен возрождения Азии стал беспрецедентным успехом. После 1973 г. подушевой доход здесь рос быстрее, чем в «золотую эру». Разрыв между Восточной Азией и передовой группой капиталистических стран существенно сократился. Мы стали свидетелями еще одного шага вперед целой группы стран, повторивших путь, по которому прошла в 1950-1973 гг. Япония» [5, с. 116].

Смену процессов дивергенции на процессы конвергенции в частности иллюстрирует рис. 2. Видно, что в последние десятилетия произошел слом тенденций, формировавшихся в индустриальную эпоху, и Запад стал довольно быстро утрачивать свое лидерство.

Ртаты конвергенции стали ощутимыми к началу 2000-х годов. Если в Западных странах доход составлял 23710 долл. (по ППС 1990 г.), то в остальных странах мира, в которых проживало 88 % населения мира, средний доход уже достиг 4172 долл., т.е. разрыв с западными странами оказался менее 6 [5, с. 112]. Для сравнения обратимся к данным В.А. Мельянцева: «Сравнение уровней развития шести крупных периферийных и шести крупных развитых стран свидетельствует о том, что за 1950-1993 гг. произошло некоторое уменьшение разрыва в показателях душевого ВВП - с 1:8 до 1:7» [4, с. 221]. Как видим, за короткий период с 1993 по 2003 гг. произошло уменьшение разрыва с 1:7 до 1:6.

Когда мы говорим о новой экономической парадигме, то необходимо указать новые источники долгосрочного экономического роста и новые условия, при соблюдении которых будет обеспечено устойчивое развитие экономики. Источником экономического роста до 2050 г. будет являться 6-й технологический уклад (ТУ), в основе которого лежат NBIC-технологии (N - nano-, B - био-, I - информационно-коммуникационные, C - когнитивные технологии), порожденные NBIC - революцией [1, 2]. Начавшийся в конце XX-го - начале XXI-го века активный процесс технологической конвергенции, означающий взаимопроникновение технологий, особенно ярко проявился в NBIC-конвергенции. Таким образом, развитые страны в первой половине XXI века будут насыщать свою промышленность и сферу услуг высокотехнологичными наукоемкими продуктами и услугами, основанными на NBIC-технологиях. В это же время, развивающиеся страны будут форсировать индустриализацию своей экономики и формировать современную сферу услуг. Примечательно, что ключевые технологии 5-го ТУ уже перешли в разряд технологий широкого применения (ТШП) [7]. Развивающиеся страны могли бы осуществить широкомасштабные программы внедрения ТШП 5-го ТУ прежде всего в жизнеобеспечивающие отрасли народного хозяйства (горнодобывающие, водо-газо- энергоснабжающие, транспортную и торговую отрасли, а также - образование и здравоохранение).

При этом пять условий должны стать императивами, обеспечивающими долгосрочный устойчивый рост.

Во-первых, социальная справедливость, обеспечивающая справедливое распределение доходов в обществе, снижение неравенства доходов до социально приемлемого уровня. Это позволит снять социально-политическую напряженность в национальных обществах и укрепить социальную сплоченность, необходимые для устойчивого подъема мировой экономики.

Во-вторых, справедливая гармоничная глобализация, обеспечивающая справедливое распределение выгод от процессов глобализации. Требуется обуздать стихийный процесс глобализации и направить его на благо не только промышленно развитых стран, как это было до сих пор, но и развивающихся стран. Благодаря подъему благосостояния населения в развивающихся странах будет стремительно расширяться мировой средний класс.

В-третьих, экологический императив, обеспечивающий согласованные, энергичные и эффективные усилия всего мирового сообщества для сбалансированного обеспечения растущего населения Земли всеми необходимыми ресурсами - питьевой водой, продовольствием, энергией и т.д., без ущерба экологии окружающей среды, без дальнейшего ухудшения состояния биосферы Земли.

В-четвертых, стабильность финансовой системы, обеспечивающая устойчивое инвестирование финансового капитала в реальную экономику. Поскольку поддержание стабильности финансовой системы одно из главных обязанностей государства, то следует добиваться более эффективного государственного регулирования в этой важнейшей сфере.

В-пятых, конвергентное развитие экономик авангардных стран мира. Авангардные страны мира, состоящие из стран G5 (США, Япония, Германия, Великобритания и Франция) и БРИКС, становятся локомотивами мирового экономического развития, создавая необходимый спрос путем конвергентного развития своих экономик.

1. Акаев, А.А. Основы современной теории инновационно-технологического развития экономики и управления инновационным процессом / А.А. Акаев // Анализ и моделирование глобальной динамики / А.А. Акаев [и др.]; под ред. А.В. Коротаева, С.Ю. Малкова, Л.Е. Гринина. - М., 2010. - С. 17-43.

2. Глазьев, С.Ю. Стратегия опережающего развития России в условиях глобального кризиса / С.Ю. Глазьев. - М.: Экономика, 2010. - 254 с.
3. Кун, Т. Структура научных революций / Т. Кун. - М.: АСТ, 2004. - 605 с.
4. Мельянцева, В.А. Восток и Запад во втором тысячелетии: экономика, история и современность / В.А. Мельянцева. - М.: Изд-во Моск. ун-та, 1996. - 303 с.
5. Мэддисон, Э. Контуры мировой экономики в 1-2030 гг.: очерки по макроэкономической истории / Э. Мэддисон. - М.: Изд-во Ин-та Гайдара, 2015. - 581 с.
6. Перес, К. Технологические революции и финансовый капитал: динамика пузырей и периодов процветания / К. Перес. - М.: Дело, 2011. - 231 с.
7. Полтерович, В. Гипотеза об инновационной паузе и стратегия модернизации / В. Полтерович // Вопросы экономики. - 2009. - № 6. - С. 4-23.
8. Сорокин, П.А. Кризис нашего времени / П.А. Сорокин. - М.: ИСПИ РАН, 2009. - 384 с.
9. Шумпетер, Й. Теория экономического развития / Й. Шумпетер. - М.: Прогресс, 1982. - 455 с.

ПРАВОСЛАВНОЕ ПОНИМАНИЕ СМЫСЛА СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В СЕМЬЕ

П.С. Ивашкевич (Витебск, Беларусь)

Согласно христианским представлениям, в основе жизнедеятельности общества должны лежать некоторые духовно-нравственные ценности. Интересно в этой связи указать на такой исторический факт: те страны, в которых были крепкие моральные устои, касающиеся, например, взаимоотношений между членами семьи, как правило, были достаточно хорошо развиты и в чисто экономическом отношении.

Справедливости ради необходимо отметить, что по данному вопросу существует и прямо противоположная, так называемая «материалистическая» точка зрения, согласно которой в основе человеческой жизни лежит экономика. Именно она первична в человеческом бытии, она все обуславливает, все остальное для них является вторичным. На наш взгляд, данную концепцию можно считать истинной лишь в одном единственном случае: а именно для описания того общества, в котором не сохранилось ничего духовного. По существу, в нем нет месталюдям, так как человек есть облик и подобие Божие, а его духовность представляет собой сферу взаимосвязи с Творцом. Таким образом, если не будет людей, то невозможно будет говорить и о человеческом обществе. Следовательно, материалисты описывают сообщество неких живых существ. И именно для такого сообщества будет верен их лозунг о том, что бытие определяет сознание.

К счастью, человеческая история не знает случаев полного превращения всех людей, принадлежащих какому-то социуму, в «животных». С другой стороны, хорошо известно, что человек есть не только духовное существо, но также и материальное: кроме духа и души у него есть еще и плоть. В соответствии с этим, ему необходимо удовлетворять свои различные плотские потребности в пище, одежде, жилище и т. д. Все необходимое для удовлетворения телесных нужд было дано первым людям – Адаму и Еве в раю, непосредственно от Творца, без их собственного участия. Труд же в раю был для них творческим сотрудничеством с Богом. Однако после грехопадения человек был вынужден трудиться для того, чтобы удовлетворять свои материальные потребности и труд принял принципиально иной, внешне-принудительный характер. Господь Бог сказал ему следующие слова: «В поте лица твоего будешь есть хлеб, доколе не возвратишься в землю, из которой ты взят, ибо прах ты и в прах возвратишься» (Быт. 3. 19).

Отметим и то, что Творец не только указал человеку на необходимость для него каждодневного труда, но и задал особый ритм этого труда. Четвертая Его заповедь гласит следующее: «Помни день субботний, чтобы святить его. Шесть дней работай и делай всякие дела твои; а день седьмой – суббота Господу Богу твоему: не делай в оный никакого дела ни ты, ни сын твой, ни дочь твоя, ни раб твой, ни рабыня твоя, ни скот твой. Ни пришелец, который в жилищах твоих» (Исх. 20. 8-10).

В традиционном обществе большое значение в процессе добывания необходимых людям средств к жизни играла семья. Она, как важнейшая составляющая часть социума, оказывала непосредственное и сильное влияние не только на всестороннее духовное развитие своих членов, но и выполняла важные производственные функции. Причем, в семье в выполнении этих функций, по мере своих сил и возможностей, должны были участвовать все ее члены, за исключением совсем маленьких детей и полностью немощных стариков. Основной же задачей в воспитании детей, в возрасте от четырех до шести лет, в христианских семьях являлось привитие им привычки к совершению добрых дел. Добрые дела для них заключались в первую очередь в труде на благо других членов семьи. Кроме того, посильное участие в социально-экономической жизни семьи, подготавливало ребенка к будущей жизни, в качестве взрослого человека. Если он только лишь развлекался, и у него не было никаких собственных обязанностей, то он не смог бы вырасти самостоятельным человеком.

Конечно, в современных условиях социально-экономическая деятельность семьи приняла совершенно иной характер, по сравнению, например, с временами написания протопопом Сильвестром «Домостроя», то есть XVI веком. Однако основная идея этого произведения в том, как вести себя православному человеку в мирской семейной жизни, не утратила своей актуальности. Вот почему мы будем использовать произведение Сильвестра в качестве методологической основы своей работы.

Отметим, что в «Домострое» указывается на необходимость для человека не только физического труда, но и духовного, например, молитвы, но в дальнейшем проблему духовного труда мы рассматривать не будем. С другой стороны, по православным понятиям всякий труд имеет определенное духовно-нравственное значение, но данное значение по отношению к чисто физическому труду, не должно быть абсолютизировано. Вот почему, как отмечает Л. П. Найденова в своей работе «Мир русского человека XVI-XVII вв.», «при высокой оценке значимости труда как угодного Богу занятия, русские моралисты, такие как митрополит Даниил, священники Сильвестр и Ермолай, не требовали самоотвержения ради труда, как это бывало в ряде протестантских течений. Для русских православных людей труд должен быть «по силе», и занятия делами не требовали забвения радостей мира, признавая полезность труда и для благополучной жизни в этом мире» [1, с. 124].

С другой стороны, нельзя и отрицать всей важности духовно-нравственной составляющей человеческого труда. Так, например, «в Домострое труд признается средством достижения благополучия, но, — как отмечает П. Л. Найденова, — его главная задача религиозно-нравственная. Труд матери, труд жены не только создает благополучие и покой в доме, но также имеет и значение выполнения христианского долга, расценивается как христианская добродетель. И что не менее важно, никакое богатство не избавляет человека от необходимости постоянного труда на благо дома» [1, с. 126-127].

На последнем утверждении необходимо остановиться подробнее. Все дело в том, что в рамках протестантского мировоззрения труд также является выполнением христианского долга. Но понимание долга в этом мировоззрении достаточно сильно отличается от православного. Главный лозунг протестантов: «Обогащайся, так как Бог любит богатых!». Причем обогащаться нужно не для того, чтобы улучшить материальный достаток в семье, или пожертвовать деньги на нужды церкви. И даже не для того чтобы помогать неимущим. Все это вторично. Главная цель обогащения состоит в том, что оно служит в качестве трамплина для нового обогащения и т. д. На первый взгляд может показаться, что подобного рода мировоззрение носит бессмысленный характер. На самом же деле оно очень осмысленно в рамках протестантской логики. В этой логике Бог уже заранее предопределил тех людей, которые спасутся. Причем, Он указал им на то, что близость к Богу будет показана с помощью достижения успехов в земной жизни, то есть спасение непосредственно взаимосвязано с этими успехами. А так как деньги — универсальное мерило такого успеха, то, чем больше ты их зарабатываешь, и меньше потратишь на себя и других людей, тем ближе будешь к спасению. Таким образом, труд по зарабатыванию денег, по существу, стал не столько средством, сколько целью земной человеческой жизни.

Конечно, православные люди видели в социально-экономической деятельности в семье не цель, а всего лишь средство. Во-первых, средство духовно-нравственного воспитания детей. Во-вторых, средство достижения определенного уровня благополучия семьи. В-третьих, средство эстетического воспитания молодежи. Дело в том, что посильный семейный труд для многих людей становился радостью и нес эстетическое наслаждение за красивые его результаты. Допускалось лишь умеренное потребление материальных благ. И, наконец, в-четвертых, труд являлся средством практического воспитания детей. Как мы видим, в системе ценностей традиционной православной семьи не нашлось места богатству ни в земном мире, ни в духовном.

Традиционную православную семью времен написания «Домостроя» по праву можно считать не только школой истинной любви, но также и школой практической социализации подрастающего поколения. И в первую очередь такая социализация в семье носила трудовой характер. Отец передавал своим сыновьям те знания и умения, которыми он сам обладал. Точно также поступала и мать по отношению к своим дочерям. В те времена еще не было такого феномена, который затем получил название «научно-технический прогресс». Вот почему дела родителей не на много качественно отличались от тех дел, которыми потихоньку овладевали их дети. В современных же условиях, скорее подрастающее поколение учит родителей эффективному использованию новейших технических средств. Однако, сказанное не означает, что сейчас социально-экономическая деятельность все же должна полностью исчезнуть. На наш взгляд, она, напротив, должна обязательно сохраниться в православных семьях, но ей необходимо придать некоторое новое содержание.

1. Найденова, Л. П. Мир русского человека XVI-XVII вв. (По Домострою и памятникам права) / Л. П. Найденова. — Москва: Сретенский монастырь, 2003. — 208 с.

ТУРИЗМ КАК СОВРЕМЕННАЯ ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ ПРАКТИКА

М.Р. Арпентьева (Калуга, Россия)

Актуальность проблемы. Туризм как одно из направлений образования интегрирует в себе множество аспектов. К сожалению, до сих пор в системе вузовской подготовки туризм не нашел должного места, несмотря на значительные воспитательные, обучающие и иные возможности развития обучающихся. Образовательный туризм может выступать как самостоятельная и важная форма организации образовательного процесса, вид учебной деятельности, технология обучения и, вместе с тем, перспективное направление в собственно туристике.

Основная часть исследования. В.П. Соломин и В.Л. Погодина считают, например, что «Образовательный туризм рассматривается как высокоэффективная технология обучения и одновременно форма организации учебного процесса. При проектировании туристско-образовательного вида деятельности выявляют туристско-ресурсный потенциал и степень attractiveness территории для целей образовательного туризма» [13, с. 96]. А. А. Крючков пишет, что в последние годы сформировалась и усилилась "оппозиция" «двух направлений развития туризма: на одном "полюсе" находился коммерческий туризм, организаторами которого были турбюро, делавшие бизнес на потребности в путешествиях; на другом – туризм как средство воспитания определенных социальных качеств. Такой туризм развивался на некоммерческой основе как составная часть деятельности добровольных общественных союзов, обществ и клубов» [4, с. 4; 10, с.38]. Образовательные поездки позволяют педагогу (учителю, преподавателю и т.д.) «осуществлять учебно-воспитательную, научно-методическую, социально-педагогическую, воспитательную, культурно-просветительную виды профессиональной деятельности. Создание центров научного и образовательного туризма при вузах позволяет координировать усилия различных образовательных, туристских и административных структур по внедрению новых образовательных технологий» [13, с. 96]. Т.В. Пономарева отмечает. Что «образовательный туризм, как инновационный метод образовательного процесса предполагает формирование у студентов умения учиться в разных культурных средах, по различным источникам». Туризм позволяет учителю и преподавателю одновременно и гармонично осуществлять практически все виды «профессиональной деятельности: учебно-воспитательную, социально-педагогическую, культурно-просветительную, научно-методическую и др.» [11, с. 792-793]. В. Л. Погодина считает образовательный туризм в рамках учебного процесса обязательной и неотъемлемой его частью.: «...образовательная туристская деятельность является одним из важнейших условий повышения эффективности процесса обучения и воспитания на любой образовательной ступени... Педагогически правильно организованная туристско-образовательная деятельность студентов способствует становлению и развитию профессионально значимых компетенций» [12, с.39-40]. Туристические туры являются важным средством воспитания и развития этнической культуры человека расширения его кругозора и гармонизации отношений с собой и миром в целом.

Туристский потенциал территории включает ряд критериев, в туристических поездках в образовании «Важнейшими характеристиками ресурсов являются емкость, устойчивость, надежность, доступность, контрастность, экзотичность, уникальность или типичность, историческая или художественная ценность, эстетическая привлекательность, экспонентность и информативность» [13, с. 96]. Для успешного развития туризма необходимо развитие специализированной инфраструктуры и применение технологий, включая службы оказывающих различные услуги по предоставлению информации и бытовому сервису обслуживанию», – пишет О.К. Говорова [5, с.30]. При этом образовательный туризм требует высокопрофессионального подхода, но на деле существует огромный дефицит квалифицированных специалистов, которые бы понимали специфику образовательного туризма, суть туроператорской деятельности, ценовой политики в сфере образовательного туризма, важность рекламы, геомаркетинга, информационного и воспитательного сопровождения потока посетителей. В мире, подвергающемся мощной унификации, сохранение и развитие самобытности регионов и их самостоятельности, сотрудничества на основе партнерства и доброй воли во многом противостоит «глобализационной» стратегии «выживания», принудительного обмена ресурсами и принудительной редистрибуции в целом [1; 2]. Выживание, однако, диктует расширение контактов и оптимизацию экологического туризма как бизнеса: его диверсификацию (diversification) – стратегическую ориентацию зеленого туризма как бизнеса, переориентацию сообщества и государственных структур на разнообразие и разностороннее развитие разных аспектов туристической деятельности и сопутствующих туристических объектов – дестинаций, включая заповедные дестинации (территории). Одно из направлений диверсификации – более активное вовлечение образовательных учреждений и программ в туристику, природоохранное и культуроохранное дела. В рамках образовательных систем туристика пока востребована крайне мало, и, тем более, мало ориентирована на интегративное ознакомление учащихся и обучающихся с основами человеческой культуры, ее истории. Вместе с тем, нельзя не отметить, что именно в образовательной сфере потенциал этнокультурного туризма, также, как и потенциал познавательного туризма наиболее высок.

Что касается содержательной и организационной сторон образовательного туризма в практике подготовки специалистов, то, как пишут Т. М. Ковалева и Н. В. Рыбалкина: «Все предполагаемые участники образовательного путешествия становятся экспедиционной командой. Экспедиционная команда сама разрабатывает маршрут и согласовывает его с целями всех участников. Цель путешествия – не просто географическая точка на карте, это шанс найти там ответ на вопрос – индивидуально значимый для каждого... В самом путешествии вооруженные новым знанием участники вступают в турниры ... пишут летописи и произносят памятные речи – делают первые попытки вписать свои наблюдения и находки в историю, создают образовательные произведения, которые могут быть, подобно произведениям культуры, переданы другим людям, а не остаться только лишь достоянием личных впечатлений». При этом «Каждый этап в образовательном путешествии сопровождается тьютором (преподавателем-наставником). Вместе со студентом он углубляет его интерес, обращаясь за помощью к различным источникам Тьютор изучает стиль образовательного действия каждого студента, и вместе с тем организует общую командную работу и взаимодействие по нахождению знания в экспедиции. Шаг за шагом, первоначально разрозненные интересы участников образовательного путешествия собираются, как кусочки мозаики, в общем сценарии» [8, с. 1].

Заключение. Образовательный и этнокультурный туризм требует высокопрофессионального подхода, но на деле существует огромный дефицит квалифицированных специалистов, которые бы понимали специфику экологического туризма, суть туроператорской деятельности, ценовой политики в сфере образовательного туризма, важность геомаркетинга и геобрендинга, информационного и воспитательного сопровождения потока посетителей [1; 3; 6; 7; 9 и др.].

1. Арпентьева М.Р. Геобрендинг в индустрии туризма / М.Р. Арпентьева // Современные проблемы сервиса и туризма – 2015. – Т.9, №3. – С. 24-35.
2. Арпентьева М.Р. Экологические эссе: от экологической безопасности до экологического туризма / М.Р. Арпентьева. – Калуга: КГУ, 2017. – 384с.
3. Биржаков М.Б., Азар В.И. К вопросу об оценке туристских ресурсов / М.Б. Биржаков, В.И.Азар // Туристские фирмы. 2000. – №24. – С. 83–84.
4. Горшков И. Д. Спортивно-оздоровительный туризм: текст лекций / И. Д. Горшков. – Ярославль: Яросл. гос. ун-тим. П. Г. Демидова, 2014. – 60 с.
5. Говорова О.К. Проблемы и перспективы развития экологического туризма на ООПТ Приморского края / О.К. Говорова // Экологический и этнографический туризм: мат-лы Всерос. научно-практ. конф. 9 октября. – Хабаровск: ДВГУПС, 2009. – С.30-36.
6. Дроздов А.В. Экотуризм: определения, принципы, признаки, формы/ А. В. Дроздов // Перспективы развития туризма в южном Подмоскowie. сборнике материалов научно-практической конференции – Серпухов: Российская международная академия туризма, 1999. – 7 с.
7. Дроздов А. В. Современный туризм. Концепции и практика / А. В. Дроздов // Теория и практика международного туризма. – Москва, 2003. – С. 245-260.
8. Ковалева Т.М., Рыбалкина Н.В. Образовательное путешествие как модель сетевого обучения, как проект и как фон для рождения проектов [Эл. ресурс] / Т.М. Ковалева, Н.В. Рыбалкина // Электрон. текст. дан. – URL: <http://setilab.ru/modules/conference/view.article.php/65>, свободный. (дата обращения: 07.01.2018).
9. Квартальнов В.А. Иностраный туризм = Foreign tourism / В.А. Квартальнов. - М. : Финансы и статистика, 2001. – 306 с.
10. Крючков А.А. История международного и отечественного туризма / А.А. Крючков. –М., Высш. шк. по туризму и гостинич. хоз-ву, 1999. –463 с.
11. Пономарева Т.В. Образовательный туризм как инновационный метод образовательного процесса / Т.В. Пономарева // Молодой ученый. – 2015. – №12. – С. 792-795. – URL <https://moluch.ru/archive/92/20357/> (дата обращения: 07.01.2018).
12. Погодина, В.Л. Образовательный туризм и его роль в формировании профессиональной компетентности учителей . Автореф. дис. док. пед. наук / В.Л. Погодина. – С.Пб: РГПУ им. А. И. Герцена, 2009. – 44 с.
13. Соломин, В.П., Погодина, В.Л. Современное состояние и перспективы развития образовательного туризма / В.П. Соломин, В.Л. Погодина // Известия РГПУ. - 2007. №30. - С.96-112 .

ТУРИСТИЧЕСКИЕ ИНФОРМАЦИОННЫЕ ЦЕНТРЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И СТРАН ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА. ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ

И.А. Роговой (Витебск, Беларусь)

Согласно Статистическому сборнику «Туризм и туристические ресурсы в Республике Беларусь, 2017», количество организованных туристов, въехавших на территорию Республики Беларусь с 2010 года по 2016 год, увеличилось практически в 2 раза с 120 073 чел. до 217 398 чел., а в 2015 году, в связи с Чемпионатом Мира по хоккею, проходившим в г. Минске, достигло 276 260 чел. Отметим, что эти цифры отражают лишь состояние организованного туризма, но и они значительны, ведь доход от индустрии туризма в 2016 составил 136,6 млн. BYN [1, с.19]. Одним из ключевых элементов индустрии туризма последние годы стали туристические информационные центры (далее – ТИЦ), которые являются посредником между туристом и туристической услугой. Туристический информационный центр – это информационное учреждение, бесплатно предоставляющее информационные продукты и услуги, ориентированные на удовлетворение информационных потребностей туристов [2, с.146]. Работа ТИЦ за счет информирования о возможностях страны и предоставляемых услугах прямо влияет на то, сколько финансовых

средств турист оставит в посещенной стране. Для определения эффективности работы ТИЦ и дальнейшей выработки рекомендаций по усовершенствованию работы ТИЦ в Республике Беларусь, видится актуальным и необходимым анализ работы зарубежных ТИЦ.

Цель исследования – анализ и выявление специфики работы туристических информационных центров в развитии туризма зарубежных государств.

Нами были рассмотрены особенности функционирования ТИЦ в Российской Федерации и некоторых странах Европейского Союза.

ТИЦ в каждой стране имеет свои функции и выполняет ряд различных задач. Как отмечают российские исследователи В.В. Миненкова и А.Г. Максименко[3], на сегодняшний день одним из приоритетных вопросов современной туристической индустрии является методика работы с неорганизованными (самостоятельными) туристами, которые предпочитают самостоятельный отдых, минуя услуги туроператоров и турагентов. Такие туристы нуждаются в предоставлении максимально полной, достоверной, а главное – бесплатной информации о туристических возможностях конкретной дестинации.

В России сегодня главным инструментом в вопросе предоставления туристу необходимой информации выступает Система обмена туристской информацией (СОТИ)[4], которая функционирует при поддержке Федерального агентства по туризму и Российского союза туриндустрии. Эта Система представляет собой интернет-ресурс, где собрана вся туристическая информация, которая может быть полезна для всех субъектов туризма. Здесь можно найти сведения о туроператорах, средствах размещения, предприятиях питания, мероприятиях в конкретном регионе. Также на сайте СОТИ размещен реестр всех ТИЦ России, что позволяет туристу, найти конкретный Центр в том городе, куда он отправится. Кроме всего перечисленного, СОТИ имеет конкретные коммерческие задачи – он объединяет туроператоров, экскурсоводов, органы исполнительной власти, представителей бизнеса, которые заинтересованы в продвижении собственных услуг. Таким образом, можно сделать вывод, что СОТИ является полноценным ТИЦ, осуществляющим свою деятельность непосредственно с помощью электронного ресурса.

В России ТИЦ являются одним из главных элементов туристической инфраструктуры, они занимаются сбором, обработкой и мониторингом рекреационных ресурсов своего региона и предоставляют информацию о них потенциальным посетителям. Они, как правило, представляют собой государственную структуру, целью которой является продвижение регионального и национального туристического продуктов. Во многом ТИЦ в России устроены по опыту западных стран (США, Франция)[5].

На сегодняшний день из 85 субъектов в Российской Федерации в 56 действует более 120 ТИЦ, притом их количество быстро увеличивается[6].

В Австрии за систему туристической информации и формирование позитивного образа страны отвечает Национальная Туристическая Организация (далее – НТО), финансируемая из общественных средств. К ее задачам также относится взаимодействие с ТИЦ за границей. На региональном уровне в стране функционирует 9 офисов НТО, охватывающих 9 федеральных земель. Финансирование этих офисов происходит за региональный счет, дотаций Торговых палат и доходов с собственной экономической деятельности. На уровне округов и уставных городов действует около 1700 офисов, выполняющих функции ТИЦ, но также осуществляющих деятельность схожую с деятельностью туроператора. В данном случае финансирование происходит за счет местных учреждений, дотаций местных властей, средств Национального фонда поддержки, а также «туристического налога», который устанавливается властями федеральной земли. Офисы ТИЦ в Австрии обозначены буквой «i» и логотипом региона[7, с.15].

Во Франции функционирует большая сеть «Offices de Tourisme et Syndicats d'Initiative», состоящая из нескольких тысяч офисов (3500 отделений), работа которых направлена на сотрудничество и заключение добровольных территориальных соглашений через отделения разных городов и регионов с субъектами туристической индустрии – например, лыжными базами, приморскими курортами. Совместно они создают тематические маршруты: по следам живописцев, сакральная архитектура и др. ТИЦ сотрудничают с частным сектором экономики в рамках конкретных задач – организация ярмарок, семинаров, выпуск печатной продукции и т. д. Также эти офисы отвечают за распространение информации о местных достопримечательностях и финансируются туристической отраслью экономики за счет «туристического налога». В регионах и городах Франции продвижение туризма осуществляется Департаментами и региональными советами по туризму. В больших и малых городах функционируют офисы ТИЦ, перечень услуг которых довольно широк и связан не только с функцией распространения туристической информации. Отметим, что отличительной особенностью организации работы ТИЦ во Франции является отсутствие единой организационной модели. В тоже время в стране имеется система категоризации ТИЦ – от 1 до 4 звезд – в зависимости от размера города, объема и перечня предоставляемых услуг, часов работы, знания сотрудниками иностранных языков. Французские ТИЦ локализуются в городах, которые являются основными «поставщиками» туристических потоков[7, с.15 – 16].

На туристическом рынке Германии за эффективное функционирование системы туристической информации (в том числе за вопросы функционирования ТИЦ) отвечает Немецкая ассоциация туризма (далее – DTV – Der Deutschetourismus Verband). Ассоциация существует уже более 100 лет и включает в себя

17 федеральных (земельных) и региональных туристических организаций; 28 крупных городов, наиболее привлекательных с точки зрения туризма; 26 постоянных членов и три ассоциации самоуправления. DTV занимается, в частности, выдачей рекомендаций с указанием минимальных требований, которые необходимо соблюдать при создании и функционировании ТИЦ. Именно DTV разрешает конкретному ТИЦ использовать логотип информационной системы – белую букву «i», размещенную на красном фоне с надписью TOURISTINFORMATION. Чтобы ТИЦ, действующий в Германии, получил рекомендацию DTV, он должен соответствовать требованиям, установленным ассоциацией [7, с. 16].

За туристическую информацию в **Чехии** отвечает Чешский Центр Туристического Движения (Česká Centrála Cestovního Ruchu), который полностью финансируется государством и контролируется Министерством регионального развития. В задачи этого центра входит:

- проведение рекламных компаний в зарубежных медиа;
- печать и распространение периодических изданий;
- организация встреч и мероприятий для СМИ и представителей туристической индустрии;
- управление электронными туристическими ресурсами;
- совместная работа ТИЦ на территории всей Чехии;
- работа двух собственных ТИЦ в Праге.

В Чехии сравнительно недавно, в 1990-х годах, начала формироваться система сбора и распространения туристической информации. В январе 1993 г. Рада Туристики при Министерстве Экономики одобрила проект создания Национальной Системы Информации и Резервации NIRES, однако до сих пор эта система не создана. В октябре 1994 года в Праге был основан Союз Туристических Информационных центров Чешской Республики (далее – АТИС). Членами этого объединения являются официальные ТИЦ, которые могут быть как государственными, так и частными. Центры, являющиеся членами АТИС, получают аккредитацию и право пользоваться логотипом Союза. ТИЦ Чехии, как и во Франции, имеют систему категоризации [7, с. 16 – 17].

Отметим, что в **Венгрии** также хорошо налажена система распространения туристической информации, которая, была создана почти 35 лет назад по модели, функционировавшей в то время в Польше.

Первое бюро туристической информации в стране было создано в 1982 году, и через десять лет сеть ТИЦ, насчитывающая на то время более 120 единиц, уже эффективно работала. Все ТИЦ Венгрии подчиняются Министерству Туризма, которое включает в себя восемь отделов, в том числе отдел туристической информации, координирующий работу сети ТИЦ во всех регионах страны. Все венгерские офисы ТИЦ работают под названием TOURINFORM. Открытие и содержание ТИЦ осуществляются местными и региональными органами власти, учреждениями местного самоуправления, а также ассоциациями, фондами и некоммерческими организациями [7, с. 17-18].

В **Великобритании** одной из функций Английской Туристической Организации является выдача сертификатов о компетенции ТИЦ на основе определенных стандартов. Рассмотрим несколько из них:

- время работы ТИЦ зависит от месторасположения офиса;
- минимальный набор информации, доступной для туриста в виде информационных досок, размещенных в общедоступном месте в офисе и за его пределами (для использования туристами после закрытия ТИЦ). На этих досках размещается план местности и карта окрестностей;
- перечень распространяемой бесплатно информации о средствах размещения;
- перечень предоставляемых услуг, например продажа туристической продукции, резервация мест в гостиницах и т.д.

Кроме того, работники ТИЦ должны владеть иностранными языками, а также как минимум один из сотрудников обязан пройти курс «информационного консультанта». Как дополнительный ресурс, содействующий успешной работе ТИЦ, в Великобритании используется общенациональная электронная информационная система ETNA [7, с. 18].

В **Польше** контроль и организация распространения туристической информации лежит на Польской Туристической Организации (далее – POT – Polska Organizacja Turystyczna), созданной на базе реорганизованного Управления физической культуры и туризма и Польского агентства содействия туризму. POT подчиняет себе региональные (ROT – Regionalne Organizacje Turystyczne) и местные туристические организации (LOT – Lokalne Organizacje Turystyczne). POT выполняет ряд задач:

- продвижение Польши как туристически привлекательной страны;
- обеспечение функционирования и развития системы национальных ТИЦ в Польше и за рубежом;
- разработка, оценка и поддержка планов развития и модернизации туристической инфраструктуры;
- стимулирование создания региональных ТИЦ, охватывающих своей деятельностью одно или несколько воеводств, а также создание местных ТИЦ, охватывающих сферу деятельности одной или нескольких единиц местного уровня, а также сотрудничество с ними.

Отметим, что Польская Туристическая Организация посредством ТИЦ действует в 14 странах мира, а печатная продукция издаётся на 12 языках. Внутри страны POT сотрудничает с воеводствами, органами местного самоуправления, региональными и местными туристическими организациями, Польской пала-

той туризма и другими организациями туристической индустрии, а также ассоциациями, действующими в этой области [7, с.22-23].

Заключение. Таким образом, мы пришли к выводу, что функционирование ТИЦ в разных странах имеет свою специфику и осуществляется в разных формах, однако общим является то, что все ТИЦ направлены на продвижение национального туристического продукта и формирование положительного образа своей страны на международном туристическом рынке. В большинстве рассмотренных нами стран в задачи ТИЦ входит не просто распространение информации, но и сбор, анализ туристической информации о возможностях страны или конкретного региона, создание информационных материалов. Перспективным видится классифицирование ТИЦ в зависимости от объема и качества выполняемых услуг, по примеру Франции или Чехии. Несомненно, необходим выход работы ТИЦ в область интернет-технологий, с осуществлением возможности онлайн консультирования туристов, по примеру таких систем в России и Великобритании. Наша страна может использовать иностранный опыт в создании системы обмена туристической информацией, что имеет большое значение для дальнейшего развития туризма и для достижения наибольшей эффективности в сфере экспорта туристических услуг.

1. Статистический сборник «Туризм и туристические ресурсы в Республике Беларусь, 2017» [Электронный ресурс] // Национальный статистический комитет Республики Беларусь. – Режим доступа: http://www.belstat.gov.by/ofitsialnaya-statistika/publications/izdania/public_compilation/index_7629/. – Дата доступа: 25.03.2018.
2. Огнева, В.А. Организация работы туристских информационных центров: опыт Запада / В.А. Огнева // Альманах современной науки и образования. – 2011. – № 11. – С. 146 – 148.
3. Миненкова, В.В. Опыт функционирования туристско-информационных центров на юге России / В.В. Миненкова, А.Г. Максименко // Курортно-рекреационный комплекс в системе регионального развития: инновационные подходы: материалы III Междунар. науч.-практ. конф. Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2015. – 436 с.
4. Система обмена туристской информацией [Электронный ресурс] // Система обмена туристской информацией. – Режим доступа: <http://www.nbcrs.org/>. – Дата доступа: 25.03.2018.
5. Чернякина А.О. Роль туристско-информационных центров в комплексном подходе к формированию бренда туристско-рекреационного кластера / А.О. Чернякина // Вестник Томского государственного педагогического университета. – 2013. – №12. – С. 48 – 50.
6. Жданчиков П.А. Развитие системы туристских информационных центров в российских регионах / П.А. Жданчиков // Региональная экономика: теория и практика. – 2015. – №25. – С. 13 – 26.
7. Kleszcz, K. Polski system informacji turystycznej: Wydanie III poprawione / K. Kleszcz. – Warszawa: Polska Organizacja Turystyczna, 2010. – 78s.

МОДЕЛЬ «МУЗЕЙ КАК ПЛОЩАДКА ДЛЯ КУЛЬТУРНЫХ ИНИЦИАТИВ» НА ПРИМЕРЕ РАБОТЫ ХУДОЖЕСТВЕННОГО МУЗЕЯ Г. ВИТЕБСКА

Е.Г. Плытник (Витебск, Беларусь)

Согласно определению толкового словаря русского языка С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведова, инициатива – это «почин, внутреннее побуждение к новым формам деятельности, предприимчивость» [8]. Инициатива – это нечто новое, активное предложение, которое имеет возможности к реализации. Музейные инициативы находятся в области культурных и социальных проектов. В процессе взаимоотношений с местным сообществом музеи часто выступают как инициаторы проведения различного рода мероприятий. Однако и общественность или ее представители выступают с предложениями о проведении мероприятий в стенах музея. В данном случае музеи выступают в качестве площадки для осуществления культурных проектов, что говорит о правомерности выделения модели «музей как площадка для культурных инициатив». Как правило, учреждение не просто предоставляет территорию, но и принимает участие в реализации проекта. Среди инициатив, получивших развитие в белорусских музеях, можно назвать проведение выставок, конкурсов, научных конференций.

При осуществлении инициативных проектов важным фактором является не только желание учреждения выступить в качестве площадки для проведения мероприятия, но и соответствующие возможности, такие, например, как площадь музея, наличие конференц-зала и т.д.

Одной из самых активных площадок для культурных инициатив в Витебске является Художественный музей. Так, за период с 2010 по 2016 годы в учреждении проведено более 500 выставок [1 – 7].

Особенная роль музея как центра популяризации художественного наследия Витебска и Витебской художественной школы объясняет такое обилие проводимых выставочных мероприятий. Среди проектов можно отметить не только мероприятия локального масштаба, но и республиканские и международные выставки. Так, например, в 2011 на базе музея был осуществлен республиканский арт-проект «ZOOparking» «НОЕВ КОВЧЕГ» [2]. Повторно подобное мероприятие проводилось в 2014 году [5]. «ZOOparking» «НОЕВ КОВЧЕГ-2» уже был представлен как международный арт-проект. В 2012 году состоялась выставка белорусских художников «Беларускі арт-алфавіт», второй раз республиканский выставочный проект «Беларускі арт-алфавіт» проводился в 2014 году [3; 5]. В 2015 году, когда весь мир отмечал 100-летие «Черного квадрата» К. Малевича, музей выступил как площадка для проведения Ме-

ждународного арт-проекта современного искусства «Магия Черного квадрата» [6]. В 2016 году на базе учреждения состоялись международный художественный проект «Роман Заслонов – белорусский художник из Франции», международный фотопроjekt «Городу М. Шагала посвящается», а также республиканский выставочный проект «Образ князя Альгерда в изобразительном искусстве» [7]. Международные и республиканские выставочные проекты формируют эстетический вкус, способствуют художественному воспитанию местных жителей, представляют город как центр культурной жизни региона. Международные и республиканские проекты важны для города с точки зрения подтверждения его статуса «культурной» столицы Республики Беларусь.

Ежегодно на базе музея проводятся выставки мастеров из Латвии, России, Китая, Турции, Украины, Израиля и других стран. Подобные культурные проекты позволяют местному сообществу прикоснуться к культуре, истории, искусству других народов, стать частью мирового культурного пространства, заявить о себе как о жителях европейского города, в то же время данные проекты воспитывают чувство толерантности и уважения к традициям и культуре других народов.

Выставки, проводимые музеем, можно разделить по содержательным признакам на юбилейные, персональные, отчетные и представляющие различные художественные школы. В разные годы в Художественном музее были представлены: Латвийская Академия Искусств, Высшая народная школа г. Брунсбюттель (Германия), Национальная академия Искусств Норвегии, Тверская школа живописи и т.д. [1 – 7]. Особое внимание необходимо уделить Витебской художественной школе, к которой относят художников, получивших образование или преподававших в Витебском художественном техникуме, Витебском художественном училище, художественно-графическом факультете Педагогического института имени С.М. Кирова (в последствие – художественно-графическом факультете Витебского государственного университета имени П.М. Машерова), и которая в Художественном музее получила постоянную «прописку».

Существенную часть выставочных проектов в музее составляют юбилейные выставки художников. Так, ежегодно на базе учреждения в среднем проводится от 4 до 14 мероприятий, приуроченных к юбилеям белорусских мастеров [1 – 7]. Осуществление подобных проектов – хорошая возможность творческому человеку представить свой труд, показать чего он добился на творческом поприще, а также отметить официальную часть важного события в кругу друзей, коллег, поклонников творчества.

Еще одной формой проведения выставочных проектов в Художественном музее являются персональные выставки. С 2010 года на базе Художественного музея было проведено более 100 персональных выставок [1 – 7]. Как и юбилейные выставки, подобные мероприятия позволяют представить автору свои работы, поделиться своими достижениями, а зрителям – увидеть художественные проекты, удовлетворить эстетические потребности. Для учреждения подобная форма работы позволяет разнообразить предоставляемый спектр услуг, сохранить постоянную аудиторию и привлечь новых посетителей.

Одним из вариантов реализации модели «музей как площадка для культурных инициатив» в Художественном музее выступают выставки молодых художников. На основании отчетов музея с 2010 года можно отметить регулярность проведения подобных выставок. Отдельно необходимо упомянуть, что музей активно сотрудничает с учреждениями образования и представляет возможность выпускникам продемонстрировать свои работы широкой публике, заявить о себе, сделать первые самостоятельные шаги в мир творчества и публичности. В свою очередь музей получает возможность открыть новые имена, наладить дальнейшее сотрудничество и привлечь творческую молодежь, которая с интересом воспринимает выставки своих коллег, друзей, знакомых, видит в работах отражение своих проблем, переживаний, идей. Молодые художники разговаривают с молодежью на более понятном и доступном им языке, таким образом, предоставление музеем площадки для реализации молодежных проектов – один из наиболее действенных способов привлечения молодого поколения.

Из реализованных инициатив можно отметить: выставочный проект молодых художников Витебска «Перекресток» (2010 год); выставку «7 – е общепольское биеннале студенческой графики. Познань – 2011» (2012 год); выставку студентов ВГТУ и ВГУ имени П.М. Машерова «5 M2» (2013 год); выставку в рамках художественно-музыкального проекта студентов художественно-графического факультета ВГУ имени П.М. Машерова «DESIDERIO» (2015 год), выставку молодой белорусской художницы Екатерины Мясниковой «Тишина. Postscriptum» (2016 год) [1 – 7].

За рассматриваемый период на базе музея свои творческие проекты представляли студенты из различных учреждений образования:

- Витебский государственный университет имени П.М. Машерова: «VIVAT ALMA MATER» к 100-летию ВГУ имени П.М. Машерова (2010 год), выставка «5 M2» (2013 год), выставка творчества китайских студентов и магистрантов «Весеннее настроение» (2014 год), арт-проект «Спасибо деду за Победу» (2014 год), проект «DESIDERIO» (2015 год), персональная выставка китайской студентки Ян Шо «China» (2015 год), выставки дипломных работ 2011, 2012 годов [1 – 7];
- Витебский государственный технологический колледж: дипломные работы выпускников отделения декоративно-прикладного искусства (2011 год) [2];
- Витебский государственный колледж культуры и искусств: выставка дипломных проектов (2012 год) [3];

- Латвийская академия искусств: творческие проекты «Современный текстиль Латвии», «Вибрация материала. Экспериментальный текстиль Латвии», «Концентрированные мысли. Экспериментальный текстиль» (2015 год) [6];

- Смоленский государственный институт искусств: выставка дипломных проектов «Гобелен» (2016 год) [7].

Таким образом, посредством взаимодействия музея и учреждений образования происходит общение студентов и выпускников творческих специальностей с музейной аудиторией. В Витебском Художественном музее свои работы выставляют также иностранные студенты, что демонстрирует высокий статус музейного учреждения в творческой среде и за пределами Республики Беларусь.

Важным направлением деятельности Художественного музея как площадки для реализации культурных проектов можно назвать выставки детского творчества. Ежегодно проходят выставки детских работ образцовой студии «Тюбики», функционирующей на базе музея. Так, за период с 2010 по 2016 год на базе музея состоялось более 10 таких выставок и арт-мероприятий [1 – 7]. Особенно хотелось бы отметить участие детей в акции «Ночь музеев» (в 2014 и 2016 годах), а также в 2015 году в двух масштабных проектах: 100-летие «Черного квадрата» К. Малевича, где студия представила выставку «Забавная геометрия»; и Международном проекте «Свадебная феерия. «Влюбленные над городом»» к 100-летию празднования свадьбы М. Шагала и Б. Розенфельд, в рамках которого воспитанники студии «Тюбики» представили выставку работ в городском пространстве [1 – 7].

На базе музея ежегодно проводятся выставки детского творчества: «Шлях да вытокаў» (2010 год), «Рождественская мелодия» (2011 год), «Віцебск любоў мая, казка чароўная» (2011 год), «Чароўная завяя» (2012 год), «Зимние узоры» (2013 год), «Сочи. Олимпийская истории Беларуси» (2014 год), «Раства цудоўныя імгненні» (2016 год) и другие. Многие из представленных мероприятий проводятся совместно с УО «Витебский городской центр детского творчества» и УО «Витебский центр дополнительного образования детей и молодежи» [1 – 7].

Также в музее организуются выставки детских конкурсных работ. Например, в 2012 году в Художественном музее проходила городская выставка конкурсных работ учащихся школ г. Витебска «Чароўная завяя» и художественная выставка по итогам конкурса детских школ искусств, посвященного 200-летию Отечественной войны 1812 года; в 2015 году – выставка творческих работ учеников и педагогов школ и учреждений внешкольной работы «И помнит мир спасенный» по итогам конкурса «Две звезды», посвященного 70-летию Победы [1 – 7]. Таким образом, Художественный музей выступает как площадка для реализации культурных проектов детей и молодежи, что особенно важно для развития творческой личности: первое признание достижений, выставка в музее, рядом с шедеврами живописи, по соседству с известными именами – лучшая награда для творческого ребенка. Именно подобные достижения в детстве создадут в будущем целенаправленную личность, сформируют определенный уровень притязаний. Детскими творческими работами музей украшает стены холлов и небольших залов, заполняя тем самым пространство яркими красками и необычными образами.

Реализация модели «музей как площадка для культурных инициатив» в отношении Художественного музея проявляется не только в организации разноплановых выставок. Так, музей тесно взаимодействует с различными социальными организациями, такими как клуб ветеранов Витебска «Надежда», клуб ветеранов «Золотой возраст», клуб ветеранов Первомайского района Витебска «Дружба» [1 – 7]. В данном случае музей предоставляет клубам место для проведения досуга, встреч, организационных собраний и заседаний. На протяжении всего рассматриваемого периода несколько раз в год на базе музея проходили встречи названных клубов. В качестве примеров культурных инициатив можно привести: организацию вечера отдыха клуба ветеранов Витебска «Надежда» ко Дню пожилого человека в 2010 году, в 2012 году на базе музея состоялась презентация клуба «Золотой возраст», было организовано традиционное заседание клуба «Надежда» «Осенние встречи», в 2016 году для самых активных посетителей музея из числа членов клуба ветеранов «Золотой возраст» были проведены экскурсии по выставкам, проходящим в дни «Славянского базара» [1 – 7].

Культурными инициативами на базе Художественного музея также являются следующие мероприятия:

- организация и проведение республиканских и городских конкурсов, торжественное награждение победителей. Музеем за рассматриваемый период было организовано и проведено 5 городских и 1 республиканский конкурс [1 – 7];

- организация встреч с художниками: с 2010 по 2016 год было организовано и проведено 14 творческих встреч [1 – 7];

- мастер-классы, в процессе которых мастера могут поделиться накопленным опытом (34 мастер-класса на базе музея за 7 лет) [1 – 7];

- организация вечеров памяти (22 вечера за период с 2010 по 2016 годы) [1 – 7].

Кроме того, музей имеет опыт проведения VIP-приемов, встреч и организаций экскурсий для официальных делегаций, пресс-конференций. За рассматриваемый период музей не единожды становился площадкой для проведения концертов, спектаклей, кино-показов, которые дополняли, раскрывали и уточняли выставочные проекты художников.

Таким образом, Художественный музей Витебска является ярким примером реализации модели «музей как площадка для культурных инициатив». Инициативной группой выступают сотрудники учреждения, творческая интеллигенция города, представители учреждений образования. За рассматриваемый период с 2010 по 2016 год включительно на базе учреждения и при непосредственном участии музея были организованы и проведены разноплановые мероприятия, позволяющие привлечь к учреждению внимание потенциальной аудитории, расширить круг реальных посетителей и разнообразить культурный досуг постоянной аудитории. Для многих творческих людей Художественный музей стал площадкой осуществления замыслов, проектов, идей, предоставил возможность заявить о себе молодым начинающим художникам. Для общества осуществление подобных культурных инициатив важно с точки зрения эстетического воспитания, развития художественного образования и возможности культурного проведения досуга горожанами.

На примере работы Художественного музея мы видим, что современные музеи могут успешно реализовывать модель «музей как площадка для культурных инициатив». Данный тезис особенно справедлив для региональных музеев, которые являются центрами и средоточием культурной жизни региона. Именно на их базе уместно проведение и продвижение разнообразных культурных проектов.

Реальная реализация модели «музей как площадка для культурных инициатив» зависит от направления работы музея, его специфики, реальной и потенциальной аудитории.

1. Архив Витебского областного краеведческого музея за 2010 г. – Отчет о работе музея. 4.
2. Архив Витебского областного краеведческого музея за 2011 г. – Отчет о работе музея. 5.
3. Архив Витебского областного краеведческого музея за 2012 г. – Отчет о работе музея. 6.
4. Архив Витебского областного краеведческого музея за 2013 г. – Отчет о работе музея. 7.
5. Архив Витебского областного краеведческого музея за 2014 г. – Справочная работа Мастацкага музея за 2014 год. 9.
6. Архив Витебского областного краеведческого музея за 2015 г. – Справочная работа Мастацкага музея за 2015 год. 13.
7. Архив Витебского областного краеведческого музея за 2016 г. – Справочная работа Мастацкага музея за 2016 год. 11.
8. Толковый словарь русского языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ozhegov.info/slovar/?ex=Y&q=ИНИЦИАТИВА>. – Дата доступа: 01.03.2018.

«ПАРТИЦИПАТОРНЫЕ МУЗЕИ»: ДЛЯ КОГО?

Е.Л. Иванова (Минск, Беларусь)

Тема многогранной деятельности современных музеев уже давно не нова. Однако, каждый раз есть, что добавить и о чем задуматься. Музееведы, исследователи, хранители фондов, музейные педагоги, экспозиционеры, эксперты, кураторы – каждый имеет собственную позицию относительно вопроса, для кого или для чего создается музей. Что же определяет его работу? Посетители, экспонаты, наличие выставочного пространства, предметы фондовых коллекций, научный коллектив музея, Интернет-ресурсы или что-то еще?

Сегодня посещая белорусские музеи, мы не можем не заметить достижений, которые продвинули их в сферу интересов современного человека: взрослых, молодежи, детей, туристов, виртуальных посетителей. Обнадеживает тот, факт, что практически любой человек может сегодня найти мероприятие, проводимое в музеях, по своему вкусу. Начиная от лекций, семинаров, тематических встреч до квестов, игр, виртуальных проектов, перформансов, представлений.

Тем не менее, теоретические наработки и практика работы отечественных и зарубежных музеев значительно отличаются. Эти различия обусловлены многими факторами, которые определяют специфику работы учреждений культуры, в том числе и музеев, за границей и у нас в стране. Нет смысла сравнивать, лишь можно делиться опытом, брать на заметку удачные решения, двигаться вперед и искать перспективные пути для сотрудничества.

Анализируя концепции, которые то и дело появляются на лоне музееведческой науки, можно заметить весьма широкий выбор, авторы которых под микроскопом рассматривают каждый шаг в развитии и трансформации современного музея. Так, одну из привлекательных идей высказывает Нина Саймон в своей книге «Партиципаторный музей», где предлагает концепцию одноименного подхода к пониманию современного музея и других учреждений культуры.

Понятие «партиципаторные учреждения культуры – это место, где посетители могут заниматься творчеством, обмениваться впечатлениями и общаться на связанные с учреждением темы» [1, С. 12]. Сложное производное название происходит от английского слова «participatory», которое означает соучастие, содействие, взаимодействие. Другими словами, это музей, деятельность которого направлена на активное взаимодействие с посетителями. «Посетитель – это главное» – заявляет автор книги. Все в музее должно быть подчинено идее удовлетворения индивидуальных потребностей человека, его интеллектуальных, творческих, информационных запросов. Возможно ли угодить всем? Ведь у каждого свои интересы, увлечения, мотивы? Тем не менее, любой из нас, приходя в кафе, предпочитает, чтобы подошел официант и принял заказ, а не предложил вам выпить или поесть на свое усмотрение. Так и в музеях, человек хочет, чтобы к нему прислушались, приняли во внимание его настроение, желание

получить знания или новую информацию, развлечься с друзьями, отдохнуть с детьми, развить творческие способности или что-то другое.

Развивая данную идею, Н. Саймон предлагает использовать такое понятие, как «персонализация музея». Это и есть тот самый подход, который ориентирован на каждого человека индивидуально. «Персонализация», – пишет автор, – «это не просто предоставление вам того, что вам нравится. Она открывает вам новое, а также предоставляет языковые средства, с помощью которых вы можете отчетливее формулировать свои предпочтения. Мир открывается перед вами чуть шире и побуждает к его дальнейшему исследованию» [1, С. 93].

Как же возможно реализовать на практике индивидуальный подход? Есть много решений, каким образом узнать мотивацию посетителя и его запросы. Это может быть стандартный опрос в стенах музея, проведенный сотрудниками музея. Такой же функцией вполне реально наполнить контент инфокиоска, где посетителю предоставляется информация о выставках, проектах, мероприятиях. Можно создать специальный раздел на сайте музея, где посетители, заполняя соответствующие формы в виде анкеты, получают рекомендации в соответствии со своими ответами. Это лишь начальная точка персонализации.

Далее дело заключается в удовлетворении индивидуальных желаний посетителя, который уже выбрав для себя подходящее мероприятие, устремится в залы музея. Для этого в экспозиционных залах применяется весь набор средств: интерактивный дизайн, специальное оборудование, информационные панели, тренажеры, игровые зоны и, конечно, увлеченные своим делом сотрудники, которые устанавливают тот самый контакт не только в рамках проведения экскурсии, но и других мероприятий. Тем не менее, соучастие посетителя не заключается только в том, чтобы высказать свои пожелания. Соучастником он становится тогда, когда оставляет частичку себя, делится своими эмоциями, чувствами, которые он испытал в музее. Творческие, активные люди не останутся безразличными к предоставленной возможности что-нибудь сделать, смастерить своими руками, принять участие в ролевой игре, перфомансе или просто послушать рассказчика, посмотреть интересное действие. А если в конце посещения музея он сможет еще и высказать свое мнение, оставить на память, сделанную им вещь, поделиться эмоциями с другими – это, наверняка, станет чем-то большим, чем стандартный набор сомнительных удовольствий хождения по залам. Для этого на помощь музею приходят технические новинки. Установленная на выходе видео или фотокамера, при помощи которой посетитель может сделать видеозапись или фото, а затем выложить на сайт, поучаствовать в рейтинге мероприятий, посредством голосования или просто оставить запись в электронной книге посещений – станет тем логическим завершением, которое поможет удержать контакт до последнего момента.

Посетитель, который был услышан и получил то, что ожидал всегда остается доволен. Секрет персонализации прост – прислушаться к каждому посетителю и постараться сделать так, чтобы он получил желаемое. Однако видимая простота заключается в трудной ежедневной аналитической работе, поиске оптимальных решений, перспективных проектов, методов и приемов. Комплексное использование различных подходов помогает создать особое коммуникативное пространство для соучастия и взаимодействия с посетителями.

1. Саймон, Нина Партиципаторный музей / Н. Саймон / пер. А. Глебовской. – М.: Ад Маргинем Пресс, 2017. – 368 с.: ил.

МУЗЕЙ, НАУКА И ИСТОРИЯ: К ВОПРОСУ ОБ ИСТОРИЧЕСКОМ ЗНАЧЕНИИ КОМПЛЕКСНОЙ ЭКСПОЗИЦИИ ОТДЕЛА «ПРИРОДНАЯ ЗОНАЛЬНОСТЬ И ПОЧВООБРАЗОВАНИЕ» МУЗЕЯ ЗЕМЛЕВЕДЕНИЯ МГУ ИМ. М.В. ЛОМОНОСОВА

Е.П. Сабодина, Г.И. Карчевский, Ю.С. Мельников, Е.М. Воронцова (Москва, Россия)

«Кто никогда не был на вершине Ивана Великого, кому никогда не случилось окинуть одним взглядом всю нашу древнюю столицу с конца в конец, кто ни разу не любовался этою величественной, почти необозримой панорамой, тот не имеет понятия о Москве, ибо Москва не есть обыкновенный большой город, каких тысяча; Москва не безмолвная громада камней холодных, составленных в симметрическом порядке... нет! у неё есть своя душа, своя жизнь».

М. Ю. Лермонтов, «Панорама Москвы».

С возведением главного комплекса зданий Московского университета в середине XX века Музей землеведения, расположившийся в высотке МГУ, позволяет, как и колокольня Ивана Великого, окинуть взглядом нашу столицу и весь мир в визуальном и научно-философском смысле. Ноосферная красота раскинувшейся внизу столицы нашей Родины дополняется уникальной музейной экспозицией, синтезирующей в научно-художественной форме планетарные знания о Земле. Каждая деталь экспозиции, каждый экспонат или систематическая таблица несут синтез наук о Земле.

Таинственное течение исторического времени отделяет творчество одних от других, дарит Сальери забвение и приносит вечную славу и любовь Моцарту. Е.Д. Никитин работал в МЗ МГУ с 1973 года. Не-

утомимый исследователь и глубокий философ своими руками творил экспозиционную реальность. В далёкие шестидесятые и семидесятые годы, рискуя своей жизнью, пробирался он таёжными тропами и степными просторами в поисках почвенных образцов. Подготовив почвенный разрез, изымал из него величайшую драгоценность – российскую землю и вёз тяжёлый монолит по просторам России в университет. Коллекция почвенных монолитов, представленных в отделе “Природная зональность и почвообразование”, насчитывает более 200 штук. Вот оно, богатство нашей Родины, за стёклами, доступно студенту и посетителю. Бóльшая часть экспонатов имеет соответствующие паспорта, студенты могут познакомиться с химическим составом и другими особенностями почв. Уникальный банк данных не только собран, но осмыслен и обобщён в трудах Е.Д. Никитина и его учителя академика РАН Г.В. Добровольского. Особое внимание посетителей вызывает выставка трудов этих авторов. Среди выставленных 26 трудов в первую очередь хочется отметить Красную книгу почв России М. 2009 (науч. ред. Г.В. Добровольский и Е.Д. Никитин). В предисловии к данному труду авторы указывают: «Всё продолжающаяся интенсивная антропогенная деградация природы со всей остротой ставит задачу поиска путей сохранения разнообразия видов организмов и биосферы в целом – незаменимой среды обитания человека. Поэтому настоящая работа направлена на сбережение почв нашей планеты и их географо-генетического богатства как первейшего условия сохранения биосферы Земли и её биоразнообразия» [2, с.6]. Г.В. Добровольский и Е.Д. Никитин в своих трудах и практической деятельности реализовали предельно широкий подход в деле охраны почв, используя системный подход в анализе и синтезе земледельческих знаний. В кратком обзоре мощной философско-научно-художественной экспозиции нет возможности рассмотреть всё, поэтому ограничимся лишь некоторыми наиболее существенными, на наш взгляд, фрагментами. Однако, по нашему мнению, прежде всего, следует обратить внимание на разработку Е.Д. Никитиным хомонатурологии – теории единства человека и природы – актуального междисциплинарного направления, призванного активизировать объединение в единую интегральную систему различных знаний о *Homo sapiens* и его взаимодействии со средой обитания. Е.Д. Никитин подчёркивает: «Неразрывное единство человека и природы всегда считалось само собой разумеющимся. Но известно, что очевидные истины не очень-то обсуждаются. И напрасно. Мало признавать справедливость важного постулата, необходимо ещё знать его конкретное разнообразное наполнение в реальном пространстве-времени. И сейчас, когда взаимоотношения биосферы и человечества достигают своих предельных выражений, потребовались объединённые и детализированные знания о связях природы и человека, которые так необходимы для выработки стратегии взаимодействия социума и окружающей среды» [3, с., 5]. Подлинной причиной разлада взаимоотношений между человеком и природой является не проблематичная в экологическом смысле хозяйственная деятельность человека, которая есть лишь следствие, а нерешённость фундаментальных философских вопросов человеческого бытия, отсутствие глубинных знаний, как о человеке, так и о природе. Разрабатывая теорию единства человека и природы, Е.Д. Никитин, подобно В.И. Вернадскому и своему великому предшественнику В.В. Докучаеву, опирается на фундаментальные натуралистические научные исследования природы в целом и почвенного покрова, в частности. Систематизация и осмысление целостного натурфилософского знания позволили Е.Д. Никитину выйти к фундаментальным открытиям в области теории единства природы и человека, в краткой и яркой форме выраженным им в нижеприведенной матрице [3, с., 34]:

Общие закономерности жизни сложных систем

<i>Основные типы и виды закономерностей</i>			
Процессно-структурные	Функциональные	Динамические	Эволюционные
Целенаправленное противоречивое движение симметрично-асимметричного мира	Полифункциональность систем существующего мира и их многопричинная обусловленность	Реализация принципа компенсации при возникновении изменений в системах	Всеобщность, взаимосвязанность, ритмичность эволюции бóльшей части систем
Зональность в пространственно-временном расположении компонентов и состояний систем и процессов их изменения	Многократный оборот одних и тех же элементов (компонентов) – способ экономичного и эффективного функционирования систем и их узловых составляющих	Отставание видимых структурных изменений от функциональных; снижение подвижности и обновляемости системы при её увеличении	Направленность, ускорение и унаследованность типа эволюции систем в процессе их развития
Наполнение основного объёма систем небольшим числом однотипных компонентов и процессов	Повышенное значение малого, редкого и невидимого в функционировании систем, особая роль критических состояний и периодов	Возрастание изменчивости, информативности и необычности поведения систем при вхождении их в контактные зоны и новые взаимодействия	Концентрация в пространстве и времени информации и энергии в эволюционирующих системах

⁵³ Неологизм автора.

Обеспечение структурно-функционального разнообразия систем компонентами, занимающими ограниченное пространство-время	Реализация принципа минимакса, ⁵⁴ квазисбалансированность противоположно направленных процессов	Уменьшение амплитуды и стохастичности изменений консервативных систем по сравнению с мобильными	Возрастание автономности систем от материнской среды по мере их эволюции и усложнения
Наличие нескольких уровней организации, дублирование и парность компонентов систем, их тесная пространственно-временная взаимосвязь	Существенная потеря информации и энергии при переходе с уровня на уровень	Способность к восстановлению частично разрушенных компонентов по типу матричной достройки	Усиление устойчивости и защищённости систем по мере возрастания их эволюционной зрелости при одновременном снижении адаптивности и регенеративной способности

Общие закономерности жизни сложных систем являются важнейшей составляющей хомонатуры (теории единства природы и человека). Открытие данных закономерностей может многое дать как для развития самой теории единства человека и природы, так и для установления плодотворных контактов хомонатуры с различными интегративными междисциплинарными направлениями и философией. Особое место в музейной экспозиции занимает последняя работа Е.Д. Никитина «Развитие интегрирующих наук (наука о почве, почвоведение, хомонатура)» [4, с., 4].

Как подчёркивает Е.Д. Никитин: «В настоящем издании, прежде всего, приводятся дополнительные углублённые доказательства необходимости усиления реального развития почвоведения как фундаментальной связующей науки, катализирующей взаимосвязи родственных наук в направлении создания единой системы знаний о Земле и взаимодействии с ней человечества».

После издания работы Е.Д. Никитина «Хомонатура: теория единства человека и природы» прошло 7 лет. В отношениях между природой и человеком существенных позитивных сдвигов не произошло, фундаментальные научные открытия не так скоро становятся достоянием масс и, изменив мировоззрение, меняют отношение человека к действительности. Предупреждения о недопустимости хищнического отношения к природе красной нитью проходят через историю последних столетий. Напомним пророческие слова Л.Н. Гумилева: «Биосфера, способная прокормить людей, не в состоянии насытить их стремление покрыть поверхность планеты хламом, выведенным из цикла конверсии биоценозов. ** В этой фазе этнос, как Антей, теряет связь с почвой, т.е. с жизнью, и наступает неизбежный упадок» [1, с., 4].

Фундаментальные научные исследования, позволяющие осознанно и успешно наладить гармонию взаимоотношений человека и природы по-прежнему актуальны и востребованы. В работе 2017 года «Развитие интегрирующих наук (наука о почве, почвоведение, хомонатура)» Е.Д. Никитин выходит на новые теоретические обобщения. Он подчёркивает: «Понятно, что задачи развития почвоведения, почвоведения и хомонатуры тесно связаны между собой, и их сопряжённое решение даёт возможность добиться принципиально более значимых результатов с существенно меньшей затратой сил и времени учёным, занимающимся объединением разрозненных знаний о предметах и объектах, соприкасающихся или тесно взаимосвязанных в реальной действительности» [4, с., 15]. Считаем необходимым отметить целостный вклад в развитие философских и научных знаний отдела «Природная зональность и почвообразование» сектора «Космическое земледелие и рациональное природопользование». С 2010 по 2017 год Е.Д. Никитин и возглавляемый им отдел «Природная зональность и почвообразование» работали с наибольшей интенсивностью. За этот период были подготовлены следующие научные труды:

1. 2010 год – монография «Основа жизни на земле: почва, Россия, цивилизация» Е.Д. Никитин. М., 2010. 240 с. (данная работа была переведена на английский язык и отправлена в Австралию и в Канаду);
2. 2012 год – монография (с предисловием академика РАН Г.В. Добровольского) «Почва жизни» Е.Д. Никитин. М., 2012, 388с.;
3. 2013 год – монография «Функционально-динамическое почвоведение и земледелие» Е.Д. Никитин. М., 2013, 575 с.;
4. 2014 год – монография «Система концепций в естествознании, значение недооценённого» Е.Д. Никитин. М., 2014, 345с.;
5. 2015 год монография «Музей – наука – творчество: музееведение, геоэкология, почвоведение, философия» Е.Д. Никитин. М., 2015, 616 с. ;
6. 2016 год – монография «Экодвижения и охрана почв и биосферы» Е.П. Сабодина, Е.Д. Никитин, С.А. Шоба. М., 268 с.;
7. 2016 год – монография «Геоинтегралогия: гармонизирующее развитие и геобиосфера (геопочвенно-функциональный подход)». Е.Д. Никитин. М., 2015, 205 с.;
8. 2017 год – монография «Развитие интегрирующих наук (наука о почве, почвоведение, хомонатура)». Е.Д. Никитин. М., 2017, 240 с.

** Совокупность растений и животных, населяющих определённый участок среды обитания.

В журнале, входящем в перечень изданий, рекомендованных ВАК, «Этносоциум и межнациональная культура», №7 за 2017 год опубликована работа Никитина Е.Д. «Популяризация почвоведения как актуальная философско-научно-культурная проблема». В журнале, входящем в перечень ВАК «Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке» №4 за 2017 год вышла работа «Становление философии почвоведения в свете развития фундаментальных наук о Земле (авторы Никитин Е. Д., Сабодина Е. П., Мельников Ю. С.). Запланированы на 2018-2019 г.г. ещё две монографии и завершение докторской диссертации. Работу по преобразованию рукописного текста, созданного Е.Д. Никитиным, в подготовленный для издательства текст осуществляли два сотрудника отдела: Шарганова О.Л. и Мельников Ю.С. Их Фамилии и инициалы указаны в указанных работах. Продолжение работы отдела в том направлении, которое было задано руководителем отдела Никитиным Е.Д., является актуальным и востребованным. История почвоведения и других наук, представленная в материалах экспозиции и в научно-философских трудах небольшого коллектива в системе Московского университета, имеет непреходящее историческое значение и является своеобразным вкладом как в междисциплинарный подход в историческом исследовании (прежде всего истории науки и истории МГУ им. М. В. Ломоносова), так и в методику преподавания истории науки и других областей знания.

1. Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера Земли. Л.: Гидрометеоиздат, 1990. 520 с.
2. Красная книга почв России: Объекты Красной книги и кадастра особо ценных почв/ Науч. ред.: Добровольский Г.В., Никитин Е.Д. – М.: МАКС Пресс, 2009. – 576 с.
3. Никитин Е.Д.. Хомонатурология: теория единства человека и природы – М.: МАКС-Пресс, 2010, 239с.
4. Развитие интегрирующих наук (наука о почве, основоведение, хомонатурология). М.: МАКС Пресс, 2017. – 240 с.

ДОВЕРИЕ КАК НЕОБХОДИМОЕ УСЛОВИЕ СОЦИАЛЬНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

Е.А. Мозгунова, Л.Г. Фомовская (Волгоград, Россия)

Анализируя теоретическую базу такого социального феномена как доверие, необходимо остановиться на определении самой категории доверия. Исходя из сущностных характеристик доверия, его можно рассматривать и как структурный компонент социального капитала, и как особый вид социальных отношений, и одновременно, как результат и необходимое условие социального взаимодействия, а также как важнейший ресурс межличностных коммуникаций.

Структурирование доверия с учетом уровня его функционирования позволяет выделить:

- психологический уровень, предполагающий доверие человека к себе и к своему социальному окружению; это базовая характеристика, обеспечивающая основу безопасности индивида;
- социально-психологический или групповой уровень доверия как особый вид социальных отношений, включающий межличностное взаимодействие;
- социальный уровень доверия, охватывающий уровень социальных институтов и общество в целом.

Следует отметить, что теоретическая база определения категории доверия разрабатывалась целым рядом социологов. Американский ученый Фрэнсис Фукуяма называет доверие одной из ключевых характеристик развитого общества [4. С. 42]. Доверие выступает гарантом прогресса и успеха современного социума. В постиндустриальном обществе разработка связи и механизмов коммуникации также неосуществима без такого важнейшего источника, как доверие. Отсутствие доверия к институтам, также как и его недостаток, существенно снижает (по Ф. Фукуяме) потенциал развития экономической активности и предпринимательского поведения [3. С. 33]. Следовательно, изучение такой категории как доверие имеет большое как теоретическое, так и практическое значение.

В современной социологии рассматривается рационалистическая и нормативная трактовка указанной категории. Рационалистический подход предполагает рассматривать доверие как стратегию, основанную на рациональности с анализом преимуществ и потенциальных рисков доверительного поведения, то есть указанное поведение рационально, если оно оправдано на уровне объекта доверия. Основная проблема в данном случае – определение системы критериев оценки партнера. Основоположником теории рационального выбора можно считать Дж. Коулмана. Доверительное поведение в данном контексте рассматривается как своеобразный комплекс решений, принимаемых в ситуации неопределенности [1. С. 24]. Одним из основных недостатков указанной модели является закрытость информации, позволяющей обеспечить рациональность действий. В определенной степени гарантом поведения партнера могут выступать различные социальные институты.

Вторая трактовка, рассматривающая доверие с точки зрения нормативного подхода, определяет данную категорию через систему действий, совершаемых в соответствии с социальными нормами. В данном случае индивид ведет себя в соответствии с принятыми нормами и ожидает от другой стороны аналогичного поведения. При данном подходе исчезает необходимость поиска оснований для доверительных отношений, доверие воспринимается как естественная установка, означающая, что каждая из сторон придерживается установленных правил поведения.

Наибольший интерес представляет синтез нормативных и рационалистических подходов. Однако подход к доверию как к рациональному поведению и как к продукту социальных норм указывает лишь на способы принятия решений и мотивировок. Это снижает риски, но не способно полностью исключить неопределенность, присущую социальному пространству [1. С.27].

Одной из основных характеристик социокультурной составляющей современного российского общества является недостаточная подконтрольность целого ряда жизненных ситуаций, с которыми сталкивается индивид. К числу малоконтролируемых относятся не только ситуации на макросоциальном уровне, но и отношения, складывающиеся в профессиональной и бытовой сфере.

Снижение уверенности человека в постоянстве и предсказуемости поведения своего социального окружения, а также в неизменности окружающего мира приводит к падению уровня доверия, на смену которому приходит неудовлетворенность собой, своим окружением и обществом в целом. Доверие вытесняется чувством неопределенности и страха. Следовательно, доверие можно рассматривать как предпосылку социального порядка в обществе и как важнейший структурный компонент социального капитала. Социальные контакты могут носить как персонифицированный, так и институциональный характер, поэтому недостаточный уровень доверия проявляется в одинаковой мере и в межличностной и в институциональной сфере.

Следует отметить традиционно низкий уровень межличностного доверия в российском обществе; в данном контексте доверие трактуется либо как необоснованный и непозволительный риск, либо как препятствие к достижению успеха.

Социальный негативный опыт и социальные травмы являются одними из основных причин снижения доверия в российском обществе. Ситуация осложняется недостаточной эффективностью многих социальных институтов, а также доминированием в массовом сознании российских граждан персонификации социальных институтов, что приводит к формированию институционального недоверия.

Таким образом, исследование проблем, связанных с определением целого ряда факторов, влияющих на формирование доверия, представляется достаточно значимым на современном этапе развития российского общества. Перспективность практических исследований в данной области определило многообразие и теоретических подходов, и методов исследования.

Проведение социологических исследований в данной области связано не только с измерением уровня доверия в современном социуме, но и с определением его структурных компонентов, а также объективных критериев измерения его состояния.

Эмпирической базой данной статьи послужили результаты социологического исследования, проведенного среди студентов выпускных курсов очной и очно-заочной форм обучения ГАПОУ «Волгоградский медицинский колледж».

В задачи исследования входило установить, является ли доверие базовой характеристикой, определяющей отношения в современном российском обществе, а также выявить значимость доверия именно в сфере межличностного взаимодействия людей в относительно малых группах, объединенных общими интересами, целями и потребностями.

Авторами были выдвинуты следующие гипотезы:

1) Доверие является базовым элементом сознания и важной характеристикой социального взаимодействия, влияющей на поведение индивида и стабильность общества.

2) Доверие на уровне межличностного взаимодействия является более значимым для индивида, чем степень доверия к социальным институтам.

В ходе проведенного исследования было выявлено, что большинство респондентов отмечают достаточно высокий уровень значимости доверия и считают его необходимым условием существования общества (полностью придерживаются данной точки зрения 41% опрошенных, считают доверие скорее значимым, чем нет – 44%, и лишь незначительное количество респондентов отмечают низкую значимость данной категории).

Оценивая роль доверия в деловых отношениях, абсолютное большинство опрошиваемых отмечают его высокую значимость (61% на вопрос «Важно ли доверие в деловых отношениях?» ответили «да», 30% – «скорее да, чем нет»).

Аналогичные результаты были получены при определении значимости доверия в отношении общества и государства. Следовательно, абсолютное большинство респондентов (54,4% ответили «да», 33,3% – «скорее да, чем нет») считают доверие необходимым условием стабильности общества.

Рассматривая сферу межличностного взаимодействия, респонденты однозначно определяют доверие как приоритет и необходимое условие построения данных отношений.

Более детальный анализ значимости доверия в институциональной сфере показывает, что половина респондентов выражают доверие руководству страны. На уровне региона данный показатель несколько ниже (42% респондентов).

В отношении партийных структур респонденты выражают меньшую степень доверия (лишь 1,75% человек определяют данные институты как заслуживающие полного доверия, 33,3 скорее доверяют, чем не доверяют, и 65% опрошиваемых выражают недоверие).

Оценивая деятельность правоохранительных органов с точки зрения выражения доверия, большая часть респондентов (60 человек), скорее доверяют данным структурам.

Определяя степень доверия в отношении к СМИ значительное количество студентов (68 человек) считают указанные структуры не заслуживающими доверия.

Наибольшим доверием у студентов пользуются члены семьи, друзья, и однокурсники, что подчеркивает значимость доверия именно в сфере межличностного взаимодействия в относительно малых группах (на уровне учебной группы), объединенных общими интересами, целями и потребностями.

Следует отметить тенденцию снижения уровня доверия даже в межличностных отношениях. Традиционно к категориям, заслуживающим наибольшую степень доверия, относятся родственники, однако результаты опроса показали, что некоторые респонденты считают родственников и близких друзей не заслуживающими доверия (родственникам 8% скорее не доверяют, чем доверяют, 0,9% – не доверяют вовсе; друзьям 11,4% – скорее не доверяют, 1,75% – не доверяют совсем).

Проведенное исследование подтверждает важность доверия в процессе осуществления учебной деятельности. Результаты опроса показывают, хоть и незначительный, но перевес студентов, которые доверяют своим однокурсникам. (Полностью доверяют – 10,3%, скорее доверяют – 56%, скорее не доверяют – 24,2% и 9,5% - полностью не доверяют.)

Вопрос, направленный на выявление степени доверия незнакомым людям, показывает сформированность доверия как психосоциального феномена, который отражает обобщенное восприятие индивидом социума в контексте личной безопасности (полностью доверяю незнакомым 2,6% респондентов, скорее доверяю - 7%, скорее не доверяю - 35% человек и совсем не доверяют 55,4% опрошиваемых).

Более высокий уровень доверия проявляется в сфере межличностных взаимодействий и отношений людей, прежде всего в таких группах, как семья, учебный (трудовой коллектив), круг друзей.

В результатах современных эмпирических исследований явно прослеживаются следующие тенденции: фиксируется относительно низкий уровень доверия к основным социальным институтам общества, а также общий кризис доверия к управленческим структурам. [2. С.134]. При этом ситуация с межличностным доверием не претерпевает существенных изменений. Данные тенденции в целом подтверждаются в ходе проведенного исследования среди студентов образовательного учреждения.

1. Алишев, Т.Б. Основные теоретические подходы к интерпретации феномена доверия в социологии/Т.Б.Алишев[1. С.24]Электронный ресурс]: Ученые записки Казанского государственного университета.Гуманитарные науки, 2009. -Том 151, кн.5, ч.1. С. 22-29. - Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/osnovnye-teoreticheskie-podhody-k-interpretatsii-fenomena-doveriya-v-sotsiologii> (дата обращения: 20.02.2018).
2. Барановский, М.В. Феномен доверия в современных социологических исследованиях/ М.В. Барановский [Электронный ресурс]: Власть, 2013, №6. С.134-137 -Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/fenomen-doveriya-v-sovremennyh-sotsiologicheskikh-issledovaniyah>(дата обращения: 8.02.2018).
3. Диденко, Н.И. Доверие как социальный феномен и условие экономического роста Арктического региона/Н.И.Диденко, Г.Ф.Ромашкина, Г.С. Ромашкин[Электронный ресурс]: МИР (Модернизация. Инновации. Развитие). 2015. Т. 6. № 4. С. 29–34. - Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/doverie-kak-sotsialnyy-fenomen-i-uslovie-ekonomicheskogo-rosta-arkticheskogo-regiona>(дата обращения: 7.02.2018).
4. Погукаева, Н.В. Доверие в контексте информационного общества/ Н.В. Погукаева [Электронный ресурс]: Вестник науки Сибири, 2015, №1 (16). С. 40-45 -Режим доступа: <http://sjs.tpu.ru/journal/article/view/1271>(дата обращения: 8.02.2018).
5. Реутов, Е.В. Недоверие в установках и практиках населения/ Е.В. Реутов, М.Н. Реутова[Электронный ресурс]: Социс, 2015, №6. С.126-132. -Режим доступа: <http://socis.isras.ru/article.html?id=5252>(дата обращения: 20.09.2017).

ФЕНОМЕН ПЕРФЕКЦИОНИЗМА В МЕЖЛИЧНОСТНЫХ ОТНОШЕНИЯХ

Е.А. Соколович (Минск, Беларусь)

Феномен перфекционизма широко распространен в современном обществе, которое задает нереалистично высокие стандарты, навязываемые индивиду его окружением и транслируемым с помощью СМИ. Индивид перестает получать удовольствие от процесса своей деятельности, так как главным становится достижение эталонного результата, который будет приемлем в обществе. Перфекционизм включает в себя также и межличностный аспект, который проявляется в том, что завышенные требования предъявляются окружающим людям, что может негативно сказываться на межличностных взаимоотношениях. Перфекционизм может привести к отсутствию чувства принадлежности, обесцениванию отношений. Тем не менее, при всем разностороннем изучении феномена перфекционизма, межличностный аспект перфекционизма изучен достаточно фрагментарно. Поэтому изучение особенностей и последствий межличностного перфекционизма является наиболее актуальным. Данная работа направлена на теоретический анализ работ, посвященных изучению феномена перфекционизма в интерперсональных отношениях.

Существует множество взглядов относительно трактовки понятия перфекционизм. Перфекционизм рассматривается как «требование исполнять все более качественно, чем требует ситуация» [11, с. 305], как «установку рассматривать в качестве неприемливого все, что ниже совершенства» [6, с. 79]. Зарубежные и отече-

венные авторы выделяют и другие определения перфекционизма: «сильная необходимость достигнуть самые высокие стандарты, сочетаемая с чрезмерной критичностью к себе» [16, с.358], «стремление к безупречности, совершенству» [10, с. 157]. D. Burns определил перфекционизм как сеть когниций [12].

Обобщив вышеизложенные идеи, можно сделать вывод о том, что перфекционизм – это психологический феномен, в основе которого лежит механизм искажения когнитивной структуры личности. Характеризуется данный феномен высоким уровнем притязаний, гипертрофированной значимостью собственных достижений, сверхтребовательностью по отношению к самому себе и/или окружающим, нетерпимостью к собственным ошибкам и просчетам других людей.

Перфекционизм является социальным феноменом. Данное утверждение можно вывести из того, что перфекционизм может развиваться только в социальном контексте под влиянием ожиданий и критики со стороны других. Идеалы, к которым стремится перфекционист, задает его социальное окружение. Данные эталоны транслируются через родителей, школу, СМИ [3]. Перфекционистские установки чаще распространяются на зримые атрибуты успешности: внешность и успех в карьере, так как именно они могут быть, в первую очередь, оценены окружающими. Перфекционисты прибегают к хирургии и диетам, чтобы их внешность соответствовала стандартам, заданным в обществе [4].

Не все исследователи согласны с выделением интерперсонального аспекта перфекционизма, считая, что он не входит в структуру личности и его можно включить в такую составляющую перфекционизма, как дихотомическое мышление. Дихотомическое мышление представляет деление всех событий в соответствии с поляризованной оценкой «все очень хорошо – все очень плохо» [2]. Однако, на наш взгляд, любой аспект перфекционизма можно отнести к дихотомическому мышлению. Поэтому дихотомическое мышление является составляющей межличностного перфекционизма, как и составляющей перфекционизма, ориентированного на самого себя.

P. Hewitt и G. Flett рассматривают перфекционизм как трехмерный конструкт, включающий в себя: субъектно-ориентированный, объектно-ориентированный и социально предписываемый перфекционизм. К интерперсональному аспекту перфекционизма можно отнести две составляющие: объектно-ориентированный перфекционизм, или перфекционизм, ориентированный на других, и социально предписываемый перфекционизм [13; 14; 32].

Объектно-ориентированный перфекционизм включает завышенные требования по отношению к окружающим, ожидания от них безупречного поведения, требовательность, нетерпеливость к ошибкам других, невозможность прощать [13; 14; 32]. Такие люди характеризуются как «властные, конкурентоспособные, отдаленные от других, нетерпеливые, управляющие и эгоистичные, но у них есть способность к руководству» [17, с. 200]. Для данного вида перфекционизма характерны низкие показатели принятия других людей, что проявляется во враждебности и подозрительности [5]. В.А. Ясная и С.Н. Ениколопов считают, что за объектно-ориентированным перфекционизмом может стоять потребность в доминировании [10]. Данное утверждение может быть связано с характеристикой, данной L.M. Kim, которая описывает индивидов с объектно-ориентированным перфекционизмом, как эгоистичных, властных и управляющих [15]. Люди с объектно-ориентированным перфекционизмом склонны считать, что их круг общения формируется сам, и они не оказывают влияния на его формирование [5]. Данное утверждение является сомнительным. Исходя из выше представленных характеристик объектно-ориентированного перфекционизма, можно обобщить, что для него характерны эгоистичность, нетерпеливость, высокие требования по отношению к другим, критичность, стремление доминировать. Данные характеристики больше подходят человеку, который сам формирует свой круг общения.

Социально предписываемый перфекционизм включает в себя представления о том, что другие ожидают от тебя совершенного поведения, которое формируется в межличностных контактах. Перфекционизм искажает когнитивную структуру, что проявляется в восприятии других людей как чрезмерно критикующих [9]. Такие люди чувствительны к внешним оценкам, зависимы от одобрения окружающих, а также нуждаются в поддержке и внимании [5]. Люди с высоким уровнем социально предписанного перфекционизма считают, что одобрение и принятие необходимо заслужить [3]. На наш взгляд, когнитивная структура искажается и при объектно-ориентированном перфекционизме, но искажается на уровне восприятия других людей, что проявляется в иррациональных и нереалистичных требованиях к окружающим.

Социально предписываемый перфекционизм характеризуется наличием потребности в общении, поддержке и внимании [5]. На наш взгляд, данная потребность не характерна для объектно-ориентированного перфекционизма, так как он проявляется в низком уровне принятия окружающих, завышенных требованиях, нетерпимости к чужим ошибкам, что приводит к отдалению от других людей.

Также социально предписываемый перфекционизм положительно взаимосвязан с эскапизмом (избегающим поведением) и отрицательно с принятием себя и других [5]. Также была установлена положительная корреляция между социально предписываемым перфекционизмом и экстраверсией, нейротизмом и отрицательная корреляция между социально предписываемым перфекционизмом и ориентацией во времени (умение жить настоящим), автономностью, гибкостью поведения, спонтанностью, самоуважением,

самопринятием, принятием агрессии, контактности, представлениями о природе человека (восприятие природы человека как положительную), высоким locus контроля, потребностью в общении и одобрения, страхом негативной оценки со стороны окружающих [1;7].

Для перфекционистов характерна изначально чрезмерная идеализация отношений, а после их обесценивание, так как ожидания не соответствуют действительности [8]. Отличие состоит в том, что для объектно-ориентированного перфекционизма характерно обесценивание отношений, связанное с не оправдавшимися ожиданиями партнером, а для социально предписываемого – мысли о том, что ты сам не соответствуешь ожиданиям партнера.

Индивидуумы, которые имеют партнера с высоким показателем объектно-ориентированного перфекционизма, оказались не довольны своими отношениями, менее адаптированы к ним, в отношениях ощущают мало поддержки и понимания, чем испытуемые с менее требовательными партнерами. В таких отношениях перфекционисты не ощущают дискомфорта, а страдает их партнер [2; 17].

Таким образом, можно обобщить, что, не смотря на то, что некоторые исследователи не согласны с выделением перфекционизма в межличностных отношениях как самостоятельного аспекта перфекционизма, большинство авторов все же выделяют его. В основу данной работы была взята когнитивный подход, в рамках которого к межличностному перфекционизму можно отнести следующие составляющие: объектно-ориентированный и социально предписываемый перфекционизм. Данные составляющие перфекционизма имеют схожие черты, которые проявляются в том, что для них характерно искажение когнитивной структуры, избегание социальных контактов, сложность при установлении взаимоотношений с другими людьми, низкий уровень семейного единства, чрезмерная идеализация, а после обесценивание отношений из-за несоответствия ожиданий и реальности. Отличия объектно-ориентированного и социально предписываемого перфекционизма проявляется в направленности нереалистичных требований: в первом случае – на самого себя, во втором – на других, а также в направленности искажения восприятия других людей: при объектно-ориентированном перфекционизме другие воспринимаются как несовершенные, что не совпадает с ожиданием, а при социально предписываемом перфекционизме – другие воспринимаются как чрезмерно критикующие. При объектно-ориентированном перфекционизме дискомфорт при межличностном взаимодействии ощущает партнер, но не сам перфекционист, а при социально предписываемом перфекционизме – сам перфекционист.

1. Гараян, Н.Г. Перфекционизм и психические расстройства (обзор зарубежных эмпирических исследований) / Н.Г. Гараян // Терапия психических расстройств. – 2006. – № 1. – С. 23–31.
2. Гараян, Н.Г. Психологические модели перфекционизма / Н.Г. Гараян // Вопросы психологии. – 2009. – № 5. – С. 74–83.
3. Грачева, И.И. Уровень перфекционизма и содержание идеалов личности : автореф. дис. ... канд. психол. наук : 19.00.01. / И.И. Грачева ; Гос. ун-т гуманитарных наук. – М., 2006. – 24 с.
4. Золотарева, А.А. Перфекционистская самопрезентация как патологический феномен: перспективы изучения и измерения нового феномена в клинической психологии / А.А. Золотарева // Психология XXI века : материалы V Междунар. науч.-практ. конф. молодых ученых, Санкт-Петербург, 19–20 ноября 2009 г. : в 2 ч. / Ленинградский гос. ун-т имени А.С. Пушкина ; редкол.: А.Г. Маклаков [и др.]. – СПб, 2009. – Ч. 2. – С. 281–286.
5. Жебрун, Я.О. Особенности социально-психологической адаптации студентов, склонных к перфекционизму / Я.О. Жебрун // Вестник Бурятского ун-та. – 2010. – № 5. – С. 36–38.
6. Иванченко, Г.В. Совершенство в искусстве и в жизни / Г.В. Иванченко. – М. : КомКнига, 2007. – 176 с.
7. Малкина-Пых, И.Г. Исследования взаимосвязи самоактуализации и перфекционизма в структуре личности / И.Г. Малкина-Пых // Мир психологии. – 2010. – № 1. – С. 208–218.
8. Холмогорова, А.Б. Нарциссизм, перфекционизм и депрессия / А.Б. Холмогорова, Н.Г. Гараян // Консультативная психология и психотерапия. – 2004. – № 1. – С. 18–35.
9. Юдеева, Т.Ю. Перфекционизм как личностный фактор депрессивных и тревожных расстройств : автореф. дис. ... канд. псих. наук : 19.00.04 / Т.Ю. Юдеева ; Московский научно-исследовательский институт психиатрии. – Москва, 2007. – 23 с.
10. Ясная, В.А. Перфекционизм: история изучения и современное состояние проблемы / В.А. Ясная, С.Н. Ениколопов // Вопросы психологии. – 2007. – № 4. – С. 157–168.
11. Bhatia, M.S. Perfectionism / M.S. Bhatia // Dictionary of Psychology and Allied Sciences. – New Age International Publishers. – 1999. – P. 305.
12. Burns, D. The perfectionist's script for self-defeat / D. Burns // Psychology Today. – 1980. – № 14(11). – P. 34–51.
13. Flett, G.L. Components of perfectionism and procrastination in college students / G.L. Flett, K.R. Blankstein, P.L. Hewitt, S. Koledin // Social behavior and personality. – 1992. – № 20 (2). – P. 85–94.
14. Flett, G.L. Dimensions of perfectionism, unconditional self-acceptance, and depression / G.L. Flett, A. Besser, R.A. Davis, P.L. Hewitt // Journal of Rational-Emotive & Cognitive-Behavior Therapy. – 2003. – Vol. 21, № 2. – P. 119–138.
15. Kim, L.M. A "Perfect" Storm: Perfectionism, Forgiveness, and Marital Satisfaction / L.M. Kim, J.L. Johnson, J. Ripley // Individual Differences Research. – 2011. – Vol. 9, № 4. – P. 199–209.
16. Khawaja, N.G. Factor structure and psychometric properties of the Frost Multidimensional Perfectionism Scale: Developing shorter versions using an Australian sample / N.G. Khawaja, K.A. Armstrong // Australian Journal of Psychology. – 2005. – Vol. 57, № 2. – P. 129–138.

СТАНОВЛЕНИЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ О ДУХОВНОЙ И ИНОСТРАННОЙ ЦЕНЗУРЕ В XVIII В.

К.О. Ильницкий (Москва, Россия)

В России становление законодательства о духовной и иностранной цензуре началась с Сенатского указа от 5 октября 1720 г. [10], согласно которому было установлено, что в Киевской и Черниговской типографиях книги печатались «несогласно с Великороссийскими печатями, которые со мною противностью Восточной церкви». Это касалось духовных изданий таких как, часословы и месяцесловы. Более того, на отпечатанных изданиях было отмечено уведомление, что якобы напечатаны «Ставропиеноу Вселенского Константинопольского Патриарха», «чего было печатать не надлежало». Поскольку это было нарушением, Сенат постановил, чтобы книги представлялись в Духовную коллегию для предварительного просмотра.

Однако до 1720 г. существовало правило, устанавливающее контроль за правильным написанием канонических текстов: «Монахи в кельях никаких писем писати власти не имеют, чернил и бумаги в кельях имети да не будут, но в трапезе определенное место для писания будет – и то с позволения начального» [1, с. 955].

В некоторых типографиях печатались книги «со многими противностями восточной церкви». Указом от 20 декабря 1720 г. [11] и Духовным регламентом [9] запрещалось печатать книги не объявив о них духовной коллегии и не получив от нее позволения.

Цензура духовных книг становилась самостоятельным законодательным институтом. Указами, изданными в период 1720-1724 гг., предусматривалось: 1) отыскивать по монастырям исторические рукописи и книги и присылать их в Сенат [11]; 2) отбирать харатейные старопечатные книги и в замену их выдавать ново-исправленные печатные [12]; 3) объявлять раскольнические рукописные книги духовным властям [13]; 4) запрещать продавать церковные книги и изображения нерассмотренные Синодом [14].

Книгопечатание развивалось не только на русском языке, но и на других языках народов Российской империи. Так, например, ходатайство грузинского царевича Бакара о печатании книг Академией наук грузинскими литератами было удовлетворено, но с некоторыми ограничениями. Повелевалось учредить при Синоде цензуру грузинских книг, а также привлекались должностные лица, знающие грузинский язык и, которые могли бы освидетельствовать подобные книги на предмет их законности содержания. То же правило устанавливалось и в отношении книг на калмыцком языке.

Другой пример иллюстрирует книгопечатание при Белорусской католической церкви. Сенат позволил печатать при этой церкви в заведенной типографии книги на русском языке и на разных диалектах «в пользу тамошнего юношества».

Одни из первых законодательных актов, предусматривавших иностранную цензуру появились в России при правлении императрицы Анны Иоанновны. Например, запрещался ввоз книг, которые были перепечатаны с оригинала, выпущенных ранее Академией наук. В случае нарушения предписаний с нарушителей взимался штраф [2]. Кроме этого, ввозимые книги из-за рубежа должны были представляться в Сенат; это же правило действовало в отношении книг, которые уже были напечатаны и находились на руках. Дальнейшее узаконение отменило это предписание и ввозимые книги больше не объявлялись в Сенат, за исключением книг, которые были посвящены известным лицам [15].

Для рассмотрения иностранных книг помимо учрежденных цензур были образованы цензуры для Волынской, Подольской и Минской губерний [5]. Спустя время иностранная цензура установилась в портах Кронштадта, Ревеля, Выборга, Фридрихсгама, Архангельска и Вильны [6, 16, 17]. Однако в Рижской таможне продолжали действовать административные барьеры, которые требовали на привозимые книги подписки и реестры, «не смотря на то, что в Риге существовавшая до 1796 г. Цензура ныне восстановлена». Вследствие этого именным указом, данным министру коммерции это требование таможни было отменено [7].

Несмотря на смягчение цензурного законодательства, прецеденты, нарушавшие «законы Божии и гражданские» присутствовали. Московский книгопродавец Рисс был выслан за границу в результате того, что продавал книги, нарушавшие устои российского общества. Император повелел вынести предупреждение всем книгопродавцам о нежелательности нарушения закона. Ответственность над исполнением закона была возложена на полицию [8].

Цензура выполняла важную роль: она устанавливала мировоззренческие координаты. Разумеется, в условиях слабости гражданского общества, значимость этих мировоззренческих ценностей определяло государство. Однако, как обоснованно отмечает М.В. Зеленев, государство лишь использовало свой механизм принуждения, но на первое место государство ставило интересы общества [4, с. 95].

В источниках XVIII в. обоснованию предназначения цензуры, ее функций законодатель не придавал большого значения. Например, в ноябре 1745 г. при докладе канцлера А.П. Бестужева-Рюмина, Елизавета говорила лишь о технической сложности всеобъемлющей цензуры: «... привозимыя на кораблях и сухим путем книги отбирать и объявлять синоду, нет ли в них противностей вере. И когда указ был написан, и Елизавета выслушала его, то Бестужев представил, что такое распоряжение будет очень тяжело, так что никому нельзя будет достать из чужих краев никаких нужных для обучения и исторических книг, ибо, когда все такие книги будут свидетельствовать, то для прочтения каждой потребуется немалое время, и кому она будет нужна, тот дожидаться может. Пусть таким образом свидетельствуются только церковные книги, а прочая, исторические и другие, пусть свободно привозятся и в народе употребляются» [18, с. 27].

Современные исследователи И.Г. Горбачев и В.Н. Печников считают, что российская цензура, в отличие от западной, изначально получила не столько карательное, сколько «попечительное» направление [3, с. 64].

Законодательство Российской империи о духовной и иностранной цензуре XVIII в. обладало отсутствием системности, что порождало принятие законодательных постановлений, дублировавших уже ранее введенных узаконений. Частая структурная реорганизация типографий и цензурных учреждений приводила к принятию новых законодательных постановлений о цензуре. Значительное влияние духовенства на распространение светских литературных и художественных произведений тормозило развитие светского книгопечатания в России.

1. Богучарский, В. Деятельность цензуры в России до царствования Александра II (в статье «Цензура») / В. Богучарский // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Т. 37А. – СПб., 1903. – С. 955-959.
2. Высочайше утвержденный доклад Сената от 26 октября 1732 г. «О запрещении ввоза из чужих краев книг которые уже при Академии имеются и будут находиться впредь» // Полное собрание законов Российской империи. Собрание I. Том VIII. Ст. 6240.
3. Горбачев, И. Г., Печников, В. Н. Институт цензуры в российском законодательстве XVI-XIX вв.: историко-правовое исследование / И. Г. Горбачев, В. Н. Печников. – Казань: Изд-во Казанск. ун-та, 2004. – 226 с.
4. Зеленев, М.В. Цензура: подходы к определению понятия / М. В. Зеленев // Ленинградский юридический журнал. – 2013. – № 1. – С. 94-103. С. 95.
5. Именной указ, данный Сенату от 11 февраля 1798 г. «О учреждении Цензуры при Радзивилловской Таможне для Губерний Волынской, Подольской и Минской» // Полное собрание законов Российской империи. Собрание I. Том XXV. Ст. 18367.
6. Именной указ, данный Сенату от 17 мая 1798 г. «О устроении Цензуры при всех портах, о непропуске без позволения оной привозимых книг и о наказании за непредставление Цензорам получаемых газет, или иных периодических сочинений и за пропуск вредных книг» // Полное собрание законов Российской империи. Собрание I. Том XXV. Ст. 18524.
7. Именной указ, данный Министру Коммерции от 2 декабря 1802 г. «О нетребовании Рижской Таможне реэстров и подписок иностранным книгам, привозимым к Рижским книгопродавцам» // Полное собрание законов Российской империи. Собрание I. Том XXVII. Ст. 20537.
8. Именной указ, данный Московскому Военному Губернатору Графу Салтыкову от 1 мая 1803 г. «О строжайшем подтверждении Московским книгопродавцам, дабы никто из них ни тайно, ни явно не дерзали выписывать и продавать запрещенные книги» // Полное собрание законов Российской империи. Собрание I. Том XXVIII. Ст. 20741.
9. Регламент или Устав Духовной Коллегии от 25 января 1721 г. // ПСЗ РИ. Собрание I. Том VI. Ст. 3718.
10. Сенатский указ от 5 октября 1720 г. «О именовании Киевопечерского и Черниговского монастырей, во всех книгах, Ставропигию Всероссийских Патриархов, и о напечатании новых книг без позволения Духовной Коллегии» // Полное собрание законов Российской империи. Собрание I. Том VI. Ст. 3653.
11. Сенатский указ вследствие Именного от 20 декабря 1720 г. «О присылке из монастырей Российского Государства жалованных грамот» // Полное собрание законов Российской империи. Собрание I. Том VI. Ст. 3693.
12. Сенатский указ вследствие Именного от 20 декабря 1720 г. «О присылке из монастырей Российского Государства жалованных грамот» // Полное собрание законов Российской империи. Собрание I. Том VI. Ст. 3693.
13. Синодский указ от 17 мая 1721 г. «Об отбирании харатейных старопечатных книг и о выдаче вместо их новоисправленных печатных» // Полное собрание законов Российской империи. Собрание I. Том VI. Ст. 3784.
14. Синодский указ от 13 октября 1724 г. «О объявлении раскольниковых рукописных книг Духовным правителям» // ПСЗ РИ. Собрание I. Том VII. Ст. 4578.
15. Синодский указ от 20 марта 1721 г. «О непродаже листов разных изображений, служебников и канонов изданных без дозволения Синода, и об отбирании оных в Церковный приказ» // Полное собрание законов Российской империи. Собрание I. Том VI. Ст. 3765.
16. Сенатский указ от 10 октября 1750 г. «О публикации, чтоб те, у кого имеются на иностранных языках печатные вне России Исторические, Генеалогические и Географические книги, впредь оных не объявляли и о незапрещении вывозить оныя из-за границы, кроме книг, посвященных на имена известных людей» // Полное собрание законов Российской империи. Собрание I. Том XIII. Ст. 9805.
17. Сенатский указ от 16 апреля 1799 г. «Об учреждении Ценсур при Кронштадском, Ревельском, Выборгском, Фридрихсгамском и Архангельском Портах; о неввозе в другие Порты книг, газет и всякого рода сочинений и о предоставлении власти Начальникам Губерний определять Ценсур» // Полное собрание законов Российской империи. Собрание I. Том XXV. Ст. 18939.
18. Сенатский указ, по Высочайше утвержденному докладу от 22 июня 1799 г. «Об учреждении Ценсур в Вильне» // Полное собрание законов Российской империи. Собрание I. Том XXV. Ст. 19010.
19. Энгельгардт Н. Очерк истории русской цензуры в связи с развитием печати (1703 – 1903) Н. Энгельгардт. – СПб. Издание А.С. Суворина, 1904. – 395 с.

СУЕВЕРНЫЕ ОБЫЧАИ В УГОЛОВНОМ ПРАВЕ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ И ЦЕРКОВНО-БЫТОВОЙ ПРАКТИКЕ (КОНЕЦ XIX – XX В.)

В.В. Андрощук (Минск, Беларусь)

Под суеверием следует понимать воззрения, которые не признаны ни религией, ни наукой [4, с. 10]. В свою очередь, колдовство в старинных суеверных представлениях составляло магические таинственные приёмы, имевшие своей целью воздействовать на силы природы и людей для исцеления или, наоборот, наведения порчи [7, с. 277]. Теоретическую основу колдовской магии давали именно суеверия, а сама магия, как деятельность, являлась результатом этой теории. Магия происходила из суеверия так же, как из религиозных представлений возникал определённый культ. Таким образом, любой поступок, совершённый из суеверия, являлся магией или чародейством [4, с. 13]. Суеверие и чародейство, по определению известного датского физиолога и психолога А. Леманна, были «первыми шагами человеческой мысли в религиозной и научной жизни» [4, с. 9]. Магия (колдовство) есть «самая древняя религия, наиболее дикая и грубая её форма», есть «первая форма, которая, собственно говоря, ещё не может быть названа религией», – писал Г. Гегель [0, с. 435, 439].

В Российской империи суеверные обычаи и предрассудки неоднократно становились мотивом для совершения преступлений против религии. Проблеме суеверий был посвящён целый ряд научных работ дореволюционных российских исследователей: А.А. Левенстима, А.Я. Канторовича и П.Н. Обнинского [2; 3; 4; 6].

Один из догматов христианской церкви – вера в загробную жизнь, уделял особое внимание усопшим и местам их погребения, которые находились под защитой Церкви и признавались ею освящёнными местами. Нарушение почитаемой атмосферы «покоя и умиротворения» считалось тяжким преступлением, в особенности, если оно сопровождалось надругательством над телом усопшего и его могилой, которые составляли предмет культа не только у христиан, но и других народов – язычников, мусульман, иудеев. Однако у христиан это почитание было выражено особенно сильно, поскольку после смерти и во время захоронения, следуя христианскому догмату о воскрешении мёртвых, над телами умерших совершались священные обряды.

Само по себе тело усопшего представлялось российскому законодателю как прах, в отношении которого, как и любого другого неодушевлённого предмета, совершить преступление было невозможно. Аналогично нельзя было признать усопшего потерпевшим, поскольку жертвой преступления мог стать только живой человек. Поэтому в данном случае закон вставал на защиту религиозных чувств живых родственников усопшего, которым наносилось оскорбление надругательством над телом умершего и/или его могилой. Следует отметить, что в отличие от законодательства западноевропейских государств, в России мёртвое тело не признавалось объектом наследования. Могилы не могли приобретаться в частную собственность: кладбища принадлежали Церкви, хотя и располагались на отведённой городом земле [5, с. 335].

В российском уголовном законодательстве конца XIX в. защита мёртвых тел предусматривалась несколькими постановлениями, действие которых распространялось только на уже погребённые трупы. Наказание за их поругание во время прощания перед захоронением или перемещения на кладбище законом не предусматривалось. Кража с ещё не захороненного мёртвого тела рассматривалась именно как обычная кража, а не как поругание усопшего. Разрытие могил, насыпей и повреждение гробниц составляло преступление только при определённых, оговорённых в законе, условиях: 1) с целью ограбления; 2) для поругания погребённых; 3) для совершения суеверных обрядов [10, с. 26–27].

Для выделения суеверий в качестве особого мотива для разрытия могил имелись серьёзные основания. По народным поверьям, колдуны, пьяницы, самоубийцы, люди, умершие без Святого Причастия, исповеди, «со злобой на сердце» или похороненные не по христианским обычаям, не могли найти себе покоя в могиле. Воображению простого народа рисовались страшные картины посмертной участи таких людей, которые по ночам вставали из гробов, бродили по свету, возвращались в те места, где жили ранее, и приносили с собой мор и болезни. Крестьяне, движимые суевериями и стремлением избавиться от напасти, проводили специальные обряды: например, разрывали такую могилу, поворачивали труп лицом вниз и вбивали ему в спину осиновый кол. Отдельные части тел погребённых могли использоваться для изготовления талисманов [2, с. 57–59].

Разрытие могил для ограбления или поругания мёртвых тел влекло за собой лишение всех прав состояния и ссылку на каторжные работы на срок от 10 до 12 лет. Совершивший указанные деяния «для суеверных действий» лишался всех прав состояния и ссылался на поселение в Сибирь. Важно обратить внимание на формулировку статьи: «для суеверных действий», а не «вследствие суеверия» – преступления из суеверия рассматривались отдельно постановлениями другого раздела Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1885 г. Смягчающим вину обстоятельством считалось совершение деяния без злого умысла, по шалости или «по пьянству». В этом случае виновный подвергался тюремному заключению на срок от 4 до 8 месяцев (ст. 234) [10, с. 26–27].

Российское законодательство преследовало также проявление остатков языческих суеверий, которые спустя века после принятия христианства по-прежнему сохранялись в народе. Так, накануне Рождества Христова и в его продолжении запрещалось «проводить игрища» по языческим традициям и, наряжаясь в «кумирские одеяния», устраивать на улицах пляски, петь «соблазнительные песни» (ст. 28). В течение Пасхальной недели запрещалось купать или обливать водой лиц, не бывших у заутрени (ст. 29 Устава о предупреждении и пресечении преступлений) [9, с. 74].

В начале XX в. взгляд российского законодателя на суеверия претерпел определённые изменения. В Уголовном уложении 1903 г. суеверия упоминаются лишь в контексте нормы о похищении и поругании трупов (ст. 79). Все остальные ранее известные составы преступлений, совершавшихся по суеверным мотивам (например, исполнение магических обрядов, распространение суеверных слухов), из Уголовного уложения 1903 г. были полностью исключены.

Суеверные обычаи и предрассудки, даже если и не становились мотивом совершения преступлений, всегда находились в центре пристального внимания православных священнослужителей. Православная церковь крайне негативно относилась к народным суевериям и по мере своих сил всячески старалась искоренить их. Так, в 1859 г. священник прихода м. Петриков Мозырского уезда Димитрий Пашин писал в своём дневнике, что «глухая и лесная местность, разбросанность селений, отдалённость от церкви, а главное недостаток грамотности» породили у местных прихожан (крестьян) много суеверий и предрассудков. Рассмотрим далее наиболее характерные из них. Например, целая группа суеверий касалась обряда крещения младенца. Когда в церковь приносили крестить младенца, рядом с ним в пелёнках лежал маленький узелок с кусочками хлеба, соли и угля. Это делалось для того, чтобы у младенца, когда он станет взрослым, постоянно были хлеб, соль и огонь. Если во время совершения крещения одного младенца приносили другого, то восприемники последнего не входили вместе с ним в дом, а ожидали выхода первых восприемников. После этого младенцев подносили друг к другу в сенях или во дворе, важным было, чтобы младенцы при этом не спали. Делалось это для того, чтобы в будущем дети встретились не под землёй, как в доме, на крыше которого имела земля, а на земле – иными словами, «не в могиле, а на вольном свете». Если в какой-то семье ранее умирали дети, священника просили назвать новорождённого младенца Адамом или Евой, чтобы ребёнок жил долго. С этой же целью возможно было пригласить в восприемники брата и сестру.

Своё суеверие было замечено и во время совершения исповеди: исповедующийся расстёгивал ворот рубахи для того, чтобы какие-либо грехи не задержались в нём.

Особенно много суеверий наблюдалось на похоронах. Когда делали гроб для покойника, никто не должен был переступать через гробовую крышку: кто переступит, того умерший по ночам будет беспокоить. После выноса из дома покойника сразу же высыпали на пол и лавки немного семян ржи, чтобы оставшиеся в доме были живы. На том месте, где лежал покойник до положения его в гроб, старший по возрасту в доме непременно должен был посидеть, чтобы на том месте сидели или лежали только живые. При опускании в могилу гроба с телом покойника кто-то из его родных старался непременно бросить в могилу копейку или две, чтобы купить землю покойнику. В гроб покойнику старались положить любимые им при жизни предметы и принадлежности его привычек. Например, одному покойнику просили разрешить в гроб скрипку, на которой он играл при жизни. Когда же разрешение получено не было, родственники попросили положить тогда хотя бы одни струны. Священник не разрешил и этого, объяснив, что в таком случае в гроб покойнику пришлось бы положить много разных орудий – напр. соху, косу, топор и проч., а на том свете не сеют, не жнут и не играют на скрипке. Однако родные покойника остались этим очень недовольны и всё равно украдкой положили в гроб струны. Во время эпидемий, когда часто люди умирали от одной и той же болезни, отъезжавшему после погребения священнику клали тайком на повозку небольшие остатки дерева от гроба покойника.

В крестьянском быту было много не только религиозных, но общежитейских суеверий. В м. Петриков крестьяне занимались исключительно земледелием и отчасти пчеловодством, поэтому все бытовые суеверия касались этих занятий. Так, перед началом главных полевых работ старались узнать, память какого святого праздновался в этот день, когда предполагалось начать работы: преподобного, апостола, пророка, мученика и проч. И в тот день, когда праздновался день св. мученика, работы не начинались, чтобы они не были мучительны.

Широко было распространено поверье о так называемых завитках, которые крестьяне находили на своих полях, преимущественно засеянных рожью. Завитка представляла собой несколько стеблей ржи взятых вместе, которые хитрым образом были переплетены, а в одном селении на поле была найдена завитка, перевязанная красной лентой, пучком конских волос и убитым ужом. Завитки делались якобы злым человеком с целью принести вред хозяйству ненавистным ему людям и лишить их благополучия. По мнению крестьян, тот, кто сожнёт завитку, должен непременно заболеть или вообще умереть, а скотина, съевшая солому из завитки должна околеть. Появление таких завитков объяснялось просто: рассердился, например, сосед на соседа – пойдёт и сделает на ниве своего недруга завитку без каких-либо колдовских приёмов и нащёптываний, зная только, что враг его непременно обратится к знахарю. Тот, у

кого была найдена завитка, действительно идёт за знахарем, иногда за несколько десятков вёрст – в разгар рабочей поры, когда крестьянину дорог каждый час. После этого привезённого знахаря необходимо содержать несколько дней, поить его водкой и угощать как самого дорогого гостя, а при отъезде заплатить несколько рублей. Поэтому всё это, само собой разумеется, было сопряжено с немалыми убытками и потерей дорогого времени.

В свою очередь у пчеловодов есть свои суеверия. Они, например, никому не позволяют садиться на пороге в избе или в сенях, потому что в противном случае рои пчелиные не будут садиться в ульи. После одного кушанья, когда подают другое, не следует трясти ложку, ударяя ею о стол, иначе дятлы будут продалбливать ульи [8, с. 58–63].

Таким образом, православным служителям приходилось прилагать большие усилия для того, чтобы оказать необходимое воздействие на своих прихожан для того, чтобы избавить или по крайней мере ослабить в их среде зависимость от суеверий и предрассудков. Крестьяне, как правило, ревниво и упорно охраняли все предания своих предков и упорно не желали отказываться от них. Подобная приверженность суеверным обычаям являлась следствием малограмотности крестьянского населения и могла быть искоренена только путём повышения уровня грамотности сельских обывателей.

1. Гегель, Г. В. Ф. *Философия религии*. Т. 1. / Г. В. Ф. Гегель. – М.: Мысль, 1975. – 532 с.
2. Левенстим, А. А. Суеверие в его отношении к уголовному праву / А. А. Левенстим. – СПб.: Тип. Правительствующего сената, 1897. – 176 с.
3. Левенстим, А. А. *Фанатизм и преступление* / А. А. Левенстим // Журнал Министерства юстиции. 1898. № 8. С. 19–38
4. Леманн, А. *Иллюстрированная история суеверий и волшебства от древности до наших дней* / А. Леманн. – М., 1900; – Киев: Украина, 1991. – 397 с.
5. Лохвицкий, А. В. *Курс русского уголовного права* / А. В. Лохвицкий. – СПб.: Скоропечатня Ю. О. Шредера, 1871. – 704 с.
6. Обнинский, П. Н. В области суеверия и предрассудков / П. Н. Обнинский // Юридический вестник. Ноябрь, декабрь. 1890. – С. 359–381.
7. Ожегов, С. И. *Словарь русского языка* / С. И. Ожегов. – М.: Оникс, 2007. – 1198 с.
8. Пашин, Д. Некоторые суеверные обычаи и предрассудки прихожан м. Петриков Мозырского уезда / Д. Пашин // Минские епархиальные ведомости. 1 февраля 1880. № 3. Часть неофициальная. – С. 58–63.
9. *Свод уставов о предупреждении и пресечении преступлений* // Свод законов Российской империи. Том XIV. – СПб.: Изд. товарищества «Общественная польза», 1900.
10. *Уложение о наказаниях уголовных и исправительных*. Издание 1885 г. // Свод законов Российской империи. Том XV. – СПб.: Изд. товарищества «Общественная польза», 1900.

К ЮБИЛЕЮ ПЕТРА АЛЕКСЕЕВИЧА КРОПОТКИНА

В.Ю. Максимов (Ставрополь, Россия)

Взгляды П.А. Кропоткина на проблемы преступности в России и Европе конца XIX – начала XX веков являются закономерным выражением его социально-этической теории и, в целом, находятся в русле криминологических идей данного времени. Криминологические воззрения Петра Алексеевича ограничены, в основном, кругом трех основных проблем: факторов, влияющих на существование преступности в человеческом сообществе, социальной обоснованности и этической оправданности наказания, а также уголовных характеристик будущего, справедливого общества.

Понимание Кропоткиным причин преступности наиболее близко социологической школе, или «школе факторов»; в криминологии, представителями которой в данный период в европейской науке были Ферри, Ван Гамель, Лист, Принс, а в отечественной – И.Я. Фойницкий. Названные криминологи, а вслед за ними и П.А. Кропоткин, выделяли три основные группы факторов, влияющих на преступность в любой стране. Суммируя их, Кропоткин писал: «Три великие первопричины ведут к тому, что называют преступлением: социальные причины, антропологические и космические». Признание многофакторности исторического развития является для Петра Алексеевича основанием для вывода о множестве причин и условий, определяющих преступное поведение.

Космические причины понимаются в данном случае чрезвычайно широко: и как влияние космических объектов, и как воздействие вполне земных космических явлений – географических, климатических и физических причин. В соответствии с учением Кропоткина, космические детерминанты преступности исследованы слабо, однако полностью игнорировать их нельзя. Они действуют, но в основном не напрямую, а через посредство целого ряда влияний социального характера.

По мнению ученого, антропологические факторы преступности обладают гораздо более сильным влиянием на отклоняющееся поведение, нежели космические; к таковым факторам П.А. Кропоткин относит «унаследованные качества и телесную организацию». При этом необходимо отметить, что на криминологические взгляды Кропоткина как естествоиспытателя, несомненно, оказало определенное влияние учение выдающегося антрополога конца XIX века Ч. Ломброзо о «биологическом преступнике». Петр Алексеевич был готов признать важность фактов, установленных итальянским исследователем, однако в то же время утверждал, что представления последнего – «лишь заявления факта», из которых

недопустимо делать «чересчур широкие выводы». Так, по мнению Кропоткина, нельзя допустить истребление всех людей, обладающих т.н. несовершенной структурой мозга (и что брать за критерий такого совершенства?), либо сажать в тюрьмы тех, кто имел несчастье родиться с более длинными, чем у большинства населения страны, руками.

К главным, определяющим причинам преступности П.А. Кропоткин как теоретик социального учения относил именно социальные факторы. Он был убежден, что «все общество в значительной мере ответственно за противообщественные поступки, совершенные в его среде». К социальным причинам преступности ученым причислялись: нищета, дефекты воспитания и, главное, существование в человеческой среде государства и законов. Закономерно, что последние два фактора Кропоткин как анархист считал существенными источниками насилия, безнравственности и зла в обществе. По собственному опыту хорошо знакомый с уголовной карательной системой России и Франции 1870-х годов, он признавал тюрьмы и суды государственными учреждениями, наиболее активно содействовавшими распространению преступности, особенно рецидивной.

Необходимо, однако, отметить, что наказание как крайнее средство пресечения отклоняющегося от нормы поведения членов общества, по Кропоткину, столь же естественно для социума, как и право. Петр Алексеевич признавал и оправдывал и до государственные, и до человеческие (например, у муравьев) разновидности наказания, но государственное «наказание по закону» характеризовалось им как отклонение от естественных форм наказания, пережитком, уходящим корнями в системы устрашения восточных деспотий, как «узаконенная месть, возведенная в обязательство». Государство, по мнению ученого наказывает исключительно с одной целью – целью охранения привилегий, захваченных имущими, правящими классами.

В своих научных и публицистических произведениях П.А. Кропоткин выступает как яростный противник тюремной системы наказаний, а также смертной казни как крайней степени жестокости государства по отношению к преступнику. Петр Алексеевич неоднократно показывает и подчеркивает противочеловечный характер тюремного заключения в современном ему обществе, его отрицательное воздействие на психику, волю, нравственность осужденных, выработку у них неприспособленности к дальнейшей жизни в социуме. Таким образом, тюрьма, по Кропоткину, становится и выступает университетом преступности, а оздоровительное и предупреждавшее воздействие тюрем он считал существующим лишь в воображении юристов. Необходимо отметить, однако, что, делая такие выводы, П.А. Кропоткин ссылаясь на данные уголовной статистики Франции, в частности, касающиеся пенитенциарного рецидива. Исследователь проблемы обращал внимание своих современников и на то, что наказание, кроме самого осужденного, непосредственно и самым тяжелым образом касается ни в чем не повинных его близких. По мнению Кропоткина, закон карает их с еще большей жестокостью, чем преступника.

Петр Алексеевич, в ряду многочисленных представителей демократических настроений своего времени, последовательно выступал за отмену такой крайне репрессивной меры уголовного наказания, как смертная казнь. Он рассматривал ее как пережиток варварских времен (к слову сказать, в то же самое время в значительной мере идеализировавшихся им самим), который удерживается в обществе лишь «косностью ума» и «трусостью собственников». Следствиями существований данного пережитка, по мнению ученого, являются распространение и усиление жестокости в обществе, с одной стороны, и обесценивание человеческой жизни, с другой.

Устроенное разумно, коммунистическое общество, в соответствии с учением Кропоткина, будет, конечно же, лишено таких проявлений общественного зла, как государство, государственный закон и суд, государственное принуждение и наказание. Естественно сложившаяся собственность всего человечества на все общественные богатства, материальное обеспечение всех членов общества, их свободно кооперированный и хорошо организованный труд, радикальное изменение всех условий жизни на основах равенства и партнерства – все это, по П.А. Кропоткину, в течение минимально короткого времени, буквально нескольких недель, даст миру нового человека. Правда, и он допускал возможность совершения в будущем обществе антиобщественных поступков, но только в качестве пережитков, имеющих причинами «телесные несовершенства и болезни». Такие противоречия будут безболезненно разрешаться существующими при общинах третейскими судами.

Таким образом, не будучи глубоким теоретиком криминологического направления, П.А. Кропоткин использовал свои познания и исследования в данной области, главным образом, в целях критики современного ему устройства общества. Будет справедливым отметить также и долю утопизма, присущую его криминологическим взглядам, частично обусловленную состоянием этой науки в конце XIX в.

1. Максимов, В. Ю. Криминологические воззрения П.А. Кропоткина / В. Ю. Максимов // Материалы конференции, посвященной 155-летию со дня рождения Кропоткина. – Ставрополь: Изд-во Ставропольского университета, 1998. – С. 34–36.

К ВОПРОСУ О ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ВОЛОСТНЫХ СУДОВ ОСТРОВСКОГО УЕЗДА ПСКОВСКОЙ ГУБЕРНИИ В НАЧАЛЕ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Н.В. Патраш (Псков, Россия)

В начале Первой мировой войны судебная система Псковской губернии состояла из двух подсистем: общие и местные суды. Общие суды включали в себя судебные учреждения, которые были образованы в ходе судебной реформы 1864 г. – Санкт-Петербургская (Петроградская) судебная палата и два окружных суда: Псковский и Великолукский. Местные суды имели более сложную структуру. Судебной реформой 1864 г. они были представлены мировыми судьями и съездами мировых судей, а также, на тот момент, специальным крестьянским судом – волостным, который являлся органом местного самоуправления, но выполнял непосредственно судебные функции. В результате судебной контрреформы 1889 г. состав местного суда был подвергнут коренному преобразованию. Во-первых, мировой суд в Псковской губернии был ликвидирован. Во-вторых, был учрежден институт земских участковых начальников, который являлся судебно-административным органом власти и находился под ведомством Министерства внутренних дел. В-третьих, были введены новые судебные должности – городские судьи и уездные члены окружного суда, исполняющие также функции мирового суда в соответствии с отведенными обязанностями. В-четвертых, продолжал действовать волостной суд согласно «Временным правилам о волостном суде в местностях, в которых введено положение о земских участковых начальниках» [6, с. 528-532], занимая тоже положение в системе судебной и административной власти, что и ранее. Таким образом, к началу Первой мировой войны в Псковской губернии продолжала функционировать судебная система, которая сложилась с некоторыми изменениями после 1889 г. С приходом к власти Временного правительства вновь поднимался вопрос о восстановлении мирового суда по закону от 4 мая 1917 г. «О временном устройстве местного суда», который так и не был решен в связи с октябрьскими событиями.

В истории судебных органов Российского государства особое место занимал волостной суд, как сословный, образованный в ходе крестьянской реформы 1861 г. Обращаясь к историографии проблемы, стоит отметить, что исследование мировой и волостной юстиции является довольно актуальным вопросом среди авторов как дореволюционного, так и советского и современного периодов. До настоящего времени существует неоднозначное мнение по проблеме включения волостного суда в подсистему местных судов. Специалист по истории мировой юстиции С.В. Лонская [4] отмечала, что «волостные суды постепенно включались в систему мировой юстиции, в сущности – поглощались ею», однако Первая мировая война и революционные события прервали «путь к единству волостной и мировой юстиции» [4, с. 13].

Особое место в исследовании судебных органов власти занимает изучение эффективности их деятельности. Источниками информации по данной проблеме чаще всего служат отчеты о деятельности того или иного судебного учреждения, однако они представляют собой количественные показатели, т.е. статистические данные. Качественные показатели, как правила, содержатся в материалах проводимых ревизий, т.е. процедур проверки правильности деятельности должного лица. Однако в центральных и местных архивах материалы ревизий судебных учреждений Псковской губернии периода Первой мировой войны практически отсутствуют, исключением являются частично сохранившиеся данные по волостным судам (фонд 78 – Псковское губернское присутствие).

Согласно «Временным правилам о волостном суде в местностях, в которых введено положение о земских участковых начальниках» [6], учрежденным 12 июля 1889 г., волостной суд состоял из четырех судей, один из которых являлся председателем суда (ст. 1). На должность волостного судьи избирались крестьяне-домохозяева, достигшие 35-летнего возраста, пользовавшиеся уважением своих односельцев, по возможности, грамотные (ст. 3.). Также в Правилах прописывались и определенные ограничения при назначении на данную должность: наличие судимостей, содержание трактиров и питейных заведений, занятие других должностей по волостному или сельскому управлению (ст. 3) [6, с. 528].

С учреждением в 1889 г. института земских участковых начальников надзорные функции за деятельностью волостного суда возлагались на них. Они были обязаны «производить не менее двух раз в год ревизию каждого из состоящих в его участке Волостных Судов» (ст. 13) [6, с. 529].

Островский уезд Псковской губернии на 1914 г. включал в себя 12 волостей. В соответствии с этим в пределах уезда действовало 12 волостных судов. Также уезд был разделен на 5 участков, подведомственных земским начальникам, в которые входили определенные волости. Земский начальник 1-го участка осуществлял надзор за деятельностью Грибулевского, Гусаковского и Качановского волостных судов; 2-го участка – Вышгородецкого и Толковского; 3-го участка – Жеребцовского и Лисинского; 4-го участка – Корешевского и Мясовского; 5-го участка – Сонинского, Прокшинского, Туровецкого волостных судов [5, с. 171-172].

На начало Первой мировой войны сохранились лишь отрывочные данные по ревизиям семиволостных судов Островского уезда. Однако это не мешает оценить работу как волостных судов, так и земских участковых начальников.

Материалы ревизий волостных судов были представлены в виде актов, составляемых земскими участковыми начальниками и предоставляемые ими в Псковское губернское присутствие. Как правило, акты заполнялись на готовых бланках и содержали следующие пункты:

1. Просмотр протокола предшествующей ревизии.
2. Просмотр книг словесных жалоб и заявлений и решений по уголовным и гражданским делам.
3. Просмотр уголовных дел, разрешенных волостным судом за время, истекшее после предшествующей ревизии.
4. Просмотр гражданских дел, разрешенных волостным судом за время, истекшее после предшествующей ревизии.
5. Просмотр производств по исполнению решений волостного суда.
6. Заключение ревизующего по поводу обнаруженных при ревизии недочетов и ошибок [2, л. 2-6].

Данные о проводимых ревизиях волостных судов земским начальником 2-го участка сохранились лишь на 1914 г. В январе 1915 г. была произведена ревизия Вышгородского волостного суда в срок с 1 июля 1914 г. по 1 января 1915 г. За первое полугодие 1914 г. ревизия произведена не была, т.к. все дело-производство волостного суда было уничтожено пожаром в ночь с 3-го на 4-ое июля 1914 г. [3, л. 11]. В ходе ревизии было выявлено довольно много недочетов и ошибок как в деятельности председателя суда и волостного судьи, так и делопроизводителя. Земским начальником определялись сроки устранения отдельных неправильностей, например: «дан двухнедельный срок для приведения в порядок журналов... председателю под страхом ответственности пост. 58 предписано строго наблюдать за правильностью составления протоколов, и за тем, чтобы таковые писались во время заседания... ему же предписано возможно чаще заходить в канцелярию Суда и следить за делопроизводством... предписано немедленно завести книгу штрафных капиталов» [3, л. 15-15 об.] и т.д. В феврале 1915 г. проводилась ревизия Толковского волостного суда, в ходе которой были обнаружены сохранившиеся недочеты с предыдущей ревизии – книга решений не была приведена в порядок из-за смены трех делопроизводителей суда обр-визируемого периода, а также не приведены в исполнение 1185 решений и 13 приговоров [3, л. 8] волостным старшиной вследствие «малаго числа Помощников Писаря, а также большого количества работы в связи с мобилизациями и собиранием повинностей и недоимок» [3, л. 2-2 об.]. При просмотре уголовных дел указывалось на небрежное ведение документации делопроизводителем: «все протоколы и дела... написаны настолько безобразно небрежным и неразборчивым почерком, что ознакомиться с ними не предоставляется ни малейшей возможности» [3, л. 5]. В заключении земским начальником отмечалось 16 пунктов недочетов и ошибок, которые следовало устранить в строго установленные сроки. Анализируя качество составления актов ревизий, следует отметить, что земским начальником данного участка проводилась тщательная проверка делопроизводства волостных судов, что было нехарактерно для других земских начальников Островского уезда.

Земский начальник 4-го участка в декабре 1914 г. представлял данные о проводимых ревизиях волостных правлений и судов вверенных ему волостей в Псковское губернское присутствие. В ноябре 1914 г. были проведены ревизии Мясовского волостного суда за вторую половину 1913 г. и первую половину 1914 г., что свидетельствовало о нерегулярности их выполнения. Ревизия Корешевского суда проводилась согласно установленным срокам, за исключением первой половины 1913 г., которая не была осуществлена в обоих судах [1, л. 13].

Обращаясь к анализу поступивших уголовных и гражданских дел волостных судов, можно наблюдать довольно неравнозначные показатели как по типу дел, так и по их количеству (см. Табл.1).

Таблица 1

**Соотношение количественных показателей уголовных и гражданских дел волостных судов
Островского уезда за первую половину 1914 г. [1, л. 2 об.-3, 7 об.]**

	Уголовные дела			Гражданские дела		
	Всего поступило	Разрешенные ед., %		Всего поступило	Разрешенные ед., %	
Корешевский	277	85	30,7	855	499	58,4
Мясовский	92	48	52,2	350	226	64,6

Из данных таблицы 1 видно, что количество уголовных дел Корешевского волостного суда в 3 раза превышает показатели Мясовского, гражданских дел – 2,4 раза. Оценивая территориальное пространство обоих волостей (Мясовская – 328, 6 кв. верст и Корешевская – 368,7 кв. верст) [7, с. 52], можно говорить об их практической равнозначности, однако численность населения волостей (11509 и 16101 чел.) [7, с. 52] даже на 1911 г. указывает на то, что в Корешевский волостной суд имели возможность обратиться большее число людей. В то же время мы можем предполагать и факт большего доверия населения суду данной волости.

Обращаясь к рассмотрению вопроса качества осуществления судопроизводства в обоих судах, несмотря на быстрое рассмотрение дел, отмечалось отсутствие мотивировки решений, что было характерно

как для Корешевского, так и Мясовского судов. В тоже время необходимо отметить, что замечания предыдущих ревизий, такие как: «устранить медлительность в разрешении дел и в представлении обжалованных Земскому Начальнику; посылать в Съезд справочные листки об осужденных за кражу, мошенничество и т.п.» [1, л. 2], были устранены. В целом, с учетом того, что ревизии волостных судов проводились земским начальником не только за отчетный период, но и за предыдущий, и даже в один день, акты носили шаблонный характер, в которых давались довольно краткие комментарии по разделам.

В ноябре 1914 г. земским начальником 5-го участка проводились ревизии Прокшинского, Сонинского и Туровецкого волостных судов. Опираясь на данные, предоставленные в Псковское губернское присутствие земскими начальниками Островского уезда, наблюдается тенденция непроведения ревизий волостных судов за первую половину 1913 г. Просмотр протоколов предшествующих ревизий свидетельствовал об устранении сделанных замечаний, что указывало на практическую значимость подобных проверок. Что же касалось количественных показателей (см. Табл. 2), то они не носили таких кардинальных различий, которые наблюдались в Корешевском и Мясовском волостных судах.

Таблица 2

**Соотношение количественных показателей уголовных и гражданских дел волостных судов
Островского уезда за первую половину 1914 г. [2, л. 3-4, 8-8 об., 11-11 об.]**

	Уголовные дела			Гражданские дела		
	Всего поступило	Разрешенные ед., %		Всего поступило	Разрешенные ед., %	
Прокшинский	53	27	50,9	274	199	72,6
Сонинский	96	74	77,1	404	328	81,2
Туровецкий	47	43	91,5	392	345	88

Анализируя данные таблицы 2, наблюдается наличие высоких показателей разрешения дел, что подтверждает факт осуществления быстрого судопроизводства, ярким примером этому могут служить данные по Туровецкому волостному суду (см. Табл. 2). В тоже время, в заключении ревизующего по поводу обнаруженных при ревизии недочетов и ошибок было прописано одинаковое для всех трех судов содержание: «В общем недочетов и ошибок кроме указанных относительно недостаточности мотивировки решений не обнаружено» [2, л. 6, 8 об.-9, 12.]. Исходя из выше сказанного, можно говорить не только об ускорении разрешения дел, но и о качестве ведения делопроизводства.

Таким образом, материалы ревизий показали усложнившиеся условия деятельности волостных судов Островского уезда в результате начавшейся Первой мировой войны, которая повлияла на кадровое, материальное обеспечение судебных учреждений. Наблюдалось увеличение объемов работы волостных правлений и земских участковых начальников, что отрицательно сказывалось на функционировании волостных судов. Однако, несмотря на данные обстоятельства, количественные показатели судопроизводства волостных судов свидетельствуют об интенсивности работы судов.

1. Государственный архив Псковской области (ГАПО). – Ф. 78. Оп. 10 (1914). Д. 47.
2. ГАПО. – Ф. 78. Оп. 10 (1914). Д. 40.
3. ГАПО. – Ф. 78. Оп. 11 (1915). Д. 11.
4. Лонская, С.В. Мировые и волостные суды Российской империи на пути к единству / С.В. Лонская // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: Гуманитарные и общественные науки. – 2013. – № 9. – С. 7-14.
5. Памятная книжка Псковской губернии на 1913 – 1914-й гг. – Псков: Типография Губернского правления, 1913. – 704 с.
6. Полное собрание законов Российской империи. Собрание 3. Т. IX. № 6196. – СПб.: Изд-во II Отделения Собственной Е. И. В. Канцелярии, 1889. – 728 с.
7. Псковская губерния: свод данных оценочно-статистического исследования. Т. 6: Островский уезд. Вып. 1. Территория, население, землевладение. – Псков: Электрическая типография Псковского губернского земства, 1911. – 276 с.

**ОРГАНИЗАЦИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ НАРОДНЫХ СУДОВ
В НАЧАЛЬНЫЙ ПЕРИОД СТАЛИНГРАДСКОЙ БИТВЫ**

С.Ю. Пищулина (Волгоград, Россия)

История Второй мировой войны и ее составной части - Великой Отечественной войны, вызывает до сих пор исследовательский интерес в научных кругах многих стран. Особое место занимает в летописи войны Сталинградская битва и страницы, связанные с восстановлением инфраструктуры и народного хозяйства города и области. Это объясняется в первую очередь тем, что боевой и экономический опыт Сталинграда был востребован на полях сражений и во многих регионах Советского Союза. В Сталинграде апробировались новые боевые техники, методики по сохранению воинского контингента, вышедшего из кровопролитной битвы, возрождения в короткие сроки промышленного потенциала области и его предприятий.

Изучением истории Сталинградской области в годы Великой Отечественной войны ученые начали заниматься с конца 1940-х годов. В советский период больше внимания уделялось вопросам освещения хода боевых действий и восстановления потенциала города и региона после окончания сражения на Волге. В постсоветское время стали появляться комплексные исследования. Тем не менее, ряд проблем остались за рамками основных интересов историков, экономистов и юристов. К ним относится и деятельность Сталинградского Управления наркомата юстиции РСФСР (далее УНКЮ), народных судов области. В первую очередь это связано с малой степенью разработанности проблематики о судопроизводстве и судоустройстве административно-территориальных единиц Советского Союза и с засекреченностью архивных материалов по данной теме. В последние годы в публикациях профессоров А.С. Смыкалина, В.А. Иванова, А.Я. Кодинцева, Б.П. Белозерова и др. представлены данные о перестройке судебной системы СССР на военные рельсы, полномочиях и деятельности военных трибуналов, законах военного времени и составах разбираемых судами дел [1, 7 - 10].

Настоящая статья посвящена анализу организационных мероприятий областного Управления юстиции по руководству народными судами в условиях начала Сталинградской битвы. Несмотря на то, что ее хронологические рамки ограничены летом – осенью 1942 г., анализ документов УНКЮ позволит наглядно проиллюстрировать функционирование судебной ветви власти в регионе при переводе его с тылового на военный режим, проанализировать кадровую политику в судах.

Источниковой базой исследования являются аналитические, отчетные, делопроизводственные документы фонда 6332 Управления МВД по Сталинградской области Государственного архива Волгоградской области. В состав фонда включены директивные письма по управлению судебными органами, протоколы и стенограммы республиканских, кустовых, межобластных совещаний работников судебных органов, директоров юридических институтов и школ, коллегии адвокатуры, конторы нотариата, проекты указов Президиума Верховного Совета, постановлений и распоряжений СНК СССР и РСФСР, доклады и отчеты о работе, статотчеты управления кадров об укомплектовании учреждений юридическими работниками, движении и состоянии кадров, отчеты управления учебных заведений об учебно-воспитательной работе, планы и протоколы распределения молодых специалистов и другие материалы.

В июле 1936 г. было принято постановление об учреждении союзно-республиканского НКЮ СССР. Аналогичные наркоматы были образованы и в республиках. Процесс формирования областных управлений затянулся до 1939 г. Управление юстиции по Сталинградской области создано решением областного исполнительного комитета Совета народных депутатов (далее облисполком) 27 мая 1939 г. с целью организации работы судебных органов и контроля над ними [2, л. 15].

На протяжении 1941 г. УНКЮ осуществляло шаги по переводу работы народных судов согласно потребностям военного времени. Стационарный режим функционирования судебных учреждений, службы судебных исполнителей, адвокатуры и нотариата был заменен чрезвычайным. Возросла нагрузка, изменился качественный состав штатов, подсудность. Суды общей юрисдикции стали, также как и военные трибуналы, значительно больше уделять внимания выполнению гражданами и учреждениями оборонных мероприятий.

Весной 1942 г. ситуация для региона изменилась. Красная Армия отступала, и линия фронта неуклонно приближалась к границам Сталинградской области.

Одной из важнейших организационных проблем УНКЮ стал подбор квалифицированных кадров в суды, главным образом из-за ухода в действующую армию судей-мужчин. Процесс замены судей был разъяснен в приказе НКЮ СССР № 5/С от 7 июля 1941 г. «О неотложных мероприятиях органов НКЮ в военное время» [3, л. 142 - 146]. Уже в мае – июне 1942 г. кадровый состав судей, особенно в Сталинграде, заметно обновился. Судьи назначались из числа народных заседателей (2 участок Кировского нарсуда – Горошкин, 3 участок Тракторозаводского нарсуда - Медов, 1 участок Ворошиловского нарсуда - Фролов), из числа эвакуированных (1 - 2 участки Краснооктябрьского нарсуда – Алексеенко, 5 участок нарсуда Ворошиловского района - Акулова), из адвокатов (2 участок Тракторозаводского нарсуда – Елагина), системы НКЮ (1 участок Тракторозаводского нарсуда - Филимонов) [4]. Следует отметить, что правило об утверждении судей районными Советами народных депутатов практически не использовалось. Судьи могли назначаться как на основании распоряжений секретарей райкомов ВКП (б) [5, л. 33], так и Управлением НКЮ по Сталинградской области.

Аналогичная ситуация сложилась и в августе – сентябре 1942 г., когда продвижение немецко-фашистских войск к городу и массированная бомбардировка 23 – 25 августа привели к уничтожению зданий Управления НКЮ, областного суда, 22 судебных участков [6, л. 8]. Судебные участки оголились, работники были отозваны или вступили в ряды Красной Армии, народного ополчения.

Второй значимой организационной проблемой являлась подготовка к эвакуации и сам процесс эвакуации судов. В начале Сталинградской битвы судебная система региона функционировала в нормальном режиме. Заключение из тюрем эвакуировались в другие области, судьи получили задание передать личные дела в новые места дислокации исправительных учреждений. Началась разгрузка архивов судов. В связи с сокращением количества дел в судах (так как регион становился фронтовым, многие составы

правонарушений переводились в подсудность военным трибуналам), количество судебных участков уменьшилось. В июле началась эвакуация судов из задонских районов области – Кагановического, Котельниковского, Клетского, Серафимовического [4, л. 137 – 138 об.].

К организационным мероприятиям относились составление переписи имущества суда для эвакуации (печати, штампы, незавершенные производством дела, папки с секретной перепиской, приказами НКЮ, книги учета документации и вещественных доказательств, наряды и ведомости по зарплате, налогам, финансовые отчеты, продовольственные карточки), уничтожение документации по актам, решение транспортных вопросов, определение мест базирования в эвакуации и пр. При этом многие работники судов привлекались в порядке трудовой повинности к строительству внутреннего оборонительного рубежа, баррикад в городе. Поэтому основную работу по сбору и оформлению документов суда к перебазированию делали в вечернее или ночное время, быстрыми темпами. В связи с этим нередко сожжению подвергались печати, штампы судов, что инструкциями запрещалось [5, л. 43].

В августе 1942 г. началась эвакуация сталинградских судов. Областной суд переехал в Старую Полтавку, там образовали «тройку». Вечером 24 августа УНКЮ получило устное распоряжение от заместителя председателя облисполкома М.И. Жаворонкова и секретаря обкома ВКП (б) Ф.И. Ляпина о переезде за Волгу. До 27 августа заместитель начальника Управления П.А. Ардашев провел организационные подготовительные мероприятия, и 4 сентября 1942 г. аппарат УНКЮ обосновался в Старой Полтавке. В Елань, где также находилась оперативная группа облисполкома и обкома, были направлены два работника УНКЮ для координирования деятельности судов северо-западных районов области.

Третьей организационной проблемой уже в период развернувшихся боевых действий стала проблема связи между судами области и УНКЮ, обеспечения их действующим транспортом, бланками (приговоры даже писались на газетах), специализированной литературой, кодексами, новыми законами, так как бытовала практика вынесения приговоров по утратившим силу актам. В сентябре проревизионированы УНКЮ суды Хоперского, Алексеевского, Лемешкинского, Руднянского районов. Оказывалась практическая помощь, особенно в деле изучения законов «военного времени», организации судопроизводства [4, л. 143 об.]. Тем не менее, вопрос технического обеспечения судов оставался на повестке дня УНКЮ еще длительное время и после окончания сражения. Руководство страны и региона в силу объективных причин вынуждено было решать на территории Сталинградской области иные задачи.

В декабре 1942 г. в области работало из 112 необходимых судебных участков только 77, из них один в Кировском районе Сталинграда, 8 нотариальных контор, срочно требовалось открыть еще 4, недостаток адвокатов составлял 30, а судебных исполнителей 21 человек [4, л. 157 - 158]. В информационном сообщении на имя Уполномоченного КПК по Сталинградской области т. Ягодкина сообщалось, что Управление НКЮ совершенно не имело ревизоров, неизвестно местонахождение большинства судей, кроме 7 человек, потеряны следы эвакуации юридической школы. В связи с этим, главной задачей УНКЮ на 1943 г. определялся подбор судей в освобождаемые районы, подготовка из эвакуированных заместителей судей, однако такие люди не бронировались за УНКЮ и их могли призвать в ряды армии [4, л. 146, 155 - 156].

Таким образом, несмотря на чрезвычайно сложную ситуацию, Управление НКЮ РСФСР и народные суды Сталинградской области продолжали выполнять поставленные задачи, контролировали исполнение законов военного времени. Организационные мероприятия УНКЮ ввиду краткосрочности решения поставленных задач были проведены на удовлетворительном уровне.

1. Белозеров, Б.П. Особенности советского судостроительства в чрезвычайных условиях войны (1941 – 1945 гг.) / Б.П. Белозеров // История государства и права. – 2000. - № 4. – С. 23 - 27.
2. Государственный архив Волгоградской области (далее ГАВО). - Ф. 2115. Оп. 1. Д. 247. Л. 15.
3. ГАВО. - Ф. 6332. Оп. 1. Д. 2. Л. 142 – 146.
4. ГАВО. - Ф. 6332. Оп. 1. Д. 4. 158 л.
5. ГАВО. - Ф. 6332. Оп. 1. Д. 1. Л. 33.
6. ГАВО. - Ф. 6332. Оп. 1. Д. 6. Л. 8.
7. Иванов, В.А. Ленинградский городской суд в годы Великой Отечественной войны [электрон. ресурс] / В.А. Иванов // Новейшая история России. – 2013. - № 2. – С. 48 – 66. - Режим доступа: <http://cyberleninka.ru>. - Дата доступа: 21.11. 2014.
8. Кодинцев, А.Я. Наркомат юстиции СССР как орган судебного управления накануне и в годы Великой Отечественной войны [электрон. ресурс] / А.Я. Кодинцев // Юриспруденция. - 2003. - № 1. - Режим доступа: http://pravorggu.ru/2008_12/kodintsev_11.shtml - Дата доступа - 21.11. 2014.
9. Латышева, Н. Военные трибуналы как форпост судебной системы СССР в годы Великой Отечественной войны / Н. Латышева // История государства и права. – 2010. – №9. - С- 19 - 23
10. Смыкалин, А. Судебная система страны в годы Великой Отечественной войны / А. Смыкалин // Российская юстиция. – 2002. - № 9. – С. 39 – 42.

ИЗМЕНЕНИЯ СИСТЕМЫ ИТК ПСКОВСКОЙ ОБЛАСТИ В СВЯЗИ С ТРАНСФОРМАЦИЕЙ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ ГОСУДАРСТВА В ПОСЛЕВОЕННЫЕ ГОДЫ

А.М. Егоров (Псков, Россия)

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 23 августа 1944 года, вскоре после успешного освобождения от немецко-фашистских захватчиков, была образована Псковская область. За день до этого аналогичным Указом от 22 августа того же года объявлялось о создании Великолукской области. Уже в сентябре 1944 года создается Отдел исправительно-трудовых колоний Управления НКВД по Псковской области на базе принятых от Управления исправительно-трудовых и лесных колоний Управления НКВД по Ленинградской области десяти инспекций исправительно-трудовых работ и одной инспекции исправительно-трудовых работ - от отдела исправительно-трудовых колоний Управления НКВД Калининской области. В конце 1950-х гг. в соответствии с решением XX съезда КПСС об упразднении уголовно-исправительных лагерей происходит срочное строительство на территории области исправительно-трудовых колоний производственного типа.

В послевоенные годы на территории Псковской области были организованы ряд тюрем и ИТК, а в структуре УНКВД уже в 1944 году создан для руководства ИТУ тюремный отдел, который возглавил Т.Я. Андреев, а с 1946 года М.Ф. Вертиков. Первые две тюрьмы – в Пскове и Острове - с лимитной емкостью в 710 человек начали действовать в августе 1944 года, к 1 января 1946 года их емкость была увеличена до 900 человек, а фактически содержалось 1223 человека [2, л. 103].

В период послевоенного восстановления на территории Псковского края было создано несколько мест заключения лагерного типа для уголовных осужденных: в поселке Торошино на территории Псковского района, в Грызавино Островского района, в Суханово недалеко от Великих Лук и непосредственно на территории города Пскова – в районе Овсищи. Кроме лагерей на территории Пскова, Великих Лук и Острова функционировали тюрьмы.

Всего к концу 1947 года в шести исправительно-трудовых учреждениях края содержалось 1859 человек, из них 1383 мужчин, 476 женщин и 26 детей в возрасте до двух лет при отдельном лагерном пункте № 1 в городе Пскове.

Большое внимание уделялось использованию возможностей исправительно-трудовых колоний в интересах восстановления народного хозяйства псковской области. Контингент заключенных использовался на т.н. контрагентских работах по договорам с гражданскими предприятиями, на торфозаготовках и на сельскохозяйственных работах. Уже в ноябре 1944 года на территории города Пскова была организована т.н. контрагентская колония, или исправительно-трудовая колония № 1 в городе Пскове. В этот же период в 12 км от города Пскова была организационно оформлена вторая исправительно-трудовая колония сельскохозяйственного профиля. К концу 1940-х гг. дополнительно были организованы по назначению колонии в поселке Тягуши Дедовичского района, на торфопредприятии «Грызавино» в Островском районе, в поселке Полоски Новосельского района и в поселках Луковка и Торошино Псковского района.

Распределение заключенных по отдельным подразделениям отдела исправительно-трудовых колоний УМВД по Псковской области через три года после воссоздания Псковской области выглядел следующим образом:

№ п/п	Подразделение	Место положения	Количество заключенных
1.	Отдельный лагерный пункт № 1	г. Псков	612
2.	Исправительно-трудовая колония № 2	Псковский р-н	278
3.	Исправительно-трудовая колония № 3	п. Полоски	177
4.	Исправительно-трудовая колония № 4	п. Торошино	262
5.	Исправительно-трудовая колония № 5	п. Грызавино	284
6.	Исправительно-трудовая колония № 6	п. Луковка	246

В 1947 году для повышения производительности труда заключенных начала внедряться система зачета рабочих дней в срок отбывания наказания. В 1950 году было принято Постановление Совета Министров СССР о введении системы оплаты труда заключенных, из которой, однако, исключались приговоренные к каторжным работам (как правило, пособники оккупантов или военные преступники).

В марте 1950 г. заместитель начальника УМВД по Псковской области подполковник Чагин обратился к секретарю Псковского облисполкома ВКП(б) К.С. Фирсову с просьбой поставить перед министром внутренних дел СССР С.Н. Кругловым вопрос о разрешении организации на территории области промышленной колонии деревообрабатывающего профиля. Необходимость промышленной колонии именно такого профиля в условиях Псковской области обуславливалось по мнению руководства следующими причинами:

1) большим спросом указанной выше продукции внутри Псковской области в колхозах и заготовительных организациях;

2) в исправительных колониях Псковской области ежегодно оседало большое количество заключенных второй группы трудоспособности, использование которых на контрагентских работах внутри региона не представлялось возможным.

В результате псковские колонии ежегодно приносили все более увеличивавшиеся убытки: в 1947 году они составляли 1278 тыс. руб., в 1948 году – 1569 тыс. руб., в 1949 году – 2744 тыс. руб. Руководство УМВД по Псковской области предупреждало облисполком, что в 1950 году при отсутствии предлагавшейся промколонии эти убытки значительно возрастут. Это обстоятельство было связано с тем фактом, что из общего количества заключенных, содержащихся в колониях региона, используются на работе по договорам с хозяйственными организациями около 400-450 человек, остальная же часть заключенных содержалась в зоне без использования на работе в связи с отсутствием в колониях производственных площадей [1, л. 36].

Подробный расчет по организации промколонии был выслан руководством УМВД по Псковской области начальнику ГУЛАГа Добрынину 7 марта 1950 года (за № 1/00144).

Согласно Указу от 27 марта 1953 года об амнистии из лагерей и колоний освобонилось свыше 1 млн человек, осужденных за общеуголовные преступления. Многие из них, вернувшись в родные места или осевшие в городах, принялись за старое. К тому же не все из них оказались трудоустроенными. В Псковской области в октябре 1953 года, например, не работали 7 % амнистированных. Именно они, как единодушно утверждали начальники райотделов МВД, составляли основной контингент преступников и правонарушителей. Возросла доля нераскрытых преступлений: так, к осени 1953 года 75,8 % всех совершенных разбойных нападений не была раскрыта. Особенно обострилась ситуация в приграничном с Прибалтикой Пыталовском районе, куда прибыло до 300 ранее судимых и амнистированных, осевших на хуторах.

МВД освобождалось от производственно-хозяйственной и строительной функций, прекратилось сооружение многих начатых в стране силами заключенных «великих сталинскихстроек». ИТУ (за исключением тех, где содержались осужденные за государственные преступления) перевели в состав Министерства юстиции, как и отдел детских колоний. Однако уже в следующем году постановлением Совета Министров СССР от 21 января 1954 года места заключения были возвращены в систему МВД СССР.

В том же 1954 году стало практиковаться условно-досрочное освобождение лиц, доказавших свое исправление честным отношением к труду и примерным поведением. Продолжали применяться зачеты рабочих дней.

Начавшийся после XX съезда КПСС процесс демонтажа ГУЛАГа и реорганизация ИТУ и мест заключения затронул и Псковскую область. В соответствии с приказом МВД СССР еще в ноябре 1954 года была создана комиссия, призванная определить трудоспособность всех заключенных с целью упорядочения их трудового использования.

По состоянию на 15 октября 1958 года в исправительно-трудовых колониях УВД Псковского облисполкома содержалось 1784 заключенных. Их распределение по исправительно-трудовым учреждениям области выглядело следующим образом:

№ п/п	Подразделение	Место положения	Количество заключенных
1.	Исправительно-трудовая колония № 1	Псков, р-н Овсище	506
2.	Исправительно-трудовая колония № 2	Псковский р-н, Торошино	266
3.	Исправительно-трудовая колония № 3	Островский р-н, Грызавино	283
4.	Исправительно-трудовая колония № 4	Великолукский р-н, Кострово	292
5.	Исправительно-трудовая колония № 5	Великолукский р-н, Суханово	430

Исправительно-трудовые колонии УМВД по Псковской области № 1 и 5 обладали некоторой собственной производственной базой, а № 2, 3 и 4 – контрагентскими, две из которых были заняты на добыче торфа, а одна на лесозаготовительных работах соответственно. Практически перед всеми этими подразделениями ОИТК УМВД по ПО стояла нарастающая на протяжении 1950-х гг. проблема занятости спецконтингента. До определенного времени ее удавалось решать путем заключения соответствующих подрядных договоров с хозяйственными организациями. Но к концу 1950-х гг. использование рабочей силы заключенных даже в контрагентских колониях все больше осложнялось по причинам как сезонного характера доступных работ, так и в связи с нежеланием многих гражданских организаций продлевать соответствующие договоры.

Основным объектом приложения сил для ИТК Псковской области в данный период являлись либо торфоразработки, либо лесозаготовки. Однако добыча торфа на торфоразработках с октября по апрель в основном прекращалась, а на погрузочных и подготовительных работах в этот сезон использовалось не более 20-25 % от лимитного наполнения рабочей силы. В результате в осенне-зимний период в таких ИТК до 450 человек не могли быть трудоустроены. Кроме того, директора доступных торфопредприятий официально предупредили руководство ОИТК УМВД по Псковской области об отказе от дальнейшего использования рабочей силы заключенных. Такая же ситуация складывалась в конце 1950-х гг. и на лесозаготовках [3, л. 99].

Руководство УВД Псковской области задумалось об организации колонии нового типа с собственной производственной базой. 20 октября 1958 года начальник УВД Псковского Облисполкома полковник Кузьмин обратился за поддержкой данной инициативы к первому секретарю Псковского Обкома КПСС М.Я. Канунникову.

В результате было решено строить на территории Псковской области ИТК нового типа – с собственной производственной базой. Для этого было решено использовать инфраструктуру расформированных в 1957 году межколхозных машинно-тракторных станций (МТС). В 1959 году в соответствии с решением XX съезда КПСС старые учреждения по сути лагерного типа, за исключением ИТК № 1 в районе Овсищ города Пскова, были уже ликвидированы. В 1961 году началась работа по переоборудованию под исправительно-трудовые колонии бывших МТС в поселках Середка Псковского района и Крюки Островского района, а еще чуть позднее – в поселке Идрица Себежского района Псковской области.

1. Государственный архив Псковской области (ГАПО). - Ф. 1219. Оп. 1. Д. 1073.
2. Государственный архив Псковской области (ГАПО). - Ф. 1219. Оп. 2. Д. 332.
3. Государственный архив Псковской области (ГАПО). - Ф. 1219. Оп. 2. Д. 1103.

ИСТОРИЯ РАЗВИТИЯ АРБИТРАЖНОГО ПРОЦЕССА В РОССИИ

Е.Н. Кононова (Псков, Россия)

С историей развития рыночных отношений в России тесно связан процесс становления правовых основ предпринимательской деятельности и процедур разрешения споров, вытекающих из экономических отношений. Правовые предпосылки предпринимательства возникли в торговом обороте. При отсутствии устойчивой государственной власти правовая регламентация его осуществлялась, в форме норм обычного права, причем на эти обычаи серьезное влияние оказали обычаи других стран. Псков не был изолирован от западного влияния и обогащался опытом других народов. Псковская земля была важнейшим связующим звеном между Русью и Западной Европой. Вместе с хозяйственным импортом заимствовались и достижения науки и культуры. Псковские купцы активно осваивали рынки Ревеля, Дерпта, Риги, Полоцка, а их торговые права гарантировались международными соглашениями, в том числе с городами Ганзы. [1]

Исторически первыми постановлениями торгового права стали положения договоров великих князей Олега (907, 911 гг.), Игоря (941 г.), Святослава (971 г.) с Византией. Однако эти положения не могут быть причислены к актам действующего в стране права. Первым правовым актом, можно считать «Русскую Правду», свод законов в котором объединены нормы, использовавшиеся для регулирования гражданско-процессуальных и административных правоотношений. Включение в «Правду» статей, посвященных торговым отношениям, свидетельствует о том, что торговая деятельность приобрела значительное развитие [2].

Первые упоминания об особых судах для разрешения коммерческих споров содержатся также в Уставной грамоте Новгородского князя Всеволода Мстиславовича, Псковской судной грамоте, своде законов древнего Пскова и связанных с ним земель, составленный на основании отдельных постановлений псковского веча, совета бояр, княжеских грамот, норм Русской Правды и обычного права.

Новгородская и псковская судебные системы очень схожи. Новгородская судная грамота сохранилась в отрывках в московской редакции 70-х годов XV века и в основном содержит только процессуальные нормы. Более полные сведения о псковских судебных органах сохранились в составе Псковской Судной грамоты. До нашего времени Псковская судная грамота дошла в единственном списке. Древняя ее часть относится к началу XIV в., последняя переработка произведена между 1462 и 1476. Псковская грамота делится на две части, которые подразделяются на несколько отделов и Псковская судная грамота состоит из 120 статей. По сравнению с " Русской правдой" Псковская судная грамота содержит более развитую систему обязательного права, которой посвящено более 40 статей, в которых шла речь о торговле и мене, о взыскании долгов по торговле. [3]

Вообще в Пскове требовалось, чтобы торговля и мена были совершенно свободными сделками, и о псковской торговле все иностранцы, бывшие в Пскове, отзывались как о самой честной. Торговые сдел-

ки допускались при свидетелях и без свидетелей и за порукой, но в случае иска торговые сделки при свидетелях и за порукой имели на суде больше значения, чем сделки без свидетелей; купивший без свидетелей обязывался доказать факт покупки крестным целованием.

В Псковской грамоте, так же как и в Русской Правде, сделано различие между простым займом и торговым, но только в Русской Правде, как мы знаем, взыскание торгового долга облегчалось для кредиторов. Например, кредиторы по Русской Правде освобождались от обязанности представлять в суде свидетелей по торговым займам, Псковская же грамота на долги по торговле смотрит совершенно иначе. По псковскому закону ищущий торгового долга «по доскам», т.е. частным распискам на бересте, должен был представлять еще «рядницу», т.е. долговую запись, из которой было видно, что деньги даны были в долг по торговле. Рядница эта должна была писаться при церкви Св. Троицы, и копия с нее, или, по-тогдашнему, «противень», должна была храниться в ларе Св. Троицы. Если рядница, представленная истцом, была «слово противу слова» с ее «противнем», то долг взыскивался с ответчика, а если у них были разногласия, то суд отвергал долг и не удовлетворял кредитора. [3].

В случае исков по торговым делам предоставлялось на волю ответчика, идти на судебный поединок или предоставить истцу целовать крест. Судебный процесс в Новгороде и Пскове носил состязательный характер. Суд по торговым делам в Новгороде осуществлялся тысяцким и купеческими старостами, а в Пскове – корпоративными купеческими органами. Каждый судебный чиновник при вступлении в должность давал присягу городской общине, текст которой сохранился в ст. 3 Псковской Судной грамоты. Согласно этой статье посадник, вступая в должность, обещал судить справедливо на основании псковских законов, не использовать суд в своих корыстных интересах, для защиты родственников или для мести врагам, не брать взятки от заинтересованных лиц и т.п.[3]

Вызов на суд производился по повестке ("повознице"). Уклонение от явки на суд означало проигрыш дела. Доказательствами при рассмотрении дела могли быть собственное признание обвиняемого, показания свидетелей, послухов, письменные документы и извод. Важное значение имели присяга ("рота"), письменные документы ("грамота"), судебный поединок ("поле"). Различались 2 вида письменных документов - доказательств: "доска" - частный документ, расписка на бересте и "запись" - официальный документ, заверенный по закону в установленной форме. Источник дает явное предназначение "записи" перед "доской". Свидетели были 2-х категорий: очевидцы (видоки) - свидетели факта; и послухи - свидетели доброй славы ответчика.

В Псковской судной грамоте получили развитие многие новые институты гражданского и процессуального права. Как абсолютно верно заметил В.В. Момотов, все процессуальные действия этого периода можно оценить как «глубоко продуманные и рациональные». Это свидетельствует о высоком уровне развития права в Пскове и о его влиянии на дальнейшее развитие русского права. Многие статьи Псковской Судной грамоты были использованы при составлении Судебника 1550 г. Этот документ регулировал судебное разрешение споров холоповладельцев о принадлежности холопов; содержал нормы гражданского судопроизводства по делам, связанным с землевладением, среди которых особое место занимало право выкупа родовых вотчин (ст. 85); регулировал порядок рассмотрения споров между иностранцами и жителями Русского государства.[4]

Следующим важным этапом развития судостроительства и судопроизводства в России стало принятие в 1649 г. Соборного уложения, ряд глав в котором был посвящен вопросам государственного права, и одна («О суде») – вопросам судопроизводства. [5]

С развитием торговых отношений в России все больше возрастала необходимость в специализированных судах, в компетенцию которых входило рассмотрение торговых споров. Дальнейшее развитие торговые суды получили при Петре I на фоне создания первых городских сословных судов. В 1699 г. в г. Москве была учреждена Бурмистрская палата, обладавшая торговой юрисдикцией, в 1719 г. создана Коммерц-коллегия, ведающая торговыми и вексельными делами, а с 1721 г. появился Главный магистрат, судивший торговые дела, к которым относились также налоговые, таможенные и другие дела. В этот период магистратам были подсудны купцы и ремесленники по всем гражданским и уголовным делам, кроме «великих государственных преступлений».

Важнейшим шагом в истории торгового судопроизводства стал Указ от 14 мая 1832 г., учредивший коммерческие суды с особой компетенцией, в которую входило рассмотрение торговых и вексельных дел, дел о несостоятельности. Их организация и деятельность регламентировались Уставом торгового судопроизводства. Коммерческие суды просуществовали до 1917 г.

После Октябрьской экономической ситуация в значительной мере изменилась. Частная предпринимательская деятельность была запрещена. Экономические споры разрешались административным порядком. Переход к НЭПу потребовал отказа от подобной практики и 21 сентября 1922 года постановлением ЦИК и СНК РСФСР в рамках общей судебной системы были образованы Арбитражные комиссии. Дальнейшее развитие арбитража связано с внедрением хозяйственных отношений и оформления хозяйственных связей на договорной основе. В мае 1931 г. в системе органов государственного управления был образован государственный арбитраж, призванный разрешать имущественные споры между учреждениями

ми, предприятиями и организациями. Образовалось два вида арбитража – *государственный и ведомственный*. В государственном арбитраже разрешались споры предприятий и организаций различного подчинения, в ведомственном – подчиненных одному ведомству (министерству, комитету и т. д.).

В течение шестидесятилетней истории государственного арбитража (с мая 1931 г. по октябрь 1991 г.) неоднократно предпринимались попытки модернизировать его устройство и деятельность, приспособить к изменяющимся экономическим условиям.

В 1991 году в связи с развалом СССР и появлением частной собственности, возникла необходимость в реформировании органов, осуществлявших рассмотрение экономических споров между хозяйствующими субъектами, независимо от форм собственности. 4 июля 1991 года был принят закон РСФСР N 1543-I "Об арбитражном суде", упразднивший с 1 октября 1991 года госарбитражи и арбитражи различных ведомств. Новый этап в законодательном обеспечении деятельности арбитражных судов связан с принятием в 1993 году Конституции Российской Федерации. В соответствии с Конституцией были приняты в 1995 году Федеральный конституционный закон от 28 апреля 1995 года "Об арбитражных судах в Российской Федерации" и новый Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 5 мая 1995 года. В последующем был принят Федеральный конституционный закон от 31 декабря 1996 года "О судебной системе Российской Федерации" [6]

К 1996 г. в стране действовали 82 арбитражных суда субъектов Российской Федерации, 10 Федеральных арбитражных судов и Высший Арбитражный Суд Российской Федерации. Следующий этап развития системы арбитражных судов связан с принятием Арбитражного процессуального кодекса РФ от 24 июля 2002 года. В России появились 20 арбитражных апелляционных судов. Тем самым была выстроена четырехзвенная структура по разрешению экономических споров – первая инстанция, апелляция, кассация и надзорная инстанция – ВАС. Это одно из самых значимых достижений судебной реформы [7].

Инициатором следующего этапа реформирования системы арбитражных судов выступил Президент РФ В.В. Путин, предложив объединить Верховный Суд РФ и Высший Арбитражный Суд РФ, что является самой большой институциональной реформой в сфере судостроительства. 5 февраля 2014 г. Президентом РФ был подписан ФКЗ РФ N 3-ФКЗ "О Верховном Суде Российской Федерации", а также ряд законов, определяющих порядок формирования и статус объединенного Верховного Суда. Таким образом, произошло слияние судов высшей инстанции: на высшем уровне создан единый Верховный Суд России при неизменности существующей ранее иерархии судов различных инстанций в каждой подсистеме судебной власти. «Объединение Верховного и Высшего арбитражного судов позволило устранить расхождения в правовых позициях по целому ряду важнейших вопросов, добиться единообразия судебной практики, большей правовой определенности, что весьма значимо для развития экономики и предпринимательства, тем самым обеспечить принцип равенства граждан перед законом», – сказал В.В. Путин на торжественном собрании, посвященном 95-летию Верховного суда 23.01.2018 года.[8]

В системе арбитражных судов РФ проделана большая работа по обеспечению открытости и доступности правосудия. Необходимо отметить также высокую квалификацию судей арбитражной системы. Именно эти категории влекут за собой высокое качество принимаемых решений, способность судебной ветви власти обеспечивать возможность защиты лиц и организаций, нуждающихся в разрешении возникших экономических споров, в ведении хозяйственной деятельности в соответствии с действующим законодательством [9].

1. Казакова Н.А. Русско-ливонские и русско-ганзейские отношения (конец XIV – начало XVI в.) Л., 1975. С. 139.
2. Тимофеева А. А. Основные черты обязательственного права в Древнерусском государстве (IX–XII вв.) // Дальний Восток. Вып. 4. – Владивосток, 2001. С. 14.
3. Алексеев Ю.Г. Псковская судная грамота и ее время. Развитие феодальных отношений на Руси XIV-XV вв. / Ю.Г.Алексеев. Л.: Наука, 1980-243 с.
4. Российское законодательство X-XX веков. Т. 1. Законодательство Древней Руси. – М.: Юрид. лит., 1984г.
5. Амплеева Т.Ю. По закону русскому. История уголовного судопроизводства Древней Руси: Монография. – М.: Юридический институт МИИТа, 2005. – 228 с.. 2005
6. Памятники русского права, выпуск третий / Под ред. Л. В. Черепнина. М., 1955; выпуск четвертый / Под ред. Л. В. Черепнина. М., 1956.
7. Комбарова Е. В. Роль судов общей юрисдикции и арбитражных судов в разрешении разногласий в системе органов публичной власти // Конституционное развитие России: Межвузовский сборник научных статей. – Саратов: Изд-во ГОУ ВПО «Саратовская государственная академия права», 2009, Вып. 10. – С. 84.
8. Круглов В. В. Современная система арбитражных судов в Российской Федерации [Текст] // Право: современные тенденции: материалы IV Междунар. науч. конф. (г. Краснодар, февраль 2017 г.). – Краснодар: Новация, 2017. – С. 44-49
9. Выдержки из выступления В.В. Путина цитируются по тексту, помещенному на сайте Президента РФ в Интернете. URL: www.president.kremlin.ru.
10. Интервью с судьей Арбитражного суда г. Москвы, доцентом кафедры предпринимательского и корпоративного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина кандидатом юридических наук Лаптевым В.А // Юрист. - 2014. - № 19. - С. 4-8

ИСТОРИЯ ДОКТРИНАЛЬНЫХ РАЗРАБОТОК ИНФОРМАЦИОННОГО ПРАВА И ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

Ю.Г. Иванцова (Минск, Беларусь)

В истории доктринальных разработок информационного права и законодательства в Республике Беларусь выделим два периода.

Первый период (начало 90-х XX в. – 2010 г.).

В этот период информационные отношения в Республике Беларусь начинают развиваться в различных направлениях в рамках процесса информатизации общества, поэтому предметом исследования ряда ученых становится разработка направлений информатизации общества и ее правового регулирования, исследование вопросов обеспечения информационной безопасности, что во многом было определено уровнем развития государства и его вхождением в мировое информационное пространство (В.Б. Долголетов, Ю.И. Кашинский, М.В. Мясникович и другие).

С начала XXI в. появляются работы методологического характера, в которых ученые рассматривают теоретико-прикладные проблемы формирования и развития информационного права (Л.Н. Мороз [11]). Устанавливается концептуальное видение специфики правового регулирования информационной сферы, исследуются вопросы выделения предмета, метода, основных институтов, источников и прочих критериев формирующейся «отрасли информационного права». Информационное право начинает рассматриваться как самостоятельная наука и учебная дисциплина (Л.Н. Мороз [10], Д.В. Вершок [3;4], О.С. Чиченкова [17], Д.В. Михеев [8], Т.В. Сафонова [13] и другие).

Одной из первых работ в данном направлении является монография белорусского ученого Д.В. Вершка «Информационное право: правовой режим радиоэлектронной информации», в которой обосновывается и исследуется правовой режим радиоэлектронной теле-, радио-, телефонно-телеграфной и компьютерной информации. Правовые нормы, регламентирующие использование и применение данного вида информации, должны составлять один из основных институтов формирующейся правовой отрасли, предметов юридической науки и учебной дисциплины «Информационное право» [3, с. 3].

В 2007 году выходит в свет работа белорусского ученого Л.Н. Мороз «Информационное право. Общая часть», ставшая одной из первых работ, в которой в сравнительно-правовом аспекте комплексно исследуются теоретические и прикладные правовые проблемы: информации и информационных ресурсов; информационной сферы; информационных пространств и обществ; становления, развития и совершенствования информационного права и информационного законодательства; сущность и структура информационных правоотношений, информационного правосознания; общие вопросы управления и юридической ответственности в информационной сфере [10]. Позже, в 2008 году, Т.В. Сафоновой представлен полный курс лекций по дисциплине «Информационное право», преподаваемой в УО «ВГУ им. П.М. Машерова», где ученый поднимает вопросы предпосылок формирования информационного права, охватывает вопросы предмета, метода и системы информационного права, определяет источники информационного права. В данном пособии автор раскрывает вопросы права на информацию, определяет понятие и виды вредоносной информации и других видов информации, исследует понятие информационных войн и ответственности за правонарушения в информационной сфере [13].

Учеными уделяется внимание различным режимам информации: радиоэлектронная информация (Д.В. Вершок), коммерческая тайна (Е.В. Потапова), служебная тайна (А.В. Шитиков) и т.п. Формируется научная доктрина о праве граждан на информацию и ответственность в случаях его ограничения. Благодаря этому в доктрине начинают укрепляться позиции авторов об институте собственности на информацию [18].

Таким образом, с 90-х годов XX в. закладываются теоретические основы правового регулирования новых видов информационных отношений и информатизации общества. И только начиная с 2000-х гг. появляются работы, в которых ученые рассматривают проблему определения места информационного права в системе права, делают акцент на развитие информационного права как самостоятельной отрасли права.

Второй период (2010 г. – наше время).

Проблему определения места информационного права в системе права, а также особенности взаимодействия информационного права с другими отраслями права продолжили в своих учебных пособиях Г.А. Василевич [6], Н.А. Чернецкая [16]. Учеными создаются практические руководства и методические рекомендации к курсу «Информационное право» (Л.Г. Можаяева [9], С.В. Живица [5], Т.В. Сафонова [12] и другие).

Начало формирования информационного общества оказало значительное влияние на развитие в государстве «электронного правительства» (Ю.А. Амельченя, Т.Г. Чудиловская и др.), «электронного документооборота» (Я.И. Функ и др.) и прочих аспектов регулирования информационных отношений.

Как видим, в Республике Беларусь закладываются теоретические основы правового регулирования новых видов информационных отношений и информатизации общества. По мнению профессора Н.В. Сильченко, распространение правового регулирования на те сферы общественной жизни, которые

ранее не были урегулированы правом, вызванный этим обстоятельством рост числа нормативных актов вызывают настоятельную необходимость не только в упорядочении законодательства, но и в его стабилизации [14]. В связи чем, важное место в упорядочении и стабилизации информационного законодательства занимает его совершенствование и систематизация. В доктрине информационного права данные вопросы изучались авторами как в отношении отдельных областей информационных отношений (В.И. Шабайлов [19] и др.), так и применительно ко всему информационному законодательству (М.С. Абламейко [1], Т.З. Шалаева [19] и др.).

Отдельного рассмотрения требует комплексная работа М.С. Абламейко [2], которая посвящена правовым проблемам построения информационного общества в Республике Беларусь и направлена на дальнейшее развитие новой отрасли права – информационного права. Автором выявлены основные аспекты правового регулирования отношений на современном этапе развития информационного общества, проанализирована роль государства в данном процессе и его взаимодействие с частным ИТ-сектором, разработаны практические предложения и рекомендации по правовому обеспечению оказания электронных услуг гражданам и организациям в Республике Беларусь, выявлены особенности правовой защиты информационных систем в Республике Беларусь, сформированы предложения, связанные с уголовно-правовой оценкой нарушений авторских прав в данной сфере, определены основные направления дальнейшего развития и совершенствования законодательства Республики Беларусь в области информационной безопасности и защиты кибератак информационного пространства Республики Беларусь, конкретизированы пути унификации законодательства с другими странами, в первую очередь Россией и Казахстаном, и дальнейшей интеграции Республики Беларусь в глобальное информационное общество.

Как видим, М.С. Абламейко затронуты вопросы международного сотрудничества и интеграции Республики Беларусь в глобальное информационное общество.

Известно, что нормы права, содержащиеся в международных договорах Республики Беларусь, являются составной частью действующего на территории Республики Беларусь законодательства [15, с. 177]. При совершенствовании и систематизации информационного законодательства в условиях формирования информационного общества и его интеграции в глобальное информационное общество требуется проведение исследований не только национального законодательства (права), но и источников международного информационного права. Но в Республике Беларусь отсутствуют комплексные исследования в данной области, появляются работы лишь по отдельным направлениям правового регулирования международных информационных отношений (О.В. Кипченко [7] и др.). Поэтому в данном случае следует учитывать разработки российских и украинских ученых по комплексному исследованию в области международного информационного права (В.С. Цимбалюк, В.П. Талимончик, А. Пазюк, и другие).

Таким образом, на сегодняшний день в Республике Беларусь имеются отдельные теоретико-правовые исследования в сфере информационного права и законодательства, посвященные совершенствованию отдельных структурных частей информационного законодательства. Формирование в Республике Беларусь информационного общества требует системного анализа информационного права и информационного законодательства, разработки перспектив совершенствования информационного законодательства, его систематизации и последующей кодификации.

1. Абламейко, М. С. Подготовка и принятие Информационного Кодекса Республики Беларусь / М. С. Абламейко, Г. А. Василевич // *Вестник БГУ*. – Сер.3. – 2012. – № 2. – С. 98–102.
2. Абламейко, М. С. Правовые проблемы построения информационного общества в Республике Беларусь: теория и практика : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.14 / М. С. Абламейко ; Белорус. гос. ун-т. – Минск, 2012. – 25 с.
3. Вершок, Д. В. Информационное право: правовой режим радиоэлектронной информации / Д. В. Вершок. – Минск, 2002. – 144 с.
4. Вершок, Д. В. Правовой режим радиоэлектронной информации : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.14 / Д.В. Вершок ; Белорус. гос. ун-т. – Минск, 2003. – 22 с.
5. Живица, С. В. Информационное право / С. В. Живица. – Минск : Частный институт управления и предпринимательства, 2013. – 35 с.
6. Информационное право : учеб. пособие / Г. А. Василевич [и др.] ; под. общ. ред. Г. А. Василевича, Д. А. Плетенева. – Минск : Адукацыя і выхаванне, 2013. – 352 с.
7. Кипченко, О.В. О некоторых международно-правовых аспектах защиты персональных данных в информационных сетях /О.В. Кипченко, А.Н. Лепехин // *Вестник Академии Министерства внутренних дел Республики Беларусь*. – 2012. – № 1. – С. 184–188.
8. Михеев, Д. В. Информационное право: понятие, предмет. Характеристика субъектов информационных правовых отношений: (право Республики Беларусь) / Д. В. Михеев // *Проблемы управления*. – 2006. – № 4. – С. 177–181.
9. Можаяева, Л. Е. Информационное право / Л. Е. Можаяева. – Гомель : ГГУ, 2016. – 47 с.
10. Мороз, Л. Н. Информационное право: общая часть / Л. Н. Мороз. – Минск : Право и жизнь, 2007. – 275 с.
11. Мороз, Л. Н. Теоретико-прикладные проблемы формирования и развития информационного права / Л. Н. Мороз, Л. М. Рябцев, Д. В. Вершок // *Проблемы унификации правовых систем Республики Беларусь и Российской Федерации : матер. II межвузовской науч. практич. конф. (г. Брест, 15-16 ноября 2001 г.) ; М-во образования Респ. Беларусь, БрГУ. – Брест, 2001. – С. 101-103.*
12. Сафонова, Т. В. Информационное право : метод. рекомендации к модульному курсу / Т. В. Сафонова ; М-во образования РБ, УО «ВГУ им. П. М. Машерова», каф. истории и теории права. – Витебск : ВГУ имени П. М. Машерова, 2012. – 44 с.
13. Сафонова, Т. В. Информационное право Республики Беларусь : курс лекций / Т. В. Сафонова ; М-во образования РБ, УО «Витебский гос. ун-т им. П. М. Машерова», каф. истории и теории права. – Витебск : Изд-во УО «ВГУ им. П. М. Машерова», 2008. – 123 с.
14. Сильченко, Н. В. Кодифицированные акты и их типы [Электронный ресурс] / Н. В. Сильченко // *Советское государство и право*. – 1980. – № 10. – Режим доступа: <http://elibrary.by/handle/123456789/147456>. – Дата доступа: 10.02.2018.

15. Сільчанка, М. У. Тэорыя крыніц беларускага права / М. У. Сільчанка. – Гродна : ГрДУ, 2012. – 253 с.
16. Чернецкая, Н. А. Информационное право / Н. А. Чернецкая. – Минск : Тетралит, 2014. – 143 с.
17. Чиченкова, О.С. К вопросу о формировании информационного права как самостоятельной отрасли права / О.С. Чиченкова // Проблемы правовой информатизации. – 2005. – №1. – С. 45-47.
18. Чиченкова, О.С. О праве собственности на информацию / О. С. Чиченкова // Проблемы правовой информатизации. – 2004. – № 1. – С. 74–76.
19. Шалаева, Т. З. Информационное законодательство Республики Беларусь: проблемы отраслевого строительства / Т. З. Шалаева // РИНТИ–2014, 20 ноября 2014 г. / сб. науч. матер. междунар. науч.-прак. конф. – Минск, 2014. – С. 136-143.

ПОМНІК ГІСТОРЫІ ПРАВА Ё СУЧАСНЫМ ТЭАРЭТЫКА-ПРАВАВЫМ КАНТЭНЦЕ

М.У. Сільчанка (Мінск, Беларусь)

Статут 1566 года займае *асаблівае месца* сярод трох Статутаў Вялікага княства Літоўскага, Рускага і Жамойцкага (далей – ВКЛ ці Вялікае княства Літоўскае) – знакамітых помнікаў права сярэднявечавай беларускай дзяржавы. У гісторыка-прававым плане Статут 1566 года замацаваў змены ў сацыяльна-эканамічным развіцці грамадства пасля праведзенай у 50-х гадах XVI ст. зямельнай рэформы і ўнёс змены ў прававую сістэму, якія спатрэбіліся пасля змену судовым ладзе. У Статуце 1566 года былі замацаваны перадавыя на той час палажэнні аб прававым становішчы асобы і абмежаванні ўлады Вялікага князя, парасткі тэорыі падзелу ўладаў і пераўтварэння судовай улады ў самастойную галіну і інш [14].

У параўнанні са Статутам ВКЛ 1529 г. і тагачаснымі помнікамі еўрапейскага права Статут ВКЛ 1566 года вылучаецца незвычайнай структурай, якая сведчыць аб высокім ўзроўні прававой культуры стваральнікаў дадзенага помніка права [3, с. 137]. Інавацыйны характар будовы Статута ВКЛ 1566 года – вынік выкарыстання правілаў юрыдычнай тэхнікі і дасягненняў тагачаснай прававой дактрыны [20], найперш, тэарэтычных распрацовак рымскага і заходнееўрапейскага права [21, с.8]. У Статуце 1566 годамы знаходзім элементы тэхнічнага рэгулявання і першыя айчыныя прававыя стандарты. Разгледзім гэтыя аспекты Статута ВКЛ 1566 года падрабязней.

Структура Статута ВКЛ 1566 года – аснова для вызначэння яго прававой прыроды.

Статуты ВКЛ 1529, 1566 і 1588 гг. – настолькі ўнікальныя помнікі сярэднявечавага беларускага права, што сярод навукоўцаў не існуе паразумення адносна іх прававой прыроды. Статут 1529 г. параўноўваюць з канстытуцыяй феадальнага грамадства [1], а Статут 1588 года – з кодэксаў [18]. Статут 1566 года прафесар Юхо І.А. называў *самым дасканалым тагачасным Зводам законаў* [21, с.7]. Мы пагаджаемся з дадзенай думкай знакамітага прафесара. Аб тым, што Статут 1566 года быў *зводам законаў*, на наш погляд, сведчыць найперш яго адметная будова, якая дазваляе вылучыць гэты помнік праваз шэрагу падобных выданняў сістэматызацыйнага характару.

У склад Статута 1566 года ўваходзілі: 1) Віленскі Прывілей ад 8 чэрвеня 1563 г.; 2) Бельскі Прывілей ад 1 ліпеня 1564 г.; 3) Віленскі Прывілей ад 30 снежня 1565 г.; 4) прэамбула да Статута ад 1 сакавіка 1566 года з указаннем аб увядзенні Статута ў дзеянне; 5) тэкст уласна Статута 1566 года з дадаткамі да яго; 6) Пастанова (Ухвала) Берасцейскага Сойма ад 1 ліпеня 1566 з паправамі да Статута; 7) Пастанова Варшаўскага Сойма 1578 года з паправамі да Статута. Як бачна, Статут 1566 года складаўся з шэрагу адасобленых частак, якія былі прыняты ў розны час, але ўспрымаліся тагачаснымі яго карыстальнікамі ў сістэмным адзінстве і толькі разам ўтваралі якая новая крыніца права.

Безумоўна, цэнтральная частка Статута 1566 года – гэта тэкст уласна Статута 1566 года з прэамбулай і дадаткамі да яго. Калі для тагачасных помнікаў права прэамбула была звыклай часткай, то дадаткі, аб прававой прыродзе якіх размова пойдзе ніжэй, не сустракаюцца ў тагачасных помніках айчыннага права.

Асобная частка Статута 1566 года – паправы ў яго першапачатковы тэкст, які быў зацверджаны Бельскім Прывілеем 1564 года. Шэраг змен у першапачатковы тэкст Статута былі ўнесены ўжо Берасцейскім Соймам 1 ліпеня 1566 года, г.зн. праз тры месяцы пасля ўвядзення Статута 1566 года ў дзеянне. Нагадаю, што ў прэамбуле да Статута 1566 года адзначаецца, што «... выданъ естъ сесь статутъ на сойме Виленскомъ великомъ валномъ, року Божьего нароженья тисеча пять сотъ шестьдесятъ шостого, месяца Марта, первого дня». Дата першага сакавіка і лічыцца пачаткам дзеяння Статута 1566 года. Наступныя паправы да першапачатковага тэксту Статута 1566 года былі зацверджаны Варшаўскім Соймам у 1578 годзе. Важна падкрэсліць, што паправы да Статута, якія былі ўхвалены на Берасцейскім Сойме 1566 года і Варшаўскім Сойме 1578 года, былі зроблены ў адпаведнасці з палажэннямі прэамбулы да Статута, згодна з якімі «... вси обыватели того панства нашего Великого Княства Литовского и вси земли ку нему належачіе будутъ се ради-ти и судити, *поправуючы и прибавляючы водле часу потребы артыкулов въ томъ статуте на соймехъ валных Великого Княства Литовского...*» (вызелена мной – М.С.).

Змест Статута 1566 года, яго «дух і літару» нельга зразумець без прывілеяў, якія тэкстуальна папярэднічаюць тэксту ўласна Статута. Прывілеі складалі *уводную частку* да Статута 1566 года, палажэнні прывілеяў *праціналі* тэкст Статута і ляжалі ў падмурку разумення яго зместу ўсімі карыстальнікамі: Вялікім князем, панамі – радай, мясцовымі органамі ўлады, судамі і г.д. Аб ролі

прывілеяў у азначаным сэнсе сведчыць наступны факт. Пры зацвярджэнні Статута 1588 года кароль Польскі Жыгімонт Ваза на наступны дзень пасля каранавання падпісаў прывілей аб зацвярджэнні Статута 1588 года, у якім падпісвалася зацвярджэнне Статуту з *прыкладаннем да яго земскіх прывілеяў*. Аднак Статут 1588 года быў надрукаваны без прывілеяў, бо паводле меркавання Л. Сапегі – складальніка Статута 1588 г. – «не ўсе яны падыходзяць (г.зн. феадалам Вялікага княства Літоўскага): у адных добры пачатак, а сярэдзіна кепская, у іншых – сярэдзіна добрая, а пачатак ці канец кепскі [15, с.548]»

Адначасова з уключэннем у склад Статута ВКЛ 1566 года прывілеі набылі большую юрыдычную значнасць і вагу. Адна справа, напрыклад, Віленскі Прывілей Вялікага князя ад 8 чэрвеня 1563 года аб ураўноўванні ў правах шляхты – некато́лікоў з каталікамі, і зусім іншая – тэкст Статута ВКЛ, які хоць і зацвярджаўся Вялікім князем, але ж прымаўся вальным Соймам. Гэта надавала палажэнням аб роўнасці правоў шляхты незалежна ад веравызнання большую вагу і значнасць. Вялікі князь не меў права аднаасобна змяніць тэкст Статута, уключыць у яго склад новыя прывілеі ці змяніць тэкст прывілеяў, якія былі ўключаны ў Статут. Забарона на такія дзеянні была замацавана ў раздз. 3 арт. 12 Статута 1566 года: *«Тежъ прирекаемъ вси привелея земскіе стародавныи и ново отъ нас наданыи волности и звычай добрый стародавний тымъ статутомъ нашимъ ховати и ни в чомъ ни нарушати, а нового ничего не встановляти.»* Цытуемы артыкул меў адпаведную назву: «О держанью старыхъ уставъ, а новыхъ безъ сейму вального не встановляти»

Статут ВКЛ 1566 г. – унікальны помнік *усягульнай* сістэматызацыі права, якая ахоплівае прававую сістэму цалкам, усе яе сферы: права публічнае і прыватнае, матэрыяльнае і працэсуальнае, рэгуляванае і ахоўнае. Задачы ўсягульнай сістэматызацыі права, згодна з сучаснымі дактрынальнымі напрамкамі [7] вырашаюцца якраз шляхам выдання звода законаў.

Ва ўмовах феадальнай дзяржавы звычайна праводзіліся рэформы асобных элементаў прававой сістэмы – дзяржаўнага, адміністрацыйнага, крымінальнага, зямельнага, сямейнага права і г.д., якія суправаджаліся выданнем адпаведнага прававога дакумента. Статут ВКЛ 1566 года падсумаваў змены ў асобных сферах прававой сістэмы тагачаснага беларускага грамадства, сістэматызаваў іх і ўзняў прававую сістэму грамадства на ясна новы ўзровень. У гэтых варунках цалкам справядлівай з’яўляецца выснова Л.Л. Голубевай аб тым, што «... з прыняццем Статута 1566 года каліфікацыя і сістэматызацыя ўласнага заканадаўства ў значнай ступені апярэджвалі падобныя работы ў іншых феадальных дзяржавах<...> меліся юрысты, дастаткова падрыхтаваныя тэарэтычна і практычна [4, с. 45 - 46]».

У Статуце 1566 года былі *сістэмна* выкладзены самыя важныя нормы дзяржаўнага, вайсковага, грамадзянскага, сямейнага, зямельнага, крымінальнага, працэсуальнага права. *«Сістэмная місія»* Статута 1566 года тычылася не толькі пісанага права, але і сферы звычайнага права, таму што прыняцце Статута прывяло да пашырэння сферы прававога рэгулявання грамадскіх адносін пісьмовымі крыніцамі. Такім чынам, тэндэнцыя пастаяннага пашырэння сферы заканадаўчага рэгулявання грамадскіх адносін, якая характэрна для развіцця сучаснага права [5], назіраецца і ў феадальным праве, асабліва ярка на прыкладзе буйных сістэматызаваных крыніц права. На наш погляд, суадносіны пісанага і звычайнага права можна таксама разглядаць у якасці асобнай формы суадносінаў права і заканадаўства [9], праўда, з папраўкамі на гістарычныя ўмовы.

Такім чынам, структурныя асаблівасці сістэматызацыйных выданняў з’яўляюцца ўніверсальнай прававой каштоўнасцю [10], якая дазваляе вызначыць прававую прыроду як сістэматызаваных крыніц сучаснага права [12], такі найважнейшыя помнікі гісторыі права.

Тэхнічнае рэгуляванне ў Статуце 1566 года.

У сучаснай сістэме сацыяльнага рэгулявання вылучаецца тэхнічны тып сацыяльнага рэгулявання. Пры гэтым пад тэхнічным рэгуляваннем разумеюць сістэму тэхнічных норм і тэхналагічных правілаў, стандартаў [6], якія ўстанаўліваюць патрабаванні да вытворчай дзейнасці чалавека, гарантуюць яго бяспеку, скіраваны на ахову прыроды і навакольнага асяроддзя [17]. Працэс фарміравання тэхнічнага тыпу сацыяльнага рэгулявання быў імклівым. Яшчэ 300 – 400 гадоў таму ў прававых сістэмах сустракаліся асобныя элементы тэхнічнага рэгулявання, а сёння тэхнічныя імператывы вызначаюць накірункі і змест сацыяльнага рэгулявання цалкам [8].

Фарміраванне сістэмы тэхнічнага рэгулявання – працяглы працэс, ён падзяляецца на некалькі этапаў. На першасным этапе з’явіліся адзінкі і сістэмы вымярэння. «Для выражэння і закрэплення мыслей и действий, – адзначае Урванцаў Б.А., – людзі пачалі изобретать <...> атрибуты измерений, счета, эквиваленты для обмена результатами труда, учитывать время и т.п. [19, с.11]». Без адзінак і сістэм вымярэння немагчыма ўсталяваць эквівалентнасць таварна-грашовых адносін, вызначыць памер шкоды [13], аплаты працы, узнагароды і г.д., таму адзінкі вымярэння і заснаваныя на іх сістэмы вымярэння былі распаўсюджаны ў звычайным праве.

Без стварэння адзіных для дзяржавы адзінак вымярэння немагчыма было перадолець партыкулярнасць звычайнага права і стварыць агульную прававую сістэму. *На жаль, уплыў сістэм вымярэння на развіццё права да цяперашняга часу ў юрыдычнай навуцы не даследаваны. Гэта праблема знаходзіцца на стыку прававой, эканамічнай навукі і навукі стандартызацыі і патрабуе комплекснага падыходу.*

Статут ВКЛ 1566 года зрабіў крок наперад у справе замацавання адзіных для дзяржавы адзінак і сістэм вымярэння. У Статуце выкарыстоўваюцца старажытныя адзінкі сістэмы вымярэння: пенязь – грош – капа грошаў (капа была роўная 60 грошам), альбо пенязь – грош – рубель. Пры гэтым капа выкарыстоўвалася для вымярэння самых розных рэчаў і ўключала 60 адзінак. Разам з тым у Статуце 1566 года замацоўваюцца новыя адзінкі і сістэмы вымярэння, якія з'явіліся ў выніку правядзення зямельнай рэформы: лан – валок – морг – прут (валок складала 21,36 га зямлі, морг – 0,71 га; лан быў роўны 3 валокам, 1 валок складалася з 9000 прутаў). У арт. 30 раздз. 3 Статута 1566 года ўстанаўліваецца *агульнадзяржаўная* сістэма вымярэння сыпкіх рэчываў і вадкасцей. Эталонам (стандартам) вымярэння служыла бочка, у якую ўваходзілі чатыры карцы (чвэрці). За парушэнне гэтага эталона ўстанаўліваўся штраф у тры рублі грошаў на карысць Вялікага князя (для параўнання: рабочы конь каштаваў менш, чым 1 рубель).

У Статуце 1566 *упершыню* выкарыстаны тэхнічныя нормы ў сучасным разуменні гэтага паняцця. Да такіх норм можна аднесці габарыты дарогі, правілы дарожнага руху, якія былі ўстаноўлены ў арт. 22 «О дорогахъ старовечныхъ» раздз. 9 Статута «О правахъ земскихъ»: «Уставуемъ, ижъ дороги звечные мають быти водле стародавнаго обычаю так широки, абы два возъ форманскихъ розминулися, а возъ порожній маєгуступити возу наложоному, пеший ездному, возовому ездный, если бы тесна дорога была яко у местехъ, або естли бы хто перед неприятелем утекаль, тогды возъ застоновеный маєт быти, аж обминуеть. А часу зимнего кгда снегъ бывает великий, мають поткавшия дорогою половицы делити, а один другого спихати не маєт с дороги».

Падтрыманне шляхоў зносіў на належным парадку – адна з мінімальных функцый дзяржавы. Першапачаткова парадак утрымання дарог у належным стане вызначаўся звычайным правам, затым – патрабаванне знаходзіць заканадаўчае замацаванне ў Судзебніку 1468 года. У Статуце 1566 года мы бачым далейшае развіццё прававога рэгулявання гэтай функцыі дзяржавы шляхам заканадаўчага рэгулявання памераў дарог і правілаў дарожнага руху.

Нормы арт. 22 раздз. 9 Статута 1566 года былі перанесены і канкрэтызаваны ў арт. 22 раздз. 9 Статута 1588 года. Калі ў Статуце 1566 года шырыня дарогі была вызначана так, каб «два возъ форманскихъ розминулися», то ў Статуце 1588 года была устаноўлена дакладная шырыня дарогі: «Уставуем, ижъ дороги, великие гостинцы мають быти водле стародавнаго обычаю так широкие, абы на полтора прута быти могли» (прут – адзінка вымярэння даўжыні ў ВКЛ, якая была роўная 4,87 м; падпрутак быў роўны дзесятай частцы прута; прут быў адначасова і адзінкай вымярэння плошчы: глядзі аб гэтым вышэй).

Статут ВКЛ 1566 года *іпершыя айчыныя «прававыя стандарты».*

Адзін з элементаў тэхнічнага рэгулявання – сістэма нарматыўных патрабаванняў да асобных відаў чалавечай дзейнасці, якія звязаны з выкарыстаннем заканамернасцяў прыроды, тэхнікі і тэхналогій [2, с.12]. Нарматыўныя патрабаванні выкладаюцца ў тэхнічных рэгламентах і стандартах, якія выдаюцца дзяржавай, і набываюць пасля гэтага прававую прыроду [11, с.93]. У шырокім сэнсе слова сістэма норм права з'яўляецца сістэмай прававых стандартаў, якія датычаць да ўсіх відаў чалавечай дзейнасці. У вузкім сэнсе слова *прававыя стандарты* – *гэта сістэма патрабаванняў да асобных відаў прававой дзейнасці – праватворчай, правапрымяняльнай, сістэматызацыйнай, інтэрпрэтацыйнай да вынікаў гэтай дзейнасці – тэкстаў прававых актаў*. Частка прававых стандартаў выкладаецца ў правілах юрыдычнай тэхнікі, якія фарміруюцца ў якасці асобнай прававой з'явы з пераходам ад вуснага да пісьмовага права, хаця сам тэрмін «юрыдычная тэхніка» быў уведзены ў навуковы зварот значна пазней.

Тыпалогія прававых стандартаў [16, с.134], якія ўтрымліваюцца ў Статуце 1566 года, дазваляе вылучыць розныя групы прававых стандартаў. Цікава адзначыць, што асноўная іх маса змешчана ў раздз. 4 Статута 1566 года, які прысвечаны рэгуляванню судовай улады.

У арт. 1 «О выбиранью судей въ повете» раздз. 4 «О судьяхъ и о судехъ» знаходзім моўныя патрабаванні да прававых актаў: «А писаръ земскій маєт по Руску литерами и словы Рускими вси листы и позвы писати, а не инымъ языкомъ и словы, и такъ маєт писаръ присегати». У арт. 23 «О сбиванью позвовъ» таго ж раздзела знаходзім патрабаванні да позвы (іску) і ўказанні на загану ў тэксце, якія дазваляюць адказчыку не адказваць па іску, а ў арт. 28 «О позвехъ и о року, якій за позвы будетъ складан, а каждый жалобу свою меновите маєт на позве описати, и о збиванью воззовъ» падрабязна рэгламентуецца парадак афармлення і ўручэння позвы, парушэнне якогарабіла позву неспраўднай.

Асобны від прававых стандартаў – тэксты прысяг, якія змешчаны ў арт. 1 разд. 4 Статута 1566 года. У дадзеным артыкуле прыводзіцца тэкст прысягі, якую прыносілі суддзя і падсудак, і асобна – тэкст прысягі, якую павінен быў прынесці пісар земскі. Сярод атрыбутаў прысягі пісара якраз і вылучаецца патрабаванне да мовы, на якой пісар павінен быў пісаць лісты і позвы.

У арт. 4 раздз. 4 Статута 1566 года «О возныхъ прысезе и врьдеихъ» да асобы вознага (судовага следчага і выканаўцы) вылучаецца шэраг патрабаванняў. Ваяводы і староста Жамойцкі павінны былі прызначаць на гэту пасаду «...тежъ шляхту людей добрыхъ веры годныхъ цнотливыхъ оселыхъ въ томъ же повете...». Возны таксама павінен быў прыносіць прысягу, тэкст якой прыведзены ў дадзеным артыкуле.

Адметная асаблівасць Статута ВКЛ 1566 года – дадаткі, якія былі змешчаны ў канцы тэкста Статута 1566 года. Гэта былі ўзоры прававых дакументаў: дагавору дарэння мужам жонцы рухомых рэчаў, дагавору мены шляхецкай маёмасці, дагавору валодання сямейнай маёмасцю ў выпадку смерці муж (жонкі) да моманта смерці мужа (жонкі), завяшчальнага запісу і інш. Цікава, што ні Статут 1529, ні Статут 1588 гг. аналагічнай структурнай часткі не мелі. У пісьмовых крыніцах тагачаснага еўрапейскага права дадаткі таксама не выкарыстоўваліся. У сувязі з гэтым узнікае мінімум два пытанні: 1) у сувязі з чым узнікла патрэба змясціць узоры прававых дакументаў у Статуце? 2) якой была роля адзначаных прававых дакументаў у прававой сістэме феадальнага грамадства?

На наш погляд, дадаткі да Статута 1566 года трэба разглядаць у звязцы з судовай рэформай і ўтварэннем земскіх і падкаморскіх судоў. Справа ў тым, што з увядзеннем у дзеянне Статута 1566 года адбыліся змены ў судовых кнігах. Калі па Статуту 1529 года (раздз. 6, арт. 3) запісы рабіліся ў адной кнізе, то са з'яўленнем земскіх і падкаморскіх судоў былі ўведзены розныя актавыя кнігі: паточныя, дэк-рэтавыя, запісковыя і г.д. Юрыдычная сіла дакументам надавалася пасля іх запісу у адпаведныя актавыя кнігі. Складальнікі Статута 1566 года добра разумелі цяжкасці, з якімі сутыкаецца судовая ўлада пасля яе рэфармавання, і шляхам размяшчэння ўзораў прававых дакументаў у дадатках да Статута імкнуліся пазбегнуць непатрэбных правапарушэнняў. Тым самым складальнікі Статута 1566 года засведчылі сістэмнае бачанне прававой сістэмы грамадства і высокі ўзровень праватворчай тэхнікі, якой яны валодалі, а таксама веданне судовай практыкі.

Прафесар Юхо І.А. у прадмове да выдання Статута 1566 года звярнуў увагу на дадаткі да Статута і зрабіў выснову, што ўзоры прававых дакументаў былі першымі прававымі актамі, якімі быў пакладзены пачатак прававога ўрэгулявання натарыяльнай дзейнасці, і, разам з тым, *падручнікамі – інструкцыямі, якія вучылі правільнай рабоце*, што ўскладвалася на судовыя ўстановы [21, с.30 – 31]. Мы пагаджаемся з высновамі прафесара Юхо І.А. адносна ролі дадаткаў у зараджэнні натарыяльнай дзейнасці і падручнікаў – інструкцый. Разам з тым, дадаткі да Статута 1566 года, на наш погляд, – гэта яшчэ *іпершыя* ў гісторыі айчыннага права прававыя стандарты ў сучасным разуменні гэтага паняцця.

Вывады: Структурныя асаблівасці Статута 1566 года ў параўнанні з будовай Статутаў 1529 і 1588 гг. даюць падставы аднесці дадзеную крыніцу права да звода законаў. Менавіта для звода законаў характэрна ўключэнне ў афіцыйны тэкст выдання некалькіх самастойных крыніц права. Пры гэтым ніводная з уключаных у звод законаў крыніц права не губляе сваёй самастойнасці і ў сукупнасці з іншымі ўтварае якая новая крыніца. Высокі узровень юрыдычнай тэхнікі Статута 1566 – сведчанне значнага уплыву тагачаснай прававой дактрыны на змест і форму Статута 1566 года, магчыма, ідэй «дактаров прав чужо-земских» Пётра Раізія – «гішпана з Арагона» – і Ратондуса Мялецкага з Вільні. Складальнікі Статута 1566 года выкарысталі самыя дасканалыя на той час правілы праватворчай тэхнікі, што дазволіла на высокім навуковым узроўні сістэматызаваць звычайнае і пісанае права. У Статуце знайшлі замацаванне тэхнічныя нормы ў сучасным разуменні гэтага паняцця і першыя айчыныя прававыя стандарты.

1. Бибило, В.Н. Политические и правовые аспекты Статута Великого княжества Литовского 1529 г. / Право и демократия: сб. научных трудов. – Вып. 26 /редкол.: В.Н. Бибило (гл.ред.) [и др.] – Минск: БГУ, 2015. – С. 90 – 107.
2. Вудвард, Д. История развития стандартизации в Великобритании / Д. Вудвард. Пер. с англ. Издательство стандартов, 1975. – 104 с.
3. Голубева, Л.Л. Статут Вялікага княства Літоўскага 1566 года – помнік прававой культуры і думкі беларускага народа (да 450-годдзя ўвядзення ў дзеянне) / Право и демократия: сб. науч. трудов. – Вып. 27. (2016) / БГУ: [редкол.: В.Н. Бибило (гл. ред. и др.)] – Минск: БГУ, 2016. – С. 132–145.
4. Голубева, Л.Л. Статут Вялікага княства Літоўскага 1566 года – важны этап у станаўленні і развіцці беларускага заканадаўства / Сборник: Статут Великого княжества Литовского, Русского и Жемойтского 1566 г.: к 450-летию издания. Матэрыялы круглага стала – Минск, 2016. – С.29–48.
5. Зайцева, Е.С. Пределы правового регулирования в правотворческой политике современного российского государства / Е.С. Зайцева // Академический юридический журнал. – 2016. – № 2 (64). – С. 11–17.
6. Ковалева, Н.В. Природа и функции технико-юридических норм / Н.В. Ковалева // Государство и право. – 2016. – № 11. – С. 5–12.
7. Кодан, С.В. Акты систематизации законодательства: юридическая природа и место в системе российского права / С.В. Кодан // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения РАН. – 2008. – № 8. – С.385–401.
8. Лукьянова, В.Ю. К вопросу о юридической природе технического регламента / В.Ю. Лукьянова // Журнал российского права. – 2007. – № 5. – С.11–24.
9. Миронов, В.О. О соотношении права и законодательства / В.О. Миронов, Н.В. Зин // Вестник международного Института управления. – 2017. – № 3 (145). – С. 46–50.
10. Мурашко, Л.О. Аксиологическое измерение процесса правообразования. М., 1915. Сер. Теория и история государства и права.
11. Нестеров, А.В. О техническом регулировании в России / А.В. Нестеров // Государство и право. – 2009. – № 8. – С. 93–96.
12. Рубцова, М.О. Проблемы кодификации на муниципальном уровне и структура муниципального кодекса / М.О. Рубцова // Советник юриста. – 2017. – № 12. – С. 85–96.
13. Силаев, С.А. К вопросу об окончании длящегося преступления / С.А. Силаев // Российский юридический журнал. – 2013. – № 3(90). – С. 146–153.
14. Статут Великого княжества Литовского, Русского и Жемойтского 1566 г.: к 450-летию издания. Матэрыялы круглага стала. – Минск, 2016. – С.29–48.
15. Статут Вялікага княства Літоўскага 1588. Тэксты. Давед. Камент. – Мінск: Беларус. Сав. Энцыкл., Рэдкал.: І.П. Шамякін (гал. Рэд.) і інш. – Мінск: БелСЭ, 1989. – 573 с.: іл.
16. Строева, О.А. Типология права и правосознания: теоретико-правовая характеристика / О.А. Строева // Вестник Московского университета МВД. – 2017. – № 3. – С. 134–137.

17. Терещенко, Л.К. Концепция правового обеспечения технического регулирования / Л.К. Терещенко, Ю.А. Тихомиров, Т.Я. Хабриева // Журнал российского права. – 2006. – № 9. – С. 3–17.
18. У прадамове да выдання Статута 1588 года, якое ажыццявіла выдавецтва Беларускай савецкай энцыклапедыі ў 1989 годзе, прафесар Юхо І.А. (на старонцы 38) характарызуе Статут 1588 года у якасці аднаго з першых кодэксаў Еўропы. Глядзі: Хаўратовіч, І.П., Падокшын, С.А., Галенчанка, Г.Я., Здановіч, Н.І., Ляонава, А.К., Собаль, Е.В., Трусаў, А.А., Яніцкая, М.М., Юхо, І.А. (Статут і развіццё прававой думкі) // Статут Вялікага княства Літоўскага 1588. Тэксты. Давед. Камент. – Мінск: Беларус. Сав. Энцыкл.; Рэдкал.: І.П. Шамякін (гал. рэд.) і інш. – Мінск: БелСЭ, 1989. – 573 с.: іл. Такім чынам, прафесар Юхо І.А. па-рознаму ацэньваў прававую прыроду Статутаў ВКЛ 1566 і 1588 гг.
19. Урванцев, Б.А. Порядок и нормы / Б.А. Урванцев. – М.: Издательство стандартов, 1991. – 240 с.
20. Чашин, А.Н. Форма и содержание правовой доктрины / А.Н. Чашин // Советник юриста. – 1917. – № 9. – С. 75–92.
21. Юхо, І.А. Статут Вялікага княства Літоўскага 1566 года – самы дасканалы ў Еўропе тагачасны звод законаў // Статут Вялікага княства Літоўскага 1566 года / Т.І. Доўнар, У.М. Сатолін, Я.А. Юхо; Рэдкалегія Т.І. Доўнар і інш. – Мінск: Тэсей, 2003. – 352 с.: іл. – с. 7 – 33.

СОВЕТСКИЙ ОПЫТ НОРМАТИВНОГО ЗАКРЕПЛЕНИЯ ПРАВИЛ (ТРЕБОВАНИЙ) ЮРИДИЧЕСКОЙ ТЕХНИКИ

Е.Н. Швед (Минск, Беларусь)

В условиях модернизации современной правовой системы все более существенную роль приобретают вопросы повышения юрико-технического качества нормативных правовых актов. В этой связи весьма важно систематизировать правила юридической техники и решить вопрос о возможности правового закрепления последних. Правила юридической техники частично закреплены в отечественном законодательстве, чему способствовала многолетняя история технико-юридической подготовки правовых актов, в том числе и в зарубежных странах. В этой связи особый интерес представляет практика правового регулирования юридической техники в советский период.

Еще 22 сентября 1924 года был издан специальных Декрет ВЦИК и СНК РСФСР «О порядке прохождения законопроектов через Президиум Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета и Совет Народных Комиссаров» [9], где содержался ряд правил подготовки законопроектов. Кроме того, в правовых актах уровня подзаконного нормотворчества были установлены порядок опубликования, вступления в силу нормативных актов, а также отдельные правила и приемы технико-юридического характера. Среди них постановление ВЦИК РСФСР от 7 июля 1923 г. «О порядке изменения кодексов, утвержденных Всероссийским Центральным Исполнительным Комитетом», Постановление ВЦИК и СНК РСФСР от 29 июля 1929 г. «О работе по кодификации законодательства РСФСР». Последний акт содержал предложение Народному комиссариату юстиции приступить к кодификации действующего законодательства. Пункт 5 данного постановления обращает особое внимание на то, «чтобы законы излагались понятным для широких трудящихся масс языком» [10].

В первые годы Советской власти отсутствовали унифицированные правила юридической техники. Однако в юридической литературе все чаще встречаются заключения о необходимости более глубокого исследования вопросов законодательной техники и, в том числе, отдельных ее правил и требований. Например, С. Перетерский в 1939 году писал о достижении единообразия в разрешении вопросов законодательной техники [11, с. 115].

Заметный «скачек» в развитии нормативного закрепления юридической техники произошел во второй половине XX века. Во многих юридических актах были зафиксированы нормы, определяющие процесс рассмотрения и утверждения правовых актов органами государства, и иные правила, регулирующие правотворческую деятельность этих органов. Нормы же, которые относились к составлению законопроектов, к вопросам стиля, языка, логики, структуры нормативных актов, далеко не всегда имели правовой характер. Д.А. Керимов объясняет это тем, что «они более подвижны, изменяются применительно к конкретным обстоятельствам в зависимости от характера общественных отношений, на регулирование которых направлен проектируемый акт» [5, с. 4–5]. Тем не менее некоторые из них были нормативно закреплены.

Необходимо отметить, что в этот период велась активная работа по нормативному закреплению юридической техники в ряде зарубежных стран. Так, специальные акты были изданы в Польской Народной Республике и Чехословакии. Кроме этого, Совет Министров Болгарии 25 августа 1962 г. принял постановление «Об улучшении систематизации и кодификации законодательства в Народной Республике Болгарии». Позже, в 1973 году, был принят Закон о нормативных актах, а также конкретизирующий и развивающий его Указ Государственного совета «О применении Закона о нормативных актах» от 24 апреля 1974 г. По мнению Б. Спасова, «оба акта установили определенный правовой алгоритм, позволяющий не только регламентировать законодательную технику, но и использовать ее для достижения наиболее благоприятных результатов в процессе законодательной деятельности» [16, с. 70]. В Венгерской Народной Республике 10 ноября 1964 г. было издано постановление правительства «О дальнейшем развитии деятельности по подготовке нормативных актов», на основании которого были разработаны и утверждены «Руководящие начала методики подготовки нормативных актов» и «Руководящие начала редакции нор-

мативных актов» [12, с. 161]. В Румынии Декретом Государственного Совета Социалистической Республики Румыния в 1976 г. утверждена «Общая методология законодательной техники по подготовке и систематизации проектов нормативных актов» [4, с. 17].

Имеющийся опыт нормотворчества социалистических стран рекомендовал использовать в СССР А.С. Пиголкин для выработки и нормативного установления «научно обоснованных и практически проверенных Правил подготовки и оформления проектов нормативных актов» [12, с. 160].

И вот в 70-е гг. XX века в развитии советской юридической техники произошло значимое событие:

25 июня 1975 года ЦК КПСС и Советом Министров СССР принято постановление № 558 «О мерах по дальнейшему совершенствованию хозяйственного законодательства» [7], пункт 5 которого содержал поручение Министерству юстиции СССР разработать и утвердить рекомендации по подготовке нормативных актов министерств и ведомств СССР. Такие правила были разработаны и утверждены Министром СССР в качестве Рекомендаций [15]. Документ состоял из четырех разделов, включающих нормы по организации работы над проектами ведомственных нормативных актов, по их составлению, а также завершающим процедурам их подготовки.

Наряду с Рекомендациями по подготовке нормативных актов министерств и ведомств СССР, различного рода методиками формами нормативного урегулирования технических средств и операций правотворчества являлись поручения Президиума Верховного Совета СССР и Совета Министров СССР, постановления ЦК КПСС, Президиума Верховного Совета СССР и Совета Министров СССР. Особо значимы среди них постановления ЦК КПСС, Президиума Верховного Совета СССР и Совета Министров СССР от 2 сентября 1976 г. «О подготовке и издании Свода законов СССР» [8] и от 23 марта 1978 г. № 229 «Вопросы Свода законов СССР» [2]. Аналогичные постановления были приняты и в союзных республиках.

Как отмечает С.В. Поленина, работа по созданию и обновлению Свода законов СССР и сводов законов союзных республик оказала существенное влияние на процессы, происходящие после принятия Конституции СССР 1977 года в системе советского законодательства [13, с. 31]. Л.М. Бойко, ссылаясь на указанные акты, отмечает, что «ими была предусмотрена развернутая программа общего упорядочения и развития советского законодательства» [1, с. 4].

Проводимая в то время работа по совершенствованию законодательной деятельности, урегулированию процедуры создания нормативных актов значительно укрепила идеи необходимости законодательного закрепления и возведения в ранг правовых норм правил юридической техники. Определенная база для создания имеющих общеобязательную силу основных правил юридической техники, а также опыт их формулирования в советском государстве уже были сформированы. Примечательно, что в Юридической комиссии при Совете Министров СССР, а также в некоторых республиканских юридических комиссиях были разработаны Методические указания по составлению проектов нормативных актов. Однако, как отмечает А.С. Пиголкин, «эти указания носили методический характер, не являлись обязательными для всех ведомств, готовящих проекты нормативных актов» [12, с. 162].

Необходимость нормативного закрепления правил (требования) юридической техники подтверждались и представителями юридической науки: цель создания «рекомендательного рецепта правотворчества, которым может воспользоваться в качестве теоретического пособия» ставил перед собой А.А. Ушаков [17, с. 4]; на имеющиеся пробелы в разработке единых правил правотворческой техники указывал Б.В. Дрейшев [3, с. 101]; Е.А. Лукьянова выступала за необходимость пересмотра правил на предмет их комплексности и издание единого закона, который определил бы принципы законодательной техники при их подготовке, изложению, редактированию и систематизации проектов нормативных актов [6, с. 140]; работа по совершенствованию правотворческого механизма путем представления критериев определения формы нормативно-правовых актов, проведения их типологии, выявления связей, возникающих между формой нормативного правового акта и его содержанием была проведена профессором С.В. Полениной и Н.В. Сильченко [14].

Изложенное позволяет сделать вывод о том, что в период существования СССР нормативное закрепление юридической техники ограничивалось в большей степени нормами, регламентирующими общие вопросы необходимости повышения качества законодательства. Значимым шагом в этом направлении стало утверждение Рекомендаций по подготовке нормативных актов министерств и ведомств СССР. Начиная с 70-х гг. XX столетия в науке и практике сформировалось понимание необходимости унификации правил (требований) юридической техники и придания им обязательного характера. В качестве основы для создания данных правил (требований) и придания им обязательного характера использовался опыт зарубежных стран.

1. Бойко, Л. М. Совершенствование законодательной техники в условиях ускорения социально-экономического развития советского общества / Л. М. Бойко. – Ташкент : Изд-во «Фан» Узбекской ССР, 1988. – 92 с.
2. Вопросы Свода законов СССР : постановление Центрального Комитета КПСС, Президиума Верховного Совета СССР и Совета Министров СССР, 23 марта 1978 г., № 229 // Собр. постановлений Правительства СССР. Отд. первый. – 1978. – № 9. – Ст. 60.

3. Дрейшев, Б. В. Правотворчество в советском государственном управлении / Б. В. Дрейшев. – М. : Юрид. лит., 1977. – 160 с.
4. Желдыбина, Т. А. Планирование правотворческой деятельности в странах СНГ: сравнительно-правовой анализ / Т. А. Желдыбина // Вестник Саратовской государственной юридической академии. – 2014. – № 5. – С. 16–22.
5. Керимов, Д. А. Законодательная техника / Д. А. Керимов. – Л. : Изд-во Ленинградского университета, 1965. – 142 с.
6. Лукьянова, Е. А. Закон как источник советского государственного права / Е. А. Лукьянова. – М. : Изд-во МГУ, 1988. – 152 с.
7. О мерах по дальнейшему совершенствованию хозяйственного законодательства : постановление Центрального Комитета КПСС и Совета Министров СССР, 25 июня 1975 г., № 558 // СП СССР. – 1975. – № 16. – Ст. 98.
8. О подготовке и издании Свода законов СССР [Электронный ресурс] : постановление Центрального Комитета КПСС, Президиума Верховного Совета СССР и Совета Министров СССР, 2 сент. 1976 г., № 716 // Некоммерческая интернет-версия КонсультантПлюс. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=513#0>. – Дата доступа: 09.11.2017.
9. О порядке прохождения законопроектов через Президиум Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета и Совет Народных Комиссаров [Электронный ресурс] : декрет ВЦИК и СНК РСФСР, 22 сент. 1924 г. // Библиотека нормативно-правовых актов СССР. – Режим доступа: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_2175.htm. – Дата доступа: 03.12.2017.
10. О работе по кодификации законодательства РСФСР : постановление ВЦИК и СНК РСФСР, 29 июля 1929 г. // СУ РСФСР. Отдел первый. – 1929. – № 60. – Ст. 600.
11. Перетерский, С. Техника оформления кодексов / С. Перетерский // Проблемы социалистического права. – 1939. – № 1. – С. 105–115.
12. Пиголкин, А. С. Подготовка проектов нормативных актов (организация и методика) / А. С. Пиголкин. – М. : Юридическая литература, 1968. – 167 с.
13. Поленина, С. В. Система права и система законодательства в современных условиях / С. В. Поленина // Правоведение. – 1987. – № 5. – С. 29–37.
14. Поленина, С. В. Научные основы типологии нормативно-правовых актов / С. В. Поленина, Н. В. Сильченко. – М. : Наука, 1987. – 151 с.
15. Рекомендации по подготовке нормативных актов министерств и ведомств СССР // Бюллетень нормативных актов министерств и ведомств СССР. – 1976. – № 1. – С. 44–48.
16. Спасов, Б. Закон и его толкование / Б. Спасов. – М.: Изд-во «Юридическая литература», 1986. – 247 с.
17. Ушаков, А. А. Содержание и форма в праве и советское правотворчество / А. А. Ушаков. – автореф. дис. на соиск. д-ра юрид. наук. : 710 : Свердловск, 1970. – 42 с.

ДЕФЕКТЫ НОРМАТИВИСТСКОЙ ТРАКТОВКИ ПРАВА

А.Б. Демидов (Витебск, Беларусь)

В теории и философии права уже не одно столетие известна проблема определения понятия права. И. Кант в «Критике чистого разума» подметил: «Юристы и до сих пор ищут дефиницию для своего понятия права»[1, с. 539]. С тех пор минуло почти два с половиной века, но эта проблема не решена. Последствия её нерешённости малозаметны в обыденной жизни, но они ощутимы в теоретической, законотворческой и законодательной деятельности, где требуется отчётливое понимание смысла слова «право».

Это слово может иметь разное содержание у разных авторов. Даже у одного и того же автора в зависимости от контекста оно может употребляться в разных значениях. В конце концов, предмет, на который должно указывать это слово, оказывается просто непредметным и непредставимым. Бывает просто досадно понимать, что ничего непонятно, когда очередной автор использует слово «право» без точных указаний на его значение, как будто термин вполне определён и общезначим.

Например, оставляют в недоумении труды о «типах правопонимания». Эта тема активно разрабатывается с 60-х годов и служит питательной почвой для защиты диссертаций по правовым наукам. Удивительно, как авторы, не имея удовлетворительного определения права, ухищряются различать «типы правопонимания», то есть различать типы «понимания» того, что неопределено. Логичнее было бы различать типы «правоназывания», а не типы «правопонимания», поскольку в действительности имеются названия каких-то различных предметов одним и тем же словом «право», а не понимания того, «что есть право». С удивления (или недоумения?) и начинается философия, как заметил Аристотель; или, по Сократу: понимаю, что ничего не понимаю. Если «титულიная» категория правоведения даёт основание для недоумения/удивления, значит, тут есть работа для философии – философии права.

Сегодня имеется огромная коллекция дефиниций понятия права. Ни одна дефиниция не даёт достаточного удовлетворения, и коллекция продолжает расти. Конца этому росту не видно. Проблема кажется неразрешимой, кто-то объявляет её вечной, кто-то впадает в агностицизм.

Многие усматривают изъян в том, что определения понятия права различаются, и общепризнанного определения нет. Другим дефектом представляется то, что ни одно определение права не охватывает всего содержания правовой действительности, а представления о праве шире, чем его определения. Но когда искатели пытаются «расширить» определение и сделать его «интегративным» или «синтетическим», то получается эклектика.

При всём многообразии дефиниций права в большинстве из них можно заметить общее свойство: они отождествляют право с юридическими нормами, или сводят право к нормам, или выводят право из норм. Это наблюдение согласуется с суждениями видных разработчиков темы «типов правопонимания». Г. В. Мальцев писал: «...право, как бы мы его ни понимали, в каких бы терминах ни определяли, всегда и

неизменно нормативно»[3, с. 33]. Сходное утверждение у В. В. Лапаевой: «...ни один из многочисленных типов правопонимания не отрицает нормативного характера права»[2, с. 50].

Ту преобладающую сегодня разновидность теорий права, которые отождествляют право с юридическими нормами, т.е. правилами поведения, установленными и обеспеченными государственной властью, уместно обозначать термином «нормативизм». В словарях слово «нормативизм» связывают обычно с теорией Г. Кельзена. Однако ничто не препятствует тому, чтобы обозначать словом «нормативизм» все теории, отождествляющие право с юридическими нормами, и видеть в теории Кельзена одну из таких теорий.

К числу наиболее рельефных выражений нормативизма принадлежат работы известного правоведа Н. И. Матузова. Он решительно утверждал, что «“объективное право” или просто право включает в себя только нормы и ничего более»[4, с. 108]. То есть общее понятие права, «просто право», тождественно понятию норм.

Это суждение высказано в контексте размышлений о соотношении объективного и субъективного права. И здесь видна смысловая неувязка. Если «просто право», или «право вообще», – это «только нормы и ничего более», то, разделение объективного и субъективного права было бы логически невозможным. В самом деле, разделение всей совокупности юридических норм на какие-либо части даст в результате по каждую из сторон от разделительных линий «только нормы и ничего более». Вспомним Парменида, который резонно утверждал, что деление бытия на части невозможно: в любой части окажется то же самое бытие, а не что-то иное. Ни одна из обособленных частей права, толкуемого как «объективное право», не может оказаться так называемым «субъективным правом».

Выражение «субъективное право» при таком подходе оказывается бессмысленным. Потому что если право – это «только нормы», то «субъективное право», которое основывается на нормах, но само ими не является, вообще не есть право. Его уместно было бы называть, например, правомочием, т. е. юридической допустимостью действовать определённым образом, но не правом или какой-то разновидностью «просто права».

В область смысловых неполадок попадают и другие привычные для правоведов выражения, такие как «обычное право», «естественное право», «позитивное право». Ни «обычное», ни «естественное» право не должно называться словом «право», если оно обозначает «только нормы», установленные и обеспеченные властью государства.

Так же сомнительно и выражение «позитивное право». Оно подразумевает наличие ещё какого-то права, не являющегося позитивным. Логично было бы предположить наличие «негативного права» в качестве «иного» по отношению к «позитивному праву», о чём в действительности речи не идёт.

Теперь заострим внимание на выражении «нормы права». Привычно произнося это выражение, не замечают его логической ущербности. Если право отождествляется с нормами, то выражение «нормы права» оказывается тавтологией. В самом деле, при замене в нём слова «право» тождественным ему выражением «норма» получается выражение «нормы норм».

Вообще нормы, или правила, необходимы не только в правовой деятельности. Слова «норма» и «правило», по сути, являются синонимами. В древности этими словами именовался инструмент для установления прямого угла (т.е. «нормального», «правильного» угла), это разновидность линейки – угольник. Нормы или правила – это мерки, прилагаемые к чему-либо, но не само то, к чему они прилагаются. Нормы (правила) вырабатываются для того, чтобы регулировать, упорядочивать – «нормировать» – какую-либо деятельность и её результаты. Например, когда используют выражение «нормы литературной речи», вряд ли кто-нибудь подумает, будто литературная речь – это её нормы. Аналогично, когда говорят о правилах футбола, никому не приходит в голову отождествлять футбол с его правилами. Вообще нормы любого поведения не являются самим поведением. И только некоторые правоведы не замечают того, что нормы права не тождественны самому праву, и отождествляют в своих дефинициях право с нормами.

Указанные неполадки в нормативистской трактовке права означают, что парадигма нормативизма не способна разрешить фундаментальную проблему теории и философии права. Сколько бы ни «расширяли» понятие права, отождествляемого с нормами, ни от какого «расширения» нормы не превратятся во что-либо иное, кроме норм. Нужен совершенно иной взгляд на проблему, освобождающий понятие права от мистического тумана.

1. Кант, И. Сочинения. В 8-ми т. / И. Кант. – М.: Чоро 1994. – Т. 3: Критика чистого разума. – 741 с.
2. Лапаева, В. В. Типы правопонимания: правовая теория и практика / В. В. Лапаева. – М.: Российская академия правосудия, 2012. – 578 с.
3. Мальцев, Г. В. Понимание права. Подходы и проблемы / Г. В. Мальцев. – М.: Прометей, 1999. – 419 с.
4. Матузов Н.И. К делению права на объективное и субъективное / Н.И. Матузов // Правоведение. – 1971. – № 2. – С. 103-111.

ТИПОЛОГИЯ СВЯЗЕЙ В ИНСТИТУТЕ ЮРИДИЧЕСКОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

А.И. Глинда (Минск, Беларусь)

Для того чтобы такое, несомненно, системное, образование, как институт юридической ответственности представить в объеме, понять механизм его действия и управлять им, необходимо выявить те связующие нити, которые удерживают его в целостности. При этом следует помнить о комплексном межотраслевом характере института юридической ответственности, о том, что, как правило, крупные системные образования входят в «магнитное поле» института юридической ответственности лишь определенной своей частью. В этой связи конструкция института юридической ответственности могла бы быть очень зыбкой и склонной к распаду под действием разнонаправленных сил различных отраслей права. Поэтому внутрисистемные связи должны быть настолько крепкими, чтобы противостоять подобному явлению, притягивать внешние элементы друг к другу.

Таким образом, имеется группа системных связей внешнего по отношению к исследуемому институту порядка, и связи внутри института юридической ответственности также выстраиваются в определенную систему.

Воспользовавшись выделенным профессором Н.В. Сильченко способом эмпирической типологии [3], в рамках поставленной задачи в настоящей работе мы ограничимся указанием лишь наиболее общих, крупных типов связей в институте юридической ответственности, которые, однако, имеют основополагающее значение для дальнейшего исследования вопроса, выделения подтипов связей, анализа их классификации, сущностного наполнения и детальной характеристики.

Руководствуясь данной методикой, установим типы связей.

Модель комплексного межотраслевого института юридической ответственности можно представить в виде сферы, обладающей очень сильным магнитным зарядом, в связи с чем она «притягивает» крупные системные образования права (отрасли, подотрасли, институты), но каждая из них входит в поле института юридической ответственности только одним определенным участком – той частью, которая содержит нормы об ответственности. Такой процесс «примагничивания» (назовем его внешним притяжением) основан на существовании внешних связей, назовем их связями комплексности.

Следовательно, выделение элементов института юридической ответственности по отраслевому принципу отражает комплексность данного института, а выделенные по данному критерию элементы связаны внешними связями комплексности.

Далее, попадая в поле института юридической ответственности, нормы об ответственности различных отраслей встраиваются в эту новую систему в соответствии с выполняемыми функциями и по внутренним принципам института юридической ответственности.

Поскольку элемент выступает как своеобразный предел возможного в данной задаче членения объекта, собственное его строение (или состав) обычно не принимается во внимание в характеристике системы: составляющие элемента уже не рассматриваются как компоненты данной системы. Можно утверждать, что в общем случае элемент не может быть описан вне его функциональных характеристик, – с точки зрения системы важно в первую очередь не то, каков субстрат элемента, а то, что делает, чему служит элемент в рамках целого. В системе, представляющей собой органичное целое, элемент и определяется прежде всего по его функции: как минимальная единица, способная к относительно самостоятельному осуществлению определенной функции [1, с. 185].

Соответственно, для отражения единства института юридической ответственности необходимо увидеть, что объединившись, нормы приобретают новое качество, что именно единый институт юридической ответственности обладает свойствами, отличными от свойств отдельных элементов – видов юридической ответственности. Такое скрепление обеспечивают внутренние связи единства института юридической ответственности, т.е. связи между его качественными, внутренними элементами.

Относительная взаимозависимость и самостоятельность структуры и элементов проявляются в четырех планах: 1. Относительная самостоятельность структуры; 2. Зависимость структуры от элементов; 3. Относительная самостоятельность элементов; 4. Зависимость элементов от структуры [2, с. 46].

Структура не существует как независимое от элементов организующее начало, а сама определяется элементами таким образом, чтобы она возможно полнее соответствовала наибольшему количеству главных элементов. Некоторая совокупность элементов, взятых абстрактно как части, не может сочетаться произвольным образом. При соединении «элементарных» частиц, например, нейтроны не могут иметь связанных состояний между собой вне ядра. Число стабильных изотопов, как известно, тоже довольно ограничено. Сама структура объекта определяется с одной стороны, свойствами элементов, выступающих до ее возникновения в качестве частей, а с другой стороны – внешними условиями, действующими через внутренние свойства [2, с. 47].

Таким образом, представляется, что типологизировать – выделить типы – выделить группы типичных объектов – значит определить группы типичных для института юридической ответственности связей,

схожих по механизму действия. На данном уровне моделирования установлено два таких синтетических типа связей, которые являются типологической базой исследования.

Мы не стремимся безапелляционно утверждать жесткую типологию всех имеющихся в институте юридической ответственности связей, предложенная модель отражает стремление структурировать нарабатки научной мысли в сфере изучения сложной системы исследуемого правового образования на современном этапе.

1. Блауберг, И. В. Становление и сущность системного подхода / И. В. Блауберг, Э. Г. Юдин. – Москва : Издательство «Наука», 1973. – 270с.
2. Вальт, Л. О. Соотношение структуры и элементов / Л. О. Вальт // Вопросы философии. – 1963. – №5. – С. 44-53.
3. Сильченко, Н. В. Роль и место понятия «типология» в понятийном аппарате общей теории государства и права / Н. В. Сильченко // Право и правотворчество: вопросы теории : сб. ст. / АН СССР, Ин-т государства и права; редкол.: В. П. Казимирчук (отв. ред) [и др.]. – Москва : Изд-во ИГиП АН СССР, 1982. – С. 55–63.

ПРОБЛЕМА КОДИФИКАЦИИ «JUS AD BELLUM» И «JUS IN BELLO» В СИСТЕМЕ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА

А.В. Докучаев (Москва, Россия)

Право и закон, организующие часть пространства, в котором протекает социальная и политическая борьба, вводят в противостояние игровые и культурные императивы. Уже потлач анализируется исключительно с юридической стороны, как правообразующий обычай. Юридические регламентации «военного» и «мирного», занимающие важное место в античном (особенно римском) праве, приобретают характер нравственного императива (подкрепленного клятвой воинов - как в Шарру в 989 г.) в рыцарском идеале средневековья. «Право народов» от Тита Ливия до Г. Гроция и де Ваттеля приобрело законченную юридическую форму, кодифицируя войну и мир в соответствующих категориях. Эта форма, пусть и различными способами с помощью различных сил вводила новый дифференцирующий элемент - структуру международного права, которая организуется соглашением государств.

В известной книге Гроция («О праве войны и мира») конструкция международного права включает в себя войну как естественную часть собственного содержания. Далеко не всякая война заслуживает осуждения. Г. Гроций ссылается на Цицерона, Тита Ливия, И. Флавия в иллюстрации естественного закона, права на самозащиту. Де Ваттель («Право народов») позднее воспроизвел аналогичную аргументацию.

Право народов обязательно должно соблюдаться всеми его субъектами, так же, как внутригосударственные законы. Невозможно согласиться, утверждает Гроций, с теми, кто полагает, что во время войны прекращается действие всякого права. Различая частную, публичную и смешанную войны, Гроций подчеркивает, что публичная справедливая война имеет, в соответствии с правом народов, «торжественный характер» лишь в том случае, если ведется от имени суверена и с соблюдением взаимно признаваемых обрядов и правил. Помимо этого, предметом изучения Гроция становится вопрос о реальных причинах войн и, таким образом, о возможности классифицировать межгосударственную борьбу по принципу справедливости и несправедливости.

Гроций отмечает, что большинство авторов выдвигает три справедливых причины войны: самозащиту, возвращение имущества, наказание. Справедливой причиной начала войны может быть ни что иное, как правонарушение: «правильно - пишет Гроций, - что войны, предпринятые государственной властью, влекут за собой те или иные юридические последствия...; но тем не менее таковые не ограждены от порицания, если они предпринимаются без причины. Так, Александр, который без всякого основания пошел войной на персов и на прочие народы, в частности, как сообщает Курций, на скифов, заслужил у Сенеки прозвище разбойника, у Лукана - грабителя... Сюда же относится следующее изречение Августина: «Что при отсутствии справедливости представляют собой царства, как не великие разбойничьи шайки?» [1, с.186-187]. Де Ваттель подчеркивает, что суверен является главным действующим лицом войны, которая ведется от его имени и по его приказу. Таким образом, война торжественная по праву ведется между различными народами и имеет законную причину. Сам процесс противоборства строится по правовому принципу: 1) для природы торжественной войны требуется, чтобы она велась от имени обладателя верховной власти; 2) требуется обязательное объявление войны.

Почему становится важным понять войну как право и совокупность обязательств, кодифицировать ее как некий социально-этический феномен? Эта потребность иллюстрирует сущность особого исторического этапа, когда «на место примитивного идеала чести и благородства в продвинутых фазах культуры заступает идеал справедливости...» [2, с.118-119]. Однако юридическая конструкция неизбежно вступает в противоречие с реальностью.

На очевидную необходимость различать идеальную конструкцию международного права и справедливости и реальный статус государств, указывал И. Кант: «На Гуго Гроция, Пуфендорфа, Ваттеля и мно-

гих других ... все еще простодушно ссылаются для *оправдания* военного нападения, хотя созданный ими философский или дипломатический кодекс не имеет, да и не может иметь, ни малейшей *законной* силы...» [3, с.273]. Кант с иронией отмечает, что еще ни одно государство не отказалось от своих военных планов под влиянием аргументов, высказанных в сочинениях упомянутых авторов. Впрочем, в рассуждениях Канта не принимается во внимание тот факт, что в задачу Гроция и де Ваттеля вовсе не входило (в отличие от кантовской идеи «вечного мира») устранение войны как явления социальной и политической коммуникации. И то «удивление», которое Кант демонстрирует в упоминании о том, что «слово *право* еще не полностью изгнано из военной политики как педантичное, и что ни одно государство еще не отважилось провозгласить это публично», свидетельствует о действенности (хотя, разумеется, ограниченной) структуры международного права, каковая не может быть классифицирована как чистая фикция.

Запрещение войны в современном международном праве (например, в Уставе ООН) вначале квалифицировалось исключительно в контексте оппозиции, различающей права агрессора и жертвы агрессии. Однако если агрессор фактом агрессии лишается всех международных прав, то, очевидно, соблюдение любого права становится весьма проблематичным. Не случайно многие советские авторы опровергли односторонность этого подхода и признали необходимость провести различие между *jus ad bellum* и *jus in bello*. Вполне очевидно, что если нормы регулирующие законы ведения войны будут дискриминационным образом применяться лишь к одной стороне, весьма сомнительно, что эти нормы когда-либо будут соблюдаться [4, с.216]. Основное противоречие современной концепции международного права в отношении войны заключается в том, что «право войны» является пределом всякого права. Подлинный суверенитет государства определяется способностью вести войны вопреки любым договорам, исходя лишь из собственных политических интересов.

В современных процедурах власти «юридическое», (особенно в контексте международного права) уже не кодифицирует в полном смысле ни саму власть, ни «право войны» или «право в войне», стремительно уступая место ничем не ограниченному насилию. Причем именно это состояние, как выясняется, нуждается во все более утонченной и усиленной средствами массовой коммуникации аргументации, которая ищет убежище для производимой дисквалификации противника в категориях права, давно потерявших изначальный смысл.

Анализ эволюции вооруженной борьбы в XX - начале XXI веков позволяет констатировать некоторые существенные трансформации:

- необходимо обозначить недвусмысленное отличие войн, послуживших отправной точкой для кодификаций Гроция и де Ваттеля, и тех современных форм борьбы, на которые обращает свой взгляд М.Фуко. «Войны не ведутся больше во имя суверена, которого нужно защищать, - замечает Фуко, - они ведутся теперь во имя всех; целые народы стравливают друг с другом, чтобы они друг друга убивали во имя необходимости жить» [5, с.240-241]. Иначе говоря, планетарная борьба за те принципы, на основании которых будет строиться будущая политическая и социальная технология власти, ведется от имени «человечества», то есть универсального термина, разрушающего все границы и позволяющего скрывать подлинные интересы политических субъектов;

- стирается различие между состоянием войны и состоянием мира, а, следовательно, между комбатантами и некомбатантами;

- современные армии все больше напоминают группы наемников, а не народ, вооруженный для защиты государства;

- постулируется бесчеловечное отношение к тому, кто объявляется противником, последний символически и юридически лишается самой принадлежности к человечеству;

- реальная цель планетарных военных конфликтов (включая «борьбу с терроризмом») заключается в свертывании демократических свобод и приближает режим, стремящийся к тотальному контролю над гражданами. Война не просто инструмент и одна из техник господства, она неустрашимый элемент контроля. Поэтому любой военный конфликт (даже самой малой интенсивности) вовлекает всех, принимая образ всеобщей гражданской войны, которая в принципе не может завершиться миром;

- законы войны содержат в себе и культурные нормы. Европейские народы, например, привыкли, что войну объявляют и ведут государства и армии. Отсюда психологическая и социально-политическая неготовность сопротивляться таким формам агрессии, как террор или массовая миграция представителей чужой культуры (в отличие от современного Израиля);

- технологии «бестелесной» войны способны окончательно устранить культурный и, вслед за ним правовой модус регулирования конфликтов.

В силу названных и многих других причин сохранение существующих или создание обновленных политических структур, в рамках которых происходит кодификация международного военного права, представляются сложнейшим процессом. Исторический шанс для русских в новом столетии состоит в накоплении ресурсов (экономических, научных, демографических, технологических, собственно военных, дипломатических, культурных). Как мы знаем, перспективы развития военных технологий на ближайшие годы определены. Осталось самое существенное – воспользоваться этим временем для сосредото-

точения в других направлениях. Тогда будут иметь право на жизнь (и гарантировать это право другим) потомки тех, кто сейчас участвует в определении основ будущей политической системы и международного права.

1. Гроций Г. О праве войны и мира. - М., 1956
2. Хейзинга Й. Homo ludens. В тени завтрашнего дня. - М., 1992
3. Кант И. К вечному миру // Сочинения в 6 т., Т.6
4. Современные войны: гуманитарные проблемы: Доклад для Независимой комиссии по международным гуманитарным вопросам. - М., 1990
5. Фуко М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет. - М., 1996

О СПОСОБНОСТИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭЛИТЫ К САМОСОВЕРШЕНСТВОВАНИЮ (НЕКОТОРЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ ПО СТАТЬЕ И.П. КЕНЕНОВОЙ «ТРУДНО ЛИ ЭЛИТАМ ПРИМЕНИТЬ ЗАКОН К СЕБЕ?»)

С.В. Васильев (Псков, Россия)

Значительный интерес вызывает статья И.П. Кененовой, доцента кафедры конституционного и муниципального права МГУ, под названием «Трудно ли элитам применить закон к себе?» [3]. Автор, анализируя широкий круг научных работ, ставит проблему способности российской элиты к «самоочищению» и «самосовершенствованию». Пожалуй, это крайне актуально сегодня, поскольку дальнейший процесс поступательного движения социума невозможен без серьезных *качественных изменений* в самой элите, весьма «избалованной» условиями, если можно так выразиться, «комфортного» правления (несменяемость, некоторая безответственность, возможность широкого усмотрения в решениях, граничащая с произвольностью), успешное пользование которыми несколько препятствует позитивным изменениям в обществе и фактически «нейтрализует» желание элиты такие изменения инициировать.

Прежде всего, речь идет об обеспечении *прозрачности и ответственности* в среде отечественной политической элиты, которые позволят уменьшить её «закрытость», повысив тем самым степень ответственности, и, возможно, стимулировать её заинтересованность в собственном качественном обновлении и обновлении социума, формировании свободной конкурентоспособной экономики.

В противном случае элита просто «эксплуатирует» в *своих интересах* множасьщиеся проблемы государства и общества, позволяющие ей использовать режим правления «на случай» (так называемое «ручное» управление) с неимоверным расширением регулятивных возможностей административного ресурса. Возможно, правящую элиту *вполне устраивает* сложившийся порядок, поскольку для неё он обеспечивает условия стабильного обогащения путём востребованного администрирования, создания беспрецедентной зависимости всех остальных от государственного усмотрения. Такой порядок *очень удобен и комфортен* для группы лиц, условно именуемых «правлящей элитой».

Есть примеры того, как усиливается роль административного ресурса. Например, административная реформа, «как считают эксперты [9], ...не решила ... задачу повышения эффективности» (выделено мной – С.В.) взаимодействия органов исполнительной власти и гражданского общества, но *привела к появлению многочисленных административных регламентов* (выделено мной – С.В.), которые, по оценкам ряда ученых, не столько рационализировали процесс управления, сколько описали существующие бюрократические «ритуалы». Появилась дополнительная волна отчетности, оторванной от реальных приоритетов власти. В качестве примеров исследователи упоминают о 380 индикаторах губернаторской эффективности, сомнительных с точки зрения управления и не повлиявших на карьеру губернаторов в той мере, в какой имело значение их сотрудничество с «Единой Россией» [3, с.19].

В статье И.П. Кененовой идёт речь о поиске *средств обеспечения прозрачности и ответственности* в среде отечественной политической элиты. Надо полагать, что сейчас условия таковы, что элита весьма «закрыта» (= непрозрачна) и, как следствие, в значительной мере безответственна, не заинтересована в должной мере в позитивных общественных преобразованиях, упорно отстаивая уже сформировавшиеся «консервативные» порядки, выгодные ей.

Особенность механизма государственного управления России- в наличие «элементов клиентелизма, то есть клиентско-патронских (или, как их порой, может быть, не вполне удачно называют, клиентарно-патронажных) сетей» [3, с.21]. При этом «клиентско-патронские... сети формируются путем выстраивания системы личных связей между представителями политической элиты. Данная система *вытесняет*» (выделено мной – С.В.) правовые институты из сферы регулирования отношений по осуществлению публичной власти» [3, с. 21]. Поэтому и некоторые эксперты предостерегают, что «адаптация успешного зарубежного опыта **системной борьбы с коррупцией** в государственных структурах затруднена из-за угрозы потери управляемости социумом в случае устранения сложившейся системы такого рода сетей» [1, с. 91].

При всей неблагоприятности наличия патронажных сетей в государственных структурах современной России, нельзя отрицать, что они являются некоторым инструментом сохранения *стабильности* социума,

в котором властная элита традиционно играет огромную роль и пользуется значительным влиянием, а потому и порядок, *удовлетворяющий эту элиту*, несомненно, с одной стороны, придает ситуации в стране элемент устойчивости. При устранении сложившейся системы такого рода сетей возникает угроза потери управляемости социумом.

Ссылаясь на мнение Н.С. Назарова, цитируемый автор отмечает, что «клиентелизм формирует структуру данной системы: отношения личной зависимости, где экономические и властные ресурсы патрона обмениваются на политическую и электоральную лояльность клиентов [5]» [3, с. 23].

И.П. Кененова считает: «Если исходить из достаточно обоснованного предположения о наличии таких сетей в России, то имеет смысл задаться вопросом: какие действия со стороны государства и общественных формирований могут привести к оздоровлению системы публичной власти, не ввергнув страну в хаос?» [3, с. 23]. Вероятно поэтому автор утверждает, что «центральной темой статьи является *определение баланса между государственным и общественным компонентами конституционно-правовых средств обеспечения прозрачности и ответственности* в среде отечественной политической элиты» [3, с. 23].

При описанных выше обстоятельствах, слово «баланс» является ключевым и понятно почему. Предполагается некоторая *договоренность* (= диалог) между властными институтами (публичной властью) и институтами гражданского общества *о согласованных интересах обеих сторон* действиях, например, по борьбе с коррупцией. Только такие «осторожные» и постепенные действия со стороны государства и общественных формирований способны привести к оздоровлению системы публичной власти, *не ввергнув страну в хаос*. Резкие движения недопустимы из-за угрозы потери управляемости социумом в случае попыток кардинального устранения сложившейся системы такого рода клиентско-патронских сетей. Иными словами, автор статьи пытается определить, *как сформировать* систему обеспечения прозрачности и ответственности в среде отечественной политической элиты *на основе баланса* между государственным и общественным компонентами этой системы.

Но возможно ли такое решение, если сам автор обращает особое внимание «на двойственность правового и фактического положения институтов гражданского контроля в России: с одной стороны, наиболее «успешные» из них зависят от государственной поддержки и директив, тогда как деятельность тех, кто оказались без покровительства со стороны государственной власти, заметно затруднена. Получается, что противодействие коррупции со стороны общественных структур, которым надлежит быть автономными, этого важного качества лишены, а механизмы внутригосударственного контроля действуют избирательно и неэффективно» [3, с. 27]. Более того, как полагают некоторые политологи, «в России не достигнут тот уровень развития гражданского общества, который позволяет ему выступать самостоятельно как равноправному партнеру государства» [4, с. 39 - 40].

Что же тогда будет положено в основу «баланса» между государственным и общественным компонентами системы *обеспечения прозрачности и ответственности* в среде отечественной политической элиты? Как-то слабо верится в эффективность подобного балансирования между «партнёрами», не вполне равноправными изначально. Надо полагать, такой «баланс» будет лишь некоторой видимостью, способной на какое-то время скрыть абсолютную зависимость институтов гражданского общества от воли государства.

Думается, что ответ на поставленный выше вопрос не может быть однозначным. Например, выдвигается гипотеза о поэтапном (постепенном, осторожном – С.В.) характере формирования системы противодействия коррупции. «...На первом этапе формирования комплексной межотраслевой системы противодействия коррупции следует уделить особое внимание *достижению баланса* между конституционно-правовыми нормами, призванными обеспечивать *деятельность государства по самоочищению*, и предписаниями, позволяющими институтам гражданского общества участвовать в борьбе с коррупцией. Достижение такого баланса является залогом демократической модернизации российского общества» [3, с. 30]. Это несомненно привлекательное предложение, но опять о том же: позволяют ли *рамки такого «баланса»* обеспечить реальную *деятельность государства по самоочищению*, а институтам гражданского общества *эффективно участвовать* в борьбе с коррупцией?

В научной литературе отмечается [1], и на это обращает внимание И.П. Кененова, что «в результате **персонализации** правления неизбежно происходит ухудшение качества властных институтов и рост коррупционных рынков, поскольку на смену легальным «правилам игры» в политической сфере приходят *скрытые от общества правила*, которые устанавливаются патронатными сетями, вытесняющими формальные институты власти. Эти новые «правила игры» обеспечивают лояльным группам привилегированный доступ к общественным ресурсам, что в долгосрочной перспективе ведет к деградации социальных институтов (реализовать *свои интересы* граждане могут только через доступ к патронатной сети) и снижению уровня доверия общества к власти» [3, с. 31].

Надо полагать, что здесь также речь идёт о некотором достигнутом «балансе» между обществом (гражданами) и институтами власти, поскольку эти отношения уже достаточно устойчивы и стабильны, их крайне сложно изменить. Но этот «баланс» явно сбалансирован в пользу институтов публичной власти, позволяя им обеспечивать реализацию интересов граждан *только через доступ к патронатной се-*

ти, когда граждане *крайне зависимы* в рамках таких «соглашений». Здесь можно говорить о доступе на условиях, определяемых (= диктуемых) институтами публичной власти, а лояльность становится неотъемлемым элементом системы такого балансирования.

Есть уже и реальные примеры попыток «самоочищения»: «...Российское Правительство, «откликнувшись» на ... «дискуссию о прозрачности» между СМИ и руководством крупнейших ОАО с государственным участием, приняв 25 марта 2015 года Постановление № 276 «О внесении изменений в Постановления Правительства Российской Федерации от 22 июля 2013 года № 613 и от 18 декабря 2014 года № 1405» [7], уточнило перечень руководящих сотрудников организаций, созданных для выполнения задач, поставленных перед Правительством, сведения о доходах, расходах и имуществе которых (их супругов и несовершеннолетних детей) размещаются на официальных сайтах организаций в сети Интернет и предоставляются общероссийским СМИ для опубликования. Из этого перечня *было исключено* (выделено мной – С.В.) руководство коммерческих компаний с государственным участием, однако обязанность этих лиц представлять соответствующие сведения в Правительство сохранилась. Упомянутое решение получило обширный публичный резонанс. ... Пресс-секретарь главы Правительства РФ Н. Тимакова ... объяснила, что руководители компаний с государственным участием «в строгом смысле не являющиеся госслужащими, а являются представителями коммерческого бизнеса» и, будучи участниками коммерческого рынка, должны быть освобождены от необходимости декларировать публично свои доходы, сведения о которых составляют коммерческую тайну» [8].

Комментируя вышесказанное, И.П. Кененова справедливо замечает, что «затруднения, которые испытывали представители ведущей группы политической элиты в ходе применения антикоррупционного законодательства «по отношению к себе», привели не к разрешению данной проблемы по существу, а к переводу ее с правового на политический уровень. Правовые предписания о прозрачности движения средств представителей элиты были заменены политическими установками, «снимающими» саму необходимость правового разрешения данной проблемы и тем самым выводящими ее из «зоны видимости» для гражданского общества. Такая забота о конфиденциальности доходов коммерсантов, ведущих бизнес в государственных интересах, скорее является подтверждением существования **патронатных сетей**, чем озабоченности государства защитой прав субъектов хозяйственного оборота» [3, с. 33].

Вот такой любопытный «частный» пример «балансировки» процесса и разрешения проблем отношений с гражданским обществом! Получается, что некоторые проблемы «разрешаются» не путём поиска инструментов, способов их реального решения по существу, а посредством их властного «снятия» и вывода из «зоны видимости» гражданского общества, которое *не в состоянии обязать* государство к соответствующей отчётности. В конечном счете, это стимулирует ещё более *глубоко законспирированную* «закрытость» публичной власти.

Далее автор предлагает некоторые рекомендации по совершенствованию прозрачности и ответственности институтов публичной власти: «для того чтобы представители политической элиты «научились» применять правовые предписания о прозрачности и ответственности к себе, не соблазняясь желанием сделать их нормы более «комфортными», требуется, как показывает практика, в первую очередь обеспечить *прозрачность отбора кадров по меритократическому принципу*» (выделено мной – С.В.) на руководящие должности в системе исполнительной власти. Сложившийся к настоящему времени способ отбора воспринимается самими государственными служащими как неэффективный. При этом именно **низкий уровень нравственных характеристик** государственных служащих они же сами и рассматривают [10] в качестве главного фактора, порождающего коррупцию» [3, с. 34].

Здесь есть определенное пространство для критики, вытекающей из некоторой нелогичности общей картины. Как нам представляется, именно сложившийся к настоящему времени способ кадрового отбора *вполне устраивает* институты публичной власти в основном, поскольку позволяет формировать их так, как это необходимо для укрепления *порядка патронатных сетей*. Вполне возможно, что с точки зрения профессиональных качеств всё это воспринимается самими государственными служащими как неэффективное, но это *вполне устраивает их* в рамках уже сформировавшейся системы клиентско-патронских связей. Да и низкий уровень нравственных характеристик государственных служащих просто *необходим* патронатным сетям и *наиболее адекватен* отношениям в их рамках, неизбежно усиливая зависимость *от личных связей, но не от деловых, профессиональных качеств*. И то, что низкий уровень нравственных характеристик рассматривается в качестве главного фактора, порождающего коррупцию, не всегда является препятствием для таковой, поскольку сама коррупционная составляющая в известной мере востребована как эффективный инструмент укрепления патронажа. Это подтверждается тем, что государство стремится «к избирательному применению антикоррупционных мер ...», в среде политической элиты *под прикрытием антикоррупционных целей* практикуются методы неправомерной политической и экономической конкуренции» [3, с. 34].

Серьезная проблема нашей страны – отсутствие развитых институтов гражданского общества, способных реально конкурировать с государством, обеспечивая свою сферу ответственности, ограничивая государственный произвол там, где он при определенных обстоятельствах может проявляться. Вот мне-

ние ряда авторов, цитируемое И.П. Кененовой [3, с. 34], согласно которому «результаты изучения реального уровня гражданского участия в России показывают, что больше половины отечественных общественных объединений можно считать несамостоятельными и в этом смысле - **имитационными структурами**. Причем данные структуры заняли доминирующее положение по отношению к **реальным общественным объединениям**, получая государственную помощь (финансовую, организационную и правовую) и представляя, по существу, «официальный образ» гражданского общества. Тогда как усилия свободных от государственного патроната гражданских активистов не опираются на достаточную материальную базу, их объединениям сложнее привлечь необходимые ресурсы» [2, с. 97].

Обратим внимание на те выводы, которые сделаны И.П. Кененовой. По её мнению, «ситуация в сфере борьбы с коррупцией показывает, что внутригосударственным институтам (даже при наличии «политической воли», поддерживающей их) *без корректирующих усилий* (выделено мной – С.В.) гражданских активистов зачастую затруднительно «применить закон к себе». ...Представляется, что *без продуктивного диалога* (выделено мной – С.В.) с институтами гражданского общества государству не удастся «запустить» механизм внутреннего аудита системы власти в легальном и прозрачном режиме» [3, с. 35].

Можно вполне согласиться с автором в том, что публичная власть не очень-то стремится «очищаться», поскольку, как уже отмечалось выше, более очевидным является «стремление к избирательному применению антикоррупционных мер», а также то, что «в среде политической элиты под прикрытием антикоррупционных целей практикуются методы неправомерной политической и экономической конкуренции». Можно предположить, что институты публичной власти успешно приспособились к реалиям сегодняшнего дня, имея возможность использовать инструменты антикоррупционной борьбы в своих частных интересах и такой порядок вещей их вполне устраивает.

Таким образом, считает И.П. Кененова, «государство не только инициирует и осуществляет правовое регулирование гражданской активности в сфере противодействия коррупции, но и непосредственно руководит ею (будь то лидерство Президента в общественной организации или подотчетность общественного формирования государству), что стало продолжением давней российской традиции, состоящей в том, что большая часть изменений в управлении, включая модернизацию, инициируется «сверху», с использованием государственной власти в качестве основного рычага [6]. *Возникает внутреннее противоречие между усилиями общества по преодолению коррупции и его почти абсолютной зависимостью в решении данной задачи от воли государства* (выделено мной – С.В.)» [3, с. 34 - 35].

Как нам представляется, при таких обстоятельствах российских реалий сложно рассчитывать на «продуктивный диалог» с институтами гражданского общества и на возможность «корректирующих усилий» гражданских активистов. Уж слишком не равноправны стороны в отношениях такого рода.

Реальное самоочищение и желание «прозрачности» появятся тогда, когда *в них будут заинтересованы* сами институты публичной власти. Это, пожалуй, свершится, если, во-первых, потребность в профессионализме государственных служащих реально выйдет на первое место, а критериями деятельности институтов публичной власти станут настоящая эффективность и реальный результат, а не количество административных регламентов.

Во-вторых, следует смоделировать такую ситуацию, при которой институты публичной власти «вынуждены» будут искать компромисс (= договариваться) с институтами гражданского общества по поводу, например, условий сбалансированности (= степени представленности) интересов тех и других в совместной деятельности и тем самым *привлекать ресурс* гражданского общества, позволяющий совершенствовать власть. Можно предположить такую ситуацию, при которой институты публичной власти не смогут принимать решения (такой сформирован порядок!) без участия институтов гражданского общества и при этом – участия решающего в сфере своей ответственности.

1. Васильева В.М., Воробьев А.Н. Коррупционные рынки // ПОЛИС. Политические исследования. 2015. № 2. С. 78 - 96.
2. Какабадзе Ш.Ш., Зайцев Д.Г., Звягина Н.А., Карастелев В.Е. Институт гражданского участия: проверка деятельности субъектов // ПОЛИС. Политические исследования. 2011. № 3. С. 88 - 108.
3. Кененова И.П. Трудно ли элитам применить закон к себе? // Сравнительное конституционное обозрение. 2017. № 1. С. 15 - 36.
4. Морев М.В., Каминский В.С. О государственном управлении на современном этапе развития российского общества // Социологические исследования. 2015. № 10. С. 39 - 48.
5. Назаров Н.С. О некоторых особенностях становления постсоветских партийных систем // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология. 2013. Т. 27. № 15 (158). С. 160 - 163.
6. Олейник А.Н. Преемственность и изменчивость преобладающей модели власти: «эффект колен» в российской истории // Общественные науки и современность. 2011. № 1. С. 52 - 66.
7. Постановление Правительства Российской Федерации № 276 от 25 марта 2015 года «О внесении изменений в Постановление Правительства Российской Федерации от 22 июля 2013 года № 613 и от 18 декабря 2014 года № 1405» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2015. № 14. Ст. 2122.
8. См.: URL: <http://www.interfax.ru/business/433157> (дата обращения: 05.11.2016).
9. Сунгуров А.Ю., Тиняков Д.К. Административная реформа и ее проекты в современной России: были ли коалиции поддержки // Общественные науки и современность. 2016. № 2. С. 39 - 51.
10. Тавокин Е.П., Шишова Ж.А., Широкова О.В. Коррупция в органах российской государственной власти // Социологические исследования. 2014. № 5. С. 80 - 88.

МЕСТО И РОЛЬ ПРАВА НА ОБРАЗОВАНИЕ В СИСТЕМЕ ОСНОВНЫХ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА

О.Е. Калпинская (Новгород, Россия)

В целом, рассматривая классификацию прав человека, можно увидеть отсутствие единого мнения о месте права на образование в системе прав и свобод личности.

Одни авторы (Е. А. Лукашева, М. Н. Марченко [1, с. 106][2, с.182] [3, с.273], относят право на образование к культурным правам, аргументируя это тем, что культурные права гарантируют духовное развитие человека, помогают каждому индивиду стать полезным участником политического, духовного, социального и культурного прогресса.

По нашему мнению, право на образование нельзя относить к культурным правам, т. к. последние можно рассматривать как права на пользование культурно-духовным наследием, ценностями, накопленными в обществе, на формирование духовного мира личности. А право на образование дает возможность участвовать в процессе обучения и воспитания в интересах личности, общества, государства, и самое главное, оно сопровождается констатацией достижения гражданином (обучающимся) определенных государством образовательных уровней (образовательных цензов). То есть, если говорить о категории культурных прав и месте права на образование, то речь должна идти скорее о праве на самообразование как естественном праве человека.

В то же время другие исследователи, например Е. А. Кутафин [4, с.241], А. Д. Гусев и Я. С. Яскевич [5, с. 108-109], Л. Д. Воеводин [6, с. 98] предлагают относить право на образование в группу социально-экономических прав.

Что же представляют собой такого рода социально-экономические права с точки зрения юридической науки? Перед нами не права, имеющие непосредственно юридическое значение, действие и охрану, не идеологические и не политические категории, которые представляют собой идеалы, намерения, которые можно определить как принципы деятельности государства, выступающего в качестве института «общественного служения». В отношении граждан они могут быть обозначены как общие публичные права [7, с. 579-581] – права именно в политическом ракурсе, т. е. граждане получили возможность требовать от государства через политико-правовые институты его действий в области «общественного служения» обеспечения достойного уровня жизни, создания условий для обучения, охраны здоровья и пр. При этом для того, чтобы эти права получили реальное, не общеполитическое, а непосредственно-юридическое значение, действие и охрану в отношении граждан, необходимо, по крайней мере, наличие неперемennых условий.

Во-первых, само общество должно достигнуть достаточно высокого уровня материального и духовного развития, богатства. По словам Е. А. Лукашевой, «накопление народного богатства» является неперемennым условием реальности осуществления социальной функции государства и становления гражданского общества [1, с. 121,122].

Во-вторых, принципы, идеалы, общепубличные права должны быть, по выражению Л. Дюги, «переведены» на уровень конкретных юридических прав и обязанностей в области образования, которые могут быть реализованы при помощи юридических средств, обеспечены государственно-правовыми институтами.

Образование как социальный институт используется государством для экономического развития. Поскольку современная экономика поставлена в прямую связь с научно-техническим прогрессом, это приводит к массовому порождению новых отраслей промышленности и техники. Следовательно, к необходимости большей интеллектуализации производства. Поэтому эффективность промышленного производства ныне в целом существенно определяется развитием науки и уровнем высшего образования. А обеспечение его функционирования требует все более образованного и специально подготовленного персонала. Соответственно, решение этих задач, являясь прямым интересом современного государства, которому нужны гарантии собственной стабильности, становится невозможным без обеспечения и гарантирования права на образование.

В некоторых исследованиях образование понимается как «важнейшая подсистема экономических отношений, представляющая собой многоуровневую, дифференцированную сферу духовного производства, осуществляющую систематическое обучение, воспитание членов общества, передачу и модернизацию знаний, закрепление навыков и формирование личностных качеств, согласно главной цели общества – всестороннего гармоничного развития [8, с.39]. На наш взгляд, это вполне закономерно, так как в результате процесса получения образования формируется такой неотъемлемый элемент экономической системы, как человеческий капитал. Следовательно, право на образование имеет важное, определяющее значение для развития системы экономических отношений и надлежащей реализации экономических прав личности.

Соотношение права на образование и социальных прав выражается прежде всего в том, что право на образование относится к группе социальных прав и свобод личности.

Реализация данного права способствует достижению человеком достойного уровня своей жизни, становлению активной ответственной личности в рамках конкретного общества и государства. Кроме того, гарантированность общедоступности и бесплатности образования свидетельствует о социальной защи-

щенности индивида со стороны государства. Образование является конкретным социальным благом, пользование которым регламентируется нормативными правовыми актами, исходящими от государства.

Кроме того, поскольку образование является одним из факторов выбора жизненного пути, то оно является и фактором воспроизводства социальной структуры общества. Либерально-уравнистские представления о школе как о всеобщем «социальном уравнителе», особенно распространенные в 60–70-е годы в США, не выдержали столкновения с реальностью, не имея достаточной материальной базы. Общество оказалось не готово к реализации этих идей на практике.

Наоборот, анализ социально-профессиональных категорий, пристально проводимый уже не одно десятилетие французскими учеными, показывает не только воспроизводство прежней социальной структуры, как это было в предшествующие века, когда уровень, формы и места получения образования соответствовали социально-групповой определенности населения. Но и выявили в современности объективный процесс формирования новых социальных групп на основе таких признаков, как профессия, участие в разделении труда, специфика трудовой деятельности, образование. Это обуславливает для членов одной категории наличие одного социального пространства и сходного образа жизни. В соответствии с этим, они не только имеют общую профессиональную деятельность, но и поддерживают личностные контакты, имеют схожие взгляды и поведение, а также идентифицируют себя с данной социальной группой. Таким образом, профессиональная стратификация содержит в себе элемент социальной иерархии, а принадлежность к профессии определяет место человека в системе социальных отношений [9].

Это значит, что своей конкретной политикой государство может сохранять устойчивые социальные группы, улучшать их социально-экономическое положение, способствовать процветанию или противостоять их деградации. Социальное структурирование, в зависимости от проводимой им политики, может углубляться или, наоборот, сглаживать различия. Объективной основой одного из приемов осуществления той или иной политики может выступать то обстоятельство, что число вакансий, которые может предложить в данный момент общество, всегда ограничено. Поэтому одни занятия могут быть преподнесены молодым людям как более предпочтительные, чем другие.

Взаимодействие социальных прав и права на образование проявляется также в главной цели их реализации – достижении достойного уровня жизни человека. Главным условием достижения указанной цели является получение образования.

В новых социально-экономических условиях многие люди добровольно или вынуждено сменили свою профессию (например, по схеме «работник госпредприятия – безработный – переучивающийся – работник частного предприятия»). В нашем посткоммунистическом обществе, как и на Западе, социальная мобильность все в меньшей степени зависит от социальных характеристик семьи и во все возрастающей мере определяется образованием индивида.

1. Лукашева Е. А. Общая теория прав человека. М., 2000.
2. Теория государства и права: Курс лекций / Под ред. М. Н. Марченко. М., 1998.
3. Общая теория государства и права: Академический курс / Под ред. М. Н. Марченко. Т. 1. М, Зерцало, 2000.
4. Козлов Е. И., Кутафин О. Е. Конституционное право России: Учебник. М.: Юрист, 1998.
5. Права человека: Учебное пособие / Под ред. А. Д. Гусева, Я. С. Яскевича. Минск, 2002.
6. Воеводин Л. Д. Юридический статус личности в России. М., 1997.
7. Кистяковский Б. А. Социальные науки и право. Очерки по методологии социальных наук и общей теории права. М., 1916. С. 579–581.
8. Кравцова Ж. В. Образование как фактор формирования человеческого капитала в современной рыночной экономике: Дис. ... канд. эконом. наук. Краснодар, 1999.
9. Лапина Н. Ю. Динамика социального развития в современной Франции (социокультурные аспекты): Научно-аналитический обзор. М., 1993.

ОСОБЕННОСТИ ПРИМЕНЕНИЯ АДМИНИСТРАТИВНОГО ЗАДЕРЖАНИЯ КАК МЕРЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРОИЗВОДСТВА ПО ДЕЛАМ ОБ АДМИНИСТРАТИВНЫХ ПРАВОНАРУШЕНИЯХ

Е.В. Зыкина (Псков, Россия)

Одной из мер обеспечения производства по делам об административных правонарушениях является административное задержание. Особенностью данной меры, предусмотренной ст. 27.3. КоАП РФ[1] является то, что осуществление административного задержания влечет ограничение конституционных прав, таких как:

- на свободу передвижения (ч. 1 ст. 27 Конституции РФ) [2];
- на свободу и личную неприкосновенность (ч. 1 ст. 22 Конституции РФ);
- а также всех тех прав, свобод и законных интересов, которые не могут быть реализованы и (или) осуществлены при ограничении свободы передвижения, свободы и личной неприкосновенности.

По своей сущности и содержанию административное задержание является мерой административно-процессуального принуждения и нередко - логическим продолжением доставления, однако в отличие от него:

- связано с кратковременным (по общему правилу, не более трех часов (ч. 1 ст. 27.5 КоАП РФ)) ограничением свободы;

- применяется только к физическим лицам (поскольку ограничение свободного оборота материальных объектов предусмотрено самостоятельными мерами обеспечения производства, в частности, применением изъятия вещей и документов (п. 4 ч. 1 ст. 27.1 КоАП РФ), задержания транспортного средства (п. 7 ч. 1 ст. 27.1 КоАП РФ), ареста товаров, транспортных средств и иных вещей (п. 8 ч. 1 ст. 27.1 КоАП РФ));

- применяется в исключительных случаях - однако, как показывает практика, столь общего указания, которое связано с усмотрением лица, уполномоченного осуществить задержание, для обеспечения законности производства по делам об административных правонарушениях явно недостаточно. Вопрос о том, что понимать под исключительными случаями, выступающими в качестве основания применения административного задержания, в КоАП РФ не раскрыт ни в каком объеме. Анализ позволяет сделать вывод, что в качестве исключительных наиболее часто выступают следующие ситуации:

- отсутствие у правонарушителя документов, удостоверяющих личность;
- сомнения в подлинности и достоверности представляемых документов;
- оказание неповиновения законному распоряжению должностного лица;
- нежелание доставленного в специальное помещение правонарушителя отвечать на поставленные вопросы;

- предоставление правонарушителем недостоверных сведений;

- попытки ввести должностное лицо, составляющее протокол, в заблуждение и т.п.;

- направлено на достижение таких целей, как:

- а) правильное и своевременное рассмотрение дела об административном правонарушении;

- б) исполнение постановления по делу об административном правонарушении.

Перечень целей является исчерпывающим (закрытым), поэтому очевидно, что применять административное задержание в других целях нельзя. Однако здесь необходимо выделить два аспекта:

- поскольку «правильное и своевременное рассмотрение дела об административном правонарушении» является широко сформулированной правовой конструкцией, то задержание может применяться в том числе и для одновременного достижения тех же целей, что и доставление - составление протокола об административном правонарушении при невозможности его составления на месте выявления административного правонарушения, так как без данного процессуального акта невозможно ни рассмотрение дела, ни вынесение решения по нему, а следовательно, невозможно и достижение основных целей задержания;

- при достижении обозначенных целей задержания при необходимости могут решаться и цели, прямо не указанные в статье - установление личности нарушителя и пресечение административного правонарушения.

Несмотря на некоторую общность, понятие «административное задержание» нельзя отождествлять с фактическим ограничением свободы физического лица, которое происходит и при применении некоторых других обеспечительных мер, например при доставлении, приводе, личном досмотре. Важно подчеркнуть, что фактически задержанный уполномоченными должностными лицами субъект (например, при личном досмотре) и доставляемый в специальное помещение (например, при приводе, доставлении) не может считаться административно задержанным, поскольку только с момента помещения задержанного в специально отведенное помещение, или установления точного времени доставления (начального момента задержания), или оформления соответствующего процессуального документа (протокола) возникает административно-процессуальный статус задержанного.

Анализ нормы показывает, что административное задержание может осуществляться только при наличии административного правонарушения. Поэтому имеющаяся практика задержания лиц, не имеющих при себе документов, удостоверяющих их личность (если только лицо не пребывает в местности, в которой установлен специальный административный режим, запрещающий нахождение лиц вне дома без документов, удостоверяющих их личность), является незаконной.

Кроме того, административное задержание не должно производиться прималозначительности административного правонарушения, целесообразности его пресечения другими способами, возможности установить его обстоятельства и личность нарушителя на месте совершения правонарушения, наличии оснований для назначения административного наказания в виде предупреждения или штрафа, взыскиваемого на месте совершения правонарушения и т.п.

В судебной практике подчеркивается, что административное задержание может считаться законным лишь в том случае, если оно осуществляется в целях, определяемых предписаниями Конституции РФ и Конвенции о защите прав человека и основных свобод, необходимо для их достижения и является соразмерным. Следовательно, такое административное задержание не может быть признано законным, если оно применялось должностным лицом хотя и в рамках установленных законом полномочий, но с на-

рушением указанных целей и критериев, при отсутствии достаточных оснований, произвольно или тем более сопровождалось злоупотреблением властью[3].

В законодательстве установлены категории лиц, которые не могут быть подвергнуты административному задержанию:

- Президент РФ (ст. 91 Конституции РФ);
- Президент РФ, прекративший исполнение своих полномочий[4];
- члены Совета Федерации и депутаты Государственной Думы Федерального Собрания РФ[5];
- судьи [6];
- прокуроры [7];
- иностранные граждане, пользующиеся дипломатическим иммунитетом и предъявившие в подтверждение этого соответствующий документ (дипломатический паспорт, дипломатическую или консульскую карточку и т.д.).

Согласно ст. 2.6 КоАП РФ вопрос об административной ответственности иностранного гражданина, пользующегося иммунитетом от административной юрисдикции Российской Федерации в соответствии с федеральными законами и международными договорами Российской Федерации и совершившего на территории Российской Федерации административное правонарушение, разрешается в соответствии с нормами международного права. Такие нормы содержатся, например, в Венской конвенции о дипломатических сношениях [8].

В группу данных лиц входят:

- главы иностранных дипломатических представительств (послы, посланники, поверенные в делах), члены дипломатического персонала (советники, торговые представители, военные атташе, иные должностные лица, первые, вторые и третьи секретари посольств и некоторые другие лица, входящие в состав дипломатического персонала), члены их семей;
- консульские представители и определенный круг консульских должностных лиц, а также члены их семей;
- полномочные представители международных организаций универсального характера (ООН, ее специализированных учреждений и др.).

В ст. 22 ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации»[9].установлен особый порядок регистрации иностранных граждан, имеющих дипломатические привилегии и иммунитеты, и членов их семей. Следует также отметить, что в соответствии с международными обычаями и взаимными договоренностями государств иммунитетом от административной юрисдикции (следовательно, и от административного задержания) пользуются члены государственных, парламентских, правительственных делегаций при осуществлении официальных визитов в Российскую Федерацию.

В случае доставления и последующего задержания таких лиц, если их личность не могла быть установлена до доставления (например, при отсутствии документов, при нахождении в состоянии опьянения), они подлежат немедленному освобождению.

1. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 31.12.2017) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 1 (ч. 1). Ст. 1.
2. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12.12.1993: с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ) // Собрание законодательства РФ. 2014. № 31. Ст. 4398.
3. Апелляционное определение Свердловского областного суда от 26 июня 2014 г. по делу № 33-7653/2014 // СПС «КонсультантПлюс».
4. Федеральный закон РФ от 12.02.2001 № 12-ФЗ (ред. от 21.07.2014) «О гарантиях Президенту Российской Федерации, прекратившему исполнение своих полномочий, и членам его семьи»// Собрание законодательства РФ. 2001. № 7. Ст. 617.
5. Федеральный закон РФ от 08.05.1994 № 3-ФЗ (ред. от 29.07.2017) «О статусе члена Совета Федерации и статусе депутата Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 1999. № 28. Ст. 3466.
6. Закон РФ от 26.06.1992 № 3132-1 (ред. от 05.12.2017) «О статусе судей в Российской Федерации» // Ведомости СНД и ВС РФ. 1992. № 30. Ст. 1792.
7. Федеральный закон РФ от 17.01.1992 № 2202-1 (ред. от 31.12.2017) «О прокуратуре Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 1995. № 47. Ст. 4472.
8. Венская конвенция о дипломатических сношениях: заключена в г. Вене 18.04.1961 // Ведомости ВС СССР. 29 апреля 1964 г. № 18. Ст. 221.
9. Федеральный закон РФ от 25.07.2002 № 115-ФЗ (ред. от 31.12.2017) «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2002. № 30. Ст. 3032.

ВСТРЕЧНЫЙ ИСК ПО ДЕЛАМ С УЧАСТИЕМ ПРОКУРОРА В ГРАЖДАНСКОМ И АДМИНИСТРАТИВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ

И.И. Головки (Санкт-Петербург, Россия)

При подготовке к участию в судопроизводстве прокурорским работникам и обучении студентов важно акцентировать внимание на вопросах, возникающих в практике, но не в полной мере регламентированных нормативными правовыми актами. Одним из таких сложных вопросов является предъявление встречного иска по делам, в рассмотрении которых принимает участие прокурор.

Право ответчика защищаться от первоначального иска возражениями и встречным иском было закреплено в нормативных актах и выступало предметом исследования ученых-правоведов от дореволюционного периода и до настоящего времени.

Уже Соборное уложение 1649 г. содержит нормы о встречных прошениях; согласно Устава гражданского судопроизводства 1864 г. ответчик также наделен правом заявить встречный иск (ст. 340).

В России должности генерал-прокурора и обер-прокурора при Сенате, а также должности прокуроров в коллегиях были учреждены Указом Петра I от 12.01.1722 г. Прокуроры надзирали за законностью деятельности и решений Сената и коллегий, исполнением их решений.

Указ Сената «Учреждения для управления губерний Всероссийской империи» 1775 г. определил систему органов прокуратуры под началом генерал-прокурора, подчинил ему губернского прокурора, а последнему – прочих прокуроров. В судах прокуроры сохранили право осуществлять надзор за исполнением законов, давать заключения о смысле закона и по спорам о подсудности (ст.ст. 404-405 «Учреждений»), стали давать заключения по делам о защите казенного интереса (ст.ст.407-408 «Учреждений»).

Полномочия прокурора по защите прав и интересов иных лиц были определены Уставом гражданского судопроизводства 1864 г.: закреплено право прокурора инициировать рассмотрение дел в интересах казны, безвестно отсутствующих, опекаемых, несовершеннолетних (ст.ст. 343, 345-346, 1451, 1460.13, 1776 УГС); давать заключения по делам об объявлении безвестно отсутствующим, об установлении опеки, об исправлении акта гражданского состояния, о взыскании сумм за вред и убытков, причиненных решениями должностных лиц, судей, прокуроров (ст. ст.1457, 1460.17, 1652, 1325, 1331-1336 УГС).

С учетом норм, наделяющих прокурора полномочиями в судопроизводстве, и ст. 340 УГС позволяют сделать вывод, что прокурор вправе предъявлять не только первоначальный иск в защиту иных лиц, но и встречный иск.

Ученые дореволюционного периода не анализировали вопросы участия прокурора в судопроизводстве в аспекте предъявления встречного иска. Практика предъявления прокурору или прокурором встречного иска и рассмотрения его судом не получила широкого распространения.

После революции 1917 года Декрет «О суде» № 2 в 1918 г. отменил встречный иск (п. 12).

Встречный иск вернулся в гражданский процесс в соответствии с примечанием к ст. 81 ГПК РСФСР, введенного в действие постановлением ВЦИК от 10.07.1923 г.

Также ГПК РСФСР наделил прокурора правом инициировать разбирательство и вступать в дело для защиты интересов государства и трудящихся (ст. 2). При этом ГПК РСФСР не запрещал прокурору предъявить встречный иск в интересах государства и трудящихся.

Положение о прокуратуре СССР, утвержденное Постановлением ЦИК и СНК СССР от 17.12.1933 г. (п. 6), «Положение о прокурорском надзоре в СССР», утвержденное Указом Президиума ВС СССР от 24.05.1955 г. (ст.ст. 22-25) закрепили широкие правозащитные полномочия прокурора: право предъявления исков в защиту государства и общества, прав граждан без ограничения категорий дела; участие в рассмотрении судами гражданских дел без ограничения категорий дела для дачи заключения по делу.

Таким образом, надлежит сделать вывод о возможности предъявления встречного иска прокурором; вопрос предъявления встречного иска прокурору не был регламентирован гражданским процессуальным законодательством и не анализировался в научных работах этого периода.

В 1951 г. Клейн Н.И. высказала мнение, что если первоначальный иск предъявлен прокурором, то при предъявлении встречного иска ответчиком по нему будет не прокурор, а лицо, в защиту которого предъявлен иск; прокурор также вправе предъявить встречный иск [4, с. 20].

Согласно Закона СССР «Об утверждении Основ гражданского судопроизводства Союза ССР и союзных республик» от 08.12.1961 г. (ст.ст. 6, 29, 34), ГПК РСФСР 1964 года (ст. ст. 4, 12, 41) прокурор наделен правом обращения в суд с заявлением в защиту прав и охраняемых законом государства или общества, прав граждан, а также правом вступления в дело на любой стадии процесса для дачи заключения. Кроме того, участие прокурора могло быть обязательным в силу закона либо суд по собственной инициативе мог признать такое участие обязательным. Как участвующее в деле лицо

прокурор наделен соответствующими процессуальными полномочиями (ст. ст. 29, 30), в число которых надлежит включить право предъявления встречного иска до момента вынесения решения суда для совместного рассмотрения с первоначальным иском (ст.ст. 131-132).

При подготовке ГПК РФ полномочия прокурора были сокращены, отменен надзор прокурора в судопроизводстве, ограничено право обращения прокурора в суд определенными категориями дел. В дальнейшем Федеральный закон от 05.04.2009 г. № 43-ФЗ «О внесении изменений в статьи 45 и 131 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации» расширил круг полномочий прокурора, закрепил право обращения в суд с иском в защиту граждан в области трудовых, семейных, жилищных и иных социальных правоотношений без ограничений.

Прокурор вступает в процесс и дает заключение по делам о выселении, о восстановлении на работе, о возмещении вреда, причиненного жизни или здоровью, в иных случаях, предусмотренных ГПК РФ и другими федеральными законами (ч. 3 ст. 45 ГПК РФ).

В соответствии со ст.ст. 34, 35 ГПК РФ прокурор – участвующее в деле лицо, в связи с отсутствием указания на ограничение в данном праве для прокурора надлежит сделать вывод о том, что прокурор вправе предъявить встречный иск на основании ст. 137 ГПК РФ.

В науке данный вопрос не нашел единообразного разрешения. Так, Арсанукаева М. С., Егорова Л. В., Рузакова О. А., Петрушкин В. А., Шакирьянов Р. убеждены в невозможности предъявления встречного иска прокурору [1; 2; 7; 6, с. 121; 8].

Право прокурора на предъявление встречного иска в защиту интересов иного лица признается одними учеными (Комаров И. С. [5, с. 8]), другие – считают вопрос дискуссионным (Егорова Л. В. [2]).

Аналогичные положения закреплены в ст.ст. 40, 41, 132 АПК РФ, ст.ст. 37-39, 131 КАС РФ о праве прокурора как процессуального истца, как участвующего в деле лица предъявить встречный иск.

В настоящее время судебная практика не обширна, как правило, прокурором предъявляется встречный иск для защиты прав иных лиц (например, определение Верховного Суда РФ от 16.02.2016 г. № 4-КГ15-69).

Суды общей юрисдикции и арбитражные суды сформировали мнение, что предъявление встречного иска прокурору невозможно, но возможно – лицу, в интересах которого предъявлен иск прокурора¹.

Также представляется важным законодательное решение вопроса, который затруднял рассмотрение дел судами, и разрешен Конституционным Судом РФ в Определениях от 25.02.2013 г. № 200-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Хомякова Максима Александровича на нарушение его конституционных прав положением части третьей статьи 45 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации», от 21.04.2005 г. № 193-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Елаева Ивана Александровича на нарушение его конституционных прав положениями статей 45 и 392 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации и статей 447 и 448 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации». В соответствии с правовой позицией Конституционного Суда РФ, высказанной в указанных актах, прокурор в случае участия в деле для дачи заключения не вправе предъявлять встречный иск.

Во многом сходно законодательное регулирование предъявления и рассмотрения встречного иска по гражданским делам с участием прокурора в Республике Беларусь.

Согласно ст. 125 Конституции Республики Беларусь от 15 марта 1994 г. № 2875 – XII, ст.ст. 4, 26 Закона Республики Беларусь от 08.05.2007 г. №220-3 «О прокуратуре Республики Беларусь», ст. 23 Гражданского процессуального кодекса Республики Беларусь от 11.01.1999 г. № 238-3, прокуратура осуществляет надзор за законностью, обоснованностью решений по гражданским делам и соблюдением законодательства при их исполнении. Прокурор является участником гражданского судопроизводства (ст. 54 ГПК), наделен правами и обязанностями участвующего в деле лица (ст. ст. 56, 81, 83 ГПК).

На основании ст. ст. 60, 253 ГПК Республики Беларусь ответчику принадлежит право предъявления встречного иска.

Хозяйственный процессуальный кодекс Республики Беларусь от 15.12.1998 г. № 219-3 в ст. 66 указывает, что прокурор, предъявивший иск, пользуется процессуальными правами и несет процессуальные обязанности истца, за исключением права на заключение мирового соглашения. Истцом в этом случае является лицо, в защиту интересов которого предъявлен иск.

Следовательно, прокурор прямо не исключен из круга лиц, наделенных правом предъявления встречного иска.

Имеется и противоположное мнение, что встречный иск может быть заявлен лишь в защиту не чужого, а только своего права, которое, по мнению ответчика, нарушает первоначальный истец, прокурор не может заявить встречный иск (Каменков В. С. [3]).

Однако как показали результаты изучения судебной практики в России, право прокурора на предъявление встречного иска судами признается. Известно, как сложно незащищенным категориям граждан воспользоваться юридической помощью, а в этой ситуации прокурор – единственный, кто защищает их права.

Итак, как показали результаты изучения истории развития и современного состояния законодательства, предъявление встречного иска регламентировано ранее и в настоящее время не исчерпывающим образом, что вызывает определенные сложности при рассмотрении судами споров с участием прокурора и требует законодательного разрешения.

Учитывая, что практика предъявления встречных исков по делам, в рассмотрении судом которых участвует прокурор, формируется, рассмотренным вопросам надлежит уделить внимание при изучении и преподавании юридических дисциплин студентам и прокурорским работникам.

1. Арсанукаева М. С. Некоторые проблемы унификации законодательства, регулирующего участие прокурора в гражданском и арбитражном процессе / М. С. Арсанукаева // Юстиция. – 2016. – № 1. – С. 78–87.
2. Егорова Л. В. Лица, заявляющие встречный иск / Л. В. Егорова // Актуальные проблемы российского права. – 2013. – № 3. – С. 312–318.
3. Каменков В. С. Встречный иск – не только средство защиты ответчика / В. С. Каменков // Российская юстиция. – 2009. – № 5. – С. 2–5.
4. Клейн Н. И. Встречный иск в советском гражданском процессе: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Н. И. Клейн. М., 1951. – 25 с.
5. Комаров И. С. Защита ответчика против иска в гражданском и арбитражном процессе: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / И. С. Комаров. Екатеринбург, 2012. – 28 с.
6. Петрушкин В. А. Актуальные проблемы правовой модели системы оборота недвижимости / В. А. Петрушкин. Монография / науч. ред. В. В. Витрянский. М.: Статут, 2014. – 285 с.
7. Рузакова О. А. Комментарий к Гражданскому процессуальному кодексу Российской Федерации / О. А. Рузакова // Вестник гражданского процесса. – 2014. – № 5. – С. 117–153.
8. Шакирьянов Р. Участие прокурора в рассмотрении споров в суде / Р. В. Шакирьянов // Законность. – 2004. – № 11. – С. 21–24.

ОСОБЕННОСТИ ПРОИЗВОДСТВА ПО ДЕЛАМ ОБ АДМИНИСТРАТИВНЫХ ПРАВОНАРУШЕНИЯХ, ОСУЩЕСТВЛЯЕМОГО В УЧРЕЖДЕНИЯХ И ОРГАНАХ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Б.В. Зыкин (Псков, Россия)

Правовую основу деятельности должностных лиц учреждений и органов уголовно – исполнительной системы, уполномоченных осуществлять производство по делам об административных правонарушениях, составляют Конституция РФ [1], Кодекс РФ об административных правонарушениях (далее – КоАП РФ) [5], подзаконные акты Министерства юстиции РФ [9] и Федеральной службы исполнения наказаний РФ [10].

Производство по делам об административных правонарушениях регулируется нормами раздела IV КоАП, однако некоторые особенности рассмотрения дел об административных правонарушениях в арбитражных судах регулируются Арбитражным процессуальным кодексом РФ [4]. Особенности порядка рассмотрения дел об административных правонарушениях установлены Федеральным законом от 2 октября 2007 г. № 229 - ФЗ «Об исполнительном производстве» [2].

Особый порядок производства в отношении отдельных категорий субъектов установлены Законом РФ от 26 июня 1992 г. № 3132 - 1 «О статусе судей в РФ» [8], Федеральным законом от 8 мая 1994 г. № 3 - ФЗ «О статусе члена Совета Федерации и статусе депутата Государственной Думы РФ» [6], Федеральным законом от 12 июня 2002 г. № 67 - ФЗ «Об основных гарантиях прав и права на участие в референдуме граждан РФ» [3].

Отдельные вопросы производства по делам об административных правонарушениях в органах и учреждениях уголовно – исполнительной системы регулируются нормами ведомственных подзаконных актов. Например, приказом ФСИН России от 19.12.2013 № 780 «Об утверждении перечня должностных лиц учреждений и органов уголовно - исполнительной системы, уполномоченных составлять протоколы об административных правонарушениях, и перечня должностных лиц учреждений и органов уголовно - исполнительной системы, уполномоченных осуществлять административное задержание» [11].

Важнейшей проблемой правового регулирования в рассматриваемой сфере является, на наш взгляд, отсутствие норм, закрепляющих в полном объеме полномочия должностных лиц уголовно – исполнительной системы осуществлять производство по делам об административных правонарушениях. Необходимо закрепить данные полномочия путем внесения соответствующих дополнений в раздел II «Полномочия» Положения о Федеральной службе исполнения наказаний [10] следующего содержания:

«разрабатывает и принимает в пределах своей компетенции меры по предупреждению преступлений и административных правонарушений, по выявлению и устранению причин и условий, способствующих их совершению».

«организует производство по делам об административных правонарушениях, которые отнесены к компетенции органов и учреждений уголовно – исполнительной системы и их должностных лиц».

В законе РФ «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы» [7] закреплена лишь норма о том, что учреждениям, исполняющим наказания, предоставляется пра-

во составлять протоколы об административных правонарушениях, осуществлять административное задержание и применять другие предусмотренные законодательством РФ об административных правонарушениях меры (п. 5 ст. 14). Необходимо конкретизировать данное положение и изложить его в новой редакции «составлять протоколы об административных правонарушениях, осуществлять административное задержание, рассматривать дела об административных правонарушениях и применять другие предусмотренные законодательством РФ об административных правонарушениях меры».

По мнению Н.Н. Цуканова [16; 37], заслуживает негативной оценки традиция издания многочисленных ведомственных правовых актов «информационно - передаточного» характера, когда текст закона дублируется создаваемой в связи с его принятием ведомственной инструкцией. Ее позитивный смысл – обеспечение доступности соответствующего нормативного акта для должностных лиц органов УИС - в современных условиях сводится к минимуму широким распространением электронных справочных правовых систем. При этом закон перестает восприниматься в качестве источника прямого действия, особенно в ситуациях, когда ведомство, принимая нормативно – правовой акт, искажает отдельные положения закона или не успевает за динамикой его изменения.

Большое значение для правоприменительной административно – юрисдикционной деятельности должностных лиц уголовно – исполнительной системы имеют судебные акты. Такие, например, как Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24.03.2005 № 5 «О некоторых вопросах, возникающих у судов при применении Кодекса РФ об административных правонарушениях» [15]; Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.12.2007 № 52 «О сроках рассмотрения судами РФ уголовных, гражданских дел и дел об административных правонарушениях» [14]; Определение Конституционного Суда РФ от 25.09.2014 № 2096 - О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Республики Узбекистан Дариевой Гульнур Абдулгалимовны на нарушение ее конституционных прав статьей 19.12 Кодекса РФ об административных правонарушениях» [12]; Решение Верховного Суда РФ от 13.02.2013 № АКПИ12 - 1763 «Об удовлетворении заявления о признании частично недействующей Инструкции по охране исправительных учреждений, следственных изоляторов уголовно - исполнительной системы, утв. приказом Министерства юстиции РФ от 15.02.2006 № 21 - дсп» [13] и другие.

Ученые административисты отмечают большое количество недостатков законодательства, вызванных отсутствием единой концепции правового регулирования в данной области, слабой изученностью правовых явлений и категорий, медлительностью законодателя, нарушениями юридической техники и т.д.

Так, например, возникает вопрос - в каком порядке надлежит рассматривать дела об административных правонарушениях, предусмотренных ст. 19.12 Кодекса РФ об административных правонарушениях, в случае, если ставится вопрос о назначении такого вида административного наказания, как конфискация? Согласно статье 19.12 «Передача либо попытка передачи запрещенных предметов лицам, содержащимся в учреждениях уголовно - исполнительной системы или изоляторах временного содержания» передача либо попытка передачи любым способом лицам, содержащимся в учреждениях уголовно - исполнительной системы или изоляторах временного содержания и иных местах содержания под стражей, предметов, веществ или продуктов питания, приобретение, хранение или использование которых запрещено законом, - влечет наложение административного штрафа в размере от трех тысяч до пяти тысяч рублей с конфискацией запрещенных предметов, веществ или продуктов питания.

В соответствии с частью 1 статьи 23.4 КоАП РФ дела об административных правонарушениях, предусмотренных статьей 19.12 КоАП РФ, рассматривают органы и учреждения уголовно - исполнительной системы. Вместе с тем такой вид административного наказания как конфискация, в соответствии с частью 1 статьи 3.7 КоАП РФ, назначается судьей. Следовательно, органы и учреждения уголовно - исполнительной системы не могут назначать конфискацию.

Судьи рассматривают дела об административных правонарушениях, предусмотренных статьями, перечисленными в части 1 статьи 23.1 КоАП РФ, и могут рассматривать дела, предусмотренные статьями, перечисленными в части 2 статьи 23.1 КоАП РФ (в случае передачи им дела органом или должностным лицом).

Статья 19.12 КоАП РФ в этом перечне отсутствует, следовательно, дела данной категории не могут быть переданы на рассмотрение судье до внесения соответствующих изменений в Кодекс РФ об административных правонарушениях. Отсюда следует, что и наказание в виде конфискации при применении статьи 19.12 КоАП РФ до внесения соответствующих изменений в названный Кодекс не может быть назначено.

Согласно приказу ФСИН России от 19.12.2013 № 780 «Об утверждении перечня должностных лиц учреждений и органов уголовно - исполнительной системы, уполномоченных составлять протоколы об административных правонарушениях, и перечня должностных лиц учреждений и органов уголовно - исполнительной системы, уполномоченных осуществлять административное задержание» [11] и в соответствии со статьей 28.3 Кодекса РФ об административных правонарушениях протоколы об административных правонарушениях, предусмотренных частью 1 статьи 19.3 КоАП РФ, полномочны составлять:

начальники структурных подразделений Федеральной службы исполнения наказаний, отделов структурных подразделений ФСИН России, их заместители;

начальники подразделений безопасности территориальных органов ФСИН России, их заместители, старшие инспекторы по особым поручениям, старшие инспекторы, инспекторы;
начальники оперативных подразделений территориальных органов ФСИН России, их заместители, старшие оперуполномоченные по особо важным делам, старшие оперуполномоченные, оперуполномоченные и другие.

Протоколы об административных правонарушениях, предусмотренных частью 2 статьи 19.3 КоАП РФ, полномочны составлять начальники арестных домов, исправительных учреждений и следственных изоляторов. Протоколы об административных правонарушениях, предусмотренных статьями 19.12 КоАП РФ, полномочны составлять:

начальники подразделений безопасности территориальных органов ФСИН России, их заместители, старшие инспекторы по особым поручениям, старшие инспекторы, инспекторы;

начальники оперативных подразделений территориальных органов ФСИН России, их заместители, старшие оперуполномоченные по особо важным делам, старшие оперуполномоченные, оперуполномоченные;

начальники подразделений собственной безопасности территориальных органов ФСИН России, их заместители, старшие оперуполномоченные по особо важным делам, старшие оперуполномоченные, оперуполномоченные и другие.

Протоколы об административных правонарушениях, предусмотренных частью 3 статьи 9.1, статьями 9.10, 9.11, частью 1 статьи 19.5, частью 1 статьи 19.4 КоАП РФ, полномочны составлять:

начальник, главные специалисты инспекции технического надзора ФСИН России;

начальники, старшие инспекторы (старшие инженеры) кустовых инспекций технического надзора территориальных органов ФСИН России.

Протоколы об административных правонарушениях, предусмотренных статьями 6.1, 6.3 - 6.7, частью 2 статьи 7.2 (в части уничтожения или повреждения знаков санитарных (горно - санитарных) зон и округов, лечебно - оздоровительных местностей и курортов), статьями 8.2, статьями 8.5 (в части информации о состоянии атмосферного воздуха, источников питьевого и хозяйственно - бытового водоснабжения, а также о радиационной обстановке), частью 2 статьи 8.42, статьями 14.26, частью 1 статьи 14.34, статьями 14.43 - 14.46, частью 1 статьи 19.4, частями 1 и 15 статьи 19.5, статьями 19.6, 19.7, 19.33 КоАП РФ, полномочны составлять:

главный государственный санитарный врач ФСИН России;

главные государственные санитарные врачи территориальных органов ФСИН России;

главные государственные санитарные врачи, руководители структурных подразделений ФСИН России и их заместители, специалисты подразделений, осуществляющих медико - санитарное обеспечение осужденных и лиц, содержащихся под стражей, надзор за исполнением санитарного законодательства РФ.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что между нормой административного права и результатом её практической реализации в деятельности органов и учреждений уголовно - исполнительной системы в некоторых случаях наблюдается несоответствие, возникающее под влиянием различных факторов, в том числе юридического и организационного характера.

1. Конституция РФ: принята всенародным голосованием 12.12.1993: [с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6 - ФКЗ, от 30.12.2008 № 7 - ФКЗ, от 05.02.2014 № 2 - ФКЗ, от 21.07.2014 № 11 - ФКЗ] // Официальный интернет - портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru> - 07.04.2015.
2. Об исполнительном производстве: федеральный закон от 02.10.2007 № 229 - ФЗ: [в ред. от 31.12.2017] // Официальный интернет - портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru> - 31.12.2017.
3. Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан РФ: федеральный закон от 12.06.2002 № 67 - ФЗ: [в ред. от 05.02.2018] // Официальный интернет - портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru> - 06.02.2018.
4. Арбитражный процессуальный кодекс РФ: федеральный закон от 24.07.2002 № 95 - ФЗ: [в ред. от 28.12.2017] // Официальный интернет - портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru> - 29.12.2017.
5. Кодекс РФ об административных правонарушениях: федеральный закон от 30.12.2001 № 195 - ФЗ: [в ред. от 05.02.2018] // Официальный интернет - портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru> - 06.02.2018.
6. О статусе члена Совета Федерации и статусе депутата Государственной Думы Федерального Собрания РФ: федеральный закон от 08.05.1994 № 3 - ФЗ: [в ред. от 29.07.2017] // Официальный интернет - портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru> - 30.07.2017.
7. Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы: закон РФ от 21.07.1993 № 5473 - 1: [в ред. от 28.12.2016] // Официальный интернет - портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru> - 29.12.2016.
8. О статусе судей в РФ: закон РФ от 26.06.1992 № 3132 - 1: [в ред. от 05.12.2017] // Официальный интернет - портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru> - 06.12.2017.
9. Вопросы Министерства юстиции РФ: указ Президента РФ от 13.10.2004 № 1313: [в ред. от 07.02.2018] // Официальный интернет - портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru> - 08.02.2018.
10. Вопросы Федеральной службы исполнения наказаний: указ Президента РФ от 13.10.2004 № 1314: [в ред. от 08.09.2017] // Собрание законодательства РФ. - 2004. - № 42. - Ст. 4109.
11. Об утверждении перечня должностных лиц учреждений и органов уголовно - исполнительной системы, уполномоченных составлять протоколы об административных правонарушениях, и перечня должностных лиц учреждений и органов уголовно -

исполнительной системы, уполномоченных осуществлять административное задержание: приказ ФСИН России от 19.12.2013 № 780 // Российская газета. - № 68. - 2014.

12. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Республики Узбекистан Дариевой Гульнур Абдулгалимовны на нарушение ее конституционных прав статьей 19.12 Кодекса РФ об административных правонарушениях: определение Конституционного Суда РФ от 25.09.2014 № 2096 - О // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения 26.11.2015).
13. Об удовлетворении заявления о признании частично недействующей Инструкции по охране исправительных учреждений, следственных изоляторов уголовно - исполнительной системы, утв. приказом Министерства юстиции РФ от 15.02.2006: решение Верховного Суда РФ от 13.02.2013 № АКПИ12 - 1763 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения 16.02.2018).
14. О сроках рассмотрения судами РФ уголовных, гражданских дел и дел об административных правонарушениях: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.12.2007 № 52: [в ред. от 09.02.2012] // Бюллетень Верховного Суда РФ. - № 2. - 2008.
15. О некоторых вопросах, возникающих у судов при применении Кодекса РФ об административных правонарушениях: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24.03.2005 № 5: [в ред. от 19.12.2013] // Бюллетень Верховного Суда РФ. - № 6. - 2005.
16. Цуканов Н.Н. Теория и практика производства по делам об административных правонарушениях, осуществляемого органами внутренних дел: диссертация на соискание ученой степени доктора юридических наук / Н.Н. Цуканов. - Омск, 2011.

НАРУШЕНИЕ ПРАВИЛ ОБРАЩЕНИЯ С НАРКОТИЧЕСКИМИ СРЕДСТВАМИ, ПСИХОТРОПНЫМИ ВЕЩЕСТВАМИ, ИХ ПРЕКУРСОРАМИ И АНАЛОГАМИ: ОСОБЕННОСТИ СОСТАВА ПРЕСТУПЛЕНИЯ

А.Н. Дрозд (Минск, Беларусь)

Нарушение правил обращения с наркотическими средствами, психотропными веществами, их прекурсорами или аналогами (далее, если не указано иное, - наркотики) относится к группе преступлений, сопутствующих незаконному обороту наркотиков [1, с.74].

Уголовно-правовые запретительные меры, касающиеся нарушения правил обращения с наркотиками, впервые были предприняты в Уголовном кодексе БССР 1960 года, который устанавливал ответственность, наряду с изготовлением и сбытом наркотических веществ, за нарушение установленных правил производства, хранения, отпуска, учета, перевозки, пересылки сильнодействующих, ядовитых или наркотических веществ в виде лишения свободы на срок до одного года, или исправительных работ на тот же срок, или штрафа. После изменений, внесенных в данный уголовный закон в 1974 году, данный состав преступления был выделен в отдельную статью – 219⁶ «Нарушение правил производства, приобретения, хранения, учета, отпуска, перевозки или пересылки наркотических средств». В последующем законодатель существенно расширил предмет преступления поочередно добавив указания на психотропные вещества, прекурсоры, аналоги наркотических средств и психотропных веществ, инструменты или оборудование, используемые для изготовления наркотических средств или психотропных веществ, находящихся под специальным контролем, а также ввел указание на наличие общественно опасных последствий.

Непосредственным объектом преступления, предусмотренного статьей 330 Уголовного кодекса Республики Беларусь (далее – УК) как и всей группы преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков, являются общественные отношения, обеспечивающие законный, безопасный для здоровья населения оборот наркотических средств, психотропных веществ, их прекурсоров или аналогов.

Особенностью приведенной нормы является то, что данное преступление совершается в сфере легального оборота наркотических средств, который осуществляется на основании многочисленных постановлений, инструкций, положений и других актов министерств и ведомств. Общие принципы легального оборота наркотиков закреплены в Законе Республики Беларусь «О наркотических средствах, психотропных веществах, их прекурсорах и аналогах» (далее – Закон). К иным актам относятся, например, Положение о порядке изготовления, производства, переработки, хранения и уничтожения наркотических средств, психотропных веществ, прекурсоров и Положении о порядке оборота изъятых наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, утвержденные Постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 30 декабря 2002 года №1827, Положение о порядке использования наркотических средств, психотропных веществ, прекурсоров, аналогов при подготовке служебных собак, в оперативно-розыскной и экспертной деятельности, утвержденное Постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 12 февраля 2003 года № 167, Положение о порядке использования наркотических средств и психотропных веществ в ветеринарии, утвержденное Постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 14 апреля 2003 года № 492, Инструкция о порядке приобретения, хранения, реализации и использования наркотических средств и психотропных веществ в медицинских целях, утвержденная Постановлением Минздрава от 28 декабря 2004 года № 51, Инструкция о порядке выписки рецепта врача, утвержденная Постановлением Минздрава от 31 октября 2007 года № 99.

Как уже отмечалось, состав данного преступления предусматривает в качестве альтернативных весьма значительный перечень предметов преступления. Понятия наркотических средств, психотропных веществ, их прекурсоров или аналогов содержатся в Законе Республики Беларусь «О наркотических средствах, психотропных веществах, их прекурсорах и аналогах» (далее – Закон). Нельзя не отметить, что официальный список инструментов или оборудования, используемого для изготовления наркотических средств и психо-

тропных средств, и в отношении которых установлен специальный контроль, в настоящее время отсутствует, что, по сути, нивелирует уголовную ответственность за незаконные связанные с ними действия, предусмотренные статьей 330 УК. В то же время в Российской Федерации, например, подобный перечень утвержден Постановлением Правительства Российской Федерации от 22 марта 2001 года N 221 и включает в себя оборудование для заполнения и запайки ампул, оборудование для прессования таблеток и т.п. [2]. Безусловно, подобный перечень должен быть закреплён и в законодательстве нашей страны.

Объективная сторона преступления, предусмотренного статьей 330 УК, состоит в совершении хотя бы одного из альтернативных действий. Диспозиция статьи содержит исчерпывающий перечень правил оборота: правила производства, переработки, хранения, учета, отпуска, реализации, распределения, перевозки, пересылки, приобретения, использования, ввоза, вывоза или уничтожения. При этом на наш взгляд, в целях более полного охвата уголовно-правовой охраной порядка легального оборота наркотиков, предусмотренного Законом, данный перечень следовало бы дополнить указанием на изготовление (при непромышленном, аптечном производстве соответствующих лекарств) и транзит наркотиков, а также нарушения правил культивирования (посева или выращивания) растений и грибов, содержащих наркотические средства, психотропные вещества.

Нарушение правил легального оборота наркотических средств, психотропных веществ либо их прекурсоров или аналогов, либо инструментов или оборудования, используемых для изготовления наркотических средств или психотропных веществ, находящихся под специальным контролем, может быть совершено как в форме действия, так и в форме бездействия. Как отмечают Мирошниченко Н. А. и Музыка А. А., оно может, например, выражаться в отсутствии инструктажа работников соответствующего предприятия, учреждения, в несоблюдении правил санитарии при производстве, упаковке и хранении наркотических препаратов, в пренебрежительном отношении к выполнению обязанностей руководителей при осуществлении надзора за соблюдением порядка изготовления, хранения, перевозки, пересылки, отпуска указанных средств, неосуществлении необходимого контроля за выдачей наркотических веществ, что может привести к их использованию в преступных целях [3, с.129].

С учетом того, что состав преступления является материальным, необходимо в каждом случае устанавливать последствия нарушения правил в виде утраты или расхищения названных средств, веществ или предметов. Под утратой в данном случае следует понимать их фактическое выбытие из законного владения, пользования или распоряжения либо такое повреждение оборудования или инструментов, которое исключает в дальнейшем их использование по прямому назначению [4], если указанные последствия находились в причинной связи с допущенными нарушениями. При этом не является утратой наркотиков их уничтожение, поскольку в таком случае указанное средство или вещество изымается из незаконного оборота и вред здоровью населения причинен быть не может (что, впрочем, не исключает дисциплинарной и материальной ответственности виновного). Размер утраченных наркотиков в уголовном законе не определен, и это означает, что он может быть любым.

Субъект рассматриваемого преступления – специальный. К уголовной ответственности за нарушение правил обращения с наркотиками, а равно с инструментами или оборудованием, используемыми для изготовления наркотических средств или психотропных веществ, могут быть привлечены как должностные, так и иные лица, которые в силу порученной им работы обязаны соблюдать указанные правила. Субъектами данного преступления могут быть признаны работники предприятий, организаций и учреждений, независимо от их формы собственности, которые в процессе осуществления своей профессиональной деятельности имеют дело с наркотическими и иными веществами и предметами, перечисленными в диспозиции статьи, как с орудиями или средствами труда. Это могут быть, например, врач, старшая медсестра, провизор, технолог, заведующий складом, директор фармацевтического предприятия, эксперт ГКСЭ и др., на которых должностными инструкциями или приказом руководителя возложены обязанности по соблюдению специальных правил оборота наркотиков.

Что касается субъективной стороны преступления, предусмотренного статьей 330 УК, то, на наш взгляд, имеет место сложная форма вины. В связи с отсутствием указания в статье 330 УК на интеллектуальное и волевое отношение лица, допускающего нарушения вышеуказанных правил, то, следовательно, вина в данном случае может быть выражена в форме умысла или неосторожности. При этом отношение к последствиям выражается в форме неосторожности. Таким образом, нарушение указанных правил может осуществляться лицом сознательно, однако по отношению к последствиям возможна только неосторожная форма вины в виде легкомыслия или небрежности.

Если в действиях должностного лица, допустившего нарушение этих правил, имеются признаки преступления против интересов службы, то такие деяния надлежит дополнительно квалифицировать по соответствующим статьям главы 35 УК. Если лицо, ответственное за исполнение или соблюдение правил оборота наркотических средств или психотропных веществ, нарушает их и, используя свое служебное положение, совершает хищение этих средств или веществ, содеянное следует квалифицировать по ч.2 ст.327 УК. В этом случае дополнительной квалификации действий такого лица по ст.330 УК не требуется.

Аналогичные нормы о запрете нарушения правил легального оборота наркотиков содержатся и в законодательстве зарубежных стран. При этом имеет место различные подходы: в Эстонии, например, состав соответствующего преступления – формальный, в Грузии – с указанием на последствия в виде выпуска в незаконный оборот, в Украине и Казахстане данные нормы сформулированы в двух частях: первая, из которых устанавливает ответственность за само нарушение правил, а вторая – определяет квалифицирующий признак в виде наступления неблагоприятных последствий.

Крайне интересным представляется опыт российского законодателя по формулированию статьи 228.2 Уголовного кодекса Российской Федерации «Нарушение правил оборота наркотических средств или психотропных веществ». В диспозиции части первой данной статьи содержится состав преступления аналогичный составу преступления, предусмотренного статьей 330 УК, при этом в качестве наказания предусмотрен штраф или общественные работы. Квалифицированный состав статьи 228.2 содержит указания на совершенное из корыстных побуждений либо повлекшее по неосторожности причинение вреда здоровью человека или иные тяжкие последствия, и влечет наказание до трех лет лишения свободы с безальтернативным лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до трех лет. При данном подходе обращает на себя внимание факт достаточно мягкого наказания при совершении действий, предусмотренных частью первой статьи, и одновременно принципиальный подход к лицам, совершившим преступление с квалифицирующими признаками, значительно повышающими его общественную опасность.

В завершении рассмотрения данного вопроса хочется обратить внимание на тот факт, что в соответствии со статьей 10 Закона субъектами оборота наркотических средств, психотропных веществ, прекурсоров, аналогов являются как юридические, так и физические лица. Физические лица могут быть участниками легального оборота наркотиков и имеют право приобретать, хранить, перевозить, использовать, ввозить, вывозить наркотические средства, психотропные вещества, прекурсоры в порядке, установленном Законом и иными актами законодательства. При этом отсутствует указание на их обязанности и, соответственно, не установлена ответственность за выбытие наркотиков в незаконный оборот. Предлагается возможным предложить разработку подобных правил, в частности, установление обязанностей физических лиц обеспечивать сохранность имеющихся у них на законных основаниях наркотиков, не допускать доступа к ним посторонних лиц, хранить в сейфах, не передавать рецепты иным лицам и т.д.

Подводя итог, отметим, что на протяжении длительного времени норма, предусматривающая ответственность за нарушение правил оборота наркотиков, имеет важное предупредительное значение и не только не теряет актуальности, но и регулярно претерпевает изменения в целях более совершенного правового регулирования. В этих целях предлагаем расширить признаки объективной стороны преступления, указав на незаконные изготовление и транзит наркотиков, а также нарушения правил культивирования (посева или выращивания) растений и грибов, содержащих наркотические средства, психотропные вещества. Важной проблемой в данной сфере в настоящее время является отсутствие правового установления понятия списка инструментов или оборудования, используемого для изготовления наркотических средств и психотропных средств и находящегося под специальным контролем, что по сути декриминализирует данный состав в указанной части. Кроме того, в качестве проблемного поля обсуждения предлагаем рассмотреть возможность разработки правил обращения с наркотиками для физических лиц в рамках легального оборота, и установления ответственности за их нарушение.

1. Дрозд, А.Н. Понятие и объект преступлений, составляющих незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ, их прекурсоров или аналогов / А.Н.Дрозд // Евразийская адвокатура. – 2017. – N 2. – С. 72 - 76
2. Об утверждении перечня инструментов и оборудования, находящихся под специальным контролем и используемых для производства и изготовления наркотических средств, психотропных веществ, и Правил разработки, производства, изготовления, хранения, перевозки, пересылки, отпуска, реализации, распределения, приобретения, использования, ввоза в Российскую Федерацию, вывоза из Российской Федерации, уничтожения инструментов и оборудования, находящихся под специальным контролем и используемых для производства и изготовления наркотических средств, психотропных веществ [Электронный ресурс]: Постановление Правительства РФ, 22 марта 2001 г. № 221// Консультант Плюс: Версия Проф. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр». – М., 2018
3. Мирошниченко, Н.А. Уголовно-правовая борьба с наркоманией / Н.А. Мирошниченко, А.А. Музыка. – Киев; Одесса: Вища шк. Головное изд-во, 1988. – 298 с.
4. Бурлаков, В.Н. Нарушение правил оборота наркотических средств или психотропных веществ: особенности преступления и его квалификация / В.Н. Бурлаков // Консультант Плюс: Версия Проф. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр». – М., 2018.

О РАЗРАБОТКЕ И НЕОБХОДИМОСТИ ПРИНЯТИЯ ЗАКОНА О РОССИЙСКОЙ НАЦИИ

Р.С. Ерёмченко (Архангельск, Россия)

31 октября 2016 года в Астрахани на заседании Совета по межнациональным отношениям президент РФ В.В. Путин поддержал предложение «идти от стратегии к федеральному закону» о российской нации, так как важнейшим условием существования государства является межнациональное согласие. 4 декабря 2016 года В.В. Путин утвердил ряд поручений по реализации данного вопроса.

В Госдуме идёт разработка проекта закона, условно называемого «О российской нации». (Обсуждались варианты названия: «О российской нации и управлении межэтническими отношениями», «О государственной национальной политике», «Об основах государственной национальной политики», «О единстве российской политической нации»...). В нынешней редакции документ называется «Об основах государственной национальной политики и укреплении единства многонационального народа Российской Федерации (российской нации)». В законопроекте подробно расписаны цели, задачи и понятия федерального закона, а также определена его структура. 24 статьи разнесены по 5 главам: «Общие положения», «Сферы государственной национальной политики», «О разграничении полномочий между органами государственной власти Российской Федерации, органами государственной власти субъектов Российской Федерации, органами местного самоуправления и национально-культурными общественными объединениями», «Участие граждан и общественных объединений в осуществлении государственной национальной политики», «Заключительные положения». Нужен ли в России закон о российской нации? Что можно (и нужно ли) предложить вместо него? Что есть само понятие «российская нация» и «россиянин»? Что такое нация наций? В РАН группа учёных создала словарь понятий, где устанавливается приоритет понимания российской нации как политической, а не этнической общности. Российская нация – гражданско-политическая общность, консолидированная на основе исторической российской государственности, члены которой обладают равными правами независимо от этнической, расовой и религиозной принадлежности, общими историко-культурными ценностями, чувством принадлежности к единому народу, гражданской ответственностью и солидарностью. Россия, исторически и генетически, – союз народов, страна их постепенного, многовекового собирания вокруг русского народа, сохранения и взаимобогащения культур и языков, на основе чего сложилась единая российская нация. Единый многонациональный народ изгнал иностранных оккупантов и прекратил Смуту в 1613 году, т.е. союз народов существует как минимум 400 лет. В разные периоды союз народов назывался по-разному: русские, россияне, поданные Российской империи, советский народ, а сегодня, в соответствии со статьёй 3.1 Конституции РФ, – «многонациональный народ» – носитель суверенитета и единственный источник власти в Российской Федерации. Всегда был первичен сам союз народов, определявший содержание и характер российской государственности, а не терминология. Союз народов осознанно разрушили в 1991 году. «Единая российская нация» – исторический факт. Сейчас следует определиться в главном – обозначить русских как системообразующий народ в общей семье российской нации. Необходимо использовать уникальный шанс – дать определение союза народов России, как единение народов, системообразующим ядром которого исторически был и есть русский народ. Об этом говорится и в «Стратегии государственной национальной политики РФ на период до 2025 года». Аналогичные положения присутствуют в статье В.В. Путина «Россия: национальный вопрос», в его «Посланиях» 2012 и 2013 годов и в знаменитой «Крымской речи». Ключевыми должны быть слова В.В. Путина, произнесённые в августе 2015 года на встрече с представителями национально-культурных организаций Крыма, о необходимости защищать права всех, независимо от того, кто это: русские, украинцы, крымские татары или представители иных этносов. Эти положения – «защищать права всех», учитывать интересы и национального большинства, и меньшинства, гармонизировать отношения между ними – и должны стать краеугольным камнем новой конструкции «российской нации». Совершенно понятно, что национальное «большинство» – русские. Без этого ключевого положения русский народ опять останется где-то за скобками и подготовить отвечающий современным реалиям закон об основах национальной политики не удастся. Когда мы отмечаем высокий уровень общероссийской гражданской общности, надо видеть, что важнейшая заслуга и роль здесь у русских.

На законодательном уровне необходимо решить проблему русских и русского народа. Государствообразующая нация – русские – не имеет национального государства. С юридической точки зрения Россия не является русским национальным государством, в рамках которого русские осуществили бы право на национальное самоопределение. Почему русские лишены государственности? Именно это и делает национальный вопрос в РФ острым. Только чётко определившись в законодательном плане, можно разобратся с самим положением русских в России. При разработке закона или внесении поправок в Конституцию следует юридически выверенно изложить отношения между всеми народами РФ, чётко обозначить положениесамого русского народа. Только в этом случае закон станет цементом, т.е. ещё прочнее сплотит мононациональную страну. Но в Конституции РФ говорится, что Россия – это многонациональное государство. Так ли это на самом деле? Международное право утверждает: чтобы страну признать

мононациональной, достаточно, чтобы 67% жителей (а не 100%) принадлежали к одному этносу. А русских в России свыше 80%, т.е. в процентном отношении больше, чем латышей в Латвии (латыши – 62,1%); эстонцев в Эстонии (эстонцы – 68,7%); казахов в Казахстане (казахи – 66,48%). Они (Латвия, Эстония и Казахстан) – национальные государства латышей, эстонцев и казахов, и называют их мононациональными. «За вычетом этнических анклавов Россия почти мононациональное государство – у нас больше русских, чем латышей в Латвии или евреев в Израиле» [1, с.7].

Следовательно, Россия – полиэтническая мононациональная, а не многонациональная страна. Так утверждает депутат Госдумы А.Г. Поздняков. Определение «многонациональной страны» перешло к России от СССР. Россия оставила «старое» административное асимметричное устройство СССР. В республиках, входивших в СССР, жили миллионы граждан других национальностей, а русские не были в большинстве. У национальностей России есть свои национальные образования. Республики имеют свои национальные языки, приравненные к государственному русскому, конституции, гимны, суды (верховные, краевые, областные и окружные). Все бывшие АССР остались республиками без определений «автономных», «советских» и «социалистических». Все их названия зафиксированы официально в Конституции 1993 года, предполагающей равноправие всех субъектов. В составе России появились шесть новых республик: четыре из автономных областей (Адыгея, Карачаево-Черкесия, Республика Алтай и Хакасия) и две в результате разделения (Чечня и Ингушетия). Стало 22 республики из 85 субъектов. Равноправие субъектов предполагает отсутствие существенных статусных различий. А они налицо. Причём отличия в статусе отмечены в самой Конституции (ст.66): «Статус республики определяется Конституцией Российской Федерации и конституцией республики» (п.1). «Статус края, области, города федерального значения, автономной области, автономного округа определяется Конституцией Российской Федерации и уставом..., принимаемым законодательным органом соответствующего субъекта Российской Федерации».

При этом распространена ситуация, когда титульный этнос не составляет большинства на территории соответствующей автономии. «Мне кажется, необходимо признать в соответствии с международными стандартами Россию мононациональной страной русского народа, составляющего абсолютное большинство её населения. Необходимо признать и законодательно утвердить историческую роль и фактическое значение русского народа не только в качестве коренного и титульного, но и как единственной государствообразующей нации России» [2, с.3].

«Русским надо объединяться и браться за полезные дела на местах. На государственном же уровне нужно вспомнить, что в текст Конституции напрашивается положение о русском народе как государствообразующем. А вместо расплывчатого термина «многонациональный народ» напрашивается более чёткое понятие российского общества, объединяющего коренные народы. То есть те этносы, которые компактно проживали на определённой территории не менее семи поколений и имели органы местного управления начиная с сельских общин. Хорошо бы воздержаться от вестернизированной идеи российской нации, копирующей «американский плавильный котёл» для мигрантов со всего мира. Ни татары, ни чеченцы, ни чукчи, ни чуваша не переплавятся в алхимическое усреднённое нечто. Зато объединиться вокруг отзывчивой и мощной русской культуры и языка всем россиянам желательно и полезно» [3, с.5].

После распада СССР 25 млн русских оказались вне России. В ряде республик РФ среди представителей «титульных» групп по отношению к русским имеются проявления национализма и ксенофобских настроений. Рост рождаемости идёт в республиках. Выражение «русский крест» (превышение смертности над рождаемостью) не снято с повестки дня именно в русских регионах. Хотя русский народ является пятым по численности народом мира, а в Конституции РФ (равно как и в уставных документах её субъектов) не упоминается. Слово «русский» заменяется словом «российский», употребление слова «русский» рассматривается как некорректность. В СМИ иногда пишут, что «русский – не национальность, а просто прилагательное». В бюджетном финансировании имеются известные перекосы. Одной из главных проблем остаётся социальная несправедливость, что подтачивает единство народа. Соотношение доходов самых богатых 10% населения к доходам самых бедных 10% (коэффициент фондов) в России с 1992 по 2015 год выросло с 8 до 15,6 (без учёта теневых капиталов, т.е. может быть и выше). В СССР коэффициент фондов был 3-4, а в дореволюционной России 6. Поэтому граждан России разъединяет представление о будущем страны. Традиционная для народа общероссийская система ценностей (справедливость, взаимопомощь, сострадание) сходит на нет, тем более противоестественное положение русского большинства – «мина замедленного действия» под российскую государственность. Вот почему необходимо разобраться с положением русских в России, чётко определившись в законодательном плане. «Считаю правильным принять закон о русском народе, в котором определить роль русского народа как титульного государствообразующего народа, а Россию – мононациональным государством», – резюмирует В.Г. Поздняков [2, с.3].

«Нация является этносоциальной общностью... Для каждой нации характерно создание единого семиотического поля – системы известных всем её представителям знаковых средств (языка, традиционных форм поведения, символики – бытовой, художественной, политической и пр.), которые обеспечивают их взаимопонимание и повседневное взаимодействие.

Как этническая, так и национальная принадлежность человека определяется его самосознанием. Но если этническое самосознание зависит от происхождения человека, то национальное – от его включённости в семиотическое поле национальной культуры и чувства причастности к ней. Обычно национальное самосознание обусловлено этническим. Но нередко – особенно в нашу эпоху – этническое и национальное самосознание не совпадают: в современных нациях (прежде всего в таких, которые, подобно русской или американской, образовались в многонациональных государствах) есть множество людей разного этнического происхождения – «русские американцы», «обрусевшие немцы», «русские евреи», «сибирские украинцы» и т.д. Для обозначения этнической принадлежности людей, где бы они ни жили, пользуются термином «национальность» [4, с.298].

В издательстве «Центрполиграф» в 2017 году вышла книга историка и публициста С. Сергеева «Русская нация, или Рассказ об истории её отсутствия», вызвавшая много различных отзывов – от восторженных до резко отрицательных. «Это неслучайно: книга чрезвычайно остро, можно сказать, провокационно ставит один из самых болезненных современных вопросов российской жизни – вопрос о существовании русской политической нации. Автор доказывает, что её не было на всём протяжении отечественной истории, за исключением краткого периода 1905-1917 годов. И причина тому – пренебрегавшая русскими национальными интересами имперская политика в разных воплощениях государства Российского – от Московского царства до Российской Федерации...

И только после революции 1905 г. в России началось строительство основ национального государства, оборванное мировой войной и захватом власти большевиками, восстановившими в новом обличье всё ту же надзаконную структуру власти. От этого многовекового наследства мы не избавились и по сей день.

Таким образом, русские в течение всей своей истории за исключением краткого периода 1905-1917 гг. не являлись политической нацией. Они были и остаются «государевыми людьми», *служилым народом*, на плечах которого держались все инкарнации государства Российского – Московское царство, Российская империя, Советский Союз – и держится ныне Российская Федерация» [5, с.4-5].

Председатель рабочей группы, научный руководитель Института этнологии и антропологии РАН академик В.А. Тишков признал, что закона о российской нации может не быть из-за неготовности к нему общества. Тем более рабочая группа по подготовке проекта закона готовит проект об укреплении гражданской нации, считая, что закона о нации быть не может. Гражданское самосознание объединяет и создаёт политическую нацию – народ, овладевший и управляющий государством. А гражданская идентичность – осознание себя россиянином (членом политического сообщества людей разных национальностей). Гражданское сознание образует гражданскую нацию – общность людей разных национальностей, культур (городской, сельской, профессиональной, эстетической, этнической, идеологической). В стране высокое доверие к президенту, низкое доверие к парламенту и судебной системе, межконфессиональное и межнациональное доверие выше, чем принято считать. «По данным наших исследований, в глазах граждан самый высокий рейтинг недоверия вовсе не у профсоюзов (37%) и не у политических партий (40%), а у судебной системы – 49%. Мы давно говорим о том, что угроза общественных бурь исходит не от креативной оппозиции, не от снижения цен на нефть и не от националистов, а от внесудебных расправ» [6, с.14].

Отсюда следует вывод: элементы доверия к институтам власти и гражданского общества есть. Их надо развивать. Именно для этого и нужен закон о единстве российской нации – нации наций. Гражданская нация имеет одно государство. И республики по Конституции – «государство»; но решение Конституционного суда РФ гласит: этот статус не означает функции государств. В структуре наций русский народ – сплачивающее ядро. Этническое самочувствие русских – лакмус самочувствия других народов. Ощущение единства с людьми своей национальности переживают 80% русских и 83-87% россиян иных национальностей. Установлена высокая значимость религиозной идентичности. Близость с людьми своей веры испытывают 69% русских и 75% инонациональных граждан. Такая ценностная общность – этническая солидарность всех народов – ресурс будущего. Русская культура – интегратор российского гражданского общества. (Русский – по признаку культурной принадлежности: кто вырос в России и воспитывался в традициях русской культуры). Национальный язык русского народа – русский язык – один из наиболее распространённых в мире. Шестой по общей численности говорящих на нём и восьмой по численности владеющих им как родным. Кроме того, он один из шести рабочих языков ООН, ЮНЕСКО и других международных организаций. Во время выступления на заседании Совета по межнациональным отношениям в Йошкар-Оле (июль 2017г.) подчеркнув, что «языки народов России – неотъемлемая часть самобытной культуры народов России», В.В. Путин напомнил: «Русский язык для нас – язык государственный, язык межнационального общения. Его ничем заменить нельзя. Он естественный духовный каркас всей нашей многонациональной страны». [7, с.2]. «Нацию наций надо искать в себе. В самоощущении и поступках. Такие, которые бы показывали наше умение жить по правилам, принятым нами, и не мешать жить другим», – так ответила доктор социологических наук, член Совета при президенте России по межнациональным отношениям Л.М. Дробижева на вопрос В. Емельяненко: «Когда заработает закон о гражданской нации?» [6, с.14].

Заместитель председателя Госдумы ФС РФ И.А. Яровая констатировала: «Российская нация очень сильно отличается от «плавильных котлов» многонациональных, которые безуспешно пытались реализовать в мире. Только через диалог, доверие, поддержку, взаимопонимание, сохранность друг друга, самобытность мы смогли создать российскую нацию. Сегодня Россия очень часто является единственным субъектом международного права, который позволяет себе говорить честно правду об унижении и геноциде других народов, о разрушении и войне, позволяет себе встать на защиту слабого. Наверное, это достоинство и преимущество нас как граждан России, нас как русского народа – русского народа в понимании многонационального народа, большого народа страны, которая сегодня встаёт на защиту слабого» [8, с.15].

По данным опросов, около 80% граждан согласны с тем, что человеку нужно ощущать себя частью общероссийской нации. Накануне Дня России руководитель Федерального агентства по делам национальностей И.В. Баринов заявил: «Ещё одно немаловажное обстоятельство – сейчас фиксируется самый высокий уровень общероссийской гражданской идентичности с момента начала измерения этого показателя Институтом социологии РАН. Другими словами, 75% опрошенных причисляют себя к гражданам России. В одном из опросов респондентов спросили, согласны ли они с мнением о том, что «в наше время человеку нужно ощущать себя частью общероссийской нации (россиянином)». Около 80% согласилось с этим. Значит, мы чувствуем себя народом, живущим в одной большой стране, объединённым и территорией, и общим прошлым, и государственным языком» [9, с.9].

В конце мая 2017 года президент России В.В. Путин в московском Сретенском монастыре, где прошла церемония освящения нового храма Воскресения Христова и Новомучеников и Исповедников Церкви Русской, призвал «... делать всё от нас зависящее для сохранения единства российской нации, через постоянный диалог поддерживать общественно-политическое согласие и, опираясь на наши традиционные ценности, на ценности наших традиционных религий – православия, ислама, иудаизма, буддизма, – не допускать никакого ожесточения и никакого раскола» [10, с.2].

В июле 2017 г. президент России В.В. Путин во время заседания Совета по межнациональным отношениям в Йошкар-Оле отметил, что в сфере национальной идентичности действовать следует «крайне деликатно и мудро». «Достаточно упомянуть рост числа граждан России, считающих отношения между людьми разных национальностей доброжелательными. Сегодня из почти 80%. Напомню, вы знаете об этом, ещё лет так 10-15 назад ситуация была совсем иной» [11, с.2].

Поставленную цель в своём исследовании – найти и «столкнуть» методом анализа противоположные точки зрения специалистов по остроактуальной теме – я выполнил. Надеюсь, возбудил интерес тех, кто равнодушно или настороженно относится к столь сложной проблеме, которую автор намерен и дальше изучать.

1. Ольшанский, Д. Не всё так плохо: У нас однородная страна / Д. Ольшанский // Комсомольская правда. – 2017. №76(26702), 11 июля 2017 г. – С.7.
2. Поздняков, В. Дом без дома?: Пора более чётко определиться с положением русских в России / В. Поздняков // Литературная газета. – 2017. №14(6593). – С.3.
3. Марьясин, В. Скифы ли мы?...: Где заканчивается археология и начинается политика / В. Марьясин // Литературная газета. – 2017. №23(6601), 14–20 июня 2017 г. – С.5.
4. Культурология: учебник (под ред. Ю.Н. Соломина, М.С. Кагана. – М.: Издательство Юрайт; Высшее образование, 2010. – С.298.
5. Сергеев, С. Русские – государевы люди: Автор о собственной книге, вызвавшей широкую дискуссию / С. Сергеев // Литературная газета. – 2017. №25(6603), 28 июня – 4 июля 2017 г. – С.4-5.
6. Емельяненко, В. Собственная гордость / В. Емельяненко // Российская газета. – 2017. №65(7231). – С.14.
7. Орехов, Б. Владимир Путин: Русский язык – духовный каркас нашей многонациональной страны / Б. Орехов // Союзное вече. – 2017. №33, 28 июля – 3 августа 2017 г. – С.2.
8. Прямая речь. Пора самоопределений // Огонёк. 2016. Ноябрь. №44. С. 15.
9. Королёв, В. Ключевое слово для нас всех одно – Родина / В. Королёв // Комсомольская правда. – 2017. №63(26689), 9 июня 2017 г. – С.9.
10. Латухина, К. Воскресение в Сретенском: Владимир Путин побывал на освящении возрождённого храма и призвал «не допускать никакого ожесточения и никакого раскола» / К. Латухина // Российская газета – Неделя. – 2017. №118(7284), 1 июня 2017 г. – С.2.
11. Созаев-Гурьев, Е. Наша задача – сберечь согласие в обществе: Владимир Путин заявил о важности конструктивного диалога власти и граждан / Е. Созаев-Гурьев // Известия. – 2017. №133(29871), 21 июля 2017 г. – С.2.

ПЕНИТЕНЦИАРНАЯ СИСТЕМА РОССИИ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

И.В. Борисенко (Псков, Россия)

Пенитенциарная система – комплекс учреждений, призванный обеспечивать правопорядок в стране и бороться с правонарушениями. Является составляющей частью любого государства. Помогает в обеспечении правопорядка в обществе.

Первым документом, дающим представление о существовавшей системе наказаний в Древнерусском государстве, является Русская правда, выступающая сводом древнерусского права, в основе которого лежали преимущественно правовые обычаи того времени и княжеская судебная практика. В целом система наказаний основывалась на взимании штрафов и вины за совершенные преступления, размер кото-

рых отражал, во-первых, тяжесть преступления, во-вторых, социальную принадлежность пострадавшего. При этом в Русской правде отсутствовал такой вид наказания, как смертная казнь. В процессе централизации государственного аппарата, усиления самодержавия, обострения социальных противоречий значительно ужесточается система наказаний. Данная тенденция проявляется уже в Судебниках 1497 г. и 1550 г. и закрепляется в Соборном уложении 1649 г. [3, л. 47].

Судебник 1497 года был первым в области уголовного права нормативным актом того периода. Его возникновение связано с внутрисословной борьбой феодалов. Судебник служил для подавления неимущего класса. Его цель также состояла в систематизации норм права, существовавших в то время. Он установил наказания в виде торговой и смертной казни, а также битья кнутом. Судебник 1550 года Иван Грозный ввел опричнину – репрессивный аппарат, наделенный правом внесудебной расправы. Однако опричнина не могла обеспечить порядок этими методами в полном объеме. [2, л. 53]. Поэтому в 1550 году Иван Грозный разработал новый Судебник. В нем были сохранены предусмотренные прошлым документом виды наказаний. Однако царь расширил сферу, в которой они применялись, и ввел впервые новый вид наказания – тюремное заключение. Применялось оно в основном вместе с другими видами наказания, к примеру, телесными.

На первый план Соборное уложение 1649 года ставит защиту интересов государственной власти и церкви и вводит для этого суровые меры наказания. Наиболее тяжкими считались совершенные против церкви и религии преступления. Применение смертной казни влекли за собой государственные преступления, совершенные против здоровья, чести и жизни государя. Особое место их в системе было предопределено усилением централизации страны. Государственные преступления включали совершенные против государя и государственного строя. Основные виды наказаний за политические и общеуголовные преступления содержит Соборное уложение. Согласно этому документу, применяемым часто наказанием является телесное. К нему относятся: отсечение руки, усечение носа и ушей, битье кнутом и батогами. Смертная казнь также нередко применялась. По Соборному уложению, часто использовалось также тюремное заключение. Его сроки были установлены от нескольких дней до 4-х лет. Тюрьма в качестве меры наказания с этого периода получает большое распространение. Впервые стала предусматриваться также ссылка в Сибирь. Соборное уложение, следует отметить, определяло 2 цели наказания. Первая – это кара самого преступника, а вторая – устрашение обывателей, функция которого – превентивная. [2, л. 55].

Реформы Петра I направлены были на то, чтобы укрепить государство путем неограниченной власти монарха. Период правления этого государя был отмечен сохранением телесных наказаний, смертной казни и тенденцией к ужесточению различного рода покараний. Петр I принял такие законодательства, как Артикул воинский (в 1715 году) и Генеральный регламент (в 1720). В Артикуле были отражены главные тенденции политики государства в борьбе с преступностью. Действие его распространялось также на дворянство – сословие, имевшее в 18 веке существенный политический вес. [2, л. 59].

Варианты приведения наказаний в действие, по Артикулу, были направлены в основном на усиление физических страданий провинившегося. Смертная казнь, например, включала заливание горла металлом и сожжение, колесование и четвертование. Система наказаний в то время отражала тенденции становления абсолютизма. Четкой внутренней дисциплины, обеспечения безопасности власти, подавления инакомыслия требовала централизация в стране военно-бюрократического аппарата. Поэтому карательные институты и органы были усилены.

В 18 веке также возникли новые нормативно-правовые акты, такие как регламенты, учреждения и уставы. В части из них были изложены нормы, касающиеся исполнения наказаний.

Во второй половине 18 века политика так называемого просвещенного абсолютизма оказала существенное влияние на уголовно-исполнительные органы государства. Во время своего правления Екатерина II применяла гуманные принципы и идеи в своих законопроектах. В Манифесте 1762 года, например, она продекларировала иной подход уголовно-исполнительной политики, заключавшийся в том, что ее направление менялось с карательного на исправительное. Также был принят Устав о тюрьмах. В нем определялось подробно содержание лишенных свободы лиц. Подразумевалось разделение всех тюрем на уголовные и гражданские. Уголовные, в свою очередь, подразделялись на три части вида: подстражную, осужденную и приговорную. Определялся внутренний распорядок – прием пищи, осмотр персоналом помещений, работа заключенных, а также многое другое. Однако практика существенно расходилась с принципами, заявленными в этом документе. Даже отдельные его положения не вводились в действие. [2, л. 65].

Конечно, такой проект в условиях Российского государства 18 века не мог быть осуществлен, так как требовал существенных финансовых вложений. А у государства не было необходимых средств в тот период. Из-за экономических, географических и демографических условий даже тюремное заключение не могло доминировать как форма наказания в России 2-й половины 18 века. К началу столетия наблюдалось снижение его роли и замена тюремного заключения ссылкой. Ссылка в системе форм наказания в то время занимала преобладающую позицию. В России, в отличие от множества западноевропейских стран, происходил процесс освоения собственных окраинных территорий. Русские колонисты при этом вносили свои культурные традиции. Самое широкое распространение в нашей стране получила сибирская ссылка.

Она была характерна для деятельности пенитенциарной системы в 17-18 веках, являясь ее ведущей формой, но и в 19 веке не утратила своего значения. [1, л.69].

Каторга также была популярным видом наказания. Ее появление связано с особенностями социально-экономического и политического развития нашей страны 17-18 века. Строительство городов, флота, подъем промышленности требовали рабочей силы, которую предоставить могли лишь осужденные преступники.

История пенитенциарной системы продолжилась тем, что во второй половине 19 века в России назрела необходимость реформирования тюрем. Между местными органами управления и центральным постоянным связью не было. Правительство в 1877 году разработало Особую комиссию для подготовки проекта тюремной реформы. В 1882 году сложилась новая система мест заключения. Это тюремные замки в уездных и губернских городах, уголовные тюрьмы, смирительные дома, Московская и Петербургская исправительные тюрьмы, следственная тюрьма, дома предварительного заключения, пересыльные тюрьмы, временные каторжные тюрьмы, исправительные арестантские полуроты, роты и отделения, полицейские дома Петербурга, подследственные аресты.

До Февральской революции сложным механизмом являлась система исполнения наказания. Тюремное заключение являлось дополнением государственной власти. Оно ассоциировалось в сознании людей с произволом, насилием, беззаконием.

В 1924 году, 16 октября, была в очередной раз реформирована пенитенциарная система. История развития ее продолжилась тем, что был принят ИТК РСФСР, регулирующий исполнение наказаний. В нем говорилось о том, что нужно развивать и улучшать вместо тюрем сеть ремесленных, сельскохозяйственных, фабричных, трудовых колоний и исправительно-трудовых домов. Количество заключенных после репрессий 1930-х годов превысило предыдущие показатели.

Во время Великой Отечественной войны многие места лишения свободы находились в системе ГУЛАГ. Для решения проблем экономики использовался труд арестованных, которых направляли на строительство в самых тяжелых условиях.

Советская пенитенциарная система в 1960-1970 годы была реформирована. В ней главную роль стали играть исправительно-трудовые колонии. Она включала в себя учреждения особого, усиленного, строгого и общего режима, колонии-поселения, следственные изоляторы, колонии воспитательно-трудовые общего и усиленного режима, тюрьмы, специальные межобластные больницы. [4, л.189].

После краха СССР пенитенциарная система подверглась реформированию. В качестве основного принципа суверенная Россия провозгласила приоритет интересов отдельной личности. Высшей ценностью, согласно Конституции РФ 1993 года, является человек, его свободы и права. Этот принцип стал основой, на которой строится пенитенциарная система России. Но в условиях роста преступности в стране исправительные учреждения были вынуждены усилить строгость в обращении с заключенными.

В начале 1990-х годов пенитенциарные учреждения подчинялись различным ведомствам. В 1994 году, когда исполнение наказаний было передано ГУИН МВД РФ, данная ситуация изменилась. Уголовно-исполнительный кодекс РФ, который действует и сейчас, вступил в силу 1 июля 1997 года. В этом же году пенитенциарная система России стала подчиняться Министерству юстиции. В 2004 году была создана Федеральная служба исполнения наказаний (ФСИН) РФ.[6]

В настоящее время ФСИН контролирует все исправительные учреждения России, уголовно-исполнительными инспекциями, следственными изоляторами. Также ФСИН координирует деятельность всех подразделений и органов, которые осуществляют исполнение наказания.

В пенитенциарную систему России включено: 219 СИЗО и 108 помещений, которые функционировали в режиме следственных изоляторов, 728 исправительных колоний, 6 тюрем, 41 воспитательная колония для несовершеннолетних, действует 2489 уголовно-исполнительных инспекций для осужденных, их приговоры были не связаны с лишением свободы.

Кроме медицинских частей при каждом исправительном учреждении функционировали 133 больницы и специализированные лечебные исправительные учреждения.

Уголовно-исполнительная система включает 16 государственных унитарных предприятий, 58 лечебно-производственных и 83 учебно-производственных мастерских, 567 центров трудовой адаптации. При колониях работают 316 вечерних школ, 547 учебно-консультационный пункт, 306 профессиональных училищ.

В исправительных колониях действуют 703 молитвенных комнат и 598 храма. Осенью 2011 года началось утверждение идеи включения в штат учреждений ФСИН тюремных священников.[6]

Сегодня исправительная система нашей страны не вооружена обоснованными научно программами формирования личности законопослушной. Не отвечает требованиям современности также социально-бытовое обеспечение находящихся в заключении лиц.

В социальном отношении особенно тяжелыми являются последствия кризиса в России исправительно-трудовой системы. Новое преступление совершает каждый третий из освобожденных заключенных. В исправительно-трудовых учреждениях также велико количество суицидов. Такая ситуация обусловле-

на как субъективными, так и объективными причинами. Примером последних можно считать некомпетентность сотрудников ИТУ, отношение к заключенным которых основано на стереотипах, от которых они не могут отказаться. Объективные причины состоят прежде всего в том, что в нашей стране система пенитенциарных учреждений ориентирована, главным образом, на карательно-репрессивные методы, применяемые по отношению к заключенным. Налицо результаты этого: в российских и советских ИТУ за последние 40 лет побывало 40 млн человек, дальнейшая криминализация нашего общества наблюдается в перспективе.

Для того чтобы система пенитенциарных учреждений вышла из кризиса, нужно реформировать основы политики в этой области. Своеобразными «социальными клиниками» должны стать исправительно-трудовые учреждения. В них должен быть организован процесс педагогического перевоспитания. Зарубежный опыт пенитенциарных систем показывает наглядно, что в странах, где на гуманистические принципы опирается деятельность по перевоспитанию заключенных, процент рецидивов наиболее низок, как и общий уровень преступности. Можно привести в качестве примера такие государства, как Норвегия, Швеция, Дания, Швейцария.

В настоящее время в России реализуется комплекс правовых реформ, направленных на совершенствование и развитие национальной пенитенциарной системы, создание принципиально новых видов исправительных учреждений, оптимизацию взаимосвязи государственными органами и институтами гражданского общества. Важнейшая роль в этом процессе отводится Концепции развития уголовно-исполнительной системы (УИС) РФ до 2020 г., утвержденной распоряжением Правительства РФ от 14.10.2010 № 1772-р. Она предусматривает повышение эффективности всей работы учреждений и органов, исполняющих наказания, сокращение рецидива преступлений, совершенных лицами, отбывшими наказание, гуманизацию условий содержания лиц, заключенных под стражу, и лиц, отбывающих наказание в виде лишения свободы, повышение гарантий соблюдения их прав и законных интересов, а также эффективности социальной и психологической работы в местах лишения свободы и развития системы постпенитенциарной помощи. [5, л.35].

Результатами этих реформ должны стать не только качественные изменения в самих подходах к определению меры уголовной ответственности за совершение общественно опасных деяний, но и общающаяся превенция правонарушений.

Следует отметить, что Концепция вводит принципиально новый механизм формирования общественных отношений, возникающих в уголовно-правовой сфере, предусматривает качественно новые формы исполнения (отбывания) уголовных наказаний, расширяет возможности влияния на данные процессы различных институтов гражданского общества, повышает гарантии соблюдения прав, свобод и законных интересов осужденных, тем самым предупреждает совершение новых преступлений и т.д.

1. Альшиц Д.И. Начало самодержавия в России. Л.: Наука, 2008. 252с.
2. Лаптев С.А. История головно-исполнительной – системы: Курс лекций; Учебное пособие: Что должен знать каждый сотрудник об УИС / С.А. Лаптев. – Усурийск: Издательство УГПИ, 2004. 129с.
3. Русская правда. Краткая редакция // Российское законодательство X-XX веков. Т.1. Москва.: Юридическая литература, 1984. – С.47-49.
4. Тоскина Г.Н. Становление и развитие системы наказаний в уголовном праве России и СССР в 1917 – 1926 гг. Диссертация кандидата юридических наук 12.00.08. / Тоскина Галина Николаевна. - Ульяновск, 2005. – С. 189.
5. Развитие национальной пенитенциарной системы и ее правовое реформирование /Д.Н.Вороненков/Право и безопасность, №2, 2014. – С.34-40.
6. www.fsin.rf.
7. Васильев В.Е. Проблемы уголовно-исполнительного законодательства России на современном этапе / В.Е. Васильев // Материалы межвузовской научно-практической конференции, Усурийск, 27 апреля 2007 г. Владивосток: Изд-во ДВГУ, 2007. - С. 10.

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ СОВРЕМЕННОГО СОСТОЯНИЯ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ РОССИИ

А.В. Щербаков (Псков, Россия)

Характеризуя уголовно-исполнительную систему современной России, прежде всего, следует с опорой на концептуальные правовые документы [1], акты законодательства [2], специальную юридическую литературу [3], постановочно обозначить отправные посылы к пониманию основ её организации и функционирования.

Первое. Уголовно-исполнительная система занимает важное место в государственном механизме, осуществляет в параметрах, установленных государством правовых форм, при помощи специфических юридических и организационных средств и методов пенитенциарную деятельность, сопряжённую с реализацией мер государственного принуждения и необходимую для поддержания и обеспечения порядка (правового, политического, социального [4, с. 10–12]). В целом она относится к системе правоохранительных органов [5].

Второе. Уголовно-исполнительная система является социальным институтом, играющим особую роль в системе социального контроля, и, тем самым, выступает важнейшим компонентом системы социальной организации (общества) в целом [6, с. 42]. Важно отметить, что, будучи социальным институтом, уголовно-исполнительная система выполняет паритетно со специальными функциями исправительных учреждений социальные функции: карательную, превентивную, ресоциализирующую и реабилитационную. В свою очередь, социальный характер указанных функций определяется их направленностью (на исправление осуждённого, его ресоциализацию, а также защиту общества от преступлений и преступников); социально дифференцированным подходом к осуждённым; отношением общества (и его отдельных групп) к осуждённым и отбывшим наказание [7, с. 10, 11].

Третье. Уголовно-исполнительная система обладает существенной спецификой, производной от своего предназначения, выполняемых функций и задач, условий функционирования, коррелирующей с характером и объектами пенитенциарного воздействия, и проявляющейся в её внутренней организации, правилах уголовно-исполнительной деятельности, её специализации, коммуникативных, инфраструктурных и иных компонентах [8, с. 77]. Постановочно следует согласиться с суждением, согласно которому современная уголовно-исполнительная система России имеет чёткую и строгую иерархию, относительно закрытый (обусловленный её задачами и составом контингента осуждённых лиц) характер, при этом взаимодействует с другими структурными компонентами государственного механизма, социальными институтами в строго регламентированных правовых формах [9, с. 10]. Изучение законодательных и подзаконных нормативно-правовых предписаний позволяет вести речь об отнесении в состав современной уголовно-исполнительной системы России:

- Федеральной службы исполнения наказаний (ФСИН России, подведомственный Министерству юстиции РФ, головной орган управления [10, с. 13–18]), её территориальных органов;
- учреждений и органов, исполняющих различные виды наказаний (в том числе, не связанных с изоляцией от общества [11]);
- а также других организаций, деятельность которых обеспечивает функционирование данной системы. Позиционно следует согласиться с высказанным в специальной литературе мнением о том, что пенитенциарные учреждения занимают в уголовно-исполнительной системе особое место, поскольку именно они непосредственно обеспечивают достижение её целевых установок и задач [12, с. 79].

Кроме того, сама уголовно-исполнительная система может рассматриваться в разрезе «горизонтального» и «вертикального» её строения: в первом случае речь идёт об уголовно-исполнительной системе в узком её понимании, отождествлении с органами и учреждениями, непосредственно исполняющими различные уголовные наказания (как связанные, так и не связанные с изоляцией осуждённого от общества); во втором случае имеется в виду структура управления указанными органами и учреждениями со стороны ФСИН России и её территориальных органов [13, с. 19].

Вместе с тем, в специальной литературе, не без оснований, отмечается значимость правового упорядочения в части легального определения понятия уголовно-исполнительной системы, поскольку нередко в юридической литературе данная система, федеральный орган управления ею (а также его территориальные органы) и органы, учреждения, которые непосредственно исполняют наказания, рассматриваются как синонимы [14, с. 2].

Четвёртое. Уголовно-исполнительную систему, равно как и любой системный объект, имеющий социально-правовое измерение и отражение, необходимо рассматривать, во-первых, с учётом имеющихся взаимосвязей с другими социально-правовыми системными объектами, во-вторых, в динамике развития, во взаимосвязи с движением и изменениями социума, государства, а также (и особенно в современных условиях) – в корреляции с интеграционными процессами общемирового и регионального характера. Это, в свою очередь, означает, что уголовно-исполнительная система России, оказывая определённое влияние на общество и государство, сама испытывает не себе влияние происходящих в обществе и государстве процессов, адаптируется (в частности, при проведении реформирования) к ним. При этом обозначенная специфика рассматриваемой системы предполагает особенности её реформирования и адаптации к новым политико-правовым и социально-экономическим реалиям, необходимость особенно взвешенного, прагматичного и, одновременно, учитывающего гуманитарные идеи и ценности, потребности поступательного развития России, подхода. Очевидно также, что налаживание конструктивного взаимодействия между уголовно-исполнительной системой и позитивными компонентами социальной организации, формирование и практическое использование социально-правового механизма в этой связи является необходимым условием оптимизации современной уголовно-исполнительной системы [15, с. 35–38].

Изучение специальной литературы [16], в свою очередь, отражающей предпосылки и ход современного реформирования уголовно-исполнительной системы России позволяет, с известной долей обобщения, указать на две основные (по сути стратегические) взаимосвязанные целевые установки обозначенного процесса: 1) гуманизация уголовно-исполнительной системы, с учетом международных стандартов и демократизации Российского общества и государства; 2) повышение эффективности уголовно-исполнительной системы в контексте выполнения ею социальных и специальных функций. Соответст-

венно, современное состояние уголовно-исполнительной системы России следует рассматривать через призму данных целевых установок, совокупность факторов, обусловивших их постановку, а также факторов, оказывающих влияние на процесс достижения обозначенных целевых установок и решение связанных с этими установками задач.

1. О Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 года: Распоряжение Правительства РФ от 14.10.2010 № 1772-р // СЗ РФ. 2010. № 43. Ст. 5544.
2. Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации от 08.01.1997 № 1-ФЗ // СЗ РФ. 1997. № 2. Ст. 198; Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы: Закон РФ от 21.07.1993 № 5473-1 // Ведомости СНД и ВС РФ. 1993. № 33. Ст. 1316; Об общественном контроле за обеспечением прав человека в местах принудительного содержания и о содействии лицам, находящимся в местах принудительного содержания: Федеральный закон от 10.06.2008 № 76-ФЗ // СЗ РФ. 2008. № 24. Ст. 2789 и др.
3. Скобелин, С.Ю. Тенденции уголовно-исполнительной политики России начала XXI века // Lex russica. – 2016. – № 4.
4. Чесноков, А.А. Пенитенциарная система в механизме Российского государства (историко-теоретический аспект) / Автореф. дисс...канд. юрид. наук. – Н. Новгород, – 2006. – С. 10-12.
5. Правоохранительные и судебные органы России: учебник [Электронный ресурс] / В.С. Авдонкин, В.А. Бобренев, О.Н. Диордиева и др.; под ред. Н.А. Петухова, А.С. Мамыкина. – М.: Российский государственный университет правосудия, 2015.
6. Андреев, Н.А. Социология исполнения уголовных наказаний. – М., – 2001. – С. 42.
7. Лелюх, В.Ф. Российская уголовно-исполнительная система: социальные проблемы реформирования / Автореф. дисс....докт. социол. наук. – Кемерово, – 2006. – С. 10, 11.
8. Смирнов, Л.Б. Уголовно-исполнительная система России: теоретические, правовые и организационные основы: монография. – СПб., – 2007. – С. 77.
9. Лелюх, В.Ф. Российская уголовно-исполнительная система: социальные проблемы реформирования / Автореф. дисс....докт. социол. наук. – Кемерово, – 2006. – С. 10.
10. Бомбергер, И.И. Реформирование и становление российской пенитенциарной системы // Концептуальные направления реформирования уголовно-исполнительной системы: материалы межрегиональной научно-практической конференции, 13 авг. 2012 г. / под общ. ред. П.И. Остапенко; Владимир. юрид. ин-т Федер. службы исполнения наказаний, – Краснодар. фил., – 2012. – С. 13-18.
11. Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации от 08.01.1997 № 1-ФЗ // СЗ РФ. 1997. № 2. Ст. 198.
12. Смирнов, Л.Б. Уголовно-исполнительная система России: теоретические, правовые и организационные основы: монография. – СПб., – 2007. – С. 79.
13. Уткин, В.А. Проблемы уголовно-исполнительного права. Учебно-методический комплекс для магистратуры. – Томск, – 2017. – С. 19.
14. Борсученко, С. Уголовно-исполнительная система: понятие и содержание // ЭЖ-Юрист. – 2016. – № 41. – С. 2.
15. Багреева, Е.Г. Институты гражданского общества и уголовно-исполнительная система России: от конфронтации к сотрудничеству // Российский следователь. – 2012. – № 22. – С. 35 - 38.
16. Шамсунов, С.Х., Лосева, С.Н. Место и роль международных стандартов в системе исполнения наказаний России // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. – 2016. – № 1.

ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ В СФЕРЕ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ ОСУЖДЕННЫХ К НАКАЗАНИЯМ БЕЗ ИЗОЛЯЦИИ ОТ ОБЩЕСТВА

Н.В. Семенова (Псков, Россия)

Психокоррекционная работа - это воздействие на личность осужденного (ценностные ориентации, социальные представления, личностные качества, психическое состояние) с целью ее исправления посредством использования психологических методов, специальных программ и психотехнологий.

Психологическая помощь и коррекционная работа с осужденными в учреждениях, исполняющих уголовные наказания, не связанные с лишением свободы, направлена, прежде всего, на ресоциализацию осужденных, коррекцию криминально значимых свойств личности, развитие положительных качеств личности.

Существуют две формы психокоррекционной работы: индивидуальная и групповая.

В условиях исправительного учреждения индивидуальная психологическая коррекция осуществляется преимущественно как психологическое консультирование. Последнее понимается как процесс оказания психологической помощи (в данном случае, осужденному) в виде советов и рекомендаций, направленных на разрешение имеющихся у него проблем.

Если в классическом подходе к консультированию инициатива обращения к психологу всегда за клиентом, то в условиях наказания без лишения свободы психолог может узнать о проблемах осужденных из материалов первичной диагностики или обращения сотрудников. В этой ситуации психологу-консультанту, как правило, приходится брать инициативу в свои руки, расположить к себе осужденного и приглашать на консультацию. Основная задача психолога-консультанта состоит в том, чтобы помочь клиенту посмотреть на свои проблемы и жизненные сложности как бы со стороны, продемонстрировать и обсудить те особенности взаимоотношений, которые, будучи источником трудностей, не всегда осознаются и контролируются. При этом, решение не носит безальтернативного характера: осужденный самостоятельно берет на себя ответственность за свои решения и поступки.

Психолог-консультант не может ограничиваться одной встречей с осужденным. По крайней мере, таких встреч должно быть не менее двух, чтобы получить от осужденного обратную связь об эффективности консультации.

Психологическое консультирование также может осуществляться в русле различных психотехнологий. Наиболее часто используется рациональная психотерапия, основанная на логической способности осужденного проводить сопоставление, делать выводы, доказывать их обоснованность. Рациональная психотерапия используется в ситуации, когда у осужденного сформировались искаженные представления о событиях или конкретных людях, что вызывает эмоциональные болезненные переживания, неудовлетворенность. Изменение неправильных представлений клиента достигается определенными методическими приемами. Например, посредством применения методики сократовского диалога, при которой вопросы задаются таким образом, что предполагают только положительные ответы («Да!»), на основе которых осужденный уже сам делает соответствующие выводы.

Метод рациональной психотерапии широко применяется при проведении психокоррекционных мероприятий с ВИЧ-инфицированными осужденными.

Необходимо отметить, что в психологическом консультировании нуждаются не только осужденные, но и их родственники. Правильно поступают в тех учреждениях, где организуются психологические консультации в период проведения «Дней открытых дверей», во время свиданий осужденных. Несколько сложнее для освоения и, следовательно, реже используется рационально-эмоциональная терапия (РЭТ). Она предполагает замену жестких, неадекватных установок, убеждений, оценочных суждений осужденных, не реализуемых ими и вызывающих эмоциональные переживания, на рациональное видение мира.

Некоторые психологи используют элементы глубинной психотерапии (например, «анализ ранних воспоминаний») для выявления психотравмирующих факторов, оказавших влияние на развитие личности. Однако глубинная психотерапия требует длительной системы занятий с осужденными, возможностью чего, к сожалению, психологи не всегда располагают. Поэтому необходимо шире использовать методы психологической помощи, дающие быстрый эффект.

Не случайно в последние годы достаточно широкое распространение в психологической практике получают методики нейролингвистического программирования (НЛП). Владение навыками НЛП позволяет выявлять ведущую систему восприятия информации осужденным (визуальную, аудиальную или кинестетическую) и выбирать на ее основе оптимальную форму воздействия на собеседника. Эти навыки способствуют установлению глубокого доверия между психологом и осужденным (состояние раппорта). Проведение любой психокоррекционной техники начинается с установления раппорта. Среди психологов УИС формируется устойчивая профессиональная группа, накапливающая опыт использования данных психотехнологий в работе с осужденными.

В последнее время психологами УИС активно и весьма успешно используются методы арттерапии (терапии искусством) и в групповой, и в индивидуальной работе.

Наиболее распространенной формой групповой психокоррекционной работы в УИС является проведение социально-психологических тренингов. Термин «тренинг» имеет ряд значений - воспитание, обучение, подготовка, тренировка. В переводе с английского «to train» - обучать, тренировать, дрессировать. Психологический тренинг чаще проводится в групповой форме.

Популярны социально-психологические тренинги (СПТ). СПТ - это специальная тренировка (от англ. training) посредством методов активного воздействия (групповая дискуссия, ролевое обучение, анализ жизненного пути, групповая оценка и самооценка и т. п.). В зависимости от целей применения такой тренинг может выполнять функции терапии (лечения психосоматических проявлений), коррекции определенных личностных качеств (акцентуаций) и социальных навыков поведения и, наконец, развития нормально функционирующей личности и формирования новых умений.

Основными задачами СПТ являются: развитие и коррекция представлений осужденных о себе («Я-концепции»); познание других людей, формирование гуманистической установки по отношению к ним; дестабилизация стереотипных представлений о сотрудниках УИС; расширение сферы осознаваемого в понимании мотивов противоправного поведения, коррекция психологических защитных механизмов (рационализации своих действий); развитие адекватной самооценки и уверенности в себе; коррекция ценностных ориентации осужденных; прояснение и формирование жизненных планов осужденных; развитие эмоциональной устойчивости в сложных жизненных ситуациях; развитие следующих жизненных умений: устанавливать психологический контакт с нужными людьми, решать вопросы о трудоустройстве и регистрации, разрешать конфликтные ситуации в семье и т.п.

В настоящее время в пенитенциарную практику внедряются ряд психокоррекционных программ: «Программа по снижению агрессивности у лиц, осужденных за насильственные преступления к наказаниям, не связанным с лишением свободы» (ВИПЭ ФСИН России), «Управление гневом» (УОИНИО ФСИН России), «Программа по коррекции криминально значимых свойств личности осужденных к наказаниям, не связанным с лишением свободы» (ВЮИ ФСИН России), «Программа по выработке у несовершеннолетних осужденных без лишения свободы навыков преодоления жизненных трудностей» (НИИ

ФСИН России), «Программа личностного роста и формирования жизненных планов несовершеннолетних осужденных без лишения свободы» (АПУ ФСИН России), «Программа работы с осужденными без лишения свободы, имеющими наркотическую или алкогольную зависимость» (Самарский юридический институт ФСИН России).

Важно помнить, что одним из главных принципов психокоррекции является добровольность участия в процессе воздействия. Позитивные результаты психологической коррекции и консультативной помощи осужденным, особенно несовершеннолетним и зависимым лицам должны впоследствии подкрепляться. Для этого психологу УИИ необходимо активное взаимодействие с государственными центрами социальной и медицинской помощи, психолого-педагогической и реабилитационной работы, центрами по профилактике безнадзорности, наркомании, алкоголизма и СПИДа среди несовершеннолетних, общественными, благотворительными и иными организациями. Это могут быть группы самопомощи ("12 шагов"), организованные при участии общественных и благотворительных организаций, постпенитенциарных центров. Постоянное общение и взаимодействие с осужденными дает возможность эффективно и безболезненно решать их ситуационные и личностные проблемы.

На наш взгляд, возможно достаточно широкое использование встреч подростков и их родителей со специалистами центров медико-психологической помощи молодежи, консультации психологов и педагогов кафедр психологии высших учебных заведений. Основу работы психологов с осужденными подростками должны составлять поиск средств и способов устранения девиантного поведения несовершеннолетних, укрепление их психического здоровья, помощь в решении конкретных психологических проблем, при возникновении трудных жизненных ситуаций.

Как правило, трудная жизненная ситуация включает в себя целый комплекс негативных социальных причин и условий, а также внутриличностных и межличностных конфликтов несовершеннолетнего правонарушителя. В связи с этим перед УИИ стоит сложная и многоплановая задача формирования правопослушного поведения осужденных и снижения вероятности повторных преступлений. Ее решение требует комплексного применения всех средств, способных оказать позитивное воздействие на осужденных.

Еще один положительный опыт, требующий, на наш взгляд, особого внимания, – горячая линия «Оказание социальной помощи лицам, осужденным к наказаниям без изоляции от общества». Консультативную помощь осужденные могут получить по самым разным вопросам: психологическая поддержка, юридическая помощь или консультация по решению проблем социального характера. В мероприятиях могут принимать участие, помимо сотрудников УИИ, специалисты отделения экстренной психологической помощи по «телефону доверия», специалисты центра «Семья», врачи-наркологи. Все диалоги должны осуществляться в условиях строгой анонимности абонентов. Этот проект оказался востребованным, поэтому принято решение продолжить взаимодействие и устраивать подобные мероприятия в дальнейшем.

Одна из стратегических целей УИИ – не только повышение эффективности исполнения уголовных наказаний без изоляции от общества, но и защита прав и свобод человека в связанных с этой сферой правоотношениях. Невнимание к этим проблемам может спровоцировать рецидив преступности.

В связи с расширением сферы применения наказаний без изоляции осужденных от общества, увеличением числа их функций становится актуальным психологическое обеспечение деятельности УИИ. Для успешного функционирования психологов УИИ регламентированы нормативно-правовые и этические основы их деятельности, функции и основные направления деятельности; организована система подготовки, переподготовки и повышения квалификации, научное и методическое обеспечение.

Как показало исследование, психолог может помочь осужденному в решении личных проблем (33,3%), семейных (19,5 %), проинформировать, оказать психологическую консультацию (28,8 %). Конечно, для этого психолог должен быть хорошо профессионально подготовленным и искренне заинтересован в оказании помощи каждому конкретному осужденному. Видимо, из-за недостаточного уровня знаний психолог УИИ (8,1 % респондентов указали на это на взгляд респондентов, не может оказать никакой помощи осужденным и 12,8 % – сотрудникам. По мнению 30,2 % респондентов, применительно к сотрудникам психолог может оказать эмоциональную поддержку, 11,6 % – оказать содействие в решении семейных проблем.

Согласно данным исследования, эффект психологического обеспечения деятельности УИИ нередко снижается из-за того, что психологи не используют индивидуальные психокоррекционные программы (такого мнения придерживаются 50,5 % респондентов). В связи с этим в рамках нормативно-правового обеспечения деятельности психологов УИИ необходимы прежде всего: выработка квалификационных требований к психологу (61,1 %); определение должностного статуса психолога (23,9 %); определение нормы нагрузки на психолога (36,3 %). Опрошенные считают, что нагрузка на психолога не должна быть более 50 осужденных (39,3 %); определение порядка взаимодействия с другими службами (19,5 %).

На наш взгляд, во многом улучшению психологического обеспечения деятельности УИИ будет способствовать введение в структуру УИИ отделений (отделов) психологического обеспечения. В него входят: начальник отделения, старший психолог и два психолога, при этом количество должностей психологов, отнесенных к категории начальствующего состава, а также служащих определяется из расчета: 1

должность на 300 единиц среднегодовой численности осужденных, состоящих на учете. Соотношение должностей старших психологов и психологов устанавливается 1:2. К сожалению, в настоящее время, по мнению 9,8 % наших респондентов, психологи УИИ используются в качестве инспекторов, что нередко связано с большой нагрузкой последних. В результате происходят упущения по основному направлению работы и как результат – высокий уровень повторной преступности подучетных лиц. Видимо, поэтому 24,1 % наших респондентов считают, что выполнение функций психолога возможно сотрудниками других служб, не входящих в УИС. При проведении воспитательной психокоррекционной,

1. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (с учетом поправок, внесенных Законами Российской Федерации о поправках к Конституции Российской Федерации от 30 декабря 2008 г. № 6-ФКЗ, № 7-ФКЗ) // СПС «КонсультантПлюс».
2. Конвенция о правах ребенка: принята Резолюцией 44/25 Генеральной Ассамблеи ООН от 20 ноября 1989 г. // <http://www.un.org>
3. Концепция развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 года: утв. распоряжением Правительства Российской Федерации от 14 октября 2010 г. № 1772-р // Ведомости уголовно-исполнительной системы. – 2010. – № 12.
4. Минимальные стандартные правила обращения с заключенными // Документы ООН, касающиеся заключенных: сборник. – М., 2015.
5. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон от 7 декабря 2011 г. № 420-ФЗ // Рос. газ. – 2011. – 9 дек.
6. Об оперативно-розыскной деятельности: Федеральный закон от 12 июля 1995 г. № 144-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».
7. Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних: Федеральный закон от 24 июня 1999 г. № 120-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».
8. Об утверждении Инструкции по организации исполнения наказаний и мер уголовно-правового характера без изоляции от общества: приказ Минюста России от 20 мая 2009 г. № 142 // СПС «КонсультантПлюс».
9. Об утверждении Инструкции по организации исполнения наказания в виде ограничения свободы: утв. приказом Минюста России от 11 октября 2010 г. № 258 // СПС «КонсультантПлюс».
10. Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы: Федеральный закон от 21 июля 1993 г. № 5473-1 // СПС «КонсультантПлюс».
11. Стратегия национальной безопасности Российской Федерации: утв. Указом Президента Российской Федерации 31 декабря 2015 г. № 683. Рос. газ. – 2016.
12. Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 8 января 1997 г. № 1-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».
13. Уголовный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».
14. Аванесов Г.А. Криминология. – М., 2014.
15. Аверин В.А. Психология личности: учеб. пособие. – СПб., 2014.

ИСТОРИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ РАЗВИТИЯ И СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ПРАВОВОЙ РЕГЛАМЕНТАЦИИ ДОМАШНЕГО АРЕСТА КАК МЕРЫ ПРЕСЕЧЕНИЯ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ РОССИИ, БЕЛАРУСИ И НЕКОТОРЫХ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН

О.П. Александрова (Псков, Россия)

В любом правовом государстве высшей ценностью являются права и свободы человека и гражданина. Их признание, соблюдение и защита – обязанность государства, его правоохранительных органов. Однако в случаях, предусмотренных национальным законодательством, допускается ограничение гарантированных и защищаемых государством прав. Одним из проявлений таких ограничений является применение к обвиняемым и подозреваемым домашнего ареста, который в России, как и во многих других странах, в системе мер уголовно-процессуального принуждения по строгости ограничения конституционных прав и свобод указанной категории лиц занимает второе место, уступая лишь заключению под стражу, чем и обусловлено пристальное внимание мировой науки и практики к вопросу применения.

Исторический анализ показывает, что впервые мера пресечения в виде домашнего ареста получила свое законодательное закрепление в Своде законов 1832 г., а ее сущность состояла в том, что в доме арестованного должен был находиться полицейский служащий или жандарм [2, с. 23-24]. В Уставе уголовного судопроизводства 1864 г. [14] также в качестве меры пресечения предусматривался домашний арест, при котором обвиняемый оставался дома, но к нему приставлялась стража для воспрепятствования побегу, сокрытию следов преступления и общению с другими лицами. Однако на практике домашний арест ввиду затруднительности его осуществления применялся только к лицам видного общественного положения или к больным.

В дальнейшем «Положением о военных следователях» 1919 г. [5] домашний арест был упразднен, однако с появлением кодифицированного уголовно-процессуального законодательства (УПК РСФСР 1922 г. [6] и УПК РСФСР 1923 г. [7]) вновь был включен в систему мер пресечения.

В последующем, Основы уголовного судопроизводства Союза СССР и союзных республик 1958 г., а затем и УПК РСФСР 1960 г. [8] по идеологическим соображениям ликвидировали домашний арест из системы мер пресечения.

Проводимая в России судебная реформа обусловила принятие в 2001 г. УПК РФ [9] и восстановление домашнего ареста в системе мер пресечения как альтернативной заключению под стражу меры пресечения.

Однако правовая регламентация нормы о домашнем аресте, действовавшая до 01.01.2012 г., содержала много противоречий и пробелов, которые не позволяли ее применять и приводили к использованию более «традиционных и проверенных» мер пресечения в виде подписки о невыезде и надлежащем поведении и заключении под стражу. Так, например, в 2008 г. федеральными судами общей юрисдикции по первой инстанции было удовлетворено 207456 ходатайств об избрании заключения под стражу и только 101 ходатайство о домашнем аресте (в 2054 раза меньше), в 2010 г. – 148689 ходатайств о заключении под стражу и 668 ходатайств о домашнем аресте (в 223 раз меньше)[3].

Изменение Федеральным законом от 07.12.2011 г. № 420-ФЗ[3] редакции ст. 107 УПК РФ, регламентирующей домашний арест, несколько улучшило ситуацию с его применением. Так, уже за 1 полугодие 2012 г. федеральными судами общей юрисдикции по первой инстанции было удовлетворено уже 1202 ходатайства об избрании меры пресечения в виде домашнего ареста, что в 4 раза больше по сравнению с 2010 г., однако количество удовлетворенных ходатайств об избрании заключения под стражу по-прежнему в значительной степени преобладает (в 2016 г. в 20 раз)[3].

В целях совершенствования правового регулирования домашнего ареста в России целесообразно обратиться к опыту зарубежных стран (Беларуси, Казахстана, Узбекистана), который характеризуется своими особенностями с учетом уровня развития рассматриваемого правового института.

Так, в Республике Беларусь в 1999 г. был принят новый УПК РБ[10], одной из новелл которого стало закрепление домашнего ареста как меры пресечения. В уголовно-процессуальном законодательстве Казахстана (УПК РК 1997 г.[11] и 2014 г.[12]) он также нашел свое закрепление как мера пресечения. В УПК РУ домашний арест в состав системы мер пресечения был включен сравнительно недавно в соответствии с Законом от 04.09.2014 г.[1].

Анализ опыта зарубежных стран, где домашний арест, аналогично России, применяется в качестве меры пресечения в уголовном судопроизводстве, позволил выявить положительные черты, которые могли бы быть восприняты национальным законодательством.

1. В соответствии с законодательством Республики Казахстан надзор за лицом, находящимся под домашним арестом, осуществляет орган, ведущий уголовный процесс (ст. 146, п. 8 Правил исполнения меры пресечения в виде домашнего ареста[12]).

В УПК РБ в качестве органа, на который возложено исполнение постановления (определения) о применении домашнего ареста, закреплен орган дознания (ст. 119).

В России, после изменения редакции ст. 107 УПК РФ[3] были разрешены многочисленные споры о том, кто должен осуществлять контроль за нахождением подозреваемого или обвиняемого в месте исполнения домашнего ареста и за соблюдением им наложенных судом запретов и (или) ограничений. Указанный контроль осуществляется уголовно-исполнительными инспекциями (УИИ) Федеральной службы исполнения наказаний, но в соответствии с межведомственным приказом – во взаимодействии с органами предварительного расследования. Однако практика свидетельствует о низкой эффективности такого взаимодействия, и, в первую очередь, по причине отсутствия заинтересованности у органов предварительного расследования оказывать содействие сотрудникам УИИ в выполнении возложенных на них обязанностей в сфере применения домашнего ареста.

Поэтому в данном вопросе, представляется интересным опыт Казахстана, где надзор за лицом, находящимся под домашним арестом, осуществляет орган, ведущий уголовный процесс, то есть тот субъект, который в максимальной степени заинтересован в эффективности применения меры пресечения.

2. По законодательству Казахстана место содержания под домашним арестом определяется органом, ведущим уголовный процесс, который и осуществляет надзор за арестованным[12]. Допускается предоставление подозреваемому, обвиняемому жилища родственниками и иными лицами на время производства по уголовному делу, но при этом необходимо письменное их согласие, а также совместно проживающих с ними совершеннолетних лиц.

Однако в законодательстве России, Беларуси отсутствует требование о необходимости учета мнения проживающих с обвиняемым лиц при избрании домашнего ареста, что скорее является негативным моментом правовой действительности обоих государств.

Представляется, что обозначенные выше правила Республики Казахстан, касающиеся применения домашнего ареста могут быть восприняты российским законодателем в целях повышения его эффективности и соблюдения прав и свобод лиц, предоставляющих жилище подозреваемому или обвиняемому.

3. Основания (цели) избрания меры пресечения по УПК России (ст. 97), Казахстана (ст. 136), Узбекистана (ст. 236) и Белоруссии (ст. 117) по своему внутреннему содержанию аналогичны. Однако их формулировка в УПК РФ, УПК РК и УПК РУ носит прогностический (вероятностный) характер: «достаточные основания полагать», что обвиняемый «может» скрыться, продолжить преступную деятельность, воспрепятствовать производству по делу. По УПК РБ основаниями применения домашнего ареста явля-

ются «собранные доказательства, на основе которых можно полагать», что возможно указанное выше «нежелательное» поведение обвиняемого.

Мнение лица или органа, принимающего решение о применении меры пресечения, должны основываться не на интуиции или предположениях, а на базе конкретных доказательств, подтверждающих наличие оснований для ее избрания, полученных в порядке, установленном уголовно-процессуальным законодательством, с соблюдением процессуальной формы их получения, закрепления, оценки и применения, поэтому представляется, что УПК РБ в формулировке оснований избрания меры пресечения является более прогрессивным, чем УПК России, Казахстана и Узбекистана.

4. Нормы УПК РК (ст.146, 147) и УПК РУ (ст. 242,242-1), посвященные домашнему аресту, содержат указания на вид и размер уголовного наказания за преступление, в совершении которого лицо обвиняется или подозревается, как условие применения к нему указанной меры пресечения. Например, по УПК Казахстана – это обвинение или подозрение в совершении преступления, за которое Уголовным кодексом предусмотрено наказание в виде лишения свободы на срок не менее 5 лет.

Нормы УПК РФ и УПК РБ, посвященные домашнему аресту, не содержат указания на вид и размер уголовного наказания за преступление, в совершении которого лицо обвиняется или подозревается, как условие применения к нему указанной меры пресечения, хотя подобное условие предусмотрено для принятия решения о заключении под стражу.

С учетом того, что домашний арест является второй по строгости мерой пресечения после заключения под стражу, обозначенные выше условия его применения служат дополнительной гарантией защиты прав и свобод человека от произвольного применения меры пресечения.

Таким образом, исследование особенностей избрания и применения домашнего ареста в правовых системах России и некоторых зарубежных стран позволяет сделать вывод о том, что изучаемая мера не является нововведением и имеет положительный опыт практического применения. Однако, несмотря на то, что в России не прекращается процесс совершенствования вопросов избрания и применения домашнего ареста и в правовом регулировании указанной меры пресечения имеются существенные достижения, некоторый положительный опыт зарубежных стран, как представляется, целесообразно использовать в национальном законодательстве в целях совершенствования института домашнего ареста, являющегося привлекательной и перспективной мерой, решающей ряд серьезных проблем, среди которых можно выделить не только переполнение следственных изоляторов и высокие финансовые затраты на содержание обвиняемых (подозреваемых) под стражей, но и вообще проблему гуманного отношения к человеку, что соответствует потребностям современности в цивилизованных странах.

1. Мухаммадиев А.А. Домашний арест в уголовном судопроизводстве Республики Узбекистан // Евразийская адвокатура. – 2015. – № 4 (17). – С. 44-47.
2. Светочев В.А. Домашний арест, как мера пресечения в уголовном процессе Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. / В.А. Светочев. – М., 2009. – 197 с.
3. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон от 07.12.2011 г. № 420-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2011. № 50. Ст. 7362.
4. Отчеты и оперативные статистические сведения о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению уголовных дел по первой инстанции: Официальный сайт Судебного Департамента при Верховном Суде РФ. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.cdep.ru>.
5. Положение о военных следователях. Утверждено приказом Реввоенсовета Советской Республики № 1595 от 30.09.1919 г. // Сборник приказов Реввоенсовета Советской Республики 1919. С. 49-50.
6. Постановление ВЦИК от 25.05.1922 г. «Об Уголовно-Процессуальном Кодексе» (вместе с «Уголовно-Процессуальным Кодексом Р.С.Ф.С.Р.») // Собрание узаконений РСФСР. 1922. № 20-21. Ст. 230.
7. Постановление ВЦИК от 15.02.1923 г. «Об утверждении Уголовно-Процессуального Кодекса Р.С.Ф.С.Р.» (вместе с «Уголовно-Процессуальным Кодексом Р.С.Ф.С.Р.») // Собрание узаконений РСФСР. 1923. № 7. Ст. 106.
8. Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР от 27.10.1960г. // Ведомости Верховного Совета РСФСР. 1960. № 40. Ст. 592.
9. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 18.12.2001 г. № 174-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2001. № 52 (ч. I). Ст. 4921.
10. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь от 16.07.1999 г. № 295-З. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30414958.
11. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан от 13.12.1997 г. № 206-І. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://online.zakon.kz/Document/?doc_id=1008442.
12. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан от 04.07.2014 г. № 231-V. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31575852#sub_id=6740000;
13. Совместный приказ Министра внутренних дел Республики Казахстан от 29.08.2014 г. № 564, Генерального прокурора Республики Казахстан от 02.09.2014 г. № 86, Председателя Комитета национальной безопасности Республики Казахстан от 04.09.2014 г. № 290, Министра финансов Республики Казахстан от 11.09.2014 г. № 394 и Председателя Агентства Республики Казахстан по делам государственной службы и противодействию коррупции от 12.09.2014 г. № 4 «Об утверждении Правил исполнения меры пресечения в виде домашнего ареста» (Зарегистрирован в Реестре государственной регистрации нормативных правовых актов Республики Казахстан 22.09.2014 г. под № 9741). [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://adilet.zan.kz/rus/origins/V14C0009741>.
14. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Узбекистан: утвержден Законом Республики Узбекистан от 22 сентября 1994 года № 2013-ХІІ. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30421101.
15. Устав уголовного судопроизводства 20.11.1864 г., с изложением рассуждений, на коих они основаны // [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://constitution.garant.ru/history/act1600-1918/3137>.

СИСТЕМА АНТИТЕРРОРИСТИЧЕСКОЙ ЗАЩИЩЕННОСТИ ОБЪЕКТОВ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ

Б.Б. Казак, Ю.А. Михайлова (Псков, Россия)

Терроризм как идеология насилия в современном мире приобрел острый характер. В связи с этим в настоящее время актуальны такие проблемы, как недостаточное правовое регулирование общественных отношений в ряде сфер, в том числе в области антитеррористической деятельности; отсутствие должной эффективности правоохранительной деятельности, значительные масштабы коррупции в ее структурах; широкая пропаганда насилия и жестокости рядом средств массовой информации, в частности телевидением.

Поскольку угроза совершения терактов на территории страны существует, антитеррористическая защищенность объектов является основой государственной политики Российской Федерации.

Практика показывает, что необходимо переоценить роль образовательных организаций в противодействии терроризму, более того, назрела необходимость совершенствования правоприменения системы антитеррористической защищенности объектов с учетом активной роли образовательных организаций в противодействии терроризму. В числе основных направлений деятельности в этой сфере можно назвать обеспечение охраны объектов, в том числе образовательной инфраструктуры.

В России создана и функционирует система антитеррористической защищенности объектов, правовую основу которой составляют Конституция Российской Федерации, общепризнанные принципы и нормы международного права, международные договоры Российской Федерации, федеральные конституционные законы, федеральные законы: Федеральный закон «О ратификации Европейской конвенции о пресечении терроризма» от 07.08.2000 № 121-ФЗ (последняя редакция), Федеральный закон «О ратификации Шанхайской конвенции о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом» от 10.01.2003 № 3-ФЗ (последняя редакция), УК РФ (ст. 205, 206, 207, 208, 211).

Следует также отметить, что правовую основу системы противодействия терроризму дополняют Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года и Концепция противодействия терроризму. Так, Концепция противодействия терроризму в качестве одной из основных задач противодействия терроризму определяет обеспечение безопасности граждан и антитеррористической защищенности потенциальных объектов террористических посягательств, в том числе критически важных объектов инфраструктуры и жизнеобеспечения, а также мест массового пребывания людей; противодействие распространению идеологии терроризма и активизация работы по информационно-пропагандистскому обеспечению антитеррористических мероприятий.

Пункт 6 Федерального закона от 06.03.2006 № 35-ФЗ «О противодействии терроризму» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2017) предусматривает антитеррористическую защищенность объекта (территории) как состояние защищенности здания, строения, сооружения, иного объекта, места массового пребывания людей, препятствующее совершению террористического акта. При этом под местом массового пребывания людей понимается территория общего пользования поселения или городского округа, либо специально отведенная территория за их пределами, либо место общего пользования в здании, строении, сооружении, на ином объекте, на которых при определенных условиях может одновременно находиться более пятидесяти человек.

Постановление Правительства Российской Федерации от 25.03.2015 № 272 (ред. от 19.01.2018) «Об утверждении требований к антитеррористической защищенности мест массового пребывания людей и объектов (территорий), подлежащих обязательной охране войсками национальной гвардии Российской Федерации, и форм паспортов безопасности таких мест и объектов (территорий)» предусматривает категорирование мест массового пребывания людей. Под действие этого нормативного правового акта попадают следующие категории объектов:

- административные здания;
- учреждения здравоохранения;
- детские сады, школы, вузы, учреждения дополнительного образования;
- учреждения социального обслуживания населения;
- объекты физической культуры и спорта;
- кинотеатры, киноконцертные залы, театры, музеи, подростково-молодежные клубы и другие учреждения культуры;
- гостиницы, мини гостиницы, hostels, пансионаты, дома отдыха;
- рынки, ярмарки;
- предприятия (заводы и т. п.);
- магазины, торговые центры и другие объекты розничной торговли (от 1000 кв.м. вкл.);
- рестораны, кафе и др. предприятия общественного питания (от 50 мест вкл.) и т. п.

Законодательно закреплены мероприятия по обеспечению антитеррористической защищенности мест массового пребывания людей, где все места массового пребывания людей независимо от установленной

категории оборудуются: а) системой видеонаблюдения; б) системой оповещения и управления эвакуацией; в) системой освещения.

Согласно п. 24 указанного ранее постановления в целях поддержания правопорядка в местах массового пребывания людей организуется их физическая охрана, кроме того, в п. 27 указаны пути эвакуации в местах массового пребывания людей, которые должны быть свободны для перемещения людей и транспортных средств.

Согласно п. 13 ст. 30 Федерального закона от 30.12.2009 № 384-ФЗ «Технический регламент о безопасности зданий и сооружений» для обеспечения защиты от несанкционированного вторжения в здания и сооружения необходимо соблюдение следующих требований:

- в зданиях с большим количеством посетителей, а также в зданиях образовательных, медицинских, банковских учреждений, на объектах транспортной инфраструктуры должны быть предусмотрены меры, направленные на уменьшение возможности криминальных проявлений и их последствий;

- в закреплённых законодательством Российской Федерации случаях в зданиях и сооружениях должны быть устроены системы телевизионного наблюдения, системы сигнализации и другие системы, направленные на обеспечение защиты от угроз террористического характера и несанкционированного вторжения.

Пунктом 6.48 Свода правил 118.13330.2012 СНиП 31-06-2009 «Общественные здания и сооружения», утвержденного Приказом Минрегиона РФ от 29.12.2011 № 635/10 (далее – СНиП 31-06-2009), установлено, что для комплексной безопасности и антитеррористической защищенности учреждений образования и их учащихся следует предусматривать на первом этаже помещения для охраны с установкой в них систем видеонаблюдения, пожарной и охранной сигнализации и канала передачи тревожных сообщений в органы внутренних дел (вневедомственной охраны) или в ситуационные центры «Службы 112».

Из приложения «В» к СНиП 31-06-2009 следует, что требования об установке систем видеонаблюдения распространяются на дошкольные образовательные организации и общеобразовательные учреждения (школы, гимназии, лицеи, колледжи, школы-интернаты), учреждения профессионального образования (высшего, среднего и дополнительного).

В ходе прокурорских проверок на предмет антитеррористической защищенности объектов проверяются:

- 1) паспорт антитеррористической защищенности с указанием даты подготовки и актуальности, его согласованность с соответствующими органами;
- 2) системы антитеррористической защищенности и оповещения, их оснащённость;
- 3) результаты обследований или проверок состояния антитеррористической защищенности объекта;
- 4) здания (строения, сооружения), места общего пользования, в которых при определенных условиях могут одновременно находиться более 50 человек;
- 5) фактический и требуемый объемы финансовых средств для осуществления мероприятий по антитеррористической защищенности.

Система антитеррористической защищенности объектов предусматривает комплексность, правовую основу и развитие антитеррористической инфраструктуры.

Системность исполнения требований нормативных правовых актов по обеспечению технической укреплённости и антитеррористической защищенности является обязанностью образовательных организаций, при этом органы местного самоуправления должны финансировать профилактические антитеррористические мероприятия, в том числе установку защитных систем.

Подпунктом 5 п. 1 ст. 9 Закона об образовании к полномочиям органов местного самоуправления муниципальных районов и городских округов по решению вопросов местного значения в сфере образования отнесено обеспечение содержания зданий и сооружений муниципальных образовательных организаций, обустройство прилегающих к ним территорий.

В соответствии с п. 4 ст. 3 Федерального закона № 35-ФЗ противодействие терроризму – деятельность органов государственной власти и органов местного самоуправления по предупреждению терроризма, выявлению, предупреждению, пресечению, раскрытию и расследованию террористического акта, минимизации и (или) ликвидации последствий проявлений терроризма.

На основании пп. 6.1 п. 1 ст. 15 Федерального закона от 06.10.2003 № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» (далее – Федеральный закон № 131-ФЗ) к вопросам местного значения муниципального района относится участие в профилактике терроризма и экстремизма, а также в минимизации и (или) ликвидации последствий проявлений терроризма и экстремизма на территории муниципального района.

В силу п. 3 ч. 1 ст. 17 Федерального закона № 131-ФЗ в целях решения вопросов местного значения органы местного самоуправления муниципальных районов обладают полномочиями по финансированию муниципальных учреждений.

В ст. 89, п. 2 Федерального закона от 29.12.2012 N 273-ФЗ (ред. от 29.12.2017) «Об образовании в Российской Федерации» указывается, что управление системой образования включает в себя:

1) формирование системы взаимодействующих федеральных органов исполнительной власти, органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации и органов местного самоуправления, осуществляющих управление в сфере образования;

3) принятие и реализацию государственных программ Российской Федерации, федеральных и региональных программ, направленных на развитие системы образования;

4) проведение мониторинга в системе образования;

5) информационное и методическое обеспечение деятельности федеральных государственных органов, органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации, осуществляющих государственное управление в сфере образования, и органов местного самоуправления, осуществляющих управление в сфере образования.

Правовую основу дополняют приказ Министерства образования и науки Российской Федерации от 4 июня 2008 г. № 170 «О комплексе мер по противодействию терроризму в сфере образования и науки». Во исполнение Постановления Правительства Российской Федерации от 4 мая 2008 г. № 333 «О компетенции федеральных органов исполнительной власти, руководство деятельностью которых осуществляет Правительство Российской Федерации, в области противодействия терроризму» утвержден комплекс мер по противодействию терроризму в сфере образования и науки.

Постановление Правительства Российской Федерации от 4 мая 2008 г. № 333 «О компетенции федеральных органов исполнительной власти, руководство деятельностью которых осуществляет Правительство Российской Федерации, в области противодействия терроризму» в п. 2 определяет, что Министерство образования и науки Российской Федерации разрабатывает и обеспечивает реализацию комплекса мер, предусматривающего организацию в сфере образования и науки эффективного противодействия терроризму, пропаганде его идей, а также ряд основных указанных далее направлений.

Применительно к формированию и реализации основных направлений государственной политики в установленной сфере деятельности в области противодействия терроризму п. 1.1 закрепляет организацию подготовки, переподготовки и повышения квалификации всех категорий педагогических работников в области противодействия терроризму, обеспечения антитеррористической защищенности.

В рамках переподготовки и повышения квалификации у педагогических работников необходимо формирование правосознания категорий экстремизма и терроризма, их последствий.

Так, в соответствии с законодательством Российской Федерации, экстремизм и терроризм – понятия, имеющие ряд отличий. Терроризм является одной из разновидностей экстремистской деятельности в соответствии с п. 1 ст. 3 Федерального закона от 06.03.2006 № 35-ФЗ (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2017) «О противодействии терроризму», п. 1 ст. 1 Федерального закона «О противодействии экстремистской деятельности» от 25.07.2002 № 114-ФЗ (последняя редакция). В целом экстремизм включает в себя, помимо терроризма, иные противоправные действия, сопряженные с насилием либо угрозой его применения. Противодействие экстремизму и терроризму включает в себя предупреждение, выявление, пресечение и профилактику террористической и экстремистской деятельности. Противодействие терроризму, в отличие от противодействия экстремизму, включает в себя также деятельность, направленную на минимизацию и ликвидацию последствий, раскрытие и расследование терактов и подготовок к ним.

Что касается подготовки, переподготовки и повышения квалификации всех категорий педагогических работников в области противодействия терроризму, обеспечения антитеррористической защищенности, то ст. 11 Федерального закона № 273-ФЗ (ред. от 29.12.2017) «Об образовании в Российской Федерации» указывает федеральные государственные образовательные стандарты и федеральные государственные требования к формированию компетентности выпускников, в том числе с учетом профессиональных стандартов в сфере образования.

Профессиональные стандарты разработаны и применяются согласно ст. 195.2 и ст. 195.3 Трудового кодекса Российской Федерации, Постановлению Правительства Российской Федерации от 27.06.2016 № 584, распоряжению Правительства Российской Федерации от 29.09.2016 № 2042-р (Распоряжение Правительства Российской Федерации от 29.09.2016 № 2042-р «О центре профессиональной подготовки, переподготовки и повышения квалификации рабочих кадров»), Информация Минтруда России от 10.02.2016 (Минтруда России от 10.02.2016 «О применении профессиональных стандартов в сфере труда»): в соответствии с п. 3 ст. 1 Федерального закона от 2 мая 2015 г. № 122-ФЗ «О внесении изменений в Трудовой кодекс Российской Федерации и статьи 11 и 73 Федерального закона "Об образовании в Российской Федерации"» Трудовой кодекс Российской Федерации дополнен ст. 195.3 «Порядок применения профессиональных стандартов». Профессиональный стандарт – это характеристика квалификации, необходимой работнику для осуществления определенного вида профессиональной деятельности, в том числе выполнения определенной трудовой функции.

К ряду основных направлений реализации комплекса мер в сфере образования и науки эффективного противодействия терроризму, обеспечения антитеррористической защищенности следует отнести:

- обеспечение антитеррористической защищенности объектов федеральной собственности организаций, находящихся в ведении министерства, а также объектов, находящихся в ведении федеральных служб и федеральных агентств;
- сбор и обобщение информации о состоянии антитеррористической защищенности объектов организаций, подведомственных министерству, а также объектов, находящихся в ведении федеральных служб и федеральных агентств;
- организацию выполнения мероприятий в сфере образования и науки по вопросам эффективного противодействия терроризму;
- противодействие пропаганде идей терроризма, распространению материалов или информации, призывающих к осуществлению террористической деятельности либо обосновывающих или оправдывающих необходимость осуществления такой деятельности;
- п. 40. Разработка рекомендаций образовательным учреждениям высшего, среднего и начального профессионального образования для проведения с учащимися и студентами факультативных занятий по вопросам противодействия терроризму;
- п. 41. Разработка учебных программ, методических рекомендаций, просветительских буклетов по противодействию терроризму.

Следует отметить, что немалая роль в совершенствовании правоприменения системы антитеррористической защищенности отводится реализации программ профилактики. В частности, осуществление деятельности образовательной организации при обязательном наличии системы видеонаблюдения направлено на обеспечение безопасности несовершеннолетних и сотрудников образовательной организации, их защиту от любых посягательств со стороны третьих лиц - данная мера является одной из профилактических мер, направленных на противодействие террористической деятельности (апелляционные определения Волгоградского областного суда от 10.09.2015 по делу № 33-10120/2015, Омского областного суда от 29.10.2014 по делу № 33-6925, Вологодского областного суда от 16.05.2014 по делу № 33-2288/2014).

Федеральный закон от 06.03.2006 № 35-ФЗ (ред. от 06.07.2016) «О противодействии терроризму» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2017) устанавливает наряду с принципами правовые и организационные основы профилактики терроризма и борьбы с ним. Согласно ст. 2 указаны основные принципы противодействия терроризму – сотрудничество государства с общественными и религиозными объединениями, международными и иными организациями, гражданами в противодействии терроризму:

- 1) обеспечение и защита основных прав и свобод человека и гражданина;
- 2) противодействие терроризму – деятельность органов государственной власти и органов местного самоуправления, а также физических и юридических лиц по предупреждению терроризма, в том числе по выявлению и последующему устранению причин и условий, способствующих совершению террористических актов (профилактика терроризма).

Целью программ противодействия терроризму, обеспечения антитеррористической защищенности и профилактики терроризма в образовательной организации является формирование у обучающихся и работников мировоззрения, не совместимого с идеями экстремизма и терроризма, формирование норм поведения, основу которых составляет понимание необходимости соблюдения прав и свобод человека и гражданина; организация антитеррористической деятельности, противодействие возможным фактам проявления терроризма и экстремизма, формирование толерантной среды на основе ценностей многонационального российского общества, общероссийской гражданской идентичности и культурного самосознания, принципов соблюдения прав и свобод человека.

Задачи:

- консолидация образовательных, воспитательных, культурных, информационных ресурсов с целью включения их в систему профилактических мер, направленных на противодействие терроризму, обеспечение антитеррористической защищенности и безопасности работников и обучающихся, повышение уровня правосознания;
- проведение воспитательной, пропагандистской работы с обучаемыми и педагогическими работниками, направленной на предотвращение экстремистской и террористической деятельности.

В целях пропаганды и профилактики в образовательной и молодежной среде по противодействию терроризму, обеспечения антитеррористической защищенности правовую основу дополняют приказы Министерства образования и науки Российской Федерации.

Приказом Министерства образования и науки Российской Федерации от 12 сентября 2017 г. № 896 утвержден состав Координационного совета Министерства образования и науки Российской Федерации по вопросам повышения эффективности формирования у детей и молодежи устойчивости к антиобщественным проявлениям и внесены изменения в приказ Министерства образования и науки Российской Федерации от 3 ноября 2015 г. № 1293 «Об организации работы в Министерстве образования и науки Российской Федерации по обеспечению условий для формирования у детей и молодежи гражданской позиции, стойкого неприятия идей экстремистской и террористической направленности».

Письмом Минобрнауки России от 21 октября 2016 г. № 09-2590 направлены методические рекомендации по планированию и информационному сопровождению мероприятий Комплексного плана противодействия идеологии терроризма в Российской Федерации на 2013–2018 годы в субъектах Российской Федерации, письмом Минобрнауки России от 16 июня 2016 г. № 09-1467 – Методические рекомендации для педагогических работников по профилактике проявлений терроризма и экстремизма в образовательных организациях, письмом Минобрнауки России от 16 июня 2016 г. № 09-1467 – Методические рекомендации для педагогических работников по профилактике проявлений терроризма и экстремизма в образовательных организациях.

С учетом изложенного образование как неотъемлемая часть общественной жизни не может оставаться в стороне от решения проблем системы антитеррористической защищенности. Одним из принципов в сфере образования законодательно в ст. 3 Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации» закреплён принцип приоритета жизни и здоровья человека, прав и свобод.

Однако образование в определенном смысле отстает от современной высокой динамики развития общества и общественных отношений. Об этом свидетельствуют события новейшей истории, связанные с многообразными проявлениями развития терроризма, с его природой.

В ходе исследования проблем противодействия терроризму проведено анкетирование 13 респондентов-студентов разных факультетов университета по вопросам опасности терроризма для общества и государства, ощущения себя в безопасности, наличия проблемы терроризма, роли государства, вероятности террористического акта в регионе, пропаганды террористических организаций, влияния терроризма на чувство безопасности. Полученные в процессе проведенного исследования результаты представлены на рис. 1.

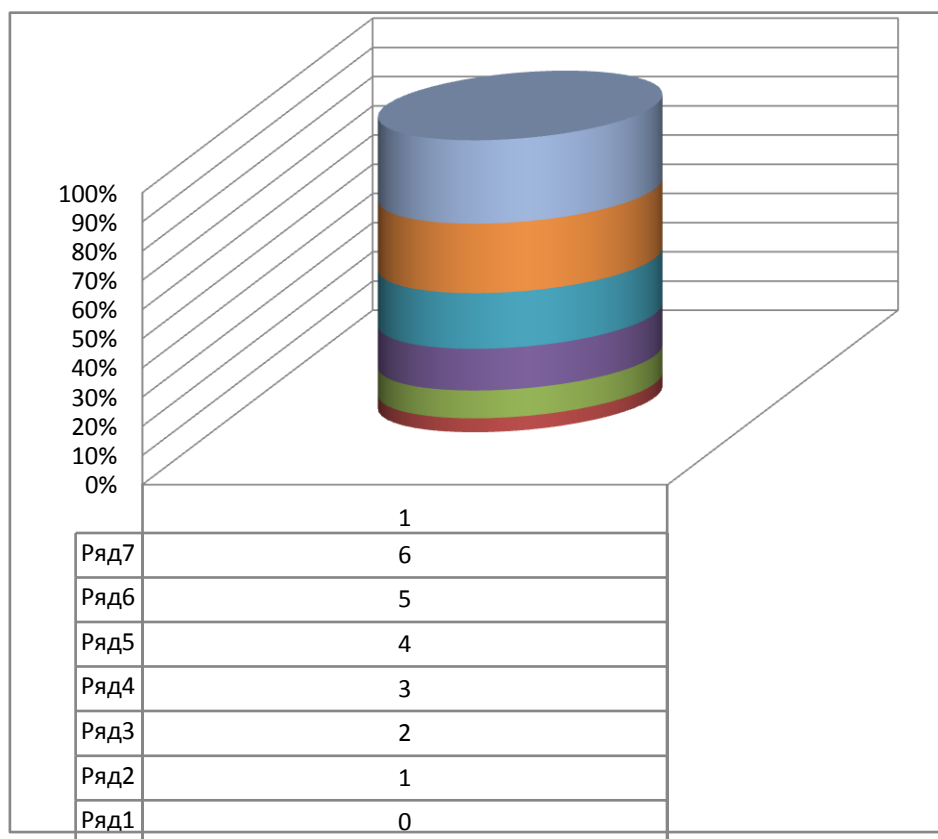

Рисунок 1. Результаты анкетирования.

На диаграмме (рис. 1) видна значительная доля (84,6 %) опасности терроризма. При 69,2 % защищенности наблюдается значительное влияние (53,8%) терроризма на безопасность и проблемы терроризма (38,5%). Наблюдается низкий уровень (30,7%) роли государства вследствие неэффективности комплекса мер по противодействию терроризму, обеспечению антитеррористической защищенности.

В целях выявления уровня правосознания респондентам задан вопрос, что означает понятие «терроризм». 77 % высказали о терроризме как насилии, что свидетельствует о достаточно высоком уровне (рис. 2).

Терроризм - это

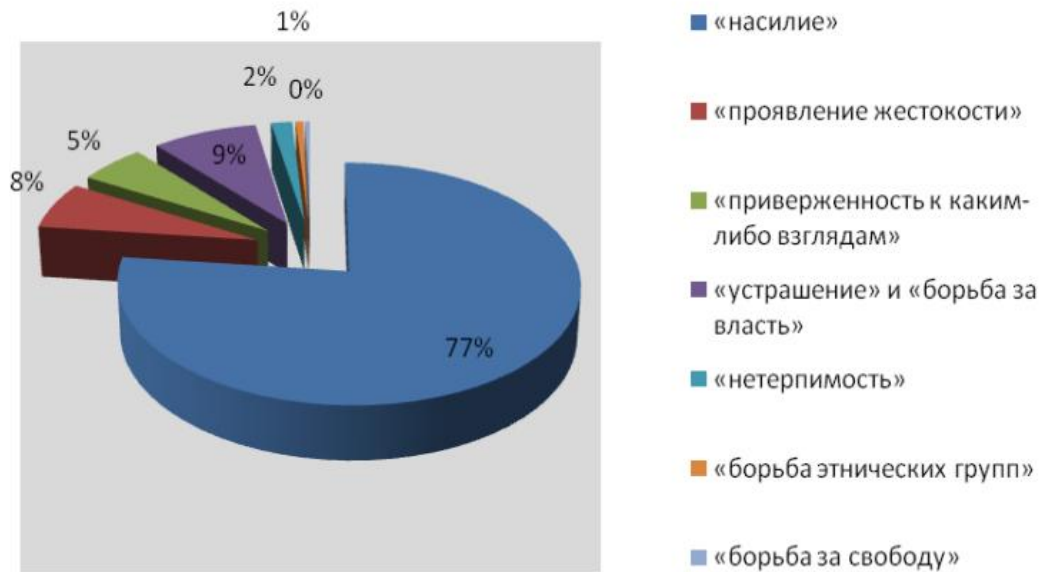

Рисунок 2. Уровень правосознания категории «терроризм».

Выявлено общественное мнение причин недостаточной эффективности противодействия терроризму (рис. 3), где большинство (53,8 %) считают, что в борьбе с терроризмом мешает недостаточный профессионализм ответственных лиц. Очевидно, что требуется совершенствование системы антитеррористической защищенности при переподготовке, повышении квалификации кадров в рамках компетентного подхода.

Эффективность противодействию терроризму, %

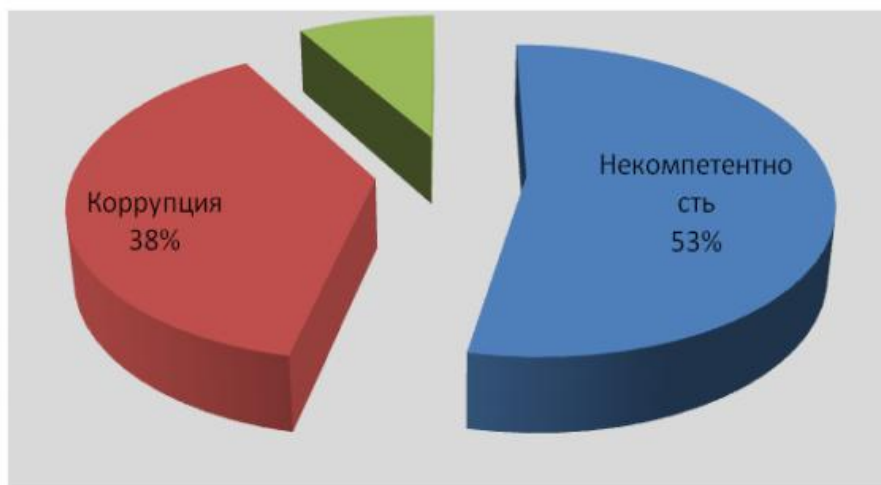

Рисунок 3. Мнение причин недостаточной эффективности противодействия терроризму.

В рамках анкетирования установлено, что является мотивом поведения привлеченности к терроризму и участия в нем (рис. 4), где основным выступает стремление ощутить власть над людьми и приверженность к определенной идеологии (61,5 %).

Мотив привлеченности, участия в терроризме, %

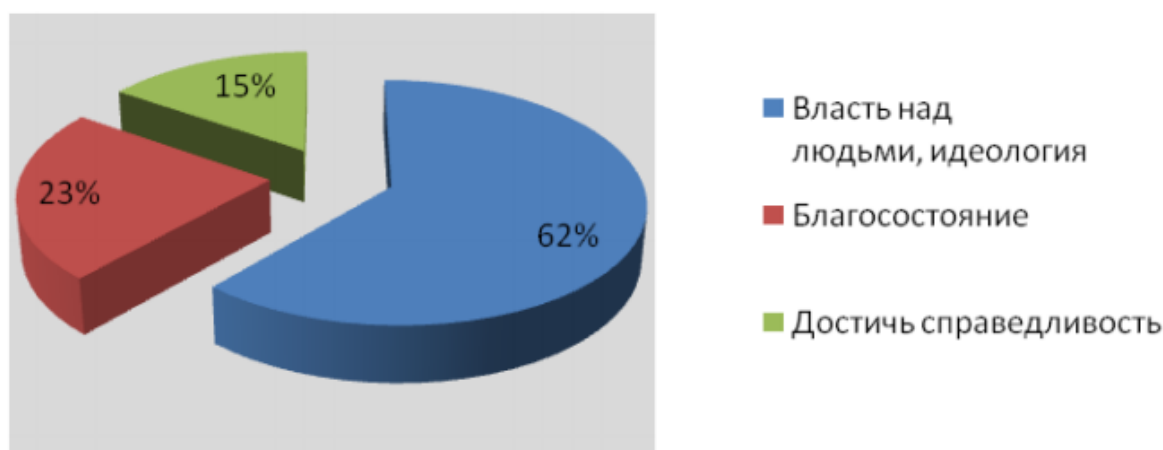

Рисунок 4. Мнение о мотиве стремления к терроризму.

Одной из немаловажных причин, порождающих терроризм, по мнению авторов, следует полагать явно недостаточное внимание образования как социального института к проблемам терроризма в целом, к решению задач воспитания неприятия обучающимися и другими участниками образовательных отношений идей терроризма.

Таким образом, можно представить систему антитеррористической защищенности объектов образовательных организаций антитеррористической инфраструктуры в виде слаженного действия структуры (рис. 5).

Рисунок 5. Система антитеррористической защищенности объектов образовательных организаций.

Исходя из современных потребностей общества, к образованию уместно предъявить требование интегрального участия в противодействии терроризму системы антитеррористической защищенности, в том числе в рамках реализации компетентностного подхода. Основанием для такого требования следует рассматривать возможности формирования у обучающихся компетенций, позволяющих обеспечивать участие образовательных организаций в противодействии терроризму, в соответствии с классификацией, например, предложенной И. А. Зимней и основанной на категории деятельности. Автор выделяет три группы компетенций:

здоровье сбережения, ценностно-смысловой ориентации, гражданственности; самосовершенствования, личностной и предметной рефлексии; смысл жизни; профессиональное развитие; социального взаимодействия;

деятельности; познавательной деятельности; информационных технологий.

В целом компетентностный подход позволяет решать задачи по противодействию и профилактики терроризма, а именно:

а) выявление действий лиц, направленных на подготовку и совершение террористических актов и иных преступлений террористического характера;

б) противодействие распространению идеологии терроризма.

В заключение обратим внимание на то, что образовательным организациям требуется вырабатывать формы и методы формирования антитеррористической идеологии, системы антитеррористической защищенности объектов. В свою очередь, органам управления образованием и антитеррористической борьбы необходимо совершенствовать взаимодействие при решении задач противодействия терроризму, обеспечении антитеррористической защищенности на территории образовательных организаций.

ОБ УЛУЧШЕНИИ СОВМЕСТНОЙ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНЫХ ИНСПЕКЦИЙ И ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

И.Н. Смирнова (Псков, Россия)

В соответствии с результатами проведенного исследования совершенствование правоохранительной деятельности в рамках взаимодействия уголовно-исполнительных инспекций и органов внутренних дел может быть осуществлено по нескольким направлениям: правовое обеспечение деятельности в сфере исполнения наказаний и мер уголовно-правового характера, домашнего ареста, а также урегулирование проблемных аспектов взаимодействия; принятие комплекса организационных мер, направленных на улучшение результатов деятельности по предупреждению преступлений и иных правонарушений подучетных лиц; совершенствование системы подготовки, переподготовки и повышения квалификации сотрудников обоих ведомств. Это обусловлено прежде всего тем, что принятие Регламента взаимодействия ФСИН России и МВД России по предупреждению совершения лицами, состоящими на учете уголовно-исполнительных инспекций, преступлений и других правонарушений [3], а также мер, направленных на улучшение информационного обмена информацией, не способствовало решению имеющихся в указанном направлении проблем. Об этом позволяет, например, утверждать повышение уровня повторной преступности подучетных лиц, а также факты ненадлежащего контроля за поведением осужденных, выражающиеся в отсутствии должного контроля сотрудников филиалов уголовно-исполнительных инспекций за исполнением осужденными обязанностей, рапортов участковых уполномоченных полиции о проверке осужденных по месту жительства и проводимой с ними профилактической работе либо их формальный характер, отсутствии мероприятий, связанных с организацией межведомственного взаимодействия по профилактике преступлений осужденных к альтернативным лишению свободы видам наказания, в комплексных планах взаимодействия [4].

15% опрошенных сотрудников уголовно-исполнительных инспекций отметили, что уголовно-исполнительными инспекциями обозначенные приказом сроки в случае прибытия для постановки на учет осужденного, проживающего на обслуживаемой территории без регистрации по месту жительства или по месту пребывания (без постановки на учет по месту пребывания), не выполняются или выполняются с нарушением, более того, имеются случаи ненаправления значимой информации из-за сильной загруженности сотрудников. По этой же причине, по позиции 1/5 части респондентов, установленные сроки при получении информации о готовящихся, совершаемых либо совершенных преступлениях, а также об осужденных, скрывающихся от следствия, дознания и суда, не всегда выполняются.

С учетом изложенного требуется повысить уровень обмена оперативной информацией между уголовно-исполнительными инспекциями и подразделениями органов внутренних дел о лицах, состоящих на учете, в частности, обеспечить своевременное поступление информации о возбуждении уголовных дел и о совершении осужденными административных правонарушений; недопущение поступления с запозданием запросов из отделов дознания на предоставление характеристики в отношении

осужденных, уже снятых с учета уголовно-исполнительной инспекции в связи с совершением повторного преступления в период отбывания наказания; проведение совместных совещаний о результатах служебной деятельности, недопущение предоставления характеристик, имеющих поверхностный характер, обеспечение их соответствия реальному состоянию дел, своевременное применение мер административного воздействия к лицам, злоупотребляющим спиртными напитками.

По мнению 50% респондентов, направляемая уголовно-исполнительными инспекциями в орган внутренних дел информация о постановке осужденного на учет, в которой содержатся сведения о возложенных на него обязанностях и (или) установленных судом ограничениях, а в отношении несовершеннолетнего осужденного – информация о постановке его на учет с копией приговора (определения, постановления) суда, является для них эффективной. Однако 13 % дали отрицательный ответ, поскольку, исходя из опыта, подобная информация недостаточно изучается, по ней не принимаются решения.

О необходимости повышения уровня совместной правоохранительной деятельности свидетельствует и то, что по итогам 2016 года число осужденных, в осуществлении контроля за которыми участвовали сотрудники полиции, возросло на четверть, в первом квартале 2017 г. – почти на 1/5 [1, с. 19–24]. Несмотря на положительные результаты в деятельности, отмечается большое число лиц, состоящих на учете и совершивших повторные преступления. Кроме того, в результате проведения совместных выездов в территориальные органы сотрудниками центральных аппаратов Федеральной службы исполнения наказаний и МВД России выявлены многочисленные факты недобросовестного исполнения своих обязанностей сотрудниками полиции и уголовно-исполнительных инспекций, что обусловило внесение необходимых коррективов в Регламент взаимодействия ФСИН России и МВД России по предупреждению совершения лицами, состоящими на учете уголовно-исполнительных инспекций, преступлений и других правонарушений, направленных на актуализацию сроков и перечня сведений в рамках.

Для выработки предложений по улучшению результатов рассматриваемой совместной правоохранительной деятельности мы выяснили позицию практических работников по вопросу об эффективности заложенных в Регламент взаимодействия ФСИН России и МВД России по предупреждению совершения лицами, состоящими на учете уголовно-исполнительных инспекций, преступлений и других правонарушений мероприятий и выяснили, что лишь каждый четвертый считает такие мероприятия результативными.

Как считают практические работники, совершенствование организации взаимного обмена значимой для предупреждения преступлений со стороны подучетных лиц информацией, решение вопроса своевременности получения упреждающей информации и иных сведений о подконтрольных лицах (во многом благодаря комплексному подходу и активному внедрению инновационных технологий и электронного документооборота) будет оказывать положительное влияние на результаты предупредительно-профилактической работы, поскольку позволит эффективно организовывать контроль за поведением осужденных и внешнее взаимодействие с субъектами профилактики. Так, в рамках реализации Федерального закона от 28 мая 2017 г. № 102-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам административного надзора за лицами, освобожденными из мест лишения свободы» [6] между заинтересованными подразделениями запланировано проведение рабочих встреч по вопросу организации взаимного обмена сведениями в электронном виде о лицах, подпадающих под действие административного надзора.

О необходимости совершенствования организации совместной правоохранительной деятельности свидетельствуют, например, неэффективная организация планирования деятельности уголовно-исполнительных инспекций, несоответствие требованиям соответствующего приказа [2]; нарушение порядка проведения служебных проверок по фактам совершения осужденными повторных преступлений или формальное их проведение; несоблюдение правил хранения и ведения личных дел осужденных; слабое знание сотрудниками уголовно-исполнительных инспекций правового обеспечения своей деятельности; неполное внесение данных в соответствующую электронную базу. В связи с этим в планах совместных мероприятий по предупреждению преступлений осужденных должно предусматриваться изучение, обобщение и внедрение в практику передовых форм и методов работы в указанном направлении.

Анализ практики также позволяет утверждать о необходимости совершенствования организационно-правового обеспечения задержания и розыска осужденных, состоящих на учете УИИ. В Федеральном законе от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции» [7] предусматривается, что полиция обязана оказывать содействие учреждениям и органам уголовно-исполнительной системы в осуществлении розыска и задержания лиц, уклоняющихся от отбывания уголовного наказания (не упоминаются меры уголовно-правового характера без изоляции от общества). Предусматривается участие в осуществлении контроля за поведением осужденных, которым назначено наказание, не связанное с лишением свободы, или наказание в виде лишения свободы условно. В Инструкции о деятельности органов внутренних дел по предупреждению преступлений закреплены обязанности сотрудников органов внутренних дел по предупреждению преступлений [5] (ничего не говорится о лицах, к которым применены иные уголовно-правовые средства воздействия и которые уклоняются от него).

В заключение отметим, что для улучшения изучаемой совместной деятельности, на наш взгляд, требуется рассмотреть возможность внедрения в регионах изученного нами опыта работы по предупреждению преступлений подучетных лиц: проведение воспитательно-профилактических бесед участковыми уполномоченными с осужденными при явках последних на регистрацию; внесение начальником филиала уголовно-исполнительной инспекции в суд представления для рассмотрения вопроса о вменении условно осужденным дополнительной обязанности в виде ежемесячных явок к участковому уполномоченному полиции для проведения профилактической работы; активизация работы по проведению совместных операций; при получении информации о предварительном расследовании нового уголовного дела в отношении лица, состоящего на учете, осуществление контроля предъявления осужденному обвинения для своевременного выставления карточки по повторному преступлению; расширение практики рассмотрения на оперативных совещаниях с личным составом уголовно-исполнительных инспекций результатов служебных проверок по фактам повторных преступлений; осуществление тесного взаимодействия со специалистами подразделений по делам несовершеннолетних с целью построения комплексной социально-психологической работы с несовершеннолетними условно осужденными.

1. Дубов, Е. А. О некоторых вопросах взаимодействия территориальных органов МВД России с уголовно-исполнительными инспекциями / Е. А. Дубов // Сборник VII Всероссийского совещания руководителей уголовно-исполнительных инспекций, исправительных центров и подразделений по контролю за исполнением наказаний, не связанных с изоляцией осужденных от общества, территориальных органов ФСИН России (19–21 июля 2017 г., г. Пушкин). – Пушкин, 2017. – С. 19–24. – 203 с.
2. Об организации планирования в учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы : приказ ФСИН России от 17 декабря 2013 г. № 777 // Ведомости уголовно-исполнительной системы. – 2014. – № 3. – С. 66–76.
3. Об утверждении Регламента взаимодействия ФСИН России и МВД России по предупреждению совершения лицами, состоящими на учете уголовно-исполнительных инспекций, преступлений и других правонарушений : приказ Минюста России, МВД России от 4 октября 2012 г. № 190/912 (с изм.) // СПС «КонсультантПлюс».
4. О взаимодействии уголовно-исполнительных инспекций и органов внутренних дел : обзор ФСИН России.
5. О деятельности органов внутренних дел по предупреждению преступлений : приказ МВД России от 17 января 2006 г. № 19 (с изм. и доп.) // СПС «КонсультантПлюс».
6. Российская газета. – 2017. – Федер. вып. № 7281 (115).
7. О полиции : федер. закон от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ (с изм. и доп.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2011. – № 7. – Ст. 900.

СТАНОВЛЕНИЕ И ЭВОЛЮЦИЯ ИНСТИТУТА СОУЧАСТИЯ В РОССИЙСКОМ УГОЛОВНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ ДО 2017 ГОДА

С.Д. Лысых (Псков, Россия)

Важнейшим уголовно-правовым средством противодействия организованной преступности является институт соучастия в преступлении. Проблеме соучастия посвящена обширная литература, однако эта тема продолжает оставаться остро дискуссионной, относится к числу наиболее запутанных теоретических и практических вопросов уголовного права. Перечисленные обстоятельства обуславливают неослабевающий интерес исследователей к этому феномену.

Историко-правовой анализ российского законодательства об уголовной ответственности за групповую преступную деятельность свидетельствует о том, что в процессе общественного развития существенным образом изменялось понятие соучастия, развивались и совершенствовались уголовно - правовые признаки наиболее опасных форм совместной преступной деятельности.

Исследователи выделяют различные этапы в историческом развитии института соучастия. Наиболее распространённая периодизация включает четыре периода: 1) дореволюционный, 2) период 1917–1957 гг., 3) уголовное законодательство 1958 – 1996 гг., 4) современный период [17, с. 10]. Некоторые учёные подразделяют дореволюционный период на три этапа: 1) до 1649 г., 2) 1649-1845 гг., 3) 1845-1917 гг. [9, с. 11]. Для каждого из обозначенных периодов характерны свои особенности, обусловленные историческими условиями, степенью развития права, потребностями государства и общества.

Необходимость содержательного понимания и объективной оценки явлений и процессов, происходящих в праве, определяют значимость обращения к памятникам русского средневекового права, законодательным актам Российской империи, не потерявшим своей актуальности и в настоящее время.

Первое упоминание о соучастии имеется уже в «Русской Правде». Документ не даёт понятия соучастия, не выделяет его признаки и формы, однако устанавливает наказание за совершение имущественных преступлений несколькими лицами (например, ст. 41, 42, 43, 121 Пространной редакции по Троицкому списку). Некоторые исследователи усматривают регулирование уголовной ответственности нескольких лиц за совместно совершённое преступление ещё в более ранних документах. По их мнению, таковыми были договоры Древней Руси с Византией, в которых устанавливалась равная ответственность всех соучастников преступления [8, с. 10].

Отправным документом в исследовании форм и видов соучастия¹ является Псковская Судная грамота (1397-1467), выдающийся памятник права средневековой Руси. Статья первая ее по принятому исследователями делению трактует о важнейших уголовных преступлениях и предусматривает ответственность за «разбой, навод, грабеж 70 гривен» [11, с. 331]. Под наводом в то время понималось разбойное нападение шайкой [5, с. 6; 1, с. 57-58], однако признаки этой специфической формы совместной преступной деятельности грамота не раскрывает.

Другой важный источник – Стоглав. Он представляет собой сборник постановлений церковно-земского собора, состоявшегося в Москве в 1551 году с участием царя Ивана IV и представителей Боярской думы. Глава 69 этого кодекса правовых норм устанавливает ответственность тиунов и недельщиков, если они «чинили заговор с ябедниками и с блудницами» [13, с. 347], то есть определяет специфическую форму совместной преступной деятельности – заговор, признаки которого и в этом документе не называются.

Таким образом, отечественное право рано начинает учитывать тот факт, что преступление может осуществляться совместными действиями. Однако в законодательных источниках русского права XII-XVI вв. отсутствуют какие-либо специальные нормы, регламентирующие ответственность за совместное совершение общественно опасного деяния.

Крупнейшим памятником Российского законодательства является Уложение царя Алексея Михайловича, которое в историю права вошло как Соборное уложение 1649 года. По богатству юридического материала и уровню систематизации правовых норм оно не имело precedентов в истории отечественного законодательства и равных себе документов в современной ему европейской практике. Именно в нём были заложены первые базовые понятия института соучастия, закреплены его существенные признаки, а также виды соучастников.

Уложение дает понятие соучастия (гл. 10, ст. 198), достаточно четко делит соучастников на виды (гл. 5, ст. 1; гл. 10, ст. 198, 199; гл. 21, ст. 31, 32; гл. 22, ст. 12, 13, 19), указывает некоторые формы и виды соучастия (гл. 2, ст. 18-22; гл. 10, ст. 198). Так, в число государственных преступлений входило «воровство», а именно скоп, заговор и, с известными оговорками, восстание. За эти преступления для всех соучастников устанавливалась равная ответственность: смертная казнь безо всякой пощады (например, гл. 2, ст. 21). Такое же строгое наказание предусматривалось за недонесение государю про «скоп и заговор, или иной какой злой умысел» [12, с. 89] (гл. 2, ст. 19).

Ответственность за соучастие в других уголовных преступлениях устанавливалась по-разному. Все, совместно совершившие преступление, несли равную ответственность за содеянное: «...тех, которые с ними такое дело учинят, казнити смертию же безо всякия пощады» [12, с. 248] (гл. 22, ст. 2). Интеллектуальные виновники наказывались наравне с физическими: «того, кто на смертное убийство научал, и кто убил, обеих казнити смертию же» [12, с. 250] (гл. 22, ст. 19). Соучастники убийства при наезде на чужой двор скопом или заговором подвергались меньшему наказанию, чем главный исполнитель: «кто такое смертное убийство учинит, самого казнити смертию же, а товарищев его всех бити кнутом и сослать, куды государь укажет» [12, с. 134] (гл. 10, ст. 198).

Вобрав в себя все лучшее от предшествовавшего отечественного законодательства, Уложение действовало до самого издания Свода законов Российской империи.

Дальнейшее развитие и закрепление институт соучастия получил в Уложении о наказаниях уголовных и исправительных, которое было утверждено указом императора от 15 августа 1845 года и введено в действие с 1 мая следующего года. Впоследствии Уложение дважды редактировалось в 1866 и 1885 годах и просуществовало до октября 1917 г., являясь главным источником уголовного законодательства.

Уложение 1845 года ввело неизвестное ранее русскому праву деление соучастия на два главных вида: учинение преступления «по предварительному всех или некоторых виновных на то согласию, или без оногo» [16, с. 175] (ст. 13). Исследователи отмечают, что различие относилось именно к предварительности, так как соглашение являлось условием каждого вида, а предварительность соглашения рассматривалась как обстоятельство, усиливающее вину.

Соучастие без предварительного соглашения – это скоп, а по предварительному соглашению – заговор и шайка [7, с. 119]. Специальные постановления о шайках появились только с Уложения 1845 г., причем не в общей, а в особенной части, в постановлении о наказуемости составления шак и об учинении некоторых преступных деяний шайкой, как об обстоятельстве, усиливающем ответственность. При этом Уложение не определяло понятия шайки, и хотя в ст. 923, 924 (по изд. 1885 г.) оно говорило о шайке как о сообществе, составившемся для совершения ряда преступлений, но затем в других статьях (ст. 1633, 1639, 1645) упоминалось о шайках, составившихся для того или вообще для преступлений сего рода [14, с. 336].

В связи с этим Н.С. Таганцев пояснял, что со стороны субъективной шайка предполагает соглашение на несколько преступных деяний, на целый их ряд, и притом соглашение, не периодически повторяющееся, а общее на постоянную преступную деятельность. Этим признаком шайка главным образом и отличается от сговора на отдельное преступление, который также может быть повторяем [14, с. 335].

При соучастии без предварительного соглашения Уложение различало два типа соучастников – главных виновников и участников (ст. 14). Более разнообразно были представлены соучастники при сговоре, где выделялись зачинщики, сообщники, подговорщики или подстрекатели, а также пособники (ст. 15). В целом же Уложение 1845 г., сохранив в принципе деление соучастников на главных и второстепенных виновных, предложило необычайно детальную их классификацию, которая была сконструирована применительно к формам соучастия (скоп, заговор, шайка) и включала всего 21 разновидность оттенков деятельности соучастников [4, с. 35].

В составе шайки, например, Уложение различало: а) главных виновных, а именно, составителей или основателей шаяк; лиц, подговоривших кого-либо к вступлению в шайку, или сформировавших самостоятельное отделение шайки; начальников как всей шайки, так и отдельных ее частей; б) сообщников, к которым относились все лица, добровольно вступившие в шайку, со знанием о её свойстве и предназначении, если при том они не играли никакой выдающейся роли в деятельности шайки; в) пособников, а именно лиц, избличенных в заведомом доставлении злонамеренным шайкам или сообществам оружия или же иных орудий, или других каких-либо средств для содеяния предполагаемых ими преступлений [14, с. 339].

Уложение четко устанавливало дифференциацию наказания соучастников, ставя вопрос об их ответственности в зависимости от самих видов соучастия. Так, при скопе участники наказывались на одну или две ступени ниже главных виновных (ст. 123). При сговоре исполнители и необходимые пособники несли ответственность в рамках санкции статьи закона (ст. 127), зачинщики и подстрекатели наказывались выше положенного (ст. 124, 126), а пособники, не признанные необходимыми, – на одну ступень ниже исполнителей (ст. 127). В случае совершения наиболее опасных государственных преступлений все соучастники наказывались одинаково (ст. 264, 265, 266, 271).

Уложение 1845 г. разграничило соучастие и прикосновенность к преступлению: попустительство, укрывательство, доноительство, достаточно детально разработало эти понятия и установило наказания за различные случаи прикосновенности (ст. 16, 17, 130, 131, 134, 265, 266, 271, 274), а также регламентировало институт добровольного отказа соучастников от совершения преступления (ст. 119).

Таким образом, хотя соучастие было хорошо известно российскому законодательству и ранее, многие его аспекты Уложение о наказаниях уголовных и исполнительных определяет значительно более точно и юридически совершенно.

Последним по времени принятия фундаментальным законодательным актом Российской империи в области материального уголовного права явилось Уголовное уложение от 22 марта 1903 года, в котором получили дальнейшее развитие формы и виды соучастия. В Уложении упоминаются скопище (ст. 121, 123), сообщество (ст. 52, 102, 124, 125, 126), шайка (ст. 52, 279).

Исследователи обращают внимание на то, что в Уложении четко противопоставляется участие в сообществе, составившемся для учинения отдельного преступления или проступка, участию в шайке, составившейся для учинения нескольких преступлений или проступков [5, с. 12].

Статья 52 регламентирует, что «участие в сообществе для учинения тяжкого преступления или преступления или в шайке, составившейся для учинения нескольких тяжких преступлений или преступлений, наказывается в случаях, особо законом указанных» [15, с. 287]. В особенной части эти случаи перечисляются:

1. Участие в запрещенном сообществе, имеющем целью антигосударственную или антиобщественную деятельность (ст. 124, 125, 126), бунт или измену (ст. 102, 105, 118), подделку или сбыт монеты, кредитных билетов или бумаг (п. 2 ст. 428), убийство (ст. 453), общееопасное повреждение имущества (ст. 554);

2. Участие в шайке, если она сформирована: для подделки и сбыта монет, кредитных билетов или бумаг; общееопасных повреждений чужого имущества; воровства, разбоев, вымогательства или мошенничества; сбыта и хранения добытого преступным путем имущества; контрабанды (ст. 279), если виновный «не подлежит за преступное деяние, шайкой учиненное, более строгому наказанию» [15, с. 313]. Иными словами, если шайка совершает реально вышеуказанные преступления, то ответственность наступает за их совершение, а не за участие в соглашении [5, с. 12].

В свою очередь, ст. 52 предусматривает, что согласившийся принять участие в сообществе для совершения преступления и не отказавшийся от дальнейшего соучастия, но не принявший участие в выполнении преступления, отвечает только за участие в соглашении.

Уложение определяет, что в соучастии, выразившемся только в соглашении, все в него входящие именуется «согласившимися на преступное деяние». А в соучастии, выразившемся в общей деятельности, различают следующие виды соучастников: 1) непосредственно учинившие преступное деяние или участвовавшие в его выполнении; 2) подстрекавшие другого к соучастию в преступном деянии; 3) пособники, доставлявшие средства, устранявшие препятствия, оказавшие помощь учинению преступного деяния советом, указанием или обещанием не препятствовать его учинению или скрыть оное (ст. 51) [15, с. 286]. В первом случае ответственность наступал только за соглашение, а во втором – за конкретное, указанное в законе преступное деяние.

Подводя итог развитию отечественного законодательства о соучастии в период до 1917 года, можно констатировать, что оно проходило медленно и непросто. Так, в законодательстве устанавливались опре-

делённые правила, из которых делались множественные исключения, что существенно нарушало логику и системность закона; содержание ряда понятий и правил укладывалось то в лапидарные, то в чрезмерно детализированные и казуистические формы; далеко не всегда соблюдалась преемственность законодательства [5, с. 17].

Хотя история науки уголовного права в России берет начало в XVIII веке, она не выработала в рассматриваемый период единого подхода и общего учения о соучастии, не оказала существенного влияния на разработку законодательства. Тем не менее проблема соучастия в науке того времени была одной из важных и привлекала к себе пристальное внимание исследователей [7, с. 118-120; 8, с. 14-15]. Это особенно касалось видов соучастников, разграничения их функций, ответственности за совершенное преступление, что в известной мере все же позволило отразить достижения теории уголовного права в нормативных актах. Так, разработчики Уголовного уложения 1903 г. активно опирались на начально-законопроектной стадии на науку.

Исследователи отмечают, что именно в этот период значительное количество понятий института соучастия было разработано настолько безупречно, что они как с точки зрения содержания, так иногда даже с точки зрения формы дошли до настоящего времени [4, с. 36].

1. Алексеев Ю.Г. Псковская Судная грамота: Текст. Комментарий. Исследование. – Псков, 1997–148 с.
2. Белокуров О.В., Востров М.А. Формы и виды соучастия в российском уголовном праве // «Чёрные дыры» в российском законодательстве. Юридический журнал. – 2009. – № 2. – С. 197 – 200.
3. Булнина О.З., Балева С.А. Дискуссионные вопросы форм соучастия в уголовном праве // Российский следователь. – 2007. – № 4. – С. 25 – 28.
4. Галактионов Е.А. Вопросы соучастия в русском уголовном праве // История государства и права. – 2002. – № 6. – С. 35 – 36.
5. Галактионов Е.А. Соучастие в преступлении: Монография / Е.А. Галактионов; Под ред. В.П. Сальникова; Санкт-Петербургский университет МВД России. – СПб., 2001. – 227 с.
6. Галактионов Е.А. Формы и виды соучастия: теоретико-правовые аспекты // Российский следователь. – 2002. – № 8. – С. 31 – 32.
7. Епифанова Е. В. Проблемы соучастия в преступлении в теории российского уголовного права до 1917 г. // Государство и право. – 2005. – № 3. – С. 118 – 120.
8. Епифанова Е. В. Становление и развитие института соучастия в преступлении в России: Автореф. дис... канд. юрид. наук / Е.В. Епифанова. – Краснодар, 2002. – 24 с.
9. Клименко Н.Ю. Уголовно-правовые и криминологические признаки форм соучастия: Автореф. дис...канд. юрид. наук / Н.Ю. Клименко. – Саратов, 2002. – 27 с.
10. Мондохонов А.Н. Формы соучастия в преступной деятельности: Автореф. дис...канд. юрид. наук / А.Н. Мондохонов. – М., 2005. – 22 с.
11. Псковская Судная грамота // Российское законодательство X-XX веков. В девяти томах. – М.: Юридическая литература, 1984. – Т. 1. Законодательство Древней Руси. – С. 321 – 386.
12. Соборное Уложение 1649 года // Российское законодательство X-XX веков. В девяти томах. – М.: Юридическая литература, 1985. – Т. 3. Акты Земских соборов. – С. 75 – 442.
13. Стоглав // Российское законодательство X-XX веков. В девяти томах. – М.: Юридическая литература, 1985. – Т. 2. Законодательство периода образования и укрепления Русского централизованного государства. – С. 241 – 403.
14. Таганцев Н.С. Русское уголовное право. Лекции. Часть общая. В 2 т. / Н.С. Таганцев. – М.: Наука, 1994. – Т. I. – 380 с.
15. Уголовное уложение 22 марта 1903 г. // Российское законодательство X-XX веков. В девяти томах. – М.: Юридическая литература, 1994. – Т. 9. Законодательство эпохи буржуазно-демократических революций. – С. 240 – 321.
16. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных // Российское законодательство X-XX веков. В девяти томах. – М.: Юридическая литература, 1988. – Т. 6. Законодательство первой половины XIX века. – С. 174 – 309.
17. Черепанова Е.В. Становление и развитие института уголовной ответственности за преступления, совершаемые в составе организованных групп: Автореф. дис...канд. юрид. наук / Е.В. Черепанова. – М., 2009. – 29 с.

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ СТАТУСА НЕПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫХ ПРАВООЩИТНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ

А.Б. Хаджиева (Псков, Россия)

Неправительственные правозащитные организации это один из видов общественных объединений, поэтому правовые нормы, регулирующие деятельность общественных организаций, в полной мере относятся и к деятельности правозащитных организаций. В соответствии с Конституцией РФ 1993 года[1] правовая система РФ включает в себя нормативные акты трех уровней: международного, федерального и субъектов РФ. На международном уровне, это - международные договоры, общепризнанные принципы и нормы международного права. На федеральном уровне - Конституция РФ, имеющая высшую юридическую силу, которой не должны противоречить все другие законы и правовые акты, принимаемые в РФ, Федеральные конституционные законы, принимаемые в предусмотренных Конституцией РФ случаях и имеющие большую юридическую силу, чем другие законы, Федеральные законы; указы Президента, которые не должны противоречить Конституции и федеральным законам (ст.90), постановления и распоряжения Правительства РФ, которые принимаются на основании и во исполнение Конституции РФ, федеральных законов и нормативных указов Президента РФ, нормативные акты министерств и ведомств, которые могут приниматься только в случаях, предусмотренных законом.

На уровне субъектов Федерации правовую систему определяют: конституции республик, уставы краев, областей, городов федерального значения; законы, принимаемые законодательными (высшими представительными) органами государственной власти субъектов РФ, иные нормативные акты.

Международные договоры, общепризнанные принципы и нормы международного права в соответствии с ч. 4 ст. 15 Конституции РФ являются составной частью правовой системы Российской Федерации. Исходя из этого Конституция РФ определяет, что если международным договором России установлены иные правила, чем предусмотрены внутренним законодательством, то применяются правила международного договора.

К первостепенным международным актам, устанавливающим основы статуса общественных объединений, относятся: Устав Организации Объединенных наций[2]; Всеобщая декларация прав человека от 30 декабря 1948г. (ст.20)[3]; Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 г.[4]; Международный пакт о гражданских и политических правах от 16 декабря 1966 г. (ст.22)[5]; Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах от 16 декабря 1966 г. (ст.8)[6], а также целый ряд региональных и специальных договоров.

Большое значение имеют и документы международных межгосударственных организаций. В частности, для общественных объединений важны конвенции и резолюции Международной организации труда (МОТ), членом которой являлся СССР, а сейчас Россия. Особенно важна Конвенция № 87 от 9 июля 1948 г. «О свободе ассоциаций и защите права на организацию»[7].

Следует отметить, что в настоящее время, кроме Конституции РФ, существует ряд федеральных законов, регламентирующих деятельность общественных объединений и отдельных их видов. К таким законам можно отнести: Федеральный закон от 14 апреля 1995 г. «Об общественных объединениях»[8]; Федеральный закон от 12 января 1996 г. «О некоммерческих организациях»[9], Федеральный закон от 28 июня 1995 г. «О государственной поддержке молодежных и детских общественных объединений»[10], Федеральный закон «О благотворительной деятельности и благотворительных организациях» от 11 августа 1995 г.[11], Федеральный закон «О профессиональных союзах, их правах и гарантиях деятельности» от 12 января 1996 г.[12], некоторые нормы Гражданского кодекса РФ (часть 1)[13].

Основная нагрузка в правовом регулировании деятельности общественных объединений приходится на Федеральный закон «Об общественных объединениях». Однако, практика применения этого закона выявила ряд недостатков. Так, проект Федерального закона «Об общественных объединениях» готовился еще до принятия Конституции 1993 г. в период политических преобразований в стране. Основной акцент при его разработке делался на создание основ развития институтов гражданского общества, закрепление гарантий от чрезмерного вмешательства государства в процессы становления гражданского общества. Стремление уйти от прежней практики огосударствления общественных объединений выразилось в прямом запрете вмешательства органов государственной власти и их должностных лиц в деятельность общественных объединений, в запрете для государственных органов быть учредителями общественных организаций (ст. 17,19).

Однако недооценка в сфере правового регулирования создания и деятельности общественных объединений, значения государственно- управленческих функций Закона проявилась в определенном дисбалансе прав и обязанностей общественных объединений, недостаточно четкой проработке механизмов государственного контроля за деятельностью общественных организаций.

В правовой регламентации регистрационной деятельности также существуют определенные коллизии. Закон предусматривает регистрацию создаваемых гражданами общественных объединений. Правоспособность общественного объединения как юридического лица возникает с момента регистрации данного объединения (ст. 18, 21). Согласно ч. 3 ст. 29 Закона, объединения обязаны ежегодно информировать регистрировавший их орган о продолжении своей деятельности с указанием действительного места нахождения своего руководящего органа, своего названия и прочих реквизитов, включаемых в государственный реестр.

Однако по ч. 7 ст. 29 объединение фактически может не представлять такие сведения в течение трех лет, так как только по истечении этого срока регистрирующий орган имеет право обратиться в суд с иском о признании данного объединения прекратившим свою деятельность в качестве юридического лица. Как подтверждает практика, непредставление общественным объединением обновленных сведений о продолжении своей деятельности органу, регистрирующему общественные объединения, является распространенным нарушением. Имеют также место случаи, когда акт государственной регистрации в органах юстиции является единственным известным общественности реальным действием общественного объединения.

Прежде всего отметим отсутствие формальной определенности ряда норм, регламентирующих, в частности, основания ликвидации или запрета деятельности общественных объединений. Например, Федеральный закон «Об общественных объединениях»(ч. 1 ст. 44) устанавливает возможность принятия судом решения о ликвидации в связи с «неоднократными или грубыми нарушениями общественным объединением Конституции Российской Федерации, федеральных конституционных законов, федеральных законов или иных нормативных правовых актов либо систематическим осуществлением общественным объединением деятельности, противоречащей его уставным целям».

Какие нарушения Конституции РФ и законов можно рассматривать как грубые, учитывая, что основанием приостановления деятельности общественного объединения согласно ч. 1 ст. 42 вышеуказанного Федерального закона является просто «нарушение общественным объединением Конституции Российской Федерации, законодательства Российской Федерации»? В каком случае следует считать, что имеются признаки неоднократности и систематичности в осуществлении противоправной деятельности? В частности, имеет ли значение промежуток времени, прошедший между выявленными нарушениями законодательства?

Ответы на эти вопросы должен дать суд, и его выводы в преломлении к конкретным обстоятельствам дела могут быть весьма неоднозначными. Совершенно очевидно, что данная норма чрезмерно расширяет пределы судебного «усмотрения» и может быть истолкована по-разному, что ведет к нарушению конституционного принципа равенства всех перед законом и судом (ч. 1 ст. 19 Конституции РФ). Для устранения подобной неопределенности необходима законодательная конкретизация оснований ликвидации общественного объединения или хотя бы разъяснение соответствующих законоположений Пленумом Верховного Суда Российской Федерации, что способствовало бы единообразию судебной практики.

То же можно сказать и о понятии «экстремистская деятельность (экстремизм)», предусмотренном п. 1 ст. 1 Федерального закона «О противодействии экстремистской деятельности»[14].

Данная норма неоднократно изменялась законодателем и представляет собой совокупность многих признаков, сформулированных весьма обобщенным образом. Но вышеуказанный Федеральный закон связывает с установлением любого из данных признаков возможность применения мер публично-правовой ответственности к общественным объединениям, вплоть до их ликвидации. Как свидетельствует анализ практики, суды принимают решения об установлении признаков экстремизма на основе выводов достаточно сложных экспертиз, качество проведения которых иногда вызывает нарекания[15].

Формальная неопределенность норм, применяемых судами при рассмотрении дел о ликвидации и запрете деятельности общественных объединений, в известной мере может быть обусловлена и несовершенством их законодательных формулировок. Например, Федеральный закон «О профессиональных союзах, их правах и гарантиях деятельности»(ч. 3 ст. 10) предусматривает, что, «если деятельность профсоюза противоречит Конституции Российской Федерации, конституциям (уставам) субъектов Российской Федерации, федеральным законам, она может быть приостановлена на срок до шести месяцев или запрещена решением Верховного Суда Российской Федерации или соответствующего суда субъекта Российской Федерации по заявлению Генерального прокурора Российской Федерации, прокурора соответствующего субъекта Российской Федерации».

Данная норма вызывает ряд замечаний. Во-первых, она не конкретизирует характер и степень тяжести противоправного деяния, являющегося фактическим основанием для ответственности профсоюза. В буквальном смысле эта норма означает, что любое, даже незначительное, нарушение законов, особенно если оно имело место неоднократно, может привести к прекращению деятельности профсоюза. Аналогичным образом выглядит и положение ч. 1 ст. 44 Федерального закона «Об общественных объединениях», предусматривающее, что основанием ликвидации общественного объединения является «нарушение... прав и свобод человека и гражданина». Подобная формулировка более подходит для характеристики последствий противоправного деяния, чем его объективной стороны.

Во-вторых, данная норма не дифференцирует основания для приостановления деятельности профсоюза и ее запрета. Это означает, что судья по собственному усмотрению при отсутствии каких-либо четких законодательно установленных критериев должен принять решение, какую из двух мер применить в конкретном случае. Следует отметить, что содержание этой нормы не коррелирует с аналогичными положениями иных Федеральных законов - «Об общественных объединениях» (ст. 42, 44), «О противодействии экстремистской деятельности» (ст. 9, 10), которые не только проводят различия между основаниями приостановления деятельности и ликвидации общественного объединения, но и иным образом регламентируют соотношение соответствующих процедур.

В-третьих, не является корректной общая формулировка одной из применяемых судом санкций - запрета деятельности профсоюза. Не вполне понятно, означает ли такой запрет, что профсоюз, обладающий правами юридического лица, прекращает существование как организация, или нет.

В-четвертых, применение судом вышеуказанных мер может быть инициировано соответствующим прокурором. Однако, как уже отмечалось выше, Федеральный закон «О прокуратуре Российской Федерации» (ч. 2 ст. 1, ч. 1 ст. 21)[16] упоминает о надзоре за соблюдением Конституции РФ, исполнением законов лишь органами управления и руководителями некоммерческих организаций, а не самими организациями, и в связи с выявленными нарушениями наделяет прокуроров правом обращения в суды. Вопреки этому ч. 1 ст. 38 Федерального закона «Об общественных объединениях» предусматривает, что органы прокуратуры осуществляют надзор за соблюдением законов непосредственно общественными

объединениями. В данном случае имеет место несогласованность норм различных федеральных законов, которая должна быть устранена.

1. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12.12.1993 / с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ // Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>, 01.08.2014.
2. Устав Организации Объединенных Наций: принят в г. Сан-Франциско 26.06.1945 // Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами: Вып. XII, - М., 1956, с. 14 – 47.
3. Всеобщая декларация прав человека: принята Генеральной Ассамблеей ООН 10.12.1948 // Российская газета. 10.12.1998.
4. Конвенция о защите прав человека и основных свобод: Заключена в г. Риме 04.11.1950 // Собрание законодательства РФ. 2001. № 2. Ст. 163.
5. Международный пакт о гражданских и политических правах: Принят 16.12.1966 Резолюцией 2200 (XXI) на 1496-ом пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН // Бюллетень Верховного Суда РФ. № 12. 1994.
6. Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах: Принят 16.12.1966 Резолюцией 2200 (XXI) на 1496-ом пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН // Бюллетень Верховного Суда РФ. № 12. 1994.
7. Международные акты о правах человека: Сборник документов. - М., 1998.
8. Сборник международных договоров. Права человека. ООН.- Нью-Йорк, Л 989.
9. Федеральный закон РФ от 19.05.1995 № 82-ФЗ (ред. от 20.12.2017) «Об общественных объединениях» // Собрание законодательства РФ. 1995. № 21. Ст. 1930.
10. Федеральный закон РФ от 12.01.1996 № 7-ФЗ (ред. от 31.12.2017) «О некоммерческих организациях» // Собрание законодательства РФ. 1996. № 3. Ст. 145.
11. Федеральный закон РФ от 28.06.1995 № 98-ФЗ (ред. от 28.12.2016) «О государственной поддержке молодежных и детских общественных объединений» // Собрание законодательства РФ. 1995. № 27. Ст. 2503.
12. Федеральный закон РФ от 11.08.1995 № 135-ФЗ (ред. от 05.05.2014) «О благотворительной деятельности и благотворительных организациях» // Собрание законодательства РФ. 1995. № 33. Ст. 3340.
13. Федеральный закон РФ от 12.01.1996 № 10-ФЗ (ред. от 03.07.2016) «О профессиональных союзах, их правах и гарантиях деятельности» // Собрание законодательства РФ. 1996. № 3. Ст. 148.
14. Гражданский кодекс РФ (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ(ред. от 29.12.2017) // Собрание законодательства РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.
15. Федеральный закон РФ от 25.07.2002 № 114-ФЗ (ред. от 23.11.2015) «О противодействии экстремистской деятельности» // Собрание законодательства РФ. 2002. № 30. Ст. 3031.
16. Права - не дают, права - берут. Доклад Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации за 2016 год // Российская газета. 2016. 28 мая.
17. Федеральный закон РФ от 17.01.1992 № 2202-1 (ред. от 31.12.2017) «О прокуратуре Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 1995. № 47. Ст. 4472.

НОВОВВЕДЕНИЯ В ТАМОЖЕННОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ

И.И. Шматков (Витебск, Беларусь)

В январе 2018 года вступил в действие новый таможенный кодекс. Теперь во всех странах ЕАЭС единые нормы и правила таможенного регулирования.

Таможенный кодекс ЕАЭС - основополагающий свод правил регулирования внешнеэкономической деятельности для государств-членов: России, Беларуси, Казахстана, Армении и Кыргызстана.

В ходе проведенной работы были кодифицированы 20 международных договоров. В главном таможенном законе учтено 70 процентов предложений от бизнеса.

Отличие нового Таможенного кодекса от предшественника в том, что он полностью ориентирован на электронные технологии. Например, внедрение приоритета электронного декларирования, закрепление возможности проведения операций и контроля не только сотрудниками таможенных органов, но и информационными системами позволяют практически исключить контакт между должностным лицом таможни и субъектом внешнеэкономической деятельности.

Установлена возможность передачи на территории ЕАЭС временно ввезенного транспортного средства для личного пользования физическим лицом государства-члена ЕАЭС родителям, детям, одному из супругов, состоящим в зарегистрированном браке. Также появилась возможность подать предварительную декларацию на товары, даже если товар поступил на таможенную территорию ЕАЭС, но еще не прибыл на место доставки. Это, кроме всего, будет способствовать оптимизации расходов участников ВЭД. Значительно сокращены сроки выпуска товаров - до четырех часов.

Таможенный кодекс ЕАЭС предусматривает принципиально новый подход к институту уполномоченного экономического оператора - создана оптимальная модель взаимоотношений между таможенной службой и бизнесом.

С принятием кодекса подписано решение ЕЭК о новых правилах провоза товаров физ. лицами для личного пользования. Ранее эти нормы устанавливались отдельным соглашением, а сейчас они кодифицированы в Таможенный кодекс ЕАЭС. Однако нормы беспошлинного ввоза четко прописаны не в кодексе. Кодексом четко определена компетенция Евразийской экономической комиссии на установление таких норм. После принятия решения ЕАК будут определены нормы на национальном уровне.

Нормы беспошлинного провоза товаров физическими лицами будут меняться, а именно: с 1 января 2019 г. – до 1 тыс. евро и 50 кг; с 1 января 2020 г. – до 750 евро и 35 кг; с 1 января 2021 г. – до 500 евро и 25 кг.

Эти ограничения предлагают ввести на товары, которые перемещаются на автомобилях, автобусах по железной дороге или по морю. При пересечении границы авиатранспортом лимиты на товары остаются прежними - на сумму до 10 тыс. евро и весом не более 50 кг. Сейчас в ЕАЭС беспошлинный ввоз товаров физическим лицам при пересечении наземным транспортом ограничен 1,5 тыс. евро и 50 кг.

Так же ЕЭК предлагает установить новые лимиты на международные почтовые отправления на территорию ЕАЭС: с 1 января 2019 г. – 500 евро и 31 кг в течение календарного месяца в адрес одного физ. лица; с 1 января 2020 г. – 200 евро и 31 кг.

Сейчас в Республике Беларусь максимальная сумма заказа в месяц ограничена 22 евро и 10 кг. вне зависимости от количества покупок.

Нормы беспошлинного ввоза алкогольной продукции составляют 3 литра на совершеннолетнего человека. При превышении этой нормы придется оплатить пошлину за каждый литр сверх позволенных трех. Максимально можно провезти 5 литров алкогольной продукции. Также допустим беспошлинный ввоз до 200 сигарет на человека, достигшего 18-летнего возраста.

Один человек может привезти в Беларусь овощей, фруктов, орехов, ягод, грибов, бобовых - всего не более пяти килограммов разных видов. Если вы планируете привезти больше, то необходим фитосанитарный сертификат, который можно получить в месте покупки у уполномоченного органа по карантину растений. Можно перевозить через границу суммы наличными не более 10000 евро. Сверх нормированные средства необходимо задекларировать. Суммы на банковской карточке при этом могут быть любыми.

Раз в три года физическое лицо может привезти в Беларусь бытовую технику-холодильник, посудомоечную и стиральную машины, плиту, микроволновку и так далее.

Существенно переработаны положения, касающиеся магазинов беспошлинной торговли - Dutyfree. Например, теперь товары в этих точках могут быть реализованы не только лицам, убывающим с территории.

В таможенный кодекс включили все имевшиеся ранее правила и положения, касающиеся работы таможи в странах союза. Это должно существенно упростить процедуру ведения бизнеса. Позволит унифицировать международные нормативные акты, подвести под общий знаменатель национальное законодательство пяти стран и создать благоприятные условия для ведения внешнеэкономической деятельности.

О НЕКОТОРЫХ АСПЕКТАХ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ НАЛОГОВОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

А.В. Селезнёва (Витебск, Беларусь)

Экономические отношения постоянно развиваются и модернизируются, появляются новые виды хозяйственной деятельности, устанавливаются внешнеэкономические связи с иными государствами. В связи с этим, развивается и отечественная налоговая система, однако значительно медленнее, чем необходимо для обеспечения стабильного экономического роста. То реформирование, которое было произведено в данной сфере в последние годы, является беспрецедентным мероприятием, однако происходящие процессы нельзя назвать комплексной стратегией модернизации налоговой системы. По-прежнему налоговую политику нельзя признать стабильной, согласованной, предсказуемой и ориентированной на долгосрочный рост [1, с.71].

Стоит отметить, что наибольшей проблемой видится отсутствие теоретических разработок стратегии модернизации. Так, со стороны государственных органов постоянно поступают различные предложения о вводе налоговых платежей и различных парафискалитетов (сборов, пошлин), имеющих разную направленность (не только фискальную). Причём это происходит на фоне объявленного моратория на изменения в налоговой системе [1, с. 71]. Не решен также вопрос о единстве налогового законодательства, что неблагоприятно сказывается на его прозрачности. У бизнес-сообщества и субъектов хозяйствования также существует своё видение налоговой системы. Основной акцент делается на упрощении налоговых процедур и снижении налоговой нагрузки. Не отказываются и от льгот, а некоторые министерства и ведомства активно лоббируют их введение.

Стоит отметить также и тот момент, что на данный момент времени Республика Беларусь является членом ЕАЭС, что значительно усложняет разработку конкретных алгоритмов преобразования налоговой системы. Происходит это в силу того, что обеспечить функционирование общего рынка, а затем и организацию единого экономического пространства невозможно без согласованной налоговой политики. Существенные различия в темпах и направлениях проведения экономических реформ в государствах ЕАЭС, и как следствие, различных подходов к государственному регулированию экономики, разное сочетание социально-политических, экономических, и природных факторов не позволяют обес-

печить унификацию хозяйственного законодательства государств-участников ЕАЭС, в первую очередь по вопросам налогообложения и собственности.

Координирование вопросов внутреннего и внешнего налогообложения в рамках регионального интеграционного образования позволяет обеспечить эффективность государственных мер по изменению структуры национальной экономики, использовать их для построения общего внутреннего рынка товаров, услуг, капиталов и труда. Всё это достигается при помощи согласованной налоговой политики государств. Налоговая политика в рамках интеграционного объединения, такого как ЕАЭС, представляет собой элемент экономической политики, и, в свою очередь, должна быть инструментом достижения общей, поставленной экономической цели [2].

Представляется, что основным условием достижения этой цели является гармонизация национальных законодательств в сфере налогообложения. Осуществление гармонизации должно происходить при применении двух взаимодополняющих методов:

- Гармонизацией национального законодательства путём координации законопроектной работы и устранения несоответствия проводимой согласованной налоговой политики действующим национальным правовым актам;
- Создание единой модели нормативной базы гражданского, административного и налогового законодательства.

Для обеспечения успешности проведения процесса гармонизации Е.Ф. Киреева предлагает ряд последовательных процедур:

1. Определение требующих гармонизации отраслей законодательства, сфер в рамках отдельной отрасли и проблемных вопросов;
2. Осуществление соответствующего сравнительно-правового анализа;
3. Определение согласованных перечней национальных законодательных и иных нормативных правовых актов, подлежащих гармонизации;
4. Синхронное принятие гармонизированных актов;
5. Контроль за реализацией решений по вопросам гармонизации [2].

Представляется, что как осуществление гармонизации, так и последующее функционирование общего налогового законодательства возможно лишь при приоритете международного права над национальным. В связи с этим можно сделать вывод, что сам по себе процесс гармонизации национальных налоговых законодательств стран-участниц Евразийского экономического союза должен быть начат с создания единого органа, который бы состоял из представителей налоговых структур. Стоит отметить, что еще в 2015 году руководители налоговых структур России, Казахстана, Беларуси, Киргизии и Армении на официальной встрече отметили важность информационного обмена между странами как одного из элементов эффективного международного сотрудничества. Однако впоследствии подобные встречи не приобрели системного характера. Возможно, создание наднационального органа, в котором учитывались бы предложения каждой из стран-участниц, положительно сказалось бы на прогрессе процесса гармонизации национальных налоговых законодательств.

Необходимость гармонизации национальных налоговых законодательств не вызывает сомнений, она диктуется отсутствием единой законодательной и нормативной базы налогообложения, многочисленностью нормативных документов и частом несоответствии законов и подзаконных актов, регулирующих налоговые отношения, а также законов, относящихся к иным отраслям права, но вторгающихся в вопросы регулирования налоговых отношений, существование правовых пробелов и отсутствие достаточных правовых гарантий для участников налоговых отношений. Одной из правовых проблем являются различные подходы государств в определении базовых терминов и норм налогового права, а также их отсутствие или нечеткое определение (например, с отсылкой на национальное законодательство) в международных договорах и соглашениях [2].

Стоит также отметить, что существует множество классификаций налоговых платежей по различным основаниям. Одна из важнейших – это деление налоговых платежей в зависимости от уровня компетенции органов государственной власти на их установление и ведение. Здесь как раз и можно найти различия. Так, в Российской Федерации ввиду их государственного устройства налоги подразделяются на федеральные, региональные и местные; в Республике Беларусь – республиканские и местные; в Кыргызской республике – общегосударственные и местные; а в Казахстане такое разделение вовсе не производится, используются только перечни налогов, сборов, плат, государственной пошлины и таможенных платежей. Не затрагивая вопросов бюджетного законодательства, одним из важнейших аспектов конкретно налогового права является закрытый перечень налоговых платежей различного уровня, как местных, так и республиканских. Данная проблема является достаточно актуальной, и неоднократно возникала при рассмотрении межгосударственных налоговых споров. Межгосударственные соглашения и договора, как правило, не учитывают местное налогообложение и права местных органов на их введение, отмену и установление льгот, что может, впоследствии, приводить к возникновению спорных ситуаций [2]. Для разрешения подобных ситуаций и служит гармонизация законодательств.

Представляется, что решением проблем как в национальном законодательстве Республики Беларусь, так и проведением успешной гармонизации законодательств стран-участниц ЕАЭС в налоговой сфере может стать использование компетентностно-сервисного подхода модернизации налоговых систем [1, с. 71].

Сервисная концепция рассматривает практически любую деятельность государства по взаимодействию с обществом, человеком через призму оказания государственных услуг. Сервисный подход к сущности государства связан с такими направлениями оптимизации властно-правовой деятельности, как внедрение системы оценки эффективности госорганов, проведение реформы государственной службы, ориентирующей чиновника на результат, внедрение информационных технологий в госсекторе, формирование «электронного правительства», коммуникативных технологий контроля и планирования, развитие онлайн-услуг и т. д. Таким образом, деятельность налоговых органов наряду с обеспечением фискальных задач должна рассматриваться как сервис по предоставлению услуг налогоплательщикам, направленный на реализацию их законных интересов и развитие бизнес-среды. Реализация данной стратегии возможна через выполнение следующих задач:

1. определение понятия налоговых услуг и их стандартизация на законодательном уровне.

В общем понимании стандарт государственной услуги можно определить как нормативный правовой акт, устанавливающий требования к предоставляемым государственным услугам, включающие характеристики процесса, формы, содержания и результата оказания государственных услуг. Подразумевается, что вводимые стандарты должны детально описывать механизм предоставления, а также иную информацию о тех или иных налоговых услугах, оказываемых налоговыми органами.

2. оценка качества налоговых услуг как обязательный элемент их оказания.

Оценка качества предоставления услуг должна обязательно входить в стандарт налоговой услуги и определяться в двустороннем порядке как со стороны государства на предмет их эффективности и результативности, так и со стороны получателей-плательщиков на предмет снижения трудозатрат по выполнению обязательных и необязательных налоговых процедур.

3. обеспечение качества услуг.

Должны быть продолжены мероприятия по улучшению комфортности обслуживания: расширение налоговых сервисов; переход на современные технологии взаимодействия с налогоплательщиками; развитие профессиональной культуры сотрудников налоговых органов; создание системы межведомственного взаимодействия государственных органов для эффективного реагирования на обращения граждан, предоставление справок и документов.

4. постоянный мониторинг налоговых услуг на системной основе.

В Республике в последние годы проводятся социологические исследования по вопросам удовлетворенности налоговыми услугами. И именно социологические опросы населения выявляет ряд проблем, которые препятствуют удовлетворенности налоговыми услугами. Поэтому отслеживание качества обслуживания плательщиков в инспекциях Министерства по налогам и сборам Республики Беларусь в будущем позволит своевременно корректировать качество оказываемых услуг.

5. повышение информированности общества и обучение его новым сервисам.

Ввиду того, что внедрение новых технологий и новых сервисов сопряжено с инновациями, в частности, в области процессов и технологий предоставления услуг (перевод многих услуг в электронную форму, открытие многофункциональных центров), можно предположить необходимость просветительских мероприятий: инструктирование граждан о том, как пользоваться услугами, привлечения внимания к новым услугам, и возможно формирование потребности в них.

6. создание единого фискального сервиса.

Эта проблема касается как вопросов качества автоматизации непосредственно налоговых услуг, так и прочих платежей, имеющих фискальный характер (взносы в ФСЗН, Белгосстрах, различные сборы, пошлины и др.) [1, с. 73-34].

Таким образом, для совершенствования национальной налоговой системы необходимо приложить все усилия по гармонизации национальных законодательств, и принятие на международном уровне государствами-членами ЕАЭС единой Стратегии развития налоговых систем участников, которая будет основана на компетентностно-сервисном подходе, ориентированном на стабильный экономический рост и развитие бизнес-сферы. Всё это позволит приблизиться к созданию Единого налогового пространства в рамках ЕАЭС.

1. Киреева, Е.Ф. Модернизация национальной налоговой системы: компетентностно-сервисный подход / Е.Ф. Киреева // Стратегия развития экономики Беларуси: вызовы, инструменты реализации и перспективы: сборник научных статей. В 4 ч. Ч. 1 / Национальная академия наук Беларуси, Институт экономики НАН Беларуси; редкол.: В. И. Бельский [и др.]. – Минск: Институт системных исследований АПК НАН Беларуси, 2017. – С. 71 – 75.
2. Киреева, Е.Ф. Гармонизация налоговых систем стран Содружества как основа совершенствования налогового права / Е. Ф. Киреева // Официальный сайт Экономического суда СНГ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://sudsng.org/download_files/publication/konf/konf23.pdf. – Дата доступа: 17.02.2018.

БУДУЩАЯ КОНСТИТУЦИЯ БЕЛАРУСИ: НОВЫЕ ПОДХОДЫ

А.В. Курьянович (Минск, Беларусь)

Начиная с 2014 г., президент А.Г. Лукашенко сделал несколько публичных заявлений о необходимости кардинальных изменений Основного Закона страны – Конституции [1, с. 2]. Как известно, в Республике Беларусь действует Конституция от 15 марта 1994 г. с изменениями и дополнениями, принятыми на общереспубликанских референдумах 24 ноября 1996 г. и 17 октября 2004 г.

Действительно, настало время самым внимательным образом пересмотреть нынешнюю Конституцию с той целью, чтобы в процессе разработки нового проекта Основного Закона зафиксировать в нём максимально корректные конституционные нормы, которые бы, с одной стороны, отвечали общепринятым мировым нормам, а с другой, – сделали бы будущую белорусскую Конституцию уникальной.

Например, член Конституционной комиссии Верховного Совета Беларуси 12-го созыва, доктор юридических наук, профессор М.Ф. Чудаков приводит такой пример. Когда в декабре 1991 г. в республиканской печати был опубликован проект белорусской Конституции, в Туркмении вскоре обнародовали почти аналогичный проект [3, с. 226]. По утверждению М.Ф. Чудакова, туркмены просто заимствовали белорусский вариант Конституции. Однако это скорее минус, чем плюс. Если конституционный проект европейской страны можно подогнать под азиатские реалии, значит, этот проект лишён национального духа.

В первую очередь необходимо проанализировать преамбулу – лицо Основного Закона. Наверное, стоит вернуться к практике начала 1990-х гг., когда в преамбуле проекта Конституции имело место упоминание о выдающихся памятниках средневекового белорусско-литовского права – Статутах Великого княжества Литовского, а также уставных грамот Белорусской Народной Республики, которые стали своего рода предтечей современной белорусской государственности. Это будет иметь большое философское и психологическое значение.

Серьёзным образом нужно пересмотреть права и обязанности граждан. Действующая Конституция буквально переполнена правами, многие из которых просто заимствованы из соответствующих документов международного права. А вот каков механизм их реализации эффективен ли он? При этом вряд ли целесообразно введение в Республике Беларусь уполномоченного по правам человека, на чём, например, настаивают некоторые известные белорусские юристы (М.И. Пастухов и др.). К слову, такая идея впервые была высказана в мае 1993 г. группой депутатов Верховного Совета Беларуси 12-го созыва В.И. Гончаром, Г.Д. Карпенко, В.Б. Долголёвым [2, л. 131]. Однако нецелесообразность введения такого института объясняется наличием компетентных правоохранительных и контрольно-надзорных органов.

Имеется проблема и с обязанностями граждан. Конституция – документ прямого действия, а не моральный кодекс. Между тем встаёт вопрос о таких обязанностях как защита окружающей среды и бережное отношение к историко-культурному наследию. Однако каков механизм контроля? Каким образом государство сможет привлечь человека к ответственности за несоблюдение этих обязанностей? Другое дело, что у государства имеется действенный механизм привлечения к ответственности за несоблюдение такие обязанностей как воинская служба и участие граждан в финансировании государственных расходов путём уплаты государственных налогов, пошлин и иных платежей. Так нужно ли прописывать в Основном Законе те обязанности граждан, реализацию которых невозможно проконтролировать?

Следует присмотреться и к такому институту как референдум, а в особенности – к местному референдуму. В истории независимой Беларуси местный референдум не проводился ни разу, да и нужен ли он вообще?

На встрече с судьями Конституционного Суда 15 марта 2018 г. президент А.Г. Лукашенко поднял вопрос о возможности закрепления в будущей Конституции многопартийной системы. Иными словами, должна появиться возможность избрания части парламента по партийным спискам, т.е. на пропорциональной основе. Например, пятьдесят пять депутатов могут быть избраны от политических партий, а остальные – по одномандатным округам. Такая система даст возможность политическим партиям сделать существенный шаг в своём развитии.

Если коснуться вопроса о президенте, то в первую очередь следует обратить внимание на предельный возрастной ценз: в Конституции он не определён, хотя это некорректно уже даже потому, что в Основном Законе прописан граничный – 70 лет – возраст судьи Конституционного Суда. Иными словами, следует уравнивать возрастные подходы.

Ещё один момент связанный с институтом президентства. Он касается необходимого количества подписей граждан для выдвижения того или иного человека кандидатом в президенты. Количество таких подписей (не менее 100 тыс.) достаточно велико. За всю историю президентских выборов в независимой Беларуси для многих претендентов такое количество подписей стало непреодолимым барьером. Чтобы собрать такое количество подписей, необходимо обладать солидными административными ресурсами,

либо быть публично известным политиком. Например, во время президентской кампании в Беларуси в 1994 г. малоизвестным политикам В.Н. Новикову и А.И. Дубко, тем не менее, удалось собрать необходимое количество подписей. Решающую роль в этом сыграли крепкие организационные структуры коммунистов и аграриев соответственно. Поэтому заявление председателя Центральной комиссии по выборам и проведению республиканских референдумов Л.М. Ермошиной о снижении количества необходимых подписей (не менее 70 тыс.) стоит только приветствовать.

Конечно, стоит рассмотреть вопрос об усилении роли парламента в политической и общественной жизни Беларуси. Так, например, конституционные изменения и дополнения, осуществлённые в ходе общереспубликанского референдума 24 ноября 1996 г., не установили компетенцию Национального собрания в целом. Компетенция отдельно установлена как для Палаты представителей, так и для Совета Республики.

Следовало бы конституционно закрепить положение судей: предельный возраст, время нахождения в должности. Необходимо также указать, что судьи могут получать гонорары за произведения литературы и искусства

Также стоит рассмотреть вопрос об исключении из будущей Конституции тех норм, которые не носят характер конституционного регулирования. Как, например, норма об установлении рабочей недели, не превышающей 40 часов для работающих по найму и др.

Естественно, вышеотмеченные замечания не являются исчерпывающими, но должны быть учтены при разработке нового проекта Конституции Республики Беларусь.

1. Крят, Д. Заглавная буква Основного Закона / Д. Крят // Советская Белоруссия. – 2014. – 15 марта. – С. 2.
2. Национальный архив Республики Беларусь. – Ф. 968. – Оп. 1. – Д. 2683.
3. Чудаков, М.Ф. Конституционный процесс в Беларуси (от привилея Казимира до Конституции Республики Беларусь) / М.Ф. Чудаков. – Мн.: Акад. упр. при Президенте Респ. Беларусь, 2008. – 290 с.

МЕТОДИКА ПРЕПОДАВАНИЯ

ПРЕПОДАВАНИЕ КУРСА «ИСТОРИЧЕСКАЯ ГЕОГРАФИЯ РОССИИ» НА ИСТОРИЧЕСКОМ ФАКУЛЬТЕТЕ МГУ ИМЕНИ М.В. ЛОМОНОСОВА

Н.Г. Абрамова, О.С. Петрова (Москва, Россия)

На историческом факультете Московского Государственного университета имени М.В. Ломоносова в ходе подготовки молодых специалистов-историков значительное внимание уделяется изучению вспомогательных исторических дисциплин. Поэтому закономерно желание поделиться опытом преподавания ВИД, среди которых историческая география занимает важное место. Курс исторической географии на историческом факультете МГУ имени М.В. Ломоносова преподается отдельно для студентов кафедр отечественной истории и всеобщей истории.

Лекции по отечественной исторической географии читаются более 60 лет. Традиции его преподавания были заложены М.Н. Тихомировым, В.З. Дробижевым, И.Д. Ковальченко, А.В. Муравьевым, А.К. Соколовым. После перехода на двухуровневую систему высшего образования он вошел в годовой учебный курс «Вспомогательные исторические дисциплины» профессионального цикла базовой части учебного плана бакалавриата. Вместе с разделом «Историческая география России» в этот единый курс входят разделы «Система вспомогательных исторических дисциплин» и «Архивоведение отечественной истории».

«Историческую географию России» изучают как дисциплину специализации студенты кафедр «Источниковедения», «Истории России до начала XIX века», «Истории России XIX – начала XX века», «Отечественной истории XX–XXI века», «Истории общественных движений и политических партий». Он читается для бакалавров как семестровый курс на III курсе д/о (6 сем.) и на IV курсе в/о (8 сем.) преподавателями кафедры источниковедения. Занятия проходят в лекционной форме, объем – 32 часа, форма отчетности студентов – дифференцированный зачет. В течение семестра студенты пишут несколько небольших контрольных работ (по 10-15 минут каждая). На сегодняшний день большим плюсом для обучения является возможность расширить и углубить материал курса исторической географии благодаря преподаванию курсов «Историческая топонимика России» и «Историческая картография России» как обязательных для студентов, выбравших для продолжения обучения программу интегрированной магистратуры кафедры источниковедения, а для бакалавров и внешних магистров читаются для всех желающих специальные курсы студентов по исторической топонимике и исторической картографии.

Содержательную основу курса составляют материалы учебного пособия «Вспомогательные исторические дисциплины», подготовленного сотрудниками кафедры источниковедения исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова (Абрамова Н.Г. Историческая география России // Абрамова Н.Г., Круглова Т.А. Вспомогательные исторические дисциплины: учеб пособие для студ. учреждений высш. проф. образования. 2-е изд., испр. - М.: Издательский центр «Академия», 2011- 368 с. - (Сер. Бакалавриат)), и действующей в настоящее время программы дисциплины, разработанной сотрудниками кафедры источниковедения Н.Г. Абрамовой, А.Г. Голиковым, О.С. Петровой, а также материалы, собранные авторами в ходе многолетнего чтения курса на историческом факультете. Используются также материалы классических пособий по исторической географии (Дробижев В.З., Ковальченко И.Д., Муравьев А.В. Историческая география СССР. Учебное пособие. М., 1973; Муравьев А.В., Самаркин В.В. Историческая география эпохи феодализма. Западная Европа и Россия в V –XVII вв. Учебное пособие. М., 1973).

Следует особо сказать о том, что в настоящее время остро стоит проблема с учебными пособиями по исторической географии (а точнее с отсутствием таковых), причем не только пособий по курсу отечественной исторической географии, но и исторической географии различных стран и исторических периодов. Раздел по исторической географии в учебном пособии, подготовленном на кафедре источниковедения исторического факультета МГУ, не претендует стать «истиной в последней инстанции» в подготовке учебных пособий по отечественной исторической географии. Сегодня еще предстоит сделать определенные шаги в направлении создания полноценного учебника по отечественной исторической географии, потребность в котором очень велика.

Ограниченные временные рамки курса и огромный материал, накопленный научным сообществом в изучении исторической географии, потребовали отойти от традиционного принципа изложения учебного материала. Ранее материал давался по хронологическим периодам – до начала XVIII в., XVIII–начало XX в. и XX в., внутри этих периодов – в соответствии с основными элементами науки исторической географии. В настоящее время курс преподается по четырем блокам – проблемы исторической физической географии России, проблемы исторической политической географии России, проблемы исторической географии хозяйства России и проблемы исторической географии населения России, внутри которых мате-

риал излагается в хронологическом порядке. Именно проблемный подход наиболее соответствует современным задачам преподавания и состоянию изучения данной научной дисциплины.

По этой же причине – ограниченного объема часов, выделенных в учебном плане – пришлось провести тщательный отбор учебного материала, поэтому целый ряд вопросов вообще не освещается или затрагивается лишь вскользь (например, проблемы церковной географии, монастырской колонизации, географии народных движений).

Начинается курс с раздела об исторической географии как вспомогательной исторической дисциплине и обзора основных источников для изучения исторической географии России. Студенты получают представление о предмете, задачах курса, объектах и методах изучения, о теоретических основах дисциплины, четырех основных элементах исторической географии, изучением которых она занимается, об истории развития и современном состоянии науки, о различных направлениях внутри нее, о месте исторической географии в системе ВИД, отличии ее от географической науки и истории географии, о вкладе отдельных ученых в ее становление и развитие. Помимо возможностей использования всех видов традиционных для исторической науки письменных источников им рассказывают о картографических и топонимических источниках, историко-географических описаниях России, а также о возможностях привлечения других типов источников (например, вещественных, фонических) и использовании данных и методов других наук, иногда даже далеких от гуманитарного цикла отраслей знания (палеоботаника, дендрохронология и др.).

В разделе «Проблемы исторической физической географии России» говорится о том, что история человеческого общества неотделима от истории природы. Даются основные сведения о климате, рельефе, почвах, флоре и фауне, гидрогеографической сети. Рассматриваются проблемы географической среды, влияния природно-климатического и экологического факторов на исторический процесс в целом и на российскую историю, затрагиваются вопросы влияния изменения природных условий и катаклизмов на российскую историю.

В разделе «Проблемы исторической политической географии России» изучаются материалы о складывании территории нашего государства, об открытии и присоединении новых территорий, об изменении границ и административно-территориального деления государства. Основное внимание уделяется «острым» или спорным территориальным вопросам (Крым, Сахалин и Курильские острова, Калининградская область и т. д.), так как из курса отечественной истории студенты уже имеют общие представления об изменении границ нашего государства в различные исторические периоды.

Изучение «Проблем исторической географии хозяйства России» представляет наибольшие сложности, прежде всего из-за обилия фактического материала. Изучаются география сельскохозяйственного и промышленного производства, проблемы экономико-географического районирования, география путей сообщения, развитие транспорта и др. Также в этом разделе рассматривается и вопрос о российских городах, хотя в науке до сих пор нет единого мнения, в каком разделе исторической географии рассматривать эту проблему – при изучении исторической географии хозяйства или исторической географии населения.

При изучении «Проблем исторической географии населения России» речь идет о численности населения, его размещении, плотности, национальном составе, внутренних и внешних миграциях и изменении их причин в различные эпохи. Студенты получают представление об основах исторической демографии, изменении демографической ситуации в нашей стране на различных этапах ее исторического развития и современной демографической ситуации.

Преподавание курса «Историческая география России», на наш взгляд, имеет большое значение для профессиональной подготовки студентов-историков. Дисциплина вызывает стойкий интерес у слушателей и дает им много новых знаний по истории нашей страны, что, кстати, в ходе бесед подтверждают и сами студенты. Знакомство с историко-географической проблематикой позволяет студентам по-новому взглянуть на российский исторический процесс в целом и на ряд конкретных проблем исторического развития страны.

ОСОБЕННОСТИ ПРЕПОДАВАНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ СТУДЕНТАМ МЕДИЦИНСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Н.В. Гапанович-Кайдалов (Гомель, Беларусь)

Высшее образование во все времена ассоциировалось не только с высокой квалификацией, востребованностью на рынке труда выпускников, но также и существенной гуманитарной составляющей в образовательных программах. Специалисты с высшим образованием составляли элиту общества, резерв руководящих кадров, являлись носителями духовности. И все же в последнее время наблюдается тенденция к сокращению социально-гуманитарного компонента. Со стороны чиновников, руководителей учебных заведений нередко можно услышать высказывания, акцентирующие внимание на непрофильности дисциплин данного цикла, что вызывает у обучающихся отсутствие заинтересованности в получении гуманитарного знания ради повышения собственного уровня культуры и собственного духовного развития [1]. В то же время отсутствие достаточного уровня гуманитарной культуры приводит к формированию

нию человека-потребителя, который сосредоточен только на материальном комфорте [2]. Следствием этого явилось сокращение аудиторных часов. Так, типовая учебная программа для высших учебных заведений для неэкономических специальностей (утверждена 15.04.2008, регистрационный № ТД-СГ.012/тип.), предусматривала изучение экономической теории в объеме 102 часов. Актуальная на сегодняшний день типовая учебная программа по обязательному модулю «Экономика» для учреждений высшего образования (утверждена 30.06.2014, регистрационный № ТД-СГ.021/тип.) предусматривает изучение экономической теории в объеме всего 42 часа (сокращение примерно на 59%). Кроме того, сегодня дисциплина «Экономическая теория» искусственно объединена в единый модуль с дисциплиной «Социология» с общим зачётом вместо экзамена, что также настраивает студентов на формальный подход при изучении этих «непрофильных» дисциплин. Вместе с тем, необходимость фундаментальных экономических знаний для современного специалиста очевидна в условиях, когда выбран курс на развитие предпринимательской инициативы, стимулирование деловой активности [3].

Кроме того, в современных условиях нарастающей конкуренции на рынке труда всё более востребованными являются специалисты, умеющие нестандартно и неординарно мыслить, использующие творческий подход в профессиональной деятельности, эффективно решающие экономические задачи. Следовательно, одной из целей высшего образования является развитие экономического мышления студентов – умения принимать рациональные решения в той или иной экономической ситуации на основе практического опыта и сознавать собственную ответственность за полученный результат.

Глубокие экономические знания нужны будущему врачу хотя бы потому, что частный сектор здравоохранения с каждым годом становится все более значимым и востребованным, поскольку удовлетворяет потребности населения в медицинском обслуживании более качественно, чем государственная система здравоохранения [4, с. 108]. Кроме того, развитие государственного сектора здравоохранения в Республике Беларусь ориентировано на расширение использования высокотехнологичных разработок и информационных технологий; увеличение государственных инвестиций в здравоохранение, развитие государственно-частного партнерства, расширение спектра платных медицинских услуг (при сохранении возможности получения необходимого лечения на бесплатной основе).

Основным целевым ориентиром преподавания экономической теории в медицинском университете являются Образовательный стандарт высшего образования (цикл социально-гуманитарных дисциплин) и стандарты специальностей 1-79 01 01 «Лечебное дело», 1-79 01 03 «Медико-профилактическое дело» и др. В частности, современный специалист с высшим образованием должен знать специфику экономических процессов в Республике Беларусь, содержание и особенности социальной политики в Республике Беларусь; уметь использовать экономические знания для принятия рациональных решений в профессиональной деятельности. Кроме того, студент медицинского университета в результате изучения дисциплины «Экономическая теория» должен быть подготовлен к восприятию и пониманию особенностей экономики, организации и финансирования здравоохранения, медицинского страхования и др.

В силу того, что дисциплина «Экономическая теория» традиционно воспринимается в медицинском университете как непрофильная, особую актуальность приобретает проблема мотивации студентов. При этом одной из главных задач становится выбор методического инструментария для привлечения внимания студентов и поддержания интереса к изучаемому материалу. Эффективным приёмом создания учебной мотивации студентов, на наш взгляд, являются постоянное обновление содержания лекций посредством включения новой экономической информации (например, об уровне инфляции, темпах роста ВВП, объёме бюджетного финансирования здравоохранения, темпах роста заработных плат в бюджетной сфере, условиях потребительского кредитования и кредитования жилья и др.). Приведение актуальных примеров на лекциях и семинарских занятиях не только удерживает внимание студентов на изучаемом материале, но также стимулирует их воображение, ориентирует на осмысление своего экономического поведения и поиск путей достижения своих личных экономических целей. Очевидно, анализ возможностей улучшения своего материального положения, обеспечения материального благополучия своей семьи (настоящей или будущей), решения проблемы жилья отвечают актуальным жизненным потребностям молодых людей и поэтому вызывают у них большой интерес.

Важнейшим мотивом изучения экономической теории является принципиальная оценка её роли и значения в современном обществе. Одна из наиболее распространённых точек зрения на этот счет предполагает понимание экономической теории как науки и учебной дисциплины, которая всё больше интегрируется с психологией, политологией, антропологией, укрепляя межпредметные, междисциплинарные связи. Возрастающая практическая направленность экономической теории усиливает ожидания конкретных «рецептов» для субъектов хозяйствования, нацеленных на более успешное достижение их экономических целей. С другой стороны, студенты должны понимать, что экономическая теория как общественная наука развивается вместе с обществом, изучая, объясняя экономические явления, прогнозируя динамику их изменений в будущем. Создавая иллюзию противоречивости и ошибочности тех или иных экономических школ и теорий, в своем единстве они в полной мере с разных сторон комплексно дают ответы на многие вопросы деятельности хозяйствующих субъектов [5].

Наш опыт преподавания экономической теории в медицинском университете позволяет сделать следующие выводы.

На фоне разговоров об экономической безопасности, роли экономики в современном обществе, необходимости развития деловой инициативы и повышения финансовой грамотности населения изучению экономической теории на уровне высшего образования уделяется недостаточное внимание.

Значительное сокращение часов на изучение данной дисциплины привело к тому, что либо студенты не имеют возможности и времени освоить основные экономические понятия, приобрести навыки экономического мышления, удовлетворить свой интерес к предмету в полной мере; либо с первого занятия ориентированы на формальное «прохождение» курса и получение зачета. Неформальный подход к преподаванию экономической теории самого преподавателя, использование актуальной экономической информации, учёт экономических потребностей студентов позволяет создать учебную мотивацию не только для усвоения знаний на занятиях, но и для самостоятельной работы. Для достижения цели развития экономического мышления студентов целесообразно использовать творческие задания, проблемные ситуации, эссе. Например, организация дискуссии по темам «Аргументы за и против страховой медицины в Республике Беларусь» или «За и против импортозамещения в сфере производства лекарств» и др. Предлагая свои аргументы и обосновывая свою позицию по предложенной проблеме, студенты медицинского университета учатся применять на практике экономические знания, анализировать экономические явления и процессы.

Таким образом, преподавание экономической теории студентом медицинского университета требует использования специального методического инструментария для создания учебной мотивации, преодоления формального подхода при изучении «непрофильных» дисциплин, развития экономического мышления.

1. Фомина О.И. Проблема преподавания гуманитарных дисциплин в техническом вузе в условиях современной модернизации образования // Педагогика высшей школы: диалог эпох: материалы Междунар. науч.-практич. Конф. / под ред. И.Ю. Лапиной, С.Ю. Каргапольцева; СПбГАСУ. – СПб, 2013. – с.124-128.
2. Цимбал Т.В. Непрофильные дисциплины в системе современного технического образования // Педагогика высшей школы: диалог эпох: материалы Междунар. науч.-практич. конф. / под ред. И.Ю. Лапиной, С.Ю. Каргапольцева; СПбГАСУ. – СПб, 2013. – с.129-132.
3. О развитии предпринимательства: Декрет Президента Республики Беларусь от 23 ноября 2017 г. № 7 // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь от 24.11.2017. – 2017. – 1/17364.
4. Мажинская, М.А. Анализ развития государственного и частного секторов белорусского здравоохранения. / М.А.Мажинская. – Экономика и управление. – 2012. – № 3. – С. 106-112.
5. Хайкин, М.М. Проблемы преподавания экономической теории в техническом вузе / М.М. Хайкин, В.А. Базжина. – Научный журнал НИУ ИТМО. Серия «Экономика и экологический менеджмент». – 2014. – № 2(17). – Режим доступа: http://economics.ihbt.ifmo.ru/ru/journal/525/journal_525.htm .- Дата доступа: 21.02.2018.

ФОРМИРОВАНИЕ ОБРАЗНЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ ОБ ИСТОРИЧЕСКИХ СОБЫТИЯХ НА ОСНОВЕ ВИЗУАЛИЗАЦИИ

Г.Э. Давидовская (Минск, Беларусь)

Современное информационное пространство, насыщенное электронными коммуникациями, определяет новые формы работы с поступающей в огромном количестве информацией. Сегодня на первом месте стоит не столько усвоение новой информации, сколько способы познавательной деятельности с ней – критическое восприятие, анализ, интерпретация и представление. Одним из наиболее значимых и влиятельных каналов представления и усвоения информации становятся визуальные средства, которые с помощью информационно-коммуникационных технологий эффективно воздействуют на когнитивную и эмоциональную сферы обучающихся. В ходе восприятия визуальной информации происходит её образное моделирование, что создаёт условия для развития визуального мышления. Ученый-психолог В. П. Зинченко охарактеризовал визуальное мышление как «вид творческого мышления, продуктом которого является порождение новых образов, создание новых визуальных форм, несущих определённую смысловую нагрузку и делающих значение видимым» [2].

В данной ситуации учёт фундаментального дидактического принципа наглядности становится всё более актуальным именно при обучении истории, специфика которого предполагает активное использование средств визуализации. Визуализация предполагает предоставление информации не просто в виде готового зрительного образа, а как способ получения и обобщения знаний на основе образа понятия, события, процесса, явления, факта, основанного на ассоциативном мышлении и системном структурировании информации в наглядной форме [1, с. 3].

Чтобы работа с визуальными источниками в процессе обучения истории происходила системно и содействовала развитию визуального мышления и визуальной культуры, представляется целесообразным определить модель, позволяющую эффективно воспринимать и перерабатывать информацию, характерную для человека современного информационного социума; модель, которая позволит интегрировать обучающихся в данный информационный социум.

При первоначальном усвоении субъективно нового для обучающихся материала представляется методически целесообразным использовать алгоритм познавательной деятельности «образ – слово – действие», основанный на интеграции образов, эмоций и логики. Данный алгоритм определяет следующую последовательность познавательных действий:

- представление образа исторического события и его участника на фактологическом уровне с помощью сконструированной образно-эмоциональной ситуации;
- введение теоретических знаний и создание проблемной ситуации через интеграцию образа в контекст изучаемой эпохи, явления с помощью художественных средств;
- организация учебной деятельности по анализу образа, а также рефлексии по результатам создания обучающимися собственного образа [3, с. 42].

Предлагаемый алгоритм определяет визуальный материал как основу изучения предмета. В этом случае визуальный материал будет стимулировать визуальную активность обучающихся, а визуальная активность конструировать всю модель обучения истории.

Для полноценной реализации дидактического потенциала визуализации в обучении истории необходимо обратить внимание на следующие методические рекомендации:

- должно быть умеренное информационное насыщение, определённый баланс визуальности и вербальности, отсутствие информационной перегруженности
- визуальный ряд не должен навязывать ни позицию, ни образы, а только давать повод для размышлений и организации дискуссии;
- визуализация должна стимулировать активность обучающихся, для чего необходим комплекс заданий и вопросов, в том числе творческого характера;
- обучающимся важно получить опыт самостоятельной визуализации;
- художественное исполнение должно быть технологичным и простым для восприятия, но не доминировать и заменять обучающую составляющую [6, с. 5].

Формирование у обучающихся образов исторического прошлого начинается с усвоения ими дидактически сконструированной информации. Структура дидактической конструкции будет зависеть от вида используемой информации. Относительно визуальных источников существует классификация, при которой историческая визуализация разделяется на четыре типа: 1) статичная визуализация, которая напоминает традиционную наглядность и проявляется в неподвижных изображениях; 2) динамичная визуализация, с помощью которой осуществляется демонстрация подвижных и меняющихся во времени изображений, позволяющих изучать исторические явления в движении и развитии; 3) интерактивная визуализация, которая обеспечивает отклик на просмотренные визуальные ряды и помогает осуществлять взаимодействие обучаемых с учётом их эмоциональной реакции; 4) иммерсионная визуализация, которая «переносит», «погружает» обучаемого в другой мир, иную, не существующую в настоящий момент историческую реальность [7, с. 10].

Решение различных дидактических задач с использованием визуальных источников определяют необходимость правильного подбора методических приёмов, позволяющих эффективно организовать учебно-познавательную деятельность с каждым из предложенных типов исторической визуализации.

Представляется целесообразным представить приёмы, имеющие инновационный характер по отношению к традиционно используемым: разворачивание образа через ассоциативные слова, интервью со свидетелем, рисуночное ассоциирование, ролевая игра на основе виртуализации.

Использование методического приёма разворачивания образа через ассоциативные слова целесообразно для формирования образного представления понятий, имеющих высокую степень обобщённости, например, религия, культура, государство, цивилизация, нация и т.п. В этом случае такое понятие можно рассматривать как слово, используемое в качестве опоры для продуцирования словесных ассоциаций. При усвоении обучающимися содержания такого понятия они подбирают из предложенного списка или называют самостоятельно слова-ассоциации. В результате формируется ассоциативный образ, который имеет возможность фактологически обогащаться при дальнейшем обучении, наполняясь смыслом и личностными ощущениями (воспоминаниями). Стержневой частью представляемого приёма является ситуативная иллюстрация, связанная с понятием. Иллюстрация поможет не только образно представить такую ситуацию, а и нацелит на её эмоциональное восприятие. На основании иллюстрации к каждому из слов-ассоциаций подбираются ещё по 3-4 слова-ассоциации, которые имеют смысловую связь. На основании слов-ассоциаций и иллюстрации обучающимися определяются основные признаки понятия. В результате такой последовательности действий, сложное для восприятия понятие предъясвляется не в готовом виде, а усваивается на основе образного представления, т.е. осуществляется перевод абстрактного научного знания в учебное конкретное [4, с. 324].

Применение приёма «Интервью со свидетелем» эффективно при использовании кино- или видеосюжета. Участников видео-просмотра необходимо разделить на 2 группы. У одной из групп есть возможность визуального и аудиального восприятия видеофрагмента. Вторая группа воспринимает его только аудиальным способом. Участники видео-просмотра, которые смотрели и слушали видеосюжет, считаются свидете-

лями события, а те, которые только слушали – журналистами. Затем группам предлагаются виды деятельности, основанные на процедуре заполнения информационных пропусков. «Журналисты» должны провести интервью о данном событии со «свидетелями», задавая различные вопросы об «услышанном» событии. «Свидетелям» необходимо дать полные и развернутые ответы на предложенные вопросы.

Приём рисуночного ассоциирования (ассоциирование – метод мышления, когда одно понятие или явление логически связывается с другим) построен на логической связи учебной информации (исторического понятия, события, явления) и образа, который воплощается обучающимися в виде рисунка. Применение приёма рисуночного ассоциирования нацеливает обучающихся на обдумывание образа исторического события, его воспоминание, представление, переживание, в результате чего воплощаемый образ отражает личностное отношение к учебной исторической информации. Например, обучающимся предлагается в виде рисунка представить историческое понятие, событие, явление, т.е. воплотить тот ассоциативный образ, который вызывает у них представленная учебная информация [4, с. 323].

Новым аспектом обучения истории является усвоение исторической учебной информации с помощью приёмов виртуализации, т.е. представление исторической ситуации как виртуальной реальности. По мнению некоторых исследователей, образы, созданные в виртуальном пространстве, могут быть реализованы в действительность в виде реально чувственно осязаемых образов: звуков, жестов, движений, физических предметов. Формирование исторических образов с помощью приёмов виртуализации стимулирует развитие воображения, т.е. способность моделировать объекты, ситуации и действия, которые в существующей реальности наблюдать невозможно в силу их отдаленности в историческом времени [5]. Одним из эффективных приёмов реконструкции исторического прошлого на основе виртуализации может стать ролевая игра «Участник. Очевидец. Современник. Наследник». При реализации приёма ролевой игры на основе виртуализации между обучающимися распределяются роли участников, очевидцев, современников и наследников по отношению к изучаемому событию. Усилить эмоциональный компонент при создании виртуальной ситуации поможет художественная картина, связанная с изучаемым событием. Обучающиеся представляют различные позиции реальных исторических персон, изображенных на предложенной картине. В процессе ролевой игры обучающимися осуществляется персонификация, при которой они выбирают себе имя, социальный статус и т.п. Участник представляет событие с точки зрения личного опыта персонажа, который непосредственно участвовал в событии. Участник характеризует непосредственно историческую ситуацию, не определяя последствий события. Т.е. он может изложить фактический материал с личностной позиции, но при этом задаёт вопросы: «Почему это случилось? Каковы были результаты события?». Позиция очевидца определяется тем, что физически он не был включён в событие, однако оно совершается «на его глазах». Поэтому он описывает событие с позиции «Я там был и всё видел!». Основной вопрос, который задаёт себе очевидец: «Чем это событие стало для меня? Какие последствия оно для меня будет иметь?». Современник представляет событие с позиции человека, который жил в то время, но «разминулся» с событием в пространстве. Современник о событии слышал только из рассказа других людей, поэтому он нацелен на поиск ответа на вопрос «А как всё происходило?». Наследник переживает связь с историческим событием, имевшим место до его рождения. В отсутствие личного опыта относительно исторического события он может проанализировать его с точки зрения последствий для своей страны или семьи [8]. Реализация данного методического приёма позволяет использовать различные источники исторической информации (иллюстрации, документы, воспоминания, учебный текст) и, на основе воображения, строить разные модели исторической ситуации, что, в свою очередь, позволяет рассматривать изучаемое явление альтернативно [4, с. 324 – 325].

Комплексное использование совокупности представленных выше приёмов позволит обеспечить активизацию деятельности обучающихся, формирование у них умений представлять учебную информацию в виде образа и самостоятельно создавать такие образы. Такую модель обучения целесообразно определить как *образное обучение*, под которым следует понимать целенаправленный педагогически организованный процесс усвоения исторической информации и содержания учебного материала на основе принципа визуализации.

Таким образом, в современных условиях информационно-образовательного пространства визуальные формы представления и усвоения содержания учебного исторического материала становятся ведущим компонентом познавательной деятельности. Использование возможностей образного обучения предполагает дидактическое конструирование образа исторического события, что позволяет формировать у обучающихся умение работать с различными источниками информации и выражать собственное отношение к усваиваемой исторической информации. Исторические представления при этом формируются путём применения комплекса методических приемов, разработанных автором статьи на основе использования визуализации и виртуализации в процессе творческой реконструкции образов исторического прошлого.

1. Абдулаев, Э. Н. Использование визуальной информации в преподавании истории / Э. Н. Абдулаев // Преподавание истории в школе. – 2012. – № 10. – С. 7 – 11.

2. Большой психологический словарь / [Электронный ресурс] / сост. и общ. ред.: Б. Г. Мещеряков, В. П. Зинченко // Режим доступа: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Psihol/dict/12.php. – Дата доступа: 17.02.2018
3. Давидовская, Г. Э. Формирование наглядно-образных представлений учащихся об исторических событиях при их визуализации / Г. Э. Давидовская // *Гісторыя і грамадазнаўства*. – 2015. – № 3. – С. 40 – 45.
4. Давидовская, Г. Э. Использование возможностей образного образования при обучении истории // Г. Э. Давидовская. – Научные труды Республиканского института высшей школы. Исторические и психолого-педагогические науки: сб. научн. ст. В 2 ч. Ч. 2. Вып. 16. – Минск: РИВШ, 2016. – С. 321 – 326.
5. Дубовицкая, Д. А. Значение процесса виртуализации в современном пространстве культуры / [Электронный ресурс] / Д. А. Дубовицкая // *Культура и мировоззрение*. – 2012. – № 11. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/v/znachenie-protsessa-virtualizatsii-v-sovremennom-prostranstve-kultury>. – Дата доступа: 14.02.2018.
6. Иоффе, А. Н. Визуализация в истории и общественном знании – способы и подходы / А. Н. Иоффе // *Преподавание истории в школе*. – 2012. – № 10. – С. 3 – 6.
7. Короткова, М. В. Новый образ методики преподавания истории в условиях информационных и визуальных вызовов XXI в. / М. В. Короткова // *Преподавание истории в школе*. – 2018. – № 1. – С. 9 – 12.
8. Нуркова, В. В. История как личный опыт / [Электронный ресурс] / В. В. Нуркова. 2009. – Режим доступа: <http://cyberleninka.ru/article/n/istoriya-kak-lichnyy-opyt>. – Дата доступа: 15.01.2018.

ВЫКАРЫСТАННЕ ІНТЭРНЭТ-СЭРВІСАЎ ПРЫ ВЫВУЧЭННІ ПЫТАННЯЎ КУЛЬТУРЫ НА ЎРОКАХ ГІСТОРЫІ БЕЛАРУСІ

С.А. Кудраўцава (Мінск, Беларусь)

Спецыфіка вучэбнага прадмета “Гісторыя Беларусі” патрабуе ад вучняў умення працаваць з інфармацыяй і рознага роду крыніцамі і дакументамі. Гісторыя утрымлівае вялікую колькасць дат, фактаў, персаналій, паняццяў. Аднак у сучасным свеце паступова адпадае неабходнасць перагружаць памяць, таму што існуюць тэхнічныя сховішчы інфармацыі (камп’ютарныя базы дадзеных, Інтэрнэт). Таму вельмі важна навучыць вучняў імі карыстацца.

З’яўленне зручных і бясплатных сацыяльных інтэрнэт-сэрвісаў і, з другога боку, прыкметна падросшы ўзровень ІКТ-грамацкасці настаўнікаў, дазваляюць усё шырэй выкарыстоўваць Інтэрнэт як асяроддзе для ўзаемадзеяння і прадуктыўнага супрацоўніцтва.

Сучасныя сеткавыя сэрвісы адкрываюць перад удзельнікамі адукацыйнага працэса магчымасць ствараць навучальныя сітуацыі, у якіх вучні могуць асвойваць і адпрацоўваць кампетэнцыі, неабходныя вучню XXI стагоддзя:

- *інфармацыйная грамацкасць* – уменне шукаць інфармацыю, параўноўваць розныя крыніцы, распазнаваць патрэбную інфармацыю;
- *медыйная грамацкасць* – здольнасць распазнаваць і выкарыстоўваць розныя тыпы медыярэсурсаў;
- *грамацкасць у сферы ІКТ (інфармацыйны-камунікатыўных тэхналогій)*;
- *арганізацыйная пісьменнасць* – здольнасць планаваць свой час і час сваёй групы; разуменне ўзаемазвязяў, якія існуюць паміж людзьмі, групамі, арганізацыямі;
- *камунікатыўная грамацкасць і супрацоўніцтва* – навыкі эфектыўных зносін і супрацоўніцтва;
- *прадуктыўная грамацкасць* – здольнасць да стварэння якасных прадуктаў, выкарыстання адэкватных сродкаў, планаванне (навыкі для жыцця і кар’еры) [1].

Пры гэтым настаўнікі і вучні не проста знаёмяцца з прынятымі ў грамадстве формамі дзейнасці – яны трапляюць у багатае інфармацыйнае асяроддзе, дзе могуць прыняць практычны ўдзел у калектыўнай дзейнасці. Праз пастаянную практыку і паўтарэнне аднатыпных дробных дзеянняў у настаўнікаў і вучняў фарміруецца новы стыль паводзінаў, разважання і супрацоўніцтва.

Сучасныя вучні жывуць у свеце Інтэрнэту, сацыяльных сетак, блогаў, лічбавага аўдыё і відэакантэнт, што дае ім магчымасць з аднаго боку мець неабмежаваны доступ да сусветных вучэбных рэсурсаў, а з другога – дазваляе падтрымліваць камунікацыю з настаўнікамі і аднакласнікамі ў любы час, у любым месцы.

Інтэрнэт-рэсурсы дазваляюць забяспечваць адукацыйны працэс: паўрочнымі навучальнымі і вучэбна-метадычнымі матэрыяламі, зваротнай сувяззю паміж настаўнікамі і вучнямі, магчымасцю зносін удзельнікаў адукацыйнага працэсу паміж сабой, доступам да айчынных і замежных інфармацыйных і даведкавых сістэм, доступам да электронных бібліятэк, доступам да інфармацыйных рэсурсаў вядучых айчынных і замежных электронных газет і часопісаў і г.д.

Па выніках розных даследаванняў, якія праводзяцца «Фондам развіцця інтэрнэт», дзеці пачынаюць актыўна карыстацца рэсурсамі глабальнай сеткі ў 9-11 гадоў [2, с. 28]. Няма нічога складанага ў тым, каб адшукаць неабходную інфармацыю з дапамогай пошукавай сістэмы, але вучням складана ацаніць інфармацыю з пункту гледжання дакладнасці, актуальнасці, карысці, дакладнасці і паўнаты. У вучэбных праграмах навучанне пошуку інфармацыі ўключана ў вучэбны прадмет «Інфарматыка» ў 6 класе, калі настаўнік інфарматыкі вымушаны карэктаваць стыхійна сфармаваныя навыкі пошуку інфармацыі ў

сеціве. Другая праблема выкарыстання інфармацыйных рэсурсаў вучнямі – багацце сайтаў, якія змяшчаюць сумнеўную рэкламу, шкодныя праграмы і іншы сумнеўны кантэнт.

У сувязі з гэтым, адной з задач настаўнікаў пры арганізацыі ўрочнай і пазаўрочнай дзейнасці вучня, звязанай з выкарыстаннем інфармацыйных рэсурсаў, з’яўляецца арганізацыя бяспечнай і эфектыўнай самастойнай работы школьніка ў сеціве.

Адным з базавых уменняў пры працы ў сеціве з’яўляецца ўменне карыстацца пошукавымі сістэмамі. Вучні павінны ведаць спіс асноўных пошукавых сервераў беларускага сегмента сусветнага сеціва і асноўныя, нааболей папулярныя замежныя.

Вучэбны занятак – дастаткова невялікі прамежак часу, на працягу якога вучні выконваюць мноства відаў работ. Таму, каб не марнаваць каштоўныя хвіліны ўрока, неабходна ўзброіцца ўменнямі і навыкамі пошуку інфармацыі ў сеціве. Інфарматыка ў сучаснай школе дае дастаткова ведаў па гэтым пытанні. Таму на некаторых занятках з ужываннем рэсурсаў Інтэрнэт настаўнік гісторыі можа не спыняцца на навыках пошуку, а даваць заданне, разлічваючы, што інфармацыя будзе знойдзена на працягу ўрока.

У цяперашні час хутка развіваецца такі напрамак тэорыі навучання, як педагогіка сеткавых супольнасцяў. Яна грунтуецца на наступных ключавых палажэннях:

- навучанне вызначаецца інструментамі і аб’ектамі, якімі карыстаецца вучань;
- навучанне вызначаецца асяроддзем, у якім адбываецца засваенне новых ведаў;
- навучанне адбываецца ў супольнасці абмену ведамі;
- навучанне адбываецца праз пабудову сеткі[3, с. 7-8].

Педагогіка сеткавых супольнасцяў развіваецца ў цеснай сувязі з сеткай Інтэрнэт і напamую залежыць ад сучаснай канцэпцыі развіцця павуціння, якая атрымала назву – вэб 2.0. Вэб 2.0 – гэта другое пакаленне сеткавых сэрвісаў, якія існуюць у Інтэрнэце і дазваляюць працаваць з рэсурсамі сумесна, абменьвацца кантэнтам, працаваць з масавымі публікацыямі. Сацыяльныя сэрвісы вэб 2.0 – гэта сучасныя сродкі, сеткавае праграмае забеспячэнне, якое падтрымлівае групавыя ўзаемадзеянні:

- персанальныя дзеянні ўдзельнікаў і іх камунікацыю паміж сабой;
- запісы думак, нататкі і анатавання чужых тэкстаў (жывы часопіс, блог);
- размяшчэнне спасылак на Інтэрнэт-рэсурсы і іх рэйтынгаванне;
- размяшчэнне фотаздымкаў і альбомаў (Google фота, Яндекс Фоткі, FotoHosting, Flickr);
- відэасэрвісы (Youtube);
- геаінфармацыйныя сэрвісы (Google карты, Google Планета Зямля) і сэрвісы на іх аснове (TourBilder);
- абмен паведамленнямі (мэсэнджэры, Skype, Instagram).

У педагогічнай практыцы сацыяльныя сэрвісы могуць знайсці шырокае прымяненне пры арганізацыі інфармацыйнай падтрымкі для педагогаў па іх выкарыстанню. Напрыклад, блогі (інтэрнэт-дзённікі) дапамагаюць настаўнікам арганізаваць дыскусіі, арганізаваць дыстанцыйнае навучанне для вучняў, атрымаць вучням кансультацыі, а відэасэрвісы дазваляюць выкладаць для шырокага доступу відэаматэрыялы, падрыхтаваныя вучнямі і настаўнікамі па тэме, відэаролікі аб працы над праектамі і інш. Што тычыцца калекцыі закладак Google, то яна дазваляе сістэматызаваць спасылкі, назапашаныя ў настаўніка ці вучня за час яго падарожжаў па сеціву. Калі на ўроку арганізуецца пошук інфармацыі, то мэтазгодна навучыць вучняў складаць анатаваны каталогі ў выглядзе тэкставай старонкі, спісу «Выбранае» ў браўзэры, ці ж рэйтынгаваць сістэмы спасылак на сэрвісах для захоўвання спасылак (Checkitlink, Timedesk, Evernote, Symbaloo).

Заданне на пошук пэўнай інфармацыі (статыстычных дадзеных, дакументаў, ілюстрацый, фактаў і т. д.) на ўроку гісторыі Беларусі і падчас выканання дамашняга задання можа выглядаць наступным чынам:

1) З дапамогай любой вядомай вам пошукавай сістэмы падбярыце інфармацыйныя рэсурсы па тэме «Культура Беларусі канца XIV–XV стст.» і адкажыце на пытанні: Які з сайтаў найбольш інфарматыўны? Якія дакументы і матэрыялы ён утрымлівае? Якія сайты ўтрымліваюць інфармацыю аб архітэктуры, якія аб мастацтве, якія аб літаратуры? Што вы ведаеце пра людзей, якія маюць дачыненне да гэтых накірункаў культуры таго часу?

2) З дапамогай “пошуку па малюнку” падбярыце ілюстрацыі да апісання багоў, якіх ушаноўвалі старажытныя продкі беларусаў.

Развіццё інфармацыйных кампетэнцый падчас вывучэння пытанняў культуры можна ажыццяўляць праз стварэнне віртуальнай экскурсіі. Заданне па культуры Беларусі можа выглядаць наступным чынам: “Пры дапамозе вэб-сэрвісаў (Prezi, Google, Blogger і інш.) стварыце віртуальную экспазіцыю краязнаўчага музея вашай мясцовасці, якая будзе адлюстроўваць гісторыю культуры Беларусі канца XIV–XV ст.”.

Для работы з відэаматэрыяламі і ролікамі можна вылучыць сацыяльны сэрвіс YouTube. Гэта відэахостынг, які прадстаўляе карыстальнікам паслугі захоўвання, дастаўкі і трансляцыі відэа. Карыстальнікі могуць дадаваць, праглядаць, каментавать і дзяліцца тымі ці іншымі відэазапісамі. YouTube дазваляе вылучыць пэўны матэрыял для вывучэння і абмеркавання на вучэбных занятках па

гісторыі культуры Беларусі, бо сэрвіс утрымлівае відэаролікі і відэафільмы, створаныя тэлерадыёкампаніямі АНТ і СТВ.

Пры дапамозе YouTube настаўнік можа весці работу з відэафрагментамі не толькі на ўроку. Так як відэа знаходзіцца ў вольным доступе, то вучні могуць атрымаць папярэдняе заданне: прагледзець неабходныя фрагменты дома і пракаментыраваць іх. Іншы варыянт – падбраць да пэўнага эпізоду, мастацкага твору, відэафрагменты са спектакляў або фільмаў. Такім чынам, з’яўляецца магчымасць не толькі адыйсці ад традыцыйных дамашніх заданняў, а і зрабіць іх больш разнастайнымі, надаць ім творчы даследчы характар, перамясціць акцэнт на самастойную працу вучняў [4, с. 42, 45-46]:

Назва відэафільма Спасылка	Прыкладныя заданні да фільма
Факты жыцця беларускай асветніцы Еўфрасінні Полацкай Фільм СТВ http://qoo.by/1dZz	Чаму Ефрасінню Полацкую першай асветніцай Беларусі? З якіх крыніц нам вядома пра жыццё Ефрасінні Полацкай? Якую інфармацыю паведамляюць нам гэтыя крыніцы? Апішыце дзейнасць Ефрасінні Полацкай.
Жыццё і дзейнасць беларускага «Златавуста» Кірылы Тураўскага http://qoo.by/1dZx	Складзіце карцінны план фільма. У якіх крыніцах захаваліся звесткі аб жыцці Кірылы Тураўскага? Да якіх твораў ён адносіцца? Якія звесткі пра Кірылу Тураўскага ён ўтрымлівае? Аб якіх творах Кірыла Тураўскага ідзе размова ў фільме? Што такое стоўпніцтва? Чаму Кірыла Тураўскага называюць стоўпнікам, златавустам? Чаму даследчыкі гавораць пра вялікую важнасць твораў Тураўскага для беларускай культуры?
Адваротны адлік. Торвальд Вандроўнік. Місія ў Полацку http://qoo.by/1dZB	Якая крыніца паведамляе аб існаванні на Полаччыне хрысціянскага манастыра ў канцы X ст.? Чаму гэта паведамленне з’яўлялася сенсацияй? Якім чынам гандлёвы шлях “з варагаў у грэкі” ўплываў на культуру? Апішыце скандынаўскія сагі. Ці можам мы даваць правільнасці інфармацыі гэтага дакумента? Чаму? Якія дакументы падцвяржаюць існаванне на Полаччыне манастыра ў канцы X ст.? Чаму аб хрысціянстве палачане маглі ведаць пачынаючы з VI стагоддзя? Як можна ахарактарызаваць дзейнасць Торвальда ў дачыненні да беларускай культуры?
Адваротны адлік. Горад на Нямізе. У пошуках страчанага http://qoo.by/1dZC	Аб якіх летапісных крыніцах ідзе размова ў фільме? Якія падзеі з гісторыі Беларусі ў іх упамінаюцца?

Відэахостынг YouTube можа выкарыстоўвацца ў педагагічнай практыцы не толькі як крыніца навучальных матэрыялаў. Настаўнікі і вучні могуць стварыць свой канал у YouTube для захоўвання і трансляцыі уласных відэаматэрыялаў, створаных у працэсе навучання.

Заданні пры працы з відэаматэрыялам могуць выглядаць наступным чынам [4, с. 47]:

- выкарыстанне відэа з элементамі гульні (для гэтага неабходна знайсці відэа, прыдатнае да тэмы ўрока, якое мае забаўляльны характар або змяшчае дадатковую інфармацыю, якая выходзіць за рамкі вучэбнага дапаможніка);
- стварэнне тэматычных плэйлістоў разам з вучнямі (для гэтай работы неабходна прапанаваць вучням зрабіць падборку відэа па тэме ўрока, стварыць свой канал на YouTube настаўніку і дадаць у яго адабраныя ролікі, затым арганізаваць сумесны прагляд на ўроку, а вучні, абпіраючыся на відэа, дадуць свае каментары);
- агучванне відэароліка на ўроку і параўнанне з арыгіналам (гук можа быць выключаны);
- пакадравы прагляд, абмеркаванне або агучванне асобных кадраў;
- праслухоўванне толькі аўдыярада і аднаўленне, рэканструкцыя візуальнага рада (калі візуальны рад выключаны);
- выкарыстанне так званага стоп-кадра для выбару і абмеркавання той ці іншай сцэны;
- прагляд фрагмента відэароліка і абмеркаванне пачатку, завяршэння сітуацыі, магчымых працягаў;

- стварэнне і размяшчэнне уласных відэаролікаў і іх абмеркаванне на ўроку, чытанне і абмеркаванне каментароў, складзеных іншымі гледачамі дадзенага відэароліка.

Такім чынам, становіцца зразумела, што інфармацыйна-камунікацыйныя тэхналогіі здольны стымуляваць пазнавальны цікавасць да гісторыі, надаць вучэбнай рабоце праблемны, творчы, даследчы характар, індывідуалізаваць працэс навучання і развіваць самастойную дзейнасць вучняў.

1. Framework for 21st century learning [Electronic resource]//P21Partnership for 21st Century Learning. –Mode of access: <http://www.p21.org/about-us/p21-framework>. – Date of access: 12.02.2018
2. Солдатова, Г.У.и др. Цифровая компетентность подростков и родителей. Результаты всероссийского исследования / Г.У.Солдатова, Т.А. Нестик, Е.И.Рассказова, Е.Ю.Зотова. – М. : Фонд Развития Интернет, 2013. – 144 с.
3. Патаракин, Е.Д. Социальные сервисы Веб 2.0 в помощь учителю/ Е.Д. Патаракин.– М.: Интуит.ру, 2007. – 64 с.
4. Кудраўцава. С.А. Вывучэнне пытанняў культуры на ўроках гісторыі Беларусі ў 6 класе / С.А. Кудраўцава. – Мінск: Выд.цэнтр БДУ, 2017. – 175 с.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ИСТОРИЧЕСКОЙ ЖИВОПИСИ В ПРОЦЕССЕ ОБУЧЕНИЯ ИСТОРИИ

Н.В. Попкова (Саратов, Россия)

К числу важнейших задач образования и воспитания молодого поколения относятся формирование у него активной гражданской позиции, патриотизма и национальной идентичности, развитие духовных и нравственных качеств, приобщение к культурному наследию: художественному, литературному, музыкальному. В числе характеристик современного образования, таким образом, находится и его общекультурная направленность. Культурологический подход к организации учебного процесса заключается в организации изучения той или иной дисциплины в тесной взаимосвязи с достижениями мировой культуры, в признании приоритета культуры и культурных ценностей как отправной точки при изучении любой конкретной науки, в установке на единство научного знания и эмоционально-ценностных отношений.

Как представляется, первостепенное значение культурологический подход имеет при изучении предметов гуманитарного цикла, и прежде всего истории. Одним из компонентов культурологического подхода в обучении истории является совокупность методических средств и приемов, применяемых педагогом [2, с. 259].

Опыт преподавания общего курса истории на неисторических факультетах Саратовского государственного университета имени Н. Г. Чернышевского позволяет утверждать, что одним из таких методов является визуализация обучения, в частности, систематическое использование на занятиях произведений исторической живописи. Обобщение опыта работы в этом направлении и, одновременно, учебным обеспечением курса отечественной истории служит специальное учебное пособие [1, с. 22–157]. В разделе данной книги, посвященной историческим полотнам русских живописцев, рассматриваются 130 произведений исторической живописи и ряд скульптурных изображений, принадлежащих сорока авторам. Материал собран по разделам «Русь изначальная», «Воинская слава России», «К централизованному государству», «Быт допетровской Руси», «Рождение Российской империи», «Отечественная война 1812 года», «Крестьянский вопрос на Руси» и «Тысячелетие России».

Какие возможности открывает использование данного метода в преподавании курса отечественной истории? Первое, что следует отметить, это следующее: сопровождение учебных занятий по истории демонстрацией соответствующих произведений искусства способствует лучшему усвоению исторических знаний. К сожалению, исторические представления современного студента достаточно слабы и неопределенны.

Так, средний балл единого государственного экзамена по истории в Саратовской области составляет 48–52 [3, с. 18–19]. Заметим, что это результаты тех выпускников, которые специально и целенаправленно готовились к данной форме выпускной аттестации. Объем и качество знаний по истории у тех, кто не сдавал ЕГЭ, можно назвать удручающими, в чем и убеждаются преподаватели истории на неисторических факультетах.

Ф. А. Абрамов, известный писатель и публицист, писал: «Народ умирает, когда становится населением. А населением он становится тогда, когда забывает свою историю». Действительно, потенциал истории как учебного предмета необычайно высок: в числе целей ее изучения находятся формирование у молодежи гражданской ответственности и патриотизма, толерантности и поликультурности, национальной идентичности, общественно-ценных нравственных и социальных установок. Безусловно, имеется непосредственная связь между уровнем исторических знаний и степенью сформированности вышеперечисленных качеств. Недостаточные знания, полученные молодыми людьми в школьные годы, следует обогатить и расширить в вузе. Особую значимость это положение имеет в отношении студентов педагогического направления подготовки, будущее профессиональное предназначение которых – воспитание подрастающего поколения.

Во-вторых, использование наглядности в учебном процессе необходимо с методической точки зрения. Описание (реконструкция) прошлого входит в структуру познавательной деятельности изучающего историю, являясь необходимой процедурой исторического познания. Историческая живопись является «на-

глядностью» на порядок выше, чем обычные учебные картины, выступая не просто средством обучения, но и источником информации. Студенты, рассматривая репродукции, получают представление не только об исторических событиях или объектах, но и о состояниях людей прошлых веков, их занятиях, образе жизни, образе мыслей. Историческая живопись как бы приближается по функциям к учебному тексту, помогая студентам эмоционально пережить разнообразные события из политической, социально-экономической или идейной жизни предшествующих поколений, представить реальных действующих персонажей.

Эмоциональные переживания закрепляют знания, пробуждают интерес к последующему изучению истории. Подобный сплав истории и культуры не просто закрепляет знания, пробуждает интерес к дальнейшим занятиям или делает учебный процесс более ярким и запоминающимся. Обращение на занятиях к таким художественным произведениям, как «Боярыня Морозова» и «Утро стрелецкой казни» (В. И. Суриков), «Земство обедает» (Г. Г. Мясоедов), «Иван Грозный и сын его Иван 16 ноября 1581 года» (И. Е. Репин), позволяет в сжатой и лаконичной форме ознакомить студентов с событиями и отношениями, на изучение и интерпретацию которых в условиях традиционного учебного процесса требуются многие часы.

Собственно, данный подход поможет разрешить известное противоречие между преобладанием при изучении истории научного, а не учебного знания, а также возможностями усвоения научного знания с учетом личной заинтересованности обучающихся. Данное противоречие возможно разрешить именно в процессе конструирования эмоционально-окрашенного и личностно-значимого для студентов знания, дидактическим обеспечением чего и является, в частности, применение исторической живописи как средства формирования и творческой реконструкции образов исторических событий и их участников [2, с. 259].

Следующим соображением в пользу визуализации обучения с помощью систематического применения живописных изображений на занятиях по истории можно назвать то, что с их помощью студент получает возможность усвоить национально-этические черты народа своей страны. Изучение живописных полотен А. П. Рябушкина, С. В. Иванова, К. Е. Маковского, А. Д. Литовченко помогает представить бытовую культуру предков, их жилище, утварь, костюм, трапезы, традиции и обычаи, праздничную и повседневную жизнь. Подобная детализация исторического представления способствует живому и наглядному постижению истории своего народа, познанию своего национального «Я», осуществлению собственной культурной идентификации.

Далее, постоянное обращение к исторической живописи позволяет реализовать принцип, который условно можно назвать принципом «тройного очеловечивания». Заключается он в следующем: любое произведение живописного искусства создается человеком, о человеке и для человека. Изучение той или иной картины на исторический сюжет ставит в центр внимания студента человека конкретной эпохи во всех его проявлениях и поведенческих стереотипах. Через посредство исторической живописи оказывается возможным вести диалог, как бы общаясь через века и с авторами, и с их героями. Студенты могут представить себя на месте другого человека, попытаться увидеть мир его глазами, что, в частности, способствует осознанию причин существования различных мнений по поводу одного и того же события. Многие живописные произведения, например, картины Н. Н. Ге «Петр I допрашивает царевича Алексея Петровича в Петергофе» или В. И. Сурикова «Меншиков в Березове» предоставляют возможность не просто осознать конфликт эпохи, раскрываемый через семейную драму или конфликт личностей, но и определить свое личное отношение к давно прошедшим событиям.

Наконец, постоянное обращение к историческим полотнам ценно и само по себе, вне изучения истории, поскольку формирует целый ряд важных познавательных способностей личности, таких, как речь, мышление, воображение, память, внимание, умение анализировать иллюстративный материал и извлекать из него информацию. Серьезная работа с произведениями исторической живописи помогает в формировании самостоятельного и критического мышления, что особенно актуально в современных условиях изобилия информации как гарантии предотвращения опасности стать объектом манипулирования.

Применительно же к истории данный вид работы позволяет развить исторические наблюдательность, воображение и эмпатию, т.е. понимание исторического героя и той обстановки, в которой он жил и действовал. Кроме того, систематическое приобщение студентов к лучшим произведениям отечественной культуры вносит значительный вклад в их дальнейшее воспитание, развитие духовности и эстетического вкуса.

Репродукции исторических картин могут рассматриваться с различных точек зрения: исторической, художественной, бытовой, религиозно-философской. В любом случае, насчитывающая уже несколько лет практика регулярного применения произведений исторической живописи на занятиях по отечественной истории подтверждает ее значительные возможности в деле приобщения студентов к богатствам отечественной культуры, вне которых немислимо усвоение истории своей страны, становление уважения к ее прошлому и ответственности за ее будущее, без чего не может состояться полноценного гражданского и патриотического воспитания.

1. Быкова, В. А., Надеждинская, Т. И., Попкова, Н. В. История Отечества в музыке и изобразительном искусстве: Учеб. пособие. Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 2003. – 159 с.

2. Панов, С. В. Реализация культурологической концепции содержания исторического образования: дидактический аспект // Проблемы российской цивилизации и методики преподавания истории: Межвуз сб. научн. тр. – Саратов: ООО Изд. Центр «Наука», 2014. – Вып. VI. – С. 256–261.
3. Попкова, Н. В. Некоторые особенности изучения истории на современном этапе // Наука и образование: Материалы V международной научно-практической конференции (29 ноября 2016 г.): Сборник научн. тр. / Научн.ред. д.э.н., проф. С.В. Галачиева. – М., Изд. «Перо», 2015. – С. 17–22.

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ПРЕПОДАВАНИЯ ФИЛОСОФИИ В ВУЗЕ

О.Д. Руссу (Волгоград, Россия)

Обучение человека, как в прочем и воспитание, по праву является одним из древних видов деятельности. Постигая тайны окружающего мира, человек стремился не только приобрести какие-либо знания, опыт, но и сделать их достоянием потомков. И в связи с этим большую актуальность приобретает вопрос о способах и формах передачи этого знания. Сегодня хотелось остановиться на актуальных вопросах преподавания философии в вузе.

В современной образовательной среде можно услышать самые разнообразные мнения относительно будущего философии. Все чаще говорят о ее невостребованности и неконкурентоспособности на рынке образовательных услуг. Студентами данная дисциплина воспринимается как бесполезное, не имеющее практической значимости знание. И такое отношение к ней сохраняется на протяжении всего обучения в вузе, да и после получения диплома. Одновременно преподаватели даже не стремятся к тому, чтобы попытаться изменить подобное представление о сущности философии. Вероятно, уже давно назрела необходимость в пересмотре методики преподавания философии, которая могла бы учитывать специфику философского знания. По меткому замечанию И.Канта философии научиться нельзя. Можно обучиться любым другим наукам – математике, истории, физике, но не философии. Поскольку философия не существует в форме готовой науки. Слова, произнесенные более ста лет назад, не теряют своей актуальности по сей день.

Как мы уже отмечали в предыдущих публикациях, философия – это всегда встреча двух людей, с одной стороны преподавателя, с другой стороны студента, людей с разным жизненным опытом, с определенными переживаниями. Как театр начинается с вешалки, так и знакомство с философией начинается с преподавателя. Во многом именно от личности преподавателя зависит дальнейшее восприятие предмета. Начиная занятие, в первую очередь лекционного типа, необходимо позаботиться о том, чтобы быть понятным, доступным, интересным. Философия в вузе читается, как правило, на первом курсе, вчерашним школьникам, которые, скорее всего, не имели возможности познакомиться с ней в школе. Основная задача преподавателя заключается отнюдь не в том, чтобы дать готовое знание, а в том, чтобы научить мыслить, оценивать свое собственное и иное мнение. Философия учит не только размышлять, но и обобщать как свой, так и чужой опыт; она развивает умение задавать правильные вопросы, вопросы не лишенные смысла.

Для лекций наиболее подходящей формой будет монолог. Поскольку преподаватель должен передать определенный набор философских аксиом и проблем: историю философской мысли, онтологию, гносеологию, философскую антропологию, социальную философию. Происходит трансляция некоего стандартного содержания, необходимого для усвоения базовых положений, категорий. Большинство программ начинается со знакомства с историей философии. На наш взгляд такой подход вполне оправдан, поскольку понимание тех или иных проблем невозможно без ретроспективы к прошлому. Однако слепое «навязывание» чужих мыслей может вызвать раздражение и нежелание заниматься изучением философией и философствованием. Кроме того вчерашние школьники не могут понять и увидеть практическую составляющую философии, по сравнению скажем с юридическими, экономическими дисциплинами. Задача преподавателя заключается в том, чтобы отойти от категоричности, однозначности выводов. Здесь на помощь приходит сократовская майевтика, заставляющая обучающегося мыслить, превращающая его в субъекта учебной деятельности. Лекция может и должна сочетать в себе элементы монолога и диалога одновременно. Основная задача преподавателя состоит не в передаче готовых истин, а в том, чтобы увлечь студента, сделать знакомство с философией достаточно увлекательным мероприятием. Здесь встает вопрос о мотивации обучающихся. Как стимулировать студента к активной мыслительной деятельности, как заинтересовать его? Для начала сделать материал более ясным и доступным для понимания, не перегружая материал сложным категориальным аппаратом.

Отметим, что в процессе знакомства студентов с философией возможно использование самых разных форм проведения лекций. Уже известная нам информационная лекция, в процессе которой происходит передача знаний через монолог. Здесь конечно особую роль играет «живое слово преподавателя».

Бинарная лекция, позволяющая преподнести теоретический материал через живое диалогическое общение двух преподавателей. Возможно использование также лекции пресс-конференции. После озвучивания темы преподаватель предлагает студентам задать интересующие их вопросы. И в процессе изложения теоретического материала отвечает на них. В данном случае студенты отрабатывают навыки задавать вопросы. Определенный интерес у обучающихся вызывает лекция с запланированными ошиб-

ками. Преподаватель сознательно допускает в лекции ошибки, заранее предупреждая об этом, и предлагает найти эти ошибки. Здесь студент выступает скорее в роли эксперта, рецензента. Подобную форму лучше всего использовать в середине изучения курса.

Общаясь на занятиях со студентами, мы должны стремиться увидеть в них ум, способный анализировать, домысливать, додумывать и пр. В этом смысле диалоговая форма проведения занятий является наиболее предпочтительной для данной учебной дисциплины. Речь идет в первую очередь о занятиях семинарского типа.

Отдельно хочется отметить необходимость обращения к философским текстам. Приобщение к философии не должно сводиться лишь к овладению знаний, изложенных в учебнике или простому копированию информации из интернета. Оно должно начинаться с соприкосновения с философским текстом. Соприкосновение с оригиналом есть единственная философская учеба [2, с.15]. Нужно ориентировать обучающихся на чтение первоисточников, способных собственно научить философствованию.

И последняя проблема, с которой приходится сталкиваться преподавателям философии – это обоснование необходимости преподавания философии. Это вопрос, на который пытаются ответить все участники философского общения. Возможно ли, сформулировать единственно верный ответ на данный вопрос? Очевидно, что нет. Каждый преподаватель формулирует свою собственную точку зрения относительно полезности философского знания. Впрочем и в истории философской мысли мы не найдем единообразия взглядов на природу, предмет, предназначение философии. Понимание сущности философии менялось в зависимости от эпохи, мировоззренческих установок самого мыслителя. На наш взгляд философия уже тем хороша, что «дает способность говорить с кем угодно» и «беседовать самим с собой» (киренаики) [1].

1. Диоген Лаэртский. О жизни, учениях и изречениях великих философов /Диоген Лаэртский. – Москва: Мысль, 1986. – 571 с.
2. Мамардашвили, М. Как я понимаю философию / М. Мамардашвили. – Москва: Прогресс, 1992. – 416 с.

КРЕАТИВНОСТЬ ПРИ НАЗЫВАНИИ ДЕЙСТВИЙ ВИДЕОСЮЖЕТОВ НА АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

А.Э. Богданович (Минск, Беларусь)

Процесс принятия решения сопряжен с определенными затруднениями и энергетическими затратами. Сталкиваясь с нетривиальной задачей, человек всячески стремится активировать свой внутренний интеллектуальный потенциал в целях решения имеющейся проблемы. Под интеллектуальным потенциалом в данном контексте мы понимаем не что иное, как креативность человека. Надо сказать, что на бытовом уровне данное понятие рассматривается как нечто уникальное, лишенное привычных шаблонов и штампов, то есть то, что нельзя ограничить определенным набором свойств и характеристик, но то, что способно качественно приблизить к решению поставленной задачи.

Феномен креативности приобрел поистине массовые масштабы в реалиях современного общества. Изобилие интеллектуальных передач вроде “Что? Где? Когда?”, “Кто хочет стать миллионером?”, “Умники и умницы” свидетельствует о наличии острой необходимости человека грамотного, начитанного, умеющего четко излагать мысли. Как, впрочем, и явление ораторского искусства, которое способно в буквальном смысле повлиять на сознание людей, побудить посмотреть на многие ситуации под принципиально новым ракурсом. Взять, к примеру, известного оратора современности Ника Вуйчича, покоровшего самый широкий круг лиц историей своей жизни и побудившего многих людей задуматься не только о своем отношении к жизненным ситуациям, но и их восприятию в целом. С точки зрения психологии в данном случае мы сталкиваемся с понятием вербальной креативности, то есть способности порождать богатые ассоциативные связи в речевой деятельности, что, несомненно, влечет за собой потрясающий эффект: выступление становится “живым”, наполненным яркими сравнениями, притягивает внимание слушателей.

Оригинальность ассоциаций тесно связана с нешаблонным мышлением человека. Э. Боно интересовался данным вопросом, отмечая, что отсылка к прошлому опыту, нежелание взглянуть на вещи “по-новому” выступают в роли тормозящих возникновению новых идей факторов. Но вместе с тем любая идея при должном раскладе способна выступить в роли “катализатора”, образовав, подобно цепной реакции, целую цепочку из новых идей [1].

Природа оригинальности неотделима от независимого мышления, которое хоть и является необычным, но вместе с тем не теряет своей связи с окружающей действительностью. С одной стороны, по Гансу Селье, требуется полет фантазии и мысли, свежих идей, с другой – обращение к реалиям окружающего мира [2].

Креативность, творчество и одаренность рассматриваются как смежные понятия, причем творчество выступает как движущая сила всего человечества. Сама креативная способность ассоциируется с легкостью генерирования идей и непосредственно с дивергентным мышлением, когда на основании однозначных данных приводится множество решений [3].

Нетрудно заметить, что общим и ключевым элементом креативности является идея. В нашем исследовании мы проследили, каким образом соотносится название действий на английском языке с креативностью человека.

В эксперименте приняли участие 43 студента 1 курса факультета английского языка Минского государственного лингвистического университета. В качестве экспериментального материала послужил фильм, состоящий из 40 видеосюжетов. Задача состояла в том, чтобы назвать каждый видеосюжет, описав либо длительность действия (временная форма Present Continuous) либо завершенность (Present Perfect). Присутствовали видеосюжеты пассивного характера, которые требовали употребления временных форм Present Continuous Passive или Present Perfect Passive. Все сюжеты были отделены друг от друга звуковым сигналом, длительность каждого видеосюжета составила 6 секунд, что было рассчитано на название действия в среднем темпе. Ответы испытуемых фиксировались с помощью профессиональной программы записи речи Sound Forge. После прохождения эксперимента испытуемым был предложен тест Медника, который позволил выявить степень оригинальности, уникальности и продуктивности ответов. В процессе анализа ответов было получено 1,322 речевые реакции от 43 испытуемых из 1720 возможных (77%). Данный показатель сопоставим со средним индексом продуктивности выполнения теста Медника, который составил 84%. Средний показатель индекса уникальности (32%) практически идентичен показателю адекватного употребления временных форм (33%), а индекс оригинальности составил 53%. В процессе отбора речевых реакций с адекватно употребленной временной формой была получена 501 фраза на английском языке, из них 384 фразы активного залога (Present Perfect Active, Present Continuous Active) и 117 фраз пассивного залога (Present Perfect Passive, Present Continuous Passive). Средний латентный период фраз активного и пассивного залогов составил соответственно 2,394 и 2,721, то есть пассивный залог требует больших временных затрат по сравнению с активным залогом. Результаты показали, что 29 человек из 43 образовали предложения пассивного залога. С активным залогом справились все 100% испытуемых.

Корреляционный анализ выявил лишь слабую взаимосвязь между показателями оригинальности, уникальности, продуктивности и количеством речевых реакций, адекватно употребленных временных форм. Это можно объяснить тем, что выполнение заданий теста Медника предполагало построение ассоциативного ряда из трех предложенных слов и способствовало выбору наиболее адекватной лексической единицы в процессе названия видеосюжета, нежели непосредственное осуществление выбора временной формы. Качественный анализ полученных речевых реакций позволил сделать вывод об использовании редко употребляемых лексических единиц наряду с частотно употребляемыми (например, *pebble* (булыжник), *utensil* (посуда), *stand* (подставка, стойка), *to swirl* (вращать, кружить, обвивать, обматывать)), а также отметить преобладание трехчленных речевых структур (субъект-предикат-объект) над одночленными (только субъект) и двухчленными (субъект-предикат-объект).

У некоторых участников исследования вместо связной фразы (субъект-предикат-объект) присутствовала констатация факта, например: *empty bag* (пустая сумка). Испытуемый сконцентрировался на отсутствии содержимого в сумке, не назвав при этом само действие. Вероятно, в данном случае сыграл роль фактор скорости предъявления действия: поскольку нам требовалось отразить кратковременность действия, которое подразумевает употребление Present Perfect, испытуемый сместил фокус внимания от мгновенного действия к последующему результату. Тот же самый случай касается и следующей речевой реакции испытуемого: *the beautiful nails* (красивые ногти), причем само действие стимулировало употребление пассивной конструкции: кольцо надели. Как известно, образы играют значительную роль при порождении речевого высказывания. Можно предположить, что яркий образ красивого маникюра на ногтях оказался более весомым, нежели впоследствии надетое на палец руки кольцо.

В ряду случаев наблюдались ошибки в процессе осуществления поиска субъекта действия. Видеосюжет, как мальчик прыгает в снег, был озвучен как *the man jumped into snowball* (мужчина прыгнул в снежок – вместо слова *snow* – снег). Возможно, выбор объекта *snowball* (снежок) объясняется тем, что у испытуемого проявилась ассоциативная связь между снегом и снежками, в которые любят играть дети, по причине чего слово снег было заменено на снежок.

Определенные затруднения были вызваны поиском адекватного предъявленному контексту глагола. Например, как глагол *to ride*, так и глагол *to drive* переводятся одинаково: «ездить», но различаются в ситуационном употреблении: глагол *to drive* используется в контексте вождения машины, а глагол *to ride* – езды на велосипеде. Глагол *to drop* означает «падать», однако становится неуместным во фразе *The boy has dropped* (Мальчик упал), где требуется глагол *to jump* (прыгать).

В некоторых случаях испытуемые добавляли к именам существительным ненужные флексии: *the peoples are walking* (Люди гуляют, неверное образование слова люди – *peoples* вместо *people*). Данный пример свидетельствует о формировании отрицательного «подкрепления» со стороны правильно образующих множественное число (при помощи добавления окончания *-s*) существительных. Любопытно, что подобное влияние испытывают не только люди, изучающие английский язык как иностранный, но и сами носители (дети): известно, что алгоритм образования правильных существительных переносится

детьми на неправильные существительные, несмотря на то, что до знакомства с данной категорией существительных дети употребляли верные формы существительных [4].

Наиболее часто употребляемой временной формой стала Present Continuous Active. Для русскоязычного говорящего настоящая временная форма не вызывает особых трудностей в виду наглядности действия, выполняемого непосредственно в момент предъявления речи, а также длительного характера деятельности. Как данное английское время, так и его английский эквивалент относятся к плану настоящего времени, не вызывая проблемы понимания временной перспективы иноязычного средства общения. Тем не менее, формирование пассивного залога сопряжено с определенными трудностями. В отличие от русского языка, грамматический строй английского языка подразумевает обязательное присутствие глагола to be (быть) в пассивном залоге. При попытке дословного перевода компонентов предложения the flowers are being watered на русский язык, мы столкнемся с тавтологией: цветы есть (есть в данный момент) политы. Пропустив компонент being мы подчеркнем лишь констатацию факта (цветы есть политы) не уточняя времени совершения действия.

Главная трудность временной формы Present Perfect заключается в несовпадении выражения времени совершенного действия на русском и английском языках. Для англоязычного человека данная временная форма принадлежит к плану настоящего времени, в отличие от русского языка, где данная конструкция передается прошедшим временем совершенного вида, например фразу «The boy has jumped into the swimming pool» следует перевести как «Мальчик прыгнул в бассейн», однако в английском языке, в отличие от русского, данная временная конструкция является типичной для настоящего времени.

Встречались ошибки ассоциативного характера: в сознании человека дорога ассоциируется с движением, что, вероятно, и послужило причиной называнию He is roading a bike (несуществующий глагол to road от английского слова road – дорога) вместо He is riding a bike.

Таким образом, ассоциативные связи играют важную роль в процессе осуществления выбора лексической единицы при назывании действия видеосюжета на английском языке. Богатый ассоциативный ряд значительно упрощает процесс порождения высказывания на английском языке.

1. Де Боно, Э. Рождение новой идеи: О нешаблонном мышлении : Пер. с англ. / Эдвард де Боно – М. : Прогресс, 1976. – 143 с.
2. Ганс, Селье. От мечты к открытию: как стать учёным / Г. Селье. – М. : «Прогресс», 1987. – 366 с.
3. Ильин, Е. П. Психология творчества, креативности, одаренности / Е.П. Ильин. – Санкт-Петербург : Питер, 2009. – 448 с.
4. Слобин, Д. , Грин, Дж. Психолингвистика. / Д. Слобин, Дж. Грин. – М.: Прогресс, 1976. – 350 с.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ МЕТОДИЧЕСКИХ ПРИЕМОВ ТЕХНОЛОГИИ КРИТИЧЕСКОГО МЫШЛЕНИЯ В ПРЕПОДАВАНИИ ПРАВОВЫХ ДИСЦИПЛИН

В.М. Сапогов (Псков, Россия)

Реализация требований федеральных государственных образовательных стандартов высшего образования в аспекте компетентностного подхода ориентирует преподавателя на формирование у обучающихся навыков вынесения обоснованных суждений и решений, выработки своего мнения в контексте изучения той или иной дисциплины.

С этой целью в российском образовательном пространстве активно используются такие методические приемы как мозговой штурм, эссе, групповая дискуссия, конспект, таблица, кластеры. Технология критического мышления особенно интенсивно осваивается в процессе преподавания психолого-педагогических дисциплин [3, с. 11]. При преподавании юридических дисциплин многие приемы технологии развития критического мышления остаются незаслуженно невостребованными.

В педагогике под критическим мышлением понимается тип мышления, благодаря которому субъект обучения не принимает информацию бездоказательно (на веру), критически воспринимает утверждения и, одновременно, восприимчив к новым идеям и методам [1, с. 5]. При этом основой является не негативность суждений или критика, а адекватное рассмотрение различных подходов [4, с. 16]. Другими словами – это качественное мышление, предполагающее у его носителя тщательное взвешивание, оценку и выбор информации, наличие ответственности за собственные решения.

Критичность сформированного у обучающегося мышления может быть раскрыта через следующие показатели: осуществляет оценку (определяет ошибки); ставит диагноз (выявляет причины); осуществляет самоконтроль (выявляет недостатки); высказывает критику (приводит контраргументы, соглашается или опровергает); делает прогноз.

Использование любых методических приемов технологии развития критического мышления опирается на конструктивную основу – базовую модель трех стадий организации учебного процесса: вызов, осмысление, размышление[2, с. 55].

Прежде чем перейти к рассмотрению отдельных методических приемов заявленной технологии, приемлемых для использования при преподавании правовых дисциплин, следует остановиться на постадий-

ных педагогических затруднениях, с которыми сталкиваются преподаватели вузов, использующие в основном традиционные методы обучения.

В процессе обучения отсутствие результативности нередко обосновывается тем обстоятельством, что преподаватель формирует процесс обучения, исходя из им поставленных целей, однако эти цели обучающимися изначально не принимаются как собственные. Вместе с тем, как отмечают педагоги, специализирующиеся в области дидактики, эффективность применяемых методов обучения зависит от постановки целей обучения самим обучающимся и наличия у них внутреннего мотива к процессу познания [5, с. 283].

Если предоставить обучающемуся на первой стадии возможность проанализировать то, что он уже знает об изучаемой теме, имеющийся опыт (возможно опосредованный), то это создаст дополнительный стимул для формулировки им собственных целей-мотивов.

Активизация познавательной деятельности обучающихся на стадии вызова предполагает стимулирование к вспоминанию того, что они уже знают по изучаемой теме, бесконфликтному обмену мнениями. При этом преподаватель должен выстроить ход работы так, чтобы не критиковать ответы студентов, даже если они неточны или неправильны, что и является основной трудностью для работы в режиме педагогической технологии развития критического мышления.

Нередко может возникнуть ситуация, когда заявленная тема ранее не изучалась, и у студентов нет достаточных знаний и опыта для выработки соответствующих суждений, в таком случае можно предложить им высказать предположения или прогноз о возможном предмете и объекте изучения.

Успешная работа на стадии вызова стимулирует активность студентов на смысловой стадии – этапе получения новой информации. При традиционном подходе быстрый темп изложения нового материала в режиме слушания и письма практически исключает возможность его осмысления.

В ходе занятия преподаватель зачастую не отслеживает полноту восприятия и понимания всеми студентами изучаемого материала, не создает условий, чтобы обучающиеся самостоятельно активно конструировали цели своей учебной деятельности, не стимулирует их к постановке новых вопросов, поиску ответов через содержание информации, предоставленной для работы, не использует приемы активизации познавательной деятельности и внимания.

Как правило, преподаватель выполняет на занятии привычную роль источника новой информации, вместе с тем, больший эффект на данной стадии может быть от использования различных приемов организации работы студентов с текстом, стимулирующих вдумчивое чтение и размышления о прочитанном.

Главная задача преподавателя на стадии осмысления состоит в том, чтобы поддерживать активность студентов, их интерес и динамику движения, созданную на стадии вызова.

На третьей стадии рефлексивный анализ и оценка становятся основной целью деятельности студентов и преподавателя.

На последнем этапе рефлексии преподаватель может столкнуться с тем, что ответы студентов на его вопросы о возникших трудностях в усвоении материала или интересных моментах не будут отличаться разнообразием и смысловой насыщенностью. Традиционно, большая часть задаваемых вопросов в конце занятия – это вопросы из числа поясняющих или фактологических.

Как представляется, рефлексивный анализ в обучении не может проводиться спонтанно, а предполагает систематичность на всех этапах работы, регулярность в осуществлении и методическую последовательность.

Рефлексивное мышление, предполагающее фокусирование внимания обучающегося, проявляется в тщательном взвешивании, оценке и выборе. Объем мыслей, сформировавшийся у обучающегося в ходе самостоятельного осмысления информации на занятии, в процессе совместной деятельности структурируется и превращается в новое знание, а вопросы, возможные сомнения разрешаются в ходе обмена мнениями по поводу прочитанного или услышанного. Таким образом, в процессе рефлексии та информация, которая была до проведения занятия новой для студента, становится усвоенной, превращается в собственное знание.

Если рассмотренные стадии проанализировать с точки зрения традиционного подхода проведения занятий, то становится понятным, что они не являются чем-то принципиально новым для преподавателя, так как они почти всегда наличествуют, только с иным наименованием: стадия вызова – введение в проблему (актуализация имеющегося опыта и знаний); стадия осмысления – часть занятия, посвященная изучению нового материала; стадия рефлексии – это закрепление материала, проверка усвоения.

Отвечая на вопрос о принципиальной новизне технологии критического мышления, следует отметить, что ее методические приемы ориентируются на создание условий для свободного развития личности обучающегося, целостного осмысления, обобщения полученной информации, формирования у каждого из обучающихся собственного отношения к изучаемому материалу.

На каждой из трех стадий занятия используются свойственные ее методические приемы. Как показала наша педагогическая практика, эффективных приемов для использования на лекционных, семинарских и практических занятиях достаточно много.

Таблица 1

Структура занятий с использованием приемов технологии развития критического мышления

Стадия (прием)	Варианты конструирования занятия	
	Групповое занятие	Лекция
Вызов (начало занятия)	кластер, корзина мнений (идей), учебно-мозговой штурм	интеллектуальная разминка, корзина мнений (идей), ключевые термины
Осмысление (объяснение нового материала)	зигзаг, инсерт, ролевой проект, маркировочная таблица ЗУХ, таск-анализ	пометка на полях (инсерт) «продвинутая лекция»
Рефлексия (завершение занятия)	совместный поиск, двухчастный (трехчастный) дневник, кластер	двухчастный (трехчастный) дневник, маркировочная таблица ЗУХ

Основным препятствием для использования приемов технологии развития критического мышления следует определить невысокий уровень сформированности у обучающихся умений (навыков) самостоятельной работы.

1. Кластер Д. Что такое критическое мышление? // Критическое мышление и новые виды грамотности. – М.: ЦГЛ, 2005. – С. 5-13.
2. Коржуев А. В., Попков В. А., Рязанова Е. Л. Как формировать критическое мышление? // Высшее образование в России. – 2001. – № 5. – С. 55-58.
3. Мурюкина, Е.В., Чельшева, И.В. Развитие критического мышления студентов педагогического вуза в рамках специализации «Медиаобразование»: учеб. пособие для вузов. – Таганрог: Изд-во Кучма, 2007. – 162 с.
4. Темпл Ч. Критическое мышление и критическая грамотность. // Перемена. – 2005. – № 2. – С.15-20.
5. Федотовская Е.И. Развитие критического мышления как задача высшей школы // Актуальные вопросы практики преподавания иностранных языков. – М., 2003. – С. 282-291.

ФОРМИРОВАНИЕ НАВЫКОВ АНАЛИЗА, СОСТАВЛЕНИЯ И РЕДАКТИРОВАНИЯ ТЕКСТОВ ПРАВОВОГО ХАРАКТЕРА КАК ОДНА ИЗ ЗАДАЧ ОБУЧЕНИЯ ЮРИСТОВ

Ю.Н. Грицкевич (Псков, Россия)

Высокий статус права обуславливает серьезные требования к профессиональной грамотности юристов, которая предполагает как правовую, так и языковую компетентность: уровень языковой и речевой культуры юриста является показателем его уважения к обществу, к норме в разных ее проявлениях. Право воспринимается, интерпретируется и реализуется непосредственно через текст нормативно-правовых актов, через язык и речь. В связи с тем, что текст нормативно-правового характера является регулятором правовых отношений во всех сферах жизни человека и общества, а также с тем, что нормативно-правовая база постоянно увеличивается, изменяется, все острее встает проблема адекватного восприятия юридического документа не только юристами-профессионалами, но и всеми участниками правовых отношений. Документ правового характера предполагает не только юридически значимое содержание, но и словесное выражение этого содержания. Нарушения норм устной и письменной речи влекут за собой ошибки, пагубно влияющие на восприятие и интерпретацию нормы права, которая должна быть выражена максимально полно и точно.

Несмотря на то, что юридический дискурс, как и большинство институциональных дискурсов, представляет собой закрытую систему, организованную особым образом и нацеленную в первую очередь на специалистов в области права, все острее возникает потребность не только в формировании правовой картины самых широких слоев общества, но и в постоянной ее корректировке. Юридическому письменному дискурсу свойственны директивность коммуникации, высокая степень текстоцентричности, а дискурсивные тактики и стратегии, как правило, обусловлены не столько коммуникативной ситуацией, сколько процедурными особенностями реализации права. Все это создает серьезные преграды в процессе восприятия и толкования языка права.

Особенности реализации устного и письменного юридического дискурса, функционирование языка права в совокупности коммуникативных ситуаций и с учетом действия как лингвистических, так и экстралингвистических факторов, влияющих на юридический дискурс, все чаще вызывает интерес исследователей [1; 2; 3]. На протяжении долгого времени поднимается проблема необходимости совершенствования работы над точностью формулировок в правовых актах, чтобы избежать извращения смысла закона и неправильного его применения.

Несмотря на общепризнанность важнейшей роли языковой и речевой грамотности в профессиональной деятельности юриста, как юристы, так и лингвисты отмечают наличие погрешностей и ошибок в юридических документах, определяя и возможные причины недостаточного уровня сформированности умения применять нормы речи в юридическом дискурсе. Так, потребность в грамотной юридической речи может не поддерживаться в обществе на нужном уровне: «законодатели всех уровней преследовали только реализацию отдельных языковых черт стиля: точность, логичность, не заботясь о ясности и лишь отчасти, о грамотности на различных уровнях: лексическом, орфоэпическом, орфографическом, словообразовательном» [4, с. 54]. Такое положение дел подтверждает и анализ изложения и оформления процессуальных документов. Малышев А.А., начальник Секретариата Федерального арбитражного суда Восточно-Сибирского округа, отмечает, что «в условиях постоянно увеличивающейся нагрузки на судей и сохраняющейся тенденции к количественному росту рассматриваемых дел встречаются пробелы и упущения в качестве подготовки постановлений, особенно в стилистическом и языковом отношении» [5].

Перед современной системой образования самой действительностью поставлена задача повышения языковой грамотности специалистов правовой сферы. Процесс обучения должен быть нацелен на анализ стилистических возможностей языковых единиц разных уровней, редактирование текстов юридической направленности. Все это привело к осмыслению типичных ошибок в устной и письменной речи юристов [6], изданию учебно-методической литературы [7; 8; 9.] и разработке Интернет-ресурсов в помощь юристам.

Учебная дисциплина на ступени магистратуры «Русский язык в деловой и процессуальной документации», являясь логическим продолжением обязательного для изучения на ступени бакалавриата курса «Русский язык и культура речи», имеет строгую профессиональную ориентацию, так как непосредственно связана с другими учебными курсами юридической направленности.

Основной целью учебной дисциплины является углубление знания русского языка, развитие умений правильно и целесообразно использовать средства русского литературного языка в профессиональной коммуникации, изучение особенностей использования языковых средств в ходе подготовки, создания и редактирования деловой и процессуальной документации. Важнейшие задачи вузовского обучения будущих юристов в рамках данной дисциплины: приобретение знаний о правовом регулировании использования русского языка в деловой и процессуальной документации; формирование умений и навыков в составлении и редактировании текстов правовой направленности; анализ основных языковых особенностей юридических текстов; формирование умения работать с научной, научно-методической и справочной литературой.

В процессе изучения дисциплины текст нормативно-правовых документов необходимо рассматривать как феномен юридической коммуникации и в то же время как отражение языкового сознания участников коммуникации в правовой сфере. Магистранты как будущие специалисты в области права должны получить общее представление о современных научных направлениях исследования вопросов в области функционирования современного русского языка в правовой сфере, чтобы в профессиональной деятельности при необходимости обратиться к нужным источникам. В последнее время сформировался целый ряд научных лингвистических дисциплин междисциплинарного характера: лингвистика, лингвистическая конфликтология, судебное речеведение, юридическая лингвистика и некоторые другие, которые призваны решать проблемы, возникающие на стыке языка и права. Самостоятельная работа студентов по дисциплине предполагает обращение к исследованиям как лингвистов, так и юристов, посвященных рассмотрению особенностей юридической техники, правилам её использования в текстах, функционирующих в правовой сфере. Одной из форм проведения занятий может быть проведение мини-конференций по проблемам языкового аспекта права, места и роли языка в профессиональной деятельности юриста, вопросам функционирования юридической терминологии и использования языка в различных видах текстов правового характера, а также проблемам различий восприятия текстов нормативно-правовых документов в рамках юридического и лингвистического дискурсов.

Практическую работу на занятиях рекомендуется строить на материале юридических текстов с целью детального рассмотрения теоретических языковых проблем, включенных в учебный курс. Помимо лингвистических особенностей текста документа, предметом анализа служит и структурная сторона документа – наличие необходимых реквизитов, соблюдение требований к их расположению и оформлению, а также композиционные особенности текста.

При разработке учебного курса, проведении занятий и отборе материала для анализа важно учитывать некоторые особенности восприятия информации теми, кто занимается вопросами права. Критическое и избирательное отношение к получаемой информации, «давление» сложившейся в устной или письменной юридической коммуникации традиции употребления каких-либо языковых единиц (даже в том случае, если употребление единиц языка явно противоречит общезыковой норме) существенно влияют на процесс обучения. Обращение к авторитетным словарям и справочникам не всегда убеждает обучающихся, если сведения из них противоречат практике употребления слова или выражения в среде профессионалов-юристов. Поэтому так важно привлекать при обсуждении проблем языка права на занятиях исследования не только лингвистов, но и юристов, мнение последних может для студентов юридического факультета оказаться более авторитетным.

Анализ текстов правовой направленности дает возможность не только повысить уровень владения русским языком в профессиональных целях, закрепить знание тех лингвистических черт и тех единиц разных уровней языка, с помощью которых создается объективность, долженствующе-предписывающий характер, императивность текста нормативно-правового документа, но и научить студентов находить ошибки в текстах и редактировать документ. Важно выделить наиболее типичные ошибки, допускаемые в юридических документах. К ним относятся пунктуационные (неверное обособление причастных и деепричастных оборотов, выделение вводных конструкций, знаки в сложном предложении), лексические (нарушение смысловой сочетаемости, плеоназм, тавтология, лексический повтор), морфологические (употребление форм разных частей речи, склонение фамилий, географических названий), синтаксические (неверное управление, согласование подлежащего и сказуемого, построение предложений), логические ошибки. Знание проблемных зон использования языковых единиц помогает магистрантам избегать возможных недочетов при создании и редактировании документов.

Таким образом, процесс формирования языковой культуры посредством овладения юридическим языком и его использования в профессиональной юридической деятельности является важной составляющей профессиональной грамотности юристов.

1. Валадес Д. Язык права и право языка. – М., 2008.
2. Попова Л.Е. Юридический дискурс как объект интерпретаций: семантический и прагматический аспект: дис. ... канд. филол. наук. – Краснодар, 2005.
3. Сараева Н.А. Язык юридического дискурса // Язык. Текст. Дискурс: Межвузовский научный альманах / под ред. проф. Г.Н. Манаенко. Вып 7. – Ставрополь: изд-во ПГЛУ, 2009. С. 330–336.
4. Лукичев Б.А., Черник В.Б. Речевые погрешности (ошибки) в нормах уголовно-процессуального законодательства России // Российское право: образование, практика, наука – 2004–№ 2 (2). – С. 54–56.
5. Малышев А.А. Некоторые проблемы языка и стиля процессуальных документов (Анализ изложения и оформления постановлений и определений о приостановлении судебных решений, принятых Федеральным арбитражным судом Восточно - Сибирского округа в 1999 году) – [Электронный ресурс] – Режим доступа: lawmix.ru
6. Додыченко Е.А. Проблемы функционирования русского языка в судопроизводстве // Язык и право: актуальные проблемы взаимодействия. Материалы Международной научно-практической Интернет-конференции. – Ростовн/Д: Ростиздат, 2011. С. 37–41.
7. Ивакина Н.Н. Профессиональная речь юриста. – М.: Издательство БЕК, 1997.
8. Воронцова Ю.А., Хорошко Е.Ю. Русский язык для юристов (Практический курс) Учеб. пособие для курсантов и слушателей вузов МВД России. – Белгород: ООНИ и РИД БелЮИ МВД России, 2008.
9. Голошапова Т.Г. Язык и стиль юридических документов: Учебно-методическое пособие. – Челябинск: Челябинский юридический институт МВД России, 2008.

НЕКОТОРЫЕ СУЖДЕНИЯ ОБ ИСПОЛЬЗОВАНИИ АКТИВНЫХ МЕТОДОВ В ПРЕПОДАВАНИИ ПРАВОВЫХ ДИСЦИПЛИН

В.Е. Егоров (Псков, Россия)

В современную эпоху образование стало одной из самых обширных сфер человеческой деятельности. Существенно повысилась социальная роль образования: от его направленности и эффективности сегодня во многом зависят перспективы развития человечества. В последнее десятилетие ушедшего столетия и первые годы XXI века мир изменил свое отношение ко всем видам образования. Образование, особенно высшее, стало рассматриваться как главный, ведущий фактор социального и экономического прогресса. Причина такого внимания, по нашему мнению, заключается в понимании того, что наиважнейшей ценностью и основным капиталом современного общества является человек, способный к поиску и освоению новых знаний и принятию нестандартных решений.

Не удивительно учебный процесс в вузах стал более сложным по своим задачам, интенсивности и содержанию. Он требует глубокого психологического осмысления преподавателями закономерностей учебной деятельности, принципов и методов обучения и воспитания, формирования личности. Переход к новой педагогике в юридических вузах (факультетах) стал означать обновление всех сторон учебно-воспитательного процесса – его содержания, форм, методов, а что самое сложное – психологии юриста-педагога и учащихся – образа их мыслей, интересов и установок, их отношений друг к другу.

Объем знаний, необходимых современному выпускнику, возрастает, но срок обучения в вузе ограничен несколькими годами. Отсюда следует, по нашему мнению, интенсифицировать учебный процесс, целеустремленно формировать качества, необходимые будущему юристу.

Для успешной интенсификации учебного процесса, по нашему мнению, необходимо разрабатывать и внедрять научно обоснованные методы руководства познавательным процессом, мобилизующие творческий потенциал личности.

В педагогической литературе представлен широкий спектр методов обучения. Но какие методы обучения использовать? Какие взять за основу? Какие из них содержат оптимальные обучающие возможности? Эти вопросы волновали, и продолжают волновать педагогов высшей школы, по сей день.

В рамках поставленных вопросов, нам бы хотелось определить активные методы, применяемые в обучении правовых дисциплин в юридическом вузе (факультете).

Право – одна из самых таинственных и загадочных сфер человеческой жизни. Право, как результат мыслительной деятельности людей, будучи связанным, с их сознанием, тем не менее, до сих пор остается весьма сложной для понятия субстанций. В науке, по мнению Е.А. Певцовой, даже нет единого определения этому понятию [8].

В теории и практике правовой подготовки студентов к настоящему времени появились различные концепции. По мнению С. С. Алексеева [1], некоторые ученые справедливо полагают, что изучение правовых конструкций должно основываться не на механическом запоминании юридических норм и статей законов, а на глубоком проникновении в сущность самого права, рассмотрении закономерностей его становления и развития. Следовательно, необходимо обратить внимание на теоретические аспекты права, а лишь затем говорить о его практическом значении.

Именно такой подход дает возможность разобраться в нюансах правовой действительности и сформировать высокий уровень правовой культуры в обществе.

Известный русский историк и мыслитель В.Н. Татищев мудро замечал, что "В России всегда не хватало законодателей, а те, которые были, плохо ориентировались в теории права<...>". Он призывал восполнить пробел "и готовить тех, кто был бы способен писать закон" [10, с.102].

О необходимости введения активных методов обучения в правовом образовании история знает давно. В 1899 году, профессор международного права Новороссийского (Одесского) университета П.Е. Казанский доказывал, что лекция приучает студентов к пассивному восприятию чужих мыслей, притупляет умственные способности слушателей, убивает у них стремление к самостоятельному труду и мышлению и тому подобное. По его мнению, лекциям следует предпочесть активные формы обучения – прежде всего практические занятия. Профессор предлагал студентам выучить дома к определенному сроку известную часть учебного курса. Затем начиналось собеседование профессора со студентами по пройденной части. Профессор разъяснял трудные вопросы, повторялись основные позиции пройденного материала. Кроме того, во время практических занятий происходило чтение правовых документов и глав из монографий, исполнялись письменные работы и развешивались прения по докладам; осуществлялось написание деловых бумаг. Значительная роль отводилась инсценированию "судебного процесса" с участием студентов, часть из которых выполняли функции прокуроров, другие – судей, адвокатов, истцов и так далее [9. – С. 81 – 89].

Аналогичные активные методы обучения праву применялись еще раньше, в 40-е годы XIX века в Казанском университете. Известный цивилист Д. И. Мейер создал при университете юридическую клинику и, по его мнению, клинические занятия составляли необходимое дополнение к лекциям; занимаясь в клинике, молодые юристы приобретали первый опыт применения теоретических знаний на практике.

Ф. Ф. Дудырев и В. П. Малков, исследовавшие методы работы первой юридической клиники в России, приводят слова Д. И. Мейера из его работы "О значении практики в системе современного юридического образования", изданного в Казани 1855 году. "Устройство этой клиники весьма простое, – пишет Мейер, – бедные люди, нуждающиеся в советах и помощи по каким-либо касающимся их в присутственных местах делам, обращаются по усмотрению своему к заведующему практикою в присутствии его учеников сообщают надлежащий случай, который и подвергается обсуждению, результатом чего может быть, смотря по данным, какое-либо одобряемое наставником указание. По желанию советующего тут же может быть для него безвозмездно сочинена нужная бумага-прошение, докладная записка, проект акта и т.д. Если дело таково, что интересант станет являться неоднократно, то оно может быть поручено одному из практикантов, так что на попечении каждого из них может оставаться по одному делу или несколько, разумеется под руководством и ответственностью наставника" [4. – С. 61 – 63].

Известно, что юридические клиники в Казани действовали около 10 лет. Однако безвременная кончина Д. И. Мейера привела к прекращению юридических клиник.

Осмысление данного вопроса в научной литературе, дает нам возможность утверждать, что в современный период юридические клиники, как активная форма внедрения новых методов правовой подготовки студентов, нашли во многих местах. Они созданы как особые подразделения юридических факультетов и стали своего рода общественными приемными, где студенты под руководством преподавателя ведут прием граждан и оказывают им юридическую помощь.

Исследования практической деятельности специалистов, использующих юридические клиники как один из активных методов обучения, дают основания для более точного формулирования определения юридическим клиникам на современном этапе. "Юридическая клиника – учебная программа, предусматривающая обучение студентов-юристов практическим навыкам и профессиональному отношению и включающая безвозмездную работу студентов под руководством преподавателя по оказанию юридической помощи лицам, не имеющим возможности прибегнуть к другим видам юридической помощи"[14].

Таким образом, по нашему мнению, создание юридической клиники в вузе и участие в ней студентов, безусловно, является внедрением передовых активных методов преподавания и связанные с этим результаты повышения уровня правового образования, что является основной целью любого вуза.

Однако использование активных методов в преподавании правовых дисциплин в юридическом вузе имеет ряд особенностей, которые заметно отличают их от естественнонаучных и других гуманитарных дисциплин. Занятия по правовым дисциплинам повышают уровень правовой грамотности и правовой культуры студентов; воспитывают уважение к закону и правопорядку; расширяют их кругозор; формируют правосознание; порождают правомерное поведение. Задача преподавателя-юриста не только сообщить сведения по определенной юридически важной теме, но и объяснить их, сформировать определенное отношение к ним. Важной информацией, например, является: новое в законодательстве, состояние правопорядка в стране и в отдельных регионах, правотворческая инициатива граждан и другое. Занятия по правовым дисциплинам характеризуются, по нашему мнению, большей конкретностью, чем другие. В ней не должно быть преувеличений, вымышленных эпизодов, домыслов преподавателя.

Каждое занятие характеризуется целенаправленным воздействием на студентов. Главным средством воздействия при этом является организация материала, исследование фактов.

Следовательно, методы обучения праву должны рассматриваться как способы организации учебного материала и взаимодействия преподавателя и студента, направленные на решение образовательных и воспитательных задач.

Вопросам правовой подготовки, в рамках современных подходов к профессиональному образованию, в научной литературе отведено немало места. Восстановление института частной собственности и, соответственно, системы частного права, закрепленное Конституцией Российской Федерации, Гражданским Кодексом, дают основание полагать о новом подходе к делу профессиональной подготовки современных специалистов.

"Подготовка юристов, – пишет А. Запорожец, – должна включать в себя три стратегических направления:

- глубокое и прочное овладение фундаментальными положениями теории права по всем отраслям;
- работа с законодательными актами;
- работа с гражданином (субъектом), права которого нарушены (вряд ли можно представить ситуацию, когда субъект может интересоваться конкретной проблемой из любопытства)" [5. – С. 71 – 77].

Раскрывая эти направления, А. Запорожец особое внимание уделяет, как самой сложной, проблеме "технологии" непосредственных контактов студента с гражданами (предпринимателями, представителями организаций) по решению конкретных жизненных ситуаций. Идеальным вариантом применения законодательства, по А. Запорожцу, могли бы стать юридические консультации, адвокатские конторы по типу кафедр, которые организуются медицинскими вузами при больницах [Там же, с. 75].

Идеи А. Запорожца находят поддержку в вузах. К примеру, с сентября 2015 года в Псковском государственном университете действует филиал кафедры гражданского права и процесса в стенах Арбитражного суда Псковской области. Студенты юридического факультета, обучающиеся по гражданско-правовому профилю, регулярно проводят практические занятия, и проходят все виды учебных и преддипломных практик на базе филиала. Посещают судебные заседания под руководством преподавателя и судей арбитражного суда. Непосредственно в зале судебных заседаний окунаются в разрешение конкретных спорных вопросов, приобретают ценнейший опыт юридической практики по разрешению споров между различными организациями и познают нелегкий труд юриста в деле. А самое главное – судьи выявляют способных студентов на практических занятиях и зачисляют их кандидатуры в кадровый резерв на замещение должностей в арбитражном суде.

В Арбитражном суде созданы все условия для проведения практических занятий, выделены помещения для работы студентов с материалами суда, обсуждения конкретных дел и разъяснений судей. А студенты-выпускники (бакалавры и магистры) имеют возможность пополнить знания и написать свои выпускные работы прямо в здании суда под руководством судей, имеющих научные степени кандидата юридических наук и богатый практический опыт в сфере юриспруденции. Такой положительный опыт юридического факультета Псковского государственного университета достоин заслуженного внимания.

Возрождение идеи частного права, по мнению А. Вологодина, сделало актуальным усвоение исторического наследия в рамках частнопредварительной традиции, обращение к ее истокам, то есть основным положениям Римского права.

По мнению ученого, Римское частное право, как дисциплина, преследующая подготовительные цели, имеет ряд особенностей:

- во-первых, оно рассматривается как целостная система, ставшая источником современного права;
- во-вторых, среди отраслей, институтов и категорий римского права, составляющих единое целое, более углубленно рассматриваются вещное и обязательственное право (именно в этих сферах наиболее глубоко влияние римского права);

в-третьих, изучение римского права призвано активно формировать юридическое мышление, т.е. умение видеть события, факты, явления в юридической интерпретации, соотносить их с нормой права, ее целью, идеологией права.

Поэтому, при изучении правовых дисциплин целесообразно применять метод конкретных ситуаций, как один из активных методов обучения.

Подобные исследования научных источников, утверждает А. Вологдин, свидетельствуют, что анализ конкретных случаев из правовой практики дает возможность развивать юридическое мышление, оттачивать аргументацию за и против, владеть мастерством правовой критики, систематизации и логических обобщений. При этом внимание концентрируется не только на существе права, но и на творческой стороне, что, в конечном счете, немаловажно при формировании профессиональных и независимых юристов [3. – С. 68 – 71].

Интересны, по этому поводу и рекомендации З. М. Черниловского (1914 – 1995), выдающегося специалиста по истории гражданского права и римскому праву. Изучение права, по Черниловскому, требует немалых умственных усилий. Он рекомендовал снабдить весь учебный курс казусами (задачами). Так как при решении которых, студент вырабатывает юридическое мировоззрение, т.е. способность видеть тот или иной факт (случай) через призму права, в его юридической интерпретации, включая вопрос о соответствии или противоречии закону, соответствии или противоречии его духу, его цели и даже такому критерию действительности права, каким является критерий нравственный [13].

Аналогичные суждение мы можем найти и у Ю. М. Ткачевского, который утверждает, что необходимо требовать от студентов письменного решения казусов, причем желательно, чтобы хотя бы одно решение было развернутым, подробным, мотивированным, со ссылками на необходимый нормативный материал, на руководящее постановление пленума Верховного Суда Российской Федерации. Письменное решение казусов по его мнению, служит одним из доказательств самостоятельной работы студента [11. – С. 43 – 54].

Определенный интерес, по нашему мнению, в решении конкретных ситуаций (казусов) представляет логическая схема их анализа, приводимая нами:

- во-первых, существует ли в данной ситуации нарушение норм права;
- во-вторых, каким образом осуществляется защита нарушенного права (если такое нарушение есть);
- в-третьих, определить действия, которые должна предпринять сторона, чье право нарушено для его защиты;
- в-четвертых, к какой категории процессуальных действий относится разрешение данного спора;
- в-пятых, определить сторону, по инициативе которой будет разрешаться спор, и ответчика;
- в-шестых, определить инстанцию, куда будет направлено исковое заявление;
- в-седьмых, определить этапы рассмотрения спора;
- в-восьмых, определить, кто и где выносит решение по делу;
- в-девятых, определить, возможно ли обжалование судебного решения;
- в-десятых, определить, как должно исполняться судебное решение.

Такая схема анализа конкретных ситуаций, думается, поможет студентам, которые еще не в достаточном объеме владеют вопросами юриспруденции. Примечательно, что пункты в предлагаемой логической схеме можно расширить, учитывая более объемные конкретные ситуации, затрагивающие отдельные институты права.

Следовательно, студент должен сам выявить существо конфликта, сформулировать задачу и уточнить значимые факты, помогающие ее решить. Выбор тех или иных активных методов обучения определяется содержанием учебного материала и целям обучения.

В педагогической практике преподавателей-юристов, среди других методов активного обучения, нашли широкое применение и деловые игры, как средства воспитательного и образовательного воздействия. Игра в дидактическом плане по нашему мнению выступает и как метод, и как форма, и как средство обучения, получения информации и обмена его между участниками.

Следовательно, практические занятия в виде деловых игр нужно использовать как можно больше при правовой подготовке студентов.

Оставаясь педагогическим процессом, учебная деловая игра является воссозданием контекста будущего труда в его предметном и социальном аспектах. Она воссоздает предметный контекст-обстановку условной практики и социальный контекст, в котором студенты взаимодействуют с представителями других ролевых позиций. Таким образом, в деловой игре реализуется целостная форма коллективной учебной деятельности на целостном же объекте – на модели условий и диалектики производства, профессиональной деятельности.

Одним из приоритетных направлений государственной политики в сфере образования, на современном этапе модернизации российского образования, определено повышение качества профессионального образования, которое, свою очередь, возможно только на основе активизации инновационных процессов в данной сфере, обеспечения интеграции образовательной, научной и практической деятельности.

Инновационное обучение, отмечается в педагогике, как новая система образования, призвано на формирование у обучаемых способностей к проективной детерминации будущего, ответственность за него, веру в себя и свои профессиональные способности влиять на это будущее [7].

Как известно, инновация (от лат. *in* – в, *novus* – новый) означает нововведение, новшество. Главным показателем инновации по утверждению Н. В. Бордовской и А. А. Реан, является прогрессивное начало в развитии школы или вуза по сравнению со сложившимися традициями и массовой практикой. Поэтому инновации в системе образования связаны с внесением изменений:

- в цели, содержание, методы и технологии, формы и организации и систему управления;
- в стили педагогической деятельности и организацию учебно-познавательного процесса;
- в систему контроля и оценки уровня образования;
- в систему финансирования;
- в учебно-методическое обеспечение;
- в систему воспитательной работы;
- в учебный план и учебные программы;
- в деятельность преподавателя и обучающегося.

В историческом плане масштаб (объем) нового всегда относителен, ведь новизна носит конкретно-исторический характер, то есть может возникать раньше "своего времени", со временем стать нормой или устареть [2].

Педагогическая литература знает многообразие методов обучения. Но какие методы обучения использовать при новой системе образования? Какие из них наиболее приемлемы в обучении правовых дисциплин?

Для разрешения этих вопросов нам необходимо обратиться к дидактике, которая призвана помочь преподавателю найти ответы на вопросы кого учить, для чего учить, чему учить и как учить? Все вопросы сложные, на них нельзя дать однозначных ответов. Но все же, в рамках исследования наших вопросов, особенно труден вопрос "Как учить?". Ибо нет готовых рецептов, а есть только размышления и суждения отдельных учёных и специалистов в научных трудах, статьях и отдельных высказываниях.

В XIX веке поисками и реализацией активных методов обучения в условиях высшей и средней школы заняты и зарубежные и отечественные учёные. В высшей школе США с целью повышения качества образования практикуются активные методы обучения: дискуссии, микродискуссии, разбор критических ситуаций, метод разбора случаев, собеседование, метод клиники, лабиринта, игра. Пересматриваются традиционные формы и методы преподавания, условия занятий студентов.

«Американские ученые, изучающие проблемы высшей школы, отмечают, – пишет А. В. Квартальнов, – что современные студенты различны по своему жизненному опыту, целям обучения, взглядам на образование, перспективам на будущее. Однако они единодушны в своем недоверии к традиционным методам обучения, например, к лекции» [6].

Проблема соотношения теоретического и практического компонентов в обучении является одной из злободневных для современного юридического образования. В её обсуждении принимают участие вузовские юристы-преподаватели, ученые, практикующие юристы.

По мнению Ф. Ф. Дудырева и В. П. Малкова, большинство участников этой дискуссии высказываются в пользу усиления практической, прикладной направленности правовой подготовки, обучение будущих специалистов сегодня уже не может носить отвлеченный, теоретический характер [4. – С. 61 – 63].

В недавнем прошлом в условиях, когда основная законодательная база была почти неизменной, пассивное обучение студентов все же позволяло готовить достаточно квалифицированные кадры. На современном этапе развития законодательства и постоянного усложнения правовых отношений такое состояние правового образования нельзя признать удовлетворительным, – считает Л. В. Туманова [12. – С. 53 – 56].

Подводя итог нашего исследования можно отметить, что методика активных занятий в обучении правовых дисциплин, по нашему мнению, может быть различной, она зависит в первую очередь от авторской индивидуальности преподавателя. Важно, чтобы активными методами преподавания юридических дисциплин достигалась общая дидактическая цель.

Таким образом, разнообразие активных форм занятий вытекает из собственно практической части изучаемой дисциплины. В преподавании правовых дисциплин должны и могут успешно применяться обсуждения рефератов, дискуссии, решения конкретных задач (казусов), деловые (ролевые) игры, семинарские занятия, тестирования и другие.

Все же автор не считает, что в данном исследовании даны ответы на все вопросы, полностью раскрывающие различные активные методы в преподавании правовых дисциплин, так как применение их зависит от конкретных ситуаций, поэтому несут дискуссионный характер и приглашают на дальнейшее обсуждение.

1. Алексеев С. С. Государство: основные понятия. Государство в нашем мире и в России / Учебное пособие, Екатеринбург: ИД «Сократ», 1999.
2. Бордовская Н. В., Реан А. А. Педагогика: Учебное пособие. – СПб.: Питер, 2006. – 304 с.

3. Вологдин А. А. Римское право в современном юридическом образовании // Высшее образование в России. – 1999. - № 5. – С. 68 – 71.
4. Дудырев Ф. Ф., Малков В. П. Юридические клиники в России: возвращение через 150 лет // Государство и право. – 2002.- № 4. – С. 61 – 63.
5. Запорожец А. О подготовке юристов // Высшее образование в России. – 1999. - № 5. – С. 71 – 77.
6. Квартальнов А. В. Профессиональная подготовка менеджеров туристско-спортивнооперейтинга: Монография. М : Советский спорт, 2004.
7. Педагогика и психология высшей школы. Серия “Учебники, учебные пособия”. Ростов-на-Дону: Изд-во “Феникс”, 1998.
8. Певцова Е. А. Теория и методика обучения праву: Учебник для студентов высш. учеб. заведений. – М : Гуманитарный издательский центр ВЛАДОС, 2003.
9. Скрипилев Е. А. О юридическом образовании в дореволюционной России (XVIII-начало XX вв.) // Государство и право. – 2000. - № 9. – С. 81 – 89.
10. Татищев В. Н. Разговор о пользе наук и училищ // Антология педагогической мысли России XVIII в. М : 1985.
11. Ткачевский Ю. М. Размышления о методике проведения семинарских занятий по уголовному праву // Вестн. Моск. Ун-та. сер. 11. Право. – 2000. - № 1. – С. 43 – 54.
12. Туманова Л. В. Сделать образование практическим // Росс. юстиция. – 1999. - № 5. – С. 53 – 56.
13. Черниловский З. М. Римское частное право: Элементарный курс. – М : Новый юрист, 1997.
14. Юридическая клиника и современное юридическое образование в России: Учебно-практ. пособие / Отв. ред. – С. Л. Дегтярев. – М : ВолтерсКлувер, 2004.

ФОРМИРОВАНИЕ СОСТАВА МИРОВЫХ СУДЕЙ НА СЕВЕРО-ЗАПАДЕ РОССИИ (1864–1899 ГГ.)

И.А. Широков (Псков, Россия)

20 ноября 1864 г. в Российской империи были приняты Устав судебных установлений, Устав гражданского судопроизводства, Устав уголовного судопроизводства, Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями. В результате реформы судебная система стала представлять две самостоятельные ветви, которые сходились воедино в Правительствующем Сенате. Первая ветвь включала «общие судебные места»: Окружные суды и судебные палаты. Вторая состояла из мировых судов и их съездов. При этом нельзя забывать о существовании сословно - специализированных судов: Военные, духовные, инородческие, коммерческие, крестьянские (волостные) и станичные. Приведенная структура была закреплена в статьях 1 и 2 Устава судебных установлений.

Таким образом, был введен новый для Российской империи мировой суд. В 1864 г. действовал институт мировых посредников, который постепенно стал заменяться мировыми участками. Мировой суд по задумкам законодателя стал институтом выборным.

Но изначально вопрос о порядке комплектования корпуса мировых судей стоял остро: На основе выборности, либо по назначению. Приведем цитату из воспоминаний современника тех событий историка и правоведа Г.А. Джаншиева: «Назначением мировых судей по выбору населения - это такая радикальная реформа, которую только коммунары вносят в свою программу» [1, с. 452]. Однако законодатель подошел к решению данного вопроса с демократических позиций, избрав принцип выборности. Для осуществления выборов мировых судей ясно, что необходимы немалые средства, что могло удержать законодателя от выборного начала. Однако и здесь им было все продумано. Все расходы были возложены на местные бюджеты. Таким образом, с одной стороны населению была предоставлена возможность баллотироваться на должность мирового судьи, а с другой все финансовые затраты были возложены на местные органы власти и их бюджеты.

Введение выборного начала было обосновано тем, что мировой судья должен обладать доверием местного населения, а потому «правительство было бы поставлено в крайне затруднительное положение, если бы приняло на себя их избрание: Ибо начальствующим лицам, во всяком случае, труднее найти столь значительное число вполне достойных лиц для замещения всех должностей мировых судей, чем обывателям каждой местности приискать людей для определенного округа» [1, с. 451]. После разрешения принципиальных проблем возникают вопросы, а из какого контингента в то время можно было сформировать корпус мировых судей. Для того времени был характерен недостаток квалифицированных юристов. По свидетельствам историка М.Г. Коротких с 1840 г. по 1863 г. юридическое образование получили лишь 3650 граждан, в свою очередь только мировых судей требовалось 1320 [4, с. 105]. Учитывая данное положение, законодатель вынужден был смягчать требования образовательного ценза. Официальное обоснование Государственным советом такого решения было следующим: «Мировой судья должен пользоваться особым доверием местных жителей, а доверие это он может заслужить не столько юридическим образованием, сколько знанием народных понятий, нравов, обычаев» [1, с. 454].

Мировые судьи, как участковые, так и почетные, избирались земскими собраниями на три года, по особому порядку, и утверждались в этом звании первым департаментом Правительствующего Сената.

В мировые судьи могли быть избраны те из местных жителей, которые:

1. Имеют не менее двадцати пяти лет от роду;

2. Получили образование в высших или средних учебных заведениях, или выдержали соответствующее испытание, или же прослужили не менее трёх лет в таких должностях, при исправлении которых могли приобрести практические сведения в производстве судебных дел;

3. Не состоят под следствием или судом;

4. Если они сами, или их родители или жены владеют, хотя бы в разных местах: Или пространством земли вдвое против того, которое определено для непосредственного участия в избрании гласных в уездные земские собрания, или другим недвижимым имуществом ценою не ниже пятнадцати тысяч рублей, а в городах недвижимую собственностью, оцененную, для взимания налога: В столицах не менее шести тысяч, в прочих же городах не менее трёх тысяч рублей [2, с. 59].

Мировыми судьями не могли быть:

1. Состоящие под следствием или судом за преступления или проступки, а так же подвергшиеся, по судебным приговорам, за противозаконные действия, заключению в тюрьму, или иному более строгому наказанию, и те, которые были под судом за преступления или проступки, влекущие за собой такие наказания, но не оправданы судебными приговорами;

2. исключенные из службы по суду, или из духовного ведомства за пороки, или же из среды обществ и дворянских собраний по приговорам тех сословий, к которым они принадлежат;

3. объявленные несостоятельными должниками;

4. состоящие под опекою за расточительство [2, с. 60].

Не имели право принимать на себя звания ни почетных, ни участковых мировых судей священно и церковно служители.

Первый департамент Правительствующего сената тщательно проверял кандидатов на должность мирового судьи на предварительном довыборном этапе: «Генрих Каменский не подходит по воспитанию, так как получил домашнее воспитание, соответствующее средним учебным заведениям. При том, едва ли означенная должность Окружного Начальника ведомства государственных имуществ, могут быть отнесены к числу должностей, при исправлении которых можно приобрести практические сведения в производстве судебных дел» [5, л. 124].

Выборы мировых судей производились на уездных земских собраниях. Если на уездное земское собрание являлось менее двенадцати гласных, то избрание мировых судей того уезда производилось в губернском земском собрании.

Список лиц, имеющих право быть избранным в мировые судьи, составлялся за 3 месяца до выборов, по каждому мировому округу отдельно, уездным предводителем дворянства по соглашению с городским головою и местными мировыми судьями. В список вносились все состоящие в должности почетных и участковых мировых судей и все прочие лица, числящиеся по уезду и имеющие право на занятие должности мирового судьи. Во время первых выборов в список вносились все лица, числящиеся по уезду и обладающие правом на занятие должности мирового судьи. Формулярный список составлялся на каждого кандидата. Далее составленный список сообщался губернатору и публиковался, для общего сведения, в губернских ведомостях, за два месяца до выборов. Губернатор в свою очередь проверял список после опубликования и сообщал свои замечания уездному земскому собранию. Помимо этого земскому собранию подавались перед началом выборов, как жалобы и заявления на неправильное внесение в список лиц и данных о них, а так же заявления лиц, нежелающих быть избранными в мировые судьи. Следующей процедурой были выборы, на которых большинство голосов определялись будущие кандидаты в мировые судьи.

Имелась возможность допустить избрание в мировые судьи лиц, не удовлетворяющих указанным выше требованиям, если они избирались единогласно всеми присутствующими гласными. Так, например, отставной подполковник Александр Скрыницын из Тихвинского уезда Новгородской губернии не смог воспользоваться данной возможностью. Он не проходил на должность из-за недостаточности за ним имущественного ценза. Требовалось единогласное постановление полного, законом определенного числа гласных, которых в Тихвинском уезде 28. В избрании же Скрыницкого участвовало только 24 гласных [7, л. 22].

По окончании выборов почетные и участковые мировые судьи распределяли между участковыми мировыми судьями мировые участки, избирали председателя мирового съезда. Вновь избранные лица принимали присягу. Списки избранных в мировые судьи представлялись председателем земского собрания на утверждение первого департамента Правительствующего сената. Если кто-то был выбран мировым судьей, пренебрегая заявлениями губернатора, то данная информация предоставлялась на усмотрение Сената. Нередкими были случаи несогласия губернатора с выбранными земским собранием мировых судей: «Имею честь представить Вашему Высокопревосходительству список лиц, избранных чрезвычайными земскими собраниями Псковской губернии мировыми судьями, как почетными, так и участковыми и присовокупить, что некоторые из них избраны в противность замечаниям моим, сообщенным на основании 30 статьи Учреждения судебных уставов» [6, л. 3].

27 марта 1867 г. в Уставы судебных установлений было внесено дополнение о «Дополнительных очередных или чрезвычайных выборах». Где говорилось о необходимости замещения открывающихся вакансий в следствии невозможности или отказа занимать должность участкового мирового судьи. Допол-

нение стало необходимым, после большого количества отказов в занятие должности участкового мирового судьи в Калужской, Псковской и Новгородской губерниях.

Избранными в должность мирового судьи считались только те, кто получил более половины избирательных голосов от числа гласных. Из-за недостатка таких лиц по уезду, выборы производились вторично в губернском земском собрании.

От мировых судей, прежде всего, требовалось не специальное юридическое образование, а заслуженное доверие и знание местных условий и обстоятельств, круг действия которых не мог быть ограничен исключительно судебными обязанностями. Мировые судьи должны были по преимуществу быть местными судьями и хранителями мира. Общее доверие местных обывателей составляло необходимое условие для их назначения.

Мировой судья имел гарантии своей деятельности на основе закона. Поэтому надзор велся с учетом этих самых гарантий. Если говорить о самих гарантиях, то они не были простым словом и выполнялись в действительности. Так, в продолжение своего выборного срока мировой судья не мог быть уволен без личной на то просьбы, за исключением случаев неявки на службу более одного месяца, болезни более одного года, применения к нему уголовного взыскания или наказания. Мировому судье гарантировалось, что он без личного согласия не может быть переведен в другую местность.

Обеспечение тех самых гарантий независимости и неприкосновенности судей являлось наличие особого порядка привлечения их к дисциплинарной ответственности. Он был почти идентичен порядку привлечения членов окружных судов, что подчеркивает значимость статуса мировых судей. Помимо этого, мировые судьи по классу должности приравнивались к членам окружных судов и судебных палат. Согласно таблице о рангах, должность мирового судьи находилась в «генеральском», пятом классе, именовавшимся статский советник [3, с. 62]. Чтобы дослужиться до такого чина обычным путем, требовалось около десяти лет, соответствие по другим дополнительным условиям и сдача экзаменов. Деятельность мирового судьи являлась государственной службой. Это давало возможность дослужиться до вышестоящего чина [3, с. 63].

Впервые назначенные мировые судьи, согласно требованиям Устава судебных установлений приводились к присяге духовным лицом своего вероисповедания, «в публичном заседании всех департаментов или отделений суда, в который поступает, по прилагаемой форме» [8, с. 74].

После этого судья допускался к исполнению своих обязанностей. Каждый мировой судья получал золотую цепь и медальон - символы его звания, - а так же собственную печать.

Исходя из всего вышеизложенного, можно заключить, что законодатель максимально обезопасил себя от непредвиденных обстоятельств, связанных с выборностью судей. Но в то же время сам факт наличия выборов являлся значительным либеральным шагом, и этому необходимо отдать должное. Учреждение мировой юстиции явилось революционным движением, своеобразным прорывом в развитии правовой мысли.

1. Джаншиев Г.А. Основы судебной реформы. Сб. статей. - М.: «Статут», РАП., 2004. - 616 с.
2. Железников В. Настольная книга для мировых судей. - СПб., 1865. - 496 с.
3. История России в лицах и датах: Словарь-справочник (IX в. - 1917 г.) / А.В. Аграшенков, В.П. Бякина, В.В. Бобков и др. / Отв. ред. д.и.н. А.Н. Мячин. - СПб.: ПИК, 1995. - 266 с.
4. Коротких М.Г. Самодержавие и судебная реформа 1864 года в России. - Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1989. - 185 с.
5. Российский государственный исторический архив. Ф.1405 (Министерство юстиции). оп. 63. Д. 4962.
6. Российский государственный исторический архив. Ф. 1405 (Министерство юстиции). Оп. 64. Д. 5935.
7. Российский государственный исторический архив. Ф.1405 (Министерство юстиции). Оп. 64. Д.6032.
8. Судебные уставы 20 ноября 1864 г. за пятьдесят лет. В 2 т. Т.2. Пг.: Сенатская тип., 1914. - 831 с.

ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОЙ ПОЛИТИКИ: УВАЖЕНИЕ К ПОЛИТИЧЕСКИМ ОППОНЕНТАМ И ПОЛИТИЧЕСКИЙ ПОДКУП

Л.А. Драгунова (Псков, Россия)

Согласно п.2. ст. 32 Конституции РФ «Граждане Российской Федерации имеют право избирать и быть избранными в органы государственной власти и органы местного самоуправления, а также участвовать в референдуме», то есть обладать активным и пассивным избирательным правом.[1,с.7]

Задача законодательства обеспечить законность данного процесса, чтобы избранные народом были выбраны честным, законным и правовым путем. Наша страна отличается демократичностью и свободой выбора, политической конкуренцией.

Чтобы совершенствовать избирательный процесс нужно понимать, что основные проблемы современной политики - это необходимость воспитания уважения к политическим оппонентам и решить проблемы ужесточения в рамках уголовной ответственности политического подкупа.

Активные и пассивные избиратели должны владеть политической культурой. В демократическом обществе, должно быть яркое оппонирование, оно должно носить не разрушительный характер, который приводит к конфликтам и поводам для обидных подзаголовков в средствах массовой информации, любое

оппонирование должно быть высокопрофессионально и культурно обосновано. Политическая культура отражает уровень политической жизни, функционирование политической системы, политической активности людей, их отношение к власти, организованность, взаимодействие в процессе достижения цели.

Партия всегда стремится к власти, это ее цель, но не надо забывать, что не все способы для достижения цели хороши. Политический оппонент, знающий цели и задачи своей партии, движения, не должен забывать о политической культуре:

- отношение к закону;
- отношение к существующей политической системе;
- отношение к другим участникам политического процесса - быть активным в политической жизни общества.

Митинги, демонстрации, политические забастовки, пикеты, партийная активность должна осуществляться только в рамках закона и уважения к политическим оппонентам. Ведь из политических действий, передаваемых из поколения в поколение определяется политический порядок. Политический порядок – это высшая цель политики. Политика должна регулировать и предотвращать конфликты. Избежать их невозможно – но необходимо научиться их минимизировать или предотвращать.

На плечи политиков возложена задача обеспечения политического порядка и ради этой цели приходится мириться со многим.

Политики должны – предпринимать меры предосторожности против силового решения конфликтов и разрабатывать правила для мирного обращения людей друг с другом в условиях конфликта.

Если некоторые наши политики и общественные деятели не могут мирно существовать друг с другом, не умеют уважать друг друга, то наша страна будет находиться в зоне риска.

Задача политиков – найти этический компромисс, который не вызывал бы моральных возражений.

Любая политика невозможна без компромисса. Компромисс - это поиск «золотой середины» конкурирующие стороны, то есть оппоненты идут на взаимные частичные уступки для принятия соглашения между партиями, движениями, политическими лидерами.

Политика - это человеческая деятельность, связанная с принятием и проведением в жизнь решений, наделенных достоинством уполномочия со стороны общества, для которого и от имени, которого они принимаются. Все зависит от человека, от общества, где он живет, какие в этом обществе политические институты, нормы, ценности, идеалы и направления политики данного государства.

Задача политиков, обеспечить наиболее лучшую жизнь для своих граждан, делать все для развития и процветания того государства, для которого его избрал народ, если это демократическое общество. Но когда перед политиком стоит цель доказать оппоненту свое мнение, прежде всего он должен помнить об уважение к нему.

Оппоненты должны соблюдать моральные принципы своего поведения, а также этические нормы обязательные для публичных личностей, депутатов и представителей властей. [5, с.132]

Отношения политических оппонентов с должностными лицами, гражданами, оппонентами строятся на принципах взаимного уважения и делового этикета. Деятельность оппонентов основывается на сочетании добра, справедливости, гуманизма, милосердия, честности и порядочности.

Политический оппонент должен заботиться о собственном достоинстве и уважать достоинство своих оппонентов, а также должностных лиц и граждан, с которыми он вступает в отношения в связи с исполнением своих обязанностей, он должен воздерживаться от действий, заявлений и поступков, способных скомпрометировать его самого.

Любая информация о нарушении этических и правовых норм, должна подлежать проверке. Оппонент обязан всесторонне учитывать позиции своих оппонентов и интересы граждан перед принятием решений, проявлять уважение к чужому мнению, не должен проявлять безапелляционность, навязывать свою позицию посредством угроз, ультиматумов и иных подобных методов.

Оппонент должен проявлять вежливость, тактичность и уважение. Недопускаются фамильярные и пренебрежительные обращения.

В случае умышленного или неосторожного употребления в публичных критических выступлениях непроверенных фактов политический оппонент обязан публично признать некорректность своих высказываний и принести извинения политическим оппонентам, чьи интересы были затронуты этим выступлением.

Если факт неблагоприятного, неэтичного поступка, действия не подтвержден СМИ, свидетелям, то оппонент вправе потребовать публичного извинения (опровержения) недостоверной информации, а также инициировать иные действия, направленные на защиту чести, достоинства и деловой репутации.

На мой взгляд, необходимо принять отдельный закон «Об политических оппонентах», где за нарушение правил этики к оппоненту могут быть применены следующие меры воздействия:

- 1) побуждение к принесению оппонентом публичных извинений;
- 2) объявление политическому оппоненту публичного порицания;
- 3) наложение административного предупреждения;

- 4) наложение и взыскание штрафа;
- 5) лишение полномочий.

Если принять отдельный закон это удовлетворит частные интересы оппонентов, интерес всего общества. С принятием закона «Об уважении к политическим оппонентам» публичные личности завтра не позволят того, что позволяют себе сегодня. Частные интересы оппонентов бесконфликтно, объективно оценивая ситуацию, учитывая политическую культуру, смогут найти баланс интересов для обеспечения именно всеобщего интереса и принятия закона.

Политические оппоненты должны помнить, что они принимают участие в управление своей страны, а граждане их единомышленники, для достижения общей цели. Политические оппоненты должны искать цивилизованные формы работы в комитетах и фракциях Государственной думы. Они должны научиться контролировать свое поведение, в работе с оппонентами

Необходимо с честью, без конфликта принимать критику своего оппонента.

Я не призываю отказаться от споров, я хочу, чтобы споры рождали истину, чтобы споры велись с уважением друг к другу, чтобы в споре оппоненты могли услышать друг друга. И тогда политические споры принесут реальную пользу.

Спор, дискуссия не должны затрагивать личность, национальность, социальный статус, так как речь идет о деле. Любые обвинения не должны быть голословны, они должны быть доказаны.

Сегодня Президент, главы субъектов Российской Федерации, депутаты федерального и регионального уровня, органы Местного самоуправления выбираются гражданами нашей страны.

Существует принцип свободных выборов что означает, участиеграждан в выборах является свободным идобровольным, и никто не вправе оказывать воздействие на гражданина с целью принудить его к участию или неучастию в выборах, а также на его свободное волеизъявление; ни один кандидат, ни одна политическая партия (коалиция), ни одно иное общественное объединение не имеет право использовать методы психического, физического, религиозного принуждения или материального поощрения.

К сожалению, сегодня широкое распространение в избирательной практике получили технологии, препятствующие свободному волеизъявлению избирателей на выборах и основанные на применении материально-финансового воздействия на граждан Российской Федерации. Это проблема взаимосвязана и с уважением друг к другу политических оппонентов. Только честная политика может обеспечить здоровый политический климат в обществе.

Поэтому есть необходимость принятия мер профилактического характера, а также разработать законодательные меры, которые будут способствовать профилактике, пресечения и наказания нарушителей избирательного процесса и противодействия политической коррупции.

Кандидаты, выдвигающие свои кандидатуры в борьбе за власть прибегают к подкупу избирателя, что нарушает закон. Сегодня понятие подкупа избирателей и его наказуемости носит дискуссионный характер. Где грань между уголовной и административной ответственностью? Что считать подкупом, влияющим на ход избирательного процесса?

На мой взгляд, можно выделить несколько способов политического подкупа избирателей:

- Технология подкупа «Политическая благотворительность или фонд социальной поддержки», осуществляется в рамках избирательного округа и является заранее продуманной психологической уловкой для потенциального избирателя.

- Технология подкупа «Карусель» когда вблизи избирательного участка располагается пункт по сбору избирательных бюллетеней. Избиратель заходит на участок, получает бюллетень, в урну не опускает, а приносит в пункт, получая в обмен на него материальное или иное поощрение. Далее полученные данным путем избирательных бюллетеней заполняются и сбрасываются в урну для голосования.

- Технология подкупа «Автобус» - массовый привоз избирателей на участок для досрочного голосования, за обозначенного кандидата следует материальное иное вознаграждение.

- Технология подкупа «Оказание безвозмездных услуг» - оказание бесплатных услуг от имени кандидата, его избирательного штаба или профессиональной деятельности.

- Технология подкупа «Заключение договора на оказание услуг» - в договоре, одна сторона - «Кандидат» - оплачивала, а другая - «Исполнитель» осуществляла агитационную работу среди населения избирательного округа в пользу кандидата. «Исполнитель» получает аванс идет на избирательный участок, голосует за кандидата указанного в договоре, или агитирует еще несколько лиц проголосовать за него. После совершенныхдействий получает остальную часть материального поощрения согласно договору.

Закон «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» не устанавливает препятствий для распространения данной технологии и позволяет ее использовать, этим и пользуются недобросовестные кандидаты. Оспорить данный договор в суде сегодня практически невозможно. Истец, должен доказать притворность договора),однако, ему необходимо будет предоставить доказательства в виде свидетельских показаний исполнителей договора. Но, учитывая самостоятельную ответственность за нарушение законодательства, как предусматривает договор,

это практически невозможно. Необходимо установить законодательное препятствие подобным действиям в рамках уголовной ответственности за подкуп избирателей.

Подкуп избирателей может быть административно и уголовно наказуем, а также нести конституционную ответственность, если выборы будут признаны недействительными.

Подкуп избирателя, не важно одного или многих участников избирательного процесса, членов избирательной комиссии должно носить уголовную ответственность так как это не дает избирателю самостоятельно определиться с выбором и выразить свое волеизъявление и воспользоваться своим избирательным правом, что является прямым нарушением конституционных прав и свобод человека и гражданина, а также влечет последствия на итоги выборов.

Уголовный кодекс РФ основан на Конституции Российской Федерации, поэтому посягательство на избирательное право даже одного гражданина – общественно опасное деяние. Поэтому любой подкуп в избирательном процессе – это действие, направленное на воспрепятствование осуществлению избирательных прав граждан независимо от того, как воспринималось это посягательство самим избирателем [6, с.5].

Видимо, необходимо внедрить новые механизмы во время избирательных кампаний и регистрировать не только кандидата, но и его агитаторов, как публичных, доверенных лиц, публиковать их списки, вручать временные удостоверения агитатора, таким образом, граждане будут узнавать, кто поддерживает данного кандидата, кто приходит к ним в дом. При хорошей информированности населения это предотвратит наших граждан от мошенников, которое активно используют, это время для своей мошеннической деятельности. В рамках избирательной кампании это приведет к более четкой работе избирательного штаба, а также сделает процесс выборной кампании более открытым для правоохранительных органов. Сегодня, законом предусмотрено, если зарегистрированный кандидат или члены его команды совершили подкуп избирателя в период избирательной кампании, то кандидат может быть привлечен к конституционной ответственности и по решению суда снят с регистрации, а избранный кандидат совершавший подкуп избирателей может быть привлечен к конституционной ответственности и одновременно к уголовной или административной ответственности. А члены его команды привлечены к уголовной или административной ответственности.

С подкупом избирателей надо бороться решительными мерами. Необходимо расширить уголовную ответственность за преступления, связанные с подкупом избирателей. Во власти должны быть только те люди, которые являются образцом для подражания, пользуются безупречным авторитетом и уважением, стремятся работать на благо народа, а не скупают голоса у аполитичного избирателя.

Подводя итоги вышесказанному, наказание за политический подкуп избирателей может быть административным, уголовным или конституционным, в связи с этим необходимо:

- повышать политическую, правовую грамотность населения, информировать избирателя о нечестных предвыборных технологиях;
- кодифицировать избирательное право в избирательный кодекс, в котором будет четко регламентирован избирательный процесс различных уровней, где обязать кандидатов регистрировать своих агитаторов, членов предвыборного штаба, закрепляя за ними возможность публичной агитации своим представительством от кандидата (публичные списки, удостоверения агитатора или члена избирательного штаба конкретного кандидата);
- в Уголовном кодексе РФ закрепить понятие «политический подкуп» с целью обеспечения более оперативного пресечения общественно-опасного деяния.

Если мы решим эти проблемы, политические процессы будут более целостные и сохраняют интерес к избирательному процессу. Уважение к политическим оппонентам должно стать новой вехой правовой моды, а ужесточения наказания за политический подкуп станет еще одним рычагом к совершенствованию избирательного права.

1. Конституция Российской Федерации, принятая всенародным голосованием 12 декабря 1993 год (с изм. от 05.02.2014) // Российская газета. № 37. 25.12.1993.
2. Апресян Р.Г. Понятие общественной морали (опыт концептуализации) // Вопросы философии, 2006 г. № 12.
3. Дробницкий О.Г. Проблемы нравственности. М.: «Наука», 1977.
4. Капустин Б.Г. Заметки об общественной морали. // Вопросы философии, 2006 г., № 12.
5. Ключникова Я.А. Профессиональная юридическая этика: теоретический аспект // Мораль и догма юриста: профессиональная юридическая этика: Сб. научных статей. М.: Эксмо, 2008. С. 132.
6. Костыгова А.А. Подкуп избирателей как вид политической коррупции: филиал РГГУ (Великий Новгород); 2015 [Электронный ресурс] <http://www.scienceforum.ru/2015/pdf/8010.pdf>;
7. Любимов А.П. Этика парламентария и нравственность законов (политическая этика) // Мораль и догма юриста: профессиональная юридическая этика: Сб. научных статей. М.: Эксмо, 2008. С. 67 - 83.
8. Медведев Д.А. Россия, вперед! // Известия. 2009. 11 сентября. С. 3.

ОЦЕНКА ФАКТОРОВ, ВЛИЯЮЩИХ НА ОРГАНИЗАЦИЮ И РЕАЛИЗАЦИЮ МЕЖБЮДЖЕТНЫХ ОТНОШЕНИЙ НА РЕГИОНАЛЬНОМ УРОВНЕ

И.А. Глушинская (Псков, Россия)

Представляется целесообразным, для оценки эффективности межбюджетного регулирования, выделить основные факторы, которые оказывают непосредственное влияние на его организацию и реализацию в субъекте федерации. Влияние некоторых факторов обусловлено особенностями реализации бюджетной политики в регионе, а влияние других следует связать с воздействием внешней среды.

Эффективность межбюджетного регулирования на уровне субъекта федерации может анализироваться по различным параметрам. Предложим классификацию, в которой выделим четыре группы факторов и дадим их краткую характеристику. В основе каждой группы выделим факторы, которые являются региональными и муниципальными, частными и общими. Общие факторы те, которые определяют качество межбюджетного регулирования, а частные – те, в основу анализа которых положены количественные показатели.

Рассмотрим предложенную классификацию более подробно.

1. Экономические факторы, это обстоятельства, которые определяют общий уровень развития территории региона: в промышленной сфере, в сельском хозяйстве, в области финансов и т.д. Среди экономических факторов особое внимание следует уделять уровню налогового потенциала территории, то есть способность рассматриваемого субъекта федерации воспроизводить доходную часть регионального бюджета. От этого в большой степени зависит, будет ли регион являться реципиентом или донором.

К экономическим факторам следует отнести:

- налоговый потенциал региона;
- уровень социально-экономического развития региона;
- объем бюджетных средств, перераспределяемых в системе межбюджетных трансфертов;
- уровень бюджетных доходов региона в расчете на одного жителя;

Указанные факторы оказывают существенное влияние на эффективность межбюджетного регулирования и в значительной степени определяют объем ресурсной базы, который может быть перераспределен отдельным муниципальным образованиям, а также выявляют их потребности в бюджетных трансфертах и показывают возможности местных бюджетов по совместному финансированию расходов в случае предоставления субсидий.

2. Социальные факторы, влияющие на организацию и реализацию межбюджетных отношений на региональном уровне, характеризуют процессы, происходящие в общественной сфере региона. Эти факторы имеют значение при анализе, конечного итога бюджетной политики региона в социальной сфере, которая направлена на улучшение качества жизни граждан. Анализ местных бюджетов в РФ, позволяет сделать вывод о том, что более половины всех бюджетных расходов являются социально ориентированными.

К социальным факторам предлагается отнести:

- численность населения и региона в целом;
- демографическую структуру населения;
- степень дифференциации населения региона по различным критериям;
- количественная характеристика отдельных групп населения.

Проводя анализ воздействия социальных факторов на процесс межбюджетного регулирования на уровне субъекта федерации, следует обратить внимание на тот факт, что они оказывают значительное влияние на налоговый потенциал региона. В ситуации, когда в регионах преобладает нетрудоспособное население, существенно сокращаются налоговые поступления. Таким образом, можно сделать вывод о том, демографические характеристики населения региона предопределяют уровень налоговых поступлений в местный бюджет, и, исходя из этого, выявляют размеры потребностей региона в выравнивающих бюджетных трансфертах.

Социальные факторы так же оказывают значительное влияние на объемы и стоимость услуг в регионе. Например, низкая численность детей и подростков в регион приводит к «малокомплектности» групп в детских садах и классов в школах и, как следствие, провоцирует необходимость в дополнительных межбюджетных трансфертах, для решения дополнительного финансирования сферы образования региона [5, с. 114-115].

Для проведения процедуры распределения дотаций используется показатель численности населения региона, который характеризует степень воздействия социальных факторов на межбюджетное регулирование в субъекте федерации.

Таким образом, социальные факторы оказывают большое влияние на межбюджетные отношения в субъекте федерации, в частности, на экономический и налоговый потенциал, стоимость услуг и как следствие, потребность в бюджетных трансфертах.

3. Правовые факторы, влияющие на организацию и реализацию межбюджетных отношений на региональном уровне, это так называемые «правила игры» для всех сторон межбюджетных отношений. Законодательная база, то есть правовые факторы оказывают большое влияние на бюджетный процесс на уровне региона и основополагающим, безусловно, является состояние финансового законодательства субъекта федерации, и особенно нормативные правовые акты, касающиеся межбюджетных отношений [2, с. 17-26]. Например, размер налоговых ставок или нормативы распределения налоговых поступлений между различными бюджетами следует относить к правовым факторам, хотя они являются преимущественно внешними для субъекта федерации.

К правовым факторам относятся:

- состояние регионального законодательства;
- используемые методики распределения межбюджетных трансфертов;
- используемые виды межбюджетных трансфертов;
- условия федерального законодательства по применению межбюджетных трансфертов в регионе;
- налоговые ставки;
- полномочия федеральных властей в сфере предоставления льгот по местным налогам;
- нормативы распределения налоговых доходов.

Обратим внимание на характерный способ влияния правовых факторов на эффективность межбюджетного регулирования, поскольку они являются ограничивающими рамками в реализации межбюджетного регулирования на региональном уровне. Несмотря на это необходимо учитывать, что стабильность законодательной базы оказывает значительное влияние на повышение эффективности всей системы межбюджетного регулирования в целом.

4. Политические факторы, влияющие на организацию и реализацию межбюджетных отношений на региональном уровне, более субъективны, чем другие факторы.

К политическим факторам относятся:

- степень согласованности бюджетной политики субъекта федерации.
- стадия политического цикла, например, близость выборов;
- объемы бюджетного кредитования;
- состояние делегируемых полномочий;
- эффективность трансфертного стимулирования.

В последнее десятилетие значимость воздействия политических факторов в РФ на систему межбюджетного регулирования возрастает. Как отмечает А.Г. Силуанов: «...Реформирование бюджетной системы во многом носит политический характер» [4, с. 4-5].

Особенно ярко процесс реформирования бюджетной сферы проявляется в области межбюджетного регулирования. Несмотря на то, что влияние политических факторов, на функционирование системы трансфертов субъективно, их влияние проявляется на каждом этапе функционирования финансовой системы. В конце 90-х гг. XX в. предоставление бюджетных ссуд регионам являлось проявлением негативного влияния политических факторов на весь бюджетный процесс. В настоящее время распределение трансфертов: дотаций, субсидий и субвенций жестко регламентировано нормативными правовыми актами, а методики распределения утверждены законодательно. В сфере межбюджетных трансфертов прослеживается логика к подходам по распределению различных видов трансфертов. Например, субвенции выделяются регионам на основании полномочий, финансирование которых им передано, дотации же имеют в своей основе оценку налогового потенциала региона, а для субсидий необходимо произвести оценку большого количества факторов, например, приоритетов регионального развития.

При оценке соотношения экономических и политических факторов, влияющих на организацию и реализацию межбюджетных отношений на региональном уровне, необходимо учитывать, тот факт, что весьма существенна их степень взаимного влияния. Например, при выборе приоритетов развития субъекта федерации, необходимо определить возможность дальнейшего распределения субсидий, а сложившаяся в настоящее время практика формирования региональных бюджетов и различия между ними в уровне налогового потенциала являются, так называемыми, «ограничителями» в возможном более эффективном распределении трансфертов между регионами. Указанное воздействие служит источником не только дополнительных возможностей для развития региона, но и угроз для сбалансированного развития территории. Возможности, прежде всего, обусловлены тем фактом, что распределение бюджетных трансфертов с учетом выявленных и обоснованных приоритетов регионального развития позволит более эффективно использовать ресурсы местных бюджетов.

Опасности, для сбалансированного развития региона могут быть связаны с тем, что местные органы власти под влиянием политических факторов могут стремиться к сохранению высокой степени финансовой зависимости муниципальных образований, тем самым создавая соответствующие налоговые и бюджетные проблемы. Такая ситуация может возникнуть в результате отношения к межбюджетным трансфертам как к инструменту политического воздействия, или даже административного давления. В России имеется негативный опыт, связанный, с конфликтами между региональными властями и орга-

нами местного самоуправления муниципальных образований, являющихся административными центрами субъектов федерации. В настоящее время такое политическое противостояние, в большинстве субъектов федерации преодолено, однако распределение средств между бюджетами все равно остается проблематичным.

Подход к анализу выявленных факторов может быть различным. Например, в зависимости от уровня управления, можно выделить федеральные, региональные и местные факторы. В зависимости от субъекта анализируемой бюджетной политики дополнительно можно выявить внутренние и внешние факторы [3, с. 25-30].

Социальные и экономические факторы являются преимущественно внутренними. Экономические факторы отличаются достаточно высокой степенью управляемости, примерами которых являются прибыль организаций, находящихся на территории муниципального образования, доходы от платных услуг и предпринимательской деятельности бюджетных учреждений, от аренды и продажи имущества, находящегося в муниципальной собственности и т. д.

У социальных факторов более низкий уровень управляемости. Например, органы местного самоуправления не могут повлиять существенные изменения в численность населения и его демографической структуре региона. Если даже региональные власти, реализуют политику по привлечению мигрантов или стимулированию рождаемости, то предпринятые меры могут дать значимый результат только в долгосрочной перспективе. Поэтому их следует быть отнесены к группе внутренних и неуправляемых факторов. Практически все факторы могут в той или иной степени быть подвержены влиянию решений и действий органов местного самоуправления прямому или опосредованному в долгосрочной перспективе. Однако оценить подобное долгосрочное влияние достаточно сложно, так как со временем система взаимосвязей и взаимозависимостей в реализации федеральной, региональной и муниципальной бюджетной политики усложняется.

К управляемым факторам следует отнести цели межбюджетного регулирования, состояние регионального законодательства, а так же согласованность бюджетной политики региона и отдельных муниципальных образований. Учитывая, что субъект федерации не является изолированной системой и существует в рамках единого экономического и законодательного пространства государства, следует выделить неуправляемые факторы, которые определяются исключительно внешней средой. Такими факторами являются, например, требования федерального законодательства по распределению трансфертов в регионах. Большой интерес представляют те факторы, на которые власти субъекта федерации могут воздействовать отчасти. К ним следует отнести большинство факторов экономической группы, например, уровень социально-экономического развития региона, уровень бюджетных доходов в расчете на одного жителя и т. д.

Рассматривая взаимодействие факторов, влияющих на организацию и реализацию межбюджетных отношений на региональном уровне, с точки зрения перспектив согласования интересов региональных и местных властей, следует отметить степень воздействия факторов, отнесенных ко всем группам классификации.

Наиболее существенное влияние на организацию и реализацию межбюджетных отношений на региональном уровне, оказывают политические факторы, так как цели и согласованность бюджетной политики региона предопределяют возможность согласования интересов всех сторон бюджетного процесса. Если в качестве единственной цели межбюджетного регулирования выбрана цель выравнивания бюджетной обеспеченности региона, то это является явной предпосылкой конфликта интересов субъекта федерации и муниципальных образований, являющихся финансовыми донорами [1, с. 159]. С другой стороны, если цель выравнивания бюджетной обеспеченности региона, не выбрана в качестве основной, а в регионе преобладают муниципальные образования с низким доходным потенциалом, то наблюдается конфликт интересов субъекта федерации и этих муниципальных образований, что неизбежно приведёт к обострению социальной напряженности в регионе. Таким образом, принципиальные различия в приоритетах развития субъекта федерации и муниципальных образований означают, что субсидии регионального бюджета не будут использоваться для развития такого муниципального образования, что также характеризует возможный конфликт региональных и местных интересов. Делегирование полномочий является мощным фактором, определяющим возможность рационального распределения средств между уровнями бюджетной системы региона [6, с. 5-11]. Возможность более активного использования данного механизма распределения бюджетных средств определяет необходимость согласования интересов сторон по финансированию делегируемых функций. При распределении бюджетных средств между муниципальными районами и поселениями особенно существенно проявляется влияние данного фактора.

Безусловно, большое влияние на процесс согласования интересов субъекта федерации и муниципальных образований оказывают и экономические факторы. Воздействие этих факторов носит объективный характер и ограничивает возможности региона по изменению системы межбюджетного регулирования. Так, например, если в большинстве муниципальных образований достаточно низкий уровень налогового потенциала, а так же налоговых и неналоговых поступлений в расчете на одного жителя, то это предопределяет обязательность бюджетного выравнивания. Согласование интересов сторон бюджет-

ного процесса в данной ситуации будет означать для субъекта федерации «снижение социальной напряженности», а для муниципальных образований «финансирование программ местного значения».

Таким образом, анализ факторов, оказывающих влияние на организацию и реализацию межбюджетных отношений, на региональном уровне показал, что на согласованность интересов региона и муниципальных образований существенно воздействуют все группы факторов в комплексе.

Предлагаемая классификация факторов, влияющих на организацию и реализацию межбюджетных отношений на региональном уровне, позволяет детализировать их влияние на формирование доходов местных бюджетов, а, следовательно, повысить эффективность управленческих решений в области межбюджетного регулирования в субъекте федерации.

1. Ишина, И.В. Управление общественными финансами: теория и практика/ И.В. Ишина, О.Н. Долина, С.В. Фрумина – М.: Дашков и К°, 2015. – 159 с.
2. Лавров, А.М. Децентрализация бюджетных доходов: международные сравнения и российские перспективы А. М. Лавров, Е.А. Домбровский // Финансы. – 2016. – № 5. – С. 17–26.
3. Пронина, Л.И. Об укреплении финансовой базы местных бюджетов / Л. И. Пронина // Финансы. – 2009. – № 5. – С. 25–30.
4. Силуанов, А.Г. Тучные годы остались в прошлом, сегодня нам нужно повышать качество работы с расходами. / А.Г. Силуанов // Финансы. 2014. № 1. С. 4–5.
5. Френкель, А. Российская экономика в условиях кризиса/ А. Френкель, Я. Сергиенко, Б. Тихомиров, Л. Рощина // Экономическая политика. – 2015. – Т. 10. – № 4. – С. 114–116.
6. Швецов, А. Н. Дороги, которые мы выбираем: полтора столетия реформ и контрреформ местного самоуправления/ А. Н. Швецов // Муниципальное имущество: экономика, право, управление. – 2016. – №3. – С. 5–11.

К ВОПРОСУ О СОДЕРЖАНИИ И МЕТОДОЛОГИИ ПРЕПОДАВАНИЯ ДИСЦИПЛИНЫ «ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА»

В.П. Сидоров (Псков, Россия)

Вряд ли кто станет отрицать, что право, как и государство, является историческим продуктом общественного развития. Юридически оно оформляется в государственно-организованном обществе как основной нормативный регулятор общественных отношений. Обычаи, моральные и религиозные нормы первобытного общества отходят на второй план, уступая место правовому регулированию общественных отношений.

Взгляды на право, его происхождение, место и роль в системе нормативного регулирования менялись по мере развития самого общества, зрелости научной правовой мысли, всевозможных объективных и субъективных факторов [8, с.166].

«Наука теория государства и права, которая также занимается изучением вопросов, связанных с государством и правом, исследует множество проблем, связанных с формулированием понятий и определений, которые составляют ее предмет. И так как наука не стоит на месте, ее современное состояние характеризуется многообразием подходов в объяснении юридических явлений, их интерпретации с учетом новых знаний как российской, так и зарубежной юриспруденции» [1, с.130].

В большинстве юридических вузов дисциплина «Проблемы теории государства и права» изучается на четвертом курсе бакалавриата. Эта дисциплина создается не только для того, чтобы студенты подготовились к сдаче государственного экзамена, но и для того, чтобы, вспомнив то, что они изучали на первом курсе, и уже на более высоком уровне выявляли и обсуждали проблемы теории государства и права, применяя полученные знания в период своего обучения на юридическом факультете.

Анализ существующей учебной юридической литературы показывает, что большинство учебников по «Проблемам теории государства и права» практически повторяют тот же материал, что и в учебниках по «Теории государства и права». В некоторых случаях наблюдается детализация и толкование отдельных понятий теории государства и права, углубление в философские или политологические вопросы, однако принципиальных, существенных отличий от материала, изложенного в учебниках «Теория государства и права», практически не содержится.

Необходимо заметить, что и раньше, и сейчас издавались издаются учебники по «Проблемам теории государства и права», содержащие в себе толкование отдельных проблемных вопросов теории государства и права. Это, например, учебник доктора юридических наук, профессора, заслуженного юриста РФ Т.Н. Радько «Проблемы теории государства и права»; учебное пособие по «Актуальным проблемам теории государства и права» – ответственный редактор доктор юридических наук, профессор Р.В. Шагиева; учебник под общей редакцией В.С. Нерсесянца «Проблемы общей теории права и государства»; учебное пособие под редакцией М.Н. Марченко «Проблемы теории государства и права»; учебник под редакцией В.М. Сырых «Проблемы теории государства и права»; учебник «Проблемы теории права и правореализации» – ответственный редактор Л.Т. Бакулина; учебник «Проблемы теории государства и права» – авторы Абдулаев М.И., Комаров С.А.; «Проблемы теории государства и права» – автор Беспалько В.Г.; «Проблемы теории государства и права» – соавторы Головастиков А.Н. и Дмитриев Ю.А.; «Актуальные

проблемы теории государства и права» – автор Ендовицкая Е.П.; «Актуальные проблемы теории государства и права»– автор Пьянов Н.А., «Актуальные проблемы теории государства и права» – автор Честнов И.Л. и многие другие издания.

Из этого ряда можно с уверенностью выделить учебник доктора юридических наук, профессора, заслуженного юриста РФ Т.Н. Радько «Проблемы теории государства и права», учебное пособие по «Актуальным проблемам теории государства и права»– ответственный редактор доктор юридических наук, профессор Р.В. Шагиева, в которых по многим проблемам теории государства и права представлена методология и дана подробная характеристика государственно – правовых исследований последних лет.

Однако единого подхода к структуре учебника, его содержанию, к сожалению, нет и сейчас.

На наш взгляд учебники по «Проблемам теории государства и права» должны отражать теоретические проблемы теории государства и права, а не проблемы, связанные с детализацией их аспектов. То есть, в учебниках по «Проблемам теории государства и права» должны содержаться методологические приемы теории государства и права, связанные с понятиями и определениями государственно-правовых явлений. Именно это должно (стать) составлять содержание(м) учебников по «Проблемам теории государства и права».

Студенты должны научиться выявлять эти проблемы и уметь раскрывать эти понятия, то есть формулировать научные определения (дефиниции) и комментировать их.

А проблем в теории государства и права предостаточно.

Если обратиться к учебникам по «Проблемам теории государства и права», то мы увидим, что мало кто из ученых пишет про объект теории государства и права, хотя все пишут о предмете данной науки. В связи с этим можно привести в качестве примера учебник «Проблемы теории государства и права» Т.Н. Радько, в котором он утверждает, что «Выяснить предмет науки– значит установить, что изучает данная наука, что является объектом её исследования, поэтому существует исходное положение – предмет науки – это то, что составляет её содержание, что является объектом её познания» [7, с.3].

В учебниках по «Теории государства и права» об объекте также вспоминают Марченко М.Н., Червонюк В.И., Морозова Л.А., Малько А.В., Радько Т.Н., но ясного, четкого единого и однозначного подхода и понимания объекта и предмета теории государства и права у них тоже нет.

И здесь широкое поле деятельности, потому что раскрыть это понятие не такое уж простое дело. Для обсуждения можно предложить студентам такое определение: «Объектом теории государства и права является государство и право, возникшие одновременно на определенном этапе человеческого развития и рассматриваемые как взаимосвязанные и взаимообусловленные социальные явления». И здесь дискуссии подлежат такие понятия, как: «возникшие одновременно», «на определенном этапе», «как взаимосвязанные и взаимообусловленные» социальные явления. Чтобы понять, о чем идет речь, необходим анализ широкого круга и учебной, и научной литературы по теории государства и права, обобщение полученной информации и формулирование выводов, и конструирование определений, раскрывающих суть данных социальных явлений.

Каждый человек(а тем более ученый) имеет право на свое понимание сущности явлений, на свою точку зрения теории государства и права, которая с каждым днем обогащается новым практическим знанием. Мы можем констатировать, что в научной юридической литературе выяснению сущности терминов, понятий, категорий посвящается большое количество статей, монографий, учебников, диссертационных исследований, однако, по некоторым вопросам единодушного подхода среди ученых не достигнуто» [2, с. 165].

«Так, например, в учебной и научной литературе и в настоящее время ведутся дискуссии о понимании сущности и соотношении понятий «государственный механизм», «государственный аппарат», «государственный орган». [2, с.165]. Действительно, единого подхода в определении «механизма государства» трудно отыскать в научной и учебной литературе, ну а раз нет определения, то еще труднее выявить структуру механизма государства, что еще более усложняет данную задачу.

Нет так же четкого и ясного разъяснения в учебной литературе об источниках и формах права. «Определение сущности права, его источников и форм как раньше, так и в настоящее время вызывают определенные вопросы. Многие ученые, на наш взгляд, не совсем четко и ясно разводят эти понятия, описывая и объясняя эти юридические явления» [3, с.115].

А такое юридическое понятие, как «государственный суверенитет»? Более актуальной темы сегодня трудно найти. А в учебниках говорится только о том, когда возникло данное понятие, какое значение и виды оно имеет, но «современный мир изменил свои позиции в этом вопросе, и вот уже некоторые более демократичные государства очень озабочены отсутствием демократии в других государствах, где, по их мнению, процветают авторитаризм, тоталитаризм, где “душат свободу”, преследуют меньшинства, не дают личности реализовывать свои возможности» [4, с.172].

И здесь комплексному анализу, обобщениям, выводам и прогнозам нет границ, чтобы объяснить и спрогнозировать современные реалии, связанные с государственным суверенитетом.

А проблемы, связанные с коллизионным правом? Сколько статей, сколько исследований, сколько дискуссий по этому вопросу, а может предложить студентам изучить вопрос замены «коллизионного права конгруэнтным»? [5, с.153-159].

Да и конклюдентные акты вообще слабо разработаны и описаны в юридической литературе, а ведь исследователи отмечают: «Конклюдентные акты по юридической силе неоднородны. Многие из них носят информационный характер. Ряд таких актов носит запрещающий и разрешительный характер и в случаях их несоблюдения обеспечивается санкциями. Они не столь многочисленны и распространены, как письменные или устные» [5, с.261].

Да они не столь распространены, но их значение на практике трудно переоценить.

Исходя из вышеизложенного, можно сделать вывод, что учебник по «Проблемам теории государства и права» должен быть наполнен именно таким содержанием и иметь соответствующую данному содержанию структуру.

Мы не претендуем на истину в последней инстанции, но хотелось бы знать мнение авторитетных ученых по этому вопросу, а студентам получить в ближайшее время такой учебник.

1. Сидоров В.П. К вопросу о проблемах формулирования некоторых определений элементов системы права в теории государства и права //Вестник Псковского государственного университета. «Серия Социально-гуманитарные и психолого-педагогические науки». Вып. 1. Псков.: ПсковГУ, 2012. – 162 с.
2. Сидоров В.П. Соотношение понятий «государственный механизм» и «государственный аппарат»// Вестник Псковского государственного университета. Серия «Экономика, право и управление». Выпуск 4. Псков.: Псковский государственный университет, 2016. – 184 с.
3. Сидоров В.П. К вопросу об источниках и формах права// Вестник Псковского государственного университета. Серия «Экономика, право и управление». Выпуск 3. Псков.: Псковский государственный университет, 2016. – 168 с.
4. Сидоров В.П., Барихновская М.С. К вопросу о государственном суверенитете// Вестник Псковского государственного университета. Серия «Экономика, право и управление». Выпуск 5. Псков.: Псковский государственный университет, 2017. – 180 с.
5. Сидоров В.П., Барихновская М.С. Конклюдентные формы правоприменения// Правоприменительная деятельность: история и современность: Материалы Международной научной конференции, посвященной памяти доцента М, В, Геворкяна. –Псков: Псковский государственный университет, 2017. – 378 с.
6. Сидоров В.П., Грицкевич Ю.Н. Сможет ли конгруэнтное право заменить коллизионное// Вестник ПсковГУ. Экономика. Право. Управление. №2. 2015. С. 153–159.
7. Радько Т.Н. Проблемы теории государства и права: учебник.–Москва.: Проспект, 2016. – 608 с.
8. Теория государства и прав: учебник для высших учебных заведений/ В.Н. Хропанюк; под ред. В.Г. Стрекозова.–4-е изд., испр. М.: Омега-Л. 2010. – 323 с.

«ПАМЯТЬ ВОЗВРАЩАЕТСЯ, КАК ПТИЦА...»
(Посвящается 25-летию Рубцовского праздника на Емецкой земле
и 880-летию с. Емецк – малой родины Николая Рубцова, 2017 г.)

М.П. Соболев, Р.С. Ерёменко (Архангельск, Россия)

Судьба поэзии Николая Рубцова (1936-1971) поражает воображение. При жизни гения русской поэзии ценил узкий круг профессиональных литераторов. Поэзия Николая Михайловича обрела всенародное признание с середины 70-х годов. Стремительный рост славы поэта произошёл совершенно стихийно, то есть без участия властных структур и средств массовой информации. Словно движимый не зависящей от людей природной силой. Поэтому слава Николая Рубцова до сих пор сохраняет редкостный характер задушевности и целомудрия: она проникла в сокровенную глубь нашей духовной жизни. «И если всерьёз разобраться в существе дела, рост славы Николая Рубцова обусловлен прежде всего духовным ростом миллионов читателей – то есть в конечном счёте целого народа.

Поэзия Николая Рубцова, законного наследника классических традиций и вместе с тем нашего современника, предстаёт как доступный всем и каждому путь к отечественной поэзии в её полном объёме» [1, с. 1].

Известный исследователь Л.А. Аннинский утверждает: «Всенародная слава, начало которой успел почувствовать при жизни Николай Рубцов, отодвинула сегодня в сознании читателей пережитую им драму. Сегодня в горнице его светло» [2, с. 10]. «После гибели (нелепой и случайной) слава Рубцова не только стала расти, она стала светлеть: к ней уже не пристаёт болотная грязь колхозных колёс. Только грусть – не проходит» [2, с. 10].

«При жизни о нём круто спорили. Он делал вид, что эти споры его не интересуют. Иные скандалы, возможно, провоцировал сам, когда отслужив на флоте срочную, поступил в Литературный институт и предался обычной студенческой гульбе» [2, с. 10].

«Его называли поэтом «долгожданным» (Глеб Горбовский), почитали главой органической поэзии, противостоящей творчеству «книжному», видели в нём стихийного выразителя языка и духа. Конечно, все эти определения – в той или иной мере метафоры, художественные формулировки, не претендующие на историческую точность». «Хорошо помню, как после невероятного стадионного успеха Андрея Вознесенского, Евгения Евтушенко и наступившего вдруг затишья ждали нового Пушкина – и появился

Рубцов. Он не сыграл вполне эту роль. Но для многих стал тем, кто заполнил стихами душевный вакуум «вдали от шума городского». Что же до противопоставления органического «книжному» – те, кто это делал, едва ли были столь наивными, чтобы думать, будто Рубцов запел, как птичка Божия. Просто его спешили определить в ряд самых великих, привычно ранжируя при этом знаменитых предшественников. Пушкин – первый, а кто второй? Есенин, Блок?» [3, с.36]. «Думаю, Николай Рубцов всё-таки занял своё место – в сердцах читателей. Что же касается литературного ранжира, то, наверное, некоторые предрасудки не вполне преодолены. Здесь столкнулись два вектора: один на повышение – «современный Пушкин», второй – наоборот – «эпигон Есенина». Крайности взаимно уничтожаются, а истинное достоинство поэта остаётся» [3, с. 36].

Игорь Немчинов безапелляционно утверждает: «Да, его высоко ценили некоторые известные и более удачливые (в бытовом плане) братья по ремеслу, литературные критики, у него имелся свой круг верных читателей-почитателей. Но этого, конечно же, было мало. Как всякий крупный поэт, он знал себе настоящую цену...» [4, с.35]. «Однако положенного ему места в классической русской литературе Николай Рубцов не занял до сих пор. И такую несправедливость не мешало бы исправить» [4, с.35].

«Он (Е.А. Евтушенко. – **Прим.авт.**) был до перестройки самым издаваемым поэтом (потом его по тиражам обошёл Николай Рубцов, а сегодня – и Иосиф Бродский), собирал стадионы, был всесоюзно известен». «Когда мои вологодские друзья – покойные уже поэты Александр Романов и Виктор Коротаев – решили в начале 80-х проводить праздник поэзии убитого Николая Рубцова, Евтушенко, бывший тогда нарасхват, не вылезавший из загранкомандировок, помчался в Тотьму и село Николу, отметить в глупинке, застолбить участие в первом празднике и, думаю, попытаться понять, в чём же магия и неотразимое воздействие лирики Рубцова?» [5, с.4].

Маститый поэт, эссеист, публицист, критик и искусствовед Ю.М. Кублановский в канун своего 70-летия в интервью «Литературной газете» не просто оценил, а неповторимо восхитился талантом Николая Рубцова: «Настоящие шедевры тут создаются нечасто: например, отдельные стихи Есенина, Рубцова. Они прекрасны, и прекрасны не столько потому, что они патриотичны, но потому, что они высоко талантливо».

«– Где тут погост? Вы не видели? / Сам я найти не могу. / Тихо ответили жители: / – Это на том берегу».

Строфа Николая Рубцова – на века. Казалось бы, ну что тут патриотичного? А ведь здесь вся наша родина» [6, с.7]. Алтайский поэт Валерий Тихонов очень точно сказал: «Тем сохраняемся, что дышим наизусть / Стихами Пушкина, Есенина, Рубцова» [7, с.10].

Все мнения (Вадима Кожина, Льва Аннинского, Игоря Шайтанова, Игоря Немчинова, Александра Боброва, Юрия Кублановского и Анастасии Ермаковой) о признании поэта при жизни и его славе после гибели одинаково интересны и равнозначны.

В самом зените своего пути Николай Рубцов сотворил неопровержимые строки: «Перед всем старинным / Белым светом / Я клянусь, / Душа моя чиста...».

В изумляющем стихотворении «До конца» он ответил на вечный вопрос: как жить? И это было одним из неотъемлемых условий его поэтического подвига.

Вещие строки Николая Рубцова, ушедшего из жизни в ночь на 19 января 1971 года в первые часы Крещения Господня, стали хрестоматийными. Автор «заглянул» в самый жуткий миг собственного будущего:

«Я умру в крещенские морозы, / Я умру, когда трещат берёзы...».

«Точно неизвестно, когда в конце шестидесятых было написано стихотворение «Я умру в крещенские морозы».

Как вспоминала Валентина Алексеевна Рубцова, Рубцов говорил о своей смерти в крещенские морозы ещё в 1965 году, приехав к брату Альберту в Невскую Дубровку» [8, с.163].

Невероятно точное, связанное с мрачным финалом предсказание, пожалуй, единственное таинственное в биографии Николая Рубцова. И даже страшная развязка жизненной драмы не считается для многих удивительной. Разве дожили до седины и умерли естественной смертью крупные русские поэты Пушкин, Лермонтов, Грибоедов, Гумилёв, Есенин, Маяковский...? Кажется, провидение категорически против долголетия людей такого таланта. К теме преждевременного ухода из жизни духовных собратьев по перу Николай Рубцов возвращался не раз, особо выделяя Сергея Есенина: «Да, недолго глядел он на Русь / Голубыми глазами поэта. / Но была ли кабацкая грусть? / Грусть, конечно, была... Да не эта! / Это муза не прошлого дня. / С ней люблю, негодую и плачу. / Много значит она для меня, / Если сам я хоть что-нибудь значу».

Но самая сильнейшая тревога у него была за будущее Родины: «Они несут на флагах чёрный крест, / Они крестами небо закрестили, / И не леса мне видятся окрест, / А лес крестов в окрестностях России...». Так же страстно переживала за судьбу России Юлия Друнина: «Только вдумайся, вслушайся / В имя Россия! / В нём и росы, и синь, / И сиянье, и сила. / Я бы только одно / у судьбы попросила – / Чтобы снова враги / Не пошли на Россию!».

Россия в его странствии не «место действия», а загадка судьбы. «Рубцов весь соткан из «русскости», – такие, как он, носят родину на подошвах сапог» [9, с.92]. «Эх, Русь, Россия! Что звону мало? / Что загру-

стила? Что задремала)? / «Только знаю: потянет на Русь! / Так потянет, что я поневоле разрыдаюсь, / когда опущусь на своё вологодское поле...».

Ожидание неизбежной беды – и готовность принять её с улыбкой – это у Рубцова неразличимо! Он жил в своём мире, на границе ночи и ветра. Нерасторжимость света и тьмы – всё это названо, описано и раскрыто в космическом и глубоко философском, провидческом стихотворении «Поезд»: «Поезд мчался / с грохотом и воем, / Поезд мчался / С лязганьем и свистом, / И ему навстречу жёлтым роем / Понеслись огни / В просторе мгlistом./ Поезд мчится с прежним напряжением / где-то в самых дебрях мироздания, перед / самым, может быть, крушеньем я кричу кому-то: «До свиданья!...».

Такое же прекрасное и одинокое, редкое по силе стихотворение «Неизвестный». «Бежал бродяга с Сахалина» – сюжет традиционный, но какова настигающая судьба определённого человека, его ледяное одиночество в мире: «Он шёл против снега во мраке, / Бездомный, голодный, больной. / Он после стучался в бараки / В какой-то деревне лесной».

Вечные вопросы: кому на Руси жить хорошо; с чего начинается Родина; что является национальной идеей страны и как нам обустроить Россию – обсуждают всегда все и везде, но никогда никто и нигде не вопрошал: а что является матерью России? Ответ мы нашли у Николая Рубцова в стихотворении «Острова свои обогреваем...»: «Не кричи так жалобно, кукушка, / Над водой, над стужей дорог! / **Мать России целой – деревушка,** / Может быть, вотэтотуголок...».

Деревня и мать России, и родина души, души России!

При обращении поэта к этим истокам всегда ощущается потрясающий необыкновенный подъём и смелый взгляд в прошлое, особенно в его песнях («Песня», «Зимняя песня», «Осенняя песня», «Прощальная песня»): «В этой деревне огни не погашены. / Ты мне тоску не пророчи! / Светлыми звёздами нежно украшена / Тихая зимняя ночь»; «Я уеду из этой деревни... / Будет льдом покрываться река, / Будут ночью поскрипывать двери, / Будет грязь на дворе глубока»; «Одна у нас в деревне мгlistой / Соседка древняя жива, / И на лице её землистом / Растёт какая – то трава...»; «Когда, смеясь на дворике глухом, / Встречают солнце взрослые и дети, – / Воспрянув духом, выбегу на холм / И всё увижу в самом лучшем свете».

Поразительно, как Рубцов блистательно соединил простое с высоким, бытовое-земное с небесным.

Николай Рубцов был человеком с обострённым чувством Пути. Сам по себе путь (даже нестерпимо трудный) не представляет нравственной ценности. Уважаем и почитаем только истинный Путь. Не во внешнем благополучии, а в осознании единственности избранного Пути, невозможности другого видел счастье Поэт: «... Я знаю наперёд, / Что счастлив тот, хоть с ног его сбивает, / Кто всё пройдёт, когда душа вдёт, / И выше счастья в жизни не бывает!».

Гениальный поэт не свободен в выборе своего Пути. Ни о чём так много не писал Николай Рубцов, как о дороге, о Пути, где совершается спасение души. И именно в умении ощущать одновременность прошлого, настоящего и будущего заключается секрет удивительной прозорливости Николая Михайловича. Рубцов всегда завершает свою работу, он доводит свои стихи до того уровня высшей художественности, когда они становятся самостоятельными явлениями духовного мира. «И тогда-то и возникает то самое говорение из души в душу, когда стихотворение независимо от того, понимаем ли мы весь пройденный в этом стихотворении его автором путь, начинает звучать в нас» [8, с.167]. Он искал подлинный Путь в обретении им единства с миром, не выбирая своей судьбы, но предугадывая её. Рубцов не мог изменить судьбы, но всегда предощущал, когда она являлась ему. И тогда он уже не сворачивал с избранного Пути. Из всего многоголосия властно звучит тема души и вечности: «Взойдёт любовь на вечный срок, / Душа не станет сиротлива. / Неувядаемый цветок! / Неувядаемая нива!».

«Медалью» Пути поэта является свобода и воля, в том числе отчётливо слышится «кабацкий», разгульно-пьяный мотив: «Быть может, я для вас в гробу мерцаю, / но должен я сказать в конце концов: / я – Николай Михайлович Рубцов – / возможность трезвой жизни отрицаю...».

Все спорили, втягивая его то влево, то вправо, но Рубцова не интересовали никакие программы. Он беседовал только с берёзами: «Русь моя, люблю твои берёзы! / С первых лет я с ними жил и рос. / Потому и набегают слёзы / На глаза, отвыкшие от слёз...».

Особое видение мира заключено в высших созданиях Рубцова – ослепительных классических шедеврах: «Тихая моя Родина», «Русский огонёк», «В горнице», «Родная деревня», «Я буду скакать по холмам задремавшей отчизны...», «Памяти матери», «Добрый Филя», «Окошко. Стол. Половики...», «Звезда полей», «Видения на холме»...

А чудные, сделанные из вечности, художественно оригинальные строки: «сиротский смысл семейных фотографий», «ветер всхлипывал, словно дитя», «мать придёт и уснёт без улыбки», «стоит берёза, старая как Русь»!

О нерасторжимости бесприютного русского поэта с родной землёй, о чутком равновесии внешнего и внутреннего миров, об острой грани между холодной тьмой и холодным светом, о тревожной незащитности русского бытия, о материнской могиле, затерявшейся где-то среди ив и соловьёв, о грусти, неотделимой от любви – обо всём Николай Рубцов написал с неповторимой молитвенной интонацией: «Не по-

рвать мне мучительной связи / С долгой осенью нашей земли, / С деревцом у сырой коновязи / С журавлями в холодной дали...»; «Тихая моя родина! Ивы, река, соловьи... / Мать моя здесь похоронена / В детские годы мои. / – Где же погост? Вы не видели? / Сам я найти не могу. – / Тихо ответили жители: / – Это на том берегу...»; «В горнице моей светло. / Это от ночной звезды. / Матушка возьмёт ведро. / Молча принесёт воды...».

В неведомом тысячелетии будет звучать одна из прощальных песен поэта: «И откуда берётся такое, / Что на ветках мерцает роса, / И над родиной, полной покоя, / Так светлы по ночам небеса!».

И он навсегда останется с народом, которого не только чтит, но поклонялся ему, как иконе, любовался им: «Я уплыву на пароходе, / Потом поеду на подводе, / Потом ещё на чём - то вроде, / Потом верхом, потом пешком / Пройду по волоку с мешком – / И буду жить в своём народе!»; «С каждой избою и тучею, / С громом, готовым упасть, / Чувствую самую жгучую, / Самую смертную связь». По словам А.С. Пушкина, творчество заключается в том, чтобы быть «эхом русского народа». Николай Рубцов, считая себя неотделимой частью народа, о бессмертии которого неистово заботился, отражал его состояние.

Евангелист Иоанн обронил нетленные слова: «Человек может делать только то, что ему поручено небом». Наверное, в полной мере столь смелое утверждение можно отнести к Николаю Рубцову, его творчеству.

«Я много размышлял о Рубцове и, не зная подробностей жизни, почти разгадал его связи с Землёй и Небом, почуял благоволение Бога к поэту, и книга Сергея Багрова «Россия, Родина, Рубцов», лишь укрепила меня в предположениях»[10, с.5]. Горькие строки Рубцова из «Прощального»: «Я слышу печальные звуки, / Которых не слышит никто...» мы воспринимаем, как звуки предвестия и предупреждения...

А нам хочется завершить своё исследование схожими любимыми строками гениальных неразрывных поэтов Сергея Есенина и Николая Рубцова: «Но более всего любовь к родному краю меня томила, мучила и жгла!»; «Но моя родимая земля / Надо мной удерживает власть. / Память возвращается, как птица / В то гнездо, в котором родилась».

1. Кожин, В. «И буду жить в своём народе» / В. Кожин // Литературная газета. – 2016. – №1-2(6538). – С.1.
2. Аннинский, Л. Николай Рубцов: Я умру в крещенские морозы / Л. Аннинский // Российская газета. – 2016. – №8(6876). – С.10.
3. Шайтанов, И. Точка зрения / И. Шайтанов // Свой. – 2016. – №1. – С.36.
4. Немчинов, И. «Если только буду знаменит, то поеду в Ялту отдыхать» / И. Немчинов // Свой. – 2016. – №1. – С.35.
5. Бобров, А. Евгений Евтушенко – эхо эпохи / А. Бобров // Советская Россия. – 2017. – №34(14421). – С.4.
6. Галкина, В. Интернет убивает чтение / В. Галкина // Литературная газета. – 2017. №16(6595). – С.7.
7. Ермакова, А. Писать о Родине не скучно никогда / А. Ермакова // Литературная газета. – 2017. №19(6597). – С.10.
8. Коняев, Н. Николай Рубцов / Н. Коняев // ЖЗЛ «Николай Рубцов»: – 2015. – Москва: Молодая гвардия. – С.163, 167.
9. Аннинский, Л. Такие, как он, носят родину на подошвах сапог... / Л. Аннинский // Родина. – 2016. – №1. – С.92.
10. Личутин, В. «В деревне оскудела душа» – слова Рубцова / В. Личутин // Двина. – 2016. – №1(61). С.5.

АВТОРСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ

Piskorska G.A.	182	Дедурин Г.Г.	230
Yakovenko N.L.	182	Демидов А.Б.	345
Абрамова Н.Г.	401	Дианова Е.В.	17
Агеенко Т.Н.	54	Довгялло М.С.	167
Алеврас Н.Н.	38	Докучаев А.В.	348
Александрова О.П.	371	Долгач Т.В.	201
Алентьева Т.В.	129	Дорофеев Д.В.	122
Ананько К.Д.	180	Драгунова Л.А.	426
Андрощук В.В.	323	Дрозд А.Н.	363
Арпентьева М.Р.	305	Дроздова М.А.	145
Атапин В.Б.	198	Егоров А.М.	332
Баранов А.В.	13	Егоров В.Е.	419
Богданович А.Э.	413	Ерёменко Р.С.	366, 435
Богдановича Т.В.	117	Жаворонков Е.А.	203
Большедворова Л.С.	270	Ждановский А.П.	5
Борисенко И.В.	369	Жук Е.А.	72
Васильев С.В.	350	Жукова В.С.	50
Величко Н.В.	80	Жукоцкая З.Р.	268
Власова Н.В.	103	Жукоцкий В.Д.	268
Вовк О.И.	36	Зинченко А.Н.	178
Воронцова Е.М.	313	Зыкин Б.В.	360
Востриков С.В.	273	Зыкина Е.В.	355
Гапанович-Кайдалов Н.В.	402	Иванова Е.Л.	312
Глинда А.И.	347	Иванцова Ю.Г.	337
Глушинская И.А.	430	Ивашкевич П.С.	303
Головко И.И.	358	Ильина О.В.	157
Голубев В.А.	265	Ильницкий К.О.	321
Григорьева М.Н.	149	Ильюшенко Н.С.	271
Грицкевич Ю.Н.	417	Иоффе Э.Г.	21
Губский А.В.	246	Казак Б.Б.	380
Давидовская Г.Э.	404	Калпинская О.Е.	354

Каплиев А.А.	88	Мандрык І.У.	220
Карпекін К.Р.	211	Маслов В.Н.	171
Карпук В.	250	Мацулевич Е.В.	93
Карчевский Г.И.	313	Медведева Н.М.	134
Кашинская О.А.	73	Мельников Ю.С.	313
Кейко Ю.В.	209	Михайлова Е.М.	11
Клец В.К.	154	Михайлова Ю.А.	380
Кобринец В.А.	32	Михальченко С.И.	44
Коваль В.У.	231	Мозгунова Е.А.	316
Ковальчук И.В.	91	Монзуль В.Ю.	110
Ковяко И.И.	86	Мядель А.П.	260
Козлов А.А.	254	Наумаў А.	28
Колядко И.Н.	277	Никитина Н.П.	131
Колядко Н.С.	277	Николаева И.В.	224
Кононова Е.Н.	334	Нисковская М.И.	67
Концевой П.А.	244	Новікаў С.Я.	97
Космач В.А.	141	Орешенков А.А.	300
Косов А.П.	100	Павлова О.Г.	137
Краско Г.Г.	235	Пархимович Н.Н.	93
Кривоносова Е.Э.	261	Пастернак А.М.	240
Кривчиков В.М.	233	Патраш Н.В.	327
Крюковский В.Д.	252	Петрова О.С.	401
Кудраўцава С.А.	407	Пик С.М.	19
Кузнецова Т.И.	75	Пилипчук Я.В.	108
Кулинок С.В.	95	Пищулина С.Ю.	329
Курьянович А.В.	399	Півавар М.В.	106
Кучинский О.А.	193	Плытник Е.Г.	309
Левшун Л.В.	14	Попеленко Е.С.	204
Лесная О.Ю.	248	Попкова Н.В.	410
Лысых С.Д.	389	Посохов С.И.	64
Лякишева С.И.	282	Протченко И.В.	191
Максимов В.Ю.	325	Прохоров Д.А.	127
Маловичко С.И.	62	Пушкін І.А.	257

Роговой И.А.	306	Сумко Е.В.	246
Рогут Дариуш	159	Сунь Инцзе	175
Романенко Ю.В.	288	Сыцько К.В.	46
Романчук С.Н.	237	Талерко В.А.	52
Рудковский Э.И.	266	Тарасенкова Т.И.	164
Румянцева М.Ф.	24	Тимофеев Р.В.	242
Руссу О.Д.	412	Тимошенкова З.А.	119
Сабодина Е.П.	313	Ткаченко В.И.	291
Савич Д.Н.	115	Федорова М.И.	162
Сакович Е.Г.	84	Филимонов А.В.	151
Сапогов В.М.	415	Филимонова М.А.	124
Сахарчук М.Н.	238	Филимончик С.Н.	77
Святенко И.А.	289	Фомовская Л.Г.	316
Святец Ю.А.	7	Хаджиева А.Б.	392
Селезнёва А.В.	396	Хованский А.В.	196
Семенова Н.В.	374	Хотеев А.С.	40
Сидоров В.П.	433	Хришкевич Т.Г.	187
Сільчанка М.У.	339	Цыб С.В.	27
Скиба И.Р.	263	Чэн Юаньцзи	207
Скорб М.Г.	70	Черкасов Д.Н.	112
Слемнев М.А.	3	Чичинов В.А.	27
Смирнова И.Н.	387	Шандра И.А.	139
Снапкоўская С.В.	285	Швед Е.Н.	343
Снапкоўскі С.У.	173	Шимукович С.Ф.	217
Соболев М.П.	435	Широков И.А.	424
Соколов А.С.	294	Шматков И.И.	395
Соколович Е.А.	318	Шпаковская Н.Г.	279
Соловей Т.Г.	296	Щербаков А.В.	372
Солодкин Я.Г.	34	Яковлева Г.Н.	226
Стельмашук Ю.Э.	57	Янкул А.Н.	48
Столетова А.С.	59	Янчук В.А.	298
Струнченко А.А.	42		

Научное издание

**АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ИЗУЧЕНИЯ И ПРЕПОДАВАНИЯ ИСТОРИИ, СОЦИАЛЬНО-
ГУМАНИТАРНЫХ ДИСЦИПЛИН И ПРАВА**

Материалы международной научно-практической конференции к 100-летию исторического факультета
ВГУ имени П.М. Машерова

Витебск, 26–28 апреля 2018 г.

Подписано в печать 18.04.2018. Формат 60х84 ¹/₈. Бумага офсетная.

Усл. печ. л. 51,50. Уч.-изд. л. 55,78. Тираж 99 экз. Заказ .

Издатель и полиграфическое исполнение – учреждение образования
«Витебский государственный университет имени П.М. Машерова».

Свидетельство о государственной регистрации в качестве издателя,
изготовителя, распространителя печатных изданий

№ 1/255 от 31.03.2014 г.

Отпечатано на ризографе учреждения образования
«Витебский государственный университет имени П.М. Машерова».

210038, г. Витебск, Московский проспект, 33.